НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

Сборник материалов в 8-ми томах

1

ТОМ 7

2

Нюрнбергский процесс

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

ТОМ 7

Лебедева Н.С., докт. ист. наук — составитель, автор предисловия, научный редактор

Кульков Е.Н., канд. ист. наук — составитель, автор предисловия, научный редактор

Павлищев К.С. — спец. научный редактор

Щемелева-Стенина Е.Е. — перевод и сверка текста документов на немецком языке

Валицкая В.И. — перевод и сверка текста документов на английском языке

**Москва
«Юридическая литература»
1997**

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

Нюрнбергский процесс

ТОМ 7

Сборник материалов в 8-ми томах

Москва
«Юридическая литература»
1997

УДК 341.64(093.2)
ББК 67.91
Н97

ISBN 5-7260-0889-8 (т.7)
ISBN 5-7260-0015-3

Предисловие

В 7-й том сборника материалов «Нюрнбергский процесс» включены выступления обвинителей и защитников по делу преступных организаций нацистской Германии, а также заключительные речи обвинителей.

Германский фашизм осуществлял преступления против человечества через свои организации. В гитлеровской Германии огромной властью обладали такие организации, как Национал-социалистская германская рабочая партия (НСДАП), ее охранные отряды (СС), штурмовые отряды (СА), служба безопасности (СД), правительственный кабинет, генеральный штаб и верховное командование германских вооруженных сил (ОКВ), государственная тайная полиция (гестапо). После разгрома «третьего рейха» перед государствами-победителями встала задача разоблачить деятельность этих структур, чтобы они не смогли возродить фашизм и привести к новым войнам и преступлениям.

На Лондонской конференции, проходившей 26 июня — 8 августа 1945 г., представители СССР, США, Великобритании и Франции решали вопрос о преступных организациях нацистской Германии. Американская делегация предложила предоставить Международному военному трибуналу право судить группы и организации и объявлять их преступными независимо от суда над конкретными лицами — членами этих организаций. Советское же уголовное право не признавало самостоятельной процедуры суда над организациями как юридическими лицами и их уголовной ответственности. Однако оно, как и французское право, предусматривало коллективную ответственность членов организации за преступления, ею совершенные, за членство в ней в дополнение к ответственности, которую члены организации несут за свои индивидуальные действия. Исходя из этого, советская делегация рекомендовала положить в основу судебного процесса дело руководителей организаций и предоставить право Трибуналу давать заключение о преступном характере всей организации[1]. Такое определение не ставило вопрос о наказании организации, которым мог быть лишь ее роспуск. Но в этом и не было нужды, ибо Союзный Контрольный Совет по Германии задолго до начала Нюрнбергского процесса уже распустил эти структуры. Определение же Международным военным трибуналом преступного характера

[1] Report of R.H. Jackson. United States Representative to the International Conference on Military Trials. London, 1945. Department of State Publication 3080. Wash., 1949. P. 134—142.

той или иной организации обеспечивало бы национальным судам право привлекать к ответственности отдельных лиц за принадлежность к организациям, признанным преступными. Оно имело бы обязательную силу для органов национальной юстиции и тогда отпала бы надобность в каждом судебном процессе по делу какого-либо члена организации доказывать ее преступный характер.

После длительного обсуждения с такой постановкой вопроса согласились и представители Франции, Англии и США. В ст. 9 Устава МВТ было записано: «При рассмотрении дела о любом отдельном члене той или иной группы или организации Трибунал может... признать, что группа или организация, членом которой подсудимый являлся, была преступной организацией». В ст. же 10 констатировалось: «Если Трибунал признает ту или иную группу или организацию преступной, компетентные национальные власти каждой из Подписавшихся Сторон имеют право привлекать к суду национальных, военных или оккупационных трибуналов за принадлежность к этой группе или организации. В этих случаях преступный характер группы или организации считается доказанным и не может подвергаться оспариванию» [1].

Признание организации преступной не означало бы при рассмотрении дел ликвидации презумпции невиновности отдельных ее членов: они могли отрицать, что их участие в ней было добровольным, доказать, что попали в списки по ошибке, что вышли из нее, что действовали под давлением каких-либо оправдывающих обстоятельств и т.д. Таким образом, положения Устава обеспечивали быстрое и справедливое наказание многих военных преступников и в то же время препятствовали привлечению к ответственности пассивных членов или технических сотрудников этих организаций. Раскрытие подлинной роли преступных организаций в общем механизме нацистского государства способствовало тому, что процесс над 22 обвиняемыми перерос в суд над всей фашистской системой «третьего рейха».

Положения Устава МВТ были дополнены Законом № 10 Контрольного Совета по Германии, в ст. II которого указывалось: «Каждое из следующих действий рассматривается как преступление:

...(д) Членство в определенных категориях преступных групп или организаций, преступный характер которых будет признан Международным военным трибуналом». В п. 3 ст. II говорилось, что лица, признанные виновными, могут приговариваться к смертной казни, пожизненному тюремному заклю-

[1] Нюрнбергский процесс. Сборник материалов: В 8-ми т. М., 1987. Т. 1. С. 148—149.

чению или заключению на определенный срок с каторжными работами или без них, к конфискации имущества, лишению всех или некоторых гражданских прав[1]. При вынесении приговора судьи МВТ имели в виду этот закон и стремились не допустить наказания невиновных.

Обвинительное заключение, переданное Трибуналу в Берлине 18 октября 1945 г., требовало, чтобы Международный военный трибунал признал преступными следующие группы и организации: руководящий состав нацистской партии, гестапо, СД, СС, СА, имперский кабинет, генеральный штаб и ОКВ.

После получения Обвинительного заключения Трибунал опубликовал объявление о предстоящем вынесении определения МВТ о преступном характере вышеназванных организаций и сообщил, что любой член этих организаций может обратиться в Трибунал за разрешением быть выслушанным. Трибунал оставлял за собой право удовлетворить или отклонить данную просьбу и решить, каким образом указанные лица могут быть представлены и выслушаны.

Каждую из обвиняемых организаций представлял немецкий защитник: имперский кабинет — д-р Э. Кубушок, руководящий состав нацистской партии — д-р Р. Серватиус, СС — д-ра Л. Бабель и Х. Пелькман, СД — д-р Г. Гавлик, гестапо — д-р Р. Меркель, СА — д-р Г. Бём, генштаб и ОКВ — д-ра Г. Латернзер и Ф. Экснер[2].

Трибунал назначил в качестве своих уполномоченных для допроса свидетелей по делу организаций: главного уполномоченного подполковника А.М.С. Нива, И.В. Разумова, капитана Дж.Ф. Губриди, Т. Тэйлора, И.Д. Макилрея, А. Мартен-Авара. Уполномоченные представили 6 отчетов, резюмирующих содержание 38 000 показаний, подписанных 155 000 человек по делу руководящего состава нацистской партии, 136 213 — по делу СС, 10 000 — по делу СА, 7000 — по делу СД, 3000 — по делу генерального штаба и ОКВ и 2000 — по делу гестапо. Трибунал заслушал 22 свидетеля, выбранных адвокатами организаций; 101 свидетель защиты дал показания перед уполномоченными МВТ; 1809 письменных показаний других свидетелей были приняты Трибуналом в качестве доказательств защиты[3].

Ни в одном из свыше 310 000 письменных и устных показаний члены преступных организаций не признали преступности деяний, совершенных ими и их организациями. Они отрицали

[1] Нюрнбергский процесс. Сборник материалов: В 2-х т. М., 1954. Т. II. С. 1022.

[2] Нюрнбергский процесс. Сборник материалов: В 8-ми т. Т. 1. С. 171.

[3] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов: В 7-ми т. М., 1961. Т. 7. С. 311.

свою осведомленность о подготовке к агрессивной войне, о массовых злодеяниях фашизма.

Хотя группы и организации, которые обвинение предлагало объявить преступными, существенно отличались друг от друга, как по своей структуре, так и по функциям, общим и главным в них было то, что они являлись орудием, с помощью которого нацистские заговорщики пытались достичь своих целей. Все они либо были созданы нацистами, либо контролировались ими. Нацистская партия, правительственный кабинет, полиция, полувоенные организации НСДАП, руководство армии являлись неотъемлемой частью тоталитарно-репрессивного аппарата нацистской Германии.

Руководящий состав НСДАП был определен в Обвинительном заключении как «политические руководители любой степени или ранга». В их число входили функциональные лидеры партии, в частности имперское руководство, а также территориальные руководители — областные (гаулейтеры), окружные (крейслейтеры), районные (ортслейтеры), квартальные (блоклейтеры) и низовые (целленлейтеры). Они были наделены особыми прерогативами и действовали в соответствии с принципом фюрерства. Именно руководящий состав НСДАП определял политическую линию партии и проводил ее в жизнь.

Поражение Германии в первой мировой войне, крах империи, экономическая и политическая нестабильность последующих лет привели к всеобщему обнищанию населения, породили чувство национального унижения. Вставшие перед немцами проблемы не мог разрешить новый, весьма шаткий механизм Веймарской республики. Демократические институты, культурные и нравственные ценности европейской либеральной традиции утратили свою привлекательность для массового сознания.

В этих условиях стали создаваться партии националистического толка, с которыми немцы связывали надежды на возрождение страны, ликвидацию Версальской системы, возвращение потерянных Германией территорий, установление жесткого порядка. Одной из таких партий стала образованная в марте 1919 г. А. Дрекслером Германская рабочая партия, переименованная в феврале 1920 г. в Национал-социалистскую германскую рабочую партию. В июле 1921 г. ее председателем стал Адольф Гитлер. Взяв на вооружение лозунги, близкие каждому немцу, породнив национальную идею с обывательским сознанием, национал-социалисты создали массовую базу своему движению. В программу партии, объявленную в Мюнхене 24 февраля 1920 г., были включены такие пункты, как «участие в прибылях крупных промышленных предприятий»; «щедрое обеспечение престарелых»; «создание и поддержание процветающего среднего класса»; «земельная реформа, отвечающая нашим национальным требованиям»; «поднятие уровня здраво-

охранения»; «конфискация военных прибылей и нетрудовых доходов», «передача универмагов в аренду мелким торговцам». В ней подчеркивалась решимость преодолеть классовую борьбу и сплотить все слои в рамках народной общности.

В то же время программа апеллировала к националистическим чувствам своих сограждан. В ней было выражено требование «равенства прав для немецкого народа по отношению к другим народам и отмены мирных договоров, подписанных в Версале и Сен-Жермене», «объединения всех немцев на основании права нации на самоопределение с целью создания великой Германии», доказывалась необходимость приобретения новых территорий (колоний) и земель «для обогащения нашего народа и расселения избытка населения». Намереваясь достичь своей цели с помощью силы, нацисты выдвигали в программе задачу создания национальной армии, организации усиленной физической тренировки молодежи, фактически же — ее военного обучения. В этом документе объявлялось, что ни один еврей или другое лицо не германской крови не может быть «штатсбюргером» или «фольксгеноссе». Провозглашалась беспощадная борьба против тех, чья деятельность «наносит ущерб общим интересам». Подобные действия должны были караться смертной казнью. Таким образом, закладывалась основа для будущего массового террора. В заключение программа декларировала: «Руководители партии клянутся действовать, не считаясь с последствиями и, если необходимо, жертвуя своей жизнью для выполнения вышеуказанных пунктов» [1].

Осуществить свою внешне- и внутриполитическую программу НСДАП могла лишь после прихода к власти. Первая попытка низвержения Веймарской республики путем насильственного переворота была предпринята ее лидерами в Мюнхене в 1923 году (так называемый «поход на Берлин»), но потерпела крах. Гитлер и его соратник Р. Гесс оказались в тюрьме, где написали книгу «Майн кампф». На выборах 1924 года в рейхстаг НСДАП получила 6,5% голосов и 32 депутатских места. Ее «марш от успеха к успеху» начался в обстановке нараставшего мирового экономического кризиса, который невозможно было преодолеть классическими либеральными методами. Этот «марш» замедлился лишь в ноябре 1932 г., когда НСДАП потеряла 4,3% голосов. Панические настроения среди ее лидеров дали президенту страны П. Гинденбургу и другим влиятельным кругам основание полагать, что они смогут контролировать возглавляемое Гитлером правительство «национальной концентрации». Однако они ошибались. После назначения Гитлера 30 января 1933 г. главой коалиционного правительства началось интенсивное насаждение в стране фа-

[1] Die bürgerlichen Parteien in Deutschland. Leipzig, 1970. Bd. II. S. 392—395.

шистского режима. Не получив на мартовских выборах двух третей депутатских мест в рейхстаге, нацисты аннулировали мандаты коммунистов, а их фракцию арестовали. 23 марта 1933 г. голосами депутатов всех буржуазных партий был принят закон, дававший правительству право в течение четырех лет принимать законы без участия рейхстага, рейхсрата и президента. Тем самым фактически была уничтожена система Веймарской республики. Законодательная и исполнительная власть была объединена в одних руках; суверенные права земель передавались рейху. Гаулейтеры, направляемые из Берлина, назначали и смещали государственных чиновников всех рангов, а также судей. В июле 1933 г. был принят «Закон против образования новых партий», допускавший деятельность только одной партии — НСДАП. В октябре 1933 г. рейхстаг был распущен и были проведены новые выборы; нацисты получили 639 депутатских мест, оставшиеся 22 места достались другим организациям. 1 декабря этого же года был принят Закон «Об обеспечении единства партии и государства», в котором НСДАП объявлялась «носительницей немецкой государственности», а члены партии — «руководителями и движущей силой национал-социалистского государства».

2 августа 1934 г. умер президент Гинденбург. Посты рейхсканцлера и президента были объединены, и все полномочия окончательно перешли «к фюреру и рейхсканцлеру» Адольфу Гитлеру. Он стал главой государства пожизненно; на верность ему присягали не только нацистские руководители, но и военные, чиновники, министры. Процесс законодательного оформления нацистской диктатуры завершился.

Основной целью руководящего состава НСДАП являлось упрочение тоталитарного режима в стране. Влияние нацизма обеспечивали руководящие органы 33 гау, 760 крейсов, 21 354 местных групп и опорных пунктов, 74 091 ячеек и 397 040 блоков[1]. С их помощью распространялась нацистская пропаганда и осуществлялся повсеместно жесткий контроль над умонастроениями граждан. Одновременно создавалась репрессивная система с ее тюрьмами, концлагерями, гестаповскими застенками, доносительством и т.д. Руководящий состав партии играл главную роль в преследовании евреев, он был организатором массовых погромов в ноябре 1938 г.

Руководящий состав НСДАП ввел тотальный контроль за всей жизнью общества и на территориях Австрии, Чехословакии, и на тех частях Польши, Франции, Бельгии, Люксембурга и Югославии, которые были включены в состав «третьего

[1] Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996. С. 137. К 1939 году уже имелись 40 гау, 808 крейсов, 28 376 ортов, 89 378 целлен и 463 048 блоков.

рейха» и в гау нацистской партии. Он проводил германизацию оккупированных областей, организовывал их ограбление, внедрял систему рабского труда, непосредственно занимался вопросами обращения с военнопленными, совместно с другими преступными организациями осуществлял террор, истребление еврейского населения.

Обвинители представили многочисленные документальные доказательства преступной деятельности НСДАП, обобщив их в заключительных выступлениях. Они отмечали, что в руководящий состав нацистской партии входили около 600 тыс. человек, которые носили специальную форму, имели особые членские билеты, пользовались исключительными правами и привилегиями. Этих людей в самой нацистской Германии называли «политическими руководителями».

Защитник НСДАП стремился доказать, что подавляющее большинство членов партии не знали о преступлениях, многие из них, особенно в условиях войны, не могли отказаться от предлагавшихся им постов; он также настаивал на исключении блоклейтеров и целленлейтеров из состава «политических руководителей». Более того, Р. Серватиус утверждал, что никакого «корпуса» или организации политических руководителей в «третьем рейхе» не существовало и что объявление руководящего состава нацистской партии преступной организацией приведет к массовым репрессиям против многих ни в чем не повинных людей.

Хотя МВТ не согласился с большинством доводов защитника, он постарался ограничить круг лиц, которых можно было привлечь к уголовной ответственности. Приняв решение об объявлении руководящего состава НСДАП преступной организацией, МВТ указал в Приговоре: «Политическое руководство использовалось для целей, которые, согласно Уставу, являлись преступными и включали германизацию присоединенных территорий, преследование евреев, проведение программы рабского труда и жестокое обращение с военнопленными... Гаулейтеры, крейслейтеры и ортсгруппенлейтеры в той или иной степени принимали участие в проведении этой преступной программы. Рейхслейтунг как руководящая организация партии так же ответственна за эту преступную программу, как и главы различных руководящих организаций гаулейтеров и крейслейтеров. Решение Трибунала по этим руководящим организациям распространяется лишь на амтслейтеров, которые были начальниками отделов в аппарате рейхслейтунга, гаулейтунга и крейслейтунга»[1]. На других должностных лиц и партийные организации более низких уровней это решение не рас-

[1] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов: В 7-ми т. Т. 7. С. 413.

пространялось. Трибунал также исключил из списка членов организаций, объявленных преступными группами, тех, кто не знал об их преступной деятельности и не принимал в ней участия, а также лиц, не занимавших указанных выше постов после 1 сентября 1939 г.

СА (штурмовые отряды нацистской партии) являлась первой полувоенной организацией НСДАП, созданной в 1921 году для политических целей. Члены СА носили форму и подчинялись определенным правилам поведения и дисциплине. Свою деятельность штурмовики начинали как телохранители нацистских бонз, однако очень скоро их задачами стали разгон демократических собраний и демонстраций, терроризирование противников, превращение НСДАП в «хозяина улиц». В 1925 году из СА выделились СС (охранные отряды), а в 1934 году — СД (служба безопасности). СА задолго до прихода нацистов к власти превратилась в огромную частную армию и использовалась не только для организации беспорядков, терроризирования населения, устрашения политических противников, но и для физической, военной и идеологической подготовки молодежи.

Штурмовые отряды активно действовали и после прихода нацистов к власти. В это время количество членов СА резко увеличилось в связи с включением в ее состав нескольких организаций ветеранов, например организации «Стальной шлем». Штурмовики проводили массовые аресты, чинили кровавые расправы над коммунистами и другими оппозиционно настроенными лицами. Их использовали в качестве вспомогательной полиции, при создании концлагерей и других мест заключения. Обвинение, в частности, представило доказательства, что СА организовала концлагеря в Вуппертале, Хоенштейне, Бредове и других местах, а ее члены зверски обращались с заключенными. В 1935 году министр юстиции писал Гитлеру об этом, указав, в частности: «Заключенных не только избивали до бессознательного состояния плетью и другими предметами, как это имело место в лагерях предварительного заключения в Бредове, близ Штеттина, но их также истязали и другими способами»[1]. Незаконные аресты члены СА производили по всей империи. Их жертвы не могли обратиться ни в один суд, НСДАП и руководство СА поощряли массовый произвол и насилие. Однако к лету 1934 года после того, как политические противники нацизма были полностью подавлены, а бóльшая их часть физически уничтожена, роль СА начала падать. Массовая военизированная организация грозила превратиться в неконтролируемую силу. Начальник штаба СА Рем, выражая интересы штурмовиков, выдвинул ряд политических и социальных требований, главным из которых было превращение СА в основу вооруженных сил страны. В «ночь длинных ножей» 30

[1] Нюрнбергский процесс. Сборник материалов: В 2-х т. Т. 2. С. 816—818.

июня 1934 г. командование СА было уничтожено, протест в рядах СА был подавлен, а отряды штурмовиков низведены до уровня массовой организации для подготовки призывников и резервистов.

Обвинение представило многочисленные доказательства преступной деятельности СА как до прихода нацистов к власти, так и после него. Оно доказало добровольный характер вступления членов СА в организацию, возможность выхода из нее. Приводились и факты преступной деятельности. Так, части СА были в числе первых при оккупации Австрии, ее члены составили бо́льшую часть вооруженного корпуса Генлейна в Судетской области. Судетская группа СА после оккупации Польши использовалась для транспортировки и охраны военнопленных. Группы СА были причастны к взрывам синагог во время погромов 9—10 ноября 1938 г., к жестокому обращению и истреблению евреев в гетто Вильнюса и Каунаса.

Защита же утверждала, что членство в СА не было добровольным, что население принуждалось к вступлению в ту или иную организацию НСДАП, особенно в СА — самую массовую организацию нацистов. В 1934 году она насчитывала 4,5 млн. человек, однако к 1939 году ее численность сократилась до 1,5 млн. Это доказывает несостоятельность утверждений защиты о том, что вся молодежь, все служащие принуждались вступать в члены СА.

Защита также утверждала, что СА была создана якобы в целях самообороны, дабы защитить своих членов и руководство партии от насилия со стороны коммунистов и других политических противников.

Трибунал, взвесив все доводы обвинения и защиты и изучив представленные доказательства, пришел к следующему заключению: «До чистки, начавшейся 30 июня 1934 года, СА представляла собой группу, состоявшую большей частью из негодяев и головорезов, которые участвовали в нацистских эксцессах того периода. Однако не было доказано, что эти зверства являлись частью конкретного плана ведения агрессивной войны, и Трибунал поэтому не может считать, что эта деятельность является преступной в соответствии с Уставом. После чистки СА превратилась в группу малозначащих нацистских прихлебателей. Хотя в отдельных случаях некоторые части СА использовались для совершения военных преступлений и преступлений против человечности, нельзя сказать, что члены этой организации в общей массе участвовали в преступных действиях или даже знали о них»[1]. На этом основании МВТ отказался объявить СА преступной организацией в смысле ст. 9 Устава.

[1] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов: В 7-ми т. Т. 7. С. 429.

СС (охранные отряды нацистской партии) являлась одной из главных опор фашистского режима. В 1925 году СС обособилась от СА как «личная охрана фюрера» (200 человек). Она использовалась в политических целях под предлогом необходимости охраны ораторов на нацистских митингах и собраниях. В 1929 году главой СС — ее рейхсфюрером был назначен Г. Гиммлер. В 1933 году в нее входило уже 52 000 человек. В 1934 году СС стала независимой организацией. Ее структура усложнилась. СС стала подразделяться на «альгемейне СС» («общие СС») и «СС ферфюгунгсгруппе» (специальные отряды СС), которые в начале второй мировой войны были преобразованы в «ваффен СС» (войска СС). В «общих СС» нацист проходил специальную подготовку, прежде чем его направляли в войска СС или в ту или иную полицейскую организацию. Это был резервуар, из которого черпали свои кадры гестапо, СД, управление концлагерей и др. В начале войны большинство «общих СС» были призваны в военные отряды СС. Войска СС были не только элитными частями германской армии, но прежде всего дивизиями, выполнявшими специальные задачи по уничтожению населенных пунктов, истреблению партизан и др. К ним относились также полицейские посты СС, лагерные комендатуры войск СС и т.д. На правах самостоятельного подразделения СС существовала дивизия «Мертвая голова», действовавшая главным образом в нацистских концлагерях и на оккупированных территориях. Ее подразделения контролировали всю деятельность администрации концлагерей, принимали самое активное участие в депортации мирных граждан, в массовом уничтожении населения. К концу войны войска СС состояли из 40 дивизий, насчитывавших 580 000 человек. Подразделением СС являлась и СД (служба безопасности), которая в Обвинительном заключении фигурировала как отдельная преступная организация.

Центральный аппарат СС имел 12 главных управлений, в том числе Главное управление имперской безопасности (РСХА), Главное административно-хозяйственное управление, которое ведало концлагерями. К главным управлениям СС были присоединены и нацистские «исследовательские институты», такие, как Институт по вопросам наследственности («Аненэрбе»), и др. В 1936 году Гиммлер был назначен начальником германской полиции. Он создал систему координирования деятельности полиции порядка, полиции безопасности, СД и «общих СС», назначив в каждый военный округ своих личных представителей.

Обвинение убедительно доказало, что СС являлась орудием для осуществления нацистского плана истребления целых народов, наций, рас. Этот план мог быть реализован лишь при тесном взаимодействии и сотрудничестве всех частей и струк-

тур СС. Члены СС, хорошо подготовленные физически, тщательно отобранные, воспитанные в духе нацизма, наилучшим образом подходили для его выполнения.

Обвинение представило убедительные доказательства участия СС в наиболее тяжких преступлениях германского фашизма — массовых убийствах в концлагерях, беспощадных расправах над мирным населением, военнопленными и иностранными рабочими, уничтожении поселков и деревень со всем или частью их населения, истреблении еврейского населения на подконтрольных Германии территориях. Гиммлер называл эсэсовцев «черным корпусом», и именно такое название имел официальный орган рейхсфюрера СС («Дас шварце кор»). Черная форма внушала ужас не только жителям оккупированных территорий, но и самим немецким гражданам.

Обвинение также доказало, что после истребления руководства СА проходило сращивание СС с полицейским аппаратом — гестапо, СД, эйнзатцгруппами и зондеркомандами, осуществлявшими массовые «акции», «фильтрации» и т.д.

Защита пыталась доказать, что не существовало единого корпуса СС, что войска СС сражались на фронте как гвардейские части и не имели ничего общего с администрацией концлагерей и другими преступными органами. Ответственность за преступления, совершенные сотнями тысяч эсэсовцев, она стремилась переложить лишь на Гиммлера и нескольких его подчиненных. Особенно подчеркивалось, что в ходе войны добровольный призыв в войска СС был заменен принудительной мобилизацией.

Однако Международный военный трибунал не счел убедительными доводы защиты и объявил СС преступной организацией. В его Приговоре подчеркивалось, что СС использовалась для преступных целей, включавших преследование и истребление евреев, зверства и убийства в концлагерях, на оккупированных территориях, применение рабского труда, жестокое обращение с военнопленными и их убийства. В эту преступную группу включались лица, которые были официально приняты в СС, в том числе члены «общих СС», войск СС, соединений СС «Мертвая голова», любых полицейских служб. В то же время МВТ исключил из нее кавалерийские соединения СС, а также лиц, которые были призваны в данную организацию государственными органами в принудительном порядке и не были замешаны в преступлениях. Не включались в преступную группу лица, выбывшие из нее до 1 сентября 1939 г.

В Обвинительном заключении гестапо рассматривалось как самостоятельная преступная организация, а СД — как часть СС (охранных отрядов). СД возникла как часть СС и всегда сохраняла характер структуры партии национал-социалистов, в отличие от гестапо, которое было государственной службой.

У СД была своя собственная организационная структура, свой независимый штаб, свои отделения по всей Германии и на оккупированных территориях, агентура в других странах. СД состояла из 3—4 тыс. профессиональных сотрудников, которые опирались на многие тысячи добровольных осведомителей и шпионов. (Обвинение при этом не включало в состав СД добровольных осведомителей, не являвшихся членами СС.) До 1933 года СД являлась политической контрразведкой партии в составе СС и подчинялась Главному управлению СД при рейхсфюрере СС. Областные отделы СД были разбросаны по всей империи. После прихода Гитлера к власти СД становится разведкой и контрразведкой правительства и государства.

Тайная государственная полиция (гестапо) была создана Герингом 26 апреля 1933 г., когда он занимал пост прусского премьер-министра. Вскоре аналогичные службы начали функционировать и в других землях, и постепенно руководство ими сосредоточилось в руках рейхсфюрера СС. Все они были превращены в централизованную единую организацию. В июне 1936 г. Гитлер назначил Гиммлера шефом германской полиции. Последний поставил Р. Гейдриха, являвшегося начальником СД, во главе полиции безопасности. В полицию безопасности тогда же были включены гестапо и уголовная полиция (КРИПО). Официально это объединение было оформлено декретом от 27 сентября 1939 г. Подведомственные Гейдриху государственные и партийные учреждения были преобразованы этим декретом в одно целое — Главное управление имперской безопасности (РСХА). После убийства Гейдриха главой РСХА был назначен Э. Кальтенбруннер.

Учитывая тесную взаимосвязь гестапо и СД, обвинение решило объединить дела против гестапо и СД. МВТ разрешил СД представить свою защиту отдельно, однако в Приговоре СД и гестапо рассматривались в одном разделе. Обе эти структуры являлись добровольными организациями. Даже гражданские чиновники, переводившиеся из полиции в СД и гестапо, должны были писать заявления о своем желании служить там или подать заявление об отставке. Первоначально одной из основных функций гестапо являлось предотвращение возникновения какой-либо оппозиции нацистскому режиму. Эту функцию оно осуществляло в тесном взаимодействии с СД. Гестапо отвечало за содержание под арестом политических заключенных в тюрьмах и концлагерях, проводило допросы заключенных с применением пыток. Оно же вело дела, связанные с прессой, церковью, еврейским вопросом. Именно по приказу Гейдриха 9—10 ноября 1938 г. были проведены массовые еврейские погромы и арестованы 20 000 евреев, в первую очередь наиболее состоятельные. В ноябре 1939 г. Гейдриху было поручено руководить депортацией евреев из Германии, а в июле 1941 г.

заняться окончательным решением еврейского вопроса, т.е. полным их истреблением. В гестапо был создан специальный отдел по еврейскому вопросу под началом Эйхмана. Эйнзатц-группы полиции безопасности и СД, действовавшие в тылу на Восточном фронте, осуществляли массовые убийства евреев, поляков, русских, украинцев, белорусов и граждан других национальностей. Обвинение доказало, что гестапо и СД безжалостно подавляли малейшее сопротивление господству Германии на оккупированных территориях, уничтожали представителей интеллигенции (печально известная акция АБ в Польше в мае—июле 1940 г.), преследовали служителей культа (в Польше только до января 1941 г. были убиты 700 священников), создавали пункты массового уничтожения, где специальные зондеркоманды с помощью душегубок умерщвляли сотни тысяч людей. Так, только в Хелмно подчиненная гестапо «зондеркоманда Кульмгоф» ликвидировала 340 000 человек. В Польше гестаповцами было уничтожено 3 200 000 евреев, в Чехословакии — 112 000, в других странах — еще около 3 000 000. Местные части полиции безопасности и СД участвовали в расстрелах заложников, казнях партизан, проведении в жизнь приказа «Мрак и туман», осуществлении программы рабского труда, убийствах военнопленных, расправах над коммандос и других тяжких преступлениях.

Защита же стремилась доказать, что гестапо и СД не преследовали никаких преступных целей; гестапо являлась государственной полицией, в обязанности которой вменялись охрана общества от отдельных лиц, наносящих его безопасности ущерб, и их наказание. Возможно, по мнению защиты, иной раз она и получала сверху приказы и исполняла их, но это не являлось ее прямой обязанностью (массовые аресты евреев, уничтожение советских военнопленных, убийства заключенных и др.). Такая случайная деятельность не входила-де в компетенцию гестапо и не могла изменить основного назначения организации, которое не представляло собой ничего преступного. СД же, как утверждал защитник, по своей структуре являлась простой разведывательной организацией, исследовавшей общественное мнение. Возможно, утверждал он, порой члены СД принимали участие в карательных действиях гестапо, многие из них занимали высокие посты и посвятили себя задачам, достойным порицания, но тогда они не действовали как чиновники организации СД. Как и в других случаях, защита стремилась доказать принудительный характер членства в СД и гестапо, их неоднородность, незнание большинством их членов масштабов преступлений против человечности и военных преступлений.

Трибунал отверг аргументы защиты и, опираясь на бесспорные многочисленные доказательства обвинения, признал гестапо и СД преступными организациями. При этом в пре-

ступную группу были включены все оперативные и административные чиновники IV отдела РСХА, местные чиновники гестапо, которые служили как в Германии, так и вне ее, включая сотрудников пограничной, но не таможенной, полиции. Из их числа исключались чисто технические (канцелярские) работники этой службы. В отношении СД имелись в виду работники III, VI и VII отделов РСХА и все другие члены СД, включая местных представителей. «Трибунал признает преступной, согласно Уставу, группу, состоящую из тех членов гестапо и СД, занимавших посты, перечисленные в предыдущем параграфе, которые вступили в организацию или оставались в ней, зная о том, что она использовалась для совершения действий, объявленных преступными в соответствии со ст. 6 Устава, или как члены организации лично принимали участие в совершении подобных преступлений»[1], — говорилось в Приговоре МВТ. Как и в других случаях, из числа членов преступной группы исключались те, кто перестал занимать указанное выше положение до 1 сентября 1939 г.

Высшим государственным органом, который использовала НСДАП для достижения своих целей, являлось имперское правительство, созданное Гитлером 30 января 1933 г. Оно состояло из национал-социалистов, сотрудничавших с ними представителей других партий и организаций и сочувствующих им лиц. В него вошли Гитлер, Ф. фон Папен, В. Фрик, Г. Геринг, К. фон Нейрат, А. Гугенберг, Ф. Гюртнер, Ф. Зельдте, В. фон Бломберг, Л. Шверин фон Крозигк, П. фон Эльтц-Рюбенах.

В марте 1933 г. было образовано министерство народного просвещения и пропаганды во главе с Й. Геббельсом, а в мае — министерство авиации во главе с Герингом.

3 февраля 1933 г. на совещании с командованием рейхсвера Гитлер изложил следующие пункты программы правительства: искоренение марксизма, борьба против пацифистов, установление строгого авторитарного режима, введение всеобщей воинской повинности, забота о союзниках, борьба за рынки сбыта, захват нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация[2].

Преследуя цель установления в стране диктаторского режима и расширения «жизненного пространства» путем ведения агрессивной войны, правительственный кабинет издал целую серию законов: 14 марта 1933 г. он объявил вне закона трехсоттысячную компартию Германии; 23 марта добился от рейхстага предоставления ему «чрезвычайных полномочий»; 2

---

[1] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов: В 7-ми т. Т. 7. С. 421.

[2] Fall Barbarossa. Dokumenten zur Vorbereitung der faschistischen Wehrmacht auf die Aggression gegen die Sowietunion (1940—41). Berlin, 1970. S. 51—52.

мая он запретил свободные профсоюзы, а 22 июня — миллионную Социал-демократическую партию Германии; 14 июля было запрещено создание новых и возобновление действия любых старых партий, за исключением НСДАП; 2 декабря кабинет объявил НСДАП «носительницей идеи государства» и его «неотъемлемой частью». В 1933—1934 гг. правительство провело унификацию местных органов власти, разогнав избранные ранее ландтаги и заменив их имперскими наместниками. Последние могли назначать или сменять членов правительств земель, чиновников, судей, издавать местные законы и т.д.

Правительство своими декретами узаконило режим террора: 21 марта 1933 г. в Германии были учреждены «чрезвычайные суды»; 24 июля 1934 г. создана пресловутая «народная судебная палата», выносившая только смертные приговоры. Эти судебные органы приговорили к казни и тюремному заключению сотни тысяч немецких граждан. С санкции правительства с 1933 года стали создаваться концлагеря, куда без суда и следствия отправлялись сначала коммунисты и социал-демократы, а затем евреи, цыгане и др. Преследование и уничтожение людей по национальному признаку правительство рейха возвело в ранг государственной политики. Одновременно в сознание немцев внедрялся миф об их принадлежности к высшей расе, обосновывались «правомерность» и необходимость захвата чужих стран, истребления их народов.

Подготовке к войне служили и решения имперского правительства от 14 октября 1934 г. о выходе Германии из Лиги Наций и об отказе участвовать в работе Конференции по разоружению, введение в марте 1935 г. в стране всеобщей воинской повинности, принятие «Закона о строительстве вермахта», нарушавшие Версальский договор.

Имперское правительство уделяло большое внимание развитию военной промышленности. С 1 октября 1936 г. развернуло свою работу «ведомство по четырехлетнему плану» во главе с Герингом. К 1938 году производство оружия в Германии увеличилось в 10 раз. После начала второй мировой войны наряду с «ведомством по четырехлетнему плану» действовало министерство вооружения и боеприпасов во главе с Ф. Тодтом[1]. В начале 1942 года его возглавил А. Шпеер. С 1940 по 1942 год военное производство Германии возросло в 9 раз. В составе правительственного кабинета происходили изменения, связанные с усилением в нем позиций НСДАП и крупного капитала (так, в 1937 году Г. Шахта на посту министра экономики сменил В. Функ, в 1938 году министром иностранных дел вместо К. Нейрата стал И. Риббентроп). До начала второй ми-

[1] В связи с расширением круга задач это министерство 2 сентября 1943 г. было переименовано в министерство вооружения и военной промышленности.

ровой войны был создан и ряд новых министерств — транспорта, почт, продовольствия и сельского хозяйства, науки, воспитания и народного образования, церкви. После нападения Германии на СССР было создано министерство по делам оккупированных восточных территорий во главе с А. Розенбергом.

Для координации вопросов, относящихся к военному производству и строительству вооруженных сил, 4 апреля 1934 г. кабинет учредил «имперский совет обороны», 30 августа 1939 г. был создан «совет министров по обороне империи» во главе с Герингом. Его задачей стала максимальная мобилизация людских и экономических ресурсов на военные цели. Этот орган наряду с министерством вооружения и военной промышленности являлся важнейшей структурой, руководившей тотальной мобилизацией Германии и оккупированных территорий на нужды войны.

Обвинение представило многочисленные доказательства преступной деятельности правительственного кабинета и его органов, вскрыло их важную роль в установлении диктаторского режима в Германии, подготовке к войне, развязывании и ведении агрессивной войны, установлении «нового порядка» на оккупированных территориях. Защита, стремясь обосновать неправомерность объявления имперского правительства преступной организацией, утверждала, что далеко не все действия кабинета выходили за рамки законности; многие министры не приглашались на заседания правительства; законы, которые готовились по распоряжению Гитлера, представлялись кабинету не для обсуждения, но лишь для их одобрения; с начала 1938 года заседания правительства в полном составе не проводились. Защитник Э. Кубушок указывал, что создание «имперского совета обороны», «совета министров по обороне империи», введение всеобщей воинской повинности и др. не может служить основанием для объявления имперского правительства преступной организацией, ибо Гитлер скрывал от министров свои агрессивные замыслы.

Международный военный трибунал, хотя и не нашел основательными доводы защиты, тем не менее не объявил кабинет преступной организацией. Он указал, что имперское правительство являлось столь малочисленной группой лиц, что их можно без труда привлечь к суду в индивидуальном порядке без вынесения определения о преступном характере всего кабинета. Кроме того, МВТ счел недоказанным факт, что после 1937 года кабинет действовал в качестве группы или организации.

Член МВТ от СССР И. Т. Никитченко высказал особое мнение по этому вопросу, считая решение Трибунала неверным. Ведь имперское правительство нацисты превратили в свой штаб, министры же руководили соответствующими ведомствами, участвовали в составлении и претворении в жизнь

планов по ликвидации демократических институтов в Германии и установлению там террористического режима, по развязыванию войны, совершению военных преступлений и преступлений против человечности.

Генеральный штаб и верховное командование вермахта представляли собой высший командный состав вооруженных сил Германии, реформированных Гитлером в феврале 1938 г. Они включали верховное командование вооруженных сил Германии (ОКВ), главное командование сухопутных войск (ОКХ), главное командование военно-морских сил (ОКМ), главное командование военно-воздушных сил (ОКЛ), а также командующих действующими армиями и группами армий. Их роль в разработке планов агрессивных войн, перевооружении страны, подготовке к нападению на суверенные государства, развязывании и ведении войны, в использовании в огромных масштабах преступных методов чрезвычайно велика. ОКВ и главнокомандующие видами вооруженных сил подчинялись непосредственно Гитлеру и были активными исполнителями его воли. ОКХ осуществляло руководство военными действиями групп армий и армий; ОКЛ — боевыми действиями воздушных флотов; ОКМ — оперативными объединениями ВМС. ОКВ все годы своего существования являлось штабом Гитлера, а фельдмаршал В. Кейтель — начальником этого штаба. Оно координировало действия всех вооруженных сил Германии. Под непосредственным руководством ОКВ была осуществлена операция по захвату Дании и Норвегии. Важную роль в разработке планов других кампаний играл штаб оперативного руководства ОКВ, начальником которого с августа 1939 г. стал генерал А. Иодль. Главнокомандующим сухопутной армией с февраля 1938 г. по декабрь 1941 г. являлся фельдмаршал В. фон Браухич. 19 декабря 1941 г. Гитлер сам занял этот пост, отправив Браухича в отставку. Начальниками генерального штаба ОКХ были с 1934 года по сентябрь 1938 г. генерал-полковник Бек, до сентября 1942 г. — генерал Ф. Гальдер, до июля 1944 г. — генерал К. Зейтцлер, до февраля 1945 г. — генерал Г. Гудериан. Главнокомандующим военно-морским флотом с мая 1935 г. по февраль 1943 г. являлся адмирал Э. Редер, его сменил адмирал К. Дениц. Главнокомандующим военно-воздушными силами с марта 1935 г. по апрель 1945 г. был рейхсмаршал Г. Геринг, а в последние дни войны — фельдмаршал Р. фон Грейм.

В ходе войны значительно возросла роль ОКВ, которое занималось вопросами наращивания военной мощи Германии в целом, готовило и издавало директивы, определявшие задачи вермахта в подготовке и ведении военных кампаний и важнейших стратегических операций, налаживало взаимодействие вермахта с СС и СД, вело пропаганду среди германских войск,

решало проблемы коалиционной войны, руководило оккупационными войсками в Дании, Голландии, Норвегии, Франции, Северной Италии и странах Юго-Восточной Европы, оказывало поддержку оккупационным органам на захваченной вермахтом советской территории и т.д.

Обвинение настаивало на объявлении генерального штаба и верховного командования германских вооруженных сил преступной группой, включив в ее состав главнокомандующих тремя видами вооруженных сил, начальников их штабов, начальника ОКВ, начальника штаба оперативного руководства ОКВ и его заместителя, командующих армиями. «Действуя в таком качестве и совместно как группа высшего ранга в составе германских вооруженных сил, эти лица несут главную ответственность за планирование, подготовку, начало и ведение беззаконных войн... а также за военные преступления и преступления против человечности»[1], — указывалось в Обвинительном заключении.

Обвинители в своих выступлениях проследили историю формирования высших командных органов вермахта, раскрыли их важную роль в подготовке и развязывании агрессивных войн, показали, что высшие чины германских вооруженных сил не только были послушным орудием в руках политического руководства страны, но и разделяли его идеи. Американский обвинитель Т. Тэйлор, в частности, представил суду документы, свидетельствующие о причастности высшего военного руководства Германии к военным преступлениям: подготовленный в ОКВ приказ Гитлера от 18 октября 1942 г. об истреблении всех членов групп коммандос, даже если они сдадутся без сопротивления; приказ ОКВ от 13 мая 1941 г. «Об особой подсудности в районе "Барбаросса" и об особых мероприятиях войск»; приказ Кейтеля от 16 сентября 1941 г. об ужесточении борьбы против советских партизан; директиву командующего 6-й армией генерал-фельдмаршала В. Рейхенау от 10 октября 1941 г. «О поведении войск на Востоке», в которой говорилось, что «снабжение питанием местных жителей является ненужной гуманностью», что «никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения». Обвинители представили и доказательства тесного сотрудничества ОКВ и ОКХ со штабом рейхсфюрера СС Гиммлера в деле борьбы с партизанским движением на захваченных вермахтом территориях СССР, в совместных действиях армейских частей и эйнзатцгрупп в целях массового уничтожения советских мирных граждан, в жестоком обращении с военнопленными и т.д.

Защитник генерального штаба и верховного командования Г. Латернзер доказывал, что в вермахте не было единого ге-

[1] Нюрнбергский процесс. Сборник материалов: В 8-ми т. Т. 1. С. 333.

нерального штаба, как в кайзеровской Германии, что генеральные штабы видов вооруженных сил «не имеют никакого отношения к предъявленному обвинению», а ОКВ якобы не имело права издавать самостоятельные приказы. Военную верхушку Германии, по его мнению, связывали лишь обычная для всех военных субординация, профессиональная этика и товарищество, а также то, что при диктатуре Гитлера ее члены не могли отказаться от выполнения приказов фюрера, ибо в противном случае их ожидала смерть. Адвокат утверждал, что германские генералы не понимали политического смысла оккупации Австрии, что подготовленный ими в 1937 году план наступления на Чехословакию был простой мерой предосторожности, что в конце августа 1939 г. они были уверены в мирном разрешении польского вопроса, но, получив приказ Гитлера о нападении на Польшу, не посмели ослушаться. Не хотели они якобы и войны с Англией и Францией, но те сами 3 сентября 1939 г. объявили Германии войну, а при подготовке операции «Барбаросса» они до последнего момента думали не об агрессии, а о превентивной мере. Таким образом, всю ответственность за развязывание и ведение войны Латернзер возложил на одного Гитлера, а представителей высшего командования вермахта изобразил «солдатами, служившими своему отечеству», которые лишь «послушно выполняли свой долг по приказу своего правительства» и в этом отношении ничем не отличались от военнослужащих любой другой страны[1].

Международный военный трибунал отказался объявить генеральный штаб и верховное командование вермахта преступной группой или организацией по двум основным мотивам. Он счел, что, хотя число лиц, которым предъявлено обвинение, больше, чем в имперском кабинете, оно все же настолько мало, что путем индивидуальных судов над этими лицами можно будет достичь лучшего результата. Кроме того, МВТ счел, что генеральный штаб и верховное командование не представляют собой ни «организации», ни «группы», согласно определению этих терминов в ст. 9 Устава. Трибунал выразил мнение, что сама система военного руководства вооруженными силами в Германии мало чем отличалась от аналогичных систем в других странах. Тем не менее в Приговоре было подчеркнуто, что высшие военные руководители Германии и другие офицеры генштаба «были ответственны в большей степени за несчастья и страдания, которые обрушились на миллионы мужчин, женщин и детей. Они опозорили почетную профессию воина. Без их военного руководства агрессивные стремления Гитлера и его нацистских сообщников были бы отвлеченными и бесплодными. Хотя они не составляли группу, подпадаю-

[1] См. выступление Г. Латернзера в данном томе.

щую под определение Устава, они, безусловно, представляли собой безжалостную военную касту. Современный германский милитаризм расцвел на короткое время при содействии своего последнего союзника — национал-социализма так же или еще лучше, чем в истории прошлых поколений. Многие из этих людей сделали насмешкой солдатскую клятву повиновения военным приказам... Истина состоит в том, что они активно участвовали в совершении всех этих преступлений или были безмолвными и покорными свидетелями совершавшихся преступлений в более широких и более потрясающих масштабах, чем мир когда-либо имел несчастье знать»[1].

Член МВТ от СССР И.Т. Никитченко в особом мнении выразил несогласие с отказом Трибунала объявить преступной организацией верховное командование вермахта и генштаб. Он напомнил, что руководящий состав вермахта назначался с учетом преданности нацистскому режиму и что его роль не ограничивалась выполнением лишь узких функций военных советников. Руководители вермахта и генштаба являлись активными разработчиками и исполнителями человеконенавистнической нацистской политики; как и руководство СС, они грубо попирали международное право, общепризнанные всем цивилизованным миром законы и обычаи войны.

Выступления и заключительные речи обвинителей и защитников по делу преступных организаций, публикуемые в данном томе, сверены с оригиналами, в результате чего восстановлены обширные тексты, не включавшиеся в предыдущие издания материалов Нюрнбергского процесса на русском языке, выправлены отдельные ошибки. Все это поможет читателю и специалистам получить более адекватное и полное представление о процессе.

Н. С. Лебедева
Е. Н. Кульков

---

[1] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов: В 7-ми т. Т. 7. С. 434.

Представление доказательств по делу преступных организаций

Представление доказательств преступности руководящего состава нацистской партии (НСДАП) представителем обвинения от США полковником Р. СТОРИ

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 17 и 18 декабря 1945 г.

Первой организацией, по делу которой будут представлены доказательства, является руководящий состав НСДАП. Дело включает некоторые из характерных для этой организации преступлений в отношении церквей, евреев, профсоюзов, а также деятельность «эйнзатцштаба Розенберга», связанную с разграблением произведений искусства.

В начале представления доказательств, устанавливающих преступления руководящего состава нацистской партии, уместно вновь повторить мнение обвинения по этому вопросу. Оно заключается в следующем.

Нацистская партия являлась руководящим центром общего плана или заговора, о котором говорится в первом разделе Обвинительного заключения, заговора, который предусматривал и включал совершение преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности, как об этом говорится в Уставе Международного военного трибунала.

Руководящий состав НСДАП, как об этом свидетельствуют доказательства, ответствен за планирование преступных мероприятий, которые проводились нацистской партией при осуществлении заговора, а также за руководство этими преступными мероприятиями и за их контролирование. Более того, как будет доказано, сами члены руководящего состава нацистской партии активно участвовали в совершении противозаконных актов при осуществлении целей заговора. На основании доказательств, которые будут представлены Трибуналу, станет ясно, что руководящий состав должен быть признан мозгом, становым хребтом и руками нацистской партии. Его ответственность более значительна и всеобъемлюща, нежели ответственность целой армии руководимых им последователей, которые совершали преступления, направленные против народов мира.

Обвинение просит, чтобы Трибунал объявил руководящий состав нацистской партии преступной группой или организацией в соответствии со статьей 9 Устава.

Сейчас я представлю доказательства, касающиеся функций, ответственности и полномочий руководящего состава нацистской партии.

Что такое руководящий состав нацистской партии, какие лица должны быть включены в эту группу, каковы были размеры этой группы и ее цели?

При рассмотрении организационной структуры руководящего состава нацистской партии для Трибунала будет удобно обратиться к схеме (документ ПС-2903), которая имеется перед Вами на стене и которая была уже представлена господином Альбрехтом при открытии процесса. В дополнение к этой схеме я представлю в качестве доказательства документ ПС-2833 под номером США-22; это — схема структуры руководящего состава нацистской партии, опубликованная в журнале «Дас гезихт дер партей» («Лицо партии»), издававшемся начальником главного управления нацистской партии по просвещению. Эти схемы и другие документы показывают, что руководящий состав был образован из числа видных членов нацистской партии. Он включал: фюрера — во главе, затем рядом с ним — рейхслейтеров, далее амтслейтеров. Вслед за ними — пять категорий лидеров, которые являлись руководителями различных административных единиц. Они назывались «хохайтстрегерами», или «ответственными партийными руководителями». Их фамилии напечатаны в низу страницы или красным шрифтом, или заключены в красные рамки. Затем Вы видите более 40 гаулейтеров, которые руководили обширными областями. Далее следуют другие политические лидеры: крейслейтеры, ортсгруппенлейтеры, целленлейтеры и, наконец, блоклейтеры, которые осуществляли надзор за группами домов в количестве от 40 до 60. Их можно было бы охарактеризовать как работников аппарата, приданного каждой из этих пяти категорий хохайтстрегеров.

Структура руководящего состава, построенная на основе иерархии, представляет собой пирамиду; как господа судьи видят из находящихся перед ними схем, основными политическими вождями сверху донизу являлись:

верховный руководитель — фюрер;

рейхслейтер и амтслейтер, то есть руководители управлений и главных управлений;

гаулейтер, то есть областной руководитель с его аппаратом;

крейслейтер — окружной руководитель с его аппаратом;

ортсгруппенлейтер — районный руководитель с его аппаратом;

целленлейтер — руководитель местной организации с его аппаратом и, наконец, блоклейтер со своим аппаратом.

Я сейчас представляю в виде доказательства под номером США-323 документ ПС-1893. Господа судьи, этот документ является книгой, в которой описывается организационная структура НСДАП. Эта книга была издана в 1943 году скончавшимся подсудимым Робертом Леем, ведавшим организацией нацистской партии. Значительная часть доказательств относительно руководящего состава национал-социалистской партии будет приводиться из этого первоисточника по нацистским организациям. Выдержки из этой книги я буду в дальнейшем приводить, не обращаясь к Суду каждый раз с просьбой принять этот документ без доказательств. Ввиду от-

сутствия возражений я считаю, что этот документ принят как бесспорный. Документ ПС-1893, на который мы будем ссылаться, — это перевод книги на английский язык.

Сейчас я хочу перейти к представлению доказательств относительно полномочий и власти руководящего состава, в который входили рейхслейтеры (имперские руководители партии), а также начальники главных управлений — гауптамтслейтеры и амтслейтеры, то есть начальники управлений.

Рейхслейтеры в партии подчинялись Гитлеру и были главными руководителями в партийной системе иерархии. Все рейхслейтеры и руководители управлений, подведомственных им, назначались Гитлером и были ему подчинены.

Цитирую первый абзац страницы 4 книги (ПС-1893):

«Фюрер назначает следующих политических руководителей: рейхслейтеров и всех политических руководителей, включая имперских руководительниц женских союзов».

Я хочу обратить внимание на тот важный факт, что аппарат рейхслейтеров обеспечивал превосходную координацию работы партийного и государственного аппарата.

Структура партии определялась в руководстве по организации партии (стр. 20 документа) следующим образом: «В имперском руководстве сходятся нити организации германского народа и германского государства».

Для того чтобы показать, что рейхслейтеры в руководящем составе представляли собой самую мощную коалицию политического господства в фашистской Германии, необходимо представить в качестве доказательств их имена. В список рейхслейтеров, представляемый Суду, включены имена подсудимых Розенберга, фон Шираха, Фрика, Бормана, Ганса Франка и ныне покойного Лея.

Документальные доказательства продемонстрируют, что подсудимый Розенберг был имперским министром по делам оккупированных восточных областей и руководителем организации, названной его именем, — так называемого штаба Розенберга. Он проводил в жизнь обширную программу грабежа и расхищения произведений искусств и других ценностей на всей территории оккупированной Европы. Затем будет доказано, что в качестве представителя фюрера по наблюдению за проведением нацистской идеологии и за обучением Розенберг участвовал в агрессивной кампании, преследовавшей цель разрушения христианских церквей и замены христианства германской национал-социалистской церковью, основанной на комбинации алогичности, псевдонаучных теорий, мистицизма и культа расового государства.

Позднее будет доказано, что привлеченный по этому делу покойный Лей, действовавший в качестве доверенного лица Гитлера и нацистского рейхслейтера, возглавил нападение нацистов на независимые профсоюзы Германии и, прежде чем покончить с собой, покончил с германским свободным и независимым рабочим движением, заменив его нацистской организацией так называемого Германского трудового фронта, или ДАФ, и использовал эту организацию в целях эксплуатации не-

мецких трудящихся масс в интересах заговора и внедрения нацистской идеологии среди немецких рабочих.

Доказательства покажут, что подсудимый Фрик участвовал в проведении в жизнь многочисленных законов, изданных с целью поддержания заговора на его различных фазах. Фрик разделяет ответственность за тот тяжелый ущерб, который члены руководящего состава причинили понятию правового государства, потому что он стремился придать оттенок и видимость законности многим актам нацистского законодательства, которое нарушало все права человечности, имело целью уничтожить, унизить и обесчестить еврейское население Германии и население на оккупированных Германией территориях.

Обвиняемый Борман сейчас отсутствует на скамье подсудимых, но имеются доказательства его ответственности за руководство в проведении национал-социалистского заговора, причем в ходе процесса эти доказательства накапливаются. Будучи начальником партийной канцелярии, Борман был непосредственно подчинен Гитлеру, он представлял весьма большую силу в деятельности руководящего состава.

В соответствии с декретом от 16 января 1942 г. участие партии во всех важных законодательных актах и назначениях в правительстве, а также в повышениях проводилось исключительно через Бормана. Он участвовал в подготовке всех законов и декретов, которые издавались имперскими властями. Он также санкционировал законы, принимаемые в подвластных Германии государствах.

Теперь я обращаюсь к документу ПС-2473, США-324. Перед Вами имеется английский перевод списка рейхслейтеров национал-социалистской партии...

Если господа судьи позволят, я не буду зачитывать весь список, а обращу Ваше внимание лишь на некоторые фамилии. Мартин Борман — руководитель имперской канцелярии; Вильгельм Фрик — руководитель национал-социалистской фракции в рейхстаге; затем следует Йозеф Геббельс — руководитель ведомства имперской пропаганды национал-социалистской партии; затем Генрих Гиммлер — имперский руководитель СС, представитель национал-социалистской партии по всем вопросам, касающимся германского государства и внутренней его жизни; Роберт Лей — имперский руководитель по организации НСДАП и лидер так называемого Германского трудового фронта; Виктор Лютце — начальник штаба СА; Альфред Розенберг — представитель фюрера по всем вопросам образования и идеологического воспитания национал-социалистской партии; Бальдур фон Ширах — имперский руководитель по вопросам национал-социалистского просвещения молодежи и, наконец, Франц Шварц — имперский казначей национал-социалистской партии.

В основные функции рейхслейтеров, которых мы можем назвать руководителями, входило проведение задач и миссий, которые поручал им фюрер или начальник партийной канцелярии подсудимый Мартин Борман. Кроме того, рейхслейтеры должны были обеспечивать проведение

в жизнь политики партии на всей подвластной империи территории. Рейхслейтеры были также ответственны за постоянный приток новых руководителей в партию.

Для того чтобы представить себе функции и ответственность рейхслейтеров, я сейчас зачитаю страницу 20 документа ПС-1893.

«Национал-социалистская германская рабочая партия выражает политическую концепцию, политическое сознание и политическую волю германской нации. Политическая концепция, политическое сознание и политическая воля олицетворены в личности фюрера, на основании его директив и в соответствии с программой национал-социалистской германской рабочей партии органы имперского руководства соответственно определяют политические цели германского народа. Именно в имперском руководстве артерии организации германского народа сливаются с артериями государственных организаций.

Структура имперского руководства такова, что, связывая первичные организации партии с руководством, она дает возможность иметь сведения о самых мельчайших слабостях и изменениях в настроениях народа...

Другой важнейшей задачей имперского руководства является обеспечение надлежащего отбора руководителей. Задачей имперского руководства является также внедрение и проведение со всей энергией национал-социалистской идеологии во все области жизни.

Высшей задачей лидеров имперской организации является вооружение партии хорошо отточенной шпагой для фюрера».

В германском правительстве преобладали высшие представители руководящего состава нацистской партии, это облегчалось циркулярным декретом имперского министра юстиции от 17 февраля 1934 года, которым устанавливались равные чины для должностей в имперском руководстве нацистской партии и для имперских должностей в германском правительстве. В этом декрете особо предусматривалось, что «...высшие должности в руководящем составе партии равнозначны по рангу с высшими должностями в имперском правительстве».

Устав партии определял контроль руководящего состава НСДАП над правительственной машиной путем внедрения политической воли партии в государственный аппарат. На более поздней стадии настоящего процесса будет показано, что руководящий состав нацистской партии, бесспорно, занимал доминирующее положение в германском государстве и правительстве. Осуществление руководящим составом нацистской партии контроля над германским правительством облегчалось тем, что в лице одних и тех же нацистских главарей были объединены высшие посты в руководящем составе партии и в правительстве. Так, в документе ПС-2903 указывается, что Геббельс был рейхслейтером по вопросам пропаганды и в то же время министром (членом кабинета) по вопросам пропаганды и народного просвеще-

ния. Гиммлер возглавлял главный отдел по поддержанию народного духа и в то же время был имперским фюрером СС. Гиммлер занимал также правительственный пост имперского уполномоченного по укреплению германской нации и был руководителем германской полицейской системы.

Как будет показано позднее, объединение в лице одних и тех же нацистских руководителей высших должностей в руководящем составе нацистской партии и высших правительственных постов значительно способствовало осуществлению плана руководящего состава партии занять господствующее положение и осуществлять контроль в германском государстве и правительстве.

Наряду с рейхслейтерами партийное руководство включало в себя около одиннадцати гауптамтслейтеров, или руководителей главных управлений, и четырех амтслейтеров, или руководителей управлений.

Как указано в документе, гауптамтслейтерам были подведомственны такие важные организации, как, например, те, которые занимались личным составом, обучением и производством (под руководством подсудимого Шпеера), укреплением народного духа (под руководством Гиммлера), вопросами гражданских служб, коммунального хозяйства и т.п. К управлениям партии или отделам партии, подведомственным рейхслейтерам, относился также отдел внешней политики (руководитель подсудимый Розенберг), который, как будет доказано, активно участвовал в подготовке планов развязывания агрессивной войны против Норвегии, отдел колониальной политики, по вопросам генеалогии и отдел расовой политики.

Некоторые соответствующие управления и отделы имелись также в составе гаулейтунгов (аппарат областного руководителя) и крейслейтунгов (аппарат окружного руководителя). Таким образом, рейхслейтеры и руководители главных управлений и отделов, подведомственных им, осуществляли руководство и полный контроль через подчиненные им организации в различных областях национальной жизни Германии.

Теперь я перехожу к гаулейтерам. Как следует из схемы организации нацистской партии, которая представлена Трибуналу в качестве документа США-2, Германия была разделена на административные области —гау. Каждое гау, в свою очередь, делилось на крейсы (округа), ортсгруппы (районы), целлен (ячейки) и блоки (кварталы). Во главе каждого гау стоял гаулейтер, который был политическим руководителем области. Он назначался только Гитлером и подчинялся ему.

Я цитирую страницу 18 книги об организационной структуре национал-социалистской партии (ПС-1893):

«Гау представляет собой концентрацию определенного числа партийных округов (крейсов). Гаулейтер непосредственно подчинен фюреру.

Гаулейтер несет полную ответственность перед фюрером за ту область, управление которой ему поручено.

Права, обязанности и юрисдикция гаулейтеров вытекают, в первую очередь, из той миссии, которая поручена им самим фюрером, и, кроме того, из подробных директив».

Гаулейтер, его аппарат и начальники отделов выполняли функции и задачи в основном политического характера, они должны были обеспечивать власть нацистской партии в различных областях, координировать все действия партии, ее отделов и организаций, которые были подчинены партии, увеличивать влияние партии на людей и их жизнь в данном гау. После начала войны, когда необходимо было согласовывать выполнение различных задач, вставших перед Германией в связи с военным положением, к гаулейтерам перешли дополнительные весьма важные обязанности.

Совет по обороне империи, который являлся своего рода генеральным штабом гражданской обороны и мобилизации германской военной экономики, декретом от 1 сентября 1939 г. («Рейхсгезетцблатт», 1939 год, часть 1, страница 1565) назначил около 16 гаулейтеров имперскими уполномоченными по обороне. Позднее под давлением возрастающих нужд военной экономики и в связи с необходимостью дальнейшей мобилизации военных ресурсов все более и более важные административные функции возлагались на гаулейтеров и гау. Согласно декрету совета по обороне империи от 16 ноября 1942 г. («Рейхсгезетцблатт», 1942 год, часть 1, стр. 649), который я прошу принять без доказывания, каждое партийное гау становилось основой обороны империи, а каждый гаулейтер — имперским уполномоченным по обороне.

К концу войны все области германской военной экономики координировались и возглавлялись гаулейтерами. В их ведение не входили только вопросы особого характера, такие, например, как вопросы полиции. Районные власти, которые осуществляли контроль над ценами, находились под руководством гаулейтера как имперского комиссара обороны. Во время войны гаулейтеры как уполномоченные по расквартированию в гау занимались также жилищными вопросами. В конце войны гаулейтерам поручалось выполнение важных военных и полувоенных задач. Они были командующими фольксштурмом в подведомственных им районах. Им поручались эвакуация мирного населения в случае продвижения войск союзников и мероприятия по разрушению важных объектов.

Структура партийных гау в значительной мере повторялась в меньших масштабах в таких партийных организациях империи, как крейс, ортсгруппа, целле и блок, причем каждая из этих организаций возглавлялась политическим лидером, который на основании принципа фюрерства и в соответствии с приказами высших политических руководителей пользовался неограниченной властью в данной области.

Руководящий состав нацистской партии в действительности представлял собой нисходящую «иерархию цезарей», где каждый из подчиненных партии отделов, то есть такие, как крейс, ортсгруппы и т.д., делился на управления, или амты,

которые занимались различными функциями партии. Количество таких департаментов и управлений снижалось по мере движения вниз по иерархической лестнице. В то время как в крейсах были все или почти все отделы, какие имелись в гау (заместитель начальника отдела кадров, начальник организации, руководитель школ, руководители по вопросам пропаганды, по вопросам печати, казначей, судья партийного трибунала, инспектор и т.п.), ортсгруппы содержали меньшее число подобных отделов, а целлены и блоки — еще меньше.

Я перехожу к крейслейтерам (руководителям округов).

Крейслейтер назначался и смещался Гитлером по представлению гаулейтера и подчинялся непосредственно гаулейтеру по партийной иерархии. Крейс обычно представлял собой отдельный округ, причем крейслейтер внутри своего округа обладал такими же полномочиями, властью и привилегиями, как и гаулейтер в гау. Я цитирую страницу 17 документа ПС-1893.

«Крейслейтер несет полную ответственность перед гаулейтером в зоне, порученной ему, за политическое и идеологическое обучение и организацию политических лидеров, членов партии, а также населения».

Ортсгруппенлейтеры являлись руководителями местных отделений. Район, возглавляемый ортсгруппенлейтером, представлял собой одну или несколько общин, а в городах — отдельный район города. Ортсгруппу составлял целый ряд кварталов или районов, которые, в зависимости от местных условий, насчитывали до 1500 семей. Ортсгруппенлейтер имел целый штат начальников отделов, которые помогали ему проводить различные мероприятия в партийной жизни. Все другие политические руководители в данном районе подчинялись ему и действовали под его руководством, например руководители различных приданных партии организаций (Германский трудовой фронт, нацистские организации адвокатов, студентов и гражданских служащих). В соответствии с принципом фюрерства ортсгруппенлейтеры назначались гаулейтерами и были непосредственно подчинены крейслейтерам.

Партийный устав гласит в отношении ортсгруппенлейтеров следующее (стр. 16 и 17 документа ПС-1893):

«Хохайтстрегер — ответственный партийный руководитель — выражает все суверенные права партии. Компетенция ортсгруппенлейтера как хохайтстрегера — носителя суверенитета — охватывает все проявления воли партии. Он ответствен за политическое, идеологическое руководство и организацию в зоне, порученной его руководству.

Ортсгруппенлейтер несет полную ответственность за политические результаты мероприятий, проводимых отделами, организациями и филиальными организациями партии.

Ортсгруппенлейтер имеет право возражать против проведения крейслейтерами мер, которые противоречат интересам партии в плане единообразного представления в обществе о проводимой партией политике».

Целленлейтер был ответствен за четыре — восемь кварталов, он был непосредственным руководителем и осуществлял контроль и наблюдение за блоклейтерами. Его задача и функции по уставу партии соответствовали обязанностям блоклейтера. Я цитирую последний параграф на странице 15:

«Миссия целленлейтера соответствует миссии блоклейтера».

Блоклейтер был единственным партийным работником, который постоянно находился в контакте с населением. Квартал был самой малой единицей в системе пирамиды партийной организации. Под руководством блоклейтера находилось от 40 и 60 семей. Эта группа рассматривалась как объект, на который надо направлять пропаганду. Я цитирую страницы 13 и 14 этого же документа:

«Семья является основой, на которой строится система кварталов и отдельных районов данной местности. Семья есть организационное средоточение всех немцев, объединенных совместным проживанием, и охватывает квартирантов, домашнюю прислугу и т.д.

Блоклейтеры пользуются правом осуществлять руководство по всем вопросам своей зоны, касающимся проблем движения, и несут полную ответственность перед целленлейтерами».

Блоклейтер, как и другие политические лидеры, отвечал за распространение политики нацистской партии среди населения подведомственного ему района и обязан был добиваться того, чтобы население эту политику принимало, и осуществлять всю политику нацистской партии по отношению к населению в его зоне. Ему также вменялось в обязанность шпионить за населением. Я цитирую страницы 14 и 15 документа:

«Задачей блоклейтера является выискивать всех тех, кто распространяет угрожающие слухи, и докладывать ортсгруппенлейтерам с тем, чтобы они, в свою очередь, докладывали соответствующим государственным властям.

Блоклейтер должен не только защищать нацистскую идеологию и доносить ее до членов нации и партии, вверенных его политическому воспитанию, но и достигать практического сотрудничества между всеми членами партии в его зоне.

Блоклейтер должен постоянно напоминать членам партии об их непосредственных обязанностях по отношению к государству и населению. Блоклейтер должен иметь полную картотеку всех семей. В основном блоклейтер будет передавать приказания, получать и отдавать свои распоряжения в устной форме. Письменная форма распоряжений может быть использована только в том случае, если это абсолютно необходимо. Блоклейтер ведет национал-социалистскую пропаганду устно. Он должен заниматься вопросами, которые относятся к неправильному пониманию мероприятий и законов национал-социалистского правительства со стороны вечно недовольных, и добиваться правильного восприятия всех мероприятий и законов. Для него нет необходимости в целях демонстрации солидарности зани-

маться всеми жалобами и слухами относительно тех трудностей, которые могут наступить... Он должен заслужить доверие всех людей тем, что будет сохранять полную секретность во всех вопросах».

Будет доказано, что в Германии около полумиллиона людей были блоклейтерами; хотя эта цифра кажется большой, но нет никакого сомнения, что эти лица входили в группу руководящего состава нацистской партии, несмотря на то, что они стояли в основе широкой нацистской пирамиды, а не на ее вершине, как рейхслейтеры, причем фактически все население было под надзором блоклейтеров.

Председатель: Я думаю, полковник Стори, что для Трибунала будет полезно, если Вы укажете нам, когда представится возможность, хотя бы примерное число руководителей отделов и управлений, входивших в состав политического руководства нацистской партии.

Стори: Господа судьи! Это является следующим пунктом моего выступления.

Председатель: Хорошо, продолжайте.

Стори: Сомнительно, что всякий немец видел Генриха Гиммлера в лицо, но совершенно очевидно, что каждый из них не мог избежать неприятного знакомства с блоклейтером своего района. Подобно тому, как для рядового человека символом правоприменяющих органов является «патрулирующий полицейский», а не верховный судья, так именно блоклейтер представлял собой для населения Германии непосредственное воплощение германского гитлеровского полицейского государства. В действительности, как это будет доказано, блоклейтеры были «маленькими фюрерами», которые пользовались реальной и ощутимой властью над гражданами, проживающими в подвластных им районах (кварталах).

В качестве доказательства полномочий блоклейтеров, которые могли применять угрозы и насилие по отношению к гражданскому населению, я цитирую документ ПС-2833, который является выдержкой из статьи в журнале «Лицо партии». Это очень короткая выдержка.

«Следует использовать увещевание, а при необходимости жесткие воспитательные меры, если отрицательное поведение индивидуума вредит ему самому, а следовательно, и окружающей его среде».

Прежде чем перейти к цифрам, я хочу остановиться на хохайтстрегерах.

Среди руководящего состава нацистской партии некоторые политические руководители несли по сравнению с другими бóльшую ответственность. Они были облечены специальными прерогативами власти и составляли отдельную избранную группу в рамках партийной иерархии. Это были так называемые «хохайтстрегеры» (носители власти), которые представляли партию в подведомственных им районах. Эти районы назывались «хохайтсгебит».

Я цитирую с девятой страницы английского перевода документа ПС-1893:

«Среди политических руководителей хохайтстрегеры занимают особое положение. В противоположность другим политическим руководителям, которые занимают ведомственные должности, хохайтстрегеры имеют под своим руководством специальные географические районы, которые называются "хохайтсгебит" (подвластный район).

Хохайтстрегерами являются следующие: фюрер, гаулейтер, крейслейтер, ортсгруппенлейтер, целленлейтер, блоклейтер.

Хохайтсгебитами являются: рейх, гау, крейс, ортсгруппа, целле, блок.

В своих районах хохайтстрегеры имеют суверенные политические права. Они представляют партию на своем участке. Хохайтстрегеры наблюдают за всеми партийными работниками в своем районе и несут ответственность за состояние дисциплины.

В отношении конкретных заданий руководители учреждений и филиальных организаций подчинены соответствующим хохайтстрегерам. Хохайтстрегеры стоят выше всех политических руководителей, начальников и т.д. на данном участке. Они облечены особыми правами в отношении принятия единоличных решений.

Хохайтстрегеры партии не должны быть административными чиновниками и должны находиться в постоянном контакте с политическими руководителями населения в своем районе. Хохайтстрегеры несут ответственность за должный надзор и наблюдение за всеми гражданами в своем районе.

Партия намеревается достигнуть такого положения дел, при котором каждый немец сможет найти путь в партию».

Особый характер политических руководителей, являющихся хохайтстрегерами, их существование и действия в качестве особой группы указаны в журнале, который озаглавлен «Дер хохайтстрегер». Согласно указаниям имперского руководителя по организационным вопросам этот журнал распространялся лишь среди самих хохайтстрегеров и некоторых других лиц, которые назывались «политишелейтерами», то есть политическими руководителями. Я представляю журнал в качестве доказательства за номером ПС-2660, США-325 и оглашаю выдержку из него:

«Журнал "Дер хохайтстрегер", содержание которого является секретным, служит целям ориентации компетентных руководителей. Он не должен передаваться другим лицам».

Затем следует список всех хохайтстрегеров и других политических руководителей, которые имеют право получать журнал.

В журнале сказано, что дополнительно право на получение журнала имеют следующие лица: «Коменданты, коменданты войсковых частей, коменданты ударных частей, генерал-лейтенанты и генерал-майоры СА, СС, НСФК (национал-социалистские летные корпуса), НСКК (национал-социалистские моторизованные части), генерал-лейтенанты и генерал-майоры организации Гитлерюгенд.

Тот факт, что этот журнал существовал, что он назывался по наименованию руководящих работников партии, что он распространялся среди элиты партийного руководства, иными словами, что он был ограничен этим кругом лиц, доказывает, что руководящий состав нацистской партии является группой или организацией, в соответствии с тем пониманием, которое дается в девятой статье Устава.

Содержание журнала «Дер хохайтстрегер» показывает, что руководящий состав нацистской партии уделял постоянное внимание мерам и доктринам, которые проводились в жизнь в ходе заговора, о котором говорится в Обвинительном заключении.

Я не буду затруднять Трибунал представлением в качестве доказательства исчерпывающего списка всех вопросов, которыми занимался этот руководящий состав. Но для того чтобы разъяснить планы и политику верхушки руководящего состава, я хочу отметить следующий круг вопросов, разбираемых в статьях и политических обозрениях этого журнала с февраля 1937 года по октябрь 1938 года: клеветнические антисемитские статьи, нападки на католиков, христианскую религию и священнослужителей, необходимость моторизованного вооружения, неотложная необходимость расширять жизненное пространство и иметь колонии, постоянные нападки на Лигу Наций, использование нацистских ячеек и блоков для достижения благоприятного голосования в плебисцитах, необходимость тесной связи верховного командования с политическим руководством, расовые доктрины фашизма, культ фюрерства, роль гау, ортсгрупп и целлен в расширении Германии — вот вопросы, которые являлись элементами при составлении доктрин, повлекших за собой проведение в жизнь заговора, упомянутого в Обвинительном заключении.

Политические руководители были организованы в соответствии с принципом фюрерства. Цитирую четвертый абзац второй страницы и начало третьей документа ПС-1893:

«Основа партийной организации — это принцип фюрерства. Народ не может управлять сам собой прямо или косвенно... Все политические руководители назначаются фюрером и несут перед ним ответственность. Они имеют полную власть в отношении низших кругов... Только человек, который прошел школу подчинения в партии, имеет право занимать высшие руководящие посты. Нам нужны только те руководители, которые поднялись с низов. Любой политический руководитель, который не будет соответствовать этим принципам, должен быть отстранен от должности или назначен на низший пост блоклейтера или целленлейтера для дополнительного обучения. Политический руководитель — не конторский работник, а политический представитель фюрера... Мы строим руководство партией на основе политического руководства государством. Характер политического руководителя не определяется той должностью, которую он занимает. Политический руководитель может быть представителем только НСДАП, он отнюдь не пред-

ставляет организации типа НСБО (национал-социалистской организации по производству)».

Каждый политический руководитель принимал присягу раз в год. В соответствии с партийным уставом текст присяги был следующий (второй абзац стр. 3 документа ПС-1893):

«Я клянусь в вечной верности Адольфу Гитлеру. Я клянусь беспрекословно повиноваться ему и назначенным им руководителям».

Организационный устав нацистской партии также предусматривал следующее (четвертый абзац стр. 3):

«Политический руководитель идеологически и организационно неразрывно связан с НСДАП. Его клятва прекращает свое действие только с его смертью или с его исключением из национал-социалистской общности».

Что касается назначения политических руководителей, составляющих руководство нацистской партии, то в уставе нацистской партии (документ ПС-1893) сказано:

«Фюрер назначает следующих политических руководителей:

а) всех рейхслейтеров и всех политических руководителей в рамках рейхслейтунга (имперский партийный директорат), включая руководителей женских организаций;

b) всех гаулейтеров, включая политических руководителей, занимающих посты в гаулейтунгах (партийных директоратах гау), включая руководителей женских организаций гау;

с) всех крейслейтеров.

Гаулейтер назначает:

а) политических руководителей и руководителей женских организаций в рамках партийного директората гау;

b) политических руководителей и лидеров женских обществ в рамках партийного директората крейса;

с) всех ортсгруппенлейтеров.

Крейслейтер назначает политических руководителей и лидеров женских обществ в рамках ортсгрупп, включая блок- и целленлейтеров».

Хохайтстрегер, осуществляя партийное руководство, имел право призывать и использовать различные партийные структуры для проведения политики нацистской партии. В партийном уставе говорилось о правах и полномочиях хохайтстрегера использовать помощь отрядов СА.

Цитирую страницу 11 документа ПС-1893:

«Хохайтстрегер несет ответственность за политическое положение в своей зоне. Руководитель СА в этой зоне обязан подчиняться директивам хохайтстрегера в этом вопросе. Хохайтстрегер — старший представитель партии во всех организациях, находящихся в его зоне. Он может использовать отряды СА, находящиеся в его зоне, через соответствующих руководителей СА, если они необходимы для осуществления его политических заданий. Хохайтстрегер дает задания отрядам СА...

Если хохайтстрегеру понадобится большее количество членов СА для выполнения задания политического характера, чем то, которое имеется в его районе, он может обра-

титься к вышестоящему руководителю, который, в свою очередь, может использовать членов СА из отрядов СА в своем районе».

Согласно партийному уставу хохайтстрегер имел такие же полномочия в отношении СС и НСКК, что и в отношении СА.

Что касается использования хохайтстрегерами Гитлерюгенда, то в уставе нацистской партии сказано следующее:

«Политический руководитель имеет право использовать «Гитлерюгенд» таким же путем, как и СА, для проведения в жизнь политических мероприятий...

При назначении руководителей Гитлерюгенда его отделы должны получать согласие хохайтстрегера своей зоны. Таким образом, хохайтстрегер может не допускать назначения лидеров, непригодных для руководства молодежью. Если его согласие не было получено, он может отменить назначение, если пожелает».

Примером того, как партийные структуры были использованы руководством нацистской партии, служат действия Роберта Лея, рейхслейтера по организации национал-социалистской партии, который ликвидировал свободные профсоюзы. Я ссылаюсь на директиву Лея от 21 апреля 1933 г., опубликованную в книге профессора Вилли Мюллера «Общественная жизнь в новой Германии» (документ ПС-392, США-326). В этой директиве подсудимый Лей потребовал использовать организации СА и СС для захвата собственности профсоюзов и для превентивного заключения профсоюзных руководителей. Оглашаю выдержку (абзац шестой стр. 1):

«СА, так же как и СС, должна быть использована для захвата собственности профсоюзов и для превентивного заключения сомнительных личностей...»

И далее:

«Гаулейтер должен проводить свои меры на основе теснейшего взаимопонимания с компетентными руководителями районных ячеек».

Затем идет перечень профсоюзных руководителей, которые должны быть подвергнуты превентивному заключению:

«Все председатели профсоюзов, районные секретари и директора отделов банка для рабочих, служащих, чиновников и т.д.».

Теперь я представляю в качестве доказательства документ ПС-2474, США-327. Это копия декрета, изданного подсудимым Гессом в качестве заместителя фюрера 25 октября 1934 г. В нем подтверждаются полномочия хохайтстрегеров в отношении партийных структур. Оглашаю выдержку:

«Политическое руководство в рамках партии и ее политическое представительство в государственных и других организациях, не входящих в состав партии, ложится исключительно на хохайтстрегеров (представителей власти), то есть на меня, гаулейтеров, крейслейтеров и ортсгруппенлейтеров...

Работники отделов партийных организаций, такие, как рейхслейтеры, начальники отделов и т.д., а также руководители СА, СС, Гитлерюгенда и других подчиненных организаций не должны заключать никаких обязывающих согла-

шений политического характера с государственными и другими органами без разрешения соответствующих хохайтстрегеров.

В тех местах, где распределение отрядов СА, СС, Гитлерюгенда и подчиненных организаций не совпадает с зоной деятельности хохайтстрегеров, последние будут давать политические директивы старшим руководителям каждого отряда в зоне его подчинения».

Официальная политика руководящего состава нацистской партии заключалась также в установлении тесного сотрудничества с гестапо. Как Трибунал помнит, начальник германской полиции и СС Гиммлер был рейхслейтером и входил в состав высшего руководства нацистской партии.

Представляя в качестве доказательства декрет подсудимого Бормана, начальника партийной канцелярии и заместителя фюрера, от 26 июня 1935 г., прошу Суд принять его без доказывания.

Цитирую из этого документа (стр. 143):

«Для того чтобы осуществить более тесный контакт между органами партии и ее организациями и руководителями государственной тайной полиции (гестапо), заместитель фюрера предлагает приглашать руководителей гестапо на все крупные официальные собрания партии и ее организаций».

Обвинение утверждает, что члены руководящего состава НСДАП представляли собой вполне определенную группу или организацию. Это подтверждается тем фактом, что различные хохайтстрегеры были обязаны периодически встречаться и совещаться с политическими руководителями и сотрудниками, которые были им непосредственно подчинены. Например, гаулейтер был обязан совещаться со своими сотрудниками (заместителем и т.д., включая руководителя образования, руководителя печати, руководителя по пропаганде, местного судью в этом гау и т.д.) каждые 8—14 дней. Кроме этого, каждые три месяца гаулейтер должен был созывать трехдневную конференцию с другими подчиненными, чтобы обсуждать и разъяснять политику и директивы нацистской партии, слушать руководящие лекции о партийной политике и взаимно обмениваться мнениями и информацией, связанными с текущей деятельностью партии. Гаулейтер также обязан был совещаться, по крайней мере, раз в месяц с руководителями партийных структур и филиальных организаций в его гау, как-то: с руководителем СА, СС, Гитлерюгенда и т.д.

Организационный устав партии налагает подобные же обязанности регулярно созывать конференции и собрания на всех других хохайтстрегеров, включая крейслейтеров, ортсгруппенлейтеров, целленлейтеров и блоклейтеров. Естественно, что результатом таких обязательных и регулярных конференций всех хохайтстрегеров как с их собственным штатом, так и с другими подчиненными им политическими руководителями и сотрудниками являлось то, что основы нацистской политики и директивы, издававшиеся Гит-

лером и начальником партийной канцелярии подсудимым Борманом, непосредственно по каналам субординации хохайтстрегеру, а также текущие директивы и задания различных рейхслейтеров и других имперских должностных лиц по функциональным и техническим каналам непременно сообщались, получались и воспринимались как обязательные подавляющей частью членов руководящего состава.

Перехожу к статистическим данным о руководстве нацистской партии и к доказательствам о численности руководящего состава нацистской партии. Уже было показано, что в руководящий состав, представляющий собой всех должностных лиц нацистской партии, помимо Гитлера и членов рейхслейтунга, таких, как рейхслейтеры и имперские должностные лица, входила целая иерархия хохайтстрегеров, о которых я уже говорил, и их сотрудников. Представляю в качестве доказательства документ ПС-2958, США-325. Это восьмой выпуск за 1939 год официального периодического журнала руководящего состава «Дер хохайтстрегер». Это документ такого же характера, как тот, который я представил ранее. Разница в том, что это издание 1939 года. Здесь показано, что имелось к этому времени в партии: 40 гау и одна заграничная организация гау. Во главе каждой стоял гаулейтер, таким образом, всего — 41 гаулейтер, 808 крейслейтеров, 28 376 ортсгруппенлейтеров, 89 378 целленлейтеров, 463 048 блоклейтеров.

Но как уже показали представленные доказательства, руководящий состав национал-социалистской партии состоял не только из хохайтстрегеров, но и из чиновников или начальников отделов, которые были приданы хохайтстрегерам. Например, гаулейтер имел заместителя, несколько инспекторов гау и штат, который разделялся на основные отделы (гауптамт) и просто отделы (амт), включая такие, как казначейство, кадров, образования, пропаганды, печати, университетских преподавателей, коммунального хозяйства и т.д. Как уже указывалось, административная структура гау повторялась на более низком уровне организации руководящего состава, например, в крейсе, ортсгруппе и т.д. Крейс и более мелкие территориальные деления партии также имели соответствующее административное деление в связи с различным родом деятельности. Но, конечно, значение и количество штатных работников было меньшим в каждой из нижестоящих единиц в иерархии. Таким образом, хотя штат крейслейтера имел все или большинство управлений, имевшихся в гау, ортсгруппа содержала меньшее количество отделов, а низшие единицы — еще меньше.

Точные данные относительно общего количества сотрудников штата хохайтстрегеров не обнаружены, в отличие от собственно хохайтстрегеров или политических руководителей, входивших в руководящий состав нацистской партии. Что касается числа и категорий руководящего состава нацистской партии, подлежащего признанию преступной организацией, то обвинение считает, что при определении пределов руководящего состава следует включить из числа со-

трудников штата только тех, кто входил в крейс и выше. Таким образом, руководящий состав нацистской партии состоял бы из фюрера, членов рейхслейтунга, хохайтстрегеров пяти категорий, штатных сотрудников из аппаратов, более 40 гаулейтеров и 800—900 крейслейтеров. Установив такое ограничение численности руководящего состава, мы увидим, что общее количество членов этой организации согласно статистическим данным немецких справочников было бы около 600 тысяч. Тем самым из определения руководящего состава нацистской партии исключаются сотрудники подчиненных рангов и степеней (без ущерба для других производств или исков против этих лиц). Правда, эти данные основаны на учете узкого состава членов руководства нацистской партии, тогда как доказательства показывают, что в действительности руководящий состав включал штатных сотрудников, приданных низшим хохайтстрегерам; если бы мы рекомендовали при расчете численности руководящего состава включить сюда всех штатных сотрудников до работников штата блоклейтеров, то окончательная численность состава руководства достигла бы в общем двух миллионов человек.

Биддл *(член Трибунала от США): Какова причина исключения указанных категорий?*

Стори: *Та причина, Ваша честь, что лицо, стоящее на самом низком уровне блоклейтеров, могло требовать отчета от отдельного работника, который, возможно, входил в его аппарат; но он наверняка не имел права принимать решения по собственному усмотрению, которым располагал руководитель аппарата, например, гаулейтер, или, допустим, сотрудник по пропаганде, который занимался распространением информации в низшие звенья, а также способствовал участию в планах и политике вышестоящей организации.*

Исключаемые таким образом подчиненные сотрудники аппарата функционально несли ответственность перед высшими сотрудниками аппарата в отношении своей конкретной специализации, как-то: пропаганда, партийная организация и т.д. В плане дисциплины и политического контроля они несли ответственность перед соответствующим хохайтстрегером. Как я уже упоминал ранее, аналогичным образом такие высшие сотрудники аппарата принимали участие в планировании и формулировании политики и направляли указания о такой политике вниз через технические уровни или технические каналы — в отличие от распространения по команде.

Следующий раздел представления доказательств будет касаться участия руководящего состава национал-социалистской партии в общем плане или заговоре.

Программа национал-социалистской партии, провозглашенная Гитлером 24 февраля 1920 г., содержала основные элементы нацистского плана господства. Я цитирую документ ПС-1708, представляющий собой национал-социалистский ежегодник 1943 года, который издавался партией и редактировался Робертом Леем. Эта книга содержит известные 25

пунктов программы партии. Я представляю этот документ под номером США-324 и не намереваюсь цитировать все эти 25 пунктов, а сошлюсь лишь на некоторые из них.

Цитирую со стр. 1 английского перевода документа ПС/1708:

«Пункт 1. Мы требуем объединения всех немцев в Германии в расширенных границах на основе права народов на самоопределение».

Пункт 2 этой программы, который я цитирую, требовал одностороннего аннулирования Версальского и Сен-Жерменского мирных договоров:

«Мы требуем равенства в правах для германского народа в отношениях с другими странами; отмены Версальского и Сен-Жерменского мирных договоров».

«Пункт 3. Мы требуем земли и территории (колоний) для поддержания нашего народа и колонизации нашим излишним населением».

«Пункт 4. Только представитель расы может быть гражданином. Представителем расы может быть только человек немецкой крови, независимо от его религии, поэтому еврей не может быть представителем расы».

«Пункт 6. Мы требуем, чтобы все государственные должности любого характера — имперские, областные или муниципальные — занимались только немецкими гражданами. Мы боремся против разлагающего парламентского режима, против предоставления постов по признаку партийности и без учета характера и способностей». Цитирую со стр. 2 английского перевода ПС-1708.

«Пункт 22. Мы требуем устранения наемных войск и создания национальной армии».

Далее говорилось:

«Программа — это политическая основа НСДАП и, следовательно, основной политический закон государства...

Все правовые принципы должны применяться в духе партийной программы.

После захвата власти фюреру удалось претворить в жизнь основные требования партийной программы, от основных принципов до деталей.

Партийная программа НСДАП была провозглашена Адольфом Гитлером 24 февраля 1920 г. на первом крупном партийном собрании в Мюнхене и с того дня осталась без изменений... Национал-социалистская философия содержится в 25 пунктах».

Как уже указывалось, партийная программа была обязательной для политических руководителей, и они должны были поддерживать и выполнять ее.

В партийном уставе говорилось (стр. 1 док. ПС-1893):

«Заповеди национал-социалистов:

Фюрер всегда прав...

Эта программа должна быть твоей догмой. Она требует полного подчинения национал-социалистскому движению...

Правомерно то, что служит этому движению и, таким образом, Германии».

На второй странице того же документа, говорилось:

«Руководящий состав несет ответственность за полное проникновение в германскую нацию национал-социалистского духа».

Мы уже ссылались на присягу политических руководителей Гитлеру.

В этой связи устав партии предусматривает — цитирую со второго абзаца стр. 3 того же документа:

«Политический руководитель неразрывно связан с идеологией и организацией НСДАП. Его клятва верности прекращает действовать лишь с его смертью или с его исключением из национал-социалистского сообщества».

Установленный нацистами «принцип фюрерства» означал, что все указания Гитлера, требования гитлеровской программы и политики должны были быть обязательны для всей партии и ее руководящего состава; этот «принцип фюрерства» устанавливал также полную и единоличную власть политического руководителя в сфере их деятельности и в пределах юрисдикции их постов.

«Принцип фюрерства» применялся не только Гитлером как верховным лидером, но и политическими руководителями, подчиненными ему, и, таким образом, пронизывал весь руководящий состав партии и государства.

Я оглашаю выдержку из документа ПС-1893 (середина стр. 2): «Основой партийной организации является принцип фюрерства. Все политические руководители назначаются фюрером и несут перед ним ответственность. Они пользуются всей полнотой власти в отношении нижестоящих...»

Различные хохайтстрегеры руководящего состава были фюрерами на своем участке работы.

Цитирую параграф 3 этого же документа:

«В кругу своей деятельности хохайтстрегеры имеют полные политические права...

Они ответственны за все политическое положение в своем районе...»

Я снова ссылаюсь на документ ПС-1814, представленный под номером США-328, — партийный устав и оглашаю из него лишь одну фразу:

«Партия — это орден фюрера».

Подчинение всего руководящего состава установкам принципа фюрерства ясно показано следующей фразой из устава партии:

«Прочная основа для всех организаций в рамках партийной структуры и тесная связь с суверенными руководителями НСДАП обеспечиваются применением принципа фюрерства».

Нацистская партия, возглавляемая ее руководящим составом, господствовала во всех областях общественной жизни Германии и контролировала германское государство и правительство. Такова следующая подтема.

Досье, в котором находятся доказательства преступности имперского кабинета, содержит также доказательства преступлений, совершенных различными министрами, входивши-

ми в состав кабинета. Сейчас я не буду об этом говорить. Участие рейхслейтеров и других видных членов руководящего состава нацистской партии в правительственном кабинете способствовало установлению господства нацистской партии и руководящего ее состава над правительством.

Закон от 14 июля 1933 г. запрещал создавать какие-либо другие политические партии, помимо нацистской; нарушение этого Закона было объявлено преступлением (документ ПС-1388). Таким образом было создано государство с однопартийной системой, а руководство нацистской партии получило иммунитет против оппозиции со стороны организованных политических групп. Речь идет о «Законе против образования новых политических партий», опубликованном в «Рейхсгезетцблатт» за 1933 г., часть 1, стр. 479. Перед нами английский перевод Закона. Оглашаю выдержку из Закона:

«Национал-социалистская германская рабочая партия является единственной политической партией в Германии. Любое лицо, которое попытается сохранить организационную структуру других политических партий или создать новую политическую партию, будет наказано каторжными работами до трех лет или же приговорено к тюремному заключению от шести месяцев до трех лет, если данное деяние не подлежит более тяжкому наказанию в соответствии с другими правилами».

13 октября 1933 г. был принят Закон об обеспечении общественного спокойствия, который предусматривал, между прочим, применение смертной казни или другого тяжкого наказания в отношении любого лица, которое попытается убить члена СА или СС, уполномоченного или агента НСДАП... по политическим мотивам или в связи с их официальной деятельностью.

Далее я представляю в качестве доказательства Закон об обеспечении безопасности и единства партии и государства от 1 декабря 1933 г. (документ ПС-1395). Этот Закон предусматривал, что нацистская партия — основа германского государства и неразрывно с ним связана. Закон ввел в состав правительства заместителя фюрера (в то время Гесс) и начальника штаба СА (в то время Рем). Я цитирую:

«После победы национал-социалистской революции национал-социалистская германская рабочая партия является носителем концепции Германского государства и неотделима от государства. Ее устав станет частью публичного закона. Ее организация будет установлена фюрером...

Заместитель фюрера и начальник штаба СА станут членами имперского правительства для того, чтобы обеспечить тесное сотрудничество отделов партии и СА с государственными властями...»

Этот закон был основной мерой, которая обеспечила руководящему составу полную политическую власть в Германии, так как он устанавливал, что нацистская партия, управляемая руководящим составом, — олицетворение государства и фактически является государством. Более того,

этот Закон предусматривал, что заместитель фюрера и начальник аппарата СА, органа партии, подчиненного хохайтстрегеру, становятся членами кабинета, что еще более укрепляло контроль над кабинетом со стороны руководящего состава. Господствующее положение руководящего состава становится еще более ясным в свете положения о том, что фюрер нацистской партии, будучи в то же время рейхсканцлером, мог издавать исполнительные распоряжения по применению данного Закона. Тот факт, что Гитлер в качестве фюрера мог издавать распоряжения, которые имели силу закона и публиковались в «Рейхсгезетцблатт», официальном сборнике государственных нормативных актов, в еще большей мере доказывает господство нацистской партии над германским государством.

Обращаюсь теперь к документу ПС-2775, США-330, это английский перевод ряда выдержек из речей Гитлера, произнесенных им в 1934 и 1935 гг. на съездах партии в Нюрнберге.

На нюрнбергском партийном съезде 1934 г. Гитлер сказал, что «не государство дает нам приказы, а мы даем приказы государству».

Это категоричное высказывание фюрера руководящему составу, подтверждающее господство партии над государством, как доказательство не может быть оспорено.

30 июня 1934 г. Гитлер в качестве руководителя нацистской партии приказал убить сотни членов СА и других политических противников. Гитлер пытался оправдать эти массовые убийства, заявив в рейхстаге: «В тот час я был ответствен за судьбу германского народа, я был верховным судьей германского народа».

3 июля 1934 г. правительство издало декрет, которым массовые убийства, совершавшиеся 30 июня 1934 года, фактически квалифицировались как акт законной самообороны со стороны государства. Принятием этого закона имперский кабинет превратил себя в соучастника преступления. Учитывая господствующее положение партии, данная кабинетом характеристика указанных преступлений, совершенных Гитлером и высшими руководителями его партии, превращает эти преступления в государственные меры, осуществленные в соответствии с политической реальностью. Я ссылаюсь на документ ПС-2057, это английский перевод «Закона о чрезвычайных мерах по защите государства» от 3 июля 1934 г., «Рейхсгезетцблатт» за тот же год, часть 1, стр. 529. Цитирую единственную статью этого Закона, имеющую в виду кровавую резню:

«Меры, предпринятые 30 июня и 1 и 2 июля 1934 г. с целью противостоять попыткам государственной измены, будут рассматриваться как чрезвычайные меры по национальной обороне».

12 июля 1934 г. был принят закон, определяющий функции академии германского права. Я представляю документ ПС-1391, который является английским переводом устава академии германского права («Рейхсгезетцблатт», 1934 год, часть 1, стр. 605 и 606):

«Тесно и постоянно связанная с законодательными органами, она[1] будет способствовать дальнейшему проведению в жизнь национал-социалистской программы в области права».

30 января 1933 г. Гитлер, являвшийся лидером нацистской партии и возглавлявший ее руководящий состав, добился того, что его назначили канцлером империи. Когда в 1934 году умер президент Гинденбург, Гитлер одновременно с постом канцлера занял пост президента империи. Ссылаюсь на документ ПС-2003, который устанавливает этот факт («Рейхсгезетцблатт», 1934 год, часть 1, стр. 747.).

Декретом от 20 декабря 1934 г. форма и учреждения партии были взяты под охрану наравне с формой и учреждениями государства. Этот закон назывался: «Закон относительно преступных действий против государства и партии и об охране партийной формы». Он давал право налагать суровые наказания на людей за распространение заявлений, наносящих ущерб благополучию и престижу нацистской партии, давал право заключать в тюрьмы лиц, враждебно выступавших против высших руководителей нацистской партии либо распространявших подобные высказывания, предусматривал каторжные работы за незаконное ношение партийной формы и эмблемы партии. Я вновь ссылаюсь на документ ПС-1393.

В силу Закона от 15 сентября 1934 г. партийный флаг со свастикой стал государственным флагом Германии (документ ПС-2079).

Закон об имперском флаге был опубликован в «Рейхсгезетцблатт» за 1935 год, часть 1, стр. 1145. Флаг со свастикой являлся флагом и символом руководящего состава нацистской партии. Законом он был превращен в государственный флаг; это признание того, что партия и ее корпус политических руководителей являлись суверенной властью в Германии.

23 апреля 1936 г. был принят закон, даровавший амнистию за преступления, которые правонарушитель совершил «в стремлении бороться за идеалы национал-социализма». Я цитирую документ ПС-1386, это английский перевод Закона об амнистии («Рейхсгезетцблатт», 1936 год, часть 1, стр. 378).

В ходе осуществления заговора, направленного на установление тоталитарного контроля над германским народом, 1 декабря 1936 г. был принят закон, включивший всю германскую молодежь в организацию Гитлерюгенд. Таким образом, была обеспечена полная мобилизация германской молодежи.

Я представляю в качестве доказательства документ ПС-1392, содержащий этот закон («Рейхсгезетцблатт», 1936 год, часть 1, стр. 993). Законом было предусмотрено, что задача просвещения и воспитания германской молодежи через организацию Гитлерюгенд возлагается на рейхслейте-

[1] Имеется в виду Академия права. — **Прим. сост.**

ра германской молодежи в НСДАП. По этому закону полный контроль над всей германской молодежью был предоставлен высшему должностному лицу — рейхслейтеру, входившему в руководящий состав нацистской партии, подсудимому фон Шираху.

4 февраля 1938 г. Гитлер, являясь фюрером нацистской партии, издал декрет, в силу которого он взял на себя непосредственное командование всеми германскими вооруженными силами (документ ПС-1915. «Рейхсгезетцблатт», 1938 год, часть 1, стр. 111). В декрете говорится:

«С настоящего момента я принимаю непосредственное командование над всеми вооруженными силами».

Как указывалось, более ранним законом от 1 августа 1934 г. Гитлер объединил посты имперского президента и канцлера. Таким образом, Гитлер стал верховным главнокомандующим вооруженными силами, главой германского государства и фюрером нацистской партии.

В связи в этим оглашаю выдержку из устава нацистской партии (документ ПС-1893):

«Фюрер создал национал-социалистскую германскую рабочую партию. Он наполнил ее своим духом и своей волей и с ее помощью 30 января 1933 г. захватил власть над государством. Воля фюрера является верховной в партии.

Законом о главе государства германской империи от 1 августа 1934 г. должность президента была объединена с должностью рейхсканцлера. Поэтому полномочия, которыми ранее обладал имперский президент, были переданы фюреру Адольфу Гитлеру. Посредством этого закона руководство партией и государством объединено в одном лице. В соответствии с желанием фюрера 19 августа 1934 г. был проведен плебисцит об этом законе. В этот день германский народ избрал Адольфа Гитлера своим единственным лидером. Он несет ответственность только перед своей совестью и германским народом».

Декрет от 16 января 1942 г. предусматривал, что нацистская партия должна участвовать в законодательстве и в официальных служебных назначениях и перемещениях. Представляю в качестве доказательства документ ПС-2100. Это английский перевод директивы о применении декрета фюрера в отношении начальника партийной канцелярии («Рейхсгезетцблатт», 1942 год, часть 1, стр. 35). В декрете сказано, что глава партийной канцелярии должен принимать участие в подготовке всех законов и декретов, издаваемых имперскими властями, включая те, которые будут изданы советом обороны империи, и утверждать приказы провинций и их правительств. Связь между государственными и партийными властями, за исключением связи в рамках гау, должна была проходить через руки Бормана. Этот декрет имеет принципиально важное значение, так как убедительно демонстрирует, что руководящий состав нацистской партии осуществлял инкриминируемый ему контроль и нес приписываемую ему ответственность за правительственную политику и действия по претворению в жизнь заговора.

В апреле 1942 года Гитлер заявил в своей речи, что в качестве руководителя народа, верховного командующего вооруженными силами, главы государства и фюрера партии он должен заставлять всеми имеющимися в его распоряжении средствами признавать его права, и каждый немец, каждый солдат, судья, должностное лицо и партийный работник должен выполнять его желания. Он потребовал, чтобы рейхстаг официально признал это его право, и 26 апреля 1942 г. рейхстаг принял закон, которым фиксировались все эти ничем не ограниченные права фюрера (документ ПС-1961). Оглашаю этот закон («Рейхсгезетцблатт», 1943 год, часть 1, стр. 247):

«По предложению председателя рейхстага на заседании 26 апреля 1942 г. рейхстаг Великой Германии подтвердил права, которые фюрер изложил в речи, и принял следующее решение.

Не может быть сомнения, что в нынешней войне, когда германский народ ведет борьбу за свое существование и борется против своего уничтожения, фюрер должен иметь все изложенные им права для того, чтобы способствовать дальнейшему достижению победы. Поэтому, не будучи связанным требованиями существующих законов, фюрер в качестве руководителя народа, верховного командующего вооруженными силами, главы государства, главы исполнительной власти, верховного судьи и руководителя партии должен быть в состоянии принуждать, если необходимо, всеми имеющимися в его распоряжении средствами каждого немца выполнять свои обязанности — рядового солдата или офицера, чиновника высшего или низшего или судью, руководящего или подчиненного работника партии, рабочего или служащего. В случае невыполнения этих обязанностей фюрер имеет право после тщательного рассмотрения и невзирая на их так называемые заслуженные права налагать надлежащее наказание и смещать этих нарушителей с их постов, лишать чинов или должностей или лишать их звания в обход предписываемых процедур. По приказу фюрера это решение было опубликовано. Берлин, 26 апреля 1942 г.». Сам Гитлер, пожалуй, наилучшим образом охарактеризовал те существовавшие в Германии политические реальности, которые составляют основу утверждения обвинения о том, что руководящий состав нацистской партии и его последователи эффективным образом господствовали в государстве. Суть вопроса была изложена Гитлером в его речи в рейхстаге 20 февраля 1938 г., когда он фактически заявил, что все учреждения в Германии находятся под руководством руководящего состава нацистской партии.

В качестве последнего доказательства по вопросу о господстве руководящего состава нацистской партии над немецким государством и являющейся результатом такого господства ответственности руководящего состава представляю документ ПС-2715, США-331, который содержит речь Гитлера в рейхстаге 20 февраля 1938 г., как она была изложена в книге «Дас архив» (февраль 1938 года, том 47, страницы 1441—

1442). Цитирую краткую выдержку из документов ПС-2715, которую представляю под номером США-331:

«Национал-социализм дал германскому народу такое руководство, которым партия не только мобилизует нацию, но и организует ее. Таким образом, на основе естественного принципа отбора навсегда обеспечено продолжение стабильного политического руководства. Национал-социализм полностью и всецело обладает Германией с того дня, когда я пять лет назад покинул дом на Вильгельмплац в качестве рейхсканцлера. Нет ни одного учреждения в этом государстве, которое не было бы национал-социалистским. Однако самое существенное то, что в течение этих пяти лет национал-социалистская партия не только сделала народ национал-социалистским, но и придала самой себе ту совершенную организационную структуру, которая обеспечивает продолжение ее деятельности навеки. Величайшая гарантия национал-социалистской революции заключается в полном внешнем и внутреннем господстве национал-социалистской партии над империей и всеми учреждениями и организациями Германии, а защита от внешнего мира лежит на новых национал-социалистских вооруженных силах. В Германии любое лицо, занимающее ответственную должность, является национал-социалистом. Все учреждения империи находятся в подчинении верховного политического руководства. Партия руководит Германией политически. Вооруженные силы защищают ее с военной точки зрения. Нет ни одного ответственного человека в этом государстве, который сомневается в том, что я являюсь полномочным руководителем Германии».

О полной власти, которую руководящий состав осуществлял над германским государством и правительством, свидетельствует статья, опубликованная в том же авторитетном журнале «Дер хохайтстрегер» в феврале 1939 года. В этой статье, обращенной ко всем хохайтстрегерам, руководящему составу нацистской партии напоминают, что он обладает абсолютной и тотальной властью в Германии. Ссылаюсь на документ ПС-3230, представляющий собой английский перевод статьи «Борьба и порядок». Цитирую выдержку из этой статьи:

«Борьба? Почему вы все время говорите о борьбе? Вы завоевали государство, и если вам что-либо не нравится — просто примите закон и регулируйте государство иным образом. Зачем вам все время твердить о борьбе? Вы обладаете всей властью. По поводу чего же вам бороться? Иностранная политика? У вас есть вермахт — он будет вести борьбу, если в борьбе возникнет необходимость. Внутренняя политика? У вас есть закон и полиция, которые способны изменить все, что вам не по нраву».

Изложенное выше и ранее представленные другие доказательства устанавливают, что нацистская партия и ее руководящий состав установили господство над германским государством и правительством.

Таким образом, обвинение утверждает, что руководящий состав нацистской партии несет ответственность за все

преступные мероприятия, включая законодательство, проводившиеся германским правительством и государством при осуществлении заговора, за подготовку и проведение которого преданы суду заговорщики и организации, рассматриваемые как преступные на настоящем процессе. Теперь я перехожу к явным деяниям и преступлениям, совершенным руководящим составом нацистской партии.

Сейчас я собираюсь представить доказательства относительно того, что члены руководящего состава принимали активное участие в целом ряде различных актов и мероприятий, направленных к осуществлению заговора. Доказательства покажут, что руководящий состав участвовал в таких мероприятиях заговора, как антисемитская деятельность, военные преступления против представителей союзных войск, проведение программы использования рабского труда, мероприятия по подавлению и уничтожению христианской религии и преследование христианской церкви, грабежи и разрушение культурных и других ценностей на оккупированных Германией территориях Европы, участие в планах и мероприятиях, которые вели к развязыванию и ведению агрессивной войны, — мероприятиях, охватывающих преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности, которые сформулированы и изложены в Уставе Трибунала.

Я вначале хочу представить доказательства участия крейслейтеров и гаулейтеров в том, что нацисты называли «стихийным выступлением народа» против евреев по всей Германии, происходившим 9—10 ноября 1938 г. Мы не предполагаем представлять доказательства относительно преследования евреев, которые ранее уже были приведены майором Уолшем.

Доказательства, относящиеся к партийной программе, требующей преследования евреев, были представлены обвинением ранее. Поэтому я ограничусь двумя документами. Прежде всего я хочу напомнить Суду о телеграфном распоряжении группенфюрера СС Гейдриха от 10 ноября 1938 г., адресованном всем начальникам полиции и СД в областях. В распоряжении говорилось, что начальникам полиции следует вступать в контакт с политическими руководителями в гау и крейсах и пользоваться содействием этих высших чиновников при организации «стихийных выступлений против евреев».

Трибуналу уже были представлены документы, показывающие, что целый ряд еврейских лавок и деловых учреждений были разграблены и разрушены, синагоги были подожжены, а евреев избивали и в большом количестве бросали в концлагеря. Вся эта серия документальных доказательств целиком иллюстрирует деятельность и участие всех гаулейтеров и крейслейтеров в беззаконных и бесчеловечных мерах, принимавшихся для того, чтобы проводить дальнейшую антисемитскую программу, которая являлась первостепенной и постоянной целью руководящего состава нацистской партии. Доказательством этого является документ ПС-3051, США-240.

Теперь я представляю документ ПС-3063, США-332. Это отчет верховного судьи нацистской партии Буха от 13 февраля 1939 г., адресованный подсудимому Герингу, относительно мероприятий верховного партийного суда в связи с эксцессами, происшедшими во время демонстрации 9 и 10 ноября 1938 г. Я хотел бы прочесть краткие выдержки из этого документа.

«Поскольку все синагоги были сожжены в течение одной ночи, очевидно, это было каким-то образом организовано и могло быть организовано только партией».

Это очень обширный документ, и я процитировал из него только одну часть.

Теперь я перехожу к преступлениям, совершенным в отношении союзных летчиков. Члены руководящего состава нацистской партии участвовали в этих преступлениях и разделяют ответственность за убийства, избиения союзных летчиков, которые приземлялись на германской территории или территории, находившейся под контролем Германии, и жестокое обращение с ними. С союзными летчиками, которые были вынуждены выброситься из сбитых над Германией самолетов, германское население обращалось не как с военнопленными, а подвергало их побоям и даже убивало с полного согласия и иногда при явном подстрекательстве со стороны руководящего состава нацистской партии. Такие действия руководящего состава представляют собой преднамеренное и явное нарушение обязательств, принятых правительством Германии, согласно Женевской конвенции об охране военнопленных от насилий и дурного обращения.

Затем идет документ ПС-2473, представляющий собой список рейхслейтеров нацистской партии в том виде, как он был помещен в национал-социалистском ежегоднике за 1943 год. Я представляю также в виде доказательства схему (документ ПС-2903). Эти документы показывают, что Генрих Гиммлер был рейхслейтером нацистской партии, являясь, таким образом, одним из высших политических руководителей и одновременно рейхсфюрером СС.

Приказ, подписанный Гиммлером и датированный 10 августа 1943 г. (документ Р-110, США-333), гласит:

«Полиция не должна вмешиваться в столкновения между немцами и летчиками-террористами, англичанами и американцами, которые были сбиты».

Этот приказ был в письменной форме передан всем высшим чинам СС, полицейским офицерам и в устной форме был передан стоящим ниже офицерам и всем гаулейтерам.

Председатель: *Полиция, как известно, не была частью руководящего состава?*

Стори: *Нет, но, как господа судьи знают, полиция находилась под руководством Гиммлера, рейхсфюрера СС, который одновременно был начальником германской полиции. Он объединял в своем лице должностное государственное лицо и члена партийного руководства. Он давал указания политическим руководителям.*

Биддл: *Значит, Вы считаете, что этот приказ Гиммлера свидетельствует о виновности 600 тысяч членов, о которых Вы говорили?*

Стори: *Нет, сэр, я говорю не об отдельных членах, а о преступности организации руководящего состава в целом, потому что подобные приказы издавались ее верхушкой и распространялись при помощи руководящего состава.*

Председатель: *Да, но я как раз говорил Вам, что это проводилось не через руководящий состав, а через полицию.*

Стори: *Да, но Гиммлер был одновременно и высокопоставленным членом руководящего состава партии и главой полиции, а эти организации были тесно связаны.*

Я говорил о Геббельсе, который тоже был высокопоставленным членом руководящего состава нацистской партии, так как занимал положение руководителя пропаганды партии.

В «Фелькишер беобахтер» за 29 мая 1944 г. Геббельс, рейхслейтер партийной пропаганды, опубликовал статью, в которой открыто призывал германское гражданское население убивать всех союзных летчиков, которые были сбиты над Германией (документ ПС-1676, США-334). В этой статье в «Фелькишер беобахтер» людей подстрекали к совершению военных преступлений. Цитирую:

«Только с помощью оружия возможно сохранить жизни вражеских пилотов, сбитых в ходе таких атак, так как иначе вконец измученное население убило бы их. Кто здесь прав? Убийцы, которые, совершив свои трусливые злодеяния, ожидают гуманного обращения со стороны своих жертв, или жертвы, которые желают защитить себя в соответствии с принципом: "Око за око, зуб за зуб"? На этот вопрос нетрудно дать ответ»...

«Как нам представляется, едва ли возможно и терпимо было бы использовать германскую полицию и германских солдат против германского народа, когда этот народ обращается с убийцами детей так, как они того заслуживают».

30 мая 1944 г. подсудимый Борман, рейхслейтер и начальник партийной канцелярии, разослал циркулярное письмо по тому же вопросу; оно представляет неопровержимое доказательство того, что британские и американские летчики линчевались германским населением по подстрекательству свыше (документ ПС-057, США-327).

Вначале в письме утверждалось, что за последние несколько недель английские и американские летчики неоднократно стреляли в детей, женщин, крестьян и транспортные средства на дорогах. Затем Борман пишет — цитирую:

«Было несколько случаев, когда члены экипажа сбитых самолетов, которые выбросились с парашютом или совершили вынужденную посадку, немедленно линчевались захватившим их местным населением, возмущенным до крайней степени. Никаких полицейских мероприятий или уголовного преследования против германского населения в этих случаях не возбуждалось».

Я обращаю внимание Трибунала на тот факт, что письмо подсудимого Бормана распространялось через руково-

дящий состав нацистской партии, особенно подчеркиваю, что оно было разослано рейхслейтерам, гаулейтерам, крейслейтерам и руководителям различных объединенных и филиальных партийных организаций. Подсудимый Борман требовал, чтобы руководители местных групп (ортсгруппенлейтеры) были информированы о содержании циркулярного письма только устно. Подчеркиваю — только устно.

Влияние этого циркуляра рейхслейтера Бормана видно из приказа от 25 февраля 1945 г., который я представляю в качестве доказательства Л-154, США-335. Это приказ Альберта Хофмана, одного из видных членов руководящего состава, который занимал пост гаулейтера и комиссара национальной обороны в гау Южной Вестфалии. Приказ адресован всем советникам районов, мэрам городов, полицейским чиновникам, а также руководителям и начальникам фольксштурма.

«Пилоты бомбардировщиков, которые сбиваются, не должны охраняться от ярости народа. Все полицейские офицеры должны отказываться защищать этих бандитов. О всех действиях властей, которые противоречат народным чувствам, необходимо докладывать мне. Все полицейские и жандармские чиновники должны немедленно быть информированы об этом приказе».

Председатель: Кто такой Хофман?

Стори: Альберт Хофман был членом руководящего состава нацистской партии и занимал пост гаулейтера и комиссара национальной обороны гау Южной Вестфалии.

Я хотел бы, Ваша честь, в связи с вышеизложенным огласить некоторые положения Женевской конвенции от 27 июля 1929 г. Статья 2 гласит (я прошу Суд принять это без доказывания):

«Военнопленные находятся во власти противника, но не во власти индивидуальных лиц либо воинских частей, которые их захватывают.

С ними необходимо всегда обращаться гуманно и защищать их, в особенности от актов насилия, оскорблений и любопытства населения. Репрессивные меры против них запрещены».

Решения этой Конвенции были подписаны и ратифицированы Германией и США. Как явствует из зачитанного мною, Женевская конвенция относительно военнопленных налагала на страны, подписавшие ее, строжайшее обязательство защищать военнопленных от насилия. Как показывают представленные доказательства, германское правительство грубо нарушило обязательства этой Конвенции, а руководящий состав нацистской партии принимал участие в подстрекательстве населения Германии к совершению этих зверств.

Я перехожу к преступлениям против иностранных рабочих.

13 сентября 1936 г. рейхслейтер по организации партии Роберт Лей обратился с речью к 20 тысячам человек, собравшимся на заседании съезда партии (документ ПС-2283, США-337. «Фелькишер беобахтер» от 14 сентября 1936 г., стр. 11). В своей речи Лей заявил, что он был удивлен,

когда фюрер в середине апреля 1933 года приказал ему принять руководство профсоюзами, так как он не видел никакой связи между его задачами как лидера по организации партии и его новыми обязанностями.

Далее Лей заявил, что вскоре для него стало совершенно ясно, что его работа как рейхслейтера партии и руководителя германского трудового фронта была причиной того, что фюрер избрал его в качестве человека, которому поручили уничтожить и распустить свободные профсоюзы.

Я цитирую из этого документа:

«Очень скоро ваше решение стало для меня ясным, мой фюрер. Я признал, что организационные меры, проводимые партией, могут принести хорошие плоды только тогда, когда их будет дополнять организация народа, мобилизация, концентрация и направление народной энергии... Моя задача как рейхслейтера партии и как руководителя германского трудового фронта совершенно однородна. Другими словами, все, что я делал, я делал в качестве рейхслейтера по организации нацистской партии. Германский трудовой фронт был организацией партии и управлялся ею. Германский трудовой фронт должен быть организован по территориальному признаку, по районам, по тому же общему признаку, что и партия. Поэтому профсоюзы и союзы служащих должны быть без колебания уничтожены. Основой построения должны стать, по примеру партии, ячейка и местное отделение».

17 октября 1944 г. рейхслейтер Розенберг отправил рейхслейтеру Борману письмо (документ ПС-327, США-338), в котором сообщал о телеграмме гаулейтерам, где он требовал, чтобы гаулейтеры не вмешивались в ликвидацию некоторых коммерческих предприятий и банков, находившихся под его наблюдением. Розенберг указывал Борману, что всякое «оттягивание ликвидации или...непосредственная конфискация собственности гаулейтерами повредят и помешают осуществлению продуманного плана ликвидации колоссального количества собственности».

7 ноября 1943 г. начальник штаба оперативного руководства вооруженных сил Иодль произнес в Мюнхене перед рейхслейтерами и гаулейтерами речь (документ Л-172, уже представленный под номером США-34), где заявил, что его целью было сделать обзор стратегического положения в начале пятого года войны. Иодль сказал, что полностью сознает, что политические лидеры в империи и в гау ввиду осуществления тяжелых задач по поддержанию германской военной мощи нуждаются в информации, которую он собирается им сделать.

«Рейхслейтер Борман, — говорил Иодль, — попросил меня дать обзор настоящего стратегического положения. Никто, как сказал фюрер, не может и не должен знать больше, чем это необходимо для его дела. Я не сомневаюсь, господа, что вы нуждаетесь в большей информации, чтобы выполнять свои обязанности. Именно в ваших гау... концентрируется вся вражеская пропаганда и все вредные

слухи, которые проникают в ряды нашего народа... Чтобы противостоять этой волне лживой и трусливой вражеской пропаганды, вы должны знать действительное положение вещей. Я думаю, что я имею право сообщить вам открыто и правдиво о положении дел».

Рейхслейтер Борман разослал всем рейхслейтерам, гаулейтерам и руководителям филиальных партийных организаций письмо о положении в национал-социалистской партии (документ ПС-656, США-339). К письму прилагался приказ ОКВ относительно защиты служащих германской охраны, подрядчиков и рабочих от военнопленных. В письме говорилось, что вопрос об обращении с военнопленными до сих пор обсуждается ОКВ и партийными органами. Приказ предусматривал, что если военнопленные отказываются работать, то охрана должна «в случае крайней необходимости и опасности принуждать к повиновению при помощи оружия, если нет других средств. Охрана может использовать оружие в той мере, какая необходима для достижения поставленной перед ней цели».

18 апреля 1944 г. имперский комиссар Лозе в письме к руководителю имперской молодежи Аксману (документ ПС-347, США-340) предложил, чтобы организация Гитлерюгенд участвовала в военной подготовке эстонской и латвийской молодежи и осуществляла наблюдение за этой подготовкой. Лозе сообщал в этом письме, что «в лагерях для военного обучения юные латыши проходят подготовку под руководством латышей на латышском языке; это происходит не потому, что таков наш идеал, а потому, что этого требует абсолютная военная необходимость».

Далее Лозе пишет:

«В отличие от германского населения на западе, военная подготовка должна проводиться не путем добровольной записи, а путем узаконенной воинской повинности. Военные лагеря в Эстонии и Латвии... должны находиться под руководством немцев и так же, как военные лагеря Гитлерюгенд, должны служить символом нашей воспитательной миссии вне пределов Германии... Я расцениваю проведение военного воспитания молодежи в Латвии и Эстонии не только как военную необходимость, но и как специальную миссию Гитлерюгенд. Я буду благодарен вам, член партии Аксман, если Гитлерюгенд поможет в этом с той же готовностью, с какой она до сих пор поддерживала нашу работу в Прибалтике».

Перехожу к приказу имперского министра внутренних дел Фрика от 22 октября 1938 г. (документ ПС-1438):

«Рейхсфюрер СС и начальник германской полиции... могут принимать административные меры, необходимые для поддержания порядка и безопасности, даже если они выходят за законные пределы административных мер».

Этот приказ относился к осуществлению администрации на территории Судетской области.

Письмо гаулейтера и уполномоченного по использованию рабочей силы Фрица Заукеля Гитлеру от 15 апреля

1943 г. (документ ПС-407, США-209), где сообщалось об успехе программы применения принудительного труда, достигнутом к указанному дню, содержит следующее высказывание — цитирую:

«Вы можете быть уверены, что район Тюрингии и я будем служить Вам и нашему дорогому народу и отдадим этому все свои силы».

Я хочу обратить внимание Трибунала на документ ПС-630, США-342. Это личное письмо Гитлера от 1 сентября 1939 г., адресованное рейхслейтеру Булеру и доктору медицины Брандту. Оглашаю весь этот документ, он довольно короткий:

«На рейхслейтера Боулера и доктора Брандта возлагается ответственность за расширение полномочий некоторых врачей, имена которых будут перечислены и которым будет поручено после человеколюбивого и справедливого исследования, установления тщательного диагноза и признания больных неизлечимыми умерщвлять их в виде акта милосердия». Подпись «А. Гитлер».

В меморандуме, передающем содержание соглашения между Гиммлером и министром юстиции Тираком, указано, что по предложению рейхслейтера Бормана заключено соглашение между Тираком и Гиммлером относительно «специальных мер, которые должна применять полиция в тех случаях, когда судебный приговор недостаточно суров» (документ ПС-654, США-218). Я хочу огласить одну выдержку из этого документа:

«Имперский министр юстиции будет решать, каким образом и когда следует применять особые меры, которыми располагает полиция. Рейхсфюрер СС будет направлять отчеты, которые он до сих пор посылал рейхслейтеру Борману, имперскому министру юстиции. В случае, если мнения имперского министра юстиции и рейхсфюрера СС разойдутся, следует запросить мнение рейхслейтера Бормана по этому поводу, который будет о таких случаях, очевидно, докладывать фюреру». Далее говорится:

«Отбывающие наказание антисоциальные элементы должны передаваться в распоряжение рейхсфюрера СС для того, чтобы они подвергались уничтожению путем непосильной работы.

Лица, находящиеся в превентивном заключении, евреи, цыгане, русские и украинцы, поляки, осужденные более чем на три года, чехи и немцы, осужденные на сроки свыше восьми лет, могут передаваться по распоряжению министра юстиции. Прежде всего должны передаваться наихудшие антисоциальные элементы из числа перечисленных выше. Я буду информировать об этом фюрера через рейхслейтера Бормана».

Далее следует письмо РСХА (главного управления имперской безопасности) начальникам полиции от 5 ноября 1942 г., которое я представляю в качестве документа Л-316, США-346; оно было адресовано всем начальникам полиции. Письмо передает содержание соглашения, достигнутого

между рейхсфюрером СС и имперским министром юстиции и одобренного Гитлером. Я обращаю внимание господ судей на то, что поля оригинала этого документа обведены красной чертой и на нем имеется партийная печать. В этом письме говорится, что обычная судебная процедура не должна больше применяться в отношении поляков и восточного населения. Это соглашение предусматривало, что эти лица, включая евреев и цыган, должны непосредственно передаваться полиции. Принципы, применяемые к обвиняемым-немцам при определении им наказания, например установление мотивов преступления, не могут применяться к совершившим преступление иностранцам.

Я цитирую со страницы 2 документа:

«Преступления, совершенные лицами других национальностей, должны рассматриваться не с точки зрения законного наказания, установленного правосудием, а с точки зрения предупреждения опасности путем применения полицейских мер.

Из этого следует, что уголовное преследование лиц иностранной национальности должно осуществляться не судебными органами, а полицией. Все вышеизложенное приводится только для вашего личного сведения. Нет возражений против того, чтобы надлежащим образом информировать об этом гаулейтеров в случае надобности».

Перехожу к документу Р-114. Этот документ уже был представлен под номером США-314.

Гаулейтер Вагнер в оккупированных Германией районах Эльзаса подготовлял мероприятия для того, чтобы изгонять определенные группы населения с территории Эльзаса. В его план входили насильственное переселение в качестве наказания определенной категории нежелательных лиц, а также насильственная германизация. Гаулейтер Вагнер наблюдал также за проведением насильственного угона населения Эльзаса с июля по декабрь 1940 года. В течение этого срока было выселено без права возвращения 105 тысяч человек. В протоколе совещания между высшими чинами СС и служащими полиции от 4 августа 1942 г., где обсуждались отчеты и планы гаулейтера об эвакуациях из Эльзаса, говорилось, что вывезенные лица состояли главным образом «из евреев, цыган и других чуждых расовых элементов, преступников, антисоциальных элементов и неизлечимых душевнобольных, а также французов и франкофилов».

Далее говорилось, что фюрер по заявлению гаулейтера разрешил ему «очистить Эльзас от всех иностранцев, больных и ненадежных элементов», а также что гаулейтер сознает политическую необходимость дальнейших депортаций. В меморандуме далее зафиксировано, что присутствовавшие на совещании чины СС и полиции одобрили предложения гаулейтера о продолжении депортаций.

Меморандум рейхслейтера Бормана касается совещания в ставке Гитлера от 16 июля 1941 г. Я представляю его за номером Л-221, США-317. Хочу обратить Ваше внимание, что на этом совещании присутствовали рейхслейтер Розен-

берг, рейхсминистр Ламмерс, фельдмаршал Кейтель, рейхсмаршал Геринг и Борман. Это совещание длилось 20 часов. В меморандуме говорится, что на совещании обсуждались вопросы аннексии Германией различных частей побежденной Европы. Затем по предложению Розенберга рассматривался вопрос о назначении гаулейтера Лозе правителем прибалтийских государств. Кроме того, говорилось, что долго обсуждался вопрос о назначении гаулейтеров и чиновников для управления различными оккупированными областями России. Геринг предложил назначить гаулейтера Тербовена для «использования ресурсов Кольского полуострова. Гитлер согласился с ним».

Перехожу к изложению вопроса об участии руководящего состава национал-социалистской партии в преследовании христианской церкви и духовных лиц. Сошлюсь в порядке иллюстрации на ряд совершенных преступлений.

Доказательства, касающиеся систематически принимавшихся над подсудимыми — участниками заговора мер по упразднению в Германии церквей различных христианских конфессий, ранее уже были представлены майором Уоллисом при изложении материала о стремлении нацистов ликвидировать христианскую церковь. Я ограничусь сейчас доказательствами, устанавливающими ответственность руководящего состава нацистской партии и ее членов за противозаконные действия в отношении христианской церкви и духовных лиц.

Подсудимый Борман издал для всех гаулейтеров секретный декрет, озаглавленный «Взаимоотношение национал-социализма и христианства». Это документ Д-75, США-348. В этом декрете рейхслейтер Борман прямо заявляет, что национал-социализм и христианство несовместимы и что влияние, оказываемое церквами в Германии, должно быть упразднено. Привожу несколько относящихся к делу выдержек из этого декрета, начиная с первого абзаца, стр. 3:

«Концепции национал-социализма и христианства непримиримы...

Наша национал-социалистская идеология является гораздо более возвышенной по сравнению с концепциями христианства; последние, в своих основных положениях, были переняты от евреев. Нам не нужно христианство также и по этой причине... Поэтому, если в будущем наша молодежь более ничего не узнает о христианстве, доктрины которого намного слабее наших, христианство исчезнет само по себе... Из несовместимости национал-социалистской и христианской концепций следует, что нам нужно отрицательно отнестись к укреплению существующих конфессий и к оказанию какого-либо содействия возникающим христианским конфессиям. Здесь нас не будут интересовать различия между разными христианскими конфессиями. По этой причине мы также категорически отказались от мысли создания евангелической национальной церкви путем слияния различных ветвей евангелической церкви, так как евангелическая церковь для нас столь же враждебна, как и ка-

толическая церковь. Любое укрепление евангелической церкви сработало бы против нас...

Впервые в истории Германии фюрер сознательно взял в свои руки полное руководство народом. С помощью партии, ее составных частей и приданных ей организаций фюрер создал для себя, а следовательно, и для руководства германским рейхом механизм, сделавший его независимым от церкви. Все влияния, которые могли бы помешать или повредить тому руководству народом, которое осуществляется фюрером с помощью НСДАП, должны быть устранены. Народ во все большей степени следует отделять от церквей различных вероисповеданий и пасторов, которые выступают от имени церквей. Разумеется, церкви, если встать на их позицию, должны противостоять такой потере власти и будут это делать. Но никогда снова влияние на руководство народом не должно быть отдано церквам. Это влияние должно быть сломлено полностью и окончательно.

Только руководство рейхом и направляемые им партия, ее составные части и приданные ей организации имеют право на руководство народом. Подобно тому, как государство устраняет вредные влияния астрологов, ясновидцев и других "факиров" и борется с такими влияниями, следует также полностью устранить возможное влияние церкви. Только когда это произойдет, руководство государством приобретет влияние на индивидуального гражданина. Только когда это произойдет, будет обеспечена безопасность народа и рейха на все последующие времена».

Далее я представляю в качестве доказательства документ ПС-070, США-349, это копия письма, датированного 25 апреля 1941 года и направленного ведомством Бормана подсудимому Розенбергу в качестве представителя фюрера по наблюдению за идеологическим обучением и образованием НСДАП. Как утверждается в этом письме, вышедшем из ведомства Бормана, были приняты меры, приведшие к постепенной отмене утренних молитв и других религиозных отправлений и к замене их нацистскими девизами и лозунгами. Цитирую из первого абзаца документа ПС-070:

«Мы воздействуем на школы с тем, чтобы они во все большей степени сокращали и упраздняли утренние религиозные отправления. Аналогичным образом молитвы отдельных конфессий и общие молитвы в ряде частей рейха уже заменены на национал-социалистские девизы. Я был бы признателен, если бы Вы сообщили мне свое мнение об учреждении в будущем национал-социалистской утренней службы взамен нынешних конфессиональных утренних служб, которые обычно проводятся раз в неделю».

В письме рейхслейтера Бормана рейхслейтеру Розенбергу от 22 февраля 1940 года (документ ПС-098, США-350, представляемый мной в качестве доказательства) Борман заявляет Розенбергу, что христианская религия и национал-социализм несовместимы. В качестве примеров враждебного противостояния между нацизмом и церковью Борман указывает на позицию церкви по расовому вопросу, на обет без-

брачия, существующий для священников, для мужских и женских монастырей. Борман далее заявляет, что церкви нельзя было бы подчинить с помощью компромисса, но лишь посредством нового мировоззрения, которое просматривается в трудах Розенберга. Для того чтобы дать моральный базис той части германской молодежи, которая отказывается следовать традиционным религиям, и чтобы заложить моральную основу для доктрин национал-социализма, Борман предложил создать национал-социалистский катехизис. По мысли Бормана, некоторые из десяти христианских заповедей можно было бы слить с национал-социалистским катехизисом, добавив несколько новых заповедей, например: «будь храбр», «не будь трусом», «верь в присутствие бога в природе, в животных и растениях», «охраняй чистоту твоей крови» и т.п. Борман заявил, что он считает эту проблему столь важной, что должен, не откладывая, обсудить ее с руководителями империи в наикратчайший срок.

Приведу теперь цитату из пятого абзаца на первой странице перевода:

«Христианство и национал-социализм суть явления, источником которых были совершенно различные основополагающие причины. Христианство и национал-социализм фундаментально столь сильно отличаются друг от друга, что невозможно было бы создать христианское учение, которое было бы полностью совместимо с мировоззрением национал-социалистской идеологии; аналогичным образом христианские общины никогда не смогли бы полностью воспринять идеологию национал-социализма...».

Далее я привожу выдержку из последнего абзаца на стр. 5:

«Заместитель фюрера считает необходимым в ближайшем будущем подробно рассмотреть эти вопросы в присутствии рейхслейтеров, для которых они имеют особое значение...»[1].

Теперь мы представляем в качестве доказательства документ ПС-107, США-351. Это циркулярное письмо от 17 июня 1938 года, адресованное подсудимым Борманом в качестве рейхслейтера и заместителя фюрера всем рейхслейтерам и гаулейтерам. К письму Бормана приложена копия правил, разработанных рейхслейтером Хирлем, которыми устанавливается ряд ограничений для регулирования участия имперского трудового фронта в религиозных церемониях. Цитирую относящиеся к делу выдержки из указаний, предложенных рейхслейтером Хирлем, начиная с первого абзаца стр. 1 английского перевода документа ПС-107:

«Имперский Трудовой фронт представляет собой школу, где германская молодежь должна воспитываться

---

[1] В переводе опущен диалог Стори с членами Трибунала, где речь идет об участии блоклейтеров в совещаниях и об их причастности к преступлениям, совершенным НСДАП. — **Прим. перев.**

для национального единства в духе национал-социализма... Каковы религиозные верования человека, решающим фактором не является, решающим является то, чтобы человек прежде всего ощущал себя немцем.

В имперском Трудовом фронте запрещаются все дискуссии по вопросам религии, так как таким образом нарушается гармония товарищеских отношений между мужчинами и женщинами — участниками трудового фронта.

Именно по этой причине невозможно участие работников трудового фронта в религиозных бдениях и других собраниях и празднествах религиозного характера».

Трибунал оценит то обстоятельство, что положение, которое занимал подсудимый Борман как заместитель фюрера руководящего состава нацистской партии и как начальник канцелярии нацистской партии, и положение подсудимого Розенберга, являвшегося представителем фюрера по всем вопросам духовного и философского воспитания нацистской партии, придают позициям этих подсудимых в отношении религии самую высокую официальную поддержку. Антихристианские высказывания и антихристианская политика этих двух подсудимых раскрывают общность взглядов и намерений у самых властных руководителей партии, что в достаточной степени подтверждается фактическими мерами, применявшимися в отношении церквей после 1933 года и на протяжении всего заговора — как об этом будут свидетельствовать доказательства. Теперь я представляю в качестве доказательства документ ПС-2349, США-352, это выдержка из книги «Миф 20-го века», написанной подсудимым Розенбергом. Цитирую этот документ:

«Идея чести — национальной чести — это для нас начало и конец всего нашего мышления и всех наших дел. Недопустимо, чтобы наряду с нашим мышлением и нашими делами наличествовал какой-то равноценный источник силы, каков бы он ни был, будь то идея христианской любви, гуманизм франкмасонов или римская философия».

Перехожу к документу ПС-848 под номером США-363. Это — телеграмма гестапо от 24 июля 1938 г., отправленная из Берлина в Нюрнберг, в которой говорилось относительно демонстрации и актов насилия против епископа Шпролля в Ротенбурге.

Берлинское гестапо передало по телеграфу и телефону своему управлению в Нюрнберге полученные по телетайпу от отдела гестапо в Штутгарте сведения о недисциплинированном поведении и вандализме, проявленном членами нацистской партии в отношении епископа Шпролля.

23 июля 1938 г. имперский министр по делам церкви Керрл направил рейхсминистру и начальнику имперской канцелярии в Берлине письмо, в котором говорил, что епископ возбуждал вражду населения тем, что отказался участвовать в плебисците 10 апреля. Это документ ПС-849, США-354. В этом письме Керрл заявил, что гаулейтер Вюртемберга решил, что в целях охраны интересов и авторитета

государства и поддержания спокойствия и порядка епископ Шпролль должен быть отстранен от своего поста.

Я ссылаюсь на третий абзац первой страницы документа ПС-849, который гласит:

«Гаулейтер сообщил церковному совету, что он больше не может рассматривать епископа Шпролля как главу церкви Ротенбурга ввиду отказа Шпролля участвовать в избирательной кампании и что он желает, чтобы епископ Шпролль вообще покинул территорию гау, так как он не может гарантировать его личную безопасность; в случае возвращения епископа в Ротенбург он постарается, чтобы всякое общение личного и официального характера с ним представителей правительства, партии и армии было прекращено».

Керрл далее заявил в том же письме, что его заместитель обратился в министерство иностранных дел для того, чтобы последнее через германское посольство в Ватикане просило убедить епископа Шпролля отказаться от епископского сана. Керрл заявил также, что, если усилия добиться от епископа прошения об отставке окажутся неудачными, «следует изгнать епископа из страны или же последует полный бойкот епископа со стороны властей».

14 июля 1939 года подсудимый Борман в качестве заместителя фюрера издал партийное постановление, предусматривавшее, что члены партии, которые становятся священниками или занимаются изучением теологии, должны выйти из партии.

В этой директиве Борман также ссылается на изданный ранее декрет от 9 февраля 1939 года, в котором он постановлял, что следует избегать приема священников в партию. В этом декрете Борман также с одобрением упоминает о распоряжении имперского казначея партии о том, что «священников, равно как и других соотечественников-немцев, которые тесно связаны с церковью, нельзя принимать в партию».

Теперь я представляю в качестве доказательства документ ПС-3268, США-356, представляющий собой выдержки из Аллокуции Его Святейшества Папы Пия XII, обращенной к Собору кардиналов от 2 июня 1945 г. В этом обращении Его Святейшество заявляет, что за 12 лет, проведенные им в среде германского народа, он положительно оценивает высокие качества германского народа и выражает надежду, что Германия сумеет «возродиться к новому достоинству и новой жизни после того, как она свергнет сатанинский фантом, порожденный национал-социализмом, и виновные искупят совершенные ими преступления». Отметив, что германское правительство неоднократно нарушало конкордат, заключенный в 1933 году, Его Святейшество заявляет — цитирую последний абзац стр. 1 английского перевода документа ПС-3268:

«Борьба против церкви фактически становилась все более ожесточенной; имели место: роспуск католических организаций; постепенная ликвидация процветавших католических школ, как государственных, так и частных; насильственное отторжение молодежи от семьи и церкви; давление,

оказывавшееся на совесть граждан, в особенности гражданских служащих; систематическая диффамация посредством умной, тщательно организованной пропаганды, церкви, священнослужителей, верующих, институтов, учений и истории церкви; закрытие, роспуск, конфискация монастырей и других церковных учреждений; полное запрещение католической прессы и закрытие католических издательств...

Тем временем сам Святейший Престол направлял в органы власти в Германии многочисленные представления и протесты, где в четких и энергичных выражениях содержались напоминания об обязанности власти уважать и исполнять нормы естественного права, подтвержденные в конкордате. В эти критические годы наш великий предшественник папа Пий XI, сочетавший в себе ревностное бдение пастыря с отеческим долготерпением, с неустрашимостью и мужеством выполнял свою миссию папы римского.

Когда же, исчерпав все средства убеждения, он ясно увидел, что имеет место сознательное нарушение священного договора, что происходит замаскированное или открытое, но всегда тщательно организованное преследование религии, с пламенным рвением он в 1937 году объявил перед всем миром в своей энциклике, чем на самом деле является национал-социализм: самонадеянным отступничеством от Иисуса Христа, отказом от Его учения и от искупления людских грехов Иисусом Христом, культом насилия, идолопоклонничеством перед расой и кровью, отменой свободы и достоинства личности...

И тюрьмы, и концлагеря, и крепости теперь переполнены людьми, будь то политзаключенные, священнослужители или миряне, единственной виной которых было поклонение Христу и следование вере отцов либо бесстрашное исполнение долга священнослужителя».

Самым тяжелым лишениям и жестокостям подвергались польские священники. С 1940 по 1945 год в лагеря было заключено 2800 польских священников и монахов; между ними был епископ Вроцлавек, который умер там от тифа. В апреле 1945 года оставалось в живых из них только 816 человек, остальные умерли, и только двое-трое были переведены в другой лагерь. Летом 1942 года 480 священнослужителей, говорящих по-немецки, были собраны в лагеря. Из них 45 были протестантами, а остальные — католическими священниками. Несмотря на большой приток новых заключенных, особенно из епархий Баварии, Вестфалии и др., общее их число не увеличивалось в результате большой смертности и к началу этого года не превышало 350 человек.

Мы не можем обойти молчанием тех священников, которые привозились с оккупированных территорий Голландии, Бельгии, Франции (среди них епископ Клермонтский), Люксембурга, Словении, Италии. Многие из этих священников и мирян переживали неописуемые страдания. Так, однажды ненависть нацистов к представителям церкви дошла до того, что, надев на голову одного из интернированных

священников колючую проволоку, они пародировали истязания и увенчание терновым венцом Христа.

Руководящий состав нацистской партии участвовал в конфискации церковного и религиозного имущества.

Представляю в качестве доказательства документ ПС-072, США-357, это письмо рейхслейтера Бормана рейхслейтеру Розенбергу, датированное 19 апреля 1941 года. В этом письме вскрывается участие гаулейтеров в проведении мероприятий, связанных с конфискацией собственности религиозных учреждений.

Цитирую из последнего абзаца на стр. 1 документа ПС-072:

«Принадлежащие монастырям библиотеки и произведения искусства, конфискованные для рейха, должны на данном этапе оставаться в этих монастырях, при условии, что гаулейтер не вынес по этому поводу иного решения...»

21 февраля 1940 г. начальник полиции безопасности и СД Гейдрих направил письмо рейхсфюреру СС Гиммлеру, в письме предлагалось конфисковать ряд церквей и монастырей, указанных в списке, для размещения так называемых «расовых немцев».

Трибунал, разумеется, помнит, какой пост занимал Гиммлер.

Отметив, что по политическим причинам проводить открытую экспроприацию религиозного имущества было бы на данном этапе нецелесообразно, Гейдрих предложил провести ряд «благовидных» промежуточных мер в отношении церковного имущества, о котором шла речь, с тем, чтобы за этим постепенно последовала открытая конфискация.

Теперь я представляю в качестве доказательства документ Р-101(а), США-358.

С дозволения Трибунала отмечу, что под номером Р-101 представляется несколько документов, в нижней части они помечены буквами «а», «b» и «с». Первый представляемый документ — Р-101(а), цитирую первые пять абзацев на стр. 2 английского перевода:

«К сему прилагается список церковного имущества, которое может быть предоставлено для размещения расовых немцев. Список дополнен относящимися к данному вопросу перепиской и иллюстрированным материалом; список прошу возвратить.

По политическим причинам на данном временном этапе едва ли возможна экспроприация без возмещения всей собственности церквей и религиозных общин.

В еще меньшей степени возможна экспроприация с возмещением либо в обмен на выделение других земель и участков.

Поэтому предлагается проинструктировать соответствующие духовные власти о том, чтобы они предоставили указанные монастыри для размещения расовых немцев и перевели собственных обитателей монастырей в не столь населенные монастыри».

Против этого абзаца на полях имеется пометка «очень хорошо».

«Окончательная экспроприация данного имущества, переданного таким образом в наше распоряжение, может быть произведена поэтапно с течением времени».

5 апреля 1940 г. полиция безопасности и служба безопасности СС направили письмо имперскому комиссару по консолидации германской нации. К нему прилагалась копия приведенного выше письма Гейдриха Гиммлеру от 21 февраля 1940 г., где предлагалось конфисковать церковное имущество. Письмо от 5 апреля 1940 г. включено в документ Р-101(а), только что представленный в качестве доказательства; цитирую со второй фразы первого абзаца, стр. 1 документа Р-101(а):

«Рейхсфюрер СС согласился на предложения, изложенные в прилагаемом письме, и распорядился о том, чтобы в решении этого вопроса сотрудничали шеф полиции безопасности и служба безопасности и ваше ведомство».

«Со ссылкой на доклад от 30 мая 1941 г. настоящее ведомство почитает своим долгом привлечь внимание рейхсфюрера к развитию событий, которое имеет место в присоединенных восточных странах в отношении захвата и конфискации церковной собственности.

Как только имперские законы об экспроприации вступили в силу, имперский наместник и гаулейтер рейхсгау Вартеланд установил практику экспроприации церковной недвижимости для использования под жилье и выплаты оцененной стоимости на блокированные счета.

Более того, согласно сообщению Восточно-германской сельскохозяйственной администрации с ограниченной ответственностью, в Вартегау на всю принадлежащую церкви недвижимость претендует местная администрация гау».

Далее я представляю в качестве доказательства документ Р-101(b), который идет непосредственно за документом США-358, уже представленным в качестве доказательства. Это письмо начальника штаба главного управления Гиммлеру, датированное 30 марта 1942 г., в нем идет речь о конфискации церковной собственности. Письмо служит свидетельством того, что партийная канцелярия принимала активное участие в конфискации имущества религиозных учреждений.

В этом письме начальник штаба главного управления докладывает Гиммлеру о проводимых СС мерах по приостановке всех выплат за аренду монастырям и другим церковным учреждениям, имущество которых было экспроприировано. В письме рассматривается предложение, исходившее от министра внутренних дел, в котором непосредственное участие принимала партийная канцелярия; предложение заключалось в том, что церковным учреждениям следует выплачивать суммы, соответствующие текущим ценам, устанавливаемым по закладным на здания, без получения какой-либо прибыли. Автор письма далее предлагает, чтобы такие выплаты никогда не производились непосредственно в

адрес церковных учреждений, их следует производить кредиторам таких учреждений.

Теперь я ссылаюсь на четвертую фразу на стр. 3 английского перевода документа, где говорится, что такая договоренность будет соответствовать «основополагающей идее решения вопроса, которая первоначально была разработана по соглашению между партийной канцелярией и имперским министром внутренних дел».

Насколько мне известно, министром внутренних дел в 1933—1944 годах являлся подсудимый Фрик.

Руководящий состав нацистской партии участвовал в запрещении религиозных публикаций и препятствовал свободному религиозному воспитанию.

Письмом, датированным 27 сентября 1940 г., рейхсфюрер и заместитель фюрера Борман направляет подсудимому Розенбергу фотокопию письма гаулейтера Флориана от 23 сентября 1940 г., в котором гаулейтер настойчивым образом высказывает свое неодобрение исходя из смысла нацистской идеологии, по поводу религиозной брошюры, озаглавленной «Дух и душа солдата», брошюра была написана генерал-майором фон Рабенау.

Теперь я представляю в качестве доказательства документ ПС-064, США-359. Это подлинник письма, подписанного Розенбергом, к которому приложены копии материалов по данному вопросу. Здесь имеется письмо подсудимого Бормана Розенбергу, датированное 27 сентября 1940 г., которым препровождается письмо гаулейтера от 23 сентября 1940 г., адресованное Гессу; в письме гаулейтер настаивает на запрещении религиозных текстов генерала фон Рабенау. В своем письме на имя подсудимого Гесса гаулейтер Флориан рассказывает о разговоре, который произошел у него с генералом фон Рабенау после лекции, которую генерал прочел группе молодых армейских офицеров в Ахене. Этот разговор служит иллюстрацией враждебного отношения руководящего состава нацистской партии к христианским церквям. Цитирую со второй фразы второго абзаца на второй странице письма гаулейтера Гессу— стр. 2 английского перевода:

«После того как он подтвердил, что церкви необходимы, Рабенау с подчеркнутой самонадеянностью сказал примерно следующее:

"Дорогой гаулейтер, партия в своем отношении к церквам совершает одну ошибку за другой. Добудьте для меня от фюрера необходимые полномочия, и я гарантирую, что за несколько месяцев мне удастся установить мир с церквами на все последующие времена".

Столкнувшись со столь катастрофическим невежеством, я прекратил разговор.

Дорогой член партии Гесс, когда я прочел брошюру фон Рабенау "Дух и душа солдата", она вновь напомнила мне об имевшем место разговоре. В своей брошюре Рабенау вновь прямо и четко подтверждает, что церковь необходима, хотя в своих выражениях он осторожен и хитер. На стр. 28 он пишет: "Можно привести и другие примеры; их

3*

будет достаточно, чтобы продемонстрировать, что солдат в этом мире едва ли может прожить без мыслей о мире ином". Ввиду того, что у Рабенау ложная духовная основа, я считаю его деятельность в качестве воспитателя в духовных вопросах опасной; я полагаю, что в любом случае следует обойтись без его работ по воспитанию и что издательский отдел НСДАП может и должен отказаться от публикации таких текстов...

Церкви с их христианством представляют опасность, против которой абсолютно необходимо вести борьбу».

Тот факт, что партийная канцелярия разделяла с гаулейтером враждебность по отношению к христианским церквям, раскрывается далее инструкцией подсудимого Бормана подсудимому Розенбергу в препроводительном письме о том, какие надлежит принять меры при реализации рекомендации гаулейтера о запрещении работ генерала.

Теперь я представляю в качестве доказательства документ ПС-089, США-360, это письмо подсудимого Бормана в качестве заместителя фюрера подсудимому Розенбергу от 8 марта 1940 года, к которому приложена копия письма Бормана рейхслейтеру Аману, датированного тем же числом. Аман имел высокое положение в руководящем составе нацистской партии в силу того, что занимал пост рейхслейтера по прессе и руководителя издательской компании партии. В своем письме Аману Борман выражает свое возмущение и неудовольствие тем, что всего 10 процентов из 3000 протестантских периодических изданий перестали выходить в свет по причинам, которые названы «экономией бумаги». Борман далее советует рейхслейтеру Аману «заблокировать выделение для таких периодических изданий какой бы то ни было бумаги».

Ссылаюсь на документ ПС-089 и цитирую второй абзац письма Бормана Аману:

«Настоятельно рекомендую Вам проследить за тем, чтобы при любом перераспределении бумаги, которое будет производиться в последующем в отношении религиозных трудов, которые, согласно накопленному нами по сей день опыту, имеют весьма сомнительную ценность в смысле укрепления воли населения к сопротивлению внешнему врагу, устанавливались еще более жесткие ограничения в пользу литературы, более ценной в политическом и идеологическом плане».

Далее я представляю в качестве доказательства документ ПС-101, США-361, это опять-таки письмо подсудимого Бормана рейхслейтеру Розенбергу, датированное 17 января 1940 года; в письме выражается протест по поводу распространения религиозной литературы среди военнослужащих германских вооруженных сил. Цитирую со стр. 1:

«Почти из всех районов, — т.е. гау, — ко мне регулярно поступают доклады о том, что церкви обеих конфессий проявляют неослабевающую активность в оказании духовной поддержки военнослужащим вооруженных сил. Она выражается в том, что солдаты получают религиозные пуб-

ликации от пасторов тех общин, где находится их дом. Такие публикации или часть их, великолепно написаны. Мне неоднократно докладывали о том, что их читают в войсках, и таким образом они оказывают определенное влияние на моральное состояние военнослужащих.

По получении таких докладов я предпринял меры к значительному сокращению издания и доставки публикаций подобного рода, для чего немедленно связался с генерал-фельдмаршалом, с высшим командованием вооруженных сил и с членом партии рейхслейтером Аманом. Результаты предпринятых усилий остаются неудовлетворительными. Как неоднократно информировал меня рейхслейтер Аман, нельзя добиться ограничения этих брошюр с помощью нормированного распределения бумаги, так как бумага, используемая для брошюр, покупается на вольном рынке...

Эффективно бороться с влиянием церкви на солдат можно только одним способом — в самое короткое время наладить производство многочисленных хороших публикаций под наблюдением партии...

Следует также отметить, что на последнем совещании заместителей гаулейтеров по данному вопросу раздавались замечания о том, что таких публикаций в достаточных количествах не имеется...

Утверждаю, что необходимо в самом ближайшем будущем передать в служебные отделы партии, вплоть до ортсгруппенлейтеров, список дополнительных публикаций такого рода, которые ортсгруппы должны направлять нашим солдатам...».

Руководящий состав нацистской партии принимал также участие в мерах, приведших к закрытию и ликвидации теологических учебных заведений и других религиозных учреждений. Представляю в качестве доказательства документ ПС-122, США-362. Это вновь письмо подсудимого Бормана подсудимому Розенбергу в качестве представителя фюрера по надзору за духовным и идеологическим обучением и просвещением в НСДАП. Этим письмом, датированным 17 апреля 1939 года, Розенбергу препровождается приложенная к нему фотокопия плана, предложенного имперским министром по науке, образованию и народной культуре в отношении объединения и закрытия некоторых теологических факультетов, перечисленных в особом списке. В своем препроводительном письме Розенбергу Борман привлекает внимание адресата к намечаемому запрещению религиозных учреждений и просит его принять по этому поводу незамедлительные меры. Цитирую далее текст до последнего абзаца на стр. 2, где кратко излагается план ликвидации религиозных учреждений:

«Итак, этот план означал бы, в дополнение к закрытию теологических факультетов в Инсбруке, Зальцбурге и Мюнхене, что уже осуществлено, и намечаемого перевода факультета из Граца в Вену, также и ликвидацию четырех католических теологических факультетов:

a) упразднение в течение зимнего семестра 1939/40 года еще трех католических теологических факультетов или высших учебных заведений и четырех евангелических теологических факультетов;

b) упразднение в ближайшем будущем еще одного католического теологического факультета и еще трех евангелических теологических факультетов».

Из приведенных выше доказательств не может не быть сделан вывод о том, что руководящий состав нацистской партии разделяет ответственность за меры, предпринимавшиеся с целью низвергнуть христианскую церковь, и за меры по преследованию христианских священнослужителей как в Германии, так и на оккупированных Германией территориях Европы. Только что представленные доказательства, в сочетании с доказательствами, представленными Обвинением ранее, показывают, что в сознательно осуществлявшейся программе разрушения христианской религии общее участие принимал руководящий состав нацистской партии, от рейхслейтера до гаулейтера, осуществления программы придерживался и рядовой состав. Мы подчеркиваем, что весьма важное значение имело назначение подсудимого Розенберга, открыто провозглашавшего свои общеизвестные антихристианские взгляды, на пост «уполномоченного» или «представителя» фюрера по всей сфере духовного и философского воспитания нацистской партии. Именно этот пост обеспечил Розенбергу его место в имперском руководстве (генеральном штабе партии), куда входили все рейхслейтеры. Мы обращаем особое внимание не только на тот факт, что такие противники религии, как подсудимые Борман и Розенберг, занимали ведущее положение в руководящем составе нацистской партии, но и на тот факт, что их директивы и приказы передавались в порядке субординации в низшие партийные инстанции, что привело к участию членов руководящего состава НСДАП в акциях, подрывающих деятельность христианской церкви.

Документ Д-75, как мне думается, уже был представлен в качестве доказательства; я собираюсь процитировать из этого документа всего одну строчку, где подсудимый Борман заявляет: «Нацизм и христианство — концепции несовместимые». Данный подсудимый никогда не делал более справедливого высказывания, но он горько ошибался в своем предсказании того, которая из двух концепций исчезнет первая.

Перехожу к вопросу об ответственности руководящего состава за уничтожение свободных профсоюзов и установление контроля заговорщиков над производительной силой Германии.

Доказательства относительно ответственности нацистских заговорщиков за уничтожение независимых профсоюзов уже были представлены Трибуналу. В настоящий момент я лишь дополню доказательства об ответственности руководящего состава нацистской партии за разгром неза-

висимых профсоюзов и установление контроля заговорщиков над производительностью труда немецких рабочих.

Вскоре после захвата власти видные члены руководящего состава партии приняли участие в разгроме и роспуске независимых профсоюзов Германии. Роберт Лей как рейхслейтер по организационным вопросам получил в середине апреля 1939 года указания Гитлера о разгроме независимых профсоюзов и начал действовать (документ ПС-392, США-326). Цитирую с начала стр. 1 английского перевода:

«Во вторник 2 мая 1933 г. начались согласованные действия против свободных профсоюзов. Основной удар направляется против Всеобщей германской конфедерации труда и Всеобщей независимой федерации служащих.

Все остальное, что связано со свободным профсоюзным движением, передается на усмотрение гаулейтеров.

Гаулейтеры несут ответственность за проведение этих согласованных мер на своей территории. Эти меры должны проводиться при поддержке членов заводских ячеек национал-социалистской партии.

Гаулейтер должен проводить эти мероприятия в тесном сотрудничестве с компетентными руководителями заводских ячеек в гау и районах.

В империи должны быть захвачены следующие организации: руководящие органы профсоюзов...»

Затем идет уже оглашенный мною список ряда организаций, члены которых должны были стать превентивно заключенными.

Далее идут следующие указания:

«Исключения могут быть сделаны только с разрешения гаулейтеров. Эти действия должны быть проведены в порядке строгой дисциплины. Гаулейтеры несут за это ответственность. Они должны осуществлять строгий контроль над проведением этих действий. Хайль Гитлер! Доктор Роберт Лей».

Приказ подсудимого Лея о роспуске независимых профсоюзов был выполнен по плану и согласно указаниям. Помещения профсоюзов повсюду в Германии были захвачены СА, а профсоюзы распущены.

2 мая 1933 г. агентство печати национал-социалистской партии сообщило, что организация национал-социалистских заводских ячеек (НСБО) устранила «старое руководство свободных профсоюзов» и взяла руководство в свои руки. В доказательство этого я представляю документ ПС-2224, США-364. Это сообщения национал-социалистского агентства печати. Цитирую абзац 5 стр. 1:

«Национал-социализм, который сегодня взял на себя руководство германским рабочим классом, более не может нести ответственности за то, чтобы мужчины и женщины из германского рабочего класса, члены самой крупной профсоюзной организации в мире — германского профсоюзного движения — оставались в руках людей, которые не осознают, что их родина — Германия. Поэтому организация национал-социалистских заводских ячеек взяла на себя руководство профсоюзами. Старое руководство профсоюзов в лице

Всеобщей германской конфедерации труда и Всеобщей независимой федерации служащих устранено...

2 мая 1933 года руководство профсоюзами взяла на себя организация национал-социалистских заводских ячеек; все профсоюзные здания были захвачены, был установлен самый строгий контроль за финансами и кадрами организаций».

Разгром Леем с помощью гаулейтеров и партийных организаций независимых профсоюзов сопровождался захватом профсоюзных фондов и собственности. В этой связи я представляю под номером США-365 документ ПС-1678. Это — запись доклада рейхслейтера Лея 11 сентября 1937 г. на пятом ежегодном съезде Германского трудового фронта. В докладе Лей бесстыдно подтверждает конфискацию профсоюзных фондов. Цитирую четвертый абзац первой страницы:

«Однажды я сказал фюреру: "На самом деле я одной ногой стою в тюрьме, потому что все еще являюсь хранителем доверенных мне товарищами Лейпартом и Имбушем денег... Если когда-нибудь они попросят меня вернуть эти деньги, то выяснится, что я их потратил на строительство или на что-нибудь еще... Но они никогда не найдут своей собственности вновь в том состоянии, в каком мне ее передали. Поэтому меня надо будет судить".

Фюрер посмеялся и заметил, что, по-видимому, в этом положении я себя прекрасно чувствую.

Когда-то это было трудным для всех нас. Сегодня мы над этим смеемся...»

Плану нацистских заговорщиков по устранению свободных профсоюзов способствовал Закон от 19 мая 1933 г., согласно которому рабочие не могли заключать коллективные договоры с предпринимателями. Вместо этого условия труда регулировались специальными уполномоченными по труду, назначенными Гитлером. Ссылаюсь на документ ПС-405, который представляет собой текст закона («Рейхсгезетцблатт», 1933 год, часть 1, стр. 285). В первом разделе предусмотрено назначение Гитлером этих уполномоченных, а в разделе втором говорится:

«Пока вновь не будет изменен общественный устав, эти уполномоченные должны регулировать условия заключения трудовых договоров. Этот порядок должен являться обязательным для всех лиц...»

Следующим шагом нацистских заговорщиков после уничтожения независимых профсоюзов и запрещения коллективных договоров была нацификация производственных отношений. Ссылаюсь на документ ПС-1861. Это текст Закона от 20 января 1934 г., опубликованного в «Рейхсгезетцблатт» за 1934 год, часть 1, стр. 45. Этот закон именовался — «Закон, регулирующий национальный труд». Он устанавливал принцип фюрерства на предприятиях и предусматривал в первом разделе, что предприниматель должен являться руководителем предприятия, а рабочие должны «быть его последователями».

Далее в этом разделе говорится:

«Руководитель предприятия принимает решение за своих рабочих и служащих во всех касающихся предприятия вопросах, поскольку они регулируются настоящим Законом. Он несет ответственность за благосостояние рабочих и служащих. Рабочие и служащие обязаны быть верными ему в соответствии с принципами заводской солидарности».

После того как профсоюзы были распущены и принцип фюрерства внедрен в отношения между предпринимателями и рабочими, руководящий состав нацистской партии принял меры, направленные к тому, чтобы заменить независимые профсоюзы Германским трудовым фронтом (ДАФ), филиальной организацией нацистской партии. В тот самый день, когда нацистские заговорщики захватили и распустили свободные профсоюзы — 2 мая 1933 г., они публично провозгласили, что на конгрессе рабочих 10 мая 1933 г. будет создан объединенный фронт германских рабочих с Гитлером в качестве почетного руководителя.

Цитирую последний абзац на второй странице документа ПС-2224. Это заявление пресс-агентства национал-социалистской партии:

«Как сообщило агентство печати национал-социалистской партии, в среду 10 мая в Берлине состоится большой съезд рабочих. На этом съезде будет создан объединенный фронт германских рабочих. Адольфу Гитлеру будет предложено занять пост почетного руководителя».

Нацистские заговорщики использовали Германский трудовой фронт в качестве орудия нацистской пропаганды среди миллионов своих подневольных членов. Контроль руководящего состава над Германским трудовым фронтом был обеспечен не только назначением рейхслейтера партии Лея главой этой организации, но и использованием большого количества политических руководителей для распространения и навязывания нацистской идеологии многочисленным членам трудового фронта. В уставе нацистской партии (документ ПС-2271, США-328) об этом говорится (стр. 185—187, цитирую со стр. 1 английского перевода):

«Организация заводских ячеек национал-социалистской партии является объединением политических руководителей НСДАП в рядах Германского трудового фронта.

Эти организации являются носителями организационных начал Германского трудового фронта.

Права и обязанности этой организации переданы трудовому фронту.

Политические руководители, которые были переведены из этих организаций в Германский трудовой фронт, обеспечивают идеологическое воспитание в рядах трудового фронта в духе национал-социализма».

Господа судьи, в дополнение к уже представленным доказательствам обвинение утверждает, что руководящий состав нацистской партии несет также ответственность за разграбление сокровищ искусства эйнзатцштабом подсудимого Розенберга. Эйнзатцштаб означает «особый штаб», «специальный штаб».

Этот вопрос — я разрешаю себе это попутное замечание — был подготовлен в связи с общим вопросом о разграблении произведений искусства. Сейчас я обращаюсь к книге документов «W», где содержится материал о разграблении сокровищ искусства.

В порядке пояснения хочу отметить, что здесь имеется одно упоминание о разграблении произведений искусства на оккупированной части Польши; это прямо не относится к рассматриваемому вопросу, но относится к теме общего заговора; я полагал бы, что следует остановиться на данном вопросе.

На данном этапе мы намереваемся обосновать доказательствами те подразделы Обвинительного заключения, которые касаются разграбления государственной и частной собственности, раздел 1, Общий план или заговор.

Господа судьи! Моей задачей сейчас не является исследовать все фазы грабежа в широком понимании, производившегося немцами. На данной стадии процесса я хотел бы обратить внимание Суда и всего мира на выработанную подсудимыми обширную программу, направленную к систематическому культурному обеднению чуть ли не всех стран Европы и, соответственно, к обогащению Германии. Особенно должны быть подчеркнуты деятельность специального штаба рейхслейтера Розенберга, а также ответственность руководящего состава, в том числе подсудимых Розенберга, Кейтеля, Геринга, и преступных организаций: генерального штаба, верховного командования, гестапо, службы безопасности и СС.

Прежде чем заняться вопросом о разграблении культурных ценностей штабом Розенберга, я хотел бы кратко описать операции по грабежу произведений искусства, проведенные, помимо этого штаба, генерал-губернаторством оккупированной Польши по указанию подсудимого Геринга и под наблюдением подсудимого Франка, который был генерал-губернатором.

В октябре 1939 года Геринг дал устный приказ некоему доктору Мюльману предпринять все необходимое для овладения всеми сокровищами искусства в Польше. Доктор Мюльман свидетельствовал об этом в своих показаниях (документ ПС-3042, который я представляю под номером США-375). Я зачитаю полностью его письменное показание.

Мюльман заявил под присягой:

«Я был членом НСДАП с 1 апреля 1938 г. Я был бригадным генералом (оберфюрером) СС. Я никогда не был нелегальным членом нацистской партии. Я был заместителем генерал-губернатора Польши Ганса Франка по взятию под охрану сокровищ искусства в генерал-губернаторстве в течение периода с октября 1939 года по сентябрь 1943 года. Геринг как председатель имперского совета по обороне возложил на меня эти обязанности.

Подтверждаю, что захват всех важных сокровищ искусства, которые принадлежали польским государственным учреждениям, частным лицам и церкви, выражал официаль-

ную политику генерал-губернатора Ганса Франка. Подтверждаю, что упомянутые сокровища искусства были фактически конфискованы. Для меня ясно, что вся эта собственность и произведения искусства не остались бы в Польше в случае германской победы, а были бы использованы для пополнения германских коллекций искусства».

15 ноября 1939 г. Франк издал приказ, официально опубликованный в книге «Законоположения генерал-губернаторства» (документ ПС-1773, США-376). Это краткая выдержка, и я прошу Трибунал принять ее без доказательств:

«Все движимое и недвижимое имущество бывшего Польского государства будет взято под секвестр с целью обеспечить сохранность общественного имущества всякого рода».

В последующем декрете от 16 декабря 1939 г. Франк объявил, что все предметы искусства, находящиеся во владении государства в генерал-губернаторстве, должны быть захвачены для выполнения задач, имеющих общественный интерес, если они еще не были захвачены на основании приказа от 15 ноября. Этот документ указывает, что в дополнение к коллекциям и произведениям искусства, принадлежащим Польскому государству, будут рассматриваться как находящиеся в общественной собственности и те частные коллекции, которые еще не были взяты под охрану специального уполномоченного, а также и все церковное имущество художественного характера.

24 сентября 1940 г. Франк издал декрет о том, чтобы все имущество, захваченное на основании приказа от 15 ноября 1939 г., было передано в собственность генерал-губернаторства. Нет возможности дать Трибуналу полную картину обширной программы разграбления культурных ценностей Польши, осуществленной во исполнение этих директив, так как я не могу прочитать списки пятисот с лишним произведений искусства, перечисленных в документе ПС-1233, США-377, и списки нескольких сот дополнительных предметов, перечисленных в документе ПС-1709. Документ ПС-1233, который я держу в руках, представляет собой изящно переплетенный, прекрасно напечатанный каталог, в котором подсудимый Франк с гордостью перечисляет и описывает главные произведения искусства, которые он награбил в Польше. Этот каталог был найден отделом памятников искусств и архивов американской третьей армии в доме Франка близ Мюнхена. Во вступлении к каталогу описывается тщательность, с которой администрация генерал-губернаторства производила разграбление культурных ценностей в Польше. Об этом говорится в документе ПС-1233. Я оглашаю выдержку из предисловия к этой книге:

«На основании декрета, изданного генерал-губернатором оккупированной польской территории 16 декабря 1939 г., особый уполномоченный по сбору сокровищ искусства смог в течение шести месяцев собрать все произведения искусства в стране за одним исключением, а именно — коллекции старых фламандских гобеленов из Краковского замка. Согласно последним сведениям, она находится во

Франции, и, таким образом, будет возможность овладеть ею впоследствии».

Перелистывая каталог, мы убедились, что он содержит названия картин, исполненных немецкими, итальянскими, голландскими, французскими и испанскими художниками, названия редких иллюстрированных книг, индийских и персидских миниатюр, гравюр по дереву, знаменитого резного алтаря, сделанного в Нюрнберге и проданного для установки в Польше, многих предметов ручной работы, сделанных из золота, серебра, старинного хрусталя, стекла, фарфора, ковров, старинного оружия, редких монет и медалей. В каталоге упомянуто, что эти драгоценности были изъяты из публичных и частных коллекций, включая национальные музеи Кракова и Варшавы, из Варшавского и Люблинского соборов, из многих монастырей и церквей, университетских библиотек и многочисленных частных коллекций, принадлежавших польским дворянам.

Помимо каталога под номером ПС-1233, который только что был представлен в качестве доказательства, я хочу представить отчет под номером ПС-1709. Этот отчет был дополнением к списку в каталоге; в отчете перечислены многие другие предметы, которые были оценены немцами как предметы второстепенной важности с точки зрения рейха, хотя в художественном плане они были не менее значимы, чем перечисленные ранее.

Интересно обратить внимание на то, к каким ухищрениям прибегал подсудимый Франк, чтобы попытаться скрыть истинную цель изъятия этих произведений искусства. На обложке самого каталога говорится, что перечисляемым в каталоге произведениям искусства обеспечивается их безопасность и сохранность. Как ни странно, для обеспечения сохранности некоторых из этих предметов оказалось необходимым перевезти их в Берлин и поместить в хранилище особо уполномоченного либо в сейф «Дейче Банк», как это указано на стр. 80 документа ПС-1709, США-378. В каталоге произведений искусства, взятых «на сохранение», предметы, которые были увезены в Берлин, обозначены номерами 4, 17, 27, 35 и далее. Среди них 31 всемирно известный рисунок Альбрехта Дюрера; произведения, взятые из коллекции Любомирского в Львове. На странице 68 этого отчета доктор Мюльман говорит, что он лично вручил эти рисунки Герингу, который отвез их в ставку фюрера.

Многочисленные предметы искусства, живопись, ковры, подносы и различная посуда были захвачены Франком, который поручил особо уполномоченному передать эти предметы для украшения Краковского замка и замка Шлосс-Крессендорф, служивших резиденцией генерал-губернатора.

По всей вероятности, Франк полагал, что эти предметы лучше сохранятся в его руках, и он будет использовать их для украшения своего дома с тем, чтобы удивлять своих гостей, чем если бы они находились в руках законных владельцев.

Нет никакого сомнения в том, что фактически все произведения искусства, которые были захвачены в Польше для того, чтобы ими пользовались в Германии, никогда не были бы возвращены в случае германской победы. Доктор Мюльман, известный немецкий знаток искусства, который в течение четырех лет проводил этот план захвата и был уполномочен Франком издавать распоряжения, имевшие силу по всей территории Польши, ясно изложил цели этой программы в письменном показании, на которое я ссылался.

Теперь я желал бы обратить внимание Трибунала на деятельность штаба Розенберга, который подготовлял планы грабежа сокровищ искусства почти по всей Европе и руководил этим грабежом. Чтобы получить полную картину того, как обширна была программа грабежа, необходимо представить Европу как сокровищницу, в которой хранятся неисчислимые богатства литературы и искусства, созданные за два тысячелетия существования западной цивилизации. Далее необходимо представить себе вторжение в эту сокровищницу орд вандалов, одержимых стремлением систематически вывозить в Германию эти сокровища, которые являются нашим общим культурным наследством, и держать их в Германии для того, чтобы они стали достоянием одних немцев. Эта программа грабежа, не имеющая равных в истории, потрясает воображение и кажется невероятной.

Те документы, которые я собираюсь представить, содержат неопровержимые доказательства выполнения этого плана лишить оккупированные страны произведений, накопленных за века служения искусству и науке. Я не буду представлять все документы, потому что наши советские и французские коллеги займутся этим более детально в связи с вопросом о военных преступлениях.

Я хочу представить в качестве доказательства документ ПС-136, США-367. Это приказ Гитлера от 29 января 1940 г., который положил начало программе захвата предметов искусства, программе, которая должна была распространиться на весь континент. Обращаю внимание господ судей на подлинник, подписанный Гитлером. Я прочитаю его полностью.

«Предполагается, что "Хоэ шуле" станет центром национал-социалистской идеологической и исследовательской научной работы и образования. Школа будет учреждена по окончании войны. Я приказываю, чтобы уже начатая подготовительная работа была продолжена рейхслейтером Альфредом Розенбергом, особенно в направлении научных изысканий и организации библиотеки.

Всем партийным и государственным учреждениям предлагается содействовать ему в этой работе».

Несмотря на то, что вышеуказанный приказ не упоминает в определенной форме о захвате художественных ценностей, все же к 5 ноября 1940 г. эта программа изменила свою первоначальную форму и включила в себя захват еврейских коллекций предметов искусства.

Я представляю в качестве доказательства документ ПС-141. Это — заверенная копия приказа, подписанного Герингом 5 ноября 1940 г., в котором он дает такие указания:

«В связи с мерами по овладению принадлежащими евреям предметами искусства, которые были приняты главной военной администрацией в Париже и штабом Розенберга, предметы искусства, доставленные в Лувр, должны быть распределены следующим образом:

1. Предметы искусства, решение о которых будет принимать сам фюрер.

2. Предметы искусства, которые будут использованы для пополнения коллекции рейхсмаршала.

3. Предметы искусства и библиотеки, которые могут быть использованы при организации «хоэ шуле» и которые будут находиться в распоряжении рейхслейтера Розенберга.

4. Предметы искусства, которые пригодны для отправки в германские музеи».

Таким образом, в начале 1940 года, через 11 месяцев после того, как началось осуществление программы по созданию библиотеки для идеологических исследований, первоначальная задача была так расширена, что стала включать захват художественных произведений не только для так называемых научных исследований, но и для того, чтобы доставить удовольствие фюреру и Герингу и улучшить коллекции германских музеев.

Увлеченные коварной мечтой о порабощении целого материка, нацистские заговорщики не могли удовлетвориться использованием культурных богатств лишь одной Франции и быстро распространили свою деятельность на остальные оккупированные страны.

Я представляю в качестве доказательства документ ПС-137, США-379. Это копия приказа, подписанного подсудимым Кейтелем 5 июля 1940 г. Я хотел бы прочесть этот краткий приказ целиком:

«Главнокомандующему сухопутными войсками, командующему вооруженными силами в Нидерландах.

Рейхслейтер Розенберг предложил фюреру следующее:

1. Обыск государственных библиотек и архивов с целью овладения ценными для Германии документами.

2. Обыск канцелярий высоких церковных особ и лож с целью обнаружения направленных против нас политических интриг и захвата материалов, касающихся этого вопроса.

Фюрер приказал, чтобы эти предложения были выполнены и чтобы гестапо с помощью архивариусов рейхслейтера Розенберга произвело эти розыски. Начальник полиции безопасности обергруппенфюрер СС Гейдрих был осведомлен об этом. Он должен связаться с соответствующими военными командирами для того, чтобы исполнить этот приказ.

Эти меры должны быть проведены во всех оккупированных нами районах Нидерландов, Бельгии, Люксембурга и Франции.

Предлагается сообщить об этом подчиненным организациям.

Начальник верховного командования вооруженных сил Кейтель».

Из Нидерландов, Бельгии, Люксембурга и Франции деятельность штаба Розенберга в конце концов распространилась еще дальше — на Норвегию и Данию. Представляю в качестве доказательства документ ПС-159 под номером США-380. Это копия приказа, подписанного Утикалем, начальником штаба Розенберга, 6 июня 1944 г. Из приказа видно, что в Норвегию и Данию была послана особая миссия штаба Розенберга.

С проникновением германской армии на Восток жадные руки штаба Розенберга протягивались все дальше и дальше, захватывая культурные ценности, которые, таким образом, поступали в их распоряжение. Их деятельность распространилась на оккупированные восточные территории, включая Прибалтику и Украину, а также на Венгрию и Грецию.

Я представляю в качестве доказательства документ ПС-153, США-381. Это заверенная копия письма Розенберга имперскому комиссару восточных территорий и имперскому комиссару Украины от 27 апреля 1942 г. Вопрос, о котором говорится в письме, сформулирован следующим образом: «Образование центральной организации для захвата и охраны предметов культурной ценности на оккупированных восточных территориях».

Последний параграф гласит: «При имперских уполномоченных и в составе второго (политического) управления создан на ограниченное время специальный отдел для захвата и охраны культурных ценностей. Этот отдел находится под контролем начальника центральной группы особого штаба рейхслейтера Розенберга».

Господа судьи! Документ ПС-158, представляемый под номером США-382, показывает, что подобная деятельность проводилась и в Венгрии. Это видно из копии письма, помеченного инициалами Утикаля, начальника штаба Розенберга. Первый абзац документа гласит:

«Особый штаб рейхслейтера Розенберга на оккупированных территориях направил особый отряд под начальством одного из руководителей штаба Розенберга — доктора Цейса, личность которого можно установить по его служебной книжке № 187, для выполнения задач штаба в Венгрии, как указано в декрете фюрера от 1 марта 1942 г.».

Грабили нацисты и библиотеки. Это видно из документа ПС-171, США-383, являющегося докладом (без даты) «О библиотеке по исследованию еврейского вопроса». Пятый абзац этого документа гласит:

«Наиболее важными коллекциями книг, принадлежащими в настоящее время фонду библиотеки по исследованию еврейского вопроса, являются следующие...»

И далее, в девятом пункте списка, который приводится ниже, значится: «Книжные коллекции из еврейских общин в Греции (около 10 тысяч томов)».

Вполне естественно, что мероприятия, проведенные в таком огромном масштабе и распространившиеся на Францию, Бельгию, Нидерланды, Люксембург, Норвегию, Данию, восточные оккупированные области, Прибалтику, Украину, Венгрию и Грецию, должны были проводиться с помощью целого ряда других учреждений. Среди учреждений, содействовавших проведению этой программы, были также некоторые из тех организаций, которые находятся под Судом как преступные организации.

В приказе от 1 марта 1942 г. (документ ПС-149, США-369, представляемый в качестве доказательства) Гитлер требовал сотрудничества верховного командования вооруженных сил со штабом Розенберга. Приказ подписан лично Гитлером. В приказе идеологическая борьба с врагом национал-социализма объявляется военной необходимостью и подтверждается право штаба Розенберга производить обыски и захватывать материалы, нужные для «Хоэ шуле». В параграфе 5 приказа говорится:

«Проведение мер, касающихся сотрудничества с вооруженными силами, обеспечивается начальником ОКВ в согласии с рейхслейтером Розенбергом».

Я хотел бы огласить и другие части этого документа. Обращаю Ваше внимание, господа судьи, на то, что документ направлялся во все штабы вооруженных сил и во все партийные и государственные организации. В нем сказано:

«Евреи, франкмасоны и другие идеологические враги национал-социализма несут ответственность за войну, которая теперь ведется против Германии. Согласованная идеологическая борьба против этих элементов является военной необходимостью. Поэтому я приказываю рейхслейтеру Розенбергу выполнять эту задачу в сотрудничестве с руководителем верховного командования. Его специальный штаб на оккупированных территориях имеет право обыскивать библиотеки, архивы, музеи и другие идеологические и культурные учреждения всех видов, отыскивать нужные материалы и конфисковывать эти материалы для идеологической деятельности национал-социалистской партии, а впоследствии для исследовательской работы "Хоэ шуле". Это относится и к культурным ценностям, которые находятся в распоряжении евреев либо принадлежат им, либо являются бесхозными, либо не имеют явно бесспорного происхождения».

В конце приказа сказано: «Необходимые меры на восточных территориях, находящихся под германским управлением, устанавливаются рейхслейтером Розенбергом в качестве имперского министра по делам оккупированных восточных территорий.

Адольф Гитлер».

О сотрудничестве СС и СД говорится в письме Розенберга Борману от 23 апреля 1941 г. Это документ ПС-071, который я представляю под номером США-371. В нем говорится: «Всем должно быть ясно, что конфискация производится не областными властями, а службой безопасности (СД) и полицией».

Ниже, в том же параграфе, говорится: «Я получил письменное извещение одного из гаулейтеров о том, что главное управление имперской безопасности (РСХА) заявило требование на следующие книги одной из монастырских библиотек: католическую настольную книгу, сочинения Альберта Магнуса, издания отцов церкви, "Историю папства" Л.В. Пастера и другие произведения».

И последний параграф: «В связи с этим я хотел бы заметить, что эти мероприятия выполнены нами в весьма лояльном сотрудничестве со службой безопасности».

Подсудимый Геринг проявлял особое усердие в содействии штабу Розенберга. Усердие это легко можно объяснить, если учесть тот факт, что следующими, как заявил сам Геринг, по значимости после произведений, требуемых фюрером, являются «те предметы искусства, которые служат для пополнения коллекции рейхсмаршала», т.е. Геринга.

1 мая 1941 г. Геринг издал приказ всем организациям партии, государства и вооруженных сил, который я представляю в качестве доказательства под номером ПС-1117, США-384. Это подлинник, подписанный Герингом. В этом приказе всем службам партии, государства и вооруженных сил предлагается «оказывать максимальное содействие и помощь начальнику штаба рейхслейтера Розенберга... Вышеупомянутые лица должны докладывать мне о своей работе, в особенности о возможных затруднениях».

30 мая 1942 г. Геринг утверждал, что он обеспечил значительную долю успехов штаба Розенберга. Я хочу процитировать письмо Геринга Розенбергу (документ ПС-1015(i), который я представляю под номером США-385):

«С другой стороны, я также лично помогаю работе штаба, когда могу. Этот штаб достиг успехов в значительной мере благодаря тому, что я мог ему помочь посредством моих организаций».

Если я занимал внимание Трибунала многочисленными подробностями о происхождении, развитии и деятельности организации по разграблению произведений искусства, то сделал это потому, что иначе нельзя было создать представление об огромном масштабе этих операций и об огромной организационной работе, которая позволила подсудимым собрать в Германии такое большое количество культурных ценностей.

Ничто ценное не ускользало от штаба Розенберга. В силу накопленного опыта по организованному грабежу целого континента этот штаб был пригоден для захвата не только культурных ценностей. Так, когда Розенбергу нужны были оборудование и мебель для учреждений администрации оккупированных восточных территорий, его штаб занимался конфискацией домашней обстановки евреев на Западе. Документ Л-188, представляемый под номером США-386, говорит об этом. Это копия доклада директора западного отдела штаба Розенберга, который действовал под руководством министра по делам оккупированных восточных территорий. Я хочу огласить часть этого доклада:

«Особому штабу рейхслейтера Розенберга было поручено выполнение данной задачи[1]. Кроме захвата этого имущества, по совету директора западного отдела штаба Розенберга рейхслейтеру было предложено, чтобы мебель и другие вещи, находившиеся в неохраняемых еврейских домах, были взяты и отправлены министру по делам оккупированных восточных территорий для использования на Востоке».

В последнем абзаце на этой же странице сказано:

«Вначале вся конфискованная мебель и вещи были отправлены в распоряжение администрации оккупированных территорий Востока. Но ввиду начавшихся в то время террористических налетов на немецкие города и принимая во внимание, что немецкому населению должно быть отдано предпочтение перед населением территорий Востока, имперский министр и рейхслейтер Розенберг получил новый приказ фюрера, по которому мебель и другие вещи были предоставлены в распоряжение немецкого населения, пострадавшего от бомбардировок».

Доклад описывает далее методы, которые применялись при ограблении еврейского населения на Западе:

«Конфискация собственности, находившейся в еврейских домах, проводилась следующим образом: когда так называемые ответственные за конфискацию не имели сведений относительно адресов уехавших или просто бежавших евреев, как это было в Париже, они обходили квартиру за квартирой для получения сведений... Они составляли списки имущества, которое они там обнаруживали, и потом опечатывали дома... В одном Париже эти люди конфисковали имущество более чем в 38 тысячах квартир. Для перевозки этого имущества парижскому транспортному агентству велено было ежедневно предоставлять по 150 грузовиков и по 1200—1500 французских грузчиков».

Наши французские коллеги займутся этим вопросом более детально. Поэтому я опускаю подробности. Грабеж в таких масштабах кажется фантастичным, но я должен сослаться еще на одно заявление, потому что хотя захват имущества в более чем 71 тысяче квартир и вывоз его в империю примерно в 26 тысячах железнодорожных вагонов сам по себе являлся значительной операцией, но он кажется совсем ничтожным по сравнению с количеством награбленных сокровищ и книг и громадной их ценностью, что явствует из документов, которые я сейчас представлю.

Я обращаю Ваше внимание на несколько находящихся передо мной томов в кожаных переплетах. О них упомянул судья Джексон в своей речи. Эти 39 томов содержат фотографии произведений искусства, захваченных штабом Розенберга. Все они носят номер ПС-2522 (США-388). Я представляю их в качестве доказательств.

---

[1] То есть захват произведений искусства. — **Прим. сост.**

Я передаю Трибуналу восемь томов. Все они различны, каждый из Вас, господа судьи, может познакомиться с образчиком этих каталогов. Обращаю Ваше внимание на внутреннюю сторону обложки. В большинстве томов имеются оглавления на немецком языке. Далее следуют фотографии каждого из захваченных бесценных произведений искусства. Эти 39 томов обнаружены нашими войсками при вступлении в Южную Германию.

Председатель: *Известно что-нибудь о самих произведениях искусства?*

Стори: *Да, сэр. Я позднее буду их описывать. Я полагаю, что в дополнение к оглавлению имеется описание каждого из них.*

Председатель: *Нет, я не это хотел знать. Я спрашиваю, найдены ли эти произведения искусства и предметы мебели теперь?*

Стори: *Да, сэр. Большинство из них было найдено в подземной пещере, кажется, в Южной Баварии. Эти тома были обнаружены нашими работниками совместно с группой американских военнослужащих, которые сейчас собирают эти произведения искусства и возвращают их владельцам.*

Я хотел бы, пока Вы рассматриваете их, назвать общее количество картин. Эти общие данные имеются в документе ПС-1015 (b). Читаю его:

«К 15 июля 1944 г. были научно классифицированы следующие произведения искусства:

21 903 произведения искусства, включая 5281 картину, пастели, акварели, рисунки; 684 миниатюры, предмета живописи на стекле и эмали, иллюстрированные книги, манускрипты;

583 скульптуры, произведения из терракоты, медальона;

2477 предметов мебели, имеющих художественную ценность;

583 предмета искусства ручной работы — гобелены, ковры, вышивки, коптские ткани;

5825 предметов декоративного искусства (фарфор, бронза, фаянс, майолика, керамика, ювелирные изделия, монеты, произведения искусства с драгоценными камнями);

1286 восточно-азиатских произведений искусства (бронза, скульптура, фарфор, картины, веера, оружие);

259 произведений античного искусства (скульптура, бронза, вазы, ювелирные изделия и т.д.)».

Одно лишь утверждение, что было захвачено 21903 произведения искусства, полностью не дает представления о ценности этих предметов. Я снова ссылаюсь на данные, приведенные в этом документе. Художественная и материальная ценность этих произведений искусства так громадна, что невозможно ее выразить в цифрах, а сами произведения столь уникальны, что их невозможно оценить. Эти 39 томов не являются полным каталогом. Они содержат фотографии лишь 2500 из захваченных произведений. Было бы необходимо от 350 до 400 таких томов, чтобы включить названия всех захваченных произведений искусства.

Мы намереваемся показать Вам репродукции некоторых из этих произведений на экране, но вначале я хотел бы обратить Ваше внимание на документ ПС-015, США-387, датированный 16 апреля 1943 г. Это копия письма Розенберга Гитлеру. Поводом к написанию письма явился день рождения фюрера, в честь которого Розенберг передал ему несколько папок с репродукциями картин, захваченных его штабом. И, хотя мы точно не знаем, но некоторые из томов, которые лежат перед Вами, по-видимому, были специально приготовлены к этому случаю. В заключительном абзаце этого письма Розенберг заявляет:

«Я Вас прошу, мой фюрер, дать мне возможность, когда я получу следующую аудиенцию, устно сообщить Вам обо всем объеме и размахе операций по захвату произведений искусства. Я прошу принять этот предварительный каталог и письменный доклад о формах и размахе операций по захвату произведений искусства, который будет служить основой для будущего устного доклада, а также принять три экземпляра предварительного каталога партии, который охватывает лишь часть коллекции, находящейся в Вашем распоряжении. Я пришлю Вам дополнительные каталоги, которые в настоящее время составляются, после того, как они будут закончены».

Розенберг заканчивает письмо трогательным признанием «тонкого вкуса» фюрера в области произведений изящных искусств — вкуса, удовлетворявшегося за счет целого континента:

«Я осмелюсь передать Вам, мой фюрер, во время просимой мною аудиенции еще 20 папок картин в надежде, что такое общение с прекрасными предметами искусства, столь близкими Вашему сердцу, внесет луч красоты и радости в Вашу высокочтимую жизнь».

Председатель: *Не прочтете ли Вы всю эту часть документа, начиная пятью строчками выше, начиная со слов: «Эти фотографии являются...»?*

Стори: *«Эти фотографии являются дополнением к тем 53 ценнейшим произведениям искусства, которые уже были Вам переданы. Папка дает лишь слабое представление об исключительной ценности предметов искусства, захваченных моим штабом во Франции и посланных для сохранности в империю».*

Господа судьи! Я бы хотел теперь показать Вам на экране несколько художественных произведений из каталогов, находящихся перед Вами. Репродукции картин взяты из одного тома, а фотографии других предметов взяты из различных томов. Например, гобелен, который Вы увидите, представляет собой лишь одну фотографию из целого тома репродукций гобеленов. Каждая фотография является образцом огромного количества подобных же иллюстраций, которые имеются в этих каталогах, и каждый том, из которого были взяты отдельные картины, представляет приблизительно одну десятую общего числа томов, которые были бы необходимы для того, чтобы охватить все, что было на-

граблено специальным штабом Розенберга. Сейчас мы покажем некоторые репродукции (слайды).

(В зале Суда на экране демонстрируются фотографии известных картин знаменитых художников и фотографии других произведений искусства.)

Первая картина — «Портрет женщины», написанная итальянским художником Пальма Веккио.

Следующая картина — «Портрет женщины», принадлежащая кисти испанского художника Веласкеса.

Картина «Портрет леди Спенсер» английского художника сэра Джошуа Рейнолдса.

На следующем слайде — картина французского художника Ватто.

Картина «Три грации» кисти Рубенса.

Далее «Портрет старой женщины» знаменитого художника Рембрандта.

Портрет молодой женщины исполнен голландским художником Ван Дейком.

Далее представляется образец ювелирного искусства 16-го века — золото, эмаль, жемчуг.

Гобелен 17-го века.

Фотография японской картины из каталога искусства Восточной Азии.

Образец знаменитого фарфора.

Фотография шкафчика эпохи Людовика XIV с инкрустацией серебром.

Последняя фотография — серебряный алтарь 15-го или 16-го века испанского происхождения.

Я вновь привлекаю ваше внимание к тому, что каждая из фотографий, которые вы видели, — всего лишь образчик большого числа аналогичных произведений искусства, изображения которых имеются в каталоге из 39 томов, каковой сам по себе лишь частично является полным.

Я сомневаюсь, чтобы какой-либо музей в мире — Метрополитен в Нью-Йорке, Британский музей в Лондоне, парижский Лувр, московская Третьяковская галерея — мог бы представить подобный каталог. Даже если бы они объединили свои художественные фонды, они не достигли бы масштабов этой коллекции, собранной Германией за счет ограбления других народов Европы. Никогда в истории такая огромная коллекция не составлялась с большей неразборчивостью в средствах. Утешительно знать, что победоносные союзные армии обнаружили бóльшую часть этих сокровищ, скрытых в большинстве случаев в соляных копях, тоннелях, замках, и что соответствующие правительственные организации заняты сейчас возвращением этих произведений искусства законным владельцам.

Далее я сошлюсь на документ ПС-154, США-370. Это письмо от 5 июля 1942 г. имперского министра, начальника имперской канцелярии доктора Ламмерса высшим германским властям и организациям, непосредственно подчиненным фюреру. В письме разъясняется, что фюрер приказал Розенбергу производить ограбление произведений искусст-

ва в силу его положения как руководителя идеологического воспитания нацистской партии.

Мы представили этот документ лишь для того, чтобы указать, что он был направлен верховным имперским властям и организациям, непосредственно подчиненным фюреру.

В заключение в связи с представлением материалов по этому вопросу я утверждаю: доказательства устанавливают, что подсудимые Розенберг и Борман и их сообщники, действуя как политические руководители высшего состава нацистской партии, участвовали в заговоре или общем плане, как он изложен в разделе I Обвинительного заключения, и совершали поименованные преступления. Обвинение утверждает, что:

1. Руководящий состав нацистской партии является группой или организацией в том смысле, который придается этому понятию статьей 9 Устава.

2. Подсудимые Розенберг и Борман и их сообщники совершали преступления, упомянутые в статье 6 Устава, как представители политического руководства руководящего состава нацистской партии.

Основная и первостепенная цель руководящего состава нацистской партии всегда заключалась в том, чтобы руководить и лично участвовать в осуществлении заговора, который предусматривал совершение преступлений, охватываемых статьей 6 Устава Трибунала.

Сейчас я бы хотел обратить внимание Трибунала на диаграмму, представленную майором Уоллисом и взятую из журнала «Лицо партии». Эта диаграмма подчеркивает более ясно, чем я мог бы выразить словами, полный и всеобъемлющий контроль нацистской партии над жизнью каждого немца, начиная с десятилетнего возраста и кончая смертью. На самом верху пирамиды имеется надпись: «Политические руководители германского народа». Изображения зданий означают различные институты нацистской партии.

Это последние данные, и этим я заканчиваю представление доказательств преступности группы руководящего состава нацистской партии.

Представление доказательств преступности имперского правительства представителем обвинения от США полковником Р. СТОРИ

*Стенограмма заседания
Международного военного трибунала
от 18 декабря 1945 г.*

Следующая группа, или организация, преступность которой я намереваюсь доказать, — это имперское правительство Германии («рейхсрегирунг»).

Я представляю папку с документами, которая, кажется, уже вручена Вам. Отдел полковника Достера подготовил на различных языках схему германского имперского правительства, копия которой, если я не ошибаюсь, также имеется у господ судей. Одну копию схемы на немецком языке я вручу защитнику, которого это особенно касается.

Председатель: *То есть защитнику имперского кабинета?*

Стори: *Да, сэр. Разрешите мне сказать вначале, что сегодня утром мы просмотрели документы по этому вопросу и установили, что получено только одно ходатайство выступить по вопросу о преступном характере имперского кабинета. Это ходатайство подсудимого Кейтеля.*

Переходим к существу вопроса об имперском правительстве. Некоторые предварительные замечания об этой группе были сделаны господином Альбрехтом, когда он говорил о схеме организации правительства. Однако необходимо будет кратко повторить некоторые из сделанных им замечаний, и поэтому мы просим разрешения Трибунала сделать это.

Рейхсрегирунг, то есть имперский кабинет, в отличие от большинства других групп, названных в Обвинительном заключении, не был специально создан нацистской партией для выполнения ее коварных планов и замыслов. Рейхсрегирунг, который обычно назывался кабинетом, занимал до прихода нацистов к власти должное место в конституционной и политической истории страны. Так же, как и в должным образом сформированных правительствах других стран, в этом органе в Германии концентрировалась вся исполнительная власть в государстве. Нацистские заговорщики прекрасно понимали это, поэтому они ставили своей целью установить тоталитарный контроль над всем государственным механизмом. Этого они и добились. При нацистском режиме рейхсрегирунг постепенно стал основным орудием власти нацистской партии; его функции, политика соответствовали целям и методам самой партии. Рейхсрегирунг сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее заполнялся нацистскими заговорщиками. Многие из них, точнее говоря шестнадцать, сидят сейчас на скамье подсудимых. Не было ни одного плана или цели, какими бы они отвратительными, бесчеловечными и преступными ни были, которые не покрывались бы и не санкционировались бы этим легальным органом нацистской власти — правительственным кабинетом. Поэтому на основе представляемых нами доказательств мы будем просить Трибунал объявить эту организацию преступной.

Доказательства будут делиться на две основные категории. Первая из них будет устанавливать состав и характер имперского правительства при нацистах, кратко указывать на его функции и полномочия. Вторая категория доказательств установит, по нашему мнению, установит неопровержимо, почему эту группу следует заклеймить как преступную.

Рейхсрегирунг в дословном переводе означает «имперское правительство». На самом деле этот термин применялся в отношении обычного имперского кабинета. При том толковании, которое дается в Обвинительном заключении, рейхсрегирунг включал не только тех лиц, которые были членами обычного имперского кабинета, но и лиц — членов совета по обороне империи и тайного совета кабинета. Однако доказательства покажут, что самым важным из этих трех был обычный кабинет. Имеются только формальные разграничения между ним и другими двумя органами. В практической же деятельности существовало единство действий, функций и целей, что исключает какое-либо фактическое разграничение между этими органами. Термин «обычный кабинет» согласно Обвинительному заключению включает имперских министров, то есть глав имперских министерств, имперских министров без портфелей, лиц, действовавших в качестве министров, и других чиновников, которые имели право участвовать в заседаниях правительственного кабинета.

Я могу здесь добавить, что всего было 48 лиц, которые занимали посты в обычном кабинете; 17 из них являются подсудимыми на этом процессе; Борман отсутствует; из остальных 31 человека 8 считаются умершими.

В обычный кабинет входили основные нацистские заговорщики, доверенные приспешники, а затем, когда создавались новые правительственные органы либо Гитлером, либо самим кабинетом, членами этих новых органов назначались лица из среды членов обычного кабинета.

30 января 1933 г. был сформирован первый гитлеровский кабинет в составе десяти министров, составлявших центральное правительство. У меня имеется копия протокола первого заседания кабинета. Она была обнаружена в архивах имперской канцелярии и имеет подпись некоего Вайнштейна, который, как сказано в протоколе, несет ответственность за составление протокола и является советником министерства. Этот документ (ПС-351) уже представлялся, но я снова хотел бы обратить внимание Трибунала на четвертую страницу перевода. Там указаны фамилии десяти министров. Я читаю: «министр иностранных дел — подсудимый фон Нейрат, министр внутренних дел — подсудимый Фрик, министр финансов — граф Шверин фон Крозигк, министр экономики, министр продовольствия и сельского хозяйства — Гуинберг, министр труда — Зельдте, министр юстиции, — здесь фамилия не дается, но через два дня это место было занято Гюртнером, министр обороны — фон Бломберг, министр почт и транспорта — фон Эльтц-Рюбенах».

Подсудимый Геринг тоже присутствовал на заседании в качестве имперского министра без портфеля и уполномоченного по авиации. Доктор Гереке присутствовал в качестве уполномоченного по поставке рабочей силы. Кроме того, присутствовали два статс-секретаря: доктор Ламмерс из имперской канцелярии и доктор Мейснер из канцелярии президента.

Председатель: *В моей копии документа сказано, что подсудимый Геринг присутствовал в качестве министра авиации.*

Стори: *Да, сэр. Я сказал, что он присутствовал как имперский министр и уполномоченный по авиации.*

Председатель: *Понимаю.*

Стори: *Мне сообщили, что министерство авиации было создано позже, а в то время он был министром без портфеля и уполномоченным по авиации. Кроме того, присутствовали подсудимый Функ в качестве имперского руководителя прессы и подсудимый фон Папен в качестве заместителя рейхсканцлера и уполномоченного по делам Пруссии.*

Вскоре были созданы новые министерства, или департаменты, которыми стали руководить видные национал-социалисты.

13 марта 1933 г. было создано министерство народного просвещения и пропаганды. Об этом говорится в декрете, опубликованном в «Рейхсгезетцблатт» за 1933 год, часть 1, стр. 104 (документ ПС-2029). Я полагаю, что Трибунал без доказательств примет все законы и декреты, опубликованные в «Рейхсгезетцблатт». Министром народного просвещения и пропаганды был назначен Геббельс.

5 мая 1933 г. было создано министерство авиации (документ ПС-2089) («Рейхсгезетцблатт», 1933 год, часть 1, стр. 241), а 1 мая 1934 г. — министерство образования (документ ПС-2078) («Рейхсгезетцблатт», 1934 год, часть 1, стр. 365). Подсудимый Геринг был назначен министром авиации, Бернгард Руст, гаулейтер Южного Ганновера, — министром образования, а Ганс Керрл — министром по делам церкви.

После начала войны прибавилось еще два министерства. 17 марта 1940 г. было создано министерство вооружения и боеприпасов («Рейхсгезетцблатт», 1940 год, часть 1, стр. 513) (документ ПС-2091). Видный деятель нацистской партии — доктор Тодт был назначен на пост министра. Его преемником стал подсудимый Шпеер. В 1943 году это министерство было переименовано в министерство вооружения и военной промышленности («Рейхсгезетцблатт», 1943 год, часть 1, стр. 529, документ ПС-2092).

17 июля 1941 г., когда захватывались восточные территории, было создано министерство по делам оккупированных восточных территорий. Декрет о назначении подсудимого Розенберга на пост имперского министра нами уже был представлен под номером США-319.

Одно министерство, а именно министерство обороны, впоследствии получившее название «военное министерство», было упразднено. Это произошло 4 февраля 1938 г., когда Гитлер взял на себя верховное командование всеми вооруженными силами. В то же самое время он учредил должность начальника верховного командования вооруженных сил, или начальника ОКВ. На этот пост был назначен подсудимый Кейтель. Декрет об этом изменении имеется в «Рейхсгезетцблатт» за 1938 год, часть 1, стр. 111 (документ

ПС-1915). Я хотел бы зачитать небольшую выдержку из этого декрета. В конце второго параграфа сказано:

«Он[1] имеет ранг имперского министра.

Одновременно верховное командование принимает на себя ответственность за вопросы, которыми занималось имперское военное министерство; на начальника верховного командования вооруженных сил согласно моему приказу возлагаются полномочия, которыми ранее обладал имперский военный министр».

Надо отметить еще одну перемену, происшедшую в составе кабинета в течение интересующего нас периода времени. Со дня ухода фон Папена (30 июля 1934 г.) пост вице-канцлера оставался свободным.

Помимо глав министерств, о которых я уже упомянул, в обычный кабинет входили имперские министры без портфеля. Среди них были подсудимые: Ганс Франк, Зейсс-Инкварт, Шахт, после того как он ушел из министерства экономики, фон Нейрат.

Были еще и другие посты, которые давали право занимавшим их лицам входить в состав кабинета. Сюда относятся заместитель фюрера подсудимый Гесс, а позднее его преемник — начальник партийной канцелярии подсудимый Борман; затем начальник штаба штурмовых отрядов Эрнст Рем — в течение семи месяцев, предшествовавших его убийству; начальник имперской канцелярии Ламмерс и, как мы уже сказали, начальник ОКВ подсудимый Кейтель. Эти лица имели титулы, или ранги, имперских министров.

Я уже огласил выдержку из закона, установившего должность начальника ОКВ и указывавшего на важность положения его в правительстве.

Роль подсудимых Гесса и Бормана будет объяснена, роль начальника имперской канцелярии Ламмерса тоже станет скоро понятной.

Но были еще и другие государственные министры земель, исполнявшие обязанности имперских министров. Только два лица принадлежали к этой категории: начальник канцелярии президента Отто Мейснер и государственный министр по протекторату Богемия и Моравия Карл Герман Франк.

В дополнение к этому Обвинительное заключение рассматривает в качестве членов обычного кабинета и других должностных лиц, «имевших право принимать участие в заседаниях этого кабинета».

Многие государственные органы были созданы нацистами в период 1933—1945 гг., и в большинстве случаев лицам, занимавшим новые посты, было дано право принимать участие в заседаниях кабинета. Список этих лиц обширен. Так, принимать участие в заседаниях кабинета имели право:

[1] То есть начальник верховного командования вооруженных сил. — **Прим. сост.**

главнокомандующие сухопутными войсками и военно-морским флотом, имперский лесничий, генеральный инспектор по водной энергии и электричеству, генеральный инспектор имперских дорог, имперский руководитель Трудового фронта, имперский руководитель молодежи, начальник иностранного управления министерства иностранных дел, рейхсфюрер СС и начальник полиции в имперском министерстве внутренних дел, прусский министр финансов и начальник бюро печати кабинета.

Все эти должности являются настолько общеизвестными, что Трибунал может признать существование их без доказывания. Кроме того, все они находятся в схеме организации имперского правительства, которая была засвидетельствована подсудимым Фриком и представлена Трибуналу под номером США-3 господином Альбрехтом на второй день процесса. Доказывается это также законами и декретами, опубликованными в «Рейхсгезетцблатт» и в полуофициальном ежемесячном журнале, называемом «Дас архив», который издавался министерством просвещения и пропаганды.

Лица, занимавшие вышеупомянутые посты в обычном кабинете, менялись в течение 1933—1945 гг. Хотя выяснять, кто были эти лица, не является нашей обязанностью, так как мы рассматриваем деятельность целой группы, а не отдельных лиц, тем не менее их имена указаны в схеме состава правительства, предъявленной в качестве документального доказательства США-3. Семнадцать из этих лиц являются подсудимыми. Здесь дана таблица, показывающая все отделы и посты, упомянутые мной, и занимающих их лиц за период с 1933 года по 1945 год, даны даже соответствующие немецкие обозначения упоминаемых должностей. Я передаю ее сейчас членам Трибунала, экземпляры таблицы имеются также в информационном центре защиты. В этой таблице есть ссылки на источники, подтверждающие приведенные данные, однако я повторяю, все эти данные являлись общеизвестными в исследуемый нами период времени. Как я заявлял в самом начале, различие между обычным кабинетом, тайным советом кабинета и советом по обороне империи было совершенно искусственным. Об этом свидетельствует прежде всего тождественность личного состава этих трех учреждений. Так, 4 февраля 1938 г. Гитлер создал тайный совет. Если Вы обратите внимание на эту большую схему, то увидите, что под годом 1938 имеется красная черта, указывающая на слова «тайный совет». Декрет о создании его значится под номером ПС-2031. Я хочу огласить выдержку из него:

«Для помощи мне советами по вопросам внешней политики я создаю тайный совет.

Председателем совета назначаю имперского министра барона фон Нейрата.

Членами тайного совета назначаю:

имперского министра иностранных дел Иоахима фон Риббентропа,

прусского премьер-министра, имперского министра авиации, главнокомандующего военно-воздушными силами генерал-фельдмаршала Германа Геринга,

заместителя фюрера, имперского министра Рудольфа Гесса,

имперского министра народного просвещения и пропаганды доктора Геббельса,

имперского министра и начальника рейхсканцелярии доктора Ламмерса,

главнокомандующего сухопутными войсками генерал-полковника Вальтера фон Браухича,

главнокомандующего военно-морским флотом гросс-адмирала флота доктора Редера,

начальника верховного командования вооруженных сил генерала от артиллерии Вильгельма Кейтеля».

Следует заметить, что каждый из членов совета был или имперским министром, или, как это имело место в отношении командующих родами войск, состоял в ранге имперского министра.

Трибуналу уже были представлены документальные доказательства, устанавливающие, что правительство еще 4 апреля 1933 г. создало тайный орган для разработки планов войны. Я обращаю внимание Трибунала на документ США-24, который включен в нашу книгу документов под номером ПС-2261. Этот документ содержит неопубликованный закон от 21 мая 1933 г. об обороне государства. Состав совета обороны можно видеть из копии протокола второго заседания рабочего комитета совета обороны империи. Копия датирована 22 мая 1933 г. и подписана подсудимым Кейтелем. В нашей книге документов этот протокол имеет номер ЕС-177, США-390. Состав совета обороны империи приводится на странице 3 подлинника.

Я читаю:

«Состав имперского совета обороны:

председатель — рейхсканцлер,

заместитель — министр имперских вооруженных сил;

постоянные члены:

министры: имперских вооруженных сил, иностранных дел, внутренних дел, финансов, экономики, народного просвещения и пропаганды,

главнокомандующие: военно-воздушных сил, сухопутных войск, военно-морского флота.

В случае необходимости могут привлекаться остальные министры, руководящие деятели, ведущие промышленники и т.д.».

Все эти лица, кроме главнокомандующих сухопутных войск и флота, являлись членами обычного кабинета.

В 1938 году состав совета обороны был изменен. Это видно из доказательства США-36, включенного в нашу книгу под номером ПС-2194. Этот документ содержит неопубликованный закон об обороне империи от 4 сентября 1938 г. Я оглашаю выдержку из статьи 10, озаглавленной «Совет обороны государства»:

«2. Фюрер и имперский канцлер является председателем совета обороны государства. Его постоянным заместителем является генерал-фельдмаршал Геринг. Он имеет право созывать заседания имперского совета обороны. Постоянными членами имперского совета обороны являются:

имперский министр авиации и главнокомандующий военно-воздушными силами,

главнокомандующий сухопутными войсками,

главнокомандующий морским флотом,

главнокомандующий вооруженными силами,

заместитель фюрера,

имперский министр и начальник имперской канцелярии,

председатель тайного совета,

главный уполномоченный по администрации империи,

главный уполномоченный по вопросам экономики,

имперский министр иностранных дел,

имперский министр внутренних дел,

имперский министр финансов,

имперский министр народного просвещения и пропаганды,

председатель правления имперского банка.

В случае необходимости испрашивается мнение других имперских министров и имперских учреждений, непосредственно подчиненных фюреру и рейхсканцлеру. Время от времени другие лица могут быть приглашены, если в этом будет необходимость».

30 августа 1939 г. Гитлер образовал имперский совет обороны в новом составе. Соответствующий декрет был опубликован в 1939 году в «Рейхсгезетцблатт» (часть 1, стр. 1539) (документ ПС-2018). Оглашаю выдержку:

«I. Из членов имперского кабинета будет составлен совет обороны империи, как постоянно действующий орган.

II. Постоянными членами имперского совета обороны назначаются:

генерал-фельдмаршал Геринг в качестве председателя,

заместитель фюрера Гесс,

генеральный комиссар, или главный уполномоченный по управлению империей, Фрик,

генеральный комиссар, или главный уполномоченный по экономическим вопросам, Функ,

рейхсминистр и начальник имперской канцелярии доктор Ламмерс,

начальник верховного командования вооруженных сил Кейтель.

III. Председатель имеет право выслушивать мнение как членов имперского совета обороны, так и других лиц».

Опять можно отметить, что все вышеуказанные лица являлись также членами обычного кабинета. Но это использование кабинета в качестве источника для выбора доверенных лиц является особенно примечательным, если мы примем во внимание те действия нацистских заговорщиков, о которых ничего не публиковалось и которые были скрыты

от всего мира, являясь неотъемлемой частью заговора по подготовке и ведению агрессивных войн.

Председатель: Полковник Стори, Вы облегчите нашу задачу, если объясните, какой вывод мы должны сделать из этих документов.

Стори: Мы старались показать, что в состав имперского кабинета входила определенная группа лиц и что главенствующее положение в ней постепенно занимали подсудимые. Таким образом, как позже увидят господа судьи, подсудимые имели возможность тайно издавать любые законы по своему усмотрению. Мы пытаемся показать организацию и структуру этого кабинета, к выводам мы перейдем позже.

К этому времени главнокомандующие армией и флотом были уже возведены в ранг министров и получили право участвовать в заседаниях кабинета.

Разрешите обратить внимание Трибунала на двух членов совета обороны, которые одновременно являлись членами имперского кабинета, — главных уполномоченных по управлению империей и по вопросам экономики. Первый пост занимал подсудимый Фрик, второй — подсудимый Шахт, потом подсудимый Функ. Это обстоятельство подтверждено подписанной Фриком схемой государственных учреждений нацистской Германии, на которую мы уже ссылались (документ США-3). Как мы впоследствии докажем, лицам, занимавшим эти два поста, были подчинены в деле военного планирования многие другие министерства. Они вместе с начальником верховного командования вооруженных сил составляли мощный триумвират, известный под названием «коллегия трех». Эта «коллегия трех», как показывают материалы, играла важную роль в планировании и подготовке агрессивной войны. Лица, занимавшие эти посты (Фрик, Функ и Кейтель), были членами кабинета.

Использование обычного кабинета в качестве центра, из которого черпали кадры другие правительственные ведомства, и слияние воедино всех упомянутых групп наглядно показано на имеющейся у судей схеме. Мы не представляем ее в качестве документального доказательства, хотя все факты, на которые в ней указывается, уже доказаны или будут доказаны. Эта схема имеет своей целью показать хронологическое развитие ответвлений обычного имперского кабинета. Как показывает схема, в этих важнейших нацистских органах власти работали люди, которые были членами обычного кабинета. Время от времени мы будем ссылаться на эту схему, особенно на ту ее часть (справа), где речь идет о министерствах.

Единство и тесная связь между отдельными органами правительства не были результатом лишь того, что в них работали одни и те же лица, это единство определялось также методами и целями деятельности правительства. Его члены совещались между собой как в ходе заседаний кабинета, так и посредством процедуры так называемого циркулярного ознакомления. Процедура эта сводилась к тому, что члены обычного кабинета, если даже не участвовали в заседаниях

кабинета, получали подготовленные в соответствующих министерствах проекты законов для одобрения или отклонения. Начальник и глава имперской канцелярии доктор Ламмерс был особо ответственным за распространение этих проектов среди членов кабинета. Передо мной находится его письменное показание, данное под присягой, касающееся техники этой системы. Мы представляем его в качестве доказательства под номером США-391 (документ ПС-2999).

«Я, Ганс Генрих Ламмерс, клятвенно заявляю, что был начальником имперской канцелярии с 30 января 1933 г. до конца войны. Будучи в этой должности, я распространял проекты законов и декретов, которые передавались мне министрами, составившими эти проекты, и передавал их всем членам имперского кабинета. Министрам предоставлялось определенное время для сообщения своих соображений, после чего законы считались принятыми всеми членами кабинета. Эта процедура оставалась в действии на протяжении всей войны. Такая же процедура была принята в совете обороны.

Подписано — доктор Ламмерс».

В качестве примера того, как проводилась эта процедура, я могу представить здесь меморандум подсудимого Фрика от 9 августа 1943 г., адресованный имперскому министру и начальнику имперской канцелярии. К этому меморандуму приложены проект закона и копия письма подсудимого Розенберга имперскому министру внутренних дел. Это письмо содержит комментарий к проекту закона (документ ПС-1701, США-392). Оглашаю первую страницу перевода подлинника:

«Имперскому министру и начальнику имперской канцелярии. Берлин «W» 8.

Для сведения — другим имперским министрам.

Тема: Закон об обращении с врагами общества. В дополнение к моему письму от 19 марта 1942 г.

Приложений: 55.

После того как проект Закона об обращении с врагами общества был совершенно переработан, я пересылаю прилагаемый новый проект с согласия имперского министра юстиции доктора Тирака и прошу, чтобы этот Закон был одобрен процедурой циркулярного опроса. Соответствующее количество экземпляров прилагается».

Подобная же процедура была принята в совете обороны империи, когда был создан этот совет. Декреты совета обороны передавались по такой же процедуре на утверждение членам обычного кабинета.

Передо мной копия меморандума, обнаруженного союзными армиями в архиве имперской канцелярии, адресованного членам совета обороны и датированного 17 сентября 1939 г. На нем имеется подпись доктора Ламмерса. Это документ ПС-1141, США-393. Читаю последний абзац перед подписью Ламмерса:

«Документы, которые представляют совету обороны империи, до сих пор передавались только членам совета. Неко-

торые имперские министры, не являющиеся постоянными членами совета обороны, просили меня информировать их о проектах декретов, которые передаются совету с тем, чтобы предоставить им возможность просматривать эти проекты с точки зрения интересов возглавляемых ими министерств. Я выполню это требование таким образом, чтобы все министры в будущем извещались о проектах декретов, которые будут передаваться для решения совету обороны империи. Поэтому я прошу разрешения добавить к папкам, раздаваемым членам совета, дополнительно 45 экземпляров этих проектов, а также и писем, в которых содержатся обычно комментарии и объяснения к этим проектам».

В течение некоторого времени правительственный кабинет обсуждал вопросы и принимал решения на заседаниях. Подобным же образом работал и совет обороны. Однако те члены правительства, которые не являлись членами совета обороны, также присутствовали на его заседаниях. В тех случаях, когда они не присутствовали лично, их обычно представляли статс-секретари соответствующих министерств. У нас имеются протоколы заседаний совета обороны от 1, 4, 8 и 19 сентября 1939 г. Эти документы были обнаружены в архивах имперской канцелярии. Я представляю их в качестве доказательства под номером ПС-2852, США-395. Я хочу обратить внимание Трибунала на заседание 1 сентября 1939 г. Вероятно, это первое заседание совета обороны, который был сформирован 30 августа 1939 года. Оглашу протокол этого заседания, начиная со списка присутствовавших:

«Присутствовали постоянные члены совета обороны империи: председатель генерал-фельдмаршал Геринг, заместитель фюрера Гесс (по какой-то неизвестной причине имя Гесса вычеркнуто тонкой чертой), главный уполномоченный имперской администрации доктор Фрик, главный уполномоченный по экономическим вопросам Функ, имперский министр и начальник имперской канцелярии доктор Ламмерс, командование вооруженными силами (Кейтель) представлено генерал-майором Томасом».

Кроме постоянных членов, на заседании присутствовали также министр сельского хозяйства и пищевой промышленности Дарре и семь статс-секретарей министерств. Они представляли различные министерства и высшие государственные учреждения. Например, Кёрнер являлся заместителем Геринга по вопросам проведения четырехлетнего плана; Штукарт представлял министерство внутренних дел; Ландфрид — министерство экономики; Сируп — министерство труда. Эти последние посты показаны на схеме, которую мы уже представили в качестве доказательства.

Биддл: Полковник Стори, этот последний документ указывает только на то, что определенные члены кабинета прибыли на заседание кабинета. О чем еще свидетельствует этот документ?

Стори: Документ показывает, как партия и подчиненные ей ведомства проникали в правительство, он показывает,

что партия могла использовать имперский кабинет для любых целей, которые ей были нужны, могла принимать законы любым образом по своему желанию. Они привлекали этих подчиненных людей, занимавших подчиненные посты, с тем, чтобы те участвовали в заседаниях, на которых принимались законодательные акты. Я также могу привлечь внимание Суда к совету обороны. Предполагалось, что речь шла о заседании кабинета с участием членов в ранге министров; и, как я только что начал указывать, они пригласили на это заседание группенфюрера СС Гейдриха.

Председатель: Что данный документ добавляет к тому, что имперский кабинет принимал декреты методом циркуляра?

Стори: Он показывает, кто принимал участие в таких заседаниях и кто ответствен за действия правительства.

Председатель: Мы уже весьма подробно ознакомились со списком членов имперского кабинета.

Стори: Да, конечно. Прежде чем отложить в сторону эти протоколы, я хотел бы показать, какова была деятельность правительства, я хочу обратить внимание Трибунала на некоторые решения, принятые на этих заседаниях.

На заседании 1 сентября 1939 г. совет утвердил 14 декретов. Из них я обращаю внимание Трибунала на декрет № 6 на странице 2 перевода...

Председатель: Вы нам не указали номера.

Стори: Простите, сэр. Это «Рейхсгезетцблатт», 1939 год, часть 1, стр. 1681. Мы просим Трибунал принять этот документ без доказывания. Декрет касался организации администрации и германской полиции безопасности в протекторате Богемия и Моравия. Он имеется в книге документов под номером ПС-2852. Цитирую с конца стр. 6 перевода:

«Председатель Совета, генерал-фельдмаршал Геринг, сделал несколько замечаний по поводу структуры гражданской администрации на оккупированной польской территории. Он изложил свои намерения касательно мер по эвакуации экономики с этой территории. Затем обсуждались вопросы снижения заработной платы и вопросы продолжительности рабочего дня и поддержки членов семей мобилизованных рабочих».

На этом заседании обсуждались (абзац второй протокола) и другие самые разнообразные вопросы. Я хотел бы огласить далее с седьмой страницы:

«Председатель указал, что все члены совета должны регулярно получать обзоры положения от рейхсфюрера СС. Затем обсуждался вопрос о населении будущего польского протектората и о перемещении евреев, живущих в Германии».

Я, наконец, хочу обратить внимание Трибунала на протокол заседания от 15 ноября 1939 г. (страница 10 перевода), где, между прочим, обсуждался вопрос об обращении с польскими военнопленными. Мы считаем, что этот документ не только устанавливает, что существовало тесное сотрудничество между учреждениями государства и партии, в част-

ности, с небезызвестными СС, но также, как это сказано в Обвинительном заключении, он дает основание считать, что правительственный кабинет полностью ответствен за проводившуюся им политику, в том числе за политику, включавшую совершение преступлений, сформулированных в Обвинительном заключении. Но это сотрудничество не имело бы никакого значения, если бы оно не опиралось на власть. А правительственный кабинет обладал этой властью. Помимо самого Гитлера, он обладал практически всей властью, которую может иметь правительство. Обвинение уже представляло доказательства того, как гитлеровское правительство и поддерживавшие его нацистские заговорщики добились того, что рейхстаг 24 марта 1933 г. принял «Закон о защите народа и империи». Мы уже представили его Суду (документ ПС-2001). Этот Закон давал правительству законодательную власть в такой степени, что оно могло даже отступать от существовавшей Конституции. Мы показали, что такие права остались за кабинетом даже после того, как состав его изменился; мы показали также, что отдельные земли, провинции и муниципалитеты, пользовавшиеся прежде частичной самостоятельностью, были теперь превращены в административные органы центрального правительства. Обычный кабинет приобрел полную власть в силу быстрого развития событий. Лучше всего объяснить, как это произошло, словами подсудимого Фрика. У меня имеется статья, написанная Фриком в 1935 году для нацистского ежегодника (документ ПС-2380, США-396). Оглашаю выдержку из нее:

«Взаимоотношения между империей и отдельными землями были теперь организованы на совершенно новых принципах, дотоле неизвестных истории германского народа. Имперский кабинет получает неограниченную власть. Не только его правом, но его долгом становится создание абсолютно унифицированного руководства и администрации империи. С сегодняшнего дня будет существовать только один национальный авторитет — империя. Таким образом, германская империя стала унифицированным государством, и вся администрация в землях осуществляется только по приказу имперской власти или от ее имени. Границы земель становятся лишь административными границами, они не охраняют более суверенитета этих земель.

Со спокойной решительностью при поддержке всего германского народа имперский кабинет постепенно осуществляет исконное стремление всей германской нации — создание унифицированного национал-социалистского государства».

Следующий документ — это решение о передаче законодательной власти совету обороны империи (декрет от 30 августа 1939 года, документ ПС-2018). Обычный кабинет продолжал издавать законы в течение всей войны, очевидно, потому, что состав совета обороны и обычного кабинета был один и тот же. Мог возникнуть вопрос, от чьего имени должны издаваться различные законы? В связи с этим доктор Ламмерс, начальник имперской канцелярии и член

обоих органов власти, 14 июня 1942 г. написал по этому поводу письмо уполномоченному по управлению империей.

Я думаю, что нет необходимости зачитывать следующий документ. Он просто показывает, что оба указанные учреждения продолжали издавать законы параллельно.

Были и другие учреждения, которые обладали законодательной властью, кроме тех, о которых я уже говорил. Несомненно, что Гитлер обладал законодательной властью. Геринг в качестве уполномоченного по вопросам четырехлетнего плана мог издавать декреты, которые имели силу закона. Кабинет также предоставил право уполномоченным по вопросам экономики и управления издавать законы, которые шли вразрез существовавшим законам. Такое же право было предоставлено начальнику верховного командования вооруженных сил; образовалась так называемая «коллегия трех», которая имела право издавать законы. Таким образом, например, был издан закон о военном планировании, секретный закон об обороне государства от 1938 года (документ ПС-2194, США-36). Три чиновника: Фрик, Функ и Кейтель, как мы уже доказали, являлись так же членами совета обороны империи, как и членами обычного кабинета. Поэтому словами Обвинительного заключения мы можем сказать, что имперский кабинет в системе германского правительства обладал законодательной властью очень высокого порядка и, как частично было уже доказано, осуществлял такую власть.

Я хочу показать, что исполнительная и административная власть в империи в результате двух основных нацистских законов была сконцентрирована в центральном имперском правительстве. Предпринимались и другие шаги, направленные к централизации. Давайте посмотрим, какие полномочия получил в результате обычный кабинет. Мы располагаем здесь публикацией, вышедшей в свет в 1944 году, под редакцией доктора Вильгельма Штукарта, статс-секретаря имперского министерства внутренних дел, и доктора Гарри фон Розен фон Хевель, другого чиновника имперского министерства внутренних дел в чине «оберрегирунгсрата». Публикация озаглавлена «Административное право», представляю ее в качестве документа ПС-2959, США-399. Здесь подробно изложены полномочия и функции всех министров обычного кабинета.

Председатель: *Полковник Стори, позвольте спросить, какое отношение это имеет к преступности имперского правительства?*

Стори. *Возможно, эти доказательства опять-таки кумулятивны, но, как я это понимаю, доказательства показывают, как эти подсудимые, и вместе с ними другие лица, формировали министерства, образовывали эти советы, с тем чтобы у них создавалась возможность придавать видимость законности любому действию, которое они намеревались осуществить, будь то в ходе заседания или нет, соответствуя указаниям соответствующих министров; иными словами, демонстрируется полное господство.*

Председатель: *Я полагал, что это уже достаточно демонстрировалось.*

Стори: *Хорошо. Более я ссылаться на документы не буду.*

Переходим ко второй фазе представления доказательств против имперского правительства. Здесь мы имеем намерение установить преступный характер этого учреждения. По мере представления обвинением доказательств на всех стадиях процесса Трибуналу будет все более ясно, как тесно связаны эти изобличающие документы с имперским кабинетом и какова его ответственность. Сейчас мы хотим обратить внимание Трибунала на некоторые важнейшие элементы документальных доказательств, уличающие эту группу. Прежде всего я считаю целесообразным повторить, что при нацистском режиме правительство стало преступным орудием нацистской партии. В первоначальном кабинете, созданном в результате событий 30 января 1933 г., было только три члена нацистской партии: Геринг, Фрик и Гитлер. Я уже показал, что по мере включения в состав кабинета новых министерств во главе их ставились другие видные нацисты. 30 января 1937 г. Гитлер принял в партию тех членов кабинета, которые не были еще членами нацистской партии. Об этом сообщается в «Фелькишер беобахтер», в южногерманском издании от 1 февраля 1937 г. Оглашаю документ ПС-2964, США-401:

«Имея в виду предполагаемое снятие запрета на прием в партию, фюрер в качестве первого шага в этом направлении лично принял в партию тех членов кабинета, которые до сих пор не состояли в партии, и одновременно вручил им золотые партийные значки как высший почетный знак партии. Затем фюрер наградил золотыми значками партии генерал-полковника фон Фрича, адмирала доктора Редера, прусского министра финансов профессора Попица, статс-секретаря и начальника канцелярии президента доктора Мейснера.

Фюрер также наградил золотыми партийными значками членов партии статс-секретарей: доктора Ламмерса, Функа, Кёрнера и генерала авиации Мильха».

Была возможность отказаться от вступления в партию, но это сделал только один человек — фон Эльтц-Рюбенах, который был в то время министром почт и транспорта. У меня имеется подлинное письмо Рюбенаха Гитлеру, датированное 30 января 1937 г. Оно написано его рукой, и я представляю письмо в качестве документального доказательства под номером ПС-1534, США-402. Я цитирую документ полностью:

«Берлин, "W" 8, 30 января 1937 г.

Вильгельмштрассе, 79.

Мой фюрер,

благодарю Вас за доверие, которые Вы оказывали мне в течение четырех лет Вашего руководства, и за честь, которую Вы оказываете мне, предлагая вступить в партию.

Моя совесть, однако, заставляет меня отказаться от Вашего предложения. Я верю в принципы христианства и должен остаться верным богу и самому себе. Членство в пар-

тии будет означать, что я должен буду без всякого сопротивления принимать усиливающиеся нападки партийных чиновников на религиозные конфессии и на тех, кто желает остаться верным своим религиозным убеждениям.

Мне было очень трудно принять это решение, потому что я никогда не выполнял своих обязанностей с бо́льшим удовольствием, чем под Вашим мудрым руководством.

Я прошу Вас принять мое заявление об отставке.

Приветствую Вас как немец.

Ваш покорный слуга, барон фон Эльтц».

Председатель: Скажите, получил ли разрешение барон фон Эльтц выйти в отставку?

Стори: Да. Насколько мне известно, все были членами партии, кроме него одного. Он отказался от членства и подал в отставку, которая была принята. Но нацисты не ждали, пока все члены кабинета станут членами партии. 1 декабря 1933 г. правительство приняло закон о единстве партии и государства.

Этот документ уже оглашался раньше как доказательство, и поэтому я не буду его снова зачитывать.

Передо мной копия неопубликованного декрета, подписанного Гитлером 27 июля 1934 г. (документ Д-138, США-403). С Вашего разрешения я представляю его в качестве доказательства. В нем говорится:

«Настоящим я предоставляю заместителю фюрера — рейхсминистру Гессу право принимать участие в разрешении вопросов, связанных с подготовкой проектов законов во всех административных инстанциях империи. Все законодательные материалы должны препровождаться ему после того, как они будут подготовлены соответствующими имперскими министрами. Это должно делаться также в тех случаях, когда над данным проектом работает только один подготавливающий его министр. Имперскому министру Гессу также должна быть предоставлена возможность рассматривать проекты, предложенные экспертами.

Устанавливаемый порядок относится также к декретам и законам. Заместителю фюрера как рейхсминистру предоставляется также право посылать в министерства в качестве своих представителей соответствующих экспертов из своего штата. Такие эксперты уполномочиваются представлять его перед имперскими министрами».

Подсудимый Гесс не замедлил высказать свои соображения относительно своего участия в этой работе от имени партии. Я представляю в качестве доказательства документ Д-139, США-404. Это письмо, подписанное Гессом (подлинник). Оно датировано 9 октября 1934 г. и написано на бланке национал-социалистской партии. Письмо адресовано имперскому министру народного просвещения и пропаганды.

Привожу весь документ полностью:

«Согласно декрету фюрера от 27 июля 1934 г. я получил право принимать участие в законодательной деятельности империи как в области издания законов, так и в части декретов и директив. Это право должно действительно про-

водиться в жизнь, а не остаться формальностью из-за того, что мне посылают проекты законов слишком поздно, тем самым ограничивают меня во времени и делают для меня невозможным внимательно их рассмотреть в течение необходимого срока. Я должен подчеркнуть, что мое участие в разрешении этих вопросов является выражением мнения национал-социалистской партии как таковой по каждому из них. По большинству этих законов и декретов до того, как дать свое заключение, я советуюсь с соответствующими отделами руководства партии. Только таким образом я смогу действительно провести в жизнь желание фюрера, выраженное в декрете от 27 июля 1934 г. Я должен поэтому просить имперских министров организовать работу таким образом, чтобы проекты законов и декретов попадали ко мне заблаговременно. Если это не будет сделано, я буду вынужден в будущем изначально отказываться от утверждения этих проектов во всех тех случаях, когда мне не будет предоставлено достаточно времени для того, чтобы рассмотреть их соответствующим образом.

Р. Гесс».

Эти права Гесса утверждать законы и декреты были в дальнейшем расширены. Я ссылаюсь на документ Д-140, США-405. Это письмо от 12 апреля 1938 г. доктора Ламмерса к имперским министрам. Я представляю его в качестве доказательства и цитирую третий абзац:

«Заместитель фюрера будет принимать участие в работе также в тех случаях, когда имперские министры утверждают государственные законы и законодательные акты в землях, согласно параграфу 3 первого декрета от 2 февраля 1934 г., предусматривавшего изменение в структуре империи. Заместитель фюрера в качестве имперского министра будет принимать также участие в обсуждении всех законов и приказов, которые ранее разрабатывались или находились в процессе подготовки у других имперских министров и одобрены имперскими министрами. Законы и законодательные акты (декреты, приказы), издаваемые австрийским правительством, проходят аналогичную процедуру. Доктор Ламмерс».

Председатель: *Я хочу спросить Вас, полковник Стори, что, собственно, должны доказать эти три документа?*

Стори: *Прежде всего, господин председатель, тот документ, на который я только что сослался, показывает, что заговорщики издавали законы на захваченных территориях, например в Австрии. Предыдущий, подписанный Гессом документ показывает, что Гесс располагал почти неограниченными полномочиями рассматривать и санкционировать законы и декреты в административных районах... В дополнение я хочу отметить, Ваша честь, что самым важным моментом являются следующие слова Гесса: «Вы должны направлять их мне в достаточной степени заблаговременно, с тем чтобы я мог проконсультироваться с партией и с соответствующими членами партии и узнать их реакцию».*

Председатель: *Вы полагаетесь на эти данные как на доказательство преступности — данные о том, что он брал себе за труд выяснить, что думали другие министры?*

Стори: *Я думаю, что это является частью общего заговора и свидетельствует о господстве нацистской партии, в особенности ее руководящего состава, над партией и государством.*

Председатель: *Я полагаю, я уже достаточно отмечал, что, как нам представляется, — думаю, что говорю от имени всего Трибунала, — что этот вопрос уже достаточно доказан и мы желаем, чтобы Вы перешли к вопросу преступности имперского кабинета.*

Стори: *Могу ли я сделать вывод, господа судьи, что нам нет надобности представлять дальнейшие доказательства того, что сама партия имела отношение к изданию этих законов, как об этом указывает подсудимый Гесс? Как я полагал, на нас лежит обязанность доказать, что партия, в особенности ее руководящий состав, доминировала в кабинете.*

Председатель: *Вы сейчас занимаетесь имперским кабинетом, и, как я считаю, Трибунал убедился в том, что имперский кабинет имел полные полномочия принимать законы.*

Стори: *Я думаю, что мы идем несколько дальше и намереваемся доказать, если мы этого еще не доказали, что путь и способ, которым они действовали при этом, консультируясь с партией, были преступными. Я могу привести еще и другие законы в подтверждение этого, но если Трибунал удовлетворен, я не вижу смысла их цитировать.*

Председатель: *Я не думаю, что Трибунал вообразил бы, что они принимали законы, ни с кем не консультируясь.*

Стори: *Я не хочу представлять доказательства, которые были бы кумулятивными или ненужными. Поэтому я вкратце сошлюсь на законы, которые мы намереваемся сейчас представить.*

Партия, как господа судьи вспомнят, имела 25 основополагающих пунктов, которые определяли ее цели, — по этому поводу вчера были представлены доказательства. Эти пункты, как господа судьи вспомнят, охватывали все: от отмены Версальского и Сен-Жерменского договоров до захвата большего жизненного пространства и т.д.

Таким образом, мы намереваемся сослаться на различные декреты и законы, принимавшиеся кабинетом, коими претворялись в жизнь, как мы утверждаем, преступные цели партии, мы намереваемся показать, что партия просила имперский кабинет придать видимость законности ее целям, которые, как мы утверждаем, были преступными. Это — единственная причина, по которой мы хотим хронологически упомянуть о законах, которые принимались во исполнение этих целей. Я предполагаю, в соответствии с пожеланиями Трибунала, просто перечислить законы, которые были направлены к достижению так называемых 25 пунктов программы нацистской партии. Пожалуй, с разрешения господ судей, я просто сошлюсь на несколько характерных этих законов, которые принимались в осуществление этих 25 пунктов.

Нацистский кабинет принял, в частности, следующие законы:

Председатель: *Назовите, пожалуйста, место, где изложены эти 25 пунктов. У Вас имеется ссылка?*

Стори: *Да, сэр. Это документ ПС-1708, книга документов «А».*

Закон от 3 февраля 1938 г. обязывал регистрироваться германских граждан, проживающих за границей. Закон приводится в «Рейхсгезетцблатт».

13 марта 1938 г. был принят закон о воссоединении Австрии с Германией. Этот закон опубликован в «Рейхсгезетцблатт», 1938 год, часть 1, стр. 237.

21 ноября 1938 г. принят закон относительно объединения Судетской области с Германией («Рейхсгезетцблатт», 1938 год, часть 1, стр. 1641).

23 марта 1939 г. принят закон о включении Мемельской области в состав Германии («Рейхсгезетцблатт», 1939 год, часть 1, стр. 559).

Нацистская платформа требовала отмены Версальского и Сен-Жерменского договоров, я хочу указать, что сделало правительство для осуществления этого пункта программы.

14 октября 1933 г. было издано воззвание к германскому народу относительно выхода Германии из Лиги Наций и ухода ее с конференции по разоружению («Рейхсгезетцблатт», 1933 год, часть 1, стр. 730).

Закон от 16 марта 1935 г. предусматривал создание вооруженных сил в Германии и введение обязательной воинской повинности («Рейхсгезетцблатт», 1935 год, часть 1, стр. 369—375).

Обратимся к пункту 4 устава партии, который гласил:

«Только представитель расы может быть гражданином. Представителем расы может быть только лицо германской крови, вне зависимости от конфессии. Следовательно, еврей не может быть представителем расы».

Из числа принятых правительством законов во исполнение этого пункта я хочу обратить внимание на следующее.

Законом от 25 апреля 1933 г. ограничивалось число неарийских учащихся в школах и высших учебных заведениях («Рейхсгезетцблатт», 1933 год, часть 1, стр. 225).

14 июля 1933 г. был принят закон относительно отмены натурализации евреев и о лишении права гражданства этих лиц («Рейхсгезетцблатт», 1933 год, часть 1, стр. 480).

Законом от 29 сентября 1933 г. лица еврейской национальности изгонялись из крестьянских общин («Рейхсгезетцблатт», 1933 год, часть 1, стр. 685).

19 марта 1937 г. был издан еще один закон, согласно которому евреи исключались из числа лиц, несущих государственную службу государственной трудовой повинности («Рейхсгезетцблатт», 1937 год, часть 1, стр. 325).

Затем издается закон от 6 июля 1938 г., который запрещает евреям участвовать в шести различных областях деловой жизни («Рейхсгезетцблатт», 1938 год, часть 1, стр. 823).

Закон от 7 апреля 1933 г. предусматривал, что лица неарийского происхождения не могут заниматься юридической практикой.

Пункт 23 устава партии провозглашал: «Мы требуем принятия законодательных мер против сознательных политических лживых утверждений и против их распространения через прессу...»

Сошлюсь на несколько принятых кабинетом законов в претворение в жизнь данного пункта. Один из них — это закон от 22 сентября 1933 г., которым образовывалась имперская культурная палата («Рейхсгезетцблатт», 1933 год, часть 1, стр. 661).

Другой закон от 4 октября 1933 года касался редакторов («Рейхсгезетцблатт», 1933 год, часть 1, стр. 713).

Еще один закон от 15 мая 1934 г. относился к ограничениям в отношении театра («Рейхсгезетцблатт», 1934 год, часть 1, стр. 411).

Оставим теперь в стороне эти законы иллюстративного характера.

В действительности кабинет провел в жизнь многие законодательные акты, которые подготовили почву для осуществления нацистского заговора, описанного в разделе первом Обвинительного заключения, и претворили нацистский заговор в жизнь. На многие из этих законов обвинение ссылалось уже ранее. Все законы, на которые я буду ссылаться либо уже сослался, принимались конкретно от имени кабинета. Типичный вводный абзац гласит — цитирую: «Имперский кабинет принимает данный закон, который настоящим промульгируется». Это свидетельствует о том, что закон исходит от кабинета.

Председатель: *Это относится ко всем приведенным Вами законам?*

Стори: *Да, сэр. Это типичная преамбула.*

В связи с установлением контроля над Германией, как об этом говорится в разделе первом Обвинительного заключения, я сошлюсь на следующие законы:

закон от 14 июля 1933 г. запрещает создание новых партий. Кажется, вчера я на него ссылался. Это «Рейхсгезетцблатт», 1933 год, часть 1, стр. 479.

Другим законом от 14 июля 1933 г. предусматривалась конфискация собственности социал-демократических и иных организаций («Рейхсгезетцблатт», 1933 год, часть 1, стр. 479);

закон от 1 декабря 1933 г., которым укреплялось единство партии и государства («Рейхсгезетцблатт», 1933 год, часть 1, стр. 1016).

В ходе укрепления нацистского контроля в Германии были приняты следующие законы (указываю на некоторые из них):

закон от 21 марта 1933 г. о создании специальных судов («Рейхсгезетцблатт», 1933 год, часть 1, стр. 136);

закон от 31 марта 1933 г. об интеграции всех земель в составе империи («Рейхсгезетцблатт», 1933 год, часть 1, стр. 153);

закон от 30 июня 1933 г., которым увольнялись все гражданские чиновники неарийского происхождения, а также гражданские чиновники, женатые на неарийках («Рейхсгезетцблатт», 1933 год, часть 1, стр. 433);

закон от 24 апреля 1934 г. о создании народного суда («Рейхсгезетцблатт», 1934 год, часть 1, стр. 341), того самого суда, Ваша честь, действия которого Вы видели при демонстрации одного из документальных фильмов на прошлой неделе.

Законом от 1 августа 1934 года объединялись посты президента и канцлера («Рейхсгезетцблатт», 1934 год, часть 1, стр. 747).

Я не представляю все законы и не ссылаюсь на все законы.

Законом от 18 марта 1938 г. предусматривалось представление единого списка кандидатов электорату всего рейха («Рейхсгезетцблатт», 1938 год, часть 1, стр. 258).

Подавление нацистами внутреннего сопротивления в Германии путем чистки учреждений и путем террора (параграф (Д) 3 (в) раздела первого) облегчалось тем, что все это облекалось в законодательную форму. Я хочу сослаться лишь на некоторые законы, переводы которых имеются в книге документов «F».

Закон от 14 июля 1933 г. запрещает создание новых партий, в нем имеется статья, устанавливающая уголовную санкцию. Это «Рейхсгезетцблатт», 1933 год, часть 1, стр. 479.

Имеется, например, закон от 3 июля 1934 г., который давал право применить чрезвычайные меры в целях якобы защиты государства («Рейхсгезетцблатт», 1934 год, часть 1, стр. 529). Этим законом был легализован их собственный путч.

Закон от 20 декабря 1934 г. устанавливал уголовную ответственность за «предательство» государства и партии («Рейхсгезетцблатт», 1934 год, часть 1, стр. 1269).

В нем также содержались нормы по защите партийной униформы.

Закон от 24 апреля 1934 г. предусматривал, что создание новых политических партий или продолжение деятельности существующих политических партий является актом государственной измены («Рейхсгезетцблатт», 1934 год, часть 1, стр. 341).

Закон от 28 июня 1935 г. изменял уголовный кодекс («Рейхсгезетцблатт», 1935 год, часть 1, стр. 839).

И, наконец, последний закон, о котором я собираюсь упомянуть, это закон от 16 сентября 1939 г., который разрешал повторное рассмотрение уголовных дел специальным судом, членов которого назначал Гитлер, если решение обычного суда не удовлетворяло нацистов («Рейхсгезетцблатт», 1939 год, часть 1, стр. 1841).

Затем следуют законы, которые относятся к уничтожению профсоюзов и которые были уже представлены мною (книга документов G). Далее идут законы, упразднявшие коллективные договоры, — на них я также уже ссылался.

Позорные «Нюрнбергские законы», изданные 15 сентября 1935 г., подготавливались министерством внутренних дел, хотя формально были приняты рейхстагом. Это подтверждается книгой доктора Франца А. Медикуса, занимавшего высокий министерский пост, которая была опубликована в 1940 году. Я хотел бы сослаться на стр. 62 подлинника публикации, в переводе это документ ПС-2960, США-406. Начинаем с первого абзаца:

«Работа имперского министерства внутренних дел создает основу для трех "Нюрнбергских законов", которые были приняты резолюцией рейхстага."Имперский закон о гражданстве", равно как и "Закон о защите германской крови и германской чести" заложили фундамент обширных задач для министерства внутренних дел не только в сфере... администрации. То же относится и к "Закону об имперском флаге", создавшем основание для полной ревизии национальных флагов».

Ряд декретов совета министров также заложили основу легализации для преступных деяний и преступного поведения заговорщиков; так, 5 августа 1940 г. был принят декрет, устанавливавший дискриминационные налоги для польских рабочих в Германии («Рейхсгезетцблатт», 1940 год, часть 1, стр. 1077).

4 декабря 1941 г. был принят закон, который предусматривал применение карательных мер против евреев и поляков на оккупированной восточной территории («Рейхсгезетцблатт», 1941 год, часть 1, стр. 759).

О законе относительно вывоза рабочих с оккупированной восточной территории я уже упоминал.

Почти сразу после прихода Гитлера к власти правительство стало осуществлять программу нацистского заговора, имевшего целью развязать агрессивную войну. Об этом говорится в трех документах, которые уже были представлены (ЕС-177, ПС-2261 и ПС-2194).

Документ ЕС-177, США-390 — это копия протоколов. Я не собираюсь приводить цитаты из этого документа, а лишь упоминаю о нем, так как это протоколы второго совещания рабочего комитета уполномоченных по обороне империи, подписанные подсудимым Кейтелем.

Документ ПС-2261 представляет собой письмо от 24 июня 1935 г., коим препровождается копия секретного неопубликованного закона об обороне от 21 мая 1935 г., а также копия решения имперского кабинета от того же числа. Эти документы уже представлялись, упоминаем о них, как о показательных законах, принимавшихся кабинетом.

Документ ПС-2194 также является письмом, препровождающим копию секретного неопубликованного закона об обороне империи от 4 сентября 1938 г.

Совет обороны империи был создан кабинетом. Решение об образовании этого органа было принято 4 апреля 1933 года. Этот факт доказывает решение кабинета, являющееся приложением к документу ПС-2261, США-24, стр. 4 перевода. Оба секретных закона — содержащийся в доку-

менте ПС-2261, а также ПС-2194 — были приняты кабинетом; здесь речь не шла о том, что одна группа создает совершенно обособленную группу для того, чтобы та выполнила за нее ее грязную работу. Сам кабинет вступил в дело. До прихода нацистов к власти такую задачу было бы трудно выполнить, однако после того, как контроль перешел к нацистам, дело двинулось вперед быстро. Я вновь ссылаюсь на документ ЕС-177. Освещаемые на стр. 8 подлинника вопросы безопасности и секретности, как я полагаю, имеют непосредственное отношение к преступному характеру деятельности. Цитирую:

«Вопрос был поднят имперскими министерствами. Работы по обороне империи должны содержаться в строжайшем секрете. Переписка с другими учреждениями должна производиться только через курьеров. Этот вопрос согласован с почтой, министерством финансов, прусским министерством внутренних дел и военным министерством. Основной принцип безопасности: ни один документ не должен пропасть, так как он может быть использован вражеской пропагандой. Дела, о которых сообщается устным порядком, не могут быть доказаны, и от них мы всегда сможем отказаться в Женеве. Поэтому военное министерство разработало для имперских министерств и прусского министерства внутренних дел специальные директивы по обеспечению безопасности».

Я перехожу к письменному показанию подсудимого Фрика.

Председатель: Что это за документ?

Стори: Это документ ПС-2986. Представляю его под номером США-409. Это подлинник письменного показания подсудимого Фрика, данного им под присягой. Я полагаю, что подсудимый Фрик прекрасно суммировал работу имперского совета обороны. Цитирую:

«Я, Вильгельм Фрик, должным образом приведенный к присяге, свидетельствую. Я был главным уполномоченным по управлению империей с момента создания этого учреждения до 20 августа 1943 г. Моим заместителем был Генрих Гиммлер. До начала войны в мою задачу как имперского уполномоченного входила подготовка организации на случай войны, например, назначение офицеров связи в различных министерствах, которые поддерживали бы со мной связь. Будучи уполномоченным по управлению, я совместно с уполномоченным по вопросам экономики и начальником верховного командования вооруженных сил (ОКВ) входил в так называемую «коллегию трех» (драй коллегиум). Мы являлись также членами совета обороны империи, который, как предполагалось, должен был планировать всю подготовительную работу и подготовить декреты на случай войны, которые позднее опубликовывались советом обороны империи.

В связи с тем, что с началом войны все должно было делаться очень быстро и могло не оказаться времени для планирования, такие мероприятия и декреты были подготовлены заранее. Дальнейшие действия заключались только

в том, чтобы издавать те военные декреты, которые были уже заранее подготовлены. Позднее, после начала войны, эти декреты были изданы советом обороны империи. Настоящее показание, данное под присягой, подписано мной, доктором Вильгельмом Фриком, 19 ноября 1945 г.».

Подведем итоги по данной конкретной фазе представления доказательств. Кабинет с помощью своих собственных решений и своих собственных законов создал крупный орган по планированию войны — совет обороны империи, члены которого были набраны из кабинета. Внутри совета они сформировали небольшой рабочий комитет, в состав которого опять-таки вошли члены кабинета и некоторые специалисты по обороне, большинство назначений производилось из числа членов кабинета. В целях рационализации процесса они образовали группы из всех своих министерств (за исключением министерств военно-воздушных сил, пропаганды и иностранных дел). Эти группы возглавили уполномоченные по экономике и управлению и ОКВ. Все было организовано в условиях величайшей секретности и для величайшей секретности.

Это «коллегия трех».

В заключение, если Ваша честь разрешит, я хотел бы вкратце суммировать документальные доказательства, представленные в отношении имперского правительства (рейхсрегирунга).

С 1933 года и до конца войны рейхсрегирунг представлял собой влиятельный орган, который находился под руководством Гитлера. Рейхсрегирунг включал в себя обычный кабинет, тайный совет и совет министров по обороне империи, что соответственно сформулировано в Обвинительном заключении. Однако в действительности между этими тремя учреждениями существовала только искусственная иллюзорная граница.

Главную роль играл, конечно, обычный кабинет, который в обиходе называли рейхсрегирунг. В него входили руководящие политические и военные деятели нацистского правительства. 17 из 22 подсудимых, которые находятся перед Трибуналом, постоянно входили в состав обычного кабинета. С разрешения Трибунала я оглашу фамилии этих подсудимых и укажу их официальные посты в рейхсрегирунге:

Мартин Борман — начальник партийной канцелярии;

Карл Дениц — главнокомандующий военно-морскими силами;

Ганс Франк — имперский министр без портфеля;

Вильгельм Фрик — министр внутренних дел, уполномоченный по управлению империей, имперский министр без портфеля;

Вальтер Функ — министр экономики, уполномоченный по вопросам экономики;

Герман Геринг — министр авиации;

Рудольф Гесс — заместитель фюрера;

Вильгельм Кейтель — начальник верховного командования вооруженных сил;

Константин фон Нейрат — министр иностранных дел, председатель тайного правительственного совета;

Франц фон Папен — вице-канцлер;

Эрих Редер — главнокомандующий военно-морским флотом;

Иоахим фон Риббентроп — министр иностранных дел;

Альфред Розенберг — имперский министр по делам оккупированных восточных территорий;

Гельмар Шахт — исполняющий обязанности министра экономики, имперский министр без портфеля, председатель рейхсбанка, уполномоченный по вопросам военной экономики;

Бальдур фон Ширах — руководитель имперской молодежи;

Артур Зейсс-Инкварт — имперский министр без портфеля;

Альберт Шпеер — министр по производству вооружения и боеприпасов.

Из обычного кабинета назначались не только члены тайного совета и совета обороны империи, но также и члены группы, занимавшейся планированием войны, нацистского тайного совета по обороне империи. С целью сохранения в тайне планов ведения агрессивной войны власть была сконцентрирована в руках нескольких лиц. Опять-таки эти люди назначались из обычного кабинета. Уполномоченные по вопросам экономики и администрации одновременно были министрами обычного кабинета и членами имперского совета обороны. Практически им подчинялись все министры обычного кабинета.

Нацистская партия занимала господствующее положение по отношению к рейхсрегирунгу и осуществляла контроль над его законодательной деятельностью через заместителя фюрера Гесса, а позднее — начальника партийной канцелярии Бормана.

Контроль со стороны партии осуществлялся также через индивидуальное членство в партии членов кабинета и путем объединения в одном человеке различных ключевых постов в кабинете и в партии. В результате этого слияния партии и государства в руках кабинета была сосредоточена вся полнота политической власти.

Законы, которые принимал кабинет, создали основу для того, чтобы нацистские заговорщики смогли установить свой контроль над Германией, как это говорится в разделе I Обвинительного заключения, а также совершать преступления, упомянутые в разделах I, II, III и IV Обвинительного заключения. Правительство проводило в жизнь жесткие законы об уголовной ответственности, о дискриминации, конфискации, которые нарушали все принципы правосудия и человечности. Декреты, которые принимал имперский совет обороны в течение войны, облекали преступность нацистских заговорщиков в личину закона. Будучи орудием партии, кабинет эффективно претворял в жизнь пресловутые пункты программы партии. И, наконец, создав в 1933 году имперский совет обороны и активно участвуя в проектах и планах по ведению аг-

рессивной войны, кабинет почти немедленно после прихода Гитлера к власти стал группой планирования войны.

Исходя из вышеизложенного, рейхсрегирунг, как определено в приложении «В» Обвинительного заключения, должен быть объявлен преступной организацией в соответствии со статьей 9 Устава Трибунала.

Представление доказательств преступности СА представителем обвинения от США полковником Р. СТОРИ

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 18 и 19 декабря 1945 г.

Обвинение представляет доказательства по делу организации СА.

Я передаю Суду книгу, в которой собраны английские переводы документов, устанавливающих преступность организации СА. Эта организация, членов которой обычно называли «коричневорубашечниками» или «штурмовиками», является организацией бандитов ранних дней нацистского террора. Позднее она стала известна под названием «СА». Во время представления документов я так и буду называть ее.

СА была первой из организаций, созданной нацистами в качестве орудия осуществления своих преступных целей. Она занимала специфическое место в планах заговорщиков. В отличие от некоторых других организаций ее функции не были постоянны и статичны. Наоборот, это была организация, которая привлекалась к выполнению многообразных задач. Ее роль менялась время от времени в соответствии с развитием заговора в его различных стадиях, от ревизии Версальского договора до захвата чужих территорий.

СА участвовала в заговоре как единый организм и самостоятельное юридическое лицо. Это подтверждается документом ПС-1725. Я прошу Суд принять его без доказательств. Это официальный документ, опубликованный в «Рейхсгезетцблатт» за 1935 год, часть 1, стр. 502. В нем говорится, что СА подобно некоторым другим организациям должна рассматриваться как «составная часть» нацистской партии. В статье 5 этого документа (стр. 2 английского перевода) далее предусматривается: «Организации-филиалы могут выступать как самостоятельные юридические лица». Устав НСДАП аналогичным образом характеризует СА как «единое с партией целое». Документ ПС-3220, который я сейчас представлю, является выдержкой из устава нацистской партии. Я сейчас зачитаю эту выдержку в английском переводе. В ней говорится: «Фюрер устанавливает порядок деятельности СА и указывает, как ее использовать.

Начальник штаба представляет СА как единую с партией организацию, действующую по указаниям фюрера».

Я уверен, что доказательства, которые я представлю, подтвердят, что СА являлась единым организмом и организацией с самостоятельным юридическим статусом. Членами СА были многочисленные индивиды, но они были тесно связаны между собой и действовали как единое целое. Их связывали общность целей и задач, общие формы деятельности и общая форма одежды, единые стандарты членства в организации и правила дисциплины, общие обязанности и задачи, а самое главное — их фанатическая приверженность философии и идеологии, которых придерживались нацистские заговорщики.

Это подтверждается следующей выдержкой из устава нацистской партии (документ ПС-2354). В ней говорится, что вступление в члены СА является добровольным, но что член СА должен быть исключен из состава организации в случае, «если он больше не разделяет взглядов СА или если он не может полностью выполнять возложенных на него обязанностей как член СА». От штурмовика ожидали и требовали, чтобы он воспринимал и отражал в своей повседневной жизни определенное мировоззрение, определенные установки и виды деятельности, и в этом отношении он получал хорошую подготовку.

Единство мышления и действия поддерживалось отчасти путем издания и распространения газеты под заглавием «Член СА» («Дер СА манн»). Данная публикация была в основном посвящена созданию и разработке различных аспектов нацистской идеологии, составившей доктрину, которая стала побудительным мотивом для многих заговорщиков.

В данный момент я хотел бы отметить, что СА, возникшая из разнообразных банд уличных грабителей, выросла в крупную спаянную организацию, сформированную по войсковому принципу, получившую военную подготовку и выполнявшую военные функции, в организацию, пропитанную агрессивным милитаристским духом и нацистской философией. Эта организация существовала на всей территории империи; вертикально она была разбита на местные группы и подразделения. Горизонтально существовали соединения, в которые входили кавалерийские, саперные, медицинские подразделения и части связи.

Господа судьи, прошу Вас ознакомиться со схемой, которую я официально представлю несколько позднее. Согласованность действий различных групп и подразделений осуществлялась штабом СА и оперативными управлениями, которые размещались в Мюнхене.

Теперь я остановлюсь на отношениях между СА и национал-социалистской партией (НСДАП).

Обвинение против СА опирается на убедительные доказательства. Основанием для него послужили важные и особые отношения и связь между нацистской партией и этой организацией. Обвинение утверждает, что тесная связь между заговорщиками являет собой важное и убедительное

доказательство их совместного участия в заговоре. Эта связь между СА и нацистскими лидерами давала возможность заговорщикам использовать СА для выполнения любых задач, осуществление которых могло оказаться необходимым для достижения целей заговора.

Хочу сообщить Трибуналу, что здесь передо мной имеются все эти публикации, начиная с 1934 года, включая все последующие вплоть до 1939 года. Официальная еженедельная газета «Дер СА манн» издавалась в Мюнхене, имела большой тираж и продавалась и распространялась во всей Германии и в оккупированных странах.

Помимо сказанного, «Дер СА манн» печатала отчеты и документы о деятельности СА как организации и о деятельности входивших в СА групп. В последующем я намерен сослаться на некоторые выдержки из этого еженедельника.

Гитлер руководил действиями СА через начальника штаба этой организации на протяжении всего периода, когда осуществлялся заговор. Фактически в Германии Гитлера нередко называли «Высшим фюрером СА».

Подсудимый Геринг был одним из первых членов СА и в дальнейшем в ходе осуществления заговора поддерживал тесную связь с этой организацией.

Подсудимый Гесс принимал участие в битвах, которые СА вели на первоначальном этапе, он был лидером мюнхенской группы. Подсудимые Франк, Штрейхер, фон Ширах и Заукель были обергруппенфюрерами СА, что соответствует званию генерал-лейтенанта. Подсудимый Борман был членом штаба верховного командования СА.

Существование тесных взаимоотношений между СА и руководителями нацистской партии подтверждается тем фактом, что высшим государственным чиновникам руководящего состава нацистской партии было разрешено использовать СА для выполнения конкретных пунктов программы партии. Это подтверждается документом ПС-1893, из которого я несколько раз приводил выдержки, когда затрагивался вопрос о руководящем составе нацистской партии. В одной из выдержек говорилось, что хохайтстрегеры в случае необходимости могли обращаться за помощью к СА для выполнения политических заданий, связанных с движением. Эта обязанность СА по отношению к партии подтверждается документом ПС-2383, который я представляю в качестве доказательства под номером США-410. В нем говорится:

«Отряды НСДАП, за исключением СС, для которых установлены особые правила, подчиняются высшему руководителю (хохайтстрегеру) в политическом и административном отношении. Непосредственное руководство этими отрядами осуществляется начальниками отрядов».

В соответствии с этим отряды СА использовались при захвате собственности профсоюзов.

В дополнение к сказанному СА продемонстрировала свою тесную связь с нацистской партией тем, что различным образом участвовала в выборной кампании. Об этом свидетельствует документ ПС-2168, США-411, это брошюра,

озаглавленная «СА». В этой брошюре описываются история СА и деятельность этой организации, автором ее является штурмфюрер СА по фамилии Байер, подготовивший ее по приказу штаба СА. В брошюре (стр. 4) говорится:

«Труды и борьба СА были не напрасны. СА стояла на переднем крае сражений за победу на выборах».

2 сентября 1930 г. Гитлер взял на себя руководство СА как главный фюрер СА. Он руководил организацией СА в решающей предвыборной борьбе, которую она вела в 1930 году. В папке доказательств имеется большое количество фотографий, демонстрирующих участие нацистских лидеров в деятельности СА. Сейчас я хотел бы обратиться к некоторым из них.

Я хотел бы продемонстрировать Трибуналу фотографию, помещенную в январском номере газеты «Дер СА манн» за 1937 год. Эта фотография изображает Геринга во время церемонии 23 января 1937 г. по случаю назначения его обергруппенфюрером одного из полков СА. Представляю как доказательство эту фотографию и страницу газеты. Другая фотография показывает, как Геринг 18 сентября 1937 г. ведет этот полк СА на параде.

Затем имеется фотография Гиммлера, Гюнлейна (лидера НСКК, национал-социалистского автомобильного корпуса) и Лютце — начальника штаба СА. На фотографии надпись: «Они ведут солдат национал-социализма» (газета от 15 июня 1935 г.).

Следующей идет фотография Гитлера на церемонии СА. Гитлер заснят в момент, когда он несет боевой флаг СА. На фотографии надпись: «Как и в годы борьбы, фюрер в день свободы партии осеняет новые полки "знаменем крови"» (газета от 21 сентября 1935 г.).

Представляю фотографию Геринга в форме СА на смотре проходящих перед ним войск СА. Над фотографией надпись: «День чествования войск СА» (газета от 21 сентября 1935 г.).

Председатель: *Полковник Стори, разве есть какие-либо сомнения в том, что Гитлер и Геринг были членами СА?*

Стори: *Нет, сэр, но я хотел показать посредством этих фотографий военный характер СА. Если в этом нет сомнений, я пропущу остальное и продолжу.*

Деятельность СА не окончилась с захватом нацистами правительственной власти в Германии. Сотрудничество СА с нацистскими лидерами продолжалось и после захвата нацистами контроля над германским государством. Значение организации СА во время деятельности нацистского правительства характеризуется законом о единстве партии и государства от 1 декабря 1933 г. Однако один параграф этого закона я ранее не читал и сейчас хотел бы обратить на него внимание (документ ПС-1395). Цитирую параграф 2:

«Заместитель фюрера и начальник штаба СА становятся членами имперского правительства для того, чтобы обеспечить тесное сотрудничество организаций партии и СА с властями».

Аналогичным образом в документе ПС-2383, на который я уже недавно ссылался (в последнем абзаце страницы 11), говорится:

«Организации партии и государства должны поддерживать СА при осуществлении ими программы обучения и должны соответствующим образом оформлять удостоверения о праве на ношение оборонного значка СА».

Тот факт, что нацисты во все времена осуществляли полный контроль над СА, доказывает так называемая чистка Рема в июне 1934 года. Доказательство этого мы находим в газете «Фелькишер беобахтер» от 1 июля 1934 г., стр 1. Я не буду цитировать выдержек из этой газеты.

Рем был начальником штаба СА в течение нескольких лет; он превратил СА в мощную организацию с определенной программой и задачами. Каждый член СА должен был приносить личную присягу в верности ему. Но когда политические взгляды Рема стали расходиться со взглядами нацистских руководителей, его сначала отстранили от работы, а затем убили. Он был заменен Виктором Лютце. Совершение этой жестокой акции не вызвало возмущения или несогласия в рядах СА, никаких изменений в задачах или программе организации не произошло. СА по-прежнему осталась «надежной и сильной опорой национал-социалистского движения».

Привожу выдержку из опубликованного в газете «Фелькишер беобахтер» выступления Гитлера (документ ПС-2407, США-412).

«Я желаю, чтобы СА была создана в качестве надежной и сильной опоры национал-социалистского движения с полным повиновением и слепой дисциплиной. Организация СА должна помочь воспитать новых германских граждан».

Значение СА для нацистского плана внедрения своей идеологии в сознание немецкого народа явствует из опубликованного в газете «Дер СА манн» 5 сентября 1936 г. заявления Гитлера (документ ПС-3050, США-414 и США-418) «Путь для немца»:

«Мальчиком он вступит в организацию "Юнгфольк", юношей — в Гитлерюгенд, молодым человеком — в СА, СС и другие организации; члены СА и СС в один прекрасный день начнут работать, затем пойдут в армию. Солдатами германской нации они вернутся снова в организацию партии, в СА и СС. И никогда наш народ больше не дойдет до такого упадка, до какого он однажды доходил».

Таким образом, мы на протяжении всего времени заговора видим, что между СА и нацистской партией отношения были таковы, что СА всегда находилась в распоряжении заговорщиков как орудие к достижению их целей. Заговорщики создали СА в начале нацистского движения. Организация СА всегда следовала указаниям Гитлера. Семь подсудимых занимали руководящие и ответственные посты в организации. На протяжении всего времени СА повиновалась приказам хохайтстрегеров. Организация СА всегда выступала в авангарде партии во время выборных кампаний.

Сотрудничество между партией, СА и государством обеспечивалось законом. Об этом заявил бывший начальник штаба СА Виктор Лютце в своей брошюре «Природа и задачи СА» (документ ПС-2471, США-413). Я зачитаю выдержку из нее:

«Прежде чем перейти к основному вопросу, я хочу с целью устранения всяких сомнений внести ясность относительно моей позиции. Я хочу сказать, что я никогда не выступаю как член СА, а выступаю всегда как национал-социалист, поскольку СА не может быть оторванной от национал-социалистского движения и может существовать только как часть его».

Вслед за доказательствами о существовании взаимоотношений, о которых уже упоминалось, я хотел бы теперь представить Трибуналу доказательства, которые будут свидетельствовать об основных обязанностях и деятельности СА, направленных на осуществление целей заговора. Эта деятельность может быть логически разделена на четыре различных фазы или сюжета, каждый из которых соответствует определенной стадии развития заговора, цели которого были упомянуты в Обвинительном заключении.

Первая фаза охватывает деятельность СА и ее членов по распространению идеологии и фанатизма нацистов по всей Германии. Использование СА для данной цели требовалось на протяжении всего периода осуществления заговора, что, как я уверен, будет подтверждено доказательствами.

Во второй фазе (до захвата нацистами власти) СА представляла собой воинствующую и агрессивную группу бандитов и грабителей, в задачу которой входила борьба против врагов партии насильственными методами.

Третья фаза приходится на несколько лет, последовавших за захватом нацистами власти. В этот период СА принимала участие в различных мероприятиях, направленных на укрепление контроля нацистов, включая мероприятия, предусмотренные программой нацистов, например, роспуск свободных профсоюзов и ликвидация всех демократических организаций, преследование церкви и евреев. В это время СА продолжала служить орудием достижения политических целей, в ее задачу входила физическая борьба против членов других политических партий, которые рассматривались как враждебные нацистской партии, как ее противники.

Четвертая фаза деятельности СА заключается в ее использовании как организации для создания вооруженных сил Германии в нарушение Версальского договора, а также для воспитания и подготовки молодежи в идеологическом и физическом отношениях на случай ведения агрессивной войны. Далее я хотел бы рассмотреть основные факты из доказательств, относящихся к упомянутым выше четырем фазам. Фаза первая связана с распространением идеологии.

Первостепенной задачей СА было внедрение нацистской идеологии и доктрин, принятие которых было необходимо для достижения целей нацистов. С самого начала на-

цистские лидеры подчеркивали важность этой задачи. На протяжении всего заговора СА выполняла ряд различных задач, но обязанность пропаганды нацистской идеологии с СА никогда не снималась.

В своей книге «Майн кампф» Гитлер писал:

«...Наряду с физической подготовкой членов СА, проводимой внутри организации, им прививалась идея, заключавшаяся в том, что они должны быть непоколебимо убежденными защитниками национал-социалистской идеологии».

Я мог бы добавить, что это заявление Гитлера является фактически основным принципом деятельности этой организации, так как «Майн кампф» воспринималась, как выражение основополагающего мировоззрения СА.

В уставе нацистской партии (документ ПС-2354) говорилось, что организация СА рассматривается как пропагандист партии.

Господа судьи! Мы начали рассмотрение вопроса об участии штурмовых отрядов (СА) в пропаганде и распространении нацистской идеологии. В статье, которая появилась в газете «Дер СА манн» в январе 1934 года (документ ПС-3050), написано:

«Новая Германия не могла бы существовать без бойцов СА. Существование новой Германии не могло бы продолжиться, если бы боец СА теперь, с ощущением выполненного долга, незаметно, бескорыстно и скромно отошел бы в сторону либо если бы новое государство отправило бойца СА домой, подобно мавру, сделавшему свое дело. Напротив, боец СА, следуя воле фюрера, должен стоять на защите национал-социалистской революции, охраняя врата нашего могущества, и должен стоять там всегда потому, что еще новые гигантские задачи стоят перед ним. Они практически не могут быть осуществлены без активного участия и сотрудничества штурмовых отрядов (СА). То, что сделано до сих пор, а именно захват власти в государстве и уничтожение всех элементов, которые повинны в губительных для страны последствиях в послевоенные годы, то есть последователей марксизма, либерализма и капитализма, уничтожение этих людей — это только предварительная задача, это трамплин для того, чтобы сделать прыжок к выполнению настоящих, больших национал-социалистских задач...

Осознавая тот факт, что реальное построение национал-социализма невозможно, если Адольф Гитлер не захватит власть, национал-социалистское движение и СА как выразитель воли движения в первую очередь направили свои усилия на достижение именно этой цели, чтобы создать платформу для реализации наших стремлений.

Из сказанного проистекает последующая миссия СА по завершению германской революции: во-первых, стать гарантом власти национал-социалистского государства против всех нападений как извне, так и изнутри; во-вторых, стать высшим институтом воспитания народа для жизни при национал-социализме».

Функция СА как пропагандиста партии была не просто задачей, которую СА возложила на себя. Эта была задача, признаваемая законом Германии.

Я уже ссылался на закон о единстве партии и государства. Сейчас хочу зачитать вам статью 3 этого закона:

«Члены национал-социалистской германской рабочей партии и штурмовые отряды, включая подчиненные им организации, являющиеся руководящими и направляющими силами национал-социалистского государства, будут нести большую ответственность перед фюрером, народом и государством. В том случае, если они нарушат свой долг, они будут подвергнуты специальному суду партии и СА». Фюрер мог распространять эти правила и на членов других организаций.

Таким образом, члены СА были носителями идеологии нацистской партии — солдатами идеи, пользуясь выражением многих нацистских авторов. Позвольте мне подчеркнуть, что СА была органом пропаганды, основным органом, который использовался заговорщиками для распространения фанатизма среди народа Германии.

Едва ли есть надобность подчеркивать значение этой функции для успешного осуществления заговора.

Совершенно очевидно, что нацисты не могли бы добиться осуществления своих целей, если бы сознание германского народа не было жестоко и злобно одурманено человеконенавистнической идеологией.

Теперь я перейду к другим функциям СА, о которых говорилось ранее.

Следующей функцией СА является использование этой организации на начальных стадиях осуществления заговора в качестве «сильной руки» НСДАП. На ранней стадии нацистского движения применение штурмовых отрядов нацистской партии включало использование физической силы, насилия и жестокости.

Гитлер писал в «Майн кампф» — эта выдержка имеется на стр. 4 документа ПС-2760, США-256:

«Молодое движение с первого дня своего зарождения исходило из того, что его идея должна выдвигаться на мировоззренческом уровне, но защита такой идеологической платформы в случае необходимости должна обеспечиваться методами "сильной руки"».

Оглашу конец абзаца:

«Движение твердо верит в значение новой доктрины, поэтому очевидно, что для достижения целей движения никакая жертва не может быть слишком большой».

С первых же дней национал-социалистского движения для того, чтобы способствовать лучшему распространению фанатической философии, СА применялись как террористические группы, чтобы захватить для нацистов контроль над улицей. Функцией СА было убивать и терроризировать всех политических противников. Значение этой функции ясно видно из брошюры, написанной штурмфюрером Байером на основании приказа штаба СА (документ ПС-2168, США-411).

«Овладение улицей, — говорилось в брошюре, — является ключом к власти в государстве. По этой причине начали свою борьбу отряды СА. Общественность никогда бы ничего не узнала из волнующих речей и пропаганды нашей маленькой фракции в рейхстаге или из рассказов о задачах партии, если бы она не слышала шагов марширующих частей СА и их боевых песен. Чеканный шаг отрядов СА заставил людей поверить в то, что критика положения вещей в правительственной системе является истиной. Хотели, чтобы молодое движение хранило молчание. В прессе ничего нельзя было прочесть о деятельности национал-социалистов, не говоря уже об основных задачах их платформы. Это было просто нежелание пробудить какой-либо интерес к движению. Однако чеканный шаг СА привел к тому, что даже самые пассивные граждане должны были как минимум разглядеть то, что существуют боевые отряды».

О значении деятельности СА на начальной стадии движения говорил Геббельс в своей речи, опубликованной в «Дас архив», октябрь 1935 г. Это документ ПС-3211, США-418, стр. 1:

«Политические оппоненты внутри страны исчезли не по какой-то таинственной неизвестной причине, а потому, что движение в своей организации имело сильную руку, и самой сильной рукой в движении была СА».

Многочисленные доказательства, характеризующие деятельность СА в ранний период нацистского движения, содержатся в серии статей, которые появлялись в газете «Дер СА манн». Каждая из этих статей описывала борьбу отдельных отрядов СА за овладение улицей, залом собрания политических противников и т.д. Статьи показывают, что в тот период основной функцией СА было применение физического насилия для того, чтобы подавить все формы сопротивления, которые можно было считать враждебными нацистским целям и нацистской идеологии.

Я хотел бы привести лишь некоторые заголовки таких статей, например: «Мы подавляем красный террор», «Еженочные уличные бои на чешской границе», «Уличные бои в Хемнице», «Рота 88 получает боевое крещение», «СА против низших людей», «Кровавое воскресенье в Берлине». Эти заголовки дают представление и о содержании статей.

Теперь я перейду к третьей функции СА. Она заключалась в том, чтобы проводить программу консолидации нацистского контроля над германским государством, включая роспуск профсоюзов и преследование евреев. Группы СА употреблялись для того, чтобы уничтожить политических противников самым жестоким путем. Яркий пример этого содержится в документе ПС-3221, США-442, подлинном письменном показании, данном под присягой в Пенсильвании, США, Вильямом С. Солманом. Я оглашу это показание полностью.

«Дав соответствующую присяге клятву, я, Вильям С. Солман, заявляю: начиная с 1919 года по 1933 год я был социал-демократом и членом германского рейхстага. До 11

марта 1933 г. я был главным редактором нескольких ежедневных газет, причем находился в Кельне в Германии. Эти газеты вели борьбу против нацистской партии. 9 марта 1933 г. ко мне домой явились сотрудники СС и СА, уничтожили мебель и мои личные записи. Меня забрали в коричневый дом, находившийся в Кельне, где пытали, били в течение нескольких часов. Затем поместили в исправительную тюрьму в Кельне, где мне оказывали помощь два врача. На следующий день я был освобожден. 11 марта 1933 г. я покинул Германию. Подписано и дано под присягой».

До того как было организовано гестапо и до того как оно приобрело государственный характер, местные штабы СА являлись местом содержания арестованных. Члены групп СА занимались тем, что арестовывали коммунистов и других лиц, которые в действительности или как предполагалось были враждебно настроены по отношению к нацистской партии. Об этом изложено в документе ПС-1759, США-420. Это подлинное письменное заявление, данное под присягой Раймондом Гайстом, бывшим консулом США в Берлине. Я хочу процитировать одну часть его заявления:

«С самых первых дней гитлеровского режима единственной организацией, которая имела свои штабы по всей стране, были штурмовые отряды (СА). До того как гестапо превратилось в организацию государственного масштаба, тысячи местных штабов СА являлись местами ареста. Так, в Берлине было около 50 таких мест. Коммунисты, евреи и другие люди, которые были известны как враги нацистской партии, заключались в этих местах, и, если они были врагами серьезными, их немедленно переводили в штаб-квартиру гестапо. В течение 1933—1934 гг., когда гестапо стало организацией, охватывающей всю страну, функции СА как агентов по арестам политических противников были постепенно упразднены».

Теперь я перехожу к стр. 7 этого же документа:

Председатель: Полковник Стори, не хотите ли Вы сказать, что организация СА перестала осуществлять функции по проведению арестов, а также другие функции?

Стори: Нет, сэр. Насколько я понимаю, СА достигла своей кульминации в 1934 году, и сразу после «чистки Рема» эта организация начала приходить в упадок, в то время как части СС, которые родились из СА, начали все больше расти, усиливаться и процветать. Я думаю, доказательства покажут, что после 1934 года СА начала приходить в упадок, и значение ее резко упало.

Итак, со стр. 7 английского перевода я хотел бы процитировать выдержку из доклада консула.

«Другой американец — Роземан сделал письменное заявление под присягой, в котором говорится: "Вчера, 10 марта 1933 г. днем, примерно в 4 час. 30 мин., я вышел из дома со своей невестой, фрейлейн Элизой Шварцлозе, проживающей в Вильмерсдорфе. Какой-то человек в форме СА наступил мне на ногу, причем сделал это нарочно. Он хотел оскорбить меня и сказал "простите". Я сказал "пожа-

луйста" и продолжал идти. Тогда он пошел за мной и толкнул меня опять, говоря: «Ну, а теперь?» Полицейский увидел это и пошел впереди нас, не обращая внимания на совершенное на меня нападение. Я вынул паспорт и показал его другому полицейскому, сказав, что я американский гражданин. Но он продолжал идти, очевидно, не имея возможности оказать мне помощь или не желая этого сделать. Боец СА продолжал нападать на меня, он ударил меня по лицу, поранил глаз и продолжал все время наносить мне удары. Во время всего этого я продолжал идти вперед. Подошли еще к одному полицейскому. Я опять показал ему паспорт и сказал: "Я американец и, как известно, пользуюсь правом защиты". Он пожал плечами и ответил: "Что я могу поделать?" К этому времени боец СА решил, что довольно меня бить, и ушел, оставив меня в покое. По моему требованию полицейский привел меня и мою невесту в участок, где мы сообщили дежурному офицеру, что произошло. Он выслушал нас, выразил свое сожаление, но сказал, что ничего не может сделать. Все мое лицо было в крови. Полицейский сказал, что у него имеется приказ не вмешиваться в дела, в которых участвуют сотрудники СА. Я спросил его, что можно сделать, чтобы в будущем защитить себя от подобных нападений. Он ответил, что надо подождать, пока положение улучшится, и добавил, что полиция бессильна что-либо сделать, она находится под руководством СА, и что в самой полиции имеются подразделения СА. После этого я ушел».

Теперь я процитирую из того же документа письменное заявление под присягой американки, некой миссис Клобер.

«В пятницу ночью, 10 марта 1933 г., она и ее муж были разбужены продолжительным звонком у парадной двери. Они услышали грохот и стук с требованием немедленно открыть дверь. Им угрожали разбить дверь, если не впустят посетителей. Когда жена привратника открыла дверь, вошли четыре или пять человек и сразу отправились в квартиру Клобер, где они снова принялись стучать в дверь и дергать звонок. Клобер спросил, кто они такие. Ему ответили, что это полиция. Он открыл дверь. Группа в 4—5 человек в коричневой форме, причем один из них был в темном пальто с винтовкой, ввалилась в квартиру, оттолкнув супругов Клобер в сторону. Один из них спросил, где телефон. Ему показали, где телефон, и госпожа Клобер, указав ему направление, хотела пойти вместе с ним. Один из пришедших сбил ее с ног. Все они отправились в спальню, а за ними последовали супруги Клобер. У них потребовали паспорта. Когда Клобер хотел открыть шкаф, его остановили и спросили, есть ли у него оружие. Клобер ответил отрицательно, указав жестом, что на нем только пижама. Он открыл шкаф и протянул руку за одним из четырех своих костюмов, где находился паспорт, но был немедленно схвачен сзади. Его сильно избили полицейской дубинкой, причем рядом стоял тот, который был в темном пальто с винтовкой. Последовали такие реплики, как "смотри, мы в течение 14 лет здесь

умирали с голода, а у него четыре костюма". Госпожа Клобер пыталась выяснить причину их действий, на что ей ответили: "Жиды, мы ненавидим вас. 14 лет мы ждали этого момента, и теперь мы повесим многих из вас". Когда ворвавшиеся перестали бить господина Клобера, он был уже без сознания. Тогда они стали требовать у миссис Клобер паспорт. Она показала свой американский, а затем местный паспорт, выданный ей как жене германского гражданина в Мюнхене после ее прибытия туда. Эти люди забрали оба паспорта, не желая слушать ее протестов о том, что она американка. Тогда она стала искать паспорт своего мужа. Ей попалось портмоне мужа, и в волнении она предложила им деньги. Они отказались от денег и потребовали паспорт. Наконец, она нашла его и передала этим людям. Тогда вторгшиеся обратились снова к находившемуся без сознания господину Клоберу и со словами: "Он еще не получил того, что следовало", — стали вновь его избивать. Затем они собрались уходить, сказав: «Мы еще не кончили». Когда они выходили, один из них, обратившись к миссис Клобер, сказал: "Зачем вы вышли замуж за еврея? Я ненавижу их", — и ударил ее по лицу полицейской дубинкой».

Таков конец этого показания. В следующем абзаце приводится заявление консула США: «Я лично удостоверяю тот факт, что полиции были даны инструкции о том, чтобы она не вмешивалась, то есть что имелись официальные санкции на подобные действия. Я познакомился с двумя полицейскими офицерами, пост которых находился недалеко от того места, где помещалось генеральное консульство. Офицеры сказали мне, что они и все другие полицейские офицеры получили совершенно точные инструкции не вмешиваться в действия СА, СС и Гитлерюгенда.

В период консолидации власти отряды СА служили также охраной в концентрационных лагерях и принимали участие в преследовании и плохом обращении с людьми, которые были заключены в этих лагерях. Я ссылаюсь на документ ПС-2924, США-423. Это книга, озаглавленная «Концентрационный лагерь в Ораниенбурге»; она написана штурмбаннфюрером СА Шефером, который был начальником этого лагеря. Я цитирую выдержку со стр. 4:

«Самые проверенные и смелые члены СА были выбраны для того, чтобы жить в лагере и быть постоянной охраной его. Таким образом мы создали кадры опытных стражников, которые всегда были готовы к тому, чтобы действовать».

Прокурор Дрездена предъявил обвинение оберрегирунгсрату Эриху Фогелю в Дрездене в том, что он наносил телесные повреждения заключенным. Фогель являлся сотрудником гестапо в провинции Саксония. В процессе расследования дел в отношении тех, кого гестапо считало неблагонадежными в политическом отношении, а также тех, кто находился в политическом заключении в пограничных районах, применялся арест, а затем этих людей переводили в превентивный лагерь в Хоенштейне. В этом лагере заключенных систематически избивали, жестоко обращались с

ними. Начиная по крайней мере с лета 1933 года, заключенные, как и в лагере превентивного заключения под Штеттином, избивались без всякой на то причины кнутами и другими предметами до потери сознания, пытали их всеми способами. Или, например, был специально сконструирован «капающий» аппарат, под которым заключенных заставляли стоять до тех пор, пока у них не образовывались на головах раны. Сотрудники СА и их начальники, виновные в этом, были приговорены уголовным судом в Дрездене 15 мая 1935 г. к разным срокам тюремного заключения.

Фогель в силу своего служебного положения часто приезжал в лагерь и принимал участие в этих жестокостях. Нужно подчеркнуть, что Фогель был известен персоналу администрации лагеря как начальник отдела по борьбе с подрывной деятельностью, поэтому его поведение в известной мере служило примером для поведения начальников СА и их подчиненных.

Я хочу зачитать выдержку из показаний об этом.

«Фогель оставался в приемной комнате и наблюдал за происходившим, не обнаруживая никакого стремления к вмешательству. В его присутствии, например, член СА Мютце без всякой на то причины нанес такие удары одному человеку, что тот перевернулся и упал. Как уже было сказано, Фогель не только не принял каких-либо мер против такого обращения с заключенными, но даже подшучивал и заявлял, что его очень занимало все происходящее в лагере. В комнате каптенармуса он лично принимал участие в самом жестоком обращении с заключенными. Члены СА применяли кнуты и другие предметы, чтобы наносить ранения и приводить заключенных почти в бессознательное состояние, после чего их на длительное время отправляли в больницу. Фогель часто присутствовал во время таких избиений. Он лично жестоко избивал заключенных.

Был такой случай, когда заключенного разложили на лавке и, крепко держа его за голову и за руки, долго били кнутами и другими орудиями пытки. Фогель также принимал участие в избиении, и когда избиение было окончено, он ударил заключенного по лицу так, что у того лицо стало сине-зеленым. Заключенный был жестянщиком по имени Ганс Кухич, по прозвищу Джони. Фогель преподнес каптенармусу Мейеру пять или шесть имперских марок со словами "члены группы СА работали до пота". Деньги Мейер раздал тем членам СА, которые принимали участие в этом избиении».

Я обращаюсь теперь к документу ПС-3252. Это книга, написанная Эрихом Грицбахом и озаглавленная «Герман Геринг — человек и деятель». В ней говорится, что ряды полиции безопасности были укреплены СА, причем штурмовые отряды СА рассматривались как самый надежный инструмент движения национал-социалистской партии. Я хотел бы огласить четвертый абзац на первой странице этого документа:

«Реорганизация полиции безопасности, происходящая в настоящее время, вряд ли замечена общественностью. Про-

водится усиление ее штурмовыми отрядами, которые являются наиболее надежной опорой движения. Вспомогательная полиция помогла своим боевым духом в борьбе против коммунистов и других врагов государства не только Герингу; будучи движима национал-социалистским духом, она помогла также создать новые стремления в административной полиции, способствовала установлению жесткой организации».

Я перехожу теперь к участию СА в проведении еврейского погрома 10—11 ноября 1938 года, что отражено в документе ПС-1721, США-425. Это секретный отчет бригадефюрера СА коменданту группы, датированный 29 ноября 1938 г. Я не буду зачитывать вводную часть, обращенную к руководителю группы СА Курпфальца Мангейму.

«Приказ был получен в 3 часа 10 ноября 1938 г. По этому приказу группенфюрера все еврейские синагоги в пределах 50-й бригады должны быть взорваны или немедленно сожжены. Соседние дома, занятые арийцами, не должны получить повреждений. Нападение должно быть проведено в гражданской одежде. Не должно происходить никакого грабежа. Сообщить о выполнении приказа бригадефюреру или кому-либо в его учреждении не позже 8 час. 30 мин. Я немедленно предупредил штандартенфюреров и дал им самые точные инструкции. Выполнение приказа началось немедленно. Настоящим докладываю, что следующие синагоги были разрушены...» Затем следует перечень 35 разрушенных синагог. Укажу лишь на некоторые из них. «Синагога в Дармштадте, Блейхштрассе, сожжена... Синагога в Грефенхаузене, внутреннее убранство разрушено». Далее, под пометкой «Полк 145» — «синагога в Бенсхейма сожжена».

Под следующими четырьмя пунктами также указаны сожженные синагоги. Под пометкой «Полк 168» указано, что огнем уничтожено восемь синагог. «Полк 86» — синагога в Беерсфельде взорвана. «Полк 221» — синагога и часовня в Грасс-Герау уничтожены огнем, еще одна взорвана, убранство уничтожено. Подписано бригадефюрером бригады 50 — подпись неразборчива.

В связи с преследованием евреев мы снова обнаруживаем, что отряды СА выполняли свои пропагандистские функции от имени нацистов. В этой связи задачей СА было возбуждать среди народа ненависть к евреям, без которой невозможно было бы проводить те страшные преступления против человечности, которые вызывают возмущение у цивилизованных народов.

Весьма существенным доказательством проводившейся тогда линии являются статьи, опубликованные в газете «Дер СА манн». В течение всего периода издания в этой газете появлялась статья за статьей, где в самой грубой форме распространялась антисемитская пропаганда, разжигавшая враждебное отношение к евреям. Я приведу лишь несколько заголовков, отражающих содержание этих статей: «Покончить с евреями» (документ ПС-3050, стр. 16—18), «Еврейская угроза миру», «Нам не нужны здесь евреи» и т.д.

Необычайное впечатление производит во всех этих статьях тот факт, что нацистская пропаганда предназначалась не только для членов групп СА. Напротив, существовал план воспитания членов СА в духе этого преступного мировоззрения с тем, чтобы затем в свою очередь использовать СА для отравления сознания немецкого народа...

Подтверждением этого факта служит введение к серии антиеврейских статей (документ от 5 декабря 1936 года, стр. 6). Введение озаглавлено «Гробовщики, копающие могилу мировой культуре». Процитирую следующую фразу со стр. 28:

«Мы предлагаем, чтобы товарищи обратили особое внимание на эту серию статей и проследили за тем, чтобы они получили дальнейшее распространение».

Кроме того, проводилась интенсивная кампания с целью убедить население покупать и читать газету «Дер СА манн», различные выпуски этого издания вывешивались в общественных местах с тем, чтобы широкая публика могла их прочесть. В самих выпусках «Дер СА манн» имеются фотографии, на которых сфотографированы конкретные выпуски, вывешенные на уличных стендах; имеются также фотографии рекламных призывов, например, реклама, опубликованная в выпуске от 31 октября 1936 г., гласит: «"Дер СА манн" должна иметься в каждом доме, каждом отеле, каждой гостинице, каждом зале ожидания, каждой лавке». В выпуске от 24 августа 1935 г. на стр. 3 помещена групповая фотография бойцов СА на грузовиках, перед грузовиками выставлены крупные рекламные плакаты, на одном из них написано: «Читайте "Дер Штюрмер", и вы узнаете, кто такой еврей».

Теперь мы перейдем к той фазе, когда СА начала участвовать в военной подготовке. Я имею в виду изданный в 1943 году официальный документ германского правительства, который называется «Нацистская партия и ее организации». Я хотел бы огласить выдержки из этого документа. Это самый авторитетный источник, который мне удалось найти.

«СА была создана в 1921 году как полувоенная организация для охраны нацистских митингов и руководителей нацистской партии и для того, чтобы вышвыривать всех тех, кто попытается вмешаться, прервать эти митинги, иначе говоря, для борьбы с политическими противниками и для того, чтобы обеспечить предварительное военное обучение в тот период, когда нацистская армия была ограничена 100 тысячами человек...

Высшим руководителем СА является Гитлер, его заместитель назывался начальником штаба СА. С 1930 года по июнь 1934 года этим начальником был Рем, затем до своей смерти в мае 1943 года пост начальника штаба занимал Виктор Лютце, а с августа 1943 года — Вильгельм Шепман.

В январе 1933 года СА имела 300 тысяч членов. После захвата нацистами власти их число стало быстро увеличиваться и составляет в настоящее время от полутора до двух миллионов человек». Имеется в виду 1943 год.

Мы знаем, что организация СА была использована для внедрения в сознание германского народа нацистской идеологии. В этом отношении функцией СА была подготовка Германии духовно для ведения агрессивной войны. Во все периоды, и в особенности в период с 1933 года по 1939 год, руководители СА подчеркивали, что долгом и обязанностью членов СА является развитие милитаристского духа во всей Германии. В 1933 году Гитлер ввел подготовку членов СА по так называемой спортивной программе, которая, по выражению штурмфюрера Байера, брошюру которого я уже представил, (ПС-2168), имела задачей «сохранение и усиление в народе воинственной силы и воинственного духа как выражения агрессивной позиции».

В 1937 году Гитлер возобновил так называемую спортивную программу и, как указано в документе ПС-3050, представляющем собой английский перевод газетной статьи, призвал «к укреплению воинственного духа».

О том же говорится в уставе партии (документ ПС-3220, США-323). Привожу часть этого документа:

«Если политическая организация НСДАП должна осуществлять политическое руководство, то СА представляет собой орудие партии по обучению и воспитанию, нацеленное на претворение в жизнь идеологической воинствующей установки.

В соответствии с директивами фюрера, сформулированными на имперском партийном совещании, СА, являясь добровольным политическим войском, выступает гарантом национал-социалистского движения, национал-социалистской революции, возрождения германского народа.

Таким образом, молодой немец в СА в первую очередь проходит идеологическую обработку с позиции мировоззрения и характера, его обучают, превращая в носителя идей национал-социализма.

Не меньшее значение имеют соответствующие обучение и подготовка, получаемые членами СА на ежегодных сборах, которыми завершается их военная служба. Обучение продолжается до того возраста, когда люди по всем своим духовным, психическим и физическим данным готовы служить движению, народу и государству. СА олицетворяет для них дом. Все, что могло бы разделять людей в плане экономическом, культурном, профессиональном либо из-за происхождения, преодолевается в СА духом товарищества и мужского достоинства.

Таким образом СА превращается в решающий фактор на пути к народному единству. Движущей силой таким образом становится важность миссии СА».

Нами представлен ряд статей, содержание которых явно направлено на то, чтобы и поддерживать сущность пропагандировать захватнические цели. Достаточно привести заголовки этих статей, чтобы раскрыть сущность их, например: «Германское жизненное пространство», «Наше право и наши колонии», «Пространство и народ», «Колонии для Германии».

Я хотел бы огласить выдержку из последней статьи. Это документ ПС-3050, стр. 2 английского перевода. «Германский посол в Лондоне господин Риббентроп не так давно по случаю приема в англо-германском обществе повторил в речи, которая вызвала большой интерес, требование Германии о возвращении ей колоний, которых она была лишена. Вскоре после этого директор рейхсбанка, министр экономики доктор Шахт опубликовал в английском журнале «Внешняя политика» подробную статью о германской колониальной проблеме. Доктор Шахт изложил категорическое требование о том, что Германия должна, для того чтобы разрешить проблему сырья, получить колонии, которые будут управляться Германией и в которых должна иметь хождение германская валюта».

Следующая группа статей касается Версальского договора. Сошлюсь на статью от февраля 1937 года «Версаль будет ликвидирован» — последний абзац стр. 4:

«Национал-социалистское движение вновь добилось победы, так как на его флаге с начала борьбы провозглашается: ликвидация Версальского договора. Ради этой борьбы СА маршировало год за годом». В последующих статьях описывается подготовка к войне, проводившаяся якобы другими странами. Я сошлюсь лишь на некоторые статьи. На странице 14 документа имеется статья от 26 января 1935 г., которая называется «Военное обучение английской молодежи», где показаны студенты школы в Итоне, одетые в традиционную итонскую форму — цилиндр и сюртук. Студенты шагают с ружьями.

Дальше идет статья от 16 марта 1935 г. под заголовком «Армия Советского Союза», затем статья от 4 апреля 1936 г., озаглавленная «Красная опасность на Востоке», и статья от 29 августа 1936 г. под названием «Россия готовится к мировой войне». Остальные статьи я опущу.

Следующий вопрос — это участие организации СА в заговоре, касающемся подготовки агрессивной войны. Я думаю, что мне не нужно подчеркивать, что одним из основных шагов по осуществлению заговора было обучение германской молодежи технике ведения войны, подготовка ее в физическом и духовном отношении для ведения агрессивной войны. Эта важнейшая задача была поручена организации СА.

Передо мной документ ПС-3215, США-426, который я представляю в качестве доказательства. Эта выдержка из «Дас архив», где описано, как Гитлер характеризовал задачи СА в указанном отношении. Это стр. 1:

«Уже в 1920 году, основав национал-социалистскую спортивную секцию (СА), фюрер сформулировал обширные задачи, которые ставились перед СА в то время; в протоколе устава этой организации он пишет: "...Однажды спортивная секция (СА) станет носителем военной мысли свободного народа".

В этом же смысле фюрер высказывался и в своей книге "Майн кампф":

"Дайте германской нации 5 миллионов человек, имеющих идеальную физическую подготовку, вдохновляемых фанатичной любовью к отечеству и воспитанных в высочайшем боевом духе, и национальное государство при необходимости менее чем за 2 года создаст из них армию...".

Военный характер СА виден из ее организационной структуры. Посмотрите диаграмму на стене, взятую из вполне официальной книги, которая является брошюрой штурмфюрера СА. Я обращу Ваше внимание лишь на то, что организационная структура СА очень близка к структуре германской армии. Как Вы видите, там были дивизии, бригады, полки, батальоны, роты, взводы и отделения, а также специальные части, в том числе кавалерия, корпус связи, инженерные войска, медицинский корпус. Кроме того, СА, по определению Байера в его брошюре, имела три школы для подготовки офицеров. Члены СА носили особую форму, пригодную для военных целей, имели при себе оружие и энергично занимались военной подготовкой. Кроме того, на членов СА распространялся служебный устав, который в значительной мере соответствовал уставу армии. Это подтверждается документом ПС-2820, США-427, который я представляю в качестве доказательства.

Устав СА предусматривал наказание за нарушение распоряжения или невыполнение приказа. Наказания включали: выговор, объявление выговора перед строем, запрещение носить форму, запрещение носить оружие, домашний арест. Все это свидетельствует о военном характере СА.

Подготовка к войне путем военного обучения СА началась в Германии в 1933 году, но масштабы программы этого обучения не были опубликованы, потому что это было прямым нарушением Версальского договора. Строжайшая тайна, которой было окружено выполнение этой программы, доказана документом Д-44, США-428. Он представляется в качестве доказательства. Я оглашаю первую страницу английского перевода. Это приказ начальника штаба верховного командования СА.

«В дополнение к моим инструкциям от 11 июля 1933 г. я считаю необходимым просить все руководство СА быть чрезвычайно осторожным в отношении любого разглашения сведений, касающихся службы СА, не только в общей прессе, но и в сообщениях и газетах отдельных частей СА. Только за последние несколько дней министерством внутренних дел по просьбе министерства иностранных дел были даны строгие инструкции всем германским властям относительно установления строжайшего контроля за всеми публикациями, которые могли бы дать повод другим странам указывать на нарушение Германией условий Версальского договора. Как видно из женевских переговоров, наши противники собрали материал, накопленный в Германии и предоставленный в их распоряжение, и используют его против нас при первом удобном случае на всех конференциях. С этой точки зрения информационные листки, издающиеся в различных частях СА, вызывают значительное беспокойство. Я

считаю, что все руководители СА ответственны за самый строгий контроль за внутренними информационными выпусками в пределах своих районов до того, как материал передается в печать. Считаю также своим долгом обратить внимание на угрозу судебного преследования за предательство, что предусмотрено выпущенными за последнее время официальными инструкциями, тех лиц, которые, может быть, даже с самыми добрыми намерениями, публикуют эту информацию, создавая, таким образом, опасность того, что она попадет не в те руки. В принципе информация о технических специализированных частях СА и СС, особенно связи, моторизованных частях, а также, возможно, и авиационных частях, которые сейчас существуют вне их пределов, печататься не должна, так как она дает возможность другим странам знакомиться с формированиями технических войсковых частей». Соблюдение секретности предусматривалось и в меморандуме штаба СА от 20 января 1934 г. (документ ПС-2823, США-429). В нем говорится о назначении армейского офицера вермахта для обеспечения выполнения военной программы подготовки членов СА. Я оглашу выдержку из этого документа:

«В целях маскировки полковник Аулеб будет носить форму СА с соответствующим знаком отличия, согласно более детальной инструкции руководителя СА».

В течение многих лет военное обучение СА проводилось под видом спортивной программы. Эта программа была сформулирована Гитлером еще в 1920 году. В действительности так называемая спортивная программа была тесно связана с военной подготовкой германской молодежи, фактически она стала средством обеспечения такой военной подготовки. Об этом говорится в статье, написанной начальником штаба СА Лютце в 1939 году (документ ПС-3215, США-426).

Процитирую выдержку из этого документа, стр. 2 английского перевода:

«Этой цели служили декреты фюрера, изданные им для СА: в 1935 году о возобновлении тренировок, в 1936 году — об учреждении диплома и в 1936 году — о регулярном проведении ежегодных соревнований на спортивный значок СА. Параллельно с декретом фюрера о необходимости укреплять физическое состояние людей и воспитывать их в воинском духе внутри СА принимались адекватные меры по организации и тренировкам. Исходя из идеи, что сохранение и развитие в нашем народе воинственного духа должно специально подпитываться военными и физическими упражнениями, была принята программа конкретного и систематического тренажа в указанных областях.

В 25 войсковых школах и трех школах рейхсфюрера при СА, начиная с 1934 года, ежегодно проходили подготовку от 22 000 до 25 000 офицеров и унтер-офицеров, они обучались на специальных курсах, по окончании которых получали удостоверение о полученной подготовке и сданных экзаменах».

В связи с военной подготовкой по спортивной программе я ссылаюсь на документ ПС-2354, США-430, где отражены тесты и стандарты, требующиеся для получения спортивного приза, — сошлюсь лишь на отдельные виды:

«Группа П: Военные виды спорта: 25-километровый марш с выкладкой; стрельба из оружия малого калибра; прицельное бросание ручных гранат; бег по пересеченной местности на 200 метров в противогазах; плавание или велосипед; основы оказания первой помощи при несчастных случаях».

В 1939 году спортивная программа СА декретом, изданным Гитлером, была официально признана как программа военной подготовки, было открыто объявлено, что СА является органом военной подготовки как до, так и после службы в вермахте.

Документ ПС-2383 содержит копию декрета, легализующего такую программу военной подготовки.

Одно дело, если бы СА осуществляла программу военной подготовки только для членов организации; однако программа СА охватывала не только членов СА. Вся молодежь Германии была вовлечена в лихорадочно проводившуюся программу военной подготовки.

Ссылаюсь на цитату из документа ПС-2354 (стр. 2 английского перевода), где начальник штаба Лютце заявляет:

«Мы способствуем развитию геройского духа во всех слоях германского народа для того, чтобы придать этой работе ощутимое выражение, я принял решение предоставить и лицам, не являющимся членами движения, право завоевывать и носить спортивный значок СА при условии, что такие лица в расовом и идеологическом отношении отвечают требованиям национал-социализма».

Документ ПС-2168 показывает, что проведение широкой программы военного обучения возлагалось на главное оперативное управление СА. Я цитирую:

«Проводите боевую подготовку всех немцев, способных носить оружие, проводите физическую и спортивную тренировку, чтобы охватить самые широкие круги населения, и так, чтобы держать их в активной боевой готовности как с физической, так и с духовной точки зрения, равно как и в отношении характера и идеологии, до глубокой старости».

Военная программа СА заключалась не только в маршировках и муштре; она охватывала все стороны современных методов ведения войны. Это в частности подтверждается рассмотрением статей по военной подготовке, регулярно публиковавшихся в выпусках «Дер СА манн». В документе ПС-3050 имеется длинный список таких статей, сошлюсь лишь на некоторые из них:

21 апреля 1934 г., стр. 13: «Что каждый член СА должен знать об авиации»; 19 мая 1934 г., стр. 13: «Химическая война», 2 июня 1934 г., стр. 14: «Значение современных методов ведения боевых операций с позиции члена СА».

В выпусках «Дер СА манн» имеется также много фотографий и статей, демонстрирующих участие СА в военных учениях.

Убедительным доказательством, подтверждающим участие СА в заговоре, служит тот факт, что во все периоды принимались меры к координации осуществлявшейся СА военной подготовки с нуждами вермахта. Об этом свидетельствует документ ПС-2821, США-431, стр. 1 английского перевода:

«Обеспечена... постоянная связь между имперским министерством обороны и высшим командованием СА».

Выдержка из речи начальника штаба СА, которую я оглашаю (документ ПС-3215), лишний раз подтверждает сотрудничество СА и вермахта:

«На СА возлагались специальные задания по военному обучению. Фюрер поручил СА готовить кавалерию и моторизованные части и присвоил обергруппенфюреру СА Лицману звание имперского инспектора, дав ему задание обеспечить из состава СА пополнение кавалерии и других специальных частей в соответствии с требованиями немецких вооруженных сил. В тесном сотрудничестве с частями вермахта лицам, прошедшим обучение по связи, инженерной службе, медицине, выдавались специальные удостоверения, которые, как и кавалерийские удостоверения СА, свидетельствовали о том, что человека, имевшего подобное удостоверение, предпочтительно было использовать в соответствующем роде войск».

У нас есть еще несколько выдержек о сотрудничестве с вермахтом, но эти доказательства уже приводились, и я их опущу. Сошлюсь только на документ ПС-2383, США-410. Оглашу выдержку из этого декрета.

«Фюрер: В дополнение к моим декретам от 15 февраля 1935 и от 18 марта 1937... я поднимаю статус спортивного значка СА до уровня военного значка СА и определяю его как основание для подготовки как до, так и после службы в армии. Назначаю СА исполнителем такой подготовки».

О специализированной подготовке, которая обеспечивалась членам СА в соответствии с требованиями технических служб вермахта, рассказывает штурмфюрер СА Байер — документ ПС-2168, США-411, стр. 13 английского перевода:

«С одной стороны, молодой член СА, вступающий в вермахт, оказывается подготовленным в целом ряде областей, что облегчает и ускоряет его подготовку в техническом отношении; с другой стороны, те самые солдаты, которые, отслужив в армии, возвращаются в СА, в ходе постоянных практических занятий поддерживают себя в состоянии тренированности как в физическом, так и в психологическом отношении, и делятся своими знаниями со своими коллегами.

Таким образом, они в значительной степени способствуют повышению воинской силы и боевого духа у германского народа». И далее: «СА ежегодно способно поставлять многие тысячи молодых подготовленных кавалеристов для вермахта».

Хочу привлечь ваше внимание к фотографии шефа штаба СА Лютце в выпуске «Дер СА манн» от 3 февраля 1939 г. Под фотографией подпись: «Мы станем мостом между партией и вермахтом».

Перехожу к документу ПС-3214, США-432, который состоит только из одной страницы. Цитирую:

«Было объявлено, что члены СА и Гитлерюгенда, подлежащие мобилизации, могут отбывать воинскую повинность в полку СА «Фельдхернхалле», которым командует обергруппенфюрер СА Геринг. Полк был впервые использован в составе военно-воздушных сил при оккупации Судетской области под командованием группенфюрера СА Раймана».

Председатель: *До сих пор Вы приводили доказательства того, что СА была добровольной организацией. Здесь говорите о мобилизации в ряды СА. Когда туда стали мобилизовывать?*

Стори: *Насколько я понимаю, Ваша честь, если Вы вступали в СА, то более не подлежали мобилизации, но когда Вы оказывались в рядах СА, Вас могли использовать так, как им было нужно. Иными словами, СА была добровольной организацией.*

Председатель: *Это содержится в доказательствах, представленных Вами до сего времени?*

Стори: *Да, сэр.*

Председатель: *А когда же начал производиться набор в СА по мобилизации?*

Стори: *Могу ли я просить господина Бурделя[1], который специально занимался этим, ответить на этот вопрос?*

Бурдель: *С разрешения Вашей чести докладываю, что в СА никогда не мобилизовывали, это видно из документа ПС-3214, но служба в полку СА «Фельдхернхалле» заменяла воинскую повинность.*

Члены СА, которые подлежали призыву на военную службу, после того как они становились членами СА, могли отбывать воинскую повинность, оставаясь в рядах СА или перейдя в полк СА «Фельдхернхалле».

В документе ПС-3214 излагаются требования, которым должен соответствовать член СА для того, чтобы служить в полку «Фельдхернхалле».

Стори: *Ввиду изложенного, как и следовало ожидать, СА использовалась в качестве ударной силы на первых фазах агрессивной войны, начатой Германией. Из рядов СА набирались группы так называемых коммандос. Части СА были среди первых частей нацистской военной машины, которые вторглись в Австрию весной 1938 года, как об этом было с гордостью сказано в статье газеты «Дер СА манн» от 19 марта 1938 г. Статья озаглавлена «Мы были там первыми».*

Имеются также доказательства участия СА в оккупации Судетской области. Это письменное показание под присягой Готлиба Бергера, бывшего члена СС, который был прикреплен к «свободному» германскому корпусу Судетской области (документ ПС-3036, США-102). Оглашаю выдержку из этого документа:

---

[1] Бурдель — сотрудник аппарата американского обвинения. — **Прим. сост.**

«1. Осенью 1938 года я имел звание оберфюрера СС. В середине сентября меня назначили офицером связи СС со "свободным корпусом" судетских немцев Конрада Генлейна. Я отвечал за всю связь между рейхсфюрером СС Гиммлером и Генлейном. Мне также было поручено отбирать из судетских немцев тех, кто был пригоден для вступления в СС или "Ферфюгунгсгруппе".

2. При выполнении своих официальных обязанностей в штабе Генлейна я ознакомился с составом штаба и деятельностью свободного корпуса. В непосредственном ведении Генлейна находились три группы: одна из них была в районе Дрездена, другая — в районе Эйзенштейна в Баварии, третья — в Байрёйте; возможно, что существовала и четвертая группа — в Силезии. Эти группы, по предположениям, состояли из беженцев из Судетской области, пересекших немецкую границу, но фактически они состояли из немцев, которые ранее служили в СА и НСКК. Эти немцы составляли костяк "свободного корпуса". По штату численный состав "свободного" корпуса достигал 40 тысяч человек. Часть необходимого Генлейну снаряжения, главным образом вещевые мешки, кухонные принадлежности и одеяла, была предоставлена организацией СА».

Подготовленность организации СА для выполнения любых задач, которые от нее требовались, видна из ее деятельности непосредственно после начала войны. Во время войны СА продолжала проводить программу военного обучения, но была занята выполнением и других функций.

Деятельность СА в период войны освещается в документах ПС-3219, США-433 и ПС-3216, США-434. Это выдержки из журнала «Дас архив». Сначала оглашу краткую выдержку из документа ПС-3219:

«Генерал СА Вильгельм Шепман дал дополнительные указания о более широком использовании СА внутри страны в силу требований тотальной войны. Это было сделано после многочисленных совещаний с командирами дивизий СА. В результате этих совещаний, а также мер, выполненных ранее по тотальной мобилизации для военных нужд, СА теперь направила в распоряжение фронта 36 процентов руководящего состава кадрового корпуса, несмотря на то, что задания по военной подготовке СА расширились, что возникла необходимость проникновения СА в новые владения рейха, участия в воздушных боях и т.д. В ходе войны из миллионов своих членов 70 процентов СА передала вооруженным силам».

Из документа ПС-3216 оглашу лишь одну фразу: «По указанию начальника штаба СА в генерал-губернаторстве также были созданы части СА, руководство которыми взял в свои руки генерал-губернатор обергруппенфюрер СА доктор Франк».

Представляю в качестве доказательства документ ПС-3232, США-435. Это письменное показание Вальтера Шелленберга. Цитирую:

«С начала 1944 года СА участвовала также в выполнении многих функций, которые ранее возлагались только на

СС, ЗИПО и армию, например охрана концлагерей, лагерей для военнопленных, наблюдение за иностранными рабочими в Германии и в оккупированных районах. Такое сотрудничество со стороны СА было спланировано и оговорено высшими чинами в Берлине еще в середине 1943 года».

Этим я завершаю представление основных доказательств об участии СА в заговоре. Но перед тем как закончить, я хотел бы указать Трибуналу на некоторые вопросы, устанавливающие участие в заговоре подсудимого Геринга в качестве члена и руководителя СА. В 1923 году Геринг стал руководителем всех организаций СА. Это показано в брошюре «СА», которая уже была представлена Суду как доказательство. Сообщение об этом имеется на странице 2 перевода, которую я не собираюсь цитировать, ограничиваясь ссылкой на нее. Намерения Геринга использовать СА в качестве террористического орудия для уничтожения политических противников видны из его речи 3 марта 1933 г. на демонстрации нацистов во Франкфурте. Это документ ПС-1856, США-437, являющийся выдержкой из книги «Герман Геринг. Статьи и речи». Привожу слова Геринга:

«Конечно, я использую силу государства и полиции в максимальной мере, мои дорогие коммунисты. Поэтому не делайте никаких неправильных заключений. В этой смертельной борьбе я схвачу вас за горло. Я пойду на вас вместе с ними. Они — это люди в коричневой форме».

Значение СА под командованием Геринга на ранних стадиях развития национал-социалистского движения показано в документе ПС-3259, США-424 — выдержке из этой же книги. Там имеется письмо Гитлера Герингу:

«Мой дорогой Геринг! Когда в ноябре 1923 года партия впервые попыталась захватить власть в государстве, вы в качестве командующего СА создали в исключительно короткий срок орудие, с помощью которого я смог рискнуть начать вести эту борьбу. Острая необходимость заставила нас действовать. Но мы не добились успеха. После того как вы были серьезно ранены, вы снова возвратились в наши ряды, как только представилась возможность, и были моим лояльным товарищем в борьбе за власть. Вы значительно способствовали заложению основ событий 30 января. Поэтому в первую годовщину национал-социалистской революции я хочу от всего сердца поблагодарить вас, мой дорогой партийный товарищ Геринг, за тот неоценимый вклад, который вы сделали для национал-социалистской революции, а следовательно, и для всего германского народа. С чувством сердечной дружбы и благодарности ваш А. Гитлер».

Хотя Геринг не сохранил за собой командования СА, но всегда поддерживал тесную связь с этой организацией. В 1937 году Геринг стал командиром полка СА «Фельдхернхалле». Как Трибунал помнит, я указывал на участие этого полка в оккупации Судетской области. Доказательства, представленные в настоящее время, указывают на участие СА как организации в заговоре в соответствии с формулировкой раздела I Обвинительного заключения. Вначале СА

была использована заговорщиками для уничтожения силой и жестокостью всех противников национал-социализма и для захвата власти на улицах. Потом после захвата власти нацистской партией СА использовалась для консолидации и укрепления нацистской власти и для жестокого преследования и уничтожения всех так называемых врагов государства, включая евреев и церковь. В период с 1934 по 1938 гг. СА была использована для подготовки военного контингента в целях развязывания агрессивной войны и для участия в ней. СА всегда использовалась заговорщиками для внедрения и распространения идеологии нацистского движения и, в частности, для распространения антисемитской пропаганды, создания условий для развития милитаристского духа в Германии. Таким образом, в течение всего существования СА ее функции сводились к осуществлению заговора на его различных фазах, и нам кажется, что нет сомнения в том, что СА была организацией, посвященной исключительно задаче оказания помощи подсудимым и их сообщникам при выполнении целей заговора. Некоторым образом СА так же, как и ее члены, являлась фактически соучастником заговора, направленного к совершению преступлений против мира, против человечности и военных преступлений.

Таковы доказательства в отношении организации СА.

Представление доказательств преступности СС представителем обвинения от США У. ФАРРОМ

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 19 и 20 декабря 1945 г.

Следующая организация, доказательства преступности которой мы будем представлять, это организация СС.

Примерно неделю или десять дней назад в одной из газет, издающихся в Нюрнберге, появилось сообщение о поездке корреспондента этой газеты в лагерь, где содержатся военнопленные эсэсовцы. Корреспондента особенно поразил один вопрос, который задали ему заключенные эсэсовцы: «Почему нас рассматривают как военных преступников? Что, собственно, мы сделали, кроме выполнения своего долга?»

Мы считаем, что представляемые здесь Трибуналу доказательства явятся ответом на этот вопрос. Они покажут, что если нацистская партия была вдохновителем заговора, то организация СС выражала самую сущность нацизма. СС была отборной частью нацистской партии, составленной из самых радикальных ее приверженцев, присягавших слепо придерживаться нацистских принципов и готовых проводить

их в жизнь без всякого колебания и любой ценой. СС была организацией, в которой самые обыкновенные идеи были настолько извращены, что члены ее и сейчас еще могут спрашивать, что же незаконного было в совершенном ими.

За последние недели Трибунал рассмотрел ряд документов о преступном плане подготовки и ведения агрессивной войны, о концлагерях, об уничтожении евреев, об использовании иностранных рабочих для рабского труда, о незаконном использовании военнопленных, о вывозе и германизации жителей захваченных территорий. Во всех этих доказательствах, во всех документах можно встретить название СС и упоминание об их преступных действиях. Вновь и вновь упоминается эта организация и ее составные части. Моя задача состоит в том, чтобы показать, почему СС играли такую большую роль в каждом из этих преступных актов и почему они действительно были и не могли не стать преступной организацией.

Создание и развитие такой организации с точки зрения участников заговора было необходимо для проведения в жизнь их планов. Широкая программа и меры, которые они собирались применять и которые они применяли, не могли быть целиком проведены в жизнь ни правительственным аппаратом, ни партией. Должны были совершаться действия, за которые ни правительство, ни нацистская партия не могли открыто взять на себя полную ответственность. Нужно было создать аппарат особого типа, который в известной степени был бы связан с правительством и получал бы официальную поддержку, но который в то же время мог бы прикрываться мнимой независимостью, содействовавшей тому, чтобы деятельность этого аппарата не могла приписываться ни правительству, ни партии в целом. Организация СС и была таким аппаратом.

Подобно штурмовым отрядам (СА), СС являлась одной из семи важнейших организаций нацистской партии, о которых говорится в Законе об охране единства партии и государства от 29 марта 1933 г., опубликованном в «Рейхсгезетзблатт» того же года, часть 1, стр. 503. Этот документ находится в нашей книге документов под номером ПС-1725. Я не буду читать его, полагая, что Суд найдет возможным принять документ как не требующий доказывания.

Но положение СС было, однако, выше, чем положение других организаций. По мере развития плана заговорщиков СС приобретали новые функции. На СС были возложены новые задачи, и они занимали все более и более важное место в структуре нацистского режима. Эта организация с течением времени превратилась в очень сложный и самый могучий механизм в государстве, проникавший своими щупальцами во все сферы нацистского режима.

Документ, который я здесь представляю, показывает, во-первых, как возникли и развивались на ранней стадии своего существования СС; во-вторых, организационную структуру и основные части СС; в-третьих, принципы, лежавшие в основе подбора членов организации; документ показывает также,

выполнение каких обязанностей на нее возлагалось и, наконец, какие средства использовались для осуществления стоящих перед ней задач, то есть каким образом организация СС проводила в жизнь цели заговорщиков и почему она ответственна за преступления, перечисленные в Обвинительном заключении. История, организация и официально провозглашавшиеся функции СС не являются спорными. Они известны не только из секретных архивов и захваченных документов, о них сообщалось во многих изданиях, которые широко распространялись в Германии и во всем мире, о них много писалось в официальных книгах самой нацистской партии, упоминалось в публиковавшихся с одобрения СС и партии книгах, брошюрах и речах руководителей СС и государственных чиновников. В течение всего периода представления документов я буду ссылаться на пять или шесть таких изданий, переводы которых целиком или частично включены в книгу документов. Хотя мне придется цитировать довольно значительную часть, я не буду пытаться читать их полностью, поскольку считаю, что эти издания могут быть приняты Судом как бесспорные доказательства.

Начнем с истории образования СС. Первой целью заговора, как показали предъявленные Суду доказательства, было захватить плацдарм на политической арене, приобрести власть над улицей, силой подавить всех противников. Для этого нацистам нужна была своя собственная, частная полицейская организация. Доказательства, представленные в судебном заседании в отношении СА, показывают, как эта организация была создана для того, чтобы исполнять такую роль. Но начиная с 1923 года организация СА была поставлена вне закона. Когда нацистская партия снова официально начала свою деятельность в 1925 году, СА продолжала оставаться вне закона. Для того чтобы заменить ее в роли личной полиции Гитлера, были созданы небольшие мобильные группы, известные как охранные отряды (шутцштаффельн). С этого и началось зарождение СС. С восстановлением в 1926 году штурмовых отрядов СА СС в течение нескольких последующих лет перестали играть главную роль. Но они продолжали существовать как организация внутри СА (с собственным руководителем — рейхсфюрером СС). Эта история раннего периода СС изложена в двух довольно авторитетных источниках, на которые я ссылаюсь. Первый источник — это книга, написанная штандартенфюрером СС д'Алькуэном и озаглавленная «СС». Книга издана в 1939 году, она является авторитетным отчетом об истории организации и миссии СС. Как показано на первом листе, книга была написана по распоряжению рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Ее автор — штандартенфюрер СС Гюнтер д'Алькуэн был редактором официального издания СС — «Дас шварце кор». Эта книга значится у нас под номером ПС-2284, я представляю ее как документ США-438.

Второй источник — это статья, написанная Гиммлером и озаглавленная «Организация и обязанности СС и полиции». Она была напечатана в 1937 году в брошюре, которая содер-

жала целую серию речей и очерков, написанных высокопоставленными чиновниками партии и государства. Статья Гиммлера напечатана на страницах 137 — 161 этой брошюры. Большие отрывки из нее мы находим в документе ПС-1992(а). Я представляю эту статью Гиммлера под номером США-439. Как видно из этих документов, заговорщики уже в 1929 году признали, что их планы требовали создания организации, которая не только бы ревностно охраняла основные принципы нацистской системы, в особенности расовые принципы, но и проводила их так, чтобы они вдохновляли или запугивали все остальное население, организации, в которой руководителям будет предоставлена полнейшая свобода и будет требоваться слепое повиновение со стороны ее членов. Для того чтобы выполнить эту задачу, была создана организация СС.

Я цитирую выдержку из документа ПС-2284:

«6 января 1929 г. Адольф Гитлер назначил своего старого проверенного друга Генриха Гиммлера рейхсфюрером СС. Гиммлер принял на себя обязанности управления всеми ее отрядами, в которых в то время было всего 280 солдат. Он получил специальное задание от фюрера превратить эту организацию в передовой отряд партии, который целиком зависел бы от партии. С этого дня начинается подлинная история организации СС такой, какой мы видим ее теперь в ее самых сокровенных и главных чертах, крепко связанную с нацистским движением. СС и рейхсфюрер Гиммлер, с первого же дня, стали неотделимы друг от друга и оставались нераздельными в течение этих боевых лет».

Проводя в жизнь распоряжение Гитлера, Гиммлер начал создавать из этой небольшой группы людей отборную организацию, состоящую, по словам д'Алькуэна, из самых физически крепких, самых надежных и самых преданных нацистскому движению людей.

Я читаю другой абзац из книги д'Алькуэна на странице 12 подлинника или странице 6 перевода:

«Когда, наконец, наступил день захвата власти, у нас было 52 тысячи бойцов СС, которые в авангарде нацистской революции вошли в новое государство и начали помогать формировать его везде, во всех профессиях и ремеслах, в науке, во всех основных, существенных областях жизни». Теперь у заговорщиков в руках была государственная машина. Основные задачи СС как личной вооруженной силы и личной полиции Гитлера были на этой стадии выполнены. Но настоящая миссия только началась; она описана в уставе национал-социалистской партии. Страницы этого документа, имеющие отношение к СС (с 417-й до 428-й), переведены в нашем документе ПС-2640. Он уже представлялся в качестве доказательства под номером США-323. Абзац, на который я ссылаюсь, находится на странице 417 подлинника и на первой странице перевода. В нем говорится: «Самая основная и самая главная задача СС — служить защитой фюрера. По приказу фюрера сфера действий СС расширена до того, что она включает задачу охраны внутренней безопасности империи».

Эта новая миссия — защита внутренней безопасности режима — была более красочно определена Гиммлером в его брошюре «СС», в которой говорится, что СС являются «антибольшевистской борющейся организацией». Эта брошюра была издана в 1936 году (наш документ ПС-1851). Я представляю этот документ в качестве доказательства за номером США-440. Определение, на которое я ссылаюсь, находится на странице 29 подлинника.

«Мы неукоснительно выполним нашу задачу — гарантию безопасности Германии от внутренних врагов, подобно тому, как вермахт охраняет честь, величие и мир империи от внешних врагов. Мы позаботимся о том, чтобы никогда более в Германии (в сердце Европы) еврейско-большевистская революция низшей расы не могла вспыхнуть ни внутри, ни через эмиссаров, подстрекающих из-за границы. Без жалости мы направим меч правосудия на все те враждебные силы, существование и активность которых нам известны. При самых слабых их попытках совершить что-либо сегодня или даже через десятилетия или через века мы расправимся с ними».

Осуществление этой идеи, несомненно, требовало расширения функций СС во многих областях, включая выполнение полицейских функций, требовало участия в подавлении и уничтожении всех внутренних противников режима. Оно означало участие во внедрении нацистского режима и за границей Германии и, совершенно естественно, требовало постоянного участия СС во всякого рода мероприятиях, имевших целью обеспечить овладение территориями и населением, которые в результате военных действий должны были оказаться под властью Германии. Расширение обязанностей и деятельности СС вызвало создание нескольких новых отделов и разветвлений и постоянное развитие этого чрезвычайно сложного механизма.

Невозможно описать структуру этих отделов и разветвлений без исторического обзора их. Это описание, как я надеюсь, полностью возникнет в результате представления доказательств о деятельности СС. Но может уже сейчас лучше сказать несколько слов относительно структуры СС. Для этой цели полезно взглянуть на схему, которая показывает организацию СС, существовавшую в 1945 году. К ней также приложена фотокопия письменного заявления под присягой Готлиба Бергера, бывшего начальника главной канцелярии СС, который просмотрел эту схему и признал ее абсолютно точно воспроизводящей структуру СС. Я представляю в качестве доказательства под номером США-445 схему высшего командования СС.

На самом верху этой схемы Вы видите Гиммлера — рейхсфюрера СС, который командовал всей организацией. Непосредственно под ним, через всю схему и вниз направо, под широкой линией находятся двенадцать главных отделов, которые составляют высшее командование СС. Некоторые из этих отделов имели свои подотделы или канцелярии, как это показано в клетках, находящихся под ними. Другие отделы не имели сложной структуры. Я не собира-

юсь утверждать, что не существовало подразделений этих последних отделов. Подразделения показаны только в тех случаях, когда установление составных частей некоторых отделов имеет особенно важное значение для доказательства преступности СС. Эти отделы и их функции описаны в двух официальных нацистских изданиях. Первое — устав национал-социалистской партии, изданный в 1943 году (документ ПС-2640, США-323). Описание, которое я не буду сейчас читать, находится на страницах 419—420 подлинника и на страницах 2—4 перевода. Второе издание — это наставление для солдата СС, которое называется «Друг солдата». Это, собственно, походный календарь германских вооруженных сил, изданный по указанию рейхсфюрера СС главной канцелярией СС в 1942 году (наш документ ПС-2825). Я представляю его в качестве документального доказательства под номером США-441. Описание, на которое я ссылаюсь, находится на страницах 20—22 подлинника и на страницах 1—2 перевода. В дальнейшем мне представится случай прочесть описание функций некоторых из отделов полностью. Но я считаю, что Суд примет эти документы без доказывания. Добавлю: отделы перечислены также в руководстве, изданном одним из главных управлений СС. Этот документ был обнаружен в архивах личного штаба рейхсфюрера СС. Он назван «Руководство для СС. 1 ноября 1944 г.». На экземпляре имеется гриф «Только для служебного пользования», а также обозначение «Издание командования общих СС фюрунгсгауптамт СС». Это наш документ ПС-2679, США-442. В нем содержится список отделов и канцелярий, причем там перечислены адреса и телефоны. Он подтверждает данные, которые даются в двух выпущенных ранее изданиях, на которые я ссылался выше.

Теперь возвратимся к схеме. Если идти вниз по центральной линии начиная от рейхсфюрера СС до линии, обозначающей районы, мы приходим к высшему руководству СС и начальнику полиции, обычно именуемому командующим СС по каждому из регионов. О его функциях я скажу несколько позже. Непосредственно под ним — подразделения организации «общие СС». Налево показаны две другие ветви СС: отряды «Мертвая голова» и «ваффен СС». Направо находятся отряды СД. Все эти составные части вместе с полицейскими отрядами входили в состав СС.

До 1933 года не было специально обозначенных подразделений, СС были единой группой, группой «добровольных политических солдат». Именно из этого первоначального ядра и развились подразделения СС.

Общей основой, главным стержнем были «общие СС», от которых отпочковались различные подразделения. В «общие СС» входили все члены СС, не принадлежавшие к одному из специальных подразделений.

«Общие СС» были основой всей организации. Персонал и руководящий состав главных управлений верховного командования СС были членами «общих СС». За исключением высокопоставленных офицеров и тех, которые работали

на штабных должностях в главных управлениях верховного командования СС, все члены организации были в значительной части добровольцами. Как устанавливают наши доказательства, эти члены СС использовались во всех областях деятельности СС: их использовали для устройства антиеврейского погрома в 1938 году, на них возложили охрану концлагерей во время войны, они участвовали в колонизации захваченных территорий и переселения оттуда населения и т.д. Термин «СС» обычно означал «общие СС» («альгемейне СС»). Они были организованы на военных началах, как это видно из схемы, а именно в районах, в подрайонах были полки, батальоны, роты, взводы и т.д. До начала войны «общие СС» численно были самой большой частью СС. В 1939 году, как утверждал официальный представитель СС д'Алькуэн (наш документ ПС-2284), численность «общих СС» составляла 240 тысяч солдат. Они подразделялись на 14 корпусов, 38 дивизий, 140 пехотных полков, 19 кавалерийских полков, 14 батальонов связи и 19 инженерных батальонов, а также моторизованных и медицинских подразделений. «Общие СС» полностью находились под ружьем как при военном положении.

Подобная же ссылка на военный принцип организации «общих СС» может быть обнаружена в речи Гиммлера «Организация и обязанности СС и полиции» (наш документ ПС-1992(а)), а также в уставе национал-социалистской партии (наш документ ПС-2640).

Служащие этих частей и подразделений, за исключением некоторых штабных офицеров, должны были отбывать обязательную воинскую повинность в армии. В результате призыва членов «общих СС» призывного возраста в армию численность наличного состава «общих СС» в течение войны значительно снизилась. Эсэсовцы старших возрастов и те, которые занимали высокие посты в главных отделах верховного командования, от призыва освобождались. Таким образом, численность СС в течение войны, вероятно, не превышала 40 тысяч человек.

В состав СС входила также служба безопасности рейхсфюрера СС, которую обычно называют СД. Гиммлер характеризовал эту организацию в своей речи «Организация и обязанности СС и полиции» (наш документ ПС-1992(а)). Цитирую:

«Я перехожу теперь к службе безопасности — СД. Это громадная идеологическая разведка партии и государства. Во время борьбы за власть это была единственная разведка СС.

В то время, по понятным причинам, у нас была служба разведки в полках, батальонах и ротах».

Я хочу заметить, что здесь дается ссылка на полки, батальоны и роты «общих СС».

«Мы должны были знать, — продолжал Гиммлер, — что происходит у наших врагов. Собираются коммунисты провести сегодня митинг или нет, не готовится ли на наших людей нападение и т.п. Я отделил эту службу от войск еще в 1931 году».

Я должен заметить, что в копии перевода значится 1941 год, но совершенно очевидно, что это ошибка. Это, несомненно, относилось к 1931 году.

«Я отделил эту службу от "общих СС" еще в 1931 году. Я считаю, что существовавшее положение было неправильно, так как сохранение тайны подвергалось опасности и получалось так, что каждый солдат и даже целая рота могли обсуждать такие вопросы, которые не подлежали обсуждению».

Хотя, как говорил Гиммлер, служба СД была разведкой СС в течение ряда лет, предшествовавших захвату власти нацистами, она стала более важной организацией после того, как развилась в мощную шпионскую систему под руководством Гейдриха. 9 июня 1934 г., за несколько дней до кровавого подавления путча СА, она была превращена декретом подсудимого Гесса в единственную разведывательную и контрразведывательную организацию всей нацистской партии. Для подтверждения я ссылаюсь на книгу д'Алькуэна «СС» (наш документ ПС-2284).

Организационная структура и численность СД в 1937 году описана Гиммлером в его статье «Организация и обязанности СС и полиции». Это наш документ ПС-1922(а), стр. 151, абзац 4 подлинника:

«Служба безопасности уже в 1931 году была отделена от войск и организована как самостоятельное подразделение». Организация СД отражена на представляемой схеме. В службе безопасности имелись полевые отделы, собственная организация руководящих лиц, множество командных постов численностью примерно от 3000 до 4000 человек, так было во всяком случае при создании службы.

До 1939 года штабом СД было Главное управление безопасности СС, которое в 1939 году слилось с Главным управлением имперской безопасности (РСХА), одним из основных управлений СС.

Все более тесное сотрудничество СД, гестапо и уголовной полиции, которое в итоге привело к созданию РСХА, а также деятельность, которой СД занималось в партнерстве с гестапо, будут показаны при представлении доказательств преступной деятельности гестапо. СД являлась, конечно, неотъемлемой и важной частью СС, но гораздо удобнее рассматривать ее в связи с деятельностью всей системы полицейских репрессий, с которой СД была тесно связана.

Третьей составной частью СС, которую следует упомянуть, являются «ваффен СС» — войска СС, которые были созданы, специально обучались и в конце концов были использованы для целей агрессивной войны. Цели создания этих войск указаны в уставе нацистской партии (наш документ ПС-2640). Я цитирую:

«Создание войск СС явилось осуществлением идеи сформировать для фюрера отборные отряды длительной службы для выполнения специальных заданий. Это давало возможность членам "общих СС", так же как и добровольцам, которые выполняли специальные задания СС, бороться

за реализацию нацистских идей с оружием в руках в составе объединенных групп, частично внутри армии».

Термин «ваффен СС» вошел в употребление только с началом войны, до этого времени существовали две ветви отрядов СС, которые состояли из хорошо тренированных, с многолетним профессиональным опытом солдат и носили наименования «специальные отряды СС» (СС ферфюгунгструппе) и отряды «Мертвая голова» (СС Тотенкопф фербенде). После начала войны «специальные отряды СС» были доведены до численности дивизии, к ним были добавлены новые дивизии. Части СС «Мертвая голова» также были сформированы в дивизии. Эти дивизии известны под общим названием «Мертвая голова». И те, и другие дивизии составляли «ваффен СС» — «войска СС». Проследим это развитие.

Я снова цитирую из устава национал-социалистской партии издания 1943 года (документ ПС-2640): «Происхождение «ваффен СС» следует искать в декрете от 17 марта 1933 г., который устанавливал организацию «Штабсвахе» с первоначальной численностью в 120 человек. Из этой маленькой группы развивались так называемые «специальные отряды СС».

В течение войны эти группы превратились в дивизии.

Председатель: *Как Вы полагаете, есть ли необходимость представлять материал о структуре СС в таких деталях?*

Фарр: *Мне кажется, что это очень важно, чтобы точно знать, что собой представляла организация, с которой мы сейчас имеем дело. Я понимаю, что Суду было предложено не признать определенные части этой организации преступными, так как роль их была вспомогательной. Для того чтобы определить, была ли вся организация преступной или только часть ее, нам необходимо знать, как была построена эта организация.*

Председатель: *Не будет ли возможным отложить представление доказательств об этом, пока подсудимые сами не заявят, какие из подразделений СС они не считают преступными, чтобы опровергнуть их доводы?*

Фарр: *Если мы сумеем представить убедительные доказательства, то не будет оснований для каких бы то ни было возражений. Мы утверждаем, что все части СС являются преступными.*

Мы хотим прежде всего сделать ясным следующее: есть попытки доказать, что «ваффен СС» резко отличались от других организаций, например «Мертвой головы» и СД. «ваффен СС» якобы были совсем другой организацией, частью армии. Очень важно установить с самого начала, что «ваффен СС» являлись такой же частью СС, такой же неотделимой частью всей организации, как и все другие ее ответвления.

Поэтому я намереваюсь показать путь превращения «ваффен СС» в преступную организацию. Я обращаю внимание Трибунала на документ, который показывает, каким образом «ваффен СС» стала неотделимой частью СС.

Председатель: *В таком случае продолжайте.*

Фарр: *Порядок формирования вооруженных частей СС был указан в секретном приказе Гитлера от 17 августа 1938 г. (наш документ ПС-647, США-443). Я процитирую раздел второй этого приказа:*

«А. Специальные отряды СС.

1. Специальные отряды СС не являются частью вооруженных сил и не являются составной частью полиции. Это вооруженная сила, которая находится исключительно в моем распоряжении. Поскольку это так и поскольку они являются вооруженной силой национал-социалистской партии, члены этой группы должны отбираться рейхсфюрером СС согласно политическим и идеологическим требованиям, которые я приказал иметь в виду при отборе в национал-социалистскую партию и в штурмовые отряды. Члены этой группы должны быть обучены, и их ряды должны пополняться добровольцами из тех, которые подлежат обязательной военной повинности, и отбыли обязательную трудовую повинность. Срок службы для добровольцев четыре года. Этот срок может быть продлен для младших офицеров СС. Для всех руководителей СС служба в спецотрядах СС приравнивается к службе в вооруженных частях (§ 8, касающийся военной службы) с соответствующим ей периодом времени». Вот еще короткий абзац из этого приказа:

«Приказы на случай мобилизации.

а) Использование специальных частей СС в случае мобилизации должно проводиться двояким образом:

1. Верховным главнокомандующим армии — в пределах военного времени. В этом случае эта часть непосредственно подпадает под действие установленных для воинских частей законов, но остается политической частью, подчиненной национал-социалистской партии.

2. В случае необходимости использования во внутренних делах, согласно моим приказам в этом направлении, она подчиняется рейхсфюреру СС и шефу германской полиции. В случае мобилизации я сам принимаю решения относительно времени, способа и формы реорганизации специальных частей СС в армию военного времени. Это будет зависеть от внутренней политической ситуации того времени».

Непосредственно после издания этого приказа в августе 1938 года эта военизированная сила использовалась вместе с армией для агрессивных целей при захвате Судетской области. Вслед за этим были предприняты лихорадочные приготовления для моторизации вооруженных сил СС и организации новых войсковых частей, в том числе противотанковых, пулеметных и разведывательных батальонов в соответствии с директивами фюрера. К сентябрю 1939 года войска СС были полностью моторизованы. Мощность и численность их была увеличена до дивизии, они были готовы для военных действий. Эта подготовка описана в национал-социалистском ежегоднике за 1940—1941 гг. Я представляю в качестве доказательства страницы 365—371 этого ежегодника за 1940 год (наш документ ПС-2164, США-255). Я также

представляю в качестве доказательства страницы 191—193 ежегодника за 1941 год (наш документ ПС-2163, США-444). Поскольку эти ежегодники являются официальными изданиями нацистской партии под редакцией рейхслейтера Роберта Лея, напечатаны в партийной типографии и опубликованы партийным издательством, прошу Суд принять их без доказывания.

После того как было осуществлено вторжение в Польшу, были сформированы новые части СС. В уставе нацистской партии за 1943 год (наш документ ПС-2640) перечислены восемь дивизий и две пехотные бригады, которые существовали уже к концу 1942 года.

Я ссылаюсь на страницу 427. Это уже были не специальные отряды — это армия СС, и она теперь названа «ваффен СС». Гиммлер говорил об этом стремительном развитии боевых отрядов СС в своей речи, обращенной к группенфюрерам СС в Познани 4 октября 1943 г. Эта речь была уже представлена в качестве доказательства под номером США-170, ПС-1919. Я буду цитировать из этой речи страницу 51 — раздел, озаглавленный «СС в военное время»:

«Теперь я перехожу к нашему собственному развитию, к развитию СС в течение последних месяцев. Оглядываясь на весь прошедший период войны, я могу сказать, что развитие это было фантастическим. Оно происходило с совершенно невероятной быстротой. Оглянемся немного назад и обратимся к 1939 году. В это время у нас было всего несколько полков охранных отрядов, примерно 8—9 тысяч человек. По количеству они не составляли даже одной дивизии... Мы, правда, были вооружены, но фактически мы получили наш артиллерийский полк как тяжелую вооруженную силу за два месяца до начала войны».

Я продолжаю цитировать ту же речь:

«В тяжелых боях этого года, в грозные часы «ваффен СС» сплотились и слились из самых разнообразных частей и подразделений и из них были организованы: отряды личной охраны, военные отряды СС, "Мертвая голова" и затем германские дивизии СС. Теперь, когда наши дивизии "Рейх", "Мертвая голова", кавалерийская дивизия и дивизия "Викинг" действовали совместно, за эти последние недели все поняли: "Викинг" на моей стороне, "Рейх" на моей стороне, "Мертвая голова" на моей стороне. Благодарение господу, теперь ничего не может с нами случиться».

Преобразование небольших отрядов, предназначенных для специальных целей, в боевую армию не привело к отделению этих соединений от СС. Хотя тактически на поле сражения они находились под командованием вермахта, все же они оставались частью СС так же, как всякая другая ветвь организации. В течение всей войны они набирались, обучались, управлялись и снабжались главным управлением верховного командования СС».

С идеологической и расовой точек зрения члены этой организации отбирались в соответствии с требованиями СС. Я сейчас прочту абзац из упоминавшейся брошюры «Друг

солдата», который касается основных требований, предъявлявшихся к тем, кто набирался в «ваффен СС» (документ ПС-2825).

«Сегодня, наконец, наступил долгожданный день испытаний, когда врачи и комиссии решат, наконец, подходит ли кандидат с идеологической и физической точек зрения для службы в вооруженных силах СС. Каждый знакомился с уставом "ваффен СС", его главные пункты следующие:

1. Служба в вооруженных силах СС рассматривается как военная служба, принимаются только добровольцы...»

Биддл: *Я не вижу необходимости читать это полностью. Это не прибавляет ничего нового к тому, что Вы уже доказывали.*

Фарр: *Я хочу, во-первых, доказать, как я уже говорил, что «ваффен СС» являлись неотделимой составной частью СС. Я хочу установить, что они целиком контролировались и управлялись верховным командованием СС. Это во-первых, во-вторых, я хочу доказать, что служба в «ваффен СС» являлась добровольной службой, так же как и служба в «общих СС». Правда, были случаи к концу войны, когда несколько человек были призваны на военную службу в «ваффен СС», но это было исключением, а не правилом. Цитируя эти данные о требованиях, которые предъявлялись к тем, кто вступил в «ваффен СС» (они напечатаны в брошюре, изданной в 1942 году), я хочу показать, что в то время в «ваффен СС» служили только добровольцы. Как я полагаю, я выполняю задачу по доказыванию одного из тех пунктов, которые, по моему мнению, должны быть установлены. Теперь я хочу прочесть третье требование к поступающим в СС, которое показывает, что служить в «ваффен СС» могли только те, кто отвечал идеологическим и расовым требованиям СС в целом. Если мои доводы о том, что служба в «ваффен СС» была по существу добровольной и что «ваффен СС» являются неотделимой частью СС, убедительны для Трибунала, то я не буду утомлять его чтением дальнейших доказательств.*

Председатель: *Трибунал удовлетворен доказательствами по этим двум пунктам. На данном этапе мы считаем, что «ваффен СС» являются добровольной организацией и неотделимой частью СС.*

Фарр: *Если Суд удовлетворен доказательствами по этим двум пунктам, то я не буду продолжать представление этого документа.*

Председатель: *Может быть, будет возможно доказать, что несколько позже были приняты некоторые меры по комплектованию СС в порядке призыва, а не добровольно? Вы еще не представили нам этих доказательств.*

Фарр: *Нет, я не представил. В основном я хотел доказать, что, как правило, служба в «ваффен СС» была добровольной и что «ваффен СС» были неотделимой частью всей организации СС.*

Если Суд удовлетворен этими доказательствами по этому вопросу, то я перейду к характеристике отдельных частей «ваффен СС».

Я начну с характеристики отрядов «Мертвая голова», которые являются составной частью войск СС.

Происхождение отрядов «Мертвая голова» и назначение их были кратко описаны д'Алькуэном в его книге, озаглавленной «СС» (наш документ ПС-2284).

«Отряды СС "Мертвая голова" составляют часть войск СС. Они организованы из добровольцев "общих СС", которые набирались для несения службы охраны в концлагерях в 1933 году. Их задачей, кроме политического воспитания солдат, является охрана врагов государства, которые заключены в концлагерях. В отрядах СС "Мертвая голова" устанавливается обязательная служба в течение 12 лет. Эти отряды состоят большей частью из людей, которые уже отслужили в вермахте. Это время засчитывается им полностью в срок военной службы в отрядах "Мертвая голова"».

Поскольку войска СС «Мертвая голова» подобно специальным частям СС состояли из хорошо тренированных профессиональных солдат, они явились весьма ценным ядром для укомплектования «ваффен СС».

Секретным приказом Гитлера от 17 августа 1938 г., который уже представлялся в качестве документального доказательства, было установлено, что у отрядов СС «Мертвая голова» была специальная задача в случае мобилизации: отряды «Мертвая голова» должны быть освобождены от охраны концлагерей и переведены в войска СС. Я цитирую выдержку из этого приказа:

«5. Распоряжения на случай мобилизации. Отряды "Мертвая голова" составляют основу, костяк войск СС, который в последующем будет укрепляться за счет полицейских отрядов. На постах охраны концлагерей они будут замещены членами общих СС в возрасте старше 45 лет, получивших военную подготовку».

Мы представляем этот документ в качестве доказательства того, что «общие СС» в начале войны занимались вопросами охраны концлагерей. Первоначально для этой цели были предназначены отряды «Мертвая голова», но началась война и они перешли в «ваффен СС». Их обязанности были переданы членам «общих СС».

Последней составной частью СС, которая специально упоминается в Обвинительном заключении, являлись полицейские отряды СС. Я очень коротко остановлюсь на том, что привело к тому, что организация СС осуществляла контроль над всей полицией империи. Из полиции были организованы специальные милитаризованные отряды, вначале известные как полицейские батальоны СС, а впоследствии выросшие до полицейских полков СС. Я снова обращаюсь к речи Гиммлера в Познани (ПС-1919):

«Теперь коротко о задачах регулярной наружной полиции и полиции безопасности. Они по-прежнему делают одно и то же дело. Я вижу, что мы достигли многого. Мы

организовали группу примерно в 30 полицейских полков из резервов и бывших работников полиции, как их обычно называли, полицейских чиновников. Средний возраст в наших полицейских батальонах не ниже, чем возраст в батальоне безопасности вооруженных сил. Их достижения выше всякой похвалы. В дополнение к этому мы сформировали полицейские стрелковые полки, слив полицейские батальоны "диких" с регулярной полицией. Таким образом, мы не оставляли полицейские батальоны нетронутыми, но, напротив, мы слили их в пропорции один к трем».

Результат этого слияния военизированных отрядов полиции СС и так называемых «диких» можно видеть из документа, который я представлю позже и который описывает зверства, творимые ими на восточных территориях, настолько безжалостные, что даже Гиммлер восхвалял их.

Каждая из составных частей, которые я описал, выполняла свои задачи в осуществлении одной или нескольких функций СС. Персонал, составляющий каждую из частей, был различным: некоторые были добровольцами, занятыми неполное рабочее время, другие профессионалами, зачисленными на различные периоды времени, но каждое управление, каждый член представлял собою неотделимую часть всей организации. Каждый выполнял порученную ему роль при выполнении многочисленных задач, для осуществления которых была создана организация. Нельзя найти лучшего свидетеля, чем рейхсфюрер СС, все усилия которого были направлены на то, чтобы обеспечить полное единство организации. Я цитирую выдержки из его речи в Познани (ПС-1919, США-170):

«Было бы ужасно, если бы основные организации, выполняющие свои задачи с наилучшими, но ошибочными намерениями, сознательно делались независимыми одна от другой. Я думаю, что день моего поражения будет концом СС. Организация СС со всеми своими ответвлениями — «общие СС», представляющие базу всех организаций, «ваффен СС», регулярная полиция, полиция безопасности, включая всю хозяйственную администрацию, обучение, идеологическую подготовку, весь вопрос родственных связей, — все это даже под руководством десятков рейхсфюреров СС должно представлять единое целое, единую организацию».

Я продолжаю цитату:

«Регулярная наружная полиция и полиция охраны порядка, общая организация СС и войска СС («ваффен СС») должны тоже постепенно сливаться воедино так же, как это происходит в «ваффен СС». Это относится к вопросам назначения на должности, комплектования, обучения, материального обеспечения и медицинского обслуживания. Я всегда действую в том направлении, чтобы все эти подразделения были связаны наиболее тесными узами. Увы, если эти узы когда-нибудь нарушатся, то можете быть уверены, что все распадется за очень короткий промежуток времени и за одно поколение вернется старая бессодержательная жизнь».

Теперь я хочу перейти к философии СС, принципам, согласно которым отбирались ее члены, и обязательствам, которые они должны были выполнять. Для того чтобы понять сущность этой организации, надо ясно представить себе «теории», на которых она базировалась. Эти «теории» представляют собой ключ для понимания всей ее деятельности. Поэтому необходимо рассмотреть их детально. Основным принципом отбора было то, что Гиммлер называл «кровь и раса». Эсэсовцы должны были являться воплощением нацистской доктрины превосходства нордической крови, должны были осуществлять нацистскую концепцию господствующей расы. Сам Гиммлер заявил, что СС должны стать «национал-социалистским орденом солдат нордической крови». Объясняя важность расового отбора и методов, какими этот отбор проводился, он говорил:

«Таким образом, только хорошая кровь, кровь, которая, как было доказано историей, является господствующей и созидательной, может быть основой каждого государства и всей его военной деятельности. Такой кровью может быть только нордическая кровь. Я сказал себе, что в случае, если мне удастся отобрать из германского народа для этой организации как можно больше людей, обладающих этой кровью, и обучить их военной дисциплине, с течением времени научить их понимать ценность такой крови и внедрить в них идеологию, которая вытекает отсюда, тогда действительно можно будет создать отборную организацию, которая будет успешно отстаивать свои позиции в самых критических обстоятельствах».

Затем на странице 4 английского перевода говорится относительно метода отбора членов СС.

«Их тщательно проверяют и изучают. Из 100 человек мы можем использовать в среднем 10 или 15 — не более. Мы требуем от кандидата сведений о политической деятельности в прошлом его родителей, братьев, сестер, данных о его предках до 1750 года. Кандидат, естественно, проходит медицинский осмотр, а также представляет рекомендации члена Гитлерюгенда. Затем мы также требуем сведения о здоровье родителей и членов семьи с тем, чтобы быть уверенным, что у него нет никакой наследственной болезни».

Председатель: *Нам уже сказали, что эсэсовцы были отборными войсками. Все, что Вы читали, говорит подробно об отборе.*

Фарр: *Это верно, это показывает детально, как проводился отбор.*

Председатель: *Но это не имеет ничего общего с тем, что СС является преступной организацией.*

Фарр: *Я думаю, что это имеет много общего. Я хочу остановиться на двух пунктах. Основной сущностью этой организации был расовый отбор, который преследовал две цели: первая — создать организацию, которая не только стала бы аристократией для Германии, но оказалась бы способной установить господство над всей Европой. С этой целью вводились очень суровые нормы для отбора, обеспе-*

чивающие создание группы людей, которая была бы в состоянии овладеть Европой после ее завоевания. Не могло быть никакого сомнения в целях СС. Сам Гиммлер неоднократно говорил: «Наша основная цель — стать высшим слоем человеческого общества, который мог бы господствовать в Европе веками». Это была одна из главных целей СС, которую Гиммлер отнюдь не скрывал, а, напротив, постоянно объявлял о ней во всеуслышание.

Председатель: Вы еще не сообщили нам, где это было объявлено.

Фарр: Я вскоре подойду к этому, но вначале я хотел бы показать, каковы были расовые принципы этой организации. Это один аспект процесса расового отбора, второй аспект следующий — Гиммлер не только намеревался создать отборную касту, которая была бы в состоянии господствовать над Европой, но также внедрял в эту касту ненависть ко всем, по его словам, «низшим» расам. Я думаю, что если мы не уясним себе, что это является основой СС, мы не поймем эту организацию. Я готов, если таково желание Трибунала, не распространяться в деталях о принципах расового отбора.

Я считаю нужным процитировать публичное объявление Гиммлера о принципах, которыми руководствовались при отборе в состав членов СС. Поэтому я хотел бы обратить Ваше внимание еще на одну выдержку из устава нацистской партии, которой руководствовались при отборе. С разрешения Трибунала я процитирую выдержку из книги документов нацистской партии, объясняющую расовую теорию, которая была идеологической основой СС. Выдержка имеется в документе ПС-2640, который уже был представлен под номером США-323. Я читаю:

«Отбор членов. Для осуществления этих задач была создана единая, сплоченная боевая организация, которая была связана идеологической клятвой, и бойцы ее отбирались из лучших представителей арийской расы. Оценка крови и происхождения служит руководящим принципом при отборе членов СС. Каждый член СС должен глубоко проникнуться сознанием сущности национал-социалистского движения. Он должен быть воспитан идейно и физически таким образом, чтобы его индивидуально или в группе можно было использовать в решительном сражении за нацистскую идеологию. Только лишь лучшие и чистокровные немцы могут быть использованы в этой борьбе. Поэтому необходимо, чтобы непрерывный отбор имел место в рядах СС, сначала более поверхностно, а затем самым тщательным образом».

Я хотел бы теперь зачитать из этой книги абзац на той же странице:

«Требуется безоговорочное повиновение, повиновение, которое зиждется на убеждении, что править должна нацистская идеология. Тот, кто обладает этой уверенностью и страстно поддерживает ее, добровольно подчиняется безоговорочному послушанию. Поэтому член СС должен быть

готов слепо выполнять каждый приказ фюрера или своих начальников, даже если это требует величайших жертв с его стороны».

Таким образом, при отборе в СС должны были придерживаться двух основных принципов: расового превосходства и слепого повиновения.

Позвольте мне теперь показать, как Гиммлер понимал задачи создания этой организации. Цитирую выдержки из его речи, обращенной к офицерам полка личной охраны СС лейбштандарт «Адольф Гитлер». Это документ ПС-1918, США-304. Цитирую со стр. 12 подлинника, стр. 3 перевода:

«На протяжении тех 11 лет, что я являюсь рейхсфюрером СС, конечная цель неизменно оставалась той же: создать орден хорошей крови, который сможет служить Германии, орден, который можно будет использовать гарантированно, не щадя его, потому что самые большие потери не смогут нанести вред жизнеспособности этого ордена, жизнеспособности этих людей, так как им всегда найдется замена; речь идет о создании ордена, который столь широко распространит идею нордической крови во всем мире, заберет эту кровь у наших противников и впитает ее — таким образом никогда вновь, рассматривая этот вопрос с позиции большой политики, представители нордической германской крови не выступят против нас численностью, которая могла бы вызвать беспокойство. Мы должны забрать эту кровь, а другие не имеют на нее права. Мы никогда не отказывались от идей и задач, сформулированных много лет тому назад. Все, что мы сделали, позволило нам пройти какой-то отрезок на этом пути. Все, что мы собираемся сделать, поведет нас по этому пути дальше».

Приведу еще одну выдержку из того же документа, в котором очень четко отражено, зачем создавался этот орден нордической крови.

«Прошу понять, мы не смогли бы удержать Великий германский рейх, который сейчас в стадии формирования. Я убежден, что мы можем его удержать, но к этому нужно подготовиться. Если однажды у нас будет недостаток в сыновьях, тем, кто придет после нас, придется превратиться в трусов. Нация, у которой в среднем в семье по четыре сына, может рискнуть вести войну; если двое из сыновей погибнут, фамилия унаследуется двумя другими. Руководство нации, где в семье по одному-двум сыновьям, вынуждено будет при принятии любого решения проявлять слабость, исходя из собственного опыта, такое руководство должно будет сказать себе: "Мы не можем себе этого позволить". Взгляните на Францию, это наилучший пример. Франция вынуждена была допустить, чтобы мы диктовали ей линию поведения».

Однако для того, чтобы избранные нацисты могли господствовать в Европе, недостаточно было одной расовой теории.

Одним из инкриминируемых нацистам преступлений является их заговор, направленный на установление господ-

ства в Европе путем подготовки и ведения агрессивных войн, что в итоге должно было привести к колонизации Европы во исполнение планов заговорщиков.

Одним из орудий для проведения этой политики были СС, поэтому при создании этой организации преследовалась цель создать такую силу, с помощью которой Германия могла бы господствовать и править на завоеванных территориях.

Мы полагаем, что такая концепция СС сыграла жизненно важную роль в заговоре. Она оказала влияние на всю программу заговорщиков.

Председатель (прерывая): Простите, майор Фарр, но ведь Вы должны доказать не преступность людей, которые использовали орудие, а преступность людей, которые создали это орудие.

Фарр: Я думаю, что я должен показать две вещи: конечно, виновность людей, которые создавали орудие, и в то же время я должен показать, что это орудие играло в заговоре очень важную роль.

Председатель: Вы вновь и вновь повторяете, что СС были одним из орудий, которое использовали заговорщики. Если существовал преступный заговор, то СС являлись орудием, которое было использовано участниками заговора. Вы сейчас должны показать, что люди, которые составляли СС, были преступниками и знали о преступных целях СС.

Фарр: Да, Ваша честь, я вполне согласен, что я должен показать, что люди, вовлеченные в организацию, знали о преступных целях организации и о том, что из себя представляли эти цели. Я только пытался показать Трибуналу, что одной из целей, которые я считаю преступными, был план господства над Европой и что организация СС была одним из средств, с помощью которых это можно было осуществить. Это один аспект преступности СС. Если Суд считает, что доказательств преступности СС в этом аспекте достаточно, то я, конечно, не буду распространяться об этом.

Сейчас я хотел бы остановиться на одном важном вопросе — на строительстве СС в качестве расовой элиты. Важно и другое, а именно, негативная сторона расизма — это вопрос о ненависти к другим расам, по поводу чего Гиммлер сам откровенно высказывался. Я хочу зачитать выдержку из его речи в Познани (документ ПС-1919):

«Одним из основных принципов должно быть неограниченное господство эсэсовцев. Мы должны быть честными, лояльными и дружественными к представителям нашей собственной кровной нации и более ни к кому. То, что происходит с русским или чехом, меня совершенно не интересует».

Несколько следующих предложений из этого абзаца уже были зачитаны, и я не буду повторять их.

Затем я хочу процитировать еще одну выдержку. Хочу зачитать заключение, которое сделал Гиммлер по поводу сделанного им:

«Вот что я хочу внедрить в сознание эсэсовцев, и я думаю, что я это внедрю как один из самых священных законов будущего».

Принцип господства избранной расы над Европой и принцип ненависти к «низшим расам» так часто провозглашались публично, что каждый новый член СС целиком пропитывался ими. Я хочу сослаться на речь Гиммлера в Харькове, которая находится в том же документе ПС-1919.

В своей речи командирам трех дивизий «ваффен СС» Гиммлер, подробно поговорив о расовой борьбе, заявил, что он хочет, чтобы в каждого нового члена СС глубоко внедряли идею о том, что СС должны стоять крепко и безжалостно проводить расовую борьбу...

Таковы были основные принципы, на которых была построена организация СС, — расовое превосходство и слепое повиновение. Естественным результатом этих двух принципов была беспощадность. Из доказательств, которые мы представим, будет видно, что эсэсовцы оказались достойными своих учителей. Члены СС должны были добиться и добились печальной известности своим беспощадным террором, который они считали доблестью. Гиммлер еще в 1936 году писал об этом в брошюре, озаглавленной «СС как антибольшевистская боевая организация» (документ ПС-1851). Я хочу зачитать два предложения на странице 29 оригинала:

«Я знаю, что в Германии имеются люди, которые дрожат, когда видят эти черные рубашки. Мы понимаем причины этого и мы не рассчитываем, что многие будут нас любить».

Роль, которую должны были играть члены СС, требовала, чтобы они постоянно были носителями идей нацизма и чтобы никогда не забывали о назначении представителей «высшей расы». В подтверждение того, что СС и в 1943 году вели себя так же, я хочу представить в качестве доказательства письмо Гиммлера Кальтенбруннеру, написанное с фронта 24 апреля 1943 г. (документ ПС-2768). Зачитываю первый абзац этого документа:

«Возвращаясь к вопросу, который мы обсуждали некоторое время назад, а именно, к вопросу о принятии чиновников ЗИПО в состав СС, я хотел бы вновь сказать совершенно ясно, что приму их, но лишь при условии выполнения следующих пунктов: 1) если лицо, желающее вступить в СС, обращается к нам совершенно добровольно и по собственной инициативе; 2) если подающий заявление о принятии в СС в расовом и идеологическом отношениях подходит и если имеется гарантия в отношении числа его детей, здоровья всего рода, если он сам не является больным, дегенератом и ненужным человеком».

Цитирую третий абзац:

«Я прошу вас в будущем следовать этому, но также прошу, чтобы многочисленные случаи приема в СС в прошлом были пересмотрены в соответствии с этими инструкциями».

Я цитировал это для того, чтобы показать Трибуналу, каким образом принимались члены СС.

Следующий документ — ПС-1992(а). Если Суд пожелает принять его без доказывания, я не буду его зачитывать. В нем говорилось о том, что наиболее подходящий возраст для молодежи при вступлении в СС — 18 лет. Сначала вступающий был учеником и его тщательно воспитывали в духе нацистской идеологии, затем он принимал присягу, получал кинжал СС и определенное время находился в «общих СС».

Я не буду читать этот абзац. Думаю, что, может быть, стоит зачитать весьма краткий текст клятвы, которая была обязательной для принятия в члены СС. Эта клятва имеется в памятке для вступающего в члены СС, озаглавленной «СС призывает вас» (документ ПС-3429, США-446).

«Клятва члена СС. Я клянусь тебе, Адольф Гитлер, фюрер и рейхсканцлер, в верности и храбрости. Я клянусь повиноваться до смерти тебе и тем, которых ты назначил для того, чтобы командовать мною. И да поможет мне в этом бог».

Теперь я хотел бы перейти к рассмотрению деятельности СС, а именно: каким образом СС выполняли задания заговорщиков и свои обязанности по обеспечению внутренней безопасности нацистского режима.

Достоинства и боевые качества эсэсовцев, а также их надежность были подвергнуты испытанию 30 июня 1934 г., когда они участвовали в чистке СА и в борьбе с активными и потенциальными политическими противниками нацистского режима. Это был первый случай, когда эта специфическая организация действовала с благословения нацистского государства, но вне официальных рамок закона. Я предлагаю в качестве доказательства проведенный в Нюрнберге 19 ноября 1945 г. письменный допрос под присягой подсудимого Фрика. Я представляю этот документ под номером ПС-2950. Читаю выдержку из этого письменного показания: «Много было убито. Я не знаю сколько. Те, которые ничего не имели общего с путчем, люди, которых просто не взлюбили, такие, например, как Шлейхер — бывший имперский канцлер, были убиты. Затем убили жену Шлейхера, Грегора Штрасера, который был раньше рейхслейтером и вторым человеком в партии после Гитлера. Штрасер в то время не был больше активным политическим деятелем. Он выступил против фюрера в ноябре или декабре 1932 г. СС были использованы Гиммлером для выполнения приказов о подавлении путча».

Именно в порядке признания службы такого рода СС были возведены в статус составной части партии и были по рангу приравнены к СА и к аналогичным рангам других организаций.

Я попрошу Суд принять без доказывания выдержку из газеты «Фелькишер беобахтер» от 26 июля 1934 г. Это наш документ ПС-1857. Я зачитаю перевод этой краткой выдержки:

«Отдел печати империи объявляет следующий приказ фюрера. Ввиду доблестной службы СС, особенно в связи с событиями 30 июня 1934 г., я возвожу СС в статус независимой организации внутри нацистской партии, поэтому рейхсфюрер СС, как и начальник штаба СС, непосредственно подчиняется только фюреру как главному руководителю СА».

Своими действиями 30 июня 1934 г. организация СС проявила себя как тот тип организации, который нужен был участникам заговора для выполнения первого необходимого шага их программы — приобретения контроля над полицией, потому что одним из первых шагов в отношении защиты любого режима является контроль над полицией. Задачей заговорщиков было объединить СС и гестапо, с тем чтобы можно было бы использовать их для своих целей. Я сейчас хочу перейти к изложению того, как перемешивались функции СС и полиции. Вскоре после захвата власти заговорщики начали развивать в качестве составной части государственного аппарата политическую полицию, которая была создана впервые в Пруссии в виде гестапо декретом подсудимого Геринга в 1933 году, затем по этому примеру — в остальных частях германской империи. Об этом будет сказано при предъявлении доказательств преступности гестапо. В 1934 году рейхсфюрер СС был назначен главой всех политических полицейских организаций во всех землях, за исключением Пруссии, и заместителем начальника прусского гестапо. В этом качестве он обеспечивал заполнение должностей в тайной политической полиции членами СС до того момента, пока не произошло окончательное слияние СС и гестапо. 17 июня 1936 г. был издан опубликованный в «Рейхсгезетцблатт» за 1936 год (стр. 487 и 488) декрет об учреждении должности начальника германской полиции (наш документ ПС-2073). Я прошу Суд принять его без доказывания.

Этим декретом был создан новый пост начальника германской полиции при министерстве внутренних дел. Тем же декретом на этот пост был назначен Гиммлер, именовавшийся рейхсфюрером СС и начальником германской полиции министерства внутренних дел. Совмещение этих двух должностей — руководителя СС и руководителя всех полицейских сил империи — не было случайным и должно было создать постоянную связь между двумя организациями. Это не было временным объединением двух должностей. Значение совмещения этих двух должностей подчеркивалось Гитлером в секретном приказе от 17 августа 1938 г. «Об организации и мобилизации СС» (наш документ ПС-647), который я представляю в качестве доказательства США-443. Я хотел бы зачитать ряд выдержек из этого документа.

«Посредством назначения рейхсфюрера СС начальником германской полиции при министерстве внутренних дел 17 июня 1936 г. я создал основу для объединения и реорганизации германской полиции. Этим шагом эсэсовские части НСДАП, которые до сего времени подчинялись рейхсфюре-

ру СС и начальнику германской полиции, оказались тесно связанными с задачами германской полиции».

После своего назначения Гиммлер немедленно приступил к реорганизации всех полицейских сил империи, разбив их на две отдельные части. Первая — регулярные отряды наружной полиции для поддержания порядка, ОРПО, как их сокращенно называли; вторая — так называемая полиция безопасности, или сокращенно ЗИПО, которая была составлена из уголовной полиции империи и из гестапо.

Эта реорганизация была осуществлена декретом, определяющим функции начальника германской полиции, опубликованным в «Рейхминистериалблатт» за 1936 год, стр. 946—948 (наш документ ПС-1551). Я прошу Суд принять его без доказывания.

Начальником ЗИПО, то есть уголовной полиции и гестапо, Гиммлер назначил Рейнгарда Гейдриха, который был в то время начальником СД, службы разведки СС. В результате такого соединения в лице Гиммлера двух должностей — рейхсфюрера СС и начальника германской полиции, и в результате соединения в лице Гейдриха двух должностей — руководителя СД и полиции безопасности, было обеспечено объединенное командование над СС и силами полиции безопасности. Затем в направлении объединения были предприняты дальнейшие шаги. В 1939 году полиция безопасности и СД были объединены в одном департаменте — главном управлении имперской безопасности, которое обычно называют РСХА. В этой связи следует обратить внимание на одно важное обстоятельство: это вновь созданное управление, РСХА, было не только правительственным ведомством. Оно имело двоякую сущность. РСХА являлось правительственным ведомством и организационно относилось к министерству внутренних дел, и в то же время являлось одним из важнейших управлений СС, и организационно относилось к верховному командованию СС. Но не только гестапо и уголовная полиция попали под власть СС. Регулярная наружная полиция была также включена в эту систему подобно РСХА. Департамент регулярной полиции не только был департаментом министерства внутренних дел, он одновременно находился в ведении верховного командования СС.

Единство командования СС и полиции не ограничивалось объединением штабной работы, оно распространялось и на оперативные области. Вы увидите из схемы, что руководитель СС и полиция в каждом районе, который был непосредственно подчинен Гиммлеру, имел под своим началом не только полицию безопасности, но и обычную полицию для поддержания порядка. Вы увидите также, что эти организации — ЗИПО и ОРПО — были под началом не только высшего руководителя СС и полиции, но и РСХА и департамента регулярной полиции и СС.

Таким образом, обеспечивалось единство командования над СС и полицией, но объединение достигалось не только с помощью этой организации. Было достигнуто един-

ство также путем назначения личного состава. Вакантные места в полиции заполнялись членами СС, а полицейские чиновники могли вступить в СС; существовали школы СС как для полицейских, так и для членов СС. Эти меры описаны в статье Гиммлера «Организация и обязанности СС и полиции» (ПС-1992(а).

В книге, озаглавленной «Германская полиция», написанной доктором Бестом (начальником управления в министерстве внутренних дел и начальником департамента полиции безопасности) и изданной в 1940 году (наш документ ПС-1852), говорилось: «Таким образом, СС и полиция представляют собой единую организацию как в своей деятельности, так и в структуре, хотя их отдельные организации не потеряли индивидуальности и своего положения в более крупных организациях партии и государственной администрации, с которыми они связаны по другим линиям».

СС получили возможность решать значительную часть задач, стоящих перед полицией. Рабочее сотрудничество между гестапо, уголовной полицией и СД под руководством рейхсфюрера СС привело в итоге к репрессивной неограничиваемой полицейской деятельности. Об этом обвинение будет говорить, представляя доказательства преступности гестапо.

Однако СС было недостаточно располагать только контролем над полицией. Потенциальные источники оппозиции могли выслеживаться силами СД. Подозреваемые могли быть захвачены уголовной полицией и гестапо. Но такой способ не мог обеспечить подавление всех активных и потенциальных противников режима. Для этой цели были созданы концентрационные лагеря. Документы, уже предъявленные Трибуналу, показали, что представляла собой система концлагерей. Результаты этой политики были показаны с предельной ясностью в документальных кинофильмах около десяти дней тому назад. Ответственность СС в этой системе является темой, к которой я сейчас хотел бы перейти.

Для лагерей в первую очередь были необходимы охрана и административный персонал. Сначала в качестве охраны использовались добровольные члены «общих СС», добровольцев при неполной занятости было достаточно для того, чтобы удовлетворить все нужды в обширной и далеко идущей программе. Начиная с 1933 года, были созданы профессиональные с полной занятостью охранные отряды — отряды «Мертвая голова», о которых я уже говорил. Во время войны члены «общих СС» выполняли функции охраны концлагерей так же, как и в первые годы их создания. Вы помните приказ Гитлера, который я зачитал несколько минут назад о замене отрядов «Мертвая голова» частями «общих СС» в случае мобилизации. Нет необходимости повторять доказательства относительно жестокости, пыток и убийств, которые совершала эсэсовская охрана. Это были не случайные преступления, которые совершали безответственные личности, это было осуществлением определенной и обдуманной политики — политики, которая неизбежно вы-

текала из эсэсовской философии, политики, которая проводилась с самого начала создания концентрационных лагерей. Гиммлер откровенно заявил относительно задач эсэсовцев в упоминавшейся уже своей статье «Организация и обязанности СС и полиции» (документ ПС-1992(а).

«Было бы весьма поучительным для каждого (некоторые члены вооруженных сил СС уже сделали это) осмотреть такой концлагерь. Как только они увидят его, они убедятся в том, что никого туда не заключают несправедливо.

Там находится сборище преступников и уродов. Не существует более убедительной демонстрации законов наследования и расы, чем такой концентрационный лагерь. Здесь вы найдете людей с гидроцефалией, с косоглазием, деформациями, полуевреев, целый ряд существ, неполноценных в расовом отношении. Все они собраны здесь. Разумеется, мы проводим различия между теми заключенными, которые помещены в концлагерь на несколько месяцев в целях перевоспитания, и теми, кому предстоит провести в концлагере длительное время. В целом перевоспитание заключается только в дисциплине, без какого-либо инструктирования на идеологической основе, так как у заключенных по большей части рабские души, там можно найти лишь очень немного людей с истинным характером.

И далее он продолжал:

Перевоспитание означает порядок. А порядок начинается с того, что эти люди живут в чистых бараках. Такое в действительности может быть осуществлено только немцами.

Едва ли другая нация может быть такой гуманной, как мы. Белье часто меняется. Людей приучают к тому, чтобы они мылись дважды в день и пользовались зубной щеткой, — предметом, с которым большинство из них ранее не было знакомо».

По представленным Суду доказательствам и документальным фильмам относительно условий жизни в концлагерях Трибунал может заключить, насколько лжива и подла была эта гнусная шутка. Но в своей речи перед группенфюрерами СС в Познани Гиммлер уже не прибегал к такому притворству. Я зачитаю страницу 43:

«Я не думаю, чтобы коммунисты могли предпринять какие-нибудь действия, так как их руководители, подобно большинству преступников, находятся в наших концлагерях. Я должен здесь сказать, что мы сможем после войны убедиться в том, какое счастье для Германии, что, несмотря на всякие глупые разговоры относительно гуманности, мы заключили всех этих преступных недочеловеков из германского народа в концлагеря. Я отвечаю за это».

Но Гиммлера нет на скамье подсудимых, чтобы он мог ответить за все это.

Не было, конечно, никакой «гуманности» в тех способах, которыми эсэсовцы выполняли поручаемые им задания. В виде иллюстрации я хотел бы показать Вам их поведение не в 1944—1945 гг., а в 1933 году. Передо мной находятся четыре отчета, в которых говорится о смерти заключенных

в концлагере Дахау между 16 и 27 мая 1933 г. Каждый из этих отчетов подписан государственным прокурором районного суда и адресован государственному прокурору верховного суда в Мюнхене. Эти четыре отчета показывают, что в то время, когда концлагеря едва появились, в течение двух недель в 1933 году члены СС убивали — каждый раз другая стража — по одному заключенному. Я не хочу отнимать время у Трибунала чтением всех этих документов, если Вы считаете достаточным то, что я сказал. Важно, что это является иллюстрацией того, что творилось в концлагерях с самого начала их существования в 1933 году. Я представляю эти доказательства. Первый отчет идет за номером ПС-641. Здесь говорится о смерти доктора Альфреда Штрауса, находившегося в превентивном заключении в Дахау. Я считаю целесообразным зачитать несколько абзацев из этого документа (США-450):

«24 мая 1933 г. 30-летний холостой адвокат доктор Альфред Штраус из Мюнхена, который находился в лагере Дахау в превентивном заключении, был убит двумя револьверными выстрелами эсэсовцем Иоганном Каншустером, который сопровождал его на прогулку, прописанную ему лагерным врачом, в неогороженные части лагеря. Сам Иоганн Каншустер заявил, что он должен был отойти по нужде. Штраус продолжал идти. Вдруг Штраус бросился бежать по направлению к кустарникам, которые находились на расстоянии шести метров от черты. Когда Каншустер заметил, что Штраус бежит, он дважды выстрелил в Штрауса на расстоянии восьми метров и убил его.

В тот же день 24 мая был произведен судебно-медицинский осмотр трупа на месте совершения преступления. Тело Штрауса лежало на краю леса. На ногах убитого были кожаные туфли. Одна нога была босая, вероятно, из-за раны на этой ноге, другая — в носке. Было произведено вскрытие трупа; в голове были найдены две пули. Кроме того, на теле были обнаружены черные пятна, синяки и открытые раны».

В конце отчета говорится: «Я обвинил Иоганна Каншустера сегодня в убийстве, запросил разрешения на производство предварительного следствия по этому делу, а также приказал арестовать Каншустера».

Это первый из четырех отчетов. Здесь Вы видите одно за другим убийства, совершенные в течение короткого времени, и в каждом случае дается официальный отчет начальника лагеря о причинах смерти, которые целиком опровергаются фактами. Таким образом, в течение двух недель весной 1933 г. различными охранниками СС было совершено четыре убийства; это лишь немногие примеры деятельности СС в лагерях на этом раннем этапе.

Многие аналогичные примеры могут быть представлены относительно деятельности членов СС в более поздний период. Конечно, все это поощрялось в официальном порядке. Я обращаю внимание Трибунала на дисциплинарный устав концлагеря в Дахау (наш документ ПС-778), уже представленный под номером США-247. Я обращаю Ваше

внимание на четвертый абзац предисловия к этому уставу. Этот отрывок не был зачитан, когда впервые представлялся документ. Здесь говорится:

«Терпимость означает слабость. В свете этого понятия надо беспощадно наказывать всякого, когда интересы родины этого требуют. Соотечественник, который виновен, но который по неведению совершил преступление, не д[illegible] подпадать под это правило. Но пусть это будет пре[illegible]дением для политических деятелей, агитаторов и п[illegible]торов, независимо от их рода. Будь на чеку, чтобы те[illegible] захватили врасплох. Иначе твоя шея пострадает и тебя заставят замолчать, в соответствии с методами, которые ты сам используешь».

Этот устав был издан в 1933 году фюрером СС Энке, который руководил отрядами СС «Мертвая голова».

Обеспечение охраны и комплектование административного персонала не было единственными функциями СС в концлагерях. Все внутреннее управление лагерями, включая использование военнопленных, их размещение, материальное обеспечение, санитарные условия, само решение вопроса об их праве на жизнь, а также распоряжение их останками, контролировалось СС. Впервые такие обязанности были возложены на начальника частей СС «Мертвая голова», которому одновременно был присвоен титул инспектора концлагерей. Этот чиновник входил в состав главного управления СС, которое представлено на схеме во второй клетке слева. Во время войны, в марте 1942 года, контроль над концлагерями был передан другому управлению высшего командования СС, а именно главному административно-хозяйственному управлению СС, известному под аббревиатурой ВФХА. Это управление указано на схеме во второй клетке слева. Об этой перемене было сообщено в письме Гиммлеру от 30 апреля 1942 г. от руководителя ВФХА. Это письмо содержится в нашем документе Р-129 и уже было представлено в качестве доказательства под номером США-217.

Передача ВФХА контроля над концлагерями совпала с изменением в основных задачах концентрационных лагерей. Ранее поводом для заключения в концлагерь были политические основания и основания, связанные с безопасностью, но теперь такой подход был отвергнут.

Теперь лагеря открыто служили интересам выполнения нацистской программы использования рабского труда. Вы помните доказательства, которые предъявлялись на прошлой неделе господином Доддом по поводу этой программы. Я не буду вновь отнимать время Трибунала этой темой и соответствующими доказательствами. Я только хочу суммировать основные преступления, которые лежат на ответственности СС. Для того чтобы удовлетворить возрастающие требования на рабочую силу, недостаточно было заставить заключенных интенсивнее работать в концлагерях, надо было иметь большее количество заключенных.

Полиция и СС действовали в направлении увеличения количества заключенных. Управление по экономическим и административным вопросам заставляло больше работать тех, которые уже находились в заключении.

Председатель: *У Вас имеются какие-либо данные, которые Вы могли бы представить сейчас Трибуналу об общем [illegible]стве членов СС и об общем количестве эсэсовцев, ис[illegible]вавшихся в концлагерях? Если Вы дадите общее коли[illegible] членов СС и количество эсэсовцев, которые использова[illegible]сь в концлагерях, мы увидим, какое было соотношение.*

Фарр: *Мне известны лишь некоторые цифры. Я раньше приводил несколько цифр из книги д'Алькуэна, изданной в 1939 году, где он говорил, что число членов «общих СС» достигало около 240 тысяч человек. В то время они не были использованы как охрана в концлагерях. Отряды «Мертвая голова» в то время состояли из трех или четырех полков самое большее. Они несли охрану лагерей. Таким образом, персонал, который выполнял обязанности охраны в 1939 году, составлял около трех или четырех полков. Суд помнит, что во время войны отряды «Мертвая голова» не использовались для этих целей и службу охраны выполняли члены «общих СС»; сколько людей было занято этим, трудно подсчитать. Программа концлагерей постоянно расширялась, и соответственно с ростом лагерей требовалось большее количество охраны. Я не могу сообщить Трибуналу число членов СС, выполнявших функции охраны. Надо иметь в виду, что эсэсовцы осуществляли не только охрану, из них комплектовался административный персонал. ВФХА осуществляло полный контроль над концлагерями. Я не могу сказать, сколько людей было занято в той или другой отрасли работы в концлагерях. Там, конечно, работали сотрудники и СД, и полиции безопасности, поскольку они арестовывали людей. Весь административный персонал ВФХА был занят, поскольку речь шла об административных вопросах.*

Некоторое представление о количестве эсэсовцев, которые были заняты в концлагерях, можно получить на основании тех цифр, которые относятся к общему количеству заключенных. Передо мной имеется отчет главного административно-хозяйственного управления СС (ВФХА) от августа 1944 года. В отчете говорится о количестве заключенных, уже находившихся в лагерях, и тех, которые ожидались вскоре (документ ПС-1166). Я представляю отчет в качестве доказательства и намереваюсь доказать, каким образом главное административно-хозяйственное управление СС контролировало деятельность СС в концлагерях.

Я хотел бы также показать роль СС в преследовании и уничтожении евреев.

Целесообразно и необходимо остановиться на роли СС в подготовке агрессивной войны и в совершении преступлений против мира. Я представлю также доказательства относительно роли СС в совершении военных преступлений и преступлений против человечности и, наконец, остановлюсь на роли СС в проведении программы германизации.

Вот что я считаю основными функциями СС, на которых я хочу остановиться. Я попытаюсь не распространяться вновь о других преступлениях, доказательства которых были уже представлены Трибуналу, а постараюсь доказать, каким образом почти каждое управление, подчеркиваю — каждое управление СС и каждый подотдел были участниками в одном или во многих, в большинстве случаев во всех этих преступлениях...

Господа судьи! Вчера мы рассматривали вопрос о количестве лиц из состава СС, которые имели отношение к программе концлагерей. Ничто не иллюстрирует интегрированный характер всей организации лучше, чем программа концентрационных лагерей.

ВФХА, в качестве одного из ведущих управлений СС, осуществляло администрирование и контроль функционированием концлагерей и занималось узниками с того момента, как они поступали в лагерь. Части «Мертвая голова» обеспечивали охрану лагерей. Во время войны охрана была возложена на «общие СС». Свою роль в программе концентрационных лагерей играло РСХА. Полиция также принимала участие, захватывала жертвы и препровождала их в лагеря. Таким образом, на сцене появляется СД, поэтому когда задается вопрос, сколько же человек в СС имели отношение к системе концлагерей, то, по-моему, на него невозможно точно ответить. Можно, например, сказать, сколько человек было в частях «Мертвая голова» или сколько человек было в «общих СС». Но какой процент их имел отношение к системе концлагерей, я сказать не могу.

Насколько мне известно, СС являются единственной организацией, которая была причастна к деятельности концентрационных лагерей. Правда, в самом конце войны, как отмечал полковник Стори, в качестве охранников в концентрационных лагерях использовались и некоторые члены СА.

Биддл: *Известно ли Вам общее число личного состава СС к концу войны?*

Фарр: *Всей организации СС?*

Биддл: *Да.*

Фарр: *Это можно сказать только приблизительно. Я приводил вчера Трибуналу цифры относительно количества людей «общих СС» в 1939 году, которые определил д'Алькуэн. По заявлению д'Алькуэна, в «общих СС» насчитывалось около 240 тысяч человек. В то время было приблизительно четыре полка частей «Мертвая голова», несколько полков, специальных отрядов СС и несколько тысяч человек из службы безопасности (СД). Таким образом, я бы сказал, что в 1939 году число членов СС было примерно от 250 до 300 тысяч человек. Когда началась война, из нескольких полков специальных отрядов образовались «ваффен СС». Если в начале войны они составляли всего лишь несколько полков, то к концу войны их уже насчитывалось приблизительно 31 дивизия. Таким образом, в 1945 году, очевидно, было от 400 до 500 тысяч в войсках СС. Это число я указываю как дополнение к количеству людей, состоявших в «общих СС», которые*

подлежали призыву в армию. В общем и целом я бы сказал, что приблизительно 750 тысяч человек составляют максимальную цифру людей, связанных с СС, считая с момента организации. Но это лишь приблизительный подсчет.

Биддл: Не можете ли Вы сказать, сколько из них было гражданских лиц, технических работников, стенографисток и других?

Фарр: Нет. Когда мы говорим о членах СС, мы не говорим, например, о стенографистках, которые не были членами СС. Под членами СС мы подразумеваем лиц, которые приняли присягу и были включены в списки членов СС в качестве членов «общих СС» либо находились в частях «Мертвая голова» или в войсках СС. Я думаю, что приведенная мною цифра 750 тысяч человек включала членов «общих СС», частей «Мертвая голова» и войск СС («ваффен СС»).

Я указывал, что в 1942 году контроль над концлагерями был передан главному административно-хозяйственному управлению СС. Передача контрольных функций совпала с изменением основного назначения этих лагерей, в которых до того времени содержались лица, заключенные по политическим мотивам и в интересах безопасности. Основным назначением концлагерей стало использование рабочей силы заключенных. Я хочу указать Суду на отделы СС, которые принимали участие в программе по набору рабочей силы из концлагерей. Трибуналу уже было представлено документальное доказательство относительно приказа, который был издан в 1942 году вскоре после передачи контроля над концлагерями главному административно-хозяйственному управлению. В этом приказе полиции безопасности предлагалось немедленно послать в концлагеря 35 тысяч трудоспособных заключенных. Это документ ПС-1063. Но 35 тысяч заключенных было, конечно, только началом. Организация СС могла захватить гораздо большее количество рабов. Я представляю в качестве доказательства копию директивы всем отделам верховного командования СС, изданной Гиммлером в его ставке 5 августа 1943 г. (документ ПС-744). Директива издана во исполнение приказа подсудимого Кейтеля об использовании захваченных на Востоке в ходе борьбы с партизанами мужчин для принудительного труда. Приказ Кейтеля имеется на первой странице перевода. Я оглашу директиву Гиммлера. Трибунал заметит, что эта директива направлена всем основным отделам верховного командования СС. Я назову адресатов, которым она рассылалась:

«1) начальнику личного штаба рейхсфюрера СС,

2) основному отделу СС,

3) главному имперскому управлению безопасности,

4) главному управлению СС по расовым вопросам и переселению,

5) главному управлению регулярной полиции,

6) главному административно-хозяйственному управлению СС,

7) главному управлению кадров СС,

8) суду СС (главное управление),

9) штабу верховного командования войск СС, штабу "ваффен СС",

10) штабу рейхскомиссара по консолидации германской нации,

11) центральному управлению по вопросам чистокровных немцев,

12) канцелярии обергруппенфюрера СС Хайсмайера,

13) начальнику частей по борьбе с партизанами».

Каждый из основных отделов, указанных в схеме, получил эту директиву. Далее эту директиву получили высшие начальники СС и полиции в различных районах. Я цитирую:

«Я приказываю, чтобы все молодые заключенные женского пола, которые могут работать, направлялись на работу в Германию через агентство имперского уполномоченного Заукеля. Дети и старики должны быть собраны и использованы в лагерях, учрежденных мною в поместьях, а также на границе эвакуированных районов».

В апреле 1944 года руководству СС предложили представить еще большее количество рабочих. На этот раз из Венгрии было привезено 100 тысяч евреев. Трибунал, наверное, помнит протокол совещания подсудимого Шпеера с Гитлером 6 и 7 апреля 1944 г. Протокол можно найти в нашем документе Р-124 на странице 36, он был представлен Суду в качестве доказательства. На этом совещании Гитлер заявил, что он предложит рейхсфюреру СС вывезти 100 тысяч евреев из Венгрии.

Оставался последний источник рабочей силы, который еще не был полностью использован. Помимо евреев, насильно угнанного населения, женщин и детей стали использовать рабочую силу военнопленных. Заговорщики через организацию СС выжимали последнюю каплю полезного труда из таких заключенных.

Теперь я сошлюсь на заявление подсудимого Шпеера, которое имеется в нашем документе Р-124, на странице 13 перевода. Этот документ уже был представлен в качестве доказательства. Я цитирую:

«Шпеер: Мы как можно скорее должны достичь соглашения с рейхсфюрером СС о том, чтобы военнопленные, которых он берет, были предоставлены для использования во имя достижения наших целей. Рейхсфюрер СС получает от 30 до 40 тысяч военнопленных в месяц».

Для того чтобы обеспечить контроль СС над трудом военнопленных, 25 сентября 1944 г. рейхсфюрер СС был назначен руководителем всех лагерей военнопленных. Я представляю в качестве доказательства письмо об этом назначении. Документ значится под номером ПС-058, США-456. Это циркулярное письмо начальника партийной канцелярии, датированное 30 сентября 1944 г. и подписанное «М. Борман». Цитирую это письмо, начиная с первого абзаца:

«1. 25 сентября 1944 г. фюрер приказал: начиная с 1 октября 1944 г. содержание всех военнопленных и интернированных лиц, а также все лагеря для военнопленных и дру-

гие охраняемые учреждения передать в распоряжение командующего резервной армией».

Оглашаю два пункта второго абзаца этого письма:

«2. Рейхсфюрер СС приказывает:

а) в качестве командующего армией резерва я передаю вопросы военнопленных Готлибу Бергеру — начальнику штаба фольксштурма;

с) мобилизация труда военнопленных будет обеспечена существующей организацией совместно с обергруппенфюрером СС Бергером и генерал-лейтенантом СС Полем. Обеспечение безопасности в сфере проблем, связанных с военнопленными, будет осуществляться обергруппенфюрером СС Бергером и начальником полиции безопасности генерал-лейтенантом СС доктором Кальтенбруннером».

Таким образом, организация СС в конце концов взяла на себя управление и контроль над всеми концлагерями для военнопленных. Результаты труда заключенных концлагерей были столь внушительны, что в 1944 году подсудимый Геринг потребовал от Гиммлера предоставления еще большего количества заключенных для авиационной промышленности. Трибунал, вероятно, помнит его телеграмму Гиммлеру (документ ПС-1584), часть 1, которая зачитывалась здесь и была представлена господином Доддом в качестве доказательства. Сейчас разрешите зачитать ответ Гиммлера на эту телеграмму (документ ПС-1584, часть 3):

«Глубокоуважаемый рейхсмаршал! В соответствии с моей телеграммой от 18 февраля 1944 г. я при сем препровождаю обзор по вопросу использования заключенных в авиационной промышленности. Из этого обзора видно, что в настоящее время около 36 тысяч заключенных используются для целей военно-воздушных сил. Предполагается увеличить эту цифру до 90 тысяч.

Производственная программа обсуждается, формируется и исполняется имперским министерством авиации и начальником моего ВФХА, обергруппенфюрером СС и генералом войск СС Полем. Мы делаем все, что возможно. Однако задачи моего главного административно-хозяйственного управления заключаются не только в передаче заключенных на работу в авиационную промышленность. Поскольку обергруппенфюрер СС Поль и его помощники занимаются также вопросами производительности труда путем постоянного контроля и наблюдения над рабочими бригадами, они могут оказать некоторое влияние на результаты производства. В этой связи я хотел бы отметить тот факт, что, увеличивая нашу ответственность и ускоряя темп всей работы, мы определенно сможем получить лучшие результаты».

Теперь я перехожу к последним двум абзацам письма, которые находятся на следующей странице перевода.

«Перевод предприятий авиационной промышленности под землю потребует еще около 100 тысяч заключенных. Планы использования этой рабочей силы на основании Вашего письма от 14 февраля 1944 г. уже выполняются.

Глубокоуважаемый рейхсмаршал! Я своевременно буду информировать Вас по этому вопросу».

Я хотел бы указать Трибуналу, что обергруппенфюрер СС Поль, который был начальником главного административно-хозяйственного управления, был также генералом войск СС. Это показывает, что трудно разделить функции различных отделов и управлений СС.

Увеличение числа заключенных при помощи усилий СС показано в документе ПС-1166. Это отчет группы «D» главного административно-хозяйственного управления от 15 августа 1944 г. Я оглашу первую страницу этого отчета:

«Ссылаясь на вышеупомянутый разговор по телефону, прилагаю при сем отчет о фактическом количестве заключенных на 1 августа 1944 г. и о вновь прибывающих заключенных, о которых уже сообщалось, а также отчет о состоянии одежды на 15 августа 1944 г.

1. На 1 августа 1944 г. было:

a) заключенных мужского пола — 376 167,

b) заключенных женского пола — 145 119.

Кроме того, объявлено о прибытии новых заключенных:

1. Из Венгрии (во исполнение программы действия против евреев) — 90 тысяч человек.

2. Из Литцманштадта (из полицейской тюрьмы и гетто) — 60 тысяч человек.

3. Поляков из генерал-губернаторства — 15 тысяч человек.

4. Из восточных территорий — 10 тысяч человек.

5. Бывших польских офицеров — 17 тысяч человек.

6. Из Варшавы (поляки) — 400 тысяч человек.

Продолжается прибытие людей из Франции — от 15 тысяч до 20 тысяч человек.

Большинство этих заключенных находится уже в дороге и прибудет в концлагерь через несколько дней».

Эта кампания по мобилизации необходимой для нацистов рабочей силы несколько помешала осуществлению принятой главным административно-хозяйственным управлением программы по уничтожению некоторых категорий заключенных.

Я хотел бы представить фотокопию письма этого управления от 27 апреля 1943 г. (документ ПС-1933, США-459). Письмо адресовано ряду начальников концлагерей и подписано бригадефюрером СС и генерал-майором «ваффен СС» Глюксом.

Читаю письмо:

«Рейхсфюрер СС и начальник германской полиции решил после консультации, что в будущем только больные умопомешательством заключенные могут быть отобраны для акции "14 Ф 13" медицинскими комиссиями, назначенными для этой цели. Все другие заключенные, которые не могут работать (туберкулезники, лежачие больные и т.д.), освобождаются от этой акции. Заключенные, которые находятся в постели по болезни, должны также выполнять подходящую для них работу. В будущем этот приказ рейхсфюрера СС должен строго выполняться...»

Акция «14 Ф 13» не расшифровывается в письме, тем не менее совершенно ясно, что имеется в виду. Каждый заключенный, как бы он ни был болен, но от которого можно получить хоть какую-нибудь пользу, не должен был теперь подвергаться этой акции. Этой акции должны были подвергаться только умалишенные, которые не могли быть использованы ни на какой работе. Что это могла быть за акция, совершенно ясно. Эта акция представляла собой истребление.

Однако некоторым образом СС смогли достигнуть обеих целей: и увеличить количество продукции, и истребить нежелательных для них людей. Как Трибунал помнит, 18 сентября 1942 г. между министром юстиции Тираком и Гиммлером было заключено соглашение, которое содержится в документе под номером ПС-654, уже представленном господином Доддом в качестве доказательства. Я не буду цитировать снова этот документ, но хотел бы напомнить Трибуналу, что соглашение предусматривало передачу «антиобщественных элементов» рейхсфюреру СС для использования их на работе, пока они не умрут. Условия, при которых работали эти люди в лагерях, были рассчитаны на то, чтобы привести к смерти. Эти условия диктовались главным административно-хозяйственным управлением. В качестве иллюстрации того, что этим занималось это управление, я обращаю внимание Трибунала на документ ПС-2189, который я представляю в качестве доказательства. Это приказ комендантам концлагерей от 11 августа 1942 г., подписанный бригадефюрером СС и генералом войск СС Глюксом, который был начальником отдела «D» главного административно-хозяйственного управления. Его подпись имеется на оригинале приказа.

Оглашаю этот приказ:

«Рейхсфюрер СС и начальник германской полиции приказал, чтобы в концлагерях наказания для женщин путем избиения производились заключенными под соответствующим наблюдением».

В соответствии с этим приказом главного административно-хозяйственного управления СС обергруппенфюрер СС и генерал войск СС Поль приказал, чтобы в концлагерях наказание для мужчин путем избиения также производилось заключенными. Заключенным иностранцам запрещалось выполнение такого рода наказания в отношении немецких заключенных.

Даже после смерти заключенных их прах не освобождался от контроля главного административно-хозяйственного управления. Я хочу сослаться на наш документ ПС-2199, представляющий собой директиву комендантам концлагерей от 12 сентября 1942 г., подписанную заместителем начальника отдела «D» ВФХА оберштурмбаннфюрером СС Либехеншелем. Я представляю эту директиву под номером США-461. Цитирую:

«Согласно указанию начальника полиции безопасности и СД и в соответствии с докладом начальника полиции безопасности и СД в Праге урны умерших чехов и евреев направлялись для погребения в протекторат.

В силу различных причин (демонстрации, посещение могил умерших заключенных, приклеивание на урнах умерших заключенных плакатов или листовок, направленных против Германии и т.д.) передача урн с прахом умерших граждан протектората и евреев запрещается. Урны должны сохраняться в концлагерях. В случае каких-либо сомнений по поводу сохранения этих урн можно будет получить устные указания в данном отделе».

В самом деле, организация СС рассматривала заключенных в концлагерях как свою личную собственность, которую она может использовать для своих экономических целей. Трибунал помнит, что еще в 1942 году подсудимый Шпеер признал, что эсэсовцы были движимы желанием получить новый доход, когда он (Шпеер) предложил Гитлеру разработать вопрос о том, чтобы организация СС получала часть военного оборудования, производимого заключенными в концлагерях, в соответствии с количеством рабочих часов, отработанных заключенными.

Я сошлюсь на наш документ Р-124, который был представлен господином Доддом под номером США-179.

Фюрер согласился, что 3—5 процентов вполне удовлетворят командиров СС. В своей речи, обращенной к офицерам дивизии СС «Адольф Гитлер», сам Гиммлер откровенно признал свое намерение получать прибыль от лагерей для целей СС (документ ПС-1918, США-304). Оглашаю выдержку (стр. 10 немецкого подлинника):

«Программа жилищного строительства, которая является необходимым условием для нормального существования СС, равно как и всего руководящего состава, может быть осуществлена только тогда, когда я откуда-нибудь получу деньги. Никто не собирается дать мне эти деньги. Нужно их достать, а чтобы достать их, необходимо заставить подонков человечества — заключенных, профессиональных преступников продуктивно работать. Человек, который охраняет этих заключенных, работает так же тяжело, как и человек, который находится в боевой обстановке. В мирное время я создам охранные батальоны и заставлю их уничтожить эти низшие существа в течение трех месяцев. Это не будет скучная работа. Если офицеры будут правильно выполнять свои обязанности, то это явится лучшим способом внедрения доктрины в отношении низших существ и низшей расы. Такие действия необходимы для того, чтобы:

1) отстранить нежелательных лиц от германского народа;

2) использовать их в интересах великой нации, заставляя разбивать камни, обжигать кирпичи для того, чтобы фюрер снова смог воздвигнуть грандиозные здания;

3) инвестировать заработанные таким образом деньги в дома, землю, поселки, чтобы наши люди имели жилища, где они могли бы поселиться со своими семьями и увеличивать рождаемость.

Это также необходимо потому, что мы должны получить хорошую, молодую кровь, так как иначе мы не сможем господствовать над миром».

Следует указать еще на одну сторону контроля СС над концлагерями, а именно на руководство СС программой биологических экспериментов, производимых в лагерях над людьми. Несколько дней тому назад другой военный трибунал вынес приговор в отношении некоторых лиц, из числа тех, которые участвовали в экспериментах, производившихся в Дахау.

Председатель: Документ, который Вы зачитали, не датирован, не так ли?

Фарр: В английском переводе нет даты, в подлиннике сказано, что эта речь была произнесена в апреле 1943 года.

Несколько позднее будут представлены доказательства, раскрывающие подробности программы экспериментов. В настоящее время я укажу лишь на то, что программа экспериментов проводилась по указанию СС и что организация СС играла очень важную роль в проведении этой программы. Программа, видимо, начала проводиться в жизнь после просьбы доктора З. Рашера, обращенной к Гиммлеру, о разрешении использовать лиц, заключенных в концлагерях, в качестве подопытных существ для проведения опытов по поручению военно-воздушных сил. Я представляю фотокопию письма от 15 мая 1941 г., направленную рейхсфюреру СС и подписанную З. Рашером (документ ПС-1602, США-454). Оглашаю это письмо:

«В настоящее время я провожу в Мюнхене в управлении воздушного округа медицинские эксперименты. В ходе проведения этих экспериментов, когда исследование полетов на большой высоте играет основную роль, было выражено сожаление по поводу того, что до сего времени нам не представлялось возможности производить эксперименты над людьми, так как проведение таких опытов связано с большой опасностью и никто добровольно не соглашался на это. Необходимость проведения опытов на большой высоте диктуется тем, что у англичан истребители имеют более высокий потолок. Поэтому я ставлю следующий серьезный вопрос: не смогли бы вы предоставить двух-трех профессиональных преступников для этой цели. Данные эксперименты проводятся в Мюнхене на постоянной станции ВВС по исследованию воздействия большой высоты на человека.

Вышеупомянутые эксперименты, в результате которых подопытные существа могут, конечно, умереть, будут проводиться под моим наблюдением. Эти люди необходимы в качестве подопытных существ для проведения испытательных полетов на больших высотах. Делались попытки использовать обезьян, но они оказались неподходящими для такого рода испытания.

У меня был совершенно секретный разговор с заместителем военного врача военно-воздушных сил, который проводит эти опыты. Он также считает, что эту проблему можно разрешить только путем экспериментов над людьми (слабоумные тоже могут быть использованы)».

Доктор Рашер немедленно получил заверения со стороны СС, что ему будет разрешено использовать заключен-

ных концлагерей для этих экспериментов. Ссылаюсь на наш документ ПС-1582. Это письмо от 22 мая 1941 г., адресованное доктору Рашеру. На этом письме имеется штамп личного штаба рейхсфюрера СС и инициалы «К. Бр.». Эти инициалы принадлежат штурмбаннфюреру СС Карлу Брандту. Представляю этот документ под номером США-462. Цитирую первые два абзаца этого письма:

«Дорогой доктор Рашер, незадолго перед полетом в Осло рейхсфюрер СС передал мне ваше письмо от 15 мая 1941 г. для ответа. Я могу сообщить вам, что мы, конечно, с радостью предоставим заключенных для опытных полетов на большой высоте. Я сообщил начальнику полиции безопасности о согласии рейхсфюрера СС и попросил, чтобы компетентный чиновник связался с Вами».

Эти эксперименты проводились Рашером. В мае 1942 года генерал-фельдмаршал Мильх от имени воздушных сил выразил благодарность организации СС за помощь в проведении этих экспериментов. Я представляю Трибуналу подлинник письма от 20 мая 1942 г., адресованного обергруппенфюреру СС Вольфу и подписанного «Э. Мильх». Письмо значится под номером ПС-343, США-463. Оглашаю его:

«Дорогой Вольф, ссылаясь на Вашу телеграмму от 12 мая, наш санитарный инспектор сообщает мне, что испытательные полеты на большой высоте, проводившиеся СС и военно-воздушными силами в Дахау, закончены. В продолжении таких экспериментов, кажется, больше нет нужды. Однако было бы важно произвести ряд других экспериментов, связанных с опасностью полетов над морем. Это подготовлено и согласовано с надлежащими отделами. Майор Вельц будет проводить их, а капитан Рашер будет помогать, помимо того, что он выполняет свои обязанности по линии медицинской службы военно-воздушных сил. Изменение этих мер не вызывается сейчас необходимостью, расширение задач экспериментов не представляется на данном этапе насущным. Камера низкого давления не потребуется для проведения этих экспериментов с низкими температурами, поэтому не следует ее оставлять в Дахау, тем более что она срочно нужна в другом месте. От имени главнокомандующего военно-воздушными силами я хочу поблагодарить СС за широкое сотрудничество.

Хайль Гитлер! Всегда Ваш Мильх».

Председатель: *А не стоит ли почитать письмо на предыдущей странице? Это может послужить нам некоторым объяснением.*

Фарр: *Письмо на предыдущей странице также от генерал-фельдмаршала Мильха, оно датировано 31 августа 1942 г. и адресовано рейхсфюреру СС. Оглашаю:*

«Дорогой господин Гиммлер! Благодарю Вас за Ваше письмо от 25 августа. Я с большим интересом прочитал доклад доктора Рашера и доктора Ромберга. Мне сообщили о проводимых экспериментах. Я попрошу их в ближайшем будущем прочитать лекции и показать кинофильмы моим под-

чиненным. Надеюсь, я смогу увидеть Вас в случае моего посещения ставки. Остаюсь с наилучшими пожеланиями.

Хайль Гитлер! Э. Мильх».

Закончив эксперименты по высотным полетам, доктор Рашер приступил к опытам, связанным с возвращением к жизни лиц, которые подверглись сильнейшему обморожению. Ссылаюсь на документ ПС-1618, который является дополнительным отчетом об экспериментах по замораживанию, проводившихся в Дахау с 15 августа 1942 г. Этот отчет, подписанный доктором Рашером, я представляю под номером США-464. Я зачитаю лишь несколько фраз из отчета начиная с первого абзаца:

«Опыт заключался в следующем: лица (военнопленные), одетые в зимнюю или летнюю форму летчиков и в шлемы, были погружены в воду, причем спасательный жилет из резины предохранял их от потопления.

Эксперименты проводились в воде при температуре от 2 1/2 до 12 градусов по Цельсию. Во время некоторых опытов вся голова находилась выше воды, в других же затылок и задняя часть головы были погружены в воду. Электрические приборы отметили температуру: 26,4 градуса в желудке и 26,5 градуса в прямой кишке. Смертельный исход имел место только в тех случаях, когда замораживанию подвергались затылок и вся тыльная часть головы. Во всех случаях с фатальным исходом наблюдались значительные изменения в функции сердца. В результате вскрытия этих трупов было обнаружено большое количество крови — до полулитра в черепной полости. В случаях, когда температура доходила до 28 градусов, лица (военнопленные), подвергавшиеся опытам, всегда умирали, несмотря на все попытки вернуть их к жизни».

Теперь я перехожу к последнему абзацу:

«Во время попыток спасти сильно обмороженных лиц было установлено, что быстрое согревание действовало лучше, чем медленное, так как температура тела после изъятия его из холодной воды продолжала быстро падать. Я думаю, что по этой причине мы можем прекратить попытки спасти обмороженных лиц путем согревания теплотой живого организма. Согревание этим теплом — телами женщин или животных было слишком медленным».

Хотя Рашер на предварительном этапе экспериментов и разделял мнение, что согревание при помощи тел женщин является слишком медленным, однако именно этим путем проводились некоторые эксперименты.

Я представляю в качестве доказательства документ ПС-1583, который является фотокопией письма рейхсфюрера СС Гиммлера к генерал-лейтенанту Полю от 16 ноября 1942 г. Оглашу первые два абзаца этого письма.

«Дорогой Поль, во время посещения Дахау 13 ноября 1942 г. на меня произвело сильное впечатление проведение там опытов по спасению жизни людей, которые подвергаются опасности в связи с длительным пребыванием во льду, в снегу или в воде. Я приказал, чтобы из числа заключен-

ных концлагерей были выбраны подходящие женщины для этих экспериментов, то есть для согревания тех, кто подвергался обморожению. Четыре девушки, которые были выбраны в концлагерях, не подходят, ибо в прошлом они были проститутками и могут заразить обмороженных».

Я считаю, что нет надобности зачитывать конец этого абзаца, где Гиммлер высказывает свое возмущение тем, что хотели использовать немецкую проститутку для этой цели.

Для того чтобы обеспечить продолжение опытов, Гиммлер принял меры к тому, чтобы Рашера перевели в войска СС. Представляю в качестве доказательства письмо, которое имеется в наших документах под номером ПС-1617. Это письмо рейхсфюрера СС, адресованное генерал-фельдмаршалу Мильху, от ноября 1942 года. Я оглашаю первые два абзаца этого письма:

«Дорогой друг Мильх! Как Вы помните, через генерала СС Вольфа я рекомендовал Вашему особому вниманию работу некоего доктора Рашера, который является врачом резерва военно-воздушных сил. Эти исследования, касающиеся влияния высоты на человеческий организм и явлений, вызванных долгим охлаждением человеческого тела в холодной воде, а также разрешение других подобных проблем, имеющих большое значение для военно-воздушных сил, могут производиться с большой эффективностью, ибо я лично взял на себя ответственность за предоставление из концентрационных лагерей для этих опытов антиобщественных лиц и преступников, заслуживающих смерти».

Следующие четыре абзаца я пропущу. Здесь Гиммлер говорит о трудности проведения этих опытов в связи с протестами христианских медицинских кругов. Я перехожу к последнему абзацу на первой странице перевода:

«Прошу Вас освободить доктора Рашера, военного врача в резерве, из военно-воздушных сил и передать его мне в войска СС. Только в этом случае я возьму на себя всю ответственность за проведение этих экспериментов и буду передавать в распоряжение военно-воздушных сил все результаты, из которых СС интересует только вопрос об обморожении на Востоке. Я предлагаю, чтобы, учитывая связь между вами и Вольфом, был выбран врач не христианского вероисповедания, который бы являлся в то же время известным ученым и не был бы склонен к краже интеллектуальной собственности и которому можно было бы без опасения сообщить о полученных результатах опытов. Этот врач также должен быть тесно связан с административными властями с тем, чтобы эти результаты действительно принимались во внимание. Я думаю, что решение о переводе доктора Рашера в СС для того, чтобы он мог проводить опыты под мою ответственность и по моим указаниям, является наилучшим. Опыты не следует прекращать. Мы обязаны продолжать их ради наших солдат. Если доктор Рашер останется в военно-воздушных силах, это может вызвать большие неприятности ввиду заносчивости и высокомерия профессора доктора Хольцлонера, который работал в Дахау. Во избежание этой неприятности я

вновь предлагаю, чтобы доктор Рашер был переведен в войска СС как можно скорее».

Председатель: Это что, письмо Гиммлера?

Фарр: Да. Опыты Рашера были далеко не единственными опытами, в которых была заинтересована организация СС. Не пытаясь дать общего обзора всей программы по проведению опытов, я приведу лишь один пример из этой деятельности СС. Сошлюсь на наш документ Л-103, США-467 — доклад от 12 сентября 1944 г. врача из канцелярии главного врача СС и полиции. Я зачитаю несколько абзацев из этого доклада, который представляет собой отчет главного санитарного врача из канцелярии главного военного врача СС и полиции и подписан доктором Мруговским. Это касается экспериментов по убийству отравленными пулями. Цитирую первый абзац:

«11 сентября 1944 г. в присутствии штурмбаннфюрера СС доктора Динга доктор Видман и нижеподписавшиеся провели эксперименты с отравленными пулями. Эти пули, калибр которых 7,65 см, были наполнены ядом в форме кристаллов. Опыты были произведены на пяти лицах, приговоренных к смерти. Каждый из этих осужденных, находящихся в лежачем положении, был подвергнут однократному огнестрельному ранению в верхнюю часть левого бедра. В двух случаях пули прошли насквозь. Эти двое осужденных не подверглись никакому влиянию яда, вследствие чего опыты были забракованы».

Затем я опускаю несколько следующих предложений и перехожу к третьему абзацу отчета:

«Симптомы у трех других лиц были удивительно схожи между собой. Сначала не было заметно никаких особенных изменений. Через 20 — 25 минут начались дрожь и незначительное выделение слюны. Затем все прекратилось. Через 40 — 44 минуты возобновилось выделение слюны в более интенсивной форме, отравленные часто глотали ее. Затем слюна текла в таком количестве, что они не успевали проглатывать ее. Вслед за столь обильными выделениями жидкой слюны началось выделение пенящейся. Затем последовало удушье и началась рвота».

В следующих трех абзацах описывается поведение умирающих. Я процитирую последний абзац первой страницы:

«Одновременно был сильный позыв к рвоте, один из отравленных пытался вызвать рвоту, сунув в рот четыре пальца, но безуспешно. Его лицо стало багровым. Лица двух других отравленных побледнели раньше лица первого. Другие симптомы были аналогичными. Позднее моторные центры усилили свою деятельность настолько, что люди катались по полу, непроизвольно дергали руками и ногами и закатывали глаза. Затем они успокоились, зрачки расширились до максимума, и в таком уже спокойном состоянии обреченные находились некоторое время. У одного из них были обнаружены полная потеря мочи и судорожное состояние. Смерть наступила через 121, 123 и 129 минут после выстрела».

Тот факт, что врачи СС проводили эти опыты, не был случайностью. Это соответствовало идеологии и расовой философии, на основе которой, как сказал Гиммлер, человеческие существа не немецкого происхождения рассматривались как отбросы. Но самое главное было то, что только организация СС могла предоставить необходимое количество жертв для этих опытов. И она действительно поставляла такой «человеческий материал» через ВФХА. Я ссылаюсь на наш документ ПС-1751, это письмо начальника отдела «D» ВФХА, датированное 12 мая 1944 г. Представляю его в качестве доказательства под номером США-468. Цитирую: «Есть основания привлечь внимание к тому обстоятельству, что в каждом случае у нас следует запрашивать разрешение на выделение заключенных для использования их при проведении экспериментов.

В таком запросе должны быть указаны номер заключенного, вид содержания под стражей, а для заключенных-арийцев — точные личностные данные, регистрационный номер в РСХА и основание для содержания в концентрационном лагере.

Настоящим я категорически запрещаю выделение заключенных для экспериментальных целей без разрешения».

В переводе говорится, что подпись неразборчива, но, как мне кажется, в подлиннике видно, что это подпись Глюкса, так как именно он являлся начальником отдела «D» в ВФХА.

Именно на основании того, что существовала возможность поставлять «человеческий материал», имперское министерство финансов было готово субсидировать программу опытов СС. В доказательство я представляю целую серию писем из переписки между министерством финансов, с одной стороны, и врачебным отделом СС и полицией и имперским исследовательским управлением — с другой. Это документ ПС-002, который я представляю в качестве доказательства под номером США-469. Первое письмо, которое я оглашу, является письмом начальника административного совета имперского исследовательского управления, адресованным главному военному врачу СС и полиции 19 февраля 1943 г. Читаю:

«Министр финансов сообщил мне, что вы ходатайствовали о предоставлении для вашего управления и частично для нового исследовательского института 53 единиц штабных должностей и руководящих работников. После того как рейхсмаршал Великой германской империи, занимая пост президента имперского исследовательского управления, взял на себя руководство всей исследовательской работой в Германии, он в числе ряда других распоряжений издал директивы о том, чтобы в целях экономии для выполнения важных научно-исследовательских заданий полностью использовались бы подходящие институты вместе с их оборудованием и персоналом. Поэтому создание новых институтов может быть разрешено только в том случае, если в настоящее время не имеется подходящих для этого учрежде-

ний, которые были бы в состоянии провести исследовательскую работу, имеющую важное военное значение».

На это письмо главный военный врач СС и полиции ответил 26 февраля 1943 г.:

«Подтверждая получение Вашего письма от 19 февраля 1943 г., я сегодня могу ответить следующее: ассигнование средств на 53 руководящие должности моего учреждения было бы поистине полезным делом.

Специальным институтам СС, которые будут частично обеспечены кадрами за счет данного финансирования, должны быть предоставлены особые возможности в области научного исследования, доступные только для СС, чтобы ими могла воспользоваться вся наука».

Опуская следующие два абзаца, я продолжаю:

«Я буду всегда готов разъяснить особые исследовательские цели, связанные с СС, которые я желал бы обсудить по директиве рейхсфюрера СС в связи с послевоенным развитием».

Состоялась встреча главного военного врача Ментзеля с автором оригинала письма. 25 марта 1943 г. Ментзель написал письмо рейхсминистру финансов, которое можно найти на первой странице перевода. Письмо начинается так: «Ссылаясь на Ваше письмо от 19 декабря, на которое я предварительно Вам ответил 19 февраля, я даю следующий окончательный ответ.

Во время личной беседы главный военный врач СС и полиции сказал мне, что бюджет, который находится в его распоряжении, используется главным образом войсками СС. Поскольку он в меньшей своей доле предназначен для расширения научно-исследовательской работы, он используется исключительно в тех случаях, когда во время научно-исследовательских опытов используют заключенных, которые доступны только войскам СС, и поэтому этот бюджет не может быть использован для каких-либо иных целей.

Я от имени имперского исследовательского управления не возражаю против увеличения бюджета, о котором просит главный военный врач СС и полиции».

Таким образом, организация СС играла руководящую роль в экспериментах, потому что она могла располагать «материалом» для проведения опытов.

Председатель: Скажите, вот это письмо на странице 4 означает, что подсудимый Геринг был председателем имперского исследовательского управления?

Фарр: Да, это было так. В письме указывается, что Геринг издал распоряжение о том, что во время войны не следовало бы дублировать проведение экспериментов. Поэтому имперское исследовательское управление, к которому министерство финансов обратилось за советом, запросило главного военного врача, почему он хотел проводить эту программу экспериментов.

Председатель: Я только спросил, был ли подсудимый Геринг председателем исследовательского управления?

Фарр: *Об этом говорится в письме. И, насколько я понимаю, именно так и было.*

Председатель: *Тогда что же означают слова «председатель имперского исследовательского управления» на первой странице?*

Значит ли это, что письмо было послано подсудимому Герингу?

Фарр: *Нет, нет. Это письмо написано на ведомственном бланке председателя имперского исследовательского управления. Оно написано руководителем отдела и адресовано министру финансов.*

Перехожу к следующему вопросу. Своей деятельностью в концлагерях организация СС частично выполняла функции по охране безопасности нацистского режима. Но не следует также забывать и другую, специальную миссию СС. Трибунал вспомнит определение этой задачи, данное Гиммлером. Я ранее ссылался на него — «Предотвращение еврейско-большевистской революции недочеловеков». Говоря просто — участие СС в нацистской программе преследования и уничтожения евреев.

Я напрасно потрачу время, если буду вновь ссылаться на документы, относящиеся к этой программе, поскольку Трибунал уже ознакомился с этими документами день или два назад во время выступления майора Уолша. Я хочу обратить Ваше внимание лишь на несколько документов, которые показывают, что в выполнении этой программы участвовали все отделы и подразделения СС.

Расовая теория, на которой я останавливался с самого начала своего выступления, сделала совершенно естественным участие СС в проведении элементов антисемитской программы. Место СС в проведении антиеврейской программы было установлено публично в газете СС «Дас шварце кор» от 8 августа 1940 г. ее редактором Гюнтером д'Алькуэном; этот документ уже приводился здесь в качестве доказательства (документ ПС-2668, США-269). Я не буду повторять цитату, в которой д'Алькуэн заявляет, что еврейский вопрос не будет разрешен до тех пор, пока из Германии не будет вывезен последний еврей, и что германский мир, который ожидает Европу, должен быть миром без евреев.

Трибуналу уже представлялись документы, характеризующие попытки решить еврейский вопрос в Германии путем так называемых «стихийных» демонстраций вслед за убийством фон Рата в ноябре 1938 года. Все подразделения СС были призваны для того, чтобы сыграть свою роль в этих демонстрациях. Я ссылаюсь на телеграфное распоряжение группенфюрера СС Гейдриха — начальника полиции безопасности и СД. Эта телеграмма была дана 10 ноября 1938 г. (документ ПС-3051). Выдержки из телеграммы уже зачитывались в качестве доказательства. Сейчас я хочу зачитать еще один абзац, который еще не протоколировался. Он находится на второй странице перевода. Цитирую:

«Направление мероприятий полиции безопасности в связи с демонстрациями против евреев возлагается на орга-

ны государственной полиции, поскольку инспекторы полиции безопасности не издают своих собственных приказов. Для проведения этих мер в жизнь могут быть использованы чиновники уголовной полиции, солдаты СД, специальные отряды СС, а также "общие СС"».

С начала войны и вторжения германских армий в Европу организация СС приняла участие в разрешении еврейского вопроса и в других странах Европы. Решение этого вопроса означало по существу уничтожение евреев. В большинстве случаев массовые убийства маскировались под так называемые антипартизанские действия, поэтому их жертвами были не только евреи, но также советские, польские граждане и другие жители территорий на Востоке.

Сейчас я хочу сослаться на действия, которые были направлены главным образом против евреев. Возьмем один пример — массовое уничтожение евреев путем применения душегубок. Об этом говорится в документе ПС-501, который уже зачитывал майор Уолш (США-288). Мне кажется, что этот документ не входит в книгу документов, и я не собираюсь зачитывать его здесь. Я хочу лишь отметить, что душегубки, как явствует из представленных доказательств, находились в распоряжении полиции безопасности и СД под общим руководством РСХА.

Возьмем другой пример — отчет, озаглавленный «Разрешение еврейского вопроса в Галиции» (документ Л-18). Он подготовлен группенфюрером СС, генерал-лейтенантом полиции Катиманом и адресован группенфюреру СС и генералу полиции Крюгеру. Этот документ уже приводился в качестве доказательства под номером США-277. Трибунал вспомнит, что предложенное решение вопроса состояло в эвакуации и уничтожении всех евреев в Галиции и в конфискации всей их собственности; это решение проводилось в жизнь под энергичным руководством СС и руководителей полиции с помощью полицейских отрядов СС. Я хочу огласить три коротких абзаца из этого отчета, которые еще не зачитывались. Я цитирую:

«Как велика была радость бойцов СС, когда рейхсфюрер СС в 1942 году лично посетил лагеря вдоль шоссе».

Второй документ — финансовый отчет. Я читаю третий абзац стр. 17 подлинника этого финансового отчета:

«3. Суммы, выплаченные кассиру СС: а) лагеря — 6 867251,00 злотых; b) промышленные и военные заводы — 6 556 513,69 злотых. Всего 13 423 764,69 злотых. Дальнейшие выплаты кассиру СС проводятся ежемесячно».

Последние два абзаца этого отчета, которые я хотел бы огласить, находятся на странице 64 подлинника. Я читаю:

«Несмотря на невероятное бремя, которое свалилось на плечи каждого полицейского офицера СС в течение этих действий, дух и моральное состояние всех людей оставались с первого и до последнего дня необыкновенно хорошими и достойными всяческой похвалы. Только благодаря этому высокому чувству долга каждого руководителя и каждого рядового нам удалось избавиться от этой чумы за такой короткий срок».

Последний пример, характеризующий участие эсэсовцев в уничтожении евреев, на который я хочу обратить внимание Трибунала, содержится в постыдном отчете бригаденфюрера СС, генерал-майора полиции Штропа об уничтожении еврейского гетто в Варшаве. Это документ ПС-1061. Он был представлен майором Уолшем под номером США-275. Трибунал уже установил, что он примет этот документ как бесспорное доказательство без того, чтобы он целиком зачитывался для протокола. Я поэтому не буду зачитывать остальные части, я хочу только обратить внимание Суда на два раздела, которые дают представление о составе частей, участвовавших в этом ужасном деянии. На первой странице перевода имеется таблица, где приводится список отрядов, которые принимали участие в этой операции.

Председатель: *Она у нас имеется?*

Фарр: *Да, это наш документ ПС-1061. Я хотел обратить Ваше внимание на таблицу. Там приводится среднее количество солдат и офицеров каждого отряда, которые принимали участие в операции, за каждый данный день. Мы заметим, что среди многих отрядов, которые участвовали в этом деле, был также штат руководителя полиции СС, два батальона войск СС («ваффен СС»), два батальона 22-го полицейского полка СС и солдаты полиции безопасности. Роль, которую сыграли войска СС, была высоко оценена автором этого отчета. Трибунал вспомнит абзац, который зачитывал майор Уолш. Там говорится о жестокости войск СС, полиции и регулярных армейских частей. Автор отчета далее говорит: «Принимая во внимание, что большая часть солдат войск СС проходила тренировку только в течение 3—4 недель до того, как их послали на выполнение этого задания, надо отдать должное мужеству, храбрости и преданности делу, которые продемонстрировали эти люди».*

Трибунал уже слышал хвастливое заявление Гиммлера относительно той роли, которую сыграла организация СС в уничтожении евреев. Это выдержка из его речи в Познани (документ ПС-1919), которую я уже зачитывал для протоколирования, представляя материал о концлагерях. Абзац, на который я сейчас хочу сослаться, находится примерно в середине четвертой страницы перевода и на странице 66 подлинника. Поскольку эта часть уже зачитывалась для протоколирования, мне нет необходимости ее оглашать. Я хотел бы только, чтобы Трибунал обратил внимание на заявление Гиммлера о том, что только эсэсовцы были способны провести эту программу уничтожения евреев и что своим участием в проведении этой программы они вписали «новую славную страницу в свою историю, страницу, которую никогда нельзя будет полностью оценить».

Теперь я обращаюсь к вопросу о том, как организация СС участвовала в программе агрессивной войны, подготовленной заговорщиками, а также об ответственности организации СС за преступления против мира, в соответствии с формулировками Обвинительного заключения. С самого начала

организация СС активно способствовала воплощению целей заговорщиков по развязыванию агрессивной войны.

Во-первых, СС являлись одной из военизированных организаций, с помощью которых заговорщики прикрывали создание ими армии в нарушение Версальского договора. Во-вторых, путем присоединения к СС организаций в других странах и с помощью некоторых отделов верховного командования самих СС были созданы пятые колонны вне Германии и, таким образом, расчищен путь для агрессии. В-третьих, военизированные отряды СС принимали непосредственное участие в агрессивных действиях.

Трибунал уже заслушал доказательства преступности СА. Они показывают, что, начиная с 1933 года по 1938 год, штурмовые отряды СА были милитаризованы и фактически являлись не чем иным, как скрытой армией. Некоторые из этих доказательств относятся полностью и к СС. Полувоенный характер «общих СС» совершенно очевиден.

Я уже обратил внимание на военный характер структуры этой организации, военную дисциплину, которая требовалась от ее членов, и на те шаги, которые предпринимались организацией для того, чтобы привлечь в свои ряды молодых людей призывного возраста. В дополнение к этой добровольной армии СС уже в 1933 году организовали хорошо вооруженные профессиональные военные отряды. Это были специальные отряды СС и отряды «Мертвая голова», о которых я уже говорил.

Создавая организацию СС в качестве военной силы внутри Германии, заговорщики использовали также эсэсовцев в других странах для того, чтобы заложить фундамент для предстоящей агрессии.

Документы, представленные господином Олдерманом относительно подготовки к захвату Австрии, показывают, какую роль играл «Полк 89» СС в убийстве Дольфуса, и описывают мемориальную доску, которая была установлена в память бойцов СС, участвовавших в этом убийстве. Я ссылаюсь на документы Л-273, ПС-2968, США-59 и США-60, которые уже представлялись господином Олдерманом.

Трибунал помнит, каковы были последующие события после ночи 11 марта 1938 г., когда отряды СС вошли в Вену, заняли все государственные здания и важнейшие пункты в городе. Эти события описаны в документе США-61, ПС-812 (это отчет гаулейтера Рейнера, который уже зачитывался господином Олдерманом), а также в документе ПС-2949, США-76 — записи телефонного разговора между подсудимым Герингом и Домбровским.

Подобный же план проводился в Чехословакии. «Свободный корпус» Генлейна играл в этой стране роль пятой колонны аналогично той роли, которую австрийские СС играли в Австрии; в награду Свободный корпус Генлейна в сентябре 1938 года был передан под юрисдикцию рейхсфюрера СС. Я ссылаюсь на документ США-26. Это разделы 37 и 38 так называемой «папки Шмундта». Сюда также относится и раздел 36 той папки, который был зачитан госпо-

дином Олдерманом. Из него явствует, что вооруженные части СС — четыре батальона «Мертвая голова», — фактически действовали в Чехословакии до того, как был подписан Мюнхенский пакт.

Подготовка организации СС к агрессии в Чехословакии не ограничивалась действиями военных частей. Один из отделов верховного командования СС — управление по переселению немцев, проживающих вне Германии, — который показан на схеме в третьей клетке сверху справа, был фактически центром, направляющим действия пятой колонны. Трибунал помнит секретное совещание между Гитлером и Генлейном в марте 1938 года, которое было записано в заметках германского министерства иностранных дел (документ США-95). На этом совещании определилась линия, которой должна следовать партия судетских немцев. Управление по переселению немцев, проживающих вне Германии, было представлено на этом совещании профессором Гаусгофером и обергруппенфюрером СС Лоренцем. Министерство иностранных дел в августе 1938 года удовлетворило просьбу Генлейна о дальнейших субсидиях партии судетских немцев. Меморандум о рекомендациях предоставить дальнейшие субсидии содержит следующее знаменательное примечание: «"Фольксдейче Миттельштелле" будет проинформировано...».

Я ссылаюсь на документ ПС-3059, США-96, который уже оглашался для протоколирования господином Олдерманом. Когда, наконец, пришло время для удара, эсэсовцы были готовы. Я цитирую национал-социалистский ежегодник за 1940 год (документ под номером ПС-1664, США-255).

«Когда начался марш в освобожденную Судетскую область в тот памятный день 1 октября 1938 г., специальные отряды СС, а также отряды "Мертвая голова" шли во главе наступающих войск».

Здесь я пропускаю последнюю часть этого абзаца и продолжаю читать со следующего абзаца:

«15 марта 1939 г. отряды СС нашли себе подобное же применение для того, чтобы установить порядок в потерпевшей крах Чехословакии. Эти операции закончились созданием протектората Богемия и Моравия. Через неделю после этого 22 марта 1939 г. Мемель был возвращен империи на основе соглашения с Литвой.

И снова СС, главным образом восточнопрусская организация СС, играла очень важную роль в освобождении этой провинции».

В последнем акте развязывания войны, при нападении на Польшу в сентябре 1939 года, эсэсовцы действовали как своего рода постановщики спектакля. Трибунал вспомнит устные показания Эрвина Лахузена, который говорил об инсценировке нападения на радиостанцию в Глейвитце, инсценировке, совершенной немцами, одетыми в польскую форму. Лахузен назвал это одним из наиболее таинственных событий, которые когда-либо имели место в разведке. Описывая поставленную перед ним задачу получения поль-

ской военной формы и амуниции, он сказал (я цитирую его показания, стр. 620):

«Все эти вещи должны были быть готовы, и однажды какой-то представитель СС или СД (имя его имеется в официальной книге посетителей военного управления) пришел для того, чтобы получить их».

Началась война, и войска СС («ваффен СС») с первого же дня шли в авангарде наступающих войск. В течение войны нашли широкое применение «особые качества», присущие эсэсовцам, «особые качества» не только войсковых частей СС, но и других подразделений этой организации.

Я теперь обращаю внимание Трибунала на некоторые задачи, которые должна была разрешить организация СС в течение войны. Выполнение этих задач являлось по существу совершением военных преступлений и преступлений против человечности, как они определены в Обвинительном заключении.

Трибунал уже принял доказательство под номером ПС-447, США-135. Это — директива, изданная подсудимым Кейтелем 13 марта 1941 г. Она охватывает некоторые приготовления к нападению на Советский Союз, которые проводились уже за три месяца до начала военных действий. Параграф 36 этой директивы, которая зачитывалась для стенограммы, гласит, что рейхсфюреру СС поручается подготовка политической администрации на территории, где будут происходить операции. Эта задача, говорилось в директиве, возникает в результате предстоящей борьбы между двумя противоположными политическими системами.

Одним из шагов, предпринятых рейхсфюрером СС для разрешения этих «специальных задач», было создание и применение так называемых антипартизанских отрядов. О них говорил в своей речи в Познани Гиммлер (документ ПС-1919) (стр. 52 подлинника). Я зачитываю те два абзаца, где речь идет об антипартизанских отрядах.

«В то же самое время я также учредил должность начальника антипартизанских отрядов. Наш товарищ обергруппенфюрер СС фон дем Бах-Зелевский будет занимать этот пост. Я считал необходимым, чтобы рейхсфюрер СС являлся верховным руководителем всех этих операций, потому что убежден, что мы можем лучше всех других предпринимать меры против этого метода борьбы с нами, который, конечно, является политическим методом. Везде, кроме тех мест, где наши специально вооруженные и обученные для этой цели отряды были взяты у нас в качестве пополнения для фронта, наши действия протекали весьма успешно».

Примечательно, что, формируя это ведомство с последовательным привлечением дивизий, корпусов, армии, мы добились для СС следующей более высокой ступени — создания высшего командования армии или даже группы армий, если хотите это так назвать». Что СС делало со своими дивизиями, корпусами и армиями, из которых форми-

ровались антипартизанские отряды, видно из отчетов, посвящавшихся деятельности таких отрядов.

Я представляю в качестве доказательства оперативную сводку № 6 специальных отрядов полиции безопасности и СД, действовавших на захваченных территориях СССР, которая охватывает период с 1 по 31 октября 1941 г. (документ Р-102, США-470). Эта сводка показывает, что термин «антипартизанская деятельность» фактически означал уничтожение, истребление людей, ненадежных с точки зрения немцев в политическом отношении, и уничтожение евреев. Эта сводка содержит весьма подробное и систематическое описание такого истребления. Первый раздел показывает расположение отдельных отрядов специальных войск, принимавших участие в этих операциях. Второй раздел описывает их деятельность. Последний раздел подразделяется на несколько частей. Каждая из них содержит описание действий в определенных районах: прибалтийских республиках, Белоруссии и Украине. В каждом из этих районов деятельность специальных отрядов характеризуется тремя моментами: а) партизанские действия и контрмеры, b) аресты и казни коммунистов и чиновников, с) уничтожение евреев.

Я прочитаю лишь несколько наиболее характерных абзацев, которые беру просто наугад. Для того чтобы показать, какие именно подразделения принимали участие в операциях, я процитирую абзацы 2 и 3 четвертой страницы перевода. В подлиннике это первая страница.

«В операциях участвовали следующие подразделения: специальные отряды "А" начиная с 7 октября 1941 г. в Красногвардейске. Продолжают действовать в Смоленске специальные отряды "В" с 27 сентября 1941 г., действуют в Киеве специальные отряды "С" начиная с 27 сентября 1941 г., в Николаеве — специальные отряды "D". Специальные эйнзатцкоманды и зондеркоманды, прикомандированные к специальным отрядам, продолжают двигаться вместе с наступающими войсками в районы, которые им предписано занять».

Я прочитаю теперь выдержку из раздела «Прибалтийские территории», подраздел, озаглавленный «Евреи».

«Все мужчины еврейского происхождения старше 16 лет, кроме старост и врачей, были уничтожены. Сейчас эта чистка все еще продолжается. После того как она будет закончена, на восточной территории останется только 500 еврeек и детей».

Теперь я перехожу к разделу «Белоруссия», к подразделу «Партизанская деятельность и контрмеры». Я читаю пятый абзац шестой страницы перевода:

«В Вульчине было арестовано и расстреляно восемь еврейских подростков. Они были захвачены как партизаны. Все восемь были воспитанниками детского дома. Они собирали оружие, которое прятали в лесу. При обыске было обнаружено следующее: 3 тяжелых пулемета, 15 винтовок, несколько тысяч единиц боеприпасов, несколько ручных гранат и несколько упаковок с отравляющим газом "Эльбрит".

b) Аресты и казни коммунистов, чиновников и преступников. Очень важная часть деятельности полиции безопасности была посвящена борьбе с коммунистами и преступниками. Специальная команда за период, охватываемый этим докладом, казнила 63 человека: агентов НКВД и агитаторов».

Этот подраздел, касающийся арестов и казней коммунистов, чиновников и «преступников» в Белоруссии, заканчивается следующим абзацем: «За период, охватываемый этим отчетом, ликвидировано 37 180 человек».

Я хотел бы, наконец, процитировать выдержки из раздела «Украина», подраздел «Евреи».

«В Житомире должно быть расстреляно 3145 евреев потому, что из опыта известно, что всех их следует рассматривать как носителей большевистской пропаганды и саботажников».

Эта сводка, как помнит Трибунал, касается деятельности четырех специальных эйнзатцгрупп, групп «А», «В», «С» и «D». Более подробный отчет о действиях эйнзатцгруппы «А» до 15 октября 1941 г. содержится в нашем документе Л-180. Он уже представлялся в качестве документального доказательства. Несколько абзацев из этого документа были уже зачитаны для протокола. На него снова будут ссылаться в процессе представления доказательств против гестапо. Сейчас я только хочу зачитать два абзаца, которые показывают, какие части СС входили в эти эйнзатцгруппы. Я хотел бы обратить внимание Суда на то, что этот отчет имеет приложение, в котором графически показаны все группы и отряды, участвовавшие в такого рода действиях. Прежде всего я процитирую четвертый абзац со страницы пятой перевода.

Председатель: Представленный Вами отчет касается истребления евреев в Галиции?

Фарр: Это отчет оперативной группы «А», антипартизанского отряда, действовавшего в Прибалтике в 1941 году.

«Этот подробный обзор ситуации показывает, что служащие тайной государственной полиции (гестапо), КРИПО (уголовной полиции) и СД (службы безопасности), которые приданы специальным отрядам, действуют активно главным образом в Литве, Латвии, Эстонии, Белоруссии и в меньшей степени — близ Ленинграда. Он показывает также, что регулярные части полиции и «ваффен СС» под командой своих собственных офицеров действуют главным образом в районах Ленинграда для того, чтобы принимать меры против возвращающегося населения. Операции там значительно упрощаются потому, что специальные отряды в Литве, Латвии и Эстонии имеют в своем распоряжении местные полицейские отряды, как это описано в приложении № 1, а также по той причине, что в Белоруссию на данном этапе направлено в порядке пополнения 150 латвийских отрядов. Распределение руководящего состава полиции безопасности и СД в каждом отдельном случае может быть установлено из приложения № 2. Характер и размер операции специальных отрядов и специальных подразделений можно видеть из приложения № 3. Следует упомянуть, что руководи-

тели вооруженных частей СС и регулярной полиции, которые находятся в резерве, выразили желание остаться в составе полиции безопасности и СД».

Я цитирую теперь приложение № 1а, о котором уже говорилось и которое показывает структуру и состав специальных частей. Это страница 14 перевода. Сейчас я приведу цитату:

«Численный состав специальной группы "А". Всего — 990. Из них: войсковые части СС ("ваффен СС") — 340 (34,4%), моторизованные части и велосипедисты — 172 (17,4%), административный состав — 18 (1,8%), служба безопасности (СД) — 35 (3,5%), уголовная полиция (КРИПО) — 41 (4,1%), государственная полиция (гестапо) — 89 (9%), вспомогательная полиция — 87 (8,8%), полиция порядка — 133 (13,4%), обслуживающий персонал (женщины) — 13 (1,3%), переводчики — 51 (5,1%), телеграфисты — 3 (0,3%), радиосвязисты — 8 (0,8%)».

Трибунал заметит, что в эту группу входили «ваффен СС», СД, уголовная полиция, гестапо и полиция порядка. Все они являлись подразделениями СС или находились под юрисдикцией СС.

Наконец, последнее сообщение о контрпартизанской деятельности, на которое я хочу здесь сослаться. Это отчет генерального комиссара Белоруссии имперскому министру по делам оккупированных восточных территорий. Отчет находится в книге документов под номером, как мне кажется, ПС-1475, по нашей нумерации Р-135. Этот документ уже представлялся в качестве доказательства майором Уолшем под номером США-289. Майор Уолш зачитал для протокола письмо имперского комиссара по делам оккупированных восточных территорий. Это письмо находится на первой странице перевода. Я хочу прочитать два-три абзаца из самого отчета. Они находятся на третьей странице перевода. Там говорится о результатах полицейской операции, обозначавшейся термином «Коттбус». Абзац первый:

«Бригадефюрер СС генерал-майор полиции фон Готтберг сообщает, что в течение указанного периода операция «Коттбус» имела следующие результаты: убитых у неприятеля — 4500 человек, убитых, предположительно принадлежащих к бандам, — 5 тысяч человек, убитых немцев — 59».

Считаю ненужным продолжать этот список.

Я перехожу к четвертому абзацу:

«Упомянутые выше цифры показывают, что опять следует ожидать больших потерь населения. Если при количестве 4500 убитых врагов на поле боя было подобрано только 492 винтовки, то из самого этого несоответствия совершенно очевидно, что среди убитых было множество местных крестьян. Батальон Дирлевангера в особенности славится тем, что физически истребляет население. Среди 5 тысяч человек, подозревавшихся в принадлежности к бандам, было очень много женщин и детей.

По приказу начальника отрядов по борьбе с бандами обергруппенфюрера СС фон дем Баха в этой операции

также принимали участие регулярные армейские подразделения».

Трибунал помнит, что обергруппенфюрер СС фон дем Бах упоминался в речи Гиммлера в Познани как «товарищ по партии», которому было поручено руководство так называемой контрпартизанской деятельностью.

Операции, о которых я только что говорил, являлись плодом коллективной деятельности гестапо, полиции порядка, СД, войск СС, но каждая из этих групп использовалась также индивидуально для того, чтобы выполнять различные задачи такого характера.

Я представляю в качестве доказательства письмо начальника управления войск СС (документ ПС-1972, США-471). Это письмо датировано 14 октября 1941 г. и адресовано рейхсфюреру СС. Оно содержит «Промежуточный отчет о проведении чрезвычайного положения для гражданского населения». Цитирую текст письма:

«Сообщаю следующее относительно деятельности войск СС в протекторате Богемия и Моравия. В течение чрезвычайного положения для гражданского населения все батальоны войск СС в протекторате Богемия и Моравия поочередно применялись для расстрелов, а также для производства повешений. До сих пор было произведено в Праге 99 расстрелов и 21 повешение; в Брюнне — 54 расстрела и 17 повешений. Всего 191 казнь (в том числе было казнено 16 евреев). Полный рапорт относительно других мер и поведения офицеров, унтер-офицеров и солдат будет подан после того, как будет снято чрезвычайное положение для гражданского населения».

Нет ничего удивительного, что войсковые части СС и группы, которые занимались уничтожением и казнями гражданского населения, нарушали также законы и обычаи ведения войны во время обычных военных действий.

Я представляю теперь в качестве доказательства дополнительный отчет следственной комиссии верховного командования экспедиционных сил союзников относительно расстрела союзных военнопленных, произведенного 12-й танковой дивизией СС в Нормандии (Франция) в период с 7 по 21 июня 1944 г. (документ ПС-2997, США-472). Это официальный протокол заседания и решение следственной комиссии. Мы включили этот материал в нашу книгу документов и перевели его на немецкий язык. Статья 21 Устава гласит, что Трибунал будет принимать без доказательств документы и акты комитетов, которые созданы в различных союзных странах для расследования военных преступлений, протоколы и приговоры военных и других трибуналов каждой из Объединенных Наций. Отчет следственной комиссии полностью подходит под данную статью, поэтому я не буду зачитывать выдержки и дам здесь только краткий обзор его содержания.

Суд, о котором я говорю, рассматривал дело о семи случаях нарушения законов войны, совершенных в Нормандии в период с 7 по 21 июня 1944 года.

«Имели место семь случаев нарушения правил ведения войны, включая расстрел 64 безоружных союзных военнопленных в военной форме. Многие из них были ранены, причем расстрел не явился следствием их сопротивления или попыток к бегству. Исполнителями этой казни были солдаты 12-й танковой дивизии СС, так называемой дивизии Гитлерюгенд. Солдаты 15-й роты 25-го танкового полка этой дивизии СС получили секретные указания в бою не брать пленных, а тех, кто захвачен, расстреливать после допроса. Подобные же приказы были даны солдатам 3-го батальона 26-го танкового гренадерского полка СС, а также 12-му инженерно-разведывательному батальону СС».

Из этого неизбежно должен был следовать и такой вывод, который был ясен для всей дивизии, а именно, что политика расстрела пленных после допроса откровенно одобрялась нацистами. Другие воины подобным же образом погибли от рук других солдат СС. Я имею в виду казни союзных летчиков коммандос и парашютистов, а также спасшихся бегством военнопленных, которые снова передавались в СД для уничтожения. Все документы по этому вопросу будут представлены позже при представлении доказательств преступности гестапо. При представлении этих доказательств мы покажем, что в лагерях для военнопленных были учреждены специальные группы, которые отбирали военнопленных, как говорили нацисты, для «специального обращения».

И, наконец, весь контроль над военнопленными был передан рейхсфюреру СС. Я уже представил в качестве доказательства документ ПС-058, подтверждающий, что всеми лагерями для военнопленных руководит Гиммлер.

Следует остановиться на последней, но весьма важной цели заговора, в осуществлении которой части СС играли важную роль, — это колонизация вновь захваченных территорий, уничтожение их национальной сути, закрепление как постоянного статуса расширения границ Германии — таковы были фундаментальные цели планов заговорщиков. Трибунал уже получил доказательства того, каким образом эти цели проводились в жизнь: путем насильственной эвакуации и переселения населения оккупированных территорий, путем конфискации собственности жителей, путем денационализации и перевоспитания лиц немецкой крови, а также путем колонизации захваченных немцами территорий.

Было совершенно логично, что именно организация СС проводила в жизнь эту программу. Я читал для протоколирования многочисленные заявления Гиммлера относительно специальной тренировки эсэсовцев, которые должны были стать господами новой Европы. Он провел свои теории в жизнь после того, как был назначен 7 октября 1939 г. имперским комиссаром по консолидации германской национальности. Трибунал помнит декрет, которым он был назначен на этот пост, документ уже приводился в качестве доказательства под номером ПС-686, США-305. Поэтому я не буду его зачитывать.

Для того чтобы наметить и провести в жизнь планы эвакуации и переселения, был учрежден новый отдел верховного командования СС — штаб рейхскомиссара по консолидации германской нации. Задачи этого отдела сформулированы в уставе нацистской партии за 1943 год (документ ПС-2640). Он уже представлялся в качестве доказательства под номером США-323. Я зачитаю выдержку, иллюстрирующую деятельность и задачи этого нового отдела:

«Главное управление штаба имперского комиссара по вопросам консолидации германской нации должно проводить всю плановую подготовку и самое переселение для включения в рейх всех тех территорий, которые находятся под властью империи; оно должно также разрешать все национальные и экономические вопросы, связанные с переселением, в особенности в тех случаях, когда для этой цели необходимо снятие с работы рабочих».

Программа колонизации имела две определенные цели. Во-первых, уничтожение завоеванных народов путем их физического истребления, вывоза их и конфискации их собственности. Во-вторых, расселение чистокровных немцев на вновь захваченной территории.

Проводившиеся эсэсовцами операции по уничтожению, о которых я сейчас говорил, частично служили также для цели очищения захваченных территорий от людей, которые рассматривались как опасные для осуществления нацистского заговора. Но не все нежелательные элементы могли быть ликвидированы. Массовые вывозы служили поэтому двойной цели: во-первых, предоставляли рабочие руки для Германии и, во-вторых, освобождали земли для германских колонистов.

Я уже приводил документы об участии организации СС в отправке в концлагеря. Эвакуация и переселение требовали, однако, специальной организации, которая занималась бы этими вопросами. Я цитирую сейчас справочник организаций национал-социалистской партии за 1941 год (документ ПС-2163, США-444):

«В течение некоторого времени рейхсфюрер СС имеет в своем распоряжении специальное управление, возглавляемое обергруппенфюрером СС Лоренцем, — главное управление по переселению немцев, проживающих вне Германии ("Фольксдейче Миттельштелле")».

Задачей данного ведомства было решение проблем немцев, проживающих вне Германии, и сбор требуемых доказательств.

В дополнение в «Фольксдейче Миттельштелле» были созданы такие организации, как иммиграционный центр, находящийся в ведении начальника полиции безопасности и службы безопасности (под управлением оберштурмбанфюрера СС доктора Зандбергера), и штаб имперского комиссара по расселению; в сотрудничестве с национал-социалистской благотворительной организацией и имперским железнодорожным ведомством указанные организации ведали миграцией немцев, проживавших за пределами Германии.

Я также представляю в качестве доказательства аффидевит Отто Хоффмана, обергруппенфюрера СС и генерала «ваффен СС» и полиции, документ Л-49. Представляю документ под номером США-473. Хоффман до 1943 года занимал пост начальника главного управления по вопросам расы и расселения в верховном командовании СС. Данный аффидевит был получен 4 августа 1945 г. во Фрейзинге, Германия. Оглашу абзац 2 этого аффидевита:

«Исполнительная власть, иными словами, осуществление всех так называемых операций по переселению, т.е. высылка с территории Польши, предназначенной для германизации, всех польских и еврейских поселенцев и поселенцев негерманской крови, находилась в руках шефа РСХА (Гейдриха, а позднее, с конца 1942 года — Кальтенбруннера). Шеф РСХА также осуществлял надзор за так называемым Иммиграционным центром и издавал для него приказы; этот центр производил классификацию немцев, проживавших за границей и возвращавшихся в Германию, и направлял их на конкретные фермы, которые к этому времени уже были освобождены. Эта последняя акция осуществлялась по согласованию с главным управлением штаба рейхсфюрера СС».

Другие управления СС также принимали участие в проведении программы вывоза населения. Трибуналу уже был представлен документ ПС-1352, США-176. Это отчет о мероприятиях по конфискации польских сельскохозяйственных имений, датированный 22 мая 1940 г. и подписанный «Куше». Часть этого документа, касающаяся конфискации польской сельскохозяйственной собственности и вывоза ее владельцев в Германию, уже зачитывалась для протоколирования. Я зачитаю только один абзац, показывающий, какие подразделения СС участвовали в этой операции. Вопрос касается вывоза польских крестьян. Цитирую:

«Средства для транспортировки по железной дороге могут быть получены, во-первых, от учреждений восточногерманской корпорации сельскохозяйственного развития, во-вторых, от школы при управлении СС по вопросам немецкой национальности в Люблинице, из концлагеря в Освенциме. Эти два последних места будут также специально выделять в день конфискации солдат СС для проведения этой операции».

Из протокола заседания от 4 августа 1942 г., на котором рассматривался вопрос о вывозе эльзасцев, явствует, до какой степени почти все управления верховного командования СС занимались вопросами выполнения программы эвакуации (документ Р-114, США-314. Он уже представлен в качестве доказательства). Я зачитаю только список лиц, присутствовавших на этом заседании, и представленных на нем организаций. Этот список приводится в самом начале документа Р-114:

«Протокол совещания от 4 августа 1942 г., тема совещания: общее руководство по обращению с вывезенными эльзасцами.

Присутствовали: гауптштурмфюрер СС доктор Штир, гауптштурмфюрер СС Петри, Р.Р. Гофман, доктор Шерлер, унтерштурмфюрер СС Ферстер».

После этих имен сделана общая пометка: «Ставка верховного командования». Затем следует: «Оберштурмфюрер СС доктор Хенрихс, глава переселенческого управления Страсбурга штурмбаннфюрер СС Брукнер, управление по содействию расовым немцам — гауптштурмфюрер СС Хуммеш, главное имперское управление безопасности — унтерштурмфюрер СС доктор Зидер, главное управление по расовым вопросам и переселению — доктор Лабес».

Эсэсовцы не только уничтожали и вывозили население с захваченных ими территорий и конфисковывали их собственность, они также заселяли новые районы так называемыми расовыми немцами. Однако не все немцы считались надежными колонистами. Те, которые не считались таковыми, возвращались в Германию для того, чтобы подвергнуться «регерманизации» и перевоспитанию в духе национал-социалистской идеологии. Типичным примером судьбы таких немцев может явиться судьба тех, о которых говорится в документе Р-112, представленном уже в качестве доказательства под номером США-309. Это декрет имперского комиссара по вопросам консолидации немецкой нации. Как Трибунал, вероятно, помнит, он касался обращения с так называемыми «ополяченными» немцами. Говоря словами этого декрета, еще на два отдела СС была возложена ответственность за проведение программы «регерманизации» — на руководство СС и полиции. Я полагаю, что мне нет необходимости цитировать этот документ, поскольку части его уже оглашались.

Хочу обратить особое внимание Суда на раздел III декрета и раздел IV декрета (стр. 7 перевода); оба раздела свидетельствуют о том, что за операции по регерманизации несли ответственность высшее руководство СС, полиции и гестапо.

На конечной стадии в мероприятиях по заселению захваченных земель расовыми и политически надежными немцами принимали участие и другие подразделения СС. Я снова цитирую документ ПС-2163, США-444 — «Сборник организаций национал-социалистской партии за 1941 год»:

«Многочисленные руководители СС и солдаты войск СС оказывали необходимую помощь в проведении этой систематической эмиграции населения, которая не имеет себе равной в истории. Были трудности административного характера, которые, однако, преодолевались. Правильное ее проведение гарантировалось участием в ней СС. Как правило, эта процедура, называемая «Дурхшлеузунг» (шлюзование), занимала 3—4 часа. Каждый переселенец проходил несколько канцелярий, которые следовали одна за другой в следующем логическом порядке: канцелярия по регистрации, картотека, отдел фотографирования и выдачи документов, отдел по вопросам собственности, наследственно-биологический отдел и отдел санитарной проверки. Пос-

ледний отдел был поручен врачам и медицинскому персоналу СС и армии.

Солдаты и офицеры СС, привлеченные для работы по переселению, отбирались главным образом из альпийских частей СС, из северо-западных частей СС, из частей СС балтийских районов, юга, юго-востока, из главного управления СС, из института по национально-политическому воспитанию (Вена) и из кавалерийской школы в Гамбурге».

Я опускаю следующие три абзаца и читаю определение, данное в этом сборнике, роли эсэсовцев в проведении программы колонизации: «Расселение, устройство и забота о вновь обретенном на освобожденных восточных территориях крестьянстве всегда будет главной задачей СС».

Выросшая в процессе своего развития из группы сильных, вооруженных телохранителей, достигавшей 200 человек, в сложную организацию, принимавшую участие во всех сферах нацистской деятельности, СС продвинула своих членов на высокие посты, а лица, занимавшие высокие посты, получили должности в СС.

Из подсудимых, обвиняемых по данному делу, семь имели высокие ранги в СС. Это подсудимые Риббентроп, Гесс, Кальтенбруннер, Борман, Заукель, Нейрат и Зейсс-Инкварт. Важная роль, которую играл подсудимый Кальтенбруннер в СС, СД и всей системе полиции безопасности, будет продемонстрирована доказательствами, которые будут предъявлены в конце представления документов по гестапо. Что касается остальных шести подсудимых, которых я назвал, то я хочу обратить внимание Трибунала на самый факт их принадлежности к СС. Этот факт следует принять без доказательств.

Доказательства этого факта заключены в двух официальных изданиях, которые я здесь представляю Трибуналу.

Первое — это черная книга, список членов СС на 1 декабря 1936 г.

В этой книге имеется список членов СС, составленный в соответствии с их рангами. Я представляю его в качестве доказательства под номером США-474. На восьмой странице этого издания стоит имя «Гесс, Рудольф»; за этим следует примечание: «По распоряжению фюрера пользуется правом носить форму обергруппенфюрера СС».

Сейчас я представляю Вам тот же список в издании 1937 года как документ США-475. Откройте страницу 10, где стоит имя «Борман, Мартин». Против его имени написано: «группенфюрер» и стоит дата — 30 января 1937 г.

В том же издании на странице 12 стоит имя «фон Нейрат, Константин» и на противоположной странице в графе под заголовком «группенфюрер» имеется дата — 18 сентября 1937 г. Я ссылаюсь и на другое издание — справочник по германскому рейхстагу, это документ ПС-2381, представляемый как США-476. На стр. 349 значится: «фон Риббентроп, Иоахим, имперский министр иностранных дел, обергруппенфюрер СС», «Заукель, Фриц, гаулейтер Тюрингии, обергруппенфюрер СС», «Зейсс-Инкварт, Артур,

доктор юридических наук, имперский министр, обергруппенфюрер СС». Этот справочник охватывает период с 10 апреля 1938 г. по 30 января 1941 г.

Я хотел бы указать, что ранги подсудимых, которые указаны в изданиях 1936 и 1937 гг., возможно, не являются последними рангами, которые они имели. Они были группенфюрерами в то время, следовательно, членами СС, как это указано в книге.

Мы утверждаем, что организация СС, как это определено в приложении «В» Обвинительного заключения, была преступной организацией. В качестве организации, основанной на том принципе, что лица «германской крови» принадлежат к «господствующей расе», она была практическим воплощением основной нацистской доктрины. Она служила одним из средств, при помощи которых заговорщики захватили власть в Германии. Деятельность частей СД и соединений «Мертвая голова» в концентрационных лагерях была средством, которое использовали заговорщики для того, чтобы обеспечить свой режим и терроризировать своих противников, как это утверждается в Обвинительном заключении, раздел первый.

С самого начала все категории членов СС участвовали в нацистской программе уничтожения евреев. Через «общие СС», которые являлись полувоенной организацией, вооруженные части СС, соединения СС «Мертвая голова», которые являлись профессиональными боевыми силами, и «Фольксдейче Миттельштелле», которая являлась пятой колонной, организация СС участвовала в военной подготовке к агрессивной войне и своими военизированными соединениями — в ведении агрессивной войны на Западе и на Востоке, как об этом говорится в разделах I и II Обвинительного заключения.

В течение этой войны все составные части СС участвовали в военных преступлениях и в преступлениях против человечности, о которых говорится в разделах III и IV Обвинительного заключения: в убийствах гражданских лиц и жестоком обращении с ними на оккупированных территориях, в убийствах военнопленных и жестоком обращении с ними, в германизации оккупированных территорий.

Как явствует из представленных Суду доказательств, СС была объединенной организацией. Некоторые из ее функций, конечно, выполнялись одними отделениями, отделами или управлениями, а другие функции — другими. Ни одно отделение или отдел не участвовали во всех областях ее деятельности. Но все отделения, отделы или управления были необходимы для функционирования организации в целом. Положение здесь во многих отношениях такое же, как и положение отдельных обвиняемых, которые находятся на скамье подсудимых. Не все участвовали в каждом акте заговора, но мы утверждаем, что все они внесли свою долю в общий преступный план и его реализацию.

Представленные доказательства продемонстрировали, что организация СС была основана на принципе доброволь-

ного вступления, а к подающим заявление о вступлении применялись самые строжайшие меры отбора. Было нелегко стать членом СС. Это относилось ко всем категориям соединений СС. Мы, конечно, признаем, что в ходе войны, по мере того как возрастала нужда в людях и потери среди войск СС становились все более ощутимыми, были случаи, когда некоторые лица, призванные по принципу обязательной воинской повинности, направлялись в СС, а не в вермахт, но таких случаев было сравнительно мало. Данные относительно норм набора в войска СС в 1943 году, которые я цитировал вчера, показали, что членство в этой категории было в основном добровольным и сопровождалось таким же строгим отбором, как и в других подразделениях СС. Вне всякого сомнения, некоторые члены СС или других организаций, обвиняемых в том, что они преступные организации, могли бы пожелать доказать то, что их участие в этой организации было незначительным и безвредным, что какие-либо особые обстоятельства принудили их просить о принятии в члены СС, что они полностью не сознавали ее целей или что они были в состоянии психической невменяемости в то время, когда они стали членами СС.

Подобные факты могли быть сочтены относящимися или не относящимися к делу, если бы такие лица находились перед судом. Во всяком случае, здесь не место разбирать такие вопросы.

Задача настоящего Трибунала заключается лишь в том, чтобы определить, была или нет организация СС преступной. Доказательства окончательно раскрыли цели, задачи и деятельность организации СС. Некоторые из этих целей были сформулированы в изданиях, которые я цитировал Суду. Деятельность СС была настолько всеобъемлющей и гласной, охватывала так много сфер преступных действий, что беззаконность организации не могла остаться скрытой. Является общеизвестным тот факт, что сам Гиммлер еще в 1936 году признал это.

В цитате, которую я уже цитировал Трибуналу, Гиммлер признает:

«Я знаю, что в Германии есть люди, которым становится дурно, когда они видят наши черные мундиры. Нам известно, почему это так, и мы не ждем, что слишком много людей будут любить нас».

Мы утверждаем, что во все времена исключительной функцией и целью организации СС было проведение в жизнь общих целей подсудимых-заговорщиков. Ее деятельность по исполнению этих функций включала в себя совершение преступлений, указанных в статье 6 Устава. Принимая во внимание цели и средства, использованные СС при совершении этих преступлений, СС должны быть объявлены преступной организацией в соответствии с девятой статьей Устава Трибунала.

Представление доказательств преступности гестапо представителем обвинения от США полковником Р. СТОРИ

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 20 декабря 1945 г. и 2 января 1946 г.

Господа судьи, мы переходим к представлению доказательств преступности гестапо.

Прежде всего мы передаем Трибуналу книгу документов в двух томах.

Представление доказательств преступности гестапо включает также доказательства преступности СД[1] и СС, поскольку многие преступные действия этих организаций были переплетены между собой. В Обвинительном заключении, как господа судьи знают, СД включена в состав СС, так как эта организация возникла как часть СС и всегда сохраняла свой характер партийной организации в отличие от гестапо, которое было государственной организацией. Однако, как покажут доказательства, гестапо и СД были весьма тесно связаны между собой. Если СД действовала преимущественно как орган по сбору информации, то гестапо являлось исполнительным органом полицейской системы, созданной нацистами для борьбы с политическими противниками нацистского режима. Короче говоря, я думаю, что мы можем рассматривать СД как разведывательную организацию, а гестапо как исполнительный орган, причем первая является партийной, а вторая — государственной организацией. Однако в выполнении практических задач они объединялись.

Гестапо и СД вместе составляли мощную централизованную политическую систему полиции, которая служила интересам партии, государства и нацистского руководства.

Государственная тайная полиция, или гестапо, была впервые создана в Пруссии 26 апреля 1933 г. подсудимым Герингом. На нее была возложена задача выполнять обязанности политической полиции совместно с регулярными полицейскими властями или вместо них. Гестапо было наделено высшей полицейской властью, оно подчинялось только министру внутренних дел, на которого возлагалась ответственность за руководство. Это обстоятельство устанавливается извлечением из свода прусских законов, которое имеется в нашем документе ПС-2104.

В тот же день министр внутренних дел издал декрет о реорганизации полиции. Этим декретом в каждом админи-

[1] Доказательства преступности СД не рассматривались самостоятельно, а ввиду тесного переплетения деятельности организаций СД, СС и гестапо были представлены при обосновании преступности СС и гестапо. — **Прим. сост.**

стративном округе Пруссии создавалось бюро государственной полиции, подчинявшееся бюро государственной тайной полиции в Берлине; в подтверждение этого я ссылаюсь на Министерский вестник по внутренней администрации Пруссии, 1933 г., стр. 503, это документ ПС-2371.

По поводу создания гестапо подсудимый Геринг в 1934 году заявил — цитирую по «Созданию нации», 1934 г., стр. 88, наш документ ПС-2344:

«В течение многих недель я лично занимался реорганизацией полиции и, наконец, основываясь на своем собственном решении и своих собственных соображениях, создал организацию государственной тайной полиции. Это орудие, которого так боятся враги государства, сыграло большую роль в достижении такого положения сегодня, когда больше не может идти речи о коммунистической, или марксистской, опасности в Германии и Пруссии».

Председатель: *Когда это было?*

Стори: *В 1934 году.*

30 ноября 1933 г. Геринг издал приказ, согласно которому гестапо подчинялось непосредственно ему. Таким образом, гестапо превратилось в независимое управление в системе министерства внутренних дел и подчинялось непосредственно Герингу как прусскому премьер-министру. По этому приказу гестапо получило в ведение все дела политической полиции. В этом же приказе предусматривалось, что как районные, так и местные полицейские власти должны действовать по директивам гестапо (документ ПС-2105).

В речи на совещании прусского государственного совета 18 июня 1934 г., опубликованной в брошюре Германа Геринга «Статьи и речи» в 1939 году (документ ПС-3343), Геринг заявил:

«Создание государственной тайной полиции также было необходимо. Вы можете представить, какое важное значение имело это орудие государственной безопасности, исходя хотя бы из того факта, что сам премьер-министр назначил себя начальником этого департамента министерства внутренних дел, так как наблюдение за всеми течениями, направленными против нового государства, приобрело исключительную важность».

Декретом от 8 марта 1934 г. районные управления государственной полиции были изъяты из ведения местных властей и превращены в независимые органы гестапо (документ ПС-2113). Цитирую по «Собранию прусских законов» от 8 марта 1934 г. стр. 143.

Представляю в качестве доказательства под номером США-477 документ ПС-1680. Это статья, озаглавленная «Десять лет полиции безопасности и СД», которая была опубликована в «Дейтче полицай» (журнал полиции безопасности и СД) в номере от 1 февраля 1943 г. Я хочу зачитать один абзац этой статьи:

«Параллельно с событиями в Пруссии рейсхфюрер СС Генрих Гиммлер... создал в Баварии политическую поли-

цию, а также предложил создать политическую полицию в других федеральных землях, помимо Пруссии, и руководил этим. Объединение политической полиции всех федеральных земель произошло весной 1934 года, когда Герман Геринг назначил рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, одновременно назначенного начальником политической полиции всех федеральных земель, на пост заместителя начальника прусского гестапо».

Прусский закон о государственной тайной полиции от 10 февраля 1936 г. подвел итоги всех упомянутых мероприятий и определил положение и ответственность государственной тайной полиции. 10 февраля 1936 г. Геринг в качестве прусского премьер-министра опубликовал основной закон о гестапо (документ ПС-2107). В этом законе на государственную тайную полицию возлагалась обязанность отслеживать на всей территории государства все тенденции, враждебные государству, и бороться с ними; объявлялось также, что приказы и мероприятия гестапо не подлежат контролю со стороны административных судов.

В тот же день, 10 февраля 1936 г., Геринг как прусский премьер-министр и Фрик как министр внутренних дел издали декрет о введении в силу названного закона. В этом декрете предусматривалось право гестапо проводить мероприятия, имеющие силу на территории всех федеральных земель. Об этом говорится в нашем документе ПС-2108. В нем также говорится о том, что гестапо являлось централизованным органом по сбору политической информации и что на него возлагалось управление концентрационными лагерями. Гестапо также были даны полномочия по проведению полицейских расследований по делам о выступлениях против нацистской партии и государства.

Позднее, 28 августа 1936 г., циркуляр рейхсфюрера СС и начальника германской полиции установил, что с 1 октября 1936 г. органы политической полиции германских земель должны называться «Гехейме штаатсполицай», то есть тайная государственная полиция. Местные управления должны еще были именоваться государственной полицией. Перевод этого циркуляра содержится в документе ПС-2372. Это «Рейхсгезетцблатт» 1936, стр. 1343.

20 сентября 1936 г. по циркуляру министра внутренних дел Фрика бюро гестапо в Берлине уполномочивалось следить за исполнением обязанностей всеми начальниками политической полиции во всех федеральных землях Германии. Об этом сказано в «Рейхсминистериалблатт», 1936 год, стр. 1343 (документ Л-297).

Закон от 19 марта 1937 г. об упорядочении финансовых мер, касающихся полиции, устанавливал, что чиновники гестапо должны рассматриваться как чиновники имперского учреждения и что зарплата им, в дополнение к расходам на содержание всей государственной полиции, должна выплачиваться, начиная с 1 апреля 1938 г., империей. Это уста-

навливается документом ПС-2243, представляющим собой копию закона от 19 марта 1937 г.

Таким образом, посредством указанных законодательных актов гестапо было превращено в единую систему политической полиции, которая действовала на всей территории империи и служила партии, государству и нацистскому руководству.

Организация СД постепенно стала тесно сотрудничать с гестапо и с имперской уголовной полицией, известной как КРИПО. СД должна была снабжать разведывательными сведениями различные государственные органы. В декрете от 11 ноября 1938 г. имперский министр внутренних дел объявил, что СД является разведывательной организацией государства, так же как и партии, что она имеет особую задачу помогать государственной тайной полиции и что именно поэтому она должна действовать в национальном масштабе.

Выполнение этих обязанностей требовало еще более тесного сотрудничества между СД и другими органами управления (ПС-1638).

Трибуналу уже были представлены документальные доказательства относительно декретов от 17 и 26 июня 1936 г., согласно которым Гиммлер был назначен начальником германской полиции, а Гейдрих — первым начальником полиции безопасности и СД. Даже тогда Геринг не оставил своего поста начальника прусского гестапо. Поэтому распоряжение рейхсфюрера СС и начальника германской полиции, изданное 28 августа 1936 г. и содержащееся в нашем документе ПС-2372, направлялось «премьер-министру прусского правительства и начальнику прусской государственной тайной полиции», то есть Герингу.

27 сентября 1939 г. Гиммлер как рейхсфюрер СС и начальник германской полиции издал приказ, согласно которому центральные управления гестапо и СД, а также уголовной полиции были объединены в главное управление имперской безопасности под общим названием РСХА, описание которого было дано майором Фарром. Согласно этому приказу административные отделы и отделы кадров каждого органа вошли в состав первого и второго управлений главного управления имперской безопасности. Оперативные отделы СД вошли в состав третьего управления. Вы это можете видеть на схеме (в клетке третьего управления), за исключением иностранной разведки, которая относилась к шестому управлению. Оперативные отделы гестапо вошли в состав четвертого управления, как это видно на схеме, а оперативные отделы КРИПО вошли в пятое управление.

Олендорф был назначен начальником третьего управления «СД внутри Германии», Мюллер — начальником четвертого управления, Небе — начальником пятого управления — КРИПО.

27 сентября 1939 г. Гейдрих, начальник полиции безопасности и СД, в соответствии с приказом Гиммлера издал директиву, в которой содержалось указание о том, что

обозначение РСХА — главное управление имперской безопасности — должно употребляться только внутри имперского министерства внутренних дел, а при сношениях с внешним миром должно употребляться название «начальник полиции безопасности и СД». В директиве указывалось также, что гестапо продолжает именоваться «государственной тайной полицией». Эта директива содержится в документе Л-361, США-478, который мы сейчас представляем в качестве доказательства.

Хочу привлечь внимание господ судей к тому, что эта директива посвящена слиянию центральных управлений полиции безопасности и СД и созданию упомянутых четырех управлений. Цитирую выдержку:

«...Будут присоединены к РСХА в соответствии со следующими директивами. Такое объединение не влечет за собой изменения положения указанных управлений в партии либо в правительственной администрации».

Мы считаем, что РСХА являлось административным управлением, через которое управлялись многие их этих организаций, но при этом ряд организаций, включая гестапо, сохраняли свою самостоятельность как оперативные. Таким образом, РСХА было управляющим органом, в ведении которого находилось большое количество различных организаций, обвиняемых нами как преступные.

Задачей гестапо и СД была борьба с противниками нацистского режима, дела которых они должны были расследовать.

Я сейчас обращаю внимание Трибунала на схему, которая является, как я полагаю, документальным доказательством. Эта схема демонстрирует линии связи от Гиммлера, имперского руководителя СС и начальника германской полиции, до Кальтенбруннера, начальника полиции безопасности и СД, и от Кальтенбруннера к различным оперативным управлениям гестапо и СД.

Мы официально представляем эту схему под номером Л-219 в качестве доказательства США-419. Эта схема, с которой снята копия, находящаяся перед Вами на стене, была удостоверена Отто Олендорфом, начальником третьего управления РСХА, и Вальтером Шелленбергом, начальником шестого управления РСХА, и признана ими правильной.

Схема показывает, что деятельность полиции безопасности и СД направлялась Гиммлером через Кальтенбруннера, который был начальником полиции безопасности и СД, и как таковой одновременно являлся начальником главного управления имперской безопасности — РСХА.

Главное управление имперской безопасности — штаб организации Кальтенбруннера — состояло из семи управлений, не считая военного.

Третье управление представляло собой СД внутри Германии, деятельность которого простиралась на все области германской национальной жизни. Это была внутриразведывательная организация системы полиции, охватывающая как

Представляемая нами схема и относящиеся к ней замечания основаны на двух документах, которые я сейчас передаю в качестве доказательств, — это документы Л-219 и ПС-2346.

Главная задача гестапо и СД заключалась в том, чтобы бороться с политическими и идеологическими противниками нацистского режима и обеспечивать власть Гитлера и нацистского руководства, как об этом говорится в разделе I Обвинительного заключения. Эти задачи и методы действия государственной тайной полиции были хорошо освещены в статье, опубликованной в январе 1936 года в «Дас архив» на странице 1342 (документ ПС-1956). Сейчас я представляю статью в качестве доказательства и буду оглашать выдержки из нее.

Для того чтобы опровергнуть слухи, распространявшиеся за границей, «Фелькишер беобахтер» опубликовала 22 января 1936 г. статью о происхождении, значении и задачах государственной тайной полиции. Выдержка из этой статьи гласит:

«Государственная тайная полиция представляет собой официальный аппарат, созданный под руководством уголовной полиции, со специальной задачей преследования преступлений и правонарушений против государства, и прежде всего преследования лиц, совершивших государственную измену. Задача государственной тайной полиции заключается в том, чтобы обнаруживать эти преступления и правонарушения, устанавливать виновных и привлекать их к уголовной ответственности. Ряд судебных процессов, постоянно ведущихся в народных судах в связи с фактами государственной измены, является результатом этой работы. Следующей чрезвычайно важной областью деятельности государственной тайной полиции является профилактическая борьба против любых опасностей, угрожающих государству и руководителям государства. Поскольку со дня национал-социалистской революции всякая открытая борьба и оппозиция против государства и руководителей государства запрещены, государственная тайная полиция используется в качестве профилактического средства в борьбе против любой из опасностей, угрожающих государству, поэтому она неразрывно связана с государством, возглавляемым национал-социалистами. Противники национал-социализма не были устранены посредством запрещения их организаций и газет, они перешли к другим формам борьбы против государства. Поэтому национал-социалистское государство должно было выслеживать подпольных противников, наблюдать за ними и обезвреживать тех из них, которые борются против государства в нелегальных организациях, в замаскированных объединениях, в коалициях благонамеренных сограждан-немцев и даже внутри организаций партии и государства, прежде чем им удастся фактически совершить какое-либо действие, направленное против интересов государства. Эта задача борьбы всеми средствами против тайных врагов го-

сударства не могла миновать и государственных руководителей, потому что враждебные государству силы из своих иностранных штабов всегда использовали лиц высокого положения внутри государства, привлекая их к участию в подпольной деятельности против государства.

Профилактическая деятельность государственной тайной полиции заключается прежде всего в тщательном наблюдении за всеми врагами государства на территории империи. Поскольку государственная тайная полиция, в дополнение к своим основным задачам, не может проводить это выслеживание врагов государства в нужной степени, на помощь ей пришла служба безопасности рейхсфюрера СС, основанная в качестве политической разведывательной службы.

Государственная тайная полиция предпринимает необходимые предупредительные меры против врагов государства на основе результатов наблюдения. Наиболее действенной предупредительной мерой является, безусловно, лишение свободы в форме превентивного заключения, если есть опасность того, что свободная деятельность определенных лиц может каким-либо путем поставить под угрозу государственную безопасность. Использование превентивного заключения регулируется директивами министра внутренних дел империи и Пруссии, а также специальными процедурами проверки арестов, произведенных гестапо».

Председатель: *Полковник Стори, может быть, мы уже достаточно слышали об организации гестапо и его задачах?*

Стори: *Ваша честь, я только хотел затронуть вопрос о мероприятиях по превентивному заключению, коими гестапо «прославилось», я хотел показать, как осуществлялись эти мероприятия, якобы являвшиеся превентивными, и на каких основаниях люди подвергались превентивному заключению.*

Хочу сослаться еще на один закон, показывающий, что указанные мероприятия не регламентировались судебным надзором. Ссылаюсь на «Рейхсфервальтунгсблатт» за 1935 год, стр. 557, документ ПС-2347.

Решением прусского верховного административного суда от 2 мая 1941 г. установлено, что положение гестапо как особой полицейской власти освобождает приказы гестапо от юрисдикции административного трибунала; согласно этому решению суда апеллировать о пересмотре дел можно только в следующую высшую инстанцию внутри самого гестапо.

Председатель: *Мне кажется, что Вы нам об этом уже говорили ранее, в связи с документами от 10 февраля 1936 г. Вы тогда сказали, что гестапо не подчинялось надзору каких-либо государственных судов.*

Стори: *Ваша честь, я только стремился к тому, чтобы не осталось неясностей в вопросе о полномочиях. Я прошу Вас обратить внимание на документ за номером ПС-1825, который был здесь уже представлен как доказательство США-449, подтверждающее вышеупомянутое положение, а также на документ ПС-1723. Это декрет от 1 февраля 1938 г., ка-*

сающийся превентивного заключения и издания новых инструкций. Я хотел бы процитировать только одно предложение из этого декрета:

«Превентивное заключение устанавливается в качестве принудительной меры государственной тайной полицией в отношении лиц, угрожающих безопасности народа и государства своими взглядами, для того, чтобы расстроить все планы врагов народа и государства».

Таким образом, гестапо имело исключительное право решать вопрос о применении превентивного заключения и о том, что это превентивное заключение должно осуществляться в государственных концентрационных лагерях.

Перехожу теперь к другой фазе. Служба безопасности создала сеть агентов и осведомителей, действовавших через различные областные управления на всей территории империи, а позднее в сотрудничестве с гестапо и уголовной полицией — во всех оккупированных странах. СД проводила свою работу тайно. Первое, в чем заключалась ее деятельность, это то, что она тайно делала пометки на баллотировочных бюллетенях для того, чтобы установить тех лиц, которые голосовали против нацистов, а также тех, кто во время референдума опускал недействительные бюллетени.

Полиция безопасности и СД прокладывали путь национал-социализму. Об этом можно судить по статье от 7 сентября 1942 г. в официальном журнале (документ ПС-3344). Я цитирую:

«Еще до того как власть была захвачена, СД уже внесла свой вклад в дело успеха национал-социалистской революции. После захвата власти полиция безопасности и СД несли ответственность за внутреннюю безопасность империи и проложили путь для триумфального завершения дела национал-социализма в борьбе со всяким сопротивлением».

Вопрос об уголовной ответственности СД и гестапо следует рассматривать в аспекте военных преступлений и преступлений против человечности, которые в основной своей части совершались централизованной системой политической полиции. Об изменении этой системы во времени, ее организации и задачах мы уже говорили. В ряде случаев преступления совершались при участии и содействии других групп или организаций.

Для того чтобы представить себе силу и масштабы деятельности организаций, о которых идет речь, я назову некоторые цифры. Самой большой организацией было гестапо, которое выражало политическую мощь империи. Количество его членов в 1943—1945 гг. достигало 40—50 тысяч.

Биддл: Что вы цитируете?

Стори: Документ ПС-3033. Это письменное показание под присягой Вальтера Шелленберга, одного из бывших чиновников, на которого я уже ссылался. Я прошу Трибунал включить это письменное показание в протокол Суда; читаю показание полностью:

«Полиция безопасности и СД состояли из гестапо, уголовной полиции и СД. В 1943—1945 гг. число членов гестапо достигало 40—50 тысяч, число членов уголовной полиции — 15 тысяч, а число членов СД — около трех тысяч. На практике и даже в приказах и декретах термин "СД" использовался как аббревиатура для "ЗИПО и СД". В большинстве случаев практические мероприятия проводились персоналом гестапо, а не СД или КРИПО. На оккупированных территориях члены гестапо часто носили форму СС со знаками различия СД. Новые члены гестапо и СД принимались на добровольной основе. Настоящие показания были даны мною под присягой 21 ноября 1945 г. Привел к присяге и удостоверил подпись лейтенант Гаррис 21 ноября 1945 г.».

Мне кажется, я должен здесь сказать, с разрешения Трибунала, что очень многие сотрудники гестапо являлись также членами СС. Мы узнали численность их, но из источников, недостаточно компетентных. Некоторые источники утверждают, что 75 процентов состава гестапо были членами СС, точных данных по этому вопросу у нас нет.

Теперь я представляю в качестве доказательства документ ПС-2751, США-482. Это письменное показание, данное под присягой Альфредом Хельмутом Науйоксом 20 ноября 1945 г. В показании особо упоминаются конкретные события в связи с инцидентом на польской границе. Кажется, на него ссылался свидетель Лахузен во время его допроса в Суде.

«Я, Альфред Хельмут Науйокс, должным образом приведенный к присяге, показываю следующее:

1. Я был членом СС с 1931 года по 19 октября 1944 года и членом СД — с основания этой организации в 1934 году до января 1941 года. Я служил в войсках СС с февраля 1941 года до середины 1942 года. Затем я служил в экономическом отделе военной администрации в Бельгии с сентября 1942 года по сентябрь 1944 года. Я сдался в плен союзникам 19 октября 1944 г.

2. 10 августа 1939 г. или около этой даты начальник ЗИПО и СД Гейдрих лично приказал мне инсценировать нападение на радиостанцию близ Глейвитца около польской границы и создать такое впечатление, что нападавшие якобы состояли из поляков. Гейдрих заявил: «Для иностранной прессы, а также для целей германской пропаганды необходимо практическое доказательство польского нападения». Мне приказали ехать в Глейвитц с пятью или шестью другими членами СД и находиться там до тех пор, пока я получу кодовое извещение от Гейдриха о том, что должно быть произведено нападение. Данные мне инструкции заключались в том, что нужно было захватить радиостанцию и держать ее некоторое время для того, чтобы дать возможность предоставленному в мое распоряжение немцу, говорящему на польском языке, произнести по радио речь на польском языке. Гейдрих сказал мне, что в этой речи должно было говориться о том, что пришло время для

столкновения между немцами и поляками и что поляки должны сплотиться и уничтожить всех немцев, со стороны которых они встретят сопротивление. В то же время Гейдрих сказал мне, что он ожидает в течение ближайших дней нападения Германии на Польшу.

3. Я поехал в Глейвитц и ожидал там 14 дней. Затем я попросил разрешения Гейдриха вернуться в Берлин, но мне было сказано, что я должен оставаться в Глейвитце.

Между 25 и 31 августа я поехал навестить Генриха Мюллера, начальника гестапо, который в то время находился близко от меня — в Оппельне. В моем присутствии Мюллер обсуждал с человеком по имени Мельгорн план другого пограничного инцидента, который должен был создать впечатление, что польские солдаты нападают на германские войска. Для этого необходимо было использовать немецких солдат в количестве примерно до одной роты. Мюллер заявил, что у него есть 12 или 13 осужденных уголовных преступников, которых необходимо одеть в польскую форму и оставить убитыми на месте инцидента для того, чтобы показать, что они убиты якобы при нападении. Для этой цели им необходимо произвести смертельное подкожное впрыскивание врачом, выделенным для этой цели Гейдрихом. Им также необходимо нанести огнестрельные ранения. После инцидента на место происшествия должны быть доставлены представители прессы и другие лица. Затем следовало подготовить соответствующий полицейский отчет.

4. Мюллер сказал мне, что у него имеется приказ Гейдриха о том, чтобы предоставить в мое распоряжение одного из этих преступников для мероприятия в Глейвитце. Кодовое обозначение, употреблявшееся им по отношению к этим преступникам, было "консервы".

5. Инцидент в Глейвитце, в котором я принимал участие, имел место вечером накануне нападения Германии на Польшу. Как я помню, война разразилась 1 сентября 1939 г. В полдень 31 августа я получил от Гейдриха телефонное указание с кодовым обозначением для нападения, которое должно было произойти в 8 часов вечера. Гейдрих сказал: «С целью выполнения этой задачи запросите у Мюллера "консервы". Я сделал это и дал Мюллеру указание о том, чтобы он доставил человека к радиостанции. Я получил этого человека, и его положили у входа радиостанции. Он был жив, но находился в бессознательном состоянии: то, что он был жив, можно было определить только по его дыханию. Я не видел огнестрельных ран, но кровь была, она обильно покрывала его лицо. Он был в гражданской одежде.

6. Мы захватили радиостанцию, согласно приказу, передали речь по запасному передатчику, произвели несколько выстрелов из пистолета и ушли».

Свидетель был приведен к присяге и подписался под показанием в присутствии лейтенанта Мартина.

Гестапо и СД проводили массовые убийства сотен тысяч лиц гражданского населения оккупированных территорий в

осуществление нацистской программы уничтожения политически- и расово-нежелательных лиц. Это производилось так называемыми оперативными группами — эйнзатцгруппами.

Господа судьи припомнят доказательства, характеризующие деятельность этих эйнзатцгрупп и эйнзатцкоманд.

Далее я представлю документ Л-180 и зачитаю выдержки из него:

«Ввиду расширения территории операций и большого количества заданий, которые должны были выполняться полицией безопасности, с самого начала имелось намерение достигнуть сотрудничества надежного населения в борьбе против преступников, то есть главным образом против евреев и коммунистов».

В том же документе, на странице 30 подлинника, говорится:

«С самого начала следовало ожидать, что еврейскую проблему на Востоке нельзя разрешить одними погромами».

Представляю в качестве доказательства части документа ПС-2273. Это документ Советского Союза, он будет представлен в деталях нашими советскими коллегами позднее. Однако с их разрешения я хотел бы представить в качестве доказательства карту со схемой, подлинность которой удостоверена. У нас имеется увеличенная копия, которую мы хотели бы вывесить на доске и один экземпляр которой передать Трибуналу.

Я хотел бы огласить выдержку из приложенного к схеме отчета:

«Движение самообороны в Эстонии, которое создавалось по мере продвижения немцев, началось с арестов евреев, но никаких стихийных погромов не происходило. Только полиция безопасности и СД проводили казни евреев по мере того, как они больше не требовались для работы. В настоящее время в Эстонии больше нет евреев».

Этот документ представляет собой совершенно секретный отчет эйнзатцгруппы «А», которая являлась специальной ударной группой. Карта со схемой, фотокопия которой приложена к подлиннику, показывает ход истребления евреев на территориях, на которых действовала эта оперативная группа.

Если Вы обратите внимание на часть схемы начиная от Петербурга, или, как мы знаем, Ленинграда, и ниже, Вы увидите изображение гроба с обозначением, что число убитых составило 3600 человек.

Дальше, налево, Вы видите еще изображение гроба в одном из небольших прибалтийских государств с обозначением, что в этом районе было убито 963 человека.

Ниже, рядом со столицей Латвии Ригой, Вы видите, что 35 238 человек было убито, а в гетто, по сообщению отчета, все еще осталось 2500 человек.

Ниже, в следующем квадрате, то есть в следующем государстве, Вы видите цифру 136 421 убитый, затем в районе

вблизи Минска, как раз над Минском, обозначено, что здесь было убито 41 828 человек.

Председатель: *Вы уверены, что они были убиты, эти 136 тысяч человек? Ведь здесь не имеется изображения гроба?*

Стори: *Эта цифра имеется в документах.*

Председатель: *Эта фотокопия отличается от той, что имеется у Вас. В частности, на территории, где стоит цифра 136 421 человек, не имеется изображения гроба.*

Стори: *Простите, Ваша честь, на имеющемся у меня подлинном экземпляре изображение имеется.*

Председатель: *На моем экземпляре и на экземпляре мистера Биддла этого изображения нет.*

Стори (обращаясь к секретарю): *Передайте, пожалуйста, это председателю.*

Я сейчас обращусь к подлиннику и сверю с ним, Ваша честь. Это, очевидно, ошибка типографии. У меня здесь имеется фотокопия с цифрами 136 421 человек и с изображением гроба. Посмотрите, Ваша честь.

Председатель: *Мистер Паркер*[1] *говорит, что это имеется и в самом документе.*

Стори: *Да, сэр, это имеется и в самом документе. А в Вашем экземпляре была ошибка. Цифра 128 тысяч человек внизу схемы указывает, что в то время в этом районе еще оставалось 128 тысяч евреев. Насколько я понимаю, дословный перевод означает: «Все еще существовало в районе Минска».*

Перехожу к документу за номером ПС-1104, который имеется во втором томе документов; представляю его в качестве доказательства за номером США-483.

Председатель: *Полковник Стори, Вы не сказали нам, что это за документ. Здесь, в переводе ничего не указывается о том, что это за документ.*

Стори: *Ваша честь, это совершенно секретный отчет группы «А» особого назначения, другими словами, эйнзатцгруппы «А», о деятельности ее в этом районе с приложением схемы, показывающей соответствующие районы действия этой группы.*

Председатель: *Это была эйнзатцгруппа гестапо?*

Стори: *Это была эйнзатцгруппа, организованная гестапо и СД на этой территории.*

Как я уже говорил, эти особые группы организовывались для действий в районе армии и в ее тылу по мере того, как закреплялись успехи, достигнутые на оккупированных территориях, и Вы, господа судьи, узнаете из других отчетов о действиях этих эйнзатцгрупп по мере представления наших доказательств. Другими словами, «эйнзатц» означает особое действие или особую оперативную группу. По-

---

[1] Джон Дж. Паркер — заместитель члена Международного военного трибунала от США. — **Прим. сост.**

добные группы организовывались в каждом определенном географическом районе сразу же за линией фронта.

Председатель: Но они являлись группами гестапо, не правда ли?

Стори: Гестапо и СД.

Председатель: То есть частью гестапо?

Стори: В них входили также отдельные сотрудники уголовной полиции.

Следующий документ — за номером ПС-1104 — показывает, что уполномоченный по Слуцкому району 30 октября 1941 г. представил генеральному уполномоченному в Минске доклад, в котором критиковал деятельность эйнзатцкоманд полиции безопасности и СД, действовавших на его территории, в связи с умерщвлением еврейского населения. Я оглашаю выдержки из этого документа начиная с первого абзаца:

«27 октября утром примерно в 8 часов обер-лейтенант полицейского батальона № 11 посетил меня и представился адъютантом командира батальона полиции безопасности. Обер-лейтенант пояснил, что полицейский батальон получил задание провести ликвидацию всех евреев в городе Слуцке в течение двух дней. Сюда направлен батальон численностью в четыре роты, две из которых были сформированы из литовских партизан, и операция должна начаться немедленно. Я ответил обер-лейтенанту, что должен, во всяком случае, обсудить этот вопрос сначала с командиром батальона. Примерно через полчаса полицейский батальон прибыл в Слуцк. Немедленно по прибытии батальона я разговаривал с командиром. Сначала я объяснил командиру, что, вероятно, не будет возможности провести эти мероприятия без предварительной подготовки, потому что всех послали на работу, и что это приведет к страшному беспорядку. Наконец, он должен был информировать меня об этом за день раньше. Я попросил его отложить эти действия на один день. Однако он отказался, заметив, что должен провести эти мероприятия повсюду и во всех городах и что на Слуцк отведено только два дня. В течение этих двух дней город Слуцк должен быть очищен от евреев любыми средствами».

Этот доклад был направлен имперскому уполномоченному по восточным территориям в Ригу.

Теперь я перехожу к странице 5 и зачитаю первый абзац:

«Что касается самого проведения этого мероприятия, я должен с глубоким сожалением заметить, что оно граничило уже с садизмом. В течение этих действий город являл собой ужасную картину.

С неописуемой жестокостью со стороны офицеров немецкой полиции и особенно литовских партизан евреев, а также белорусов выгоняли из их жилищ и сгоняли вместе. В городе повсюду слышались выстрелы, и на улицах валялись грудами трупы расстрелянных евреев. Белорусы безуспешно пытались вырваться из окружения. Помимо того, что с евреями, среди которых были также и торговцы, обраща-

лись с ужасающей жестокостью в присутствии белорусов, последних избивали резиновыми дубинками и прикладами ружей. Это были уже действия не только против евреев. Это выглядело скорее как стихийное бедствие».

Перехожу к следующему, последнему абзацу на той же странице:

«В заключение я должен указать, что в течение этой операции полицейский батальон грабил неслыханным образом и что подверглись ограблению не только дома евреев, но и дома белорусов. Все, что можно было использовать: обувь, кожу, одежду, золото и другие ценности, — все забиралось. По показаниям военнослужащих на улице с рук евреев публично срывались часы, срывались кольца с пальцев самым жестоким образом. Офицер казначейской службы доложил, что еврейской девушке приказали в полиции немедленно принести 5 тысяч рублей для того, чтобы освободить ее отца. Говорят, что эта девушка действительно ходила повсюду, чтобы достать эти деньги».

Я хотел бы обратить Ваше внимание на то место доклада, где речь идет о количестве представляемых экземпляров отчета. Там говорится:

«Я представляю этот отчет в двух экземплярах для того, чтобы один экземпляр можно было направить имперскому министру. Мир и порядок не могут быть сохранены в Белоруссии, если будут использоваться методы такого рода. Закапывать тяжело раненных людей заживо в землю, людей, которые сами выбираются обратно из могил, является фактом такой крайней жестокости, что об этом надо доложить фюреру и рейхсмаршалу.

Гражданская администрация в Белоруссии предпринимает огромные усилия, чтобы привлечь симпатии населения к Германии, согласно указаниям фюрера. Однако эти усилия не могут гармонировать с методами, описанными в моем докладе».

Подписано генеральным уполномоченным в Белоруссии.

Затем этот отчет был 11 ноября 1941 г. направлен в Берлин имперскому министру оккупированных восточных территорий.

Председатель: *Кто был им тогда?*

Стори: *Я думаю, что тогда министром оккупированных восточных территорий был подсудимый Розенберг. Мне кажется, что это правильно.*

В тот же день генеральный уполномоченный в Белоруссии отдельно послал письмо генеральному уполномоченному рейха по восточным территориям о том, что он получил деньги, ценности и другие предметы, которые были захвачены полицией при операции в Слуцке и в других областях. Все они были переданы в распоряжение имперского уполномоченного.

21 ноября 1941 г. отчет о событиях в Слуцке был направлен личному референту постоянного заместителя имперского министра, а копия была направлена Гейдриху, на-

чальнику полиции безопасности и СД. Это говорится на первой странице документа ПС-1104.

Деятельность оперативных групп продолжалась в течение 1943—1944 гг. под руководством Кальтенбруннера как начальника полиции безопасности и СД. Однако в неблагоприятных военных условиях программа истребления была значительно изменена в направлении использования рабского труда в Германии.

Я сейчас обращу Ваше внимание на документ ПС-3012, который был представлен в качестве доказательства под номером США-190. Это письмо из штаба одной из эйнзатцгруппы, известной как эйнзатцгруппа «С», от 19 марта 1943 г. Оно обобщает характер и методы деятельности гестапо и СД. Я хотел бы сослаться на те части письма, которые не цитировались ранее. Я зачитаю начало первого абзаца на первой странице. Здесь говорится:

«Задача полиции безопасности и службы безопасности (СД) заключается в выявлении всех противников империи и в борьбе с ними в интересах безопасности, а в зоне боевых действий — в целях обеспечения безопасности армии. Помимо уничтожения активных противников, все остальные элементы, которые в силу своих убеждений либо своего прошлого при благоприятных условиях могут оказаться активными врагами, должны устраняться посредством превентивных мероприятий. Полиция безопасности выполняет эти задачи в соответствии с общими директивами фюрера со всей необходимой строгостью. Энергичные мероприятия особенно необходимы на территории, где действуют партизанские отряды. Полномочия тайной полиции в зоне боевых действий основываются на директивах "Барбаросса"».

Трибунал вспомнит, что знаменитым кодовым обозначением «Барбаросса» были зашифрованы директивы, изданные в связи с вторжением в Россию.

Читаю далее:

«Я считаю, что мероприятия полиции безопасности, проводимые в больших масштабах за последнее время, необходимы по двум следующим причинам:

1. Положение на фронте в моем секторе стало очень серьезным, так как население, находящееся отчасти под влиянием венгров и итальянцев, которые хаотически отступают, открыто выступает против нас.

2. Усилились налеты партизан, специально пришедших из брянских лесов. Кроме этого, другие партизанские группы, сформированные населением, внезапно появились во всех районах. Снабжение вооружением, очевидно, не представляло трудностей. Было бы неразумным, если бы мы пассивно наблюдали эту деятельность, не принимая никаких мер. Очевидно, что такие меры будут сопровождаться жестокостью.

Я хочу предложить ряд таких жестоких мер:

1. Расстрелы венгерских евреев.

2. Расстрелы агрономов.

3. Расстрелы детей.

4. Сожжение целых деревень.

5. Расстрелы "при попытке к бегству" заключенных полицией безопасности и СД.

Начальник эйнзатцгруппы "С" подтвердил еще раз правильность проведенных мер и выразил свое мнение в пользу жестких энергичных действий. Учитывая текущую политическую ситуацию, особенно в области промышленности вооружения в рейхе, меры, принимаемые полицией безопасности, должны в максимальной степени подчиняться целям набора рабочей силы для Германии. В возможно короткий срок Украина должна предоставить в распоряжение промышленности по производству вооружения миллион рабочих, причем 500 тыс. должны направляться с нашей территории».

Остальные пункты, господа судьи, мне кажется, уже зачитывались господином Доддом. Я хотел бы зачитать еще одну выдержку из этого документа на первой странице. Здесь говорится:

«1. Особое обращение должно быть ограничено до минимума.

2. Коммунисты, активисты и т.д. должны быть пока внесены в список без проведения арестов.

Например, не представляется больше возможным арестовывать всех близких родственников членов коммунистической партии; членов комсомола следует арестовывать только в том случае, если они занимали руководящие должности».

Третий и четвертый абзацы были уже оглашены в качестве доказательства на более ранней стадии процесса. Читаю далее:

«5. Отчеты о действиях партизан и предпринимаемых против них мерах настоящим не затрагиваются. Все мероприятия против партизан могут иметь место только после моего одобрения. Тюрьмы, как правило, должны быть пусты. Мы должны принимать во внимание, что славяне будут понимать мягкое обращение с нашей стороны как нашу слабость и что они будут немедленно действовать в соответствии с этим. Если мы ограничиваем жесткие мероприятия нашей полиции безопасности посредством вышеизложенных приказов, то это делается лишь временно и только потому, что самое важное сейчас — завербовать рабочих.

Никакой проверки лиц, которые будут посылаться в Германию, сейчас производиться не будет. Поэтому не будет выдаваться никаких письменных удостоверений о политической благонадежности и т.д.».

Подписано штурмбаннфюрером СС и командиром подразделения Кристиансеном.

Эйнзатцгруппы полиции безопасности и СД использовали также зловещие «душегубки». Я обращаю Ваше внимание на документ ПС-501 США-288, в котором упоминается об этом. В числе доказательств под этим номером имеется

письмо Беккера, адресованное оберштурмбаннфюреру Рауфу в Берлин. Я упомянул этот документ только в связи с «душегубками». Надо иметь в виду, что начальником отдела «D» второго управления главного управления имперской безопасности, которое занималось техническими вопросами, был в то время оберштурмбаннфюрер Рауф.

У нас имеется письменное показание Рауфа, данное им под присягой 19 октября 1945 г. (ПС-2348, США-485). Я хотел бы зачитать выдержки:

«Настоящим я свидетельствую, что прилагаемое письмо, написанное доктором Беккером 16 мая 1942 г. и полученное мной 29 мая 1942 г., представляет собой подлинное письмо. 18 октября 1945 г. я действительно написал на одной стороне этого письма подтверждение того, что оно является подлинным. Я не знаю точное количество "душегубок", которые находились в действии, и не могу дать даже какой-либо примерной цифры. Эти автомашины производились в Германии на заводах Зауэра, расположенных, как я думаю, в Берлине. Некоторые другие фирмы также производили эти автомашины. Насколько мне известно, "душегубки" применялись только в России. Я могу утверждать, что эти автомашины действовали в 1941 году, и я лично думаю, что они применялись вплоть до окончания военных действий».

Господа судьи, перед перерывом 20 декабря мы представляли материалы о гестапо и упоминали об использовании эйнзатцгруппами «душегубок» на восточных оккупированных территориях. Мы почти завершили эту фазу представления материалов. Как Вы помните, мы сослались на использование «душегубок» производства заводов Зауэра. В этой связи я хочу сослаться на телеграмму, приложенную к документу ПС-501. Нет надобности оглашать ее, но она устанавливает, что эйнзатцгруппы использовали такие же машины и других заводов.

Последний документ, связанный с материалами об эйнзатцгруппах, действовавших на восточных оккупированных территориях, — это документ ПС-2992, США-494. Это письменное показание под присягой Германа Гребе, который работает в американской военной администрации во Франкфурте. Показание это было дано в Висбадене, и я оглашу выдержки из него.

Этот свидетель возглавлял строительную фирму, действовавшую на Украине. Он был очевидцем проведения 13 июля 1942 г. антиеврейских мер в городе Ровно, на Украине. Оглашаю ту часть письменного показания, которая имеется на странице 5 английского перевода:

«С сентября 1941 года по январь 1944 года в Здолбунове (Украина) я был управляющим и главным инженером отделения строительной фирмы Иозефа Юнга из Золингена. В мои обязанности входило посещение строительных участков этой фирмы. Один из таких участков фирма имела в городе Ровно.

Ночью 13 июля 1942 г. все жители гетто в Ровно, где все еще находилось приблизительно 5 тысяч евреев, были ликвидированы.

Я хотел бы описать обстоятельства, при которых стал очевидцем уничтожения гетто и проведения погрома в ту ночь и на следующее утро.

В нашей фирме в Ровно работали, помимо поляков, немцев и украинцев, около 100 евреев из Здолбунова, Острога и Мизоча. Мужчины помещались на Банхофштрассе, дом № 5, внутри гетто, а женщины — на углу Дейтчештрассе, дом № 98.

В субботу 11 июля 1942 г. мой десятник Фриц Эйншпорн сказал мне, будто ходят слухи о том, что в понедельник все евреи в Ровно должны быть ликвидированы. Хотя огромное большинство евреев, используемых моей фирмой в Ровно, не были уроженцами Ровно, я все же боялся, что они будут затронуты этим погромом, о котором я услышал. Поэтому я приказал Эйншпорну в полдень того же дня увезти всех евреев, работающих у нас — как мужчин, так и женщин, — в направлении Здолбунова, километров на 12 от Ровно. Это было сделано. Старшина еврейской общины, узнав об уходе еврейских рабочих моей фирмы, еще в субботу днем пошел к старшему офицеру полиции безопасности и СД в Ровно штурмбаннфюреру СС доктору Пютцу, чтобы узнать, правильны ли слухи о еврейском погроме, которые подтверждались уходом евреев моей фирмы. Доктор Пютц заявил, что это грубая ложь, и арестовал после этого польских служащих моей фирмы. Эйншпорну удалось избежать ареста, так как он покинул Здолбуново. Когда я узнал об этом, то приказал всем евреям из моей фирмы возвратиться на работу в Ровно в понедельник 13 июля 1942 г. В понедельник утром я сам пошел к старшему офицеру доктору Пютцу, чтобы, во-первых, узнать, правильны ли слухи о еврейском погроме, а во-вторых, получить сведения об аресте польских служащих. Майор СС (штурмбаннфюрер) Пютц заявил, что никакого погрома не планировалось. Более того, было бы глупо организовывать такой погром, потому что фирмы и железная дорога потеряли бы ценных рабочих.

Через час я получил приказ явиться к районному уполномоченному в Ровно. Его заместитель Бек задал мне те же вопросы, что и в СД. Мои объяснения о том, что я послал евреев домой для срочной санобработки, по-видимому, показались ему правдоподобными. Затем он сказал мне по секрету, что вечером в понедельник 13 июля 1942 г. действительно произойдет погром. После длительных переговоров мне удалось уговорить его дать разрешение вывезти своих еврейских рабочих в Здолбуново, но только после того, как окончится погром. Ночью я должен буду охранять дом в гетто от украинской полиции и СС. В подтверждение он дал мне документ, в котором говорилось, что погром не должен затронуть еврейских рабочих фирмы "Юнг"».

У меня имеется документ, который я передам переводчику, чтобы он прочитал его. Обращаю внимание господ судей на то, что документ написан на бланке уполномоченного в Ровно, датирован 13 июля 1942 г. и подписан заместителем районного уполномоченного. Оглашаю текст:

«Районный уполномоченный (гебитскомиссар) Ровно. Секретно. Фирме "Юнг" в Ровно.

Еврейские рабочие, используемые Вашей фирмой, не будут затронуты погромом («акциях»).

Вы должны перевести их на новое место работы не позже среды 15 июля 1942 г.». Подписано заместителем районного уполномоченного Беком. Кроме того, на документе имеется официальный штамп районного уполномоченного в Ровно.

Теперь я зачитаю следующий абзац:

«Вечером того же дня я поехал в Ровно и вместе с Фрицем Эйншпорном встал перед домом на Банхофштрассе, где помещались еврейские рабочие моей фирмы. Вскоре после 22.00 гетто было окружено большим отрядом СС и примерно втрое большим количеством членов украинской полиции. Затем были включены юпитеры, установленные вокруг и внутри гетто. Группы эсэсовцев и полиции по 4—6 человек врывались в дома или пытались ворваться в них. В тех случаях, когда двери и окна были закрыты и жители не хотели открывать, СС и полиция взламывали окна и двери и врывались в дома. Живущие там люди выгонялись на улицу в том виде, в каком они были застигнуты, независимо от того, были они одеты или нет. Так как в большинстве случаев евреи отказывались выходить из домов и оказывали сопротивление, СС и полиция применяли силу. Наконец, ударами хлыстов, ног, кулаков и винтовочных прикладов им удалось очистить дома. Людей выгоняли из домов с такой поспешностью, что в некоторых случаях маленькие дети были оставлены в кроватках. На улицах женщины звали детей, а дети — своих родителей. Это не помешало эсэсовцам ударами заставлять людей бежать по дороге до тех пор, пока они добегали до товарного поезда. Вагон за вагоном были заполнены в то время, как беспрерывно раздавались крики женщин и детей, удары хлыстов и выстрелы из винтовок. Ввиду того, что несколько семей или групп забаррикадировались в особенно крепких зданиях и двери не могли быть выбиты при помощи ломов и брусьев, двери этих домов были взорваны ручными гранатами. Так как гетто в Ровно было расположено недалеко от железной дороги, более молодые люди пытались убежать с территории гетто через железнодорожный путь. Ввиду того, что юпитеры не могли осветить этот участок, он был освещен сигнальными ракетами. Всю ночь гонимые, избитые и израненные люди двигались по освещенным улицам. Женщины несли своих мертвых детей на руках. Некоторые дети тащили к поезду за руки и ноги тела своих родителей. Все время в гетто раздавались крики: "Откройте двери, откройте двери!"».

Я не буду читать этот довольно пространный документ. Имеется и второе письменное показание, но я хочу подчеркнуть тот факт, что полученное фирмой «Юнг» разрешение было подписано представителем районного уполномоченного полиции безопасности и СД и что в проведении этих действий участвовали СД и СС.

Председатель: *Не стоит ли прочесть до конца эту страницу, полковник Стори?*

Стори: *Хорошо, сэр. Собственно говоря, я опустил эту часть, так как думал, что это повторение.*

«В 6 часов утра я на минуту оставил Эйншпорна и некоторых других немецких рабочих, которые к тому времени вернулись. Я думал, что наибольшая опасность миновала и я мог пойти на этот риск. Вскоре после моего ухода украинская полиция ворвалась в дом № 5 по Банхофштрассе, вытащила оттуда семь евреев и потащила их на сборный пункт в гетто. Когда я возвратился, мне удалось помешать уводу остальных евреев. Я пошел на сборный пункт для того, чтобы спасти этих семерых. На улицах, по которым я шел, я видел десятки трупов всех возрастов и обоих полов. Двери домов были раскрыты; окна были взломаны. Всякая одежда, обувь, чулки, жакеты, кепки, шляпы, пальто и т.д. валялись на улицах. У одного дома лежал годовалый ребенок с проломленным черепом. Стена дома и мостовая вокруг ребенка были забрызганы кровью и мозгами. Ребенок был одет только в короткую рубашечку. Старший офицер майор СС Пютц ходил взад и вперед вдоль группы в 80—100 мужчин евреев, которые лежали на земле, в руке он держал тяжелый хлыст. Я подошел к нему, показал ему письменное разрешение штабслейтера Бека и потребовал, чтобы освободили семь опознанных мною людей из тех, которые лежали на земле. Доктор Пютц пришел в бешенство по поводу уступки Бека, и ничто не могло убедить его освободить этих семерых. Сделав жест рукой, он сказал, что все, кто попал на сборный пункт, не уйдут отсюда. Он очень рассердился на Бека, но все же приказал мне увести из Ровно к 8 часам людей, находившихся в доме № 5 по Банхофштрассе. Отойдя от доктора Пютца, я заметил украинскую деревенскую телегу с двумя лошадьми. В ней лежали уже окоченевшие трупы. Руки и ноги торчали с боков телеги, которая направлялась к товарному поезду. Я увез оставшихся 74 еврея, которые были заперты в доме, в Здолбуново.

Через несколько дней после 13 июля 1942 г. районный уполномоченный в Здолбунове Георг Маршалл созвал на совещание всех управляющих фирмами, железнодорожных инспекторов и руководителей организации Тодта и сообщил им, что фирмам необходимо готовиться к «переселению» евреев, которое должно произойти почти немедленно. Он сослался на погром в Ровно, где все евреи были ликвидированы, т.е. расстреляны близ Костополя».

Далее имеется заверенная подпись этого лица.

Председатель: *Какой национальности этот Гребе?*

Стори: *Он немец...*

Ваша честь, в этой связи имеется еще одно письменное показание под присягой, представляющее собой часть того же документа; в показании говорится о массовом истреблении людей в другом районе. Ввиду того, что это показание совпадает с предыдущим, я не буду его читать.

Перейду к следующему вопросу. Гестапо и СД направляли особые отряды в лагеря для военнопленных с целью отбора и казни всех элементов, нежелательных с расовой и политической точек зрения. Программа массовых убийств политически и в расовом отношении нежелательных элементов, которая проводилась в отношении гражданских лиц, включала также и военнопленных, захваченных на Восточном фронте. В этой связи напоминаю Трибуналу о показаниях генерала Лахузена. 30 ноября 1945 г. Лахузен дал свидетельские показания о том, что летом 1941 года, вскоре после начала кампании против Советского Союза, было созвано совещание, на котором присутствовал и он сам. Я хочу подчеркнуть этот факт, потому что мы позже представим документ, имеющий отношение к этому совещанию, на котором присутствовали Лахузен, генерал Рейнеке, полковник Брейер и начальник гестапо Мюллер. На этом совещании обсуждался приказ об убийстве советских должностных лиц и коммунистов из числа советских военнопленных. Казни должны были осуществлять эйнзатцгруппы полиции безопасности и СД.

Лахузен также вспомнил, что начальник гестапо Мюллер настаивал на выполнении этой программы и что единственная «уступка Мюллера» состояла в том, что из уважения к чувствительности войск казни не должны были производиться в их присутствии. Генерал Мюллер сделал также некоторую уступку относительно отбора лиц, подлежащих казни. Но согласно показаниям Лахузена отбор был полностью передан на усмотрение командиров частей по отбору. Ссылаюсь на страницу 633 официальной стенограммы.

Далее я представляю Трибуналу в качестве доказательства директиву гестапо от 17 июля 1941 г. (документ ПС-502, США-486). Как вы помните, Лахузен заявил, что совещание по поводу этой директивы имело место летом 1941 года. Директива адресована командирам отрядов полиции безопасности и СД, размещенных в лагерях. Читаю первую страницу английского текста.

Господа судьи, наши коллеги, советские обвинители, будут оглашать большую часть этого документа. Я оглашу лишь ту часть, где говорится, что гестапо принимало участие в этих мероприятиях.

«Команды[1] будут действовать в соответствии с соглашением от 16 июля 1941 г. начальника полиции безопасности и

---

[1] Здесь и далее имеются в виду эйнзатцкоманды. — **Прим. сост.**

службы безопасности с верховным командованием вооруженных сил (приложение 1).

Команды будут действовать независимо, в рамках организации лагерей, в соответствии со специальными полномочиями и общими директивами, данными им. Команды будут, конечно, поддерживать тесную связь с комендантом лагеря и приданным ему офицером разведки.

Задача команд — политическое расследование в отношении всех заключенных в лагерях, устранение и дополнительная "обработка":

а) всех политических, уголовных и других нежелательных элементов из их числа;

b) тех лиц из заключенных, которых можно использовать для восстановления оккупированных территорий».

Перехожу к началу четвертого абзаца:

«Для своей работы команды должны использовать, насколько это возможно, в настоящее время и позднее опыт комендантов лагерей, который те получили на основании наблюдения за заключенными и расследования дел заключенных. Кроме того, команды должны с самого начала приложить свои усилия для того, чтобы найти среди заключенных элементы, которые независимо от того, коммунисты они или нет, кажутся надежными, для использования их в разведывательных целях внутри лагеря, а если это целесообразно, позже также и на оккупированных территориях.

Используя таких доносчиков и все другие существующие возможности, следует немедленно обнаруживать все элементы среди заключенных, которые подлежат устранению. Команды должны получать сведения в каждом случае путем краткого допроса этих доносчиков и возможного допроса других заключенных. Сведения одного доносчика недостаточны для того, чтобы рассматривать того или иного заключенного как подозрительное лицо без дальнейших доказательств. Если возможно, эти сведения должны проверяться каким-нибудь иным путем».

Перехожу ко второй странице английского перевода. Цитирую:

«Казни не должны производиться в лагере или в непосредственной близости от него. Если лагеря в генерал-губернаторстве находятся в непосредственной близости от границы, тогда для специальной обработки заключенные должны, если возможно, переводиться на бывшую советскую территорию».

И далее пятый абзац:

«В отношении казней, которые должны быть произведены, а также в отношении возможного перемещения надежных гражданских лиц и доносчиков для эйнзатцгруппы на оккупированных территориях руководители оперативных команд должны договориться с ближайшими отделениями государственной полиции и с соответствующими командирами частей полиции безопасности и службы безопасности, а

также с руководителем соответствующей эйнзатцгруппы на оккупированных территориях».

Доказательства того, что лица, отобранные таким образом гестапо в лагерях для военнопленных, были казнены, мы находим в документе ПС-1165, который я не намереваюсь оглашать и который уже был представлен в качестве доказательства под номером США-244. Во всяком случае, этот документ показывает, что отобранные лица были казнены.

Первая страница этого документа представляет собой письмо от 23 октября 1941 г. коменданта концлагеря «Гросс-Розен» Мюллеру, начальнику гестапо. Там имеется ссылка на имевшее место совещание с Мюллером и указываются фамилии 20 советских военнопленных, казненных за день до этого. Я все еще говорю о документе ПС-1165, не цитируя его, так как он уже оглашался. На второй странице имеется директива Мюллера от 9 ноября 1941 г. всем отделам гестапо, в которой он приказывает, чтобы все умершие военнопленные снимались с эшелонов, в которых они направлялись в концлагеря на казнь, потому что от 5 до 10 процентов лиц, предназначенных для казни, прибывают в лагеря умершими или полумертвыми.

Перехожу к документу ПС-3542, США-489. Это письменное показание под присягой Курта Линдов, бывшего чиновника гестапо, которое было дано 30 сентября 1945 г. в городе Оберурсель (Германия) во время официального расследования представителями американской армии. Я цитирую начало этого документа:

«Я был криминальдиректором в четвертом управлении главного имперского управления безопасности».

Я обращаю Ваше внимание, господа судьи, на схему, где указывается, что он был руководителем подотдела «IV-A-1» с середины 1942 года и до середины 1944 года и имел звание штурмбаннфюрера СС.

«С 1941 года до середины 1943 года при подотделе "IV-A-1" имелась специальная секция, возглавлявшаяся гауптштурмфюрером СС Францем Кёнигсхаузом. Эта секция занималась вопросами о военнопленных. Я узнал, что в этой секции имелись указания и приказы рейхсфюрера Гиммлера, изданные в 1941—1942 гг., о том, что захваченные советские политические комиссары, военнослужащие и евреи должны подвергаться казни. Насколько я знаю, предложения о казни таких военнопленных получались из различных лагерей для военнопленных. Кёнигсхауз должен был составлять приказы о казнях и представлять их на подпись начальнику четвертого управления Мюллеру. Эти приказы составлялись таким образом, что один приказ направлялся учреждению, от которого исходило предложение, а второй — в концлагерь, где должна быть произведена казнь. Военнопленные, о которых шла речь, сначала формально исключались из категории военнопленных, а затем пересылались для казни в другой концлагерь.

Начальник секции Кёнигсхауз был подчинен мне в административном отношении с середины 1942 года примерно до начала 1943 года и работал по вопросам, входившим в ведение его секции, в непосредственном сотрудничестве с начальником группы "IV-A" регирунгсратом Панцингером. В начале 1943 года секция была распущена и включена в подотдел "IV-B". Работа, связанная с русскими военнопленными, после этого, по-видимому, производилась отделом "IV-B-2a". Начальником отдела "IV-B-2a" был регирунгсрат и штурмбаннфюрер СС Ганс Гельмут Вольф.

В лагерях для военнопленных на Восточном фронте имелись небольшие отряды по отбору (эйнзатцкоманды), возглавляемые младшими сотрудниками государственной тайной полиции. Эти отряды были прикомандированы к комендантам лагерей; отряды должны были отбирать из военнопленных тех, которые подлежали казни в соответствии с отданными приказами, и докладывать о них в управление тайной полиции».

Я не буду читать остальной части этого письменного показания и перехожу к следующему вопросу.

Гестапо и СД отправляли военнопленных, которые бежали и были пойманы, в концлагеря, где их казнили. Как Трибунал помнит, представленный уже документ ПС-1650 является приказом начальника полиции безопасности и СД местным отделам гестапо о том, чтобы некоторые категории вновь пойманных офицеров, бежавших из лагерей для военнопленных, отправлялись в концлагерь Маутхаузен в соответствии с мероприятиями, названными «Кугель» («Пуля»). Речь идет об известном декрете «Кугель». Этим словом зашифрованы операции по истреблению военнопленных. В пути военнопленные должны были быть закованы в кандалы. Чиновники гестапо должны были два раза в год представлять об этом отчеты, давая в них сведения только о количестве военнопленных, посланных в лагерь Маутхаузен.

27 июля 1944 г. командование 6-го военного округа издало распоряжение об обращении с военнопленными (документ ПС-1514). Я представляю его под номером США-491. Это распоряжение предусматривало лишение военнопленных установленного для них статуса и предлагало при некоторых обстоятельствах передавать военнопленных в гестапо. Оглашаю документ:

«Тема: Передача военнопленных государственной тайной полиции.

Издается следующая общая директива о передаче военнопленных государственной тайной полиции.

1. а) В соответствии с указаниями, данными ранее, комендант лагеря должен передавать советских военнопленных в случае совершения ими влекущих за собой наказание проступков государственной тайной полиции и исключать их из категории военнопленных, если он считает, что его дисциплинарные права недостаточны для того, чтобы наказать за совершенный проступок. Отчет о фактах не требуется.

b) Советские военнопленные, пойманные при попытке к бегству, должны прежде всего быть переданы в ближайшее отделение полиции для того, чтобы установить, совершили ли они во время побега проступки, влекущие за собой наказание. Исключение из категории военнопленных производится по предложению отделений полиции в соответствии с разделом А-6 директивы № 4 о мерах в отношении военнопленных, находящихся в распоряжении управления по использованию рабочей силы, которые были пойманы при попытке к бегству и отказывались работать.

c) Пойманные при попытке к бегству советские офицеры, которые являются военнопленными, должны передаваться гестапо и должны быть исключены из категории военнопленных (раздел А-1 директивы № 4).

d) Советские военнопленные — офицеры, отказывающиеся работать, проявляющие себя агитаторами и оказывающие нежелательное влияние на готовность других военнопленных работать, должны быть направлены соответствующим лагерем в ближайшее отделение государственной тайной полиции и должны быть исключены из категории военнопленных (раздел С-1 директивы № 4 и директива № 5).

e) Советские военнопленные — рядовые, которые отказываются работать, являются зачинщиками и проявляют себя как агитаторы и оказывают нежелательное влияние на готовность других военнопленных работать, должны быть направлены в ближайшее отделение государственной тайной полиции и должны быть исключены из категории военнопленных (раздел С-2 директивы № 4).

f) Советские военнопленные (как рядовые, так и офицеры), которые на основании своих политических взглядов были отобраны оперативными командами полиции безопасности и службы безопасности, должны быть переданы по просьбе комендантов лагерей оперативным командам и исключены из категории военнопленных (директива № 6).

g) Польские военнопленные должны быть переданы в ближайшее отделение государственной тайной полиции и исключены из категории военнопленных, если доказано, что они совершили акты саботажа. Решение остается за комендантом лагеря. Докладывать об этих действиях нет необходимости (директива № 7).

2. Нет надобности докладывать отделу военнопленных командования 6-го военного округа о передаче военнопленных и исключении их из категории военнопленных в случаях, упомянутых в параграфе 1 настоящего распоряжения.

3. Военнопленные всех других стран должны передаваться государственной тайной полиции и должны исключаться из категории военнопленных по специальному приказу верховного командования вооруженных сил или отдела военнопленных командования 6-го военного округа.

4. Военнопленные, которые подозреваются в участии в подпольных организациях или движении Сопротивления, должны по требованию гестапо передаваться для допроса.

Они остаются военнопленными, и с ними должны обращаться как с таковыми.

Передача гестапо и исключение их из категории военнопленных может произойти только по приказу ОКВ или отдела военнопленных командования 6-го военного округа. В отношении французских и бельгийских военнопленных и интернированных итальянских военнослужащих должно быть получено согласие отдела военнопленных командования 6-го военного округа (в случае необходимости — по телефону) перед тем, как передавать таких лиц гестапо для допроса». Данный документ получил известность как декрет «Пуля». Военнопленных, которых на основании этого декрета направляли в Маутхаузен, казнили.

Представляю документ ПС-2285 под номером США-490. Это письменные показания под присягой подполковника Гивант де Сен-Га и лейтенанта Жана Фредерика Вейта. Оба они из французской армии. Эти показания были даны 13 мая 1945 г. в ходе официального расследования представителями американской армии. Из показаний явствует, что подполковник Сен-Га находился в Маутхаузене с 18 марта 1944 г. по 22 апреля 1945 г., лейтенант Вейт был заключен там же с 22 апреля 1943 г. по 22 апреля 1945 г. Оглашаю выдержки из этих показаний:

«В Маутхаузене заключенные подвергались различным методам обращения, включая "акцион К", или "Кугель". По прибытии эшелонов заключенные, которые были помечены буквой "К", не регистрировались, не получали номеров и их фамилии оставались неизвестными всем, кроме чиновников политического отдела. По прибытии одного эшелона лейтенанту Вейту довелось услышать следующую беседу между унтерштурмфюрером Штрейвизером и начальником эшелона: "Вопрос: Сколько заключенных? Ответ: Пятнадцать, но двое из них помечены буквой "К". Значит, всего — тринадцать".

Заключенных, помеченных буквой "К", направляли прямо в тюрьму, где они должны были раздеваться и идти в "баню". Эта "баня", расположенная в погребе тюрьмы, недалеко от крематория, была специально оборудована для казней (расстрелов или отравления газом).

Расстрелы происходили при помощи специального "измерительного" аппарата. Заключенные должны были становиться спиной к "измерительному" аппарату, и как только движущаяся планка для определения роста соприкасалась с их головой, автоматически производился выстрел в затылок.

Если эшелон состоял из слишком большого количества заключенных категории "К", то они, чтобы не терять времени на "измерение", уничтожались газом, который поступал в "баню" вместо воды».

Теперь я перехожу к другому вопросу, а именно к вопросу о том, что гестапо несет ответственность за создание концлагерей и классификацию их на категории, за передачу лиц, нежелательных с расовой и политической точек зре-

ния, в концлагеря и в лагеря для уничтожения, где они подвергались рабскому труду и массовому истреблению. Трибунал уже получил доказательства относительно ответственности гестапо за управление концлагерями и за превентивное заключение в концлагерях. Гестапо издало также приказы о создании концлагерей, о превращении лагерей для военнопленных и трудовых лагерей в концлагеря, о создании специальных отделений для заключенных женщин и т.д.

Начальник полиции безопасности и СД отдал распоряжение о классификации концлагерей в соответствии с серьезностью обвинения и возможностью перевоспитания заключенных в нацистском духе. Как следует из документа ПС-1063 (а), который представляется под номером США-492, концлагеря были классифицированы по трем категориям. Первая категория предназначалась для менее провинившихся заключенных, третья категория — для наиболее провинившихся. Этот документ подписан Гейдрихом и датирован 2 января 1941 г. Оглашаю его:

«Тема: Классификация концлагерей.

Рейхсфюрер СС и начальник германской полиции дал согласие на классификацию концлагерей по различным категориям, учитывая личность заключенных и степень их опасности для государства. Поэтому концлагеря будут разделены на следующие категории:

Категория I — для всех заключенных, против которых выдвинуты лишь незначительные обвинения и которые определенно могут исправиться, а также для особых случаев и одиночного заключения — лагеря в Дахау, Заксенхаузене и Освенциме I. Последний частично относится и ко второй категории.

Категория I-А — для всех старых и условно трудоспособных заключенных, которых все же можно использовать для работы на огородах лекарственных трав, — лагерь Дахау.

Категория II — для заключенных, против которых выдвинуты тяжкие обвинения, но которых все же можно перевоспитать и исправить, — лагеря в Бухенвальде, Флоссенбурге, Нейенгамме и Освенциме II.

Категория III — для заключенных, против которых выдвинуты самые тяжкие обвинения, а также для тех, которые до этого были осуждены за уголовные преступления, для антиобщественных заключенных, то есть для тех, которых вряд ли можно исправить, — лагерь в Маутхаузене».

Я обращаю внимание господ судей на то, что мы уже говорили о лагере Маутхаузен, где производились операции «Кугель».

Начальник полиции безопасности и СД имел право устанавливать срок заключения. Во время войны заключенным не объявляли о сроке, а лишь указывали, что они заключены «до особого распоряжения». Это мы установили при помощи документа ПС-1531, который уже был представлен под номером США-248. Я упоминаю об этом документе

лишь для того, чтобы указать, что гестапо и СД имели право устанавливать срок заключения.

Местные отделения гестапо, которые производили аресты, вели запись в книге, называемой «хафтбух» («книга содержания под стражей»). Насколько я помню, это означает просто полицейский список, в который заносились фамилии всех арестованных, их биографические данные, причина ареста и решение по делу. Когда из штаба гестапо в Берлине приходил приказ о передаче арестованных лиц в концлагеря, то в этом списке делалась соответствующая отметка.

В качестве доказательства я представляю оригинал одной из таких регистрационных книг (документ Л-353, США-495). Эта книга была захвачена 22 апреля 1945 г. 3-й армией при продвижении американских войск по территории Германии. Это подлинный список, составленный в гестапо города Томашува в Польше. Сюда заносились фамилии арестованных, причины ареста и принятые решения в период с 1 июня 1943 г. по 20 декабря 1944 г. В списке имеется приблизительно 3500 фамилий. Около 2200 человек было арестовано за участие в движении Сопротивления и в партизанских отрядах. Это очень большая книга. Я попрошу секретаря передать ее судьям для ознакомления. Она слишком объемиста, чтобы снимать с нее фотостаты. Откройте ее на любой странице, и я вам объясню, что означал каждый из различных столбцов начиная с левой стороны. Первый столбец содержит лишь номер арестованного. Затем идет фамилия. Третий столбец — краткие биографические сведения. Четвертый — местожительство. Затем идет дата ареста и указывается, кем было арестовано данное лицо. Это пятый столбец. Следующий столбец указывает место ареста, затем причину ареста. После этого стоит еще один номер, по-видимому, это номер, которым обозначена передача данного лица в соответствующие органы. Затем идет столбец, где указано решение в отношении этого лица. И последний столбец содержит примечания. Против некоторых из 3500 фамилий, как Вы видите, имеются красные пометки. По-видимому, это те лица, которые были расстреляны, их 325 человек. Только 35 из этих 325 были сначала преданы суду. 950 человек из этого списка были посланы в концлагеря, а 155 — на принудительный труд в Германию. Согласно этому списку подобная же судьба ожидала лиц, арестованных по другим причинам, например коммунистов, евреев, заложников, а также лиц, схваченных в порядке репрессалий.

Особо хочу обратить внимание Трибунала на записи под номерами 286, 287, 288 (в первом столбце списка), где в графе «преступление» указано «альс юден», другими словами — «потому что еврей». И в этих случаях имеется красная отметка, то есть лицо было подвергнуто смертной казни.

Я закончил с этим документом и хочу теперь обратить внимание Трибунала на документ Л-215, который уже был представлен под номером США-243. Я не намереваюсь

вновь цитировать этот документ, если Вы, господа судьи, не захотите его заслушать. Это сборник подлинников досье на 25 жителей Люксембурга, которые были подвергнуты превентивному заключению и сосланы в концлагеря. Я лишь сошлюсь на одну фразу. Цитирую:

«Как установлено государственной тайной полицией, он своими убеждениями угрожает существованию и безопасности народа и государства».

И в каждом случае в досье на 25 люксембуржцев это дается как причина перевода в концлагерь.

Председатель: Нет доказательств, что они были казнены?

Стори: Нет, сэр. Все они были просто сосланы в концлагеря.

К этому документу прилагается анкета, которая посылалась в штаб гестапо в Берлин в случаях, когда то или иное лицо прибывало в концлагерь.

Еще один документ — ПС-1472, который уже был представлен под номером США-279. Я лишь упомяну о нем для того, чтобы перейти к другому. Это телеграмма Мюллера от 16 декабря 1942 г., в которой Мюллер сообщил, что гестапо может захватить около 45 тысяч евреев в связи с проведением программы пополнения рабочей силы в концлагерях. С этим вопросом связан также документ ПС-1063-(d), представленный под номером США-219.

Мюллер послал директиву командирам и инспекторам полиции безопасности и службы безопасности и руководителям областных отделений гестапо, в которой он сообщал, что 14 декабря 1942 г. Гиммлер приказал направить в концлагеря не позднее чем в конце января по меньшей мере 35 тысяч трудоспособных людей.

В этой же связи я представляю под номером США-496 документ Л-41. Этот документ содержит последующее указание Мюллера от 23 марта 1943 г., в котором сказано, что мероприятия должны быть осуществлены не позднее 30 апреля 1943 г. Я хочу процитировать второй абзац третьей страницы этого документа:

«Однако надо следить за тем, чтобы в концлагеря направлялись только трудоспособные заключенные и подростки в соответствии с изданными директивами, иначе концлагеря будут переполнены, и это помешает достичь намеченной цели».

В этой же связи представляю документ ПС-701, США-497. Это письмо от 21 апреля 1943 г. министра юстиции государственным обвинителям и уполномоченному министерства юстиции по лагерям.

«Тема: О поляках и евреях, которые освобождаются из тюрем министерства юстиции. Указания отдельным тюрьмам.

1. В соответствии с новыми руководящими принципами о применении ст. 1 раздела 2 декрета от 11 июня 1940 г. ("Рейхсгезетцблатт", раздел 1, стр. 877) главное управление имперской безопасности директивой от 11 марта 1943 г. П А2 № 100/43-176 дало следующие указания:

a) евреи, которые в соответствии с разделом 6 руководящих принципов освобождаются из тюрем, должны направляться отделением государственной полиции того района, где расположена тюрьма, на пожизненное заключение в концлагеря Освенцим или Люблин в соответствии с ранее данными указаниями о превентивном заключении.

То же относится и к евреям, которые в будущем будут освобождаться из тюрем после отбытия срока наказания;

b) поляки, которые в соответствии с разделом 6 руководящих принципов освобождаются из тюрем, должны направляться отделением государственной полиции того района, где расположена тюрьма, до конца войны в концлагеря в соответствии с ранее данными указаниями о превентивном заключении.

То же относится в будущем и к полякам, которые, пробыв в тюрьме более шести месяцев, освобождаются из нее.

В соответствии с просьбой главного имперского управления безопасности я прошу, чтобы в будущем:

a) все евреи, которые должны быть освобождены,

b) все поляки, которые должны быть освобождены и которые отбыли срок наказания более шести месяцев, были переданы соответствующему отделению государственной полиции для дальнейшего содержания под стражей и, заблаговременно до окончания срока приговора, были бы переданы в распоряжение данного отделения гестапо для этапирования».

Следующий вопрос, на котором я остановлюсь, касается участия гестапо и СД в угоне граждан оккупированных стран на принудительный труд и в осуществлении надзора за этими рабочими.

В связи с тем, что уже представлялись материалы по вопросу о принудительном труде, я не буду повторяться. Неоднократно упоминалось, что гестапо и СД играли важную роль в угоне рабочих в Германию, и я особенно хочу обратить внимание на два или три документа, которые уже были представлены. Я делаю это лишь для того, чтобы указать именно на роль гестапо и СД. Документ Л-61, представленный под номером США-177. Это письмо Фрица Заукеля от 26 ноября 1942 г., в котором он говорит, что 26 октября 1942 г. начальник полиции безопасности и службы безопасности сообщил ему, что в ноябре начнется эвакуация поляков из района Люблина для того, чтобы освободить место для поселения лиц германской расы. Эвакуированные в результате этой меры поляки будут направлены в концлагеря для работы, так как они являются преступными или антиобщественными элементами.

Трибунал, вероятно, помнит также письмо Кристиансена (документ ПС-3012), представленное под номером США-190. В этом письме говорилось, что в течение 1943 года программа массового уничтожения, проводимая эйнзатцгруппами на Востоке, должна быть изменена с целью захвата сотен тысяч человек для военной промышленности. Там

также говорилось, что в случае необходимости должна применяться сила. Можно было также освобождать пленных для использования их на принудительных работах. Когда сжигались деревни, все население должно было предоставляться в распоряжение уполномоченных по вербовке рабочей силы.

Прямая ответственность гестапо за поддержание установленных для иностранных рабочих ограничений явствует из нашего следующего документа ПС-1573, который я представляю под номером США-498. Это секретный приказ от 18 июня 1941 г., подписанный Мюллером и адресованный областным отделам гестапо. Оглашаю выдержки:

«Всем административным отделам государственной полиции. К сведению штурмбаннфюрера СС Носке или его представителя в Аахене.

Тема: Меры, которые должны быть приняты в отношении эмигрантов и гражданских рабочих из великорусских районов, а также в отношении иностранных рабочих.

Для того чтобы предотвратить неразрешенное и своевольное возвращение русских, украинских, белорусских, казацких и кавказских эмигрантов и гражданских рабочих с территории Германии на Восток и предотвратить попытки саботажа, совершаемого иностранными рабочими в германском производстве, я приказываю следующее:

1. Руководители отделений русских, украинских, белорусских и кавказских бюро по опеке, а также комитет помощи и руководящие члены русских, украинских, белорусских, казацких и кавказских эмигрантских организаций должны быть немедленно оповещены о том, что им до получения новых указаний воспрещено покидать свое местожительство без разрешения полиции безопасности. Им должно быть предложено применить подобные же меры в отношении лиц, находящихся у них под надзором. Их внимание следует обратить на то, что они будут арестованы за неразрешенный выезд с места работы и места жительства. Прошу постоянно под каким-либо предлогом проверять действия руководителей местных отделений, если возможно, путем ежедневных запросов.

2. Эмигранты и иностранные рабочие должны быть арестованы, если этого требуют обстоятельства, если они подозреваются в том, что ведут разведывательную деятельность в пользу СССР. Такой шаг должен быть подготовлен... Однако данная мера должна быть применена лишь после того, как срочной телеграммой будет передан пароль «Фремдфёлькер».

Затем я представляю в качестве доказательства документ за номером ПС-3360, США-499. Прежде чем передать его переводчику, я хотел бы показать его Вам. Это подлинник телеграммы, посланной отделению гестапо в Нюрнберге. Этот документ был обнаружен лейтенантом Стивенсом близ Херцбурга, в Германии. Отметьте, что документ частично сожжен. Он был обнаружен вместе с другими доку-

ментами, зарытыми в землю, их пытались сжечь, но потом зарыли в землю. Это одна из телеграмм гестапо, направленных отделению гестапо в Нюрнберге и Фюрте, датированная 12 февраля 1944 г. Я зачитаю телеграмму:

«РСХА IV, Ф-1, 45/44.

Генеральному инспектору. Срочно. Вручить немедленно.

Обращение с бежавшими восточными рабочими после их поимки.

По приказу рейхсфюрера СС все бежавшие восточные рабочие после их поимки должны немедленно и без исключения быть направлены в концентрационные лагеря. Что касается доклада рейхсфюреру СС, я требую, чтобы был дан только один отчет по телеграфу в секцию IV D (иностранные рабочие) 10 марта 1944 г. относительно количества восточных рабочих мужского и женского пола, направленных в концлагеря в период между сегодняшним днем и 10 марта 1944 г.».

При помощи этих методов гестапо и СД поддерживали контроль над рабочими, насильственно угнанными в Германию для принудительного труда.

Я перехожу к следующему вопросу: гестапо и СД казнили захваченных коммандос и парашютистов и брали под защиту гражданских лиц, которые линчевали союзных летчиков.

4 августа 1942 г. Кейтель издал приказ, который предусматривал ответственность гестапо и СД за принятие контрмер против отдельных парашютистов и небольших групп парашютистов, которые имели особые задания. Я представляю в качестве доказательства документ ПС-553 как следующее по очереди доказательство США-500. Я оглашу выдержку на первой странице перевода:

«Когда германские вооруженные силы захватывают отдельных парашютистов, их следует немедленно после направления доклада в соответствующий отдел абвера доставлять в ближайшее отделение полиции безопасности и СД».

С разрешения Трибунала я отвлекусь от текста. Когда генерал Тэйлор будет представлять доказательства, касающиеся нацистского высшего командования, он остановится на некоторых из этих приказов. Он более подробно будет говорить об этом и еще об одном приказе. Я сейчас представляю эти приказы для того, чтобы показать роль, которую играли гестапо и СД в связи с этими приказами.

Затем я представляю в качестве доказательства за номером США-501 документ ПС-498. Это известный приказ о коммандос, подписанный Гитлером 18 октября 1942 г. Этот приказ был напечатан только в 12 экземплярах, и тот, который мы сейчас имеем, является подлинным, подписанным Гитлером. Один экземпляр был направлен рейхсфюреру СС и начальнику полиции безопасности. Я хочу огласить из этого приказа только ту его часть, в которой говорится, что все коммандос, будь они в форме или нет, вооружены или безоружны, должны быть истреблены до последнего чело-

века. Я оглашу сейчас четвертый абзац в конце страницы для того, чтобы показать роль СД:

«Если отдельные члены таких команд, как-то: агенты, диверсанты и другие, попадают в руки военных властей другими путями, например через полицию на оккупированных территориях, то они должны быть немедленно переданы СД».

Другой приказ, на который я хотел бы сослаться, это документ ПС-526. Я представляю его в качестве доказательства под номером США-502. В нем говорится о якобы имевшей место высадке диверсантов в Норвегии. Этот документ датирован 10 мая 1943 г. и обозначен как совершенно секретный приказ. Я оглашу первый абзац:

«30 марта 1943 г. в Тофтефиорд был замечен вражеский катер. Катер был взорван противником, из команды двое убиты и десять взяты в плен».

Это относительно команды. А в конце приказа, в третьей фразе снизу, говорится: «Приказ фюрера выполнен СД (служба безопасности)».

Мы уже представили документ Р-110 под номером США-333. Это приказ Гиммлера от 10 августа 1943 г., направленный полиции безопасности. В приказе говорилось, что полиция не должна вмешиваться в столкновения между немцами и английскими или американскими пилотами — террористами, которые были сбиты. Этот приказ был лично подписан Гиммлером. Вот его подпись. Этот документ уже был представлен в качестве доказательства, но я хотел вновь обратить на него внимание Трибунала.

Затем я перехожу к следующему вопросу: гестапо и СД вывозили гражданских лиц из оккупированных стран в Германию для тайного суда и расправы над ними.

Об этом говорится в директиве от 7 сентября 1941 г., зашифрованной кодовым названием «Мрак и туман» и подписанной Гитлером.

Далее я ссылаюсь на документ Л-90, представляемый под номером США-503. Это распоряжение Гиммлера, где даются указания о том, чтобы лица, совершившие преступления против Германии или оккупационной армии на оккупированной территории, за исключением тех случаев, когда вынесение смертного приговора не вызывает сомнения, вывозились в секретном порядке в Германию и передавались полиции безопасности и СД для суда над ними и исполнения наказания в самой Германии. Это подлинный документ. Я оглашу выдержку с первой страницы перевода. Распоряжение написано на бланке канцелярии рейхсфюрера СС и начальника германской полиции в Мюнхене 4 февраля 1942 г.

«Тема: Судебное преследование лиц, совершивших преступления против империи или оккупационной армии.

1. Настоящим доводятся до вашего сведения следующие инструкции, изданные начальником штаба верховного командования германских вооруженных сил 12 декабря 1941 г.

После тщательного изучения фюрер желает, чтобы были изменены меры, которые применяются в отношении лиц, виновных в совершении преступлений против империи или против оккупационной армии на оккупированных территориях. Фюрер считает, что в случае преступления наказание в виде пожизненного заключения или даже пожизненного тюремного заключения с применением каторжных работ является проявлением слабости. Единственной мерой длительного устрашения населения является вынесение смертного приговора или применение таких мер, которые оставят семью и население в неизвестности относительно судьбы преступника. Вывоз в Германию служит именно этой цели.

Директивы об уголовном преследовании лиц, совершивших перечисленные выше преступления, соответствуют мнению фюрера. Они были изучены и одобрены им. Кейтель».

Затем следуют некоторые другие распоряжения и указания.

Это весьма обширный документ с приложениями. Выдержка, которую я оглашу, находится в конце четвертой страницы английского перевода:

«Поскольку СС и полиция являются властями, несущими ответственность за борьбу против преступлений, перечисленных в разделе 1, они должны действовать соответствующим образом».

Теперь я хочу перейти к странице 20 английского перевода этих же документов. Это секретное письмо от 2 февраля 1942 г., адресованное управлению разведки и контрразведки (абвер). Я оглашу выдержку из него после слов «при сем прилагаются»:

«1) директива фюрера и верховного главнокомандующего германских вооруженных сил от 7 сентября 1941 г.,

2) приказ о порядке исполнения ее от того же числа,

3) циркуляр начальника штаба верховного командования германских вооруженных сил от 12 декабря 1941 г.

Директива вносит существенные изменения в порядок преследования. Фюрер и верховный главнокомандующий вооруженных сил считает, что те гражданские лица, которые совершили на оккупированных территориях преступления такого характера, как это изложено выше, должны передаваться компетентным военно-полевым судам на оккупированных территориях только в том случае, если: а) будет вынесен смертный приговор и b) смертный приговор будет вынесен не позднее чем через восемь дней со дня ареста преступника.

Фюрер и верховный главнокомандующий считает, что, если не будут выполняться эти оба условия, судебное преследование на оккупированных территориях не будет иметь необходимого устрашающего эффекта.

Во всех других случаях заключенные в будущем должны доставляться секретным порядком в Германию и дальнейшее разбирательство дел о них будет производиться

здесь; эти мероприятия должны иметь устрашающий эффект потому, что а) заключенные будут исчезать, не оставляя следа, и b) не будет никаких сведений об их местопребывании или судьбе».

Пропуская один абзац, я перехожу к следующему абзацу, где говорится:

«В случае если компетентный военно-полевой суд или командующий придерживаются мнения, что невозможно принять немедленное решение на месте и заключенных следует поэтому отправить в Германию, отделения контрразведки должны докладывать об этом случае непосредственно в РСХА, Берлин, Принц-Альбрехтштрассе 7, доктору Фишеру, начальнику уголовной полиции, и сообщать точное количество заключенных или групп.

В отдельных случаях, когда командующий непосредственно заинтересован в том, чтобы это дело было срочно рассмотрено военно-полевым судом, следует докладывать об этом в РСХА. Копии полных докладов следует направлять в управление разведки и контрразведки (абвер, отдел III).

РСХА будет решать на основании имеющихся данных, какое управление государственной полиции будет принимать этих заключенных. Затем это управление будет устанавливать связь с компетентным управлением контрразведки и определять с ним вместе подробности устранения: будет ли это производиться тайной военной полицией, полевой жандармерией или самим гестапо; это управление будет также определять место и способ, которые следует избрать».

После того как гражданские лица вывозились в Германию, ни одного слова относительно их судьбы не поступало их близким в страну, откуда они прибыли.

Я сейчас представляю под номером США-504 документ ПС-668. Это — письмо начальника полиции безопасности и СД от 24 июня 1942 г. Оглашаю выдержку на первой странице английского перевода:

«Цель директивы фюрера и верховного главнокомандующего германскими вооруженными силами относительно наказания лиц, совершивших преступления против империи или оккупационных войск на оккупированных территориях, от 7 сентября 1941 г. заключается в том, чтобы в целях устрашения создать атмосферу неизвестности относительно судьбы заключенных среди их родственников и знакомых посредством вывоза в империю лиц, арестованных на оккупированных территориях по обвинению во враждебной Германии деятельности. Эта цель не будет достигнута, если родственников будут извещать о смерти этих лиц. Поэтому не рекомендуется по той же причине возвращать тело для его погребения на родине, а также потому, что место погребения может быть использовано для демонстраций.

Поэтому я предлагаю принимать следующие меры в случаях смерти:

а) родственников не извещать,

b) тело погребать на месте смерти, в империи,

c) о месте, где погребено тело, в настоящее время никому не сообщать».

Затем я перехожу к деятельности СД и гестапо, которая заключалась в осуществлении арестов, судопроизводства и наказаний граждан оккупированных территорий путем особой судебной процедуры, т.е. суммарного производства. Я обращаю Ваше внимание на документ ПС-674, который я представляю под номером США-505.

Гестапо арестовывало, подвергало превентивному заключению и казнило граждан на оккупированных территориях при определенных обстоятельствах. Даже когда имелись суды, которые могли в срочном порядке разобрать дело, гестапо придерживалось своей собственной процедуры, не соблюдая обычных уголовно-процессуальных норм.

Упомянутый мною документ представляет собой письмо главного государственного обвинителя в Катовицах от 3 декабря 1941 г., адресованное имперскому министру юстиции и направленное для сведения правительственному советнику Штадерману (Берлин) или его уполномоченному. Тема: «Проведение полицией казней и ускорение судебной процедуры, без приказов на то. Приложение: 1 экз. доклада». Оглашаю этот документ:

«Примерно три недели назад шесть агентов (часть из них немцы) были повешены полицией в связи с раскрытием в Тарновске—Гуры преступной организации из 350 членов. Об этом не было сделано сообщения компетентному суду. Такие казни преступных агентов уже имели место в районе Бельско и о них также не сообщалось государственному прокурору. 2 декабря 1941 г. начальник гестапо в Катовицах, оберрегирунгсрат Мильднер устно доложил нижеподписавшемуся, что он приказал по уполномочию рейхсфюрера СС немедленно произвести казни путем публичного повешения на месте совершения преступления, и что такие устрашающие меры будут применяться также в дальнейшем, пока преступные и активные антигерманские элементы на оккупированных восточных территориях не будут полностью уничтожены, или до тех пор, пока другие срочные меры, возможно, также через суды, не будут гарантировать столь же устрашающего эффекта. Соответственно шесть руководителей другой польской организации в районе Сосновец, виновные в государственной измене, также должны быть публично повешены сегодня в назидание.

Нижеподписавшийся испытывает значительное сомнение относительно такой процедуры.

Помимо того, что эти меры изъяты из юрисдикции обычного суда и противоречат все еще действующим законам, такое срочное судебное разбирательство одной полицией, с нашей точки зрения, не может признаваться законным.

Судебные органы на нашей территории и в рамках нашей юрисдикции вполне в состоянии осуществлять бы-

струю кару путем особой судебной процедуры (создание так называемых чрезвычайных особых судов). Можно также ускорить предъявление обвинения и судебное производство таким образом, что в случае упрощения практики и в случае необходимости о решении может сообщаться по телефону и между передачей дела государственному прокурору и казнью будет проходить не более трех дней. Об этом вчера было сказано нижеподписавшимся начальнику гестапо в Катовицах.

Мы не думаем, чтобы применение полицией смертных казней преступников, особенно немцев, могло рассматриваться многими немецкими гражданами как наиболее эффективная мера в смысле правосудия. Если смертные казни будут применяться продолжительное время, то это вместо устрашения может привести к дальнейшему ожесточению, что не соответствует той цели умиротворения, которая преследуется. Однако эти высказывания не относятся к будущим ускоренным военно-полевым судам для поляков и евреев».

Я перехожу к документу ПС-654, который уже был представлен в качестве доказательства под номером США-218. Поскольку он относится к этому вопросу, я в нескольких словах суммирую его содержание. В нем говорится о том, что 18 сентября 1942 г. Тирак, имперский министр юстиции, и Гиммлер пришли к соглашению относительно того, что тех, кого нацисты считали антисоциальными элементами, следует передать Гиммлеру с тем, чтобы они были доведены до гибели непосильным трудом. Там также говорилось о том, что полиция должна была проводить особые карательные мероприятия в отношении евреев, поляков, цыган, русских и украинцев, которых не должны были судить обычными уголовными судами.

Другой документ, из которого я оглашу только одну выдержку, представляет собой приказ от 5 ноября 1942 г., изданный РСХА. Этот документ Л-316 был представлен в качестве доказательства под номером США-346. В нем говорится:

«Осуществление правосудия в отношении лиц негерманской национальности должно быть изъято из судебных органов и передано в ведение полиции». Таким образом данный документ устанавливает причастность полиции к этим преступлениям.

Затем я перехожу к следующему вопросу. Гестапо и СД казнили или же подвергали заключению в концентрационные лагеря лиц за действия, совершаемые якобы их родственниками. В этой связи я представляю в качестве доказательства за номером США-506 документ Л-37. Это письмо от 19 июля 1944 г. Я обращаю Ваше внимание на то, что оно датировано 1944 годом. Письмо было написано начальником полиции безопасности и СД Радомской области и адресовано управлению разведки в Томашуве.

Я хотел бы упомянуть о том, что объемистый том, который мы представили в качестве доказательства, содержит в себе целый ряд документов относительно Радомской области.

Темой письма была «коллективная ответственность членов семей убийц и диверсантов». Я оглашаю это письмо после слов «предварительные условия»:

«Начальник СС и полиции на Востоке 28 июня 1944 г. издал следующий приказ:

Ситуация в генерал-губернаторстве за последние месяцы ухудшилась в отношении безопасности до такой степени, что с настоящего времени надо принимать самые радикальные и самые жестокие меры против убийц и диверсантов не немецкой национальности.

Рейхсфюрер СС по соглашению с генерал-губернатором приказал, что во всех случаях, когда имеют место нападения или покушения на немцев или когда диверсантами разрушены жизненно важные сооружения, надо не только расстреливать захваченных преступников, но и казнить всех их родственников мужского пола, а всех родственников женского пола старше 16 лет следует помещать в концлагеря. Настоящим строго предписывается принимать все меры к тому, чтобы незамедлительно устанавливать имена и адреса преступника или преступников, которых не удается захватить. В качестве близких родственников мужского пола могут рассматриваться, например, отец, сыновья (в случае если они старше 16 лет), братья, шурины, двоюродные братья и дяди преступника. Равным образом это распространяется и на женщин. Эта процедура должна установить полную коллективную ответственность всех мужчин и женщин, связанных родственными связями с преступником. Кроме того, это положение полностью распространяется на семьи политических преступников. Эта практика дала лучшие результаты уже в конце 1939 года на новых восточных территориях, в особенности в районе Варты. Как только этот новый метод борьбы против диверсантов и убийц становится известным этим чужеземным народам — этого можно достигнуть путем устной пропаганды, — женщины тех семей, которые имеют родственников — членов движения Сопротивления или партизанских отрядов, как это доказано на опыте, начинают оказывать обуздывающее влияние».

Я перехожу сейчас к вопросу о применении гестапо и СД допросов «третьей степени» к военнопленным. Я обращаю Ваше внимание на документ ПС-1531, который уже был представлен под номером США-248. Это подписанный Мюллером приказ от 12 июня 1942 г., который разрешал применять допросы «третьей степени» в случаях, когда по данным предварительного расследования задержанные могли бы дать информацию о важных фактах, например о подрывной деятельности, однако приказ не разрешал вымогать у допрашиваемых признания в преступлениях, совер-

шенных ими самими. Оглашаю выдержки со второй страницы английского перевода:

«Допросы "третьей степени" могут применяться исключительно против коммунистов, марксистов, «свидетелей Иеговы», диверсантов, террористов, членов движения Сопротивления, парашютистов и антиобщественных элементов, польских или советско-русских бродяг. Во всех других случаях необходимо получать мое разрешение».

Затем я перехожу к четвертому абзацу:

«"Третья степень", в зависимости от обстоятельств, включает, среди прочих, следующие методы:

очень простая диета (хлеб, вода), жесткая койка, темная камера, лишение сна, истощающая муштра, порка (при назначении более 20 ударов нужна консультация врача)».

24 февраля 1944 г. начальник ЗИПО и СД Радомского района опубликовал приказ, изданный начальником ЗИПО и СД в Кракове (документ Л-89). Я представляю его за номером США-507. Этот приказ повторял точно все указания, которые давались в приказе Мюллера. Я оглашу выдержку из него:

«Ввиду большого разнообразия методов, которые используются в настоящее время при усиленных допросах, с целью избежать излишеств, а также защищать чиновников против возможного уголовного преследования руководитель полиции безопасности и СД в Кракове издал следующий приказ, адресованный полиции безопасности в генерал-губернаторстве и составленный на основании инструкций, имеющих силу внутри империи».

Перечисляются инструкции. Значимость этого документа состоит в том, что он доказывает, что даже в 1944 году гестапо применяло допросы «третьей степени».

Теперь я перехожу к освещению деятельности гестапо и СД, игравших огромную роль в преследовании евреев; я не намерен подробно разбирать доказательства, представленные ранее, за исключением ссылок на участие этих организаций в преследовании евреев.

Уже рассматривалась ответственность гестапо и СД за программу массового истребления евреев, которая выполнялась эйнзатцгруппами ЗИПО и СД в лагерях истребления, куда направляли евреев эти организации. Я только обращу внимание Трибунала на документ ПС-2616, который был уже представлен как доказательство и в котором сведения о количестве умерщвленных евреев были даны Эйхманом. Я прошу заметить, что Эйхман возглавлял секцию «IV-B» гестапо. Эта секция гестапо занималась еврейскими вопросами, в том числе эвакуацией, методами борьбы против врагов германского народа и государства и лишением германского гражданства.

Гестапо занималось также проведением в жизнь существовавших в Германии законов о дискриминации.

Я обращаю внимание Трибунала на документ ПС-3058, представленный под номером США-508. Этот документ, ко-

торый я хочу показать господам судьям, обведен красной рамкой. Он датирован 11 ноября 1938 г., подписан лично Гейдрихом и адресован подсудимому Герингу. Я передаю этот документ секретарю суда, но, прежде чем сделать это, я хотел бы обратить внимание Трибунала на имеющееся здесь приложение, указывающее на то, что на этот вопрос обращалось внимание подсудимого Геринга.

Здесь говорится о деятельности гестапо в связи с антиеврейскими демонстрациями, которые происходили, как Вы помните, осенью 1938 года.

«Масштабы разрушений еврейских магазинов и квартир пока нельзя подтвердить цифрами. В донесениях приводятся следующие данные: 815 разрушенных магазинов, 29 универмагов подожжено или разрушено, 171 подожженный или разрушенный жилой дом. Они отражают только часть действительно имеющихся разрушений. Вследствие срочного характера отчетности поступившие до сих пор донесения содержат лишь общие данные, например "многочисленные разрушения" или "большинство магазинов разрушено". Поэтому указанные цифры значительно преуменьшены.

Из синагог 191 подожжена, 76 полностью разрушены, 11 общинных домов и часовен на кладбищах было подожжено и еще 3 полностью разрушено.

Было задержано около 20 тысяч евреев, кроме того, 7 арийцев и 3 иностранца. Последние для их безопасности были взяты под стражу. Получены сведения о 36 смертельных случаях и 36 случаях тяжелых ранений. Убитые и раненые являются евреями. Один еврей пропал без вести. Среди убитых находится один и среди раненых два польских гражданина».

Теперь, господа судьи, я хочу особо обратить Ваше внимание на пометку на этом документе: «Генерал-фельдмаршал был информирован. Мер принимать не следует». Эта пометка сделана неизвестным лицом 15 ноября 1938 г. Подпись неразборчива.

Геринг возлагал на Гейдриха ответственность за проведение в жизнь всей этой программы. Мы представляем в качестве доказательства подлинник приказа от 31 июля 1941 г. Это документ ПС-710, США-509. Приказ написан на бланке канцелярии «рейхсмаршала Великой германской империи, уполномоченного по четырехлетнему плану, председателя совета министров по обороне империи» в Берлине 31 июля 1941 г. и адресован начальнику полиции безопасности и службы безопасности группенфюреру СС Гейдриху.

«В дополнение к задаче, поставленной перед Вами 24 января 1939 г. и имевшей целью решение еврейского вопроса наиболее выгодным образом путем дальнейшей эмиграции и эвакуации, я настоящим уполномочиваю Вас провести все необходимые приготовления в организационной и финансовой области с целью окончательно решить еврейский вопрос в сфере германского влияния в Европе. В тех

случаях, когда это будет касаться других правительственных учреждений, они будут сотрудничать с вами.

Далее я предлагаю вам направить мне в скором времени полный план, касающийся организационных и конкретных мероприятий, необходимых для желательного решения еврейского вопроса. Геринг».

Трибунал уже получил документальные доказательства того, каким было окончательное решение еврейского вопроса, разработанное Гейдрихом и осуществленное полицией безопасности и СД под руководством Гейдриха и подсудимого Кальтенбруннера. Это окончательное решение заключалось в порабощении и массовом истреблении евреев.

И, наконец, последним моментом в деятельности гестапо и СД, на который я сошлюсь при представлении доказательств преступности гестапо, является деятельность гестапо и СД в качестве основных организаций, осуществлявших преследование церкви. Трибуналу уже были представлены документальные доказательства относительно преследования церкви. В этой борьбе гестапо и СД играли тайную, но тем не менее в высшей степени значительную роль...

В СД отдел «С-2» ведал образованием и религиозной жизнью. В гестапо отдел «В-1» ведал католицизмом, связанным с политикой, отдел «В-2» ведал протестантством, связанным с политикой, отдел «В-3» ведал прочими церквями и масонами.

Церковь являлась одним из врагов нацистского государства, и особой задачей гестапо была борьба с церковью. Гестапо издавало ограничительные распоряжения, направленные против церковной деятельности, распускало церковные организации, помещало священников в превентивное заключение.

Теперь я хочу представить в качестве доказательства документ ПС-1815, США-510. Подлинник этого документа представляет собой весьма объемистое досье — я намерен цитировать лишь отдельные выдержки. Это досье районного отдела гестапо в Ахене. В документе раскрывается, что целью гестапо в ходе борьбы с церквями было их уничтожение; начну цитировать с первой страницы английского перевода.

Здесь указана дата: «12 мая 1941 г., исполнено в Берлине, исходит от РСХА, отдел "IV-В-1", направляется во все отделы гестапо. Для сведения: отделам СД; инспекторам полиции безопасности и СД. Тема: "По поводу изучения церквей, связанных с политической деятельностью, и обращения с ними".

Руководитель РСХА распорядился, что порученные СД и полиции безопасности задачи по контролированию церквей, занимающихся политической деятельностью, задачи, которые до настоящего времени осуществлялись совместно отделами СД и гестапо, отныне будут осуществляться исключительно местными отделами гестапо».

Далее в документе идет речь о плане по распределению намечаемой работы — план был объявлен РСХА 1 марта 1941 года:

«Таким образом в дополнение к борьбе с оппозицией местные отделы гестапо берут на себя всю контрразведку в данной сфере.

Для того чтобы отделы гестапо были в состоянии взять на себя эту работу, начальник полиции безопасности и СД приказал, чтобы специалисты по церкви, которые до сего времени работали в отделах СД, временно были в равном чине направлены в отделы гестапо и занимались разведывательной деятельностью в отношении церкви. По приказу руководителя РСХА и по согласованию с начальниками III, II и I управлений эти специалисты по церкви...».

Председатель: *Есть ли необходимость приводить нам все эти детали?*

Стори: *Нет, Ваша честь, не думаю. Мы приведем отдельные цитаты. Речь идет просто о направлении деятельности.*

Итак, позднее, 22 и 23 сентября 1941 г. была созвана конференция этих так называемых специалистов по церквям, приданным местным отделам гестапо. Конференция состоялась в лекционном зале РСХА в Берлине. В представляемом документе имеются данные об этой конференции. Приведена программа конференции, разработанный на конференции план мер в отношении церкви. Я зачитаю заключительное обращение к этим так называемым специалистам по церкви, выдержка очень короткая:

«Каждый из вас должен приступить к работе со всем сердцем и с истинным фанатизмом. Если при исполнении своей работы вы допустите одну-две ошибки, это ни в коей мере не должно вас огорчить, так как ошибки допускаются повсеместно. Главное, чтобы вы с убежденностью, волей, проявляя активную инициативу, противостояли противнику», т.е. церкви.

Затем, в заключение, последнее, на что я хотел бы сослаться в этом документе, находится на стр. 8 английского перевода, где сформулированы ближайшая и конечная цели, поставленные перед этими специалистами:

«Ближайшая цель: церковь не должна вернуть себе ни одного дюйма того фундамента, который ею утерян.

Конечная цель: уничтожение ортодоксальных церквей, что следует обеспечить путем сбора материалов в ходе контрразведывательной деятельности; такие материалы в определенное время будут представлены в качестве доказательства того, что церковь вела изменническую деятельность в период борьбы Германии за свое существование».

Таким образом, завершается представление фактов, документов по делу СД и гестапо. С данным делом тесно связано обвинение по делу Кальтенбруннера как представителя указанных организаций.

На этом, Ваша честь, я хотел бы закончить, сделав следующие замечания.

Документальные доказательства показывают, что гестапо было создано подсудимым Герингом в Пруссии в апреле 1933 года с особым назначением — служить в качестве полицейского органа для того, чтобы уничтожать противников нацистского режима. С того времени гестапо в Пруссии и в других землях империи проводило в жизнь программу террора против всех тех, кто считался опасным для господства заговорщиков над германским народом. Методы гестапо были крайне жестокими. Оно действовало вне рамок закона и направляло свои жертвы в концлагеря. Слово «гестапо» стало символом нацистского режима, режима насилия и террора.

Действуя втайне, за кулисами, СД посредством своей разветвленной сети осведомителей шпионила за германским народом во всех областях его жизни: на улицах, в лавках и даже в святилищах церкви.

Самое случайное высказывание какого-нибудь германского гражданина могло привести к тому, что он попадал в гестапо, где вопрос о его свободе и жизни решали не считаясь с законом.

Гестапо было главным орудием подавления при режиме, когда власть закона была заменена тираническим правлением людей. Гестапо и СД играли важную роль почти в каждом преступном мероприятии заговорщиков. Перечень этих преступлений, помимо тех бесчисленных пыток и зверств, к которым прибегали при осуществлении полицейской деятельности в Германии в интересах заговорщиков, звучит подобно послужному списку самого дьявола.

Гестапо инсценировало пограничные инциденты, которые Гитлер использовал в качестве предлога при нападении на Польшу. Гестаповцы убивали сотни тысяч беззащитных мужчин, женщин и детей при помощи покрывших себя позором эйнзатцгрупп. Они увозили евреев, политических деятелей и ученых из лагерей для военнопленных и убивали их. Они помещали военнопленных, пойманных при попытке к бегству, в концентрационные лагеря и убивали их. Они создали концентрационные лагеря, разбили их по категориям и заключали в них тысячи людей для истребления и рабского труда. Они удалили из Европы евреев и явились инициаторами убийства сотен тысяч евреев в лагерях для истребления. Они угоняли в Германию на принудительный труд сотни тысяч граждан оккупированных стран и направляли угнанных в рабство рабочих в трудовые исправительные лагеря. Они убивали захваченных в плен коммандос и парашютистов, защищали немецких граждан, которые линчевали союзных летчиков. Они вывозили в Германию граждан оккупированных стран для тайного суда над ними и их наказания. Они арестовывали, ускоренным порядком судили и наказывали граждан оккупированных стран, следуя особой процедуре, не обеспечивавшей справедливого судебного

разбирательства. Они убивали или посылали в концентрационные лагеря родственников лиц, которые якобы совершили преступления. Они приказывали убивать заключенных в тюрьмах ЗИПО и СД, чтобы не допустить освобождения их союзными армиями. Они участвовали в захвате и разграблении общественной и частной собственности. Они являлись главными органами преследования евреев и церкви.

При совершении этих преступлений гестапо действовало как организация, строго централизованная и контролируемая берлинским штабом. Отчеты направлялись в Берлин, и все важнейшие решения исходили из Берлина. Местные отделения пользовались лишь ограниченной властью для помещения людей в концентрационные лагеря. Во всех случаях, если только это дело не было безотлагательным, требовалось утверждение Берлина. Гестапо было организовано на функциональной основе. Основные подразделения гестапо занимались группами и учреждениями, в отношении которых эта организация совершала самые свои тяжкие преступления, они были мною перечислены.

Таким образом, при совершении всех этих преступлений гестапо действовало как единое целое, причем каждая его секция выполняла свою часть общих преступных замыслов, приказ об исполнении которых передавался из Берлина. Государственная тайная полиция должна быть признана организацией, несущей ответственность за бесчисленные преступления, в совершении которых она принимала участие.

СД всегда было отделом СС. Преступность СД непосредственно связана с преступностью СС и способствовала последней.

Что касается гестапо, то, как утверждает обвинение, оно являлось организацией в том смысле, в каком это понятие используется в статье 9 Устава. Подсудимые Геринг и Кальтенбруннер совершали преступления, предусмотренные статьей 6 Устава, в качестве членов и руководителей гестапо. Гестапо же как организация участвовало в заговоре и способствовало заговору, связанному с совершением преступлений, определенных статьей 6 Устава.

И, наконец, у меня в руках брошюра, опубликованная в честь Гейдриха, бывшего шефа полиции безопасности и СД; привожу цитату из речи Гейдриха, произнесенной им в 1941 году по случаю дня германской полиции; прошу Трибунал принять текст без доказывания:

«Гестапо, уголовная полиция и СД все еще окружены тайной политического детектива. В Германии присутствие этих организаций вызывает ощущение безопасности, но за границей людям этой профессии приписываются жестокость и бесчеловечность, граничащие с садизмом, их безжалостность вызывает смесь страха и содрогания».

Это слова Гейдриха, ранее возглавлявшего эту организацию.

Представление доказательств преступности генерального штаба и верховного командования германских вооруженных сил представителем обвинения от США Т. ТЭЙЛОРОМ

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 4 и 7 января 1946 г.

Ваша честь, господа судьи! Обвинительное заключение согласно статьям 9, 10 и 11 Устава предлагает признать преступными шесть организаций, из которых последней из названных в Обвинительном заключении организаций является генеральный штаб и верховное командование германских вооруженных сил.

С первого взгляда, эти шесть групп и организаций кажутся отличающимися друг от друга как по своей структуре, так и по своим функциям, но все они родственны одна другой, и мы считаем, что логически они должны быть обвиняемы совместно, поскольку они были наиболее важными средствами и главным орудием, при помощи которого нацистские заговорщики стремились достичь своих целей. Все шесть из них или были созданы нацистами, или контролировались ими, или же сотрудничали с нацистами и сыграли важную роль в достижении нацистами успеха. Партия, правительство, полиция и вооруженные силы — все вместе являлись основным и необходимым орудием.

Моей задачей является представление доказательств по делу против генерального штаба и верховного командования.

Эту группу следует отличать от других групп и организаций, против которых мы выдвигаем обвинение в преступности. Например, руководящий состав нацистской партии являлся руководящим составом самой партии, партии, которая была воплощением нацизма, при помощи которого гитлеризм пришел к власти и тирании в Германии. СА и СС были ответвлениями партии, важными ответвлениями нацистской партии. Германская полиция имела свою собственную историю развития, которая предшествовала гитлеризму, но на 99 процентов она была создана самой нацистской партией и СС. Имперское правительство было по существу комитетом или рядом комитетов имперских министров, и когда нацисты пришли к власти, естественно, что министерские посты были заняты преимущественно нацистами. Все эти группы или организации, соответственно, обязаны своим происхождением и своим развитием нацизму или же автоматически нацифицировались тогда, когда Гитлер пришел к власти.

Но это не относится полностью к группе, о которой мы сейчас будем говорить. Нет необходимости напоминать

Трибуналу о том, что германская военная мощь и германские военные традиции предвосхищали гитлеризм на много десятилетий. Не нужно иметь седую бороду, чтобы хранить живые, личные воспоминания о войне 1914—1918 гг. По этим причинам я и хочу очень коротко описать характер нашего обвинения против этой группы, имеющей уникальные характеристики, прежде чем мы перейдем к представлению доказательств.

В результате германского поражения в 1918 году и Версальского договора размеры германских вооруженных сил и размах их деятельности были очень строго ограничены. То, что эти ограничения не разрушили и даже серьезно не подорвали германский милитаризм, достаточно ясно показали последние несколько лет. Полный расцвет германской военной мощи наступил в результате сотрудничества между нацистами, с одной стороны, и руководителями германских вооруженных сил, профессиональными солдатами, моряками и летчиками — с другой. Когда Гитлер пришел к власти, он не встретил пустоту в военной области. Он нашел маленький рейхсвер и группу профессиональных офицеров с моралью и взглядами, сложившимися на базе германской военной истории. Руководители этих профессиональных офицеров составляют группу генерального штаба и верховного командования германских вооруженных сил, названную в Обвинительном заключении преступной группой.

Нет необходимости говорить, что обвинение не придерживается такой точки зрения, что быть солдатом или моряком или служить своей стране в качестве моряка или солдата в военное время является преступлением. Сама военная профессия есть профессия почетная, но совершенно ясно, что человек, который совершает преступление, не может быть оправдан только потому, что он совершил это преступление будучи одетым в военную форму.

Обвинение не считает, что все члены этой группы были опасными людьми или что все они одинаково виновны. Но мы покажем, что эта группа не только сотрудничала с Гитлером и поддерживала важнейшие нацистские цели, но и предоставила нацистам то, что сыграло основную и важную роль в успехе их программы в Германии, а именно — мастерство и опыт в развитии и использовании военной мощи.

Почему эта группа поддерживала Гитлера и нацистов? Я думаю, господа судьи, Вы убедитесь по мере представления доказательств, что ответ прост. Ответ заключается в том, что члены группы были согласны с основными целями гитлеризма и нацизма и что Гитлер дал генералам возможность играть важную роль в достижении этих целей. Генералы, подобно Гитлеру, хотели расширить Германию за счет соседних стран и были готовы сделать это, применяя силу или угрожая ее применением. Сила, вооруженная мощь — вот что было ключом всего предприятия Гитлера, и без этого ничего не могло бы быть достигнуто.

Когда нацисты пришли к власти, перед ними стояла альтернатива: или сотрудничать с маленькой германской армией, так называемым рейхсвером, или построить свою собственную отдельную армию, игнорируя рейхсвер. Генералы боялись, что нацисты могут сделать последнее, и поэтому они решили пойти на сотрудничество с нацистами. Более того, нацисты дали генералам возможность достигнуть того, чего многие генералы хотели достигнуть путем увеличения численности германских армий и расширения германских границ, и таким образом, как мы покажем, генералы встали на один путь с нацистами. Они видели, что в то время им было по пути с нацистами. Без сомнения, они надеялись позднее сами оказаться у руководства. Фактически же, как покажут доказательства, именно генералы оказались на поводу у нацистов.

Гитлер быстро привлек их на свою сторону блестящей приманкой завоеваний и затем преуспел в том, чтобы подчинить себе этих людей политически. И когда началась война, они стали его орудием. Но когда мы говорим, что эти военные руководители стали орудием нацизма, то не считаем, что они действовали бессознательно или что они не участвовали полностью во многих преступлениях, которые мы раскроем здесь перед Трибуналом. Готовность и даже стремление группы профессиональных германских офицеров участвовать во всех нацистских делах совершенно очевидны и будут полностью доказаны.

Ваша честь, в нашем представлении доказательств будут три основные части. Первая часть будет содержать описание, структуру и функции генерального штаба и верховного командования как группы, как указано в Обвинительном заключении. Затем будут представлены доказательства для подтверждения предъявляемого обвинения в их преступности, согласно I и II разделам Обвинительного заключения, и, наконец, доказательства в подтверждение обвинения, изложенного в разделах III и IV.

Трибунал также будет иметь еще один документ, носящий название «Основная информация касательно организации германских вооруженных сил».

Сейчас прежде всего я обращусь к описанию группы, как это определено в Обвинительном заключении.

В течение первой мировой войны в германских вооруженных силах была одна организация, известная как германский генеральный штаб. Это название «германский генеральный штаб» живет еще в сознании людей, хотя фактически он больше не существует. Не было такой единой организации, единого германского генерального штаба с 1918 года, но имелась группа людей, ответственных за политику и действия германских вооруженных сил, и тот факт, что эти люди не были объединены формально общим названием, не означает, что мы не можем собрать их воедино. Они не могут избежать последствий своих совместных действий только потому, что не были объединены формально. Значе-

ние генерального штаба или верховного командования заключается не в наименовании, которое дано ему, а в его функциях, и люди, составляющие эту группу, как это указано в Обвинительном заключении, выполняли определенные функции и были связаны при Гитлере общей властью и общей ответственностью за планы и операции германских вооруженных сил.

Прежде всего мы рассмотрим общую структуру и организацию германских вооруженных сил, а затем рассмотрим построение группы, определенной в Обвинительном заключении. Обвинение приготовило очень короткое описание организации германских вооруженных сил, которое было вручено Трибуналу. Этот документ представляет собой короткий обзор истории развития верховного командования германских вооруженных сил с 1933 года и структуру в том виде, как она выглядела после реорганизации в феврале 1938 года. Там также имеется простая схема, которая через несколько минут будет представлена Суду. Там же содержится краткий словарь германских военных выражений и сравнительная таблица рангов в германской армии и СС с указанием эквивалентных им рангов в армии Соединенных Штатов и также рангов германского военного флота с эквивалентными рангами на британском военном флоте. Я могу сказать, что военные и военно-морские ранги в разных странах незначительно различаются в терминологии.

Когда нацисты пришли к власти в 1933 году, германские вооруженные силы контролировались имперским министром обороны, в то время фельдмаршалом фон Бломбергом. Фон Бломбергу подчинялись начальник армейского штаба, в то время фон Фрич, и начальник военно-морского штаба — подсудимый Редер. Согласно ограничениям, наложенным на Германию по Версальскому договору, германские воздушные силы официально в то время вообще не существовали. Штабы сухопутных и военно-морских сил были переименованы в «главное командование» и известны под названием ОКХ и ОКМ.

В мае 1935 года, в то время, когда в Германии была введена обязательная воинская повинность, были изменены названия этих учреждений, титулы офицеров, но структура осталась в основном той же самой. Фельдмаршал фон Бломберг остался командующим вооруженными силами с титулом имперского военного министра и главнокомандующего вооруженными силами. Фон Фрич стал именоваться главнокомандующим сухопутными войсками, а Редер — главнокомандующим военно-морскими силами.

Германские военно-воздушные силы стали существовать открыто и официально примерно в то же время, но Бломберг тогда не руководил ими. Они представляли собой независимую организацию под личным командованием подсудимого Геринга, который имел двойной титул: министр авиации и главнокомандующий военно-воздушными силами.

Сейчас я прошу продемонстрировать схему.

Эта схема является подлинной, что было удостоверено под присягой тремя известными германскими генералами, письменные показания которых будут представлены. Она показывает организацию вооруженных сил, как она выглядела в 1938 году, после реорганизации, на которой я сейчас остановлюсь.

В феврале 1938 года фон Бломберг и фон Фрич оставили свои посты, и военное министерство Бломберга было ликвидировано. В составе военного министерства имелся отдел, который назывался вермахтсамт, или отдел вооруженных сил. Функцией этого отдела было координирование планов и операций сухопутных войск и военно-морских сил. Из этого отдела вооруженных сил было сформировано новое объединенное руководство вооруженными силами, которое известно как верховное командование германских вооруженных сил. На схеме верховное командование вооруженных сил, которое сокращенно обычно обозначается буквами ОКВ, находится в квадрате, в центре, непосредственно под Гитлером.

С тех пор как военно-воздушные силы, так же как и сухопутные войска, стали подчиняться ОКВ, координация всех вооруженных сил была возложена на ОКВ, которое стало гитлеровским личным штабом по всем этим вопросам. Подсудимый Кейтель был назначен начальником ОКВ, а начальником наиболее важного отдела ОКВ — штаба оперативного руководства — был назначен подсудимый Иодль.

О реорганизации вооруженных сил и создании ОКВ говорится в декрете, изданном Гитлером 4 февраля 1938 г. Этот декрет был опубликован в «Рейхсгезетцблатт». Прошу Суд обратить внимание на этот документ и принять его без доказывания (ПС-1915). Я прочту этот декрет, он очень короткий:

«Командование всеми вооруженными силами отныне будет осуществляться непосредственно лично мной.

Отдел вооруженных сил в имперском военном министерстве с его функциями с настоящего времени является верховным командованием вооруженных сил и непосредственно переходит под мое личное руководство как мой военный штаб. Начальником штаба верховного командования вооруженных сил является начальник бывшего отдела вооруженных сил с титулом начальника верховного командования вооруженных сил. Его права те же самые, что и права имперского министра.

Верховное командование вооруженных сил также принимает на себя все дела имперского военного министерства. Начальник верховного командования вооруженных сил как мой представитель выполняет все функции, которые до сих пор входили в обязанность имперского военного министра. Верховное командование вооруженных сил отвечает в мирное время за объединенную подготовку к обороне империи во всех областях согласно моим директивам. Берлин. 4 февраля». Декрет подписан Гитлером, Ламмерсом и Кейтелем.

Ниже ОКВ вы видите три главных командования трех видов вооруженных сил: ОКХ, ОКМ и военно-воздушных сил. Последнее не имело официального названия — ОКЛ — до 1944 года. Подсудимый Редер оставался после 1938 года главнокомандующим военно-морскими силами, но фон Фрич, так же как и Бломберг, сошел со сцены. Фон Фрич, как Вы видите это на схеме, был заменен Браухичем в качестве главнокомандующего сухопутными войсками. Геринг продолжал оставаться главнокомандующим военно-воздушных сил. В 1941 году Браухич был заменен как главнокомандующий сухопутными войсками самим Гитлером, и в 1943 году Редер был заменен в качестве главнокомандующего военно-морскими силами подсудимым Деницем. Подсудимый Геринг продолжал оставаться на посту главнокомандующего военно-воздушных сил до последнего месяца войны.

ОКВ, ОКХ, ОКМ и ОКЛ — каждый имел свой собственный штаб. Эти четыре штаба не имели однородных обозначений. Три штаба: сухопутных войск, военно-морских сил и военно-воздушных сил — размещены по горизонтальной линии внизу схемы, штаб ОКВ помещен в маленьком квадрате направо наверху с именами Иодля и Варлимонта.

ОКХ — это командование сухопутных войск; штаб ОКХ назывался генеральным штабом, штаб ОКВ назывался штабом оперативного руководства (фюрунгсштаб), но все штабы, если говорить на военном языке, выполняли функции генерального штаба.

Вы можете увидеть, что в этой войне не было единого германского генерального штаба, но скорее было четыре штаба, из них три для определенного вида вооруженных сил, а ОКВ как координирующее их верховное командование.

Сейчас мы перейдем к нижней части схемы. Вы видите различные центральные организации штаба. Теперь мы перейдем к войсковым организациям. Командованию ОКХ, ОКЛ и ОКМ соответственно подчинялись различные боевые соединения сухопутных войск, военно-воздушных и военно-морских сил.

В германских сухопутных войсках самым большим объединением, как и в сухопутных войсках других стран, была группа армий. Группа армий состояла из двух и более армий. Под командованием армий находились менее крупные войсковые соединения, такие, как корпуса, дивизии и полки.

Если говорить о германских воздушных силах, то самым большим объединением был, как известно, воздушный флот, и менее крупными соединениями являлись корпуса или дивизии ВВС.

ОКМ подчинялись различные военно-морские объединения, которые проводили все военно-морские операции на определенном участке. Командующие флотами всех видов непосредственно подчинялись германскому адмиралтейству.

Сейчас мы обратимся к группе, которая обвиняется в совершении преступлений, предусмотренных в приложении «В» Обвинительного заключения. Обвинение предлагает признать эту группу преступной. Эта группа состоит прежде всего из германских офицеров, которые занимали высокие посты в четырех охарактеризованных мною видах высшего военного командования, и, во-вторых, из офицеров, которые занимали высокие командные посты в войсковых объединениях.

Прежде всего обратимся к офицерам, которые занимали ответственные посты в высшем командовании. Мы увидим, что в эту группу входят девять лиц, занимавших такие посты. Четверо из них занимали самые высокие посты: начальник ОКВ Кейтель, главнокомандующий сухопутными войсками фон Браухич, а позднее Гитлер, главнокомандующий военно-морскими силами адмирал Редер, позднее Дениц, главнокомандующий военно-воздушными силами Геринг, позднее фон Грейм.

Четыре других поста — это посты начальников штабов — начальник штаба оперативного руководства ОКВ Иодль, начальник генерального штаба сухопутных войск Гальдер и позднее другие, начальник штаба военно-воздушных сил Иешонек, позднее другие, и начальник главного военно-морского штаба Шнивинд, позднее другие.

Девятый пост — это пост заместителя начальника штаба оперативного руководства ОКВ. В течение большей части войны этот пост занимал генерал Варлимонт. Особая обязанность заместителя Иодля заключалась в стратегическом планировании, и поэтому его управление включено в группу, как это определено в Обвинительном заключении.

Группа, названная в Обвинительном заключении, включает всех тех лиц, которые занимали какой-либо из девяти указанных постов между февралем 1938 года и концом войны — маем 1945 года. Февраль 1938 года считается началом этого периода, поскольку в этот месяц руководство германских вооруженных сил было реорганизовано и приняло, следовательно, форму, в которой оно существовало с тех пор до самого конца войны. 22 различных лица занимали девять постов в течение этого периода, и из них 18 до сих пор живы.

Обращаюсь затем к офицерам, которые занимали ответственные посты во время боевых действий. Обвинительное заключение включает в число участников этой группы всех главнокомандующих на фронте, которые занимали должность обербефельсхабера в армии, флоте и военно-воздушных силах. Термин «обербефельсхабер», пожалуй, лучше всего перевести как «главнокомандующий».

Если говорить о сухопутных войсках, то командующие группами армий и армиями всегда имели статус и звание обербефельсхабера. В военно-воздушных силах командующие воздушными флотами имели полномочия обербефельсхабера, хотя формально они не назывались так до

1944 года. В военно-морских силах офицеры, под командованием которых находились определенные районы и на которых было возложено осуществление контроля за всеми военными действиями в определенном секторе, имели статус обербефельсхабера.

Приблизительно 110 офицеров имели статус обербефельсхабера в сухопутных войсках, в военно-морских и в воздушных силах в течение периода, о котором мы говорим, и все, за исключением примерно 12 человек, из них до сих пор живы.

Сам генеральный штаб и группа верховного командования, как определено в Обвинительном заключении, включает в себя примерно 130 офицеров, из которых 114 считаются до сих пор еще живыми.

Эти цифры, конечно, составляют совокупный итог числа тех офицеров, которые в какое-либо время принадлежали к этой группе в течение семи лет и трех месяцев — с февраля 1938 года и до мая 1945 года...

Структура и функции германского генерального штаба и группы верховного командования были описаны в большом числе письменных показаний, данных под присягой рядом руководящих германских фельдмаршалов и генералов. Эти показания содержатся в первой книге документов. Я хочу коротко рассказать, как были получены эти показания.

Прежде всего были избраны два американских офицера, способных согласно их опыту и возможностям вести допросы германских военнопленных высоких военных рангов; они инструктировались офицером разведки и представителем обвинения по особым проблемам, которые возникали в данном случае. Эти офицеры были хорошо знакомы с вопросами военной разведки и хорошо владели немецким языком. Подчеркивалось, что функцией этих офицеров было выявление и установление тех фактов, касающихся организации вооруженных сил, о которых обвинение желает получить точную информацию.

Германские генералы, которых допрашивали, отбирались с точки зрения специальных знаний, которыми они могли обладать в связи с занимаемым ими положением в вооруженных силах.

После каждого такого допроса следователь готовил отчет о допросе, из этого отчета отбирались те факты, которые оказывались относящимися к данному делу и подлежали представлению Трибуналу, и из этих фактов составлялось показание. После этого текст показаний представлялся допрошенному германскому офицеру, и он еще раз заявлял, точно ли соответствуют показания тому, что он говорил на допросе: ему предоставлялась возможность внести соответствующие изменения. Нашей целью было получить наиболее точные показания по организационным вопросам.

Я оглашу эти письменные показания одно за другим и думаю, что члены Трибунала увидят, как они полностью подтверждают представленное обвинением описание группы и окончательно устанавливают, что эта группа офицеров

была в самом деле той группой, которая несет главную ответственность за планирование операций германских вооруженных сил и за руководство этими операциями.

Первое из этих показаний — данное под присягой показание Франца Гальдера, который был в ранге генерал-оберста, или генерал-полковника. Его показания будут представляться под номером США-531 (ПС-3702).

Гальдер был начальником генерального штаба ОКХ с сентября 1938 года по сентябрь 1942 года и является, соответственно, членом группы; он, следовательно, мог давать показания об организации. Это короткое показание, и я полностью его зачитаю:

«Полная власть и ответственность за военные дела в Германии была возложена на главу государства, которым до 2 августа 1934 г. был фельдмаршал фон Гинденбург, а после этого до 1945 года был Адольф Гитлер.

Военные дела находились под ответственностью главнокомандующих тремя видами германских вооруженных сил, подчинявшихся главнокомандующему вооруженными силами (и в то же самое время главе государства), то есть сухопутными войсками, военно-морскими и военно-воздушными силами. Практически руководство в этой области осуществлялось сравнительно небольшой группой офицеров, имевших высокие военные ранги.

Эти офицеры осуществляли такое руководство соответственно своему официальному положению. Планы военных операций германских вооруженных сил подготавливались членами этой группы, согласно инструкциям ОКВ, от имени трех соответствующих главнокомандующих и представлялись ими верховному главнокомандующему вооруженными силами (в то же самое время главе государства).

Члены этой группы были облечены полномочиями и ответственностью за подготовку к военным операциям в своих областях, и они действительно готовились к каждой операции, которая должна была проводиться войсками на поле боя.

До проведения какой-либо операции члены этой группы собирались, и соответствующие указания им давал глава государства. Примером таких совещаний являются: совещание 22 августа 1939 г., на котором была произнесена речь Гитлера к командующим перед нападением на Польшу, и совещание в имперской канцелярии 14 июня 1941 г. перед нападением на Советский Союз. Состав этой группы и связь ее членов друг с другом были такими, как это показано на прилагаемой схеме. Это был в самом деле генеральный штаб и верховное командование германских вооруженных сил». Подписано Гальдером.

Следующий документ, который я представляю, — это в основном идентичные показания фон Браухича, которые идут под номером США-532 (ПС-3703). Фон Браухич имел ранг фельдмаршала и был главнокомандующим сухопутными войсками с 1938 года по 1941 год, поэтому он был также членом группы. Нет необходимости читать эти показания,

поскольку они примерно такого же содержания, как и данные Гальдером, но я прошу включить их полностью в стенограмму по этому вопросу. Единственная разница между этими двумя показаниями имеется в последнем предложении каждого из них. Гальдер утверждает, что «группа, описанная в Обвинительном заключении, была на самом деле генеральным штабом и верховным командованием германских вооруженных сил», тогда как фон Браухич несколько по-другому говорит о том же самом. Он заявляет, «что в руках тех, которые занимали посты, показанные на схеме, находилось фактическое руководство вооруженными силами». Во всех других частях эти два показания полностью совпадают.

Трибунал увидит из этих письменных показаний, данных под присягой, что схема, к которой приложено краткое описание, была представлена фон Браухичу и Гальдеру и что оба эти офицера дали клятву в том, что она действительно соответствует организации руководства германских вооруженных сил. Таким образом, показания фон Браухича и Гальдера также полностью подтверждают заявление обвинения о том, что те, кто занимал посты, указанные на этой схеме, составляют группу, на которой лежала главная ответственность за планирование и проведение в жизнь всех мероприятий, связанных с вооруженными силами.

Сейчас я представлю другое показание, данное Гальдером, которое содержит несколько деталей, относящихся к описанию данной группы. Я зачитаю его полностью для занесения в протокол.

«Наиболее важным отделом ОКВ был оперативный отдел. Во многом он был тем же самым, что и генеральный штаб в сухопутных войсках, штаб военно-воздушных сил в военно-воздушном флоте и штаб военно-морских сил в военно-морском флоте. Кейтелю подчинялись ряд начальников отделов, которые имели такие же полномочия, как, скажем, Иодль, но в области планирования и руководства военными действиями их отделы были менее важны и менее влиятельны, чем сам Иодль и его отдел. Оперативный штаб ОКВ подразделялся на отделы. Из них наиболее важным был отдел, начальником которого являлся Варлимонт. Он носил название отдела обороны страны. Преимущественно этот отдел занимался разработкой стратегических вопросов. С 1941 года Варлимонт, хотя на нем лежали те же обязанности, занимал положение заместителя начальника оперативного штаба ОКВ».

В течение второй мировой войны не было такого объединенного генерального штаба, как «большой генеральный штаб», действовавший в первую мировую войну.

Оперативные вопросы, касающиеся армии и военно-воздушных сил, разрабатывались группой офицеров, имевших высокие ранги. О группе офицеров, имеющих высокие воинские звания, я говорил в своем выступлении 7 ноября (в сухопутных войсках существовал генеральный штаб сухо-

путных войск, в военно-воздушных силах — генеральный штаб военно-воздушных сил). Оперативные вопросы в военно-морских силах, флоте даже в течение первой мировой войны, не разрабатывались генеральным штабом, а разрабатывались военно-морским штабом». Подписано Гальдером.

Трибунал заметит, что это письменное показание прежде всего связано с функциями генерального штаба четырех командований — ОКВ, ОКЛ, ОКХ и ОКМ — и полностью подтверждает включение в эту группу начальников штабов четырех видов вооруженных сил, а также Варлимонта как заместителя начальника штаба оперативного руководства ОКВ в связи с его ответственностью за стратегическое планирование.

У меня имеется другое короткое письменное показание, которое указывает на некоторые другие детали. Трибунал помнит, что наиболее крупным боевым объединением в германских военно-воздушных силах был воздушный флот и что все командующие воздушными флотами были включены в эту группу. Командующие воздушными флотами всегда имели статус высших командных чинов, но они так формально не назывались до 1944 года. Эти факты были изложены в письменном показании сына фельдмаршала фон Браухича. Он был в ранге полковника германских военно-воздушных сил и являлся личным адъютантом подсудимого Геринга как главнокомандующего военно-воздушными силами. Его письменное показание носит номер 9 и представляется под номером США-534, ПС-3705. Я цитирую:

«Командующие воздушными флотами имели такие же полномочия и права, как командующие армиями. В течение войны они не имели территориальной власти и, соответственно, не осуществляли территориальной юрисдикции.

Они были высшими военными командующими соединениями воздушных сил, подчинявшимися им, и непосредственно находились под командованием главнокомандующего военно-воздушными силами. До лета 1944 года они носили название командующих, а с того времени — высших командующих. Это изменение названия не повлекло за собой изменения функций и ответственности, которые они имели раньше».

Ваша честь, таким образом я завершаю описание состава группы и входивших в нее лиц. Секретариат Трибунала передал мне два запроса, адресованных Трибуналу защитниками данной группы. Мне представляется, что уместно было бы, если бы я ответил на эти запросы теперь, когда речь идет о составе группы. Эти письменные запросы были переданы мне 2 дня тому назад.

Первый запрос поступил от надворного советника Дюльмана, он спрашивает, находится ли состав группы, как она определяется в Обвинительном заключении, в зависимости от воинского звания, охватывает ли она военнослужа-

щих, имеющих определенное воинское звание, как, например, фельдмаршал или генерал-полковник.

Ответ на этот вопрос явно отрицательный. Как уже указывалось, критерием членства в группе является занятие данным лицом одного из постов, обозначенных на представленной схеме. Человек входил в группу, если занимал один из постов, вне зависимости от его воинского звания. Воинский чин критерием не является. Фактически, как я представляю себе, все, входившие в группу, имели как минимум звание генерала германской армии, что равнозначно генерал-лейтенанту в американской армии.

Был также задан вопрос, входят ли в рассматриваемую группу офицеры так называемого корпуса офицеров генерального штаба. Ответ отрицательный. В германской армии существовала военная академия, и выпускники этой военной академии относились к роду войск, называемых корпусом офицеров генерального штаба. Они подписывались, например, так: «полковник генерального штаба». Они в основном исполняли должности адъютантов и помощников главных штабных офицеров. Я полагаю, что существовали тысячи таких людей — две или три тысячи, но в группу они не входят. Многие из них были офицерами младших воинских званий. Они не названы в Обвинительном заключении и нет оснований считать их входящими в состав группы в той дефиниции, которая ей дана в Обвинительном заключении.

Второй письменный запрос поступил от доктора Экснера, который заявляет, что у него нет полной ясности по поводу понятия «обербефельсхабер» и утверждает, что, по его мнению, понятием «обербефельсхабер» охватываются главнокомандующие фронтами, командующие группами армий и командующие армиями. Это совершенно верно. Именно эти посты указаны на схеме.

Теперь посвятим несколько минут тому, чтобы рассмотреть тот метод, которым пользовалась в своей работе группа. Во многих отношениях германские военные руководители функционировали таким же образом, как это происходило в военных организациях других стран. Генеральные планы всегда разрабатывались высшими офицерами штаба и их помощниками в сотрудничестве с фронтовыми генералами или адмиралами, которым поручалась реализация этих планов. Решение о проведении соответствующих кампаний, таким образом, выносилось высшим руководством, и понятно, что принятие такого решения включало в себя и политические, и дипломатические вопросы точно так же, как и чисто военные соображения. Когда уже было принято, например, решение о нападении на Польшу, высшие офицеры штаба в Берлине и их помощники разрабатывали генеральные военные планы кампании. Эти генеральные планы передавались командующим группами армий и армиями. Командующие должны были нести ответственность за проведение самой кампании. Затем следовала консультация между высшими начальниками, руководившими боевыми операциями,

и высшими офицерами штаба ОКВ и ОКХ для того, чтобы усовершенствовать и отработать планы.

Таким образом, в задачу этой группы входил обмен идеями и соображениями между высшими офицерами штаба ОКВ и ОКХ и командующими, руководившими боевыми действиями, как это описано в показаниях фельдмаршала Браухича. Это показание от 7 ноября 1945 г. (США-535, ПС-3706):

«В 1939 году, в апреле я был инструктирован Гитлером о том, что нужно начать военные приготовления к возможной кампании против Польши. Немедленно началась работа по подготовке оперативных и передислокационных планов. Затем они были представлены Гитлеру и одобрены им после того, как были внесены те изменения, которые он хотел. После того как оперативные и передислокационные приказы были даны двум командующим группами армий и пяти командующим армиями, имели место совещания с ними относительно деталей для того, чтобы услышать от них их пожелания и соображения.

После начала войны я продолжал эту политику и продолжал держать тесный и постоянный контакт с командующими группами армий и командующими армиями посредством личных посещений их штабов, так же как и посредством телефонной, телеграфной и радиосвязи. Таким образом, я был с ними связан и получал их советы и соображения в течение проведения военных операций. В самом деле, это была принятая политика и обычная практика для главнокомандующих — консультация с подчиненными командующими и поддержка постоянного обмена мнениями с ними.

Главнокомандующий сухопутными войсками и его начальник генерального штаба имели связь с группами армий и через них, а также непосредственно — с армиями через группы армий или имели связь по вопросам стратегии и тактики; непосредственно с армиями они связывались по вопросам снабжения и управления территориями, оккупированными этими армиями.

Группа армий не имела территориальной юрисдикции. У нее был относительно небольшой штаб, который был связан только с военными операциями. Всеми территориальными вопросами занимался главнокомандующий сухопутными войсками, который и осуществлял юрисдикцию, а не группа армий». Подписано фон Браухичем.

Дальше идет дополнение к показанию от 7 ноября 1945 г.:

«Когда Гитлер принимал решение поддержать реализацию своих политических целей военным нажимом или привлечением военной силы, главнокомандующий сухопутными войсками, если он вообще был вовлечен в это, прежде всего получал соответствующие устные разъяснения или приказы. Оперативные и передислокационные планы затем разрабатывались в ОКХ. После того как эти планы были представлены Гитлеру, обычно устно, и были одобрены им,

следовал письменный приказ ОКВ к трем видам вооруженных сил. В то же время ОКХ начинало передавать оперативные и передислокационные планы группам армий и армиям, связанным с этой операцией.

Затем оперативные и передислокационные планы детально обсуждались в ОКХ с командующими группами армий и армий и начальниками их штабов. В течение операций главнокомандующий сухопутными войсками поддерживал постоянный обмен мнениями с командующими группами армий, армиями, а также с более мелкими соединениями, посещая их лично.

Во время войны против России командующие группами армий или армиями неоднократно вызывались Гитлером для консультации. Приказы по всем оперативным вопросам шли от ОКХ к группам армий, а по всем вопросам, касающимся снабжения и территориальной юрисдикции, — от ОКХ непосредственно к армиям». Подписано фон Браухичем.

Командующие группами армий и армиями принимали участие в планировании и руководили выполнением этих планов, как это отражено в письменных показаниях. Командующие осуществляли также и общую исполнительную власть в тех областях, где действовали их группы армий или армии.

В этой связи я прошу Суд обратить внимание на документ ПС-447, который уже был представлен как доказательство под номером США-135. Это директива от 13 марта 1941 г., подписанная Кейтелем и изданная верховным командованием вооруженных сил. Директива устанавливает различные правила по проведению операций против Советского Союза, которые фактически начались несколько месяцев позднее — 22 июня.

В самом документе под цифрой 1 Трибунал найдет абзац, озаглавленный «Область операции и исполнительной власти» (второй абзац перевода, первая страница). Там говорится следующее:

«Не предполагается объявить Восточную Пруссию и генерал-губернаторство областью операций. Однако в соответствии с неопубликованными указаниями фюрера от 19 и 21 октября 1939 г. главнокомандующий сухопутными войсками должен быть уполномочен принимать все необходимые меры для проведения в жизнь его военных целей и для обеспечения его войск. Он может передать свою власть командующим группами армий и армиями. Приказы такого рода должны иметь приоритет по отношению ко всем другим обязательствам и должны проходить прежде всех приказов, изданных гражданскими властями».

Следовательно, господа судьи, исполнительная власть, имеющая приоритет по отношению к гражданским учреждениям, возлагалась на главнокомандующего сухопутными войсками с правом передачи ее командующим группами армий и армиями, то есть группе, определенной в Обвинительном заключении.

Четвертый абзац на первой странице того же документа гласит:

«Область операций, возникающая вследствие продвижения армий за границы империи и соседних стран, должна быть, по возможности, ограничена при продвижении в глубь страны. Главнокомандующий сухопутными войсками имеет право осуществлять исполнительную власть в этой области и может передавать эту власть командующим группами армий и армиями».

Господа судьи, я сошлюсь еще на один документ, связанный с вопросом о структуре этой группы, перед тем как перейти к самим обвинениям. Это документ С-78, который уже был представлен под номером США-139. Документ является официальным приглашением-приказом участвовать на совещании в имперской канцелярии 14 июня 1941 г. — за восемь дней до нападения на Советский Союз. Это одно из совещаний, о котором говорилось в последнем абзаце письменных показаний Гальдера и фон Браухича. Приглашение подписано полковником Шмундтом — главным военным адъютантом Гитлера и послано из Берхтесгадена 9 июня 1941 г. Оно гласит:

«Вопрос: совещание о "Барбароссе"». — «Барбаросса», как Вы помните, — это условное обозначение плана нападения на Советский Союз.

«Фюрер и верховный главнокомандующий вооруженными силами приказал, чтобы командующие группами армий и армиями, морские и авиационные командующие соответствующего ранга доложили ему о "плане Барбаросса".

Этот документ содержит список лиц, участвовавших на совещании, и прежде чем закончить с этим вопросом, я бы хотел огласить этот список для того, чтобы указать, кто участвовал на этом совещании и в какой мере круг его участников совпадает со структурой группы, как она определена в Обвинительном заключении:

Генерал-фельдмаршал фон Браухич, который тогда был главнокомандующим сухопутными войсками и членом группы; генерал Гальдер, который тогда был начальником штаба сухопутных войск и членом группы; затем некоторые менее высокопоставленные офицеры, которые не были членами этой группы, — Паулюс, Хойзингер и Гильденфельд. Представители военно-морских сил: капитан Вагнер, который был начальником оперативного отдела морского штаба — не член группы; представители военно-воздушных сил: Геринг — член группы; генерал Мильх, статс-секретарь и генеральный инспектор военно-воздушных сил, — не член группы; генерал Иешонек, начальник штаба военно-воздушных сил, — член группы и его два адъютанта. На следующей странице идут фамилии представителей верховного командования вооруженных сил: Кейтель, Иодль, Варлимонт — все члены этой группы и их помощники. Затем — четыре офицера из управления адъютанта, которые не являются членами данной группы. Затем идут командующие

войсковыми соединениями: генерал фон Фалькенхорст из Норвегии — член группы; генерал Штумпф (5-й воздушный флот) — член группы; Рундштедт, Рейхенау, Клейст, Штюльпнагель, Шоберт — представители армии и члены данной группы. Представители ВВС: генерал авиации Лёр (4-й воздушный флот) — член группы; генерал Фромм и генерал Удет не были членами группы. Первый из них был командующим армией резерва, а последний был генеральным директором по снаряжению и снабжению.

Затем идет военно-морской флот: Редер, член группы; Фрике, начальник морского штаба, — член группы и адъютант, который, конечно, не являлся членом группы; Карлс, командующий северной морской группой, — член группы, как и Шмундт.

Со стороны армии: Лееб, Буш, Кюхлер — все члены группы и командующие армиями. Келлер — член группы.

Далее идут: Бок, Клюге, Штраус, Гудериан, Гот и Кессельринг — все члены группы.

Как видите, за исключением некоторых помощников, имеющих сравнительно низкое звание, все участники этого совещания были членами группы, как она определена в Обвинительном заключении. Фактически среди участников были почти все члены группы, связанные с предстоявшими операциями против Советского Союза.

Я закончил первую фазу представления материалов, а именно: описание группы генерального штаба и верховного командования вооруженных сил, ее состава, структуры и общей деятельности.

Теперь я перехожу к обвинениям, выдвинутым против этой группы в Обвинительном заключении.

В приложении «В» указывается, что эта группа несет основную ответственность за планирование, подготовку, развязывание и ведение агрессивных войн, упомянутых в разделе I и II Обвинительного заключения, а также за военные преступления и преступления против человечности, упомянутые в разделах III и IV Обвинительного заключения.

Представляя доказательства в подтверждение этих обвинений, следует помнить, что согласно Уставу группа может быть объявлена преступной в связи с любыми действиями, за которые может быть осужден подсудимый, являвшийся членом этой группы.

Группа генерального штаба и верховного командования хорошо представлена среди подсудимых по этому делу. Пять человек из подсудимых, или одна четверть, являются членами этой группы. Называю их в том порядке, как они поименованы в Обвинительном заключении.

Первый — это подсудимый Геринг, которого судят за разные преступления. Он член группы генерального штаба и верховного командования в силу того, что был главнокомандующим военно-воздушными силами с того времени, когда военно-воздушные силы были официально созданы, и перестал быть главнокомандующим за месяц до окончания

войны. В течение последнего месяца войны он был заменен фон Греймом, который покончил жизнь самоубийством вскоре после того, как был взят в плен в конце войны. Геринг обвиняется в преступлениях по всем разделам Обвинительного заключения.

Следующий подсудимый, являющийся членом группы, — Кейтель. Он и другие трое подсудимых представлены на данном процессе в основном или исключительно в качестве военнослужащих, профессиональных солдат и моряков. Кейтель стал начальником верховного командования вооруженных сил, или ОКВ, в 1938 году, когда это ведомство было создано, и продолжал занимать этот пост в течение всего периода, о котором идет речь. Он имел звание фельдмаршала в течение почти всего этого периода, и помимо того, что он был начальником ОКВ, он был членом тайного совета министров и членом совета министров по обороне империи. Кейтель обвиняется в преступлениях по всем разделам Обвинительного заключения.

Подсудимый Иодль — также профессиональный солдат. Он был подполковником, когда нацисты пришли к власти, а в конце концов дослужился до звания генерал-полковника. Он стал начальником оперативного штаба вооруженных сил и продолжал занимать этот пост в течение всей войны. Он также обвиняется в преступлениях по всем четырем разделам.

Двое других подсудимых, которые были членами этой группы, представляют флот. Подсудимый Редер некоторым образом является старшим членом этой группы, так как он был главнокомандующим германского флота еще в 1928 году. Он получил высшее звание в германском флоте — гросс-адмирала. В январе 1943 года он ушел с поста главнокомандующего флотом и был заменен Деницем. Редер обвиняется по разделам I, II, III Обвинительного заключения.

Последний из пяти подсудимых — Дениц занимал сравнительно небольшой пост, когда нацисты пришли к власти. В первые годы нацистского режима он руководил операциями подводных лодок, а когда началась война, он был командующим подводным флотом. Он все время повышался в должности на германском флоте и был избран преемником Редера, когда последний ушел в отставку в 1943 году. Он стал главнокомандующим флотом и получил звание гросс-адмирала. Когда германские вооруженные силы потерпели крах в конце войны, Дениц заменил Гитлера в качестве главы германского правительства. Его обвиняют в преступлениях по разделам I, II и III Обвинительного заключения.

Четверо из этих пяти подсудимых являются достаточно типичными для всей группы. Следует исключить подсудимого Геринга, который в основном был нацистским политиканом, интересующимся авиацией потому, что она создала ему карьеру в войне 1914—1918 гг. Остальные всю жизнь занимались военным делом. Они сотрудничали и присоединились к нацистам в их самых важных авантюрах, но они не

были среди первоначальных членов партии. Они по существу не отличаются от других 125 членов группы. Несомненно, они были более способными людьми в некоторых отношениях. Им удалось достичь самых высоких постов в германских вооруженных силах, и все они, кроме Иодля, дослужились до самых высоких званий.

Мы можем рассматривать их идеи, как они выражены в этих документах и отражены в их действиях, с достаточной уверенностью в том, что эти идеи и действия являются характерными и для других членов группы.

Я обращаюсь к вопросу о преступной деятельности генерального штаба и верховного командования по I и II разделам Обвинительного заключения, их деятельности по планированию и составлению заговора, направленного к ведению агрессивных и незаконных войн. Здесь в основном я буду подводить итоги, так как мой коллега господин Олдерман и уважаемые члены британской делегации уже представили Трибуналу большинство доказательств по вопросу об агрессивной войне.

Многие из документов, на которые обвинители обращали внимание Трибунала, показали, что подсудимые были членами генерального штаба и верховного командования и преднамеренно и сознательно принимали участие в совершении преступлений, упомянутых в разделах I и II Обвинительного заключения. Я постараюсь, насколько возможно, не возвращаться к этим доказательствам.

Я должен, однако, упомянуть об одном или двух из уже представленных документов для того, чтобы обратить внимание Трибунала на ту роль, которую группа генерального штаба и верховного командования играла в совершении преступлений, связанных с агрессивными войнами.

Естественно, что функцией военного штаба является подготовка военных планов. В мирное время военные штабы обычно занимаются подготовкой планов нападения или обороны, основанных на теоретических предположениях. Ничего нет преступного в ведении этой деятельности или в подготовке таких планов, но не в этом обвиняют подсудимых и эту группу.

Мы покажем, что эта группа была согласна с нацистской целью захвата Германией чужих территорий путем применения силы или угрозы силой и что она преднамеренно и с энтузиазмом включилась в работу по строительству германских вооруженных сил. Члены группы заранее знали о намерении нацистов начать агрессивные войны. Они составляли военные планы и руководили развязыванием и ведением этих войн. Мы считаем, что это является преступлением согласно статье 6 Устава.

Нельзя подготовлять и вести агрессивную войну без интенсивной деятельности всех видов вооруженных сил, и особенно высокопоставленных офицеров, которые руководят этими силами.

Германская подготовка к агрессивной войне и ведение агрессивной войны являются общеизвестным и уже доказанным историческим фактом, но из этого следует, что группа генерального штаба и верховного командования и германские вооруженные силы участвовали в этих действиях. Это так, несмотря на то, что некоторые военные руководители Германии после поражения настаивают на том, что до того, как началась война, они жили как бы в башне из слоновой кости, не желая знать о том, в каком направлении ведется работа.

Документы, на которые я сошлюсь, полностью опровергают утверждаемое ими, и, кроме того, некоторые из этих людей полностью признают, что они с радостью участвовали в заговоре нацистов, так как цели нацистов тесно совпадали с их собственными целями.

Я думаю, что те документы, которые господин Олдерман огласил, в достаточной мере отражают цели и намерения группы германского генерального штаба и верховного командования в период до аннексии Австрии. В течение этого периода, как указано в Обвинительном заключении, произошло следующее:

1. Тайное перевооружение, включая обучение военных кадров, производство боеприпасов и создание военно-воздушных сил.

2. Заявление Геринга от 10 марта 1935 г. о том, что Германия создает военно-воздушные силы.

3. Закон об обязательной воинской повинности от 16 марта 1935 г., в котором численный состав германской армии мирного времени определялся в 500 тысяч человек.

4. Оккупация Рейнской области 7 марта 1936 г. и ремилитаризация этого района.

Эти факты не требуют доказательства; они являются историческими. Также очевидно и неопровержимо, что нацисты не могли достичь этих целей без поддержки их вооруженными силами.

Господин Олдерман огласил на Суде многочисленные документы, которые иллюстрируют эти события. Он огласил большое количество документов относительно секретного военно-морского расширения в нарушение договорных ограничений германского военно-морского флота под руководством подсудимого Редера. Он также цитировал секретный Закон об обороне империи (ПС-2261, уже представлен как США-24), который был принят в тот же самый день, когда Германия односторонне отвергла положение Версальского договора об ограничении вооружения. Он огласил план фон Бломберга от 2 мая 1935 г. относительно оккупации Рейнской области (документ С-159, США-54) и приказы Бломберга, в соответствии с которыми была произведена эта оккупация.

Совершенно очевидно, что все эти события требовали самого тесного сотрудничества между военными руководи-

телями и нацистами. Мне нет необходимости больше останавливаться на этом вопросе.

Однако мне кажется целесообразным вновь посмотреть на некоторые из документов, которые характеризуют умонастроение и цели германских военных руководителей в течение этого раннего периода. Один документ, оглашенный господином Олдерманом, отражает точку зрения германского флота относительно тех возможностей, которые предоставлял нацизм в отношении перевооружения и при которых Германия могла достичь своих целей силой или угрозой силы. Это — меморандум, опубликованный командованием германского флота в 1937 году, озаглавленный: «Борьба флота против Версаля» (документ С-156, США-41). Трибунал помнит, что в этом официальном издании германского флота было сказано, что только с помощью Гитлера можно создать условия для перевооружения.

Высокопоставленные германские офицеры также знали, что политика и цели нацистов вели Германию к войне. Обращаю внимание Трибунала на документ С-23, уже представленный под номером США-49 и состоящий из записок адмирала германского флота Карлса, относящихся к сентябрю 1938 года. Эти записки Карлса являются как бы комментариями к документу, который назывался: «Проект плана морской войны против Англии». Записки гласят:

«Существует полное согласие относительно основной темы этой работы:

1. Если согласно решению фюрера Германия должна занять положение мировой державы, опирающейся на собственную надежную силу, она нуждается не только в достаточных колониальных владениях, но и в обеспеченных морских коммуникациях и обеспеченном доступе к океану.

2. Оба требования могут быть удовлетворены только в противовес англо-французским интересам и ограничат их положение как мировых держав. Маловероятно, чтобы эти цели могли быть достигнуты мирным путем. Поэтому решение превратить Германию в мировую державу требует от нас соответствующей подготовки к войне.

3. Война против Англии одновременно означает войну против империи, против Франции, вероятно, против России, а также против значительного количества заморских стран, фактически против от 1/2 до 1/3 всего мира.

Она может оправдать себя и иметь шанс на успех только в том случае, если будет подготовлена с экономической, так же как с политической и военной точек зрения, и если она будет вестись с целью захвата для Германии доступа к океану».

Узнав, какова была точка зрения флота, обратимся теперь к военно-воздушным силам.

В этот довоенный период некоторые отделы военно-воздушных сил разрабатывали еще более агрессивные планы территориальных приобретений для Германии. Документ Л-43, ВБ-29 представляет собой исследовательскую

работу начальника того отдела штаба военно-воздушных сил, который назывался «организационным штабом». Работа, о которой идет речь, представляет собой предложения относительно организации германских военно-воздушных сил в будущем — до 1950 года. Эти предложения основаны на некоторых предпосылках, и одна из этих предпосылок заключается в том, что к 1950 году границы Германии будут соответствовать карте, которая была приложена к этой работе. Имеется только одна копия этой карты. Как Трибунал увидит, Австрия, Чехословакия, Венгрия, Польша и Балтийское побережье до Финского залива включены на этой карте в пределы Германии. Как Трибунал увидит на странице 2 документа Л-43, автор также предполагал, что в будущем военно-воздушные силы мирного времени будут состоять из семи групп, четыре из которых должны быть расположены в самой Германии — в Берлине, Брауншвейге, Мюнхене и Кенигсберге, а другие три — в Вене, Будапеште и Варшаве.

Прежде чем я обращусь к отдельным актам агрессии германских вооруженных сил, я хочу подчеркнуть: между нацистами и германскими военными руководителями существовали полное согласие и гармония. Без этого согласия относительно целей война, может быть, никогда бы не произошла. В этой связи я хочу обратить внимание Трибунала на письменное показание фон Бломберга (документ США-536). Фон Бломберг — бывший фельдмаршал, имперский военный министр и главнокомандующий германскими вооруженными силами до февраля 1938 года.

Я оглашу это письменное показание:

«С 1919 года, а особенно с 1924 года, внимание Германии было привлечено к трем критическим территориальным вопросам — это были вопросы Польского коридора, Рура и Мемельской области.

Сам я, так же как и вся группа германских штабных офицеров, считал, что эти три вопроса, главным из которых был вопрос о Польском коридоре, должны быть когда-нибудь разрешены и, если необходимо, — силой оружия. По польскому вопросу около 90 процентов германского народа стояли на той точке зрения, что и офицеры. Война для того, чтобы уничтожить надругательство, связанное с созданием Польского коридора, и уменьшить угрозу изолированной Восточной Пруссии, которая была окружена Польшей и Литвой, рассматривалась не только как священный долг, но и как печальная необходимость. Это была одна из основных причин тайного вооружения, которое началось за десять лет до прихода Гитлера к власти и было расширено при нацистском режиме.

До 1938—1939 гг. германские генералы не были против Гитлера. Не было основания быть против него, так как он достигал тех результатов, которых они хотели. Позднее некоторые генералы начали осуждать его методы и потеряли уверенность в правильности его решений.

Однако в качестве группы они не сумели занять четкой позиции против него, хотя некоторые из них и пытались сделать это и в результате поплатились своей жизнью или своим положением.

Незадолго до того, как в январе 1938 года я был отстранен от поста главнокомандующего вооруженными силами, Гитлер попросил, чтобы я рекомендовал преемника. Я предложил Геринга, который имел самое высокое офицерское звание, но Гитлер возразил, что Герингу недостает терпения и прилежности. Я был заменен в качестве главнокомандующего не каким-либо офицером, а самим Гитлером, который лично взял на себя обязанности главнокомандующего. Кейтеля я рекомендовал в качестве начальника штаба. Насколько я знаю, он никогда не был назначен главнокомандующим вооруженными силами, а всегда оставался начальником штаба в подчинении Гитлера и выполнял административные функции военного министра. В то время Кейтель не был против Гитлера и поэтому подходил для того, чтобы установить взаимопонимание между Гитлером и вооруженными силами, чего я сам хотел и чему я способствовал в качестве имперского военного министра и министра обороны.

Если бы мы поступили противоположным образом, это привело бы к гражданской войне, потому что в то время массы германского народа поддерживали Гитлера. Многим теперь не хочется признавать это. Но такова истина.

Как я слышал, Кейтель не выступал против каких-либо мер Гитлера. Он стал послушным орудием в руках Гитлера при выполнении любых его решений.

Он оказался неспособным выполнить то, чего могли бы от него ожидать».

Заявление фон Бломберга, которое я только что огласил, во многом соответствует письменному показанию генерал-полковника Бласковица (документ США-537). Бласковиц был командующим армией во время польской кампании и во время кампании во Франции. После этого он стал командовать группой армий «Г» в Южной Франции, а в конце войны командовал группой армий «Х», которая отступила за Рейн.

Первые три абзаца его письменного показания в значительной мере совпадают с первыми тремя абзацами показания Блюмберга, и ввиду этого я начну для экономии времени прямо с четвертого абзаца письменного показания, где затрагивается иной вопрос:

«После аннексии Чехословакии мы надеялись, что польский вопрос будет решен мирным путем дипломатическими методами, так как мы считали, что на этот раз Франция и Англия придут на помощь их союзнице. Фактически мы думали, что если политические переговоры ни к чему не приведут, то польский вопрос неминуемо приведет к войне, то есть к войне не только с самой Польшей, но и с западными державами.

Когда в середине июня я получил приказ главного командования сухопутных войск готовиться к нападению на Польшу, я понял, что возможность этой войны еще более приблизилась. Это мнение еще более укрепилось после речи фюрера 22 августа 1939 г. в Оберзальцберге. В период с середины июня 1939 года по 1 сентября 1939 г. офицеры моего штаба, которые осуществляли подготовку к нападению, участвовали в различных совещаниях, происходивших между главным командованием сухопутных войск и групп армий. На этих совещаниях обсуждались такие вопросы тактического, стратегического и общего характера, которые имели отношение к моему будущему положению командующего 8-й армией во время предполагаемой польской кампании.

В ходе польской кампании, в особенности во время операции под Кутно, я находился в постоянной связи с главнокомандующим сухопутными войсками, и он, так же как и фюрер, посетил мой штаб. Обычно было принято, что время от времени командующих групп армий и армий просили дать оценку положения и сообщить свои рекомендации по телефону, телеграфу или радио, а также в личной беседе. Таким образом, командующие группами армий в своей области фактически становились советниками главнокомандования сухопутных войск. Таким образом, посты, показанные на представляемой схеме, охватывают ту группу, которая фактически являлась консультативным советом верховного командования германских вооруженных сил».

Трибунал обратит внимание на то, что заключительная часть данного аффидевита, равно как и аффидевиты Гальдера и Браухича, подтверждает, что обвинение точно описало структуру и организацию генерального штаба и верховного командования германских вооруженных сил.

Трибунал увидит, что показание фон Бломберга и первая часть показания Бласковица показывают без всяких сомнений, что военные руководители Германии знали, одобряли, поддерживали и выполняли планы увеличения вооруженных сил за пределы, установленные договорами. Упомянутые документы и показания ясно говорят, какие цели они имели в виду. Из этих документов и показаний мы видим, что нацисты и генералы были единодушны относительно основной цели — увеличения территории Германии силой или угрозой применить силу и сотрудничали для увеличения вооруженной мощи Германии, чтобы сделать возможным последующие акты агрессии. Теперь мы переходим к рассмотрению тех отдельных актов агрессии, которые в основном уже были описаны Трибуналу, особенно для того, чтобы отметить факт участия группы генерального штаба и верховного командования в совершении этих преступных действий.

Разрешите сказать, господа судьи, что, рассматривая этот вопрос, я с целью экономии времени намереваюсь цитировать лишь небольшое количество документов.

Так, Трибунал помнит, что господин Олдерман огласил выдержки из документа ПС-386, США-25, представляющего собой запись полковника Госсбаха о совещании, состоявшемся в германской имперской канцелярии в Берлине 5 ноября 1937 г. Гитлер председательствовал на этом секретном совещании, которое было созвано в ограниченном составе. Единственными участниками были четверо основных военных руководителей и министр иностранных дел — подсудимый фон Нейрат. Основными руководителями вооруженных сил были: Бломберг, тогдашний военный министр, и главнокомандующие сухопутными войсками, флотом и военно-воздушными силами, а именно: фон Фрич — от армии, Редер — от флота и Геринг — от воздушных сил. Гитлер открыл общее обсуждение военной и дипломатической политики Германии и заявил, что захват Австрии и Чехословакии является жизненно важной предпосылкой «для улучшения нашего военного и политического положения» и «устранения любой угрозы с флангов».

Предполагаемые военные и политические преимущества включали приобретение новых источников продовольствия, установление более благоприятных границ меньшей протяженности, освобождение войск для выполнения других задач и возможность создания новых дивизий из населения захваченных территорий.

Бломберг и фон Фрич включились в обсуждение, и фон Фрич заявил, «что он дал задание изучить возможности проведения операции против Чехословакии, учитывая особенно захват чехословацкой системы укреплений».

Весной следующего года, а именно в марте 1938 года, германские планы в отношении Австрии были осуществлены. Господин Олдерман уже огласил выдержки из дневника подсудимого Иодля. Здесь мы говорим о выдержке из документа ПС-1780, США-72. Этот дневник указывает на участие германских военных руководителей в аннексии Австрии. Как показывает запись в дневнике Иодля от 11 февраля 1938 г., подсудимый Кейтель и два других высокопоставленных генерала присутствовали на совещании в Оберзальцберге между Шушнигом и Гитлером, 12 февраля генерал Кейтель, генерал фон Рейхенау и Шперле были в Оберзальцберге. Шушниг вместе с Г. Шмидтом снова подвергнуты сильнейшему политическому и военному давлению. В 23 часа Шушниг подписывает протокол». Генерал фон Рейхенау, о котором здесь говорится, был в то время командующим военным округом 7, одного из военных округов, на которые была разделена Германия. Позднее он командовал 10-й армией в Польше и 6-й армией во Франции и был членом группы, упомянутой в Обвинительном заключении. Шперле был в Испании во время гражданской войны, затем почти в течение всей войны командовал 3-м воздушным флотом. Он также был участником этой группы.

Через два дня Кейтель и другие военные руководители занялись составлением предложений Гитлеру о том, как у

австрийского правительства создать впечатление, что Германия прибегнет к силе, если соглашение с Шушнигом не будет ратифицировано в Вене. Эти предложения имеются в подписанном Кейтелем документе от 14 февраля 1938 г. (ПС-1775, США-73). Выдержки из предложений Кейтеля фюреру гласят следующее:

«1. Не проводить действительной подготовки армии, воздушного флота, не проводить никакой передислокации войск и никакого передвижения.

2. Распространять ложные, но заслуживающие доверия слухи, которые могут привести к заключению, что готовится военное выступление против Австрии: а) осуществлять это через наших специальных агентов в Австрии; b) через наших таможенных служащих на границе; с) через коммивояжеров».

Далее в параграфе 4 предполагалось:

«Приказать произвести очень активный обмен фиктивными радиотелеграммами в 7-м военном округе и между Берлином и Мюнхеном».

Параграф 6 предусматривал:

«Настоящие маневры, учебные полеты и зимние маневры горных войск вблизи границы.

С 14 февраля адмирал Канарис должен быть в штабе VII командования обслуживания наготове для того, чтобы выполнить мероприятия, намеченные начальником ОКВ».

Как указывается в дневнике Иодля от 14 февраля, эти ложные маневры оказались чрезвычайно эффективными и создали в Австрии то впечатление, которое можно было ожидать. Через месяц решение Шушнига провести в Австрии плебисцит вызвало вооруженную интервенцию. Гитлер приказал провести мобилизацию в соответствии с уже существующими планами вторжения в Австрию (которые известны как «план Отто») с тем, чтобы присоединить Австрию и предотвратить плебисцит.

В дневнике Иодля от 10 марта 1938 г. сказано: «Неожиданно и без консультации с министрами Шушниг приказал провести плебисцит в воскресенье 13 марта, что повлечет за собой победу легитимистов в случае отсутствия плана или подготовки. Фюрер полон решимости не потерпеть этого.

В ночь с 9 на 10 марта он вызвал Геринга. Генерал фон Рейхенау был отозван обратно из Олимпийского комитета в Каире. Генералу фон Шоберу также приказано вернуться, как и министру Глейзе-Хорстенау, который находился с гаулейтером Бюркелем в Палатинате».

Генерал фон Шобер заменил генерала фон Рейхенау на посту командующего 7-м военным округом и командующего 11-й армией в России. Он был членом этой группы, как она определена в Обвинительном заключении.

Вторжение в Австрию отличается от других актов германской агрессии в том отношении, что заблаговременно не был составлен точный оперативный план и расчет по времени. Это произошло потому, что вторжение было вызвано

посторонним фактором — решением Шушнига провести плебисцит. Но хотя по этой причине отсутствует элемент преднамеренного планирования, которое было бы расписано по времени, вышеуказанные документы ясно показывают участие военных руководителей на всех этапах агрессии.

На узком политическом совещании в ноябре 1937 года, когда Гитлер изложил общую программу в отношении Австрии и Чехословакии, присутствовали лишь четверо основных военных руководителей и министр иностранных дел.

В феврале Кейтель, Рейхенау и Шперле объединились, чтобы оказывать на Шушнига тяжелый военный нажим. Кейтель и другие немедленно после этого разработали и осуществили программу военных угроз и обмана для того, чтобы напугать австрийское правительство и заставить его принять протокол Шушнига. Когда произошло само вторжение, оно, конечно, проводилось военными руководителями и вооруженными силами. Мы благодарны подсудимому Иодлю за очень ясное заявление о том, почему германские военные руководители были так рады присоединиться к нацистам в деле ликвидации независимости Австрии.

В своей лекции в ноябре 1943 года на совещании гаулейтеров (это документ Л-172, США-34) Иодль объяснил следующее:

«Австрийский аншлюс, в свою очередь, не только привел к достижению нашей старой национальной цели, но и значительно укрепил нашу боевую силу, улучшил наше стратегическое положение. До того времени территория Чехословакии вдавалась самым угрожающим образом прямо в Германию ("осиная талия" в направлении Франции — территория, которая могла стать воздушной базой для союзников, особенно для России). Теперь Чехословакия сама попала в клещи. Ее стратегическое положение стало таким неблагоприятным, что она должна была стать жертвой любой атаки, которая была бы энергично направлена прямо в цель и проведена до того, как могла бы прибыть эффективная помощь с Запада».

Вышеизложенная выдержка из речи Иодля явилась хорошим переходом к вопросу о плане в отношении Чехословакии («план Грюн»). Я собираюсь лишь кратко остановиться на этом вопросе, так как господин Олдерман в своем выступлении вполне отразил обстоятельства немецкой агрессии против Чехословакии. Документы, которые он оглашал, полны доказательств, показывающих преднамеренное участие Кейтеля, Иодля и других членов группы в этом мероприятии.

Следует опять вспомнить записи Госсбаха о совещании Гитлера и четырех основных военных руководителей 5 ноября 1937 г. (документ ПС-386, США-25). Австрия и Чехословакия тогда были упомянуты как первые жертвы германской агрессии. После присоединения Австрии Гитлер в качестве главы государства и Кейтель в качестве руководителя всех вооруженных сил, не теряя времени, переключили свое

внимание на Чехословакию. Начиная с этого момента почти вся история последующего периода отражена в папке Шмундта (документ ПС-388, США-26) и в дневнике Иодля, которые пространно цитировались. По моему мнению, эти два источника информации в значительной мере опровергают доводы, выдвигаемые в защиту подсудимых — военнослужащих и группы генерального штаба и верховного командования. Защита пытается создать впечатление, что германские генералы были лишь военными специалистами, что они не интересовались политикой или не знали о политических и дипломатических соображениях, что они составляли планы военного нападения или обороны на чисто теоретической основе. Защита говорит все это для того, чтобы внушить мысль, что они не разделяли взглядов нацистов и не могли отдавать себе отчет в агрессивных намерениях Гитлера, что они, как военные автоматы, выполняли издаваемые политиками приказы, не зная, были ли войны, которые они развязывали, агрессивными или нет.

Когда будут выдвигаться такие доводы, я возьму на себя смелость предложить господам судьям прочитать дневник Иодля. Эти документы ясно показывают, что агрессивные планы составлялись нацистами совместно с генералами, что военные руководители знали об агрессивных намерениях нацистов, что они были в курсе политических и дипломатических событий. В самом деле, германские генералы имели странную привычку появляться на различных дипломатических совещаниях. Даже если бы документы этого не показывали, то сама логика должна показать, что это именно так.

Чрезвычайно успешная программа захватов зависит от вооруженной мощи. Она не может быть проведена неподготовленным, слабым или непокорным военным руководством. Можно, конечно, сказать, что война — слишком важное дело, чтобы ее оставить на усмотрение одних солдат. Это, несомненно, правильно, но не менее правильно то, что агрессивная дипломатия — слишком опасное дело, чтобы она проводилась без совета и поддержки военных руководителей. Некоторые германские генералы, наверняка, имели сомнения по поводу решений Гитлера о времени проведения мероприятий и смелости некоторых из его шагов. Часть этих сомнений находит любопытное отражение в записи в дневнике Иодля, которая еще не была оглашена. Это документ ПС-1780, запись от 10 августа 1938 г. На странице 4 перевода этого документа говорится:

«10 августа 1938 г. руководителям армий и командующим авиационных групп, Иешонеку и мне приказано явиться в Бергхоф. После обеда фюрер произносит речь, которая длится почти три часа. В этой речи он развивает свои политические мысли. Последующие попытки некоторых армейских генералов обратить внимание фюрера на недостатки нашей подготовки имеют довольно печальный результат. Это особенно относится к замечанию генерала Витерсхей-

ма, который, помимо всего прочего, утверждает, что он цитирует высказывание генерала Адамса о том, что западные укрепления могут быть удержаны только в течение трех недель. Фюрер возмущается и вспыхивает, заявляя, что в таком случае вся армия ничего бы не стоила. "Я уверяю вас, генерал, что эти позиции можно держать не три недели, а три года".

Такое мнение, которое, к сожалению, разделяется довольно широко в кругах генерального штаба, основано на различных причинах. Во-первых, генеральный штаб помнит о прошлом опыте и испытывает ответственность за принятие политических решений вместо того, чтобы выполнять и повиноваться военным заданиям. Это, несомненно, делается с традиционной преданностью, но жар души отсутствует, так как в итоге они не верят в гений фюрера. Можно, пожалуй, его сравнить с Карлом XII. Но ввиду того, что вода течет вниз, это пораженчество не только может нанести большой политический ущерб, потому что расхождение между мнениями генералов и фюрера общеизвестно, но и может создать опасность для морального состояния войск. Но я ни капли не сомневаюсь в том, что фюрер сумеет поднять моральное состояние народа самым неожиданным образом, когда наступит должный момент».

Запись в дневнике Иодля, которую я только что огласил, показывает, что некоторые из немецких генералов в то время испытывали сомнение относительно способности Германии выступить одновременно против Польши и западных держав, но тем не менее в этой записи нет никаких признаков недостатка симпатии в отношении нацистских захватнических планов. Нет ни в дневнике Иодля, ни в каких-либо других документах никаких доказательств того, что какое-нибудь значительное число германских генералов без сочувствия относилось к замыслам Гитлера. Более того, главные военные руководители всегда присоединялись к решениям Гитлера и поддерживали их со значительным успехом в этот период — 1938—1942 гг.

Таким образом, если нам будут говорить о том, что германские военные руководители не знали того, что германская политика в отношении Чехословакии была агрессивной или что она базировалась на применении силы или угрозе применить силу, то нам следует помнить о том, что 30 мая 1938 г. Гитлер подписал совершенно секретную директиву, адресованную Кейтелю. Это документ ПС-388, уже представленный в качестве доказательства за номером США-26, в котором он ясно заявил о своем непреклонном решении сокрушить Чехословакию путем военных действий в ближайшем будущем.

Безусловно, подсудимый Иодль не может испытывать никаких сомнений относительно того, что это означало. Он в тот же день записал в своем дневнике о том, что фюрер заявил о своем окончательном решении уничтожить в ско-

ром времени Чехословакию и приказал начать военные приготовления по всем направлениям.

Затем документальные доказательства из архива Шмундта, из дневника Иодля показывают, как эти подготовительные военные мероприятия проводились по всем направлениям.

Многочисленные совещания, планы и подготовка в течение последних немногих недель до заключения Мюнхенского пакта, включая переговоры с Венгрией и венгерским генеральным штабом, в которых принимал участие генерал Гальдер, находят свое отражение в дневнике Иодля и в документах Шмундта. В день, когда был подписан Мюнхенский пакт, 29 сентября, Иодль записал в своем дневнике — документ ПС-1780: «Мюнхенский пакт подписан. Чехословакия как держава более не существует. Установлены четыре зоны, которые должны быть оккупированы между 2 и 7 октября. Остальная часть с большинством населения германской национальности будет оккупирована к 10 октября. Гений фюрера и его решимость, которая не поколебалась даже перед угрозой возникновения мировой войны, вновь одержали победу без применения силы. Остается надежда, что недоверчивые, слабые и нерешительные люди проникнутся убеждением в его гений».

Планы захвата остальной части Чехословакии были составлены вскоре после Мюнхена, как об этом говорится в документах. В конечном итоге захват был осуществлен путем дипломатического нажима, в котором подсудимый Кейтель участвовал с обычной целью демонстрации того, что германские вооруженные силы готовы привести в исполнение угрозу. Об этом свидетельствуют два документа, которые уже представлены — ПС-2802, США-117 и ПС-2798, США-118. Нет надобности их зачитывать. И вновь подсудимый Иодль в своей лекции в 1943 году (документ Л-172, США-34) ясно рассказывает нам, почему задача уничтожения Чехословакии была близка сердцу германских военных руководителей в такой же степени, как и сердцу нацистов. Здесь говорится:

«Бескровное разрешение чешского конфликта осенью 1938 года и весной 1939 года и присоединение Словакии пополнили территориальные приобретения Великой Германии таким образом, что стало возможно рассматривать польскую проблему на основании более или менее благоприятных стратегических позиций».

Здесь уместно вспомнить письменные показания Бломберга и Бласковица, выдержки из которых я уже оглашал:

«Целая группа германских штабных офицеров и офицеров действующей армии считала, что вопрос о Польском коридоре должен быть однажды разрешен, если необходимо, то и путем применения силы. "Гитлер достиг таких результатов, которых мы очень желали", — заявили они нам».

Теперь я перехожу к вопросу о Польше. Нападение Германии на Польшу представляет собой интерес с точки

зрения роли генерального штаба и высшего командования. Документы, которые доказывают агрессивный характер этого нападения, уже были представлены представителем английского обвинения господином Гриффит-Джонсом. Я предлагаю подойти к этому вопросу несколько с другой стороны, поскольку представленные уже документы служат прекрасным доказательством деятельности генерального штаба и высшего командования, как об этом говорится в Обвинительном заключении.

Это нападение было тщательно рассчитано по времени и запланировано, и документы показывают штабную работу шаг за шагом. Господин Гриффит-Джонс оглашал выдержки из целого ряда директив Гитлера и Кейтеля (С-120, ВБ-1). Там имеется «план Вейс» — кодовое название для плана агрессии против Польши. Это целая серия документов. Она начинается с повторно изданного документа «Директива о единой подготовке к войне германских вооруженных сил». Мы уже встречали прежде эту периодически переиздаваемую директиву. В директиве давались инструкции вооруженным силам и указывались их задачи, которые должны возникнуть в последующий период. Главным образом эта директива заключала в себе: 1) указание о том, что вооруженные силы должны быть готовы выполнить свою задачу в связи с политическими и дипломатическими событиями; 2) указания на то, что должно быть выполнено дипломатическим путем, чтобы облегчить выполнение военных задач и увеличить шансы на успех.

Документы представляли собой в действительности слияние дипломатической и военной мысли и в значительной мере демонстрировали взаимную зависимость агрессивной дипломатии и военного планирования. Обратите внимание на то, что эти документы, в которых дан приказ о подготовке планов войны против Польши, в апреле 1939 года рассылались в очень ограниченном количестве копий. Только пять экземпляров было разослано Кейтелем: Браухичу (ОКХ), Редеру (ОКМ), Герингу (ОКЛ) и два экземпляра были направлены Варлимонту — в отдел планирования ОКВ.

Гитлер приказал, чтобы планы были готовы для их осуществления к 1 сентября 1939 г., и, как мы хорошо помним, этот установленный срок был выдержан. Это слияние военной и дипломатической мысли ясно видно из содержания одного из этих документов, который не был еще оглашен. Это документ С-120-Д. Я хочу огласить выдержку, которая находится на четвертой странице. Подзаголовок гласит: «Политические требования и цели».

«Отношения Германии с Польшей продолжают основываться на принципе: избегать всяческих столкновений. Однако в случае, если Польша изменит свою политику в отношении Германии, политику, которая базируется в настоящий момент на таких же принципах, как и наша собственная политика, и займет угрожающую позицию в отношении Германии, то может возникнуть необходимость в окончательном

решении вопроса, несмотря на пакт, заключенный с Польшей.

Цель будет также заключаться в том, чтобы уничтожить польскую военную силу и создать на Востоке такую ситуацию, которая отвечала бы требованиям национальной обороны. Вольный город Данциг будет объявлен частью имперской территории не позднее чем в начале конфликта.

Политическое руководство считает своей задачей в таком случае изолировать Польшу то есть, если возможно, ограничить войну только Польшей.

Развитие все обостряющегося внутреннего кризиса во Франции, результатом которого является все возрастающая осторожность со стороны Англии, может создать такую ситуацию не в очень отдаленном будущем.

Вмешательство России, насколько она будет в состоянии это сделать, не даст ничего полезного для Польши потому, что это будет означать разрушение Польши большевизмом.

Позиция прибалтийских государств будет целиком определяться военными соображениями Германии.

Венгрию нельзя рассматривать как надежного союзника Германии. Позиция Италии определяется осью Берлин — Рим».

Второй подзаголовок гласит: «Военные выводы».

«Главные цели при создании германских вооруженных сил по-прежнему должны определяться антагонизмом с западными демократическими государствами. "План Вейс" составляет лишь предварительную меру для этих приготовлений. Однако нельзя никоим образом рассматривать это как необходимое предварительное условие для решения путем войны конфликта с западными противниками.

Изоляцию Польши будет значительно легче поддерживать даже после начала военных операций в случае, если мы сумеем начать войну сильными неожиданными ударами и быстро достигнем успехов. Однако ситуация потребует, чтобы были приняты меры предосторожности, чтобы обеспечить безопасность нашей западной границы и побережья Северного моря и обеспечить защиту для них от нападений с воздуха».

Но никто и не предполагает, что это были гипотетические планы и что генеральный штаб или высшее командование не знали, что предстояло в будущем. По планам сразу видно, что это не были военные игры.

Теперь, чтобы закончить с этим вопросом, я хочу сослаться вкратце на «коронный» документ относительно Польши (документ Л-79, США-27). Это заметки Шмундта на совещании в кабинете Гитлера в имперской канцелярии в Берлине 23 мая 1939 г., когда Гитлер заявил, я сейчас оглашу только одно предложение:

«Поэтому не может быть даже речи о том, чтобы пощадить Польшу, и перед нами остается только одно решение — напасть на Польшу при первой же благоприятной возможности».

Обратите внимание на тех, кто присутствовал на этом совещании, помимо Гитлера и немногих его военных адъютантов. Присутствовали: тот же подсудимый Геринг (военно-воздушные силы); подсудимый Редер (военно-морской флот); подсудимый Кейтель (ОКВ); фон Браухич (сухопутные войска); генерал-полковник Мильх, который был статс-секретарем министерства авиации и генеральным инспектором военно-воздушных сил; генерал Боденшатц — личный помощник Геринга; контр-адмирал Шнивинд (военно-морской штаб); генерал-полковник Иешонек (штаб военно-воздушных сил); полковник Варлимонт (отдел планирования ОКВ). Все они, за исключением Мильха, Боденшатца и адъютантов, являются членами группы. Эти документы показали нам, как осуществлялось первоначальное и общее планирование нападения на Польшу. Однако эти общие планы подлежали проверке, исправлению и совершенствованию армейскими начальниками, которые должны были произвести нападение. Я представляю в качестве доказательства документ С-142, США-538. Он был издан в середине июня 1939 года. В этом документе фон Браухич, главнокомандующий сухопутными войсками, давал общие направления плана нападения на Польшу подчиненным ему командующим армиями и группами армий таким образом, чтобы эти командующие могли бы подготовить оперативные планы для своих войск в соответствии с общим планом. Я оглашаю выдержку на первой странице:

«Задачей операции является разгром польских вооруженных сил. Политические соображения требуют, чтобы война была начата сильными неожиданными ударами с целью добиться быстрых успехов. Главное командование сухопутных войск стремится к тому, чтобы предотвратить регулярную мобилизацию и концентрацию польской армии путем неожиданного вторжения на польскую территорию и чтобы разбить главную группировку польской армии, которая, очевидно, находится к западу от линии Висла — Нарев».

Я перехожу к следующему абзацу:

«Мероприятия должны готовиться командующими группами армий и армиями в плане того, что противник будет захвачен врасплох. Однако не должна возникать необходимость в изменениях в случае, если придется отказаться от неожиданного нападения. Следует продолжать дело просто и быстро на той же базе. Они должны быть подготовлены теоретически таким образом, чтобы в случае приказа главного командования сухопутных войск их можно было быстро осуществить».

Следующий документ ПС-2327, который представлен под номером США-539, подписан Бласковицем. Он датирован 14 июня 1939 г. и показывает нам, как разрабатывали планы командующие немецкими войсковыми соединениями. В то время Бласковиц был командующим 3-й группой армий, а затем командующим 8-й германской армией во

время польской кампании. Я оглашу выдержки из этого документа:

«Главнокомандующий сухопутными войсками приказал разработать план боевых операций против Польши, принимая при этом во внимание требования политического руководства — начать войну неожиданным ударом и достичь быстрых успехов.

Стратегический приказ верховного командования, известный под названием "план Вейс", предписывает штабу 3-й группы армий дать необходимые указания и приказы всем соединениям, подчиненным ему согласно "плану Вейс"».

Я перехожу к седьмому абзацу на странице первой:

«Вся переписка относительно "плана Вейс" должна относиться к разделу "совершенно секретно". Это можно не соблюдать только лишь в том случае, если содержание документа, по мнению соответствующего воинского начальника, является безвредным даже в связи с другими документами. На середину июля запланировано совещание, на котором будут обсуждаться детали этих операций. Время и место будут указаны позднее... Особые запросы должны направляться в 3-ю группу до 10 июля».

Подписано:

«Командующий 3-й группы армий Бласковиц».

Я перехожу на вторую страницу и оглашу выдержку, озаглавленную «Цели операции "план Вейс": Операции с целью предотвратить упорядоченную мобилизацию и концентрацию польской армии должны быть начаты неожиданными ударами при помощи сил, большей частью состоящих из моторизованных и танковых частей, которые сосредоточены вблизи границы и находятся в состоянии готовности.

Первоначальное превосходство над польскими пограничными частями и неожиданность должны быть поддержаны быстрым введением в действие других частей армии, которые должны будут также воспрепятствовать действиям со стороны армии противника. Соответственно все части должны сохранять инициативу во время операций против неприятеля в своих руках путем быстрых действий и беспощадных атак».

За неделю до начала нападения на Польшу, когда уже все военные планы были разработаны, мы находим всю организацию, как она определена в Обвинительном заключении, собравшуюся вместе.

23 августа все обербефельсхаберы (командующие) собрались в Оберзальцберге для того, чтобы выслушать указания Гитлера относительно времени нападения, а также для того, чтобы получить политическую и дипломатическую ориентацию от главы государства. Это документ ПС-798, США-29. Эта речь уже подробно цитировалась и я не собираюсь более на ней останавливаться; отмечу лишь и подчеркну, что она произносилась перед той самой группой, которая определена в Обвинительном заключении как генеральный штаб и верховное командование германских вооруженных сил. Кста-

ти говоря, это второй из двух примеров, на которые ссылаются аффидевиты Гальдера и Браухича.

Теперь я перехожу к третьему моменту — практическое развязывание агрессивной войны Германией. В течение немногих недель до начала сколько-нибудь важных операций на западном фронте Польша была разбита и побеждена. Потери Германии были незначительны.

Три основных территориальных вопроса, о которых упоминалось в письменных показаниях фон Бломберга и Бласковица, были решены. Рейнская область была ремилитаризована и укреплена, Мемель был захвачен, Польский коридор был захвачен, и, более того, Австрия также стала частью империи. Чехословакия была оккупирована. Вся западная Польша была в руках Германии. Германия имела превосходство в оружии и в опыте над своими западными противниками — Францией и Англией. Затем наступили три мрачных года войны — 1939, 1940 и 1941, когда германские вооруженные силы двигались, сметая все на своем пути, с севера на юг и на восток, в Норвегию и Данию, Нидерланды и Францию, Триполи и Египет, Югославию и Грецию; Италия, Румыния, Венгрия и Болгария стали союзниками Германии; западная часть Советского Союза была захвачена.

Я намереваюсь рассматривать как один период промежуток времени начиная с поражения Польши в октябре 1939 года до нападения на Советский Союз в июне 1941 года. Во время этого периода велись агрессивные войны в нарушение договоров, как это определено в Обвинительном заключении, против Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии, Люксембурга, Югославии и Греции.

Я не собираюсь что-нибудь добавить или исправить в том, что уже говорилось по этому вопросу британской делегацией. С точки зрения доказательств преступлений против мира представление обвинения завершено. Но я хотел бы остановиться на этом периоде с точки зрения военной, с точки зрения германских военных руководителей. Мы можем быть уверенными в одном: ни нацисты, ни генералы не рассматривали события этого периода с точки зрения нарушения нейтралитета и договоров. Они думали тогда о войне, о захватнической войне, о войне с целью захвата Европы. Нейтралитет, договоры, пакты о ненападении — ничего этого они не принимали во внимание. Все это рассматривалось как надоевшее препятствие, следовало сформировать инструменты для обмана и фабрикации предлогов, которые должны были использоваться в зависимости от обстановки.

Фон Бломберг сообщил нам в письменном показании, которое я огласил, что после 1939 года некоторые генералы стали осуждать методы Гитлера и стали утрачивать доверие к его решениям. Не указывается, какие именно методы Гитлера осуждали некоторые генералы, но я думаю, что Трибунал не получит никакого заслуживающего доверия доказательства того, что многие генералы осуждали меры

агрессии в течение 1939—1941 гг. В действительности доказательства свидетельствуют скорее о том, что для большинства генералов эти годы были лучшими в их жизни.

Шесть недель спустя после начала войны и после успешного завершения польской кампании, 9 октября 1939 г., была издана директива относительно ведения войны на Западе. Этот документ Л-52, который я представляю в качестве доказательства под номером США-540, был разослан только четырем командующим: Кейтелю, Браухичу, Герингу и Редеру. Из содержания директивы можно сделать вывод о том, что она была издана Гитлером (имеющийся экземпляр не подписан). Я оглашу выдержку начиная со второй страницы документа со слов: «Цели ведения войны Англией и Францией»:

«Цель ведения войны со стороны Англии и Франции состоит в том, чтобы разбить и раздробить государство с 80-миллионным населением — имеется в виду Германия — таким образом, чтобы было восстановлено европейское равновесие, или, говоря другими словами, баланс сил, который для них выгоден. Поэтому германский народ так или иначе будет вынужден вступить в эту битву. Однако значительные успехи в первый месяц войны могут укрепить империю морально и материально до такой степени, что с германской стороны не будет никаких возражений против немедленного окончания войны при условии, что завоевания, достигнутые при помощи оружия, не пострадают при подписании мирного договора.

Настоящий меморандум не ставит своей задачей исследовать возможности в данном направлении. В этом документе я ограничусь исключительно другим вариантом: необходимостью продолжать борьбу, целью которой, как уже подчеркивалось, с позиции противника, является разрушение или уничтожение германского рейха. В противовес этому военной целью Германии является то, чтобы в военном отношении окончательно сбросить Запад со счетов, т.е. разрушить мощь и потенциал западных держав, с тем, чтобы они никогда более не смогли противостоять государственной консолидации и дальнейшему развитию германского народа в Европе. Однако, что касается представления ситуации для внешнего мира, эту внутреннюю цель придется подвергнуть некоторой пропагандистской корректировке, необходимой с психологической точки зрения. Конечно, военной цели это не меняет. Военной целью является и остается уничтожение наших западных противников».

Перехожу к стр. 3 перевода, подзаголовок «Причины».

«Успехи польской кампании сделали возможным ведение войны на одном фронте; этой ситуации мы ждали на протяжении прошедших десятилетий без надежды на то, что она реализуется; иными словами, Германия имеет возможность вступить в борьбу на Западе со всей своей мощью, оставив на Востоке лишь незначительное количество прикрывающих войск. Остальные европейские государ-

ства сохраняют нейтралитет либо по той причине, что опасаются за собственную судьбу, либо из-за отсутствия интереса к конфликту как таковому, либо потому, что они заинтересованы в определенном исходе войны, что мешает им либо вообще принять участие в войне, либо сделать это слишком скоро. Следует твердо помнить о нижеследующем...».

Здесь в документе идет ряд ссылок на разные страны.

Остановлюсь на Бельгии и Голландии. В конце третьей страницы говорится:

«Оба государства заинтересованы в том, чтобы сохранить свой нейтралитет, но они не в состоянии выдержать продолжительное давление со стороны Англии и Франции. Сохранение их колоний, поддержание их торговли и обеспечение таким образом их внутренней экономики и даже самой их жизни зависят целиком от воли Англии и Франции. Поэтому в своих решениях, в своей позиции, в своих действиях оба эти государства в высшей степени зависят от Запада. Если Англия и Франция будут ждать успешного результата ценой ликвидации бельгийского нейтралитета, то они в любое время будут в состоянии оказать необходимое давление. Таким образом, не навлекая на себя позор нарушением нейтралитета, они могут заставить Бельгию и Голландию отказаться от их нейтралитета. Поэтому в вопросе сохранения бельгийского и голландского нейтралитета время не является фактором, который обещал бы благоприятное развитие для Германии».

«Скандинавские государства: при условии, что не появятся совершенно непредвиденные факторы, следует также рассчитывать на нейтралитет этих государств в будущем. Представляется возможным, что Германия будет продолжать торговлю с этими странами даже в случае продолжительной войны».

Спустя шесть недель, 23 ноября 1939 г., организация, которая определена в Обвинительном заключении как преступная, вновь собралась на совещание, и присутствующие услышали от Гитлера значительную часть того, что он заявил первоначально четырем главнокомандующим. Эта речь излагается в документе ПС-789, США-23. Часть этой речи была уже ранее оглашена. Однако некоторые выдержки из нее, которые представляют интерес, не были еще оглашены. Я хотел бы огласить выдержку со страницы 2:

«Впервые в истории мы должны бороться только на одном фронте, второй фронт в настоящее время свободен. Однако никто не может знать, как долго такое положение сохранится.

В течение долгого времени я был в нерешительности относительно того, должен ли я сначала нанести удар на Востоке, а затем на Западе. Я в принципе организовал вооруженные силы не для того, чтобы оставаться в бездействии. Решение нанести удар всегда было во мне. Раньше или позже, но я собирался разрешить проблему. Под давлени-

ем обстоятельств было принято решение нанести удар сначала на Востоке. Если польская война была выиграна быстро, то это объясняется превосходством наших вооруженных сил. Это самое славное событие в нашей истории. Против ожидания расходы в людях и материальной части оказались невелики. В настоящее время восточный фронт держат всего несколько дивизий. Это ситуация, которую мы ранее считали недостижимой. Теперь ситуация такова: противник на Западе находится за своими укреплениями. Возможности схватиться с ним нет. Решающий вопрос следующий: как долго можем мы терпеть такую ситуацию?»

Переходим к стр. 3 этого документа:

«Все определяется тем обстоятельством, что сейчас благоприятный момент; через 6 месяцев положение может измениться».

Цитируем последнюю выдержку на стр. 4 перевода:

«Англия не может прожить без импорта. Мы можем себя прокормить. Необходимость постоянно засеивать рудники на английском побережье поставит Англию на колени. Однако это может произойти, только если мы оккупируем Бельгию и Голландию. Для меня это трудное решение. Никто никогда не достигал того, чего достиг я. Во всем этом моя жизнь значения не имеет. Я привел германский народ к высочайшей вершине, даже если мир нас сейчас ненавидит. Я рискую потерять эти достижения. Мне приходится выбирать между победой и уничтожением. Я выбираю победу. Это величайший исторический выбор. Даже решения, принятые Бисмарком в 1866 и 1870 годах, были не более великими. Мое решение неизменно. Я нападу на Францию и Англию как можно быстрее, в самый благоприятный момент. Нарушение нейтралитета Бельгии и Голландии не имеет никакого значения. Никто не будет задавать по этому поводу вопросов, когда мы победим. Мы поэтому не будем столь глупы в вопросе нарушения нейтралитета, как это было в 1914 году. Если мы не нарушим их нейтралитета, это сделают Англия и Франция. Без нападения война не будет выиграна. Я считаю возможным окончить войну только посредством нападения. Никто не может ответить на вопрос, будет ли нападение успешным. Все зависит от благоприятного провидения».

Зима 1939—1940 года прошла спокойно. В эту зиму не велось настоящих военных действий. Все члены генерального штаба и высшего командования знали, каков был план, им всем об этом было сказано: «Напасть безжалостно при первой возможности, сокрушить французские и английские вооруженные силы, не обращая никакого внимания на нейтралитет и договоры с Нидерландами. Нарушение нейтралитета Бельгии и Голландии не имеет никакого значения. Никто не будет задавать по этому поводу вопросов, когда мы победим», — это говорил Гитлер своему высшему командованию. Его генералы и адмиралы согласились с этим и стали выполнять свой план.

Неправильно будет считать, что все шаги в этом захватническом походе были задуманы Гитлером и что военные руководители пустились в поход неохотно и с опасениями. Чтобы убедиться в обратном, надо вернуться немного назад, к тому, что господин Элвин Джонс говорит Трибуналу относительно планов вторжения в Данию и Норвегию.

Трибунал вспомнит, что в выступлениях Гитлера в октябре и ноябре, которые я только что огласил и которые изобилуют угрозами по адресу Англии, Франции и Нидерландов, не было никаких предложений о нападении на Скандинавские страны. Конечно, меморандум от 9 октября 1939 г. (Л-52), выдержки из которого я оглашал, свидетельствует о том, что Гитлер не видел никаких оснований для того, чтобы нарушить ситуацию на севере, так как он заявил, что в случае, если не возникнут непредвиденные обстоятельства, можно рассчитывать на нейтралитет Скандинавских стран. Можно было продолжать торговлю с этими странами даже в случае затяжной войны. Но лишь за неделю до этого, 3 октября 1939 г., подсудимый Редер уже предложил военно-морскому штабу представить соображения по поводу преимуществ с военно-морской точки зрения, которые могли бы быть достигнуты при обеспечении баз в Норвегии и Дании. Для этой цели был циркулярно разослан запрос.

Об этом говорится в документе С-122, ВБ-82. В другом документе, который был представлен господином Элвином Джонсом под номером С-66, ВБ-81, говорится, что к рассылке этого запроса Редера побудило письмо другого адмирала — Карлса, который указывал на важность оккупации норвежского побережья Германией. Адмирал Рольф Карлс был позднее возведен в ранг адмирала флота и командовал военно-морской группой «Север», в этой должности он является членом организации, как определено в Обвинительном заключении, так же, как и Редер.

Трибунал также вспомнит, что Дениц, который в то время был флагманом подводного флота, ответил на запрос Редера (документ С-5) ВБ-83. Дениц писал, что с его точки зрения Тронхейм и Нарвик удовлетворяют требованиям в качестве базы для подводных лодок и, далее, что Тронхейм — лучше, и предложил создать там базу для подводных лодок. На следующий день Редер посетил Гитлера. Это посещение и другие события описаны в документе, который не был еще представлен в качестве доказательства. Я представляю этот документ в качестве доказательства под номером США-541. В середине страницы имеется заголовок: «Запись в военном дневнике главнокомандующего военно-морскими силами относительно "Везерюбунга"» (это кодовое обозначение для операций против Дании и Норвегии). Запись в дневнике от 10 октября 1939 г.: «Главнокомандующий военно-морскими силами при посещении фюрера впервые указал на важность Норвегии при ведении войны на море и в воздухе. Фюрер намеревался изучить этот вопрос». Запись от 12 декабря 1939 г.: «Фюрер принял

К. и Х. (что, по-видимому, означало Квислинга и Хагелина), затем последовали инструкции высшему командованию вооруженных сил произвести необходимые приготовления. Главнокомандующий военно-морскими силами готовит свой доклад, который будет готов в январе». В следующей фразе неправильный перевод. Следует читать:.. «капитан 1-го ранга Кранке работает над "Везерюбунг" при ОКВ».

В последующий период Х. (Хагелин) поддерживал контакт с начальником штаба военно-морских сил. Его целью было усилить партию К. (Квислинга) с тем, чтобы сделать ее способной произвести государственный переворот и предоставлять главному командованию военно-морскими силами информацию о политических событиях в Норвегии и сведения по военным вопросам. В общем, он настаивал на ускорении подготовки, но считал, что сначала следовало расширить организацию».

Я думаю, это все, что мне следовало огласить из этого документа.

Другой документ — С-64, ВБ-86, уже представленный мной в качестве доказательства, свидетельствует о том, что 12 декабря военно-морской штаб обсуждал проект о Норвегии с Гитлером на совещании, на котором присутствовали также подсудимые Кейтель и Иодль. Я не собираюсь оглашать этот документ. Между тем Редер поддерживал контакт с Розенбергом, обсуждая возможность использования Квислинга. Господин Элвин Джонс совершенно справедливо указал Трибуналу на тесную связь между высшим командованием и нацистскими политическими деятелями. В результате всего этого согласно инструкциям Гитлера Кейтель издал директиву ОКВ 27 января 1940 г., в которой он заявил, что Гитлер поручил ему принять на себя руководство по подготовке к операции в Норвегии, которой он присвоил особое кодовое обозначение «Везерюбунг».

1 марта 1940 г. Гитлер издал директиву, в которой излагался общий план вторжения в Норвению и в Данию. Это — документ С-174, представленный уже господином Джонсом в качестве документального доказательства ВБ-89. На этой директиве имеются инициалы адмирала Курта Фрике, который был тогда начальником оперативного отдела военно-морского штаба и который в конце 1941 года стал начальником военно-морского штаба; в этой своей должности он является членом организации, как это определено в Обвинительном заключении.

Таким образом, как это явствует из этих документов, план вторжения в Норвегию и Данию не зародился в кругах нацистской партии и не был насильно навязан военным руководителям. Наоборот, этот план зародился среди военно-морских кругов генерального штаба и верховного командования, и Гитлера склонили к тому, чтобы поддержать эту идею. Договоры и нейтралитет означали для генерального штаба и высшего командования столь же мало, как и для нацистов.

В отношении Нидерландов ни Гитлер, ни военные руководители не испытывали беспокойства по вопросу соблюдения договора. Трибунал вспомнит, что на совещании Гитлера с главными военными руководителями в мае 1939 года (документ Л-79, США-27), когда было объявлено о решении напасть на Польшу, Гитлер, обсуждая возможность войны против Англии, заявил, что «военно-воздушные базы в Голландии и Бельгии должны быть оккупированы вооруженными силами. Декларации о нейтралитете будут игнорированы». И позднее в своей речи, обращенной к членам высшего командования в ноябре 1939 года, Гитлер заявил о том, что надо в первую очередь произвести вторжение в Нидерланды и что «никто не будет задавать по этому поводу вопросов, когда мы победим».

Соответственно, можно себе представить, что зима 1939—1940 года и ранняя весна 1940 года были периодом крайне интенсивного планирования среди германских военных кругов. Надо было запланировать главное наступление на западе через Нидерланды. Надо было запланировать нападение на Норвегию и Данию.

В дневнике подсудимого Иодля (документ ПС-1809, представленный в качестве доказательства под номером ВБ-88) за период с 1 февраля по 26 мая 1940 г. имеется много записей, показывающих ход этого планирования. Некоторые из этих записей уже были оглашены, другие представляют сейчас интерес. Трибунал заметит на основании записей, которые были уже оглашены, что в феврале и в начале марта среди германских военных кругов существовало сильное колебание в отношении того, следует ли сначала напасть на Норвегию и Данию, а затем уже на Нидерланды или наоборот. В некоторые моменты возникало сомнение вообще в необходимости всех этих нападений с военной точки зрения. Но Трибунал не найдет ни единой записи, которая говорила бы о каком-либо колебании, вызванном соображениями морального характера, со стороны Иодля или кого-нибудь еще, с кем он говорил, о том, чтобы захватить эти страны.

Я сейчас хочу сослаться на выдержки из документа ПС-1809, не цитируя их. Трибунал обратит внимание на то, что 1 февраля 1940 г. генерал Иешонек, начальник военно-воздушного штаба и член организации, как это определено в Обвинительном заключении, посетил Иодля и высказал свои соображения о том, что, возможно, сначала будет целесообразнее напасть только на Голландию на том основании, что даже одна Голландия принесет значительные улучшения для Германии в области ведения войны в воздухе.

6 февраля состоялось совещание Иодля с Иешонеком, Варлимонтом и полковником Валдау. На этом совещании было предложено то, что Иодль назвал «новой идеей». Она заключалась в том, что немцы должны были осуществить акцию «Г», что означало захват Голландии, «Везер», что означало захват Норвегии и Дании, и гарантировать нейтрали-

тет Бельгии на все время войны. Я думаю, что командование германскими военно-воздушными силами могло рассчитывать на то, что оккупация только одной Голландии предоставит значительное пространство для создания авиационных баз для нападения на Англию и что в случае, если будет сохранен нейтралитет Бельгии, Голландия будет недоступна для нападения со стороны английских и французских войск из Франции. Если даже французы и англичане повели бы наступление через Голландию и Бельгию, то нарушение нейтралитета было бы совершено противниками Германии. Однако, вне зависимости от того, имела ли эта «новая идея» смысл с военной точки зрения, с дипломатической точки зрения она представлялась весьма странной. Предложение состояло в том, чтобы нарушить без всякого на то основания нейтралитет трех соседних малых государств и одновременно гарантировать нейтралитет четвертого. Какую ценность могли придавать бельгийцы гарантии нейтралитета, предложенной при таких обстоятельствах, трудно даже представить. В действительности эта «новая идея», которая была предложена на этом совещании, представляла собой самое необычайное сочетание цинизма и безыскусственности. В то же время, как показывает дневник Иодля, 5 февраля 1940 г. состоялось первое совещание «особого штаба» по планированию вторжения в Норвегию, который получил инструкции от Кейтеля. 21 февраля Гитлер назначил генерала Фалькенхорста командующим операциями в Норвегии. В дневнике Иодля говорится, что «Фалькенхорст принял это назначение с удовольствием». 26 февраля Гитлер все еще колебался, на кого напасть сначала — на Норвегию или на Нидерланды. Но 3 марта он принял решение напасть сначала на Норвегию, а затем, спустя короткое время, — на Нидерланды. Это решение оказалось окончательным. Вторжение на территорию Норвегии и Дании состоялось 9 апреля, и успех операции уже был очевиден к 1 мая. Вторжение в Нидерланды состоялось десятью днями позднее.

Итак, Франция и Нидерланды были разбиты, Италия присоединилась к войне на стороне Германии, и началась африканская кампания. В октябре 1940 года Италия напала на Грецию. Мертвая точка, на которой остановился итало-греческий конфликт, и неопределенность позиции Югославии стали служить помехой для Германии, особенно потому, что в это время уже планировалось нападение на Советский Союз, и Германия чувствовала, что она не может пойти на риск оставить у себя в тылу на Балканах неопределенную ситуацию.

Соответственно было решено положить конец создавшемуся положению в Греции и прийти на помощь Италии. Государственный переворот в Югославии 26 марта 1940 г. определил окончательное решение Германии: сокрушить также и Югославию. Полковник Филлимор уже представил документальные доказательства по этому вопросу, и я могу мало что добавить к этому на данном этапе представления

доказательств. Были приняты решения, вооруженные силы составили необходимые планы и произвели нападение. Нападение на Югославию было особенно безжалостным и жестоким, так как оно преследовало особую цель: устрашить Грецию и Турцию. Браухич издал последние оперативные инструкции, которые имеются в документе Р-95, ВБ-127. Этот документ не оглашен перед Трибуналом. Я хотел бы огласить две короткие выдержки из этого документа Р-95, которые представляют интерес.

«Политическая ситуация на Балканах изменилась ввиду военного восстания в Югославии. Югославия должна рассматриваться как наш противник, даже если она сделает вначале заявление о своей лояльности. Фюрер и верховный командующий поэтому решили уничтожить Югославию как можно быстрее».

В параграфе 5 дается «Расписание операции». Там говорится:

«5 апреля, как только будут иметься в наличии достаточные силы военно-воздушного флота и будет благоприятная погода, военно-воздушные силы должны днем и ночью бомбить югославские наземные объекты и Белград».

В отношении нападения Германии на Советский Союз все документы, доказывающие агрессивный характер нападения, уже были представлены г-ном Олдерманом. Как я полагаю, вполне вероятно, что некоторые лица, входившие в состав генерального штаба и верховного командования германских вооруженных сил, возражали против плана Барбаросса, считая его ненужным и нецелесообразным с военной точки зрения. Подсудимый Редер указывал на это в своем меморандуме от 10 января 1944 года, документ С-66, ВБ-81. Перевод этого меморандума является единственным документом, который я намереваюсь огласить в связи с данной темой, некоторые выдержки представляют интерес. Цитирую с начала документа С-66:

«К этому времени фюрер известил о своем «неизменном решении» проводить восточную кампанию невзирая на все протесты. После этого дальнейшие предостережения, если не возникала иная ситуация, как показывал опыт прошлого, оказались бы совершенно бесполезными. В качестве начальника военно-морского штаба я никогда не был убежден в «насущной необходимости» осуществить план Барбаросса».

Переходим к третьему абзацу:

«На весьма раннем этапе у фюрера была идея однажды рассчитаться с Россией; вне сомнения очень важную роль в этом сыграла его общая идеологическая установка. В 1937—1938 гг. он однажды заявил, что намерен изгнать русских с Балтики; в таком случае им придется повернуть в направлении Персидского залива. Вероятно, выступление русских против Финляндии и Прибалтийских государств в 1939—1940 гг. еще более укрепило его в этой мысли».

Переходим к самому концу документа, абзац 7 стр. 4:

«Так как иной путь оказался невозможным, я подчинился принуждению. Если при этом у меня с ЗКЛ -1[1] возникли разногласия во мнении» — если мне позволено будет разъяснить, речь идет об отделе военно-морского штаба, ведающего операциями — «то это, возможно, объясняется тем, что аргументы, к которым прибегал фюрер в таких случаях (речь на обеде в середине июля, обращенная к командирам) для обоснования шага, который он планировал, обычно оказывали более сильное действие на людей, не принадлежавших к внутреннему кругу, по сравнению с теми, кто часто слышал такого рода рассуждения.

Много замечаний и планов указывают на то, что по расчетам фюрера восточная кампания должна была окончательно завершиться осенью 1941 года, в то время как главное командование сухопутных войск (генеральный штаб) относилось к этому весьма скептически».

Приведенная выдержка, конечно, указывает на расхождение во мнениях по поводу военных шансов на быстрый успех, однако последняя цитата указывает на то, что другие представители, входившие в группу, положительно относились к «плану Барбаросса»; меморандум Редера фактически утверждает и подтверждает то, что говорилось в аффидевите Бломберга: некоторые из генералов потеряли доверие к правоте суждений Гитлера, однако эти генералы не сумели в качестве группы занять против него четкую позицию; правда, несколько генералов попытались это сделать и при этом пострадали. Верховное командование явно не заняло позицию против Гитлера по «плану Барбаросса»; события 1941 и 1942 гг. не свидетельствуют о том, будто верховное командование начало войну против СССР в порядке экспериментирования либо с оговорками; скорее, имело место безжалостное упорство, опиравшееся на тщательное планирование. С самими планами Трибунал был уже ознакомлен ранее.

На этом завершается представление доказательств преступной деятельности организации, как об этом изложено в разделах I и II Обвинительного заключения. Документы, представленные мною ранее и составленные военными руководителями, не являются документами, составленными людьми, которые планировали и проводили эти многочисленные войны вопреки своему желанию. Я хочу вновь разъяснить существо обвинений против этой организации, изложенных в разделах I и II Обвинительного заключения.

Члены этой организации не обвиняются в том, что они были солдатами. Они не обвиняются в том, что они просто выполняли то, что обычно выполняет солдат, — в составлении военных планов и командовании.

---

[1] Зеекригслейтунг — «руководство войной на море» (главный военно-морской штаб). — **Прим. перев.**

Я полагаю, что в число обычных обязанностей дипломата входит участвовать в переговорах и на конференциях, писать ноты и памятные записки, присутствовать на званых обедах и создавать дружественные отношения к тому правительству, которое они представляют. Подсудимый Риббентроп обвиняется не в подобных действиях.

Обычная обязанность политического деятеля заключается в том, чтобы составлять проекты распоряжений и декретов, произносить речи. Подсудимый Гесс и Фрик обвиняются не в том, что они действовали таким образом.

Слесарь — это безобидная и почетная профессия. Однако тем не менее является преступлением, когда слесарь использует свою профессию для того, чтобы взламывать замки у соседей и грабить их жилища. И именно в этом заключается сущность обвинений, изложенных в разделах I и II Обвинительного заключения, против генерального штаба и верховного командования. Обвинение им предъявляется в том, что при выполнении функций дипломатов, политических деятелей, солдат, моряков и кого-нибудь еще, кем они были, они организовали заговор и планировали, подготавливали, развязывали и вели беззаконные агрессивные войны и таким путем совершили преступления, изложенные в статье 6(а) Устава.

Поэтому для тех, кто совершил подобные преступления, никоим образом не может послужить в качестве оправдания их утверждение, что они действовали как лица, принадлежащие к определенной профессии. Совершенно законно, когда военнослужащие разрабатывают военные планы в интересах нации. Такие планы могут законно создаваться независимо от того, являются ли они оборонительными или наступательными с военной точки зрения. Для военных руководителей является совершенно законным действием выполнение таких планов и ведение войны, если, действуя таким образом, они не планируют, не развязывают и не ведут войн, которые являются беззаконными потому, что они являются агрессивными и противоречат положениям Устава.

Я совершенно не собираюсь утверждать, что не могут иметь место индивидуальные случаи, касающиеся некоторых индивидуальных членов этой организации, когда могут возникнуть некоторые затруднения при проведении границы между законными и беззаконными действиями. Это не является необычным в области юриспруденции. Но я не верю в то, чтобы здесь, перед лицом этого Трибунала, могло бы возникнуть какое-нибудь сомнение или затруднение при установлении преступного характера действий генерального штаба и верховного командования как преступной организации в соответствии с разделами I и II Обвинительного заключения или в отношении установления виновности пяти подсудимых, которые являются членами этой организации.

В отношении подсудимых Геринга, Кейтеля и Иодля документальные доказательства занимают целые тома, и их участие в планировании и ведении агрессивных войн носило

более или менее постоянный характер. То же самое в равной степени относится и к подсудимому Редеру, индивидуальная ответственность которого особенно неоспорима за агрессивное и беспощадное нападение на Норвегию и Данию. Документальные доказательства, представленные в отношении Деница, менее обширны по той простой причине, что он был моложе остальных и не входил в состав высшего командования до последней стадии войны. В отношении других многочисленных членов генерального штаба и верховного командования, включая других руководителей, доказано, что они с готовностью участвовали в подготовке этих преступных планов и ведении этих незаконных войн, будучи полностью о них осведомленными.

Главнокомандующий сухопутными войсками фон Браухич, его начальник штаба Гальдер, заместитель Иодля — Варлимонт — все эти лица, в порядке вещей, были полностью осведомлены о всем том, что происходило, и, как показывают документы, они принимали в этом самое деятельное участие. Рейхенау и Шперле помогали запугивать Шушнига. Гитлер немедленно вызвал к себе именно Рейхенау, фон Шоберта и Геринга, когда Шушниг распорядился о проведении плебисцита. Позднее мы находим Бласковица в качестве командующего армией с полным знанием всех деталей дела готовящимся к нападению на Польшу. Фельдмаршал Лист готовил болгар для их роли во время нападения на Югославию и Грецию. Фон Фалькенхорст «с радостью принял» назначение на пост командующего войсками, которые осуществили вторжение в Норвегию и Данию. С другой стороны, Иешонек внес предложение, как об этом говорится в записях, о том, чтобы Германия напала на Норвегию, Данию и Голландию, заверяя в то же время Бельгию, что ей нечего опасаться.

Что же касается военно-морских сил, то адмирал Карлс, член организации, еще в самом начале предвидел, что германская политика вела ко всеобщей европейской войне. Позднее именно он предложил план нападения на Норвегию и Данию. Кранке, который позднее стал членом этой группы, также является одним из главных участников планирования этого нападения. Шнивинд участвовал в подготовке нападения на Польшу; Фрике заверил последний приказ об осуществлении «Везерюбунга» и немногими месяцами позднее предложил, чтобы Германия присоединила Бельгию и Северную Францию и превратила Нидерланды и Скандинавские страны в своих вассалов.

Большинство из девятнадцати офицеров, которых я перечислил, были в то время членами организации, а те немногие, которые не были членами организации, позднее стали ими. На последнем совещании, где обсуждался «план Барбаросса», присутствовало еще семнадцать членов организации дополнительно, а во время двух совещаний с Гитлером, на которых были полностью раскрыты агрессивные планы и неуважение к договорам, присутствовали все члены организации.

По-видимому, военнослужащие из числа подсудимых будут утверждать, что они являются всего лишь техническими исполнителями. Если продолжать развивать подобную мысль, то можно дойти до утверждения, что военнослужащие представляют собой какую-то совершенно отличную от обычных людей расу и являются людьми, которые стоят выше и вне моральных и юридических обязанностей, которые возлагаются на всех остальных, и что они не в состоянии выносить моральное суждение на основании собственных умозаключений.

Сейчас мы обсуждаем здесь преступление, которое заключалось в планировании и ведении агрессивной войны. С основанием утверждается, что это преступление было совершено преднамеренно, сознательно и с самыми преступными намерениями руководителями государства, которые возглавляли те основные области, которые важны при ведении войны и тесно с ней связаны. Это преступление было совершено пропагандистами и публицистами. Оно было совершено политическими руководителями, дипломатами, министрами, основными промышленными и финансовыми магнатами, и в не меньшей степени оно было совершено военными руководителями.

В порядке вещей было, что планирование и проведение агрессивной войны осуществлялось в результате соглашения и консультации между всеми этими категориями руководителей. Если бы руководители какой-либо важной области стояли в стороне, сопротивлялись или не оказывали должного содействия, то вся программа была бы серьезным образом нарушена. Вот почему все главные руководители во всех этих областях деятельности разделяют ответственность за совершение преступления, и военные руководители разделяют эту ответственность в не меньшей степени, чем другие. Для руководства в военной области, так же как и в других областях, требуется не только техническая подготовленность, но и мораль и мудрость.

Я не думаю, чтобы ответственные военные руководители какого-либо государства говорили когда-нибудь, что их роль сводится всего-навсего лишь к роли простого привратника, или сторожа, или машиниста военной машины, которой они управляют, и что они не несут никакой ответственности за использование этой машины. Господство такого мнения сегодня было бы особенно опасным, так как военные руководители сейчас контролируют силы, которые несравненно значительнее и разрушительнее, чем они были когда-либо прежде. Если военные руководители будут исключены из числа лиц, которые на основании положений Устава Международного военного трибунала несут ответственность за подготовку, планирование, развязывание и ведение агрессивной войны, то это явится чувствительным, если только не смертельным ударом по принципам, декларированным в Уставе.

Такое мнение не соответствует позиции Соединенных Штатов Америки. Обвинение, которое представляют здесь Соединенные Штаты, считает, что военная профессия является почетной профессией. Мы считаем, что руководители, принадлежащие к этой профессии, должны обладать высочайшей мудростью и честностью не в меньшей степени, чем техническим мастерством. Мы считаем, что при консультации и планировании с руководителями других областей национальной жизни военные руководители должны действовать в соответствии с международным правом и велениями общественного сознания. В противном случае военные ресурсы нации будут использованы не в соответствии с законами современного общества, а с законами джунглей. Военные руководители разделяют ответственность с другими руководителями. Я намеренно употребляю здесь слово «разделяют». Очевидно, что военные руководители не являются решающими и исключительными арбитрами, германские военные руководители не несут исключительную ответственность за те ужасающие преступления, которые были совершены. Но германские военные руководители вошли в заговор с целью подорвать и разрушить сознание германской нации. Германские военные руководители стремились к тому, чтобы расширить Германию за счет чужих земель и, если необходимо, прибегнуть к войне для этой цели.

Как заявил Главный обвинитель от Соединенных Штатов во вступительной речи, германские военные руководители находятся перед Вами на скамье подсудимых потому, что они совместно с другими лицами управляли Германией и ввергли ее в войну. Таким образом, завершается представление доказательств по разделам I и II.

Я перехожу к той части Обвинительного заключения, в которой генеральный штаб и верховное командование германских вооруженных сил обвиняются в совершении военных преступлений и преступлений против человечности при осуществлении общего плана или заговора, что предусмотрено разделами III и IV Обвинительного заключения.

Чтобы быть кратким, я буду упоминать об этих преступлениях только как о «военных преступлениях».

Я намереваюсь сейчас доказать, что члены генерального штаба и верховного командования, в том числе и пять подсудимых, которые являются членами организации, приказывали совершать военные преступления, руководили совершением военных преступлений и, занимая указанные должности, участвовали в них как члены группы.

Я также намерен показать на определенных примерах совершение военных преступлений военнослужащими германских вооруженных сил в результате этих приказов или в результате других приказов или директив, которые издавались членами генерального штаба и верховного командования, руководившими германскими вооруженными силами. Однако я не собираюсь перечислять все военные преступле-

ния, совершенные германскими вооруженными силами. Полное представление доказательств в подтверждение обвинений, изложенных в разделах III и IV Обвинительного заключения, будет сделано в соответствии с договоренностью между Главными обвинителями, представителями французского и советского обвинения. Значительная часть доказательств, которые они должны представить, будет относиться к обвинениям против генерального штаба и верховного командования.

Мы сейчас покажем Трибуналу, что генеральный штаб и верховное командование начали совместно проводить политику террора. В некоторых случаях доказательства этой политики имеются в виде официальных документов, и мы представим их. Документы эти подписаны членами организации или имеют их инициалы и распространялись среди членов группы. В других случаях, когда преступления практически совершались другими лицами, а не членами германских вооруженных сил, когда, например, военнопленные передавались СС и СД, а те подвергали этих военнопленных дурному обращению или убивали их, мы докажем, что в этих случаях члены организации были хорошо осведомлены о том, что они содействовали совершению военных преступлений. Мы докажем, что многие из преступлений, ответственность за которые несут организации СС и СД, совершались с ведома и при обязательной поддержке генерального штаба и верховного командования германских вооруженных сил как организации.

Первый вопрос, на котором я хочу остановиться, касается совершенных в нарушение международного права, законов и обычаев ведения войны и убийств союзных коммандос, парашютистов и членов военных миссий.

Один из первых документов, на который я хочу сослаться, это документ ПС-498, представляемый как США-501. Это приказ Гитлера от 18 октября 1942 г., в котором утверждается, что союзные коммандос якобы применяют методы ведения войны, противоречащие Женевской конвенции. Затем в приказе устанавливаются методы ведения войны, которые должны применяться германскими войсками против союзных коммандос, и указывается, как следует поступать с захваченными коммандос. Этот приказ является одним из двух основных документов, относящихся к этому обвинению. Я оглашу его полностью:

«1. В течение некоторого времени наши противники применяют способы ведения войны, противоречащие международной Женевской конвенции. Особенно жестоким и вероломным является поведение так называемых командос, которые частично вербуются даже из числа освобожденных уголовных преступников в странах неприятеля.

Из захваченных приказов видно, что им поручается не только заковывать военнопленных, но и убивать беззащитных военнопленных на месте, когда они считают, что эти военнопленные представляют для них бремя при исполнении последующих заданий или же могут иным образом мешать им.

Наконец, были обнаружены приказы, в которых в принципе предписывалось убивать военнопленных.

2. С этой целью уже было объявлено в приложении к коммюнике германских вооруженных сил от 7 октября 1942 г., что в будущем Германия, учитывая действия этих диверсионных частей Англии и их соучастников, будет применять те же методы. Это означает, что, где бы они ни появились, они будут безжалостно истребляться германскими войсками.

3. Поэтому я приказываю, чтобы начиная с настоящего времени все неприятельские агенты, выполняющие так называемые миссии коммандос в Европе или Африке, обнаруживаемые германскими войсками, истреблялись до последнего человека, даже если они с внешней стороны выглядят как солдаты и одеты в форму или состоят в подрывных частях, независимо от того, вооружены они или нет, сражаются они или спасаются бегством. Нет никакой разницы, высаживаются они с морских судов или с самолетов для выполнения своей миссии или сбрасываются на парашютах. Даже если эти личности, когда они обнаружены, по всей видимости, намереваются сдаться в плен, то принципиально им не следует давать пощады. О каждом отдельном случае следует посылать подробный отчет в ОКВ для опубликования этого отчета в коммюнике вооруженных сил.

4. Если отдельные члены таких команд — агенты, диверсанты и прочие — попадают в руки военных властей иными путями, например через полицию на оккупированных территориях, их следует немедленно передавать службе безопасности — СД. Строго запрещается содержать их под военной охраной, например в лагерях для военнопленных и т.д., даже если это предполагается только на короткое время.

5. Этот приказ не относится ко всем тем неприятельским солдатам, которые во время обычных военных действий, как-то: крупные наступательные операции, высадка морского десанта, высадка воздушного десанта — захватываются в открытом бою или же сдаются в плен.

Этот приказ также не относится к тем неприятельским солдатам, которые попадают к нам в плен после сражений на море, или же к тем солдатам противника, которые пытаются спасти свою жизнь тем, что выбрасываются на парашютах после воздушного боя.

6. Я буду привлекать к ответственности по законам военного времени всех командующих и офицеров, которые будут халатно относиться к своей задаче по инструктированию войск относительно этого приказа или будут действовать вопреки этому приказу в случаях, когда он должен применяться». Подписано: «Адольф Гитлер».

Трибунал заметит, что этот приказ был изготовлен ОКВ в 12 экземплярах и что разметка о рассылке его, показанная на второй странице, включает: три главнокомандования — сухопутных войск, военно-морского флота и военно-воздушных сил и основные командования действующих

армий. В тот же день Гитлер издал дополнительный приказ (документ ПС-503), который я представляю в качестве доказательства за номером США-542. Этот приказ был издан в целях разъяснения причин, согласно которым был издан основной приказ. В этих разъяснениях Гитлер привел совершенно иной перечень причин для издания приказа и указал, что операции союзных коммандос были в крайней степени успешными при разрушении тыловых коммуникаций, запугивании рабочих и разрушении важных военных заводов на оккупированных территориях.

Это второй основной документ, который я не буду оглашать целиком, но из которого я хотел бы зачитать выдержки. Оглашаю первый абзац, в котором говорится:

«В дополнение к приказу относительно истребления диверсионных и террористических команд, — дальше идет ссылка на номер приказа, который я только что огласил, — при сем прилагается дополнительный приказ фюрера. Этот приказ предназначен только для командующих и ни при каких обстоятельствах не должен попасть в руки противника. Дальнейшее его размножение должно быть соответствующим образом ограничено адресатами. Те учреждения, которые перечислены в разметке о рассылке приказа, несут ответственность за возврат и уничтожение всех разосланных экземпляров этого приказа и снятых с него копий». Подписано: «Начальник штаба оперативного руководства верховного командования вооруженных сил Иодль».

Затем прилагаются разметка о рассылке приказа и сам дополнительный приказ, подписанный Гитлером.

Я хочу огласить еще два абзаца этого дополнительного приказа, которые имеются в конце первой страницы английского перевода:

«Я должен был издать строгий приказ об истреблении диверсионных команд противника и должен был объявить, что невыполнение этого приказа будет строго наказываться. Я считаю необходимым объявить тем командующим и офицерам, которых это касается, причины издания этого приказа.

Ни в одной из предыдущих войн методы разрушения коммуникаций за линией фронта, запугивания населения, которое работает на Германию, или разрушения важных в военном отношении промышленных предприятий на территориях, оккупированных нами, не применялись с такой силой, как во время этой войны».

Перехожу к началу второй страницы:

«Последствия этой деятельности имеют большое значение. Я не знаю, представляет ли себе каждый командующий или офицер, что, например, разрушение только одной электростанции может лишить авиацию многих тысяч тонн алюминия и, таким образом, не даст возможности построить бесчисленное множество самолетов, которые могли бы вступить в бой на фронте. Таким образом, это принесет большой вред нашей родине и вызовет большие потери среди наших солдат.

Однако этот метод ведения войны не представляет никакой опасности для противника, так как он, высаживая свои диверсионные группы одетыми в военную форму, в то же время обеспечивает их гражданской одеждой, поэтому они могут, в зависимости от обстоятельств, появляться или в одежде солдат, или в одежде гражданских лиц. В то время как они имеют приказ безжалостно убивать всех германских солдат или даже местных жителей, которых они встречают на своем пути, они не подвергаются никакой опасности понести серьезные потери во время своих операций, так как в самом худшем случае, если они захвачены, они могут немедленно сдаться в плен и, таким образом, рассчитывать, что они теоретически подпадают под условия Женевской конвенции.

Нет никакого сомнения в том, что это является самым грубым нарушением Женевских соглашений, особенно в силу того обстоятельства, что частично эти группы состоят даже из уголовных преступников, освобожденных из тюрем, рассчитывающих реабилитировать себя таким путем. Англия и Америка поэтому всегда будут в состоянии находить добровольцев для выполнения этих операций до тех пор, пока они смогут с полным основанием заверять их, что нет никакой опасности потерять жизнь при выполнении этих миссий. Самое опасное, что им предстоит, так это то, что, совершив нападения на людей, разрушив дорожные и другие сооружения, они в случае обнаружения их неприятелем могут сдаться в плен. Чтобы предотвратить тяжелые потери для Германии в войне в результате этих операций, следует сделать совершенно ясным для противника, что все его диверсионные войска будут истребляться без исключения, до последнего человека. Это означает, что их шансы на то, чтобы выжить, сводятся к нулю.

Ни при каких условиях нельзя разрешить поэтому, чтобы те, кто производят взрывы, совершают диверсионные операции или террористические акты, получали возможность сдаваться в плен, рассчитывая на то, что с ними будут обращаться согласно правилам Женевской конвенции. Эту возможность надо устранить самым безжалостным образом и при всех обстоятельствах.

Сообщения по этому вопросу, которые публикуются в коммюнике вооруженных сил, будут кратко и лаконично сообщать о том, что отряд диверсантов, террористов или подрывников был обнаружен и уничтожен до последнего человека.

Поэтому я жду, чтобы все командующие армиями, а также отдельные командующие не только осознали необходимость применения таких мер, но и выполняли этот приказ со всей энергией. Об офицерах и унтер-офицерах, которые проявляют какую-либо слабость, следует немедленно докладывать или, когда промедление будет опасным, следует немедленно привлекать виновных к строжайшей ответственности.

Наша родина и солдаты, сражающиеся на фронте, имеют право на то, чтобы ожидать, что за их спиной будет обеспечено необходимое снабжение продовольствием так же, как и поставка оружия и боеприпасов, необходимых для ведения войны. Таковы причины издания этого приказа. Если возникает необходимость оставлять одного или двух человек для допроса, то их следует немедленно расстреливать после того, как допрос будет закончен».

Следующий документ С-179, который я представляю в качестве доказательства под номером США-543, показывает, что десять дней спустя, 28 октября 1942 г., когда подсудимый Редер являлся главнокомандующим военно-морскими силами, военно-морской штаб в Берлине направил копию основного приказа от 18 октября нижестоящим военно-морским инстанциям. Копия этого приказа, которая рассылалась главнокомандующим военно-морскими силами, а также препроводительное письмо военно-морского штаба ясно свидетельствуют о той секретности, которая окружала этот приказ. Я оглашу только первую страницу этого документа — препроводительное письмо:

«При сем прилагается приказ фюрера относительно истребления террористов и диверсионных групп. Этот приказ не должен рассылаться в письменном виде ниже командующих флотилий, начальников отделений или офицеров этого ранга. Эти инстанции после того, как они в устной форме сообщат содержание этого приказа своим подчиненным, должны будут вернуть его вышестоящей инстанции, которая несет ответственность за изъятие этого приказа и его уничтожение».

Я перехожу к третьей странице английского перевода. Там в конце страницы имеется аналогичное примечание относительно рассылки этого приказа. Я оглашаю эту выдержку: «Эти инструкции не должны рассылаться штабам батальонов и ниже и соответствующим штабам других родов войск. После того как об этих приказах будет поставлено в известность, копии, которые будут рассылаться штабам полков и выше и соответствующим штабам других родов войск, должны быть изъяты и уничтожены».

Следующий документ — С-178 я представляю под номером США-544. Этот документ датирован 11 февраля 1943 г., он был издан спустя 12 дней после того, как подсудимый Дениц стал главнокомандующим германскими военно-морскими силами. В тот день этот меморандум был распространен в военно-морском штабе с целью устранить некоторые неправильные толкования основного приказа от 18 октября 1942 г.

Этот документ разъясняет, почему первоначальный приказ носил столь секретный характер; в документе говорится также о том, что все командующие и офицеры военно-морского флота, которые не выполняют этот приказ или не инструктируют своих подчиненных относительно этого прика-

за, рискуют быть преданными военному суду и понести суровое наказание. Я оглашаю только первые четыре абзаца:

«Из донесения 3-го отделения военно-морского штаба от 1 февраля 1943 г. выяснилось, что некоторые управления генерального штаба сухопутных войск, так же как и оперативного штаба военно-воздушных сил, имеют неправильное представление относительно обращения с диверсантами. Телефонный запрос, поступивший из 3-го отделения военно-морского штаба, доказывает, что этот штаб также был неправильно информирован. Ввиду создавшейся ситуации обращается внимание на § 6 приказа фюрера от 18 октября 1942 г., согласно которому всем командующим и офицерам, которые недобросовестно выполняют свои обязанности по инструктажу своих частей относительно приказа о мерах по отношению к диверсантам, угрожает опасность быть преданными военному суду и понести наказание.

Первый приказ фюрера от 18 октября 1942 г. был обозначен как совершенно секретный потому, что в нем говорилось, что:

1) согласно мнению фюрера, распространение деятельности военных диверсионных групп на Востоке и Западе может иметь весьма тяжелые последствия для нас в ведении войны;

2) расстрелы одетых в военную форму военнопленных, которые выполняют военные приказы, должны проводиться, даже если они сдаются добровольно и просят пощады.

С другой стороны, истребление диверсионных групп во время боевых операций не должно держаться в секрете, напротив, об этом следует регулярно писать в коммюнике ОКВ.

Цель этих мероприятий, а именно устрашение, не будет достигнута, если те лица, которые принимают участие в осуществлении операций коммандос, не узнают, что их ждет верная смерть, а не безопасный плен. Так как диверсантов следует уничтожать немедленно, если только предварительно их показания не нужны для военных целей, необходимо, чтобы все военнослужащие получили определенные инструкции о том, что эти диверсанты, даже если они одеты в форму, должны истребляться, следует также, чтобы все имеющие к этому отношение департаменты министерства внутренних дел были информированы о порядке действия, установленном приказом».

Я обращаю внимание Трибунала на приводимые в этой выдержке причины стремления сохранить в тайне от всех тот факт, что одетые в военную форму военнопленные будут расстреливаться даже после того, как они сдались в плен и просили пощады. Это показывает, что в вооруженных силах прекрасно знали, что это находится в прямом противоречии с Гаагской и Женевской конвенциями.

Председатель: *Полковник Тэйлор, не огласите ли Вы абзац, начинающийся со слов «практические трудности»?*

Тэйлор: *Я оглашу его сейчас.*

Председатель: *Я думаю, что вам следует это сделать.*

Тэйлор: *«Могут возникнуть практические трудности в определении термина "диверсионная группа". Указание об истреблении согласно § 5 приказа фюрера от 18 октября не относится к войскам, участвующим в морских десантных операциях большого масштаба и высадках воздушных десантов в больших масштабах. За критерий следует принимать следующее: если, например, десять или более человек высаживаются с кораблей или с самолетов или сбрасываются на парашютах не для того, чтобы вступить в открытый бой, а для того, чтобы разрушить завод, мост или железнодорожное сооружение, то они входят в категорию лиц, которые должны быть истреблены».*

Следующий документ ПС-508 я представляю под номером США-545. Мы располагаем доказательствами того, что в ряде случаев приказ Гитлера от 18 октября 1942 г. действительно проводился в жизнь. Документ ПС-508 показывает, что в ночь с 19 на 20 ноября 1942 г. английский транспортный планер потерпел аварию близ Эгерсунна (Норвегия). На этом планере находился отряд английских коммандос из семнадцати человек, из которых трое были убиты, очевидно, во время аварии. Все они были одеты в английскую военную форму. Четырнадцать оставшихся в живых были казнены в соответствии с приказом Гитлера вечером 20 ноября. В подтверждение этого я оглашу выдержки из документа:

«1. Ниже следует дополнительное сообщение относительно посадки английского транспортного планера в Эгерсунне в ночь на 20 ноября.

a) Огонь со стороны германской обороны не был открыт.

b) Самолет ("Веллингтон"), который вел на буксире планер, врезался в землю. Семь человек команды погибли. Следовавший на буксире транспортный планер также потерпел аварию. Из семнадцати человек команды в живых осталось четырнадцать. Несомненно, это диверсионный отряд. Приказ фюрера был выполнен».

Перехожу к стр. 3 перевода, где имеются два телеграфных сообщения. Читаю два первых абзаца:

«20 ноября 1942 года в 5.50 в 15 километрах к северу от Эгерсунна был обнаружен британский деревянный буксируемый планер без мотора. Из 17 человек команды трое погибли, шестеро ранены тяжело, остальные ранены легко.

Все были одеты в английскую форму хаки без знаков различия на рукавах. Кроме того, были обнаружены нижеследующие предметы: 8 ранцев, палатки, лыжи и радиопередатчик, точное количество предметов пока не установлено. На планере находились винтовки, легкие пулеметы и автоматы, точное число не установлено. В настоящее время пленные находятся в батальоне в Эгерсунне».

Переходим ко второй телеграмме, первый абзац:

«Помимо экипажа в составе 17 человек были обнаружены обширный диверсионный материал и рабочее оборудо-

вание. Таким образом, абсолютно установлено, что целью являлись диверсии. 280-й пехотной дивизии был отдан приказ о проведении акции в соответствии с приказом фюрера. Расстрел был произведен к вечеру 20 ноября. На некоторых из пленных под формой хаки без знаков различия на рукавах были надеты лыжные костюмы. В ходе короткого допроса оставшиеся в живых пленные не сообщили ничего, кроме своих фамилий, званий и личных номеров».

Перехожу к следующему документу ПС-512, который я представляю в качестве доказательства под номером США-546. В этом документе перечисляются три конкретных случая, когда приказ Гитлера тоже был выполнен в Норвегии. Здесь особенно подчеркивается желательность захвата отдельных коммандос для их допроса. Я оглашу выдержки из этого документа, датированного 13 декабря 1942 г.:

«Согласно последней фразе приказа фюрера от 18 октября можно временно оставлять в живых отдельных диверсантов с целью допросить их. Важность этого мероприятия была доказана, например, тем, что, когда в Гломфьорде была захвачена торпеда с двумя людьми и планер "Ставангер", допросы дали важные сведения о намерениях противника. Так как в Эгерсунне диверсанты были ликвидированы немедленно и не было получено никаких сведений, командующий вооруженными силами вновь обращает внимание на вышеупомянутое последнее предложение в приказе фюрера о том, что ликвидировать следует только после короткого допроса...».

К делу относится еще один заключительный документ, относящийся к норвежскому театру военных действий.

Документ ПС-526, США-502, датированный 10 мая 1943 г., уже представлялся Трибуналу. Оглашу первые фразы документа:

«30 мая 1943 года в Тофтефьорде (70 градусов широты) был замечен вражеский катер. Катер был взорван противником.

Экипаж: 2 погибли, 10 взяты в плен.

Катер был послан из Скалловея (Шетландские острова) норвежским военно-морским флотом».

Перехожу к слову «Задачи»:

«Задачи: создание организации для совершения диверсий в укрепленных пунктах, на позициях батарей, местах размещения штабов и войск, на мостах.

Приказ фюрера исполнен службой безопасности».

В коммюнике вермахта от 6 апреля было сообщено следующее: «В северной Норвегии действовал вражеский диверсионный отряд, который при приближении к берегу был уничтожен».

Перехожу теперь к итальянскому театру военных действий. Я представляю документ ПС-509 в качестве доказательства под номером США-547. Этот документ датирован 7 ноября 1943 г. и представляет собой телеграмму главнокомандующего в Италии, адресованную ОКВ. В ней сообщается,

что 2 ноября 1943 г. три английских коммандос, захваченных близ Пескары в Италии, были подвергнуты «особой мере» («зондербехандлунг»), которая, как известно Трибуналу из ранее представленных доказательств, означает смертную казнь. Что случилось с остальными военнопленными, которые были помещены в госпиталь, нам не известно.

У меня имеется еще документ с итальянского театра военных действий, также свидетельствующий об исполнении приказа Гитлера. Это документ ПС-2610, который я передаю в качестве доказательства под номером США-548. Он представляет собой письменное свидетельское показание, данное под присягой 7 ноября 1945 г. Фредериком В. Роше, майором американской армии. Майор Роше был назначен военным прокурором при американском военном трибунале, который судил Антона Достлера, бывшего командующего 75-м германским армейским корпусом, за беззаконную казнь 15 американских военнослужащих. Я оглашу это письменное показание:

«Фредерик В. Роше, соответствующим образом приведенный к присяге, показывает:

Я — майор армии США. Я был военным прокурором во время процесса военного трибунала, судившего Антона Достлера за его приказ о казни 15 американских военнослужащих, которые выполняли миссию «Джинни». Этот военный трибунал состоял из пяти офицеров, назначенных по приказу генерала Мак-Нарни от 26 сентября 1945 г. за номером 269, штаб, средиземноморский театр военных действий, армия США. Военный трибунал заседал в Риме (Италия) с 8 октября 1945 г. и рассматривал дело в отношении Антона Достлера. Процесс продолжался четыре дня, и приговор был объявлен утром 12 октября 1945 г.

Достлер обвинялся в нарушении правил ведения войны.

Состав преступления: Антон Достлер — генерал неприятельской армии, будучи командиром 75-го корпуса германских вооруженных сил, 24 марта 1944 г. или около этой даты близ Ла Специа в Италии вопреки правилам ведения войны приказал расстрелять спешно группу военнослужащих армии Соединенных Штатов Америки, которая состояла из 2 офицеров и 13 солдат, незадолго до того захваченных воинской частью, находившейся под командованием генерала Достлера. Этот приказ был выполнен 26 марта 1944 г. или около этой даты, в результате чего вышеуказанные 15 американских военнослужащих были умерщвлены».

Затем следует список имен этих военнослужащих.

«Я присутствовал на судебном процессе все время, — показывает далее Роше, — слышал все показания и знаком с судебным протоколом. Факты, которые были вскрыты во время этого судебного разбирательства, сводятся к следующему.

В ночь на 22 марта 1944 г. 2 офицера и 13 солдат особого разведывательного батальона № 2677 американской армии были высажены с американского военного корабля на ита-

льянском побережье близ Стационе ди Фрамура. Все 15 человек были военнослужащие армии Соединенных Штатов Америки. Когда они высадились на итальянском побережье, все они были надлежащим образом одеты в полевую форму армии США, и у них не было с собой никакой гражданской одежды. Они имели задание разрушить железнодорожный тоннель на железнодорожной линии между Ла Специа и Генуей. Эта железнодорожная линия использовалась германскими вооруженными силами для того, чтобы снабжать их войска на фронте у Кассино и на плацдарме у Анцио.

Вся группа была захвачена утром 24 марта 1944 г. патрулем, который состоял из фашистских солдат и группы германских военнослужащих. Все 15 человек были подвергнуты допросу в Ла Специа. Затем они находились под арестом до утра 26 марта 1944 г., когда все они были расстреляны. Эти лица не были подвергнуты никакому суду, их не вызывал никакой суд, и их дело не разбиралось в суде. Они были расстреляны по приказу Антона Достлера, тогда командовавшего 75-м армейским корпусом. Антон Достлер выступил в свою пользу и сообщил, что приказал расстрелять 15 американских солдат в соответствии с приказом Гитлера от 18 октября 1942 г. о борьбе с коммандос, в котором говорилось, что коммандос должны расстреливаться и их не разрешается брать в плен даже после того, как они будут подвергнуты допросу. Он также показал, что был бы предан военному трибуналу, если бы не выполнил приказа Гитлера».

Ниже прилагаются копии определения о виновности и приговора Соединенных Штатов Америки по судебному делу против Антона Достлера в том виде, в каком они содержатся в подлинных протоколах процесса и как они были объявлены на открытом судебном заседании в Риме 12 октября 1945 г.

«Определение о виновности: Генерал Достлер, в качестве председателя этого трибунала я обязан объявить вам, что трибунал на закрытом совещании после тайного письменного голосования по меньшей мере двумя третями голосов всех членов нашел вас виновным по всем предъявленным вам обвинениям.

Приговор: Там же на закрытом совещании и после тайного голосования по меньшей мере двумя третями голосов своих членов трибунал приговаривает вас к расстрелу».

Приказ от 18 октября 1942 г. оставался в силе, насколько нам известно, до конца войны.

Я хотел бы представить в качестве документального доказательства за номером США-549 документ ПС-506. Он датирован 22 июня 1944 г. На нем имеются инициалы Варлимонта. В этом документе ОКВ ясно заявляло, что приказ Гитлера должен выполняться даже в тех случаях, когда операция коммандос проводится только одним лицом. Я оглашу только один абзац из этого приказа. В нем говорится:

«Оперативный штаб согласен с точкой зрения, изложенной в письме судьи группы армий при главнокомандующем группой "Юго-Запад" от 20 мая 1944 г. Приказ фюре-

ра должен выполняться, даже если противник использует лишь одно лицо для выполнения задания. Поэтому безразлично, осуществляется ли операция коммандос одним человеком или несколькими людьми. Основанием для применения особой меры к участникам операции коммандос является то, что операции эти не соответствуют германскому понятию о законах и правилах ведения войны».

В связи с высадкой союзников в Нормандии в начале июня 1944 года союзники применяли операции больших масштабов по высадке воздушных десантов. Перед немцами возник вопрос, в какой степени применять приказ Гитлера в Нормандии и во Франции за германской линией фронта.

Хочу привлечь внимание Трибунала к документу ПС-531, представляемому как США-550. Это меморандум от 23 июня 1944 года, подписанный Варлимонтом. Меморандум Варлимонта начинается с цитирования телеграммы, полученной от главного командования войсками на Западе, в телеграмме содержится запрос, как следует поступать в отношении применения приказа Гитлера к воздушно-десантным войскам и к коммандос.

Зачитываю начало телеграммы:

«Главное командование "Запад"; телеграфное сообщение № 1750/44; совершенно секретно; 23 июня 1944 года.

До сего времени обращение с вражескими группами коммандос осуществлялось в соответствии с приказом, о котором идет речь».

Уточняю, что имеется в виду приказ фюрера от 18 октября 1942 года.

«После того, как была осуществлена крупномасштабная высадка, возникла новая ситуация. Параграф 5 приказа, о котором идет речь, предусматривает, что солдат противника, которых мы берем в плен в открытом бою, или солдат, которые сдаются в пределах нормальных боевых операций (как-то: крупномасштабные операции и мероприятия по высадке), не следует подвергать обращению, предусматриваемому параграфами 3 и 4. В форме, легко доступной пониманию войсками, следует установить, в каких расширительных пределах следует понимать концепцию "в пределах нормальных боевых операций и т.д.".

Если бы содержание приказа стало известно, следовало бы ожидать серьезных репрессий в отношении наших собственных пленных.

Главное командование "Запад" считает, что самым правильным и четким решением вопроса является решение применять параграф 5 ко всем солдатам противника в форме, проникающим извне на оккупированные западные территории».

Таким образом, документ свидетельствует о том, что на Западе должен применяться параграф 5, предусматривающий неприменение приказа о казнях.

В нижней части страницы излагаются позиция, которую занял оперативный штаб вооруженных сил, и исходившие от него рекомендации:

«1. Приказ о коммандос в принципе остается в силе, даже после высадки противника на Западе.

2. Параграф 5 приказа должен быть разъяснен в том смысле, что приказ не распространяется на тех солдат противника в форме, которых в открытом бою непосредственно в зоне боевых действий на плацдарме высадки захватывают в плен наши войска, ведущие там бои, в равной степени приказ не распространяется на солдат противника, которые сдаются в плен. Выражение "наши войска, ведущие бои непосредственно в зоне боевых действий" имеет в виду дивизии, сражающиеся на переднем крае, а также резервы, включая штабы корпусов.

3. В сомнительных случаях живая сила противника, люди, которые живыми попадаются к нам в руки, должны передаваться СД, на котором лежит обязанность определять, следует ли в конкретном случае применять приказ о коммандос, или не следует.

4. Главное командование Запад должно следить за тем, чтобы все части, введенные в его зону, были подходящим образом устно ознакомлены с приказом, касающимся обращения с лицами, входящими в группы коммандос, от 18 октября 1942 года, их следует также уведомить о приведенных выше разъяснениях». В связи с этим 25 июня 1944 г. был издан приказ, который представлял собой ответ ОКВ на запрос командования на Западе. Этот приказ был подписан Кейтелем, но там же стояли инициалы Варлимонта и Иодля, это последний документ по этому эпизоду или запросу, ПС-551, представляемый как США-551. Я оглашу его:

«Тема: Меры против коммандос.

1. Даже после высадки англо-американцев во Франции приказ фюрера относительно истребления террористов и диверсионных групп от 18 октября 1942 г. остается полностью в силе.

Солдаты противника, одетые в военную форму, которые находятся в районе плацдарма, где происходят боевые операции, то есть в полосе дивизий, которые сражаются на самой передовой линии, а также в районах расположения резервов, включая резервы командования корпусов, должны подвергаться обращению согласно § 5 приказа от 18 октября 1942 г.

2. Все члены террористических и диверсионных групп, которые обнаруживаются вне районов боевых операций, включая в основном всех парашютистов, должны уничтожаться в бою. В особых случаях их следует передавать СД.

3. Все войска, которые действуют вне района боевых операций в Нормандии, должны быть информированы относительно их задачи, заключающейся в том, чтобы уничтожать все неприятельские террористические диверсионные

части немедленно и стремительно согласно директивам, изданным по этому вопросу.

4. Главное командование на Западе будет ежедневно докладывать, сколько диверсантов было уничтожено таким методом. Это относится в особенности к действиям со стороны командующих. Это количество должно ежедневно опубликовываться в коммюнике вооруженных сил с целью произвести устрашающее действие, так же как это делалось до этого в отношении таких же предыдущих операций по ликвидации коммандос».

Я хочу обратить внимание еще на один вопрос в связи с этим основным приказом. В июле 1944 года перед германским главным командованием встал вопрос относительно того, как следует применять этот приказ к членам иностранных военных миссий, в особенности английской, американской и советской военных миссий, которые вели переговоры с силами союзников в Юго-Восточной Европе, и в частности в Югославии. Обширный документ, подписанный Варлимонтом (документ ПС-1279), который я представляю как доказательство под номером США-552, излагает содержание дискуссий, происходивших в ОКВ. Я не вижу надобности в том, чтобы оглашать этот документ, но хочу только указать, что верховное командование вооруженных сил рекомендовало, чтобы этот приказ применялся к таким военным миссиям, и выработало проект приказа для этой цели. Я хотел бы огласить приказ, изданный в результате этих дискуссий. Это документ ПС-537. Он датирован 30 июля 1944 г. Я оглашу его полностью:

«Тема: Меры по отношению к членам иностранных военных миссий, которые захватываются вместе с партизанами.

В зоне главного командования "Юго-Восток" и "Юго-Запад" члены иностранных так называемых «военных миссий» (англо-американских и советских), которые захватываются в плен во время боевых операций против партизан, не должны подвергаться обращению в соответствии с особыми приказами, касающимися обращения с захваченными партизанами. Поэтому с ними следует обращаться не как с военнопленными, а в соответствии с приказом фюрера об уничтожении террористических и диверсионных групп от 18 октября 1942 г. Этот приказ не должен рассылаться другим частям вооруженных сил через высших командиров и соответствующие штабы других родов войск. Он должен быть уничтожен после ознакомления с ним. Начальник верховного командования германских вооруженных сил Кейтель».

Во исполнение этого приказа 15 членов одной союзной военной миссии в Словакии были казнены в январе 1945 года, как это доказывается документом Л-51, который уже был представлен в качестве доказательства под номером США-521. Я не буду оглашать вновь этот документ, так как он полностью оглашался лейтенантом Гаррисом.

На этом оканчивается представление документальных доказательств в отношении приказа от 18 октября 1942 г. и его выполнения. Теперь я могу перейти к другому вопросу.

Приказ, о котором я сейчас говорил, действовал преимущественно на Западном театре войны. Это объясняется тем, что Германия оккупировала почти полностью западное побережье Европы и до последнего года войны сухопутные военные действия на территории Западной Европы были ограничены преимущественно операциями частей войск коммандос.

Сейчас я перейду к восточному фронту, где с 1941 года в Польше и Советском Союзе имели место колоссального размаха операции наземных войск. Там германские силы воевали среди враждебного населения и сталкивались с широко развитой партизанской деятельностью за линией фронта. Я намереваюсь показать здесь то, что деятельность германских вооруженных сил против партизан и других элементов населения стала средством для проведения нацистской расовой политики массовых убийств евреев и многочисленных групп славянского происхождения, которые рассматривались нацистами как нежелательные элементы. Я покажу, что это была политика германских вооруженных сил — вести себя с крайней жестокостью по отношению к гражданскому населению оккупированных территорий, и что эти военные операции, особенно против партизан, проводились нацистами в целях осуществления той их политики, на которую я ссылался.

Я покажу, что германские вооруженные силы поддерживали группы СС, помогали им и сотрудничали с ними.

Я не собираюсь доказывать полностью или даже частично военные преступления на восточном фронте. Это сделает советская делегация. Я также не хочу возвращаться к теме, уже изложенной полковником Стори и майором Фарром, когда они представляли доказательства против СС, СД и гестапо. Я хочу только сделать необходимые разъяснения, касающиеся взаимоотношений между этими организациями и германскими вооруженными силами, и продемонстрировать их тесное сотрудничество на оккупированных территориях Восточной Европы.

Первый документ, на который я сошлюсь, это документ С-50, доказательство США-554. Он покажет, что политика жестокости была предрешена и официально принята еще до нападения на Советский Союз. Этот документ содержит приказ Гитлера, датированный 13 мая 1941 г., и два сопроводительных письма, относящихся к более позднему времени. Я прошу Трибунал обратить внимание на четвертую страницу перевода, на то, что приказ подписан Кейтелем — начальником верховного командования вооруженных сил, и заметить, кому предназначался этот приказ. Вы увидите внизу на втором листе, что этот приказ должен был рассылаться штабам основных родов войск. Сейчас я зачитаю этот приказ. Он озаглавлен: «О подсудности и процедуре

согласно законам военного времени в районе "Барбаросса" и об особых мероприятиях войск».

«Введение военного положения прежде всего имеет своей целью поддержание дисциплины.

Тот факт, что области операций на Востоке территориально очень велики, военная стратегия, вытекающая из этого положения, а также особые качества врага ставят военно-полевые суды перед проблемами, которые они из-за недостатка кадров не могут разрешить в то время, когда происходят военные действия и пока в побежденных областях не будет достигнуто относительно мирное состояние, если юрисдикция этих судов не будет ограничена в первую очередь их основной задачей. Это возможно только при условии, что сами войска предпримут суровые действия против вражеского населения.

В связи с этим мною отдается следующий приказ, относящийся к территории "Барбаросса" (область операций, армейского тыла и политической администрации).

I. Меры по борьбе с преступлениями, совершаемыми лицами вражеского гражданского населения.

1. До особого распоряжения военные суды и военно-полевые суды не будут рассматривать дела о преступлениях, совершенных гражданскими лицами из вражеского населения.

2. Войска должны безжалостно избавляться от партизан, независимо от того, сражались ли последние или отступали.

3. Подобным же образом должны немедленно подавляться войсками с применением самых крайних мер вплоть до уничтожения нарушителей и все другие враждебные акты со стороны гражданского населения по отношению к вооруженным силам или отдельным военнослужащим вооруженных сил и работающим при них лицам.

4. Там, где такие меры не применяются или где не представляется возможным применить их с самого начала, лица, подозреваемые в преступных действиях, должны быть немедленно доставлены к офицеру. Этот офицер решает вопрос о расстреле.

По приказу офицера, занимающего должность по крайней мере командира батальона, должны без промедления применяться коллективные жестокие меры против тех населенных пунктов, с территории которых производились коварные и предумышленные нападения на вооруженные силы в том случае, если обстоятельства не позволяют немедленно установить отдельных преступников.

5. Категорически запрещается содержать подозреваемых лиц в заключении для того, чтобы предать их суду после восстановления гражданских судов.

6. Командующие группами армий могут по соглашению с компетентными командующими военно-морскими и военно-воздушными силами ввести военную юрисдикцию для гражданских лиц на территориях, достаточно усмиренных.

Приказ, касающийся области политической администрации, будет отдан начальником верховного командования вооруженными силами отдельно...

II. Меры по поводу преступлений, совершенных против гражданского населения военнослужащими вермахта и работающим в вермахте гражданским персоналом.

1. По поводу преступлений, совершенных в отношении вражеского гражданского населения военнослужащими вермахта и работающим в вермахте гражданским персоналом, возбуждать уголовное преследование не обязательно, даже в случаях, когда содеянное является одновременно военным преступлением или правонарушением.

2. Рассматривая такие преступления, следует иметь в виду, что, каковы бы ни были обстоятельства их совершения, поражение Германии в 1918 году и вызванные этим страдания германского народа, а также борьба против национал-социализма, стоившая крови многочисленных сторонников движения, были следствием в первую очередь большевистского влияния, и ни один немец не способен забыть об этом.

3. Исходя из сказанного судебная инстанция будет в подобных случаях решать, имеются ли показания для дисциплинарной санкции либо необходимо судебное преследование. По делам о преступлениях против местного населения приказ о предании военному суду будет выноситься лишь в том случае, когда такой меры требуют поддержание дисциплины или безопасности в войсках. Это относится, например, к серьезным преступлениям, совершаемым из-за отсутствия самоконтроля в половых вопросах, к наличию предрасположенности к совершению преступлений, а также к преступлениям, указывающим на то, что возникает угроза выхода войск из-под контроля. Как правило, не менее сурово следует судить за преступления, приведшие к бессмысленному разрушению жилых помещений или магазинов либо иных трофейных материальных ценностей, в ущерб для наших войск.

В каждом конкретном случае на приказе о возбуждении судебного преследования должна иметься подпись официального представителя судебной власти.

4. Следует соблюдать крайнюю осторожность при оценке надежности показаний вражеских гражданских лиц.

III. Ответственность представителей военного командования войск. В пределах своей компетенции представители военного командования лично несут ответственность за следующее:

1. Каждый офицер, командующий соответствующим подразделением, незамедлительно и самым настоятельным образом инструктируется по поводу принципов, изложенных в пункте 1.

2. Юридические консультанты военного командования незамедлительно оповещаются об этих инструкциях и об

устной информации, в которой командующим разъясняются политические задачи высшего командования.

3. Утверждаются только те судебные приговоры, которые соответствуют политическим задачам высшего командования...

IV. Безопасность.

Когда будет снята маскировка, этот приказ должен считаться совершенно секретным».

Меньше чем через три месяца после вторжения в пределы Советского Союза инструкции, которые я Вам сейчас зачитывал, были расширены и усилены. Я обращаю Ваше внимание на приказ от 16 сентября 1941 г., подписанный Кейтелем и широко распространенный, как это указано на втором листе, где имеется список адресатов. Документ С-148, США-555. Этот приказ относится ко всем театрам войны, но прежде всего, как видно из его содержания, — к восточному фронту. Я прочитаю выдержки из этого приказа.

«Тема: Коммунистическое повстанческое движение в оккупированных областях.

1. С начала кампании против Советского Союза коммунистические восстания разразились повсюду в областях, оккупированных Германией. Действия, предпринимавшиеся коммунистами, переросли из пропаганды и нападений на отдельных членов вооруженных сил в открытые восстания и широко развернувшуюся партизанскую войну.

Можно видеть, что это является массовым движением, организованным преимущественно под руководством Москвы, которая также отвечает за отдельные внешне кажущиеся изолированными инциденты в областях, в которых в другом случае все было до настоящего времени спокойно.

Имея в виду большое количество политических и экономических кризисов на оккупированных территориях, следует предполагать, что националисты и другие слои населения полностью используют возможности для создания трудностей германским оккупационным силам путем помощи коммунистическим восстаниям.

Это положение создает растущую опасность для германских военных усилий, что выражается главным образом в угрозе безопасности для оккупационных войск и уже привело к передислокации войск в главные центры беспорядков...

2. Меры борьбы с этим общим коммунистическим повстанческим движением, которые предпринимались до сего времени, оказались недостаточными. Теперь фюрер отдал приказы о том, чтобы мы вступали в действие повсеместно, прибегая к самым жестоким средствам, чтобы в кратчайший срок сокрушить это движение. Восстановить порядок может только такой путь, которому успешно следовали великие народы на протяжении истории распространения своего влияния.

3. Действия, предпринимаемые в этом деле, должны соответствовать нижеследующим общим указаниям:

a. В каждом случае сопротивления германским вооруженным силам, вне зависимости от конкретных обстоятельств, должен делаться вывод о том, что источником такого сопротивления являются коммунисты.

b. Для того чтобы пресечь подобные проявления в зародыше, следует применять самые жестокие меры незамедлительно и по первому же показанию с тем, чтобы удалось поддержать оккупационные власти и предотвратить дальнейшее распространение сопротивления. В этой связи следует помнить, что человеческая жизнь в странах, о которых идет речь, нередко ничего не стоит, и устрашающего эффекта удастся добиться лишь проявлением особой суровости. Смертную казнь 50—100 коммунистов следует, как правило, считать в таких случаях соответствующим искуплением за жизнь одного немецкого солдата. Способ совершения казни должен еще более усилить устрашающий эффект.

Противоположный путь, а именно назначение относительно мягких наказаний, а также практика, при которой в целях устрашения довольствуются угрозой применения более суровых мер, расходится с заявленными принципами, идти по такому пути не следует».

Перехожу ко второй странице, в самом конце документа, абзац 4:

«Ответственные офицеры на оккупированных территориях должны проследить, чтобы об этих принципах были поставлены в известность без промедления все военные организации, которые имеют отношение к мерам против коммунистического повстанческого движения. Кейтель».

Следующий документ Д-411, ВБ-81 представляется за номером США-556. Это сборник документов, включающий директиву от 10 октября 1941 г. фельдмаршала фон Рейхенау, командующего германской 6-й армией, которая тогда действовала на восточном фронте. Рейхенау, умерший в 1942 году, был членом группы, как она определена в Обвинительном заключении. Сейчас я прочту то, что он говорил. Я начну чтение с пятой страницы английского перевода.

«Тема: Поведение войск на восточных территориях.

По вопросу о поведении войск по отношению к большевистской системе во многих случаях все еще превалируют нечеткие идеи. Самая основная цель в войне против еврейско-большевистской системы — это полное разрушение тех средств, с помощью которых эта система удерживалась у власти, а также устранение азиатского влияния на европейскую культуру. В этой связи перед войсками стоят задачи более широкие, чем односторонний характер солдатской рутины. Солдат на восточных территориях — не просто боец, действующий в соответствии с правилами военного искусства, он также является носителем беспощадной национальной идеологии, мстителем за те зверства, которые были совершены против немцев и наций, родственных немцам в расовом отношении.

Поэтому солдат должен полностью осознавать необходимость суровой, но справедливой мести недочеловекам-евреям. Армия должна преследовать другую цель — устранение сопротивления в тылу, причиной которого, как доказывает опыт, всегда являются евреи.

К борьбе с противником за линией фронта все еще не относятся с достаточной серьезностью. Коварные жестокие партизаны и потерявшие свой облик женщины все еще захватываются в качестве военнопленных; к партизанским бойцам, одетым наполовину в военную форму, наполовину в гражданское платье, к бродягам относятся как к настоящим солдатам и отправляют их в лагеря для военнопленных. Фактически взятые в плен русские офицеры даже с издевкой рассказывают о советских агентах, которые открыто передвигаются по дорогам и нередко получают питание в немецких полевых кухнях. Такую установку войск можно объяснить только полным бездумием, поэтому давно пора командирам разъяснять значение борьбы, которую мы ведем.

В равной степени неправильно понимаемым гуманитарным актом следует считать кормление местных жителей и военнопленных, не работающих на вооруженные силы, пищей из армейских кухонь, то же можно сказать и о раздаче сигарет и хлеба. Вещи, которые население Германии отрывает от себя путем больших жертв, вещи, которые командование с большими трудностями доставляет на фронт, солдат не должен отдавать врагу, он не должен отдавать даже вещи, захваченные как трофеи. Все это важная часть нашего снабжения.

При отступлении советские части нередко поджигают здания. Немецким войскам следует проявлять заинтересованность к тушению пожаров только постольку, поскольку это необходимо, чтобы обеспечить достаточное количество жилых помещений для расквартировывания войск. В остальном исчезновение символов бывшего большевистского правления, даже в форме зданий, является частью нашей борьбы по уничтожению. Ни исторические соображения, ни соображения художественного плана не имеют никакого значения на восточных территориях.

Командование издает необходимые директивы по обеспечению сохранности сырья и заводов, важных для военной экономики. Полное разоружение гражданского населения в тылу сражающихся войск настоятельно необходимо, учитывая растянутые и уязвимые линии коммуникаций. Там, где это возможно, захваченные оружие и боеприпасы следует складировать и охранять. Если ситуация этого не позволяет, следует сделать оружие и боеприпасы бесполезными. При обнаружении отдельных партизан, применяющих оружие в тылу армии, следует принимать жесткие меры. Эти меры следует распространять и на ту часть мужского населения, которое было в состоянии предотвратить нападение либо сообщить о нем. Индифферентность многочисленных лиц, выдающих

себя за антисоветские элементы, — такая индифферентность проистекает из установки "поживем—увидим", — должна уступить место четкой решимости к активному коллаборационизму. При отсутствии такой решимости никто не сможет жаловаться, что его считают представителем советской системы и соответственно с ним обращаются.

Страх перед германскими контрмерами должен быть сильнее страха перед угрозами оставшихся в тылу скрывающихся большевиков. Солдат далек от всех политических соображений на будущее, солдат обязан выполнить две задачи:

1. Полностью уничтожить ложную большевистскую доктрину о советском государстве и его вооруженных силах.

2. Безжалостно истреблять вражеское коварство и жестокость и тем самым защищать жизни германских военнослужащих в России.

Таков единственный путь выполнить нашу историческую задачу — раз и навсегда освободить германский народ от азиатско-еврейской опасности.

Подписано: фон Рейхенау, обербефельсхабер».

Трибунал заметит, что документ, который находится перед приказом фон Рейхенау и представляет собой меморандум, датированный 28 октября 1941 г., показывает, что приказ Рейхенау был одобрен Гитлером и по указанию верховного главнокомандующего германских вооруженных сил был разослан для руководства. Трибунал также заметит на первом листе наверху, что приказ Рейхенау доходил до дивизий и был получен 12-й германской пехотной дивизией 27 ноября 1941 г.

Если учесть, что эти директивы издавались германскими военными руководителями, то нет ничего удивительного, что вермахт был приобщен к чудовищной деятельности СС и СД на восточном фронте.

Полковник Стори описал Трибуналу организацию команд и отрядов, известных под названием эйнзатцгрупп ЗИПО и СД, действовавших в районах операций и в тылу на восточном фронте с целью борьбы с партизанами и «умиротворения» гражданского населения. Обвинение представило Трибуналу большое количество доказательств, характеризующих методы действий этих групп.

Я хочу коротко остановиться на некоторых из этих доказательств для того, чтобы проследить участие вооруженных сил в этих действиях.

Господин Стори представил документ ПС-3012, США-190, датированный 19 марта 1943 г. Это директива офицера, командовавшего одной из эйнзатцгрупп. Директива превозносит и оправдывает такие действия, как расстрел венгерских евреев, расстрел детей и полное сожжение деревень. В ней указывается, что для того чтобы обеспечить германскую военную промышленность рабочими для рабского труда, «как правило, не следует больше расстреливать детей».

Майор Фарр зачитал документ Р-102, США-470, который представляет собой отчет о действиях одной из эйнзатцгрупп на оккупированной территории Советского Союза в течение октября 1941 года. В этом отчете цинично утверждается, «что стихийные демонстрации против евреев, сопровождающиеся погромами со стороны населения против оставшихся евреев, не состоялись из-за отсутствия соответствующих инструкций». Это достаточно ясно показывает, что так называемые умиротворение и антипартизанская деятельность были просто кодовыми словами, обозначавшими операции по уничтожению евреев, так же как «Везерюбунг» было кодовым словом, обозначавшим вторжение в Норвегию и Данию.

Германская армия получала и другие подобные указания и директивы, как это было видно из цитировавшихся документов. Остается только показать, что армия и СС действовали совместно.

Трибунал припомнит документ, который цитировал майор Уолш (ПС-1061, США-275) и который описывает разрушение Варшавского гетто. Я хочу только привлечь внимание Трибунала к одному абзацу этого документа, где автор его подчеркивает тесное сотрудничество между СС и армией. Читаю:

«Чем дольше длилось сопротивление, тем более жестокими становились солдаты войск СС, полиция, солдаты и офицеры германской армии. Они выполняли свой долг неуклонно в духе тесного товарищества и являли собой образцы солдат. Они работали с раннего утра и до поздней ночи, ночью патрули следовали по пятам за евреями и не давали им никакой пощады. Иногда они захватывали и убивали евреев, которые использовали ночные часы для того, чтобы пополнять свои запасы из покинутых убежищ, а также для того, чтобы поддерживать контакт с соседними группами и обмениваться с ними новостями».

То же самое мы находим и в документе Р-135, США-289, представляющем собой датированный 5 июня 1943 г. отчет германского генерала, военного коменданта Минска. Майор Фарр зачитал уже из этого отчета часть, касающуюся операций против партизан, во время которых было убито 4500 партизан, 5 000 подозревавшихся в партизанской деятельности и 59 немцев.

Сотрудничество германской армии показано в следующем отрывке:

«Вышеуказанные цифры показывают, что снова ожидается беспощадное уничтожение населения. Тот факт, что только 492 винтовки были найдены у 4500 мертвых врагов, показывает, что среди убитых было много простых крестьян. Батальон Дирлевангера особенно прославился тем, что уничтожил много людей. Среди 5 000 подозревавшихся в принадлежности к бандам было большое количество женщин и детей.

Воинские части вооруженных сил также принимали участие в операции по приказу обергруппенфюрера СС фон дем Баха, руководителя борьбы с партизанами. Штандартенфюрер СА Кунце командовал отрядами вооруженных сил, среди которых было 90 человек из моего управления и областного комиссариата в Минске. Мои люди вернулись вчера с операции без потерь».

Дальше нет необходимости читать. Следующий абзац опять показывает участие вооруженных сил.

Обергруппенфюрер СС фон дем Бах-Зелевский, на которого я ссылался, сегодня предстанет перед Судом как свидетель, а сейчас я прошу Трибунал обратить внимание на документ ПС-1919 (доказательство США-170), представляющий собой речь Гиммлера 4 октября 1943 г., обращенную к генералам СС в Познани. В этой речи Гиммлер напоминает о назначении фон дем Бах-Зелевского начальником всех отрядов по борьбе с партизанами. Я зачитаю один лишь абзац на странице 3 документа в целях установления личности свидетеля.

«Начальник отрядов по борьбе с партизанами.

В настоящее время я создал специальный отдел, ведающий отрядами по борьбе с партизанами. Товарищ по партии обергруппенфюрер СС фон дем Бах является начальником отрядов по борьбе с партизанами. Я считаю необходимым, чтобы в качестве авторитетного руководителя всеми этими битвами выступил рейхсфюрер СС, так как я убежден, что таким образом мы лучше сможем организовать борьбу с врагом, которая определенно является политической борьбой. За исключением тех случаев, когда соединения, сформированные для указанных целей, отзывались, чтобы заполнить бреши на фронте, мы всегда одерживали успех».

Далее имеется еще один документ, который уже был представлен и на который я хочу сослаться и зачитать новые материалы из него. Это документ Л-180, представленный как доказательство США-276. Он является отчетом эйнзатцгруппы «А», относящимся к периоду до 15 октября 1941 г. Думаю, что отрывки, которые я зачитаю, не оставят никакого сомнения в том, что военные руководители и германские вооруженные силы были соучастниками в деятельности эйнзатцгрупп.

«Эйнзатцгруппа "А" после подготовки ее к операциям направилась в район, где она должна была сосредоточиться, как было приказано, 23 июня 1941 г. — на второй день кампании на Востоке. Группа армий "Север", состоящая из 16- и 18-й армий и 4-й танковой группы, вышла перед этим днем. Нашей задачей было немедленно установить личный контакт с командующими указанных армий и командующим армией в районе тыла. Следует подчеркнуть с самого начала, что сотрудничество с вооруженными силами обычно было очень положительным; в некоторых случаях, например с танковой группой 4, которой командовал генерал-полковник Гёппнер, это сотрудничество было очень тесным. Неко-

торое взаимное непонимание, которое существовало в первые дни с некоторыми деятелями, потом совершенно рассеялось в результате личных собеседований».

Читаю другой отрывок:

«Подобно этому, местные антисемитские силы должны были начать погромы евреев в течение первых же часов после захвата района, однако организация этих погромов оказалась очень затруднительной. Следуя приказам, полиция безопасности готова была разрешить еврейский вопрос всеми возможными средствами и наиболее решительным образом. Но было нежелательно, чтобы она привлекала к себе внимание сейчас же, по крайней мере вначале, поскольку чрезвычайно жестокие меры способны были взволновать даже германские круги. Нужно было показать миру, что само местное население предпринимает первые действия, что является естественной реакцией против еврейского господства в течение нескольких десятилетий и против террора, который проводился коммунистами в течение предшествующего периода».

Перехожу к четвертой странице перевода:

«После провала чисто военных операций, таких как введение постов и прочесывание только что оккупированных территорий целыми дивизиями, даже вооруженные силы должны были искать новые методы. И эйнзатцгруппы начали искать такие новые методы. Вскоре поэтому вооруженные силы восприняли опыт полиции безопасности и их метод в борьбе против партизан.

За деталями я обращаюсь к большому количеству отчетов, касающихся борьбы против партизан». Я обращаюсь к шестой странице под заголовком «Возбуждение действий по самоочищению»:

«Принимая во внимание, что население прибалтийских государств очень пострадало в период большевистско-еврейской власти, когда эти государства входили в состав СССР, следует ожидать, что после освобождения от этой власти оно — имеется в виду само население — обезвредит большинство врагов, оставшихся после отступления Красной Армии. Долгом полиции безопасности является привести в движение эту самоочистительную деятельность, направлять ее по правильному руслу для того, чтобы провести операции по очищению так быстро, как только возможно. Не менее важно, предвидя будущее, сделать так, чтобы было бесспорным и подтверждалось доказательствами то обстоятельство, что освобожденное население само по своему собственному почину предприняло наиболее жестокие меры против большевистско-еврейских врагов, и чтобы не было заметно руководства этим со стороны германских властей.

В Литве это было достигнуто в первое время посредством использования партизан в Ковно (Каунасе). К нашему удивлению, однако, не так легко было вначале вызывать интенсивные погромы евреев. Для этой цели был использован Климатис, руководитель партизанского отряда, который

преуспел в возбуждении погрома только после совета, данного ему небольшим отрядом, действовавшим в Ковно, и сделал это таким образом, что извне не было заметно никакого германского руководства или подстрекательства. В течение первого погрома (в ночь на 26 июня) литовские партизаны в Литве уничтожили более чем 1500 евреев, сожгли несколько синагог и еврейский квартал, где было примерно 60 домов. В течение последующих ночей примерно 2300 евреев было ликвидировано подобным же путем. В других частях Литвы имели место такие же действия по примеру Каунаса, хотя менее значительные и направленные также против оставшихся в тылу коммунистов.

Эти самоочистительные действия проходили гладко, поскольку армейские власти, которые были информированы обо всем, помогали в этой процедуре.

С самого начала было очевидно, что только первые дни после оккупации предоставят возможность для проведения таких погромов. После разоружения партизан акции по самоочищению по необходимости прекратились».

Я обращаюсь теперь к десятой странице перевода и читаю внизу раздел: «Другие задачи полиции безопасности»:

«Иногда условия в домах для умалишенных вызывали необходимость проведения операций полицией безопасности».

Перехожу к следующему абзацу:

«Иногда руководство вооруженных сил просило нас провести подобные же чистки других учреждений, помещения которых нужны были как казармы. Однако полиция безопасности не всегда была заинтересована в таких операциях, поэтому подобные действия оставлялись руководству вооруженных сил с тем, чтобы они предприняли необходимые действия своими собственными силами».

Я перехожу к странице 17 перевода.

Председатель: Полковник Тэйлор, читали ли Вы абзац 5 на десятой странице?

Тэйлор: Я прочел первое предложение. Если Вы хотите, чтобы я прочел его полностью, я это сделаю.

Председатель: Я думаю, его следует прочесть до конца.

Тэйлор: «Иногда условия в домах для умалишенных вызывали необходимость проведения операций полицией безопасности... Отступающие русские забирали во многих таких учреждениях весь их продовольственный запас. Часто стража и обслуживающий персонал покидали эти дома. Многие находившиеся в таких домах бежали из них и, таким образом, представляли определенную опасность для общего спокойствия. Поэтому были ликвидированы: в Аглоне (Литва) — 544 умалишенных, в Мариамполе (Литва) — 109 умалишенных и в Могутово (вблизи Луги) — 95 умалишенных».

Теперь я снова обращаюсь к странице 17.

«Когда было решено распространить германские операции и деятельность эйнзатцгруппы "А" на Ленинград, я приказал 18 июля 1941 г. частям эйнзатцкоманд 2-й и 3-й и штабу этой группы продвигаться на Новоселье для того,

чтобы подготовить эту деятельность и быть в состоянии вступить так скоро, как возможно, в область Ленинграда и в сам город. Продвижение части эйнзатцгруппы "А", которая должна была действовать в Ленинграде, было проведено в согласии с 4-й танковой группой и в соответствии с выраженным ею желанием».

Последняя цитата из этого документа:

«Эйнзатцкоманды "А" полиции безопасности принимали с самого начала участие в борьбе против ущерба, наносимого партизанами. Тесное сотрудничество с вооруженными силами и обмен опытом, который накопился в борьбе против партизан, помогли собрать с течением времени основательные сведения о происхождении, численности, вооружении и методах, употреблявшихся красными партизанами».

Сейчас в свете этих документов рассмотрим некоторые из оставшихся письменных показаний, данных под присягой, которые имеются у Трибунала в книге документов № 1. Эти письменные показания были даны ответственными чиновниками вермахта и СС и во многом являются фоном для документов.

Содержание показания Шелленберга уже известно, и я не собираюсь его зачитывать. Это документ ПС-3710, США-557. Я хочу, чтобы Трибунал учел эти показания, при условии соблюдения обычного правила, гласящего, что защита может допросить Шелленберга по любому из затронутых вопросов.

Я обращаюсь к представленному под номером США-558 письменному показанию Вильгельма Шейдта, капитана германской армии в отставке, который работал в отделе военной истории ОКВ с 1941 года до 1945 года. Это показание проливает некоторый свет на взаимоотношения вооруженных сил и СС в связи с антипартизанской войной. Я зачитаю это показание:

«Я, Вильгельм Шейдт, работал в отделе военной истории ОКВ с 1941 года до 1945 года.

О партизанской войне я могу показать то, что я помню из документов оперативного штаба ОКВ, с которыми я знакомился, а также то, что знаю из бесед в ставке фюрера с генерал-майором Вальтером Шерфом, который был назначен фюрером для составления истории войны.

Борьба с партизанами велась сначала под руководством рейхсфюрера СС Гиммлера, который послал полицейские силы для того, чтобы проводить эти операции.

В 1942—1943 гг. война с партизанами разрослась до такой степени, что оперативный штаб ОКВ должен был обратить на это особое внимание. Оказалось необходимым проводить усиленные действия против партизан совместно с войсками вермахта на оккупированной русской территории, так же как и на югославской территории. В оперативном отделе оперативного штаба ОКВ был выделен специальный офицер, которому была поручена разработка методов борьбы с партизанами. Действия партизан угрожали отре-

зать линии коммуникаций и дороги, по которым передвигался транспорт, столь важный для поддержки германского вермахта. Например, ежемесячные отчеты, касающиеся нападений на железнодорожные линии на оккупированной территории России, показывают, что на одной только русской территории происходило от 800 до 1000 нападений каждый месяц в течение этого периода, что привело к потере (помимо другого имущества) от 200 до 300 паровозов.

Хорошо известно, что партизанская война проводилась с жестокостью обеими сторонами. Также известно, что карательные меры принимались по отношению к заложникам и тем населенным пунктам, жители которых подозревались в том, что были партизанами или поддерживали их. Без всякого сомнения, эти факты должны были быть известны руководящим офицерам оперативного штаба ОКВ и генеральному штабу армии. Дальше, было хорошо известно, что Гитлер сам считал, что единственным успешным методом ведения войны против партизан было применение самых жестоких наказаний в порядке устрашения.

Я помню, что во время польского восстания в Варшаве группенфюрер СС Фегелейн докладывал генерал-полковнику Гудериану и Иодлю о зверствах русской бригады СС Каминского, которая сражалась на стороне Германии».

Представленные документы и показания Олендорфа и Шелленберга свидетельствуют о сотрудничестве между ОКВ, ОКХ и штабом Гиммлера в вопросах антипартизанской войны. Наконец, они показывают, что все планы составлялись совместно и что верховное командование вооруженных сил не только полностью знало о них, но и было активным участником проведения этих планов.

Обращаюсь теперь к действующей армии. Я хотел бы прочесть три заявления генерала Реттигера. Это письменные показания, представляемые мною как доказательства США-559, 560 (ПС-3713 и ПС-3714). Генерал Реттигер имел звание генерала танковых войск, эквивалентное рангу генерал-лейтенанта американской армии, был начальником штаба германской 4-й армии, а позднее — группы армий «Центр» на восточном фронте в течение того периода, о котором он говорит. Я зачитываю его первое показание:

«В качестве начальника штаба 4-й армии с мая 1942 года по июнь 1943 года, к которой позднее была прибавлена часть 9-й армии, я часто имел случай быть официально связанным с антипартизанской войной. В течение этих операций войска получали приказы от высших властей, даже от ОКВ, о применении самых жестоких методов. Эти операции проводились войсками группы армий или армии, например батальонами безопасности.

Вначале в соответствии с приказами, которые шли через официальные каналы, было взято только небольшое количество пленных. В соответствии с приказами евреи, политические комиссары и агенты препровождались в СД.

Число убитых врагов, упоминавшееся в официальных отчетах, было очень высоко по сравнению с нашими собственными потерями. Из документов, которые были мне показаны, я понял, что приказ от высших властей о наиболее жестоком обращении в антипартизанской войне имеет в виду сделать возможным безжалостное уничтожение евреев и других нежелательных элементов при использовании для этой цели военных действий самой армии против партизан».

Следующее показание:

«Дополнительно к сделанному мною заявлению от 8 декабря 1945 г. я показываю:

Как я уже показал устно 28 ноября 1945 г., в то время командующий 4-й армией многократно инструктировал свои войска не проводить действия против партизан более сурово, чем это требовалось положением. Эта борьба должна была иметь в виду уничтожение врага после провала попыток заставить его сдаться.

Помимо соображений гуманности мы по необходимости были заинтересованы во взятии пленных, т.к. очень многих из них вполне можно было использовать, включая их в состав добровольных частей из местного населения для борьбы с партизанами.

Кроме необходимой активной борьбы против партизан, проводилась пропаганда, рассчитанная на партизан и на население, с целью заставить их мирными средствами прекратить партизанскую деятельность. Например, женщин постоянно старались убедить в том, что они должны заставить своих мужей вернуться обратно из лесов или другими средствами предотвратить их вступление в партизанские отряды. Эта пропаганда имела хорошие результаты. Весной 1943 года территория 4-й армии была почти полностью очищена от партизан. Только на ее границах время от времени появлялись партизаны тогда, когда они переходили на территорию 4-й армии из соседних районов. Поэтому армия по приказу группы армий "Центр" должна была дать дополнительные силы соседней армии на юге».

Третье показание Реттигера:

«В течение моей службы в мае 1942 — июне 1943 гг. в качестве начальника штаба 4-й армии группы армий "Центр" соединения СД были приданы вначале, очевидно, с целью контрразведывательной деятельности в районах боевых операций. Со временем стало ясно, что эти соединения СД вызывали большое беспокойство среди местного гражданского населения, и поэтому мой командующий попросил командующего группой армий фельдмаршала фон Клюге приказать соединениям СД уйти из областей действующей армии, что и было немедленно сделано. Первой и главной причиной этого было то, что эксцессы со стороны соединений СД при казнях евреев и других лиц достигли таких размеров, что угрожали безопасности армии в районе боевых действий в связи с поднявшимся возмущением гражданского населения. Хотя, вообще, особые задачи соединений СД

были хорошо известны и проводились с ведома высших военных властей, мы возражали против таких методов, насколько это было возможно, в связи с возникавшей опасностью для наших войск».

Я бы хотел представить еще один документ ПС-1786, доказательство США-561. Это отрывок из военного дневника заместителя начальника штаба оперативного руководства вооруженных сил Варлимонта, датированный 14 марта 1943 г. Я прочту два последних абзаца, которые имеют отношение к вывозу лиц, подозреваемых в партизанской деятельности, в концентрационные лагеря в Германии. Из тех отрывков, которые я прочту, Трибунал увидит, что армия проявляла большую жестокость в обращении с партизанами, но что в то же время она и не затрудняла вывоз рабочей силы с оккупированной территории. Я зачитаю последний абзац:

«Генерал-квартирмейстер вместе с экономическим штабом предложил посылать депортированных или в лагеря заключения, или в исправительно-трудовые лагеря в их же областях, а вывоз в Германию должен иметь место только в тех случаях, когда депортированные проходят испытательный срок, и в других менее серьезных случаях. По мнению оперативного штаба вооруженных сил, это предложение недостаточно учитывает необходимость проявления жестокости и равносильно обращению с мирным населением, призываемым на работы. Генерал-квартирмейстер рекомендует поэтому практиковать вывоз в концентрационные лагеря в Германии, что уже было введено рейхсфюрером СС по его линии... Верховное командование вооруженных сил поэтому приказывает, чтобы те, кто помогает партизанам и находится под подозрением, — те, кто не должен быть казнен, — передавались компетентному высшему руководителю СС и полиции, а также приказывает, чтобы было проведено ясное различие для населения между трудом как наказанием и направлением на работу в Германию».

В заключение я бы хотел представить четыре письменных показания, которые должны продемонстрировать то, что антипартизанская война на восточном фронте проводилась под руководством вермахта и при его поддержке и, следовательно, что эта деятельность была полностью известна вермахту.

Первое из этих письменных показаний, данное Эрнстом Роде, который был бригадефюрером СС и начальником штаба Гиммлера с 1943 года по 1945 год, я представляю за номером США-562 (ПС-3715).

«Я, Эрнст Роде, был начальником штаба рейхсфюрера СС с весны 1943 года. Мой последний ранг — генерал-майор полиции и войск СС. Моей функцией было предоставлять силы, необходимые для антипартизанской борьбы, высшим руководителям СС и полиции и гарантировать поддержку вооруженных сил. Это происходило посредством личных переговоров с руководящими офицерами оператив-

ного штаба ОКВ и ОКХ, а именно: с генералом Варлимонтом, генералом фон Буттларом, генерал-полковником Гудерианом, генерал-полковником Цейтцлером, генералом Хойзингером, генералом Венком, полковником графом Кильманнзегом и позднее полковником фон Бониным. Так как антипартизанская война стала вестись под единым командованием соответствующего командующего армии в районах боевых операций, например в группе армий "Центр" под командованием фельдмаршала Клюге, а позднее Буша, и так как рейхскомиссариаты в большинстве случаев не могли выделять для этой цели войск полиции, руководство этой войной практически было передано в руки армии. Приказы издавались, следовательно, не Гиммлером, а ОКХ. Войска СС и полиции, доставлявшиеся в районы операций из рейхскомиссариатов в поддержку армейским группам, находились под командованием последних. Такие перемещения войск СС и полиции происходили часто и приносили вред антипартизанской войне в рейхскомиссариатах. В соответствии с особым соглашением между Гиммлером, ОКВ и ОКХ руководство отдельными операциями осуществлялось командующим наибольшего войскового соединения. Поэтому оказывалось возможным, что армейский генерал имел членов СС и полиции под своим командованием, и, с другой стороны, армейские войска могли быть поставлены под командование генерала СС или полиции.

Поэтому антипартизанская война в районах боевых операций проводилась отнюдь не по приказам Гиммлера. Обычно я мог просить об издании этих приказов ОКХ до 1944 года через генерал-квартирмейстера Вагнера или через статс-секретаря Ганценмюллера. ОКХ затем издало соответствующие приказы соответствующим группам армий.

Жестокость, с которой велась русскими партизанская война, имела своим результатом применение Гитлером драконовских мер.

Приказы об этих мерах, доходившие до войск через ОКВ и ОКХ, относились одинаково к армейским войскам, так же как и к войскам полиции и СС. Не было никакой разницы в методах, которыми эти два рода войск проводили антипартизанскую войну. Солдаты армии были так же обозлены против врага, как и солдаты СС и полиции. В результате этого ожесточения приказы проводились безжалостно и теми и другими, что соответствовало желаниям и намерениям Гитлера. В доказательство этого может быть приведен приказ ОКХ и ОКВ, где говорилось, что все взятые в плен партизаны, например евреи, агенты и политические комиссары, должны быть немедленно переданы СД для применения особых мер. Этот приказ также содержит положение о том, что в антипартизанской войне не следует брать пленных, кроме вышепоименованных.

Тот факт, что антипартизанская война проводилась войсками армии крайне безжалостно, известен мне из бесед в генеральном штабе с руководителями войск, например с

командующим 38-м армейским корпусом генералом Герцогом и с начальником его штаба полковником Памбергом. Оба они поддержали мою точку зрения. Сейчас мне ясно, что антипартизанская война постепенно стала оправданием для систематического уничтожения еврейства и славянства».

Дальше я представляю другое, более короткое показание Роде, из которого видно, что эйнзатцгруппы СД находились под командованием вермахта. Это доказательство США-563, ПС-3716.

«Насколько мне известно, эйнзатцгруппы СД, действовавшие совместно с отдельными группами армий, были полностью подчинены им как тактически, так и во всех других отношениях. Командующие подробно знали все о задачах и оперативных методах действий этих групп. Они оправдывали эти задачи и оперативные методы, поскольку они никогда не возражали против них. Тот факт, что пленные партизаны, такие как евреи, агенты и комиссары, которые были переданы СД, подвергались такой же мучительной смерти, как жертвы так называемого очищения, является доказательством того, что эти казни производились с их санкции и что это соответствовало желаниям высших политических и военных властей. Часто об этих методах упоминалось в моем присутствии в ОКВ и ОКХ, и они осуждались большинством офицеров СС и полиции, так же как и большинством армейских офицеров. В таких случаях я всегда указывал, что командующие группами армий по своему положению могли протестовать против таких мер. Я твердо уверен в том, что энергичный объединенный протест со стороны всех фельдмаршалов имел бы своим результатом изменение этих задач и методов. Если бы они стали когда-либо утверждать, что в таком случае их заменили бы еще более жестокими командующими, это, по-моему, было бы глупой и даже трусливой уверткой».

Я хотел бы прочесть письменное показание под присягой полковника Болеслава фон Бонина, который в начале русской кампании был офицером штаба 17-й танковой дивизии (США-565, ПС-3718).

«В начале русской кампании я был первым офицером штаба 17-й танковой дивизии, которая имела задание форсировать Буг севернее Брест-Литовска. Незадолго до начала атаки моя дивизия получила через каналы ОКВ письменный приказ фюрера. В этом приказе говорилось, что русские комиссары должны быть немедленно расстреляны после пленения без суда, немедленно и безжалостно. Этот приказ простирался на все соединения восточной армии. Хотя этот приказ предполагалось распространить до рот, командующий 17-м танковым корпусом генерал танковых войск Лемельсен запретил передачу его войскам, поскольку ему казалось, что приказ неприемлем с военной и моральной точек зрения».

Я обращаюсь к свидетельскому показанию номер 20, это показания генерал-лейтенанта германской армии Адоль-

фа Хойзингера, начальника оперативной секции ОКХ с 1940 года по 1944 год. Читаю:

«1. С начала войны в 1939 году до осени 1940 года я служил в оперативной секции ОКХ и с осени 1940 года до 20 июля 1944 года был начальником этой секции.

Когда Гитлер взял главное командование сухопутными войсками в свои руки, он возложил на начальника генерального штаба сухопутных войск функцию своего советника по всем оперативным вопросам на русском театре войны. Это сделало начальника генерального штаба сухопутных войск ответственным за все вопросы, связанные с проведением военных операций на Востоке. ОКВ было ответственно за вопросы, не входящие в область военных операций, например за использование войск СС и полиции безопасности, находившихся на территории рейхскомиссариатов.

Все находившиеся в рейхскомиссариатах войска СС и полиции подчинялись рейхсфюреру СС, однако когда возникала необходимость перевести части этих войск в районы военных операций, это должно было делаться по приказам начальника ОКВ. С другой стороны, соответствующие переводы с фронта в тыл совершались по приказу ОКВ и с ведома начальника генерального штаба сухопутных войск.

Обычно руководители полиции и СС командовали операциями против партизан, но когда соединения полиции и СС придавались более сильным армейским соединениям в самом районе операции, старший армейский командир мог быть назначен командующим этой операцией...

В течение проведения операций против партизан в районах боевых действий все силы, предназначавшиеся для этой операции, находились под командованием соответствующего командующего группой армий.

2. Директивы, касающиеся методов проведения операций против партизан, издавались ОКВ для ОКХ согласно приказам Гитлера и после консультации с Гиммлером. ОКХ было ответственно только за передачу этих приказов группам армий, таких, например, которые касались обращения с комиссарами и коммунистами, таких, которые касались методов преследования военно-полевыми судами лиц из армейского персонала за совершенные ими преступления против населения, а также таких, которые устанавливали основные принципы проведения карательных экспедиций против населения.

3. Детальная разработка всех этих вопросов, включая обращение с местным населением, ведение антипартизанской войны в районах боевых операций в соответствии с приказами ОКВ была возложена на генерал-квартирмейстера ОКХ.

4. Моим личным мнением всегда было то, что обращение с гражданским населением и методы ведения антипартизанской войны в районах операций, одобренные высшими военными и политическими руководителями, отвечали тре-

бованиям проведения в жизнь планов систематического уничтожения славянства и еврейства.

Совершенно независимо от этого я всегда считал эти жестокие методы военным безумием, поскольку они только затрудняли борьбу против врага».

Господа судьи, я завершаю представление доказательств по III и IV разделам Обвинительного заключения, и мне остается сказать лишь несколько слов для того, чтобы подытожить материалы.

Прошу Трибунал иметь в виду, что германское верховное командование вооруженных сил — не мимолетное явление, не продукт смутного времени, не разбитая и полностью дискредитировавшая себя школа. В прошлом германское верховное командование добивалось успехов и терпело неудачи. Оно знало победы и поражения и все же продолжало существовать с редкой устойчивостью.

Выдающийся американский дипломат и государственный деятель Самнер Уэллес в книге «Время для решения» писал:

«Власть, которой германский народ так часто и с такими катастрофическими результатами подчинялся, на самом деле была не германским императором в прошлом и не Гитлером в настоящем; эта власть олицетворялась германским генеральным штабом. Независимо от того, был ли формальным правителем кайзер, Гинденбург или Адольф Гитлер, основная часть населения продолжала сохранять верность той военной силе, которая контролируется и руководится германским генеральным штабом».

Мне кажется, что это подчеркивает историческое значение того решения, которое Трибунал призван вынести. Но в настоящее время мы обвиняем германский генеральный штаб не перед историей, а за определенные преступления против международного права и велений человеческой совести, как указано в Уставе Трибунала.

Мы видим группу людей, обладавших большой властью творить добро или зло. Они предпочли последнее. Они преднамеренно начали вооружать Германию до такой степени, пока воля Германии могла быть навязана всему миру. Они с готовностью объединились с самыми черными силами, бушевавшими в Германии. Бломберг и Бласковиц говорили, что «Гитлер достигал тех результатов, которых все мы горячо желали». Очевидно, это правда. Но не менее очевидно и противоположное: военные руководители предоставили Гитлеру те средства и ту силу, которые были необходимы для его существования, не говоря уже о достижении целей, казавшихся нам столь невероятными в 1932 году и столь устрашающе близкими в 1942 году.

Я сказал, что германские военные руководители были не только упорны, но и неразумны. Несмотря на то, что без них Гитлер был бы беспомощен, ему удалось подчинить их себе. Генералы и нацисты были союзниками в 1933 году. Но для нацистов было недостаточно того, что генералы стали доброволь-

ными союзниками; Гитлер хотел установить постоянный и полный контроль над ними. Не обладая принципиальностью и опытом политиков, генералы лишены были и здравого рассудка, и моральных устоев, необходимых для сопротивления. В августе 1934 года, в день смерти президента Гинденбурга, германские офицеры приняли новую присягу. До этого они присягали родине, теперь они присягали человеку — Адольфу Гитлеру. Позднее нацистская эмблема стала частью их формы, а нацистский флаг — их боевым знаменем. Путем хитрого овладения ключевыми позициями Гитлер захватил контроль над всей военной машиной.

Мы, конечно, услышим от этих генералов, что они ничего не могли поделать, что они были беспомощны, что для сохранения своих постов и семей и своей собственной жизни они должны были подчиниться воле Гитлера. Это, несомненно, так и стало впоследствии, но генералы были основной силой, способствовавшей захвату Гитлером полной власти; они были его партнерами в достижении преступных агрессивных целей. Всегда бывает трудно и опасно выйти из преступного заговора. Но никто никогда не утверждал, что заговорщик может требовать снисхождения на том основании, что другие заговорщики угрожали причинить ему вред, если он выйдет из заговора.

Группа генерального штаба и верховного командования представляет собой самое позорное зрелище из всех групп и организаций, обвиняемых по настоящему процессу. Они, носители традиций, не лишенных доблести и чести, вышли из войны запятнанные преступностью и проявленной ими неспособностью следовать им. Привлеченные милитаристским и агрессивным духом нацистской политики германские генералы были вовлечены в авантюру, масштабы которой они не предвосхитили.

Преступления, в которых почти все они участвовали добровольно и с готовностью, породили новые преступления, в совершении которых они должны были участвовать потому, что были слишком неумелы, чтобы изменить руководящую нацистскую политику, и потому, что должны были продолжать сотрудничество для спасения собственной шкуры.

Включившись в этот заговор, группа генерального штаба и верховного командования планировала и совершала многочисленные акты агрессии, которые превратили всю Европу в кладбище и привели к тому, что вооруженные силы были использованы для различных низменных целей, которые достигались низменным путем, для террора, для грабежа, для массовых убийств.

Пусть никто не скажет, что военная форма может их защитить или что они могут найти спасение, ссылаясь на то, что принадлежали к профессии, для которой их действия стали вечным позором.

Выступления обвинителей и защитников по правовым вопросам

Выступления обвинителей по правовым вопросам

*Стенограмма заседания
Международного военного трибунала
от 28 февраля 1946 г.*

Председатель: *Господин Джексон, предполагаете ли Вы выступить по вопросу о преступных организациях?*

Джексон: *Если не возражает Трибунал. Насколько я понимаю, нам необходимо высказать свои соображения по поводу тех принципов, которыми следует руководствоваться при определении преступности организаций. Частично мы делаем это по собственной инициативе, частично в порядке ответа на вопросы, поставленные Трибуналом.*

Безоговорочная капитуляция Германии создала для победителей новые и трудные проблемы в области права и администрации. Поскольку такая капитуляция целого современного общественного организма произошла впервые в истории, опыт прошлого и прецеденты вряд ли могут помочь в определении нашей политики по отношению к побежденным.

Ответственность, связанная с требованием и принятием безоговорочной капитуляции целого народа, несомненно, должна включить в себя обязанность справедливо и разумно усмотреть различие между оппозиционными элементами населения, которые были не согласны с политикой и руководством, приведшими к катастрофе. Именно необходимость этой дифференциации является целью тех положений Устава, которые уполномочивают настоящий Трибунал объявить организации или группы преступными. Понимание проблемы, которую пытается разрешить Устав Трибунала, весьма существенно для ее интерпретации и применения.

Одной из характерных особенностей германского общества к моменту капитуляции явилось то, что государство при осуществлении политической власти играло только подчиненную роль, а настоящий, действительный контроль над германским обществом осуществлялся силами, находившимися вне номинального правительства.

Контроль осуществлялся через широко разветвленную сеть тесно связанных между собой специальных организаций, состоявших из тщательно отобранных добровольцев, обязанных выполнять без промедления и без колебаний приказания нацистских руководителей.

Эти организации охватывали все стороны жизни германского народа. Страна была подразделена на мелкие нацистские общины, приблизительно по 50 дворов в каждой, и каждая такая община имела своих полновластных нацистских руководителей, нацистскую полицию и нацистских шпионов. Такие общины входили в состав более крупных объединений со своими лидерами, исполнителями и шпионами более высокого ранга, представлявшими, таким образом, пирамиду

власти, стоящую вне каких-либо норм права, где фюрер был вершиной, а местные партийные чиновники — широкой базой, всей своей тяжестью давившей на германское население. Нацистский деспотизм не ограничивался только этими отдельными подсудимыми. Тысячи маленьких фюреров диктаторствовали, тысячи копий Геринга пыжились от важности, тысячи заукелей набирали рабов, тысячи штрейхеров и розенбергов сеяли ненависть, тысячи кальтенбруннеров и франков пытали и убивали, тысячи шахтов, шпееров и функов осуществляли администрацию, финансировали и поддерживали это движение. Нацистское движение было силой, проникавшей в каждый город и область, в каждое селение.

С помощью такой системы организаций нацисты создали в Германии свою партийную власть, которая сначала соперничала с властью государства, а потом стала господствовать над ним. Эта паутина организаций использовалась для того, чтобы переместить власть принуждения от правительства и закона к нацистским руководителям. Свобода, самоуправление и безопасность личности и собственности существуют лишь в том случае, если властью принуждать обладает только государство и если такая власть применяется только в соответствии с законом. Нацисты учредили свою собственную частную систему принуждения, лежавшую вне закона и не подчинявшуюся ему, — с концентрационными лагерями, находившимися под их контролем, с отрядами эсэсовцев для осуществления карательных мер, ими же декретированных.

Эти организации имели возможность захватывать собственность, отнимать свободу и даже самую жизнь без всякой ответственности перед законом и без всякого решения какого-либо суда.

Эти организации принимали очень большое, фактически решающее участие в варварских мерах нацистского режима. Они служили, в частности, для того, чтобы используя психологию толпы, руководить ею.

Увеличение числа людей, объединенных в общем предприятии, всегда ведет к ослаблению чувства моральной ответственности и усилению чувства безопасности у каждого из них. Нацистские руководители мастерски пользовались этим обстоятельством. Они ловко манипулировали этими организациями, устраивая перед германским населением внушительные демонстрации силы, которые были показаны здесь на экране. Эти демонстрации использовались для того, чтобы взбудоражить толпу, разжечь ее ненависть, требуя удовлетворения роковых германских притязаний, которые они сами же выдвинули.

Эти организации воспитывали своих членов в духе насилия и террора. Они обеспечили систематическое, настойчивое и неуклонное проведение во всей Германии и в оккупированных странах плана, согласно которому осуществлялись показанные нами преступления.

Ярким воплощением этой системы является фанатичный генерал СС Олендорф, который рассказал Трибуналу без всякого стыда или следа какого-либо чувства жалости о том, как он лично приказал предать смерти 90 тысяч мужчин, женщин и детей. Ни один суд никогда не слышал такого признания в массовых убийствах, какое выслушал настоящий Трибунал от него и от Вислицени, также офицера СС. Их показания свидетельствуют об ответственности СС за уничтожение людей, в ходе которого было умерщвлено 5 миллионов евреев, и подобное этой организацией приветствовалось и проводилось методически, безжалостно и неотступно. Эти преступления, о которых мы сейчас говорим, являются беспрецедентными из-за потрясающего количества их жертв. Они не менее потрясающи и беспрецедентны из-за большого количества людей, которые объединились для того, чтобы совершить их. Совесть и чувства большей части германского народа были привлечены к поддержке этих организаций, приверженцы их не чувствовали личной вины, когда названные организации переходили от одной крайней меры к другой, соревнуясь в жестокости и соперничая в преступлениях. Олендорф, давая свидетельские показания, обвинял других эсэсовцев, совершивших больше убийств, чем он сам, в том, что они якобы представляли «преувеличенные» данные.

Оккупационная политика не может быть мудрой и справедливой, когда она накладывает на пассивных, неорганизованных и бессловесных немцев такие же тяготы, как и на тех, кто добровольно организовался в эти сильные и пользующиеся дурной славой банды. Одним из основных требований справедливости и успешного осуществления задач оккупации, выполнение которых лежит на ответственности наших четырех стран, является отделение объединенных в преступные организации элементов от масс непричастных к ним немцев в целях различного обращения с ними. Это основная задача, которую мы должны здесь рассмотреть.

Не подлежит никакому сомнению, что наказание только некоторых высших нацистских руководителей и оставление безнаказанной в послевоенном обществе всей паутины нацистских организаций означало бы поощрение возможности развития зародыша нового нацизма. Члены этих организаций привыкли к существованию цепи централизованного руководства, у них создалась привычка и развилась техника как секретного, так и открытого сотрудничества. Они все еще слепо преданы нацистской программе, выполнение которой прервано, но от которой они не отказались. Они будут хранить ненависть и честолюбивые стремления, породившие оргию преступлений, совершение которых мы здесь доказали. Эти организации являются передатчиками от одного поколения к следующему заразы агрессивной и безжалостной войны. Трибунал видел на экране, как легко сборище людей, которые внешне выглядят как обыкновенные трудовые отряды с лопатами в руках, может фактичес-

ки превратиться в организацию для военной подготовки. Следующая война и будущие погромы будут выращены в гнездах этих организаций, если мы не уменьшим престиж и влияние их членов путем осуждения и наказания.

Угроза, которую представляют собой эти организации, станет еще более значительной, если мы примем во внимание то состояние деморализации, в котором находится германское общество. Пройдут годы, прежде чем в германском государстве сможет существовать политическая власть, которая не будет неопытной и временной. Она не сможет быстро достичь той стабильности правления, которая поддерживается долгой привычкой к повиновению и традиционным уважением. Интриги, обструкции и даже возможные попытки к переворотам, которых всегда опасаются более стабильные правительства со стороны заговорщических групп, могут явиться реальной и постоянной угрозой по отношению к любому устойчивому общественному порядку в сегодняшней и завтрашней Германии.

Поскольку Устав настоящего Трибунала предусматривает справедливое наказание виновных, совершенно очевидно, что Суд не может оставить без внимания те организации, посредством которых совершались преступления. В своей вступительной речи я сказал, что Соединенные Штаты не собираются обвинять в преступлениях весь немецкий народ. Но столь же очевидно, что этот судебный процесс не должен служить и тому, чтобы оправдывать весь германский народ, за исключением сидящих на скамье подсудимых. Зло, причиненное миру этими подсудимыми и их сообщниками, было совершено не только по одной их воле и не только их силами. Успешное осуществление их планов было возможно только потому, что большое количество немцев было объединено в преступные организации, ставшие рычагами, с помощью которых расширялась, приумножилась сила нацистских руководителей. Поэтому, если настоящий Суд не сумеет осудить этих организованных сообщников, учитывая долю и их ответственности за совершившуюся катастрофу, это будет рассматриваться как их оправдание.

Но Устав предусматривает не только осуществление правосудия и возмездия. Он провозглашает созидательную политику, которая определяется соображениями необходимости предложения модели и проведения некоторых превентивных мер. Главной целью безоговорочной капитуляции было создание возможности перестройки германского общества на такой основе, чтобы Германия никогда более не угрожала бы миру в Европе и во всем мире. Временные меры оккупационных властей — я не собираюсь критиковать их — могут быть по необходимости более произвольными и применяться с меньшими разграничениями, чем этого требует постоянная политика. Например, при существующей политике денацификации ни один член нацистской партии или подчиненной ей организации не может занимать никакого поста и не может выполнять никакой работы,

кроме обыкновенной, рядовой, ни в одной фирме, ни в одном учреждении, если не доказано, что он лишь номинально числился нацистом. Лица определенных категорий, которые занимали важное, влиятельное положение в нацистском обществе, должны быть отстранены от дальнейшего участия в делах соответствующих предприятий или профессиональных групп.

По установленным правилам следует снимать с важных постов и отстранять от исполнения общественных обязанностей в общественных и частных организациях лиц, подпадающих под одну из 90 специальных категорий, в которые входят активные нацисты и лица, поддерживавшие нацистов или милитаристов. На собственность таких лиц накладывается арест. Контрольный Совет признает, так же как и создатели Устава, что постоянная, рассчитанная на долгое время программа должна будет опираться на более тщательное и более индивидуальное разграничение, чем это было возможно в период всеобщих временных мер. В Контрольном Совете существует теперь тенденция к пересмотру всей политики и процедуры денацификации. Факт объявления этим Трибуналом или необъявления им тех или иных организаций преступными будет иметь колоссальное значение для всей будущей оккупационной политики. В соответствии с Уставом при судебном разбирательстве Трибуналом настоящего дела имелось в виду наиболее полно раскрыть действия при вынесении приговора и осудить те нацистские и милитаристские силы, которые имели столь сильную организацию, которые продолжают представлять угрозу тем долгосрочным целям, ради которых каждая из наших стран отдала жизни своей молодежи. Именно с этой точки зрения, в свете этой великой задачи мы должны рассматривать положения Устава.

Совершенно очевидно, что обычная судебная процедура не может быть применена без изменений для разрешения этой задачи. Ни одна из существующих систем судопроизводства еще не располагает необходимой процедурой для разбора такого большого количества дел об общем плане или заговоре в отношении великого множества обвиняемых. Число отдельных обвиняемых, которые могут быть справедливо судимы в одном процессе, может лишь немногим превосходить число подсудимых, находящихся на этой скамье. Число отдельных процессов, на которых могут повторно приводиться одни и те же доказательства существования общего плана, является практически весьма ограниченным. Поэтому состязательный процесс того типа, в котором мы участвуем, является наилучшей гарантией, которую предоставляет закон для того, чтобы решение было хорошо обдумано и справедливо. Задачей тех, кто создавал этот Устав, было найти способ преодоления препятствий к достижению быстрого и практически осуществимого решения, не жертвуя при этом той гарантией справедливости, которая заключается в судебном разбирательстве. Решение, предусмотренное Уставом, конечно, не лишено недостатков, но

я не ошибусь, если скажу, что ни один из его критиков еще не предложил решения, которое не лишало бы обвиняемого права быть выслушанным или не предусматривало бы такого огромного количества длительных судебных процессов, которое делает их практически неосуществимыми. Во всяком случае, Устав представляет собой комплекс обязательств, принятых на себя каждым из наших правительств, и наш долг — выполнять их.

Предусмотренный Уставом порядок рассмотрения дела дает возможность отграничить общие вопросы, которые будут одинаковыми во всех индивидуальных процессах, от частных вопросов, которые будут разными в каждом процессе.

Такой порядок сопоставим с нормами некоторых законодательных актов США, принятыми в военное время; такие нормы применялись в деле Якуса (Якус против Соединенных Штатов); согласно этим нормам вопросы соблюдения в судебном производстве критериев правовой процедуры должны рассматриваться отдельным судом; когда подсудимый представляет свою защиту по предъявлении ему обвинительного заключения, он эти вопросы поднимать не вправе.

Странам, не имеющим писаных конституций и конституционных проблем, возможно, трудно будет понять логику такого решения; предусматриваемый порядок был в основном направлен на то, чтобы отделить вопросы общего характера, касающиеся судебного приказа в целом, от конкретных вопросов, которые возникают, когда в суде лицу предъявляется обвинение в совершении преступления.

Согласно Уставу общие вопросы должны быть разрешены до конца одним судом — Международным военным трибуналом, в котором каждая из обвиняемых организаций должна быть представлена по крайней мере одним из своих руководящих членов и защита ее должна осуществляться защитником; другие члены этой организации также могут ходатайствовать о том, чтобы их заслушали. Их ходатайства могут быть удовлетворены, если Трибунал найдет, что необходимость установления истины требует этого. Единственным вопросом, который должен быть разрешен данным судом, является вопрос о коллективной преступности организации или группы. Решение этого вопроса должно носить декларативный характер. Оно не должно определять никакого наказания ни для организаций, ни для отдельных ее членов.

Последствия такого решения Трибунала о признании организации преступной предусмотрены статьей 10 Устава, которую я оглашаю:

«Если Трибунал признает ту или иную группу или организацию преступной, компетентные национальные власти каждой из Подписавшихся Сторон имеют право привлекать к суду национальных, военных или оккупационных трибуналов за принадлежность к этой группе или организации. В этих случаях преступный характер группы или организации считается доказанным и не может подвергаться оспариванию».

Совершенно очевидно, что Устав был бы правомочен категорически объявить принадлежность к любой из упомянутых в Обвинительном заключении организаций преступной, в связи с чем член такой организации должен быть соответствующим образом наказан. В этом случае отдельное лицо, подвергающееся судебному преследованию за принадлежность к такой организации, не имело бы возможности утверждать, что данная организация не является преступной. Однако составители Устава, работая над подготовкой его прошлым летом, когда представленные здесь доказательства были нам даже не доступны, не занимались тем, чтобы в законодательном порядке объявить эти организации преступными. Они оставили разрешение этого вопроса до того времени, когда относящиеся к делу факты преступлений будут раскрыты и доказаны в состязательном процессе. Короче говоря, в связи с положением Устава каждое отдельное лицо находится сейчас в более благоприятном положении, поскольку вопрос о преступности организации разрешается Судом во время рассмотрения дела, причем организация обязана быть представленной на слушаниях по делу, а члены ее могут быть представлены.

Это, пожалуй, наилучшая гарантия того, что мы не допустим ошибок при рассмотрении вопроса о преступности организаций. Согласно Уставу, группы и организации, перечисленные в Обвинительном заключении, находятся под судом не в обычном смысле этого слова. Они, скорее, находятся под угрозой предания суду, как это было бы перед присяжными, решающими вопрос о предании суду в англо-американской практике.

Статья 9 Устава делает различие между объявлением групп или организаций преступными и привлечением к суду любого отдельного члена такой организации. Право настоящего Трибунала вершить суд ограничивается судом над «лицами», причем Устав своей дефиницией не расширяет понятие «лица», как это иногда делается в законодательных актах, с тем, чтобы это понятие включало не только физических лиц. Группы или организации, поименованные в Обвинительном заключении, не были подвергнуты суду как субъекты права. Трибунал не уполномочен выносить какой-либо приговор группам или организациям как субъектам права. Так, Трибунал не может наложить на группы или организации штраф, хотя в их руках может находиться принадлежащее организации имущество, Трибунал также не может осудить какое-либо лицо вследствие того, что оно является членом группы или организации.

Следует также отметить, что Устав не требует последующего привлечения к суду каких-либо лиц.

Устав предусматривает право компетентных национальных властей привлекать отдельных лиц к суду за принадлежность к организациям, признанным преступными, но ничего не говорит о форме, в которой должны проводиться эти процессы. Считалось нецелесообразным на основании информа-

ции, которой мы в то время располагали, чтобы Устав предписывал правила для ведения последующих процессов. В этом и не было необходимости. Имеется постоянно действующая законодательная власть, представляющая все четыре Подписавшиеся Державы, которая уполномочена принимать решения по пунктам, не предусмотренным в Уставе.

Законодательные дополнения к Уставу, во всяком случае, были бы необходимыми для того, чтобы определить юрисдикцию местных судов, установить порядок судопроизводства в них и меры наказания в соответствии с различными формами преступной деятельности.

Однако было высказано опасение, что, поскольку Устав ничего не говорит о судьбе участников тех организаций, которые будут объявлены преступными, это может означать, что в результате объявления организации преступной большое количество членов ее будет автоматически наказано. Высказывалось также предположение, что это может или могло бы получиться и в результате применения статьи II 1 (d) Закона № 10 Контрольного Совета, который объявляет преступлением «принадлежность к определенным категориям преступной группы или организации, объявленной преступной Международным военным трибуналом».

Из Устава нельзя сделать вывод о том, что он имеет своей целью вынести решение о наказании без предоставления права на судебное слушание. Такое толкование противоречило бы как букве, так и духу Устава. Я не нахожу, что Закон № 10 Контрольного Совета в какой-либо степени расходится с Уставом. Конечно, для того чтобы рассмотреть дела в отношении всех отдельных членов организаций, потребуется большое количество судебных процессов. Но на этих процессах будет рассматриваться узкий круг вопросов. Многие из обвиняемых не в состоянии будут выдвинуть какие-либо оправдания против предъявленных обвинений, если доказательства этих обвинений будут тщательно подготовлены, и, таким образом, судебное разбирательство будет проходить быстро и не будет затягиваться процедурной техникой, тем более что оно будет проводиться в местности, где проживает обвиняемый, и, следовательно, разбирательство будет вестись на двух языках самое большее.

Мне думается, совершенно ясно, что до того, как член организации будет наказан за участие в преступной организации, он должен иметь право быть заслушанным по своему делу.

Устав не уполномочивает национальные власти карать за принадлежность к преступной организации без рассмотрения дела в суде, он предоставляет им только право привлекать этих индивидуальных членов к суду. Эти слова означают именно то, о чем они говорят. Когда мы говорим «суд», мы имеем в виду, что есть за что судить.

Устав не дает права обвиняемому в порядке своей защиты оспаривать на последующем процессе преступный характер самой организации. Ничто не лишает его права отри-

цать, что его участие в этой организации было добровольным, или доказывать, что он действовал под давлением каких-либо оправдывающих его обстоятельств. Он может доказывать, что вышел из организации, что его имя попало в списки организации по ошибке. Он может также доказывать, что был втянут в организацию обманным путем, и т.д.

Устав и Закон Контрольного Совета считают преступным только такое членство в организации, которое является подлинным и добровольным. Вступление в организацию должно быть сознательным и добровольным. Принуждение законными методами или незаконное давление, обман или уловки, жертвами которых может пасть человек, никогда не рассматривались как преступление жертвы, и, конечно, такой несправедливый вывод не должен быть сделан и теперь.

Совсем другое дело представляет собой степень осведомленности члена организации о ее преступном характере. Он может не знать об этом тогда, когда вступает в организацию, но если он узнает о преступных целях организации позже и останется членом ее после того, как узнает о ее преступных целях, это должно быть вменено ему в вину. При этом ему вменяется в вину не только то, что он знал, но и все то, о чем он по разумному предположению осведомлялся.

Можно с уверенностью полагать, что эта точка зрения будет проведена с полным чувством доброй воли. Возбуждение судебного преследования, согласно Декларации об ответственности гитлеровцев, будет производиться по усмотрению суда, и если бы со стороны союзных держав было намерение карать без суда, это было бы сделано до того, как был создан этот Трибунал, не ожидая того, чтобы Трибунал объявил группы или организации преступными. Как мы полагаем, Трибунал будет стремиться к тому, чтобы подписавшиеся державы, которые добровольно согласились на такой процесс, добросовестно проводили его в жизнь.

Закон Контрольного Совета применим только в отношении членов тех категорий организаций, которые будут объявлены преступными. Такая формулировка, данная Контрольным Советом, признает за настоящим Трибуналом право ограничить действие своего объявления о преступности групп или организаций. Я не думаю, по причине, которую я изложу позже, что этот Закон имел в виду, что мы рассматривали здесь какие-нибудь вопросы, связанные с подгруппами, секциями или отдельными лицами, которые могут быть судимы позже. Как я полагаю, Закон должен толковаться следующим образом: имеются в виду не такого рода ограничения, которые должны определяться доказательствами в отношении деталей, имеются в виду принципиальные ограничения, подобные тем, о которых я уже говорил, как-то: оказание давления при вступлении в организацию, недобровольное членство или подобного рода вещи, что Трибунал может признать и рассмотреть, не вдаваясь в детализированные доказательства. При таком толковании от

настоящего Трибунала не требуется вникать в доказательства, чтобы обусловить, что его решение о преступности группы или организации распространяется только на лиц, ставших членами группы или организации намеренно и добровольно. Этот Суд не подменяет национальных судов, однако его решение о преступных организациях должно быть обязательным для них.

Мне кажется, что намечаемый нами план отграничения общих вопросов, касающихся организации в целом и повторяющихся во многих делах, от вопросов, касающихся только отдельных подсудимых, что должно рассматриваться в других национальных судах, специально приспособленных для рассмотрения вопросов различного рода, нельзя считать неразумным. И хотя этот план, несомненно, сталкивается с необычными процессуальными трудностями, я не думаю, чтобы они оказались непреодолимыми.

Сейчас я обращаюсь к вопросу о критериях, принципах и прецедентах, которые должны лечь в основу установления коллективной уголовной ответственности, после чего можно будет перейти к другим процессуальным вопросам, связанным с применением этих принципов.

Собственно, материальное право, на основании которого определяется преступный характер организации, существует с давних пор и тождественно в своих основных положениях законам всех правовых систем. Мы обсуждаем здесь процедуру, которую нетрудно было бы порицать. Высказывались опасения, что мы вступим в коллизию с принципом свободы общественных собраний или будем вменять в вину участие в ассоциациях.

Верно и то, что обвинение организаций очень родственно обвинению в создании заговора, что вызывает немалые правовые трудности, но Суд тщательно следит за тем, чтобы это различие не нарушалось.

Еще ни одна форма государственного строя не была в состоянии существовать без того, чтобы не обращаться с некоторыми организациями, как с преступными. Даже проявляющие наибольшую терпимость правительства не могут допустить, чтобы организация аккумулировала власть до такой степени, что соперничает с самим правительством, препятствует его деятельности или господствует над ним. Делать так означало бы предоставить интриганам свободу уничтожить свободу. Уже само самоуспокоение, слабость и терпимое отношение Веймарской республики к подготовке нацистами захвата власти означало смертный приговор свободе германского народа.

Интересы охраны гражданских прав требуют даже от демократических правительств, чтобы они принимали законы, объявляющие преступными те сосредоточивающие в своих руках власть организации, которые пытаются навязывать свою волю гражданам. Каждая из сторон, подписавших этот Устав, имеет такие законы, по которым организации определенного типа считаются преступными.

Организация «Ку-Клукс-Клан» в Соединенных Штатах развивалась примерно одновременно с нацистским движением в Германии. Она разжигала такую же ненависть, прибегала к таким же беззаконным способам принуждения и наводила ужас такими же таинственными ночными шествиями. Подобно нацистам, она располагала такими же приверженцами-фанатиками и пользовалась поддержкой такого же рода «почтенных» лиц, которые знали, что эта организация была преступной, но рассчитывали на ее успех. В конце концов это привело к изданию различных законодательных актов, направленных против таких организаций.

Конгресс Соединенных Штатов издал целый ряд законов, которыми были объявлены преступными определенные организации. Примером является законодательный акт от 28 июня 1940 г., который помимо прочего предусматривал, что «всем лицам запрещается законом организовывать или содействовать организации любых обществ, групп или собраний, которые проповедуют, защищают или поощряют свержение или уничтожение путем применения силы или насилия правительства Соединенных Штатов, запрещается вступать в члены или сотрудничать с такими обществами, группами или собраниями, будучи осведомленным относительно их целей».

В законодательстве штатов Соединенных Штатов имеется немало аналогичных запретов. В виде примера можно привести акт штата Калифорнии, акт, в котором говорится о запрещении создавать преступные синдикаты и после формулировки определения этого понятия, объявляется преступным любое лицо, которое организовало или содействовало организации или являлось членом такой организации.

Прецеденты английской национальной юриспруденции по вопросу запрещения законом некоторых организаций и установления наказаний за принадлежность к этим организациям существуют с давних пор и полностью совместимы с Уставом.

Одним из первых законов такого рода был Акт номер 30, принятый в Британской Индии в 1836 году. Этот Акт, в частности, предусматривал:

«Настоящим да будет установлено, что лицу, которое, как это будет доказано, принадлежало, либо до, либо после принятия настоящего Акта, к любой из религиозных организаций убийц, действовавших либо в пределах территорий Ост-Индской компании, либо вне пределов этих территорий, будет назначено наказание в виде лишения свободы с каторжными работами».

История свидетельствует о том, что с помощью этого Акта успешно подавлялось насилие.

Другими прецедентами в английском законодательстве являются Акт о противоправных обществах от 1799 года, Акт о собраниях, призывающих к мятежу, от 1817 года, Акт о собраниях, призывающих к мятежу, от 1846 года, Акт об общественном порядке от 1936 года, а также Правила, рег-

ламентирующие оборону. Этот последний законодательный акт, вызвавший некоторую оппозицию, был направлен на то, чтобы защитить целостность британского правительства от деятельности пятой колонны, направляемой этим самым нацистским заговором.

В Советской России применяют наказание за организацию преступных банд и участие в них. Криминологи Советского Союза называют это преступление «бандитизмом», термином, подходящим также и для определения существа деятельности германских организаций. Генерал Руденко даст более детальные разъяснения советского права.

Французское уголовное право определяет как преступление участие в организациях, деятельность которых носит подрывной характер. Участие в преступной банде само по себе является преступлением. Мой выдающийся французский коллега осветит Вам этот вопрос более детально.

Конечно, я не утверждаю, что закон отдельной страны, даже одной из подписавшихся под декларацией держав, может являться руководящим здесь, но ясно, что это не акт или концепция отдельной системы права, что все системы права сходятся в том, что существуют положения, при которых некоторые организации становятся нетерпимыми в свободном обществе.

Что же касается немецких прецедентов, то нет никакой необходимости обращаться к периоду нацистского режима, при котором, конечно, все противники этого режима безжалостно подавлялись. Однако юриспруденция периода империи и Веймарской республики заслуживает уважения, как законодательство, так и судебная практика дают примеры, когда организации были объявлены преступными.

Статья 128 немецкого Уголовного кодекса 1871 года, например, была направлена против тайных ассоциаций, а статья 129 — против организаций, враждебных государству.

Закон от 22 марта 1921 г. был направлен против полувоенных организаций.

Закон от 21 июля 1922 г. — против организаций, имеющих своей целью ниспровержение конституции империи.

Особенно уместно привести статью 128 Уголовного кодекса 1871 года. Она гласит:

«Участие в организации, существование, состав или цели которой скрыты от государства или пребывание в которой влечет за собой подчинение неизвестным для членов организации руководителям или безоговорочное подчинение известным руководителям, наказуется тюремным заключением».

Было бы трудно найти закон, дающий более точную формулировку для объявления преступными организаций, с которыми мы имеем здесь дело, чем этот Уголовный кодекс 1871 года.

Я обращаю Ваше внимание на то, что он признает наказуемым участие в организациях, членство в которых влечет за собой безоговорочное подчинение руководителям, из-

вестным членам этой организации, или подчинение неизвестным им руководителям. В данном случае мы имеем дело именно с такого рода опасностью и угрозой.

В период империи различные польские национальные союзы становились объектом уголовного преследования. Во времена Веймарской республики, в 1927 и 1928 гг., выносились судебные решения, в которых объявлялась преступной вся Коммунистическая партия Германии. В 1922 и 1928 годы были вынесены судебные приговоры, направленные против политического руководящего состава Коммунистической партии, который включал весь так называемый корпус функционеров этой партии. Корпус функционеров этой организации в некоторой степени аналогичен по своим полномочиям руководящему составу нацистской партии, в отношении которого мы здесь предъявляем обвинение. Приговором против Коммунистической партии, вынесенным германскими судами, охватывался каждый кассир, каждый служащий, каждый мальчик-курьер, каждый районный руководитель. В вынесенном в 1930 году приговоре суда, признававшем преступной организацию, называвшуюся «Союзом борцов красного фронта» Коммунистической партии, не делалось различия между руководителями и рядовыми членами.

Самым знаменательным является тот факт, что 30 мая 1924 г. германскими судами было вынесено решение, согласно которому вся нацистская партия была объявлена преступной организацией. Но, очевидно, не хватило смелости провести это решение в жизнь, в противном случае, мы не находились бы здесь сегодня. Это решение относилось не только к руководящему составу, который мы обвиняем здесь, но в такой же степени и ко всем остальным членам этой организации. Весь период, предшествовавший приходу нацистской партии к власти, прошел под знаком признания ее нелегальной самими германскими судами.

Германские суды, рассматривая вопрос о преступных организациях, основывались на теории, что члены их объединялись общим планом, в реализации которого все они принимали участие, хотя и стояли на различных общественных уровнях. Более того, основные принципы ответственности членов организаций в том виде, как они были установлены германским верховным судом, поразительно схожи с принципами, которыми руководствуются англо-американские правовые нормы об ответственности за преступный заговор. Среди этих принципов, установленных германскими судами, есть следующие:

«Совершенно безразлично, все ли члены организации преследовали запрещенные цели. Достаточно, если только часть из них занималась запрещенной деятельностью».

И далее: «Совершенно безразлично, согласны ли члены группы или ассоциации с ее целями, задачами, методами деятельности и средствами борьбы».

И снова: «Подлинная точка зрения участников организации не имеет значения. Даже если они имели намерение не

принимать участия в преступных деяниях или собирались препятствовать им, это не снимает с них ответственности за реальное членство в организации».

Организации, преследующие преступные цели, повсюду рассматриваются с точки зрения их преступного заговорщического характера, и они объявляются преступными на основании норм, предусматривающих ответственность за организацию заговоров. Причина, по которой они являются опасными для управляемых законом наций, излагается американским авторитетным лицом в области права следующим образом (я цитирую Миллера):

«Основанием для привлечения к уголовной ответственности в случае создания группы для осуществления незаконных целей или для использования незаконных средств, если задуманные действия фактически совершались даже одним лицом, является то обстоятельство, что существование группы, имеющей своей целью совершение преступных действий или являющейся средством для совершения преступных действий, гораздо более опасно как в связи с большими ее возможностями творить зло, так и в связи с тем, что гораздо труднее предотвратить преступные планы и бороться с ней, чем с одним лицом, а также и в связи со страхом, которые порождает в сознании людей представления о такой группе или организации».

Статья 6 Устава предусматривает, что «руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами с целью осуществления такого плана». Разумеется, этот текст соответствует обычным правовым нормам об ответственности за преступный заговор.

Отдельные подсудимые посажены на скамью подсудимых именно как руководители и организаторы по обвинению в составлении и осуществлении общего плана или заговора. Если оно будет доказано, на них будет возложена ответственность за акты других лиц, действовавших во исполнение общего плана.

Устав не ограничивает такую ответственность за действия других лишь случаями, относящимися к одному заговору. Определение статьей 6 Устава составов преступления дается в виде многообъемлющей формулы, включающей создание и осуществление общего плана, равно как и участие в заговоре. Существовало опасение, что при иной формулировке Устава процесс оказался бы отягощенным теми самыми техническими требованиями и ограничениями, которые выросли вокруг понятия «заговор».

Имеется некоторое различие между англо-американской концепцией заговора и концепциями заговора, существующими в советском, французском и германском праве. Однако мы придерживаемся того мнения, что при рассмотрении конкретных дел следует руководствоваться более

широкими соображениями, обусловливаемыми характером стоящей перед нами проблемы, а не особенностями какого-либо национального права.

Итак, несмотря на возникающие многочисленные трудности процессуального характера нет никаких оснований считать, что любой член нацистской организации, обвиняемой здесь, не может быть привлечен к ответственности и осужден как участник заговора в соответствии со статьей 6, даже если бы в Уставе вообще ничего не упоминалось об организациях. Добровольное вступление в организацию является неоспоримым свидетельством приверженности вступающего общему плану и целям этой организации.

Рассматриваемые нацистские организации представляли собой необычные общественные или культурные группы; они были, по общему признанию, созданы для действия. В отношении некоторых из них единство целей их членов доказывается тем, что прием в них был обусловлен выполнением определенной процедуры, приведением к присяге, ношением особой форменной одежды, подчинением дисциплине. Полностью установлено, что все члены каждой нацистской организации были объединены на основании общего плана для достижения определенных целей путем совместных усилий.

При установлении уголовной ответственности тех, кто таким образом действовал в интересах общего плана, очевидно следует прибегать к таким критериям, которые обычно применяются при определении степени законности всякого другого общего плана, то есть устанавливать, предусматривал ли этот план использование беззаконных методов, преследовал ли он преступные цели. В случае положительного ответа на оба или на один из поставленных вопросов ответственность каждого члена одной из этих нацистских организаций за действия, совершенные другими членами этой организации, незначительно отличается от ответственности за участие в заговоре, устанавливаемой в Соединенных Штатах в отношении финансовых и промышленных деятелей, которые объединяются в нарушение антитрестовского законодательства, или в отношении лиц, обвиняемых в нарушении законов о наркотиках, законов о мятежах или иных федеральных законодательных актов.

В числе принципов, которые ежедневно применяются в судах Великобритании и Соединенных Штатов относительно заговора, можно указать следующие.

Во-первых, не является обязательным факт собрания участников заговора или формального соглашения между ними. Для признания наличия заговора достаточно, чтобы одни участники заговора выполняли одну задачу его, а другие — другую, если только будет доказано, что имели место согласованность и сознательность действий и что эти действия совершены в соответствии с общим замыслом и для осуществления общих целей заговора.

Во-вторых, ответственность на отдельного члена организации возлагается и в том случае, если он не знал о своих соучастниках по заговору или о их роли, или о совершенных ими преступлениях, или даже если он не принимал лично участия в совершении уголовных преступлений, или отсутствовал в момент преступления.

В-третьих, ответственность за преступления соучастников по заговору может возлагаться даже в случаях, когда отдельные преступления не намечались или не предполагались заранее, если доказано, что эти преступления были совершены во исполнение общего плана. Определенное лицо фактически делает своего сообщника по заговору своим агентом, с бланкетными полномочиями достичь целей заговора.

В-четвертых, для признания ответственности за участие в заговоре необязательно, чтобы данное лицо было участником заговора одновременно с другими участниками либо в момент совершения преступных деяний. Вступающий в организацию или примыкающий к заговору тем самым одобряет и признает все то, что было сделано до его вступления, и он продолжает нести ответственность до тех пор, пока не порвет с заговором, уведомив об этом соответствующим образом соучастников по заговору.

Это радикальные принципы, но никакое общество не могло существовать без этих оборонных мер против накопления силы в результате объединения отдельных лиц.

Как члены преступных организаций, так и участники заговора — те, кто лично совершали преступления, несут индивидуальную ответственность за совершенные ими преступления точно так же, как те, кто совершали такие же преступления, не будучи членами преступной организации.

Суть уголовно-правовой ответственности за преступление, заключающееся в участии в заговоре или в преступной организации, состоит в том, что уголовная ответственность на участника возлагается не только за лично им совершенные преступления, но и за те преступления, совершению которых он способствовал или совершение которых он облегчил своими действиями. Преступление заключается в объединении с другими лицами для совершения преступных действий и в участии в беззаконном общем замысле, сколь бы невинными ни были действия, совершенные лично данным участником, если их рассматривать изолированно.

Самый невинный акт отправки письма является достаточным для того, чтобы связать его исполнителя с заговором в случае, если письмо было предназначено для того, чтобы содействовать осуществлению преступного замысла. Имеются бесчисленные примеры в юриспруденции США, когда отправка письма не только признавалась преступлением, но и подвергала совершившее этот акт лицо ответственности по федеральным законам. Имеются бесчисленные примеры, когда невинные акты, совершенные для выполнения общей преступной цели, возлагали на совершившее их

лицо ответственность за преступные акты, совершенные для осуществления тех же целей другими участниками организации. Приведенное краткое обобщение правовых норм, определяющих ответственность за преступный заговор, является важным соображением при установлении критерия виновности организаций.

Взаимная ответственность, возникающая в результате добровольного вступления в организацию, формально подтвержденного клятвой и имеющего целью посвятить себя выполнению общей задачи, при наличии дисциплины и подчинения общей системе руководства, не может быть меньшей, нежели та ответственность, которая вытекает из неформального сотрудничества с нечеткой в организационном отношении группой в интересах общего замысла, как того достаточно для признания наличия заговора.

Указанное положение служит ответом на предложение обвинению доказать в отношении каждого члена организации или какой-либо части организации, или группы членов виновность их в совершении конкретных преступлений. Это предложение игнорирует присущие понятию заговора признаки преступления, что свойственно и обвинению против организаций. Иное толкование Устава превратило бы его в нелепость.

Возложить на один Трибунал обязанность рассмотрения дел, требующих столь подробных доказательств в отношении каждого члена организации, означало бы поставить перед ним задачу, которую невозможно решить в течение срока человеческой жизни.

Легко сказать, что «следует наказывать за деятельность, а не за принадлежность к организации». Но это утверждение не принимает во внимание тот факт, что членство в нацистских организациях само по себе обычно составляло «деятельность». Даже номинальное членство может в значительной степени содействовать развитию организации.

Можно ли верить в то, что фотография Гельмара Шахта, которую вы видели, восседающего в первом ряду на съезде нацистской партии и носящего значок партии, была включена в нацистские пропагандистские фильмы просто ради художественного эффекта? Разумеется, нет. Само имя этого крупнейшего банкира, использованное для этого сомнительного «предприятия», придало ему вид благопристойности в глазах каждого колеблющегося немца.

Можно привести случаи, когда члены организации не помогали и не содействовали организации осуществить поставленные перед ней цели, но такого рода отдельные случаи будут рассмотрены позднее и не на данном процессе.

Рассмотрение Судом вопроса о приеме в члены организации и об оформлении этого приема не займет много времени и в то же время даст возможность довольно точно определить цели заговора и задачи его участников.

Это единственно, что выполнимо на данной стадии процесса. Это не будет несправедливым, ибо до того, как любой член организации будет наказан, он будет иметь

право представить доказательства в свою защиту соответствующим следственным органам и судам.

Хотя Устав и не предусматривает этого, мы, однако, полагаем, что в соответствии с обычными принципами права бремя доказывания преступности организации лежит на обвинении. Это будет сделано после того, как установят следующее:

1. Организация или группа, о которой идет речь, должна представлять собой сообщество лиц, объединенных четко различимыми взаимосвязями с единой общей целью.

2. Хотя в Уставе это не определено, по нашему мнению, это означает, что членство в такой организации должно носить в общем добровольный характер. Однако нет необходимости устанавливать, что каждый член организации вступал в нее добровольно. Это не значит также, что организация не будет рассматриваться как построенная на добровольных началах, если защита докажет, что небольшая группа или небольшой процент ее членов вступал в нее по принуждению. Это должно быть рассмотрено с точки зрения здравого смысла: являлась ли в целом организация такой, которая предоставляла всем право добровольного вступления и выхода из нее.

То обстоятельство, что присоединение к этому движению, с деловой или политической точек зрения, было выгодно, не делало членство недобровольным. Всякое принуждение должно носить такой характер, который обычно признается законом, а угрозы политического или экономического давления не должны иметь существенного значения.

3. Цели организации должны быть признаны преступными, если они предусматривают действия, которые согласно статье 6 Устава квалифицируются как преступления. Никакие другие действия не дают права обвинять какое-либо лицо в преступлении, и поэтому никакие другие действия не дают права считать преступной и организацию в связи с обвинением данного лица.

4. Преступные цели организации или методы осуществления этих целей должны носить такой характер, при котором членам ее можно было бы вменить в вину осведомленность их об этих целях и методах. Это опять-таки не предусмотрено специально Уставом. Конечно, для обвинения не обязательно устанавливать, что каждый член этой организации знал о ее преступном характере, или опровергать утверждения о том, что некоторые лица могли стать членами этой организации из-за незнания истинного характера ее деятельности.

5. Некоторые из подсудимых были членами организации, и поэтому они должны обвиняться в совершении ряда преступлений по тем же мотивам, по которым организация была объявлена преступной.

Сейчас я перейду к определению круга вопросов, которые надлежит рассмотреть Трибуналу, и к выяснению тех

вопросов, рассмотрением которых, как нам кажется, не должен заниматься Трибунал.

Ход настоящего процесса будет ускорен ясным определением вопросов, которые надлежит рассмотреть Трибуналу. Я уже указывал, что мы считаем истинным критерием виновности. Имеются вопросы, которые, как нам кажется, не имеют отношения к разбираемому этим Трибуналом делу.

Трибунал, по существу, должен разрешить один основной вопрос, а именно: можно обвиняемые организации справедливо признать преступными или нет. В этом процессе нет ничего относимого к делу, что не было бы общим для дела каждого члена организации. Но любой материал, который мог бы служить оправданием для отдельных членов организации, а не всей организации в целом, не должен рассматриваться здесь.

Мы считаем, что на данном процессе нет надобности заниматься выяснением, один или много членов организации были завербованы в нее или вступили добровольно. Можно допустить, что ссылка на вербовку будет являться хорошей защитой для отдельных членов организации, которые будут обвиняться в том, что они являются членами преступной организации. Однако сама организация может быть преступной, иметь преступные цели и совершать преступные действия, если даже часть членов этой организации вступила в нее не добровольно, а принудительно. Вопрос о вербовке в эти организации не подлежит рассмотрению на данном процессе, но он уместен на судебных процессах над отдельными лицами, которые будут обвиняться в том, что они состояли членами организаций, объявленных преступными.

Мы также считаем, что к данному процессу не имеет отношения тот факт, что один или больше членов названных организаций не знали о преступных целях или преступных методах деятельности этих организаций, если эти цели и методы были открыты и широко известны.

Организация может иметь преступные цели и совершать преступные действия, хотя один или многие члены лично не знали об этом. Если кто-нибудь стал членом, как он думал, общественного клуба, а в действительности — банды головорезов и убийц, то его недостаточная осведомленность об этом не может служить оправданием для банды, которая рассматривается как преступная группа, хотя может послужить фактором, смягчающим участь обвиняемого в простом членстве в организации. Но и в этом случае критерием было бы не то, что этот человек знал, а то, что он должен был знать как здравомыслящий человек.

Для данного процесса не имеет значения, что один или больше членов названных организаций лично не были причастны к беззаконным действиям. Это положение является основополагающим для теоретического обоснования признания организаций преступными.

Цель признания подобных организаций преступными заключается в том, чтобы иметь основания для наказания ви-

новных за содействие в преступлениях, совершенных этими организациями, хотя преступники не всегда могут быть найдены или опознаны.

Мы знаем, что гестапо и СС как организации отвечали в основном за истребление еврейского народа в Европе, но мы никогда не можем установить, за исключением некоторых отдельных эпизодов, кто именно из членов гестапо и СС фактически совершал эти убийства. Большинство из них совершили преступления и прошли дальше, скрываясь за анонимностью военной формы. Свидетели знают, что это был член СС или гестапо, но установить его личность не могут. Что же касается любого члена этих организаций, в отношении которого будет доказано, что он виновен и в непосредственном совершении таких преступлений, то если он будет найден и личность его будет установлена, он может быть судим по обвинению в совершении этого преступления в дополнение к предъявленному ему общему обвинению в том, что он состоял членом преступной организации.

Поэтому совершенно несущественно, что один или больше членов организации сами были невиновны в совершении отдельных преступлений. Целью данного процесса не является выявление случаев совершения преступлений отдельными лицами и поэтому рассмотрение таких вопросов совершенно не относится к данному процессу.

Другой вопрос, который был поставлен Трибуналом, заключался в следующем: начиная с какого времени обвинение требует рассматривать группы или организации, указанные в Обвинительном заключении, преступными. Обвинение полагает, что каждая организация должна быть признана преступной за период времени, охватываемый Обвинительным заключением. Обвинение не утверждает, что Трибунал не полномочен сформулировать свое решение таким образом, чтобы оно охватывало меньший период времени, чем тот, который установлен в Обвинительном заключении. Обвинительное заключение определяет это по отношению к каждой организации. Однако обвинение полагает, что в настоящее время Суду представлено уже достаточное количество доказательств для того, чтобы поддержать предъявленное обвинение в преступном характере каждой из названных организаций в течение всего периода времени, указанного в Обвинительном заключении.

Следующий вопрос, который был поставлен Трибуналом: должны ли быть какие-либо категории лиц, входящих в обвиняемые группы или организации, исключены из числа тех, которые признаются преступными. Конечно, необходимо, чтобы Трибунал определил состав каждой группы или организации, признаваемой преступной. Однако от Трибунала не ждут и не требуют, чтобы он связывал себя необходимостью установить формальные признаки организации.

При составлении Устава намеренно избегали употребления терминов и понятий, которые могли бы запутать Суд

в технических деталях правовой процедуры, касающихся определения понятия «юридических лиц» или «организаций в целом». Различные правовые системы не одинаково определяют эти понятия. Поэтому по духу своему Устав Трибунала не формален. Словам «группа» или «организация» не нужно придавать двойственного значения.

В Уставе слово «группа» употреблено как более широкий термин, имеющий в виду менее жесткую, менее формальную структуру или взаимную связь, чем термин «организация». В контексте Устава эти термины означают то же самое, что и в обычной речи. Определение группы и организации должно быть естественным и основываться на здравом смысле.

Однако важно иметь в виду, что, в то время как в полномочия Трибунала, несомненно, входит определение групп, которые он признает преступными, уточнение состава и количества членов в группах и организациях не является задачей данного судебного процесса.

Нет никакой фактической необходимости и практического смысла в том, чтобы Трибунал определил группу или организацию столь подробно, чтобы при этом были точно установлены состав и количество членов. Этого и не требует Устав.

Ссылка в Уставе на создание механизма для последующего судебного разбирательства таких вопросов означает, что данный Трибунал не разрешит эти вопросы и что его решение будет, по-видимому, столь общим, что даст возможность для отдельных лиц доказывать, что они не подходят под это решение.

Любые попытки Трибунала рассматривать вопросы, касающиеся оправдания отдельных лиц — нескольких или многих, — неоправданно затянули бы этот процесс, вывели бы его за рамки Устава и, по всей вероятности, нанесли бы вред при попытке установить точные пределы для доказательств, не служащих данной цели.

Обвинение придерживается формулировок Обвинительного заключения и утверждает, что каждая группа или организация должна быть объявлена преступной как единое целое и что не следует производить никакого следствия и рассматривать какие-либо доказательства в целях оправдания какого-либо круга лиц, подходящих под данную категорию. Этого требуют практические соображения сохранения времени и интересы подсудимых. Нельзя предположить, что одно начатое в каком-либо городе судебное разбирательство для рассмотрения вопросов, связанных с исключением из преступной группы подсудимых, проживающих по всей территории Германии, не может быть справедливым в отношении каждого члена организации или группы, если не предположить, что это судебное разбирательство будет длиться вечно. Предусмотренные Уставом последующие местные процессы над отдельными членами организаций смогут обес-

печить соблюдение прав этих членов лучше, чем это может быть сделано на заседании настоящего Трибунала.

В отношении гестапо обвинение США считает, и, как мне представляется, с этим соглашаются все мои коллеги, что из состава организации нужно исключить всех лиц, занимавшихся чисто канцелярской и технической работой: секретарей, стенографисток, швейцаров и других, выполнявших аналогичные вспомогательные работы.

Что касается нацистского руководящего состава, то мы придерживаемся точки зрения, занятой нами в период представления доказательств, а именно что в число членов данной преступной группы должны быть включены следующие: фюрер, рейхслейтеры, руководители главных отделов и другие лица, занимавшие руководящие посты, гаулейтеры и их штабные офицеры, крейслейтеры и их штабные офицеры, ортсгруппенлейтеры, целленлейтеры, блоклейтеры, за исключением личного состава аппарата последних трех категорий.

Что касается СА, то мы полагаем, что из состава этой организации следует исключить:

1) носителей спортивного значка «СА»,

2) подразделения внутренней охраны, находившиеся под контролем СА, которые исходя из доказательств, строго говоря, не являлись частью СА,

3) национал-социалистскую лигу инвалидов-ветеранов, а также

4) резерв СА.

Следует сохранить в составе данной преступной группы лишь активную часть этой организации.

Обвинение считает, что никакие другие, кроме перечисленных групп, не могут быть исключены из состава преступных организаций. В этой связи я снова остановлюсь на принципах рассмотрения заговора. Тот факт, что какая-либо отдельная группа обвиняемой организации сама не совершала преступного акта или выполняла лишь технические или административные функции, не снимает с нее уголовной ответственности, если деятельность этой группы содействовала осуществлению преступных замыслов организации.

Я хочу теперь высказать свои соображения по поводу дальнейшей процедуры работы Трибунала.

Свыше 45 тысяч лиц обратились в Трибунал с просьбой быть заслушанными в связи с обвинением против организаций. Обилие этих ходатайств вызвало беспокойство относительно дальнейшего хода процесса. Без сомнения, все еще имеются трудности, которые нужно преодолеть, но, изучив этот вопрос, я считаю, что трудности сильно преувеличены.

Трибунал облечен широкими полномочиями решать вопрос об удовлетворении или отклонении того или иного ходатайства. Обвинение будет стремиться к тому, чтобы было удовлетворено каждое ходатайство, когда это будет необходимо, не только в интересах правосудия, но и для того, чтобы избежать всякой видимости нарушения принципов

правосудия. Мы не считаем, что ускорить ход этого процесса столь же важно, сколько важно собрать все действительно имеющие существенное значение для дела факты. Анализ условий, вызвавших этот поток ходатайств, показывает, что значение их отнюдь не пропорционально их количеству.

В течение первых дней работы Трибунал разослал 200 тысяч экземпляров объявления о праве членов обвиняемых организаций предстать перед Судом и защищаться. Объявления были посланы во все созданные союзниками лагеря для военнопленных и интернированных; это объявление было опубликовано во всех газетах, издающихся на немецком языке, и неоднократно оглашалось по радио. Расследование, проведенное обвинителями, показывает, что объявления были расклеены во всех лагерях; во многих лагерях они были зачитаны заключенным вслух. Письма 45 тысяч человек, отозвавшихся на это объявление, с ходатайством о том, чтобы быть заслушанными, пришли преимущественно из 15 лагерей для военнопленных и интернированных, находящихся под контролем Британии или США. Из Дахау поступило примерно 12 тысяч ходатайств, из Лангвассера 10 тысяч, 7500 из Ауэрбаха, 4 тысячи из Штаумюле, 2500 из Гармиша и по несколько сотен от каждого из других лагерей. Установлены причины, вызвавшие эти ходатайства, определен порядок рассылки объявлений, и было бы очень приятно представить Суду все имеющиеся у нас сведения.

Было произведено специальное расследование в лагере Ауэрбах в зоне Соединенных Штатов для того, чтобы установить причины появления этих ходатайств и способ, которым они приходили.

Ауэрбахский лагерь предназначен для военнопленных, преимущественно членов СС. Примерно 16 964 рядовых и 923 офицера находятся в этом лагере. В каждом бараке были расклеены объявления Трибунала, текст объявления зачитывался всем заключенным. Все ходатайства заключенных, не подвергаясь цензуре, передавались Суду. Было послано примерно 7500 ходатайств от членов СС о разрешении защищаться. Проведенным расследованием установлено, что ходатайства направлялись в порядке прямого ответа на объявления, причем никакой иной источник ни внутри лагеря, ни вне его не направлял и не побуждал эти ответные действия. Все опрошенные утверждают, что они не знали ни о каких преступлениях или преступных целях организации СС, что они заинтересованы только в своей личной судьбе и нисколько не заинтересованы в защите организации. Лица, проводившие расследование, сообщили, что эти люди не представляют никаких дополнительных доказательств или данных относительно общих вопросов преступности СС как организации. Они просто считают, что для своей защиты им необходимо подать эти ходатайства. Изучение поданных в Трибунал ходатайств показывает, что большинство членов не заявляют о том, что они располагают доказательствами по общим вопросам, рассматриваемым в этом Суде. Заявители утверждают,

что не совершали преступных деяний, в которых обвиняется организация, что не были очевидцами преступлений и ничего о них не знали. Само по себе такое ходатайство, когда будут точно определены вопросы, которые должны рассматриваться Трибуналом, явится недостаточным основанием для личного выступления заявителя на Суде.

Внимательное изучение объявления Трибунала, ответом на которое являются поступившие ходатайства, как мне кажется, показывает, что в объявлении не содержится ни одного слова, предупреждающего члена организации, особенно неюриста, о том, что здесь будут рассматриваться узкие вопросы, или о том, что позднее, если он подвергнется судебному преследованию, он будет иметь возможность осуществить свою личную защиту. С другой стороны, мне кажется, что объявление создает ясное впечатление, особенно для неюриста, о том, что каждый член организации может быть обвинен и наказан настоящим Трибуналом и что для него единственной возможностью быть выслушанным является возможность предстать перед настоящим Судом. Я считаю, что тщательное рассмотрение этого объявления подтвердит это впечатление, а внимательное рассмотрение ходатайств покажет, что они являются результатами такого объявления Трибунала. Среди юристов обычно существует разница во мнениях о том, как в дальнейшем разбирать дело. Данный процесс не составляет исключения в этом отношении. Я попытаюсь высказать некоторые соображения о том, как нам следует в дальнейшем разбираться в вопросе для того, чтобы прийти к справедливому и правильному решению. Мы предлагаем Суду следующий порядок рассмотрения вопросов, касающихся организаций: во-первых, Трибуналу следует решить по каждой организации об объеме и пределах вопросов, подлежащих рассмотрению, и сформулировать это в судебном приказе; во-вторых, необходимо послать всем заинтересованным членам организации объявление, в котором будет содержаться адекватная информация о пределах, в которых будут обсуждаться вопросы, и о возможности быть впоследствии подвергнутыми лично судебному преследованию так же, как это было сделано в первоначальном объявлении; в-третьих, на основании пункта «е» статьи 17 Устава следует утвердить список специальных уполномоченных Трибунала для того, чтобы эти уполномоченные изучили поступившие ходатайства и доложили о тех, которые по их содержанию недостаточны. Эти уполномоченные должны быть направлены в лагеря, чтобы наблюдать за собиранием всех относящихся к делу доказательств. Соображения представителей обвинения и защиты должны быть внимательно рассмотрены и выслушаны этими уполномоченными. Уполномоченные Трибунала должны оформить все доказательства таким образом, чтобы они представляли собой показания, данные под присягой, и сообщить их целиком Суду с тем, чтобы они были приобщены к протоколам судебных заседаний.

Для упрощения этой задачи может быть использован принцип представительства. Членам конкретных организаций в конкретных лагерях должна быть дана возможность избрать одного или более представителей для предъявления доказательств от имени группы членов.

Сейчас, возможно, будет своевременным напомнить Трибуналу и защите о том, что обвинение исключило из числа доказательств много относящихся к делу документов, которые свидетельствуют о совершении этими организациями одних и тех же преступлений, для того чтобы сэкономить время и избежать представления аналогичных по содержанию доказательств.

Хотелось бы надеяться, что кумулятивные доказательства, представляемые в порядке опровержения, также будут ограничены.

Было высказано опасение, что очень большое число людей может быть затронуто требуемым нами решением об объявлении организаций преступными. Некоторые весьма обеспокоены тем, что предстоит наказать 1 миллион убийц, но их не волнуют 5 миллионов совершенных убийств. При всех обстоятельствах количество наказаний никогда не сможет угнаться за количеством преступлений.

Невозможно, однако, установить даже с приблизительной точностью число лиц, которые могут быть затронуты предлагаемым нами объявлением о преступности организаций. Цифры из германских источников серьезно преувеличены, поскольку они не принимают в расчет тяжелые потери последнего периода войны, а также весьма распространенное одновременное членство в нескольких организациях. Например, доказательства показывают, что 75 процентов членов гестапо были также и членами СС.

Мы знаем, что вооруженные силы США по грубому подсчету содержат в лагерях для военнопленных примерно 130 тысяч лиц, которые предположительно являются членами преступных организаций.

Я не располагаю цифровыми данными других союзных наций, но никто не может предсказать, сколько членов организаций действительно подвергнется судебному преследованию, а не перевоспитанию в соответствии с программой денацификации.

Каково бы ни было это число, мы можем быть уверены в одном — оно настолько велико, что подобное расследование каждого дела этим Трибуналом затянуло бы его работу до бесконечности.

Решение всех вопросов относительно того, следует ли исключить отдельных лиц или подгруппы из числа обвиняемых организаций, должно быть предоставлено местным судам, расположенным вблизи местожительства обвиняемого и вблизи источников доказательств. Эти суды могут действовать на одном или, в крайнем случае, на двух языках вместо четырех и могут заслушивать доказательства обеих

сторон, непосредственно относящиеся к конкретным вопросам.

Сейчас не время рассматривать доказательства в отношении отдельных организаций. Мы считаем, что это должно быть сделано при подведении итогов после представления всех доказательств. Но сейчас своевременно сказать, что выбор шести организаций, названных в Обвинительном заключении, не был случайным.

Они были выбраны главным образом потому, что им всем вместе взятым была доверена вся власть при нацистском режиме. Они были не только самыми полновластными, но и самыми зловещими организациями режима. Они были организациями, членство в которых было обычно добровольным.

Руководящий состав нацистской партии включал руководителей и главных деятелей нацистской партии, а нацистская партия была силой, стоящей над государством и господствовавшей над ним.

Имперское правительство было лишь внешней формой, пользуясь которой нацистская партия претворяла свою волю в законодательные, административные и исполнительные акты.

Двумя столпами, на которых покоилось обеспечение безопасности режима, были вооруженные силы, руководимые и контролируемые генеральным штабом и верховным командованием, и полицейские организации — гестапо, СА, СД, СС. Эти организации были выбраны потому, что они воплощают в себе все зловещие силы нацистского режима.

Эти организации не были такими большими по количеству членов или настолько широко разветвленными, чтобы считать возможным, что невинные, пассивные или нейтральные немцы были пойманы в ту же сеть, что и действительно виновные. В составе преступных организаций названо государственное чиновничество, но не все административные чиновники. Назван лишь имперский кабинет — нацистская сердцевина правительства.

Обвиняются также вооруженные силы, но не рядовые солдаты и офицеры, в каком бы высоком ранге они ни находились. Обвиняются только генеральный штаб и верховное командование, то есть высокопоставленные лица, которые делали политику.

Обвиняются полицейские силы, но не каждый полицейский и обычная полиция, которая выполняла лишь нормальные полицейские функции. Указаны только те элементы полиции — гестапо и СД, которые осуществляли террористические и репрессивные акты.

Обвиняется нацистская партия, но не каждый человек, голосовавший за нацистов, даже не каждый член ее — только руководители, политические руководители. И даже не каждый чиновник партии или ее работник включены в состав обвиняемых организаций, а только «носители власти», употребляя жаргон нацистской партии, которые являлись

настоящими командующими, и члены их «штабов», занимавшие самые высокие положения.

Как я полагаю, важно, чтобы мы, говоря о нацистской партии, зафиксировали, что именно мы делаем здесь на Суде, и сопоставили это с осуществляемой программой денацификации без каких-либо объявлений о преступности, с тем, чтобы увидеть в истинной перспективе те обвинения, которые мы выдвигаем против нацистской партии.

Мы подготовили несколько схем. Это просто графическое изображение соотношения лиц, которых мы обвиняем и которых мы просим этот Трибунал объявить составной частью преступных организаций.

В первой колонке — 79 миллионов германских граждан.

Мы не обвиняем граждан Германии.

Следующая колонка — 48 миллионов избирателей, которые однажды привели нацистскую партию к власти. Они голосовали путем референдума. Мы не обвиняем тех, кто поддерживал нацистскую партию, хотя в некоторой степени согласно программе денацификации они также подходят под соответствующие категории.

Затем показаны 5 миллионов членов нацистской партии, которые вступили в ее ряды, приняв присягу в верности фюреру.

Но мы не пытаемся охватить все эти 5 миллионов, хотя я, не колеблясь, могу заявить, что для этого имеется полное основание. Практические возможности этой ситуации таковы, что невозможно охватить все 5 миллионов тех, которые технически и даже морально были охвачены этим заговором. Таким образом, 48 миллионов избирателей отпадают. Также отпадают 5 миллионов членов партии.

Я предлагаю рассматривать дела только нацистских руководителей, начиная с блоклейтеров. Они показаны в последней маленькой колонке, и общее число их показано в четвертой колонке схемы. Совершенно справедливо, что мы начнем с местного руководителя — блоклейтера, поскольку он отвечал за руководство своими 50 хозяйствами и домами, отвечал за то, чтобы шпионить за ними и сообщать об их деятельности. Как показывают доказательства, он отвечал за руководство ими и обработку их в духе нацистского движения с тем, чтобы оно могло развиваться. Никакое политическое движение не может развиваться в гостиных и служебных кабинетах. Оно должно проникать в массы людей, и эти блоклейтеры были основным орудием, с помощью которого нацистские руководители доводили свою программу до масс и запугивали их, чтобы подчинить себе.

Я считаю, что согласно этой схеме то обвинение, которое мы предъявляем, является еще умеренным. Мы возлагаем ответственность лишь на людей, которые были признанными руководителями, а не на тех, кого, возможно, обманом заставили следовать за ними.

Мы также обвиняем партийные организации СА и СС, являвшиеся сильнейшим орудием партии. Блоклейтеры

могли привлекать эти организации, если в этом была необходимость, в помощь себе, если ему нужно было принять дисциплинарные меры в его блоке из 50 домов.

Мы не обвиняем все организации партии, мы не обвиняем также двадцать или более находившихся под контролем партии или связанных с нею групп, а именно те нацистские организации, членство в которых было обязательным или практически являлось обязательным, например организации Гитлерюгенд, «Студенческий союз». Мы не обвиняем профессиональные организации, хотя ими руководили нацисты, например, такие как национал-социалистские организации служащих, учителей, юристов, хотя я не хочу проявлять к ним никакого милосердия, как и к любой другой подобной группе. Мы не обвиняем нацистские организации, имевшие в целом законные цели, например организации, работавшие по улучшению бытовых условий.

В Обвинительном заключении указаны только две массовые организации — СА и СС, старейшие национал-социалистские организации, у которых не было другой цели, кроме проведения в жизнь нацистских планов, которые активно принимали участие в каждом преступлении, упомянутом в Уставе, и фактически предоставляли исполнителей для большинства преступлений, совершение которых мы доказали.

При осуществлении превентивного правосудия в целях предупреждения возможности повторения этих преступлений против мира, преступлений против человечности и военных преступлений оправдать эти организации было бы гораздо большей катастрофой, нежели оправдать всех 22 подсудимых, сидящих сейчас на этой скамье. Эти подсудимые теперь уже бессильны причинить зло, они дискредитированы, тогда как эти организации еще могут продолжить свое злодейское дело. Если эти организации будут здесь реабилитированы, германский народ сделает вывод, что они действовали правильно, и его легко будет снова муштровать во вновь созданных организациях под новым названием, но с той же программой.

При осуществлении правосудия можно было бы реабилитировать эти организации только при условии, если будет сделан вывод, что никаких преступлений не было совершено нацистским режимом. Невозможно отрицать, что они покровительствовали каждому преступному плану нацистов и являлись соучастниками в проведении самых омерзительных мер с тем, чтобы осуществить эти планы. Если эти организации не будут осуждены согласно положениям Устава, то это будет означать, что нацистские цели и средства их достижения не могут рассматриваться как преступные и что Устав Трибунала, объявляющий их таковыми, — пустая бумажка.

Я полагаю, что мои коллеги, придерживающиеся по некоторым вопросам иных взглядов, хотели бы быть выслушанными в этом Суде по поводу порядка признания организаций преступными.

Председатель: *Господин Джексон, сэр Дэвид Максуэлл-Файф, Трибунал думает, что будет более удобно заслушать доводы всех Главных обвинителей, а затем выслушать доводы тех защитников, которые захотят выступить, после чего Трибунал, быть может, захочет задать некоторые вопросы Главным обвинителям.*

Джексон: *Да, это будет удобнее и для нас.*

Максуэлл-Файф: *Господа судьи, господин Джексон остановился на общих принципах, согласно которым названные в Уставе организации с точки зрения обвинения должны быть объявлены преступными. Я не ставлю перед собой задачи повторять или усиливать его аргументацию. Я попытаюсь рассмотреть здесь параграф 4 определения Трибунала от 14 января 1946 г. Оно включало:*

а) суммирование в отношении каждой названной организации тех элементов, которые, по нашему мнению, обосновывают обвинение в преступности организации. Для удобства я буду в дальнейшем называть это «элементами преступности»;

b) указание на то, какие преступные акты, совершенные отдельными подсудимыми, согласно статье 9 Устава дают основание для объявления преступной группы или организации, членами которой были эти подсудимые.

Снова для удобства я буду называть их согласно определению Устава «подсудимыми, связанными с организациями».

То, что я изложил письменно в пунктах «а» и «b», является кратким резюме того решения, которое мы предлагаем по параграфу 4 определения Трибунала по фактам дела. Разрешите мне коротко остановиться на технической стороне вопроса.

Я думаю, что будет удобнее, если Трибунал и защита будут располагать копиями этих предложений до того, как я обращусь с ними к Трибуналу. Эти копии были переданы членам Трибунала и, конечно, переводчикам, а копии на немецком языке были переданы защитникам организаций и защитникам каждого подсудимого.

Для удобства судей и защитников я передал два добавления, содержащие ссылки на стенограммы и документы по ряду вопросов, затронутых в первоначальных предложениях. Эти добавления построены по тому же принципу, что и основные предложения, и, хотя они написаны на английском языке, могут быть непосредственно сейчас использованы защитой. В приложениях «А» и «В» имеется представленное мною резюме со ссылками на стенограммы, а в некоторых случаях и на документы.

Я не собираюсь зачитывать полностью все материалы, содержащиеся в приложениях, и только сошлюсь на них в той степени, в какой они относятся к точке зрения обвинения на этот аспект дела. Но, конечно, я буду готов зачитать любую часть, которую Трибунал найдет необходимым огласить здесь. Я думаю, что лучше всего будет начать с основных аргументов, которые господин Джексон привел здесь и

которые, быть может, Трибунал захочет выслушать еще раз, когда я буду разбирать их.

1. Организация или группа, о которой идет речь, должна включать лиц, которые:

a) находятся в какой-то определенно установленной связи;

b) имеют общую цель (это был первый критерий господина Джексона).

2. Членство в такой организации должно быть в общем добровольным, хотя небольшое число членов, вступивших в нее по принуждению, не изменит положения.

3. Цели организации должны быть преступными в том смысле, что они включают совершение актов, которые статьей 6 Устава определены как преступления.

4. Преступные цели или методы действий организации должны носить такой характер, чтобы здравомыслящий человек мог сразу правильно разобраться в них и создать представление об организации, в которую он вступает.

5. Некоторые отдельные подсудимые, хотя бы один из них, должны быть членами той или иной организации и должны быть признаны виновными в совершении актов, на основании которых организация может быть признана преступной.

Я не думаю, что могу избежать применения этих критериев к каждой из организаций, но надеюсь, что сумею сделать это очень кратко, поэтому я намереваюсь по очереди рассматривать каждую организацию.

Рейхсрегирунг. Согласно приложению «В» Обвинительного заключения эта группа определяется как состоящая из трех подгрупп:

1. Члены обычного кабинета после 30 января 1933 г. Термин «обычный кабинет» употреблялся для того, чтобы охватить:

a) имперских министров, возглавлявших министерства;

b) имперских министров без портфеля;

c) министров земель, которые фактически являлись имперскими министрами;

d) других чиновников, которые имели полномочия принимать участие в заседаниях кабинета.

2. Члены совета министров по обороне империи.

3. Члены тайного кабинета. Утверждается, что согласно доказательствам, представленным Трибуналу, нет никакого сомнения в том, что первый из доводов господина Джексона полностью соответствует этому, то есть что существует совершенно определенная связь при наличии общей цели и что эта организация является в общем добровольной в том смысле, как это устанавливает пункт второй.

Цели организации изложены в параграфе 4 раздела «А» моего приложения «А» и общая точка зрения обвинения сформулирована в параграфе 2, который очень краток. Быть может, мне будет разрешено зачитать его.

«Благодаря возможности издавать законодательные акты, члены рейхсрегирунга фактически придавали законодательные формы политике нацистских заговорщиков и совместно образовывали сообщество лиц, которые осуществляли административные и исполнительные решения нацистских заговорщиков».

Обвинение относит это общее утверждение к преступлениям, сформулированным в статье 6 Устава, — параграфы 5, 6, 7 и 8 моего приложения. Если Трибунал желает, я могу подробнее остановиться на этих параграфах и прокомментировать их.

Если иметь в виду, что рейхсрегирунг имел власть принимать решения, формулирующие политику, и располагал законодательной, административной и исполнительной властью и что многие его члены одновременно занимали важные посты в партии и в государственном аппарате, вне кабинета, будет понятно, что у этой группы была сконцентрирована очень большая политическая власть.

Рейхсрегирунг придавал законные формы программе заговорщиков и проводил ее в жизнь. Если Трибунал обратится к моему приложению «В», он заметит, что 17 из 21 подсудимых, представших перед этим Судом, являлись членами рейхсрегирунга.

Обвинение представило громадное количество доказательств в отношении этих 17 подсудимых, оно считает, что достаточно сказать, что все они должны быть признаны виновными в соответствии со всеми разделами Обвинительного заключения и, следовательно, по всем пунктам статьи 6 Устава и что они являются подсудимыми, связанными с группой рейхсрегирунга, как об этом говорил господин Джексон.

Эти акты, которые я упомянул и которые изложены в параграфе 4 и в других параграфах моего приложения «А», носят такой характер, что никто из занимавших министерский пост не мог не знать о природе этих актов и целях, для осуществления которых они совершались[1].

Теперь я перехожу к руководящему составу нацистской партии. Господин Джексон подчеркнул, что заговорщики нуждались в инструментах для создания поддержки. Гитлер бахвалился тем, что нацистская партия полностью господствует над империей и над ее институтами и организациями как внутренними, так и внешними. Поскольку нацистская партия была основана на принципах фюрерства, вся ее политика и действия определялись не всеми ее членами в целом, а группой носителей власти и их помощниками. Эти руководители были политическими работниками, обязанными поддерживать и проводить в жизнь доктрины партии. На

---

[1] В отличие от приложений к Обвинительному заключению имеются в виду приложения к тексту речи обвинителя, которые не оглашались на Суде и поэтому не публикуются. — **Прим. сост.**

каждом уровне иерархии регулярно проводились совещания для того, чтобы обсуждать вопросы политики и разрабатывать мероприятия.

Главари скрепляли, объединяли партию, но они также крепко держали все население в лапах заговорщиков путем контроля над всей иерархией руководителей. Обвинение считает, что все эти руководители входят в организацию, которую оно считает преступной, и, как сказал господин Джексон, личный состав аппарата рейхслейтунга, или гаулейтунга, или крейслейтунга, перечисленный в национал-социалистском ежегоднике, находится именно в таком положении. Трибунал заметит, что мы опустили личный состав аппарата более низко стоящих групп руководителей, как об этом указывал г-н судья Джексон. Здесь обвинение вновь обращает внимание на то, что соблюдены пункты 1 и 2 критериев г-на Джексона, и указывает на элементы преступности, раскрытые в моем приложении «А».

В моем приложении «В» говорится, что само положение этих подсудимых, как членов руководящего состава правительства и нацистской партии, а также сам факт связи, которая существовала между правительством империи и партией, должны ясно показать Трибуналу, что руководящий состав нацистской партии является преступной организацией, связанной со всеми преступлениями, вменяемыми в вину всем подсудимым в Обвинительном заключении, включая подсудимых, входивших в руководящий состав; при представлении дел индивидуальных подсудимых Трибуналу были подробно изложены соответствующие доказательства.

Нацистская партия являлась сердцевиной заговора и инкриминируемых преступлений, а подсудимые были руководителями нацистской партии. Снова обвинение заявляет, что никто из живших в Германии и принимавших участие в мероприятиях, которые в данном случае являются мероприятиями нацистской партии, не мог не создать себе представления о намерениях ее руководителей и о методах, которыми проводились эти намерения. «Внутренний круг» находился в ином положении по сравнению с даже наилучшим образом информированным мнением вне пределов Германии.

Я перехожу теперь к СС, включая СД. Обвинение имеет честь напомнить Трибуналу о материалах в отношении структуры СС и ее истории, которая кратко была изложена в приложении «В» Обвинительного заключения. Обвинение продолжает придерживаться своих заявлений, которые оно считает совершенно ясными. Я не собираюсь сейчас их зачитывать.

Трибунал рассмотрел доказательства в отношении СС, концентрационных лагерей, а также доказательства по обвинению подсудимого Кальтенбруннера, ссылки на которые имеются в представленном мною приложении. Трибунал помнит также обвинительные материалы, представленные французской и советской делегациями, целые горы доказательств преступности СС. Обвинение утверждает, что с пер-

выми тремя пунктами г-на Джексона не возникнет никаких трудностей, и преступность СС была уже доказана не один раз. По четвертому пункту (абзац 4 раздел «С» моего приложения «А») я хочу представить формулировку, которая гласит, что преступления СС совершались, во-первых, в необычайно широком масштабе и, во-вторых, на таких больших пространствах, что преступные цели и методы СС, которые буквально потрясли человечество, когда начался этот процесс, должны были быть известны каждому члену этой организации. Трудно было проехать из одного города Германии в другой без того, чтобы не заметить концентрационного лагеря, а каждый концентрационный лагерь являлся сгустком преступлений СС. В первой части моего приложения «В» Трибунал найдет список подсудимых, состоявших в СС, а во второй части — резюме, суммирующее преступления подсудимого Кальтенбруннера. Обвинение особенно выделяет его преступную деятельность, хотя оно ссылается и на других подсудимых, которые тоже были членами этой организации.

Я перехожу к рассмотрению вопроса о гестапо. Трибунал найдет схему построения и историю гестапо в приложении «В» Обвинительного заключения. Обвинение в преступных действиях изложено в параграфах 1, 2 и 3 раздела «D» представленного мною приложения.

Статьи 7 и 8 Устава, как полагает обвинение, лишают защиту возможности ссылаться на то, что гестапо являлось государственным учреждением. Поэтому, как я сказал, эта организация полностью подходит под указанные господином Джексоном признаки преступной организации.

Если Трибунал сделает мне честь обратиться к моему приложению «В», он увидит, что подсудимые Геринг, Фрик и Кальтенбруннер обвиняются в том, что они были членами гестапо. Далее в приложении говорится, что инкриминируемые им преступления были совершены ими как ответственными руководителями этой организации.

Мы переходим теперь к СА. Я снова ссылаюсь на параграфы 1 и 2 раздела «Е» моего приложения «А» и прошу Трибунал заметить, что, кроме точного установления фаз и периодов деятельности СА, каждый из элементов преступности находит подтверждение в стенограмме, излагающей представление обвинением доказательств по делу этой преступной организации.

Я напомню Трибуналу заявление господина Джексона, которое показывает, что обвинение опустило членов всех примыкающих к СА организаций, даже тех, кто входил в резерв, и всех тех, в отношении которых могут возникнуть какие-нибудь, даже недостаточно состоятельные, споры относительно степени их связи с организацией. Может быть, уместно напомнить Трибуналу об этих группах.

Во-первых, это лица, носившие спортивный значок СА. Они не были членами СА в полном смысле этого слова. Во-вторых, это отряды СА, которые являлись частями охраны

порядка, или внутренней охраны, и находились под контролем СА, но не были членами СА. В-третьих, национал-социалистская лига инвалидов-ветеранов, которая была связана с СА, но исходя из данных о ее составе мы не просим о включении этой группы в состав СА. И, в-четвертых, это члены СА, которые входили только в резерв.

В моем приложении «В» Трибунал найдет имена 8 подсудимых, которые были связаны с СА. Обвинение утверждает, что связь СА с заговором была столь тесной, что все действия подсудимых, и, в частности, действия подсудимого Геринга, являются достаточными для того, чтобы обосновать решение Трибунала, о котором просит обвинение.

Теперь перехожу к шестой и последней группе или организации — генеральный штаб и высшее командование германских вооруженных сил.

Я хотел бы попросить разрешение вкратце напомнить состав этой организации. Если судьи соблаговолят взглянуть на приложение «В» Обвинительного заключения, то под этим заголовком на странице 37 английского текста они найдут, что первые девять перечисленных должностей являются особыми командными должностями или постами начальников штабов. 22 человека занимали эти должности в период между февралем 1938 года и маем 1945 года. Из них 18 человек живы. Десятую по порядку должность, а именно обербефельсхабера, занимали 110 офицеров.

Вся группа колебалась по численности от 20 человек в начале войны примерно до 50 — в 1944 или 1945 году. Я напоминаю Трибуналу, что объединение всех этих официальных должностей не является искусственным в действительности, потому что на странице 2115 и на следующих страницах текста выступления генерала Тэйлора — я сейчас особенно ссылаюсь на страницы 2125 и 2126[1] — можно усмотреть, как лица, занимавшие вышеперечисленные должности, встречались фактически и во плоти. По нашему утверждению, это целиком соответствует определению понятия «группа», как это дается в Уставе, которое, как указал господин Джексон, имеет более широкое значение, чем понятие «организация». Мы утверждаем, что никто не может заставить людей занимать высокие командные посты против их воли. При подобном условии они не могли бы проводить такую работу. В разделе «F» моего приложения «А», а также в соответствующем дополнении к этому приложению можно найти ссылки не только на стенограмму, но и на захваченные документы, которые доказывают преступный характер организации в соответствии с каждым пунктом статьи 6 Устава. Эти документы доказывают также их действительную осведомленность о целях, преследовавшихся указанной

[1] Обвинитель ссылается на страницы английской стенограммы процесса. — **Прим. сост.**

группой, и априори о преступных методах осуществления этих целей.

В моем приложении «В» перечислены пять подсудимых, и в дальнейшей части этого приложения указаны связи членов этой группы, в особенности подсудимых Кейтеля и Йодля. Мы утверждаем, что эти факты устраняют какую-либо трудность при решении вопроса о преступности этой группы, в соответствии с любым из пяти критериев, которыми, как мы полагаем, следует руководствоваться трибуналу.

Наконец, как я уже говорил, мы утверждаем, что факты, перечисленные в представленных мною в письменном виде приложениях «А» и «В», совершенно ясно обосновывают то решение, о вынесении которого просит обвинение.

Сейчас мой друг Шампетье де Риб обратится к Трибуналу.

Шампетье де Риб: *Господа судьи, я постараюсь ничего не добавлять к таким исчерпывающим объяснениям, которые были даны здесь господином Джексоном и сэром Дэвидом Максуэлл-Файфом. Я хотел бы только вместе с моими коллегами по обвинению привлечь внимание Трибунала к двум положениям французского права, касающимся вопросов, сходных с теми, которыми мы сегодня занимаемся и в связи с которыми французскому законодателю пришлось разрешать проблемы, стоящие сейчас перед Трибуналом, а именно ответить на вопрос об определении понятия «преступная организация».*

Я хочу напомнить о статье 265 Уголовного кодекса Французской республики, которая дает общие признаки преступной организации, указывая, что «является преступлением против общественного порядка создание всякой организации, независимо от ее структуры или количества ее членов, если в ней достигнуто соглашение с целью подготовки или совершения преступлений против отдельных личностей или имущества».

Я хочу указать Трибуналу, что в течение последних лет Франция имела случай применить этот основной принцип к организациям и группировкам, сильно напоминающим те, которые мы сейчас просим Вас признать преступными.

Известно, господа, что нацизм является заразной болезнью, угрожающей перейти за границы тех стран, которые им уже поражены. Так, в период 1934—1936 гг. во Франции были образованы различные группы, которые по примеру их немецких или итальянских собратьев претендовали на то, чтобы противопоставить себя власти законного правительства с целью навязать стране то, что они называли «порядком» и что в действительности являлось беспорядком.

Французская республика в 1936 году сделала то, что должна была сделать Веймарская республика.

Закон от 10 января 1936 г., опубликованный 12 января в «Правительственном вестнике», перевод которого я передал защите и который я представляю Трибуналу, предус-

матривает роспуск этих организаций и устанавливает суровые наказания в отношении их членов.

Прошу разрешения Трибунала огласить две первые статьи этого закона:

«Статья 1. В соответствии с декретом Президента, выработанным совместно с Советом Министров и обнародованным Президентом Республики, будут распущены все существующие де-факто:

1) организации и группы, которые могут спровоцировать вооруженные уличные выступления;

2) организации и группы, не являющиеся военно-учебными организациями, разрешенными правительством, физкультурными и спортивными организациями, но вместе с тем по своей форме и военной структуре представляющие собой боевые единицы или тайную полицию;

3) организации и группы, ставящие целью нарушение территориальной целостности страны или же посягающие на ниспровержение насильственным путем республиканских форм правления.

Статья 2. Караются тюремным заключением от шести месяцев до двух лет и штрафом в размере до пяти тысяч франков все лица, участвующие в сохранении или преобразовании, прямом или косвенном, групп, указанных в статье 1».

Трибунал отметит:

1) что, устанавливая суровые наказания для единомышленников этих организаций за один лишь факт участия в сохранении или в непосредственном или косвенном преобразовании организации, закон от 10 января 1936 г. признал и установил преступный характер организации;

2) что, как и Уголовный кодекс, закон от 10 января 1936 г. не ставит своей целью дать точное определение понятия организации и не занимается вопросом о том, является ли группировка, о которой идет речь, организацией, то есть юридическим лицом, существующим легально. Статья 265 Уголовного кодекса предусматривает осуждение всякого сообщества, которое является юридическим лицом, и всякого соглашения, имеющего целью подготовку или совершение преступлений. В законе от 10 января 1936 г. речь идет о любых организациях и о любых группировках, существующих де-факто.

Таким образом, закон от 10 января, так же как и статья 265 Уголовного кодекса, имея в виду соглашения или группировки, существующие де-факто, не дает юридического определения организаций, которые считаются преступными, а использует обычное фактическое понимание слов «группа» и «организация».

Когда после освобождения страны французское правительство начало преследование и наказание тех лиц, которые, не нарушая существующего уголовного права, виновны в том, что занимались ярко выраженной антинациональной деятельностью, был издан указ от 26 августа 1944 г., опубликованный в «Правительственном вестнике» 28 августа того

же года. В этом указе сначала дается широкое определение понятия этого преступления, а затем состав его уточняется посредством перечисления основных признаков состава преступления. Например, первая статья указа от 26 августа 1944 г. устанавливает, что преступлением, направленным против интересов нации, является факт:

«...4) участия в любой из сотрудничавших с врагом организаций, в частности, с одной из следующих...» Перечисляются организации, признаваемые преступными: отряды легионеров, милиция, группа сотрудничества, африканская фаланга и т.д.

Указ от 26 августа 1944 г. занимается не столько определением состава преступления, сколько перечислением преступных организаций, сам факт принадлежности к которым является преступлением против интересов нации, независимо от того, являются ли эти группы легально существующими ассоциациями или простыми «соглашениями», о которых говорится в ст. 265 Уголовного кодекса, или группировками, существующими де-факто, как это указано в законе от 1936 года.

Указ не определяет, а лишь перечисляет организации, которые он объявляет преступными, что мы и просим сделать в отношении германских организаций, перечисленных в Обвинительном заключении.

Мы не просим Вас осудить людей, не выслушав их, наоборот, они смогут воспользоваться средствами индивидуальной защиты перед компетентными трибуналами. Мы просим Вас лишь объявить преступными, как это позволили сделать французские законы от 1936 и 1944 гг., организации, существующие де-факто, без которых было бы немыслимо одному человеку в такой небольшой срок отбросить одну из великих цивилизованных наций в крайние формы проявления варварства, тем более чудовищного, что при этом были использованы научные достижения.

К стыду нашей эпохи, господа, технические завоевания дали новые средства в распоряжение варварства, и совершенно справедливо, что не может быть истинного технического прогресса, если он не сопровождается моральным прогрессом.

Ваш приговор докажет всеми миру, и это послужит на благо самой Германии, что моральный закон стоит выше человеческих свобод и ему должны подчиняться нации, так же как отдельные личности и группы, а нарушение его является преступлением.

Руденко: *Господа судьи! Позвольте мне прежде всего сказать, что я присоединяюсь к тем общим принципам, которые до меня мои уважаемые коллеги — судья Джексон и сэр Дэвид Максуэлл-Файф — положили в основу для разрешения вопроса о преступных организациях.*

Мне кажется, что для того, чтобы внести в вопрос надлежащую ясность, необходимо четко разграничить две сплетающиеся здесь проблемы: проблему материального

права — какие организации и какие члены или группы таких членов могут быть объявлены преступными — и проблему процессуального права — какие доказательства, документы, свидетели и в каком порядке должны быть еще представлены для признания или отрицания преступного характера организации.

Прежде всего, вопрос материального права. Необходимо подчеркнуть, что вопрос об уголовной ответственности организаций перед Трибуналом не ставился и не ставится. Далее, не ставился и не ставится перед Трибуналом также вопрос об индивидуальной ответственности отдельных членов организаций, исключая, конечно, занимающих скамью подсудимых.

Устав Трибунала предусматривает иное. Статья 9 устанавливает, что при рассмотрении дела о любом отдельном члене той или иной группы или организации Трибунал в связи с любым действием, за которое это лицо будет осуждено, вправе признать, что группа или организация, членом которой подсудимый являлся, была преступной организацией.

Таким образом, речь идет о признании организации преступной.

С той же определенностью Устав указывает правовые последствия признания организации преступной. Если Трибунал признает ту или иную группу или организацию преступной, компетентные национальные власти каждой из Подписавшихся Сторон имеют право привлекать к суду национальных, военных и оккупационных трибуналов за принадлежность к этой группе или организации. В этих случаях преступный характер группы или организации считается доказанным и не может подвергаться оспариванию (ст. 10 Устава).

Следовательно, Устав предусматривает два правовых последствия признания организации преступной:

1) право, но не обязанность привлекать к ответственности за принадлежность к организации, которую Трибунал признал преступной;

2) обязанность считать организацию преступной, если таковой ее признал Международный военный трибунал.

Таким образом, признание Трибуналом организации преступной не влечет автоматического осуждения всех членов данной организации или обязательного привлечения всех без исключения членов подобной организации к суду. Вопросы индивидуальной вины и индивидуальной ответственности отдельных членов преступной организации всецело и исключительно входят в компетенцию национальных судов. Как было указано в статье 10 Устава, Трибунал ограничивает эту компетенцию лишь в одном отношении — национальные суды не могут отвергать или оспаривать преступный характер организации, признанной преступной.

Господин Джексон здесь уже привел ценные сведения о законодательстве разных стран по вопросу об ответствен-

ности преступных организаций. Как англо-американское и французское, так и советское законодательство особо предусматривают ответственность за участие в организации, ставящей своей целью совершение преступных действий. Этому вопросу посвящены две статьи Уголовного кодекса РСФСР — статьи 58[4] и 59[3]. Эти нормы предусматривают ответственность членов преступных организаций не только за участие в совершении конкретных преступлений, но и за самый факт принадлежности к преступной организации, за самый факт, как говорит закон, участия в преступной организации.

Для признания лица участником преступной организации закон не требует формальных признаков. Лицо может быть формально не зачислено в члены организации, но на деле являться таковым членом. Тем более является доказанным членство там, где лицо и формально включено в состав преступной организации.

Однако основания уголовной ответственности не исчерпываются одной формальной принадлежностью к преступной организации. Член организации должен знать, к какой именно организации он примкнул, о тех задачах, которые стоят перед этой организацией. Не имеет значения, знал ли член такой организации все действия или всех лиц, входящих в эту организацию...

Разрешите мне перейти к процессуальным вопросам. Мне кажется, что некоторая сложность, связанная с вопросом о преступных организациях, и та обширная корреспонденция, которая поступает в Трибунал от членов отдельных организаций, в значительной мере вызвана неправильным истолкованием правовых последствий признания организации преступной. Поскольку будет отмечено, что решение вопроса об индивидуальной ответственности членов организации полностью входит в компетенцию национальных судов, общий вопрос о признании организации преступной процессуально решается легче. Согласно Уставу вопросы о признании организации преступной Трибунал решает в связи с обвинением конкретных лиц. Статья 9 указывает: «При рассмотрении дела о любом отдельном члене той или иной группы или организации Трибунал может... признать» и т.д.

Отсюда справедлив вывод, что фактом, обосновывающим постановку и решение вопроса о преступном характере организации, является наличие на скамье подсудимых представителя соответствующей организации.

Как известно, по настоящему делу все организации, которые обвинение предлагает признать преступными, представлены на скамье подсудимых. Следовательно, по делу уже проходит доказательственный материал, вполне пригодный для выводов Трибунала о преступном характере той или иной организации. При этих условиях вызов специальных свидетелей, способных дать показания об организациях, может явиться лишь дополнительным источником доказательства, и при этом источником эвентуальным.

Трибунал, как прямо указано в статье 9 Устава, может удовлетворить или не удовлетворить просьбу члена организации о вызове в суд.

Нельзя, разумеется, отрицать возможности и надобности свидетельских показаний по вопросам преступных организаций. Устав Трибунала с полной определенностью указывает:

«После получения Обвинительного акта Трибунал сделает такое объявление, какое он найдет нужным, о том, что обвинение намеревается ходатайствовать перед Трибуналом о вынесении определения о признании организации преступной. Любой член организации будет вправе обратиться в Трибунал за разрешением быть выслушанным Трибуналом по вопросу о преступном характере организации...».

Однако это положение, введенное в Устав в интересах правосудия, превратилось бы в свою противоположность, если бы Трибунал на условном праве, предусмотренном статьей 9, построил самостоятельную и обширную процедуру допроса на местах или путем вызова свидетелей для допроса их по поводу организаций. По существу доказательства, представленные Трибуналу обвинителями четырех стран, дают исчерпывающие основания для признания указанных в Обвинительном акте организаций преступными.

Вместе с тем кажется целесообразным опубликование Трибуналом статьи 10 Устава для разъяснения, что признание организации преступной не влечет за собой автоматически предания суду всех без исключения членов данной организации, что все вопросы о привлечении к суду и ответственности отдельных членов организации решаются национальными судами.

Вот мои замечания, которые я хотел изложить в дополнение к тому, что сказано моими коллегами.

Возражения защиты по правовым вопросам

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 28 февраля 1946 г.

Председатель: Установили защитники между собой порядок, в каком они хотят быть заслушанными по данному делу?

Кубушок:[1] В качестве защитника имперского правительства, являющегося первой по порядку организацией, которой предъявляется обвинение в преступности, я по предложению Суда решил высказать свои соображения в отношении представления доказательств.

[1] Э. Кубушок — защитник имперского правительства. – **Прим. сост.**

Так как я должен буду коснуться общих положений, в основном совпадающих для всех шести организаций, то все, что я собираюсь сказать, будет выражать мнение и других защитников, которые, однако, оставляют за собой право высказать также свои соображения.

Защита понимает свою задачу таким образом, что на настоящей стадии процесса она не должна подробно высказывать своего мнения относительно обоснованности обвинения, предъявленного шести организациям, а также не должна подробно останавливаться на понятии преступных организаций в духе Устава и прочих предпосылках, которые делают возможным предъявление этим организациям обвинения в преступности.

Я намереваюсь остановиться только на том, какие доказательства будут иметь отношение к делу и каким образом эти доказательства должны представляться. Поэтому я коснусь только основных, принципиальных вопросов и только в такой степени, в какой это необходимо при настоящем положении вещей.

Я буду говорить сейчас о содержании и о тех последствиях признания преступности организации, которого требует обвинение.

Согласно предложению обвинения указанные в Обвинительном заключении шесть организаций должны быть в целом признаны преступными. Такое признание и связанный с ним процессуальный порядок являются в правовом отношении для всех государств абсолютным новшеством. Как мы знаем, это признание не свободно от влияния того факта, что в противовес всем другим государствам в Англии, а еще более в Соединенных Штатах Америки по соображениям целесообразности в определенных случаях привлекаются к уголовной ответственности общества и организации.

Это является совершенно новым этапом в развитии закона и обязано своим существованием тому выдающемуся положению, которого эти общества и корпорации достигли прежде всего в экономической области.

Применение коллективного наказания было признано целесообразным в определенных случаях. Однако наказание в подобных случаях применялось путем наложения денежных штрафов. При этом речь шла об определенных нарушениях и проступках, преимущественно административно-правового характера. Американский обвинитель и другие выступившие обвинители привели целый ряд приговоров, которые они почерпнули, в частности, из германского права, согласно которому можно объявлять организации преступными. В этих приговорах, и это является решающим, всегда упоминались и осуждались в качестве подсудимых только отдельные лица. Никогда это не имело места в отношении организаций как таковых. Никогда эти организации не объявлялись преступными.

Процессуальный порядок, который сейчас установлен для рассмотрения вопроса об организациях, будет очень тяжелым для членов этих организаций. Я еще хочу сказать, что члены этих организаций вследствие признания их преступниками на основании Закона № 10 Союзного Контрольного Совета могут быть тяжко наказаны — некоторым из них грозит смертная казнь. Такой процессуальный порядок в истории права до сих пор никогда не применялся.

Обвиняемые организации являются по своей структуре самыми разнообразными объединениями лиц. Я не считаю нужным сейчас детально останавливаться на том, являются ли эти организации действительно организационно монолитными единицами. Для этого процесса является существенным то обстоятельство, что обвиняемые организации в силу закона военной администрации были распущены, то есть перестали существовать. Существуют только отдельные члены этих бывших организаций, являющиеся поэтому единственными подсудимыми, с которыми имеет дело этот процесс и которые объединены под названиями этих бывших организаций как сводным обозначением. Поскольку этих организаций больше не существует, на этом процессе фактически речь идет об общем суде над всеми отдельными членами организаций. И вот почему.

Во-первых, признание организации преступной означает обвинение в преступности не столько самой организации как таковой, но прежде всего каждого отдельного члена этой организации. Такое признание устанавливает поэтому окончательное осуждение каждого отдельного члена и осуждает его на всеобщую утрату чести — бесчестит. Действие такого обвинения является неизбежным и непоправимым, особенно если это признает такой суд, как Международный военный трибунал, перед лицом мировой общественности. Обвинение каждого члена организации будет существовать независимо от того, будет ли проводиться в соответствии со статьей 10 Устава последующий суд в отношении каждого отдельного члена этих организаций или нет.

Во-вторых, с правовой точки зрения определение, на котором настаивает обвинение, дает возможность применять уголовное наказание в отношении каждого отдельного члена организации. При этом в последующем суде согласно статье 10 Устава преступный характер организации будет считаться окончательно установленным. В развитие этого положения был издан Закон № 10 Союзного Контрольного Совета от 20 декабря 1945 г. Этот Закон устанавливает, что одна лишь принадлежность к организации, которая была признана Международным военным трибуналом преступной, уже является преступлением каждого отдельного члена организации. При этом предусмотрены суровые меры наказания, вплоть до пожизненных каторжных работ и даже до смертной казни.

Суд при этом согласно установленному Законом № 10 процессуальному порядку занимается только установлением

членства в организации и исходит далее из того, что сам факт членства уже является основанием для наказания. Принимаются во внимание в этом последующем суде только субъективные, личные моменты, а именно — невменяемость, заблуждение или принуждение.

Все, что касается характера организаций, преступных целей и действий членов организаций, особенно осведомленности членов об этом, больше не разбирается на этом процессе в соответствии с Законом № 10, так как преступность организаций уже установлена и это является обязательным для суда. Тем самым практически обвинение организации в преступности является как бы частью и притом значительной частью процесса в отношении каждого отдельного члена этих организаций, а последующий суд на основании Закона № 10 является заключительным этапом этого процесса, на котором делаются выводы из признанного факта.

Касаясь последствий признания преступности организаций, необходимо учесть, что оно затронет большое число лиц.

СА имела к началу войны в 1939 году примерно два с половиной миллиона активных членов, к которым надо прибавить примерно два миллиона вышедших в предшествующие 18 лет из состава организации или автоматически отчисленных в связи с поступлением их на военную службу. Суммируя, таким образом, можно сказать, что СА имела до четырех с половиной миллионов членов.

В отношении СС моим коллегам не представилось возможности до сих пор собрать исчерпывающие сведения о количестве членов этой организации. Нужно принять во внимание, что только войска СС имели в качестве активных членов примерно несколько сот тысяч человек. Нужно при этом учесть также и то количество, которое отошло в боевые единицы, но которое в известной мере будет затронуто данным процессом. Таким образом, в отношении числа членов организации СС мы придем к цифрам, исчисляемым миллионами.

Организация политических руководителей после 1933 года имела постоянный состав примерно в 700 тысяч человек. Нужно принять во внимание смену должностных лиц, которая была чрезвычайно интенсивной, и, следовательно, учитывать примерно двукратную смену должностных лиц. В результате мы имеем дело с количеством членов этой организации около двух миллионов.

Общее число людей, которые будут затронуты этим процессом, является, таким образом, чрезвычайно большим. Установленные судом лимиты несколько понизили это число, но в незначительной степени. Не имеет большого значения разница — будет ли это составлять половину, треть или четверть взрослого мужского населения германской империи. Учитывая военные потери этих лет, можно будет сказать совершенно определенно, что фактически

обвинение будет предъявлено значительной части мужского населения Германии.

Теперь я перейду к понятию о преступности организации. Основной предпосылкой для признания организации преступной является преступный характер действий ее членов, как это следует из статьи 9 Устава. Устав не разъясняет понятия «действия преступного характера». Он также не разъясняет понятия «преступной организации». Если спросить, в соответствии с каким правом следует восполнить этот пробел в Уставе, то согласно общепринятому принципу в первую очередь это должно быть сделано в духе местного, то есть германского права. Однако это ничего не даст, так как разбор этих двух понятий с точки зрения любого права в мире покажет, что в данном случае мы имеем дело с совершенно незнакомой проблемой.

Защита оставляет за собой право высказать свои подробные соображения и аргументацию по этому вопросу в последующих завершающих выступлениях. Во всяком случае, защита считает, что в рамках действия Устава по праву и справедливости, учитывая упомянутые ранее далеко идущие последствия, определение, о котором просит обвинение, может последовать только в том случае, если будет установлено, что первоначальные цели организации либо сговор членов организации о совершении преступлений в духе статьи 6 Устава были известны всем членам организации или что первоначальные цели организации не были преступными, но все члены организации в течение известного времени принимали участие в систематическом планировании или совершении преступлений в духе статьи 6 Устава и делали это вполне сознательно. Требуется также, чтобы ход событий привел к тому, что совершенные преступления стали типичными для данной организации, ибо только в таком случае можно установить преступный характер как самой организации, так и действий отдельного человека, который был участником этой организации.

Толкуемое таким образом понятие преступности организаций в духе статей 9—11 Устава в большой степени совпадает с понятием преступного заговора, которое играло большую роль в общем германском и итальянском уголовном праве. Оно совпадает далее с понятием о заговоре (с совершением преступных действий или без совершения) английского и американского общего права, а также с понятием преступного заговора в целях совершения убийства в духе статьи 49 германского уголовного закона. И, наконец, это совпадает с понятием об общем плане или заговоре в духе статьи 6 Устава (также с совершением или без совершения определенных действий). Общим для всех этих уголовных законов является то обстоятельство, что осуждены могут быть только те лица, которые являлись участниками этих преступных организаций и знали о целях этих организаций. По моему мнению, ни в коем случае нельзя здесь допустить никакого поверхностного субъективного анализа,

помня, что совершение указанных преступлений карается высшей мерой наказания — смертной казнью. При таком анализе необходимо всегда иметь полную уверенность в действительном, фактическом положении вещей. Нельзя допускать никакого вольного толкования. Поэтому от настоящего процесса настоятельно требуется, чтобы решение о признании организации преступной могло быть принято только в том случае, если будет установлено, что цели этой организации были преступными в духе статьи 6 Устава и что члены этой организации знали об этих преступных целях. Это необходимо еще и потому, что настоящий процесс по существу является основным, когда устанавливается виновность отдельных лиц в зависимости от виновности организаций. Требование справедливости не допускает такого положения дел, при котором члены организаций будут признаны участниками преступлений, несмотря на то что они не знали о преступных намерениях и целях организации и, таким образом, являются невиновными. Поэтому и не получится такого положения вещей, которого опасается господин Джексон, когда предложение о признании организаций преступными будет отклонено и виновный восторжествует. Я стою на той точке зрения, что виновные независимо от их количества должны быть наказаны. Соображения процессуальной целесообразности, однако, не должны привести к такому положению, при котором рядом с виновными будет осуждено огромное число неповинных.

Что же является относящимся к делу и имеющим существенное значение при представлении доказательств, если перейти к основному вопросу? Степень отношения к делу и допустимость доказательств зависят от определения понятия преступного характера организаций. Из того определения понятия, которое я пытался дать, вытекает, что следующие моменты являются существенными в процессе представления Суду доказательств и их следует учитывать, чтобы установить, что: a) могли быть союзы, которые не имели преступного устава или конституции и не преследовали преступных целей в духе статьи 6; b) могло быть такое положение, когда этими организациями или в связи с деятельностью организаций не были совершены преступления в духе статьи 6, или, во всяком случае, не совершались систематически в течение определенного промежутка времени; c) определенное количество членов не знало о преступном характере или о преступных целях организации и систематическом совершении преступлений в соответствии со статьей 6, а также не одобряло этого положения вещей; d) определенное число членов или определенные самостоятельные группы были вовлечены в преступные организации принудительным образом, под давлением, или обманным путем, или путем какого-либо распоряжения, или были созданы таким же образом союзы; e) определенное число членов без каких-либо действий с их стороны стали членами этих союзов, когда им присвоили почетные звания членов организации.

Так как я полностью сознаю, что в связи со всем этим речь идет о совершенно не исследованных правовых проблемах, то я думаю, что мы при дальнейшем представлении доказательств будем наталкиваться еще на целый ряд моментов, которые смогут разъяснить нам положение, и поэтому я считаю, что будет целесообразно, если Суд сейчас, на настоящей стадии процесса, не будет связывать себя раз и навсегда установленными определениями понятий. Более того, я прошу, чтобы представление доказательств было разрешено в самом большом объеме.

В заключение я перейду к вопросам, каким образом следует представлять доказательства и как будут заслушиваться члены этих организаций в соответствии со статьей 9 Устава. Нормы процессуального права, принятые во всех государствах, представляют каждому подсудимому определенные права на суде. Наиболее важными правами являются право требовать устного разбора дела, право на защиту и право быть выслушанным в суде. Поэтому эти права следует предоставить всем членам организаций. Несмотря на эту принципиальную точку зрения, которая еще будет детально обоснована защитой, защита не забывает о том, что в рамках этого процесса все это практически неосуществимо. Необходимо таким образом проводить процесс, чтобы были учтены все изложенные нами справедливые требования и чтобы решение суда было наиболее справедливым. При таком положении вещей защита охотно выполнит свой долг и будет так же, как и обвинение, помогать Суду в решении всех стоящих перед ним вопросов.

Если учитывать огромное число лиц, затрагиваемых обвинением организаций, то мы неизбежно встретимся с невероятными трудностями, которые будут препятствовать разумно решить эту проблему. Но тем не менее необходимо найти достаточное основание для предъявления обвинения. Этот критерий должен быть найден для оценки деятельности как организаций, так и отдельных членов организаций. Для того чтобы вообще сделать возможным данный процесс, нужно сделать все, чтобы путем обобщения и типизации прийти к результату, который позволит установить состав преступления большого числа лиц. Мы не забываем о трудностях, которые имеются, когда мы должны будем искать справедливое решение, прибегая к использованию типических явлений, которые послужат основой обвинения. Однако было бы неразумным пытаться найти истину в том обилии показаний отдельных свидетелей, которые могли бы предстать перед Судом.

По нашему мнению, представление отдельных доказательств и сбор этих доказательств должны быть разграничены по принципу места и времени. Это можно сделать путем точного опроса отдельных членов организаций во всех местностях, где они находятся, принимая во внимание, что огромное большинство из них в настоящее время находится в различных лагерях.

Мы думаем, что подготовка отдельных дел, наиболее приемлемая в правовом отношении, может быть произведена таким образом, что в каждый лагерь будут посланы соответствующие доверенные лица, которые займутся этой работой, естественно, при сотрудничестве защитников организаций или их заместителей и ассистентов, и что затем эти доверенные лица представят Суду материал о деятельности и субъективной позиции отдельных членов организаций. Мы думаем, что для того, чтобы получить наиболее ясное и точное представление обо всем этом, необходимо, чтобы эти доверенные лица собрали среди заключенных письменные показания под присягой в отношении тех основных моментов, которые выдвинуло обвинение.

Доверенные лица могут затем в качестве свидетелей под присягой заявить в Суде в соответствии с анализом письменных показаний, данных под присягой, отдельных заключенных, являвшихся участниками обвиняемых организаций, в какой степени эти заключенные были осведомлены о совершенных преступлениях. При этом также возникнут трудности. Для того чтобы получить правдивую картину, представителям обвинения нужно будет уверить отдельных заключенных в том, что их правдивое повествование отнюдь не будет представлять материал для их обвинения и не явится материалом, согласно которому их будут преследовать. Поэтому мы считаем, что будет целесообразно, поскольку эти письменные показания, данные под присягой, будут переданы Суду в качестве документов, если обвинение официально заявит, что весь этот материал не послужит целям личного преследования отдельных лиц, представивших эти материалы. Это заявление обвинения не будет связано с признанием какого-либо иммунитета для отдельных членов организаций. Однако отдельные заключенные из лагерей будут уверены в том, что их показания, данные под присягой, не явятся материалом для будущего уголовного преследования их самих.

Если представители обвинения не согласятся с этим предложением, то можно будет ограничиться показаниями этих доверенных лиц, исключая представление документов отдельных заключенных. Эти доверенные лица будут говорить о процентном соотношении участников преступных действий и лиц, не принимавших в этом участия. Такой порядок приема доказательств должен быть распространен на достаточное количество лагерей во всех зонах оккупации.

По результатам сообщений доверенных лиц можно будет сделать заключение о наличии типичных, характерных данных о преступной деятельности и позиции отдельных членов организаций или, наоборот, признать, что преступные действия не имели места. Одновременно нужно будет сделать вывод, имеет организация преступный характер или нет.

Если обвинение согласится в этом пункте с представителями защиты, то, мне кажется, мы, таким образом, добьемся правильного разрешения вопроса о представлении дока-

зательств, отражающих как положительные, так и отрицательные моменты.

Если не будет заслушано достаточное число заключенных в лагерях (особенно это касается представителей СА), то можно будет заслушать и не находящихся в настоящий момент в лагерях членов организации. Таким образом можно было бы разрешить задачи, стоящие перед Судом.

Серватиус[1]*: Я хотел бы высказать мое мнение по тем трем вопросам, которые в настоящее время обсуждаются в Суде.*

Я не могу сейчас высказать мнения в отношении заявления господина Джексона и хотел бы от лица моих коллег заявить, что мы сможем высказаться по этому вопросу после его изучения. А сейчас я хотел бы остановиться на ряде чисто технических вопросов и выполнить свой долг, а именно — разрешить ряд важных для защиты вопросов.

Первый вопрос заключается в следующем. Здесь говорится о том, какие доказательства должны быть представлены Трибуналу на этом основном процессе и какие будут предъявляться в дальнейшем на последующих процессах в отношении отдельных членов организаций. Ответ заключается в том, что доказательства должны считаться важными, если они имеют значение для установления преступности. Если проанализировать понятие «преступность», то окажется, что в этом случае не имеется и не может быть такого состава преступления, который подлежал бы наказанию, ибо в действительности речь идет лишь о таком определении, которое отличает хорошие или плохие стороны какого-то явления. Устав не обязывает Трибунал выносить какой-либо приговор; там говорится, что Трибуналу предоставляется право признать организацию преступной, но он не обязан выносить такое решение, как не должен выносить решение об отдельных членах организаций.

Таким образом, перед Трибуналом стоит задача, которая принципиально отличается от задачи судьи по обычному уголовному делу. Судья вынужден при наличии того или иного преступления вынести приговор и применить ту или иную меру наказания. Трибунал же должен установить для какого-то явления, подлежит оно наказанию или нет. Судья вынужден при наличии преступления, за которое предусмотрено наказание, вынести приговор и определить какую-то меру наказания. Трибунал же должен установить лишь преступный характер какого-то явления, подлежащего наказанию, на основе чего впоследствии какой-то суд вынесет приговор с применением наказания. Такая задача Трибунала аналогична задаче законодателя, а не судьи. Трибунал как законодатель устанавливает, подлежит явление наказа-

---

[1] Р. Серватиус — защитник руководящего состава нацистской партии. — **Прим. сост.**

нию или нет, и создает в соответствии с этим необходимые материальные и процессуальные нормы и основы. Тем самым создается процессуальная основа для судьи при разборе отдельных дел таким же образом, каким законодатель, определяя меру наказания за воровство, создает правовые основы для осуждения лица, совершившего кражу.

Деятельность Трибунала является деятельностью законодателя, это следует из того, что и без помощи Трибунала Подписавшиеся Стороны могли с тем же успехом установить, что все члены организаций подлежат суду, так как они были членами организаций.

Закон Контрольного Совета, изданный 20 декабря 1945 г., подтверждает эту точку зрения, так как здесь мы имеем уже дело с конкретным законом, изданным на основе ожидавшегося от Трибунала бланкетного закона, дающего полномочия на его реализацию. Характеру законодательных функций Трибунала вполне соответствует то, о чем говорил господин Джексон, который ссылался на соображения целесообразности и искал такие процессуальные основы, которые позволили бы предать членов организаций суду.

Соображения, из которых должен исходить Трибунал, носят политический и правовой характер. Его решение основывается на нормах морального порядка, из которых должно вытекать, что члены организаций были преступны и подлежат наказанию.

Для того чтобы установить состав преступления, судья собирает доказательства. В качестве органа, который издает законы, Трибунал должен использовать соответствующие материалы. Судья может на основании предписанных правовых норм легко установить, что является существенным в данном вопросе и что он может поэтому допустить в качестве доказательства. Такое установление существенного и несущественного на данном процессе является крайне трудным для Трибунала. Органы, издающие законы, действуют иначе, чем судьи. Они рассматривают явления с точки зрения их наказуемости, и для них является существенным все то, что имеет значение для содержания закона. При этом законодатель должен составить себе общее представление о всем явлении в его совокупности и должен рассмотреть все явление как с хорошей, так и с плохой стороны.

Основным правилом правосудия является то, что только виновный должен быть наказан. Если человек, издающий законы, хочет этого достичь, то он должен расследовать, затрагивают ли его распоряжения только виновных. Поэтому он должен учитывать все те возражения, которые может сделать каждый, кого касаются его распоряжения.

Охрана невиновных должна осуществляться таким образом, что в каждом отдельном случае вина индивидуума должна быть доказана. Орган, издающий законы, преднамеренно не собирается заключать под стражу человека, который является невиновным. Каждое убийство человека является преступлением, которое должно быть наказано. Но

тот факт, что обвиняемый действительно является убийцей, должен быть доказан. Обвиняемому должно быть предоставлено право возражать против обвинения в том, что он намеревался убить.

Если издающий законы не хочет допустить такого возражения, то он сам должен проверить материалы, проанализировать объем представленных доказательств.

Какие возражения против предъявленных обвинений могут быть сделаны на предстоящих индивидуальных процессах, по заявлению господина Джексона, не должно занимать Трибунал. Однако необходимо учитывать, в какой мере невиновный располагает в этом индивидуальном процессе гарантиями, которые могут оградить его от наказания, которого он не заслуживает. Трибуналу необходимо проверить все те материалы, которые в дальнейшем не могут быть предоставлены в распоряжение членов обвиняемых организаций на дальнейшей стадии рассмотрения дел о них.

Предвосхищая эти полномочия Трибунала, Союзный Контрольный Совет издал Закон № 10. В этом Законе предусмотрено правило, согласно которому каждый член преступной организации может быть осужден, в том числе к смертной казни с конфискацией имущества.

Такое толкование полномочий Трибунала противоречит основному положению, принятому Ялтинской конференцией, о том, что законодательные функции Подписавшихся Сторон в этом отношении передоверяются суду, который будет осуществлять правосудие и осуждать только виновных на основании анализа существовавшего положения и путем устного заслушивания соответствующих членов организаций.

Трибунал должен поэтому детально установить предпосылки наказуемости и определить характер возражений, право на которые следует предоставить данному индивидууму. Трибунал должен также ограничить действия своего приговора путем установления тех мер наказания, которые он считает возможным применять. Я думаю, что господин Джексон высказался в духе, который не противоречит тому, о чем я здесь говорю.

Трибунал не имеет права — в духе и в соответствии с Уставом — передоверить свои полномочия отдельным судам, то есть практически предоставить этим судам право решать указанные вопросы, так как их состав и их правовые точки зрения могут быть различными.

Члены организаций имеют право быть заслушанными Международным военным трибуналом, принимая во внимание значение того решения, которое Трибунал собирается вынести, и учитывая, что оно может повлечь очень тяжелое моральное осуждение каждого человека, который затронут данным процессом, не считая того, что все эти люди будут осуждены еще в индивидуальном порядке.

В каком порядке и какие доказательства должны представляться Трибуналу? Я думаю, что должны представляться такие доказательства, на основании которых Трибунал

может проверить и проанализировать типические явления для того, чтобы определить виновность; доказательства же, характеризующие чисто «индивидуальные» моменты, нужно представлять последующему суду.

Разделение типичного и индивидуального очень затруднительно, так как то, о чем будут говорить отдельные члены организаций, может иметь двойное значение. Так, показание члена организации о том, что он не знал о преступных целях организации, может означать, во-первых, что такого преступного замысла не существовало, а во-вторых, что член организации не знал о фактически существовавшем преступном замысле этой организации. Первое является возражением, которое касается организации в целом, второе — возражением чисто личного характера.

На основании всего изложенного я хотел бы сказать Трибуналу следующее. Состава преступления в смысле уголовного права здесь не может быть. Установление состава преступления связано с определением наказания. Представление доказательств на данном процессе в действительности является анализом материалов для законодательного акта. Так же надо расценивать и возражения отдельных членов групп и организаций.

В какой степени Трибунал сам должен проанализировать все это, зависит от того, какой объем и содержание он хочет и может придать своему приговору. Только то, что не является типичным и не имеет значения с точки зрения правовой и политической, может разбирать последующий суд, который будет рассматривать отдельные индивидуальные дела.

Трибунал выразил желание выяснить, какие ограничения круга членов отдельных организаций следует установить, в какой промежуток времени совершались рассматриваемые преступления.

Я думаю, что господин Джексон высказался таким образом, что полномочия устанавливать ограничения будет иметь Суд. Обвинение, однако, оставило за собой право в отношении политических руководителей в случае установления ограничений для этого круга лиц, а также в отношении тех лиц, которые были выпущены на свободу, возбудить отдельное уголовное преследование или принять какие-либо другие меры. Такое право, однако, Устав не предоставляет обвинителям. Это противоречит также естественным полномочиям Трибунала, который может объединить в своем решении не только наказание, но и оправдание. И эти действия не могут быть каким-нибудь образом изменены вмешательством обвинения. Нельзя также ограничивать тот материал, который нужно будет проанализировать, так как решение, касающееся обвиняемых организаций, может рассматривать все эти материалы в целом. Не следует выхватывать какой-то определенный промежуток времени и затем заявлять, что вся организация в течение всего времени существования была преступной.

То, что будет рассматриваться Трибуналом как группа или организация, не должно зависеть от критериев обвинения; это следует из статьи 9 Устава, согласно которой признание преступного характера организации находится в тесной зависимости от действий одного из главных обвиняемых. Это может решать, однако, не обвинение, а Трибунал. И это может быть понято только таким образом, что на характер деятельности организации с точки зрения как времени, так и ее состава оказывали влияние действия главных подсудимых.

Ограничение времени, в течение которого деятельность организации должна рассматриваться как преступная, не должно зависеть от требования обвинителей. Трибунал может и должен сам определить и ограничить этот промежуток времени, если организации или группы не все время своего существования вели преступную деятельность и если главные обвиняемые в качестве членов этих организаций или групп не оказывали влияния на сроки существования этих организаций. Это следует учесть, и такое ограничение должно быть сделано.

В отношении ограничения круга участников этих организаций должен действовать тот же порядок, который я предлагаю для ограничения времени.

Трибунал имеет право ограничить своим решением действия приговора в отношении всех групп и организаций. Это ограничение должно быть сделано в случае, если материалы рассмотрения дела главных обвиняемых как членов организаций не затрагивают определенные круги организаций.

Это все соображения, которые я хотел бы высказать по поводу поставленных вопросов.

Я хочу сейчас коснуться еще одного принципиального вопроса, который сегодня был затронут, а именно права быть выслушанным Судом. Согласно статье 10 Устава каждый член организации может предстать перед Судом, если эта организация была объявлена Трибуналом преступной. Важнейшей задачей Трибунала является заслушивание отдельных членов организации. Без этого невозможно вынесение приговора, это является предпосылкой, без которой невозможно проводить данный процесс. До сих пор защите представлено около 50 тысяч ходатайств, тогда как имеется 7—10 миллионов членов организаций, подлежащих объявлению преступными. Естественно, что это очень незначительное количество ходатайств. Для того чтобы Трибунал не сделал неправильный вывод, я хотел бы сказать, что это не означает, что преобладающее число лиц, которых затрагивает данное обвинение, молчаливо признает себя виновными. Наоборот, я хочу подчеркнуть, что они самым решительным образом отрицают вину. Поэтому я сейчас проанализирую причину такого положения, которое привело к тому, что имеется так мало ходатайств, и постараюсь доказать, что это нельзя отнести на счет вины обвиняемых.

Я не считаю, что мы имеем дело с невниманием или с отсутствием интереса Суда к оповещению членов организаций. Есть ряд ярких фактов, которые являются причиной того, что происходит. В прессе и по радио было объявлено, что люди могут быть заслушаны на Суде, но нужно учитывать, что даже в самых больших, но разрушенных городах нет газет и радио. Поэтому это объявление не дошло до большинства заинтересованных лиц. Не дошло оно также по причине недостатка бумаги. В лагерях для интернированных, где сконцентрировано значительное число лиц, затронутых обвинением, Трибунал распорядился сделать соответствующее объявление. Было ли это осуществлено, я не мог установить до сих пор.

Господин Джексон сегодня утром ссылался на целый ряд документов, так что я смогу, вероятно, выяснить истину, но тот факт, что из большинства лагерей нет или поступило очень мало ходатайств, вызывает беспокойство. Даже если лица, которых касается это обвинение, узнали о своих правах, то, вероятно, им до сих пор было невозможно представить ходатайства Трибуналу. К моменту опубликования объявления не существовало еще регулярной почтовой связи между отдельными оккупационными зонами и до сих пор нет еще почтовой связи с Австрией, где находятся десятки тысяч заключенных.

В объявлениях, касающихся организаций, в качестве замены отсутствующей почтовой связи были предложены два пути для того, чтобы обеспечить поступление ходатайств. Однако оба эти пути оказались недостаточными, и это, очевидно, является основной причиной непоступления ходатайств.

Члены организаций, которые не находятся в заключении, должны были передать свои ходатайства ближайшим местным военным учреждениям. Мне, однако, неизвестно ни одного случая, когда ходатайства были бы получены таким путем. Попытка использовать этот путь, очевидно, оказалась безуспешной вследствие того, что военные учреждения не оказали содействия.

Заключенные члены организаций должны были передать свои ходатайства через командующих офицеров в своих лагерях. Однако из очень немногих лагерей, спустя недели и месяцы после начала процесса, стали поступать ходатайства, которые были поданы, как оказалось, еще в ноябре. Нужно сказать, что это произошло только в отношении части лагерей, находящихся в американской и британской зонах оккупации. Из советской, польской и французской оккупационных зон, а также из Австрии и других мест, где находятся такие лагеря, до сих пор не поступило ни одного ходатайства, насколько это известно защите. Я хочу, чтобы Суд сам оценил это явление...

Следующей причиной отсутствия ходатайств является то обстоятельство, что лица, которых затрагивает обвинение, боялись осложнений. Они боялись, что в случае подачи хо-

датайств они будут заподозрены и подвергнуты преследованиям со стороны службы безопасности. Это опасение в основном стимулировалось тем обстоятельством, что объявления о праве подавать ходатайства были сделаны одновременно с указанием, что заявители не могут рассчитывать на иммунитет. Результат особенно сказался на тех членах организаций, которые находятся на свободе. Последние только в очень редких случаях подавали ходатайства, притом в основном анонимные или под вымышленными именами.

Трибуналу следовало бы оповестить общественность, что все эти опасения не обоснованны и что участие членов организаций является необходимым залогом вынесения правильного решения. Тем самым было бы устранено одно из самых основных препятствий для представления ходатайств...

Собранные ходатайства не представляют особой ценности, и вот по каким причинам. Трибунал на основании этих ходатайств должен решить вопрос в отношении заслушивания отдельных лиц. Однако это практически может произойти только в случае, если ходатайства обоснованны. Таких обоснований в целом нет, или они совершенно непригодны для использования их в качестве обоснования. Бессодержательные ходатайства или ходатайства, в которых только очень коротко приводятся объяснения, не могут явиться основанием для обсуждения. Из части этих ходатайств нельзя даже сделать вывод в отношении деятельности члена организации или его профессии...

Защита испытывает трудности еще и потому, что определенные правовые и процессуальные вопросы были разъяснены защитникам только сейчас. Я должен на этом остановиться именно потому, что члены организаций заинтересованы в том, чтобы их дело было разобрано как можно скорее. Я ходатайствую о том, чтобы процесс в отношении групп и организаций, которые должны быть признаны преступными, был отделен от главного процесса и проводился как самостоятельный. Это ходатайство находится в полном соответствии с тем особым характером процесса, который должен проводиться по делу организаций.

Я хочу внести предложение, каким образом можно будет обеспечить заслушивание отдельных членов перед Судом. Делаю это я в связи с тем, что сегодня утром было предложено заслушать членов организаций через специальных уполномоченных, которых выделит Трибунал.

Председатель: Повторите, пожалуйста, то, что Вы сейчас сказали.

Серватиус: Я вношу это предложение в ответ на выдвинутое сегодня утром предложение о порядке заслушивания отдельных членов организаций в лагерях. Согласно этому предложению должен быть выделен, очевидно, юрист. Этот доверенный чиновник должен провести опросы в лагерях. Я должен самым решительным образом воспротивиться такому положению вещей. Я считаю, что одним из самых глав-

ных прав защитника является право самому получать требующуюся информацию и что одним из самых основных прав подсудимого является то, что он может лично беседовать со своим защитником. Естественно, что союзники, которые предъявили обвинение подсудимым и организациям, не могут выполнять также функции защитников. Я не думаю, чтобы такое юридическое лицо могло бы хорошо понимать нужды обвиняемых или переживать заботы данного лица и помогать ему. Я считаю, что к каждому лагерю должен быть прикреплен немецкий адвокат, который будет получать указания от основных защитников, собирать информацию в лагерях и передавать ее основному защитнику. Я считаю, что при таком положении защитник может собирать материал в отношении лиц, которые должны будут выступить на данном процессе. Я считаю, что исключение защитников из этого процесса в соответствии с предложением, сделанным сегодня утром, является крайне несправедливым; я очень подробно проанализировал этот вопрос для того, чтобы возразить против этого предложения.

Меркель[1]*: В отношении общих вопросов, касающихся возможности обвинения целой организации как преступной, а также в отношении процессуальных моментов представления данных, которые должны доказать преступный характер организации, я хотел бы сослаться на то, что сказали до меня защитники Кубушок и Серватиус. У меня есть только очень небольшие дополнения по этому вопросу.*

В отношении вопроса о ходатайствах я хотел бы сообщить ряд фактов из моего личного опыта. Меня очень удивило, что промежуток времени, который прошел между составлением ходатайств в лагерях и поступлением их в руки защитников, оказался крайне большим. Я хочу привести здесь один пример. Это касается ходатайств из лагеря в Шлезвиг-Гольштейне, которые были составлены в ноябре и декабре. Я сам писал письма в лагеря, чтобы получить соответствующую информацию. Эти письма были отосланы мной 5—7 недель тому назад, но до сих пор я не получил никакого ответа. Я знаю, что в лагере Герсбрук, например, уже в ноябре были составлены очень пространные, обоснованные ходатайства членов СС и гестапо, но до сих пор ни защитник СС, ни я не получили этих ходатайств. Мы имеем очень мало ходатайств от членов гестапо. Вот все, что я хотел сказать по этому вопросу.

Кроме того, я тоже стою на той точке зрения, что вопрос о том, могут ли быть обвинены организации как преступные в целом, является абсолютным новшеством в правовом отношении, и поэтому такое решение в силу своего значения и возможных последствий колеблет правовые основы. Нельзя просто так обвинять целую организацию, ко-

[1] Р. Меркель — защитник гестапо. — **Прим. сост.**

торая уже в течение известного промежутка времени не существует. Я считаю, что всякому цивилизованному государству должна быть свойственна та точка зрения, что нельзя обвинять мертвого человека. В соответствии с утверждением господина Джексона организации СС и гестапо, например, должны быть ответственны за истребление евреев на Востоке. Указывается еще на то, что из-за невозможности установить отдельных преступников обвиняется целая организация. Естественно, что защита исходит из убеждения в том, что виновные, конечно, должны быть наказаны, но именно только виновные.

Далее установлен факт, что эйнзатцгруппа СД, которая отвечала за решение еврейской проблемы на Востоке, имела в своем составе только 250 членов-гестаповцев при общем составе гестапо в 45—50 тысяч человек. Таким образом, нельзя виновность за эти преступления сваливать на всю организацию и нельзя говорить, что при таком огульном обвинении за истребление евреев отвечают все 45 тысяч членов этой организации, которые в действительности не имели с этим ничего общего.

Я ссылаюсь еще на пример массового убийцы, которого нельзя поймать и вместо которого должна быть задержана и осуждена его семья.

Я прошу дать мне возможность изучить точки зрения обвинителей после того, как протокол судебного заседания будет вручен нам, учитывая то значение, которое имеют все обсуждаемые здесь вопросы об организациях.

Нужно установить промежуток времени, в течение которого организацию можно рассматривать как преступную. Я хотел бы сказать, что, по крайней мере, до 1939 года гестапо существовало на основании закона и являлось легальным учреждением. Обвинение в преступных действиях касается этой организации в основном в связи с периодом после 1939 года, то есть после начала войны.

Председатель: Будьте любезны, повторите Ваше последнее предложение.

Меркель: В отношении промежутка времени я бы хотел, чтобы установили, что гестапо до 1939 года нельзя рассматривать как преступную организацию, потому что это была организация, созданная на основании имперского закона. Это была государственная организация, которая находилась в пределах германской империи.

Я присоединяюсь к мнению о том, чтобы исключили из обвинения весь технический персонал. Это соответствует тому ходатайству, которое я подал в декабре.

Далее, я считаю, что из обвинения должен быть исключен и ряд других сотрудников по той же причине, что и технический персонал, который был исключен из обвинения самими обвинителями, потому что, по их убеждению, этот технический персонал ничего общего не имел с преступлениями, совершенными гестапо.

Нужно подумать о том, чтобы ряд административных чиновников гестапо, о которых я начал говорить и которые составляют 70 процентов общего состава гестапо, был также исключен из обвинения. Примерно пятьсот ходатайств, которые я имею на руках, в основном исходят от таких административных чиновников гестапо. Эти чиновники имели только специальные административные функции и не участвовали ни в каких других действиях. Они не были обучены совершать эти другие действия и поэтому не могли быть использованы как соучастники преступлений. Кроме того, они не имели исполнительной власти и поэтому не могли участвовать в совершении преступных действий. Они были заняты вопросами кадров и экономическими вопросами. К вопросу кадров они имели только то отношение, что участвовали в техническом перемещении отдельных лиц, оформляли их дела и т.д. Они производили расчет зарплаты и прочее. Это все действия, которые не имеют никакого отношения к исполнительной власти, на которую ссылается обвинение в Обвинительном заключении. Я считаю, что исключение этих людей оправдано таким же образом, как исключение технического персонала, с которым Суд уже согласился.

Еще одну точку зрения я хочу высказать здесь. Это вопрос относительно добровольности, которая играет большую роль во всех организациях. Господин Джексон говорил об этом следующее: «Союзы, подобные гестапо и СС, были боевыми организациями и состояли из добровольных лиц, фанатически преданных своему делу».

Насколько это можно отнести к СС, я не знаю. Во всяком случае, в отношении гестапо это неверно, так как гестапо было государственной организацией, созданной подсудимым Герингом на основании закона от 23 апреля 1933 г. Я еще раз повторяю — это государственная организация. Это был полицейский орган, такой же, как и уголовная полиция, которая должна была преследовать преступников, и как полиция порядка, которая должна была охранять порядок и регулировать движение.

Персонал этой организации состоял из профессиональных чиновников, которые частично уже долгое время до создания гестапо работали в полицейской сети и которые в момент создания гестапо и в дальнейшем были прикомандированы к этому органу и переведены туда. Согласно закону о германских чиновниках они должны были следовать этому правилу и ни в коем случае не могли самовольно решать вопрос своего перевода в ту или иную организацию. В лучшем случае можно говорить об 1 проценте добровольного членства, но 99 процентов этой организации были чиновники, которые принудительным образом на основании распоряжения были причислены к гестапо. Это все, что я хотел сказать, но я прошу оставить за мной право сделать добавление, если я найду это нужным.

Речи адвокатов в защиту преступных организаций

Речь защитника руководящего состава НСДАП Р. СЕРВАТИУСА

*Стенограмма заседаний
Международного военного трибунала
от 22 и 23 августа 1946 г.*

Господин председатель, господа судьи[1].

Обвинение внесло предложение считать преступным руководящий состав национал-социалистской партии. Что предъявляется указанной группе лиц в качестве обвинения? Объектом обвинения было преследование евреев, борьба против церкви, роспуск профсоюзов, призыв к самосуду, учиненному над летчиками, сделавшими вынужденную посадку, издевательства над иностранцами, арест политических противников и методы надзора и шпионажа.

В связи с выдвинутыми обвинениями необходимо выяснить чисто юридическую сторону дела. Обвинение доказывает, что руководящий состав национал-социалистской партии совершал все перечисленные преступления, стремясь развязать агрессивную войну, и что с целью совершения преступных деяний он объединился в организацию. Прежде всего нужно сказать, что преступления, которые совершены не по тем мотивам, которые указаны в Уставе, — я имею в виду индивидуальные действия членов организации, — и не имеют отношения к общему плану или заговору, не могут быть предметом разбирательства на этом процессе.

Кто же относится, по данным обвинения, к руководящему составу нацистской партии?

Определение круга лиц, которому как целой организации или группе должно быть предъявлено обвинение, относится согласно Уставу к компетенции Трибунала. В данном случае обвинители вносят предложение объявить преступным руководящий состав партии или, употребляя национал-социалистскую терминологию, «корпус политических руководителей».

Несмотря на употребление названия, которое говорит о существовании организации, таковой в действительности не было, так как специальным распоряжением заместителя фюрера по партийным вопросам Гесса от 27 июля 1935 г. было категорически запрещено называть этот круг лиц «политической организацией». Это было мотивировано тем, что никакой другой организации внутри партии не должно быть.

В данном случае речь идет только об активистах, которые входили в состав руководящих исполнительных органов и которые имелись в каждой партии. Нет сомнения, что есть

---

[1] Речи адвокатов публикуются в сокращенном виде. Они даны в той последовательности, в которой обвинение представляло доказательства по делу преступных организаций. — **Прим. сост.**

большое число лиц, которые могут быть названы политическими руководителями, однако это не организованная в единое целое группа, так как в круг политических руководителей люди вступали не по собственной инициативе, а по назначению специальным распоряжением свыше. Такое же правовое положение существует и для каждого служащего, вступающего в связи со своим назначением на должность в круг своих коллег.

Что объединяет этот круг лиц в особую группу? Их объединяет, кроме порядка назначения, только право носить форму. Присяга также не является чем-либо характерным для этой организации, ибо присягу приносят все служащие и солдаты.

Задачи и деятельность разных политических руководителей по своему роду и значению неодинаковы. Некоторые из них принимали активное участие в деятельности союзов, например в Германском трудовом фронте и национал-социалистском народном благотворительном обществе, и лишь на этой своей практической административной работе носили форму, причем только ради внешнего эффекта. Те члены, которые примыкали к партии в связи с принадлежностью к союзам, сознательно не были упомянуты обвинением.

Были также такие политические руководители, которые, собственно, стояли во главе политического управления. Это — ответственные партийные лидеры (хохайтстрегеры), отнесенные Трибуналом к категории главных политических руководителей.

Из выступлений обвинителей следует, что к ответственным политическим руководителям нужно отнести членов руководящего состава, начиная от рейхслейтера и кончая блоклейтером. Таким образом, из союзов, примыкавших к партии, в состав преступной организации включаются только те руководители, которые являлись членами политических штабов, группировавшихся вокруг ответственных политических руководителей. Этот круг лиц может считаться особой группой лишь постольку, поскольку он был связан служебными отношениями, отношениями подчинения и дисциплинарной властью.

Число относящихся сюда лиц составляет, по имеющимся у обвинения данным на 1939 год, примерно 600 тысяч человек. Подсчеты показывают, что наряду с главными руководителями было еще до 475 тысяч учреждений, имевших политических руководителей. Таким образом, в 1939 году число политических руководителей достигало почти миллиона человек. Как это можно заключить из партийной статистики, благодаря частой смене лиц за последние 12 лет общее число политических руководителей достигло примерно двух с половиной миллионов. При этом учитывается тот факт, что число указанных учреждений сначала было вдвое меньше. Если даже при этом исключить личный состав штабов местных групп, то остается все же примерно полтора миллиона человек. Причем в это число не включа-

ется личный состав отделов, не относящийся к числу политических руководителей, не учитываются также те, которым во время войны была поручена почетная обязанность политических руководителей в подчиненных инстанциях. Это прежде всего руководители первичных ячеек и блоклейтеры, занимавшие эти посты во время войны. Число их, по свидетельским показаниям, составляет примерно 600 тысяч человек. Если включить этих лиц в круг политических руководителей, то их численность увеличится до 2,1 миллиона. Эту цифру следует увеличить потому, что прочие чиновники и должностные лица также должны сюда входить, даже если они не были назначены на должность политических руководителей.

Благодаря тому обстоятельству, что предложение обвинения ограничивается политическими руководителями, часть лиц сюда не включается. Это те, которые не были назначены политическими руководителями несмотря на то, что выполняли обязанности таких руководителей.

Прежде чем обсуждать вопрос о том, следует ли объявить эту группу преступной, нужно обсудить правомерность предложения обвинения с точки зрения международного права. Согласно статье 50 Гаагской конвенции коллективное наказание населения может быть допущено только в том случае, если все население в целом будет признано виновным в отдельных деяниях[1]. Такое чрезвычайное мероприятие может служить только целям охраны оккупационных властей. Таким образом, по политическим соображениям подобное мероприятие запрещалось. Нельзя наказывать группу, если ее членам предъявляется обвинение в ведении войны или если эту группу делают ответственной за моральное сопротивление. Запрещение, установленное Гаагской конвенцией, основывается на уголовно-правовом принципе демократии, охраняющем права личности. Этот принцип остается в силе и поныне. Является ли предложение обвинения законным, лишил ли Устав статью 50 Гаагской конвенции законной силы — это необходимо проверить в официальном порядке.

Если же подобную процедуру все же считают допустимой, то и в этом случае необходимо выяснить, можно ли считать доказанной общую вину группы. Каким путем это может быть доказано, об этом ни в Гаагской конвенции, ни в Уставе ничего не говорится.

Можно следовать двум принципам: принципу справедливости и принципу целесообразности. Принцип справедливости требует доказательства индивидуальной вины каждого, причем приговор всей группе не может быть вынесен,

---

[1] Статья 50 четвертой Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны гласит: «Никакое общее взыскание, денежное или иное, не может быть налагаемо на все население за те деяния единичных лиц, в коих не может быть усмотрено солидарной ответственности населения». — **Прим. сост.**

если среди этой группы имеется хотя бы один невиновный человек. Принцип целесообразности допускает привлечение невиновных к ответственности. Следуя этому принципу, предпочитают лучше наказать невиновных, чем оставить без возмездия виновных.

Обвинение несколько раз заявляло, что его целью является наказать только виновных и что оно не желает ловить в западню невиновных. Эти слова соответствуют принципу справедливости. Но само предложение считать группу преступной основывается на соображениях целесообразности. Кажущееся противоречие может быть разрешено только в том случае, если приговор суда явится процессуальным средством, которое поможет определить вину даже в том случае, если это сделать будет очень трудно.

На настоящем процессе предлагается признать преступными и часть невиновных с тем, чтобы позднее, на дальнейших процессах, как заявил господин Джексон, они, эти невиновные, смогли бы реабилитировать себя.

Трибунал в решении от 13 марта 1946 г. по вопросу о порядке предъявления доказательств отметил, что он считает возможным коллективное обвинение. Разъяснений самого решения или возможности влияния его на дальнейшие процессы не последовало. В этом отношении Трибунал должен учитывать, какое действие окажет его решение в дальнейшем.

Очень большое значение имеет Закон Контрольного Совета № 10 от 20 декабря 1945 г. Согласно этому Закону простое членство в организации или группе, которая будет объявлена преступной, должно иметь следствием наказание. Если бы это было так, то привлечение невиновных по настоящему делу было бы тяжким нарушением принципа индивидуализации вины, который составляет основу действующего уголовного права. Такая трактовка была бы несовместима с Уставом, который хотя и говорит, что установленный Трибуналом преступный характер организации не подлежит оспариванию, однако сохраняет за каждым членом организации право заявить, что ему не было известно о преступном характере организации.

Из статьи 11 Устава следует, что осуждение возможно только за «участие в преступной деятельности». В этом же духе высказывается хорошо информированная пресса и радио.

Возникает вопрос, чем обосновывается преступный характер группы, что является решающим условием для ее осуждения?

Точка зрения Трибунала выражена в решении 12 марта 1946 г. Существенным является участие в заговоре. При наличии его предполагается, что группа в целом виновна в совершении одного из преступлений, предусмотренных статьей 6 Устава. Объединение же в группу предполагает, что каждый заговорщик заведомо знал о совершаемых группой преступлениях.

Обвинение обосновывает осведомленность каждого члена группы очевидностью совершенных преступлений или тем, что политические руководители были хорошо информированы о них. Так, совершенно очевидным было преследование евреев и церкви, однако неизвестны вытекающие отсюда отдельные уголовные преступления. В связи с этим можно сказать, что речь идет об очевидности не фактов, а мотивов.

Поскольку речь идет не о чисто военных преступлениях, должен быть известен мотив агрессивной войны, а эти действия, следовательно, можно рассматривать как первую стадию этой агрессивной войны. Только таким образом можно кого-либо объявить участником преступного заговора.

Обвинение считает, что эти мотивы якобы были известны указанным лицам из национал-социалистского учения, утверждая, что в нем указаны цели, которые обязательно должны были привести к агрессивной войне. Таким образом, если исходить из мотивов подготовки агрессивной войны, становятся преступными существование партии, вербовка членов в ее ряды, а также и приход к власти.

Утверждают, что для ведения агрессивной войны и совершения военных преступлений имелась целая организация. Однако нужно проверить, правилен ли этот вывод.

Политические руководители в своей деятельности руководствовались программой партии и книгой «Майн кампф». Программа партии подвергалась сильной критике внутриполитических противников, но внешнеполитические инстанции ее не критиковали. В 1925 году Межсоюзная комиссия по делам Рейнской области в Кобленце, а позднее Лига Наций по отношению к Данцигу не выдвинули возражений относительно этой партийной программы. Партия с ее мировоззрением, изложенным в книге «Майн кампф», была официально признана. Было известно, по заявлению Гитлера, что его книга во многом устарела.

Верно то, что цели, к которым стремилась партия, могли привести к войне, что война, которая направлена на завоевание того, что составляет собственность других, является посягательством на эту собственность. Но лозунги «Жизненное пространство» и «Долой Версаль!» не должны были обязательно привести к агрессивной войне, так же, как и лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Имеется путь переговоров, во время которых апеллируют к благоразумию.

Как внутри государства забастовки, беспорядки и революции для рабочих могут быть оправданы тем, что совершающие эти действия завоевывают себе право на жизнь, так и в жизни народов право на жизнь может быть завоевано войной. Но нормальный путь — это путь переговоров. Если бы это было не так, каждый член оппозиционной партии мог бы подвергаться преследованию как государственный изменник.

Целью защиты в большей мере является выяснение не того, имела ли место агрессивная война или, вернее, суще-

ствовали ли намерения ее вести, а того, знали ли об этом политические руководители и было ли это для них совершенно ясным.

Очевидность агрессивных замыслов опровергается самими фактами.

Для каждого политического руководителя имели большое значение высказывания Гитлера, выражавшего желание разоружиться до последнего пулемета, его неоднократные заявления, что несчастье других народов не может принести пользы немецкому народу и что общее благосостояние является основой жизни народа. Подтверждением этого было морское соглашение с Англией, обещание не предъявлять территориальных притязаний, данное Франции, Мюнхенское соглашение и, наконец, договор с Советским Союзом о дружбе и ненападении. Именно этот договор вызвал волну особой радости, так как создалось впечатление, что он привел к миру с противником, считавшимся самым злейшим врагом. Именно этот договор доказывает невозможность выведения из книги «Майн кампф» линии поведения на будущее.

В вопросе о вооружении Германии политические деятели руководствовались неоднократным заявлением Гитлера о том, что «возможность дружественных отношений можно обеспечить только путем установления равенства в вооружении». Размеры производства вооружения были незначительными по сравнению с силами противников, и Гитлер заявлял, что было бы сумасшествием противопоставлять небольшое государство всему миру.

Основой уверенности политических руководителей в том, что в Германии не планируется война, служили неоднократно повторявшиеся Гитлером слова о том, что он никогда не допустит, чтобы народ пережил страдания новой войны, так как в первую мировую войну он сам был солдатом и знает, что это значит.

Существует еще один важный факт, который противопоставляется очевидности событий и их мотивам. Это система засекречивания. Средства засекречивания известны Трибуналу из предъявляемых доказательств. Я хочу подчеркнуть то обстоятельство, которое особенно помогало хранить все в секрете. Это доверие, которым пользовался Гитлер.

Для миллионов приверженцев Гитлера эта система прикрывалась ореолом почета и достоинства, который поддерживался кругом приближенных Гитлера, а ведь от них скорее всего можно было ожидать критики и предостережения. Из всего этого вытекает, что политические руководители могли не знать что-либо об агрессивных намерениях.

Предположение обвинения о том, что политические руководители специально осведомлялись об агрессивных планах, судя по результатам данного процесса, также не подтвердилось.

Утверждение обвинения основывается на предположении, что обычно всех ответственных партийных руководите-

лей оповещали о том, что происходило в действительности; но, как это уже установлено сейчас, в планы было посвящено только небольшое число лиц, то есть наиболее близкие Гитлеру лица.

Иначе обстоит дело с военными преступлениями, так как здесь речь идет не о доказательстве мотивов известных фактов, а об осведомленности о самих фактах. Совершенно бесспорно и естественно, что военные преступления в связи с их презренными мотивами держались в строжайшей тайне. Допрос свидетелей помог Трибуналу раскрыть кольцо молчания, замкнутое вокруг самых жестоких злодеяний. Отдельные военные преступления, о которых упоминало здесь обвинение, являются единичными и поэтому не могли быть общеизвестными. Об этом я скажу, когда буду останавливаться на каждом пункте обвинения.

Обвинение представило на рассмотрение ряд фактов, которые согласно положениям Устава не являются преступлениями. Приводились документальные данные о структуре партии, захвате власти и сохранении партией за собой этой власти. Эти факты вообще еще никем не оспаривались.

Создание диктаторского государства и запрещение других партий являются внутриполитическими мероприятиями, которые может проводить каждое государство по собственному усмотрению...

Было предъявлено четыре документа, имеющих отношение к политическим руководителям и затрагивающих вопрос об оказании влияния на выборы. Самым важным из них является документ Д-43, датированный 1936 годом. Это — запрос имперского министра внутренних дел о том, какие чиновники не выполнили своих обязанностей во время выборов.

Документ Р-142, датированный 1938 годом, имеет чисто местное значение: он относится к организации СД в Кобленце и содержит заявление начальника общей части окружной администрации о неудовлетворительных результатах выборов по причине личных разногласий. В обоих документах разбираются результаты выборов.

Два следующих документа — Д-897 и Д-902, датированные 1938 годом, являются перепиской между низовыми организациями СД в Эрфурте относительно установления контроля над выборами. В них предписывается теснейшее сотрудничество с руководителями местных групп группенлейтеров. Отсюда вытекает, что партийный аппарат в данном случае не был использован. Речь идет о самостоятельных действиях других инстанций. Поэтому считать это общим явлением ни в коем случае нельзя, так же как нельзя делать вывода о том, что о них знали все политические руководители.

Другим поводом для обвинения является осведомительная деятельность. Исходным пунктом для этого является выдержка из справочника, в котором указано, что блоклейтеры должны немедленно сообщать о всех лицах, распространяющих вредные слухи. С этим связывают и ведение

списков жильцов дома, которые преследуют цель наблюдения за жильцами. Возникает вопрос, соответствовало ли это вообще характеру деятельности политических руководителей и указаниям партии. Директивы партии политическим руководителям свидетельствуют о противоположном, например директива № 127 от 5 октября 1936 г., содержащая указания заместителя фюрера.

Допрошенные по этому вопросу свидетели показали, что политические руководители поступали именно согласно указанной директиве и что списки, о которых идет речь, не были предназначены для сообщения данных о жильцах. Особое внимание следует обратить на высказывания свидетеля доктора Кюна, который являлся референтом по «Закону о предательстве» в министерстве юстиции. Свидетель заявил, что сведения о жильцах исходили от враждующих между собой соседей или других доносчиков и только очень редко — от кого-либо из политических руководителей.

Конкретным доказательством осведомительной деятельности служит для обвинения только один документ Д-901, в котором блоклейтер и управляющий домом общины сообщают о тайном собрании лиц, принадлежащих к протестантской церкви, которое состоялось в его доме.

С обвинением в осведомительной деятельности связано также как следствие превентивное заключение и заключение в концентрационные лагеря. Объявление политических противников врагами государства и арест их являются обычным правом каждого государства и его политических руководителей. Это право представляет собой контрмеру в ответ на потери одной из борющихся политических сторон. Какой-либо связи с агрессивной войной это не имеет.

Ответственность за выдвинутые обвинения в злоупотреблениях, превышении власти и злодеяниях несет не партия, а государственные органы. Согласно распоряжению начальника полиции безопасности и СД от 10 марта 1940 г. (документ ПЛ-100) право на арест имело только гестапо. Вмешиваться в эти дела политическим руководителям было категорически запрещено. Действительное положение в концентрационных лагерях оставалось политическим руководителям неизвестным. Что касается осведомленности о положении в концентрационных лагерях, то допрошенный свидетель граф фон Редерн показал, что в начале 1943 года политические руководители заграничной организации НСДАП посетили концентрационный лагерь в Заксенхаузене и остались при том мнении, что все ходившие за границей слухи о концентрационных лагерях не имеют под собой никакого основания. Из аффидевита (ПЛ-57б) свидетеля Зикмейера видно, что он весной 1939 года вместе со 150 гостями-американцами посетил концентрационный лагерь Бухенвальд, а в аффидевите свидетеля Вюнше говорится, что он в июне 1938 года посетил концентрационный лагерь Заксенхаузен. Оба, и Зикмейер и Вюнше, заявляют, что жилищные условия и питание заключенных были нормальными. Другие 35 заявлений политических руководителей, посещавших ла-

геря, также свидетельствуют о нормальном состоянии заключенных концлагерей (имеются в виду питание и жилищные условия).

Из 14 тысяч аффидевитов, содержание которых изложено в резюме, представленном под номером 57, следует, что политические руководители ничего не знали о положении в концентрационных лагерях. На свои запросы в семи случаях они не получили ответа, а в 102 случаях получили удовлетворительные ответы. Далее были предъявлены обвинительные документы по вопросу о так называемой легкой смерти. Из доказательств следует, что политические руководители не принимали в этом какого-либо участия и не знали о проведении таких казней. Из письма Гитлера от 1 сентября 1939 г. (документ ПС-630) явствует, что речь шла о так называемом особом секретном поручении, которое было дано непосредственно рейхслейтеру без портфеля Боулеру и доктору Брандту. Об этом «особом секретном поручении» ни рейхслейтеры, ни гаулейтеры ничего не знали.

Из документа Д-906, номера 3 и 6, можно заключить, что полномочная врачебная комиссия в отдельных случаях поддерживала связь с руководящими партийными организациями районов или округов. Но и здесь следует отметить, что в последнем документе указывается на то, что ответственные партийные руководители не должны иметь к этому какого-либо отношения, так как существовавшие положения не предусматривали их вмешательства. Этот факт подтверждается аффидевитом Карла Рихарда Адама (ПЛ-59), который заверяет, что 7642 политических руководителя показали под присягой, что они не получали никаких распоряжений в этом отношении и не привлекались к проведению каких-либо мероприятий в этом направлении.

Были приняты все меры к тому, чтобы держать это дело в строжайшем секрете, хотя то там, то здесь просачивались кое-какие слухи. Особые пометки о секретности на этих документах свидетельствуют об этом. Врач доктор Энгель (аффидевит 59б), точно так же как и врач крейслейтер доктор Дитрих (аффидевит 59с), подтверждает официальное отрицательное отношение к практике предания «легкой смерти». Находились ли эти мероприятия в связи с ведением войны? Неоспоримо то, что еще в 1934 году обсуждался вопрос о предании «легкой смерти» (эвтаназии), о чем свидетельствует документ М-152.

В печати появились осторожные статьи, в которых эта мысль проводилась на основании идеи «естественного отбора» и в которых ссылались на то, что в Древней Греции нежизнеспособных людей лишали права на существование. Однако здесь трудно распознать какую-либо связь с военными намерениями, даже если учесть, что один из районных политических руководителей считал предание «легкой смерти» в период войны военным мероприятием (документ Д-906).

Я перехожу к событиям, которые происходили среди бела дня, если можно так выразиться, — к разгрому профсоюзов, преследованию церкви и преследованию евреев.

Всем известен «разгром» свободных профсоюзов. Речь идет о событии, единственном в своем роде, ответственность за которое совершенно ясна. Политические руководители, однако, не принимали непосредственного участия в этом мероприятии, хотя они и знали о нем, и одобряли его. В данном случае необходимо проверить, носило ли это мероприятие заведомо военный характер или оно было вызвано другими причинами.

Остается обвинение в отношении преследования церкви.

Борьба против церкви противоречила программе партии, и Гитлер поэтому никогда не проповедовал эту борьбу, он, напротив, стремился привлечь церковь на свою сторону. Он попытался это сделать через конкордат и имел успех, который отразился в заявлении конференции епископов в Фульде и заявлении австрийских епископов после присоединения Австрии к Германии... Настоящей борьбы против церкви, в собственном смысле этого слова, не было.

В 1933 году сразу же после захвата власти Гитлер заявил графу Вольф-Меттерниху, что недопустимо, чтобы с христианской церковью велась борьба (аффидевит 62-С). Свидетель профессор теологии Фабрициус также подтверждает это (аффидевит 62-А).

Еще до 1933 года в партию вступили некоторые студенты-теологи, профессора теологии и служители церкви. После 1933 года началось сильное движение за возвращение в лоно церкви тех лиц, которые под влиянием марксизма вышли из-под влияния церкви. Начали снова в больших масштабах производиться венчания и крещения (аффидевит 62-А, 62-Б).

Свидетель Шен подтверждает (аффидевит 62), что из 500 политических руководителей, заявления которых он проверял, 42 процента занимали церковные должности. О том, что многие политические руководители занимали такие должности, показывают также свидетели Вегшейдер и Кауфман.

Фактическое положение выясняется из аффидевита свидетеля Шена, который при проверке показаний, данных под присягой, установил, что в некоторых местных группах церковная жизнь не была нарушена и что члены партии иногда официально, а некоторые даже в своей форме присутствовали на богослужениях. Поэтому в отдельных местных группах существовали хорошие взаимоотношения между партией и духовенством.

Этому факту противостоит борьба против церкви, которую вели небольшие враждебно настроенные группы. Их действия и высказывания противоречат общей линии партии. Руководителем этих групп был Борман...

Преследование евреев является наиболее бросающимся в глаза событием, хотя оно также не относится к ведению или планированию агрессивной войны. Факты известны:

вытеснение евреев из экономики, их унижение, выражавшееся в приказе носить еврейскую звезду, исключение из общественной жизни, издание «Нюрнбергских законов», эвакуация на Восток и, наконец, истребление. Здесь может идти речь только о том, чтобы проанализировать степень участия политических руководителей и их осведомленность о роде и масштабе проводившихся мероприятий.

Предусмотренные законом меры предпринимались без согласия политических руководителей. В той степени, в какой они были направлены на сокращение влияния евреев, эти меры ими приветствовались и соответствовали партийной программе. Против «Нюрнбергских законов» также не возражали. Правда, еврейскую звезду считали унизительной. Но негативное отношение началось лишь при конфискации имущества и эвакуации евреев.

История событий 9 ноября 1938 г. известна Трибуналу по допросам. Это был рассчитанный на внезапность маневр, предпринятый Геббельсом в тот момент, когда гаулейтеры не были в своих гау. Партийный аппарат был обойден, так как здесь приходилось рассчитывать на возможное сопротивление. Поскольку вообще политическим руководителям была предоставлена возможность действия, многие из них обходили эти меры или (когда узнавали о них) давали противоположные указания. Свидетель гаулейтер Кауфман подтвердил правильность этого для Гамбурга, свидетель гаулейтер Валь рассказал на заседании Комитета уполномоченных Трибунала то же относительно Швабского района, а о позиции гаулейтера Кобленца и Трира говорится в аффидевите ПЛ-54ф.

Не установлено планомерного участия в этом и политических руководителей, состоявших в должности крейслейтеров и ортсгруппенлейтеров. Все показания свидетелей подтверждают возмущение (аффидевит ПЛ-54д и е).

Представленный обвинением доклад верховного партийного судьи Буха, который якобы превратил наказание в фарс, никому не был известен. Незначительность наказаний оправдывается в докладе тем, что нельзя было осуждать рядовых исполнителей, когда зачинщик всего Геббельс оставался безнаказанным. Последовавший непосредственно за этими событиями отказ от насильственного разрешения этого вопроса привел к тому, что стали верить планам о переселении, которые в действительности были подготовкой к истреблению. Неизвестно, когда именно было принято решение относительно истребления. Аффидевит ПЛ-54-х свидетеля Альберта показывает, что якобы еще в 1942 году Гиммлер писал, что он намеревается разрешить еврейский вопрос законным и человечным путем, затратив на это от 25 до 30 миллиардов марок. Следует признать, что основанием для всех этих мер было не ведение войны, а исключительно расовый вопрос.

Вести о действительных событиях на Востоке доходили лишь в форме отдаленных слухов, из-за их чудовищности им никто не верил, все считали их вражеской пропагандой.

Характерно «разъяснение», данное партийной канцелярией 9 марта 1942 г. (документ 49), где были опровергнуты эти ужасы.

Документ Д-908, представляющий собой выдержку из журнала «Ди лаге» от 23 августа 1944 г., содержит указание о еврейской проблеме в Венгрии. Однако он не давал возможности узнать об истинных происшествиях, так как газета была мало распространена, а это сообщение опубликовано только в конце войны. И вообще эта статья в принципе не могла в какой-либо степени изменить общее мнение. Как относилась к еврейскому вопросу основная масса политических руководителей всех рангов и ведомств, ясно видно из аффидевита ПЛ-54, который содержит сводку 20 000 показаний, данных под присягой.

Следующий подлежащий выяснению вопрос касается обвинения политических руководителей в военных преступлениях. Прежде всего здесь речь опять идет о еврейском вопросе, а именно о евреях, проживающих за границей.

В своем большинстве политические руководители не имели сведений о событиях вне пределов империи. В прессе сообщалось, что правительства других стран, таких, как Венгрия, Франция и Италия, принимали меры того же рода, что и германские инстанции. Что происходило в действительности, оставалось неизвестным в Германии. Документ ПЛ-49, содержащий конфиденциальную информацию партийной канцелярии от 9 октября 1942 г. о «слухах относительно положения евреев на Востоке», имел целью замаскировать и опровергнуть существующие факты. Что касается германизации славянских областей, то на заседании Трибунала свидетелю Хирту были предъявлены три документа. Документ СССР-143 говорит об уничтожении славянских надписей на улицах и о введении немецкого языка в качестве официального языка в учреждениях. Более подробное расследование показывает, что речь идет о действиях «Отечественного союза». Этот союз не был партийной организацией. События касаются маленького города Петтау, который до мирного договора 1918 года был населен немцами.

Документ СССР-449 относится к возвращению областей в Каринтии и Крайе, которые раньше были заселены немцами, а документ СССР-191 показывает, что речь идет о мероприятиях СД в пограничных областях Штирии.

Все эти документы совершенно не доказывают того, что политические руководители знали о приказах, осуществление которых осталось неизвестным.

Большое место занимают обвинения, выдвинутые против политических руководителей в связи с управлением на Востоке. Доказаны ли эти обвинения на основании судебного разбирательства — этого решить пока нельзя. Однако можно рассмотреть вопрос о том, в какой степени политические руководители могли знать об этих событиях и могут ли они поэтому за них нести ответственность.

Документ ПС-1058 содержит речь Розенберга перед началом восточного похода, относительно которой вполне определенно высказался уже его защитник. Речь была тайной, известной лишь узкому кругу лиц. Документ Л-221 от 16 июля 1941 г. касается Крыма; это секретные заметки Бормана о совещании в главной ставке фюрера. Точно так же не была широко известна памятная записка о переговорах между Розенбергом и Гитлером относительно Крыма.

Политическим руководителям на основании дневника Франка ставится в вину осведомленность о нетерпимом продовольственном положении в генерал-губернаторстве. Нельзя без доказательств утверждать, что в 1941 году в генерал-губернаторстве 40 процентов населения недоедало и страдало от истощения. Трудности в области продовольственного снабжения, известные в пограничных районах после проигранной войны, могут быть обусловлены и другими причинами.

Документ Р-36 показывает ужасающую позицию Бормана по вопросу об обращении с населением в оккупированных областях, целью которой было добиться устрашающего воздействия. Документ представляет собою письмо доктора Маркулля, сотрудника министерства по делам оккупированных восточных территорий. Это письмо от 19 августа 1942 г., адресованное Розенбергу и отражающее позицию автора в этом вопросе. Прямой и резкий тон, возмущение, высказанное в письме, свидетельствуют как раз о том, что позиция Бормана не встретила одобрения и что на практике действовали совершенно иначе. Именно факт свободного обращения к Розенбергу доказывает, что последний был согласен с письмом и отрицательно относился к позиции Бормана.

Документ ПС-1130 содержит неоднократно цитировавшуюся здесь речь рейхскомиссара Коха, произнесенную им в Киеве 1 апреля 1943 г. о «народе господ». Кох знал, что его точку зрения не разделяли. Об этом говорят его слова о том, что его руководители отделов делятся на две группы: одни работают против него открыто, другие — тайно.

В документе Р-112 собраны директивы Гиммлера как рейхскомиссара по консолидации немецкой нации за период с февраля по июнь 1942 года. В них говорится о возможных вещах — об онемечивании бывших немцев восточных областей и включении их в состав немецкой нации. Одна из этих директив направлена для сведения гаулейтерам. Но она не содержит никаких указаний на проведение преступных мероприятий.

Из документа ПС-327 обвинение делает вывод, что гаулейтеры замешаны в ликвидации «огромных богатств» на Востоке. В результате проверки, однако, обнаруживается, что речь идет о деятельности немецких фирм, созданных в качестве государственных предприятий при помощи больших капиталовложений. В письме от 17 октября 1944 г. к гаулейтерам предъявляется только одно требование, а именно не вмешиваться в эти дела.

Из всего явствует, что политические руководители в целом не могли больше, чем другие, знать о преступных действиях.

Теперь я хочу перейти к деятельности оперативного штаба Розенберга. Деятельность эйнзатцштаба Розенберга не была официальным делом партии. Как уже говорил защитник подсудимого Розенберга, речь идет о приказе Гитлера, согласно которому Розенберг получил определенное задание, лично, а не партийная инстанция. Это следует из документа ПС-136, представляющего собой письмо Гитлера от 29 января 1940 г., и из указа фюрера от 1 марта 1942 г. (документ ПС-149). Это подтверждается также показаниями, данными в Комитете уполномоченных Трибунала свидетелями доктором Мюллером и графом фон Редерном. В том же духе написан аффидевит свидетеля Кюнцлера, где говорится, что инстанциям казначейства было известно, что это было личным поручением Розенбергу.

Эйнзатцштаб Розенберга не являлся партийной организацией. Сотрудниками его штаба были ученые и специалисты, ничего общего с партией не имевшие, некоторые из них — иностранцы. Все они работали по специальной мобилизации. Руководитель работ в Париже не был политическим руководителем. Особое положение, в котором они находились, и то, что они были чем-то отличным от партии, внешне выражалось в особой форме, которую они носили.

Из того обстоятельства, что эйнзатцштаб Розенберга финансировался казначейством партии, обвинение сделало вывод, что политические руководители принимали участие в его деятельности. Из документа ПС-145, США-337 следует, однако, что это финансирование было только предоставлением кредита, все расходы должно было нести министерство Розенберга как государственное учреждение. Это подтвердил в своем аффидевите, идущим за номером 58а, свидетель Кюнцлер, руководитель финансового управления партии. То же показал свидетель доктор Мюллер, руководитель отдела по имущественным вопросам, допрошенный в Комитете уполномоченных Трибунала.

В доказательство непосредственного участия политических руководителей в деятельности штаба Розенберга обвинение сослалось на документ ПС-071, согласно которому политические руководители должны были принимать окончательное решение по вопросу о конфискациях, предпринятых штабом Розенберга. Как явствует из вводной части этого документа, положения, изложенные в нем, распространялись только на территорию Германии, где надлежало конфисковывать имущество «у идеологических противников». Это находится в связи с документом ПС-072, в котором имеется предложение, касающееся вопросов церкви. Это предложение сводилось не к тому, чтобы гаулейтеры конфисковывали вещи, а, наоборот, к тому, чтобы не были допущены разрушения. Гаулейтеры должны были обеспечивать сохранность конфискованного до тех пор, пока не будет произведен учет. В этих документах не могло быть

речи о расхищениях и грабежах за границей потому, что за границей не было гаулейтеров, которым могли бы даваться подобные указания.

В заключение указывается, что никаких окончательных распоряжений относительно судьбы конфискованных культурных ценностей вообще не давалось. Свидетель Мюллер, допрошенный в Комитете, и свидетель Кюнцлер показали, что о судьбе этих вещей решение должно было быть принято во время мирных переговоров.

Несколько отдельно стоит кампания по конфискации мебели, о которой упоминало обвинение. В результате проведения этой кампании из Франции среди прочего была увезена обстановка из 70 тысяч домов. Эта кампания началась по инициативе министерства по делам восточных областей и была осуществлена его же работниками.

Вопрос о военнопленных уже достаточно выяснен другими защитниками, которые установили, что политические руководители никакого отношения к военнопленным не имели.

Обвинение предъявило в качестве обличающего доказательства документ ПС-656, представляющий собой распоряжение ОКВ от 1944 года. Это распоряжение гласит, что, когда под влиянием вражеской пропаганды пленные учиняют насилие, охрана имеет право прибегать к самообороне. В крайних случаях ей разрешалось применять оружие. Политические руководители никакого отношения к этому распоряжению и его осуществлению не имели.

По вопросу об использовании иностранных рабочих я уже подробно высказывался при осуществлении защиты по делу Заукеля. О фактическом положении дел говорил свидетель Гупфауер, допрошенный на Комитете 11 июля 1946 г. и в Трибунале 31 июля 1946 г. Я ссылаюсь также на аффидевиты 55а до 55д. Последний содержит данные под присягой показания 15 тысяч человек. Эти аффидевиты дают точную картину условий жизни и труда иностранных рабочих. Нет никаких указаний о том, что с ними плохо обращались, систематически избивали их, или о том, что те условия, о которых здесь говорили, кем-то санкционировались.

Особо следует остановиться на документе ЕС-68 — распоряжении Баденского крестьянского управления о том, как следует обращаться с польскими сельскохозяйственными рабочими. Это распоряжение — единичное явление, имевшее место в период до издания единых положений об использовании рабочей силы. Распоряжение издано не партийной организацией. Провинциальное крестьянское управление — это самостоятельная профессиональная организация, не входящая в состав партии. Позже, в результате издания положений об использовании всех иностранных рабочих, данное распоряжение было отменено. На основании представленных доказательств установлено, что на практике с санкции партийных руководителей это распоряжение не выполнялось. В подтверждение этого следует указать на письменные показания многих политических руководителей из гау Бадена, собран-

ные в аффидевите 68. Далее я хочу сослаться на показания свидетеля Мора (из Баварского крестьянского управления) и на показания гаулейтера Швабии Валя и ортсгруппенлейтера Вегшейдера (16 июня и 31 июля 1946 г.).

Что касается случаев прерывания беременности у иностранных работниц, то из сообщения партийной канцелярии от 9 декабря 1943 г. следует, что эти случаи были возможны только по настоятельному желанию самих работниц. Приложенная к документу справка свидетельствует о том, что подобные случаи представляли собой исключение.

В качестве последнего, но наиболее тяжкого обвинения политическим руководителям инкриминируется преступление, состоящее в том, что они допускали линчевание летчиков противника, совершивших вынужденную посадку. Здесь речь идет не о том, допустимы ли налеты авиации на гражданское население и можно ли оправдывать возмущение населения, а о том, что населению было разрешено убивать таких летчиков без судебного разбирательства.

Председатель: *Доктор Серватиус, Вы сейчас переходите от обращения с иностранными рабочими к другой части речи. Трибунал хотел бы знать, как Вы освещаете вопрос, касающийся отношения политических руководителей к обращению с иностранными рабочими. Утверждаете ли Вы, что политические руководители не имели отношения к использованию рабочей силы, доставленной в Германию согласно программе насильственного использования рабочей силы, и не контролировали использование рабочих?*

Серватиус: *Я возражал против того факта, что политические руководители принимали участие в поставке и вербовке иностранных рабочих. Их задача в основном заключалась в наблюдении за должным обслуживанием этих рабочих, и я утверждаю, что они справлялись с этой задачей.*

Председатель: *Вы соглашаетесь с тем, что политические руководители взяли на себя обязанность контролировать использование рабочей силы?*

Серватиус: *Да. Я утверждаю это. Как известно, в связи с делом подсудимого Заукеля здесь допрашивались некоторые гаулейтеры. Все они говорили, что осуществляли те задачи, которые им поручали выполнять в связи с использованием рабочей силы. Это ясно сказано по делу Заукеля. Мне только что сообщили, что я неправильно понял вопрос. Господин председатель, речь идет здесь о надзоре.*

Председатель: *Я буквально спросил Вас, утверждаете ли Вы, что политические руководители не имеют никакого отношения к использованию рабочей силы в Германии согласно программе насильственного использования рабочей силы и не контролировали использование рабочих?*

Серватиус: *Я вижу, господин председатель, что я правильно понял Вас, и настаиваю на своем ответе.*

Председатель: *Таким образом, хотя Вы и заявляете, что политические руководители не оказывали содействия при проведении мероприятий, выразившихся в том, что рабочих поставляли в Германию, но соглашаетесь с тем, что они*

принимали участие в руководстве по распределению рабочих, доставленных в Германию, и контролировали их использование?

Серватиус: *Они осуществляли верховный надзор как уполномоченные по использованию рабочей силы. Они должны были, следовательно, контролировать, выполняли ли свои обязательства Германский трудовой фронт и руководители предприятий или нет. Политические руководители непосредственно не несли никакой ответственности. Им, как органам, подотчетным Заукелю, поручались лишь функции надзора. Заукель хотел контролировать именно таким образом с тем, чтобы знать, правильно ли осуществлялись его задачи.*

Председатель: *Вы утверждаете, что политическим руководителям не было известно о том, что рабочие доставлялись в Германию не на добровольных началах?*

Серватиус: *Я не оспариваю того, что рабочие прибывали на основе обязательств. Я признаю, что гаулейтеры должны были знать и знали, что основной контингент рабочих прибывал на основании чрезвычайных распоряжений о трудовой повинности...*

Нужно далее выяснить, допускали и одобряли ли политические руководители совершение таких военных преступлений, как линчевание.

Обвинение предъявило в этой связи пять документов. Прежде всего — постановление заместителя фюрера Гесса от 13 марта 1940 г. (документ ПС-062). Речь идет о секретном постановлении, в котором рассматривается вопрос об отношении населения к приземлившимся самолетам и парашютистам; в постановлении содержится указание о том, что нужно их задерживать и «обезвреживать». Для того чтобы правильно понять значение этого слова, имеющего сегодня сомнительный смысл, нужно исходить из того, что речь идет о вражеских солдатах, которые покинули борт самолета с боевым заданием. Для гражданского населения почти невозможно было задержать парашютистов, и поэтому вышеупомянутое выражение следует понимать таким образом, что нужно было принимать другие меры, чтобы предотвратить вред, который могут нанести парашютисты.

В документе особо требуется сохранение тайны, это, вероятно, можно объяснить тем, что лица из гражданского населения получили такой приказ, который мог превратить их в сражающихся. Фактически же неизвестны случаи из того периода, которые являлись бы нарушением международного права по отношению к летчикам.

О том, что подобное мероприятие не проводилось, ясно свидетельствует конфиденциальная информация партийной канцелярии от 4 декабря 1942 г. Там решительно порицается мера, принятая против летчиков в Японии.

Иначе нужно рассматривать более поздние документы, открыто поощрявшие это военное преступление и подстрекавшие к его совершению.

Анализ документов в этом случае должен быть направлен на то, чтобы установить, насколько политические руководители были осведомлены об этом преступлении и причастны к нему. Распоряжение Гиммлера от 10 августа 1943 г. (документ Р-110) обращено к высшим руководителям СС и полиции. Согласно этому документу следовало уведомить «соответствующих гаулейтеров». Однако ответственными были лишь те, на которых были возложены государственные функции, то есть имперские комиссары обороны и имперские наместники. Следовательно, это распоряжение не было связано с тем, чтобы развивать активную деятельность в политической сфере. Если бы это было так, то партийная канцелярия была бы ответственной за такой призыв. Из сказанного следует, что не все гаулейтеры информировались, а крейслейтеры и подчиненные партийные органы вовсе не уведомлялись. Об этом свидетельствует также показание Гофмана во время его допроса 2 июля 1946 г. Другие гаулейтеры подтвердили, что они узнали о распоряжении Гиммлера, обращенном к полицейским органам, лишь будучи «имперскими комиссарами обороны».

Циркуляр Бормана от 30 мая 1944 г. (документ ПС-057) уведомлял всех политических руководителей о том, что они не должны препятствовать линчеванию летчиков...

Председатель: *Я не совсем понимаю, в чем, собственно, заключаются Ваши аргументы по этому поводу. Вы хотите указать на то, что в документе 110 в понятие «гаулейтеры, облеченные полномочиями» не включаются все гаулейтеры?*

Серватиус: *Этим понятием охватываются только те, кто занимал должность рейхскомиссаров. Они получали указания от полицейских инстанций в служебном порядке. Остальные гаулейтеры, которые официально не состояли на службе в качестве гаулейтеров, таких указаний не получали. Результатом этого явилось то, что гаулейтер, который по существу являлся имперским комиссаром обороны, не давал указаний подчиненной ему политической инстанции. Таким образом, крейслейтер не получал никакой информации.*

Председатель: *Вы говорите, что гаулейтеры лишались права управлять своими гау, если их не назначали на посты имперских комиссаров обороны и рейхсштаатсгальтеров?*

Серватиус: *Эти инстанции были отделены друг от друга. Указания служебного характера передавались крейслейтерам лишь в тех случаях, когда они затрагивали партийные вопросы.*

Председатель: *Это — не ответ на мой вопрос. Я спросил, утверждаете ли Вы, что гаулейтеры, которые не являлись имперскими комиссарами обороны или рейхсштаатсгальтерами, лишались власти в тех гау, в которых они занимали посты гаулейтеров?*

Серватиус: *Нет, этого я не хочу сказать. Я хочу сказать, что распоряжения передавались обычно по инстанции, и я указал лиц, которые могут подтвердить, что крейслейтеры не получали об этом никаких сведений. Иначе дело обстояло с последующими распоряжениями. Они могли их полу-*

чать и получали, с распоряжением Гиммлера дело обстояло именно так.

Председатель: Продолжайте.

Серватиус: Циркуляр Бормана от 30 мая 1944 г. был предназначен для того, чтобы поставить в известность всех политических руководителей, что линчевание летчиков допускается. Этот циркуляр является откликом на статью Геббельса, которая была напечатана за день до этого и в которой Геббельс обращался непосредственно к населению.

Для защиты важно установить, каким образом политические руководители сотрудничали в этом деле, повсюду ли эти военные преступления совершались при благожелательном отношении со стороны политических руководителей и с их одобрения. Может быть, возможно установить как раз обратное. Трое допрошенных гаулейтеров (свидетели Гофман, Кауфман, Валь) единогласно показали, что они понимали последствия циркуляра и вопреки содержащемуся в нем требованию не передали его крейслейтерам. То же самое показали гаулейтеры Мекленбурга, Везер-Эмса и Тироля (аффидевиты 61-D, H и G).

В других гау дела обстояли таким же образом, это явствует из того, что большинство крейслейтеров вообще не узнало об указаниях Бормана; если же они получили указания, то не выполняли их в своем округе (крейсе) и из-за таившейся в них опасности не передавали их дальше (см. показания свидетеля Мейера-Вендеборна из района Ольденбург, свидетеля Кюля — крейслейтера в Восточном Ганновере, свидетеля Бидермана — гаулейтера из Тюрингии, свидетеля Брюкманна — крейслейтера Гессен-Нассау, свидетеля Неймана — крейслейтера Саксонии, свидетеля Эбера из гау Вестмарка, свидетеля Хауса — крейслейтера в Вецларе).

Среди свидетелей, подтвердивших, что данные указания не были переданы дальше, находится Гофман; в его гау 25 февраля 1945 г., следовательно, через девять месяцев, проникла весть о допустимости линчевания. В данном случае заслуживает упоминания в пользу политических руководителей то, что свидетель долго колебался, действовать ли в соответствии с указаниями Бормана и Гиммлера. Во время допроса свидетель заявил, что он не издал составленное им распоряжение в связи с получением указаний и что весть о них распространилась без его ведома. В действительности в гау указания не выполнялись (доказательство — аффидевит Шолтиса).

В отношении всех показаний гаулейтеров и крейслейтеров следует заметить, что лишь незначительное число свидетелей было допрошено и что из общей массы имеющегося материала можно было выбрать лишь незначительное количество данных под присягой показаний.

Можно все же считать установленным, что в общей массе политические руководители не следовали преступному предложению. Несмотря на ожесточение, отчаяние и несчастья, связанные с гибелью многих человеческих жизней, было предотвращено нарушение обычаев войны. В аф-

фидевите 61 собрано около 11 тысяч показаний, которые не только свидетельствуют о пассивном порицании опасного метода, но и подтверждают во многих случаях вмешательство в целях охраны летчиков от гнева населения.

Наконец, политическим руководителям вменяется в вину, что они через заграничную организацию НСДАП развивали за границей деятельность пятой колонны. В этой связи не были представлены доказательства ни во время допросов в Трибунале по делу Гесса, ни во время допросов в Комитете. Заграничная организация служила целям объединения находившихся за границей имперских немцев, являвшихся членами партии, и должна была поддерживать в них германский дух...

Я высказался по отдельным пунктам обвинения. Теперь нужно исследовать, являются ли рассмотренные случаи отдельными явлениями или они соединены воедино и тем самым свидетельствуют о преступном характере организации политических руководителей.

Обвинение указало на то, что оно предъявило обширный материал. Нужно признать, что в результате оккупации Германии и деятельности властей все уголки подверглись обыску, чтобы доставить доказательства. Но этот материал при его исследовании поражает своей скудостью; выясняется, что материал не охватывает всего широкого полотна, на котором развертывается обвинение.

Не разрозненные факты, а лишь систематический доказательственный материал может убедить в том, что события, имевшие место в одной области в определенное время, постоянно происходили и во всех других областях. Отдельные явления удалось превратить лишь с помощью заговора в систему, которая придает всему преступный характер. Но именно наличие заговора нужно сначала доказать...

Документам обвинения противостоят показания свидетелей защиты. Обвинение поставило под сомнение правдивость показаний этих свидетелей, заявив, что все они являются свидетелями по своему собственному делу. Их упрекали в том, что они до последнего момента не покидали своей должности.

Если следовать этим соображениям, то это значит лишить смысла предусмотренное уставом право заслушивать высказывания членов организаций.

Эти свидетели, наоборот, выступают не как свидетели по собственному делу, а как свидетели, имеющие общие сведения о событиях и взаимоотношениях, которые могут быть разъяснены только самими членами организаций. Правдивость их показаний должна вытекать из идентичности многих показаний.

Нельзя вообще отклонять целиком какое-нибудь показание, если этот процесс ставит целью исключить в последующих процессах доказательства по рассматривающимся уже пунктам обвинения. Каждый человек мог бы пригласить свидетеля для подтверждения правильности своих показаний, но для этого уже нет времени. Если какое-либо пока-

зание считается неправдоподобным, то это должно быть доказано в каждом отдельном случае.

Комитет уполномоченных и Трибунал допросил незначительное число свидетелей. Показания отдельных свидетелей для установления преступного характера организации не имеют решающего значения. Свидетель не может обычно дать подробных показаний относительно общего положения вещей, которое подлежит выяснению. Показания такого свидетеля даже при глубоком знании предмета остаются отрывочными.

Только всеобъемлющее расследование может внести ясность, а у обвинения для этого была хорошая возможность, в частности, путем опроса лиц в лагерях. То, что все заключенные подвергались проверке, показывают отдельные процессы, которые проводились в результате этой проверки. Но преступление как всеобщее явление не было установлено. Защита, со своей стороны, охватила весь свидетельский материал, который был ей доступен в документе, представляющем итог опроса. На процессе в Трибунале такого рода документ принципиально допускается, если он носит характер правительственного отчета. Недостатки вышеупомянутого документа известны. Его минусом является подбор свидетелей. В данном деле круг свидетелей ограничен заключенными лагерей.

Второй минус заключается в том, что постороннему человеку нельзя проверить приведенные данные из-за обширности материала. Но как раз эта проверка при существующих условиях может быть обеспечена. Сведения, касающиеся всех свидетелей из лагерей, хорошо известны и подтверждены в результате проверки. Показания свидетелей в любое время можно проверить. То, что такая проверка возможна, показывает создание судов, рассматривающих дела по денацификации.

Если будет целиком отрицаться доказательная сила свидетельских показаний и аффидевитов без проверки их действительной ценности, то на этом процессе нельзя будет прийти к правильному решению.

Если мы будем считать, что показания свидетелей имеют известную доказательную силу, то будет нарушена та единая картина, из которой обвинение исходит в своем ходатайстве.

Другое дело, может ли быть поставлен вопрос об общей, коллективной ответственности, возникшей на почве ответственности всех политических руководителей, вследствие их положения или осведомленности о том, что происходило. Спрашивается, является ли крейслейтер в сельской местности практически ответственным за деятельность ортсгруппы большого города или несет ли кто-либо, кто в 1930 году был политическим руководителем, ответственность за события, происходившие во время войны? Сущность вопроса в том, будет ли блоклейтер привлечен к ответственности вследствие того обстоятельства, что на основе тайного распоряжения люди уничтожались методом

«легкой смерти» (эвтаназии). Совершенно ясно, что здесь следует делать различие. Прежде всего различие во времени. Заговор, связавший воедино отдельные действия, согласно выводам представителя обвинения от Советского Союза, может с полной очевидностью датироваться до 1935 года. Согласно приложению «А» к Обвинительному заключению по делу организации правительство несло ответственность за заговор лишь после 1934 года. Из документов, которые были представлены обвинением по делу политических руководителей, только один относится к 1933 году, это — документ ПС-374. Он касается местного бойкота евреев. Все остальные документы относятся к событиям, начиная с 1938 года. Большинство документов относится лишь к периоду войны.

При установлении периода, когда было совершено преступление, отдельные случаи не могут быть решающими, принимается во внимание лишь деятельность, которая в свое время носила всеобщий характер.

Если обвинение считает, что его аргументы относятся ко всему периоду существования партии, то я считаю это неправильным.

Нельзя также придерживаться того мнения, что блоклейтеры на общественных началах ответственны в той же степени, как и рейхслейтеры или гаулейтеры. Необходимо провести между ними различие.

Гаулейтер был в большей степени посвящен во все вопросы, он был больше осведомлен и имел больший опыт, чем ортсгруппенлейтер. Партийного работника — профессионала нужно судить иначе, чем того, кто занимался этим как общественной работой. Только в том случае, если было бы доказано наличие общего заговора, можно было бы их уравнять. Но прежде всего необходимо доказать именно наличие заговора. При просмотре документов обвинения ясно выявляется разный характер ответственности. Имелись приказы, которые издавались руководством, но о которых узнавал лишь узкий круг людей; имелись приказы, которые должны были доводиться только до политических руководителей; имелись приказы, которые были действительны лишь для части страны, но о которых не было известно в других гау. Некоторые мероприятия проводились высшими политическими руководителями и поручались им вследствие их особого государственного положения, а поэтому эти мероприятия не были связаны с партийным аппаратом.

Различия в положении принимались во внимание обвинением, и поэтому к ответственности не были привлечены члены штабов ортсгрупп, так же как и заместители целлен- и блоклейтеров. Исходя из этого и следует разбирать степень ответственности остальных групп работников.

Признание целленлейтеров и блоклейтеров участниками заговора, в то время как совершенно исключаются из их числа вышестоящие члены штабов ортсгрупп, основывается на том, что в партийном справочнике они обозначены как «ответственные партийные руководители».

Значение справочника неправильно понимается обвинением. Эта книга была теоретическим трудом, так называли ее и референты при начальнике организационного отдела Лее.

Название «ответственные партийные руководители» было принято для целленлейтеров и блоклейтеров из чисто конструктивных целей потому, что это давало возможность включить их в иерархию партийных должностей. В результате блоклейтер кажется ответственным лицом в то время, как рейхслейтер не несет ответственности; вот почему блоклейтеры наряду с самим фюрером отнесены к числу ответственных партийных руководителей империи. Но в изданной в 1940 году книге доктора Линга под заглавием «Управление национал-социалистской партии» целленлейтеры и блоклейтеры уже не названы ответственными политическими руководителями.

Термин «ответственный политический руководитель» распространяется лишь до ортсгруппенлейтера включительно (документ ПЛ-7). Целлен- и блоклейтеры не относятся к ответственным партийным работникам согласно распоряжению партийной канцелярии от 8 октября 1937 г. (документ 2-ПР). Там названы только четыре категории должностей, в отношении которых применяется термин «ответственный партийный руководитель», причем включительно до ортсгруппенлейтера. В распоряжении Гитлера от 23 апреля 1941 г., документ ПЛ-4, о запрещении находиться в местах, подвергшихся разрушению в результате воздушных бомбардировок, целлен- и блоклейтеры также не включены в число ответственных политических руководителей. Так обстоит дело и с журналом «Ответственный политический руководитель», который приводится обвинением в качестве документа ПС-2660 как доказательство особого положения целленлейтеров и блоклейтеров; в нем указывается, что рассылка газеты производится до ортсгруппенлейтеров включительно.

Председатель: *Доктор Серватиус, совпадают ли страницы немецкого текста Вашей речи со страницами английского текста?*

Серватиус: *Я не смог проверить это, но они должны соответствовать. Я остановился на странице 54.*

Председатель: *Хорошо. Я хочу, чтобы Вы на минуту вернулись к странице 53. Я не совсем понимаю тот аргумент, который Вы приводите в конце страницы 53. В английском тексте здесь сказано: «Название "ответственные партийные руководители" было принято для целленлейтеров и блоклейтеров из чисто конструктивных целей».*

Я не понимаю, что означает здесь слово «конструктивных». Далее говорится: «...потому, что это давало возможность включить их в иерархию партийных должностей. Эта система приводит к тому выводу, что блоклейтер является ответственным лицом в то время, как имперский руководитель не обладает этими свойствами...» Кого Вы имеете в виду под словом рейхсфюрер? Это то же самое, что рейхслейтер?

Серватиус: Рейхсфюрер? Там должно стоять рейхслейтер.

Председатель: Затем на странице 54 в параграфе 3 говорится далее: «В равной мере согласно распоряжениям партийной канцелярии от 8 октября 1937 г. целлен- и блоклейтеры не относятся к ответственным партийным работникам (документ ПЛ-2). Там названы только четыре категории должностей, в отношении которых применяется термин "ответственный партийный руководитель", причем они завершаются на ортсгруппе». По-видимому, это заявление равносильно тому, что рейхслейтеры являются хохайтстрегерами?

Серватиус: В империи имелось одно единственное руководящее политическое лицо, и таким лицом являлся только фюрер — Адольф Гитлер. Что же касается рейхслейтеров, то они ответственными лицами не являлись, так как не имели полномочий, таково было требование фюрера. На схеме это выглядит так: государство, фюрер, затем гаулейтеры, крейслейтеры, ортсгруппенлейтеры; на этом схема кончается, так как нет территориального подразделения, соответствующего блок- и целленлейтерам.

Я продолжаю. Партийная канцелярия 7 декабря 1943 г. издала распоряжение, согласно которому блоклейтеры и целленлейтеры не относились к ответственным политическим руководителям (ПЛ-24). Не только по форме, но и по роду деятельности блоклейтеры и целленлейтеры не были ответственными лицами, которые пользовались бы особым преимуществом или были бы облечены особыми полномочиями...

Совершенно определенно то, что всех таких лиц нельзя рассматривать как находящихся на осведомительной службе.

У них также не было никаких задач по политическому руководству; в большинстве своем это были простые люди, которые для этого не имели времени, не обладали достаточным запасом знаний... Особенно важным мне кажется в этой связи только что упомянутый документ ПЛ-24 относительно «инструкций партийной канцелярии по политическому руководству». Эти «инструкции» должны, как гласит документ, быть изданы для скорейшего политического инструктажа руководящих политических работников (следовательно, гаулейтеров, крейслейтеров и ортсгруппенлейтеров).

Таким образом, блоклейтеры и целленлейтеры не получали постоянных указаний руководства, ортсгруппенлейтеры не имели даже права знакомить их с такими указаниями...

Если считать, что целленлейтеры или блоклейтеры имели полномочия издавать приказы или имели дисциплинарные права или полицейские полномочия, то это заблуждение обвинения, возникшее на основе «справочника по организации партии».

Неправильно также то, что целлен- и блоклейтеры имели право привлекать членов СА, СС или Гитлерюгенд. Это разъясняют доказательства, приведенные в Комитете. Я сошлюсь на показания свидетелей Гирта, Энгельберта, Шнейдера и Кюна. Целый ряд письменных показаний под-

тверждает это. Это соответствовало порядкам, установленным в партии (документы 26 и 27).

Осведомленность обычного политического руководителя не превышала осведомленности рядового члена партии (я ссылаюсь на документ ПЛ-47). Обязанность поддерживать партию и государство не превышала обязанностей любого чиновника (документ ПЛ-37). Имеются отдельные поступки политических руководителей, за которые они должны нести большую ответственность, это знает каждый, кто был в Германии. Но и в равной мере каждый знает, что это не было характерным для большинства блоклейтеров.

При рассмотрении вопроса об ответственности организации, которую я защищаю, необходимо особо учесть отдельные периоды.

До 1 декабря 1933 г. каждый член партии нес ответственность в случае отказа занять официальный партийный пост только перед партией. После вступления в силу закона об обеспечении единства партии и государства от 1 декабря 1933 г. эта, прежде частноправовая ответственность стала ответственностью перед законом государства.

Согласно параграфу 5 этого закона в случаях отказа занять пост виновному грозило заключение и арест, то есть наказание, которое по немецкому законодательству применялось только в случаях нарушения норм, установленных законом.

Согласно параграфу 1 (абзац 1) приказа о выполнении закона об обеспечении единства партии и государства устав национал-социалистской партии приобрел общественно-правовой характер.

Со времени вступления в силу закона от 1 декабря 1933 г. обязательное замещение официальных постов стало долгом, предусмотренным законом. Это видно из того, что в параграфе 20 закона о создании Германского трудового фронта от 26 июня 1935 г. совершенно точно разъяснялось, что служащие в органах государственной трудовой повинности могут отказаться от занятия почетной партийной деятельностью. Не было бы необходимости особо предусматривать в законе возможность отказа от обязательного замещения партийной должности для служащих органов государственной трудовой повинности, если бы обязательное замещение партийных должностей не было бы обязанностью, предусматриваемой законом.

Обязать кого-либо сотрудничать означало на практике в сущности принудить данное лицо. Тот, кто уклонялся от назначения на официальную должность, без сомнения, был бы исключен партийным судом из партии (это документы ПЛ-63, ПЛ-64 и ПЛ-8). Исключение из партии было равносильно потере средств к существованию со всеми вытекающими отсюда последствиями (документ ПЛ-75). Кроме того, член партии, который отказывался принять назначение, должен был учитывать возможность в этом случае лишения его свободы (документ ПЛ-63). Принуждение занимать долж-

ность в партии было, таким образом, одновременно и физическим принуждением.

Тот, кто работал в партии до захвата власти, делал это, пожалуй, по идейным соображениям. Те, кто назначались на должность после захвата власти, очевидно, в большинстве случаев соглашались на это без особого восторга, поскольку они, как показывают все доказательства, возлагали на себя лишь бремя и получали неприятности, не имея от этого одновременно никаких преимуществ... Обязательное замещение партийных должностей было не просто фикцией, физическое воздействие фактически применялось в широких масштабах (я ссылаюсь на документ ПЛ-8). Если кто-либо во время войны занимал посты и становился политическим руководителем, это, как правило, было следствием положений закона или того, что в случае отказа виновный знал, что он будет предан партийному суду. В эту категорию лиц входят все назначенные во время войны блоклейтеры и целленлейтеры.

Обвинение выдвинуло в противовес этому утверждению то, что принуждение к занятию должности в партии являлось следствием добровольного вступления в партию. Это привело бы нас к выводу, что уже само пребывание в партии является наказуемым.

Наряду с этим на чиновников, состоявших в партии, производился еще дополнительный нажим со стороны вышестоящих учреждений и министерств (документы ПЛ-67 до ПЛ-70), что также являлось орудием принуждения, заставлявшим чиновников работать в партии. Если чиновник отказывался, он должен был учитывать, что это будет иметь для него печальные последствия. Он должен был опасаться того, что его вышестоящие начальники наложат на него дисциплинарное взыскание, а это приведет к потере заработка.

Если бы он захотел избежать этой опасности и выбыл из числа членов партии, то он все равно терял право на существование (документ ПЛ-71). Поэтому чиновники находились в особо тяжелых условиях.

Исходя из указанных обстоятельств, этот круг лиц нельзя рассматривать как добровольный союз. Задачи блоклейтеров и целленлейтеров в различные периоды времени также были различными, а следовательно, различной была и значимость той должности, которую они занимали...

Те, кто до 1933 года, до захвата власти, были блоклейтерами или целленлейтерами, конечно, были в политическом отношении более активными, чем те, которые стали выполнять эту работу тогда, когда оставалась лишь практическая сторона дела.

Во время войны поневоле на эти должности были взяты люди, которые по своему возрасту или роду занятий не призывались в армию и привлекались лишь для оказания помощи. Совершенно очевидно, что эти лица не были партийной элитой, которые должны были вселять страх и ужас и вести себя как маленькие цезари.

Если еще к этому добавить разницу, существовавшую между городом и деревней, то нельзя прийти к выводу, что

эти 1200 тысяч человек, из которых состояла данная группа, все были преступниками.

Обвинение исключило из списка преступников работников аппарата ортсгрупп. Это объясняется, очевидно, тем, что они не занимали сколько-нибудь значительного положения.

Необходимо проверить, не является ли эта точка зрения столь же уместной и в отношении работников аппарата крейс- и гаулейтеров, то есть не должны ли они также быть исключены из списка преступников. На них возлагается большая ответственность, так как предполагается их связь с влиятельными ответственными партийными руководителями. Вначале необходимо установить, в чем именно заключалась эта связь.

В аппаратах крейс- и гаулейтеров в качестве ведущих звеньев существовали отделы: организационный, пропаганды, учебный, кадров и оперативный. Почти все сотрудники этих отделов были работниками, находившимися на жалованье. Кроме того, в состав аппарата входил казначей, который подчинялся, однако, не ответственным партийным работникам, а главному казначею рейха.

Имперское финансовое управление партии создало собственный финансовый контрольный аппарат, работавший самостоятельно и не имевший ничего общего с политикой. В этот аппарат входило около 70 тысяч политических руководителей.

Наряду с этим существовали консультанты по политическим вопросам. Они были представителями женского национал-социалистского союза, представителями национал-социалистского союза доцентов, представителями национал-социалистского союза студентов и др.

Для того чтобы создать представление об этих организациях, скажу, что они в своем большинстве не имели аппарата служащих, а иногда и собственных служебных помещений. Часто на практике сотрудничество их с руководством гау и района было весьма незначительным.

Целый ряд аффидевитов удостоверяют, что ответственные партийные работники почти не посещали эти служебные инстанции и не привлекались ими к сотрудничеству (аффидевиты ПЛ-39, ПЛ-48—50). Во время войны некоторые из этих организаций за ненадобностью были распущены.

Против работников аппаратов крейс- или гаулейтеров непосредственного обвинения не выдвигалось.

Разумеется, отделы, находившиеся в аппарате гаулейтеров и крейслейтеров, были выразителями национал-социалистских идей, так как это являлось их задачей, но следует также учесть, в какой степени политические руководители вне пределов своей служебной деятельности являлись участниками заговора для ведения агрессивной войны или совершения военных преступлений. На основании такого предположения о том, что они в какой-то степени знали о заговоре, нельзя объявить их преступниками. В данном случае самым важным, не откладывая этого до другого суда, является выяснение обстоятельств дела.

Приговор Трибунала на две трети означал бы осуждение лиц, на которых он будет распространяться. В связи с этим возникает опасение, что на последующих процессах на том основании, что предполагается общая вина, эта общая вина легко может быть распространена на каждый отдельный случай.

При рассмотрении вопроса о специалистах, привлекавшихся к работе партийного аппарата, необходимо иметь в виду, что речь в данном случае идет приблизительно о 140 тысячах человек, которые работали на общественных началах, без жалованья.

Председатель: *На чем Вы основываете заявление по поводу того, что 140 тысяч человек являлись общественными работниками?*

Серватиус: *Это были общественные служащие отделов, которые находились в составе аппаратов гау, крейсов и ортсгрупп. Обвинение ведь не привлекает к ответственности работников аппаратов ортсгрупп. Они не были причастны к преступлениям против мира и вообще не были причастны ни к каким преступлениям. Они не подчинялись гаулейтерам, а получали указания непосредственно от вышестоящих инстанций, которым они подчинялись, и их деятельность, мне кажется, была развита в очень сильной степени в области...*

Председатель: *Доктор Серватиус, Вы не ответили на мой вопрос. На чем основывается Ваше заявление? Я хочу задать Вам второй вопрос — что Вы имеете в виду под «почетными работниками»?*

Серватиус: *Это те работники, которые не получали никакого денежного вознаграждения.*

Председатель: *Вы говорите, что они являлись специалистами по техническим вопросам.*

Серватиус: *Да, это были юристы, врачи, педагоги. Все они являлись специалистами в своей области и привлекались в качестве консультантов на общественных началах.*

Председатель: *Я еще раз спрашиваю Вас, доктор Серватиус, какие доказательства имеются у Вас по поводу того, что такое положение занимали 140 тысяч человек?*

Серватиус: *Это тщательно проверенное число имеется в справочнике по организации НСДАП. Я позже представлю доказательства. Сейчас это заведет нас слишком далеко. Я не смогу воспроизвести эти расчеты в данный момент, но, касаясь каждого вопроса, указываю, какого количества лиц касается этот вопрос, чтобы у обвинения создалось общее представление.*

Председатель: *Продолжайте.*

Серватиус: *Остается исследовать группу высших партийных руководителей, которые составляли ядро партии. Мне остается выяснить их особое положение и политическую власть, которая выделяла их из числа остальных. Но их положение совершенно различно.*

Если ортсгруппенлейтер имел в своем подчинении только членов партии в пределах своей ортсгруппы, то компе-

тенция высших партийных руководителей распространялась за пределы партии и на беспартийных.

Только крейс- и гаулейтеры имели право на политическую оценку нечленов партии, решая этим их судьбу, а также влияя на общественную жизнь. Решения, которые они принимали, являлись плодом их собственных мыслей, что свидетельствует об их личной ответственности. От ортсгруппенлейтеров требовалось лишь представить материал для такой оценки, поэтому они были только исполнительными органами и зависимыми людьми. Ортсгруппенлейтеры выполняли свою работу на общественных началах, не получая вознаграждения.

Ортсгруппенлейтеры из-за занятости по основной профессии не в состоянии были заботиться обо всем происходящем. Так, например, было во время войны, которая направляла мысли и силы людей на преодоление собственных невзгод.

70 тысяч ортсгруппенлейтеров были мелкими буржуа, которые до этого не занимались политикой, а потому и не имели опыта в этой области, столь полной опасностей. Большинство ортсгруппенлейтеров проживало в сельской местности, где работа на земле проводилась в соответствии с установившимися традициями в жизни и труде. Показания свидетеля Вегшейдера перед Трибуналом дают в этом отношении правильную картину.

Положение, занимаемое ортсгруппенлейтером, станет особенно ясным, если сравнить возложенную на него ответственность с ответственностью высших партийных руководителей, непосредственно назначаемых самим Гитлером.

Вследствие связи с высшим руководством партии степень осведомленности у высших партийных руководителей, вероятно, была большей.

Судебное разбирательство показало, что разделение ведомств и искусственное отделение администрации и полиции сыграли важную роль. Однако вследствие взаимосвязи многих функций, а также благодаря тому, что большинство нитей правления соединялось в одних руках, высшие партийные руководители могли быть в курсе дела.

Таким образом, остается разрешить вопрос о том, должен ли был гау- или крейслейтер проявлять беспокойство в том случае, если на его территории все обстоит благополучно, а происходящие какие-то подозрительные события не касаются его территории? Конечно, нет. Он должен интересоваться и заботиться обо всем, что вытекает из данных ему полномочий. Это его право, а поэтому и его долг. Раз он стал политиком, он и должен развивать политическую деятельность. Он должен быть занят только на этом поприще. И действительно, те из крейс- и гаулейтеров, которые были допрошены здесь на суде, заботились о происходящем. Они следили за отправкой евреев, пытались проникнуть в концлагеря, проверяли условия жизни иностранных рабочих. Они высказывали свои соображения и вносили

представления в вышестоящие инстанции. Разве они этим не выполняли своего долга?

Необходимо разрешить вопрос о степенях ответственности, ибо немыслимо, чтобы все заботились обо всем. Низшие инстанции заботились лишь о тех местных делах, которые им были подведомственны, и не могли вмешиваться в дела высших инстанций. Таким образом, за происходившее нельзя делать ответственным весь аппарат.

Это разграничение в государстве, где у власти находятся диктаторы, служит положительным фактором для крейслейтеров, ибо они сообщали об отдельных происшествиях гаулейтерам, исходя из тех сведений, которыми они располагали. Это особенно относится к гаулейтерам в их отношениях с вышестоящими инстанциями. Существует предел там, где затрагиваются моральные принципы, а не обыденная жизнь. Когда дело доходило до барьера, установленного Гиммлером, нужно ли было идти вперед, невзирая на то, что затем случится?

Делалось много попыток ответить на этот вопрос. Нужно ли было требовать немедленных действий, без компромисса? Ставился ли вопрос — все или ничего?

Можно ли было ждать созревания событий или вопрос ставился о том — сейчас или никогда?

Нужно ли было взвесить ошибки и заслуги и можно ли надеяться на исправление?

Достаточно ли порицать или нужно было остаться на своем посту для того, чтобы предотвратить еще более худшее? Делаешься ли соучастником в том случае, если остаешься на своем посту, сохраняя этим лишь внешнее впечатление?

Справедливо ли поступает тот, кто постоянно стремится достичь цели? Надо ли бороться с сопротивлением даже в том случае, если кажется, что собственная жизнь бесполезно поставлена на карту? Нужно ли терпеть и покоряться судьбе? Быть или не быть — вот в чем вопрос.

Ответа нельзя найти до тех пор, пока не будут тщательно исследованы правовые основы вины, пока не будет выяснено, насколько данное лицо было посвящено в события и одобряло их или насколько оно виновно в преступном попустительстве.

Если необходимо решить вопрос о преступном характере группы, то именно эти вопросы следует разрешить в первую очередь.

Подобное исследование, однако, может быть применено только для отдельного случая. Для двух тысяч человек и оно не применимо. Но эти лица известны, об их действиях знает общественность, на глазах которой протекала их деятельность, а это дает возможность легко выявить вышеуказанные действия.

Остается еще группа рейхслейтеров. Их надо рассматривать с той же точки зрения, что и гаулейтеров.

Гиммлер к этой группе не принадлежит, так как он имел лишь формальное звание рейхслейтера (документ ПЛ-59).

Рейхслейтеры имеют значение лишь с точки зрения данного судебного разбирательства, так как к этой категории относятся некоторые главные военные преступники, действия которых по статье 9 Устава могут послужить поводом для осуждения всей группы. Что касается главных военных преступников, то нужно также проверить, совершали ли они те преступления, в которых их обвиняют, и совершали ли они их, находясь на посту политических руководителей или в иной должности.

Положения статьи 9 Устава не являются чисто формальными процессуальными предпосылками. Их значение состоит в установлении категорий лиц, относящихся к преступным группам. Обвинение не должно произвольно и без ограничений определять состав группы. Следует установить наличие взаимосвязи между действиями группы и действиями главного подсудимого. Это возможно лишь в том случае, если главный подсудимый действовал как член корпуса политических руководителей. Взаимосвязь будет отсутствовать в том случае, если действия данного главного подсудимого не охватывают всей группы политических руководителей. Это надо принять во внимание при вынесении решения о низовых работниках.

Взаимосвязь нельзя установить также в отношении тех главных подсудимых, которые лишь впоследствии были отнесены к корпусу политических руководителей, за исключением Гесса.

По делу Розенберга преступления, вменяемые ему в вину, относятся главным образом к государственному сектору, в котором он действовал в качестве имперского министра по делам оккупированных восточных территорий. Действия Бормана как начальника партийной канцелярии с 1941 года чрезвычайно важны для оценки деятельности всего корпуса политических руководителей. Но из-за отсутствия этого главного подсудимого рискованно строить осуждение целой группы на основании его действий, так как они не были точно расследованы. Чтобы внести ясность в важнейшие пункты выдвигаемых обвинений, нужно было бы установить, действовал ли Борман как начальник партийной канцелярии или как секретарь фюрера вне рамок партийного аппарата, или он действовал самовольно, вопреки всем директивам (документ 53).

Действия гаулейтеров Заукеля и Штрейхера не являются характерными для всех политических руководителей. В качестве гаулейтеров они могли действовать только в своей области. Инкриминируемые им преступления они совершили не при выполнении функций политических руководите-

лей, Заукель действовал как генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы, а Штрейхер — как издатель газеты.

При подготовке данного процесса Трибунал высказал предварительное мнение, которое явится решающим для каждого члена организации. Каждому было предоставлено право ходатайствовать перед Судом о разрешении дать показания. Но только сравнительно немногие воспользовались этим правом. Следует сказать, что многие не знали о своем праве или не имели возможности довести ходатайства до сведения Суда. Из лагерей, находящихся в английской и американской зонах, только одна треть прислала ходатайства; получены ходатайства только из двух лагерей, находящихся во французской зоне. Совершенно нет ходатайств из Австрии, и не было возможности посетить имеющиеся там лагеря.

Разрешение со стороны военных властей было дано, но не было согласия Контрольного Совета. На это следует обратить внимание, так как здесь имеются особые обстоятельства, которые, возможно, могут оправдать членов организации. Правильный подход и решение зависят также от того, будет ли принят во внимание фактор времени. Из советской зоны также не поступило никаких ходатайств...

Таким образом, если вообще можно получить некоторое представление о существе дела, то следует учесть, что рассмотрение его в Комитете показало, что могут быть даны показания перед Судом, которые имеют большое значение для защиты. Например, один из крейслейтеров из западных провинций показал, что строительство укреплений на западной границе было фактом, который убеждал всех в оборонительном характере планов Гитлера. Один из крейслейтеров, находившихся на севере, указывал на морской договор с Англией, который расценивался населением приморских районов в известной мере как знак стремления к миру. Другие свидетели указывали, что принадлежность политических руководителей к религиозным общинам играла для них большую роль.

Правильно провести разграничение можно лишь после заслушивания показаний этих свидетелей, и выносить сейчас решение по этому делу недопустимо.

Вопрос этот имеет большое процессуальное значение. Устав предусматривает право на дачу показаний перед судом.

Каждый Устав имеет свой глубокий смысл и свое принципиальное обоснование. На данном процессе право на дачу показаний перед Судом считается одним из про-

явлений демократических принципов вместо отвергнутых полицейских методов. Этот принцип совместно подчеркнули все державы, и Трибуналу надлежит следить за его соблюдением.

Следует обратить внимание на то, что имеется опасность различного толкования и применения приговора Трибунала в отношении организаций. Наряду с определением круга лиц, на которых будет распространяться приговор, должна быть полная ясность в отношении приписываемой им вины для рассмотрения их дел на последующих процессах.

Также неизвестна и мера наказания. Закон № 10 Контрольного Совета, предусматривающий меру наказания вплоть до смертной казни, не предоставляет правовой гарантии, если мера наказания будет зависеть от позднейшего рассмотрения дел в судах различных наций. Приговор суда может принести новое несчастье.

Именно здесь Трибунал не должен отступить от той цели, которую он преследует своим приговором. Наказание не должно стать местью. При определении меры наказания судьями не должна владеть мысль о том, что за миллионы жертв должны отвечать миллионы виновных, которые должны понести наказание. Если основной мыслью приговора является устрашающее воздействие, нужно принять во внимание следующее.

Никто из выступавших перед Трибуналом не признал своей вины в преступлениях, которые являются предметом разбирательства на данном процессе. Все, кто здесь выступал, отрекались от этих преступлений. Никто не признал, что нужно было уничтожать евреев, что агрессивная война является действительно достойной целью и что нельзя было отказаться от преследования церкви и от ужасов концентрационных лагерей.

Приговор Суда должен открыть новую эпоху в международном праве и наказать виновников войны.

Речь защитника имперского правительства Э. КУБУШОКА

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 28 августа 1946 г.

Господин председатель, Высокий Суд!

Дело, возбужденное обвинением против организаций, во многих отношениях представляет собой совершенно новое

явление. Впервые перед Судом предстали организации с миллионами членов, впервые ожидается вынесение приговора всему гражданскому и военному руководству государства. Отсюда ясно значение и вместе с тем проблематика подобного процесса. Она возлагает на защитников отдельных организаций обязанность рассмотреть всю совокупность фактического материала и правовых проблем этого процесса.

Обвинение основывается на том положении, что с точки зрения общего права существует коллективная уголовная ответственность и что, следовательно, возможно осуждение за уголовное преступление целого объединения как такового. В тех случаях когда обвинение пытается подкрепить эту мысль примерами из уголовного права различных цивилизованных стран, необходимо совершенно определенно сказать, что все названные примеры свидетельствуют не об осуждении за уголовное преступление целой организации как таковой, а всегда лишь об осуждении отдельного индивидуума за его принадлежность к организации, признанной преступной. Иначе и не может быть. Всякое уголовное право исходит из понятия вины, из признания наказуемости преступления и из совершения преступного деяния в результате волевого акта. Только у нормального человека возможны познавательная способность, сознательное проявление воли и тем самым осознание вины...

Следует разобрать вопрос, какое значение должен иметь тот вердикт, которого требует обвинение. В решении Суда должна содержаться прежде всего констатация, имеющая историческое значение. Установление преступного характера организации представляет собой обвинение по адресу организации, к этому времени уже распущенной как юридически, так и фактически, а также объявление опальными всех членов этой организации. Это объявление распространяется на всех членов организации, которые, по словам господина Джексона, как «плохие» элементы в народе должны быть отделены от «хороших» элементов. И, наконец, такое объявление в соответствии с Законом № 10 Контрольного Совета представляет собой далеко идущую констатацию вины каждого отдельного члена...

Посредством уголовной ответственности целой организации достигается то, что до сих пор никогда еще не было признано ни одной системой уголовного права: берется абстрактно вина членов организации и переносится на всю организацию в целом, в результате чего после установления виновности этой организации отсутствует необходимость доказывать виновность каждого отдельного ее члена...

Этот Суд имеет, правда, то преимущество, что он легче может составить себе цельное представление по основным вопросам, исходя из процесса по делу 21 подсудимого. По существу, передача определения наличия состава преступления тому Суду, который поневоле должен рассматривать всю совокупность исторических событий в целом, является в высшей степени резонной. Но нельзя все же забывать о границах практически возможного. Если бы перед Судом

стояла только задача установить подлинные исторические события и вынести свое суждение о том, принимал ли в них участие определенный круг членов обвиняемых организаций, то эту задачу было бы сравнительно легко разрешить. Но сейчас перед Судом встала задача вынести решение относительно всей совокупности целей и деятельности целой организации, решение, которое должно коснуться вопроса о сознании, воле и действиях каждого члена данной организации. Отсюда возникает трудность с нахождением основания для приговора в соответствии с содержанием предъявленного обвинения. При определении понятия «преступная организация» нельзя оставить без внимания еще один общеправовой момент.

Настоящий процесс распространяет на каждого члена объединения объявление опалы в приговоре и определение наличия состава преступления, которое может быть использовано на последующем процессе. И опала, и последующее наказание основываются только на факте принадлежности к организации. Закон, задним числом объявляющий наказуемой принадлежность к рассматриваемым организациям, является, несомненно, новым законом. Правовой вопрос относительно законов, имеющих обратную силу, уже разбирался на процессе по делу 21 подсудимого. Обвинение заявило здесь, что вполне справедливо подводить под действие закона, имеющего обратную силу, те деяния, при совершении которых виновный сознавал, что они направлены против законов морали и мирового правопорядка. Совсем иначе обстоит дело при обвинении организаций. Здесь приговор выносится не за то, что какой-либо отдельный преступник совершил незаконное действие, сознавая всю его незаконность, несмотря на то, что в тот момент соответствующий закон еще не был издан; здесь решается вопрос о том, заслужил ли наказание член объединения самим фактом своего членства. Даже если упомянутая организация действительно имела и осуществляла цели, идущие вразрез со всеми законами нравственности и с мировым правопорядком, то отсюда нельзя вовсе автоматически делать вывод о виновности члена организации, который вступил в нее и пребывал в ней. Организация может преступно действовать, и тем не менее вступивший в нее или находящийся в ней член вовсе не обязан при всех обстоятельствах, даже если он знает обо всем этом, брать на себя вину того, кто поставил перед собой преступные цели и преследовал их. Это особенно ясно, когда организация первоначально ставит себе легальную цель, а потом только ставит частично или полностью незаконную цель и преследует ее. Член организации, остающийся в ней после этого, может оставаться там по различным, но не обязательно по безнравственным мотивам. Вполне вероятно, что такой член решает остаться в организации, так как полагает, что, только оставшись в ней, он сможет оказать влияние на осуществление этих нелегальных целей, то есть полностью или частично воспрепятствовать их проведению или, по меньшей мере, ослабить их. Такой член не сознает поэтому, что инкриминируемое ему наказуе-

мое действие — принадлежность к объединению — является преступным или хотя бы аморальным. Он может судить об этом только на основании того, что говорилось в то время в законе относительно принадлежности к объединениям. Этим законом может быть только закон его страны. Члена организации можно обвинять, только учитывая то, что устанавливают законы и судопроизводство его страны в области уголовной ответственности за принадлежность к организациям. Поэтому я должен коротко остановиться на том, что было известно германским подданным относительно законов и судопроизводства по этому вопросу.

Лишь немногие германские уголовные законы трактуют вопрос о наказании за принадлежность к какому-либо объединению. Господин Джексон в речи от 28 февраля 1946 г. разобрал эти законы. Все они касаются только индивидуальных процессов по делам отдельных членов. Установившимся взглядом немецкой юриспруденции и юридической практики на касающиеся вопроса о членстве статьи 128 и 129 Уголовного кодекса и на другие аналогичные законы является то, что для установления наличия состава преступления недостаточно формального членства, требуется длительная деятельность, направленная на достижение незаконных целей объединения...

Суд должен при определении понятий «преступная организация» учитывать осведомленность и выяснить следующее в отношении действий каждого отдельного члена организации: необходимо установить, что тот или иной член организации был согласен с ее преступной целью и фактически своими действиями способствовал достижению этой цели...

Резюмируя, я хочу подчеркнуть следующее. Организация может только в том случае считаться преступной, если все ее члены вместе имели общий план ведения запретной войны или же придерживались плана, согласно которому по воле планирующих должны были совершаться преступления, предусмотренные Уставом. Отдельные члены должны не только вступить в организацию, сознавая эти обстоятельства, но и сознательно способствовать достижению этих целей...

Далее следовало бы обсудить вопрос, достаточно ли для определения преступности характера организации того факта, что к прежней легальной цели присовокупляется еще в дальнейшем преступная цель. И здесь следует учесть, что обозначение «преступный» должно коснуться общей цели организации как в отношении ее отдельных членов, так и по существу. Если преступная цель является лишь частью общей цели и если этой части достаточно, чтобы объявить всю организацию преступной, то общее определение дискредитирует в то же самое время и легальную цель. Не будут ли тогда даже те действия, которые совершены для достижения законной цели, в правовом отношении рассматриваться отрицательно как действия преступной организации в целом? Что касается имперского правительства, то мне кажется невозможным объявить преступным весь этот институт как таковой,

если нет никакого сомнения, что имели место определенные действия, не выходящие из рамок законности.

Законодательство имперского правительства, начиная с 30 января 1933 г., охватывающее все государственные области управления, в основном остается в силе и по сегодняшний день. Было бы нелепо считать, что эти законодательные акты сохраняют силу, если целевая установка правительства была неограниченно преступной.

Следующей задачей, поставленной обвинением, является рассмотрение вопроса о добровольности членства. Речь идет о добровольности, которая предполагается не только при вступлении в организацию, но и во время пребывания в ней, особенно если изменятся цели организации. Фактически нужно будет установить, могла ли быть гарантирована добровольность пребывания в правительстве в любое время или она была отменена правовыми и фактическими условиями, по крайней мере, с некоторых пор.

Наконец, нужно будет выяснить вопрос, существовала ли всегда неразрывная связь между людьми, указанными обвинением под рубрикой «имперское правительство». Только такая связь могла бы дать право рассматривать некоторые действия, поставленные в вину правительству, как совершенные единой совокупностью людей.

Эта проблема ясна уже потому, что обвинению, которое считает необходимым наличие полного единства воли и действий всех членов организации, необходимо будет рассмотреть круг людей, названный «имперским правительством», с точки зрения права участия их в заседаниях кабинета.

Так как заседания кабинета с течением времени прекратились, то следует выяснить, не было ли между этими людьми позднее какого-нибудь другого союза, связывающего их в совершении интересующих обвинение действий.

Исходя из этих общих соображений относительно проблемы организации как таковой и специальной проблемы в деле имперского правительства, следует проверить результаты допроса свидетелей, чтобы установить, имеются ли необходимые данные для вынесения приговора.

Обвинение исходит из права участия в заседаниях кабинета. Оно считает, что предполагаемая преступная деятельность проводится в рамках личной связи, осуществлявшейся путем проведения заседаний. Однако оно не замечает того, что некоторые лица имели право принимать участие только в тех совещаниях кабинета, на которых разбирались вопросы, касавшиеся их ведомств.

Если обвинение явно исходит из того, что следует охватить весь процесс вынесения решений всеми участниками заседаний, в особенности по общеполитическим вопросам, то необходимо будет заранее исключить из состава лиц, о которых идет речь, всех, кто имел право присутствовать на заседании только время от времени и к тому же лишь при частичном обсуждении вопросов.

Я хотел бы отметить, что командующие видами вооруженных сил, то есть Фрич, Браухич, Редер, Дениц, согласно

имеющемуся приложению к указу от 25 февраля 1938 г. имели право только по распоряжению Гитлера, то есть не всегда, участвовать в заседаниях. Что касается правового положения Кейтеля, то я ссылаюсь на защитительную речь доктора Нельте. Ширах имел право присутствовать на заседаниях только в том случае, если дело касалось его обязанностей по службе.

В этой связи следует упомянуть о тех, которые хотя и имели право участвовать в заседаниях кабинета, но не имели права голоса и присутствовали на заседаниях лишь в целях информации. Например, это имело место в отношении имперского начальника прессы Дитриха и государственного министра Мейснера.

На вопрос о добровольности вступления в имперское правительство нельзя дать единый ответ. Следует особо учитывать те случаи, когда статс-секретари, которые не принадлежали к числу лиц, охватываемых обвинением, вследствие выхода в отставку их министров получали задания вести дела министерства и тем самым получали право участвовать в заседаниях кабинета. Эти лица в известной степени органически в процессе своей чиновничьей карьеры переходили на этот новый пост.

На вопрос о пребывании какого-либо члена в кабинете следует дать различные ответы в зависимости от времени. С юридической точки зрения при этом следует учитывать следующее: согласно параграфу 11 закона об имперских министрах от 27 марта 1930 г. имперские министры могли в любой момент потребовать отставки. Это положение было изменено законом о защите империи (документ 22), согласно которому министры должны были приносить Гитлеру присягу в повиновении и верности. В любом заявлении об отставке можно было усмотреть нарушение присяги на верность и повиновение, и поэтому оно было недопустимым с юридической точки зрения. Юридические последствия, связанные с присягой министров, ясно установлены законом о германских чиновниках от 26 января 1937 г. (документ ПС-2340), вступившим в силу 1 июля 1937 г. Им отменялся закон об имперских министрах от 27 марта 1930 г.; параграф 161 этого закона устанавливал, что имперские министры могут быть уволены только Гитлером.

Таким образом, с 1 июля 1937 г. отставка члена кабинета уже была невозможна. Мне возразят, что, несмотря на это, имелись случаи, когда члены кабинета добивались отставки.

В последующее время различные члены кабинета пытались добиться отставки. В подавляющем большинстве случаев эти попытки остались без успеха, как это мы неоднократно слышали при допросе свидетелей по делам отдельных подсудимых. Некоторые добивались лишь того, что уходили из своего ведомства, но им снова давали какой-либо новый титул или новый пост, вследствие чего они опять-таки попадали в круг охватываемых обвинением лиц. Дарре был уволен, даже изгнан, однако он не мог добиться формальной

отставки с поста министра. Шахт долго пытался порвать с Гитлером, и этот путь в конце концов привел его в концентрационный лагерь. Имперский министр Попиц как участник заговора 20 июля 1944 г. был казнен.

Итак, мы видим, что члены кабинета действительно не имели возможности уйти в отставку вопреки воле Гитлера.

Обвинение само признает, что наряду с добровольностью членства необходимо установить тесное взаимодействие всех членов правительства, чтобы рассматривать имперское правительство как организацию или группу в духе Устава. Оно полагает, что это тесное взаимодействие гарантировалось заседаниями кабинета и методом рассылки циркуляров. В дальнейшем я скажу, что вообще не существовало коллективного взаимодействия между членами кабинета, и более того, с течением времени произошел абсолютный раскол кабинета. После допроса свидетелей стало ясно, что три тесно переплетающихся обстоятельства содействовали разрыву всей внутренней связи в кабинете.

1. Установление единовластия Гитлера, которое постепенно привело к абсолютной диктатуре.

2. Тот факт, что среди первоначально равноправных министров в кабинете одни с течением времени перешли в подчинение к другим путем предоставления широких прав генеральным уполномоченным, особо уполномоченным и т.д.

3. Строго контролируемое сохранение тайны, которое не давало министру возможности составить себе представление о задачах организаций, находившихся вне его ведомства...

В отношении периода до образования правительства Гитлера нужно учесть, что правительственная власть путем использования права издания чрезвычайных законов постепенно переходила в руки рейхспрезидента. Мы уже наблюдали, что орган нормального законодательства — рейхстаг все меньше и меньше участвовал в издании законов. Основные законы издавались в виде чрезвычайных законов рейхспрезидентом. Министры же являлись только советниками рейхспрезидента. Характерным было то, что фон Гинденбург образовал кабинет Папена специально как кабинет президента и что этот кабинет состоял из доверенных лиц Гинденбурга. Этим самым значительно поднялось значение рейхсканцлера.

Рейхсканцлер осуществлял связь между кабинетом и рейхспрезидентом. Это положение дало ему перевес над всеми остальными министрами.

Как раз в это время Гитлер стал рейхсканцлером. И его кабинет являлся опять-таки кабинетом президента, который базировался на доверии рейхспрезидента и на его праве издавать чрезвычайные законы. До издания закона о предоставлении чрезвычайных полномочий правительству от 24 марта 1933 г. все законы были изданы как чрезвычайные, и за них нес ответственность рейхспрезидент.

Закон о чрезвычайных полномочиях стал решающим фактором для дальнейшего развития. Законодательные пол-

номочия были переданы имперскому правительству. Это относилось не только лично к Гитлеру, но и к имперскому правительству. Я не хочу утверждать, что для рейхстага того времени Гитлер имел такое же значение, как и имперское правительство. Но, без сомнения, давно проводившаяся правительственная практика издания чрезвычайных законов имела влияние и на рейхстаг. Поэтому вновь созданное рейхстагом чрезвычайное право имело своей целью не что иное, как легализацию в будущем чрезвычайного закона. Конечно, на Гитлера не возлагалась такая ответственность, которая была возложена на рейхспрезидента при издании чрезвычайных законов, но он до некоторой степени все же заполнил пробел, который образовался в связи со смертью рейхспрезидента.

Внешне это нашло свое выражение в том, что на него было возложено право составления законов. Сюда прибавлялось его право, как канцлера, определять политику государства. Оба фактора вместе обусловили, несомненно, значительное укрепление позиции Гитлера в кабинете по отношению к его министрам. Это явилось зародышем его будущего единовластия. В ходе работы кабинета это выявилось не сразу. Решения больше не принимались министрами, но возражения министров, которые в отдельных случаях приводили к отводу радикальных проектов законов или к их смягчению, учитывались. Вскоре сильнее стало проявляться право рейхсканцлера в отношении основных политических установок. Гитлер один претендовал на это право, указывая на свою личную ответственность. Сильнее, однако, чем это развитие внутри кабинета, были влияния извне. Партия принималась за работу и делала все то, что сознательно не делало правительство. Бойкот евреев и разгром профсоюзов являлись мероприятиями партии. Идеи партии проникали в массы. Это движение захватывало и все старые политические партии. Они добровольно прекратили свое существование. Мало того, они заявили Гитлеру, что их бывшие члены будут лояльно сотрудничать в национал-социалистском государстве. Они призывали к этому своих членов. Баварская народная партия предоставила каждому своему бывшему члену возможность свободно участвовать в строительстве новой Германии под непосредственным руководством Адольфа Гитлера. Партия центра своим роспуском дала своим членам возможность употребить все силы и знания на укрепление национальных, социальных, экономических и культурных предпосылок к осуществлению нового правового порядка под руководством господина рейхсканцлера. Не отстала даже социал-демократическая партия: правление социал-демократической партии Вюртемберга рекомендовало обладателям ее мандатов проводить свою дальнейшую деятельность в таком духе, который не допустит никакого сомнения в их национальном сознании и благих намерениях поддерживать политическое возрождение Германии в соответствии с программой национальной революции. Такое положение, оказавшее влияние на настроение масс, отрази-

лось на результатах выборов в рейхстаг 12 ноября 1933 г., когда свыше 90 процентов избирателей голосовали за НСДАП. Я уверен, что правильность результатов выборов и корректность их проведения не подлежат сомнению. При этом возможны обычное оказание влияния на массы перед выборами и фальсификация бюллетеней, но всякий объективный наблюдатель не может сомневаться в одном, а именно в том, что в результате подобных манипуляций не было оказано решающего влияния на исход выборов, и нельзя утверждать, что только таким путем было достигнуто подавляющее большинство. Нельзя отрицать, что при тогдашних обстоятельствах подавляющее большинство избирателей свои надежды на изменение существовавшего трудного положения возлагало на ту партию, проведение экономических мероприятий которой, как казалось, частично уже увенчалось успехом...

Вместе с тем можно было еще питать надежду, что развитие[1], ограниченное определенными рамками, найдет свой естественный разумный конец. С политической точки зрения эта мысль, без сомнения, была неверной. Недооценивали тенденции тех, кто и впоследствии способствовал радикальному развитию событий. Следует подумать над тем, что именно те члены кабинета, которые относились к буржуазному лагерю, не могли освободиться от мысли о том, что сознающий свою ответственность государственный деятель найдет предел развития, исходя из практического разума. Те министры, которые не были согласны с этим направлением, попытались, правда, с ослабевающим успехом, задержать развитие. Их усилия становились все более безуспешными, когда авторитет рейхспрезидента, сила гражданских прав и положение рейхсвера не в состоянии уже были образовать противодействующую национал-социализму силу. Гитлер сумел привлечь на свою сторону Гинденбурга. Гражданские права не могли уже служить основой для единого фронта, большая часть которого откололась и перешла к национал-социалистам.

Партии распускались, их члены были лишены единства действий и связи. Бломберг стал приверженцем Гитлера. Министры, о которых идет речь, не имели поэтому опоры в других кругах. Гитлер разыгрывал перед ними роль ставленника народа и делал вид, что единолично несет ответственность перед народом. Открытый протест оказался практически неосуществимым...

Закон главы государства от 1 августа 1934 г. являлся закономерным завершением и итогом имевшего тогда место развития. Этот закон был законом кабинета. Гитлер потребовал объединения своего поста с постом рейхспрезидента. По его заявлению, это объединение не было окончательным решением, итогом политического развития. Необходимо

---

[1] Имеется в виду развитие событий в Германии. — **Прим. сост.**

было лишь учитывать то, что Гитлер не признал бы над собою нового главы государства, но и не мог оставить пост рейхсканцлера. Он указывал на то, что всенародное голосование, намеченное после смерти Гинденбурга, будет санкционировать это мероприятие. При таком положении дел кабинет решил, что он не сможет противостоять предложению Гитлера. Результаты народного голосования были заранее ясны. Гитлер достиг бы своей цели при любых условиях, даже если кабинет отказался бы издать этот закон. Поэтому закон имперского кабинета от 1 августа 1934 г. в действительности представляет собою не что иное, как закон подготовительного характера, который мог быть принят народным голосованием и который был принят им...

Гитлер объединил в своих руках права рейхспрезидента, в частности право издавать чрезвычайные законы, с правом рейхсканцлера — определять основное направление политики. Наконец, он получил в свои руки как главнокомандующий вооруженными силами сильнейший фактор власти в государстве. На практике это означало зависимость каждого государственного органа от его воли и обязанность выполнять каждое его указание.

Имперский кабинет тоже не был исключением. Внешне это проявилось, когда в 1934 году был издан закон о присяге имперских министров. Новая присяга для министров совпадала с общей присягой для чиновников и солдат; она свидетельствовала о том, что положение министра было доведено до положения высшего, но связанного указаниями сверху государственного чиновника.

В соответствии с этим правовым положением изменились методы работы кабинета и значение его заседаний. Если речь шла о решениях по вопросам внешней политики, Гитлер лишь объявлял свои решения, чаще всего в форме пространного монолога об общем политическом положении. В последующее время он решал все вопросы лично и только сообщал кабинету об уже проведенных мероприятиях. О захвате Рейнской области кабинет узнал от Гитлера лишь тогда, когда в нее уже вошли войска.

В проведении внутриполитических мероприятий, таких, например, как принятие «Нюрнбергских законов», кабинет не принимал никакого участия. Для большинства министров вынесение этого закона на заседание партийного съезда в Нюрнберге явилось большой неожиданностью. При принятии проектов менее значительных законов административного порядка предлагался уже готовый проект закона и обоснования к нему. Чтобы избежать на заседании кабинета анализа законов со стороны отдельных ведомств, эти проекты по указанию Гитлера подготавливались «к принятию их кабинетом». Это значит, что при предварительном обсуждении его министрам-специалистам предоставлялась возможность высказывать ответственному министру свои соображения относительно проекта. Только по достижении ими единого мнения проект попадал на заседание кабинета, где он уже не обсуждался. По всем соображениям общеполи-

тического порядка, которые имели отношение к этим проектам, принимал решение лично Гитлер. И поэтому если всплывал вопрос общеполитического характера, по которому еще не была известна точка зрения Гитлера, то совещание министров отдельных ведомств откладывалось до получения его указания. Таким образом, заседания кабинета потеряли не только всякое политическое значение, но и свой практический смысл. Гитлер созывал кабинет все реже и реже, пока, наконец, после последнего заседания в 1938 году, на котором Гитлер сделал только одно заявление, заседания кабинета прекратились совершенно.

Вместо заседаний кабинет занялся разработкой циркуляров. Проекты законов передавались соответствующим министрам для того, чтобы они могли внести поправки в те решения, которые касались их ведомств...

Выполнение долга защитника требует от меня рассмотрения вопроса о том, принимал ли вообще упомянутый обвинением круг лиц участие в решении о планировании и проведении в жизнь преступлений, предусмотренных Уставом, и если принимал, то в какой период.

Различные высказывания обвинения сводятся к тому, что это якобы имело место уже 30 января 1933 г., в день основания кабинета. Тем самым это утверждение должно находиться в логической связи с утверждением о том, что уже сама цель основания кабинета была преступной. По этому вопросу мне не нужно много говорить, в основном я сошлюсь на мои высказывания, которые содержатся в защитительной речи по делу подсудимого фон Папена. К тем причинам, которые там указаны, я хочу дополнительно указать на заявление Брюнинга, которое он сделал в 1932 году министру графу Шверин-Крозигку. Брюнинг как рейхсканцлер, несший всю полноту ответственности, уже тогда распознал невозможность при продолжении существовавшего экономического и политического кризиса управлять страной почти исключительно с помощью чрезвычайных полномочий имперского президента. Он заявил, что только путем привлечения к ответственности можно эффективно бороться с агитацией национал-социалистов. Интересно, что этот государственный деятель, сознававший свою ответственность, уже в тот период предвидел то, что через полгода стало фактом.

Это вынужденное политическое развитие, а далее государственно-правовая необходимость создания правительства и неоднородный состав его, безусловно, исключают возможность наличия преступной цели при его создании. В дополнение я хотел бы отметить, что переговоры с отдельными членами кабинета имели место только в весьма незначительном объеме, что большое количество членов кабинета было включено в состав нового кабинета только по желанию имперского президента фон Гинденбурга на основании их принадлежности к прежнему правительству, ушедшему в отставку. Предположению о совершении преступного акта, который якобы заключался в факте создания кабинета, противоречит тот факт, что Гинденбург, который согласно кон-

ституции нес ответственность за создание кабинета и действительно активно участвовал в его создании, не был включен в список лиц, приведенный обвинением в приложениях «А» и «В» Обвинительного заключения.

Обвинение утверждает о существовании общего плана для совершения преступлений, предусмотренных Уставом, уже с самого начала деятельности правительства и полагает, что в самой законодательной деятельности кабинета заключается доказательство того, что кабинет имел единую целевую установку на ведение незаконной войны. Я хочу сейчас остановиться на этих мнимых доказательствах и рассмотреть их в связи с периодом, который является для этого наиболее характерным. Это 5 ноября 1937 г. — день совещания Гитлера с военным министром, тремя командующими видами вооруженных сил и министром иностранных дел, на котором Гитлер изложил свои планы на будущее. При этом нет необходимости останавливаться на вопросах, которые были уже рассмотрены здесь защитниками отдельных подсудимых, а именно, сообщил ли тогда Гитлер участникам совещания о своих истинных намерениях и планах в полном объеме. Об одном можно, по крайней мере, с уверенностью судить на основании его заявлений, сделанных в то время, а именно о том, что он тогда впервые сообщил очень ограниченному кругу лиц об этих планах. Если он заявил, что раскрывает присутствующим свои самые сокровенные планы и что сознательно отказывается от того, чтобы, как это принято во всех странах, информировать кабинет о такого рода далеко идущих решениях, то тем самым установлено, что он впервые сообщил о них этому избранному кругу лиц и что в дальнейшем остальные члены кабинета министров не были информированы об этих его планах. Гитлер заявил в своей речи о неизбежности предстоящей войны. Он утверждал, что пришел к этому выводу на основании своей четырехлетней деятельности в составе правительства и полученного за это время опыта, что экономическими средствами нельзя обеспечить жизнеспособность нации. Если даже мы скептически отнесемся к этому заявлению Гитлера, то несомненно, что между ним и всеми членами кабинета вопреки утверждению обвинения не могло существовать договоренности о едином плане ведения преступной войны с 30 января 1933 г., если он только 5 ноября 1937 г. сообщил части членов кабинета, что решение, а тем самым и начало планирования войны, проистекало из текущих событий в качестве итога наблюдения за их развитием в течение прошедших четырех лет. Если Гитлер при этом еще категорически указал на то, что он не будет информировать об этом остальных членов кабинета, то из этого ясно, что он не считал кабинет как таковой подходящим кругом лиц для сообщения о подобных планах. Тем самым ясно доказано, что, по крайней мере, до этого момента определенно не существовал такой общий план или заговор кабинета, который мог возникнуть только под руководством Гитлера.

Когда же после 5 ноября 1937 г. могло быть принято такое общее решение?

После 5 ноября 1937 г. состоялось только одно заседание кабинета 4 февраля 1938 г., на котором Гитлер сообщил присутствовавшим на нем лицам об изменении в замещении должностей, не объясняя причин этого, не говоря уже о том, что он не сообщил о каких-либо военных планах. Если обвинение рассматривает к чему-то обязывающим фактом право участия членов кабинета в заседаниях кабинета, то оно должно в отношении последующего периода учесть, что этого права более не существовало. Некоторым видом замены заседаний кабинета, правда, служил применявшийся в этот период циркулярный метод. При этом, однако, необходимо учесть, что циркулярный метод сам по себе, возможно, может служить для достижения уже существовавшей общей цели путем осуществления отдельных законодательных актов. Однако нельзя себе представить, что этот метод рассылки циркуляров предполагал такой вид общего планирования совершения преступлений такого огромного масштаба. Для принятия подобного рода решения, которое по своей природе должно быть тайным, должна существовать в какой-либо степени пространственная связь. Это было бы, по всей вероятности, возможно в рамках заседаний кабинета.

Я должен остановиться на утверждении обвинения о том, что законодательная деятельность кабинета должна быть истолкована таким образом, что ее общей целью была агрессивная война. Обвинение полагает, что законодательство кабинета преследовало цель обеспечить Гитлеру полный контроль и укрепить его с тем, чтобы подготовить и затем провести агрессивную войну.

Обвинение сознает, что ни установление тотального контроля, ни отдельные законы, изданные правительством, не являются нарушением Устава. Оно, однако, считает, что связь между этим тотальным контролем или отдельными законами и преступлениями, предусмотренными в Уставе, может быть установлена, исходя из следующего соображения: план с самого начала имел своей целью совершение преступлений, предусмотренных Уставом. Для достижения этой цели и для того, чтобы избежать сопротивления этим планам, необходимо было установить тотальный контроль в Германии. Установлению такого контроля и служил целый ряд законов, изданных правительством.

С одной стороны, законы позволяли распознать непосредственную их цель; с другой стороны, вследствие их террористического и негуманного характера они способствовали достижению этой цели. Обвинение исходит из того, что диктатура была необходимой предпосылкой для совершения преступлений, предусмотренных Уставом, и что само установление диктатуры является частью плана совершения преступлений. В противоположность этому мнению обвинения следует констатировать невозможность сделать выводы о причине на основании одного результата, чтобы затем до-

казать, что причина неминуемо должна была привести к этому результату. Эта точка зрения была бы правильна лишь в том случае, если бы установление диктатуры могло казаться необходимым только для планирования совершения преступлений. Эта точка зрения неправильна, если установление диктатуры необходимо или целесообразно по другим причинам. Такие причины имелись. Стремление к объединению представляет собой естественное явление во времена серьезных кризисов. Единая власть в состоянии скорее принимать меры, необходимые для устранения кризиса. Поэтому всегда и везде в такие периоды можно было наблюдать тенденцию к концентрации, сосредоточению власти. Это ведь предусмотрено в государственном праве любой страны. В такие моменты чрезвычайные меры переносят центр тяжести власти с большой корпорации, например парламента, на более узкий круг. Такое развитие было в Германии уже тогда, когда можно было еще считать ее страной с демократической формой правления. Это доказывают чрезвычайные полномочия правительства, которые в широком масштабе осуществлялись еще во времена Брюнинга. Раньше я уже указал, что мысль объединения подкреплялась идеей фюрерства, проводимой в партии. Поэтому исключается вывод обвинения о том, что создание диктатуры неизбежно должно породить цель агрессивной войны. Даже те законы имперского кабинета, которые обвинение рассматривает как меры террора и подавления, оно считает выражением диктатуры, целью которой являлось ведение агрессивной войны. Оно особо рассматривает в связи с этим законы, направленные против евреев. И эти законы нужно проверить с точки зрения того, действительно ли цели и содержание их были направлены на ведение агрессивной войны. Обвинение указало на то, что Гиммлер, выступая в 1943 году в Познани, заявил, что он счастлив видеть, что в этот успешный период войны устранена внутренняя опасность со стороны евреев. Подобное высказывание может при поверхностном суждении дать повод к заключению, что действительно все законодательные и административные меры, которые, постепенно увеличиваясь, принимались против евреев, достигли такого успеха, о котором говорил Гиммлер.

Но сначала надо рассмотреть вопрос о том, какие ограничения были применены к евреям законом и какие меры были проведены Гиммлером по организации гетто и истреблению евреев. Изоляция евреев от остального населения, их заключение в польские гетто и концентрационные лагеря и, наконец, их физическое истребление было тем, что Гиммлер рассматривал как средство для облегчения ведения войны. Иное представляют собой изданные имперским правительством законы и утвержденные рейхстагом «Нюрнбергские законы», которые, несомненно, предусматривали полную дискриминацию евреев, хотя ни один из этих законов не предусматривал абсолютной изоляции евреев от остальной части населения. Эти законы направлены на удаление евреев из общественных учреждений и из экономики,

на личное ограничение их свободы. Они были направлены на то, чтобы всеми путями затруднить жизнь евреев в Германии. В связи с этим пропагандируемой целью являлось побуждение евреев к эмиграции из Германии. Мне кажется, что преследование евреев согласно принятым законам не имело целью ведение агрессивной войны. Нельзя, с одной стороны, ставить в качестве цели агрессивную войну, а с другой — законодательными мерами создавать положение, которое принуждает к эмиграции людей, у которых отнята основа существования. Если хотят вести агрессивную войну, то глупо прогонять членов своей семьи, превращать их тем самым в своих врагов и выгонять их за границу, в страны, которые по планам ведения войны нужно рассматривать как будущих противников. Поэтому мне кажется, что для изучения преступлений в соответствии с Уставом Трибунала можно не рассматривать все законы, направленные против евреев. В дополнение я хочу еще сказать, что большая часть этих законов вышла без полного согласия всех членов кабинета; они носят явные следы компромисса, когда одна часть министров сумела смягчить общую тенденцию закона и ограничить его действие. Факт участия со стороны министра при составлении подобного рода законов ни в коей мере не означает, что он согласен с тенденцией закона и одобряет закон.

Закон от 3 июля 1934 г. рассматривается обвинением как оправдание событий 30 июня. Но и здесь следует исходить из того, что события 30 июня 1934 г. не имели связи с планами ведения агрессивной войны.

Что планировал Рем и насколько он был связан с инстанциями рейхсвера, то есть с военными инстанциями, нельзя установить. Во всяком случае, устранение такой личности, как Рем, и его сторонников нельзя рассматривать как устранение затруднения для выполнения плана ведения агрессивной войны. Если были убиты еще и другие противники Гитлера, которые не находились ни в какой связи с Ремом, то хотя это и является убийством, но и здесь, особенно учитывая личности, нет никакой связи с планами ведения агрессивной войны. Сам закон оставлял безнаказанными только тех, которые действовали в целях «подавления попыток государственной измены». Таким образом, этот закон не охватывал случаи, когда речь шла о людях, находившихся вне группы Рема. Часть из них попала под приговор, а другую часть Гитлер на основании имевшихся у него прав помиловал.

Я ссылаюсь на аффидевиты Мейснера и Шверин-Крозигка, а также на показания свидетеля Шлегельбергера. Большинство министров знали, что отношения между Гитлером и Ремом были натянутыми. Однако сами события явились для них неожиданностью. Сообщение Гитлера на заседании кабинета 3 июля 1934 г. о происшедших событиях соответствовало в сущности его заявлению на заседании рейхстага 13 июля 1934 г. На основании этого сообщения у министров создалось такое впечатление, что речь идет действительно о государственной измене и что принятые Гитле-

ром срочные контрмеры были необходимы, чтобы воспрепятствовать дальнейшему распространению бунта. Гитлер сам сознавал, что были допущены некоторые перегибы и арестованы лица, которые не имели ничего общего с бунтом. В таких случаях он обещал провести следствие. Обвинение особенно акцентирует внимание на тех законах, которые связаны с вооружением и уже поэтому указывают на подготовку Германии к ведению агрессивной войны.

Обвинение рассматривает в этой связи вопрос об образовании имперского совета обороны в 1933 году и два секретных закона о защите империи от 1935 года и от 1938 года.

Подсудимый Кейтель заявил при допросе, что уже в 1929 году был образован межведомственный комитет, который занимался вопросами обороны империи. Этот комитет не имел ничего общего с оперативными и стратегическими вопросами или с вопросами вооружения и военного имущества. Он обсуждал исключительно мероприятия, которые необходимо было провести в гражданском секторе в случае, если империя будет втянута в военные действия. Сюда относились, в частности, мероприятия по проведению эвакуации на случай войны. Это, безусловно, оборонительные мероприятия.

В фактической работе комитета ничего не изменилось, когда в апреле 1933 года на каждого министра возложили обязанность вместо существовавшего до этого необязательного сотрудничества отдельных референтов из министерств посылать в межведомственный комитет по одному референту. Проводившаяся подготовка являлась естественной государственной оборонительной мерой на случай войны. Даже на основании того факта, что работа комитета содержалась в тайне, нельзя сделать вывод о наличии косвенной улики, доказывающей подготовку агрессивной войны. Вполне естественно и общепринято, что все мероприятия, связанные с обороной страны, не предаются гласности. Задача, возложенная на комитет по обороне империи, существовала непрерывно вплоть до начала войны. Эта задача не изменилась, когда на основании неопубликованного закона об обороне империи от 21 мая 1935 г. был узаконен имперский совет обороны, созданный первоначально в апреле 1933 года на основании решения, принятого кабинетом министров. Но этот совет обороны, как показали Геринг, Ламмерс, Шахт, Кейтель и Нейрат, ни разу не заседал. Ни разу не созывались совещания, ни разу не был применен циркулярный метод. Всю деятельность продолжал осуществлять ранее созданный комитет, а имперский совет обороны оставался только возглавляющей организацией. На основании закона об обороне империи от 21 мая 1935 г. была учреждена должность генерального уполномоченного по вопросам военной экономики. Ему уже в мирное время предоставлялось право обеспечивать страну экономическими ресурсами на случай войны и издавать декреты в этом направлении. Фактически Шахт не провел никаких мероприятий в этой области, будучи генеральным уполномоченным по во-

просам экономики. Практически эти задачи уже в 1936 году были возложены на уполномоченного по проведению четырехлетнего плана. Необходимо опять-таки подчеркнуть, что организационные и предупредительные мероприятия на случай войны представляли собой нечто само собой разумеющееся. Эти мероприятия сами по себе не могут служить косвенной уликой, доказывающей агрессивные намерения. Для Германии необходимо было провести экономические мероприятия на случай войны. Нельзя было проводить организационную подготовку после начала войны, так как германская экономика оказалась бы нежизнеспособной.

Возражая против утверждения о том, что имела место лишь оборонительная подготовка, обвинение заявляет, что оборонительные мероприятия не должны были проводиться уже потому, что ни одно государство не намеревалось напасть на Германию. Вопреки этому следует заявить, что руководство всякого государства несет ответственность за заботу об отдаленнейших возможностях в решении жизненно важных вопросов. Никогда не может быть такого периода, когда для какого-либо государства на продолжительный срок абсолютно исключалась бы угроза военного нападения извне. Когда на основании указа Гитлера от 4 февраля 1938 г. произошли перемены в руководстве вооруженных сил, сначала вовсе не бросилось в глаза (так как имперский совет обороны вовсе не функционировал), что состав совета обороны согласно закону об обороне империи от 1935 года не совпадает с тем его составом, который определен упомянутым указом. Лишь после того как Кейтель указал на это несоответствие, оно было устранено на основании нового закона об обороне империи от 4 сентября 1938 г., и одновременно был создан колоссальный аппарат, так как вообще при нацистском режиме организационные меры широко задумывались, и пользовались особой любовью всякие преувеличения и искусственные нагромождения. Имперский совет обороны преобразовывается, происходят перемены, связанные с новым назначением членов. Помимо генерального уполномоченного по вопросам военной экономики, был назначен генеральный уполномоченный по вопросам администрации. Вместе с начальником ОКВ они образуют «коллегию трех»; им подчиняются в виде отдельных групп большинство других министров. Но весь аппарат должен был начать работу лишь после начала войны, когда должны были вступить в силу полномочия, которые носили широкий законодательный характер и были возложены на «коллегию трех».

Когда, наконец, действительно вспыхнула война, Гитлер не придал значения этой проводившейся на бумаге подготовке, а назначил совет министров по вопросам обороны империи, который фактически заменил все существовавшие до этого времени организации. Лишь позже, когда выяснилось, что законодательная машина совета министров работает слишком медленно, опять всплыли на поверхность полномочия «коллегии трех». Если «коллегия трех» была обя-

зана, как и вообще всякое ведомство, принимать в своей области меры, которые служат интересам обороны, то из этого нельзя сделать вывод об агрессивных намерениях или о том, что существовало сознание предстоящей войны, то есть что велась подготовка. Такая военная подготовка вообще исходит всегда из неизбежного предположения, что может вспыхнуть война. Но в этом предположении не заложено никакой косвенной улики, свидетельствующей об агрессивных намерениях. Если будет признано наличие такой косвенной улики, тогда нужно будет невольно рассматривать каждое государство, которое не может отказаться от подобной подготовки, как государство, планирующее агрессию. «Коллегия трех» до начала войны не созывала никаких совещаний; поэтому эта коллегия как таковая не работала на войну и не подготавливала никаких планов ведения агрессивной войны. Это также относится и к имперскому совету обороны. Правда, имели место два совещания этого совета. Какое небольшое значение придавалось этим совещаниям и насколько мало они подходили для того, чтобы принять решения о самых тайных планах, явствует из того факта, что из 12 членов совета на заседания являлась лишь часть, но присутствовало значительное число референтов из отдельных ведомств. Резюмируя, можно сказать, что в данном случае была создана в организационном отношении инстанция, предназначенная на случай войны, но она не вела никакой практической деятельности. Если бы в цели этой организации действительно входила подготовка агрессивной войны, то это сделало бы необходимой деятельность ее уже в мирное время.

Закон о построении вооруженных сил от 16 марта 1935 г. и военный закон от 21 мая 1935 г. также обсуждались обвинением. Я не хочу судить о том, представляют данные законы нарушение Версальского мирного договора или нет. Существенным для уголовного осуждения является то обстоятельство, следует ли рассматривать издание этих законов как косвенную улику, доказывающую наличие плана агрессии. Уже тот факт, что необходимо было опубликовать весь текст этих законов, свидетельствует о том, что они не содержали в себе подобного плана. Сравнительно небольшое число дивизий, предусмотренных в законе от 16 марта 1935 г., не допускает мысли о подготовке агрессивной войны.

Введение всеобщей воинской повинности также не является косвенной уликой, доказывающей наличие агрессивных планов. Воинская повинность введена в большинстве стран и, помимо соображений относительно увеличения числа рядовых запаса, безусловно продиктована соображениями, не учитывающими реальной обстановки.

При оценке законов, касающихся военной организации, нужно учесть, что введение воинской повинности в марте 1935 года сделало необходимым преобразование всей военной системы. Но это вынужденное преобразование военной системы не дает повода для вывода о планирова-

нии войны. Для выяснения осведомленности всех членов кабинета министров нет необходимости обсуждать вопрос, находилось ли германское вооружение в момент, когда вспыхнула война, в состоянии готовности для начала агрессии. Существовавшие законы не позволяли министрам составить точное представление о фактическом объеме вооружения, если вообще подавляющему числу членов кабинета приходилось в рамках их ведомств иметь дело с вопросами вооружения. Они должны были довольствоваться тем, что им сообщали. Генералы сами придерживались той точки зрения, что вооружение, учитывая его объем, носило только оборонительный характер. Гитлер же ничего не сообщал им о цели агрессивной войны.

Наконец, следует упомянуть закон от 13 марта 1938 г., согласно которому было провозглашено присоединение (аншлюс) Австрии к Германии. Этот закон не был принят большинством членов кабинета. До присоединения министрам ничего не сообщалось о ходе событий. Они обычным путем узнали о факте вступления немецких войск в Австрию.

Другим, обсуждавшимся обвинением законам так чужда мысль о связи их с планированием агрессивной войны, что мне не нужно подробно останавливаться на них. Нельзя отрицать деловые причины, по которым были изданы эти законы. Эти причины содержатся в официальных обоснованиях проектов законов, которые приводятся в моей книге документов. Эти обоснования при системе рассылки циркуляров приобщались к проектам законов и тем самым являлись для министров источником, из которого черпался смысл и назначение данного закона. Эти законы, между прочим, были изданы в такое время, когда больше не существовало тесной связи между членами кабинета. Это относится особенно к тем законам, которые были изданы во время войны и которые отдельно даже не приводились обвинением.

Для рассматриваемого периода нельзя предполагать совместных действий всех членов кабинета. В этот период полное преобразование законодательной системы сказалось чисто внешне в том факте, что самые важные законы издавались инстанциями, вновь созданными и облеченными обособленным кругом задач и законодательными полномочиями. Центр тяжести находился в указах и приказах фюрера, особенно относительно принципиальных и общеполитических вопросов. Это исключало всякую другую деятельность министров, кроме чисто ведомственной работы.

Представление о единстве свободно принимающих решения и совместно действующих членов кабинета давно стало призрачным. Поэтому речь может идти лишь об ответственности отдельных или нескольких министров, принимавших участие в составлении какого-либо закона, но не обо всем кабинете в целом. Обвинение считает, что цель предусмотренных Уставом преступлений особенно видна в деятельности имперского кабинета, больше всего в том, что

имелось тесное сотрудничество между верховными государственными органами и партией. Отдельные министры занимали высшие партийные должности. «Закон об обеспечении единства партии и государства» гарантировал сотрудничество партии и государственных органов. Благодаря этому проникновению партии в дела государственного руководства партийные идеи практически стали содержанием государственного руководства. Так утверждает обвинение.

В действительности ни Закон об обеспечении единства партии и государства, ни более поздние указы не могли полностью обеспечить сотрудничество правительства и партии. Министры считали, что их задачей является управление чисто государственными делами. Партия должна была неустанно бороться при поддержке, которую многократно оказывали ей указы Гитлера, за достижение большего сотрудничества при решении вопросов государственными органами.

Резюмируя, я могу сказать: в ходе данного процесса не доказано, что члены всего обвиняемого круга лиц, все целиком, хотели агрессивной войны и ее преступных последствий, предусмотренных Уставом, что они даже ставили это своей целью и направляли всю совокупность своей деятельности на достижение этой цели...

Обвинение особо направлено против тайного совета и совета министров по обороне империи. О тайном совете кабинета мне остается сказать немногое. Он никогда не собирался, а следовательно, никогда не принимал никаких решений и не вел никакой деятельности. В этом, созданном только законом, но практически не функционировавшем кабинетном совете не могли разрабатываться планы, не предпринималось что-либо для их проведения.

Совет министров по обороне империи был создан на основании указа Гитлера в начале войны. Мне непонятно само по себе, на каком основании обвинение выделяет дело о совете министров как об отдельной организации в рамках имперского правительства. Все его члены входили в состав кабинета. За исключением Ламмерса, все они даже сидят на скамье подсудимых. Очевидно, что само обвинение сомневается в признании аргументов, выставленных против всего кабинета, и, по крайней мере, хочет обеспечить себя минимумом требований в отношении осуждения этой части членов кабинета.

К совету министров по обороне империи, соответственно, относятся аргументы, изложенные мною в отношении имперского кабинета. Обвинению не хватает доказательств, из которых оно смогло бы сделать заключение об участии этого совета в преступлениях, предусмотренных Уставом.

Мне ясно, что рамки этого процесса, даже принимая во внимание небольшой круг членов правительства, не представляли возможности выяснить стремления, поступки и мотивы отдельных членов. Дело имперского правительства охватывает численно небольшой круг лиц; 17 из них представлены на скамье подсудимых. Кроме них, 20 человек еще живы. Имеется достаточно возможностей разобрать и осу-

дить их прошлую деятельность со всей ясностью, объективностью и субъективностью на процессах по делу каждого лица в отдельности. Нет никаких поводов объединять их теперь в одно целое, включая и мертвых членов, объявить вне закона путем вынесения приговора и лишить их защиту в последующем ходе разбирательства существенной части ее контрдоводов. В деле имперского правительства, следовательно, соображения целесообразности не могут привести к тому, чтобы жертвовать общими основами права ради практических целей.

В заключение я считаю себя обязанным выразить следующую идею, затрагивающую общую проблему организаций: господин Джексон, говоря о приговоре, о котором ходатайствует обвинение, заявил, что соображения целесообразности являются решающими. Он считает, что в противном случае нельзя было бы охватить всех лиц, участвовавших в преступлениях. Анонимные преступники, таким образом, могут остаться в стороне. Он, Джексон, видит политические мотивы такого приговора в том, что тем самым можно будет отделить «хороших» от «плохих». В моей речи я показал, что суммарное осуждение организаций неминуемо должно привести к осуждению невиновных. Разве такая жертва, которую требует принести принцип абсолютного права по причинам политической целесообразности, действительно необходима и разве с этим можно согласиться? Разве этим, в конце концов, вообще будет достигнута поставленная политическая цель?..

Возможность моральной и действительной изоляции части населения от всего населения имеет численные пределы. Это я прошу учесть, принимая во внимание поставленную цель общего умиротворения. Я также не считаю, что приговор, о котором здесь ходатайствовали, необходим для того, чтобы подвергнуть наказанию все еще остающихся до сих пор анонимными преступников. Те лица, которые могут быть причислены к преступникам, в основном уже задержаны. Посещение их в лагерях для интернированных и рассмотрение их дел в ходе денацификации предоставляет полную возможность установить действительно виновных лиц.

Если, таким образом, нет необходимости выносить по делу организаций общий приговор для достижения поставленных целей, то такое вмешательство в правовые гарантии кажется особенно опасным...

Суд теперь должен принять решение о том, должен ли приговор, о котором ходатайствовало обвинение, коснуться и невиновных. Правда, представители обвинения заявили, что разумное применение правовых норм приведет к тому, что число преследуемых будет сведено до такого минимума, что только виновные предстанут перед судом. Если даже это намерение полностью можно было бы осуществить в каждой оккупационной зоне, то все же надо учесть, что независимо от желаемой практики фактом останется то, что приговор сам по себе даст законную возможность на законном основании возбуждать судебные преследования

из-за одного только членства в организации. Если изложенная мною точка зрения не будет принята, следует прийти к выводу, что для отдельных невиновных членов не создается абсолютной законной гарантии того, что они не будут подвергнуты судебному преследованию. Другими словами, создастся такое положение, при котором большое число людей будет жить в состоянии неуверенности и не сможет предугадать, будет ли возбуждено против них судебное преследование. Это как раз будет иметь место в несложных делах, которые национальными судами всегда будут отодвигаться на задний план и рассматриваться позднее. Для огромного числа членов организации, дела которых будут рассматриваться в судах, их родственников, для миллионов людей создастся такое положение, которое лишит их того, что мы называем нашей конечной целью: возрождение чувства уверенности в правовых и законных гарантиях.

Речь защитника СА Г. БЁМА

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 28 августа 1946 г.

Господин председатель, господа судьи!

Если организации будут объявлены преступными, то это решение будет отнесено также к отдельному человеку, и на него, следовательно, распространится действие Закона № 10 Союзного Контрольного Совета. Наказание невиновных с тех пор, как живет человечество, никогда не считалось справедливым. Следовательно, тот, кто хочет карать, должен рассмотреть ответственность каждого лица отдельно даже в том случае, если несколько лиц приняли участие в совершении преступления...

Миллионная масса членов СА считает агрессивной войну, которая квалифицируется в статье 6 Устава как преступление; все члены СА без исключения никогда не оспаривали того, что действия, предусмотренные статьей 6 Устава в разделе «Преступления против человечности», всегда находились в противоречии с их принципами и поэтому заслуживают оценки как преступные.

В соответствии с этим защите, помимо тех основ, на которых построен данный процесс и которые оспариваются ею, остается только рассмотреть вопрос о том, преследовала ли когда-либо СА, являющаяся здесь обвиняемой организацией, осуществление преступных целей или законных целей, но с помощью преступных методов.

Цели обвиняемой организации ясно установлены программой и уставом национал-социалистской партии. Средства для осуществления этих целей указаны в имперских законах и

распоряжениях, опубликованных в имперском сборнике распоряжений. СА может быть рассмотрена как обвиняемая организация только в качестве объединения лиц, общие и совместные стремления которых заключались в осуществлении указанных целей с помощью средств, допускаемых немецкими законами. Эти цели, которые были совершенно ясны не только членам обвиняемой организации, но и всему миру, и законные средства для осуществления этих целей не могут быть рассмотрены миром как преступные, поскольку ответственное за них национал-социалистское правительство после установления единства партии и государства на основании соответствующего закона формально признало эти цели.

Защита СА должна доказать, что:

во-первых, никогда не имелось общего и совместного плана членов СА для совершения тех преступлений, которые предусмотрены статьей 6 Устава;

во-вторых, ни в момент объединения, ни в дальнейший период члены СА не воспитывались в том духе, что партийная программа или особые целевые установки СА должны быть осуществлены путем применения незаконных средств, в частности путем применения террора и насилия;

в-третьих, если установлены незаконные действия, то результат расследования и опрос многих тысяч членов показывает, что эти действия были лишены общего плана, который могла разработать масса членов организации, и поэтому действия находились вне всякого совместного общего плана и совершались только отдельными лицами, узким кругом лиц или группами лиц, принадлежавших к СА.

Неверно, что за этими ужасными позорными событиями скрывался с самого начала единый, совместно разработанный план массовой организации, по которому совершались такие действия, и что эти действия не скрывались или стали известны таким путем, что всем членам организации с правовой точки зрения справедливо должно быть предъявлено обвинение. Что касается обвинений в преступлениях против мира, то, в первую очередь, следует учесть, что меры по подготовке к агрессивной войне должны при любых обстоятельствах содержаться в секрете. Если считать доказанным, что имперское правительство или генеральный штаб подготавливали агрессивную войну, то почти неопровержимо предположение о том, что они не только не доводили эти подготовительные мероприятия до сведения миллионной массы членов СА, но, наоборот, строго следили за тем, чтобы эти приготовления оставались в тайне. Если о такой подготовке ничего не было известно, то миллионным массам никогда не пришло бы в голову, что начатая руководителями страны оборонительная война в действительности являлась, как утверждает обвинение, агрессивной войной, участие в которой может быть расценено как преступление против мира.

Преступления против законов и обычаев ведения войны по своей природе представляют собой единичные действия ограниченных групп лиц или организаций, которые были

тоже засекречены высшим руководством с целью предотвращения действия международного принципа возмездия. Даже в случае, если было бы возможным в одном только одобрении этих нарушений признанных правил и законов ведения войны видеть подлежащее наказанию участие в них, то представители обвинения все еще стояли бы перед до сих пор не разрешенной и, пожалуй, вообще не разрешимой задачей — привести доказательства того, что, по меньшей мере, подавляющее большинство членов СА вообще знало о таком планомерном совершении преступлений против обычаев и законов войны. В результате опроса многих тысяч членов СА защита может привести доказательства того, что если случались нарушения законов ведения войны, то это были не зависимые друг от друга ни по времени, ни по месту действия отдельных лиц или небольших групп лиц вне общей цели разрешенной законом, существовавшей в определенный период и в определенной стране организации; поэтому было бы несправедливо рассматривать эти отдельные действия как «типичную форму проявления» единого плана, которые в конечном счете могут характеризовать СА как преступную организацию.

Международный военный трибунал при вынесении приговора должен исходить из того, что незаконные действия совершались лишь ограниченным числом лиц или ограниченными в количественном отношении группами лиц, деятельность которых в такой же незначительной степени может наложить печать преступности на организацию в целом, как некоторое число преступлений, совершаемых в жизни каждой нации, в состоянии характеризовать эту нацию как «нацию преступников».

Согласно утверждению обвинения верховное руководство СА:

а) подготавливало, планировало или отдавало приказы о ведении агрессивных войн;

b) чинило или допускало зверства и другие преступления в концентрационных лагерях.

Если действительно планировалась агрессивная война, то в составлении этого плана могли участвовать только немногие лица, а не четыре миллиона человек. Виновники ограниченного по месту и времени преследования евреев известны или их можно установить. Но нет необходимости путем объявления организации преступной создавать предпосылку для обвинения всех членов СА, тем более что подавляющее большинство из них не признают эти действия. Установлены также места, где находились концентрационные лагеря, и имена лиц, ответственных за совершенные там преступления. Об этом свидетельствуют многочисленные процессы по делу начальников концентрационных лагерей и охранных команд. Можно ли обвинять в ужасных преступлениях, совершенных в концентрационных лагерях, миллионы членов СА, из которых 70 процентов находились на фронте, если даже бывшие министры утверждали, что они ничего не знали о происходящем? Нужно выявить непосредственных виновников. Коллек-

тивное обвинение четырех миллионов человек бесчеловечно и наблюдается в истории уголовного права в первый и единственный раз. Оно основано на расширении понятия «пособник», которое сметает все правовые гарантии и все принципы уголовного законодательства. Основной мыслью при этом является мысль о наказуемости лиц за вступление в организованную группу, которая является запрещенной. Эти лица должны при своем вступлении сознавать, что они совершают что-то противозаконное. Объявление действия преступным задним числом с целью возбуждения дела против отдельных его участников разрушает основы формулы: «Нет преступления без закона».

Международный Контрольный Совет в законе о судопроизводстве в Германии четко изложил эти основы[1]. Международный Суд не может обойти эти общие правовые основы действующего и в Германии международного законодательства.

Обвинение оперирует по отношению к СА рядом соображений в отношении цели, места, времени и круга действующих лиц, соображений, которые дают возможность объявить преступной эту организацию. Позиция обвинения такова, что будто бы вся организация СА за все время своего существования состояла лишь из одного определенного круга лиц, составляющих одно целое с определенным руководством, преследующим одну цель. Без подобного обобщения обвинение вообще не смогло бы доказать преступность организации.

Так обстоит дело, например, с вопросами об агрессивной войне и преследовании евреев. Обвинение проходит мимо действительной проблемы о массовых арестах, которая может быть разрешена только путем расследования большого количества отдельных случаев арестов. Нельзя на основе немногих фактов, имевших место за 20 лет существования СА при наличии четырех миллионов ее членов, судить о делах и существе всей организации.

Обвинение должно было доказать в отношении членов СА преднамеренность, внутреннее желание, знание преступной цели и сознание противозаконности. Но так как это невозможно, обвинение ограничивается словами о том, что преступные цели и совершенные преступления и без того ясны, чтобы их мог распознать каждый без всяких доказательств. Но если это было настолько ясно миллионам простых людей, то почему же тогда сами союзники до 1939 года поддерживали связи и заключали договоры с этим преступным государством? Обвинение забывает: 1) что и иностранная печать писала о ценности, которую представляло собой национал-социалистское государство, 2) что в течение 12 лет действительные события укрывались или вуалировались перед всем немецким народом и общей массой

[1] Речь идет о Законе № 10 Контрольного Совета. — **Прим. сост.**

членов СА, что преднамеренность следует рассматривать только в связи с конкретным составом преступления.

Следует указать на то, что между действиями главных обвиняемых и действиями членов СА нет никакой связи. СА, если вообще об этом может идти речь, может отвечать только за поступки, совершенные лицами, принадлежащими непосредственно к СА, то есть рядовыми членами и руководителями СА, а не за действия, совершенные, например, рейхсминистрами, рейхслейтерами, гаулейтерами, областными комиссарами и т.п. Рейхсмаршал Геринг, кроме своей роли недолговременного гостя, с 9 ноября 1923 г. не играл в СА никакой роли. Его ранг был в последующее время только почетным. То же самое можно сказать о подсудимом Франке. Действия его как генерал-губернатора Польши не могут ставиться в вину СА. Он не был руководителем организации СА, которая состояла из живших в Польше немецких граждан.

Розенберг, Борман, Ширах, Штрейхер, Гесс, Заукель не имели никакого отношения к СА. Борман, как показал свидетель Ютнер, был злейшим противником СА. Штрейхер устранил обергруппенфюрера Штегмана.

Пропаганда рисует национал-социалистское государство таким образом, что партия, государство и вооруженные силы представляют единое целое. В действительности же имели место глубокие противоречия. Именно эти противоречия дали Гитлеру неслыханную власть над людьми и неслыханную самостоятельность, которой он пользовался, как выясняется только теперь, вместе с небольшим кругом доверенных лиц. Стоит только вспомнить о различных точках зрения внутри партии и в среде партийных руководителей (Геринг, Геббельс, Гиммлер и Лютце) по вопросу о церкви и по еврейскому вопросу. Для среднего человека и среднего члена организации было не так-то легко увидеть и найти ясную линию среди всего этого многообразия тенденций.

Свидетельские показания Ютнера, аффидевиты Герауфа и Фройнда указывают на то, что высшее руководство СА до последнего момента, когда оно потеряло свое политическое значение, находилось в тесной связи с английскими и французскими кругами, преследуя цель заключения западного пакта. Я указал, что в рамках этих переговоров СА получала финансовую поддержку из-за границы. Далее я указал, что руководство СА в 1932 году вместе с германскими правительственными кругами участвовало в переговорах о создании коалиции против Гитлера.

Обвинение инкриминирует СА то, что она всегда была послушным орудием в руках заговорщиков. Самым лучшим доказательством обратного могут служить события 30 июня 1934 г. Снова и снова в связи с этими событиями создается ложное мнение, как будто бы в этот день удалось подавить путч СА, путч рвущейся к власти клики. Нет ничего более ошибочного, чем такой ход мыслей, так как на самом деле СА жила внутри партии более или менее своей самостоятельной жизнью (на это показывает аффидевит Фройнда).

Несомненно установлено, что большинство членов СА не имело (или имело в небольшой степени) контакт с партией в период, когда начальником штаба был Рем. В 1934 году создалось такое положение, при котором подавлялась всякая свободная мысль, прежде всего в самой партии, и обожествлялась схема. Все подлежало унификации, принуждение торжествовало, оно господствовало над всей общественной жизнью. Уже тогда имперское правительство было в той или иной мере выключено из политической жизни. Рейхстаг служил только бутафорией и не имел никакого значения. Однажды СА выступила восторженно за фюрера; теперь она видела, что Гитлер, по выражению начальника штаба Рема, окружил себя демагогами и политиканами и из фюрера народа превратился в диктатора. Верховное руководство СА наблюдало подобное развитие со все возрастающим недоверием; это развитие таило в себе опасность того, что немецкий народ, давший фюреру все полномочия, при организации будущего государства будет полностью выключен из политической жизни. Эта опасность и атмосфера принуждения создали невыносимое положение. Так, сначала замаскированно, возникла оппозиция под руководством начальника штаба СА Рема.

Было намечено устранить прежнюю систему и заменить ее действительно народным правительством при деятельном участии самого народа. В этом направлении шли все приготовления, которые упоминались свидетелем Ютнером на заседании Комитета уполномоченных. Было установлено, что Рем на намечавшемся съезде в Кульмбахе хотел проинформировать о положении рабочих, которое создалось после роспуска профсоюзов Леем...

После событий 30 июня 1934 г. СА полностью утратила свое значение. Она рассматривалась уже как нежелательный придаток, как политически ненадежная организация. Судьба СА с этого дня определялась поисками какой-либо новой задачи. Официально СА должна была взять на себя военное, политическое и спортивное воспитание лиц допризывного возраста. В действительности партия поручала СА задачи сугубо второстепенного характера. Только военные события привели к созданию так называемых военизированных отрядов СА.

Таким образом, СА не могла принимать участия в лихорадочной подготовке войны. Совершенно исключается то, что, как заявляет обвинение, 25 тысяч офицеров получили подготовку в школах СА. Это обвинение было полностью опровергнуто показаниями Ютнера и Бока. Как ненадежна была СА в глазах Бормана, видно из того, что народное ополчение не было построено на основе СА.

Обвинение изображает СА как полувоенную добровольную организацию, хотя задачи вооруженных сил и СА были ясно разграничены. Вооруженные силы являлись объединением подготовленных и боеспособных людей. СА не имела никогда ничего общего с военно-технической подготовкой, которая является задачей вооруженных сил.

Считается также, что существовала параллель между деятельностью вооруженных сил и деятельностью СА. Предполагалось следующее: СА воспитывала немецкого мужчину, превращая его в политического борца за национал-социализм, а вооруженные силы давали ему специальную техническую подготовку по овладению оружием, воспитывали из него бойца, несущего оборону страны. Но слишком далеко заходят, когда говорят об СА как о военной структуре. СА представляла собой объединение, которое состояло из миллионов людей. Время от времени проводились тренировки на местности, но во время этих тренировок запрещалось проводить военные сборы. Члены СА каждые 14 дней, подобно тому, как это происходит обычно в стрелковых обществах, проводили стрельбу из малокалиберных винтовок. СА являлась далеко не войсковой частью, даже если в отдельных случаях каждый штурм(рота) имел свыше пяти малокалиберных винтовок, то это, однако, не было распространенным явлением. СА никогда не обладала какими-либо видами тяжелого оружия, не говоря уже о том, что СА не проводила тренировок по обращению с ним. Отношения между СА и вооруженными силами соответствовали этому. СА никогда не признавалась вооруженными силами. Звание в СА, как бы высоко оно ни было, не имело никакого влияния на звание в армии. Напротив, оно порой оказывало тормозящее влияние на продвижение в армии. Удостоверения о прохождении специальной подготовки в СА, например удостоверения о кавалерийской, санитарной подготовке, удостоверения о прохождении радиодела, не признавались в вооруженных силах.

По отдельным пунктам нужно констатировать следующее:

1. Форма СА являлась самой неподходящей формой для военных целей. В этой связи я ссылаюсь на показания свидетеля Бока.

2. Помимо уже упомянутых малокалиберных винтовок, разрешалось ношение кинжалов и пистолетов. Следует добавить, что кинжал был введен лишь после 1933 года. Пистолеты были только у руководителей штурмов (штурмфюреров), причем лишь часть штурмфюреров могла носить пистолеты, так как только они отвечали условиям, разрешающим ношение оружия в Германии.

3. СА не обладала никакими средствами транспорта.

4. У СА не было никакого тяжелого оружия и никакого ручного огнестрельного оружия, поэтому не могла проводиться подготовка по овладению этим оружием.

5. Организация подразделений СА не соответствовала организации военных соединений. Состав и организация не были рассчитаны на то, что СА будет использоваться для военных целей. Подразделение в вооруженных силах на военно-учетные пункты и военно-призывные районы не совпадало с подразделением в СА. Штандарт (полк) в сельской местности был расщеплен в территориальном отношении на множество мелких штурмов (рот) и групп (взводов),

численность которых была неопределенной. Численный состав штандарта нельзя сравнить с военным полком.

6. Отсутствовала возможность быстрой передачи приказов.

7. Не проводились военные маневры подразделений.

8. Специальные подразделения СА не выполняли военных задач. У них не было никакого военного снаряжения, они не имели никакого военного значения, и на них не возлагались никакие военные задачи.

Кавалерийские роты СА служили для спортивных целей, саперные роты использовались во время аварий, роты связи считали своей задачей умение расшифровывать сигналы во время различных зрелищ с помощью примитивных, несовременных средств без радиослужбы, которая, как следует из одного аффидевита, была запрещена. Санитарные роты СА использовались во время несчастных случаев.

Во время войны был представлен проект соглашения, на основании которого СА, подобно СС и полиции, должна была предоставлять в распоряжение организации Гитлерюгенд лиц для воспитания в лагерях военной подготовки. В документе США-867 установлено, что руководство СА не выполнило этого пожелания. Подсудимый Ширах указывал, что причиной являлась неспособность СА осуществить это.

Английское обвинение предъявило в числе документов статьи из «Дер СА манн», из которых явствует, что действительно нужно понимать под военной подготовкой. Из этих статей следует, что высшее руководство СА не проводило такой подготовки. В статьях о колониальной проблеме, цитируемых английским обвинением, говорится о получении колоний только мирным путем. В этих статьях, как было установлено на заседаниях Комитета уполномоченных, нельзя усмотреть подстрекательства к войне. Поэтому прыжок, который сделало обвинение, для того чтобы доказать, что СА способствовала развязыванию агрессивной войны, является прыжком в пустоту. Напротив, я доказал, что высшее руководство СА делало все, чтобы способствовать установлению взаимопонимания между народами. Это ясно вытекает из показаний свидетеля Оберлиндобера. Я также доказал, что в школах руководителей СА проводилась только идеологическая, политическая подготовка, но не военная. На основании аффидевитов мы видим, что песни, в которых можно было бы усмотреть агрессивную тенденцию, запрещались высшим руководством СА. Я показал, что отдельные члены СА, которые пытались пропагандировать войну с целью реванша, были исключены из СА. Наконец, я показал, что руководство СА проводило подготовительные мероприятия для имперского партийного съезда в 1939 году, мероприятия, которые как раз были направлены против возможных военных планов. И, наконец, на заседании Комитета уполномоченных было представлено соглашение между СА и вооруженными силами, соглашение, которое было заключено в противовес военным агрессивным тенденциям Гитлера, Гиммлера и Геббельса.

Совершенно необоснованной является точка зрения обвинения относительно того, что СА якобы создана для подавления путем террора политических противников и для того, чтобы расчистить, таким образом, пути агрессивной войне.

Свидетели Бургшталлер и Ютнер показали, что СА не занимала какой-либо крайней позиции в расовом вопросе, ибо иначе была бы совершенно исключена возможность того, что в Берлине в организации СА принимались крещеные евреи и крещение евреев производилось в присутствии членов СА, одетых в форму. Свидетель Дильс показал, что члены организации СА в Берлине не были настроены антисемитски. Он особенно подчеркнул, что антисемитская пропаганда была делом господина Геббельса. У нас имеются также показания доктора Менге, который заявил, что в Ганновере отряды СА охраняли еврейские магазины; за это владельцы магазинов — евреи выдали членам СА боны для закупки товаров. Из аффидевитов мы видим, что и в других городах СА охраняли дома и магазины еврейских граждан от разграбления...

Об участии СА в охране концентрационных лагерей и о несении полицейской службы обвинение приводит только отдельные случаи. Даже по утверждению обвинения СА не имела никакого отношения к таким большим концентрационным лагерям, как Освенцим, Майданек, Бельзен, Дахау и Бухенвальд.

Правильно, что после 30 января 1933 г. некоторое число полицейских и членов вспомогательной полиции, взятых из рядов СА, использовались для различных целей. Они были взяты из рядов СА потому, что в известной степени желательна была справка о политической благонадежности и что многие безработные желали получить полицейскую профессию в СА или работать в органах вспомогательной полиции.

Поскольку члены СА, о которых шла речь, осваивали новую профессию, например профессию полицейского, то речь шла исключительно о людях, которые занимались этой профессией. Поскольку они временно использовались в качестве членов вспомогательной полиции, то им часто одновременно устанавливался испытательный срок, прежде чем назначить их на должность полицейского, и они не подчинялись уже больше СА, а подчинялись соответствующей полицейской инстанции. В таком случае они носили некоторое время форму СА, но это имело место только из-за недостатка форменной одежды, кроме того, на руке у них была повязка с надписью «вспомогательная полиция». Они получали соответствующее удостоверение от полиции или других властей.

В отношении обвинений, выдвинутых против СА в связи с концентрационными лагерями, службой в полиции и во вспомогательной полиции, ясно, что речь может идти только о чисто внешней связи, которая ставится в вину СА не-

справедливо, только на том основании, что члены СА носили одинаковую форму...

Совершенно точно установлено, что верховному командованию СА было запрещено размещать соединения СА в так называемом имперском комиссариате Остланд, то есть в Литве, Латвии и Эстонии. Обвинение смешивает здесь действовавшую в Восточной Пруссии группу СА «Остланд» с более поздним имперским комиссариатом Остланд...

В результате массового приема, последовавшего после 30 января 1933 г., в СА вступили такие круги германского населения, стремления и цели которых не имели ничего общего с целями СА.

В этой связи следует указать также на включение евангелистских союзов молодежи в состав Гитлерюгенда в 1933 году, которые потом были переданы СА. С осуждением СА объявление о преступности распространится также на этих людей, которые не имели ничего общего с духом НСДАП и частично служили тормозом для радикализма нацистского движения.

Большая масса людей пришла в СА в результате осуществленного по приказу перевода союза «Стальной шлем» в СА в 1933—1934 гг. Первоначально СА состояла, как уже было установлено, только из 300 тысяч человек. «Стальной шлем» состоял свыше чем из миллиона членов, которые по своему поведению и мировоззрению отличались от членов СА...

Перевод и зачисление в СА «Стального шлема» были проведены без всякого учета желания его членов — частично путем объявления приказа на сборах, частично путем составления списка.

Перевод «Стального шлема» в СА прошел не без трений. У многих членов «Стального шлема» создалось впечатление, что они подвергаются принуждению. Широкие круги организации были не согласны с подчинением «Стального шлема» и с его сотрудничеством с НСДАП во время прихода Гитлера к власти. Особенно выступал против этого Дюстерберг, которого следует отметить как главного руководителя оппозиции. Результатом этой оппозиции явился его арест, а затем многочисленные аресты членов «Стального шлема», произведенные государственной полицией в начале 1933 года, в особенности в Брауншвейге. Те члены «Стального шлема», которые не подчинились приказу о переводе в СА, принуждались к этому государственными органами и в ряде мест подвергались наказаниям.

Надо заметить, что большое число переведенных в СА членов «Стального шлема» остались членами союза «Стальной шлем», названного впоследствии НСДФЕ (национал-социалистский союз фронтовиков). Большая часть «Стального шлема» представляла собой замкнутую корпорацию внутри СА, которая с недоверием относилась к происходившим событиям. Ей противостояла группа членов «Стального шлема» и прежних руководителей этого союза, которой руководил прежний министр по труду Зельдте.

Без сомнения можно сказать, что «Стальной шлем» представлял полную противоположность так называемым старым бойцам СА. Приведенные документы, аффидевиты и показания свидетелей неопровержимо подтверждают это.

Члены «Стального шлема» принесли в СА идеологию своего союза, которая по ряду пунктов существенно отличалась от идеологии национал-социализма. Они отрицали диктаторские притязания любой политической партии и принцип фюрерства. Они все время были связаны со своим старым союзом, который существовал в форме национал-социалистского союза фронтовиков вплоть до его роспуска в 1935 году. Даже после роспуска они образовали крепко спаянные группы, и почти по всей Германии происходили их товарищеские встречи. Во многих из этих групп, таким образом, еще долго жили надежды на политический переворот.

Другая группа, которая занимает в СА особое положение, — это кавалерийский корпус СА, позже переформированный в национал-социалистский кавалерийский корпус. Согласно представленным доказательствам кавалерийский корпус СА в течение всего времени своего существования имел широкую организационную самостоятельность. Цели, задачи и деятельность кавалерийского корпуса СА были не политическими, они ограничивались конным спортом и коневодством. Что касается численности и организации кавалерийского корпуса СА, то допрос свидетелей показал, что кавалерийский корпус насчитывал около 200 тысяч членов. Из них 80—90 процентов составляли крестьяне, имевшие лошадей. К кавалерийскому корпусу СА примкнули после захвата Гитлером власти существовавшие во многих городах кавалерийские клубы, которые были абсолютно аполитичны и занимались деятельностью чисто спортивного характера.

Деятельность национал-социалистского кавалерийского корпуса соответствовала спортивным и коневодческим задачам. Центром тяжести всей деятельности в городских союзах была организация охот и турниров, как это делают конно-спортивные клубы всего мира. Как правило, ездили не в форме, а в гражданском платье. В скачках участвовали женщины и дети членов корпуса. В сельских местностях деятельность ограничивалась обучением, связанным с вопросами, важными для крестьян, прежде всего обучали управлению лошадьми и лечению больных лошадей. Члены кавалерийского корпуса СА считали себя в первую очередь кавалеристами, а не членами СА...

Представление доказательств ясно показало, что кавалерийский корпус СА никоим образом не принимал участия в каких-либо преступлениях против человечности, он никогда также не содействовал проведению мероприятий против церкви, евреев, профсоюзов, иностранных рабочих и военнопленных. Наоборот, члены кавалерийского корпуса СА часто выступали в защиту лиц, которые подвергались политическим преследованиям.

По утверждению обвинения Гитлер якобы поставил перед кавалерийским корпусом СА задачу подготавливать

кавалерийские резервы для всех германских вооруженных сил. Обвинение при этом опирается прежде всего на некоторые пропагандистские статьи, опубликованные неизвестным автором в журнале «Дер СА манн». Все свидетели, допрошенные относительно кавалерийского корпуса, показали, что содержание этих статей явно противоречило действительному положению. Обвинению не удалось привести случая, когда кавалерийский корпус СА за все время своего более чем десятилетнего существования хотя бы один раз намечал или осуществлял какую-либо деятельность, которую можно было бы рассматривать как подготовку или поддержку агрессивной войны.

Командовавший германской кавалерией перед началом второй мировой войны известный генерал-полковник Гудериан недвусмысленно высказался по этому вопросу.

Внутри самого кавалерийского корпуса не проводилось никакого обучения для выполнения военных задач. Никогда, ни в одной части Германии, ни в один период времени кавалерийский корпус не проводил таких учений, которые проходили в кавалерии вооруженных сил.

Обвинение не может подтвердить свои доводы указанием на так называемое кавалерийское удостоверение, которое давало его владельцу право служить в кавалерийских частях сухопутных сил. Однако это удостоверение мог получить каждый спортсмен, не будучи даже членом кавалерийского корпуса СА. Всякий страстный любитель верховой езды желал попасть в случае призыва в армию в кавалерийские войска, так же как страстный альпинист или лыжник охотнее всего проходит военную службу в горно-стрелковых частях. Но на практике это желание учитывалось в исключительных случаях, так как с 1933 года кавалерия в вооруженных силах была почти полностью упразднена. Таким образом, большинство владельцев кавалерийских удостоверений при призыве в армию в действительности направлялись в пехоту или моторизованные части...

Следует также подчеркнуть, что ни один из главных подсудимых никогда не был связан с кавалерийским корпусом СА. Ни один член кавалерийского корпуса в продолжение всего периода национал-социалистского правления не играл руководящей политической роли. Освобождение кавалерийского корпуса СА от выдвинутых против него обвинений является справедливым требованием уже по той причине, что две другие крупные спортивные организации партии — национал-социалистский автомобильный корпус и национал-социалистский авиационный корпус — не обвиняются ввиду того, что они преследовали спортивные цели. Автомобильному корпусу и авиационному корпусу благодаря политическому влиянию их руководителей удалось добиться полной независимости от СА. Кавалерийский корпус СА во все время своего существования также старался добиться этой полной самостоятельности, но достиг этого лишь частично. Он оставался подчиненным СА. Может быть, кавалерийскому корпусу СА потому и не давали полной

самостоятельности, что партийное руководство считало его политически неблагонадежным.

Осуждение национал-социалистского кавалерийского корпуса при таких обстоятельствах было бы воспринято как особая несправедливость совершенно независимо от того, что обвинение в подготовке современной войны скорее может быть выдвинуто против тех, кто проходил обучение на автомобилях и самолетах, чем против тех, кто посвятил себя конному спорту и коневодству.

Другую группу внутри СА, которая имела еще меньшее отношение к политическим целям, чем кавалерийский корпус СА, составляли санитарные подразделения...

Практически было предусмотрено, что каждая рота должна была иметь по четыре или по пять человек, прошедших специальную санитарную подготовку. Их обучали в СА врачи в рамках Женевской конвенции. Часть этих лиц обучалась непосредственно при Красном Кресте. Круг задач санитарного персонала СА повсюду соответствовал кругу задач Красного Креста. Письменное показание под присягой, данное доктором Менге из Ганновера, свидетельствует, что большое количество союзов водного спорта по приказу было включено в СА в качестве морских рот СА. Эти морские соединения СА отличались от других соединений СА тем, что в их рядах едва ли можно было найти старых членов. Почти все они были созданы после 1933 года. Их служба заключалась исключительно в водно-спортивной деятельности.

Насильственно были включены в СА также части пограничной охраны, которые только формально принадлежали к СА.

В моей книге документов я представил под номером СА-218 приказ высшего руководства СА от 7 октября 1933 г. Из него вытекает, что имперский министр внутренних дел на основании своего распоряжения от 30 октября 1933 г. определил, что вспомогательная саперная служба скорой технической помощи должна быть передана СА. Переведенные в СА саперные вспомогательные части были переформированы в саперные роты СА. Поэтому естественно, что эти части использовались во время катастроф, так как они были взяты из службы скорой технической помощи.

Подавляющее большинство членов СА, которые примкнули к СА после 1933 года, например, учащиеся старших классов средних школ, студенты, молодые чиновники, рабочие промышленности и ремесленных предприятий, поступали в СА не добровольно, а на основании постановлений, распоряжений и директив. Студенты, после того, как они становились членами местных рот СА, несли службу в управлении СА по высшим школам...

К сожалению, нельзя на основании статистических данных проиллюстрировать Высокому Суду деление СА на группы после 30 января 1933 г. Таких статистических данных нет. Однако я могу сообщить довольно точную схему организации с тем, чтобы Трибунал получил ясное представление о СА. Эти сводные данные содержатся в сборнике коллективных аффидевитов.

Как уже было сказано, ряды СА к 30 января 1933 г. насчитывали 300 тысяч членов. На основании приказа были переведены из «Стального шлема»: в первый раз — 550 тысяч членов, во второй раз — 450 тысяч членов. Согласно приказу в СА были переведены также кавалерийские объединения, насчитывавшие 200 тысяч членов, объединения водного спорта — 50 тысяч членов, пограничные отряды — 100 тысяч членов, подсобные саперные взводы скорой технической помощи — 50 тысяч членов, санитарные объединения и прочие союзы Красного Креста; на основании ведомственного распоряжения были включены также врачи, которые состояли в санитарных объединениях СА, — 60 тысяч, по принуждению туда вошли члены союза "Киффхойзер"[1] — 1 млн. 500 тысяч членов. На основании соответствующих распоряжений были включены студенты университетов и высших технических заведений — 100 тысяч членов. Ученики ремесленных и средних школ были переведены в СА по директиве от 9 сентября 1933 г., на основании приказа молодежь из религиозных молодежных союзов также была включена в СА. Две эти группы составили 150 тысяч членов. В приказном порядке в СА были включены: бригада Эрхарда — 150 тысяч членов, спортивное авиаобщество «Оберланд» и «Фронтбанн» — 200 тысяч членов. На основании распоряжения властей в СА вошли чиновники, и в первую очередь молодые их кадры, — 200 тысяч членов; почетные и временные руководители СА — 20 тысяч членов, прочее пополнение СА составляло 420 тысяч членов. В общей сложности это составило 4 миллиона членов. В 1934 году тотчас же после событий 30 июня из рядов СА вышли союз «Киффхойзер» и ряд других организаций, после чего в СА осталось приблизительно полтора миллиона человек.

В последующие годы произошло большое изменение в личном составе. Часть членов выбыла из этой организации вследствие смерти и болезней. Эта потеря была возмещена за счет подрастающего поколения: из числа студентов и молодых кадров чиновников, которые должны были входить в СА по принуждению, а также из Гитлерюгенда, откуда члены механически переводились в СА.

Основная масса членов была переведена в СА на основании распоряжений властей или приказов Гитлера, которые в соответствии с законом о единстве государства и партии являлись законодательными актами или носили характер закона.

---

[1] «Киффхойзербунд» — объединение германских солдатских союзов. — **Прим. сост.**

Если обратиться к периоду после 1933 года, то можно убедиться, что в третьем рейхе вопрос стоял о национальном полицейском государстве. Из аффидевитов многих членов организации «Стальной шлем», переведенных в СА, можно понять, что попытки выйти из СА в течение 1933—1934 гг. расценивались государственными органами как проявление враждебных государству настроений, если они не базировались на веских причинах, таких, например, как тяжелая болезнь. В этой связи характерным был изданный 27 февраля 1936 г. и предъявленный под номером СА-222 декрет имперского и прусского министра внутренних дел, который гласил: «В каждом отдельном случае следует проводить обстоятельную проверку с целью установления, по каким причинам чиновник вышел из партии. Если он сделал это, будучи несогласным с программой или политической установкой партии, то он не может оставаться чиновником. Но если даже это не так, то выход чиновника из партии при тесных взаимоотношениях партии и государства может навести на мысль, что у него не хватает внутренней связи с национал-социалистским государством или необходимого жертвенного духа».

Документ СА-221 ознакомит нас с постановлением о клятве верности фюреру. Согласно этому постановлению невозможно были выйти из СА или из другого какого-либо союза; выход из этих организаций допускался только в связи с заболеванием или в связи с использованием на другой работе. В остальных случаях предоставлялась лишь одна возможность — исключение.

Подводя итог, я должен сказать:

1. Доказано, что незаконные действия, если они имели место, являлись действиями отдельных лиц, а потому организация не может нести за них ответственность.

2. Злоупотребления совершались не по приказу и не с ведома руководства СА, которое поэтому в них невиновно.

3. Происходившие эксцессы отнюдь не являлись следствием преступного направления в воспитании членов организации или же заговора, преследовавшего преступные цели.

Истина и справедливость не допускают признания преступности организации, насчитывавшей миллионы членов, или ее руководства за преступления отдельных членов организации, поскольку установлено, что руководство никогда не содействовало преступным действиям и что основная масса членов этой организации никогда не совершала преступлений.

Тот факт, что некоторые из основных подсудимых являлись почетными руководителями СА, ничего не может изменить в тех результатах, какие достигнуты путем представления доказательств защитой СА.

Если Суд объективно ищет виновников того безмерного несчастья, какое постигло весь мир, то он должен исходить из индивидуальной ответственности.

Речь защитника СС Х. ПЕЛЬКМАНА

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 28 августа 1946 г.

Ваша честь, господа судьи! Когда 27 февраля 1933 г. в огне пожара рухнул германский рейхстаг, по воле нацистов в этом пламени должна была родиться тысячелетняя третья империя. Когда же прошло немногим более двенадцати лет, вся Германия оказалась в море огня и, охваченная этим огнем, она пала, превратившись в руины.

За этими двумя историческими событиями, имеющими всемирное значение, последовали судебные процессы. Их смысл заключался и заключается в том, чтобы установить виновников этих двух преступлений в истории человечества.

Немецкий имперский суд не разрешил этой задачи. Правда, он с мужеством, достойным уважения, как сказал г-н Джексон, оправдал обвиняемых коммунистов, но действительных виновников, которые использовали в качестве злосчастного орудия некоего Ван дер Люббе, подкупив его, и вместе с ним совершили это преступление, этих виновников имперский суд не нашел и, следовательно, не осудил. Так истина скрывалась нацистским правительством. Формальному праву было отдано должное — преступник был осужден, но истина осталась сокрытой. Только эта истина могла бы в то время заставить немецкий народ прозреть и могла бы удержать его от падения в пропасть.

Сегодня перед этим Высоким Судом, Судом всего мира, стоит задача решить, кто был виновником мирового пожара, разорения чужих земель и, наконец, кто был виновником дьявольского падения нашей немецкой родины? И вновь Суду угрожает опасность вынести только формальный приговор, устанавливающий только виновных. Может быть, и от этого Суда останется сокрытой глубочайшая и окончательная истина, сокрытой под давлением внушений, которые являются не чем иным, как естественным следствием длительной борьбы между гитлеровским режимом и свободными народами мира.

Сможет ли этот Суд своим приговором спасти Германию и весь мир от падения в пропасть, которая теперь стала еще глубже и ужаснее, чем все пережитое до сих пор?

Этот процесс является уголовным процессом. Правда, по числу подсудимых и лиц, на которых может распространиться его приговор, это самый большой процесс и прежде всего самый значительный из тех, которые когда-либо проводились в истории права. Но по всем своим признакам это все же типичный уголовный процесс. Он придерживается принципа англо-американского права, принципа, на основании которого построен Устав и который нашел свое отражение в практике обвинения. Этот принцип заключается в

том, что обвинение должно отбирать и представлять Суду только то, что доказывает вину подсудимых, но ни в коем случае не то, что могло хотя бы в некоторой степени служить для них оправданием. Эти установки обвинения находят эффективную поддержку в так называемом массовом внушении, которому поддаются все свидетели величайших процессов мировой истории по причинам, неоднократно отмечавшимся исследователями международного права. Я открыто и с радостью признаю, что я, проводя защиту, не стал на точку зрения, которая сводится к утверждению о существовании лишь двух красок: черной и белой. Я глубоко убежден в том, что если бы при разборе дела применялись только две краски: черная и белая, Высокий Суд не мог бы выявить истину. На таком процессе, где речь идет об основах человечности, о судьбе немецкого народа и всего мира в будущем, нельзя отдать решение на волю диаметрально противоположных точек зрения обвинения и защиты и нельзя допускать, чтобы обвинение и защита пришли к выводу, что Суд сам решит, что справедливость находится где-то посередине. Задачей защиты не может быть достижение тактических успехов путем выделения одного и затушевывания другого комплекса вопросов. Нет, надо выявить чистую истину. По этому принципу я выбирал свидетелей.

Я особенно хочу Вам напомнить о свидетелях Рейнеке и Моргене, показаниям которых я еще отдам должное. Я старался дать Суду возможность проникнуть в тайны исторической действительности. При этом я все время помнил хорошую немецкую поговорку периода средневековья: «Прошлого не возвратить». Эти слова не только подчеркивают трагизм того, что прошлого нельзя возвратить, они имеют и другой глубокий смысл: ранее случившееся не терпит возврата.

Надо рассмотреть обстоятельства, имевшие место в момент совершения действия; надо осветить личность совершившего преступное деяние и его психическое состояние в тот момент, когда он совершал это деяние. Судьи должны войти в положение этого человека с тем, чтобы установить степень его ответственности. Это правило относится и к данному процессу.

Одни нации совершают суд над другими нациями. Семья народов судит один народ, который принес миру тяжкие страдания, судит государство, которое виновно в преступлениях перед всем человечеством. Судьи четырех великих и в этой мировой войне решающих держав должны попытаться установить, как это делается в обычном суде присяжных, что побудило совершить преступление, в каком положении находился в это время подсудимый, какими соображениями и чувствами он руководствовался, совершая преступление, намеревался ли он вообще сделать что-либо противозаконное, а может быть, его самого обманывали, мог ли он вообще увидеть в своих действиях что-либо противозаконное и в том случае, если он это постепенно сознавал, был ли он вообще в состоянии направлять свои дейст-

вия, руководствуясь этим постепенным осознанием беззаконности. Очень трудно даже для судей на обычном уголовном процессе отойти в этом вопросе от ретроспективного рассмотрения дела и правильно оценить обстоятельства преступления, его характер и личность самого преступника. Какое огромное требование к чувству справедливости судьи было бы предъявлено, если бы ему пришлось судить человека, который совершил преступление по отношению к его семье, то есть семье судьи. Все четыре нации, представители которых находятся сейчас здесь, потерпели колоссальный ущерб в результате преступлений нацистского режима, за которые теперь требуют ответа от миллионов членов организаций. Но меня не покидает надежда, что, как говорил господин Джексон в обвинительной речи, Вам, господа судьи, удастся завершить этот титанический труд, не поддаваясь чувству мести, и Вы найдете справедливость и только справедливость. Но можете ли Вы, не являясь немцами и не пережив феномен, встречающийся только один раз в истории, феномен массового психоза и тирании в масштабе целого континента, можете ли Вы вообще понять и объяснить себе возможность подобного? Можете ли Вы представить себе, что преступления эти не были совершены большинством членов, что они сознательно не помогали совершению этих преступлений и, более того, что эти преступные действия не были им даже известны?

Как справедливо говорится в Уставе и как это подтверждается ходом процесса, в задачу Суда не входит установление того, какие внутренние причины — справедливые или несправедливые — привели к войне. Решающим является только один вопрос: была ли эта война агрессивной. Однако по делу отдельных подсудимых допускались доказательства, освещающие историческое развитие, начиная с первой мировой войны, которое привело к новому истреблению народов. Куда более справедливым будет рассмотрение исторического фона и всей политической ситуации в Германии и окружающих ее странах, если хотят установить вину организаций с начала их существования. Один из господ обвинителей, произнося заключительную речь по делу отдельных подсудимых, говорил о том, что вина отдельных подсудимых могла стать такой огромной, а влияние их действий таким роковым именно благодаря ловкому использованию масс путем обмана народа, путем блестящего манипулирования популярными лозунгами и обещаниями создать рай. Разве эти слова не подчеркивают тот факт, что большинство членов стремилось к хорошему, а не к преступному началу?..

...Прежде чем рассмотреть особую преступную деятельность СС, по поводу которой выступило обвинение, я хотел бы осветить вопрос о правовых положениях Устава и о процедуре. Необходимо выяснить правовую сторону обвинения по делу организаций и возможность установления преступности какой-либо организации. Общие доводы защиты о преступности организаций Высокому Суду известны.

я считаю их убедительными и правильными. И все же нужно поставить вопрос: кто же, собственно, в действительности обвиняется по статье 9 Устава? Обвиняются ли организации как бывшие юридические лица или это скорее всего миллионы отдельных членов, представителем которых является один из основных обвиняемых, сидящих на скамье подсудимых? Нет, обвиняются как раз отдельные члены. Это следует из всех рассуждений, относящихся к данному кругу вопросов. Процесс решает судьбу не бывших организаций, которые уже больше не существуют и не могут быть опасными, — решается судьба их членов. Объявление организаций преступными создает непреложную основу, не допускающую пересмотр предварительного решения об эвентуальном обвинении по Закону № 10.

Констатация вины организации устанавливает, таким образом, предвзятость по отношению к каждому члену организации. Если позднее каждый и не будет обвиняться, не будет наказан, то все же в правовом отношении он определенно является преступником. Объявление организации, в которой он состоял, преступной затрагивает не организацию как таковую, ибо организации в действительности больше не существует, а исключительно ее бывших членов. Здесь перед Вами, господа судьи, рассматривается общее дело и в то же время дело каждого из членов. Речь, таким образом, идет об установлении ответственности, которая определяется одним только «членством». Здесь устанавливается важнейший пункт вины каждого в отдельности. Но понятие вины в правовом отношении во всех цивилизованных государствах мира определяется отдельным проступком человека. Вины организации никогда не существовало. Никто не мог бы возразить против того, чтобы считать цели организации преступными, если бы тем самым не затрагивались отдельные лица. Но поскольку признание организации преступной влечет за собой осуждение отдельных людей, постольку необходимо проверить и установить вину каждого из них.

К этому выводу можно прийти и по другой причине: что относится в первую очередь к понятию "организация"? То, что организация является объединением людей, это совершенно ясно. Что это объединение, по крайней мере, в общих чертах преследует одинаковые цели и имеет одинаковые намерения, это также ясно. Но относится ли сюда также и признак добровольности — это уже весьма сомнительно. Никто не будет оспаривать, что германские вооруженные силы были организацией, хотя в данном случае никак не может быть речи о добровольности. Если, наконец, взять профессиональные союзы, школы или даже принудительные корпорации, в которые вступают не добровольно, то все же они являются организациями.

Принципиальное решение Суда о доказательствах от 12 марта 1946 г. вводит в определение понятия организации признак добровольности. По моему мнению, это совершенно правильно. Но почему, собственно говоря, это делается?

В основном только потому, что в противном случае в результате объявления организаций преступными отрицательные последствия в отношении отдельных членов покажутся несправедливыми. Что же из этого следует? Очень многое, а именно становится совершенно ясно, что в действительности речь идет не об организациях как таковых, а о членах этих организаций.

Структура, цели, намерения и деятельность организаций — безразлично, созданы они на добровольной основе или нет — являются преступными только в том случае, если их действия были направлены против мира, являлись военными преступлениями или преступлениями против человечности. В дополнение к параграфу 6 решения о доказательствах от 12 марта 1946 г. следует тщательно проверить отдельные признаки, перечисленные в статье 6 Устава. Например, следует выяснить, были ли направлены структура, цели и деятельность организации СС на планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны, на нарушения правил ведения войны, убийства, истребление, закабаление и т. д.?

О том, что при проверке улик, которыми оперирует обвинение, нужно ориентироваться, если речь идет о статье 6 Устава, на период времени, к которому относится данная программа или предполагаемое преступное действие, я уже подробно говорил. После установления несомненности факта совершения преступления возникает вопрос, следует ли считать преступной организацию как таковую. Затем следует установить, какое число членов СС принимало участие в этих преступлениях. Действовала ли на самом деле организация или только относительно небольшое число членов, которые, возможно, пусть это звучит парадоксально, в большинстве случаев не вступали в ряды СС добровольно? Если вообще возможно установить, что организация или часть ее была преступной, то это также относится только к определенным периодам времени.

Наконец, нужно тщательно проверить предъявленные доказательства и сделать вывод о том, насколько отдельные члены были в курсе дел. Этот вопрос будет не последним из тех, которые решит приговор. Я уже перед этим сказал, что если организация СС, формально даже не существующая в настоящий момент, и обвиняется, то практически это обвинение направлено против каждого члена в отдельности. Если преступный характер организации должен быть доказан на основе преступных действий ее членов, то здесь перед Вами, господа судьи, должен иметь возможность защищаться тот член, который совершил эти отдельные преступления. Если он этого не сможет сделать, то Суд не будет иметь объективной картины о правильности выдвинутых обвинений. Как ведется дело согласно англосаксонскому уголовному праву? Руководители и члены организации допрашиваются подробно по всем предъявленным им пунктам обвинения. Суд не выносит приговора на основании показаний свидетелей обвинения без заслушивания показаний

руководителей и членов организаций. В какой степени Суд может основывать свое решение только на показаниях свидетелей без рассмотрения каждого конкретного дела и заслушивания показаний самих обвиняемых — об этом свидетельствует эксперимент, который я проделал со свидетелем Израилем Айзенбергом 7 августа 1946 г. Я показал ему в одном документе, составленном на польском языке и представленном обвинением под номером ПС-867, две фотографии, подписи к которым я вырезал. Свидетель назвал обоих сфотографированных мужчин членами СС и назвал их чины в СС. Последние он определял исключительно по погонам и нарукавным знакам. Допрошенный мною 8 августа 1946 г. свидетель Морген определил как эксперт, что оба сфотографированных не были в форме СС и, следовательно, не были членами СС. Он указал на то, что на этих фотографиях как раз можно было различить погоны полиции. На фотографии — доказательство СС-3, также переданное Высокому Суду, — можно отчетливо видеть полицейский знак и на фуражке, а именно — орел, обрамленный венком из дубовых листьев овальной формы. Знаков различия СС нигде видно не было. Также и на всех остальных фотографиях в этой книге можно видеть только форму полиции и полицейские знаки различия, но все это не бросилось в глаза свидетелю: он считал этих людей членами СС. Это только небольшой пример, характеризующий наблюдательность свидетелей в отношении форменной одежды.

Учтите, пожалуйста, далее, как незначительно различие в форме СС и службы безопасности (СД) — только маленький прямоугольник СД на рукаве. Полиция была направлена в прифронтовые районы в то время, как войска СС находились на фронте. Учтя это, Вы, господа судьи, будете в состоянии понять подлинную цену показаний свидетелей не немцев, которые называют членов СС участниками преступлений в оккупированной стране. Недостатки коллективного обвинения, как мы это впервые видим в насчитывающей много лет истории права, заключаются в первую очередь в трудности организации сбора всестороннего доказательного материала по делу всей обвиняемой организации. Эта трудность возникает из своеобразности процесса и особенно из того обстоятельства, что технически это едва ли возможно, а если и возможно, то потребуется несколько лет, чтобы тщательно рассмотреть каждое конкретное обвинение, выслушав в каждом отдельном случае тех лиц, на которых возлагается ответственность, с целью установить, справедливо или несправедливо обвинение.

До тех пор, пока на таком процессе защита не имеет возможности немедленно вызвать каждого члена организации, которому предъявляется обвинение в связи с показаниями свидетелей или документами, и заслушать его показания по этому делу, а также вызвать других свидетелей по этому вопросу, такой процесс остается несовершенным и не может привести к справедливому решению. Поэтому, естественно, что допрос свидетелей обвинением и защитой, проходящий

большей частью параллельно, не дает Суду полной и достоверной картины состояния дела во всех деталях...

На основании опыта, полученного при допросе свидетеля Айзенберга по поводу его способности различать формы одежды, я спрашиваю, убедительны ли слова людей, когда они говорят: «Это были члены СС», или «это были полицейские», или «...члены СД или гестапо». Частично подобные заблуждения проистекают из документов. Однако я не могу и не хочу оспаривать того, что небольшое количество документов свидетельствует об ужасных преступлениях и что эти ужасные преступления многочисленны. Но разве защита не должна была получить также более полную возможность изучить эти документы и аффидевиты и, подготовившись, высказать свою точку зрения, как она это смогла сделать в отношении того материала, который в ноябре, декабре 1945 года и январе 1946 года был представлен обвинением? Не должна ли была, таким образом, защита иметь в своем распоряжении несколько месяцев? Я не отрицаю, что мое требование затянуло бы процесс на несколько месяцев в отношении рассмотрения дела организаций, но если бы по каким-либо причинам...

Председатель: Доктор Пелькман. Трибунал уже постановил, что процесс следует заканчивать сейчас, и поэтому все Ваши доводы, что Вам нужно было еще три месяца, совершенно к делу не относятся, и мы не можем их выслушивать.

Пелькман: Я придерживаюсь того мнения, что результаты представления доказательств обвинением, если они могут иметь какую-либо цену, в чем защита очень сомневается, показали, что преступления, причем в значительной мере, совершены членами СС, но не организацией СС в целом, и что вследствие этого вся организация СС преступной объявлена быть не может.

Не бросается ли в глаза то (причем я тут же хочу опровергнуть один из пунктов обвинения, выдвинутый в ходе обсуждения процедуры и порядка представления доказательств), что у нас имеются только два приговора по делу о бесчеловечных методах ведения войны войсками СС, например о расстрелах военнопленных. Я имею здесь в виду приговоры по делу генерала СС Курта Мейера с нормандского фронта и генерала СС Зеппа Дитриха и 73 офицеров и солдат его армии. Это, господа судьи, результат усердного, более чем годового труда и усилий, направленных на сбор уличающих материалов, предпринятых органами обвинения союзников. Не следует ли сделать из этого вывод, что, несмотря на такой большой срок, не представилось возможным установить большее количество преступлений, заслуживающих осуждения? Смертный приговор в отношении генерала Мейера, как мне известно, был впоследствии заменен другой мерой наказания. Процесс по делу Зеппа Дитриха и других закончился, правда, вынесением 43 смертных приговоров, но бросается в глаза то, что старшие офицеры получили меньшую меру наказания. Это заставляет сделать

вывод, что преступные приказы они не издавали, а значит, не существовало и преступной системы...

Как уже было отмечено, задачей защиты является поиск смягчающих обстоятельств, но именно здесь начинаются трудности защиты организаций, и особенно организации СС. Организации распущены, они больше не существуют, ко времени слушания дела большинство их членов и руководителей находятся под арестом. Все документы, личные дела, переписка, распоряжения и приказы конфискованы оккупационными властями. Конечно, с большей частью лиц, находящихся под арестом, мы могли беседовать. Но информация, которую мы получили по прошествии стольких лет, в отдельных случаях неполна и, кроме того, она была получена в соответствии с принятой на процессе процедурой лишь в апреле—мае 1946 года. Не всегда мы могли найти нужных нам лиц...

Итак, господа судьи, я займусь обвинением, предъявленным СС в отношении участия в еврейских погромах в 1938 году.

Относительно событий 9 ноября. То обстоятельство, что в арестах, которые являлись исключительно делом полиции и гестапо, участвовало несколько служащих, одетых в черную форму, еще не значит, что это мероприятие проводилось организацией СС, гестапо также носило черную форму. Это одно из ошибочных обобщений, основанных на магическом действии черной форменной одежды и очертаний значка СС.

Слово «СС» выговаривается очень легко, однако оно не создает ясного представления о его действительном значении. Существует опасность, что возникнет исторический миф, который, как и любой аналогичный миф, будет основан на незнании действительных фактов или, что еще того хуже, на знании только половины действительных фактов. Мы боремся с мифом о Гитлере там, где мы это в состоянии сделать (что мы и делали здесь перед Высоким Судом, представляя доказательства). Мы не хотим, чтобы другой миф витал над большим количеством людей в форме символа «СС» над виновными и невиновными. Мы не хотим в интересах неофашистской пропаганды помогать созданию подобных мифов. Поэтому мы должны со всей ясностью установить, что же такое означает «СС». Самым основным заблуждением обвинения является рассмотрение всех или почти всех основных фактов деятельности Гиммлера в качестве деятельности самой СС.

Без учета обстоятельств возникновения задач, выполняемых большим количеством служебных инстанций, которые подчинялись Гиммлеру, без учета существовавшей организационной связи между различными соединениями СС обвинение объединило «общие СС», «войска СС», СД, полицию, управление концлагерей, органы имперского комиссара по консолидации германской нации, начальников управления по делам военнопленных и других учреждений СС в мнимое единое целое.

Для того чтобы прийти к такому выводу и создать основы для доказательства этой концепции, обвинение должно было исходить из того, что в рамках предполагаемого заговора все элементы общественной жизни в государстве, в партии и вооруженных силах будто бы были пропитаны этой СС, которая расползлась, как полип, по всей Германии и Европе.

То, что деятельность Гиммлера была деятельностью СС, является правильным только до 1933—1934 гг. Лишь до этого времени существовала единая организация СС. Это и привело обвинение к тому, что оно неправильно оценило действительное развитие событий и объединило все вышеуказанные организации в одно-единое понятие СС. СС была частью СА и тем самым одним из институтов НСДАП. После прихода нацистов к власти наступили времена, когда большая часть всех ведущих и средних государственных должностей была занята партийными руководителями. Начиная с этого времени Гиммлер действовал совершенно самостоятельно, параллельно с СС.

Благодаря его личной преданности Гитлеру, благодаря тому, что он выполнял каждую возложенную на него новую задачу, каждое поручение беспрекословно, он завоевал личное доверие Гитлера, укрепив этим еще больше свою личную власть в государстве. Своеобразие этого государства заключалось именно в том, что Гитлер доверял отдельным лицам множество учреждений и выполнение большого количества задач. В качестве примера я укажу на Геринга. По мере того, как Геринг терял доверие Гитлера, оно со скоростью метеора возрастало у Гиммлера. Но всей этой власти он достиг лично, а не через СС. Он достиг этой власти совершенно независимо от СС и от того, что он был рейхсфюрером СС. Это единодушно подтвердили свидетели Грауэрт, Рейнеке и Поль.

В действительности СС, которая раньше была тесно связана с Гиммлером, со временем развилась в совершенно самостоятельную и независимую организацию. К сожалению, я за недостатком времени не могу подробно рассказать об этом развитии, хотя это повествование имело бы большое значение для защиты в целом. Пути этого развития я подробно изложил в приложении к моей защитительной речи и убедительно прошу Высокий Суд учесть это приложение при вынесении приговора.

Для доказательства правильности своих утверждений обвинение сделало предположение о том, что "общие СС" были основой, которая породила все остальные организации. Но один тот факт, что войска СС насчитывали почти миллион членов, а «общие СС» — только 250 тысяч человек, опровергает утверждение обвинения. В упомянутом приложении я показал, как эти организации формировались, пополнялись и развивались. «Общие СС» являлись не источником силы для других организаций, а пережитком, оставшимся в живых и уничтоженным во время войны из-за

его ненужности. Об этом говорили свидетели Эберштейн, Хиндергольд, Ютнер и Поль.

Самого важного соображения, однако, обвинение не упомянуло. А мне кажется, что именно это соображение должно пролить свет на вопрос о кажущемся единстве организации СС, на вопрос, в чьих руках находилась государственная власть?

В качестве инструмента мнимого заговора должно было служить нечто такое, что обладало бы какой-либо властью в государстве, имело бы в нем исполнительную власть. Но ни «общие СС», ни «войска СС» такой власти не имели.

За все время существования СС ни один руководитель или рядовой член общих СС не имел в общественно-правовой и особенно в полицейской области бо́льших прав, чем любой другой германский гражданин. Ни один член СС не имел права производить обыски или аресты, и в случаях, когда он проводил их, он подвергался за это соответствующим наказаниям (свидетели Рейнеке, Эберштейн). То, что сейчас же после прихода нацистов к власти имели место эксцессы, не меняет в этом деле ничего. Ни один из членов «войск СС» не имел бо́льших прав, чем любой другой военнослужащий (свидетель Хаузер). В действительности вся исполнительная власть в государстве принадлежала только полиции — уголовной полиции и гестапо, или, как их вместе называют, полиции безопасности и полиции охраны порядка.

Вопрос об исполнительной власти является ключом для понимания утверждений обвинения и справедливого рассмотрения дела. В начале развития организации СС Гиммлер действительно стоял на стороне СС, в ней он начал свою карьеру. Но с тех пор, как он взял на себя полицейскую власть в государстве, он посвятил себя только этой задаче. В быстром превращении Германии в полицейское государство Гиммлер сыграл решающую роль. Он отнял последнюю власть у правовых инстанций государства.

«Общие СС» и «войска СС» еще оставались по-прежнему в его ведении, но по мере увеличения объема его работы в полиции он все более и более отдалялся от этих организаций, скрывшись от них, как и от всего народа, за плотной завесой тайны.

Всего этого нельзя понять, не представив себе того, что Гиммлер совмещал в себе два совершенно различных качества. С одной стороны, он проповедовал заботу о человеческом достоинстве, то есть о чистоте, порядочности и дисциплинированности. Здесь он выставлял в качестве образца свои организации: «общие СС» и «войска СС». С другой стороны, он использовал свою власть для бескомпромиссных полицейских приказов и таких мероприятий, как концентрационные лагеря, массовые казни без суда и следствия, действия эйнзатцгрупп. В этой последней области, и только в этой, он применял свой инструмент государственной власти. Между первым и вторым лежит огромная пропасть. Поэтому нет ничего удивительного в том, что он, обращаясь во время войны с несколькими речами, которые

были проникнуты его полицейскими идеями, к руководящему составу и членам «войск СС», наталкивался на отпор, ибо они были солдатами.

Таким образом понятно, почему обвинению лицевая сторона Гиммлера показалась лишь маскировкой оборотной его стороны. А между тем нет ничего неправильней этого. Не случайно то, что подсудимый Зейсс-Инкварт, которому был хорошо известен весь ход событий, характеризовал Гиммлера как человека, у которого было два совершенно различных лица. Об этом же говорил граф Бернадот в уже цитировавшейся здесь книге «Занавес падает», которую он написал на основании многих личных бесед с Гиммлером.

Таким образом, Гиммлер — это не СС; этого не меняет и тот факт, что его подпись «рейхсфюрер СС» стоит на приказах и распоряжениях. Как правильно показали свидетели Рейнеке и Кубиц, в таких документах, как и вообще в общественной жизни, этот титул, этот служебный ранг, практически заменял Гиммлеру фамилию. Специальные области работы — полиция и рейхскомиссариат по консолидации германской нации, армия резерва и управление по делам военнопленных — не становились задачами СС от того, что они были возложены на рейхсфюрера СС.

Обвинение далее утверждает, что Гиммлер заполнял все руководящие посты в новых ведомствах членами СС. Это неправильно. Свидетели Цупке и Бадер подтвердили, что часть сотрудников полиции охраны порядка была переведена в «общие СС», но полиция никогда не принимала на службу сотрудников из числа членов «общих СС». Таким образом, пополнение полиции членами СС никогда не производилось. Что касается полиции безопасности, то из приказа Гиммлера (документ ПС-1637) видно, что зачисление чиновников и служащих полиции безопасности в организацию СС производилось только в форме присвоения им званий СС, соответствовавших их служебному положению в полиции, а не наоборот, причем они ни одного дня не служили в «общих СС».

Допрос свидетеля Цупке на заседании Комитета 20 мая 1946 г. и аффидевит 82 показывают, что около 20 категорий служащих полиции порядка формально стали считаться членами СС потому, что им присваивались эсэсовские звания, которые соответствовали их служебному рангу в полиции. Но эта так называемая унификация служебных рангов не означала настоящего членства, так как указанные работники полиции не принимали присяги СС, не платили членских взносов, не выполняли в СС никакой работы, не несли никакой службы, не имели каких-либо льгот или особых прав. Они не носили даже форменной одежды СС. Их служба в полиции оставалась без изменений. Не происходило также каких-либо изменений и в их общественной жизни. Не члены СС занимали ведущие и прочие важные должности, а, наоборот, назначенные Гиммлером на эти должности лица становились только почетными членами СС. Многие свидетели и аффидевиты показали, что с началом войны де-

ятельность, приписываемая «общим СС», становилась все слабее, пока не пришла к окончательному упадку.

«Войска СС» на фронтах пополнялись все больше и больше мобилизованными. Они подчинялись главнокомандующему вооруженных сил. Таким образом, обе эти части СС не могли диктовать во время войны свою волю. Управление концлагерями как в экономическом, так и в организационном отношениях номинально, правда, числилось за СС, но, как я еще дальше буду говорить, было совершенно самостоятельным. Правда, террор мог осуществляться путем арестов и отправки лиц в концлагеря. Но и это также не являлось задачей какой-либо части организации СС, а входило в задачи министерства внутренних дел, полиции и главного управления имперской безопасности.

Учреждение единой должности высшего руководителя полиции и СС также ничего не меняет в этом положении. Он не имел каких-либо прав приказывать полиции или «войскам СС». Лишь в весьма редких случаях рейхсфюрер СС одновременно как президент полиции имел полномочия и права отдавать приказы полиции, и то лишь по своей государственной службе, а не как фюрер СС.

В оккупированных восточных областях это разграничение было заметно еще ясней, ибо там не существовало «общих СС». Высшие руководители СС и полиции там также не имели права отдавать приказы «войскам СС»; они выполняли только государственные полицейские функции. Таким образом, мы видим, что, несмотря на то, что во время войны власть Гиммлера увеличилась, СС какой-либо власти не получила. Гиммлер добился власти не как рейхсфюрер СС, не через СС, а через государственные органы, имя которым — полиция. Остальная власть, которая не принадлежала Гиммлеру, находилась в руках партии (у имперского, районного и окружного руководства). Все части СС стояли в стороне от борьбы Гиммлера и Бормана за власть.

Из всего сказанного мною вытекает следующее:

1. В отношении организации, называемой СС, не может идти речи как о едином инструменте какого-то заговора.

2. Суд может решить вопрос о преступном характере этой организации лишь путем рассмотрения деятельности отдельных частей этой организации.

Обвинения, которые я позже, после этих разъяснений, разберу, становятся тем более серьезными, чем ближе мы подходим к войне или к послевоенной катастрофе.

С начала гитлеровского режима существовали концлагеря. Без них нельзя представить себе гитлеровского государства. Сотни тысяч прошли через эти лагеря, людей в них унижали и истязали, свыше ста тысяч умерли в них или были убиты. С этими убийствами и злодеяниями, без сомнения, связано имя СС. Это признание следует сделать здесь, на этом процессе, перед всем миром. И как всякий немец стыдится того, что в его стране возможно было все столь ужасное, столь бесчеловечное, так в еще большей степени каждый член СС должен взглянуть на себя и сказать, в

какой степени он чувствует себя виновным за эти преступления в политическом и моральном. отношениях. Он должен не только думать о своей защите от обвинений, которые делают преступным каждого члена СС, но и еще раз оглянуться на всю свою жизнь и посмотреть, когда, где и как он все-таки — может быть только в мыслях и в представлениях — отклонился от пути истинной человечности. Он может, он должен это сделать, даже если он оспаривает свою виновность, за которую подлежит наказанию, даже если говорит, что четыре года провел на фронте в жесточайших боях, веря в Германию и ее справедливое дело. И если он тогда почувствует стыд, настоящий стыд, как бы мал он ни был, то этот процесс окажется излишним. Тогда возникнет очищающее чувство вины.

Но даже если этот член СС будет внутренне настаивать на своем, даже если этот эсэсовец ничему не научился, хотя в результате посещения лагерей я знаю, что это не так, даже тогда мы должны и дальше служить справедливости, должны проверить, стала ли СС из-за этих концлагерей и других зверств преступной организацией, стали ли вследствие этого все члены СС преступниками. Поэтому мы должны заняться деталями этих событий.

Когда в начале марта мне была поручена защита СС, я нашел уже значительный обвинительный материал, представленный обвинением: свидетельские показания в зале Суда и многие документы, которые в основном были собраны в книге документов «Концентрационные лагеря». Американский фильм о концентрационных лагерях я видел сразу же после оккупации Германии. Все это вызывало ужас, было чудовищно, превосходило всякие представления.

Но при хладнокровном размышлении, а эту способность нужно сохранять несмотря ни на что, было ясно, что если бы положение, описанное мной сейчас, имело место в концентрационных лагерях в течение всего времени перед войной и во время войны, то сотни и тысячи людей не могли бы быть отпущены, нельзя было бы работать так, как это было во время войны, и, наконец, это положение нельзя было бы скрыть от массы народа, а также от массы находившихся в заключении членов СС, которые были опрошены мною.

Я, как юрист и защитник, не могу примириться с тем, чтобы весь мир считал, что огромное число убитых и замученных явились жертвами системы СС.

В этом решающем вопросе, при рассмотрении которого легко можно поддаться воздействию противоположных мнений, не может быть «формальных судебных фактов». На данном процессе необходимо беспристрастно установить действительное положение, причем это необходимо для того, чтобы выяснить, кто совершил каждое отдельное из этих преступлений, которые образовали это огромное количество анонимных зверств в концлагерях? При каких обстоятельствах эти люди совершили эти преступления, по собственной инициативе или по приказу? Какое отношение они

имели к самой организации СС, то есть к десяткам и сотням тысяч членов, которые не работали в концлагерях и утверждают, что они ничего об этих преступлениях не знали.

Я поставил вопросы, которые казались мне важными для выяснения отношения СС к преступлениям в концентрационных лагерях. Я надеялся, что на эти вопросы, выяснение которых, без сомнения, могло бы помочь быстрому осуждению всех преступников, будет дан ответ союзными судами, которые с прошлого года провели ряд процессов, имеющих отношение к деятельности концлагерей. Поэтому, господа судьи, я ходатайствовал о том, чтобы в мое распоряжение для просмотра были предоставлены все дела по всем таким процессам. На основании их я мог бы установить многое, что стало мне и всей общественности ясно лишь в последние недели.

Мое ходатайство о предоставлении мне дел администрации концентрационных лагерей было подано сравнительно поздно. Я не настаивал на удовлетворении этого ходатайства, так как в начале июля мне наконец удалось найти свидетеля, который, по моему убеждению, сыграл решающую роль в установлении истины в связи с относящимися к этому процессу историческими фактами, свидетеля доктора Моргена.

Этому свидетелю мы обязаны выяснением, во-первых, того, что конечной причиной убийств в концентрационных лагерях было бесправие заключенных, всемогущество полиции (гестапо) и бессилие юстиции; во-вторых, что проведение массового уничтожения евреев в особых «лагерях уничтожения» выполнялось по указаниям Гитлера и что это было осуществлено небольшим количеством посвященных; в-третьих, что все это в концентрационных лагерях и лагерях уничтожения для предотвращения разглашения опутывалось абсолютной тайной, скрываемой от общественности и правосудия утонченными методами обмана.

Я никогда не забуду моей первой встречи с доктором Моргеном. Казалось, что все в этом огромном сутулом человеке, сидящем на стуле, стремилось рассказать правду о том, что он знал уже два года, что он узнал и пережил за месяцы жизни в этих очагах ужаса, в общении с заключенными и персоналом. Почти отчаявшись, но не потеряв надежды, доктор Морген в третий раз составил свой доклад, с помощью которого он хотел помочь найти виновных и защитить невиновных и, наконец, показать немецкому народу и миру последнюю вину преступного руководства в самых ужасающих убийствах в мировой истории. Это ему удалось.

Я выпускаю абзацы, относящиеся к первым шагам управления концентрационными лагерями и участия в нем СС.

В 1933—1934 гг. лагеря финансировались из бюджета отдельных германских провинций. В качестве руководителя политической полиции всех провинций, за исключением Пруссии, Гиммлер в 1934 году по единому образцу урегулировал положение об охране и управлении во всех лагерях. Он, взяв некоторую часть бывших охранников, членов

СА и СС, создал соединения «Мертвая голова» и пополнил их добровольцами без учета их принадлежности к партии или СС. Эти соединения предназначались исключительно для охраны концентрационных лагерей и в 1936 году уже насчитывали 400 человек персонала комендатур и 3600 человек охранников. Они охраняли приблизительно 10—12 тысяч заключенных в пяти концентрационных лагерях во всей Германии. Я прошу сравнить эту цифру с чрезвычайно высокой цифрой членов «общих СС» в то время.

В 1936 году концентрационные лагеря и их охрана были переведены на бюджет империи, причем отдельно для комендатур и охранных войск.

К началу войны персонал комендатур состоял из 600 человек, число охранников составляло 7400. Во всей Германии существовало только шесть концентрационных лагерей, причем каких-либо трудовых лагерей или лагерей интернированных не было. Общее количество заключенных исчислялось в 21 300 человек. В это же время «общие СС» насчитывали 240 тысяч членов. «Войск СС» еще не существовало.

Созданные в 1934 году соединения «Мертвая голова» как особые войска состояли на денежном довольствии у государства, а не у партии, и с «общими СС» у них были общими только название «СС» и начальник Гиммлер.

Очень важным, господа судьи, кажется мне следующее изменение после начала войны, когда в концентрационных лагерях постепенно начала усиливаться кампания по уничтожению.

В составе вновь сформированной дивизии прибыли на фронт 6500 человек из охранных команд. Тем самым они окончательно вышли из управления концентрационными лагерями. В течение всей войны, как это следует из показаний Брилля и аффидевита СС-68, в управлении концентрационных лагерей было занято 30 тысяч человек, считая всех прибывавших и убывавших. В эту цифру входили 1500 человек постоянного состава соединений «Мертвая голова» и 4500 человек, взятых вначале из «общих СС»; эти 4500 человек были частью тех 36 тысяч человек, которые были на основании постановления о принудительной службе призваны до 1940 года из состава «общих СС» и были зачислены в «войска СС».

Остальной обслуживающий персонал концентрационных лагерей в количестве 24 тысяч человек, то есть 80 процентов, вообще не имел отношения к СС. Это были 7 тысяч призванных немцев, проживавших за границей, 10 тысяч немцев, проживавших в Германии, которые добровольно вступили в войска СС как фронтовую часть, и 7 тысяч солдат армии или авиации.

Среди добровольцев было много членов СА, союза ветеранов войны и других подобных соединений. Все, за исключением основного персонала лагерей в количестве 1500 человек, были против их желания переведены по приказу Гиммлера в охрану концентрационных лагерей без передачи их в подчинение командованию «войск СС». Лишь во

время войны эти охранные и административные органы были приняты Гиммлером в «войска СС», для того чтобы воспрепятствовать персоналу концлагерей освобождаться от военной службы. Тот факт, что это не изменило государственно-политических задач концентрационных лагерей и что тем самым концентрационные лагеря не стали входить в компетенцию «войск СС», с полной достоверностью подтвердили свидетели Рейнеке. Ютнер, Брилль и многие другие. Фактически персонал концлагерей и после формального перехода в «войска СС» управлялся не оперативными учреждениями этой организации, а совершенно особым отделом — известным отделом «D» главного административно-хозяйственного управления.

Затем я прошу ознакомиться с той частью моей речи, где говорится о деятельности отдела «D». Я ее оглашать не буду, а перейду к показаниям Моргена о лагерях уничтожения, особенно о лагерях Вирта и Гесса[1].

Все эти лагеря уничтожения создавались по особому приказу Гитлера и выпадали из общей системы концентрационных лагерей. Поэтому для них не было издано обычных приказов об организационной структуре и порядке отдачи приказов. Вирт был комиссаром уголовной полиции и не являлся членом СС, Гесс получал приказы об уничтожении в основном от Гиммлера, а также Эйхмана, причем об этом он своего непосредственного начальника Глюка, инспектора лагерей, в известность не ставил.

Что же следует из всех этих ужасных событий, начиная от зверств в концлагерях через эйнзатцгруппы до массового уничтожения газом, в отношении обвинений, выдвинутых по делу СС?

Обвинение утверждает, что все приведенные им в качестве примера преступления были совершены в таком масштабе и на такой обширной территории, что они должны были быть известными каждому члену СС. Это означает, что подтверждается также и решением суда от 13 марта 1946 г., что знание фактической сути дела в уголовном смысле есть предпосылка к осуждению.

Обвинение исходит из следующего соображения: пресса и радио публиковали всякого рода официальные сообщения, и в союзных странах, в частности во время войны, официальные органы печати этих государств были широко осведомлены о зверствах, чинимых в концентрационных лагерях, и о прочих преступлениях. При таких обстоятельствах совершенно ясен вывод, что если факты подобных преступлений были известны в этих странах почти всем, значит, в еще большей мере это было известно в Германии, и особенно среди СС.

---

[1] Рудольф Гесс — бывший комендант лагеря уничтожения в Освенциме. — **Прим. сост.**

Из представленных многочисленных (часто обстоятельно обоснованных) аффидевитов явствует, что масса членов СС оспаривает свою осведомленность в этом. Защита, кроме того, противопоставила документам обвинения такое же веское утверждение: все совершенные на территории империи преступления проводились по одной детально разработанной системе строгого соблюдения тайны; таким образом, масса членов СС не только ничего не знала об этом, но и вообще ничего не могла знать.

Все в лагерях было строго засекречено. Не только официальное приведение в исполнение смертных приговоров судов, но и приказы об экзекуциях, введенные лишь в начале войны главным имперским управлением безопасности, так же как и убийства, совершавшиеся в действительности по личному распоряжению комендантов лагерей, производились тайно.

Доктор Морген заявил, как это следует из аффидевита СС-66, что он в своих показаниях иллюстрирует все утонченные методы, направленные к приданию этим убийствам вида естественной смерти для того, чтобы ввести в заблуждение как гражданские правовые органы, так и с 1940 года правовые органы СС.

С момента сформирования частей «Мертвая голова» в 1934 году в качестве личного состава охраны лагерей «общие СС», а позднее и «войска СС» ни юридически, ни фактически чего-либо общего с аппаратом комендатур и охраной концентрационных лагерей не имели. Отдел "D" административно-хозяйственного управления СС со своими 30 тысячами человек так называемых «войск СС» превратился в строго замкнутую, отделенную от внешнего мира систему с собственной телефонно-телеграфной сетью и собственными курьерами для связи с концлагерями. Лишь гестапо имело свой канал в лагерях, а именно так называемый политический отдел, который подчинялся гестапо.

В вопросе сохранения тайны обращает на себя внимание тот факт, как это показывает в своем аффидевите СС-68 свидетель Кайндль, что штабы комендатур до середины 1942 года оставались укомплектованными исключительно тем же персоналом, что и в начале войны, благодаря чему и до 1942 года исключалась возможность какого-либо разглашения событий в лагерях. Кроме того, это положение можно объяснить и с психологической точки зрения, так как персонал лагерей, ответственный за издание приказов или за их выполнение, не был заинтересован в том, чтобы его темные дела стали известны кому бы то ни было.

Ничем не доказано до сих пор, что вся масса СС знала о деятельности эйнзатцкоманд.

Для того чтобы опровергнуть утверждение об осведомленности относительно биологических экспериментов в концентрационных лагерях, я хотел бы указать на один, с моей точки зрения, странный факт, а именно на то, что здесь представлялось большое количество доказательств по во-

просу о том, знал ли подсудимый Геринг об этих экспериментах.

Я мог бы говорить о том, что эти эксперименты проводились только в нескольких лагерях, что они, как показано в некоторых аффидевитах, проводились только с добровольного согласия заключенных, но я не буду этого делать, так как не хочу защищать эти деяния и не хочу, чтобы создалось такое впечатление. Мне достаточно лишь указать на спорный вопрос о том, знал или не знал Геринг об этих экспериментах, а также на вопрос, какие доказательства были приняты из тех, которые говорили о неосведомленности членов СС.

То, что о производстве преступных экспериментов было известно Зиверсу, руководителю отдела «Аненэрбе», нельзя инкриминировать сотрудникам этого отдела, во всей работе которого подобные эксперименты составляли 1 процент.

И, наконец, к вопросу об осведомленности о совершении преступлений я хотел бы процитировать то, что я прочел в журнале «Берлинер блеттер» № 1 за 1946 год, в статье Оскара Гетца «Еврей в третьем рейхе» (страница 54): «Об уничтожении людей газом в Освенциме и о других злодеяниях в лагерях смерти в Маутхаузене, Майданеке, в Равенсбрюке и Бухенвальде мы, в лагере Терезиенштадт, например, знали только по слухам, причем многие из них были весьма сомнительными. То, что, например, в действительности произошло в Освенциме, мы узнали в Терезиенштадте точно только весной 1945 года, когда немногие оставшиеся в живых после ликвидации лагеря в Освенциме возвратились к нам».

Я хочу стать на одну точку зрения с обвинением и предположить существование коллективного уголовного преступления. Но и тогда в рамках этого преступления будет продолжать действовать тот принцип, что никто не может быть наказан за преступление, которого он не совершил, то есть это значит, что в данном случае круг обвиняемых лиц должен быть по возможности ограничен.

При установлении круга лиц, несущих ответственность, следует, однако, сделать различие между моральной и правовой ответственностью. Следует задать вопрос: что должен был делать каждый человек, если он, действуя на основании приказа, совершил преступления или даже только был осведомлен об этих преступлениях? Разграничение организации по группам будет, как я уже изложил в моем выступлении, справедливо, и именно потому, что эти группы занимались совершенно различными вопросами и по степени осведомленности о преступлениях приравнены друг к другу быть не могут.

Можно было бы произвести также деление на подгруппы на основании сроков вступления и выхода из организации. Таким образом, можно было бы одновременно исключить некоторую группу лиц, вовлеченных в организацию. Но и при таком ограниченном осуждении, мне кажется, совершенно необходимо, учитывая те значительные последствия, которые продиктованы Законом № 10, в приговоре или в

обосновании приговора выразить то, что каждый член в отдельности может представить любые возражения, за исключением тех, которые перечислены в статье 10 Устава.

В заключение я хотел бы указать на формальные препятствия для осуждения, о котором ходатайствует обвинение. Смысл осуждения члена организации как отдельного подсудимого — представителя этой организации на основании статьи 9, мне кажется, заключается в следующем.

Организация должна быть ответственна за действия отдельного подсудимого, который был ее членом, только в том случае, если между действиями этого отдельного подсудимого и действиями организации существует такая связь, которая по соображениям правового порядка может заставить осудить всю организацию. Такая причинная связь имеет место только в том случае, если отдельный подсудимый совершил действие как член организации, будь то осуществление поставленной организацией цели или же использование организации как таковой для осуществления какой-либо цели.

За одним исключением, о котором я буду еще говорить, все подсудимые на данном процессе обвиняются в действиях, которые были совершены ими как руководителями важнейших государственных и партийных учреждений, но не учреждений СС и не в связи с выполнением поставленных организацией СС задач. То, что некоторые из них получали почетные чины в той или иной организации СС, недостаточно для того, чтобы организацию СС в целом сделать ответственной за те действия, в проведении которых в жизнь эта организация не принимала никакого участия, за действия, которые даже не входили в задачи этой организации.

Исключением может быть подсудимый Кальтенбруннер. Он был начальником полиции безопасности, то есть уголовной полиции и гестапо, а также СД и обвиняется в совершении действий, которые проводились в жизнь организацией СД. Но в этом нельзя обвинить организацию СС. Уголовная полиция (КРИПО) не обвиняется. Гестапо обвиняется как отдельная организация. Обвинение по делу организации СД следует также рассматривать как обвинение самостоятельной организации. Правда, первоначально эта организация обвинялась вместе с организацией СС. Но вскоре организация СД получила собственного защитника, и ее дело на этом процессе стало рассматриваться отдельно. Организационно СД и СС с 1934 года также были разграничены. Таким образом, осуждение Кальтенбруннера формально, если это вообще возможно, означало бы осуждение организаций — гестапо и СД, в защиту которых я ни в коем случае не хочу вмешиваться, но не организации СС.

Я хотел бы еще указать на то, что ни один из подсудимых не был опрошен о том, совершил ли он приписываемые ему преступления как член СС или для самой организации СС, и если да, то в какой степени. Мне кажется, что это является некоторым упущением.

Господа судьи, я подхожу к концу и прошу поэтому на некоторое время Вашего внимания. Вначале я говорил о том, что этот процесс является огромным по своему масштабу уголовным процессом, но все-таки только уголовным процессом. И поэтому я сейчас здесь задаю вопрос, какой правовой и политический смысл может иметь осуждение организации? Я получаю традиционный ответ: возмездие и назидание.

Безусловно, необходимо, чтобы немецкий народ и все другие народы мира, которые поддадутся искушению принять диктатуру и антидемократические методы, отказались бы от этого и чтобы они всегда сознавали тяжкие последствия нарушения норм международного права, норм нового, изложенного теперь в Уставе универсального права. Этот процесс должен быть последним предупреждением для всех тех, кто не желает признавать требований всего мира и всех мирных граждан в отношении свободы слова, свободы вероисповедания, свободы от нужды и страха.

Господа судьи, Ваши армии освободили Германию от тирании нацизма, освободите же Вы сейчас мир от проклятия в виде возмездия. Мир будет исцелен только тогда, когда будет покончено с возбуждающими ненависть лозунгами, направленными против рас, народов, классов или партий.

Я говорю это несмотря на то, что знаю, что есть много членов СС, которые не поймут смысла моих слов, так же как и определенные круги союзных государств. Но они должны постигнуть вечную истину: «Мы рождены не для взаимной ненависти, а для взаимной любви».

Итак, я хочу подвести итог моей речи в защиту СС.

Я обвиняю каждого убийцу и преступника в отдельности, который был членом этой организации или одной из ее частей.

Я оправдываю те тысячи и сотни тысяч, которые служили из лучших побуждений и поэтому не были морально причастны к вине, за которую расплачивается сегодня весь германский народ.

Да благословит Бог Ваш приговор!

Речь защитника гестапо Р. МЕРКЕЛЯ

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 23 августа 1946 г.

Господин председатель! Господа судьи!

На том этапе процесса, когда разбирались дела подсудимых, рассматривались действия отдельных лиц. Во время рассмотрения дел организаций весь вопрос заключается в

том, должен ли быть введен новый принцип в мировое правосудие. Дело гестапо приобретает значение в связи с мнением обвинения, смысл которого заключается в том, что гестапо якобы было важнейшим орудием власти при гитлеровском режиме.

Защищая гестапо, я знаю, каким ужасным позором покрыто это учреждение, я знаю, какой ужас и страх наводит это слово, знаю, какую ненависть вызывает оно.

Я буду произносить речь, не заботясь о создавшихся мнениях потому, что надеюсь выступить с таким фактическим и правовым материалом, который сделает для Высокого Суда возможным:

1) рассмотреть вопрос о том, приведет ли осуждение организаций к дальнейшему развитию правосудия, двигающему человечество вперед;

2) установить истину о гестапо;

3) вырвать невиновных, бывших членов гестапо из рук несчастной судьбы.

Из утверждений обвинения ничто не потрясло меня больше, чем мнение главного обвинителя от Великобритании, заявившего, что немцы после шестилетнего нацистского господства заменили христианскую мораль поклонением своему идолу-фюреру и культу крови, что привело к разложению германского народа...

Я, как защитник гестапо, должен уделить основное внимание тому, как следует понимать положение Устава, согласно которому Суд при разбирательстве дела Геринга, Кальтенбруннера или Фрика может объявить гестапо преступной организацией.

Подписавшие соглашение державы, создавая этот Трибунал, сделали справедливость категорическим императивом, записав в статье 1 Устава следующее: «...учреждается Международный военный трибунал... для справедливого суда...» Они придали категорическому императиву «справедливость» особое значение, озаглавив раздел IV Устава «Процессуальные гарантии для подсудимых».

Далее они решили также руководствоваться сознанием, что статьи 9 и 10 дают возможность осудить или не осуждать обвиняемых.

То, что победители пожелали объявить такие организации, как гестапо, преступными, — это вполне понятно, но они все же не решились сделать статьи 9 и 10 непреложными. Тем самым справедливость стала верховным руководящим принципом Суда. Поэтому статьями 9 и 10, допускающими возможность такой альтернативы, можно руководствоваться следующим образом: если Суд считает это справедливым, то он может объявить эти организации преступными...

Тем самым обеспечивается принцип соблюдения всех норм, исходя из которых рассматривается деятельность организаций и их членов. В основном речь идет о членах организаций, которые составляют вместе со своими родственниками по крайней мере 15 миллионов человек. Далее, одна-

ко, необходимо принять решение относительно того, чтобы на основании приговора не нашло себе подтверждения то особое положение, которое гласит: «Никто не может ничего предпринять против морального мирового порядка, кроме самого этого морального порядка».

Из этого вытекает следующий вывод для моей защитительной речи: на вопрос, поставленный Уставом перед обвинением, защитой и Трибуналом, о том, допустимы ли исключения из правила, можно ли, в первую очередь, рассматривать организации как несущие коллективную ответственность и могут ли применяться законы, имеющие обратную силу, следует ответить в основном отрицательно.

Значение и последствия объявления организаций преступными, о чем ходатайствует обвинение, являются огромными. Они дают достаточно оснований для того, чтобы защитник со всей сознательностью и основательностью и со всех точек зрения рассмотрел вопрос о том, имеются ли основания для того, чтобы в соответствии с духом справедливости моральный мировой порядок нес ответственность в соответствии с этим обвинением, которое будет иметь такие серьезные последствия.

Здесь необходимо со всей настойчивостью в качестве первого и важного результата моего исследования констатировать: сообщность не может быть объявлена виновной. Уголовная ответственность означает, что наказуемое действие является наказуемым не только с объективной, но и с субъективной точки зрения. Другими словами: преступление может быть совершено только с сознанием вины, а именно только преднамеренно. О преднамеренном действии, однако, можно говорить только в отношении отдельного лица и никогда — в отношении круга лиц. Если, ссылаясь на иностранные законы, говорят о возможности такого положения, то здесь, очевидно, путают понятие о преднамеренном действии с понятием об общем намерении нескольких лиц, преследующих определенную цель.

Все же проблема коллективной вины является значительно более сложной. Мысль об отрицании наличия коллективной вины появилась еще в древние времена. Эта мысль возникла на основании Ветхого Завета, она распространилась через эллинизм и христианство по всему миру и стала принципом уголовного права всего мирового порядка. В римском праве имеется ясное положение: «Societas delinquere non potest» — «Общество не может совершать преступления». Новое время сохранило мысль об индивидуальной ответственности.

20 февраля 1946 г. в своей речи по радио папа римский сказал, что ошибочно утверждать, что человек может считаться виновным и привлекаться к ответственности уже потому, что он принадлежит к определенному объединению, не утруждая себя тем, чтобы расследовать каждый отдельный случай, чтобы выяснить, навлекло ли данное лицо лично на себя вину своими действиями или своим бездействием. Это было бы посягательством на божьи права. В этой же связи

Гаагские правила ведения сухопутной войны от 1907 года в статье 50 запрещают налагать контрибуцию на население за действия отдельных лиц.

Наконец, бывший статс-секретарь Карл Франк был приговорен к смертной казни и казнен, помимо прочих преступлений, за то, что приказал уничтожить деревню Лидице из-за действий отдельных жителей деревни. Следовательно, его обвиняли в том, что он совершил преступление, устанавливая коллективную вину всех жителей деревни и привлекая к коллективной ответственности всю деревню. Поэтому и в данном деле было бы несправедливо наложить коллективное наказание на всю организацию как на сообщество за преступления отдельных лиц. Мне кажется, что с помощью этих кратких соображений я разъяснил, что обвинение против организаций не является обоснованным. Я соглашаюсь с юридической концепцией господина Джексона постольку, поскольку он, заканчивая свои юридические рассуждения, заявляет, что совершенно недопустимо, следуя букве закона, отрицать безнаказанность отдельного индивидуума. Отрицать коллективную ответственность — не значит делать вывод о безнаказанности отдельных членов организаций за преступления, совершенные внутри организации; можно скорее подчеркнуть наказуемость каждого отдельного лица за совершенные им преступления. Устав, созданный Объединенными Нациями, является правовой основой, на которой зиждется весь процесс против обвиняемых здесь отдельных лиц и организаций. Защита воспользовалась уже случаем выразить свои сомнения относительно Устава. Я ссылаюсь на заявления защитников. Я хотел бы еще раз осветить один момент. Если какая-либо организация будет признана преступной и ее бывшие члены понесут наказание за одно только членство, то они будут искупать вину за совершение действий, которые в свое время допускались законом. Устав, следовательно, устанавливает нормы, которые имеют обратную силу. Но правовое положение, запрещающее издавать законы, имеющие обратную силу, является обоснованным принципом всех цивилизованных государств...

Мои вышеприведенные высказывания относились к вопросу о допустимости обвинения всех организаций. По делу гестапо нужно учесть еще два момента. Гестапо представляло собой государственное учреждение, ряд государственных инстанций. Государственное учреждение в противоположность какому-нибудь объединению или какой-либо другой частной организации преследует диктуемые государством цели не с помощью собственных средств, а с помощью средств, которыми располагает государство. Государственное учреждение выполняет свои функции в рамках общей государственной деятельности, его действия и мероприятия являются актами государственно-административного характера. Имея в виду государственное учреждение, нельзя говорить о подчинении единой коллективной воле этого учреждения и об объединении людей на договорных

началах для осуществления общей цели. Тем самым отпадает предпосылка, создающая понятие организации или группы, а также членства в духе Устава. Если уже частные организации не могут рассматриваться как виновные и подлежащие наказанию, то тем более это относится к государственным учреждениям и административным органам. Только государство само, если это вообще возможно, может привлекаться к уголовной ответственности за свои учреждения, но не сами его учреждения.

Полицейские органы, в том числе и политическая полиция, ведут деятельность в области внутренних дел государства. Признанный международный правовой принцип запрещает вмешательство какого-либо государства во внутренние законные дела другой страны. Таким образом, и в этом направлении существуют сомнения относительно допустимости обвинения против гестапо. Об этих сомнениях я считал необходимым сказать, помня о долге защитника.

Наконец, можно рассмотреть еще один вопрос. Если гестапо следует объявить преступной организацией, то для этого нужно, чтобы кто-либо из основных подсудимых являлся бы чиновником гестапо. Но был ли когда-нибудь кто-либо из основных подсудимых чиновником гестапо и тем самым членом его? Приходится сомневаться в том, что имеется такая процессуальная предпосылка, ибо Геринг, являясь премьер-министром Пруссии, был начальником прусской тайной государственной полиции и отдавал ей приказы, но не был ее членом. Его деятельность на посту начальника тайной государственной полиции прекратилась с назначением начальника германской полиции и со слиянием прусской тайной государственной полиции в 1936 — 1937 гг. с имперскими полицейскими органами.

Фрик как имперский министр внутренних дел был министром ведомства, ответственного за полицию, но он никогда не был чиновником ни одной из полицейских инстанций. Наконец, Кальтенбруннер показал, что в связи с его назначением на пост начальника полиции безопасности и СД он не стал начальником гестапо. Он действительно не был тем, кем с 1934 года являлся Гейдрих, — начальником тайной государственной полиции. Финансирование начальника полиции безопасности также предусматривалось не в бюджете тайной государственной полиции (гестапо), а в бюджете имперского министерства внутренних дел.

В том случае, если обвинение против гестапо и осуждение его будут признаны допустимыми, я обращусь к вопросу о том, имеются ли предпосылки, основанные на материальном праве и достаточные для того, чтобы признать преступный характер гестапо. Другими словами, необходимо исследовать, было ли гестапо в понимании Устава преступной организацией или группой? Анализируя этот вопрос, я буду следовать предпосылкам, изложенным в решении Трибунала от 12 марта 1946 г., которые квалифицировались им как предпосылки, имеющие доказательную силу.

Но прежде чем перейти к этому вопросу, я должен указать на общее заблуждение, которое касается рода и объема деятельности гестапо. Среди немецкого народа, а возможно еще более того за границей, было принято приписывать гестапо все полицейские мероприятия, террористические акты, лишение свободы и убийства, если это носило хоть какой-либо полицейский характер. Гестапо стало каким-то козлом отпущения за все совершенные в Германии и в оккупированных районах злодеяния, еще и сегодня оно должно нести ответственность за все причиненное зло. Но нет ничего неправильнее этого. Ошибка в том, что вся полиция — уголовная ли, военная, политическая или СД — без различия рассматривается как гестапо.

Когда Гейдрих на торжественном заседании в 1941 году говорил, что тайная государственная полиция, уголовная полиция и служба безопасности окружены атмосферой таинственности, характерной для политического криминального романа, он имел в виду те почти сверхъестественные силы, которые еще и по сей день связаны в первую очередь с именем гестапо. Тактика Гейдриха, очевидно, вела к тому, чтобы создавать мнение в стране и за границей, что гестапо — орудие ужаса.

То, что гестапо несправедливо приписывалось большое количество преступлений, может быть доказано на примерах. Одним из тяжелых преступлений во время войны было убийство французского генерала де Буассе в конце 1944 или в начале 1945 года. Французское обвинение приписывает это убийство гестапо, исходя из документа ПС-4048—4052. Согласно документу ПС-4048 Панцингер, которому поручалось выполнение этого плана, был в то время начальником пятого управления главного управления имперской безопасности. Шульц, упомянутый в документе ПС-4052, тоже работал в государственной уголовной полиции. Документ ПС-4048 согласно шифру V также был составлен уголовной полицией как управлением главного управления имперской безопасности. Четвертое управление главного управления имперской безопасности (гестапо), следовательно, в этом не участвовало. Участвовала в выполнении этого плана только государственная уголовная полиция, в которой находилось отделение по розыску военнопленных. Гиммлер, которому как командующему армией резерва также были подведомственны дела военнопленных, по этому вопросу непосредственно связался с Панцингером. Четвертое управление ни на одной стадии не знало обо всем происходящем. Знал ли об этом Кальтенбруннер, должен показать он сам.

Эти факты отражены в аффидевите гестапо № 88. В предъявленном советским обвинением приговоре участникам немецких военных преступлений, вынесенном в городе Краснодаре (документ СССР-55), гестапо без каких-либо оснований инкриминируются эти ужасные преступления. В действительности речь шла о деятельности эйнзатцкоманды, а не гестапо (аффидевит 45).

Я хочу сослаться также на показания свидетелей доктора Кнохена и Франца Штрауба. Они показывали, что в Бельгии, во Франции, как и везде, гестапо несправедливо инкриминируются многочисленные преступления.

Из показаний доктора Кнохена, Штрауба, а также из показаний Кальтенбруннера можно установить, что часто в оккупированных областях и в Германии появлялись аферисты и прочие темные личности, которые выдавали себя за чиновников гестапо. Сам Гиммлер требовал, чтобы такие чиновники-самозванцы гестапо заключались в концентрационные лагеря (я представил по этому вопросу документ гестапо № 34 и аффидевит гестапо № 68). Как уже указывалось, начальник полиции безопасности Гейдрих сыграл некоторую роль в создании неправильного мнения о гестапо. Так, он сознательно муссировал слухи о том, что гестапо знает обо всем подозрительном в политическом отношении потому, что оно шпионит за населением. То, что это не могло соответствовать действительности, доказывает тот факт, что число чиновников гестапо, которое составляло примерно 15—16 тысяч, было бы далеко недостаточным, если бы они еще занимались надзором за населением и шпионили бы за ним (показания доктора Беста).

Те преступления, которые в действительности совершили чиновники гестапо, ничем нельзя извинить. Однако установлено также и то, что происходило многое, за что чиновники гестапо не несут ответственности. Установлено, что на основании общих рассуждений нельзя проверить, совершали ли преступления сотрудники гестапо, уголовной полиции, СС, СД или даже преступники из числа местных жителей. Если и можно считать, что в интересах борьбы с преступностью при вынесении приговора Суда можно придать решению альтернативный характер в том смысле, что наказание последует независимо от того, подпадает ли совершенное преступление под ту или иную статью уголовного кодекса, то все же никогда нельзя считать, что подобная альтернатива возможна в отношении каждого лица, совершившего преступление. Иными словами, несправедливо приписывать гестапо какие-либо преступления, если виновность его сотрудников не может быть бесспорно установлена.

Как уже указывалось, гестапо не являлось объединением лиц в терминологическом смысле, даже, пожалуй, и в смысле Устава. Так же как и его характер, его цели, задачи и применяемые им методы не могут считаться заведомо преступными.

Положение политической полиции, ее особые задачи и проводимые ею мероприятия требовали соответствующей этим целям своеобразной организационной формы. В связи с этим я считаю необходимым дать хотя и сжатое, но все же исчерпывающее описание организационного построения и порядка подчинения гестапо. Это тем более важно, так как Суд признал, что он придает выяснению этого вопроса решающее значение.

Для того чтобы не отнимать времени у Трибунала и не затруднять его внимание данными относительно организационного построения гестапо и порядка подчинения в нем, я не буду зачитывать следующие девять страниц своей речи, однако прошу с ними ознакомиться.

Я хотел бы обратить особое внимание на страницы 20—24, которые говорят о коренном различии в деятельности административных и оперативных чиновников, технического персонала и ряда организаций, в полном составе переданных в ведение гестапо, как-то: тайной полевой полиции, таможенной погранохраны, военной контрразведки и примыкающих к ним организаций.

Система политической полиции самостоятельно существовала внутри государства и вне партийного аппарата. Партия не руководила гестапо; наоборот, оно занимало в государстве независимое положение, обособленное от партии, что должно было служить для исправления ошибок отдельных членов партии государственными средствами.

Когда Гиммлер как рейхсфюрер СС с 1933 года стал политическим начальником полиции сначала во всех провинциях, а потом и во всей империи, полицейская власть в провинциях была лишена какого бы то ни было влияния. После этого назначения не произошло существенных изменений в ее деятельности. Политическая полиция провинций со дня ее организации в 1933 году была укомплектована главным образом служащими бывших полицейских органов, даже на руководящих постах не всегда находились члены партии. Позднее эти старые полицейские чиновники, находившиеся на руководящих постах, не были заменены членами партии. Только в небольшом количестве и почти исключительно на чисто технических должностях, как, например, шоферов, телеграфистов, писарей и т.п., находились члены партии, СС и СА.

Создается впечатление, что оторванность от партии и ее организаций противоречит факту включения гестапо в состав СС. Это включение означало только номинальное присоединение к СС. Причина этого присоединения состояла в следующем: на должности в гестапо назначались и на них оставались профессиональные чиновники. Однако часть чиновников из-за своего политического или аполитичного прошлого не соответствовала требованиям партии. Чтобы повысить их авторитет при исполнении служебных обязанностей, чиновники должны были носить форму. Вследствие присоединения к СС чиновники гестапо и чиновники уголовной полиции, хотя формально были включены в состав СС, тем не менее остались в подчинении у своих начальников по службе и не проходили службы в СС и СД. Присоединение проводилось к тому же медленно и в небольших масштабах. В начале войны, в 1939 году, из 20 тысяч членов гестапо и уголовной полиции было переведено только 3 тысячи. Характерно то, что Гиммлер недоброжелательно относился к тому, что члены гестапо носили форму СС. Это мы видим из документа США-447.

Во время войны даже лица, не включенные в состав СС, при выполнении определенных задач должны были носить форму СС, не будучи членами СС. В остальном СС не контролировала полицию и не влияла на ее деятельность; только в лице Гиммлера осуществлялось единое руководство обеими организациями.

С организацией СД, которая, как известно, являлась чисто партийной организацией, гестапо в целом не имело ничего общего. Только в лице начальника полиции охраны порядка и СД (Гейдриха, а потом Кальтенбруннера) осуществлялось единое руководство, которое было случайным и не имело организационной связи. СД и гестапо ни в коей мере не принадлежали к одной полицейской системе. СД не поддерживала гестапо при выполнении задач, она вообще не выполняла полицейских функций.

Чиновники гестапо не чувствовали себя членами единой организации с СС и СД. Каждый член трех организаций знал, что он относится к самостоятельной организации, выполняющей самостоятельные задачи. Если гестапо не было органически или по служебным вопросам связано с партией, то, с другой стороны, оно как государственное учреждение не исключалось из аппарата государственного управления, а, скорее наоборот, было тесно связано с общей и внутренней администрацией. Высшие административные власти: министры внутренних дел провинций, оберпрезиденты, регирунгспрезиденты имели право получать донесения и давать указания.

Представленные документы показали, что большая часть всей деятельности государственной полиции осуществлялась окружными и местными полицейскими органами, а также жандармерией. Именно этот факт свидетельствует о том, как тяжело обвинять гестапо как государственный аппарат. Если последовательно рассуждать, то и чиновники упомянутых административных органов должны быть привлечены к суду вместе с гестапо, поскольку они выполняли государственно-полицейские функции. Однако такая мысль нелепа. Исходя из этого, нельзя рассматривать сотрудников гестапо как членов какой-либо организации, как это утверждает обвинение, тем более не может быть речи о принципе добровольности. Ни один из допрошенных свидетелей не подтвердил этого предположения обвинения, наоборот, все свидетели утверждали, что принадлежность к гестапо основана не на принципе добровольности.

Зачисление чиновников на службу в гестапо производилось в большинстве случаев путем перевода чиновника из его ведомства в органы гестапо. Приказу о переводе чиновника должны были подчиняться, так как к этому обязывал закон относительно чиновников, существовавший в Германии. Следствием отказа были бы неприятности по службе и, пожалуй, даже потеря должности. Если причиной отказа служило несогласие чиновника с деятельностью гестапо по соображениям морали, то данный чиновник, как, впрочем, и всякий другой чиновник в подобном случае, был бы при-

влечен к ответственности в судебном порядке, потерял бы должность и все права чиновника и, кроме того, был бы заключен в концентрационный лагерь. Пополнение аппарата в гестапо происходило следующим образом: согласно закону о полицейских чиновниках 90 процентов пополнения бралось из состава чиновников охранной полиции, которые хотели стать чиновниками уголовной полиции, и только 10 процентов — из других свободных профессий. Кандидаты на службу в охранную полицию не могли свободно решить, куда они хотели поступить: в гестапо или в уголовную полицию. Они даже против воли направлялись регистрационным отделом полиции в Потсдаме в гестапо или в уголовную полицию, смотря по необходимости.

Здесь речь идет о чиновниках охранной полиции с восьмилетним и двенадцатилетним стажем работы, то есть о старых чиновниках, которые состояли на службе в полиции до 1933 года.

Уход чиновников из гестапо, исключая общие причины ухода — смерть, болезнь, увольнение на основании проступков, был почти невозможен.

Во время войны гестапо, как и вся полиция, находилось на военном положении и подчинялось военным законам, так что уход из гестапо был вообще невозможен. Запрещено было даже подавать рапорт с просьбой послать на фронт.

Эти же положения о приеме на работу и уходе с работы в гестапо распространялись и на подчиненные гестапо инстанции, например на пограничную полицию, военную контрразведку и таможенно-пограничную охрану. Нельзя забыть и большого числа мобилизованных по особой мобилизации во время войны, которые иногда составляли почти половину всего личного состава.

Из высказываний, которые включают устные показания и показания, данные под присягой, прежде всего свидетелей Беста, Кнохена и Гофмана, вытекает следующее: гестапо было одним из государственных органов, а о сотрудниках какого-либо государственного органа нельзя говорить как о членах какой-либо частной организации. Поэтому сотрудники гестапо не являлись членами организации, тем более добровольными, они занимали обыкновенные чиновничьи должности.

На вопрос, являлись ли цели и задачи гестапо преступными, следует ответить отрицательно. Целью гестапо, как и каждой политической полиции, являлась охрана народа и государства от покушения врагов на устои государства и его свободное развитие. В соответствии с этим задачи гестапо определены в параграфе 1 закона от 10 февраля 1936 г. (документ гестапо № 7):

«Задачей гестапо является выявление всех антигосударственных действий и борьба с ними, сбор и использование результатов расследований, уведомление о них правительства, информация всех других органов о важных для них событиях и оказание им помощи».

Эти задачи гестапо по своей сути являлись такими же, как и задачи политической полиции до 1933 года. Это же имеет место и в других государствах. Деятельность гестапо была узаконена государством. Его задачи заключались в первую очередь и главным образом в расследовании политических преступных действий по общим уголовным законам, причем чиновники гестапо рассматривались как помощники государственной прокуратуры, и их деятельность сводилась к предотвращению таких действий путем проведения целого ряда профилактических мер. Гестапо ставятся в вину три метода, которые оно применяло. Первый метод состоит в превентивном аресте и заключении в концентрационные лагеря. Я знаю, стоит мне только упомянуть это название, то есть концентрационные лагеря, как сразу же повеет холодным могильным дыханием. Однако превентивный арест предусматривался законом. Превентивный арест, который к тому же не являлся специально немецким или специально национал-социалистским изобретением, признан легальным во многих приговорах имперского суда и верховного суда прусской провинции, следовательно, в приговорах законных судов.

Второй метод — так называемый строгий допрос — наводит, конечно, на серьезные размышления. Этот метод применялся редко, как говорит свидетель доктор Бест, и только по распоряжению высших инстанций, но он никогда не применялся, чтобы вынудить признание. Этот метод, о котором еще будет идти речь в связи с рассмотрением отдельных преступлений, установлен законом во время войны (документ гестапо № 60).

Наконец, обвинение особо инкриминирует гестапо то, что оно придерживалось не закона, а действовало произвольно. Об этом нужно сказать следующее. Если в двух законах (о присоединении Австрии и Судетской области) указано, что начальник германской полиции мог в своих действиях выходить за рамки закона, то это отнюдь не узаконивало полицейского произвола; речь шла о типично законных действиях по передаче полномочий для установления новых норм полицейского права.

Под мерами в духе этих законов понимаются не единичные действия, а распоряжения общего характера, которые можно издавать, если даже в присоединенных странах еще нет закона по этому вопросу. Они, однако, должны быть обязательными для населения и для полиции, если глава государства даст на это разрешение. Всегда придерживались того, что не следует совершать произвольных единичных действий и при всех действиях строго соблюдать уставы и законы.

Чиновнику гестапо не могла, по крайней мере до войны, прийти в голову мысль, что другие страны будут обвинять его в произвольных действиях. Ограниченные законом задачи и методы, которые были ясны не только сотрудникам гестапо, но и всему миру, не могут быть восприняты как преступные, если все страны признавали, что герман-

ское правительство ответственно за них. Если бы за границей были против целей, поставленных гестапо, то было бы совершенно невозможно сотрудничество полиции всех иностранных держав, вне всяких дипломатических отношений, с германским гестапо, которое посещалось иностранными полицейскими чиновниками с целью обмена опытом (я представил по этому вопросу аффидевиты гестапо 26 и 89). Во всяком случае отдельный чиновник гестапо мог рассматривать свою деятельность как признанную в международных масштабах.

Цели, задачи и методы гестапо принципиально не изменились в период войны. Поскольку гестапо приписывались иные действия, кроме тех, которые здесь описаны, они должны быть расценены как совершенные вне организации, чуждые духу полиции. В особенности необходимо подробно осветить вопрос об эйнзатцгруппах, об их комплектовании, деятельности и отношении к гестапо...

Соответственно классификации обвинения я разделяю все преступления, в которых обвиняется гестапо, на преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности.

Преступления против мира. Обвинение инкриминирует гестапо то, что оно совместно с СД якобы искусственно создавало пограничные инциденты, чтобы дать Гитлеру повод для войны с Польшей. Приводятся два пограничных инцидента: нападение на радиостанцию Глейвитц и инсценированное нападение польского отряда у Хоэнлинден.

Нападение на радиостанцию Глейвитц было проведено без участия чиновников гестапо. Свидетель Науйокс, руководивший этой операцией, не принадлежал к гестапо. Он категорически утверждает, что ни один из членов гестапо не принимал участия в организации этого инцидента. Задание давал непосредственно Гейдрих. Он передал его устно лично Науйоксу.

Поручение инсценировать нападение у Хоэнлинден начальник четвертого управления главного управления имперской безопасности Мюллер передал Науйоксу. Однако Науйокс, который руководил этой операцией, категорически отрицает участие в ней четвертого управления.

Науйокс заявил, что в задачи четвертого управления РСХА, безусловно, не входила инсценировка пограничных инцидентов. Для проведения упомянутого пограничного инцидента Мюллер выбирал не лиц, подчиненных ему по службе в четвертом управлении, а исключительно лиц, пользовавшихся его личным доверием, так как Гейдрих не доверял гестапо в отношении сохранения тайны и надежности.

Следовательно, пограничные инциденты, хотя Мюллер принимал участие в них, не были делом гестапо, а были личным делом Гейдриха. О других преступлениях гестапо против мира никаких утверждений выдвинуто не было.

Военные преступления. Одним из тягчайших преступлений, в которых обвиняется гестапо, является обвинение в массовых убийствах гражданского населения оккупирован-

ных стран оперативными группами. Не только защита, но и весь германский народ отмежевывается от бесчеловечных жестокостей, совершенных оперативными группами. Виновные в этих ужасных преступлениях и тем самым опозорившие имя немца должны быть привлечены к ответственности.

Члены гестапо также принимали участие в этих акциях. Мне кажется, я имею право рассмотреть вопрос о том, в какой степени организация гестапо в целом ответственна за преступную деятельность эйнзатцгрупп.

Оперативные группы должны были выполнять в армейском тылу задачи, которые перед ними ставил начальник полиции безопасности и службы безопасности, то есть эти группы должны были в тылу действующих войск гарантировать спокойствие, безопасность и порядок. Они подчинялись армиям, при которых имелись офицеры связи.

Эйнзатцгруппы были частями, сформированными для особых целей. Они комплектовались из членов службы безопасности, СС, гестапо, уголовной полиции, полиции охраны порядка, из мобилизованных по закону об обязательной службе и, наконец, из местного населения. Сотрудники службы безопасности, уголовной полиции и гестапо использовались без учета их прежней принадлежности к какой-либо организации. Что касается кадров, речь шла, таким образом, об использовании всей полиции и службы безопасности, а не только об использовании гестапо. Количество членов гестапо в оперативных группах составляло примерно 10 процентов. По отношению к общему числу чиновников гестапо оно было, таким образом, незначительным. Перевод членов гестапо в состав оперативных групп происходил без их участия, очень часто против их желания, по приказу главного управления имперской безопасности. С назначением в оперативные группы они выбывали из гестапо. Они подчинялись исключительно командованию оперативной группы, которая получала приказы частично от высших командиров СС и полиции, частично от штаба армии и частично от главного управления имперской безопасности непосредственно. Связь с прежним местом службы и вместе с тем с организацией гестапо из-за использования в оперативных группах совершенно порывалась. Они не имели права получать от гестапо никаких приказов, они были исключены из сферы влияния гестапо.

Эти принципы управления оперативными группами в первую очередь относятся к деятельности оперативных групп на Востоке, которым, как известно, инкриминируется большинство самых тягчайших преступлений. И для них имело силу следующее положение: деятельность на Востоке ни в отношении кадров, ни по своим задачам не носила характера деятельности гестапо, а представляла собой деятельность различных частей, специально предназначенных для выполнения этих задач. То же самое показал и свидетель Олендорф.

Из того факта, что отдельные члены гестапо становились членами оперативных групп, нельзя делать вывод об

ответственности гестапо за действия оперативных групп. В этом ничего не меняет то обстоятельство, что начальник четвертого управления Мюллер, то есть начальник гестапо в системе главного управления имперской безопасности, играл решающую роль в передаче всех приказов. Он действовал по непосредственному поручению Гиммлера и Гейдриха. Поэтому деятельность Мюллера не может являться решающим обстоятельством при рассмотрении данного дела вследствие того факта, что подавляющее большинство подчиненных ему чиновников ничего не знало о происходившем. Если бы это было не так, то в одинаковой мере нужно было бы считать ответственными за эти дела и уголовную полицию или полицию охраны порядка. Но так же, как уголовная полиция, начальник управления которой Небе, между прочим, был даже командиром одной из оперативных групп на Востоке, не может привлекаться к ответственности в связи с участием своего начальника и отдельных членов в проведении массовых экзекуций, не может быть объявлено преступным и гестапо вследствие того положения, которое занимал Мюллер по отношению к оперативным группам.

Американское обвинение утверждает, что гестапо и СД несут ответственность за создание концлагерей и существовавшие в них условия, за отправление лиц, нежелательных в расовом и политическом отношении, в концлагеря и лагеря уничтожения для принудительных работ и массовой ликвидации. Были выдвинуты утверждения о том, что законом на гестапо была возложена ответственность за концлагеря, оно одно обладало исключительными полномочиями подвергать людей превентивному заключению и приводить в исполнение приказы о превентивном заключении в концентрационных лагерях. Гестапо обвиняется в том, что оно издавало приказы о создании концентрационных лагерей, о преобразовании лагерей военнопленных в концентрационные лагеря и об организации трудовых воспитательных лагерей.

При рассмотрении этого пункта обвинения нужно опровергнуть широко распространенное ложное мнение о том, будто бы концлагеря являлись учреждениями гестапо.

В действительности же гестапо никогда не создавало концлагерей и не ведало ими. Правда, в параграфе 2 положения о гестапо от 10 февраля 1936 г. (доказательство 8 в книге документов по делу гестапо) говорится, что управление тайной государственной полиции ведает администрацией государственных концентрационных лагерей. Это постановление было только постановлением на бумаге и никогда не проводилось в жизнь. Руководителем концентрационных лагерей было скорее имперское управление СС, которое назначало инспектора концлагерей, функции которого позже перешли к отделу «D» административно-хозяйственного управления СС. Это ясно подтверждено свидетелями Олендорфом и доктором Бестом, а также большим количеством документов (документы гестапо 40—45).

После прихода к власти Гитлера в 1933 году СА и СС самочинно создали различные лагеря для политических заключенных. Гестапо по собственной инициативе приняло меры против этих диких концлагерей, ликвидировало их и освободило заключенных. Начальника гестапо доктора Дильса из-за этого даже обвинили в том, что он поддерживал коммунистов и вел подрывную деятельность (аффидевит 41, показания свидетелей Витцдама и Грауерта).

Концлагеря, таким образом, никогда не подчинялись гестапо. Инспекция концлагерей и главное административно-хозяйственное управление остались самостоятельными учреждениями, и их начальники подчинялись непосредственно Гиммлеру.

Распоряжение, содержащееся в документе США-492, также не касается вопросов управления концлагерями, а лишь разрешает вопрос о размещении заключенных в различные по характеру лагеря для того, чтобы политические заключенные не направлялись в лагеря, которые по своей организации и формам деятельности предназначались для уголовных преступников — рецидивистов.

Из многочисленных документов, доказывающих, что гестапо не ведало концлагерями, я хочу остановиться на документе 38 из книги документов по делу гестапо. Из него следует, что всем лицам, не перечисленным в нем, то есть и всем чиновникам гестапо, независимо от их служебного положения и звания, для посещения концлагеря необходимо было иметь специальное письменное разрешение инспектора концлагерей. Если бы концлагеря подчинялись гестапо, то сотрудники гестапо, конечно, не нуждались бы в таком письменном разрешении.

В каждом концлагере существовал политический отдел. О его положении в концлагере и его отношении к гестапо много спорят. В этот политический отдел назначались один — три чиновника гестапо, специалисты по уголовным делам или же чиновники уголовной полиции. Эти чиновники не представляли собой органа гестапо (или уголовной полиции), наоборот, они были прикомандированы к начальнику лагеря как специалисты по делам полиции для выполнения полицейских задач, которые время от времени приходилось выполнять по отношению к заключенным. Прежде всего надо было допрашивать по заданию следственных органов гестапо или уголовной полиции заключенных, против которых возбуждалось дело в обычном порядке. В административном отношении они подчинялись исключительно коменданту лагеря. Они не имели никакого влияния на управление лагерем, на перевод из лагеря, освобождение, наказание и казнь заключенных.

Таким образом, концлагеря не были собственными учреждениями гестапо, они скорее были институтом, который служил для выполнения полицейских задач. Они представляли собой для гестапо то же, что тюрьмы для суда или прокуратуры, то есть органы, приводившие в исполнение приказы гестапо о превентивном заключении.

Если потрудиться исследовать вопрос о том, каково было процентное соотношение мер, которые применяло гестапо (поучение, предупреждение, денежный штраф в качестве гарантий благонадежного поведения и превентивное заключение), то можно констатировать, что заключение в концлагерь было наиболее редко применяемой мерой. К началу войны в концлагерях находилось около 20 тысяч заключенных, отбывавших превентивное заключение; половину составляли уголовные преступники, а другую половину — политические заключенные.

Одновременно в тюрьмах органов юстиции содержались приблизительно 300 тысяч осужденных, из которых примерно одна десятая, то есть около 30 тысяч, была осуждена за политические деликты.

Председатель: Какими документами Вы подтверждаете эти цифры?

Меркель: Это подтвердил свидетель доктор Бест на заседании Комитета 6 июля 1946 г.

Количество заключенных в концлагерях повысилось вследствие перевода туда профессиональных преступников и асоциальных элементов, в особенности тех, которые были осуждены судами к лишению свободы. Это было мероприятие, осуществление которого не входило в компетенцию гестапо (показания свидетеля Гофмана).

Согласно аффидевиту гестапо № 86 наибольшее число заключенных, помещенных гестапо в концентрационные лагеря к началу 1945 года, составляло примерно 140 тысяч, из них 30 тысяч немцев, 60 тысяч поляков и 50 тысяч граждан других государств.

Все другие заключенные, а обвинение утверждало, что к 1 августу 1944 г. в концлагерях находилось 524 277 человек, были помещены в концентрационные лагеря не только гестапо, но и уголовной полицией, органами юстиции и различными другими инстанциями в оккупированных областях.

Правильно то, что гестапо создало исправительно-трудовые лагеря, управляло ими и направляло туда людей. О целях исправительно-трудовых лагерей в журнале «Германская полиция» говорится следующее (документ 59):

«Исправительно-трудовые лагеря имеют своей целью воспитывать людей, нарушающих трудовые договоры и не желающих работать в духе трудовой дисциплины, и после достижения этой воспитательной цели эти люди должны быть возвращены на старое место службы. Направление в трудовые исправительные лагеря производится только государственной полицией. Заключение не считается наказанием, оно является мерой воспитания».

Обвинение утверждает, что в исправительно-трудовые лагеря направлялись только иностранные рабочие, но это неверно. Эти лагеря были созданы в равной степени как для немецких, так и для иностранных рабочих, а также для работодателей, нарушающих трудовые договоры. Самым длительным сроком заключения, к которому приговаривали лишь после основательного рассмотрения каждого отдель-

ного случая, был сначала 21 день, потом 56 дней в противоположность тем приговорам, которые выносились органами юстиции за нарушения трудовых договоров и срок тюремного заключения по которым колебался от трех месяцев до одного года. Нарушители трудовых договоров, направлявшиеся в исправительно-трудовой лагерь, попадали во всех отношениях в гораздо лучшие условия, нежели те, кому выносили приговор органы юстиции. Заключение в данном случае не записывалось в регистр наказаний, а размещение, питание и обращение в исправительно-трудовом лагере было лучше, чем в тюрьме. Питание выдавалось по тюремной норме плюс надбавка для рабочих тяжелого физического труда, причем, как явствует из документа 58, количество, качество продуктов и приготовление пищи постоянно контролировались.

При таком положении невозможно считать преступлением, а тем более типичным преступлением гестапо надзор за иностранными рабочими, создание исправительно-трудовых лагерей и заключение в них.

Следующим звеном в цепи наиболее тяжких преступлений, инкриминируемых гестапо, является следующее обвинение: гестапо и СД якобы казнили членов диверсионных групп и парашютистов, а также защищали тех гражданских лиц, которые линчевали летчиков союзных держав. Что можно сказать в связи с этим?

В документе США-500 (это секретный приказ ОКВ от 4 августа 1942 г. о контрмерах против парашютистов) борьба с авиадесантными и парашютными войсками рассматривалась исключительно как дело вооруженных сил, а борьба с отдельными парашютистами поручалась начальнику полиции безопасности и СД. Эта последняя задача вовсе не состояла в том, чтобы казнить парашютистов; задержание их преследовало лишь цель выяснить диверсионные задания, данные этим парашютистам, и получить сведения о намерениях противника. 18 ноября 1942 г. Гитлер приказал (документ США-501) уничтожать все диверсионные отряды. Этот приказ был дан не германской полиции, а вооруженным силам. В пункте 4 приказа указывалось, что весь личный состав таких групп, который попадает в руки вооруженных сил, должен передаваться СД. Не было установлено, что гестапо участвовало в этом мероприятии. Если же гестапо все же принимало в нем участие, то ему поручалось, таким образом, выполнение несвойственной полиции задачи, осуществление которой, несомненно, требовало при всех обстоятельствах участия лишь очень небольшого числа лиц, а поэтому не может быть приписано всему гестапо в целом.

Кроме того, можно указать еще на следующее. Как заявил Рудольф Мильднер в письменном показании от 16 ноября 1945 г. (документ ПС-2374), летом 1944 года начальникам и инспекторам полиции безопасности и СД был дан приказ о том, что весь личный состав американских и английских диверсионных групп должен передаваться полиции безопасности для допроса и расстрела. Это можно рас-

сматривать как доказательство того, что, во всяком случае до этого момента, полиция безопасности не расстреливала диверсионные группы, иначе подобный приказ не был бы нужен. Как показывал далее Мильднер, этот приказ необходимо было немедленно уничтожить, то есть только начальники и инспекторы полиции безопасности могли о нем знать. Вследствие давно начавшегося вторжения войск союзников и безостановочного продвижения их во Франции этот приказ уже не мог практически осуществляться, так как при непрерывном перемещении линии фронта в районе операций не было больше никаких органов полиции безопасности. Маловероятно также и то, чтобы названный приказ, исходивший предположительно от Гиммлера, вообще стал известен массе работников гестапо.

Обвинение основывается прежде всего на приказе Гиммлера от 10 августа 1943 г. (документ США-333), в котором говорилось, что полиция не должна вмешиваться в конфликты между немецким населением и приземлившимися английскими и американскими летчиками-террористами. Обвинение сделало вывод, что гестапо поддерживало суд Линча. Важно, однако, то, что этот приказ Гиммлера был дан всей германской полиции, и в первую очередь полиции охраны порядка. Дело в том, что, когда экипажи союзных самолетов приземлялись на парашютах, на месте происшествия обычно появлялись не чиновники гестапо, а чины полиции охраны порядка, жандармерии или местного полицейского управления. Именно эти отделы полиции, а не гестапо выделяли уличные патрули.

Многочисленные показания, данные под присягой, подтверждают, что вовсе не всем работникам гестапо был сообщен этот приказ и многие узнали об этом распоряжении только из выступления Геббельса по радио...

Чиновники гестапо в тех немногих случаях, когда они случайно присутствовали при приземлении союзных летчиков на парашютах, не только не убивали их, но, наоборот, защищали от населения (аффидевит 81) и организовывали врачебную помощь раненым. За те немногие случаи, когда высшие органы гестапо приказывали расстреливать спрыгнувших летчиков и это приводилось в исполнение, уже совершенно справедливое возмездие понесли виновные, осужденные судами оккупационных властей. Ничем не оправданно возложение ответственности за это на все гестапо в целом.

Следующий пункт обвинения гласит: гестапо и СД вывозили из оккупированных стран в Германию гражданских лиц, чтобы предавать их тайному суду и осуждать их.

Гитлер издал 7 декабря 1941 г. так называемый приказ «Мрак и туман». Он предписывал, чтобы в оккупированных областях лица, выступающие против империи или оккупационных властей, для устрашения увозились в империю и предавались там специальным судам. Если это почему-либо было невозможно, такие лица должны были подвергаться превентивному заключению в концлагере до конца войны.

Как явствует из графы о рассылке документа ПС-833, этот приказ был направлен только вооруженным силам, а не гестапо. Выполнение этого приказа было делом не гестапо, а вооруженных сил. Согласно положениям документа ПС-833 отделы контрразведки должны были определять момент ареста лиц, заподозренных в шпионаже и саботаже.

Приказ должны были выполнять вооруженные силы, так как они осуществляли полицейскую власть в западных областях, а речь идет только о них, собственными силами или силами полиции безопасности, подчиненными непосредственно командующим оккупационными войсками. Только в такой степени полиция безопасности и принимала участие в выполнении этого приказа. Гестапо, численно весьма незначительное в западных оккупированных областях, участвовало в этом лишь постольку, поскольку главное управление имперской безопасности выделило отделы гестапо для приема арестованных. Эти отделы совместно с соответствующим отделом контрразведки уточняли детали перевозки арестованных в Германию, в особенности вопрос о том, кто должен заниматься их перевозкой: тайная полевая полиция, полевая жандармерия или гестапо. Никаких других заданий приказ «Мрак и туман» на гестапо не возлагал. В какой степени чиновники и органы гестапо действительно осуществляли этот приказ, настоящим процессом не установлено. Напротив, показаниями свидетеля Гофмана установлено, что этот приказ был отклонен четвертым управлением и в Дании, например, совсем не применялся.

Можно с уверенностью предположить, что в соответствии с предписанием о строжайшем сохранении тайны, тем более, что оно исходило от высших органов в системе вооруженных сил, содержание приказа и его значение были известны лишь узкому кругу лиц, непосредственно занимавшихся рассмотрением этих дел. Чиновники органов государственной полиции, выделенные для транспортировки заключенных, получали указание обеспечить отправку заключенных в определенное место в Германии, причем им не сообщали, на основании какого приказа и с какой целью был произведен арест. Поскольку дело обстояло так, а ничего другого не установлено, нельзя возлагать на все гестапо ответственность за то, что некоторым его органам в оккупированных областях передавались арестованные для того, чтобы согласно приказу доставлять их в Германию.

Разделы речи об увозе подданных других государств в Германию для осуждения их на общих процессах и о коллективной ответственности я читать не буду, но прошу принять их к сведению. Я продолжаю со страницы 60.

Убийство военнопленных при приближении союзных войск. Представленный для обоснования обвинения документ США-291 от 21 июля 1944 г. является распоряжением командующего полиции безопасности и СД округа Радом, в котором он доводит до сведения подчиненных ему учреждений приказ главнокомандующего полиции безопасности и

СД в генерал-губернаторстве о том, что следует ликвидировать заключенных в тюрьмах ввиду неожиданного развития событий, которое делает невозможным отправку заключенных в тыл.

Остается открытым вопрос о том, в какой степени были известны такие и подобные им приказы, в каком масштабе эти приказы проводились в жизнь, и особенно, по моему мнению, основной вопрос, насколько в этом деле было замешано гестапо. Согласно имеющимся у меня письменным показаниям, данным под присягой, и согласно показаниям свидетелей Штраубе и Кнохена гестапо имело в своем распоряжении только несколько тюрем в отдельных населенных пунктах. В большинстве случаев имелась обычная полицейская тюрьма, которая использовалась всеми полицейскими учреждениями. Управление и надзор за этими полицейскими тюрьмами находились в руках местных полицейских властей в оккупированных областях, а частично — также в руках вооруженных сил. Во всяком случае гестапо не имело никакого права вмешиваться в дела заключенных. Поэтому маловероятно, чтобы гестапо могло осуществлять убийства пленных при приближении противника. С другой стороны, установлено, что во многих местах в момент оккупации населенного пункта союзными войсками заключенные либо освобождались, либо передавались союзным войскам (аффидевиты 12, 63 и 64).

Разрешите привести два примера. Свидетель Лаутербахер сообщил о приказе, согласно которому заключенных, находившихся в тюрьме Хамельне (Вестфалия), необходимо было уничтожить при приближении противника. Но тот, кто издал приказ, скрываясь за спиной гаулейтера, не был представителем отдела гестапо, а являлся крейслейтером Хамельна, который за это был приговорен к семи годам заключения судом 5-й британской дивизии. Исполнители приказа были также не чиновниками гестапо, а чиновниками каторжной тюрьмы, которые, правда, отказались выполнить приказ.

Второй пример касается лагерей Мюльдорф, Ландсберг и Дахау в Баварии. Я ссылаюсь на свидетельское показание Бертуса Гердеса, бывшего начальника штаба гаулейтера Гислера в Мюнхене (документ США-291). Согласно этим показаниям в апреле 1945 года нужно было уничтожить по поручению Гитлера заключенных концлагеря Дахау и еврейских лагерей Мюльдорф и Ландсберг. Установлено, что приказ был дан не гестапо и, главное, что оба эти мероприятия не были проведены в жизнь из-за отказа авиации и свидетеля Гердеса выполнить его, как это установлено здесь к их чести. Так по крайней мере не были совершены преступления, одно злодейское планирование которых вызывает у нас содрогание. Однако следующие моменты имеют большое значение для представляемой мною организации, и я хотел бы обратить внимание на них, поскольку защищаю эту организацию: приказ был отдан гаулейтеру Мюнхена, который должен был обсудить его с начальником

штаба гаулейтера и с соответствующими крейслейтерами. Ни одним словом не упоминается о том, что к выполнению этого приказа необходимо привлечь гестапо.

Следующий раздел моей речи — «Конфискация и распределение общественного и частного имущества» — я также прошу принять к сведению.

Обвинение вменяет в вину гестапо проведение «допросов третьей степени». О них я уже говорил при обсуждении вопроса о преступности применявшихся гестапо мер. Здесь я должен ответить обвинению только следующее: представленные им документы свидетельствуют о том, что строгие допросы могли проводиться только в исключительных случаях при соблюдении известных предписаний об охране допрашиваемого и только по распоряжению вышестоящих учреждений. Они должны были проводиться не в целях вымогательства признаний, а только в случае отказа давать сведения, имевшие государственное значение, и, наконец, только при наличии определенных улик.

Целые отделы гестапо, как-то: контрразведка и пограничная полиция, — никогда не проводили строгих допросов. В оккупированных областях, где оккупационным властям ежедневно грозили нападения, были разрешены строгие допросы в том случае, если благодаря им можно было спасти жизнь германских солдат и чиновников и предотвратить нападение. Применение каких бы то ни было пыток никогда не было разрешено. Из представленных письменных показаний № 2, 3, 4, 61 и 63 и из показаний свидетелей Кнохена, Гофмана, Штрауба, Альбата и Беста следует, что во время обучения на курсах и в определенные промежутки времени чиновникам гестапо внушалось, что истязания при допросах и истязания заключенных вообще запрещены. Обычные суды и суды полиции и СС строго карали за нарушение этих распоряжений.

Рассмотрение преступлений, инкриминируемых гестапо, приводит меня к третьей и последней группе — преступлениям против человечности.

Как утверждает обвинение, гестапо совместно со службой безопасности было орудием преследования евреев. Утверждается, что нацистский режим рассматривал евреев как главных врагов полицейского государства, с помощью которого он намеревался проводить в жизнь свои агрессивные планы. Этой цели служило якобы преследование и истребление евреев. Национал-социалистские руководители якобы использовали антисемитизм в качестве психологической искры, которая должна была зажечь чернь. Антиеврейские акции привели к убийству примерно 6 миллионов человек.

Это обвинение поистине потрясающее. Все, что было разоблачено на данном процессе, что было подтверждено свидетелями Гессом и Олендорфом, свидетельствует о вине, которая, к сожалению, все время будет связана с именем Германии. Мне после этого печального вывода надо рассмотреть вопрос о том, в какой степени гестапо участвовало в преследовании и истреблении евреев.

Единственная позиция, которая может привести к правильным выводам, возможна лишь в том случае, если мы разграничим деятельность гестапо в этом направлении по времени.

С момента захвата власти гитлеровское правительство издало целый ряд законов о евреях. В той мере, в какой эти законные постановления предусматривали наказание и требовали полицейского принуждения, гестапо приходилось при известных обстоятельствах заниматься этими вопросами. Нарушения евреями этих законов были относительно незначительными, и только «Нюрнбергские законы», изданные в 1935 году, повлекли за собой усиленную деятельность полиции, причем в первое время все дела передавались для вынесения приговора судам. Лишь в последние годы войны произошло изменение. То, что в этих случаях действовало гестапо, нельзя поставить ему в вину, так как оно должно было придерживаться законов, должно было выполнять приказы государства, как солдат должен выполнять полученный приказ.

Впрочем, другие административные органы, например внутренняя администрация, управление финансов и коммунальное управление, имели гораздо большее отношение ко всем проводимым против евреев мероприятиям, чем гестапо, но их не обвиняют здесь. Вследствие эксцессов в ноябре 1938 года еврейский вопрос значительно обострился. Что это позорное мероприятие проводилось не гестапо, установлено совершенно точно. Гестапо обвиняют в первую очередь в том, что оно не вмешивалось в ноябрьские события 1938 года. Свидетель Виццам показал, что Гейдрих на совещании вечером 9 ноября 1938 г. в Мюнхене заявил руководителям гестапо совершенно открыто, что это мероприятие проводится не по инициативе гестапо. Кроме того, он категорически запретил гестапо принимать участие в этом мероприятии и приказал присутствовавшим руководителям государственной полиции тотчас же вернуться на свои участки и принять все меры, чтобы приостановить это мероприятие. Противоречие между этим показанием и содержанием телеграммы Гейдриха, которая была послана в эту ночь всем участкам гестапо, можно объяснить тем, что в период между совещанием Гейдриха с руководителями гестапо и изданием приказа произошли некоторые события, которые можно было лишь ограничить, но не приостановить (документ США-240).

Последовавший после этих эксцессов арест 20 тысяч евреев был осуществлен по приказу Гиммлера (документ США-240) и проводился большей частью окружными и местными полицейскими органами. Большинство этих евреев не было, однако, направлено в концентрационные лагеря и было постепенно освобождено. Когда гестапо получило циркуляр Гейдриха, оргия бессмысленного разрушения в Германии уже состоялась. Оставалось лишь предотвратить следующие эксцессы, что и произошло.

К аресту евреев, чуждой для гестапо задачи, гестапо в первый раз в большом масштабе было привлечено в ноябре 1938 года. Эта акция, которая, как вытекает из показаний свидетелей доктора Беста и Гофмана, рассматривалась как совершенно ненужная с точки зрения полиции, никогда не была бы предложена или предпринята гестапо по собственной инициативе. Тот факт, что арестованные евреи вскоре были освобождены, оправдывает предположение чиновников гестапо, что речь шла о единичном акте государственного руководства, а не о прелюдии к еще худшим действиям.

Включенный в программу национал-социалистского правительства еврейский вопрос предполагалось решить вначале путем выселения евреев. На этом основании в 1938 году в Вене было организовано центральное управление по эмиграции евреев, которое добилось эмиграции большого числа евреев. И во время войны выселение евреев продолжалось еще более планомерно. Как это вытекает из документов США-304 и США-410, наряду с этим началась эвакуация евреев, которая проводилась согласно подробному приказу начальника германской полиции. Согласно этому приказу местные полицейские инстанции должны были провести подготовку эвакуации и осуществить ее в сотрудничестве с еврейской общиной. В частности, надо было обеспечить эвакуируемых платьем, обувью, инструментами и т.п. При эшелонах не имелось в большинстве случаев чиновников гестапо. Сопровождающий персонал состоял из сотрудников охранной полиции, уголовной полиции и жандармерии. Место назначения обычно известно не было. Эвакуация проводилась без всяких трений и без излишней суровости.

Деятельность гестапо ограничивалась тем, что оно проводило в жизнь указы и приказы верховного руководства. В этой области работало очень небольшое число чиновников.

В 1941 году Гиммлер распорядился о том, чтобы евреи Германии до конца войны были изолированы в гетто в Польше. Выселение евреев было делом высших руководителей СС и полиции и в основном проводилось полицией охраны порядка.

Если политика Гитлера в отношении евреев примерно до 1941 года ограничивалась только удалением евреев из Германии в форме эмиграции, а позднее эвакуации, то после вступления в войну Америки она приняла гораздо более резкие формы. В апреле 1942 года Гитлер приказал «окончательно решить еврейский вопрос», что означало физическое уничтожение, убийство евреев. Каким ужасным образом выполнялся этот приказ, показал настоящий процесс. Орудием, которое искали себе Гитлер и Гиммлер для выполнения своего приказа, оказался оберштурмбаннфюрер СС Адольф Эйхман, который со своим отделом по еврейскому вопросу хотя формально и подчинялся четвертому управлению РСХА, но фактически занимал абсолютно независимое, самостоятельное положение и совершенно не зависел от гестапо. Подготовка и проведение в жизнь приказа об уничтожении евреев сохранялись в строгой тайне.

Лишь немногим лицам был известен приказ в его полном объеме. Даже работники аппарата Эйхмана были в неведении относительно приказа и только постепенно и частично с ним ознакомились. Эвакуацию и помещение евреев в лагеря уничтожения Эйхман осуществлял с помощью зондеркоманд. Эти зондеркоманды состояли из полиции из местного населения и почти исключительно из сотрудников полиции охраны порядка. Эта полиция не имела права вступать на территорию лагеря, она сменялась тотчас же по прибытии к месту назначения. И в самих лагерях круг лиц, которые выполняли приказы об уничтожении, был невелик. Все делалось для того, чтобы держать в тайне эти преступления.

Это описание, которое базируется главным образом на показаниях свидетелей Кнохена, Вислицени и доктора Гофмана, дополняется показаниями доктора Моргена, который заявил, что истребление евреев было доверено трем лицам, а именно: Вирту, Гессу и Эйхману. Вирт, бывший комиссар по уголовным делам в управлении уголовной полиции в Штутгарте, известный по своим методам проведения следствия как «комиссар-убийца», находился вместе со своим штабом в связи с данным ему особым поручением в канцелярии Гитлера. Его задачей было сначала массовое уничтожение душевнобольных в Германии, затем уничтожение евреев в восточных странах. Отряд, который Вирт сам сформировал для уничтожения евреев, был малочислен. Перед началом акции Гиммлер лично привел членов отряда к присяге и категорически заявил, что каждый, кто что-либо разгласит, будет убит. Этот отряд не подчинялся полицейским служебным органам и, таким образом, не принадлежал к гестапо, а носил лишь форму и имел удостоверение полиции безопасности для того, чтобы члены отряда могли свободно передвигаться в тыловых прифронтовых районах. Этот отряд начал свою деятельность с уничтожения евреев в Польше, а затем распространил свою сатанинскую деятельность на обширные восточные области и, создав в неприметных местах особые лагеря уничтожения, применяя небывалую систему обмана, заставлял евреев обслуживать эти лагеря. Следует подчеркнуть, что именно полиция безопасности в Люблине донесла имперскому управлению уголовной полиции о поведении Вирта и тем самым сделала возможным раскрытие этих ужасных преступлений. Этот факт вносит коррективы в показания Гесса (коменданта Освенцима) о том, что лагеря уничтожения Майданек и Треблинка подчинялись полиции безопасности; в действительности они подчинялись Вирту. Согласно показаниям доктора Моргена Гесс в более позднее время стал участником массового уничтожения евреев в Освенциме.

Согласно показаниям свидетеля Вислицени Эйхман на основании полученных им лично полномочий несет личную ответственность за проведение приказа о фильтрации. Он создал в оккупированных странах команды особого назначения, которые, правда, подчинялись в хозяйственном отношении начальникам полиции безопасности, но последние не

могли давать им никаких указаний оперативного характера, а также не могли отдавать им приказы.

Отряды Эйхмана и Вирта были затем объединены, но таким образом, что лишь узкий круг людей, приближенных к Эйхману, знал об этом. Таким образом, об уничтожении евреев знала лишь небольшая группа немцев и тайна была сохранена.

Пусть устные и письменные показания отдельных свидетелей относительно проведения программы уничтожения евреев расходятся в деталях, но одно установлено точно: гестапо в целом не принимало участия в этом страшном кровавом деянии; чиновники гестапо, за небольшим исключением, не могли ничего знать и ничего не знали об этом, ибо незначительное число посвященных лиц, занимавших руководящие посты, таких, как Эйхман, Мюллер, Гиммлер, хранили строгое молчание о своих задачах и намерениях и унесли эту тайну с собой в могилу. Как можно при таком положении вещей предположить, что чиновники гестапо знали об этой тайне?

Относительно преследования церкви и расстрелов заложников я прошу принять к сведению выводы моей защитительной речи.

Я рассмотрел в общих чертах отдельные преступления, которые обвинение вменяет в вину гестапо как целой организации. Я делаю следующий вывод по вопросу о том, распространяются ли преступления, совершенные отдельными членами гестапо, на все гестапо, поскольку в ходе обсуждения отдельных преступлений я не сделал этого.

Гестапо являлось официальным имперским учреждением, задачи и деятельность которого обусловливались законами.

Недостаточно серьезно учитывается тот факт, что чиновники гестапо в течение двенадцатилетнего существования этого учреждения в основном занимались нормальной полицейской работой. Рабочий день большинства чиновников гестапо заполнялся служебными делами, которые не имели никакого отношения к преступлениям, инкриминируемым гестапо. Строгие допросы проводились весьма незначительным числом чиновников. Приказ о такого рода допросе хранился в сейфе начальника соответствующей инстанции как совершенно секретный документ. При этом отдельные группы чиновников гестапо привлекались высшими имперскими органами для проведения мероприятий, которые выходили за рамки целей собственно гестапо. Решающим являлось то, что в выполнении этих чуждых полиции задач принимала участие лишь незначительная часть чиновников гестапо. Так как самые тяжелые обвинения против гестапо относятся к его деятельности в оккупированных областях, то из всего сказанного можно сделать вывод, что только сравнительно незначительный процент оперативных чиновников, максимум 15 процентов, а не гестапо в целом может обвиняться в этих преступлениях.

Согласно общему мнению особенно важно установить, были ли цели, задачи и методы этой организации или груп-

пы общеизвестными. Общеизвестность, или, иначе выражаясь, всеобщая осведомленность, должна включать в себя два момента: осведомленность об объективном составе преступных действий и осознание преступного противозаконного характера их. Вывод о том, существовала ли эта осведомленность двоякого рода, следует делать исходя из здравого человеческого рассудка. Эту осведомленность можно также предположить, хотя отдельные члены организации не знали о преступных действиях.

Я позволю себе сделать еще несколько дополнений принципиального характера к тому, что уже заявил относительно отдельных преступлений.

Причина, вследствие которой гестапо в целом не знало о совершении основных преступлений, заключается в следующем: Гитлер с самого начала сумел окружить себя завесой тайны, умел скрывать свои истинные намерения, заботиться о том, чтобы ни один министр, ни одно ведомство и ни один чиновник не узнали слишком много о деятельности других...

Поэтому нет ничего невероятного в том, что почти все допрошенные здесь подсудимые и свидетели фактически лишь теперь узнали обо всех этих тяжелых преступлениях. Характерно то, что, например, суд полиции и СС в Минске приговорил к смертной казни шофера машины специального назначения за то, что в нетрезвом состоянии он говорил о назначении своей машины вопреки полученному им приказу (аффидевит гестапо 47). Даже такой человек, как доктор Гизевиус, вынужден был признать, что Гейдрих старался сохранять свои действия в тайне...

При решении вопроса о том, следует ли считать гестапо ответственным за все действительно совершенные преступления, не должен остаться без внимания также тот факт, что члены этого учреждения действовали не по собственному побуждению, а по приказу.

Лица, на которых падает обвинение, утверждают и могут это доказать свидетельскими показаниями, что при отказе выполнить полученный приказ им угрожало не только дисциплинарное наказание или потеря прав чиновника, но и концентрационный лагерь, а в случае службы в армии — военно-полевой суд и казнь. Разве это не причина для установления факта отсутствия вины?

Кроме этого, необходимо еще учесть, что в Германии каждый чиновник воспитывался в духе выполнения приказов и указаний начальства. Вероятно, в Германии, как нигде в мире, чиновники полны почтения к власти. Они были воспитаны в таком духе, что государство распадется, если его приказы не будут больше выполняться, и что отрицание государственного авторитета логически ведет к анархии.

Обвинители утверждают — и в этом состоит основной смысл, главный мотив и цель обвинения, — что в отношении всех преступлений речь идет не об отдельных, независимо от других совершенных действиях, а о частях и проявлениях единой преступной политики, будь она целью общего плана

или средством осуществления этого общего плана, причем сам план имел своей целью развязывание и проведение вначале еще неопределенной, а впоследствии определившейся агрессивной войны, которая, в свою очередь, преследовала цели порабощения Европы и европейских народов для приобретения жизненного пространства.

Все значительное, что совершалось в названном обвинением обществе заговорщиков, служило якобы только целям и планам обеспечения нацистам места под солнцем с помощью изгнания всех как внешних, так и внутренних противников в область тьмы.

Сущность отдельных преступлений заключалась якобы в сознательном участии в разработке или проведении этого плана. Преступления отдельных лиц состоят в том, что они примкнули к общему преступному плану — заговору. Планы и цели этого заговора были якобы общеизвестны, и поэтому никто не может отговориться тем, что он действовал, не зная о существовании заговора.

Эти утверждения обвинения относятся в первую очередь к отдельным подсудимым, но они, очевидно, должны относиться и к обвиняемым организациям. Роль, выпавшая на долю гестапо в заговоре, состояла якобы в том, что оно должно было помогать создавать для нацистских заговорщиков полицейское государство, которое должно было ломать всякое сопротивление, истреблять евреев, религиозно настроенных христиан и политически нежелательных элементов как движущую силу движения сопротивления, превращать в рабов трудоспособное население иностранных государств и путем зверств и ужасов искоренять и подавлять на территории империи и в оккупированных областях все, что противилось немецким захватническим аппетитам.

Если мы рассмотрим еще раз отдельные преступления с точки зрения того, можно ли считать, что они способствовали совершению преступлений против мира во всем мире на основании заговора, то окажется, что в поисках указанных признаков необходимо рассмотреть деятельность гестапо перед войной и во время войны...

В условиях известной системы засекречивания отдельные чиновники гестапо и подавляющее большинство всех членов гестапо не могли иметь ни малейшего представления о том, что их деятельность имеет целью подготовку агрессивной войны и создание предпосылок для ведения такой войны. Я полагаю, что любой чиновник гестапо с недоумением отнесется к такому утверждению, если он его услышит или если его спросят о том, знал ли он об агрессии против мира во всем мире.

Гестапо в целом в соответствии с упомянутыми принципами можно инкриминировать преступления, совершенные во время войны только его сотрудниками или вместе с сотрудниками других учреждений лишь в том случае, если эти преступления независимо от того, были они общеизвестны или нет, были совершены с сознанием того, что члены гестапо принимают участие в осуществлении плана, целью ко-

торого является победоносное завершение агрессивной войны любой ценой, с помощью преступных методов, путем нарушения норм международного права. Однако этого нельзя доказать.

Мы все знаем, что мастерски организованная пропаганда, проникавшая в самые отдаленные деревни, всегда кричала о навязанной нам преступным образом войне, что Гитлер постоянно говорил о войне, которой хотели только другие, а не мы.

Обвинение, по моему мнению, несправедливо полагает, что любой вид деятельности партии, главным образом борьба с евреями, политически инакомыслящими и с церковью, возник на основании намерения и плана устранить все стремления, направленные против желания вести агрессивную войну. Национал-социалистская борьба против евреев возникла на базе предусмотренного программой антисемитизма, который видел во всех евреях антигосударственный элемент. Так как эта борьба была аморальной, христианские церкви справедливо выступали против нее. Этим можно объяснить в значительной степени борьбу партии с церковью.

Обвинение заявило, что Трибунал может, объявляя организации преступными, установить ограничения как в отношении некоторых категорий лиц, так и в отношении различных периодов времени. Организационная структура, различие между отдельными работавшими в гестапо группами лиц и результаты предъявления доказательств в связи с утверждением обвинения о преступной деятельности гестапо являются основой для ограничений как в отношении определенного круга лиц, так и во времени, которые я прошу учесть в том случае, если Высокий Суд примет решение об осуждении гестапо.

Нельзя приписать участия в преступлениях, указанных в статье 6 Устава, следующим группам лиц, поскольку они сами не совершали преступлений и не имели планов относительно совместного совершения преступлений, а также не знали о преступных планах и деятельности, да и не могли о них знать:

1. Административные чиновники. Они получали служебные указания не от гестапо, то есть не от четвертого управления главного управления имперской безопасности, а от управлений I и II, сотрудники которых не подпадают под обвинение, выдвинутое против гестапо. Служебные помещения административных чиновников повсюду находились в совершенно другом месте, чем помещения оперативных чиновников. С деятельностью последних они не имели никакой возможности ознакомиться, частично вследствие уже неоднократно упоминавшегося здесь и особенно строго проводившегося в гестапо принципа засекречивания, частично потому, что административные чиновники рассматривались оперативными чиновниками как лица, лишь формально принадлежавшие к гестапо, и поэтому к ним относились с заметной осторожностью.

Если обвинение говорит, что деятельность административных чиновников являлась предпосылкой для деятельности оперативных чиновников, то такая аргументация настолько же несостоятельна, как если бы я утверждал, что деятельность чиновников имперского министерства финансов, которые выделяли средства для выплаты жалованья и осуществления деловых функций гестапо, являлась предпосылкой для деятельности оперативных чиновников.

2. Служащие и лица, получавшие жалованье. Господин Джексон в речи от 1 марта 1946 г. исключил некоторые категории лиц из организаций, против которых выдвинуто обвинение, причем наряду с резервом СА он исключил также и служащих бюро стенографов и обслуживающий персонал гестапо. Если даже часть упомянутых мною лиц в настоящее время и не обвиняется здесь, я все-таки считаю своим долгом указать на то, что во имя справедливости эта группа лиц в полном составе должна быть исключена из обвинения как вследствие ее использования на второстепенных должностях, так и вследствие вытекающей отсюда невозможности получить подробные сведения о деятельности гестапо. При этом я исхожу из того соображения, что все служащие и лица, получавшие жалованье, к которым, например, относились также шоферы, если они не имели чина, телеграфисты, телефонисты, чертежники, переводчики, должны быть отнесены к группе, подлежащей исключению, независимо от того, служили ли они в гестапо вследствие добровольного заключения трудового договора или на основании распоряжения биржи труда, когда они не могли выбрать себе другого места работы.

3. Технический персонал связи, о деятельности которого дал подробные показания свидетель Хедель. Из его показаний ясно видно, что этот персонал не имел ровно никакого отношения к исполнительной власти, что он не мог знать и не знал о деятельности исполнительных органов и что на основании своей деятельности он не мог осознать того, что работает в такой организации, деятельность которой может носить преступный характер. И этот круг лиц следует исключить из обвинения.

4. Группа лиц, которая в 1942—1945 гг. на основании приказов была переведена в гестапо. Это пятьдесят одна группа тайной полевой полиции, военная контрразведка и органы цензуры писем и телеграмм, приходящих из-за границы. Все они раньше подчинялись вооруженным силам. Сюда же относится таможенно-пограничная охрана, которая была передана гестапо из имперского министерства финансов.

Председатель: Доктор Меркель, Вы имеете в виду 51 группу? Вы можете сказать Трибуналу, где, в каком документе указана эта 51 группа, о которых Вы говорите?

Меркель: Это показания свидетеля Крихбаума, который был допрошен в Комитете.

В отношении этих групп не может быть ни малейшего сомнения в том, что здесь для состава преступления нет ни признака добровольной принадлежности, ни признака осведомленности о преступных целях и деятельности, о которых говорит обвинение, ни признака сотрудничества. Против перевода в гестапо по приказу, который исходил от высших инстанций вооруженных сил и государства, отдельный человек, какую бы должность он ни занимал, не мог ничего сделать. Невыполнение этого приказа каралось бы смертной казнью, как дезертирство или невыполнение военного приказа.

5. Группа оперативных чиновников. Основное ядро этих чиновников составляли сотрудники политических отделов полицей-президиумов в период до 1933 года. Это чиновники, которые частично уже до 1914 года и непрерывно до 1933 года вели борьбу с различными внутриполитическими противниками и были почти все без исключения переведены в политическую полицию нового режима.

На примерах контрразведки и пограничной полиции я могу показать, что члены этих групп, которые причисляются к оперативным чиновникам гестапо, ничего не могли иметь общего с преступлениями, которые обвинение инкриминирует гестапо.

Из показаний Беста и из аффидевитов 39, 56 и 89 ясно, что полицейская контрразведка имела практически постоянный личный состав, так как долг сохранения в тайне в интересах обороны страны, как правило, не допускал перевода чиновников из контрразведки в другие отделы гестапо или другие виды полиции. Контрразведка была в большинстве случаев изолирована от других отделов внутри гестапо, так что была исключена возможность установления служебного контакта с другими отделами. Разбираемые полицией контрразведки дела передавались в обычные суды.

Деятельность пограничной полиции в период с 1933 года была такой же, как и прежде, и такой же, какая осуществляется сейчас новой пограничной полицией.

Численность этих групп гестапо составляла 5—6 тысяч человек. На основании данных, которые я приводил о численности всех групп в отдельности, можно установить, если взять тот период, когда гестапо насчитывало наибольшее количество работников, что общая численность гестапо составляла 75 тысяч человек. Оперативные чиновники численностью в 15 тысяч составляли 20 процентов общей численности гестапо. Если вычесть из этого числа примерно 5—6 тысяч служащих полиции контрразведки и пограничной полиции, то на оперативные органы приходится 9—10 тысяч человек, то есть 12—13 процентов общей численности чиновников. Мне кажется, я уже доказал, что гестапо, как второстепенная часть государственного организма, вообще не может быть осуждено по причинам, установленным как естественным правом, так и всеобщим государственным правом народов. Даже если бы и не было этих правовых соображений, все равно нельзя было бы осудить гестапо, так

как нет тех признаков преступности, о которых говорил господин Джексон 28 февраля 1946 г. Если даже этот аргумент окажется недостаточно веским, то я спрашиваю, может ли организация, часть служащих которой может быть при определенных условиях привлечена к ответственности за совершение преступлений, быть объявлена преступной в целом, включая и тех лиц, которые совершенно определенно не вели преступной деятельности и не знали ничего о преступных действиях других.

Я ссылаюсь на сборник письменных показаний большого числа находившихся в лагере для интернированных бывших служащих гестапо. Я хочу воспользоваться случаем, чтобы указать на многочисленные данные под присягой показания о действиях оперативных чиновников полиции, которые саботировали некоторые, изданные главой государства, зловещие приказы.

Теперь я перехожу к вопросу об ограничении во времени. Нельзя говорить о едином руководстве гестапо во всей империи, а значит, и о единой целенаправленности ее деятельности, по крайней мере, до момента назначения Гиммлера на пост заместителя начальника гестапо Пруссии, то есть до весны 1934 года. До этого времени заместителем начальника гестапо Пруссии был с небольшим перерывом Дильс, который подчинялся Герингу. Дильс не имел никакого отношения к тем противозаконным тенденциям, которые проявились после национал-социалистской революции. Из-за недостатка времени я должен отказаться от указания виновных в происходивших тогда эксцессах (аффидевит 41).

В событиях 30 июня 1934 г. гестапо как государственное учреждение не принимало никакого участия. В последующий период — до 9 ноября 1938 г. — гестапо вело свою деятельность таким образом, что обвинение в преступности ее может быть отклонено. Арест 20 тысяч евреев 10 ноября 1938 г., о котором был отдан приказ гестапо, был, как показал свидетель Бест, мероприятием, не носившим полицейского характера, поэтому отпадает возможность рассматривать этот момент как начало преступной деятельности гестапо. Следует констатировать, что в отношении гестапо нельзя доказать его преступности вплоть до начала войны.

Изменились ли основания для характеристики гестапо во время войны? Я уже показал, что деятельность оперативных групп (эйнзатцгрупп) и органов полиции безопасности в оккупированных областях нельзя инкриминировать гестапо.

Не подлежит никакому сомнению, что в случае осуждения гестапо надо будет установить ограничения во времени. Какие большие трудности сопутствуют этому ограничению, я уже показал в кратких чертах.

Высокий Суд! На этом я заканчиваю защитительную речь по делу гестапо. Я не ставил своей задачей оправдывать преступления тех отдельных личностей, которые пренебрегли законами человечности, однако невиновных я хочу спасти. Я хочу проложить путь такому приговору, который

снимет с пьедестала демоническое начало и восстановит в мире моральный порядок.

Если мы перелистаем книгу истории Европы за последнее столетие, мы сможем неоднократно убедиться в том, что в народах царила сила над правом, что дух мести ослеплял сознание людей.

Договоры о мире, которые заключались между отдельными государствами, существовали только на бумаге, мир не был прочувствован всеми. Договоры торжественно заключались, чтобы быть нарушенными. Давались обещания — и не выполнялись. В этой книге мы читаем о революциях народов, об экономической нужде, о невыразимом горе. Но последние страницы этой книги написаны кровью миллионов невинных людей. Они повествуют о невероятных зверствах, о безграничном пренебрежении святыми правами человека и о массовых убийствах, которым подверглись народы Европы. В эту книгу, господа судьи, Вы должны вписать своим приговором последнюю главу, главу, которая должна быть концом и началом: концом потому, что она подведет черту страшной борьбе демонического против нравственного порядка в мире, и началом потому, что она должна привести в новый мир свободы и справедливости.

Речь защитника СД Г. ГАВЛИКА

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 26 и 27 августа 1946 г.

Высокий Суд! Я как защитник СД вижу свою задачу не в том, чтобы приуменьшить значение совершенных преступлений. Я так же далек от того, чтобы как-то оправдывать тех, кто совершил зло.

В деле по обвинению СД важным является не вопрос о том, должны ли отдельные лица понести наказание за совершенные преступления; гораздо важнее решить, можно ли в результате рассмотрения представленных доказательств признать преступниками 3 тысячи должностных лиц и 30 тысяч человек, работавших без вознаграждения, в управлениях III и VI, принадлежавших СД.

Я должен заняться исключительно этим вопросом. Я должен исследовать, обосновано ли обвинение, предъявленное СД, положениями Устава и насколько это допускается Уставом, нормами международного права, законодательством отдельных стран и правовыми принципами, разработанными теорией права.

Прежде всего я выскажу соображения относительно проблем правового характера, а затем коснусь фактической стороны дела с учетом данных, полученных в результате представления доказательств.

Начну с разъяснения самого понятия СД, или так называемой службы безопасности — «зихерхайтсдинст». Это понятие имеет несколько значений. Под понятием СД нужно различать:

а) собственно службу безопасности (СД),

b) третье, шестое и седьмое управления главного управления имперской безопасности.

В службу безопасности входили все те лица, которые были членами или кандидатами СС, служили в полиции безопасности или других организациях полиции, например службе таможенной охраны или службе связи СД. Эти организации службы безопасности не имели никаких задач и не преследовали никаких целей. Они также не вели какой-либо деятельности, направленной к выполнению общих целей. Члены этой организации никогда не выполняли какой-либо работы, служащей достижению общей цели, и не приходили к каким-либо общим решениям. Всякая связь между ними отсутствовала, ибо они выполняли службу в различных организациях, независимо друг от друга.

Речь идет только о чисто формальном объединении отдельных кандидатов и членов СС из определенных профессиональных групп. Члены этих специальных подразделений СД носили форму СС со значком СД на левом рукаве и, таким образом, внешне ничем не отличались друг от друга.

Третье, шестое и седьмое управления занимались службой информации внутри страны и за границей, а также научными исследованиями. В 1939 году эти управления были объединены в учрежденном тогда главном управлении имперской безопасности. Шестое управление 12 ноября 1944 г. было слито с военной контрразведкой и получило наименование германской секретной информационной службы (документ СД-1 и аффидевит Шелленберга 62).

Наряду с этим имелась также самостоятельная имперская служба безопасности, которая занималась охраной руководящих государственных деятелей. Эта служба никакого отношения к главному управлению имперской безопасности не имела и не была частью СС. Имперская служба безопасности находилась в подчинении бригадефюрера Раттенхубера, который подчинялся непосредственно Гиммлеру.

По данному делу обвиняются третье управление (служба внутренней информации) и шестое управление (заграничная информация) главного управления имперской безопасности. Несмотря на то, что седьмое управление также принадлежало к СД и работало наряду с третьим и шестым управлением, против седьмого управления обвинений не выдвигалось. Таким образом, в моих дальнейших рассуждениях об СД я буду иметь в виду только третье и шестое управления.

Эти управления были созданы в сентябре 1939 года, поэтому обвинение может ссылаться только на последующий период. Но несмотря на это, против СД были выдвинуты обвинения, касающиеся периода до 1939 года. В связи с этим я вынужден касаться тоже этого периода.

Третье и шестое управления обвиняются не как таковые, а как часть организации СС. Таким образом, обвинение рассматривает СС как организацию или группу в духе статьи 6 Устава, а СД лишь как часть этой группы или организации. Правильно ли это? Для разрешения этого вопроса необходимо разобрать понятия «организация» и «группа» так, как это предусматривается Уставом.

Представители американского и английского обвинения в речах от 28 февраля 1946 г. заявили, что признаками организации являются:

1) объединение людей с видимой связью между ними;

2) общность и единство цели;

3) добровольность объединения. Это определение, которое соответствует германским нормам права, я положу в основу моих дальнейших высказываний.

Таким образом, основной вопрос состоит в том, существовала ли между СС и СД видимая связь и имелась ли общая единая цель.

О периоде до 1933—1934 гг. на этот вопрос можно ответить утвердительно. При этом я особо сошлюсь на показания свидетеля Геппнера. Ввиду того, что об этом периоде деятельности СД нужно сказать то же, что говорилось защитником о СС, я этого вопроса еще раз подробно освещать не буду.

Что касается дальнейшего времени, то есть после 1934 года, то между СС и СД связи не существовало.

Главное управление имперской безопасности в противоположность утверждениям обвинения не входило в состав управлений высшего руководства СС. Неправильно также утверждение о том, что главное управление имперской безопасности было одним из отделений СС. В данном случае обвинение противоречит самому себе, ибо гестапо (четвертое управление главного управления имперской безопасности) обвиняется не как часть организации СС, а совершенно самостоятельно. И если в судебных выдержках о СС написано о том, что СД являлась шпионским отделением СС, то, поскольку речь идет об одном из отделений СС, очевидно, общие СД путают с СД как специальным подразделением (формированием). После 1934 года у СС не существовало общего главного руководства. Связь между СС и СД как признак, определяющий наличие общей организации, не существовала даже в лице Гиммлера, ибо иначе должна была существовать связь с полицией, а с 1944 года даже и с армией резерва. Гиммлер действительно хотел путем создания государственного охранного корпуса объединить СС, СД и полицию. Но это были лишь планы, которые не были осуществлены.

Не связывали эти организации также и высшие руководители СС и полиции, ибо они не имели никаких прав издавать для работников третьего и шестого управлений приказы по деловым и дисциплинарным вопросам.

Видимая связь, необходимая в качестве одного из признаков, определяющих организацию, с 1934 года отсутствовала уже потому, что лишь 10 процентов основных и почет-

ных членов СД были членами СС; 90 процентов членов СД не были членами СС, а поэтому не носили форменной одежды особых частей службы безопасности со значком СД. Во время войны 50 процентов членов СД составляли женщины.

Между СС и СД после 1934 года не только не существовало никакой видимой связи, но и не было общих целей. По этому вопросу я сошлюсь на показания Геппнера. Таким образом, СД была лишь до 1934 года частью СС как организации в духе статьи 9 Устава. После 1934 года СС и СД не были больше объединены в одну организацию.

Образовали ли СС и СД начиная с 1934 года группу в том смысле, как это сказано в статье 9 Устава?

Может возникнуть сомнение в том, хотел ли законодатель сделать какое-либо различие правового характера между организацией и группой. Против существования различия говорит текст статьи 9 Устава. Там сказано, что группы или организации могут быть объявлены преступными организациями. Таким образом, группа также может быть объявлена преступной организацией...

В обычном понятии группа является частью организации. Под группой понимается меньшее объединение, чем организация. В этой связи я хотел бы указать на решение германского имперского суда от 8 мая 1922 г. В этом решении сказано, что из числа членов большого объединения, которое преследует какую-либо общую цель, может выделиться группа, которая поставила своей задачей достичь какую-либо определенную отдельную цель. Это имеет место особенно тогда, когда большинство членов преследует дозволенные цели дозволенными средствами, а часть членов (возможно, что все остальные об этом не знают) объединяется для того, чтобы достигнуть этих общих целей недозволенными средствами.

Начиная с 1934 года СД могла бы считаться группой лишь в том случае, если бы она являлась частью СС, но этого не было. Таким образом, СД начиная с 1934 года не являлась частью СС как организации или группы в духе статьи 9 Устава.

Я перехожу к вопросу о том, являлись ли третье и шестое управления единой организацией или группой или это были две совершенно различные организации в том смысле, как это трактуется в Уставе?

Третье и шестое управления не имели между собой ни видимой связи, ни единых целей. Это относится как к периоду после 1939 года, когда эти управления были в ведении главного управления имперской безопасности, так и ко времени, предшествовавшему 1939 году, когда эти две службы находились в ведении главного управления СД.

На основании представленных доказательств можно считать доказанным, что цели, задачи, деятельность и методы указанных управлений всегда были совершенно различными.

Объединение третьего и шестого управлений в главном управлении имперской безопасности недостаточно для того, чтобы признать существование у них видимой связи и

одной общей цели. В главное управление имперской безопасности входили и тайная государственная полиция (четвертое управление), и уголовная полиция (пятое управление). Тайная государственная полиция (гестапо) правильно рассматривается обвинением как самостоятельная организация, обвиняется эта организация также самостоятельно. То же самое, очевидно, считает обвинение и в отношении уголовной полиции, которая не обвиняется, так же как нельзя считать, что тайная государственная полиция и уголовная полиция в результате объединения в главном управлении имперской безопасности утратили характер самостоятельных организаций. Нельзя считать, что в результате объединения третьего и шестого управлений была установлена видимая связь между ними и общая для обоих цель. Главное управление имперской безопасности — это только название учреждения.

Таким образом, СД не являлась единой организацией в духе Устава, напротив, третье и шестое управления могли быть двумя совершенно различными организациями, если бы налицо было одно условие, а именно добровольность членства.

Судя по утверждениям обвинения, необязательно, чтобы каждый член вступал в организацию добровольно. Обвинение считает не имеющим значения тот факт, что какая-то небольшая часть членов вступила в организацию недобровольно. В этой связи я указываю на то, что эта правовая точка зрения не совпадает с нормами германского права. Германский имперский суд в 1928 году установил (и это соответствует трактовке понятия организации в Уставе), что признаком, определяющим наличие организации, является добровольное объединение всех членов на основании договоренности.

Представление доказательств показало, что во время войны членство в СД было в значительной части недобровольным, оно было основано на законе о трудовой мобилизации или на законе об обязательной трудовой повинности. Я ссылаюсь на показания свидетеля Геппнера, который заявил, что во время войны приблизительно 50—60 процентов членов вступили в СД на основании этих законов.

Те, кто добровольно вступил в СД во время войны, не могли уйти из этой организации по своему желанию. Поэтому неверным надо считать утверждение обвинения о том, что членство в СД было добровольным.

Следовательно, если исходить из правовой точки зрения, изложенной обвинением, третье и шестое управления в период войны не могут рассматриваться как организации в духе Устава. По Уставу они не были также группами, ибо и для группы как части организации необходимо наличие всех признаков организации, в том числе и добровольность членства.

Таким образом, можно установить следующее:

1. До 1934 года СД являлась составной частью СС.

2. В период с 1934 года по 1939 год служба информации внутри Германии и служба информации за границей были двумя самостоятельными организациями.

3. Начиная с 1939 года эти организации не являлись организациями или группами в духе Устава, ибо членство в них было основано на постановлениях, носивших характер закона.

Теперь я перехожу к вопросу о том, какие признаки необходимы для того, чтобы организация могла быть объявлена преступной.

Обвинение заявило, что организация может быть признана преступной, если она преследовала преступную цель, предусмотренную статьей 6 Устава, или преследовала легальные цели, но добивалась их средствами, которые согласно статье 6 Устава считаются преступными.

Далее обвинение считает необходимым, чтобы была установлена вина членов организации, следовательно, они должны были знать, что организация преследует преступные цели, предусмотренные статьей 6 или же преследует легальные цели, но средствами, которые по статье 6 Устава считаются преступными.

Кроме того, по утверждениям обвинения, организация может быть объявлена преступной и в том случае, если не все ее члены были осведомлены о преступных целях данной организации.

К этой точке зрения присоединиться нельзя.

Доктор Экснер в защитительной речи по делу подсудимого Иодля изложил то, что само действие как таковое не является преступлением, пока не будет установлена вина. Без вины нет наказания.

Я ссылаюсь на эти рассуждения доктора Экснера и в этой связи указываю на уже упомянутый американский закон от 28 июня 1940 г., который был приведен в качестве примера того, что организации могут быть объявлены преступными. Этот закон совершенно определенно требует осведомленности о преследовании незаконных целей.

В английском праве также имеется закон о том, что человек не может быть осужден в том случае, если нельзя доказать его виновности.

Точка зрения обвинения относительно того, что для осуждения организации достаточна осведомленность части ее членов, была бы логичной в том случае, если бы Закон № 10 был сформулирован по-другому, то есть в том случае, если бы на процессе на основании Закона № 10 можно было бы проверить и установить, был ли хотя один из членов организации осведомлен о преступных целях и деятельности этой организации.

Но такого положения нет. По Закону № 10 каждый член организации наказывается лишь на основании того факта, что он был членом организации, которая объявлена преступной. На последующих процессах члены организаций не смогут выдвинуть аргумента, что они не были осведомлены о преступных целях организации.

Таким образом, точка зрения, которой придерживается обвинение, привела бы к тому, что в результате последующих процессов были бы осуждены люди, которые не были осведомлены о преступных целях и деятельности организации. Но это противоречит всем элементарным принципам уголовного права всего мира, так как для наказания недостаточно одного доказательства объективного состава преступления, необходимо доказать и наличие вины. По этой причине и ввиду того, что на последующих процессах нельзя будет проверить наличие вины, это должно быть доказано на этом процессе перед Международным военным трибуналом. Только постольку, поскольку эта вина будет доказана, организации или отдельные группы, представляющие собой части организаций, могут быть объявлены преступными...

Члены организации должны были не только знать цели или методы организации, которые представляют собой состав преступления, согласно статье 6 Устава, но и сознавать, что эти цели или методы были противозаконными или, по крайней мере, несправедливыми.

Вопрос о том, является ли ссылка на полученный приказ обстоятельством, исключающим наказание, в литературе по уголовному праву многих стран еще не разрешен. Статья 8 Устава разрешает этот спорный вопрос, говоря, что преступник не может ссылаться на приказ. Поэтому мне нет необходимости сейчас рассматривать более подробно этот спорный вопрос.

Все авторы, занимающиеся этим вопросом, исходят из того, что подчиненный осознает противозаконность и несправедливость получаемого приказа. Они занимаются только вопросом о том, может ли подчиненный при сознании несправедливости и противозаконности приказа иметь какие-либо основания на освобождение от наказания...

Таким образом, я прихожу к следующим выводам.

Организация может быть объявлена преступной только тогда, когда:

1) ее цели или средства соответствуют составу преступления, указанному в статье 6 Устава;

2) все члены организации знали об этих целях и средствах и

3) все члены сознавали, что эти цели противозаконны или несправедливы.

Этот вывод заставляет поставить два вопроса: во-первых, правовой вопрос о том, можно ли совместить осуждение целой организации с общими нормами международного и национального права; и, во-вторых, можно ли установить требуемый состав преступления для всех членов СД и, таким образом, можно ли вообще проводить такой процесс.

Прежде чем приступить к разбору правового вопроса, я позволю себе обратить внимание Суда на то, что предписания статьи 9 Устава не являются обязательными и предоставляют Суду возможность признать организацию преступной или не признать...

Процесс по делу организаций должен обрушить возмездие за совершенные преступления. Для того чтобы до-

стигнуть этой цели, не нужно идти окружным путем через осуждение организаций. Эта цель может быть достигнута тем, что будут проведены процессы в отношении отдельных лиц, участвовавших в этих преступлениях, как это уже происходило в большинстве случаев.

На основании общих принципов международного права и национального права цивилизованных государств следует использовать предоставленную статьей 9 возможность не объявлять организации, против которых выдвинуто обвинение, преступными. Ответственные за преступления лица могут быть наказаны в ходе отдельных процессов.

Далее встает еще один вопрос о том, возможно ли вообще на данном процессе установить элементы, требуемые для определения состава преступления.

Установить такие элементы, очевидно, немыслимо и невозможно, ибо нельзя доказать даже то, что все члены СД знали о каких-либо преступных целях. Всегда можно установить вину только одного лица. Вина вообще может быть установлена лишь в отношении определенного лица. Всякая вина связана с определенным кругом лиц. Если в каком-либо преступлении принимает участие большое число лиц, судья должен допросить весь круг лиц, причем каждого в отдельности, для того чтобы конкретно и четко установить, кто из обвиняемых виновен, кто из них невиновен и кто является соучастником...

В отношении главных преступлений, которые рассматривались на данном процессе, например уничтожения евреев и бесчеловечного обращения в концлагерях, не требуется устанавливать, что является справедливым и что несправедливым. Организациям, однако, инкриминируется большое количество преступлений, в отношении которых нельзя утвердительно ответить на вопрос о том, знали ли непосредственные участники их и все члены о преступном характере подобных действий.

В мирное время каждый знает, что он не должен убивать людей и что чужая собственность неприкосновенна. Во время войны, однако, эти действия частично становятся законными. Солдат имеет право убивать противника. Присвоение чужих вещей при некоторых условиях допускается. Отдельное лицо, совершающее то или иное действие, так же, как и все члены организации, только в том случае сознает противозаконность действий, совершенных во время войны, когда установлены соответствующие правовые границы.

Именно в отношении организаций необходимо провести тщательное исследование, так как здесь в отношении их членов речь в основном идет о лицах, которые не знали законов и которым не были известны границы международного права.

Я считаю, что такова также и точка зрения господина Главного обвинителя от США, который во вступительной речи 21 ноября 1945 г. заявил, что сознающий свой долг солдат, находящийся в составе команды, которой приказано провести расстрел, не может провести расследование о том, допустима ли эта казнь с точки зрения закона.

При рассмотрении вопроса о том, знали ли члены организации о противозаконности и противоречии нормам права этих действий, нельзя также совершать ошибку, предполагая, что то, что мы знаем теперь на данном процессе на основе документов из тайных архивов, было известно рядовым членам организации в предшествовавший период.

Именно по делу СД было предъявлено большое количество секретных писем, документов и распоряжений, которые были предназначены только для внутреннего пользования в отдельных учреждениях. Содержание этих писем, таким образом, само говорит о том, что о них знали не все члены СД, а лишь небольшой, ограниченный круг лиц. В этой связи я хочу в качестве примера указать на известный документ Л-180, доклад Шталекера о деятельности эйнзатцгруппы «А».

Уже сейчас можно констатировать, что большая часть доказательств, предъявленных обвинением, недостаточна для коллективного осуждения членов СД. Даже документы не свидетельствуют о том, что сами участники знали о противозаконности своих действий, так как для констатации этого необходимо было знать все обстоятельства инкриминируемых действий. Кроме того, необходимо еще доказать, что члены СД: а) знали о действиях и b) сознавали, что эти действия были противозаконными или, по крайней мере, несправедливыми.

Я не считаю необходимым рассматривать этот вопрос в отношении каждого из преступлений, инкриминированных СД. Я придерживаюсь того мнения, что достаточно, если я в общих чертах остановлюсь на этой проблеме и предоставлю Трибуналу рассмотреть отдельные случаи. Трибунал же в каждом отдельном случае инкриминирования СД какого-либо преступления в отношении каждого документа, предъявленного по делу СД, произведет соответствующее исследование.

Из того, что я сказал, вытекает, что нельзя суммарно доказать наличие вины и нельзя на основании количества преступлений сделать вывод о том, что все члены знали об этих деяниях и сознавали их противозаконность. Наоборот, необходимо, чтобы доказательства, устанавливающие осведомленность об этих действиях, и сознание противозаконности действий были бы рассмотрены в отношении каждого отдельного члена организации на специальных процессах...

Зачитанная обвинителем от СССР Декларация глав правительств США, Великобритании и Союза Советских Социалистических Республик об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства предписывает, что к ответственности должны привлекаться отдельные лица. Эта Декларация не содержит никаких положений о том, что допустимо коллективное осуждение целых групп людей.

Статья 9 Устава не является, таким образом, формулировкой положения, признанного международным правом. Более того, это положение создает новые нормы права и не может поэтому иметь обратной силы...

Для признания организаций преступными согласно статье 9 Устава требуется не только определение целей, задач и действий организаций, но и установление виновности членов организаций. Этим самым статья 9, кроме материально-правового установления объективных и субъективных обстоятельств дела, имеет еще и уголовно-процессуальное значение... Например, осуждение подсудимого Кальтенбруннера за принадлежность к организации может согласно статье 9 служить поводом для осуждения СД. Но мне кажется, что отсутствуют формальные предпосылки для применения статьи 9 Устава. Необходимой предпосылкой явился бы тот факт, если подсудимый Кальтенбруннер был бы обвинен в принадлежности к СД как преступной организации в духе Устава и в судебном процессе против Кальтенбруннера был бы исследован характер деятельности СД. Только в этом случае был бы налицо факт, на основании которого можно было установить преступный характер СД.

Однако подобное обвинение не было предъявлено подсудимому Кальтенбруннеру. Его судят не за принадлежность к СД как к преступной организации. Он должен быть осужден за другие наказуемые действия.

Согласно этому следует считать недопустимым, что для установления преступного характера СД представлены доказательства, которые не находятся ни в какой связи с инкриминируемыми подсудимому Кальтенбруннеру преступлениями.

Наконец, необходимо установить, какая связь должна существовать между тем периодом времени, в течение которого обвиняемый член организации принадлежал к данной организации, и тем периодом, за который организация будет признана преступной.

Этот чисто процессуально-правовой вопрос в корне отличается от вопроса о том периоде времени, в течение которого организация вообще существовала. Здесь речь идет исключительно о следующем: можно ли в процессе по делу одного из подсудимых признать организацию, в которой он состоял, преступной и в отношении того периода времени, в течение которого он не принадлежал к этой организации.

Преступный характер организации должен определяться только на основании действий одного обвиняемого члена организации. Действия подсудимого ограничивают определение преступного характера организации во времени. Результаты представления доказательств на процессе по делу подсудимого члена организации могут определить решение вопроса в отношении организации только для того периода времени, в течение которого подсудимый был членом этой организации.

Это ограничение во времени оправдывается еще и следующим: кто должен быть осужден, тому дается право высказаться. Это право быть выслушанным не ограничивается дачей показаний перед Судом. Оно заключается также в праве участвовать во всем ходе процесса. Статья 9 Устава не отменяет этого права участия во всем процессе, а лишь ограничивает его в интересах экономии времени только вы-

ступлением одного лица, принадлежащего к данной организации, учитывая, что высказывания других членов организации о целях, задачах и действиях данной организации были бы кумулятивными.

Член организации, который состоял в ней не на протяжении всего периода, за который эта организация должна быть признана преступной, может говорить о целях, задачах и действиях организации только в тот период, в течение которого он состоял членом данной организации. По тому принципу, что член организации имеет право выступить на Суде, требуется, чтобы в процессе участвовал в качестве обвиняемого тот член организации, который состоял ее членом на протяжении всего периода времени, за который организация должна быть признана преступной...

Таким образом, организация СД, исходя из процессуально-правовых соображений, может быть признана преступной только в отношении того периода времени, в течение которого подсудимый Кальтенбруннер являлся начальником полиции безопасности и СД, то есть с января 1943 года. Преступления, инкриминируемые третьему и шестому управлениям, должны были бы относиться также к этому периоду времени.

Теперь я перехожу к оценке фактической стороны дела на основании данных, полученных в процессе представления доказательств.

Обвинение представило большое количество документов, в которых упоминается СД, желая доказать этим, что ответственность должны нести третье и шестое управления. Однако сами представители обвинения указывали на то, что в обиходной речи и даже в распоряжениях и указах термин СД использовался как сокращенное название полиции безопасности (ЗИПО) и СД.

Представленные обвинением документы, в которых говорится об СД, не содержат никаких доказательств того, что эти действия были совершены лицами, принадлежащими к третьему или шестому управлению.

Трибунал допросил свидетеля фон Манштейна, одного из высших военных командующих бывших германских вооруженных сил. Этот свидетель на допросах в Трибунале и в Комитете неоднократно говорил об СД. Когда я спросил свидетеля, что он подразумевает под СД, он ответил, что не знает этого точно. На мой вопрос, подразумевал ли он при этом третье и шестое управления, он ответил отрицательно.

Во время допроса подсудимого Иодля упоминалось о расстреле одной группы коммандос в северной Норвегии. Иодлю вменили в вину то, что пленные были расстреляны СД. Но подсудимый Иодль заявил, что пленные расстреливались не СД, а полицией безопасности (протокол судебного заседания, страница 11014 немецкого текста).

Далее я ссылаюсь на письменное показание подсудимого Кейтеля (документ СД-52), который заявил, что ему лишь во время процесса в Нюрнберге стало ясно, что существовавшее также и в военных кругах представление о зада-

чах и компетенции СД как полицейского исполнительного органа было неправильным.

Я сошлюсь далее на показание, данное под присягой бывшим начальником штаба военно-воздушных сил Коллером. В этом показании говорилось об одном обсуждении военной обстановки, происходившем у Гитлера. Во время этого обсуждения Гитлер отдал приказ о передаче СД всех экипажей бомбардировщиков союзников для их ликвидации. Коллер сообщил о разговоре с Кальтенбруннером в конце этого заседания. Во время этого разговора Кальтенбруннер, по словам Коллера, заявил следующее: «У фюрера совершенно неверное представление. Задачи СД тоже постоянно понимаются неправильно. Подобные вещи совершенно не относятся к СД».

Французское обвинение представило много документов, в которых упоминается СД. Я предъявил эти документы свидетелю Кнохену, которого допрашивали в Комитете. Кнохен являлся начальником полиции безопасности и СД во Франции. По поводу этих документов он показал, что в них имеет место ошибка в терминологии и что под СД здесь следует понимать полицию.

Во время допроса в Комитете я предъявил свидетелю доктору Гофману документ ПС-526. Гофман был чиновником полиции безопасности и никогда не состоял в СД. В документе ПС-526 речь шла о выполнении приказа относительно коммандос в одном норвежском фиорде. В этом отчете говорилось: «Приказ фюрера выполнен СД». На мой вопрос Гофману, что следует подразумевать под СД, он ответил: «Поскольку здесь, очевидно, имеются в виду смертные приговоры, под СД надо подразумевать полицию безопасности потому, что вооруженные силы зачастую смешивали оба эти понятия».

Обвинение представило документ ПС-1475. Это отчет начальника тюрьмы в Минске от 31 мая 1943 г., в котором сообщалось, что гауптшарфюрер Рюбе передал тюрьме, находившейся при суде, евреев, у которых были вырваны золотые зубы, пломбы и коронки. В связи с этим я представил в качестве документа СД-69 данное под присягой письменное показание Герти Брейтер, машинистки, работавшей у начальника полиции безопасности и СД в Минске. Герти Брейтер показала, что Рюбе был чиновником гестапо и что СД в Минске не имела никакого отношения к евреям. Деятельность СД в Минске сводилась исключительно к составлению отчетов об общих настроениях и взглядах населения. В Минске не существовало тюрем СД.

Эта ошибка в терминологии, по-видимому, объясняется тем, что лица, состоявшие в особых частях СД в составе СС, которые, как уже было сказано вначале, представляли собой формирования, совершенно отличные от службы информации СД, носили форму СС со значком СД.

В оккупированных Германией областях все лица, состоявшие на службе в главном управлении имперской безопасности, в том числе все члены государственной и уголовной полиции, даже если они не являлись членами СС, носили

форму СС со значком СД. Поэтому каждый сотрудник полиции безопасности назывался членом СД, и мероприятия, проводившиеся полицией безопасности, рассматривались как мероприятия СД. Я ссылаюсь на стенограмму судебного заседания от 1 августа 1946 г., том XX, стр. 227, 230 немецкого текста, или на стенограмму заседания Комитета, страницы 446—448 немецкого текста.

В связи с этим я укажу на то, что приблизительно 90 процентов всех лиц, состоявших в третьем и шестом управлениях, являлись внештатными сотрудниками и лишь небольшое число из них были членами или кандидатами СС (аффидевит СД-32). Во время войны значительную часть сотрудников третьего и шестого управлений СД составляли женщины. Они не имели права носить форму СД.

Я буду разбирать каждое преступление в отдельности, а именно: обвинение в заговоре; преступления против мира; военные преступления и преступления против человечности.

Третье и шестое управления обвиняются в том, что они участвовали в заговоре, направленном на совершение преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности.

Организация может быть связана с кругом заговорщиков тремя способами.

Во-первых, организация может участвовать в заговоре. Это предполагает, что все члены организации принимают участие в сговоре или в составлении тайного плана, направленного на совершение незаконных действий или на совершение законных действий незаконными средствами.

Поэтому должно быть доказано, что подобный план существовал и что члены организации присоединились к этому плану.

Во-вторых, организация может преследовать цель оказания поддержки участникам заговора. Для этого необходимо наличие тайного плана или сговора. Кроме того, организация должна объективно преследовать цель оказания помощи одному или нескольким соучастникам при осуществлении плана, и все члены должны были знать об этом и стремиться к этому.

В-третьих, организация может быть объективно использована заговорщиками для осуществления общего плана без ведома членов организации.

В этом случае нельзя говорить об уголовно наказуемом соучастии этой организации, поскольку отсутствует признак вины. Организация является лишь ненаказуемым инструментом и не может быть признана преступной.

Обвинение заявляет, что не все принимали участие в заговоре, но что все содействовали совершению преступления. Из этого следует, что обвинение не утверждает, что организации являлись участниками заговора. Поэтому я не буду больше заниматься этим вопросом.

Уголовно наказуемое содействие заговору предполагает также:

а) существование общего плана,

b) осведомленность о нем членов организации.

В связи с этим должны быть доказаны также наличие общего плана и осведомленность членов организации о его существовании. До сих пор ни в какой степени не доказано, что существовал подобный план, направленный на совершение преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности. Это уже изложено подробно защитниками основных подсудимых, и я не хочу повторять эти доводы, но хочу все-таки вкратце отметить следующее.

Заговор не может считаться доказанным до тех пор, пока не будет установлено, когда, где, между какими лицами произошел этот общий сговор и каково было его содержание.

Даже если подобный план существовал, ни в какой степени не доказано, что членам СД было о нем известно и что они своей деятельностью преследовали цель поддержки такого заговора. Обвинение сделало вывод о существовании заговора на основании фактов, приводимых в так называемых ключевых документах. Однако факты, указанные в этих документах, содержались в строжайшей тайне и были известны только непосредственно участвовавшим лицам. Можно считать установленным, что члены организаций, имевших отношение к этим фактам, ничего не знали о них.

Если даже основные документы и указывают на наличие тайного плана, направленного на совершение преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности, члены СД не знали об этом факте и поэтому не имели намерения посредством своей деятельности оказывать поддержку заговорщикам.

Факты, приведенные обвинением в доказательство того, что члены СД знали о заговоре, могут рассматриваться не как очевидные или как вероятные предположения, а лишь в лучшем случае — как поверхностные предположения, которые не имеют значения.

В остальном я считаю, что допросом свидетелей и письменными показаниями доказано, что члены СД не знали о том, что существовал тайный план, направленный на совершение преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности, а поэтому не существовало намерения оказывать посредством деятельности в СД поддержку подобным заговорщикам.

СД не может быть осуждена за участие в заговоре, поскольку отсутствует доказательство того, что в действительности существовала группа заговорщиков и что члены СД знали об этом и своей деятельностью желали оказывать поддержку заговорщикам.

В связи с этим в настоящем процессе не имеет значения, оказывалась ли со стороны СД поддержка СС, государственной тайной полиции, партии или отдельным лицам, принадлежавшим к государственному руководству, поскольку обвинение не представило доказательств наличия тайного плана, направленного на совершение преступлений,

предусмотренных статьей 6 Устава, и осведомленности об этом всех членов СД.

Помимо этого, необходимо внести ясность по поводу фактических данных, приведенных обвинением относительно сотрудничества СД с СС, гестапо или отдельными лицами.

По поводу целей, задач и методов обвиняемого здесь третьего управления я ссылаюсь на высказывания, содержащиеся в представленном мною в качестве документа СД-70 справочнике главного штаба Объединенных Наций от апреля 1945 года. В нем говорится:

«Для своих целей СД содержала целую сеть агентов во всех областях жизни Германии... которые вербовались из всех социальных прослоек и профессий. Сведения, сообщаемые этими агентами, перерабатывались потом в текущие отчеты...

Эти донесения были исключительно откровенными и содержали абсолютно неприкрашенные сведения о настроениях и положении в Германии...»

То, что эти сведения передавали действительное положение, видно также из составленного мной сборника 649 показаний, данных под присягой бывшими штатными и внештатными сотрудниками и агентами из всех областей Германии.

О целях, задачах и действиях шестого управления свидетельствуют аффидевиты 61, 62 и 66 из документа СД-1.

В качестве преступления против мира СД инкриминируется то, что она специально устраивала инциденты на границе, чтобы дать Гитлеру повод начать войну. Но обвинение указало только на один пограничный инцидент, в котором, по-видимому, участвовала СД. Речь идет о мнимом нападении на радиостанцию в Глейвитце. По этому поводу обвинение ссылается на письменное показание, данное под присягой Альфредом Науйоксом 20 ноября 1945 г. Это документ обвинения ПС-2751. Альфред Науйокс был допрошен в Комитете. На этом допросе Науйокс заявил, что совершение нападения на радиостанцию в Глейвитце не относилось к целям и задачам третьего и шестого управлений (стенограмма заседания Комитета, страница 147 немецкого текста).

Свидетель показал, что под выражением член СД в своем аффидевите от 20 ноября 1945 г. он не подразумевал сотрудников какого-либо определенного управления или отдела главного управления имперской безопасности; под членами СД подразумевались на обиходном языке главного управления имперской безопасности сотрудники всех учреждений и управлений, подчинявшихся Гейдриху.

Далее свидетель заявил, что ему известно об организации инцидента в Глейвитце не на основании его принадлежности к шестому управлению, что решающим здесь являлись исключительно причины личного характера (стенограмма заседания Комитета, страница 150). Свидетель показал, что в беседе с Гейдрихом у него создалось впечатление, что Гейдрих дал бы ему тогда поручение и в том случае, если бы он не принадлежал к шестому управлению и к СС. Приказ о выполнении этого задания был передан свидетелю

Науйоксу не по служебной линии через начальника третьего или шестого управлений. Начальники этих управлений не знали об этом. Сотрудники третьего и шестого управлений не знали о том, что это поручение было выполнено Науйоксом, сотрудником шестого управления. О его деятельности, в частности, также ничего не знали члены местного руководства СД потому, что Науйоксу было запрещено входить в контакт с кем-нибудь из членов СД.

Показания этого свидетеля были подтверждены свидетелем Зомманом и аффидевитом доктора Маркса (СД-11).

Я представил также 215 данных под присягой письменных показаний, в которых говорится, что члены СД никогда не знали об инсценированных инцидентах на границе и об участии СД в этих инцидентах.

Чтобы решить вопрос, можно ли признать СД преступной организацией на основе деятельности эйнзатцгрупп, надо рассмотреть следующие вопросы:

1. Принадлежали ли использовавшиеся в составе армии на восточном театре военных действий эйнзатцгруппы «А», «В», «С» и «D» к системе третьего и шестого управлений.

2. Использовались ли в эйнзатцгруппах сотрудники этих управлений.

3. Отдавали ли эти управления приказы оперативным группам о совершении преступлений против законов войны и человечности.

4. Знали ли сотрудники службы внутренней информации (третье управление), службы заграничной информации (шестое управление) о деятельности оперативных групп, которая согласно положениям Устава Трибунала является преступной.

Вначале я должен исправить ошибку. На этом процессе и на заседаниях Комитета до последнего времени оперативные группы назывались оперативными группами СД. Я ссылаюсь на протоколы показаний Кейтеля, доктора Беста, Гаузера и фон Манштейна. Использовавшиеся на восточном фронте оперативные группы обозначались буквами А, В, С и D. Им подчинялись оперативные команды, которые имели нумерацию от 1 до 12. Слово СД совершенно отсутствует в обозначении оперативных групп и оперативных команд.

Обозначение эйнзатцгрупп указано в списке рассылки, содержащемся в документе Д-569. В этом документе указана схема организации. Оперативной группе «А» подчинялись оперативные команды 1-а, 1-б, 2 и 3; оперативной группе «В» подчинялись команды 7-а, 7-б, 8, 9 «Москва»; оперативной группе «С» подчинялись команды 4-а, 4-б, 5 и 6; оперативной группе «D» подчинялись команды 10-а, 10-б, 11-а, 11-б и 12.

Формирование оперативных групп происходило не по приказу третьего, шестого или седьмого управления, а по приказу Гиммлера на основе договоренности с командованием сухопутных сил. При этом я ссылаюсь на показания доктора Беста, Шелленберга, Олендорфа, на документ США-557 и аффидевиты СД-41 и СД-46. Из представленных доказательств следует, что оперативные группы и оператив-

ные команды не подчинялись третьему, шестому и седьмому управлениям.

Если, в частности, обратить внимание на состав оперативных групп, который указан на странице 1676 немецкой стенограммы от 3 января 1946 г., том IV, то можно сделать вывод, согласно заявлению свидетеля Геппнера и данному под присягой письменному показанию свидетеля Бендта, что состав оперативных групп и оперативных команд был своеобразным и что лица, входившие в состав оперативных групп и команд, не принадлежали к организациям названных управлений.

Из представленных доказательств следует далее, что для формирования оперативных групп и оперативных команд не были использованы части организаций (управлений III, VI и VII) и что эти управления не отдавали никаких приказов оперативным группам о массовом уничтожении людей.

При рассмотрении вопроса об оперативных группах и оперативных командах следует учесть, что это были особые части, которые по своему составу полностью отличались от организации полиции безопасности и СД в империи. Я ссылаюсь далее на показания свидетелей Олендорфа и Геппнера и на аффидевиты СД-41 и СД-46. Свидетель Бест показал, что оперативные группы и оперативные команды были отрядами полиции безопасности особого рода.

Что касается вопроса о том, можно ли признать преступной организацию СД, то решающее значение имеет тот факт, что в оперативных группах не использовались части СД третьего, шестого и седьмого управлений, а в них командировались на основании законодательного распоряжения лишь отдельные члены СД. В связи с этим я считаю особенно важным данное под присягой показание Геттля от 10 апреля 1946 г. Я подчеркиваю, что здесь идет речь о документе обвинения. В упомянутом аффидевите Геттль заявил, что члены СД в период их службы в оперативных группах не считались уже членами СД.

Отбор членов службы безопасности для отправки в оперативные группы и оперативные команды происходил не на основе их служебного положения и служебной деятельности в органах СД на родине.

Я, таким образом, прихожу к следующим выводам:

1. Оперативные группы «А», «В», «С», «D» не принадлежали ни к службе внутренней информации (управление III), ни к службе заграничной информации (управление VI), ни к управлению VII.

2. Для формирования оперативных групп и оперативных команд не были использованы части организации СД; в оперативные группы откомандировывались отдельные члены СД.

3. Правовое положение этих откомандированных было таким же, как, например, правовое положение лиц, призванных на военную службу. Они не находились уже в ведении третьего, шестого и седьмого управлений, на них не распространялись более приказы соответствующих органов на родине.

Председатель: *Доктор Гавлик, Трибунал понимает, что СС, гестапо и СД — все эти организации отрицают, что они несли ответственность за деятельность эйнзатцгрупп. Может быть, Вы скажете Трибуналу, кто же нес ответственность за эти эйнзатцгруппы?*

Гавлик: *Оперативные группы подчинялись... Их ответственность ясна из моих объяснений на странице 61. Я ссылаюсь на показания доктора Беста, Олендорфа и Шелленберга и на документ...*

Председатель: *Доктор Гавлик, Трибунал хотел бы знать, кого Вы считаете ответственным за деятельность эйнзатцгрупп. Мы не хотим, чтобы Вы отсылали нас к куче документов и толпе свидетелей. Мы хотим знать, что Вы утверждаете в этой связи?*

Гавлик: *Я считаю, что оперативные группы были организациями особого рода, которые раньше непосредственно подчинялись Гиммлеру; но, вообще, показания свидетелей расходятся по вопросу о том, в какой степени они подчинялись командующим войсками. Часть свидетелей показала, что они подчинялись командующим, другая часть свидетелей оспаривает это. По этому вопросу я не могу сказать своего мнения.*

Председатель: *Скажите, возможно ли, исходя из Вашего утверждения, чтобы Гиммлер осуществлял контроль над эйнзатцгруппами без какой-либо организации, и если он не мог этого делать, то какая же организация ведала этими оперативными группами?*

Гавлик: *Оперативные группы имели своего начальника, и из документа обвинения Л-180, доклада Шталекера, ясно, что таким начальником был Шталекер. Он был начальником оперативной группы «А», и доклад, который был обнаружен, он направил непосредственно Гиммлеру. Таким образом, я на основании этого могу сделать вывод, что начальники оперативных групп подчинялись непосредственно Гиммлеру. Это была вспомогательная организация, существовавшая для оккупированных областей наряду с главным управлением имперской безопасности.*

Председатель: *Можете ли Вы сообщить Трибуналу, кем именно были те лица, которые входили в состав эйнзатцгрупп? Являлись ли они членами СС, СА, СД или вооруженных сил?*

Гавлик: *Милорд, состав оперативных групп становится ясным из того, что указано на странице 246 протокола заседания от 20 декабря 1941 г., т. IV стенограммы судебного заседания. Я не могу привести его сейчас по памяти. Я помню лишь, что там имелись служащие войск СС, уголовной полиции, гестапо, СД. Затем, насколько я помню, на этой странице упоминаются шоферы, переводчики...*

Председатель: *Служащие войск СС также входили туда?*

Гавлик: *Войска СС, уголовная полиция, гестапо, СД, затем, насколько я помню, там указываются шоферы, кажется, переводчики, но точно я не могу сказать. На этой странице состав оперативных групп перечислен очень точно...*

Простите, милорд, Вы хотите знать, кто были начальниками оперативных групп или членами оперативных групп?

Председатель: *Я имею в виду членов оперативных групп.*

Гавлик: *Тогда это правильно; я хотел бы еще сказать, что всего было приблизительно от 1000 до 1200 человек во всех четырех оперативных группах.*

Председатель: *Какое число Вы назвали?*

Гавлик: *От 1000 до 1200 человек приблизительно. А из СД там было лишь 3 процента, это ясно из документа Л-180. Там приводятся все цифры...*

Милорд, я должен в одном пункте исправить мои данные о составе оперативных групп. Я просмотрел документ Л-180. Общая численность оперативной группы «А» составляла 990 человек, причем состав был следующий: войска СС — 34 процента, шоферы — 17 процентов, административные чиновники — 1,8 процента, СД — 3,5 процента, уголовная полиция — 4,1 процента, государственная полиция — 9 процентов, вспомогательная полиция — 8,8 процента. Это, по-видимому, была полиция, набранная из местных жителей в оккупированных областях. Полиция охраны порядка составляла 13,4 процента, женщины — 1,3 процента, переводчики — 5,1 процента, телеграфисты — 0,3 процента, радисты — 0,8 процента.

Это — оперативная группа «А», и, насколько я в курсе дела, состав оперативных групп «В», «С» и «D» не описывается в этом документе. Свидетели показали, что оперативные группы «В», «С» и «D» имели такой же состав.

Председатель: *Таким образом, оказывается в эйнзатцгруппах было примерно в четыре раза больше членов, чем Вы утверждаете?*

Гавлик: *Да, это так.*

Председатель: *Вы можете сообщить нам, когда группа «D» имела такой состав? За какой период были составлены эти данные?*

Гавлик: *Оперативная группа «D» была образована до начала кампании, до июня 1941 года...*

Председатель: *Очень хорошо. Можете ли Вы сообщить Трибуналу, что, согласно Вашему мнению, делала СД в концентрационных лагерях?*

Гавлик: *СД не имела никакого отношения к концентрационным лагерям. Здесь следует различать две вещи: во-первых, заключение в концлагеря, которое производилось на основании приказа гестапо о превентивном заключении, СД не имела к этому отношения, и, во-вторых, управление концлагерями. Концлагеря подчинялись административно-хозяйственному управлению СС, обергруппенфюреру Полю. Это была самостоятельная организация наряду с главным управлением имперской безопасности. После издания приказа об аресте заключенный попадал в распоряжение административно-хозяйственного управления, которое, как и главное управление имперской безопасности, подчинялось непосредственно Гиммлеру.*

Председатель: *Таким образом, Вы говорите, что РСХА, организация Поля и эйнзатцгруппы являлись тремя совершенно самостоятельными организациями и находились в ведении Гиммлера. Это так?*

Гавлик: *Да, это правильно.*

Председатель: *Как же в таком случае называлась организация Поля?*

Гавлик: *Это было главное административно-хозяйственное управление.*

Председатель: *И Вы говорите, что в главном административно-хозяйственном управлении не служили члены СС, СД, гестапо или ЗИПО?*

Гавлик: *Члены СД не находились в главном административно-хозяйственном управлении. Я имею в виду тех, кто служил в III и VI управлениях. Насколько я в курсе дела, там состояли на службе некоторые члены гестапо.*

Председатель: *Разве в концлагерях никто из обслуживающего персонала не носил знака СД на рукаве?*

Гавлик: *Этого я не могу точно сказать. Я думаю, что не носил, но не могу этого утверждать.*

Председатель: *Вы помните, имеется очень много доказательств того, что члены СД служили в концлагерях. Трибунал хотел бы знать, какое объяснение Вы можете дать этим доказательствам?*

Гавлик: *Я могу лишь вспомнить, Ваша честь, то, что сказал здесь свидетель Мильх; насколько я помню, он сказал следующее, что комендант был членом СД. Но это, по-видимому, ошибка, так как третье и шестое управления не имели никакого отношения к этому. Возможно, что эти люди из концлагерей принадлежали к особым отрядам СС, именовавшимся СД, но на этот вопрос я не могу ответить...*

Разрешите мне еще сказать следующее, Ваша честь. В восточных областях все сотрудники полиции безопасности, даже если они не были членами СС, носили форму СС со знаком СД.

Теперь я перехожу к преступлениям против человечности, а именно к преследованиям евреев.

Судебное преследование отдельных лиц за преступления, совершенные против человечности, до сих пор не было известно международному праву. Было лишь признано, что нарушение принципов человечности одним из государств давало другим государствам право на вмешательство. Таким образом, Устав вносит нечто совершенно новое, вводя уголовное преследование против отдельных лиц за преступления против человечности. Поэтому, очевидно, преследования по политическим, расовым или религиозным причинам в соответствии со статьей 6 Устава не рассматриваются как самостоятельное преступление. Необходимо, чтобы такое преследование осуществлялось при совершении или в связи с совершением преступлений, которые подсудны данному Трибуналу...

Из предъявленных доказательств не следует, что СД, третье и шестое управления главного управления имперской безопасности были каким-либо образом участниками унич-

тожения миллионов евреев. Всеми еврейскими вопросами ведали четвертое управление и отдел Эйхмана. Эйхман был работником четвертого управления и руководил отделом IV-B-4. Это видно из схемы распределения функций в главном управлении имперской безопасности.

Приказы о массовом истреблении евреев издавали Гитлер, Гиммлер, Мюллер и Эйхман. Ни одно свидетельское показание не говорит о том, что третье, шестое и седьмое управления или подчиненные им органы принимали участие в уничтожении евреев. Я ссылаюсь, в частности, на показания Вислицени (стенограмма заседания Комитета, страница 751), где говорится, что никакой связи между Эйхманом и названными управлениями не существовало; ссылаюсь также на протокол допроса доктора Гофмана. В стенограмме заседания Комитета, на странице 1793 немецкого текста, Гофман показал, что депортацией евреев занималось четвертое управление и что ответственность за ее окончательные результаты лежала на Эйхмане. Еврейским вопросом в оккупированных районах также занимались четвертое управление и отдел Эйхмана. Из предъявленного обвинением документа РФ-1210 видно, что еврейским вопросом во Франции занимался один из отделов четвертого управления. Это же подтверждается показанием свидетеля Кнохена (стенограмма заседания Комитета, страницы 475, 476, 1105, 1113) и представленным мной аффидевитом Лаубе, СД-54. В частности, из них явствует, что посланный Эйхманом во Францию гауптштурмфюрер Даннекер был работником четвертого управления и указания по работе он получал непосредственно от Эйхмана.

Свидетель доктор Гофман давал показания, касающиеся Голландии и Дании. Он сказал, что подготовкой депортации евреев из этих стран занимался исключительно отдел Эйхмана.

3 января 1946 г. Вислицени дал перед Трибуналом подробные показания о том, что и на Балканах депортацию евреев проводил отдел Эйхмана.

Ничем не было доказано, что СД, а именно третье, шестое или седьмое управления, каким-либо образом поддерживала мероприятия Эйхмана.

Председатель: Одну минуту. Таким образом, мы имеем еще одну организацию, которая непосредственно подчинялась Гиммлеру, — отдел Эйхмана. Вы назвали нам РСХА, организацию Поля и еще одну организацию, я сейчас не помню, какую. Да, да, эйнзатцгруппы. Таким образом, у нас имелось три организации, существовавшие совершенно независимо от СС, СА или СД; теперь у нас обнаруживается еще одна организация — организация Эйхмана.

Гавлик: Юридическое положение этой организации было иное, чем у тех трех организаций. Эйхман все же входил в состав четвертого управления. Но, может быть, лучше, если мой коллега Меркель ответит на этот вопрос. Я не хотел бы предвосхищать высказывания Меркеля, защитника гестапо. Эйхман был начальником отдела в четвертом управлении.

Председатель: *Продолжайте.*

Гавлик: *Правильно только то, что и сам Эйхман, и ряд служащих четвертого управления раньше были членами СД. По этому поводу Вислицени перед Трибуналом заявил, что эти лица были частью откомандированы, а частью переведены в четвертое управление. Приказы по работе они получали исключительно от этого управления. Свидетель Гофман показал, что Эйхман из СД был переведен в гестапо (стенограмма заседания Комитета, страница 14458).*

Того факта, что лица, работавшие в отделе Эйхмана, были туда переведены из СД, ни к коем случае не достаточно для объявления всей организации СД преступной, ибо в связи с откомандированием из СД и службой в четвертом управлении они совершенно прекратили деятельность в СД.

Решающим является вопрос о том, являлось ли истребление евреев задачей третьего, четвертого или седьмого управлений. Тот факт, что указанные лица были переведены из СД в четвертое управление, отчетливо показывает, что задачи этого управления не являлись идентичными задачам СД. Кроме того, нужно добавить, что большинству служащих третьего, шестого и седьмого управлений не было известно, что отдельные лица, которые раньше работали в СД, стали заниматься в четвертом управлении еврейским вопросом.

Я доказал, на мой взгляд, что коллективное осуждение всех лиц, состоявших в третьем и шестом управлениях, на чем настаивает обвинение, не находит обоснования в деятельности и задачах этих управлений.

Однако если Трибунал, несмотря на мои доводы, вынесет решение о признании СД преступной организацией, то, имея в виду Закон № 10, необходимо будет точно установить, на какой круг лиц будет распространяться это решение.

Необходимо выяснить, будет ли решение Суда распространяться:

1) только на сотрудников третьего и шестого управлений, созданных в сентябре 1939 года, или также на сотрудников главного управления СД;

2) только на официальных должностных лиц или также на лиц, занимавших лишь внештатные должности;

3) из числа лиц, занимавших внештатные должности, только на сотрудников или также на осведомителей;

4) из осведомителей лишь на постоянных или также и на тех, кто давал случайную информацию;

5) на технический персонал, конторских служащих, шоферов, телефонисток и т.д.

Господин председатель, господа судьи! Ваше решение явится межевым камнем в истории права, но оно может стать также межевым камнем в истории человечества.

Народы стремятся к миру. Как авторитетные деятели в области политики, так и представители юриспруденции придерживаются единого мнения о том, что это стремление человеческого рода может осуществиться лишь с помощью независимого и возвышающегося над государствами Суда...

Мы находимся в преддверии новой эпохи, наступающей в истории народов, эпохи, которая означает конец военных столкновений и которая тем самым воплотит в жизнь мечту всех народов.

Международный военный трибунал может выполнить свою миссию в мировой истории.

Речь защитника группы генерального штаба и верховного командования вооруженных сил Германии Г. ЛАТЕРНЗЕРА

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 27 августа 1946 г.

Ваша честь, господа судьи! В истории человечества нередко были случаи, когда после войн предавались суду военные руководители побежденных стран. Если побежденным полководцам или генералам нельзя было вменить в вину неспособность или бездействие в военном отношении, их обвиняли в измене, в преследовании политических целей, в нарушении правил ведения войны или в превышении военных полномочий.

Во всяком случае, необходимо отметить, что, как правило, эти приговоры выносились государством, чьими подданными они были, а не победившим врагом. Для того чтобы найти пример рассматриваемому случаю, придется уйти на две тысячи лет в глубь истории. Римляне задушили в тюрьме своего врага Егурту и до тех пор преследовали Ганнибала своей местью, пока не отравили его чашей с ядом в доме его друга. В новой истории примером является личность Наполеона I, который умер в изгнании на острове Святой Елены, но был привлечен странами-победительницами к ответу не как французский генерал, исполнявший долг перед отчизной, а как французский император и, следовательно, политический вождь своего государства. Гитлер, бывший одновременно главой империи и верховным главнокомандующим армией, из-за своей смерти избежал судебной ответственности. Так как его нельзя уже привлечь к ответственности, обвинение ставит на место верховного главнокомандующего и главы правительства высших военачальников, наскоро превратив их в политических вождей, и таким путем пытается возложить на них всю ответственность.

Этот прием является первым и единственным в истории народов, он вызовет своеобразную реакцию у военных всего мира.

Если представленные доказательства, я остановлюсь на этом еще особо, выяснили что-либо с полной ясностью, то это именно тот факт, что военные руководители Германии

не правили своей страной и не вовлекали ее в войну, что они были не политическими деятелями, а лишь, и в этом вся трагедия, солдатами. Если бы они были политическими деятелями, Германия не была бы ввергнута в эту пропасть. Эти люди стоят перед Судом лишь за то, что они, как солдаты, служили своему отечеству.

Когда обвинитель генерал Тэйлор указал на то, что Гитлер без помощи вооруженных сил не мог бы вести войн, это было для всех бесспорным. До сих пор никто не мог вести войну без солдат.

Но если сегодня перед лицом этого Суда военные руководители Германии рассматриваются как преступная организация, то обвинение это относится не только к ним, как это хотят здесь представить; в действительности оно направлено против любой армии или, по меньшей мере, против всех командиров вообще.

Предав суду военного командира, послушно выполнявшего свой воинский долг по приказу своего правительства, за то, что действия этого правительства объявляются незаконными, а этот командир рассматривается как соучастник в деяниях правительства, обвинение этим самым возлагает на него обязанность контролировать законность политики своего государства, то есть в конечном счете делает такого военного командира судьей над политикой государства. В мою задачу не входит описание результата такого духовного переворота для военных всего мира. Я могу лишь просить Высокий Суд с особой тщательностью и чувством ответственности исследовать те особенности, которые встречаются при применении положений Устава к военным, фактически и юридически находящимся на особом положении.

Я осуществляю защиту с надеждой на то, что этот Трибунал не будет мстить военным руководителям Германии, но поистине и в высоком смысле этого слова осуществит правосудие по отношению к ним.

Все обвинение основывается на попытке объединить 129 высших офицеров германских вооруженных сил, занимавших известные должности в военной иерархии, под двойным наименованием «генеральный штаб и ОКВ» как фактически и юридически существовавшую «группу».

Прежде чем высказать юридические доводы в опровержение так называемого группового характера, я должен остановиться на определении понятия «генеральный штаб».

При Гитлере вообще не существовало генерального штаба в смысле высшего генерального штаба бывшей кайзеровской армии, как это, очевидно, подразумевает обвинение. Военно-морские силы не имели ни адмиралтейства, ни офицеров адмиралтейства. Созданное осенью 1938 года командование военно-морского флота также не имело ничего общего с генеральным штабом. В разрешении задач, стоявших перед сухопутными войсками и вооруженными силами в целом, военно-морской флот принимал участие лишь постольку, поскольку в отдельных случаях требовалось оперативное взаимодействие. Военно-воздушные силы имели соб-

ственный генеральный штаб, состоявший из начальника и офицеров генерального штаба. Круг его компетенции, однако, был резко отграничен от компетенции генерального штаба сухопутных войск и ограничивался самостоятельной областью военно-воздушных сил. Лишь при проведении общих операций между ними существовало взаимодействие. Сам генеральный штаб сухопутных войск не был, как утверждает обвинение, центральным ведомством, а состоял только из начальника и офицеров генерального штаба. Насколько мало соответствует положение этого генерального штаба картине, нарисованной обвинением, видно уже из того, что его первый начальник — генерал-полковник Бек за все время пребывания на этом посту с 1935 года по 1938 год только два раза был принят Гитлером.

Генеральные штабы сухопутных войск и военно-воздушных сил не имеют ни малейшего отношения к предъявленным обвинениям. Обвиняемые 129 офицеров не могут представлять оба этих генеральных штаба в целом, напротив, из них членами генеральных штабов были только генерал-полковник Иодль как начальник штаба оперативного руководства вооруженных сил, заместитель начальника этого штаба и начальники генеральных штабов сухопутных войск и военно-воздушных сил. Все остальные генералы не были офицерами генеральных штабов, а являлись командирами соединений. Большая часть их, а именно 49 из 129 офицеров, ранее тоже не входила в состав генерального штаба. Если, несмотря на это, обвинение все-таки называет этот круг лиц генеральным штабом, то это то же самое, как если бы в католической церкви хотели осудить кардиналов и для этого обвинили бы иезуитский орден.

Итак, наименование «генеральный штаб» относится не к этим 129 обвиняемым офицерам, а распространяется на всех офицеров генеральных штабов, которые не имеют ничего общего с настоящим обвинением. Это обозначение вводит в заблуждение и является совершенно произвольным. Осуждение при использовании обозначения «генеральный штаб» привело бы к дискриминации института, члены которого к ответственности не привлечены.

ОКВ также не играло роли самостоятельной центральной руководящей инстанции. Как с достоверностью установлено на данном процессе, ОКВ было только военным оперативным штабом Гитлера, не имевшим права самостоятельно издавать приказы. Только четверо из 129 обвиняемых состояли когда-либо в ОКВ. Все остальные с этой инстанцией вообще связаны не были.

Двойное неправильное обозначение «генеральный штаб и ОКВ» не меняет существа дела. То, что здесь называется «генеральным штабом и ОКВ», на деле представляет собой совокупность всех офицеров, занимавших во время войны высшие служебные посты. Они были не чем иным, как верхушкой военной иерархии, которая внутри резко разделялась в соответствии с тремя видами вооруженных сил. Единственным звеном, связывавшим этих высших офицеров,

были военное подчинение, общая профессиональная этика и товарищество, как это имеет место во всех армиях.

Итак, обозначение «генеральный штаб и ОКВ» является нагромождением неправильных произвольных наименований, подобранных с тем, чтобы создать видимость чего-то единого, что в действительности никогда не существовало и не могло быть единым. Что касается 129 офицеров, то ни название «генеральный штаб», ни обозначение «ОКВ», ни общее наименование «генеральный штаб и ОКВ» не представляют собой понятий, которые бы соответствовали существу дела и могли бы распространяться на всех этих лиц.

Выражения «высшие военные руководители» или «носители высших рангов в германских вооруженных силах», часто употреблявшиеся обвинением, могли бы более правильно охарактеризовать подсудимых офицеров в целом, чем неверное обозначение «генеральный штаб и ОКВ». Однако оба обозначения были бы только описательными и являлись бы указанием на чисто фактическое объединение лиц, но они никогда не могли бы служить доказательством наличия какого бы то ни было объединения этих лиц.

Других, имеющих доказательную силу обозначений нет; наоборот, как раз тот факт, что мы находим только выражение, которое может лишь относиться к 129 отдельным лицам, но не может свидетельствовать о существовании определенной организации, заставляет нас прийти к выводу, что никогда не существовало подобного правового или фактического института, пусть его называют как угодно.

Что касается круга офицеров, о которых идет речь, то у них полностью отсутствуют как правовые, так и фактические предпосылки, которые могли бы оправдать предположение о существовании группы или организации. Здесь нет даже самой характерной предпосылки, а именно — добровольности вступления в члены.

Эти офицеры занимали свои посты и оставались на них не добровольно. Трибунал, признав добровольность вступления важным моментом для доказательства, тем самым признал необходимость ее. Обвинение также назвало это условие существенным. Правда, военные руководители добровольно избрали военное поприще. В 1920 году они также добровольно перешли в рейхсвер и взяли на себя обязательство служить в его рядах в течение 25 лет. Однако на посты, которые подпадают под обвинение, они были призваны только на основе своих способностей. Вследствие взятых на себя обязательств они не могли требовать отставки до тех пор, пока были пригодны к военной службе. Тем более они не могли требовать отставки во время войны, когда всякий уход с поста был категорически запрещен.

Таким образом, доказано, что генеральный штаб и ОКВ ни в коем случае не были союзом лиц, который бы основывался на добровольности.

Согласиться с существованием организации нельзя еще и потому, что дальнейшее условие, а именно понимание офицерами того, что в момент их назначения на должность они вступили в какой-то союз, совершенно отсутствовало.

Каждый гражданин, добровольно вступивший в какую-либо организацию, должен, по меньшей мере, знать, что такая организация существует и что он вступает именно в эту организацию. Эти же офицеры были направлены на свои посты без выяснения их желания, причем эти посты только сейчас обвинение произвольно объединяет в группу или организацию. Как же им могло прийти в голову, что их назначение на самые различные должности означает вступление в своего рода союз?

Возможность создания политического общества была исключена ввиду традиционной аполитичной установки всего германского офицерского корпуса. Таким образом, если эти офицеры шли на свои посты не добровольно и не сознавали, что они вступают в союз или в какую-то организацию, то один тот факт, что эти люди занимали посты, за пребывание на которых они сейчас привлекаются к ответственности, не может подтвердить предположения о существовании организации.

Против преднамеренного заключения союза и против существования организации говорят, кроме того, следующие факты.

Большое число офицеров, о которых идет речь, вообще никогда не были лично знакомы друг с другом. Только часть этих офицеров иногда соприкасались друг с другом по служебной линии. У этого круга высших офицеров, якобы единодушно настроенных, отсутствовало какое-либо внутреннее единство. Именно данный процесс впервые пролил свет на глубокие внутренние противоречия, существовавшие между представителями высшего военного командования.

Фактор времени также не допускает предположения о существовании организации. Военные руководители работали на своих постах не одновременно, а достигали этих постов часто в совершенно различные отрезки времени, так что всегда только часть членов такой организации могла бы одновременно состоять в ней. Нагляднее всего это видно из представленных Трибуналу таблиц. Согласно этим таблицам, на тех постах, которые перечислены обвинением, в 1938 году находилось только 7 генералов, 1 сентября 1939 г. — 22 генерала, 22 июня 1941 г. — 31 генерал и в ноябре 1944 года — только 52 генерала, то есть значительно менее половины всех обвиняемых офицеров.

Не было единой воли, объединявшей всех этих 129 офицеров. Правда, каждый из них подчинялся одной-единственной господствовавшей над всеми воле, но только в военном смысле слова, а не в смысле наличия организованного целого. Как же эти офицеры могли создать собственные органы для осуществления своей воли? Уже одна постоянная смена постов, о которых идет речь, исключала всякую возможность этого. Только 9 генералов и адмиралов на протяжении всей войны занимали посты, на основании которых они могут быть причислены к так называемой группе; 4 февраля 1938 г. на таких постах находилось всего 6 генералов; 21 генерал только в течение двух или двух с половиной лет

занимали посты, которые подпадают под понятие «группа»; 61 офицер отнесен к группе, хотя они занимали подобные посты не более года.

Так же как не было собственных органов, не было устава, который регулировал бы вступление в группу или исключение из ее рядов, регламентировал бы компетенцию и деятельность органов, их избрание или назначение. Не было вообще ни одного правила в письменной или устной форме, которое бы относилось к так называемому сообществу. Именно поэтому обвинение не могло представить ни одного письменного доказательства, которое свидетельствовало бы о существовании группы или организации.

Здесь также совершенно не было доказано наличие каких-либо совместных действий, которые можно было бы расценивать как выражение коллективной воли организации. Да и невозможно было бы привести такое доказательство, так как этот круг офицеров ни в юридическом, ни в фактическом смысле не был способен к совместной деятельности и тем самым не мог выступать от лица союза.

Эти офицеры не устраивали также никаких совещаний, на основании которых можно было бы сделать вывод о существовании какого-либо вида организации. Обвинение совершенно неправильно полагает, что в качестве доказательства оно может привести военные совещания у Гитлера или отдельные совещания командующих фронтами. Если по тому или иному случаю и состоялись совещания у главнокомандующего сухопутными войсками с командующими фронтами или армиями, то поводом к таким совещаниям всегда служили военные обстоятельства, и на таких совещаниях действительно всегда обсуждались и рассматривались только военные вопросы... Так как три вида вооруженных сил существовали совершенно независимо друг от друга, за исключением оперативного сотрудничества в отдельных случаях, то уже по этой причине какие-либо совместные совещания командующих из различных видов вооруженных сил были крайне редким явлением.

Частые совещания высшего генералитета в том духе, о котором говорит обвинение, никогда не происходили. Обвинение неправильно истолковало события, которые основываются целиком на выполнении чисто военных задач. Известные совещания у Гитлера не могут служить доказательством существования какого-то организационного целого, так как на этих совещаниях, как об этом неоднократно упоминалось на процессе, выступал лишь Гитлер и сообщались приказы, то есть эти совещания носили чисто военный характер.

Я резюмирую:

1. 129 офицеров, на которых распространяется обвинение, представляют собой совокупность лиц, которая ни юридически, ни фактически не является дееспособной и которая поэтому не может представлять собою объекта уголовно-правового осуждения.

2. Наименование «генеральный штаб и ОКВ» является неправильным и способно лишь ввести в заблуждение.

3. Круг офицеров, на которых распространяется обвинение, не представлял собой ни группы, ни организации, ни какого-либо другого организованного целого.

4. Каждая организация должна иметь своих постоянных членов, вопрос же о членстве в данной организации нуждается в длительных разъяснениях.

5. Никто из офицеров никогда не заявлял о вступлении в какую-либо организацию, никогда ни у кого из них не было сознания того факта, что он вступил в такую организацию или принадлежит к ней. Так называемые члены этой организации в большинстве случаев не были даже лично знакомы друг с другом, их отношение к существовавшей системе было самым различным.

6. Никогда не существовало какого-либо действующего органа организации, никогда не было ее устава, никогда не находила своего проявления воля организации или какое-либо действие данной организации.

7. Офицеры, имена и число которых точно известны, могут быть привлечены к ответственности лишь в индивидуальном порядке, причем только за такие преступления, которые они совершили лично. Они не представляли собой никогда какого-либо коллективного объединения, они и сейчас не могут быть соединены воедино на основании коллективного принципа только для того, чтобы облегчить дело их наказания...

Мне кажется, что коллективное обвинение и коллективное осуждение невозможны. Суд на основании уже изложенных причин должен будет отклонить предложение об объявлении так называемой группы генерального штаба и ОКВ преступной организацией.

Если рассматривать далее тезисы обвинения, не становясь на их точку зрения, то «преступность» 129 офицеров должна быть подвергнута проверке. Необходимо установить, совершали ли все эти лица преступления в духе статьи 6 Устава. На этот вопрос я отвечаю отрицательно.

Утверждение обвинения, что военные руководители в какой-то период времени действовали заодно с нацистской партией для осуществления общего плана, направленного на ведение агрессивных войн, совершение военных преступлений и преступлений против человечности, предполагает, что такой общий план существовал, что он был известен и, наконец, что военные руководители в целом присоединились к этому плану.

Обвинение выдвинуло эти утверждения против обвиняемого круга лиц как единого целого. Но мне кажется, что я уже доказал, что такая организация или группа как действующее единое целое, состоящее из этих лиц, не существовала. Обвинение обходит эту естественно возникающую трудность, утверждая, что:

1) характер и действия пяти основных военных подсудимых являются показательными для всех 129 офицеров;

2) нет никаких сомнений в преступном характере этой группы лиц.

Мне кажется, что четырем великим победоносным державам было бы нетрудно практически разрешить вопрос об индивидуальной виновности или невиновности этих людей с помощью отдельных судебных разбирательств, как это делается в отношении пяти главных военных преступников. Где внутреннее оправдание и юридическая необходимость коллективного преследования в отношении этих лиц? Слишком легко при коллективном приговоре, вынесенном без рассмотрения вопроса об индивидуальной ответственности, может быть уничтожено невиновное лицо.

Мнение обвинения, что идеи и действия пяти главных подсудимых «с несомненностью» типичны и для других членов так называемой группы, а тем самым одновременно и для преступного характера всей группы, противоречит фактам. Принадлежность к группе основывается только на занятии определенных должностей. Поэтому типичным для данной группы может быть лицо, занимающее типичное служебное положение. Так как 95 процентов офицеров, против которых выдвинуто обвинение, были командующими фронтами и армиями, то именно лица, занимавшие такие должности, могут рассматриваться как типичные для этой группы, но никоим образом не пять главных подсудимых, из которых ни один не занимал никогда такого положения...

Я не могу последовать за обвинением по этому пути и поэтому в своих рассуждениях не буду рассматривать вопрос о нетипичных главных подсудимых, а буду заниматься только теми членами группы, которые могут считаться типичными для большей части этой группы.

Только то, как они относились к якобы существовавшим нацистским планам, что именно они знали об этих планах и насколько они принимали участие в них, только эти обстоятельства могут послужить для признания виновности этой группы в том смысле, как это предусматривает обвинение.

Так как Гитлер умер, обвинение оставляет в тени его личность и ищет других людей, несущих ответственность. Но никто не может отрицать, что Гитлер сконцентрировал всю власть в империи в своих руках и тем самым принял на себя одного всю полноту ответственности. Сущность любой диктатуры в конце концов заключается в том, что воля одного человека является всемогущей и что все решения зависят исключительно от воли этого человека.

Сказанное не должно истолковываться как попытка избавить кого-либо от ответственности. Каждый немецкий генерал обладает достаточным мужеством для того, чтобы ответить за свои действия. Но если должна быть установлена правда, то нужно оценивать события так, как они действительно разворачивались, и положить их в основу для установления судебной истины. Лучшим доказательством того, что генералы не участвовали в планах Гитлера, является высказывание самого Гитлера: «Я не требую, чтобы генералы понимали мои приказы; я требую, чтобы они выполняли их».

Как и в конце первой мировой войны судьба генерального штаба, так и на этот раз судьба военных начальников,

объединенных под вводящим в заблуждение обобщенным понятием «генеральный штаб», предопределилась тем, что против немецкого офицера существует предубеждение, состоящее в том, что он руководствуется не принципами солдата, а милитаристскими принципами. Литература и пресса всего мира утверждают в один голос, что для немецкого офицера военное дело является не только долгом, а центром всех его помыслов и стремлений, что войну он считает высшей ценностью всякой личной жизни и жизни нации в целом. Американский Главный обвинитель заявил, что война является для немца благородным и необходимым занятием.

Утверждают, что в результате этого возвеличивания войны помыслы целых поколений в германском офицерском корпусе были направлены лишь на агрессию, завоевания, порабощение и насилие над другими народами. Если иногда тяжело бывает опровергнуть предрассудки, то в данном случае не представляет трудности доказать, что такое суждение не обосновано.

Общий план или заговор с целью расширения власти, который в конечном итоге привел к агрессивной войне, как это показано обвинением, в первую очередь ставил себе целью поработить собственный народ, искоренить все непокорные элементы в собственном народе. При этом, очевидно, старались приобрести опыт и заложить основы планомерного порабощения и уничтожения других народов. Но такой всеобъемлющий план должен был, однако, предполагать внутреннее согласие военных руководителей с упомянутыми целями и основными намерениями.

Как было в действительности? Отношение офицерского корпуса к партии нельзя было назвать хорошим. При системе, когда партии было поручено руководство во всех областях общественной жизни и организация всеобъемлющего контроля в области экономики, на долю офицерского корпуса ничего не оставалось...

Я хочу остановиться на обвинении в том, что военные руководители в целом сознательно, намеренно и коварно совершили преступление, заключающееся в планировании и проведении агрессивной войны.

Очень веские юридические доводы относительно того, что агрессивная война не должна рассматриваться как преступление на основе пакта Келлога, настолько часто приводились защитой, что я могу просто сослаться на них. Я обращаю внимание Высокого Суда на тот факт, что в отношении всех лиц, которые являются моими подзащитными, речь идет не о политиках, не о государственных деятелях, не о специалистах по международному праву, а только о солдатах.

Неизменным остается тот факт, что военачальники планируют только войны, но не агрессивные войны. Оценка войны, как признает это само обвинение, ничего не имеет общего со стратегической обороной или наступлением. Обвинение также признает, что разрешается подготавливать военные планы, в том числе и планы наступления, проводить таковые в жизнь и, наконец, принимать участие в войне.

Оценка войны как агрессивной является чисто политическим суждением.

Таким образом, планирование агрессивных войн военными возможно только тогда, когда военные подвизаются в области политики. Решающим, следовательно, является то, что принимавший участие в планировании офицер знал, что речь идет о политическом плане для ведения определенной агрессивной войны, что эта агрессивная война является несправедливой и что он сам своим соучастием совершает незаконное действие.

Как же представлялась военным руководителям история последних лет перед второй мировой войной? Не так, как эти события выглядят сейчас, после войны и поражения, а как они представлялись в то время типичному германскому военному руководителю. Именно это должно быть решающим для выводов, которые нужно будет сделать для определения виновности или невиновности...

Военные руководители неоднократно и серьезно подчеркивали, что немецкая политика, какие бы цели она ни преследовала, никогда не должна приводить к войне на два фронта. Таким образом, принципиально исключалась мысль о возможности ведения агрессивной войны, в особенности при изобилии пактов взаимопомощи, гарантийных обязательств и союзов между всеми соседями Германии.

История подтвердила правоту генералов. Гитлер не послушался их предостережений, а возмущенно воскликнул: «Что это за генералы, которых я, как глава государства, должен всячески понуждать к войне! Было бы в порядке вещей, если бы мне приходилось спасаться от стремлений генералов к войне».

Только тот, кто не хочет видеть правду, может пройти мимо этих фактов. Если когда-либо существовало единство между военными руководителями, то, конечно, не по поводу плана агрессивной войны, а в связи с желанием удержать главу государства от этих планов, основанных на совершенно трезвых соображениях об опасных последствиях войны для Германии и для всего мира.

Гитлер, как человек, который знал лучше всех об этом, считал этих лиц непригодными для «соучастия» в составлении своих планов и смещал их. Он не считал никого из других офицеров так называемого круга заговорщиков годным для назначения на должность верховного главнокомандующего, который мог бы быть соучастником его планов; он принял на себя командование вооруженными силами и стал, таким образом, непосредственным военным начальником вооруженных сил. С этих пор изъявления его воли и директивы, которые он давал вооруженным силам, стали носить характер приказов. Возражения были возможны, но если отдававший приказ настаивал на своей точке зрения, долг подчиненного приказывал повиноваться. Это является, очевидно, основным принципом во всех армиях.

В связи с этим необходимо обсудить документ, который обвинение считает особенно веским доказательством планов «преступной организации». Это — так называемый про-

токол Госсбаха о совещании 5 ноября 1937 г. Что произошло в действительности? Не влиятельная группа нацистских заговорщиков собралась вместе с Гитлером для рассмотрения обстановки, а Гитлер сам как глава государства созвал нескольких военных руководителей и пригласил министра иностранных дел. Он развил перед ними свои идеи. Сначала он заявил, что вопросы об Австрии и Чехословакии должны быть разрешены в период с 1943 года по 1945 год; затем он назвал Польшу «возможным агрессором». Не было никакой речи о решении вопроса о Польском коридоре или о завоеваниях на Востоке.

Что касается точности протокола, то из представленного мною аффидевита генерала Госсбаха следует, что Госсбах не мог слово в слово записать всю речь, а изложил несколько дней спустя, по памяти, ход совещания на бумаге. Кто не знает, как легко можно при подобных записях, при изложении своими словами или благодаря забывчивости невольно исказить факты?

Во всяком случае ясно установлено следующее:

1. Имперский военный министр и главнокомандующий сухопутными войсками не только не соглашались с военными планами, но и серьезно и настойчиво указывали на опасность, грозившую со стороны Англии и Франции, и подчеркивали слабость Германии.

2. Каков бы ни был смысл выступления Гитлера, все остальные военачальники вообще не узнали о тех мыслях, которые высказал Гитлер. Генерал-полковник фон Фрич при уходе в отставку не сообщил об этом даже своему преемнику.

3. Если бы даже кто-нибудь из офицеров и узнал о содержании этого совещания, то из этого все равно нельзя сделать никаких выводов в отношении всех военных руководителей.

Если Гитлер намечал ведение войны через 6—8 лет, то не было еще причины для беспокойства. В течение такого продолжительного периода могли произойти многочисленные политические изменения. Кроме того, об истинных намерениях Гитлера так же мало можно было судить по этой речи, как и по всем остальным его речам.

4. Из речи Гитлера немногие офицеры, присутствовавшие на совещании, должны были сделать вывод, что он вплоть до 1943 года намерен осуществлять мирное развитие Германии.

Где же доказательство участия генералов в составлении планов Гитлера?

Из действий генералитета во время присоединения Австрии и при разрешении чешского вопроса обвинение также хочет сделать обратный вывод о позиции генералов по отношению к общему плану. Неоднократно подчеркивалось, что отдельные офицеры участвовали в феврале 1938 года в переговорах между Гитлером и австрийскими государственными деятелями в Оберзальцберге. Настоящий смысл этого лучше всего передан в сказанных Гитлером позднее словах:

«В качестве статистов я выставил моих наиболее сурово выглядевших генералов, чтобы доказать Шушнигу всю серьезность положения».

Фактическое вступление на территорию Австрии и оккупация Австрии являлись политической мерой, скрытый смысл которой не был известен всем генералам. Офицер видел только, что при вступлении в Австрию его часть забрасывалась цветами, сотни тысяч людей воодушевленно приветствовали ее и не раздалось ни одного выстрела.

Представленный обвинением «план Грюн» — план наступления на Чехословакию не являлся следствием совещания от 5 ноября 1937 г., он был просто мерой предосторожности на случай войны с Францией и имелся в генеральном штабе уже 1 октября 1937 г., то есть до совещания.

Хотя и в этом случае дело кончилось соглашением о вступлении германских войск, начальник генерального штаба генерал-полковник Бек, с одобрения главнокомандующего сухопутными войсками, предостерегал в своем меморандуме от проведения политики, которая могла привести к военному конфликту. Он подчеркивал, что всякая развязанная Германией война в Европе в конце концов приведет к мировой войне и окончится трагически для Германии. Генерал-полковник Бек был смещен.

Когда 10 августа 1938 г. Гитлер обратился непосредственно к начальникам штабов армий с явной надеждой при помощи этого более молодого поколения сломить сопротивление старых командующих, ему и в этом кругу были высказаны такие опасения, что он стал еще недоверчивее по отношению к генералам. Где же было восхищение генералов планами Гитлера, где же их участие?

Из постоянно менявшихся высказываний Гитлера по вопросу о Судетской области военные начальники не могли узнать, что Гитлер действительно намеревается вести войну. 5 ноября 1937 г. он говорил, что чешский вопрос будет разрешен в период 1943—1945 гг. 20 мая 1938 г. он заявил в военной директиве: «В мои намерения в ближайшем будущем не входит военный разгром Чехословакии — без наличия провокации». 30 мая 1938 г. в одной из военных директив он сообщил вооруженным силам: «Моим неизменным решением является в ближайшем будущем разгромить Чехословакию военным путем». 18 июня 1938 г. в новой директиве говорилось: «Непосредственной целью является решение чешского вопроса по моему усмотрению». 24 августа 1938 г. он установил, что необходимым условием для немецкого наступления должен явиться «инцидент» в Чехословакии. 16 сентября 1938 г. начались военные приготовления на границе. Однако одновременно начались также и дипломатические переговоры. 1 октября 1938 г. на основании политического соглашения мирным путем была занята отошедшая к Германии территория.

Установление протектората в Чехословакии явилось чисто политическим мероприятием; военные руководители получили лишь приказ о мирном введении войск.

И когда в декабре 1938 года приказом главному командованию сухопутных войск было дано указание, что армия до 1945 года должна посвятить все время исключительно организационным задачам и обучению и что всякого рода приготовления на случай войны, включая также и приготовления к охране границ, должны пока остаться в стороне, это окончательно убедило военных руководителей в том, что мирное развитие полностью обеспечено. Какое из этих событий позволяет сделать вывод, что военные руководители принимали участие в общем плане подготовки к агрессивной войне? Во всех случаях военные руководители не делали ничего иного, как только выполняли чисто военные приказы после того, как соответствующее политическое решение уже было принято.

Политические события, которые привели к войне с Польшей, уже достаточно обсуждались здесь, и я должен только сказать еще несколько слов о том, как все это преломлялось в глазах военных руководителей. Каково было теперь отношение генералов к Гитлеру? Он был верховным главнокомандующим вооруженными силами, то есть их непосредственным начальником. Во всех случаях их политические сомнения оказались необоснованными: при занятии Рейнской области, при присоединении Австрии, в судетском вопросе, при установлении протектората. Очень легко на основании нашего теперешнего знания просто отвергать этот факт, но в то время большинство населения и военных твердо верило в политическую судьбу Гитлера. Всех своих успехов он достиг политическими средствами, и ни разу дело не дошло до войны. Для того чтобы предвидеть, что он пойдет на агрессивную войну с Польшей, военные руководители должны были бы быть ясновидящими. Как могли они узнать его цели? Министерству иностранных дел было запрещено сообщать им о политическом положении. Ни в одиночку, ни все вместе они не могли принимать участия в политических решениях. Предложения имперского министра иностранных дел в октябре 1938 года польскому послу, переговоры самого Гитлера с польским министром иностранных дел, переговоры имперского министра иностранных дел в Варшаве могли быть с точки зрения военных расценены лишь как попытки политического решения польской проблемы, но отнюдь не как признак предстоявшей агрессивной войны.

Первый военный приказ в апреле 1939 года был не больше, чем подготовкой на всякий возможный случай. Рассуждая трезво, каждый военный руководитель считал, что гарантия английской и французской помощи Польше делала абсурдной всякую мысль об агрессивной войне против Польши.

Совещание 23 мая 1939 г. было односторонней информацией со стороны верховного главнокомандующего для подчиненных ему военных руководителей. Если Гитлер при этом буквально заявил следующее: «Я был бы идиотом, если бы втянулся в мировую войну из-за какого-то паршивого вопроса о Польском коридоре, как это сделали ни к

чему не способные руководители в 1914 году», и если Гитлер при этом на замечание фельдмаршала Мильха, что количество бомб еще недостаточно на случай войны и что оно должно быть увеличено, ответил, что для таких мероприятий хватит еще времени, то военные руководители должны были сделать из этого вывод, что Гитлер занимается военной подготовкой только для поддержания предпринятых политических мероприятий, но что он ни в коем случае не допустит вооруженного столкновения с Польшей.

Совещание 22 августа 1939 г. также было не совещанием с советниками в подлинном смысле этого слова, а просто обращением верховного главнокомандующего к подчиненным ему военным руководителям. Хотя Гитлер заявил, что «у нас нет другого выбора, мы должны действовать», он все же не сказал, что он подразумевает под словом «действовать». Во всяком случае у военных руководителей не создалось впечатления, что война с Польшей — решенное дело. Наоборот, видимое облегчение, с которым Гитлер сообщил о только что подписанном с Советским Союзом торговом договоре, вселило в участников совещания твердую уверенность в том, что он и в польском вопросе сумеет найти дипломатическое решение.

До того времени Гитлер мастерски использовал подходящую обстановку. Никто так виртуозно не блефовал, как он. Однако блеф и военный нажим — это дозволенные средства политики. Делать из этого вывод, что тот, кто, принимая участие или поддерживая то и другое, соглашается с агрессивной войной, было бы совершенно неправильно. Если Гитлер действительно уже задолго до того имел план нападения на Польшу, то военные руководители не могли знать об этом плане. В конечном счете, они сами явились жертвой блефа.

Но когда началась игра и был брошен жребий, что они должны были сделать? Следовало ли им заявить: «Мы в этом не участвуем» или же уклониться от выступления? Они должны были выполнять свой долг. Они оказались в таком же положении, что и русские военные руководители, которые вступили в Польшу по приказу Сталина через несколько дней после того, как война началась, к ним применимы были слова Наполеона: «Учтите, господа, что на войне послушание ценится выше, чем храбрость».

Обвинение возлагает на военных руководителей ответственность не только за развязывание войны, но и за ее дальнейшее развертывание, за руководство ею.

Причины политического и военного характера, которые привели к развертыванию военных действий, обсуждались во время этого судебного процесса так часто и так многосторонне, что я должен отказаться — к тому же ввиду ограниченности времени — от обсуждения этих событий еще раз в широком масштабе.

Военные руководители представляли себе политические предпосылки второй мировой войны как результат условий, созданных Версальским договором. Поэтому поведение

Германии в отношении Польши казалось им, в конце концов, морально оправданным.

Германские генералы меньше всего желали войны на Западе. Когда Англия и Франция объявили войну, это явилось фактом, к которому германские военные руководители отнюдь не стремились. Дальнейшее развертывание военных событий не может уже рассматриваться как результат свободных решений или же заранее обдуманного плана. Необходимость борьбы не на жизнь, а на смерть после того, как начинается война, уже сама указывает государствам путь, по которому они должны идти. Солдат в данном случае становится уже не чем иным, как мечом, который должен наносить удары, и щитом, который должен принимать на себя удары, чтобы предотвратить гибель собственного народа...

Причины, побудившие Германию выступить против Югославии и Греции, в достаточной степени выяснены при представлении доказательств по делу Геринга, Кейтеля и Иодля. Война против Греции была неизбежным следствием самовольного выступления Италии, война против Югославии — следствием внезапного государственного переворота в Белграде. Что касается военных руководителей, то они даже никогда и не предвидели возможности войны на Балканах, не говоря уже о том, что они не несли за нее какой-либо ответственности.

О возможности выступления против Советского Союза военные руководители в начале войны вообще не думали. Они даже не проводили никаких подготовительных мероприятий для подобного случая, в штабе сухопутных войск не было даже соответствующих карт. Когда Гитлер позднее приказал им заняться этими планами, он обосновывал это необходимостью предупредить вступление России в войну. Русское выступление против Финляндии, судьба балтийских государств и Бессарабии, казалось, подтверждали правильность такой точки зрения. Военный «план Барбаросса», который обвинение рассматривает как план агрессивной войны, являлся до последнего времени лишь возможным вариантом, превентивной мерой на тот случай, если Советский Союз изменит свою позицию. Даже после февраля 1941 года — за исключением руководящих лиц ОКВ, ОКХ и командующего ВВС — только 18 из 129 обвиняемых членов военного руководства вообще узнали об этом возможном варианте на случай войны. Командующий сухопутными войсками фельдмаршал фон Браухич предостерегал Гитлера в связи с этим планом и указывал на серьезные военные опасности. Но основная часть офицеров, на которых распространяется обвинение, узнала о нем непосредственно перед началом войны, при получении соответствующих приказов. Каким образом эти 18 офицеров, узнавших о плане, могли с успехом противостоять намерениям Гитлера? Указанные Гитлером причины оправдывали войну. Другие же военные вообще не имели возможности отклонить решение Гитлера.

Начало войны с США также рассматривалось здесь. Высших военных командующих даже и не спросили об их мнении прежде, чем объявить войну. Если даже само ОКХ узнало лишь об уже совершившемся факте, то как могли остальные военные руководители знать что-либо о намерении Гитлера начать эту войну? Что касается военно-морского флота, который один лишь мог вести военные действия до тех пор, пока наземные войска и военно-воздушные силы США не перешли в наступление в Европе и в Африке, то установлено, что военные действия, по существу, были открыты задолго до объявления войны на основании приказа Рузвельта об открытии огня по кораблям, хотя вооруженные силы Германии строго соблюдали неоправданную с точки зрения международного права границу протяженностью в 300 морских миль. Доказательства, предъявленные по делу Редера и Деница, ясно показывают, что все приказы командования военно-морских сил были направлены на то, чтобы при любых обстоятельствах избежать конфликта с Соединенными Штатами.

Я подхожу к концу этого раздела. Какую вину несут 129 офицеров, на которых распространяется обвинение в развязывании и ведении этой войны? Я полагаю, что только ту, какую несет каждый солдат, сражаясь на войне за свою родину там, где его поставят.

Теперь я перехожу к преступлениям против законов ведения войны и против человечности.

Это обвинение, выдвигаемое в первую очередь против германского генералитета, заключается в том, что соответствующие военные руководители участвовали в планировании и в ведении преступной тотальной войны, а также в совершении преступлений против вражеской армии и военнопленных, против населения оккупированных территорий. Что касается генералов, то речь идет не об уменьшении вины каждого из них, а об установлении исторической правды. Для того чтобы правильно судить об ужасных событиях последней мировой войны, надо помнить о том, что поведение отдельных людей, как и поведение целых народов, не является лишь проявлением свободной воли, хороших или плохих стремлений. Оно в значительной мере обусловлено духовными принципами времени, от влияния которых никто не может освободиться.

Вторая мировая война была не только войной армий, но наряду с этим, а по своим итогам даже и в основном, это была война идеологий. Всегда, когда сталкивались между собой идеологии, борьба шла не на жизнь, а на смерть и перерастала в тотальную борьбу. Идеологическая борьба всегда проливала потоки крови и несла с собой неслыханные зверства. Вспомните религиозные войны, вспомните жертвы и ужасы великих революций. Так и вторая мировая война, явившаяся столкновением различных идеологий, велась обеими сторонами с такой остротой и с таким упорством, которые в конечном счете привели к полному истощению человеческих

сил и материальных средств собственных народов, то есть к тотальной войне в подлинном смысле этого слова.

В результате двойственного характера второй мировой войны — с одной стороны, военного, а с другой стороны, идеологического — руководство ведением войны начиная с высших инстанций, непосредственно подчиненных Гитлеру, и вплоть до низших исполнительных органов было строго разграничено. Лишь чисто военное руководство военными операциями входило в компетенцию вермахта, тогда как все, что было связано с происходившей попутно идейно-политической борьбой, было передано политическому руководству и его исполнительным органам. Так, в отличие от прошлого главнокомандующие немедленно лишались административной власти над теми частями вражеской территории, которые только что были заняты их армиями, и эта власть полностью переходила в руки представителей политического руководства. Поэтому из настоящего процесса должно быть устранено все, что относится к вопросу об ответственности так называемой группы за возможные преступления в занятых областях, которые не находились во власти обвиняемого круга лиц.

Протекторат и генерал-губернаторство, Норвегия, Бельгия и Северная Франция, остальная часть оккупированной Франции, Люксембург и Эльзас-Лотарингия, Хорватия, Югославия и Греция, Словакия, Венгрия и Италия — все эти страны не находились во власти командующих.

В Советском Союзе по приказу Гитлера районы оперативных действий с самого начала были предельно ограничены. Они охватывали только территории, находившиеся непосредственно в районе военных действий, поэтому пределы деятельности военных властей на этих территориях были ограничены исключительно зоной боевых операций, то есть территорией, не превышавшей 10 км за передовой линией. За этими пределами административная власть находилась в руках политических органов.

К тому же командующие в районах оперативных действий были настолько сильно заняты задачами ведения военных операций, снабжения своих войск и осуществлением военной охраны, что они и сами не могли заниматься другими вопросами. Их место было в районе боевых действий, там, где находились подчиненные им соединения. Их заботы и планы были в первую очередь посвящены непрекращавшимся военным операциям и участвовавшим в них войскам. Таково простое объяснение того обстоятельства, что многие дела и мероприятия других, не относившихся к вооруженным силам, органов не доходили до сведения командующих даже в районе оперативных действий и могли содержаться в секрете от них.

Соединения войск СС подчинялись командующим вооруженными силами как боевые части исключительно в отношении использования их в боевых действиях и в вопросах снабжения. Как в отношении организации, так и в отношении состава дисциплинарной и судебной власти эти подраз-

деления находились в непосредственном подчинении рейхсфюрера СС Гиммлера.

Все другие организации Гитлера, например эйнзатцгруппы, полиция, СД, организация Тодта, получали указания и приказы только от тех органов, которым они непосредственно подчинялись, а не от командующих данного района оперативных действий.

Благодаря такой системе отдачи приказов и разделения ответственности между различными органами деятельность командующих практически ограничивалась руководством боевыми операциями частей, находившихся под их командованием.

Несмотря на большие трудности, которые возникли перед защитой при подборе материала, я представил Суду чрезвычайно обширный защитительный материал и давал соответствующие объяснения к нему, насколько мне была предоставлена эта возможность.

Я хочу остановиться только на отдельных вопросах, которым придаю особое значение.

Большую роль играл приказ, согласно которому политических комиссаров немедленно расстреливали. Когда Гитлер в марте 1941 года объявил сначала в устной форме этот запланированный им одним приказ, он столкнулся с большим неодобрением со стороны всех присутствовавших при этом генералов, которые как солдаты и как люди не могли согласиться с ним. После того как все попытки генералов из командования сухопутных сил и ОКВ предотвратить издание этого приказа потерпели неудачу и приказ о комиссарах спустя некоторое время был издан в письменной форме, командующие армиями и группами армий или вообще не доводили его до сведения своих частей, или со своей стороны давали распоряжения, которые делали невозможным выполнение этого приказа. Они делали это с полным сознанием строгой кары, которая грозила им за открытое неповиновение приказу верховного главнокомандующего во время войны. Изданный командующим сухопутными войсками в дополнение к приказу о комиссарах приказ о поддержании дисциплины имел желаемый успех. Он давал возможность командующим фронтами действовать по своему усмотрению. Таким образом, военные руководители добились того, что приказ о комиссарах в районе действий армии и повсеместно не проводился в жизнь...

Такое же сопротивление со стороны высших командующих вызвал приказ Гитлера об ограничении военной подсудности на Востоке, сообщенный им сначала в устной форме. Благодаря тому, что этот приказ не был поддержан командующими, Гитлер должен был отменить свой первоначальный план ликвидации военной подсудности на Востоке и удовольствовался приказом об ее ограничении.

Именно в связи с этим приобретает большое значение приказ командующего сухопутными войсками о поддержании воинской дисциплины. Командующие фронтами и армиями действовали целиком в соответствии с положениями этого дополнительного приказа и неизменно принимали

меры во всех случаях, когда лица, принадлежавшие к вооруженным силам, нарушали интересы гражданского населения. В самых тяжелых случаях они выносили и приводили в исполнение смертные приговоры. Даже в случаях самых простых автомобильных аварий, если при этом были ранены русские жители, виновные привлекались военными властями к ответственности. Об этом свидетельствуют, между прочим, показания генерал-фельдмаршала фон Лееба. И в этом случае офицеры, которым теперь предъявлено обвинение, заботились о том, чтобы приказ Гитлера, который противоречил их взглядам, не был полностью приведен в исполнение.

Отношение к приказу Гитлера о коммандос было с самого начала в такой степени отрицательным, что Гитлер не только должен был лично издать его, но и, кроме того, он был вынужден ввести строгое наказание за его невыполнение... Для восточного театра военных действий этот приказ не имел никакого значения. Военные начальники нашли средства и пути, чтобы помешать проведению в жизнь противоречившего их воинской чести приказа о коммандос. Приведенные обвинением отдельные случаи не должны нами сейчас рассматриваться, так как в них речь идет об отдельных проступках, которые еще будут или уже были рассмотрены на других специальных процессах. Они ни в какой степени не отражают типичного образа действий военных руководителей, который и является предметом рассмотрения на данном процессе.

Большое значение имеют следующие вопросы: разве не могли военные руководители верить тому, что содержащиеся в этом приказе факты соответствуют действительности? Разве они не должны были считать, что приказ перед его изданием был приведен в соответствие с нормами международного права? Насколько этот приказ противоречит нормам международного права? Не является ли он допустимой репрессалией?

По этим вопросам Суд примет решение, если он придает значение этому приказу Гитлера в связи с оценкой деятельности моих подзащитных.

При рассмотрении вопроса об обращении с военнопленными надо только выяснить следующее: издавались ли командующими во исполнение общего плана приказы о жестоком обращении с военнопленными в районах военных операций и наказывали ли они виновных в этом.

Если в первый период войны с Россией размещение и снабжение русских военнопленных не соответствовали положениям Женевской конвенции, то это объясняется исключительно тем, что при наличии сотен тысяч военнопленных известные трудности неизбежны. Помимо этого, отдельные предъявленные обвинением факты были опровергнуты доказательствами, относящимися ко всем театрам военных действий. На всех фронтах командующие издавали приказы, направленные против возможных злоупотреблений в обращении с военнопленными, и при нарушениях привлекали виновных к ответственности. Жестокое обращение или же

убийства военнопленных не имели места на основании их приказов или с их ведома.

Наиболее тяжкое обвинение состоит в том, что командующие были полностью осведомлены о задачах и деятельности эйнзатцгрупп, которые якобы находились в их подчинении и не только терпели, но и активно поддерживали все эти мероприятия. В данном случае обвинение опирается на показания высших фюреров СС Олендорфа, Шелленберга и Роде, а также на документ Л-180. Разве это не в высшей степени сомнительные доказательства? Могут ли они в самом деле убедить Суд в том, что генералы германских вооруженных сил приложили свою руку к ужаснейшим массовым уничтожениям? Я с полной уверенностью опровергаю это.

Показания Олендорфа, по приказу которого были убиты тысячи евреев, опровергаются по всем основным пунктам показаниями генерала Велера. Шелленберг, который занимал руководящие посты в пользовавшемся самой дурной славой учреждении Германии — РСХА, друг Гиммлера, не может представить никаких конкретных фактов, а высказывает лишь предположения. Он предполагает, что генерал Вагнер в 1941 году был поставлен в известность Гейдрихом о проведении массовых убийств. Когда свидетель приходит к такому предположению? В конце 1945 года, когда он арестован и ищет для себя выход. Подвергнутый мной перекрестному допросу, он не может представить никаких фактов, относящихся к 1941 году, в подтверждение этого впервые выдвинутого в 1945 году предположения. Неужели же генерал Вагнер, высококвалифицированный офицер, отдавший 20 июля 1944 г. свою жизнь в борьбе против национал-социализма, ничего не сказал бы об этом ужасном сообщении своему непосредственному начальнику генералу-фельдмаршалу фон Браухичу, с которым он был близок в течение многих лет и к которому имел постоянный доступ как генерал-квартирмейстер? Это предположение немыслимо, что также подтвердил на Суде и генерал-фельдмаршал фон Браухич.

Шелленберг пробует высказать предположение, что офицеры разведотдела I-с на совещании в июне 1941 года были осведомлены о задачах эйнзатцгрупп, касавшихся массового уничтожения. Он не останавливается на этом предположении, он высказывает предположение, что эти офицеры разведотдела I-с поставили об этом в известность главнокомандующих. Эти два высказанных Шелленбергом одно за другим предположения должны дать доказательство того, что главнокомандующие будто бы были осведомлены об этих намеченных массовых уничтожениях. Вот что я хотел сказать о показаниях Шелленберга.

И свидетель Роде, также высший начальник СС, тоже хочет обвинять. Он утверждает, что эйнзатцгруппы подчинялись командующим, но ограничивает свои слова добавлением: «Насколько мне известно». Этим самым показание теряет цену для обвинения.

Я перехожу к документу Л-180, согласно которому командующий 4-й танковой группой генерал-полковник Геппнер работал в особенно тесном взаимодействии с оперативными группами. Не заключает ли в себе использование такого отчета большой опасности для установления истины, поскольку он содержит только личное мнение автора? К тому же в нем не указано, в чем состояло это взаимодействие и к чему оно относилось. Оперативные группы и команды выполняли, как уже доказано, также и задачи по надзору и контролю, и только это было известно командующим. Если вообще должно было существовать взаимодействие, то оно никогда не могло относиться к массовым расправам над евреями.

Генерал-полковник Геппнер, который также пал жертвой 20 июля 1944 г., был последним, кто приложил бы свою руку к массовым убийствам. Можно ли поверить тому, что генерал, который ценой своей жизни хотел уничтожить существовавшую систему главным образом из-за ее методов, участвовал раньше в массовых убийствах?

Я очень сожалею, что не могу вызвать генералов Вагнера и Геппнера к свидетельскому пульту; они оба состояли в заговоре, но не вместе с этой системой, а против нее и оба пожертвовали за это своей жизнью. Странно, что обвинение, которое так легко иронизирует, когда подсудимые с целью смягчить свою вину ссылаются на умерших свидетелей, в этом случае само ссылается на мертвых в подтверждение того, что военные руководители знали о намеченных массовых убийствах и участвовали в них, но мертвые, к сожалению, не могут возразить против этого.

Этим, ни в какой степени не решающим доказательствам обвинения я противопоставил многочисленные аффидевиты, устанавливающие, что:

1) оперативные группы (эйнзатцгруппы) не подчинялись военным командующим, это особенно ясно вытекает из документа ПС-447;

2) генерал Вагнер заявил об этом генеральному судье Мантеллю и

3) военные руководители не были осведомлены о намечавшемся массовом уничтожении.

Высокий Суд должен сам решить, верит ли он больше руководителям СС Шелленбергу, Олендорфу и Роде, которые в своей ненависти в последний раз пытаются увлечь за собой в пропасть военных руководителей или офицеров, о которых Суд уже мог сам составить себе представление.

Что касается других пунктов обвинения, например жестокое обращение с гражданским населением, разрушения и разграбления, то я ссылаюсь на доказательства, представленные мною по этим вопросам, из которых ясно вытекает, что военное руководство во всех известных ему противозаконных случаях принимало самые строгие меры.

Об участии военных руководителей в депортации рабочих обвинение не представило никаких веских доказательств. Вопрос о расстреле заложников должен остаться сейчас без рассмотрения, так как командующие оккупационными вой-

сками на определенных территориях, если они вообще расстреливали заложников, не входят в круг защищаемых мною лиц. Если я закончу на этом свои объяснения по вопросу о военных преступлениях и преступлениях против человечности, то совершенно ясно одно: члены военного руководства своими действиями не преследовали цели осуществления каких-либо планов, направленных на совершение военных преступлений или преступлений против человечности. Более того, они, как и подобает настоящим солдатам, вели войну по-рыцарски и сумели воспрепятствовать проведению в жизнь всех тех приказов Гитлера, которые противоречили их собственной точке зрения. Может показаться странным, что я в своих объяснениях говорил только о командующих сухопутными войсками на фронте и о военном руководстве на суше, а не о генералах военно-воздушных сил и адмиралах военно-морского флота, которых тоже причисляют к так называемой группе. Я могу защищать только то, что подвергается нападению. Все утверждения обвинения о совершении военных преступлений и преступлений против человечности вообще не относятся к командующим ВМФ и ВВС. Единственный упрек, касающийся приказов о ведении подводной войны, относится только к обоим гросс-адмиралам, которые взяли на себя полную ответственность за это, в то время как командующие действующими соединениями ВМС не имели к этому ни малейшего отношения. Командующим военно-воздушными силами не предъявлено вообще никакого обвинения. Если 17 адмиралов и 15 генералов военно-воздушных сил зачислены в состав этой группы только благодаря занимаемой ими должности, в то время как им даже не предъявлено никаких обвинений, то это является самым веским доказательством, опровергающим тезис о существовании этой группы, и делает излишним всякую другую защиту генералов ВВС и адмиралов.

Последнее из предъявленных обвинений, заключающееся в том, что военные руководители должны нести ответственность за то, что на практике они допускали осуществление преступных планов Гитлера, а не противились им, это ведет нас снова к центральной проблеме данного процесса, относящейся к военным, а именно к проблеме долга повиновения.

Неоднократно говорилось о том, что приказы Гитлера не только являлись военными приказами, но и имели еще законодательную силу. Стало быть, военные руководители должны были не подчиняться законам? Если не будет соблюдаться долг повиновения приказу, предписывающему совершение общеуголовного преступления, то причиной этого явится то обстоятельство, что этот приказ повлечет действия, направленные против государственной власти. А можно ли вообще говорить о преступлении, если приказ требует действия, которое не направлено против государственной власти, а, наоборот, совершается по ее указанию? И если даже на этот вопрос ответить положительно, то какой гражданин какого-либо государства в мире может в этом случае распознать преступный характер своих действий?

Какую возможность имели вообще подсудимые генералы для пассивного или активного действия, вопреки приказу и закону? Каковы были бы перспективы для успеха? Простое отклонение противозаконных планов или приказов путем возражений, предостережения, выражения опасения и т.п. было хотя и возможно, но на деле безуспешно. Частично эти возможности не использовались только потому, что генералы просто не знали о многом. В политическо-идеологической войне все применявшиеся методы настолько тщательно скрывались от генералов, что они даже и не знали ничего о массовых расправах, не говоря уже о том, что могли бы воспрепятствовать им. В военном секторе военного управления ближайшие сотрудники Гитлера являлись, может быть, помощниками в выполнении решения, но они никогда не участвовали в вынесении решения. Обвиняемые здесь военачальники узнавали о чем-либо только в том случае, если они, как солдаты, должны были по-военному выполнить готовое решение. По мере возможности они выдвигали возражения. Главнокомандующий сухопутными войсками барон фон Фрич предостерегал от захвата Рейнской области, от политики, которая могла привести к ведению войны на два фронта, от вооружения и... был смещен. Начальник генерального штаба Бек высказал предостережение политического порядка и был уволен. Генерал-полковник Адам также высказался против проводимой политики и был уволен. Главное командование сухопутных войск высказалось против наступления на Западе и нарушений нейтралитета и было отстранено от руководства. Главнокомандующий сухопутными войсками обжаловал отдельные эксцессы в Польше, следствием этого было отстранение военных инстанций от управления в оккупированных областях.

Предостережения, опасения, деловые возражения не имели никогда успеха, они приводили в большинстве случаев к тому, что Гитлер оставался при своем мнении и настаивал на том, чтобы оно претворялось в жизнь. Если оставались безуспешными шаги, предпринимавшиеся высшими военными чинами, то чего же могли достичь в этой области нижестоявшие офицеры, на которых распространяется обвинение?

Демократический политический деятель скажет, что они могли уйти в отставку. Это может сделать парламентский министр в демократической стране. Германский офицер не мог этого сделать. Его связывала присяга, выполнение которой для старого офицера больше, чем для кого-либо другого, являлось наивысшим долгом. Немецкий генерал мог лишь просить об удовлетворении его ходатайства об отставке. Была бы эта просьба удовлетворена, зависело не от него самого. Кроме того, Гитлер во время войны запретил какие-либо подобные просьбы и почти приравнивал отставку к дезертирству. Коллективная отставка, практически вообще невыполнимая, явилась бы бунтом и привела бы только к тому, что к руководству пришли бы люди более уступчивые, а на Гитлера эта отставка никогда не могла бы по-

влиять настолько, чтобы он изменил свою политику, свои приказы или свои методы.

Фактически предпринимавшиеся некоторыми фельдмаршалами попытки уйти в отставку, в частности подобная попытка главнокомандующего сухопутными войсками в ноябре 1939 года, были категорически отклонены. Отставка, данная Гитлером позднее, последовала в силу лично принятого им решения.

Несмотря на это, командующие фронтами, несомненно, обязаны были бы любыми средствами добиться отставки, если бы перед ними были поставлены задачи, выполнение которых, согласно их пониманию, ставило бы на карту честь немецкого народа. Но генералы были не причастны как раз к задачам, к которым я причисляю массовые истребления и зверства в концентрационных лагерях, и эти вещи от них тщательно утаивали.

Разве открытое неподчинение было бы доступнее и имело бы больший успех? Если военные руководители все же неизменно боролись за свои солдатские убеждения, и, в рамках возможного, поступали согласно этим убеждениям, то это имело только то последствие, что к концу войны их совершенно отстранили.

Я обобщаю:

1) воинское неповиновение было и будет нарушением долга, а на войне преступлением, достойным смерти;

2) долга к неповиновению не существует ни для одного солдата в мире, пока существуют государства, наделенные суверенными правами;

3) при диктатуре Гитлера открытое неповиновение могло привести лишь к уничтожению подчиненных, а не к отмене данного приказа;

4) ни одно сословие не понесло таких жертв за свои убеждения, противоположные методам Гитлера, как круг обвиняемых здесь офицеров...

Итак, у немецких военных руководителей оставался только один долг — до последнего бороться с врагом. Они должны были сделать трагический выбор между личным правом и воинским долгом; они выбрали долг и, руководствуясь им, действовали так, как подсказывала им мораль воина.

Я заканчиваю и доказанным считаю, что:

1) 129 военных руководителей, которых хотят обвинить, ни в коем случае не были организацией или группой и тем более не объединялись единой волей, направленной на совершение преступных действий. Эти люди не представляли собой преступного сообщества;

2) произведенное обвинением соединение этих офицеров под искусственным общим понятием «генеральный штаб и ОКВ» в действительности является совершенно произвольным объединением различных должностных лиц, занимавших те или иные посты в различные периоды и, кроме того, принадлежавших к различным видам вооруженных сил. Такой подход, не обоснованный ни внутренне, ни с точки зрения правовой необходимости, может иметь своей целью лишь дискредитацию такого института, как генеральный

штаб, организация которого многими государствами считалась образцовой.

Далее я считаю доказанным, что военные руководители в государстве Гитлера не имели даже возможности способствовать созданию политического плана и участвовать в политическом заговоре в целях ведения агрессивной войны, не говоря уже о том, что они не могли принимать в этом активного участия. Они постоянно предупреждали и предостерегали, но политическое руководство ставило их перед свершившимися фактами.

И, наконец, я считаю доказанным, что после начала войны военные руководители оказывали пассивное сопротивление методам Гитлера, которые нарушали законы войны и человечности. Таким образом, военные руководители в пределах возможного воспрепятствовали практически совершению военных преступлений и преступлений против человечности и, будучи солдатами, выполняли, таким образом, свой христианский долг. Если отдельные из них поступали неправильно, то они должны понести за это наказание, но в своей массе они не виновны в совершенных преступлениях...

Эти люди не заботятся о своей жизни, ибо они часто смотрели в глаза смерти; они заботятся о справедливости. Пусть здесь, в Нюрнберге, им будет вынесен приговор, который, как я говорил вначале, не будет продиктован обычными страстями, будет далек от слепой жажды мести и мелких стремлений к возмездию. Пусть этот приговор будет чистым и правдивым с точки зрения вечности, пусть на пути к лучшему будущему народов он явится справедливым приговором!

Заключительные речи обвинителей по делу преступных организаций

Речь заместителя Главного обвинителя от Великобритании Д. МАКСУЭЛЛ-ФАЙФА

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 28 и 29 августа 1946 г.

Господа судьи, в 1938 году Гитлер заявил в рейхстаге:

«Национал-социализм дал германскому народу руководство в лице партии, которое не только мобилизует нацию, но и организует ее. Национал-социализм завладел Германией целиком и полностью... Нет ни одного учреждения в государстве, которое бы не было национал-социалистским».

Мы теперь знаем, какого рода руководство дал национал-социализм германскому народу. Мы знаем, каким образом и для каких целей национал-социалистская партия мобилизовывала и организовывала германский народ — для господства над миром ценой войны и убийств. Обладание Германией, целиком и полностью достигнутое национал-социализмом, означало обладание народом духовно и физически, осуществляемое организациями национал-социалистской партии и правительства.

С какой целью нацисты стремились завладеть народом? Их целью было создать подконтрольное фанатичное полицейское государство, готовое к военной агрессии. Если бы можно было себе представить некий «эрзац» Макиавелли, который бы формулировал то, что для этого было нужно, он бы счел, вероятно, необходимым:

1. Быстрый метод издания законов и декретов. Для этого необходим податливый и уступчивый кабинет, обладающий полнотой законодательной власти, — рейхсрегирунг.

2. Быстрое подавление всяких признаков оппозиции или свободы мысли. Для этого нужна служба шпионажа и полиции, умеющая наносить удар без промедления, — СД и гестапо.

3. Полный контроль над общественным мнением. Он обеспечивается путем давления фанатичного корпуса политических руководителей на пропитанную пропагандой общественность страны.

4. Преторианская гвардия, которая избавит вас не только от «непокорных священников», но и от всех тех, кто придерживается собственных религиозных убеждений. И вот появляется СС.

5. Проникающая всюду рука исполнительной власти, которая захватит население и заставит его тренироваться физически и готовиться морально к войне, которая будет толкать население в нужном направлении, когда появится необходимость в массовом насилии, которая будет твердо направлять его в духе идеологии террора внутри страны и за границей. Что может лучше подойти для этой цели, чем СА, которые только что «выиграли уличные бои».

6. Орудие для использования наличных вооруженных сил в ваших целях; орудие для того, чтобы сделать их готовыми совершать любое действие, даже если оно противоречит военным традициям и понятию чести солдата; орудие для того, чтобы заставить их беспрекословно соглашаться с порабощением других народов, содействовать созданию и объединять цели организаций для подавления и уничтожения национальной жизни и человеческого достоинства. Эту задачу должны выполнить генеральный штаб и верховное командование.

Быстрота управления, система доносов, отсутствие свободы мысли и слова, подавление внутри страны и применение подготовленных и обученных сил за рубежом — таковы постоянные, тесно связанные между собой методы, без которых не может процветать тирания. Эти методы представляют собой лишь иные названия для организаций, которые мы обвиняем как преступные и с помощью которых подсудимые и их сотрудники могли руководить и владеть нацией и организовать ее.

Когда господин Джексон выступал перед Трибуналом 28 февраля, он подчеркнул, что нашей целью не является обвинить в преступлениях весь германский народ. Я снова повторяю, что мы не стремимся обвинить народ Германии. Наша цель — защитить его и дать ему возможность реабилитировать себя и завоевать уважение и дружбу всего мира. Но как может быть это сделано, если мы оставим в его среде безнаказанными и неосужденными эти элементы нацизма, которые в основном ответственны за тиранию и преступления и которые, как может поверить Трибунал, не могут быть обращены на путь свободы и справедливости?

Мы стремимся защитить не только германский народ. Вся Европа нуждается в защите. Посмотрите, в каком положении находится в настоящее время Европа. Среди немцев, преданных Гитлеру, было много тысяч мужчин и женщин, которые собственными руками совершали убийства, убийства, быть может, не одного человека, а многих людей. Сотни тысяч, нет, миллионы других стали последователями веры ненависти и жестокости, которую исповедовал их фюрер. Среди них были те, которые получили специальную подготовку и стали профессиональными руководителями в области военной и политической, люди, которые все еще так же фанатично и безжалостно стремятся к власти, как в течение последних 25 лет своей жизни. Вы помните слова? Я цитирую:

«Борьба? Почему вы все время говорите о борьбе? Вы захватили государство и, если что-нибудь не нравится вам, издайте закон и управляйте иначе. Почему вы все время должны говорить о борьбе? Ведь в ваших руках вся власть. Против чего вы боретесь? Во внешней политике? У вас есть вермахт. Он будет бороться, если это потребуется. Во внутренней политике? Есть закон и полиция, которые могут изменить все, что вам не нравится».

Таковы были заповеди хохайтстрегеров — носителей национал-социалистской власти. Такие вещи нельзя забыть в

один день. Разве можно позволить этим людям действовать свободно среди германского народа и среди народов Европы? Уже сейчас трудности, выпавшие на долю этого несчастного континента, подавляют нас. Кроме тех, кто подходит под категорию, относящуюся к организациям, большое количество фанатичных приверженцев нацизма при всех обстоятельствах должно находиться на свободе. Перед нами целое поколение немцев, которые не знают иных путей, кроме тех, которые были указаны им их нацистскими руководителями, — молодые мужчины и женщины, первыми учителями которых были нацисты и которые получили воспитание в нацистских школах, которые находили отдых в военной тренировке СА и занимались в ее рядах спортом. Должны ли мы позволить руководителям нацистской Германии в качестве членов этих организаций свободно бросать семена своего влияния в эту плодородную почву?

Закон — живой организм. Он не является догмой, которую нельзя изменить. Его целью является служение человечеству, и он должен расти и развиваться для того, чтобы удовлетворить растущие и меняющиеся потребности общества. Потребности Европы в настоящее время не имеют прецедента в истории. Никогда прежде перед обществом стран Европы не стояли такие проблемы, никогда оно не подвергалось опасности пребывания в его среде миллионов безжалостных фанатиков, выученных и вымуштрованных в духе убийств и расовой ненависти, в духе войны. Такое положение независимо от того, имелись ли подобные прецеденты в прошлом, оправдывает и даже требует применения необычных норм права. Фактически же, как помнит Трибунал из речи господина Джексона, имеется большое количество прецедентов в области процедуры, которую мы просим Вас создать. Если Вы считаете доказанным, что эти организации в целом являются преступными, что большинство членов этих организаций, будучи осведомлены об их целях, добровольно поддерживали их преступную политику и участвовали в преступной деятельности руководителей нацистской партии, тогда Вашим долгом является в соответствии с Уставом объявить их преступными. Вы можете быть уверены в том, что долг, исполнения которого от Вас требует Устав, лишь соответствует Вашему долгу перед Германией и перед Европой, перед миром.

Принцип, на основании которого мы требуем их осуждения, совершенно ясен. Это практическое применение здравой теории наказания, которой нас учили с юности, в частности, среди других великий германский философ Кант. Если люди используют общество лишь для достижения своих собственных целей, это общество имеет все основания изгнать их из своей среды. Огромные масштабы этой проблемы не дают права оставлять ее неразрешенной. Если не будет выполнен этот долг перед законом, террор и расовые преследования смогут воцариться снова на континенте, и в третий раз за период жизни нашего поколения может начаться мировая война.

Трибунал и обвинение имели возможность ознакомиться, разрешите мне так сказать, с весьма продуманной и высокоученой речью доктора Клефиша[1]. Однако я позволю себе сделать критическое замечание, что эта речь весьма далека от существенной функции Трибунала на данной стадии процесса, которая заключается в установлении фактов. Первые 30 страниц представляют собой фактически нападки на статьи 9 и 10 Устава, причем делается вывод, что Трибунал должен сделать слово «может», упомянутое в статье 9, основой для априорного суждения о том, что никакая организация не может быть преступной; такой вывод, по нашему мнению, является сведением к абсурду статей 9 и 10 как с точки зрения буквальной, так и смысловой.

В последующих частях своей речи доктор Клефиш выдвигает некоторые допущения, на которые следует обратить внимание.

Он ставит вопрос о том, в каких масштабах и в каком количестве, каким образом и кем должны быть совершены преступления для того, чтобы быть инкриминируемыми организации? На это мы скажем, что ответ на этот вопрос практически не вызывает затруднений. Никто не может с категоричностью утверждать, сколько именно зерен нужно, чтобы образовалась куча, но в равной степени никто не может отрицать того, что, видя кучу, можно понять, что это куча. Также очень легко решать на основании здравых рассуждений, какие преступления совершались в рамках общих целей организации. Обвинение не только принимает, но и разделяет предположение, что в деле каждой организации можно сказать, что известные преступления являются типичными и повторяющимися, причем обвинение обращает внимание на количество таких типичных и повторяющихся преступлений, которые встречаются в доказательствах.

Подобным же образом не встречается затруднений в объяснении слов «в связи с отдельными подсудимыми». Заявлять, что совершение отдельными подсудимыми преступлений не в качестве членов организаций не подходит под статью 9 Устава, — значит рассматривать это дело в несуществующем, безвоздушном пространстве. Вся трудность обвинения заключается в том, что отдельные лица и организации столь тесно связаны между собой, что общая цель внешнего и внутреннего господства наличествует во всех случаях.

Подобным же образом мы категорически оспариваем утверждение, что большое число членов не знало о преступных целях организаций. Давайте раз и навсегда отметем искусственное предположение о том, что большие группы лиц, примыкавших к нацистской партии, носили наглазники. Это — насмешка над фактами и оскорбление, наносимое умственным способностям этих людей.

---

[1] Т. Клефиш — защитник подсудимого Круппа. — **Прим. сост.**

Мы согласны с доктором Клефишем, что неучастие в преступлениях, предусмотренных статьей 6 Устава, и нежелание поддерживать политику и деятельность организации являются предпосылками невиновности. Все наше обвинение строится на том, что, говоря словами доктора Клефиша, «члены организации постоянно подчинялись целям организации и нацистам и работали ради этих целей».

Доктор Клефиш и все остальные защитники обращали очень много внимания на те серьезные последствия, которые скажутся на лицах, которых коснется декларация о виновности, причем не только на тех лицах, против которых может быть впоследствии возбуждено судебное преследование, но и на всех остальных. Заявляют, что пятно, наложенное на членов организаций, объявленных преступными, останется несмываемым. Миллионы членов организаций, объявленных преступными, останутся заклейменными до конца дней своих. На них будут указывать пальцами и говорить: «Посмотри, вот идет преступник из СА». Но если они действительно виновны, если они поддерживали систему, которая привела к тому, что мир был брошен в пучину войны, и помогали этой системе, если они возрождали ужасы рабства, преследований и массовых убийств, разве они не должны быть заклеймены? Здесь не будет несправедливости, это меньше, много меньше того, что они заслуживают. Единственная надежда, которая остается Германии и всеми миру, это то, что ее народ осознает свою ответственность за то, что случилось, и раскается в совершенном. Доктор Серватиус просил Вас простить ортсгруппенлейтеров потому, что они принадлежали к низшим слоям среднего класса и не имели политического опыта. Могло ли так случиться в действительности, что только высшие классы германского народа сумели распознать, что агрессивная война за мировое господство, порабощение, убийства и преследования являются преступлениями?

Однако в этом может быть больше правды, чем осмеливаются думать. Вы видели и слышали много свидетелей, которые — некоторые по их собственному признанию — сами были серьезно замешаны в отвратительных преступлениях. Сумели ли Вы заметить в них ощущение своей виновности, чувство стыда или раскаяния? Всегда виноват тот, кто давал приказы, никогда — тот, кто осуществлял эти приказы. Всегда какое-нибудь другое государственное учреждение несет ответственность, а поддержка государства и сотрудничество с госучреждениями, разумеется, не могут быть осуждены. Если эти люди думают так и сегодня, то заклеймение этих виновных, как преступников, вызвано тем более острой необходимостью и является тем более оправданным.

Я намереваюсь рассмотреть доказательственный материал, связанный с теми тремя организациями, за дело которых британская делегация взяла на себя основную ответственность и которые, по общему убеждению всех четырех держав, ведущих это судебное преследование, являются преступными. Но прежде чем остановиться на этом доказа-

тельственном материале, я надеюсь, что Трибунал разрешит мне сделать два общих замечания по поводу защитительных доводов, которые были выдвинуты в связи со всеми этими организациями.

В связи с выступлением доктора Бёма я хотел бы сказать, что никто не сможет потом заявить, что организациям не была предоставлена полная возможность осуществлять свою защиту. Была разработана сложнейшая процедура для того, чтобы получить и представить Вам их доказательства. Комитет уполномоченных Трибунала заслушал 102 свидетеля, выбранных защитниками из многих тысяч членов организаций. Перед Вами находятся стенограммы их показаний. Из числа этих свидетелей защитники отобрали 20, которые дали показания в Суде и которых Вы сами видели и слышали. В дополнение к этим устным показаниям Вам также были представлены резюме не менее, чем 136 213 письменных показаний под присягой по делу организации СС, 155 000 по делу политических руководителей НСДАП, 2000 по делу гестапо, 10 000 по делу СА и 7000 по делу СД. Всего 310 213 письменных показаний под присягой. Вашим уполномоченным был также представлен полный текст еще 1809 письменных показаний под присягой или их резюме, большинство из которых содержится в стенограммах заседаний Комитета.

Уже на первый взгляд ясно, что показания, данные почти всеми свидетелями Вашим уполномоченным, являются ложными. Вы сами видели и выслушали некоторых из этих свидетелей, которые были выбраны защитниками, очевидно, потому, что защита считала их самыми надежными и такими, которые могут произвести на Вас впечатление. Их показания не лучше других.

Вы помните Зиверса, вызывавшегося по делу СС, который отрицал свою осведомленность и свое участие в опытах над живыми людьми и которому была предъявлена папка уличающей его переписки.

Свидетель Морген описывал театр варьете, кинотеатр, книжные полки и другие развлечения в Бухенвальде. Он назвал Дахау оздоровительным лагерем. Бриль, служивший в качестве оберштурмбаннфюрера (подполковника) в дивизии СС «Лейбштандарт» с июня до августа 1941 года на восточном фронте, ничего не знал об эйнзатцгруппах, убийстве евреев на восточных территориях, относительно обращения с жителями Польши и России, захваченными и увезенными на рабский труд. Разве условия в июне так изменились по сравнению с теми, которые существовали за два месяца до этого, когда Гиммлер заявил всем офицерам этой дивизии:

«Очень часто бойцы войск СС раздумывают над этими депортациями жителей. Подобные мысли пришли мне в голову сегодня, когда я наблюдал за той тяжелой работой, которую проводила полиция безопасности при поддержке ваших людей, оказывавших ей значительную помощь. Точно то же самое происходило в Польше при 40 градусах ниже нуля, когда нам приходилось вывозить тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч, где нам приходилось быть достаточно

твердыми — вы должны услышать это и немедленно забыть об этом — расстреливать тысячи руководящих представителей польского населения».

Генерал Хауссер, бывший одно время командиром дивизии СС «Дас Рейх» и затем последовательно командиром корпуса, армии и группы армий, ничего не знал о зверствах СС. Он никогда не слышал о кровавой резне в Лидице.

Гаулейтер Гофман, который давал показания на заседаниях Комитета для того, чтобы объяснить свой приказ от 25 февраля 1945 г., поощрявший линчевание союзных летчиков, заявил, что приказ «выскользнул» с его командного пункта после того, как он отказался подписать проект приказа, предложенный ему его штабным офицером.

Хупфауер из Германского трудового фронта, руководивший работой этой организации в Эссене в течение последнего периода войны и лично отвечавший за передачу приказов Гиммлера в целях обеспечения «дисциплины и производительности труда иностранных рабочих», отрицал, что ему было что-либо известно в отношении зверского обращения с угнанными в рабство рабочими.

Ратке, вызванный в качестве свидетеля СА в назначенный Вами Комитет уполномоченных, описал, как «весною 1933 года члены СА во всех населенных пунктах Германии устремились в церкви».

Шнейдер, еще один политический руководитель, вызванный на заседание Комитета, 55 лет, отрицал, что он даже слышал о бойкоте в апреле 1933 года.

Бест, поработитель Дании, давал перед Вами показания по делу гестапо. Ознакомившись с документами, которые были представлены ему в ходе перекрестного допроса, можете ли Вы поверить хотя бы одному слову из того, что он сказал? Примеры такого рода показаний могут быть приведены из стенографической записи показаний почти каждого свидетеля, который был вызван защитой этих организаций.

Рассмотрите эти показания под другим углом зрения. Нам известно, что так называемые «демонстрации» против евреев были организованы и проведены по всей империи в ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. и что в ходе их 35 евреев было убито, 20 тысяч захвачено и брошено в тюрьмы лишь за то, что они были евреями; нам известно, что 177 синагог было уничтожено огнем или разрушено, что было разрушено 7500 еврейских магазинов и что стоимость одного лишь оконного стекла, разбитого во время демонстрации, равнялась примерно 6 миллионам рейхсмарок.

Даже высший партийный суд сообщал:

«Население, все до последнего человека, понимает, что политические мероприятия такого рода, как события 9 ноября, организовывались и направлялись партией независимо от того, признается это нами или нет. Когда все синагоги оказываются подожженными в течение одной ночи, это, несомненно, должно быть организовано партией (ПС-3063, США-332) независимо от того, признается это нами или нет»!..

Можете ли Вы найти из числа 102 свидетелей, которые были вызваны защитой по делу руководящего состава партии, хотя бы одного, готового признать это или что-либо подобное? Можете ли Вы найти хоть одно слово признания в тех письменных показаниях под присягой, которые были представлены Вам, более чем 312 000 членов этих организаций? Если не политические руководители, если не СА и не СС, если не гестапо и СД, кто же тогда организовывал и направлял эти демонстрации?

Мы знаем, что рабский труд использовался по всей Германии и что угнанные в рабство рабочие подвергались жестокому обращению. Мы знаем, что в 1943 году даже возникла необходимость, вызванная лишь желанием увеличить производительность труда, а не соображениями гуманности — изменить «доселе распространенные условия обращения с восточными рабочими», и партийной канцелярии и главному управлению имперской безопасности пришлось издать директиву всем политическим руководителям, до ортсгруппенлейтеров включительно, и, очевидно, всем отделениям СД и гестапо о том, что «следует прекратить насилия, несправедливости, обманы, жестокое обращение и т.д. Избиение как форма наказания запрещается» (ПС-205, ВБ-538).

Но разве Вы можете найти в показаниях 102 свидетелей и тех лиц, которые дали письменные показания под присягой, хотя бы одно, в котором говорилось бы, что автор его когда-либо видел факты жестокого обращения с иностранными рабочими или слышал о них, кроме одного или двух исключительных случаев?

Все их показания одинаковы. Их спрашивают, известно ли им о преследовании и уничтожении евреев, об ужасах деятельности гестапо, о зверствах в концентрационных лагерях, о жестоком обращении с угнанными в рабство рабочими, о намерении вести агрессивную войну и о подготовке к ней, об убийствах мужественных солдат, моряков и летчиков. И они отвечают неизменным «нет».

Разрешите напомнить Вам слова одного великого ирландца: «Ложь подобна вечно цветущему растению».

Разрешите мне обратиться к рассмотрению тех трех организаций, дело которых было мне поручено, — корпуса политических руководителей, СА и СС.

В отношении корпуса политических руководителей защитниками и свидетелями защиты были выдвинуты некоторые общие положения, которые целесообразно упомянуть, прежде чем остановиться на показаниях.

1. Заявляют, что целлен- и блоклейтеры не должны быть включены в корпус политических руководителей, что они никогда не рассматривались как таковые, не пользовались властью и не должны были выполнять политических задач, что они подчинялись офицерам из штата ортсгруппенлейтера, которых обвинение согласилось исключить из числа виновных; что они были совершенно незначительными людьми и практически были немногим больше, чем курьеры ортсгруппенлейтера.

Мы считаем, что имеются убедительные доказательства того, что это не так. При рассмотрении доказательств Вы убедитесь, что они были замешаны в самых разнообразных видах преступной деятельности. Я попрошу Вас в особенности иметь в виду, что общепринятым порядком среди политических руководителей было не передавать никаких распоряжений в письменном виде инстанциям, стоявшим ниже, чем ортсгруппенлейтер. Справочник по организации НСДАП предписывал (я цитирую):

«В основном блоклейтер должен разрешать деловые вопросы устно, получать распоряжения устно и передавать их подобным же образом. Следует прибегать к переписке лишь в случае крайней необходимости и когда это практически удобно».

Свидетель Мейер-Вендеборн подтвердил, что таково было положение на практике.

«Предполагалось, что между блоклейтерами и целленлейтерами, с одной стороны, и ортсгруппенлейтерами и их штатом — с другой, не должно существовать передачи письменных инструкций, чтобы эти люди, занимавшие более низкие посты или имевшие более низкие ранги, не должны были слишком много работать».

Имея это в виду, Вам покажется поистине примечательным, что нам удалось найти так много письменных документов, которые прямо указывают на виновность целлен- и блоклейтеров. Но я хочу также привлечь Ваше внимание к другим доказательствам, которыми Вы располагаете, относительно той важной роли, которую играли целлен- и блоклейтеры.

Возражали, что они не являлись хохайтстрегерами, как это утверждает обвинение, и в подтверждение этого возражения защита представила различные документы. Независимо от того, так это или нет, это не имеет никакого значения. Вы помните, что в справочнике по организации НСДАП они включены в состав хохайтстрегеров. Там говорится: «Среди политических руководителей особое положение занимают носители власти» (хохайтстрегеры).

Отвечают, что справочник по организации НСДАП не дает точных сведений. То же самое говорится о книге «Член СА», которая является также весьма невыгодным изданием для членов СА. Имеется ли какое-нибудь официальное издание, выпущенное официальными партийными издателями, которое содержит точные сведения?

Однако остается фактом, что независимо от того, под каким названием они были известны, под именем целлен- или блоклейтеров, эти люди являлись становым хребтом всей партийной системы. Гаулейтер Кауфман признал: «Блоклейтеры и целленлейтеры являлись оперативными органами ортсгруппенлейтеров».

Целленлейтера Шнейдера спросили: «Согласны ли вы со мной в том, что без целленлейтеров и блоклейтеров ортсгруппенлейтеры никогда не смогли бы выполнить своих задач?»

Он ответил: «Да, это правильно».

Они были гораздо более значительными людьми, чем просто посыльными, которыми их теперь пытаются представить. Хирт заявил, что только люди, которые были «абсолютно благонадежны с политической точки зрения», назначались в штат гау, крейса или на посты ортсцеллен- и блоклейтеров. Он заявил также, что люди, которые занимали посты целлен- и блоклейтеров, всегда поддерживали политику нацистской партии. Из доказательств явствует, какого рода задачи им были доверены, задачи, которые включали ответственность за содействие в формировании политической позиции жителей их районов.

2. Было выдвинуто утверждение о том, что политических руководителей, особенно в военное время, принуждали против их воли принимать назначения.

Но вся система базировалась на добровольной службе, оплачиваемой или неоплачиваемой, и это подтверждается свидетелем защиты Мейер-Вендеборном.

Разрешите мне процитировать протокол его перекрестного допроса на заседании Комитета:

«Вопрос: Могу ли я считать, что все политические руководители добровольно занимали свои посты?

Ответ: Да.

Вопрос: И это также относится к целленлейтерам и блоклейтерам, не так ли?

Ответ: Целленлейтеры и блоклейтеры назначались ортсгруппенлейтером после консультации последнего со штабом. Однако, если какой-либо кандидат считал, что он недостаточно подготовлен, или что он не способен выполнять работу, или что у него нет времени на это, — мы подыскивали другую кандидатуру.

Вопрос: А со стороны целленлейтеров или блоклейтеров принятие или непринятие назначения было совершенно добровольным актом?

Ответ: Да».

Согласно показаниям свидетеля Хирта, к какому-либо нажиму на некоторых лиц прибегали только в самых исключительных случаях.

Поскольку от лиц, занимавших эти посты, требовалось, чтобы они были «совершенно благонадежными в политическом отношении», было бы весьма странно обнаружить среди них большое количество противников партии, которых против воли принуждали занять такой пост.

3. Утверждается также, что в противоположность тому положению, которое имело место до войны, эти назначения не утверждались, клятва давалась через неопределенные промежутки времени и им не выдавалась никакая военная форма и что они не могут считаться, говоря словами Обвинительного заключения, согласно общей нацистской терминологии «политическими руководителями» любой степени или ранга.

Я утверждаю, что подобный аргумент несостоятелен.

Они выполняли те же самые задачи, они считались такими же чиновниками и пользовались такими же полномочиями и влиянием, как и те, кого они заменили.

4. Утверждается, что не существовало никакого «корпуса» или организации политических руководителей, однако доказательства показывают, что политические руководители всех рангов составляли единый корпус. Они все в справочнике по организации НСДАП объединены под общим названием «корпуса», их объединила общая цель (я цитирую): «...воспитание всего германского народа в духе националсоциализма».

Они носили единообразную военную форму. Они имели единообразное удостоверение личности — одинаковое для всех них, но отличное от прочего населения.

Ежегодно они давали единообразную клятву своему фюреру:

«Я даю обет вечной верности Адольфу Гитлеру.

Я даю обет безусловного повиновения ему и назначенным им фюрерам».

И, как о каждом из них говорится в справочнике по организации НСДАП, «политический руководитель нераздельно и неразрывно связан с идеологией и организацией НСДАП».

5. Имеется еще один вопрос, который требует разъяснения.

Защита выдвинула аргумент о том, что большое число амтслейтеров при штабах различных хохайтстрегеров не должно быть включено в число лиц, подпадающих под декларацию о преступности, которая может быть Вами объявлена в отношении корпуса политических руководителей.

Подобно тому, как о блоклейтерах было сказано, что они являлись невинными, безвредными курьерами, — об амтслейтерах было сказано, что они были невинными, безвредными экспертами, консультантами при соответствующих гау-, крейс- или ортсгруппенлейтерах.

Они могли являться экспертами, консультантами, но они являлись и кое-чем гораздо бóльшим, и они, несомненно, не были ни невинными, ни безвредными.

Они являлись официально назначенными политическими руководителями, лицами, «совершенно благонадежными в политическом отношении» и оказывавшими поддержку нацистской партии.

Все они, так же как сами хохайтстрегеры, ежегодно давали клятву верности, которая обязывала их к слепому повиновению их фюреру. Все они, хотя, естественно, получали инструкции — каждый по своей области деятельности в министерстве, в котором они сотрудничали, — тем не менее подчинялись приказам своих хохайтстрегеров в политических вопросах и по всем вопросам партийной дисциплины. Вы можете считать доказанным, что эти люди оказывали такое же губительное и опасное влияние, как любой другой политический руководитель, потому что из числа этих руководителей они были теми лицами, которые находились в самом тесном контакте со всеми слоями общества, с людь-

ми всех профессий и родов деятельности. Мы не располагаем документами, которые бы указывали на непосредственное участие всех этих так называемых аполитичных политических руководителей в организации, однако документы, уже представленные Вам, указывают на участие многих из них. Я не стану их сейчас перечислять. Я обращу Ваше внимание на эти документы в ходе обсуждения представленных доказательств. Обвинение считает, что на основании доказательств и на основании данных относительно общих условий, существовавших в Германии, а также имея в виду влияние, которое оказывали политические руководители, Вы имеете право, более того, Вы обязаны прийти к выводу, что если цели и деятельность этой организации являлись преступными, то значит каждый из тех, кто работал в аппарате гау, крейса и в ортсгруппах, должен быть включен в число виновных. Не следует думать, что из-за того, что мы намеренно исключили из этого числа аппарат ортсгруппенлейтера, мы сделали это потому, что считаем этих людей невиновными. Это решение было принято скорее по практическим, нежели по каким-либо иным соображениям, и весьма возможно, что это решение является неправильным.

Защита выдвинула утверждение, что в различных партийных организациях, например в Германском трудовом фронте, национал-социалистском союзе ветеранов, в организации по обеспечению благосостояния рабочих, в студенческих и женских организациях также были чиновники, известные под названием «политические руководители». Указывают, что их число равно примерно 1—1,5 миллионам. Разрешите мне разъяснить еще раз, что если такие политические руководители в действительности существовали, обвинение не требует объявления их преступными. Мы включаем в число преступных руководителей только рейхслейтеров, гаулейтеров, крейслейтеров, ортсгруппенлейтеров, целленлейтеров и блоклейтеров, а также амтслейтеров или руководителей отделов в аппарате рейхслейтунга, гаулейтунга и крейслейтунга — тех политических руководителей, которые, будучи организованы по территориальному принципу, несли ответственность за осуществление политического контроля над населением, осуществление и проведение в жизнь нацистской политики. Все остальные нами исключаются.

Вам была представлена схема, указывающая на число лиц, которые, таким образом, охватываются этой декларацией. Согласно справочнику по организации НСДАП за 1943 год, их число равняется 600 тысячам. Защита утверждает, что эта цифра не учитывает смены чиновников и что общее число тех, которые в какой-либо период времени занимали эти посты, гораздо больше. По этому поводу я хотел бы сделать два замечания. Во-первых, цифра, приведенная в справочнике, показывает максимальные штаты, которые были разрешены каждому гау и крейсу. Практически даже не все эти посты были заняты — скажем, в городских районах не было сельскохозяйственных отделов, в гау, где не имелось университета, не существовало политического от-

дела по работе среди университетских преподавателей. Во-вторых, цифра 600 тысяч на 1943 год включает политических руководителей 9 иностранных гау — 6 австрийских, 2 польских и одного судетского, ни одно из которых не существовало до 1938 года; таким образом, в течение первых пяти лет нацистского правления общее число политических руководителей должно было быть значительно меньше, чем 600 тысяч. Выдержка из брошюры «Дер хохайтстрегер», представленная защитой, показывает, какое увеличение числа хохайтстрегеров имело место лишь за период между 1935 и 1939 гг.: число их увеличилось с 291 671 до 581 650. Имея в виду эти соображения, мы утверждаем, что даже с учетом смен персонала общее число людей, которые в какой-либо период занимали эти посты в корпусе политических руководителей, которых мы включаем в число тех, кого мы требуем включить, имея в виду объявление организаций преступными, не может намного превосходить названную нами цифру в 600 тысяч. Разрешите мне также добавить, что при рассмотрении этой цифры следует еще учитывать не только случаи естественной смерти, но и гибель в результате бомбардировки, на фронте. Именно эти люди являлись сердцем национал-социализма, именно они вели 48 миллионов немецких избирателей по тем путям и к тому концу, который мы наблюдаем.

Давайте рассмотрим доказательства, представленные против них, по основным категориям. Мы увидим, что они не только сами непосредственно участвовали в совершении преступлений, мы также увидим, как активно и умело они помогали другим организациям и сотрудничали с ними в осуществлении их общих преступных целей.

В отношении осуществления контроля над государством Борман в обращении к гаулейтерам в июне 1941 года заявил: «Впервые в истории Германии фюрер держит в своих руках полностью и сознательно руководство германским народом» (Д-75, США-348).

Из данных о деятельности политических руководителей во время выборов в 1936 и в 1938 гг. мы видим один их способов, при помощи которых руководящий состав помогал передать руководство народом Германии в руки фюрера, причем мы видим, что в этом участвовали все слои и категории политических руководителей.

Мы располагаем полным досье из крейса Эрфурт (Тюрингия), содержащим материалы в связи с плебисцитом 1938 года. Штутцпунктлейтеры (руководители опорных пунктов) должны были заранее сообщать о всех тех лицах в своем районе, по поводу которых они с уверенностью могут предположить, что те будут голосовать против (Д-897, ВБ-541). СД издала приказы, адресованные штутцпунктлейтерам и всем руководителям отделений службы безопасности. Руководители отделений на местах обязывались в наибольшей степени содействовать штутцпунктлейтерам. Защита заявила, что штутцпунктлейтеры, о которых говорилось в досье, являлись штутцпунктлейтерами СД и не входили в состав корпуса политических руководителей. Если мы даже

примем это объяснение, оно ничего не изменит, поскольку было уже достаточно ясно установлено, что все это дело должно было проводиться «в теснейшем сотрудничестве с ортсгруппенлейтерами партии» (Д-897, ВБ-541).

Едва ли политические руководители могли испытывать хоть какие-нибудь сомнения относительно того, что ожидало людей, о которых они сообщали, если приказ содержал следующий многозначительный параграф:

«Мы еще раз подчеркиваем, какая громадная ответственность ложится на штутцпунктлейтеров, в особенности в связи с этим докладом. Они должны ясно понять возможные последствия, которые ожидают лиц, упомянутых в их докладах».

Трибунал помнит те отчеты, которые представляло СД после плебисцита, отчеты, показывающие, каким образом с помощью снятого молока и пишущих машинок с бесцветными лентами проверялись избирательные бюллетени лиц, в отношении которых имелись подозрения. Вы помните также, какие методы использовались для того, чтобы заставить голосовать тех, чья поддержка партии казалась сомнительной. Я цитирую: «Жена еврея Билшовского, которая была насильно приведена непосредственно перед концом голосования, проголосовала "нет", что легко может быть установлено».

«Рабочему Отто Виганду пришлось четырежды напоминать, что он должен проголосовать в день выборов, и в конце концов он проголосовал только в результате нажима».

«Муж... проголосовал. Несомненно, он сделал это исключительно из боязни нового ареста» (Д-902).

И снова мы читаем это в документе, который, быть может, является одним из самых ужасных документов, представленных на этом Суде.

«"Свидетели Иеговы" — Роберт Зиринг и его жена проголосовали лишь после того, как полиция в Грифштадте напомнила им об их долге проголосовать, и после того, как они услышали угрозу, что их ребенок будет у них отобран, если они не примут участия в голосовании» (документ Д-897).

Никто не может пытаться представить дело таким образом, что такого рода случаи имели место только в Эрфурте. В гау Кобленц крейсгешафтсфюрер управляющий делами крейса Кохема заверял СД: «Там, где было дано указание о специальном наблюдении и контроле, в некоторых ортсгруппах голосовали "против" и подали недействительные бюллетени главным образом женщины».

В Ротенбурге партия организовала демонстрацию против епископа, который отказался голосовать, демонстрацию, которую господин Джексон так живо описал в своей вступительной речи.

Но не только во время плебисцита 1938 года проявляли активность политические руководители. Следует помнить, что в Бремене крейслейтеры, ортсгруппенлейтеры и штутцпунктлейтеры должны были письменно сообщать о граждан-

ских служащих, которые не принимали участия в голосовании во время выборов 29 марта 1936 г.

Доктор Серватиус отметает все эти доказательства утверждением, которое не опирается даже на строчку доказательств. Он заявляет:

«Отсюда явствует, что руководящий аппарат партии ни в коей мере не связан с этими операциями. Это попросту индивидуальные меры, принятые другими организациями, из них нельзя сделать вывода об общей практике или об общей осведомленности».

Я не вижу необходимости в дальнейших комментариях.

Осуществление контроля и надзора над германским народом являлось в такой же степени задачей политических руководителей, как и СД, и гестапо. Из всех политических руководителей блоклейтеры являлись наиболее необходимыми людьми для этой цели. Они вели картотеку на каждого домовладельца, картотеку, служившую источником для составления «политических характеристик», которые должны были составлять блоклейтер, целленлейтер и ортсгруппенлейтер в сотрудничестве друг с другом (Д-901(а), ВБ-546). Защита неоднократно как перед Комитетом уполномоченных, так и перед Трибуналом всячески отвергала и отрицала утверждение о том, что блоклейтеры использовались для шпионской деятельности. Но кем другим они были, если их картотека должна была заполняться на основании той информации, которую они (я цитирую) «имели достаточную возможность получить путем бесед с немцами». От них также настоятельно требовали обеспечить секретность этих сообщений (Д-901(а), ВБ-546).

Имеются и другие доказательства, которые показывают, какую низкую роль играли блоклейтеры. В справочнике по организации партии блоклейтеру указывалось, что «его долгом является обнаруживать людей, сеющих вредные слухи, и докладывать о них в ортсгруппу с тем, чтобы о них могло быть доложено соответствующим государственным властям» (ПС-1893, США-323).

Мы снова узнаем об их шпионской деятельности, когда просматриваем доказательства об участии политических руководителей в преследовании церкви. В сотрудничестве с гестапо и СД политические руководители, начиная с самых высокопоставленных вплоть до занимавших самые незначительные посты, принимали активное участие в уничтожении влияния церкви.

Ваша честь, полагаю, что могу опустить остальную часть стр. 17 и первые 8 строк на стр. 18, где говорится о декрете Бормана, хорошо известном Трибуналу. Продолжаю далее со стр. 18:

«Как можем мы сомневаться в том, что это было общепринятой политикой всего политического руководства, если вне зависимости от того, что Гитлер писал в Уставе партии о "позитивном христианстве", Борман после его пресловутых высказываний с обличением христианства писал в 1941 году, обращаясь к гаулейтерам:

"Национал-социалистские концепции и концепции христианства несовместимы".

Гаулейтер Кауфман прилагал усилия к тому, чтобы разъяснить, что эта директива неделей позже была отменена. Однако в исходившем от СД письме касательно этой директивы, написанном шестью месяцами позднее в декабре 1941 года, упоминания о такой отмене нет. Может создаться впечатление, что данная политика весьма напоминает политику заместителя фюрера Гесса, так как она двумя месяцами ранее в апреле 1941 года разъяснялась Розенбергу:

"Мы побуждаем школы к тому, чтобы они во все большей степени сокращали и упраздняли утренние религиозные службы. Аналогичным образом в ряде частей рейха конфессиональные и общие молитвы уже заменены национал-социалистскими лозунгами"».

Разрешите мне ограничиться рассмотрением более низких рангов — ортсгруппенлейтеров, блоклейтеров, целленлейтеров.

Вы помните досье с отчетами ортсгруппенлейтера Дармштадта по церковным делам от февраля 1939 года. «Блоклейтер член партии Киль информирует о том, что собрания "конфессионального фронта" снова имеют место». Вы также помните о мерах, которые предпринимались крейслейтерами в связи в этими докладами. СД и гестапо информировались об этих собраниях «конфессионального фронта», о которых сообщали блоклейтеры. Вы помните и другое сообщение в связи с пастором Штраком: «Этому джентльмену нужно сделать серьезный выговор». Они также были информированы о несчастном пасторе Штраке, о священнике, который «был достаточно хорошо известен и созрел для отправки в концлагерь или для особого суда».

Можете ли Вы сомневаться в том, что в Тюрингии именно блоклейтеры и целленлейтеры должны были представить требуемые доклады о том, как население реагировало на результаты плебисцита 1938 года, «особенно в маленьких городах и деревнях» (Д-897).

Кого другого, как не блоклейтеров и целленлейтеров, могли использовать для того, чтобы обнаружить, что говорили во время церковной службы католические и протестантские священники об аншлюсе? Кто другой, как не они, могли бы доложить о том, звонили или нет церковные колокола вечером в Вене после произнесения речи об аншлюсе? (Д-897).

И, наконец, Вы располагаете на эту тему доказательствами по поводу демонстраций, организованных для того, чтобы сорвать церковную службу в церкви в Фрейзинге в 1935 году. Эти демонстрации были организованы руководством крейса женской организации нацистской партии (ПС-1507, ВБ-535).

Только захватив полный контроль над государством и народом, нацистское правительство получило возможность осуществлять свои преступные цели. Политические руково-

дители являлись очень существенным элементом в приобретении этого контроля. Они поддерживали и осуществляли приказы правительства, которое, как они знали, с самого начала следовало незаконной политике, действуя преступными методами. Все они знали относительно общепризнанной цели преследования евреев. Все знали о существовании гестапо, концентрационных лагерей и нацистской практике арестов и тюремного заключения без суда и следствия. Однако они продолжали активно поддерживать это правительство и помогать ему еще сильнее сжимать в тисках германский народ. Вся речь доктора Серватиуса в той части, где она касается положения политических руководителей после 1933 года, показывает, в каких тисках держал Германию железный костяк партии — политическая «железная дева», сжимающая людей в своих объятиях до тех пор, пока они не умрут.

Что касается евреев в тот период, когда их преследование являлось открыто признанной политикой и практикой нацистской партии, то один тот факт, что люди добровольно служили такой партии, занимая оперативные посты, является сам по себе достаточным доказательством их участия в преступной деятельности. Однако мы располагаем и конкретными доказательствами непосредственного участия в преследованиях евреев со стороны политических руководителей, и снова речь идет о политических руководителях всех рангов. Имеются доказательства того, что менее чем через год после прихода нацистского правительства к власти корпус политических руководителей подстрекал народ Германии к преследованию евреев. С трудом можно себе представить, что в цивилизованном государстве в 1933 году могли быть изданы директивы политическим руководителям, озаглавленные «Преследование евреев». Тем не менее это имело место. Крейслейтеры в гау Кобленц должны были составить список еврейских фирм и предприятий своего района. Снова и снова подчеркивалась необходимость точности. В различных крейсах, ортсгруппах и штутцпунктах должны были быть организованы комитеты, имевшие своей задачей «направление общин и наблюдение за ними» в процессе преследования евреев (ПС-374). Они должны были продолжать политику, которая была начата партией — бойкотом в апреле того же года:

«Крейслейтеры должны подчеркивать на всех собраниях членов партии, а также во всех общественных местах, что евреи во всех странах снова строят свои подлые козни, которые приносят громадный вред Германии. Массы должны ясно понять, что ни один немец не должен покупать у евреев» (ПС-374).

В свете этих доказательств, в силу собственного признания доктора Серватиуса в том, что политические руководители не возражали против «Нюрнбергских законов» и что они приветствовали меры, направленные к ограничению влияния евреев, в свете той роли, которую они играли в демонстрациях 1938 года, разве можно сомневаться в том, что в течение всех этих лет они активно участвовали в преследо-

ваниях еврейского народа и постоянно клеветали на него? Было бы действительно очень странно, если бы дело обстояло иначе, в то время как приказ Гейдриха для СД, изданный в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года, гласил:

«Начальники отделений государственной полиции или их заместители должны связаться по телефону с политическими руководителями (гаулейтерами или крейслейтерами), в юрисдикцию которых входят их районы, с тем, чтобы организовать объединенные заседания вместе с соответствующим инспектором или начальником отделения полиции порядка для обсуждения вопроса об организации демонстраций. На этих совещаниях политические руководители должны быть информированы о том, что германская полиция получила от рейхсфюрера СС следующие инструкции, в соответствии с которыми политические руководители должны проводить свои мероприятия» (ПС-351, США-240).

Любопытно, что возникла необходимость в таких инструкциях, если гаулейтеры были так резко настроены и так возражали против этих мер, как утверждают гаулейтеры Кауфман, Штрейхер, Заукель и Валь.

Что бы ни говорили свидетели, которых Вы слышали, об отношении политических руководителей к этим демонстрациям, нам известно, что 36 евреев были убиты (ПС-358, США-508). Из этих 36 убитых четверо были убиты или ортсгруппенлейтерами, или блоклейтерами. Именно суд, составленный из гаулейтеров и других политических руководителей, счел правильным осудить условно или приговорить лишь к очень незначительным наказаниям лиц, совершивших убийства в ходе этих демонстраций, — членов партии, СС, СА и корпуса политических руководителей. И вот по каким причинам:

«В случаях убийства евреев без специальных на то указаний или вопреки указаниям не было обнаружено неблагородных мотивов. В глубине души люди были уверены, что они тем самым оказывали услугу фюреру и партии» (ПС-3063, США-332).

Если свидетели защиты, которых Вы тут слышали, не понимали, кто был организатором этих демонстраций, то это было совершенно ясно членам высшего партийного суда.

Во Франции списки евреев для «коллективной экспатриации», что, конечно, означало угон на Восток, составлялись по согласованию с хохайтстрегерами (ЕС-265, РФ-1504). Однако осведомленность об этих депортациях и об обращении с евреями на оккупированных территориях не была присуща лишь политическим руководителям во Франции. Августовский выпуск информационного бюллетеня «Ди лаге» за 1944 год содержал точные подробности того, что происходило в Венгрии. Я цитирую:

«Совершенно определенно, что германские учреждения в Венгрии после 19 марта делали все возможное для того, чтобы как можно быстрее и полнее уничтожить еврейские элементы. Принимая во внимание близость русского фронта, они начали с очищения северо-восточной территории (Северная Трансильвания и территория Карпат), где ев-

рейские элементы были более многочисленны. Затем были собраны евреи из остальных венгерских провинций и вывезены в Германию или на подконтрольные Германии территории. 100 тысяч евреев осталось в руках венгров для использования в трудовых батальонах. В назначенный день, 19 июля, в венгерских провинциях не осталось ни одного еврея. Здесь, возможно, в течение очень краткого периода времени были применены исключительно последовательные и жесткие меры».

Нам неизвестно, кто получил копии этого документа, но мы определенно знаем, что Дениц принимал в этом участие и что гаулейтер Кауфман "возможно получил его". Более того, из заметки на копии, которая находится в нашем распоряжении, видно, что эта копия дошла до организации НСДАП в деревне Кехеи вблизи Аахена. Дениц должен был знать ее содержание так же, как и любой другой нацистский чиновник, занимавший высокий пост. Неужели Кауфман и все его коллеги гаулейтеры ничего не знали об этой ужасной политике, проводившейся их нацистским правительством?! Они утверждают, что это так, но они лгут. Посмотрите на документ 49 из книги документов, которая была представлена в защиту политических руководителей. Это секретный информационный бюллетень нацистской партии, выпущенный партийной канцелярией 9 октября 1942 г. В нем рассматриваются подготовительные мероприятия для окончательного разрешения еврейского вопроса в Европе и говорится о слухах по поводу условий, в которых находятся евреи на Востоке. На полях этого документа имеется пометка «Только для Г и К», что может означать для гау и крейса. Но из него с несомненностью следует, что осведомленность об этих вопросах шла гораздо дальше крейса. Послушайте, о чем говорится в этом документе:

«В то время как разрабатывается окончательное разрешение еврейского вопроса, среди населения различных частей имперской территории за последнее время идут разговоры об "очень суровых мерах" против евреев, в особенности против тех, которые находятся на восточных территориях. Расследования показывают, что подобные высказывания, большей частью искажающие или преувеличивающие действительность, исходят от лиц, находящихся в отпуске и прибывших из различных соединений, расквартированных на Востоке, где они могли лично видеть проведение подобных мер».

После того, что Вы здесь слышали, Вам может показаться, что невозможно было преувеличивать «очень суровые меры», о которых говорили находившиеся в отпуске солдаты, прибывшие с Востока. Они говорили об этом, начиная, очевидно, с сентября 1941 года, в каждой деревне и в каждом доме по всей Германии. Но даже если меры были преувеличены, тем не менее нельзя отрицать того, что они существовали.

В сноске я привожу статью, в которой разбираются пять основных пунктов:

«a) Мероприятия, проводившиеся до настоящего времени, а именно исключение евреев из различных областей жизни германского народа, а также окончательное изгнание их с территории империи, не могут более осуществляться путем эмиграции.

b) Следующее поколение уже не будет считать этот вопрос столь актуальным. Поэтому эта проблема должна быть разрешена именно нашим поколением.

c) Полная изоляция и ликвидация евреев, связанных с еврейской экономикой, остается необходимым элементом в борьбе германского народа за существование.

d) Сначала с территории империи, а затем и из других европейских стран, которых касается окончательное разрешение этой проблемы, евреи по строго установленному плану будут переправляться на Восток в большие лагеря, где они будут либо использоваться на работах на месте, либо будут переправляться еще дальше на Восток.

e) Эти очень трудные вопросы могут быть решены лишь путем применения чрезвычайно суровых мер».

Если они, несмотря ни на что, отрицают свою осведомленность о судьбе, которая фактически ожидала этих евреев, ни один из подсудимых, ни один из свидетелей, дававших показания перед Вами или перед назначенными Вами уполномоченными, ни один из членов этих организаций не может отрицать того факта, что ему было известно об угоне евреев. Как они полагали, что значила эта фраза: «Полнейшая их ликвидация не является более возможной путем эмиграции»?

При самом мягком толковании фактов подобное обращение с евреями на оккупированных территориях представляет собой военное преступление. Руководящий состав нацистской партии мобилизовал свои силы для того, чтобы убедить общественное мнение в отношении того, чтобы не только терпеть, но и поддерживать и поощрять это военное преступление. Даже в том случае, если бы деятельность руководящего состава нацистской партии этим и ограничивалась, она тем самым была бы заклеймена как преступная. Но деятельность руководящего состава нацистской партии этим не ограничивалась.

Корпус политических руководителей несет такую же ответственность, как и другие организации, за совершение преступлений против местного населения на оккупированных территориях. Фрик 16 декабря 1941 г., давая Рейнеру указания по поводу назначения его гаулейтером Каринтии, наказал ему самым строжайшим образом провести германизацию территории, включенной в состав империи, и искоренить словенский язык.

Мы решительно протестуем против утверждения доктора Серватиуса, что было допустимо германизировать лиц, ранее принадлежавших к германской национальности. Достаточно лишь высказать идею о праве германизировать каждого славянина, который ранее жил в старой империи, для того, чтобы обнаружить ее абсурдность.

Гаулейтеры сами не могли выполнять такие приказы. Их подчиненные должны были сыграть свою роль. Вы припомните инструкции от 30 апреля 1942 г., изданные крейслейтером в Петтау, всем ортсгруппенлейтерам об уничтожении всех словенских надписей на всех церковных и сельских усадьбах.

Мы знаем, что среди вопросов, обсуждавшихся на совещаниях аппарата гаулейтеров в Марбурге, были вопросы о перевозе в Сербию двух тысяч человек, о помещении в концентрационные лагеря сотен людей и о расстреле заложников. В июне 1942 года, когда темой обсуждения была эвакуация тюрьмы Цилли, собравшимся заявили, что заключенные должны быть переведены из этой тюрьмы или расстреляны для того, чтобы освободить необходимое пространство для операции большого масштаба. 13 июля половина из 400 арестованных должна была быть обезврежена посредством перевода их в концентрационные лагеря или расстрела. О таком же случае, на этот раз связанном с убийством священника, упоминается в мартовском протоколе.

Политические руководители в Польше также принимали участие в жестоком обращении с местным населением. В письме, посланном главным управлением имперской безопасности в ноябре 1942 года всем начальникам отделов СД, сообщалось о явно преступном соглашении между Гиммлером и Тираком, согласно которому поляки, восточные народы, евреи и цыгане лишались права на слушание их дел в суде (США-346). Этот приказ основывался на бесстыдном утверждении, что эти народы являются представителями низшей расы на территории Германии. Особенно интересно в этом соглашении, что во всех случаях необходимо было безусловно информировать об этом гаулейтера. Зачем нужно было информировать его об этом, если не за тем, что могла возникнуть потребность в его помощи и содействии?

Я перехожу к рассмотрению доказательств, относящихся к рабскому труду, которые, быть может, яснее всех других имеющихся у нас доказательств по поводу отдельных преступлений показывают, как серьезно все подразделения корпуса политических руководителей были замешаны в использовании рабского труда. Все свидетели, вызванные защитой, отрицают тот факт, что им было известно о плохом обращении с иностранными рабочими или что они лично плохо обращались с ними. Но чего стоят эти показания в свете представленных Суду доказательств? Обращение, которому подвергались польские сельскохозяйственные рабочие, заботу о которых должны были осуществлять в особенности бауернфюреры, состоявшие в штате гау-, крейс- и ортсгруппенлейтеров, явствует из инструкций, изданных для крейсбауерншафтен (районные крестьянские общины) в Карлсруэ в марте 1941 года. Эти инструкции были изданы в результате переговоров между земельной ассоциацией крестьян в Бадене и высшим руководителем СС и полиции в Штутгарте и были встречены с «большим удовлетворением». Польский рабочий не имел более никакого права жа-

ловаться. Ему запрещалось пользоваться транспортом, посещать увеселительные места и церковные службы. Ему запрещалось менять место работы, его рабочий день не был нормирован. Я цитирую:

«Каждый наниматель имеет право применять телесные наказания в отношении рабочих польской национальности... В каждом подобном случае наниматель может не давать никакого отчета в своих действиях официальным организациям. Сельскохозяйственные рабочие польской национальности должны, если возможно, быть лишены всех контактов с населением, жить не в домах, а в конюшнях и т.д. При этом угрызения совести не должны влиять на проведение подобных действий» (ЕС-68, США-205).

Возможно ли в действительности, чтобы подобные инструкции издавались только в Карлсруэ и нигде более? Возможно ли, чтобы в то время как с поляками в Бадене обращались, как с животными, в соседнем гау их принимали в число членов семьи? Об этом говорил в своих показаниях свидетель Мор, вызванный на заседание Комитета в качестве представителя бауернфюреров. Я цитирую: «Фактически во всех случаях, как я полагаю, за очень небольшим исключением, иностранного рабочего принимали, как родного, в семью крестьянина. Он питался вместе со всеми членами семьи и бывал повсюду вместе с этой крестьянской семьей».

В промышленных районах ответственность за заботу об иностранных рабочих несли политические руководители Германского трудового фронта. Заукель в марте 1942 года издал следующий приказ: «Обеспечение питанием промышленных рабочих, находящихся в поездках в пределах империи, является обязанностью управления Германского трудового фронта. Иностранные рабочие, работающие в Германии, подлежат ведению Германского трудового фронта в том случае, если они не работают в сельском хозяйстве. Все лагеря иностранных рабочих, используемых не в сельском хозяйстве, независимо от того, кто снабжает и содержит эти лагеря, подлежат ведению Германского трудового фронта. В германских областях гаулейтеры получают право инспектировать и контролировать выполнение этих приказов» (ПС-3044, США-206).

Нет необходимости напоминать Вам об ужасных условиях, в которых влачили жалкое существование рабочие в Эссене (Д-382, США-897). И вновь я задаю тот же самый вопрос: возможно ли, чтобы гаулейтеры, крейслейтеры, ортсгруппенлейтеры, целлен- и блоклейтеры и политические руководители Германского трудового фронта в Эссене не знали об этих условиях, когда бараки, в которых рабочие жили, и карцеры, в которых они находились в заключении и подвергались пыткам, расположены, как показывают фотографии, рядом с литейными цехами заводов Круппа, причем железнодорожная заводская ветка проходит в нескольких футах от их дверей, а заводские подъемные краны поднимаются чуть ли не над их крышами.

Заявляют, что даже если действительно подобные условия и существовали в Эссене, то они были исключением и объяснялись только хаосом, вызванным бомбардировками авиации союзников. Но это не так. Еще до того, как начались бомбардировки Эссена, начальник управления паровозостроительных заводов Круппа жаловался на то, что «люди приходили утром на работу без хлеба и инструментов. Во время перерывов военнопленные прокрадывались к немецким рабочим и просили кусок хлеба, жалуясь на голод» (Д-361, США-893).

Он направился в кухни, чтобы попытаться добыть для них еды:

«Так как несколько русских уже потеряли сознание, я позвонил по телефону фрейлейн Блок и попросил увеличить пищевое довольствие, так как выдача специального пайка прекращалась начиная со второго дня после прибытия. Поскольку я в ходе телефонных разговоров ничего не добился, я вновь посетил фрейлейн Блок лично. Фрейлейн Блок в весьма резкой манере отказалась выдать какой-либо специальный паек».

На этом фрейлейн Блок не остановилась. Она доложила о разговоре в Германский трудовой фронт, оттуда последовало приглашение начальнику управления заводов Круппа явиться в это ведомство. Представитель Германского трудового фронта «обвинял меня, жестикулируя весьма оскорбительным образом, заявил, что я слишком явно встал на сторону большевиков. Он сослался на статьи закона имперского правительства, запрещавшие это... Тогда я попытался настойчиво разъяснить, что русские военнопленные были направлены к нам в качестве рабочих, а не как большевики. Люди страдали от голода и были не в состоянии выполнять тяжелые работы в котельных, что от них требовалось».

Ваша честь, я изложил всю историю того, как управляющий попытался добыть хлеб для своих рабочих, прошу Вас обратиться к началу стр. 29, это первая фраза цитаты. Это типично для всего, что я излагал. Цитирую последние две фразы абзаца:

«Больные люди — это обуза для нас, а не помощь в производстве. На это замечание глава фирмы ответил, что если один бесполезен, то другой полезен, что большевики — люди без души, и если 100 000 таких людей умрут, то их заменят другие 100 тысяч» (Д-361, США-893).

Не может быть также и того, чтобы эти условия существовали и подобное обращение с рабочими практиковалось только в Эссене.

В марте 1943 года Геббельс решил, что необходимо созвать совещание по вопросу об увеличении выпуска продукции. Протокол этого совещания гласит:

«Практиковавшееся до сих пор обращение с рабочими, присланными с Востока, не только привело к уменьшению производительности, но и оказало особенно неблагоприятное влияние на политическую ориентацию населения завое-

ванных восточных территорий, и в результате наши войска испытывают, как это всем известно, большие затруднения.

Обращение с иностранными рабочими, которое до сих пор заметно отличалось для подданных западных и восточных стран, должно быть по возможности одинаковым и особенно следует поднять жизненный уровень рабочих, присланных с Востока» (ПС-315, ВБ-537).

Из этих протоколов мы можем заключить, каково было отношение партийной канцелярии к этому вопросу — той партийной канцелярии, от которой получали указания политические руководители нацистской партии. Ее представитель (я цитирую) «указал на те разногласия, которые уже возникают и которые могут сказаться на германском народе в случае, если иностранцам будет дана большая свобода» (ПС-315).

Однако необходимость в увеличении военной продукции была самой важной проблемой, и, несмотря на опасения, высказанные его представителем на совещании, имевшем место в марте, 5 мая 1943 г. Борман от имени партийной канцелярии направил меморандум всем рейхслейтерам, гаулейтерам, фербандесфюрерам, крейслейтерам и ортсгруппенлейтерам. Вышеперечисленные лица инструктировались в духе того, чтобы более гуманно обращаться с иностранными рабочими, хотя в то же время «лица германской расы настаивали, что патриотическим долгом является соблюдение различия между ними и гражданами других национальностей. Несправедливость, оскорбления, обман, жестокое обращение и т.п. не должны более иметь места. Избиения как форма наказания запрещаются» (ПС-205).

Разве этот документ не показывает, что все до одного свидетели защиты говорили здесь совершеннейшую ложь? Разве он не говорит, может быть, более ясно, чем любой другой документ, о той беспощадной жестокости, к которой политические руководители национал-социалистской партии подстрекали германский народ? Разве не выходит за пределы нашего понимания, что в наш век просвещения в большой цивилизованной стране назревает необходимость в том, чтобы правительство издавало для своих политических руководителей приказы о прекращении жестокого обращения с мужчинами и женщинами, которых они угнали в рабство?

И, наконец, в качестве последней иллюстрации по данному вопросу Вы припомните приказ, изданный гауштабсамтслейтером и адресованный из Страсбурга в гау Баден-Эльзас. Иностранных рабочих — женщин, которых немцы принуждали к половой связи, следовало затем временно помещать в превентивное заключение, впоследствии они переводились на работу в другое место.

«В других случаях иностранных рабочих — женщин следует отправлять в концентрационные лагеря для женщин» (Д-884А).

Детей этих женщин в том случае, если они удовлетворяли расовым требованиям и были здоровы в наследственном отношении, полагалось у них отбирать немедленно

после рождения, «после чего их помещали в дома для иностранных детей, передавая в ведение национал-социалистской организации по социальному обеспечению».

Установки этого приказа лишь добавляют новые детали к тем показаниям, которые у нас имеются относительно той хладнокровной жестокости, которую партия предписывала применять в отношении к иностранным рабочим. Однако это весьма важный документ, так как из него явствует, сколько различных отделов корпуса политических руководителей было вовлечено в проведение переброски рабов с одного места на другое. Крейслейтеры и крейсобманны[1] Германского трудового фронта должны были сообщать о случаях беременности. Фактически, как и следовало ожидать, необходимые справки наводили ортсгруппенлейтеры. Помимо Германского трудового фронта и НСФ (организация по социальному обеспечению), приказ был разослан циркулярно руководителям гау по вопросам пропаганды, руководителям гау по вопросам прессы, гауамтслейтерам во вопросам расовой политики, народного здравоохранения, по крестьянским вопросам, по вопросам народного благосостояния, по расовым вопросам, политическому руководителю национал-социалистской женской организации в гау, а также соответствующим штабным офицерам в штате крейслейтера.

Я цитирую: «Насколько я могу установить в настоящее время, — докладывает крейслейтер из Вилингена, — был примерно 21 случай беременности, из них, как сообщается, четыре были прерваны абортом и в двух случаях женщины в результате абортов скончались. Из остальных 17 родившихся детей 5 родились мертвыми. НСФ не оказало никакой помощи ни в одном из указанных случаев» (Д-884).

Вы снова видите пример того, как корпус политических руководителей работал рука об руку с полицией безопасности и СД и с имперским комиссаром по консолидации германской расы — еще одним из учреждений, которым заправлял Гиммлер.

По этому вопросу достаточно хотя бы сказать о признании доктором Серватиусом того факта, что политические руководители знали о том, что большинство рабочих работало в принудительном порядке. Признано также, что политические руководители должны были наблюдать за условиями труда. В остальном факты говорят сами за себя.

Генеральный прокурор[2] уже говорил о тех огромных масштабах, в которых производилось убийство больных и престарелых людей. Это «действие» («акция») было начато летом 1940 года, но еще задолго до этого, в соответствии с расовой политикой нацистского правительства, были предприняты меры для укрепления германской расы. Мы распо-

---

[1] Крейсобманн — представитель Трудового фронта в штате крейслейтера. — **Прим. сост.**

[2] Главный обвинитель от Великобритании Х. Шоукросс. — **Прим. сост.**

лагаем документом (мы его датируем январем 1937 года), который дает ясное представление о том, какую роль в этом должны были сыграть политические руководители. Это письмо гаулейтера Южной Вестфалии, в котором излагается декрет Гесса от 14 января 1937 г. Я привожу цитату:

«Вопрос о том, является ли человек слабоумным, не может быть решен лишь путем испытания его умственных способностей, но требует тщательного и всестороннего изучения личности данного человека. При этом изучении следует принимать во внимание не только знания и умственные способности больного, но также его этические, моральные и политические воззрения.

Ряд врачей, находящихся на гражданской службе, до настоящего времени придавали мало значения всестороннему изучению личности человека. До настоящего времени они почти никогда не требовали информации относительно политических убеждений предполагаемого пациента и не пользовались такой информацией.

Теперь, когда согласно декрету имперского и прусского министра внутренних дел с партией будут консультироваться при разборе дел о наследственных заболеваниях членов партии, задачей всех гаулейтеров является обеспечить, чтобы закон о наследственном заболевании применялся в том смысле, в каком он был составлен. Гаулейтер должен расследовать, не имеет ли лицо, которое должно быть подвергнуто стерилизации, выдающихся заслуг перед национал-социалистским движением. Если гаулейтер приходит к такому убеждению и считает, что он должен использовать свое влияние для того, чтобы предотвратить стерилизацию, он должен об этом сообщить в свой отдел».

Нетрудно себе представить, к каким злоупотреблениям мог привести подобный декрет, злоупотреблениям, которые могли явиться удобным орудием для нацистской партии. Это письмо гаулейтера было разослано всем руководителям областных отделов, областным инспекторам и крейслейтерам его области (гау).

Если исходить из того факта, что департамент народного здравоохранения занимался подготовкой дел, которые поступали на рассмотрение гаулейтера, то ясно, что руководители отделов департамента здравоохранения также непосредственно замешаны в этом деле.

Вы помните доказательства, иллюстрирующие, в какой степени так называемые умерщвления из милосердия стали общеизвестным фактом через несколько месяцев после того, как они начались. В июле 1940 года епископ Вурм обратился с письмом к Фрику. В августе он писал министру юстиции. В сентябре, ничего не добившись, он снова обратился к Фрику и к министру юстиции.

Я собрал здесь доказательства, связанные с преданием «легкой смерти» (эвтаназии). Как помнит Трибунал, по этому поводу говорил генеральный прокурор; кроме того, мой любезный друг Гриффит-Джонс в своем выступлении также обращал на это внимание Трибунала. Для сокращения времени, если позволите, я изложу содержание следу-

ющих страниц в форме резюме. Конец страниц 32 и 33 показывает, что церковь возражала против этих мер и что партия эти меры по преданию «легкой смерти» поддерживала. В конце страницы 33 и на страницах 33-а и 34 рассматриваю вопрос, является ли предание «легкой смерти» военным преступлением, и представляю доказательство того, что эта мера преднамеренно использовалась для того, чтобы организовать население для войны и ограничить число бесполезных едоков в стране в военное время.

Епископ Вурм сообщал о событиях, происходивших в Вюртемберге. Однако такие события происходили не только в Вюртемберге, Штутгарте и Наумбурге. На расстоянии нескольких сот миль то же самое происходило в Штетине, о чем свидетельствуют письма, направленные 6 сентября 1940 года наблюдателем в Штутгарте в министерство юстиции и Ламмерсу (М-151, ВБ-529), и письмо Ламмерса министру юстиции от 2 октября 1940 года (М-621, ПС-715). К августу следующего года те же события происходили в предместьях Висбадена, о чем свидетельствует письмо епископа Лимбурга (ПС-615, США-717) Фрику, министру юстиции и министру по делам церкви. Те же события имели место и во Франконии, причем мы располагаем досье, из которого явствует, какую роль в этих событиях играли политические руководители Франконии. Читая эти письма, можно ли сомневаться в том, что аналогичные события должны были происходить во всех других районах Германии, где действовали эти комиссии, нацеленные на убийство? Борман 24 сентября 1940 года пишет гаулейтеру Франконии и одному из своих крейслейтеров:

«Естественно, что представители христианской идеологии высказываются против мер, принимаемых Комиссией; столь же естественным должно быть то, что всем органам партии надлежит по мере необходимости поддерживать работу Комиссии» (Д-906).

Как может доктор Серватиус говорить, будто это доказательство свидетельствует о том, что политические руководители не принимали участия в осуществлении этих мер и что они о них не знали? Одной этой фразы из письма Бормана достаточно для того, чтобы обосновать как преступный руководящий состав нацистской партии, тот состав, в который входили руководители органов партии, которым надлежало поддерживать данные комиссии.

В ходе перекрестного допроса обвинением свидетелей защиты руководящего состава затрагивался вопрос, относится ли эвтаназия как преступление к юрисдикции настоящего Трибунала в силу статьи 6 Устава. Явно не может быть серьезного сомнения по поводу того, что убийство 270 000 человек является преступлением против человечности. Правда, 270 000 трупов, возможно, бледнеют рядом с массовыми убийствами на оккупированных территориях и в концентрационных лагерях; тем не менее, это преступление почти невероятных масштабов. Не может также быть сомнения в том, что это было преступление, совершенное в связи с агрессивной войной. Из письма епископа Вурма Фрику от

19 июля 1940 года (М-152, ВБ-530) мы узнаем, что эти убийства совершались по приказу имперского совета по обороне. Членами имперского совета обороны были Геринг, Кейтель, Фрик, Редер, Функ, Гесс и Риббентроп. В своем письме от 5 сентября епископ писал:

«Если руководство государством убеждено в том, что это вопрос неизбежной меры военного времени, почему оно не издаст декрет, имеющий законную силу?» (М-152, ВБ-530).

Цель этих преступлений ясна так же, как она была ясна католикам — жителям Абсбурга; эти люди, как докладывал ортсгруппенлейтер, утверждали:

«Должно быть, государство сегодня находится в плохом состоянии, иначе не могло бы случиться так, что этих несчастных будут просто посылать на смерть для того, чтобы средства, которые до сего времени тратились на их содержание, могли бы быть теперь предоставлены на ведение войны» (Д-906).

Я просто напомню Трибуналу кратчайшим образом о замечаниях Бормана по поводу направления различным семьям писем с одинаковой формулировкой о судьбе их родственника; о требовании гауштабсамтслейтера Нюрнберга находить более умные формулировки для уведомлений, если 30 000 уже предано смерти и предстоит предать смерти еще в 4 раза большее число людей; о сомнениях крейслейтера Эрлангена; о серьезных трудностях в связи с направлением уведомлений, с которыми столкнулся крейслейтер Ансбаха. Ни этот крейслейтер и ни один из других, как представляется, не испытывали никакого беспокойства по поводу того, что они сами активно поддерживали администрацию, совершавшую массовые убийства. Если их клятва верности фюреру освобождала их от мук совести, может ли она освободить их от моральной или преступной виновности?

Затем, если мне будет позволено резюмировать содержание следующей страницы, я хочу указать, какое отношение имели эти меры к низшим слоям политических руководителей, о которых мы здесь говорим. После того, как я рассмотрел различные отчеты и возражения против убийства 270 тысяч человек под предлогом предания их «легкой смерти», я продолжаю с шестой строчки: «Крейслейтеры всей Франконии сообщали то же самое. Крейслейтер из Лауфа писал гауштабсамтслейтеру:

"Доктор также сообщил мне, что хорошо известно о том, что комиссия состояла из врача СС и нескольких подчиненных ему врачей, что пациентов даже не осматривали и что свое заключение врачи составляли лишь на основании уже написанной истории болезни"».

Госпожа Мари Кер, таким образом, лишилась двух своих сестер и в своем письме просила узнать у имперского министра внутренних дел, на основании какого декрета были убиты ее сестры. Министерство подсудимого Фрика передало этот вопрос гауштабсамтслейтеру Нюрнберга. Я цитирую:

«Я прошу, чтобы вы расследовали вопрос о том, является ли Кер политически благонадежным лицом и не имеет ли она связей в церковных кругах. В случае, если это так, с моей стороны не будет никаких возражений, если вы дадите в устной форме Кер сведения, о которых она просит».

Гауштабсамтслейтер передал это письмо крейслейтеру. Крейслейтер передал его ортсгруппенлейтеру, который доложил, что «Кер можно дать информацию. Это тихая и осторожная женщина».

В феврале 1941 года ортсгруппенлейтер Абсбурга доложил, что в его деревне во время того, как местный санаторий очищали от пациентов, произошли «самые дикие сцены, которые только можно себе представить». Можно считать его отношение типичным для огромной массы политических руководителей. Я цитирую:

«Эти инциденты, которые имели место во время проведения этого мероприятия, являющегося, в конце концов, необходимым, должны быть тем более осуждены, потому что даже члены партии сами не удержались и присоединились к ламентациям других плачущих очевидцев. Говорили даже, что эти бедные жертвы, как их называет духовенство и верующие Абсбурга, незадолго до отъезда были доставлены в католическую церковь для исповеди и причастия. Кажется совершенно нелепым желать во время устной исповеди отпустить грехи людей, у части которых совершенно отсутствуют всякие умственные способности» (Д-906).

Во время этого процесса стало явным, что другие политические руководители разделяли взгляды этого ортсгруппенлейтера относительно абсурдности какой бы то ни было устной исповеди. Мне не нужно напоминать Вам о других отчетах, разве лишь для того, чтобы заметить, что, кроме гауштабсамтслейтеров, крейслейтеров и ортсгруппенлейтеров, гауорганизационслейтеры также замешаны были в этом деле. Корпус политических руководителей по уши увяз в этой кровавой истории.

На корпус политических руководителей падает доля ответственности за плохое обращение с военнопленными. В сентябре 1941 года Борман распространял среди гаулейтеров и крейслейтеров инструкции ОКВ, касающиеся обращения с советскими военнопленными.

Судя по входящему штампу на документе ясно, что чиновником в штабе гау, который главным образом занимался этими делами, был лейтер, ведавший обучением в гау. Вы помните, какие указания содержались в этих директивах. Они исходили из того факта, что «большевизм — смертельный враг нацистской Германии... поэтому большевистский солдат потерял все права на то, чтобы с ним обращались как с благородным противником в соответствии с Женевской конвенцией.

...Чувство гордости и превосходства у немецкого солдата, которому приказано охранять советских военнопленных, должно всегда проявляться даже при народе. Приказ о применении жестоких и энергичных мер должен быть

отдан при малейшем проявлении неподчинения, в особенности со стороны большевистских фанатиков...

...В отношении советских военнопленных уже стало необходимым, исходя из соображений дисциплины, применять оружие» (ПС-1519, ВБ-525).

Вы припоминаете специальные эйнзатцгруппы, которые были созданы СД для проверки советских военнопленных в лагерях для военнопленных, с целью выявления и ликвидации их руководителей и интеллигенции. Эти приказы, которые передавались гаулейтерам и крейслейтерам, объясняют цель и методы работы этих частей особого назначения. В них говорится: "Вооруженные силы должны избавиться от всех этих элементов среди военнопленных, которые следует рассматривать как движущую силу большевизма. Особые условия восточной кампании требуют применения специальных мер, которые можно проводить под собственную ответственность, независимо от бюрократических и административных влияний" (ПС-1519, ВБ-525).

Ни один гаулейтер или крейслейтер не может заявить этому Суду, что он не знал о том, что русские военнопленные умерщвлялись.

Политические руководители получали эти инструкции не только для сведения. В своем письме всем рейхслейтерам, гаулейтерам, фербандесфюрерам и крейслейтерам в сентябре 1940 года Борман подчеркнул: «Сотрудничество с партией в деле обращения с военнопленными неизбежно. Поэтому офицеры, направленные на службу в аппарат, ведающий военнопленными, были проинструктированы тесно сотрудничать с ответственными партийными руководителями (хохайтстрегерами).

Начальникам лагерей для военнопленных следует немедленно направить офицеров связи к крейслейтерам, тем самым ответственные партийные руководители будут иметь возможность облегчить существующие трудности на местах, оказать влияние на поведение частей охраны и лучше приспособить условия заключения военнопленных к политическим и экономическим требованиям».

На политическое руководство пала задача ориентировать охрану и владельцев заводов «еще и еще раз в политическом и идеологическом отношении», и это должно было быть сделано в сотрудничестве с ДАФ (Германским трудовым фронтом).

Нет необходимости в повторении доказательств, касающихся обращения с русскими и другими военнопленными, работавшими у Круппа. Политические руководители относились так же бессердечно к своим военнопленным рабам, когда те умирали, как и при их жизни. Гаулейтеры и крейслейтеры получили от Бормана инструкции Фрика о порядке захоронения умерших советских военнопленных. Толевая бумага должна была служить гробом, никакие похоронные церемонии или украшение могил не допускались, расходы должны были быть сведены до минимума и «перевозка и похороны должны происходить так, чтобы не привлекать внима-

ния. Если нужно ликвидировать несколько трупов, они должны быть погребены в общей могиле» (Д-163, США-694).

Что значили для нацистского правительства и его политических руководителей похоронные обряды тех людей, кого они непосильным трудом загнали в могилу? Они значили столько же или так же мало, как и все другие общепризнанные нормы элементарной порядочности или чести.

Еще в марте 1940 года Гесс разослал политическим руководителям директивы, касающиеся мер, которые необходимо было принять в случае посадки вражеских самолетов или высадки парашютистов. Вы помните приказ, в котором говорилось:

«Таким же образом вражеские парашютисты должны быть немедленно арестованы или обезврежены».

Учитывая последующие приказы, которые были менее двусмысленными, и те чрезвычайные предосторожности, которые были приняты для обеспечения секретности этих приказов, можете ли Вы еще сомневаться в том, что должно было быть выражено этой несколько двусмысленной фразой. Вы помните, что этот приказ должен был распространяться лишь в устной форме среди крейслейтеров, ортсгруппенлейтеров, целлен- и блоклейтеров. Распространение этого приказа путем цитирования в официальных приказах, на плакатах, в печати или по радио запрещалось, причем в числе других предосторожностей было объявление его секретным документом государственной важности. Я также напоминаю Вам, что были информированы не только все ответственные политические руководители, этот приказ был послан в директорат имперской организации, в имперский директорат пропаганды и в правление имперской студенческой организации. Каждая из этих организаций имела своего представителя в штате амтслейтера, гау-, крейс- и ортсгруппенлейтера. Кроме того, этот приказ был передан также группенфюреру Гейдриху.

В августе 1943 года Гиммлер проинструктировал полицию, что в ее обязанности не входит вмешательство в стычки между немцами и летчиками-террористами (Р-110, США-333). Гаулейтеров необходимо было информировать об этом в устной форме.

В мае 1944 года Геббельс писал в газете «Фелькишер беобахтер», что нетерпимо, чтобы германская полиция использовалась для защиты убийц. На следующий день Борман указал всем гаулейтерам, фербандесфюрерам, крейслейтерам и ортсгруппенлейтерам на то, что были отдельные случаи, когда экипажи самолетов, выбросившиеся на парашютах с самолета или совершившие вынужденную посадку, были на месте убиты судом Линча негодующими жителями. «Против германских граждан, участвовавших в этих инцидентах, не были приняты меры полицейского характера и не было возбуждено судебное преследование» (ПС-057).

Для понимания этого письма нам вряд ли требовалось захватывать приказ одного гаулейтера, где видно, что он воспользовался правом, которое ему предоставил Борман. В феврале 1945 года гаулейтер Южной Вестфалии прямо

приказал всем своим крейслейтерам поощрять линчевание союзных летчиков.

Он писал: «Летчики сбитых боевых бомбардировщиков в принципе не должны быть защищены от проявления народного негодования. Я ожидаю, что все полицейские инстанции откажутся брать под свою защиту этих бандитов» (Л-154).

Вы уже познакомились с показаниями гаулейтера Гофмана, данными Вашему уполномоченному по этому вопросу, и уделите столько внимания этому вопросу, сколько, по Вашему мнению, он заслуживает.

Я заканчиваю этот обзор доказательств по делу корпуса политических руководителей, разрешите мне напомнить Вам о показаниях двух свидетелей защиты, вызванных по делу организации: некоего Эберштейна, которого Вы слушали по делу СС, и Валя — гаулейтера, который дал показания Вашим уполномоченным.

Вам известны показания, которые все политические руководители дали в отношении концентрационных лагерей, а именно, что они ничего общего с ними не имели и не знали ничего о том, что происходит там. Но что говорил Вам свидетель Эберштейн? Я цитирую выдержку из его показаний:

«В начале марта 1945 года в Мюнхене гаулейтер и рейхскомиссар обороны Гислер вызвал меня и потребовал, чтобы я повлиял на коменданта лагеря Дахау с тем, чтобы расстрелять всех заключенных, а их было 25 тысяч, в то время, когда американские войска приблизятся к лагерю. Я с негодованием отклонил это требование и указал, что я не могу приказывать коменданту, после чего Гислер заявил мне, что он в качестве рейхскомиссара обороны примет меры к тому, чтобы наши собственные самолеты разбомбили этот лагерь. Я ему сказал, что мне кажется, что ни один командир германских военно-воздушных сил не согласится на это. Тогда Гислер заявил, что он примет меры к тому, чтобы что-нибудь было подсыпано в суп заключенным. Другими словами, он угрожал их отравить.

По собственной инициативе я запросил по телетайпу инспектора по концлагерям и просил решения Гиммлера о том, как поступить с заключенными в случае приближения американских войск. Вскоре после этого пришло известие, что лагеря должны быть сданы противнику. Я показал это сообщение Гислеру, и он был очень возмущен тем, что я разрушил его планы».

И, наконец, свидетель Валь, гаулейтер Швабии, дал следующие показания:

«Вопрос: Свидетель, я вас спрашивал относительно беседы, которую вы имели со своей женой по вопросу о том, уйти ли вам в отставку с поста гаулейтера. Правильно ли, что следует истолковать ваш разговор таким образом: вам было стыдно за те действия, которые совершали другие гаулейтеры, и вокруг вы видели вещи, которых вы не одобряли и от которых вы хотели отмежеваться?

Ответ: Да.

Вопрос: Это верно, не так ли?

Ответ: Да, это верно».

В ответ на другой вопрос он заявил:

«Я хочу подчеркнуть, что оправдать все гау не является ни моим желанием, ни моей задачей. Среди гаулейтеров были маньяки и кровожадные дураки, так же как и везде».

Я перехожу к СА. Прежде чем рассматривать показания против этой организации, я хочу сказать пару слов в отношении добровольного членства. Защита СА утверждала, что членство не было добровольным в этой организации. Заявляли, что на немецкое население было оказано большое давление с тем, чтобы принудить его вступить в ту или иную организацию нацистской партии; членство в некоторых отделах СА не только было связано с давлением, но и являлось обязательным в соответствии со специальным декретом. На основании показаний, на которые я хочу обратить Ваше внимание, Вы можете прийти к выводу, что даже если было налицо давление, которое в некоторых случаях, несомненно, оказывалось на отдельных лиц для того, чтобы вынудить их вступить в партию и, в некоторых случаях, возможно, — в отдельные ее организации, результаты отказа сделать это значительно преувеличены защитой. Мы утверждаем, что если Вы примете как несомненные показания некоторых свидетелей в отношении отдельных случаев принудительного членства, то доказательства, которыми Вы располагаете в отношении всей организации в целом, совершенно ясны: членство было от начала до конца добровольным. Никогда не было такого положения, когда принуждение признавалось бы законом как таковое, ни физическое принуждение, ни принуждение путем законодательного акта.

В помощь Трибуналу изложу английские правовые нормы, касающиеся принуждения.

Английские правовые нормы, регулирующие, что составляет физическое принуждение, достаточное для того, чтобы послужить оправданием преступлению, четко укоренились в течение многих лет, они изложены в труде Халсбери «Законы Англии» (издание Хейлшем, том 9, стр. 23—24, параграф 20) в следующей формулировке:

«Лицо, принуждаемое с помощью физической силы совершить действие, которое, если бы оно было исполнено добровольно, квалифицировалось бы как преступление, освобождается от уголовной ответственности, лицо же, принудившее его, несет уголовную ответственность.

Использование угроз, побуждающих лицо, испытывающее страх смерти, присоединиться к мятежникам, как представляется, служит оправдывающим обстоятельством, при условии, что данное лицо находится под влиянием такого страха.

С учетом изложенных выше исключений, не освобождается от уголовной ответственности лицо, совершающее преступление под влиянием угроз или "морального насилия", либо в условиях, когда его лишают свободы, либо при применении к нему насилия, не доходящего до фактического принуждения. Необходимость, в смысле принужде-

ния, возникающая в результате надвигающейся опасности для жизни данного лица либо его имущества, обстоятельством, оправдывающим преступление, не является».

Разрешите мне кратко рассмотреть показания по этому вопросу. Общий устав службы СА, изданный в 1933 году, устанавливал следующее. Я цитирую:

«Тот, кто не может или не хочет подчиниться, не подходит для СА и должен выйти из ее рядов» (ПС-2820, США-427).

В справочнике за 1940 год говорится:

«Служба в СА была и остается добровольной... При наборе в СА не должны быть обещаны какие-либо льготы или же оказано какое-либо давление. Член СА должен иметь возможность выйти из рядов организации».

Свидетель Ютнер согласился с тем, что эта выдержка правильно передает положение вещей. Ему был задан вопрос:

«Добровольность членства всегда являлась основным принципом СА?»

На что он ответил:

«Это был принцип, которого всегда придерживалось руководство».

Ему был снова задан вопрос:

«Если же кто-либо не соглашался со взглядами СА, считалось ли, что он должен выйти из состава организации?»

Он ответил:

«Очень многие вышли из состава СА по всевозможным причинам».

Никак нельзя себе представить, что показания, данные в отношении кавалерийского корпуса, указывают на существование какого-либо принуждения, физического или путем законодательного акта. Совершенно правильно то, что первоначальные кавалерийские организации были произвольно слиты с СА, но, как показал свидетель Валь, вызванный по ходатайству этой части СА (я цитирую), «членство в СА было добровольным в 1933 году и с того дня положение вещей в этом отношении не изменялось. Член организации мог выходить из состава кавалерийского корпуса, но он должен был оставить свою спортивную деятельность, поскольку спортивные средства больше не предоставлялись в его распоряжение».

«Ассоциация всадников, — как он заявил, — подчинилась этому процессу объединения, потому что оно давало возможность ее членам продолжать свою спортивную деятельность».

Можно вполне прийти к выводу, что именно в 1933—1934 гг. тот факт, что деятельность СА была преступной, был особенно очевиден для германского народа. Как же может потеря возможности заниматься «спортивной деятельностью» явиться моментом принуждения и служить оправданием для вступления в ряды членов организации? Неужели риск потери лошади и конюшни может считаться законным оправданием для участия в убийстве?

Следует также помнить, что как в случае с кавалерийским корпусом, так и в отношении «Стального шлема», хотя обе эти организации могли быть слиты с СА декретом, Вам не предоставляются никакие доказательства, которые содержали хотя бы одно слово, которое можно истолковать как момент принуждения отдельных лиц к вступлению в члены СА.

«Стальной шлем» находился почти в таком же положении, как и кавалерийский корпус, хотя показания, которые давал Ютнер перед Комитетом, говорят об этом еще яснее. Разрешите мне процитировать некоторые выдержки из протокола его показаний:

«Вопрос: Не существовало ничего, не так ли, что могло бы помешать любому члену "Стального шлема" выйти из состава СА, когда эти две организации были слиты в 1933 году?

Ответ: Поскольку это касалось моего района, ни один член "Стального шлема", который не желал вступить в СА, к этому не принуждался.

Вопрос: Это касается всей Германии, не так ли?

Ответ: Сообщалось, что были случаи, в которых члены "Стального шлема" соглашались переходить в СА, только когда это было приказано.

Вопрос: Но ведь не было таких случаев, когда кто-либо принуждался вступать в СА или оставаться членом этой организации?

Ответ: Нет, сэр».

Показания, касающиеся судьбы, которая ожидала гражданских чиновников, если они отказывались вступать не только в СА, но — я подчеркиваю — в любую партийную организацию, звучат почти патетически. Однако из показаний свидетеля Боле перед уполномоченным явствует, насколько они преувеличены, учитывая, что в управлениях, в которых он работал, только 18 процентов гражданских чиновников стали членами либо партии, либо одной из ее организаций, причем речь шла об имперском министерстве финансов, имперской канцелярии — о самом сердце нацистского правительства.

Свидетель фон Вальденфельс являет собой еще один выдающийся пример того, как немец, который имел силу воли стоять за то, что он считал справедливым, мог поступать таким образом, не навлекая на себя особенно тяжелых последствий. Являясь гражданским чиновником и ведущим членом «Стального шлема», в 1933 году он ушел в отставку, когда эта организация была слита с СА, и отказался вступить в СА, в партию и во все другие партийные организации. Однако он продолжал занимать свой пост до конца войны.

Защитники представили показания о том, что студенты университета обязывались декретом вступать в члены СА. Это утверждение было подкреплено приказом университетского отдела СА в Мюнхене, датированным 16 апреля 1934 г., который находится в книге документов защиты СА.

В связи с этим документом я хочу сделать два замечания: во-первых, под «службой в СА» имеется в виду не членство в СА, а прохождение подготовки под наблюдени-

ем СА; во-вторых, предложение в параграфе 3 «все вновь зачисленные студенты, таким образом, обязаны вступить в СА» не соответствует политике руководства СА и не характеризует обычную практику, принятую в университетах.

Мы уже представляли Вам другой подобный приказ, изданный университетским отделом СА в Кельне, за два дня до этого. Если сравнить этот приказ с мюнхенским приказом, становится совершенно очевидно, что наше утверждение имеет под собой достаточное основание. Первые параграфы обоих приказов идентичны. Все студенты подлежат «сведению в полки через университетский отдел СА, с тем чтобы пройти единообразную физическую и моральную подготовку в духе национал-социалистской революции» (Д-971). В параграфе 2 особо отмечается, что не играет никакой роли, являются ли студенты членами СА или нет. Параграфы 3 обоих приказов, хотя и идентичны по форме, значительно разнятся по смыслу. В обоих случаях говорится, что приказ основывается на декрете высшего руководства от 27 марта 1934 г. Мы не видели этого декрета, но в параграфе 3 приказа, изданного в Кельне, разъясняется, что членство в СА не должно быть принудительным, как это можно предположить на основании мюнхенского приказа. Совершенно очевидно также, что служба в СА, которой касаются оба приказа, представляет собой нечто, совершенно отличное и независимое от членства в этой организации. Как может принудительная «служба в СА» означать принудительное членство, когда особо отмечается, что за исключением 11 дней, с 25 апреля по 5 мая, налагается запрет на зачисление новых членов? Следующие слова в обоих приказах отмечают значительное различие между ними. В Мюнхене студенты «таким образом обязываются вступать в СА», в то время как в Кельне они «таким образом имеют возможность вступить в СА». Если же служба в СА, которая должна быть принудительной для всех немецких студентов, означала членство в СА, то не могло быть и речи о «представлении им возможности» вступления. Можно предположить, что в Мюнхене, сердце национал-социализма, декрет верховного руководства СА от 27 марта был умышленно неправильно истолкован для того, чтобы удовлетворить желание особенно фанатичного штурмфюрера. Однако из документов видно, что все, что происходило в Мюнхене, не является характерным для всех других университетов в Германии.

Ютнер подтверждает доводы обвинения. Он заявляет: «Я уже говорил, что в некоторых случаях оказывалось давление другими организациями, помимо СА, например, как это было в отношении студентов финансовых школ».

Но в ответ на вопрос: «Ведь не существовало особых обстоятельств, которые бы вынуждали студентов вступать в СА, если они были не согласны с их целями?» — он ответил: «Я разделяю это мнение».

Разрешите мне добавить. Трибунал увидит, что показания Ютнера, процитированные мной, подтверждаются также его письменными показаниями. Он объяснил положе-

ние вещей следующим образом: «В тех случаях, когда другие организации включались в состав СА, большинство членов этих организаций гордились СА и службой в СА». Если требуются другие доказательства того, что СА была добровольной организацией как де-юре, так и де-факто, их можно найти в тех мерах, которые были предприняты самим руководством в 1933 и 1934 гг. после большого наплыва новых членов в результате включения в нее «Стального шлема» и кавалерийского корпуса, а также в силу того, что большое число кандидатов устремилось во все партийные организации после захвата нацистами власти.

С 4,5 миллионов в 1934 году число членов СА упало до 1,5 миллиона к началу войны в 1939 году. Ютнер объяснил причину этого сокращения, частично оно вызывалось тем, что Киффхойзербунд — еще одна организация ветеранов войны — был исключен из состава СА; но это сокращение являлось, кроме того, результатом введения экзаменов для членов СА, так как провал при сдаче этих экзаменов приводил к исключению, а также объяснялось тем, что (цитирую) «те, которые в связи с выполнением своих прямых обязанностей не могли приносить нам пользы и тем самым чистосердечно продолжать служить нам в СА, также были уволены». Подобная чистка и сокращение числа членов с 4,5 до 1,5 миллиона за период в пять лет плохо увязывается с утверждением, что вся германская молодежь, все германские государственные служащие и вообще все население принуждались вступать в число членов этой организации. Мы полагаем, что этот факт является исчерпывающим доказательством в отношении добровольного характера этой организации.

Как можно утверждать, что все государственные служащие, общее число которых равнялось трем миллионам, как заявил свидетель Боле, миллион членов «Стального шлема», 100 тысяч студентов, 100 тысяч членов кавалерийского корпуса, кроме того, и другие лица были принудительно призваны в СА, когда общее число членов этой организации в 1939 году составляло лишь 1 500 тысяч человек?

Весьма возможно, что на незначительное меньшинство, которое отказывалось повиноваться, действительно было оказано давление и что последствия отказа могли быть весьма серьезными. Но этот вопрос должен быть решен на основании установленных и общепринятых принципов права. Даже если бы дело обстояло иначе, разве мы могли бы сочувствовать этим людям? Разве они сочувствовали тысячам своих соотечественников, которые подвергались леденящим кровь ужасам концентрационных лагерей? Разве они сочувствовали тысячам евреев, которых беспрестанно преследовали и подвергали клевете в течение долгих лет?

Как Вы помните, когда были затронуты некоторые вопросы в связи с организациями, по поводу которых велась перед Вами дискуссия в феврале, я заявил от имени обвинения, что мы не требуем декларации о преступности в отношении некоторых частей СА. Мы исключали тогда: во-первых, всех носителей партийного значка СА, которые в

строгом смысле этого слова не являлись членами СА; во-вторых, членов военизированных отрядов СА, которые ни в какой иной форме не принадлежали к СА. Вы можете с основанием считать, заслушав показания в отношении преступлений, совершенных военизированными отрядами в Польше и на восточных территориях, что эта часть СА не должна быть исключена из числа виновных. Однако мы полагаем, что многие члены военизированных частей, которые были причастны к совершению зверств, были также членами собственно организации СС, и поэтому мы имеем честь заявить, что наше первоначальное утверждение может оставаться в силе.

В-третьих, мы исключали членов резерва, которые ни в какой период не служили ни в одной из остальных частей этой организации, и, в-четвертых, национал-социалистскую лигу инвалидов-ветеранов.

Уже не раз говорилось, что обвинение желает добиться декларации о преступности только в отношении тех, кто несет главную ответственность за совершение преступления. Учитывая это обстоятельство, а также в свете показаний, которые представлялись Вам с февраля, мы имеем честь почтительно рекомендовать некоторые дополнительные исключения из общего числа членов этой организации.

Первое. Общая численность СА в 1934 году была указана Ютнером как равная 4,5 миллиона. Сюда входят полтора миллиона членов Киффхойзербунда. Вскоре после слияния этой организации с СА в 1933 году эти две организации были снова разделены. Мы имеем честь рекомендовать исключение всех тех членов Киффхойзербунда, которые не оставались в рядах СА после этого разделения.

Второе. Мы считаем, что мы имеем основание просить об исключении некоторых групп «Стального шлема».

Для того чтобы Вы могли представить себе, на чем основывается эта рекомендация, быть может, следует кратко напомнить Вам структуру и историю этой организации. Она состояла из:

1) Шарнхорста, который являлся молодежной организацией «Стального шлема» для юношей до 14 лет, с численностью примерно 500 тысяч человек.

2) Верштальхельма, который включал Юнгштальхельм (юноши в возрасте от 14 до 24 лет) и спортивные организации «Стального шлема» (мужчины от 24 до 35 лет). Общая численность Верштальхельма составляла 500 тысяч человек.

3) Кернштальхельма, который состоял из мужчин в возрасте от 36 до 45 лет, численность этой группы равнялась 450 тысячам человек.

Общая численность «Стального шлема» равнялась, таким образом, примерно 1,5 миллиона мужчин и юношей.

В 1933 году «Стальной шлем» перешел под руководство нацистской партии. Шарнхорст была переведена в Гитлерюгенд; Верштальхельм был слит с самой СА и Кернштальхельм — с резервом СА. Так как мы уже исключили резерв СА, нам остается лишь рассмотреть вопрос о той части

«Стального шлема», которая была включена непосредственно в СА — 500 тысяч членов Верштальхельма.

Вы располагаете доказательствами — показаниями свидетелей и документами, находящимися в книге документов защиты, которые показывают, что многие из этих 500 тысяч членов "Стального шлема" были против их перевода в СА, а также против политики и целей СА и нацистской партии. Многие, включая свидетеля фон Вальденфельса, отказались вступить в СА. Можно предположить, что еще много других членов, хотя и они были против политики СА, были готовы вступить в СА в силу того, что им была дана гарантия, что они будут пользоваться правом придерживаться своих убеждений, сохранять свой независимый характер и своих руководителей таким же образом, как и кавалерийский корпус, и что их никогда не заставят активно участвовать в деятельности самой СА. С другой стороны, нет ни малейшего сомнения в том, что многие сознательно и с полной готовностью вступили в СА и участвовали в полной мере в ее преступной деятельности. Ютнер сам является примером такого поведения, и он заявил, что он далеко не единственный. Я Вам напомню его показания:

«Многие члены СА, которые раньше были членами "Стального шлема", приходили ко мне в течение нескольких первых месяцев, и они, как и я, сожалели о том, что их старая добрая организация более не существовала. Но вместе со мной они приветствовали то обстоятельство, что им было разрешено теперь стать членами такой большой организации, как СА».

Говоря о своем собственном районе, он заявил:

«По сути дела после 1935 года основным костяком СА являлась моя старая организация "Стальной шлем", поэтому большинство членов "Стального шлема" осталось в рядах СА».

Исключение из декларации о виновности всей организации «Стального шлема» привело бы к исключению таких людей, как Ютнер, и многих других членов «Стального шлема», которые составляли костяк СА.

Мы считаем, что можно сделать справедливое и практически возможное разграничение между этими двумя группами. В июле и августе 1935 года заверения, которые давались членам «Стального шлема» в том, что они сохранят свое независимое положение, несмотря на свое членство в СА, были нарушены. Организация «Стального шлема» была окончательно распущена. Принятая в ней форма, ее собрания и вся ее предыдущая деятельность были запрещены. С этого времени члены «Стального шлема», которые остались в СА, ничем не отличались от остальной части этой организации. Они присоединились к СА в 1933 году, зная, как заявил один из их собственных свидетелей, о преступном характере политики и деятельности СА. Теперь, в 1935 году, они не могли уже иметь никаких иллюзий относительно того, что если они останутся членами СА, то от них будут ожидать поддержки этой политики и участия в этой деятельности. Никто из числа тех, кто остался членами после этого дня, не имеет права исключить себя из числа лиц, несущих

главную ответственность за преступления, совершенные СА и нацистским правительством, одним из оплотов которого являлась СА. Таким образом, мы имеем честь рекомендовать на Ваше рассмотрение следующий вопрос: могут ли быть также исключены все те члены «Стального шлема», которые ушли или были исключены из СА до 31 декабря 1935 г. Мы считаем, что те, кто остался, могут справедливо рассматриваться как принадлежащие к преступной организации СА.

Вы представляете себе, какие последствия будут иметь эти исключения для целого ряда членов СА, связанных с этим процессом. Одно лишь исключение 1 500 тысяч членов Киффхойзербунда и 500 тысяч членов Кернштальхельма уже сокращают цифру общей численности, приведенную Ютнером, до 2,5 миллионов, причем здесь не предусматриваются другие исключения, которые были ранее предложены обвинением.

Наконец, я хочу сказать несколько слов в отношении кавалерийского корпуса. Я уже заявил, что нет никакого законного основания предполагать, что членство в этой организации было принудительным. Обвинение, однако, признает, что поскольку кавалерийский корпус сохранял свою отдельную организацию клубов верховой езды, свой собственный характер и имел своих руководителей, Вы, возможно, сочтете, что он занимал специфическое .положение, когда будете обсуждать вопрос о преступной ответственности СА. Трибунал, несомненно, если он пожелает, сумеет по своему усмотрению учесть это специфическое положение кавалерийского корпуса. Суд будет иметь в виду, что число членов этой организации равнялось 200 тысячам.

Я, как мне кажется, должен сказать несколько слов еще по одному вопросу, который был затронут защитой. Утверждалось, что еженедельная газета «Дер СА манн», из которой обвинение взяло некоторое небольшое число своих доказательств против этой организации, не является достоверным источником и не отражает правильно политику и деятельность СА. Вы слышали показания за и против этого предложения. Я хочу лишь напомнить Вам, что эта газета издавалась официальным нацистским издательством — компанией Эхер, которая также издавала «Майн кампф», справочники по организации НСДАП, приказы и декреты нацистского правительства и все другие официальные нацистские издания. Подзаголовок этой газеты гласил...

Председатель: Сэр Дэвид, перед тем, как Вы оставите вопрос о цифрах, скажите нам, эта цифра два с половиной миллиона, которую Вы назвали, предусматривает смену сотрудников на отдельных постах?

Максуэлл-Файф: Нет, что касается смены сотрудников, мы считаем, что эта цифра уравновесится большой смертностью за годы войны. Вам следует принять в расчет лишь пятилетний период со времени начала войны. За этот период с 4,5 миллиона число членов сократилось до 1,5 миллиона. После этого, как мы полагаем, число сотрудников, сменявших один другого на постах, уравновешивалось числом выбывших в связи со смертностью во время войны.

Милорд, Вы, конечно, имеете в виду, что мы пытаемся здесь взять первоначальную цифру Ютнера в четыре с половиной миллиона. Мы предполагаем, что однажды эта цифра сократилась до двух с половиной миллионов. Если вы согласитесь с нашим предложением в отношении одних лишь Кернштальхельма и Киффхойзербунда, мы получим сокращение до двух с половиной миллионов. Вы также должны принять в расчет предложенное нами исключение тех членов «Стального шлема», которые вышли из состава этой организации до 1935 года. Далее, вопрос о кавалерийском корпусе. Мы, конечно, оставляем его на решение Трибунала. Но после того, как Вы примете решение по нему, после того, как Вы получите цифру, которая равна примерно 2 миллионам, Вы убедитесь в том, что эта цифра сократилась за пятилетний период и равнялась полутора миллионам, согласно тем показаниям, которые дал вам Ютнер.

Я рассматривал вопрос о газете «Дер СА манн». Разрешите мне продолжать.

Подзаголовок этой газеты гласил: «Официальный орган высшего руководства СА».

Ее редактор в письме Розенбергу прямо называл эту газету «Боевой листок и официальный орган верховного руководства СА» с тиражом в 750 тысяч экземпляров (ПС-4009, ВБ-614).

Сам Лютце рекомендовал ее в своей ежегодной программе подготовки на 1939 год как одно из официальных пособий для подготовки и проведения в жизнь обучения.

Я утверждаю, что в свете этих доказательств показания свидетелей защиты по этому вопросу не должны быть приняты во внимание.

Прошу Вас обратить внимание на всю литературу, которую Вы видели в связи с этой организацией. Она вся одинакова — вся посвящена войне, беззаконному насилию, расовой ненависти. Ни одним словом не касается она обычных проблем благопристойной жизни, интересов, деятельности и образа жизни нормальных, порядочных, цивилизованных мирных граждан, тех, которые заполняют большую часть газет и литературы порядочных, уважающих закон мирных стран. Сравните литературу СА с той, которая издается любой другой организацией или обществом любой другой страны Европы. СА — организация, которая гордилась тем, что на нее была возложена ответственность за воспитание и подготовку германских мужчин, говорила только о милитаризме, о самонадеянности и ненависти. Зачем было все это нужно, если их цели были таковы, как они об этом теперь говорят?

Я перехожу к очень краткому рассмотрению доказательств, на которых мы основываем наше заявление о том, что эта организация является преступной. Цели СА являлись целями самой нацистской партии. Подготовка в рядах СА описывается в справочнике по организации НСДАП следующим образом. Я цитирую:

«Подготовка и обучение проводятся в соответствии с доктринами и целями фюрера, которые изложены в "Майн кампф" и в программе партии, как руководство во всех проявлениях нашей жизни, нашей национал-социалистской идеологии» (ПС-2354, США-323).

Начальник штаба СА Лютце в заявлении дипломатическому корпусу и иностранной прессе в 1936 году сказал:

«Когда я заявляю с самого начала, что обязанности, взятые на себя СА, являются такими же, как и обязанности партии, и наоборот, я имею в виду лишь то, что СА считает программу партии своей собственной программой. СА не может быть независимой от национал-социалистского движения и может существовать лишь как составная его часть. В структуре партии СА представляет собой отряд ее защитников, ее боевую ударную группу, к которой, выражаясь языком политики, принадлежат наиболее активные члены движения. Задачи СА являются задачами партии и наоборот. Таким образом, они носят внутриполитический характер» (ПС-2471, США-413).

В интересах экономии времени я не буду подробно останавливаться на доказательствах того, как эта организация выполняла свою роль «защитного отряда» и «боевой ударной группы» партии. Все это можно уже считать вопросом истории. Выражаясь словами Обвинительного заключения, СА была создана нацистскими заговорщиками до захвата власти и превращена ими в громадную частную армию: она использовалась в целях создания беспорядков, для терроризирования и уничтожения противников. Говорят о том, что насилия и преступления ее членов, если таковые вообще имели место, носили чисто оборонительный характер: к подобной деятельности они якобы были вынуждены прибегать для того, чтобы защищать своих членов и партийных руководителей от насилия со стороны коммунистов и других политических партий. Вы сами должны решить, какова ценность этих доказательств. Решая этот вопрос, Вы будете иметь в виду, что все документальные доказательства, представленные по этому вопросу в книге документов защиты, исходят из нацистских источников и составлены нацистами. Вы можете считать фактом, что описание СА как организации, имевшей оборонительные цели, совершенно не соответствует показаниям, которые дали Вам свидетели Зеверинг и Гизевиус, и письменным показаниям, данным американским консулом Гейстом.

Часть показаний, которые я не имею намерения здесь зачитывать Трибуналу, я приведу в качестве сноски. Я напомню о том, что говорил Зеверинг относительно агрессивности СА, и я прошу Трибунал обратиться к последним словам цитаты в начале страницы 52.

«Одной из важнейших возложенных на меня задач было наблюдение за так называемыми вооруженными организациями. Самой ожесточенной из всех организаций оказалась СА. Это были хулиганствующие отряды, которые дерзко распевали свои песни и устанавливали свою власть на улицах. Они расчищали улицы для себя и там, где никакого со-

противления им не оказывалось... Повсюду, где СА удавалось без помех осуществлять свой террор, они действовали таким образом... Это не были просто обычные небольшие стычки между политическими противниками в период предвыборных столкновений. Это был организованный террор».

Свидетель Грусс подтвердил показания Зеверинга. «Я считаю, — заявил он, — что в целом Зеверинг описал положение вещей правильно».

Я считаю, что доказательства о преступной деятельности СА в течение 1933—1934 гг., то есть начиная с прихода нацистского правительства к власти до чистки Рема, являются столь же хорошо обоснованными и могут быть рассмотрены столь же кратко. Здесь, как и ранее, продолжалось применение насилия, пренебрежение законами, правами и привилегиями всех, кроме их самих. Достаточно напомнить Вам лишь то, что заявил Гизевиус; и снова, милорд, я напоминаю Вам, что Гизевиус говорил относительно использования СА в качестве вспомогательной полиции, относительно частных тюрем, арестов и т.д. Разрешите мне снова процитировать последнюю фразу:

«СА организовывала крупномасштабные облавы, СА конфисковывала имущество, СА подвергала людей допросам с применением жестких мер. СА помещала людей в тюрьму. Короче говоря, СА назначила себя вспомогательной полицией и не обращала внимания ни на одну из традиций времен либеральной системы... Горе любому, кто попадал в когти СА! С этого времени получил известность "бункер", наводившая ужас частная тюрьма, причем каждый штурмовой отряд СА должен был иметь хотя бы один такой "бункер". Захват людей превратился в неотъемлемое право СА... Эффективность штандартенфюрера измерялась количеством произведенных им арестов, а хорошая репутация члена СА определялась тем, насколько энергично он "воспитывает" находящихся в его власти заключенных...

Стычки не могли больше применяться в борьбе за власть. Тем не менее борьба продолжалась; изменилось лишь то, что эти удары теперь уже наносились с полным сознанием своей власти».

Гизевиус далее более подробно описал незаконные аресты политических противников, которые производились членами СА, тюрьмы, которые они учредили, и обращение, которому они подвергали свои жертвы:

«Именно потому, что к зверствам относились терпимо в течение первых месяцев, впоследствии стали возможны садистские убийства в концентрационных лагерях».

Заслушав показания Шеффера, первого коменданта Ораниенбурга, на перекрестном допросе, можете ли Вы испытывать хоть малейшее сомнение в том, что члены СА в этом концентрационном лагере совершали зверства? Вы располагаете показаниями свидетеля Иеля о том, что СА организовала концентрационный лагерь в Вуппертале по инициативе местного командира СА, что в Хоенштайне и Бредове охранники из СА пытали и убивали заключенных (ПС-787, США-421). Вы помните также письмо, написанное в

июне 1935 года министерством юстиции самому Гитлеру: «В лагере практиковались весьма грубые нарушения правил обращения с заключенными, по крайней мере, начиная с лета 1934 года. Заключенных не только избивали до бессознательного состояния плетью и другими предметами, как это имело место в лагере предварительного заключения в Бредове близ Штеттина; их также истязали и другими способами» (ПС-787, США-421).

Эти факты не требуют никаких комментариев, за исключением того, что садизм и незаконные аресты подобного рода практиковались и проводились в жизнь членами СА по всей империи. Я цитирую:

«В течение шести недель с момента прихода нацистов к власти в январе 1933 года германские газеты помещали сообщения, исходившие из официальных источников, о том, что 18 тысяч коммунистов были заключены в тюрьмы и что в то же время из 10 тысяч заключенных, находившихся в тюрьмах Пруссии, большую часть составляли социалисты и интеллигенция» (Д-911, ВБ-512). Зольман, депутат рейхстага от социал-демократов, был в Кельне доставлен в «коричневый дом», где его «в течение нескольких часов пытали, избивали и пинали ногами» (ПС-3321, США-422).

... В Нюрнберге некий Пфлаумер подвергался избиению по ступням ног до тех пор, пока он не скончался (Д-923, ВБ-615). В Мюнхене бывший редактор газеты «Нижнебаварский крестьянин» доктор Алоиз Шлёгель был подвергнут насилию, а дом его был разрушен (Д-906, ВБ-616). Это всего лишь несколько примеров из большого числа подобных случаев, которые имеет в виду премьер-министр Баварии, заявляя (я цитирую):

«Невозможно сосчитать общее количество подобных инцидентов, имевших место по всей Германии» (Д-930, ВБ-617).

Это не было политической революцией, это не было самозащитой против коммунистической оппозиции. Эти люди находились на службе у правительства и были всегда уверены, что все правительственные органы — пресса, закон и полиция — имеют инструкции способствовать и помогать им. Они не подвергались никакому риску. Жертвы их произвола не могли обратиться ни в один суд, они не имели никакой защиты. Это был просто садизм, преступные зверства, которые поощрялись партией и руководством СА. У Вас имеются показания Гейста, американского консула:

«Я лично могу подтвердить, что полиция была проинструктирована о том, чтобы не вмешиваться... Эти сотрудники заявили мне, что они и все другие сотрудники полиции получили точные и определенные инструкции не вмешиваться в дела СА, СС и Гитлерюгенда» (ПС-1759, США-420).

Подсудимый Геринг, выступая 3 марта 1933 г., сказал о той роли, которую должна была выполнять СА с этого момента и в будущем. Он заявил, что коммунисты будут подавлены коричневорубашечниками. Полиция не будет использоваться так, как это делается при буржуазной демократии. Я цитирую: «Я не собираюсь осуществлять правосудие. Моей задачей является только разрушение и уничтоже-

ние и ничего более. Борьбу не на жизнь, а на смерть, в которой моя рука возьмет вас за горло, я поведу с помощью тех, которые находятся там внизу, — с помощью коричневорубашечников» (ПС-1856, США-437).

Теперь разрешите мне рассмотреть более подробно деятельность СА в течение лет, последовавших за 1934 годом. Здесь утверждалось, что после путча Рема уменьшилось как число членов СА, так и ее значение и что преступная деятельность ее членов прекратилась. Неоспоримо, что число ее членов действительно уменьшилось. Я уже указывал на доказательства, объясняющие, по какой именно причине это произошло. То, что ее значение уменьшилось, тоже правильно — в том смысле, что официально в фаворе все в большей и большей степени находились СС по причинам, которые хорошо известны. Тем не менее СА в глазах ее собственных руководителей, ее членов и руководства нацистской партии осталась в политическом и военном отношении силой, имевшей жизненно важное и серьезное значение.

К июню 1934 года политические противники нацистской партии были подавлены или заключены в тюрьмы. Поэтому неудивительно, что мы теперь имеем меньше доказательств, касающихся тех фактов «господства над улицами», которые заполняли историю Германии в течение предыдущих лет. Но цели этой организации остались неизменными: фанатическая поддержка политики нацистского правительства; подавление той оппозиции, которая еще осталась, в особенности церкви и евреев. И в дополнение ко всему — интенсивная подготовка к агрессивной войне.

СА и СС уже использовались в мероприятиях по роспуску профсоюзов. Еврейский вопрос и вопросы церкви оставались вечными проблемами. Я уже говорил о проводимой нацистской партией политике устранения всякого влияния церкви. Я хочу Вам напомнить о той роли, которую играла СА в этой борьбе в течение ряда лет после 1934 года. Вы помните инцидент в церкви в Фрейзинге в феврале 1935 года, когда крейслейтерша проинструктировала всех женщин-нацисток сопровождать штурмовиков СА на службу в фрейзингскую церковь. Именно штурмовики СА устроили так, что в то время, как кардинал совершал богослужение, зазвонил церковный колокол. Именно штурмовики СА впоследствии вывели Ганса Гейдля ночью в поле и били его беспощадно за то, что он выразил сожаление по поводу вмешательства в ход богослужения. Вы помните эту историю, и я привожу заявление самого Ганса Гейдля по поводу происшедшего (ПС-1507, ВБ-535).

«Главарь вынул из кармана носовой платок и завязал мне рот. Затем он прижал меня к земле и держал, пока двое других начали меня бить. Они нанесли мне 15—20 тяжелых ударов от ягодиц до щиколотки левой ноги. Кляп развязался, и я громко закричал. Тогда они перестали меня бить и помогли встать. Мне было строго приказано никому не рассказывать об этом инциденте, если я хочу сохранить

свою должность. Затем они дали мне пинок и сказали: «Теперь беги домой рысью, ты, поп».

Произвел ли на Вас впечатление защитительный довод, что это был только отдельный случай? Если Вы рассмотрите доказательства относительно массовых и повсеместных актов насилия, которые были связаны с именем СА в представлении всей Германии и всего мира в годы нацистской борьбы, то сможете ли Вы сомневаться в том, что подобные случаи имели место во всей Германии в 1935 году и в последующий период, когда к тому представлялась какая-либо возможность...

Разве может за несколько месяцев измениться природа такой организации, как эта? Если бы природа и задачи СА изменились, зачем было бы газете «Дер СА манн» в 1937 и 1938 годах публиковать статьи, осуждающие церковь, как-то:

«Мои дорогие францисканцы», «Черные сутаны — политический католицизм», «Церковь стремится диктовать государству», «Разоблаченный политический католицизм» и, наконец, «Хочет ли Ватикан войны» (ПС-3050, США-414).

Если насильственные методы СА изменились в течение этих лет, почему же официальный орган ее верховного руководства вспоминал истории ее ранних боев? Заголовки наглядно раскрывают их содержание: «Мы подавили красный террор», «Ночные уличные бои на чешской границе», «СА громит красный террор», «Кровавое воскресенье в Берлине».

Характерно также описание событий 9 ноября 1938 г. в Нюрнберге, когда во время беспорядков кто-то закричал: «Ударим по еврейскому гнезду. Долой евреев!» (ПС-3050, США-414).

Роль, которую СА играла во все усиливающемся преследовании евреев, рассеивает всякие сомнения в отношении того, что характер деятельности этой организации оставался преступным в период после 1934 года. По поводу бойкота, объявленного в апреле 1933 года, Геббельс писал в своей автобиографии:

«1 апреля 1933 г. Все еврейские магазины закрыты. У входа в магазины стоят часовые СА» (ПС-2409, США-262).

Это лишь один пример того, как по всей Германии СА давала нацистскому правительству практическую возможность проводить в жизнь его политику. Инструкции, изданные подсудимым Штрейхером и его комитетом, гласили:

«Члены СА и СС получили инструкцию путем установления пикетов препятствовать населению входить в еврейские предприятия после того, как был объявлен бойкот» (ПС-3389, США-566).

У Вас имеются показания Курта Шмидта, министра экономики, который до января 1935 года являлся членом имперского кабинета:

«Я должен сказать, что СА приобретала все более и более пагубное влияние на вопросы экономики и еврейские вопросы, выступая в роли разрушающего элемента» (ПС-4058, США-922).

У Вас имеются показания их собственного свидетеля барона фон Вальденфельса, которого спросили: «Принимала ли СА активное участие в преследовании евреев после 1934 года?». Свидетель ответил:

«Насколько это было мне известно из того, что мне рассказывали, — да. Я своими глазами видел, как грабили магазины в Мюнхене, но я не знаю, производилось ли это в соответствии с полученным приказом или являлось результатом личной инициативы отдельных лиц».

Свидетель пытался умалить значение СА после 1934 года, но его показания не оставляют никаких сомнений:

«Вопрос: Играя ту меньшую роль, на которую вы указываете, продолжала ли СА проводить политику преследования евреев и осуществлять ее на практике, как она делала это раньше?

Ответ. В этом нет никакого сомнения».

Геббельс, обращаясь к СА в октябре 1935 года, напомнил членам организации, что они являлись «сильнейшей опорой движения» и что нацистское правительство являлось «антиеврейским правительством».

Если после 1934 года активное и постоянное преследование евреев не продолжало оставаться частью деятельности СА, почему же в таком случае Лютце, начальнику штаба СА, в его обращении к дипломатическому корпусу и представителям иностранной прессы в январе 1936 года пришлось опровергать то прозвище, которым иностранная пресса так часто клеймила СА, называя ее «носительницей варварской расовой борьбы, вопреки цивилизации»? (ПС-2471, США-413). Почему же в таком случае почти ежемесячно в «Дер СА манн» в период между 1935 и 1939 годами появились статьи, составленные в выражениях, столь излюбленных газетой «Дер штюрмер»? Их заголовков достаточно для того, чтобы прийти к заключению об их характере. Я обращаю Ваше внимание лишь на три статьи из них: «Убийства, совершаемые евреями», «Могильщики мировой культуры», «Еврейская мировая революция в США» (ПС-3050, США-414).

Если члены СА фактически не принимали постоянного и активного участия в преследовании евреев после 1934 года, как же можно объяснить ту роль, которую они играли в демонстрациях, имевших место в ноябре 1938 года? Вы помните, какие инструкции были получены ранним утром 10 ноября 50-й бригадой СА в Дармштадте: «По приказу группенфюрера все еврейские синагоги, находящиеся в зоне расположения 50-й бригады, должны быть немедленно взорваны или подожжены... Эти мероприятия должны быть произведены в гражданской одежде...».

Вы также припомните доклады различных руководителей СА, направлявшиеся в штаб группы СА: в районе 50-й бригады 35 синагог взорвано, сожжено или разрушено; в Мангейме та же судьба постигла 21 учреждение — синагоги, церкви, молитвенные дома; в районе 174-го полка 151-й бригады все синагоги были уничтожены, а евреи взяты под стражу; в районе полка 250 было разрушено 11 синагог,

были разбиты витрины всех еврейских магазинов, раввина и нескольких известных евреев гестапо взяло под стражу «ради их собственной безопасности»; «подлый раввин Нейбургер», известный своими связями с кругами за границей, был взят под стражу «по инициативе СА», вместе со всеми мужчинами-евреями из различных деревень; в районе 17-го полка две синагоги были полностью сожжены и несколько еврейских магазинов разрушено; доклад от 51-й бригады гласит: «Завершено дело с синагогами. Все доведено до конца вплоть до Рельсхейма».

Далее, Ваша честь, я приведу еще некоторые подробности.

События, происшедшие в районе Мангейма, не могли являться, как пытается Вас уверить защита, исключением из политики, проводимой руководством СА, и из общей практики поведения членов СА в остальной части Германии. Всего в ту ночь было разрушено 267 синагог. Мы с полным правом можем задать вопрос: почему только 50-я, 51-я и 151-я бригады должны были получить инструкции разрушать все синагоги? Почему же в таком случае сам Ютнер направил всем соединениям СА приказ, исходивший от Гесса и гласивший, что все отделы партии и ее филиалы, взявшие под охрану ценное имущество, должны были передавать его в ближайшее отделение гестапо?

Мы просим Вас признать, что эти доказательства уже сами по себе являются решающими. Тем не менее в дополнение к вышеприведенным доказательствам Вы располагаете отчетом о процессе в высшем партийном суде по поводу убийства евреев во время проведения этих демонстраций. Пятнадцать членов СА совершили убийства. Эти убийства имели место по всей Германии: в Восточной Пруссии, в Дессау, в Ганновере, в Бремене, в Саксонии и в Мюнхене. Что же, все они тоже представляют собой только отдельные случаи?

Биограф Геринга писал относительно СА в 1937 году: «Едва ли народом отмечена происшедшая сейчас реорганизация полиции безопасности. Ее ряды укрепляются СА — самым надежным орудием нашего движения» (ПС-3252, США-424). Вряд ли по делу какой-либо организации были представлены более убийственные доказательства.

Я перехожу к подготовке к войне и к деятельности СА во время войны.

Немедленно после прихода нацистской партии к власти СА превратилась в зародыш армии, при помощи которой нацисты начали осуществлять свою подготовку к агрессивной войне. Гейст — американский консул — говорит Вам по этому поводу следующее:

«В особенности в 1933 и 1934 гг. целые орды штурмовиков СА у всех на глазах занимались военной тренировкой; СА превращалась в военную организацию. Я нередко наблюдал за тем, как штурмовики, расположившись в поле или в лесу, проходили военное обучение. Все это являлось частью общего плана подготовки живой силы Германии к

войне» (ПС-1759, США-210). Утверждение Гейста подтверждает сам Лютце, который в 1939 году писал:

«Уже в 1920 году, создав СА, фюрер установил для этой организации весьма обширные задачи... СА должна была стать носителем военных идей свободного народа. В том же смысле фюрер выразился в своей книге "Майн кампф":

"Дайте германской нации шесть миллионов безукоризненно натренированных в спорте тел, вдохновленных фанатической любовью к своему отечеству, энергия которых доведена до высшей точки напряжения, и национал-социалистское государство, если в этом появится необходимость, создаст из них армию меньше чем в два года".

Люди никогда не забудут поставленную фюрером задачу — требовать от каждого немца военной подготовки и воссоздать среди германского народа военный дух» (ПС-3215, США-426).

Какой же смысл свидетелям защиты по делу СА теперь приходить и заявлять этому Трибуналу, что «СА не имела военного характера... и не желала его иметь...» или «что программа обучения членов СА всегда сохраняла свой невоенный характер».

Имеется очень большое количество доказательств относительно военного характера и целей СА, относительно интенсивного обучения членов этой организации и ее подготовки к войне.

Доктор Эрнст Байер писал по приказу верховного командования СА в 1938 году о целях СА:

«СА было поручено добиться роста и сохранения военной мощи и развития воинственного духа германского народа (ПС-2168, США-411)».

Еще в мае 1935 года фон Рейхенау предложил, чтобы верховное командование СА было представлено в имперском совете обороны.

Здесь я сделаю добавление: имелась карандашная пометка, которая показывает, что это было проведено в жизнь (ПС-2822, ВБ-205) — к СА был прикомандирован офицер регулярной армии, который должен был оказывать содействие в военном обучении членов организации. «В целях маскировки этот офицер должен был носить военную форму СА» (ПС-2823, США-429).

Из директив по вопросам обучения и других документов, часть которых была издана самим Лютце, ясно, какую форму приняла эта тренировка, начиная с 1933 года и кончая 1939 годом: она заключалась в стрельбе, бросании гранат, определении расстояния, чтении карт и маршировке (ПС-2820, США-427; ПС-1849 и ВБ-610; ПС-2401, США-430; Д-918, ВБ-594). Нам также известно, что уже в июле 1933 года в СА были сформированы специализированные соединения, например роты связи и моторизованные роты, а также отдельные воздушные эскадрильи.

Командование СА в особенности подчеркивало необходимость соблюдения секретности в отношении каких-либо публичных заявлений, «которые могли бы дать другим стра-

нам основание истолковать действия Германии как нарушение условий Версальского договора» (Д-44, США-428). Был запрещен выпуск картин, «дающий другим странам возможность доказать, что действительно создавались технические войсковые соединения». Едва ли есть необходимость вновь цитировать высказывания доктора Эрнста Байера для того, чтобы представить себе цель создания этих технических соединений. Все же я цитирую его:

«Из этих технических соединений СА возникли хорошо обученные команды, которые по своей подготовленности и полученным ими знаниям занимают не последнее место и имеют исключительную ценность на службе обороны страны» (ПС-2168, США-411).

То же он писал и по поводу кавалерийских корпусов:

«В настоящее время СА имеет возможность ежегодно передавать в вооруженные силы многие тысячи молодых, хорошо подготовленных кавалеристов» (ПС-2168, США-411).

Можно ли сомневаться в том, что каждому члену СА было известно, к чему вели все эти мероприятия, если сам начальник штаба публично говорил о том, что принципом обучения членов СА «всегда была духовная, нравственная и физическая культура милитаризации всего германского народа» (ПС-3050, США-414)?

В марте 1934 года был установлен постоянный контакт между СА и имперским министерством обороны в отношении всех задач «А». Ютнер разъяснил, что представляли собой эти задачи «А»: они заключались в «мероприятиях по обучению и в ведении пограничной охраны». Означала ли пограничная охрана в действительности подготовку военного захвата Рейнской области, Австрии и Чехословакии?

Фактически в том же месяце 1934 года СА создала в Рейнской области вооруженное подразделение, которому была придана рота тяжелых пулеметов.

В начале 1934 года СА также подготовляла следующие планы (я цитирую):

«7—9 февраля ввести в Австрию австрийские войсковые соединения, расквартированные в Баварии. После этого объявить военную диктатуру» (ПС-3050, США-414).

Перед Вами имеется отчет о той роли, которую сыграла СА в неудавшемся путче и убийстве Дольфуса. Когда подошло время проведения аншлюса, соединения СА были в числе первых, вошедших в Австрию (ПС-3050, США-414).

В Чехословакии СА являлась основной силой, поддерживавшей «свободный судетский корпус». В октябре 1938 года, через несколько недель после мюнхенского кризиса, офицер связи ОКВ при «свободном корпусе» сообщил: «Снабжение было организовано СА, оружием снабжала австрийская СА. Материально "свободный корпус" обеспечивало руководство СА, проявляя при этом величайшее чувство товарищества и отсутствие себялюбия. Экипировка и питание остались в ведении НСДАП и СА».

Милорд, я напоминаю Трибуналу о том, что в приложении к этому документу имеется список пленных и трофеев, захваченных «свободным корпусом», а также говорится о

причиненном им ущербе, и все это — в период мирного времени. Эта поддержка, оказанная «свободному корпусу», входила в понятие «пограничной охраны», как это признал сам Ютнер.

Преступления, совершенные СА, не прекратились с началом военных действий. Я еще раз цитирую показания свидетеля Ютнера:

«С самого начала войны с Польшей группа СА в Судетах занималась транспортировкой военнопленных в лагерь. Возможно, что и другие группы СА на Востоке использовались для таких же целей. Позже руководство СА и СА как организация ничего общего не имели с этим вопросом».

При рассмотрении доказательств, которые Вы слышали, о тех ужасающих условиях, в которых этих пленных с Востока перевозили в лагеря, можете ли Вы считать доказанным, что эта задача охраны транспорта была столь невинной, как может показаться с первого взгляда? Ютнер также оставил нам отчет от июня 1941 года, в котором описана деятельность СА во время войны. В зонах, через которые проходили коммуникационные линии, ее члены оказывали содействие политическому руководству в его задаче воспитания и ориентации. 21 группа членов СА была использована для охраны пленных. Организация групп СА в Данциге, Познани, Силезии и Прибалтике описывается в следующих выражениях:

«В тех областях так же, как и ранее в период борьбы за власть, СА была ударным отрядом партии. Практически в этих областях деятельность СА также была направлена на укрепление обороны. Поэтому возникла необходимость преодолеть комплекс неполноценности расовых немцев, который еще существует в результате польского угнетения, и привести их внешний вид и манеру держать себя в соответствие с требованиями СА» (ПС-4011, ВБ-546).

Как зловеще звучат эти невинные слова в свете доказательств о том, что происходило в этих восточных и прибалтийских провинциях. Управление гетто в Вильнюсе находилось в руках СА, и заключенные охранялись охранниками СА. Некоторые из евреев должны были жить в глубоких колодцах, причем они были скованы цепями, а члены СА надевали им цепи на обе щиколотки и вокруг талии. «Эти цепи весили по два килограмма каждая, и поэтому мы могли делать в них только очень маленькие шаги. Мы носили эти цепи постоянно в течение шести месяцев. Охранники СА сказали нам, что, если кто-нибудь снимет цепи, он будет повешен» (Д-964, ВБ-597).

Работа их состояла в том, что они раскапывали общие могилы:

«Мы выкопали всего 80 тысяч трупов.., среди них я нашел тело своего родного брата» (Д-964, ВБ-597).

В Вильнюсе охранники СА заставляли евреев щипцами снимать золотые коронки с зубов их мертвых братьев, промывать коронки в бензине и упаковывать в восьмикилограммовые ящики, которые ведавший этим офицер СА забирал лично.

Защитник СА Бём: *Г-н председатель, как я полагаю, приведенные показания взяты из аффидевита Д-964, ВБ-597. Суд отклонил представление этого аффидевита.*

Максуэлл-Файф: *Ваша честь, отклонены были другие аффидевиты, я уверен, что данный аффидевит Шлома Голя не был в числе отклоненных.*

Председатель: *Вы можете продолжать. Если доктор Бём сможет представить доказательства того, что данный аффидевит был отклонен, упоминание о нем будет вычеркнуто из Вашей речи и он не будет приниматься во внимание.*

Максуэлл-Файф: *«Гетто в Шауляе, к югу от Риги, находилось в ведении СА. Там находилось от 700 до 800 членов СА, которых можно было распознать по коричневой форме и нарукавным повязкам со свастикой. В августе 1941 года члены СА окружили все гетто. Некоторые из них вошли в дома, выводили женщин, детей и стариков, сажали их в грузовики и увозили. Я это видел сам. Это проводилось исключительно членами СА. Я видел, как они хватали детей за волосы и бросали их в грузовики. Я не видел того, что с ними случилось позже, но один литовец впоследствии рассказывал мне, что их увезли километров за двадцать и расстреляли. Он говорил, что он видел, как члены СА заставляли их раздеваться и затем расстреливали их из автоматов» (Д-969, ВБ-600).*

СА охраняла гетто в Каунасе, где было расстреляно 10 500 евреев во время «акции» 28 октября 1941 г. Она также охраняла трудовые лагеря в Сакрау, Мехтале, Маркштадте, Клеттендорфе, Лангебейле, Фаулбрюке, Рейнхенбале и Аннаберге в Верхней Силезии, где поляки, французы, бельгийцы, голландцы и греки трудились, как рабы, и умирали от жестокого обращения и недоедания и где «методы СА ни в коей мере не отличались от методов СС».

Нельзя сомневаться в правдивости показаний тех евреев, которые пережили эти кошмарные годы в гетто и трудовых лагерях на Востоке. Снова и снова собственные немецкие документы и другие доказательства подтверждают факт существования тех условий, о которых говорят свидетели, сходится даже произведенное ими опознание конкретного члена СА. Лейб Кибарт назвал Вам фамилию районного уполномоченного, в чьем дворе евреи из шауляйского гетто ежедневно подвергались ругани и побоям со стороны охранников из СА. Он Вам говорил, что его фамилия была Гевеке и что он был членом СА. Мы видим подпись Гевеке на одном из его собственных писем от 8 сентября 1941 г., в котором он жалуется, что СС вмешивается в его распоряжения «по упорядочению конфискации еврейской собственности». Письмо, содержащееся в этом документе, имеет штамп: «Комиссар Шауляйской области». СА использовалась не только в качестве охранников. Из членов СА комплектовались собственные эйнзатцкоманды, кроме того, подразделения СА принимали участие в кровавой деятельности по уничтожению партизан. Районный начальник полиции безопасности и СД в Кракове в письме подсудимому

Франку сообщал о деятельности специальной эйнзатцкоманды СА, которая была создана для вербовки рабочих из числа гражданского населения.

Генеральный уполномоченный по Белоруссии сообщал в июне 1943 года, что «по приказу обергруппенфюрера СС фон дем Баха, ведающего отрядами по борьбе с партизанами, подразделения военных отрядов СА также принимали участие в операции. Этими отрядами командовал штандартенфюрер СА Кунце» (Р-135, США-289).

Эта акция, на которую ссылается генеральный уполномоченный, была ужасной «операцией Котбус», о которой Вы помните и о которой генеральный уполномоченный сообщал, что «ее политическое воздействие на мирное население было попросту ужасным в связи с многочисленными расстрелами женщин и детей».

В генерал-губернаторстве СА была организована в 1941 году. В декабре 1943 года Франк заявил: «Когда два с половиной года назад я дал указание организовать СА, я руководствовался мыслью, которая сегодня наполняет меня больше, чем когда-либо прежде. Я стремился создать в генерал-губернаторстве резерв для действий в чрезвычайных обстоятельствах, причем резерв абсолютно надежный и непоколебимый во всех случаях, резерв национал-социалистов. Совершенно очевидно, что этот специальный резерв подлинных национал-социалистских борцов могут составить только члены СА. Здесь как член СА вместе с моими товарищами из СА я могу в рамках СА действительно культивировать то, что имеет отношение к "народу", действуя методами, к которым я не могу прибегать в политической сфере, где я должен принимать во внимание множество обстоятельств и беспрестанно держать в руках кнут, как укротитель в клетке со львами, для того чтобы быть начеку в отношении действий бандитов. Это положение никогда не приходится принимать во внимание гаулейтерам в пределах империи... СА впервые применялась здесь на новой территории для использования новых методов и решения новых задач, которые, однако, были разрешены именно потому, что члены СА, принимавшие участие в их разрешении, были такими же, какими они являлись в период борьбы внутри империи» (ПС-2233).

В то же самое время внутри империи СА взяла на себя (я цитирую) «функции, которые раньше были поручены только СС, ЗИПО и армии, например охрану концентрационных лагерей, лагерей военнопленных и наблюдение за насильно пригнанными рабочими как в самой Германии, так и на оккупированных территориях. Такого рода сотрудничество СА было запланировано и подготовлено руководящими инстанциями в Берлине уже в середине 1943 года» (ПС-3232, США-435).

В Штирии лагерь Фрауэнберг использовался как трудовой лагерь для хронических алкоголиков, правонарушителей и прогульщиков, причем 300 заключенных работали в соседних каменоломнях и на строительствах дорог. Охрана состояла из членов СА. Можем ли мы представить себе те

условия, в которых жили — или умирали — эти прогульщики и правонарушители?

Насилия, убийства и власть над улицами в годы борьбы. Незаконные аресты, созданные нелегально концлагеря, невероятный садизм в годы триумфа — с 1933 года по 1934 год, безжалостное подавление и зверское преследование евреев и христиан и всякой оппозиции и военное обучение в агрессивных целях в годы начиная с 1934 года до начала войны. И после этого новые концентрационные лагеря, снова садизм, снова подавление и преследование на этот раз завоеванных ими народов, которых они называли расово неполноценными. И снова насилия и убийства, но не как прежде, в далекие дни 1933 года по отношению к отдельным людям. Теперь это были насилия и убийства целых народов. Одна и та же система в течение всех этих лет. Можете ли Вы своим решением снова развязать этим людям руки для того, чтобы они терроризировали народы Германии и Европы?

Я не считаю, что есть необходимость подробно останавливаться на доказательствах против СС. Вы уже достаточно хорошо знаете о характере этой организации и о деятельности ее членов. Буквы «СС» появлялись в связи почти с каждым преступлением — большим или малым, о которых Вам говорили здесь ежедневно в течение почти десяти месяцев. Обо всем этом можно сказать суммарно, хотя и недостаточно полно словами руководителя СС Гиммлера: «Я знаю, что в Германии есть люди, которых начинает тошнить, когда они видят эти черные рубашки. Мы понимаем причину этого и не ждем, что нас будут любить многие» (ПС-1851, США-440).

Я хотел бы поэтому остановиться только на двух вопросах, которые здесь возникли и которым мы придаем особенное значение.

История развития СС может быть сформулирована в нескольких словах. Созданные первоначально в качестве избранной личной охраны для защиты самого Гитлера, вместе с СА они образовали частную нацистскую армию и явились основой того, что должно было стать необходимым орудием заговора для ведения агрессивной войны. Ценность этой организации как совершенно надежного «инструмента фюрера» была продемонстрирована в июне 1934 года, когда она выполняла палаческие функции во время путча Рема. Я цитирую слова Гиммлера, которые он сказал позднее: «Это поразило всех. И тем не менее все были уверены, что они сделают это снова, если будут получены такие приказы и если в этом опять возникнет необходимость» (ПС-1919, США-170).

Готовность СС «сделать это снова» была продемонстрирована на миллионах примеров в последующие годы.

До января 1933 года СС состояла из одной только части. Не существовало особых ответвлений СС, и, кроме задач, общих с СА, и специальных функций по несению личной охраны Гитлера, у них не было никаких специальных целей. Однако после того, как нацистская партия пришла к

власти и в особенности после 1934 года, число ее членов увеличилось, и организации СС расширились и стали более сложными. Были созданы новые части, например отряды СС «Мертвая голова», задачей которых были и оставались охранные функции в концентрационных лагерях.

Несколько избранных частей были вооружены и фактически стали личной армией Гитлера под названием «СС ферфюгунгструппе» (военные отряды СС). В то же самое время некоторые функции стали специальностью других групп, которые, хотя они и не имели отдельного организационного статуса, тем не менее были обозначены как отдельные подразделения, например СД, которые являлись разведкой СС и которые впоследствии стали работать в столь тесном сотрудничестве с гестапо. Хотя общепринято различать отдельные ответвления СС и их формирования по названиям, в области управления и подчинения они являлись частями единой организации СС; все они находились под общим командованием имперского фюрера СС и все управлялись и контролировались различными главными управлениями верховного командования СС.

В начале войны большинство "альгемейне СС" (общих частей СС), то есть большое число членов СС, которые остались невооруженными, было мобилизовано в вооруженные силы. Новые солдаты были призваны в ферфюгунгструппе, которые расширились до такой степени, что образовали боевые дивизии СС, и именно эти боевые дивизии, примерно в 1940 году, стали известны под названием «ваффен СС» (войска СС).

Трибунал видел из отчета статистического института СС, как расширилась эта организация к 30 июня 1944 г. К этому времени общее число ее членов составляло 794 941 человек. «Общие СС», бывшие зародыши этой организации, потеряли свое значение в ходе войны, потому что более чем половина из 200 тысяч их членов была призвана в армию, для отбывания трудовой повинности или в другие специальные нацистские организации. Остальные 594 443 служили в войсках СС. Трибунал видел, что 368 654 человек из числа военнослужащих войск СС служили в действующих частях; примерно 160 тысяч находились в частях запаса, в резервных частях и в учебных подразделениях; 26 544 служили в других частях и учреждениях, непосредственно подчиненных оперативному штабу верховного командования СС; 39 415 служили в главных управлениях СС.

Особенно важно установить, как были распределены эти 39 415 человек из состава войск СС (Трибунал сумеет ознакомиться с подсчетом, который я приложил). Свидетели рассказали вам, что «ваффен СС» не имели ничего общего с концентрационными лагерями, тем не менее, по крайней мере, 24 тысячи из них служили в главном административно-хозяйственном управлении, которое несло ответственность за управление концентрационными лагерями и комплектование их кадрами и организовывало эту работу. В эти 24 тысячи не входят отряды СС «Мертвая голова», из числа которых набирались охранники. Войска СС также

снабжали кадрами различные организации нацистов, занимавшиеся геноцидом и действовавшие в системе СС или от имени СС — главное управление по расовым вопросам и переселению, управление имперского комиссара по консолидации германской нации, главное управление по делам лиц германской расы, личный штаб Гиммлера, в том числе и пользующееся позорной известностью общество по изучению наследственности, возглавлявшееся Зиверсом («Аненэрбе»).

Заявляют, что войска СС по существу являлись чисто военной организацией, не отличавшейся по характеру от любой части регулярной армии. Доказательства устанавливают, что это не так. Правильно, что «ваффен СС» являлись боевым орудием СС, но, хотя боевые формирования СС находились под командованием армейских инстанций, когда дело касалось оперативных задач, они всегда оставались неотъемлемой частью СС. И действительно, приказ Гитлера, намечавший функции СС на случай мобилизации, предусматривал, что, будучи переданы под командование армии, они (я цитирую) «остаются в политическом отношении частью НСДАП». Комплектование, обучение, производство в чины, управление и снабжение войск СС в течение всей войны оставалось задачей верховного командования СС. Эти части пополнялись через главное управление СС. Они организовывались, управлялись и снабжались через оперативное управление СС, где размещался штаб их командования. Военнослужащие войск СС подлежали юрисдикции главного правового управления СС. Подобно всем другим формированиям СС, войска СС входили в юрисдикцию Гиммлера как имперского фюрера СС. И теоретически, и практически эти войска являлись столь же неотъемлемой частью всей организации СС, как любая другая их ветвь. Вы помните показания, которые дал фон Рундштедт.

Я цитирую: «Военные отряды СС были подчинены только Гиммлеру. Ни в вопросах дисциплинарных, ни в вопросах правового характера я не имел над ними власти. Я не мог давать им отпусков или награждать их. Я отвечал лишь за тактическое применение этих дивизий в той же степени, в какой я мог использовать итальянские, венгерские или словацкие дивизии».

Таковы в общих чертах СС, это облеченное большими задачами «государство в государстве», как назвал его генерал Детцель. Защита теперь пытается расчленить это всеобъемлющее единство СС на различные, совершенно отдельные компоненты, объединенные якобы только личностью Гиммлера. Ответственность за преступления, совершавшиеся миллионами, пытаются возложить лишь на него и на трех-четырех его подчиненных. Однако это утверждение противоречит как истине, так и здравому смыслу. Мы рассматриваем на этом процессе не дело об убийстве 10 людей в одном месте и 20 в другом. Обвинительное заключение инкриминирует не только убийство миллионов, но и дьявольский план геноцида, запланированное истребление целых народов, наций и рас. СС являлась орудием, которое

было выбрано для осуществления этого плана, превосходившего в своей жестокости самого Ирода. Этот план мог быть осуществлен лишь путем использования всей СС в целом, причем таким образом, чтобы все ветви СС работали в согласии и сотрудничестве одна с другой. Доказательства, представленные перед этим Судом, показали, что преступления нацистских заговорщиков не могли быть осуществлены экспромтом путем отдельных, не связанных между собой преступных актов. Они были тщательно запланированы, подготовлены и проведены в жизнь с помощью СС и других преступных организаций. Члены СС были в особенности хорошо пригодны для осуществления этого плана преступлений. Хорошо подготовленные физически и тщательно отобранные, они были политически воспитаны в духе нацизма и были готовы слепо подчиняться приказам Гитлера, Гиммлера и остальных нацистских руководителей. «Приказы должны быть священны», — сказал Гиммлер. Членство в СС не только было добровольным в течение первых 16 лет их существования, начиная с 1925 года; более того, вступление в члены было возможно лишь в результате самого тщательного отбора, который являлся попыткой создать то, что членов СС называли «лучшими представителями мужского начала германской расы», «сверхлюдьми», «группой немцев нордической расы». Члены СС должны были быть фанатическими нацистами «арийского» происхождения.

Защита особенно подчеркивает тот факт, что в ходе войны добровольный призыв был заменен принудительной мобилизацией. Свидетель Брилль показал, что «к концу войны в войсках СС было больше мобилизованных, чем добровольцев».

Для удобства Трибунала, быть может, следует очень кратко рассмотреть показания этого свидетеля. Хотя и не ставится под сомнение тот факт, что на известном этапе войны значительное число военнослужащих войск СС было произвольно мобилизовано в войска СС, дата начала такой мобилизации и размеры, которые она приняла, в том изложении, которое дал этим фактам свидетель Брилль в своих показаниях, должны быть оспорены как недостоверные. Он заявил Вам, что первые 36 тысяч человек были призваны в период между осенью 1939 года и весной 1940 года. Заявлять, что 36 тысяч человек были в принудительном порядке мобилизованы в СС, — значит, вводить в явное заблуждение. Во время перекрестного допроса на заседании Комитета уполномоченных относительно этого утверждения он признал, что эти 36 тысяч человек уже были тогда членами общих частей СС, в которые они вступили добровольно. Они не были призваны, они были просто переведены из одной части СС в другую. Приведенные им цифры последующих мобилизаций таковы: в течение 1942 года — 30 тысяч, в течение 1943 года — 100 тысяч и в течение 1944 года — 210 тысяч, итого в целом 340 тысяч. Даже с помощью этих цифр он далек от того, чтобы подтвердить свое заявление о том, что к концу войны было больше мобилизованных, чем добровольцев. Он привел цифру в 910 тысяч как охватываю-

щую общую численность войск СС, причем эта цифра включала в себя численность в 1940 году и все последующие пополнения как за счет добровольцев, так и в результате мобилизации. 340 тысяч составляют только немного более чем одну треть этого общего числа.

В отношении дня начала мобилизации в СС имеются весьма значительные доказательства, опровергающие показания этого свидетеля. В феврале 1940 года Гесс давал инструкции организациям партии содействовать призыву добровольцев в СС. В декретах, которые он издал, не было никаких указаний по поводу принудительной вербовки. В апреле 1942 года брошюрка, выпущенная в связи с призывом, подчеркивала добровольный характер принадлежности к войскам СС в следующих выражениях. Я цитирую: «Юноша национал-социалистской империи знает, что он сам должен проявить инициативу для того, чтобы завершить свою военную службу в войсках СС. Тот факт, что столь многие из числа молодых немцев вступили добровольцами в войска СС, является живым свидетельством доверия, которое питает сегодняшнее молодое поколение к войскам СС, свидетельством их веры в дух этих войск и прежде всего в их руководство» (ПС-3429, США-446).

«Друг солдата» — карманная памятка, изданная для германских вооруженных сил в 1943 году, в том году, в течение которого, как хочет Вас заставить поверить Брилль, 100 тысяч человек было мобилизовано без предоставления им права выбора, описывала членов СС как жизнерадостных молодых людей, которые «добровольно решили вступить в ряды войск СС». Там было сказано (я цитирую):

«Все ознакомились с ясным и понятным уставом войск СС. Основные его моменты таковы: 1. Служба в вооруженных силах СС засчитывается как военная служба. Принимаются только добровольцы» (ПС-2825, США-441).

В апреле того же года Гиммлер давал инструкции Кальтенбруннеру в связи с принятием должностных лиц ЗИПО в ряды СС:

«Я хочу еще раз разъяснить свою точку зрения, — сказал он. — Я хочу, чтобы кандидаты принимались лишь в случае если они удовлетворяют следующим условиям:

...Если кандидат вступает в СС добровольно и по свободному выбору» (ПС-2768, США-447).

В справочнике по организации НСДАП за 1943 год приводится разъяснение, что войска СС, принимая в свои ряды добровольцев, в ходе войны дают возможность этим добровольцам сражаться на поле боя за утверждение национал-социалистских идей. Я считаю себя вправе также отметить следующий момент в связи с показаниями Брилля. Вы помните, что я уже ссылался на заявление, которое этот свидетель сделал в отношении деятельности полка СС «Лейбштандарт» (полк личной охраны), которое, как я имею честь заметить, должно рассматриваться как ложное показание. Учитывая подозрительный характер его показаний и наличие доказательств, которые опровергают их, я хочу отметить, что, каковы бы ни были масштабы принудительного набора

в СС, они были значительно меньше, а сама мобилизация стала проводиться значительно позже, чем заявляет об этом свидетель.

Но каково бы ни было в действительности положение, мы считаем, что тот факт, что некоторое число членов было мобилизовано в принудительном порядке, не должен и не может являться защитительным доводом для этой организации. Преступления, совершенные СС во время войны, настолько многочисленны и повсеместны, настолько широко распространены и носят столь систематический характер, что неизбежно напрашивается вывод, что преобладающее большинство ее членов, независимо от того, вступили они в СС добровольно или нет, с готовностью следовали традициям СС и сами стали добровольными участниками ее преступной деятельности. Разрешите мне рассмотреть в общих чертах некоторые доказательства, которые приводят к этому заключению.

Вы уже знаете, какое образование и подготовку получали члены СС, в том числе подготовку и для расовой борьбы, которую Гиммлер приказывал им вести «беспощадно». Расовые теории, геополитика, евгеника — такова была программа их обучения. «Майн кампф» была их библией. Основы их философии были изложены Гиммлером:

«В порядке вещей, что весьма плодовитое потомство должно вырасти из этого избранного слоя германцев. В течение 20—30 лет мы должны быть в состоянии снабдить всю Европу этим классом руководителей. Если члены СС вместе с фермерами будут затем управлять колониями на Востоке в широком масштабе без всяких ограничений, игнорируя всякие традиции, но с подъемом и в революционном духе, то за 20 лет мы отодвинем нашу национальную границу на 500 км на восток».

Распространение идей подобного характера могло лишь приучить личный состав СС к представлению о мире как о месте, в котором разрушение, рабство и уничтожение по отношению к «низшим» народам является благородным долгом. Угрызения совести не могли мучить и не мучили этих людей. Трибунал помнит ответ Бах-Зелевского, которого спросили, являлось ли убийство 90 тысяч евреев одной небольшой эйнзатцгруппой (которая, кстати сказать, состояла в основном из убийц, перешедших в нее из войск СС) совместимым с нацистской философией, он сказал: «Я придерживаюсь того мнения, что если в течение многих лет, десятилетий проповедуется доктрина о том, что славянская раса является низшей, а евреи вообще не люди, то такой исход неизбежен».

Не только генералы СС, подобные Бах-Зелевскому и Олендорфу, были отравлены этим ядом. Мы утверждаем, что этот яд отравил и должен был отравить рядовых членов СС, которые непосредственно совершали убийства. Уничтожение евреев рассматривалось ими как (я цитирую) «славная страница нашей истории».

Хладнокровное массовое убийство расценивалось как почетное дело. Нужны ли нам дальнейшие доказательства

для того, чтобы показать, какой тип человека развился в результате подобного грязного воспитания? Задолго до того, как немцы вступили в СС, они были пропитаны духом расовой ненависти и поклонения фюреру. Подготовка в СС была лишь всего-навсего повторным курсом для усовершенствования. Когда они вступили в СС, то в какое бы их подразделение они ни пошли, они везде видели практическое осуществление того, что раньше ими изучалось. Везде, в каждом управлении, в каждой части убийство стало профессией. И где бы ни предполагалось совершение убийства, именно члены СС призывались для этого.

«Аненэрбе» являлось отделом СС. Список его сотрудников насчитывал свыше 100 профессоров и других научных работников, бывших членами СС, которые рассчитывали, что сотни других членов СС, совершая убийства, обеспечат их человеческими телами для их экспериментов и образцами для их коллекций — телами комиссаров, которых было приказано захватывать живыми и затем отрубать им голову, причем обращая особое внимание на то (я цитирую), чтобы «не повредить голову». Профессор Хирт писал: «Путем приобретения черепов еврейских большевистских комиссаров, которые представляют собой прототип отталкивающего, но характерного недочеловека, мы имеем возможность получить научный экспонат».

Управление по консолидации германской нации являлось управлением СС — управлением, которое несло ответственность за страшные преступления геноцида и за все то, что они за собой влекли.

РСХА и главное административно-хозяйственное управление, ведавшие концентрационными лагерями и контролировавшие их деятельность, также были укомплектованы членами СС. Преступления, которые совершались СС в концентрационных лагерях, не нуждаются в дальнейших комментариях, за исключением того, что следует подчеркнуть, что расследования, проводившиеся правовым отделом СС, по поводу которых давал показания свидетель Морген, не касались массовых убийств, а являлись лишь расследованиями отдельных случаев коррупции в среде должностных лиц СС. Этот свидетель также относится к числу тех, которых я считаю недостойными доверия. Как можно принять всерьез историю о расследованиях, производившихся судьей СС в связи с убийствами, совершенными Гессом в Освенциме, расследованиях, которые были якобы прерваны приближением союзников? Зачем нужны были дальнейшие расследования, когда Морген сам знал все подробности убийств, совершавшихся в Освенциме в период 1943—1944 гг.? Неужели Вы сомневаетесь в том, что, если бы союзники проиграли войну, Гесс до сих пор продолжал бы совершать массовые убийства в этом концентрационном лагере, а судьи СС до сегодняшнего дня вели бы следствие по делам об отдельных случаях коррупции и преступных действий?

Эйнзатцкоманды состояли в основном из членов СС. В них в миниатюре отражено сотрудничество различных компонентов системы Гиммлера и частей СС. Вот каков, напри-

мер, состав оперативной группы «А»: войска СС — 34,4 процента, СД — 3,5 процента, уголовная полиция — 4,1 процента, гестапо — 9,0 процента, вспомогательная полиция — 8,8 процента, другие виды полиции — 13,4 процента.

СС руководили деятельностью по истреблению евреев. Варшавское гетто является всего лишь одним примером. Высылка, убийства, ограбление поляков и других народов, занимавших территорию, считавшуюся необходимой для переселения немцев, проводились СС. Вы помните отчет Глобочника об акции, в ходе которой тысячи поляков были выгнаны из своих домов, а административно-хозяйственное управление СС присвоило 178 миллионов рейхсмарок. Это, по словам самого Глобочника (я цитирую), «проводилось силами СС... Только порядочность и честность и общий надзор, осуществлявшийся бойцами СС, использовавшимися для этой цели, могли обеспечить полную передачу изъятого».

Удивительно, что он не добавил: «Деньги не пахнут».

Войска СС стали передовым отрядом в нацистских агрессивных войсках, в особенности при вторжении в Советский Союз, и олицетворяли собой режим тирании и кровавых убийств, присущий нацистскому господству.

«Мы никогда не допустим, чтобы то отличное оружие, каким является страшная репутация, которая предшествовала нам в боях за Харьков, перестало существовать; наоборот, мы будем постоянно придавать ей новый смысл», — сказал Гиммлер офицерам трех дивизий СС в Харькове в 1943 году (ПС-1919, США-170).

Войска СС успешно и постоянно «придавали новый смысл» своей ужасной репутации. Трибуналу были представлены многочисленные примеры совершения военных преступлений и преступлений против человечности частями войск СС. Они еще свежи в памяти Трибунала, и я не буду их вновь перечислять. Я бы хотел лишь напомнить Трибуналу, что некоторые самые жуткие злодеяния были совершены в 1943 и 1944 гг., когда часть войск СС состояла из мобилизованных.

Как можно утверждать, что члены СС, а в особенности военнослужащие войск СС, были простыми солдатами, только солдатами, которые не знали об этих преступлениях и не участвовали в их совершении? Как можно утверждать, что их цели не были преступными? Где бы мы ни встретились с преступлениями, совершенными нацистами, мы везде видим, что к ним причастны члены СС. Об этих членах СС всегда говорят, что они являются чем-то особым, говорили, что они были членами СД или какой-либо другой организации, или членами СС, которые были мобилизованы для службы в специальных частях, например в эйнзатцкомандах, или членами СС, которые в действительности совсем не были эсэсовцами, а лишь врачами или полицейскими. Может ли это соответствовать действительности? Предположим, что мы оставим без внимания доказательства о концентрационных лагерях, об эйнзатцкомандах, о повсеместных зверских преступлениях против населения захва-

ченных территорий, о массовом истреблении евреев в половине стран Европы, о бесчисленных случаях отдельных преступлений и проявлений садизма, о бесчисленных других случаях убийств в бою и о всех других нарушениях законов ведения войны. Предположим, что мы оставим без внимания доказательства о всех этих преступлениях, хотя каждое из них совершалось различными членами СС в различных городах и деревнях, вдоль и поперек всей «великой империи». Предположим, что мы оставим их без внимания, хотя они и не являлись внезапной вспышкой преступления, а совершались изо дня в день в течение долгих лет. Предположим, что мы оставим без внимания тот факт, что почти ни в одном из преступлений, о которых мы слышали, не был замешан никто, кроме эсэсовцев. Оставим все это без внимания, если Вы этого желаете.

Однако и без того преступность СС, от самых незначительных членов этой организации до самых высоких инстанций, устанавливается на основании имеющихся протоколов тех трех речей Гиммлера, которые он произнес перед офицерами частей СС.

В апреле 1941 года он выступил с речью перед всеми офицерами дивизии СС «Лейбштандарт». В октябре 1943 года он обратился с речью к своим генералам в Познани. В том же месяце командный состав трех дивизий СС слушал его речь в Харькове. Цитаты из этих речей уже несколько раз приводились в Суде, и Вы знакомы с настроениями, выраженными в них, и с их содержанием. Постарайтесь представить себе генерала из Ваших собственных стран, который бы говорил всем офицерам одной из Ваших дивизий об угоне в рабство «тысяч, десятков тысяч, сотен тысяч» людей, о расстреле «тысяч ведущих представителей польского населения». Постарайтесь себе представить британского, американского, советского и французского командующего армией, говорящего своим генералам:

«Что случится с русскими и чехами, ни в малейшей степени меня не интересует... Если 10 тысяч русских баб падут от изнеможения во время рытья противотанковых рвов, это заинтересует меня лишь в той мере, в какой будет в связи с этим закончен противотанковый ров, необходимый для Германии» (ПС-1919, США-170, стр. 23).

Или:

«Я также хочу с вами говорить совершенно откровенно об одном очень серьезном деле... Я имею в виду очищение от евреев, истребление еврейской расы. Это — одна из тех тем, о которых очень легко говорить. "Еврейская раса истребляется", — говорит какой-нибудь член партии. Это совершенно ясно. Это пункт нашей программы — истребление евреев, и мы это делаем, мы их истребляем. И вот они приходят — 80 миллионов достойных немцев, и у каждого есть свой "порядочный еврей". Конечно, все другие паразиты, но этот еврей — первосортный еврей. Ни один из тех, которые так говорят, не наблюдал этого и ни один этого не переживал. Большинство из вас должно знать, как выглядят 100 трупов, лежащих рядом, или 500, или 1000. Выдержи-

вать все это до конца и в то же время, — за исключением отдельных фактов проявления человеческой слабости, — оставаться порядочными людьми, вот что закаляло нас» (ПС-1919, США-170, стр. 65).

Можете ли Вы представить его выступающим перед командирами частей одной из его дивизий с заявлением:

«Антисемитизм — это точно то же, что санитарная обработка. Избавление от вшей — не вопрос идеологии, — это — вопрос чистоплотности. Точно так же для нас антисемитизм не является вопросом идеологии, это — вопрос чистоплотности» (ПС-1919, США-170).

Если Вы представите себе это, что Вы сможете сказать об офицерах и солдатах, которыми они командовали? Разве возможно, чтобы офицеры и солдаты дивизий войск СС, к которым можно было обратиться с подобной речью, были порядочными и честными солдатами, высокой нравственности и безупречного поведения? Ясно, что люди с такими качествами, независимо от того, Германия ли их родила или любая другая страна мира, не потерпели бы таких слов. О подобных речах в ходе процесса говорилось очень много, но они не потеряли своего значения для нас. Они показывают, что каждый солдат этих эсэсовских частей был прототипом своего эсэсовского фюрера. Если бы это было не так, подсудимый Геринг никогда не заявил бы в конце своего разговора с Муссолини об ужасах немецких методов борьбы с партизанами (я цитирую):

«Члены партии выполняют эту задачу с гораздо большей жестокостью и более эффективно... СС — гвардия старых бойцов партии, которая непосредственно и лично связана с фюрером и которая представляет собой особый привилегированный отряд, подтверждает это правило» (729, ВБ-281).

Если бы это было не так, Гесс никогда не смог бы написать: «Части войск СС... больше других вооруженных частей подходят для выполнения этих специальных задач, стоящих перед нами на оккупированных восточных территориях, благодаря их усиленной подготовке в духе национал-социализма, в вопросах расы и национальности» (ПС-3245, ВБ-267, стр. 354).

Мы знаем, какую роль отводил Гитлер для войск СС в будущем — роль государственной полиции для подчинения побежденных народов в оккупированных странах германским властям, государственной полиции, которая никогда не будет брататься с пролетариатом и «низшими существами». Вся армия знала, что такая роль была отведена СС, потому что этот факт получил «широчайшую гласность» благодаря приказам ОКВ. Мы достаточно знаем о нацистской государственной полиции, о воспитании и обучении войск СС в годы войны, проводившихся с тем, чтобы она соответствовала стоявшим перед ней задачам, для того, чтобы ясно представить себе те методы, которые она стала бы применять. Именно эти люди, предназначенные и обученные для того, чтобы терроризировать Европу, составляют организацию СС, которую мы просим Вас осудить как преступную.

Таковы основные соображения, связанные с этими тремя организациями — руководящим составом нацистской партии, СА и СС, на которые я бы хотел обратить Ваше внимание. Именно эти организации являлись тем орудием, при помощи которого осуществлялись преступления, задуманные этими подсудимыми. Эти три организации не были изолированными или резко разграниченными одна от другой, как пытались их обрисовать защитники. Именно их члены, вместе взятые, составляли и все еще составляют сердцевину, опасную сердцевину национал-социализма. Будучи различными частями одной национал-социалистской верхушки, они имели общие цели и задачи, они работали и сотрудничали друг с другом и применяли одинаковые методы, которые были явно преступными. Так было с самого начала и так продолжалось до конца. Эти положения более чем ясно подтверждаются тем, как национал-социалистская партия и правительство оскверняли понятие права и порядка и извращали практику судопроизводства для того, чтобы защитить себя и своих последователей при проведении преступных мероприятий.

Едва лишь нацистское правительство пришло к власти, как нацистские министры, нацистская полиция и нацистский суд стали прощать насилия и убийства, совершенные СА, СС и гестапо. И по каким соображениям? По соображениям, которые должны были показать всей Германии и показывают сегодня всему миру всю гнилость основы национал-социализма:

«Так как эти поступки не были вызваны низменными побуждениями, но, напротив, служили средством достижения великой патриотической цели и помогали развитию национал-социалистского государства, прекращение уголовного дела не кажется несовместимым с обычными нормами применения уголовного права.

Таково было мнение государственного обвинителя в земельном суде в Нюрнберге в отношении членов СА, которые избили коммуниста до смерти, били его до тех пор, пока ступни его ног настолько опухли (я цитирую) "из-за скопившейся там крови, что после того, как кровь была выпущена путем прореза, образовались кожные мешки величиной почти с кулак» (Д-923, ВБ-615).

В Мюнхене имперский министр внутренних дел выставлял аналогичные причины для прекращения судебного дела против охранников-эсэсовцев в Дахау, которые били одного заключенного по голове до тех пор, пока он не умер.

«В качестве причины указывается, что ведение следствия причинило бы большой ущерб престижу национал-социалистского государства, так как этот процесс был бы направлен против членов СА и СС и, таким образом, затронул бы организации СА и СС, являющиеся основными поборниками национал-социалистского государства» (Д-926, ВБ-528).

Нацистские судьи прекращали судебные дела против членов СА по согласованию с верховным руководством этой организации (я снова цитирую): «Действия и намерения членов СА были направлены только на благо национал-социа-

листского движения. Таким образом, политические причины и чистота намерений не подлежат сомнению».

Когда судьи, еще не привыкшие к этим новым понятиям о праве, осудили охранников членов СА, которые (я цитирую) «не только пытались вырвать признания у заключенных, но действовали просто из похотливого удовольствия пытать», — этих судей немедленно исключили из партии. Обвинителя, который сам оказался членом СА, предупредили, что он должен уйти в отставку, а гаулейтер сообщил верховному суду, что вынесенный приговор должен быть заменен помилованием.

Может ли быть какое-либо сомнение в том, что кандидаты в члены этих организаций знали, что членство дает им привилегию убивать?

Кроме того, такое понимание закона распространялось не только на государственные и партийные суды. Военные не могли устоять перед подобным искушением. В 1939 году судья военного трибунала признал наличие смягчающих обстоятельств в деле одного члена СС, «так как он был вовлечен в участие в расстреле одним капралом, протянувшим ему винтовку. К тому же он находился в возбужденном состоянии, вызванном многочисленными зверствами, совершенными поляками в отношении лиц германской расы. Будучи членом СС, он особенно чувствительно реагировал на присутствие евреев и на враждебное отношение евреев к немцам; он поэтому действовал совершенно необдуманно в юношеском порыве» (Д-421, ВБ-567).

Эти солдаты войск СС были приговорены к тюремному заключению за «непредумышленное убийство», причем командующий армией отказался утвердить этот приговор. Речь шла о «непредумышленном убийстве» такого рода, который известен только национал-социалистам, которые, как мы видели в этом суде, необычайно чутко реагируют на слово «убийство». Вот что они называли «непредумышленным убийством»:

«После того, как примерно 50 евреев, которые чинили днем мост, закончили вечером свою работу, эти два солдата ввели их в синагогу и всех расстреляли без всякой причины» (Д-421, ВБ-567).

Разрешите мне закончить напоминанием о мнении верховного суда, являвшегося верховным хранителем национал-социалистской чести и дисциплины, чьей высокой власти и юрисдикции подчинялись члены всех этих организаций. В оправдание убийств, совершенных во время демонстраций в 1938 году хохайтстрегерами и членами СА и СС, расследование которых было поручено государственной тайной полиции, партийной юрисдикции гаулейтеров и другим политическим руководителям, было заявлено следующее (я цитирую): «В тех случаях, когда евреев убивали без приказов или вопреки приказам, побуждений низкого характера обнаружено не было».

Целью этого процесса, имевшего место в партийном суде, являлось (я снова цитирую) «защитить всех товарищей по партии, которые, движимые лучшими национал-социа-

листскими побуждениями и инициативой, зашли слишком далеко» (ПС-3036, США-332).

Эти несколько строк раскрывают секрет всех смертей и страданий, ужасов и трагедий, которые эти подсудимые и члены их организаций принесли миру. Вы видите, как глубоко они растлили человеческую совесть. «Побуждений низкого характера не было»... Убийство женщин и детей — это «лучшие национал-социалистские побуждения и инициатива». Таковы были убеждения национал-социалистов, которые фанатически приняли члены этих организаций, убеждения, которые — разве можно в этом сомневаться — они все еще хранят в душе и которые, если явится к этому возможность, возродятся вновь. Что касается верховного командования и генерального штаба, я не собираюсь останавливаться на материале, который столь хорошо будет рассмотрен моими коллегами. Однако я хочу заявить как можно более ясно и энергично, что британская делегация безоговорочно присоединяется к их требованию об осуждении этой группы, именуемой генеральным штабом и верховным командованием. Лица, входящие в эту группу, принимали деятельное участие в тех войнах, о несправедливом и агрессивном характере которых им было известно. Они принимали весьма существенное участие в тех действиях, которые несомненно являются военными преступлениями и преступлениями против человечности. Тем не менее они заявляют о своей невиновности.

Наше обвинение против них покоится как на фактическом материале этого дела, так и на уроках истории.

Они выполняли приказы, которые, по признанию многих из них, глубоко возмущали остатки их совести. Они знали, что они делали дурное дело, но сейчас они говорят: «Befehl ist Befehl» (приказ есть приказ).

Порядочным людям трудно осуждать других за отсутствие нравственной силы, так как они слишком хорошо знают свои собственные недостатки в этом отношении. Однако наступает момент в тех случаях, когда речь идет о явных убийствах, связанных с проявлениями варварства, когда вступает в свои права высший долг. Даже доктор Латернзер согласился с этим. Его реплика свидетелю Шрайберу о том, что последний должен был бы протестовать против предложений штаба армии о введении бактериологической войны, прозвучала довольно странно, так как он — один из тех людей, которые выдвигали как основной защитительный довод то обстоятельство, что протестовать было невозможно и бесполезно. Какая чепуха! Какая возмутительная чепуха! И Вас заставляли слушать ее из уст этих обвиняемых и их генералов, в то время как их собственный защитник для того, чтобы опорочить свидетеля, задает ему тот же самый вопрос, который обвинение задавало им с первого дня настоящего процесса. Ради справедливости в отношении военных традиций следует сделать так, чтобы солдаты более не прятались за буквой приказа от решения вопросов морального порядка, а решали их правильно или неправильно, именно как вопросы морали. Великие полководцы — не

автоматы, чтобы действовать по шаблону. Для того чтобы подтвердить это примерами, мне нет необходимости возвращаться к истории наших собственных военных деятелей: к философским взглядам Монтроуза, глубокомысленным трактатам маршала Нея, к рассказу о 1861 годе и о горячем сердце Роберта И. Ли. В этой связи приходят на ум имена двух выдающихся военных деятелей Германии — фон Клаузевица, который оставил прусскую армию, чтобы перейти на службу в русскую армию, и Йорка фон Вартенбурга, который принял решение о нейтралитете. Оба они ставили нужды Европы и человечества, как они их понимали, выше приказов. Насколько яснее и проще были обязанности военных, когда подготовка, издание и проведение в жизнь декрета «Мрак и туман», приказа о коммандос, приказа о комиссарах, приказа Гитлера об убийстве 50 офицеров британского воздушного флота означали осквернение всего дорогого сердцу каждого солдата; насколько проще были их обязанности, когда — как могли собственными глазами видеть те из них, которые служили на Восточном фронте, — их привлекали к сотрудничеству в заранее разработанной системе массового уничтожения и беспримерной жестокости.

Эти люди лучше всех других знали, что их руководитель был хладнокровным убийцей, однако в течение многих лет они продолжали встречаться у него на совещании и, сидя у его ног, выслушивали его указания. Они удовлетворяли его жажду власти и порабощения, используя до предела свое профессиональное искусство. В то время как беззащитные народы Востока — мужчины, женщины и дети Польши, Советского Союза и прибалтийских государств — умышленно умерщвлялись и угонялись в рабство в целях создания жизненного пространства для немцев, — эти люди говорили о военной необходимости, а когда их собственные города подвергались бомбардировке и немцы погибали от бомб, они называли это убийством. Только в июле 1944 года, когда звезда Гитлера стала закатываться, три фельдмаршала и пять генерал-полковников признали, что он убивает также и свой народ, и начали действовать. Когда эта звезда всходила в дни победы, они приветствовали ее криками «хайль» и не обращали внимания на кроваво-красные облака, из которых она поднималась.

Таковы факты и такова их оценка. Быть может, мне будет разрешено сказать несколько слов о структуре Устава. Употребление слова «группа» или «организация» несомненно предполагает, что то единство, о котором идет речь, может быть либо формально организовано нацистами, либо выбрано обвинением как группа, существовавшая в действительности. Эта группа была объединена той специфической информацией, которую она получала на столь многочисленных совещаниях, и добровольно связана передачей преступных приказов. По этой причине мы требуем ее осуждения.

В отношении имперского правительства я также желаю лишь дать ясно понять, что британское обвинение вновь, не

колеблясь, требует его осуждения. Кроме того, я хотел бы остановиться лишь на двух вопросах.

Был затронут вопрос в связи с положением известных нацистов, вступивших в правительство в 1933 году. Если кто-либо из членов этого правительства не знал, какое он принимает на себя обязательство 30 января 1933 г., он отлично это понял в марте, когда начались преследования евреев. Члены кабинета узнали еще больше в апреле, когда весь народ был организован на проведение бойкота против евреев и когда немецкая печать указывала, что по официальным данным число арестованных составляет 20 тысяч человек. В июне 1934 года они знали, что убийства стали орудием политики. В 1935 и 1936 гг. они знали, что внешнеполитический курс сознательно ориентируется на возможный риск начала войны. Другой вопрос, который я хотел бы осветить, — это попытки защиты изобразить полную неосведомленность министров о происходившем. Я считаю, что правительство не действует таким образом. Будь оно тоталитарным или демократическим, правительство всегда имеет дело с человеческими существами. Жизнь людей не протекает в герметически закупоренных сосудах; их чрезвычайно разнообразные интересы тесно переплетены между собой. Самый полновластный министр должен считаться с тем — и с этим склонен был согласиться доктор Кубушок в своей речи, — что его действия отражаются на поступках его коллег. Другими словами, он должен знать о том, что происходит. Именно потому, что лица, входящие в эту группу, знали о том, что происходит, содействовали этому, занимали важнейшие должности и получали от государства крупнейшие награды за свое содействие и поддержку, мы и требуем сегодня осуждения этой организации.

Я пытался показать, каким образом СД и гестапо являлись частью нацистского государства. Как и следовало ожидать, доказательства, которые я приводил, многообразно иллюстрируют это.

Кроме того, что я еще раз подчеркиваю, что я полностью присоединяюсь к требованию моих коллег об осуждении этих организаций, я не намереваюсь более рассматривать вопросы, связанные с ними.

Я полностью осознаю, что одной из величайших трудностей и немалой опасностью в этом процессе является то обстоятельство, что те из нас, которые день за днем в течение девяти месяцев были заняты этой работой, пресыщены ужасами и не способны их более воспринимать. Шекспир пытался описать это состояние следующими памятными строками: «Кровь и разрушение станут настолько привычными, а ужасающие зрелища настолько обыденными, что матери будут лишь улыбаться, когда увидят, что дети их четвертованы войной; и чувство жалости будет притуплено привычкой творить зло».

Только тогда, когда мы сможем со стороны посмотреть на то, что ежедневно проходило перед нашими глазами в течение 40 недель, — только тогда мы поймем, что «яростные внутренние раздоры и жестокая гражданская война»,

результаты которых были предсказаны Марком Антонием, — лишь игра в бирюльки в сравнении с фактами, которые нам приходилось рассматривать.

Не только количество ужасов — хотя с помощью этих организаций было умерщвлено 22 миллиона человек, — но именно характер совершенных ими зверств породил газовые камеры Освенцима или массовые расстрелы еврейских детей на всем континенте, который претендует на то, чтобы называться цивилизованным.

Нет ни одной из числа этих организаций, которая не была бы непосредственно связана с убийствами в самой зверской форме, которые стали профессией. Кто может сомневаться в том, что имперский кабинет знал о «предании легкой смерти», которое практиковалось для того, чтобы сохранить материальные ресурсы Германии для войны. Нет сомнения в том, что верховное командование и генеральный штаб передавали приказы, о которых Вы так много слышали и которые, в конце концов, сводились к убийству. Руководящий состав нацистской партии принимал участие в убийстве евреев и в физическом уничтожении трудом угнанных в рабство рабочих. Мне достаточно лишь сказать "СС" — и без слов на ум приходят преступления. СА и гестапо потворствовали этим преступлениям, помогали в их совершении и находили для них поводы. СА подготавливали своих новобранцев в прибалтийских государствах к тому, чтобы они отвечали требованиям СА, и это обучение дало свои плоды в гетто Каунаса и в ямах Вильнюса.

Бывший президент Вудро Вильсон сказал однажды: «Необходимо, чтобы государства, которые вступают в союз против Германии, знали заранее, с кем они имеют дело».

Для того чтобы очистить Европу от нацистского зла, необходимо, чтобы Вы и весь мир знали о том, что представляют собой эти организации.

Нашей печальной обязанностью было помочь Вам это распознать. Сделав это, мы иногда сомневаемся в том, перестанем ли мы когда-нибудь ощущать запах смерти, но мы полны решимости сделать все, чтобы изгнать этот запах из Германии так же, как и тот злой дух, который его породил. Быть может, нам, юристам, которые считают себя всего лишь опорой общественных законов, предосудительно размышлять и даже мечтать о том, что бы мы хотели видеть на месте всего этого? Но я хочу поделиться с Вами кредо юриста: есть категории, несомненно, универсальные. Таковы: терпимость, порядочность и доброта. И именно потому, что мы считаем, что следует расчистить почву прежде, чем эти добродетели смогут расцвести в условиях мира, мы просим Вас осудить эти организации, олицетворяющие зло.

Когда этим добродетелям будет дана возможность расцвести на той почве, которую Вы расчистите, будет сделан гигантский шаг вперед. Это будет шагом на пути к общему признанию того, что «зрелища и звуки, смех, которому научились у друзей, нежность сердца, пребывающего в спо-

койствии», не являются прерогативами какой-либо одной страны. Они являются несомненным достоянием всего человечества.

Речь представителя обвинения от США Т. ДОДДА

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 29 августа 1946 г.

Господин председатель! С 20 ноября 1945 г. Международный военный трибунал почти непрерывно заседал в открытых заседаниях. Стенографический отчет заседаний, происходивших в эти долгие месяцы, составляет уже более 15 тысяч страниц. Было представлено свыше 300 тысяч письменных показаний под присягой, предъявлено около 3 тысяч документов и заслушаны показания около 200 свидетелей.

Это большое количество доказательств как устных, так и письменных, почти исключительно немецкого происхождения, с несомненностью установило факт совершения преступлений, выражавшихся в преступном заговоре, ведении агрессивной войны, массовых убийствах, угоне на рабский труд, преследовании по расовым и религиозным мотивам и в зверском обращении с миллионами невинных людей. Четыре державы, предъявившие обвинение, считают, что индивидуальную ответственность за эти ужасные преступления несут 22 подсудимых, названных в Обвинительном заключении.

Однако четыре державы, поддерживающие обвинение, установив, что 22 подсудимых не могли сами совершить эти невероятные преступления, назвали в Обвинительном заключении также нацистские организации, которые являлись тем главным посредником, с помощью которого и через которого были осуществлены эти преступления. Эти организации, часть которых была создана нацистами, а другие развращены ими, были теми группами, на которые подсудимые опирались и с помощью которых они для осуществления своих преступных целей оперировали покорным немецким народом и побежденными народами Европы.

Названные организации распадаются на две группы. К первой группе относятся те из них, которые были специально созданы нацистами и не имели подобных себе вне нацистского режима, а также не имели по существу никаких законных целей. Эта группа включает корпус политических руководителей СА и СС. Во вторую группу входят те организации, которые в той или иной форме уже существовали до нацистского режима и были развращены нацистами. Эта группа включает имперский кабинет, ОКВ, генеральный штаб и гестапо. Что касается второй группы, мы не утверждаем, что эти организации сами по себе являлись в своей основе преступными, скорее мы говорим, что они стали

преступными при нацистском господстве. Несмотря на особую природу, гестапо как систему тайной политической полиции легче всего удалось использовать в преступных целях, и она стала одним из наиболее эффективных орудий нацистов для совершения преступлений.

Было бы ошибкой рассматривать организации, упомянутые в Обвинительном заключении, как изолированные, самостоятельно функционировавшие группы лиц, каждая из которых имела особые, свойственные только ей цели и задачи. Все они являлись частью, и существенной частью, полицейского государства, задуманного Гитлером и достигшего в руках его клики наиболее совершенной формы абсолютной тирании современности. Это полицейское государство принесло Германии террор и страх и посеяло ужас и смерть во всем мире. Корпус руководителей нацистской партии был его телом, имперский кабинет — его головой, его мощными руками были гестапо и СА, и, когда оно зашагало по Европе, его ногами явились вооруженные силы и СС. Именно Гитлер и его когорта породили этого монстра — полицейское государство, и оно привело Германию к позору, а народы Европы — к гибели.

Было бы также ошибкой рассматривать структуру этой полицейской системы как нечто случайное или рассматривать ее рост и развитие как обычное политическое явление, потому что заговорщики создавали и разрабатывали ее с самого первого дня. Нацистские «ветераны» замышляли деспотию. Они создали СА сначала как частный отряд людей сильной руки, чтобы иметь дубину против политических противников и в качестве кнута для евреев. Они создали СС как грозную гвардию для фюрера и для себя. Когда они захватили власть, они уничтожили полицию как орган защиты и сделали полицейское преследование функцией гестапо. Они уничтожили всякое подобие свободного правительства и сами объявили себя имперским кабинетом с чрезвычайными полномочиями. Они предали лучшие традиции военной этики и заменили солдат-воинов «послушными орудиями». Они уничтожили все другие политические партии и затянули германский народ в политическую смирительную рубашку в виде корпуса политических руководителей.

Лишите нацистских заговорщиков этих организаций, и они никогда не смогли бы достигнуть своих преступных целей. Лишите их СА, и они потеряли бы господство над улицами; отнимите у них СС, и у них не было бы системы концентрационных лагерей; возьмите у них гестапо, и они лишились бы средства совершать незаконные аресты и ничем не ограниченной возможности держать в заключении; отнимите у них имперский кабинет, и они лишились бы покорного законодательного органа; отнимите у них военных, и они не смогли бы секретно планировать свои агрессии или вести войны...

Доказательства с очевидностью устанавливают, что пять организаций, о которых идет речь, являются группами, или организациями, в том смысле, как мы толкуем эти слова в Уставе, то есть каждая из них является собранием лиц, на-

ходящихся между собой в определенной связи, наличие которой можно установить в общей цели. Совершенно ясно, что политические руководители являлись совокупностью лиц, связь между которыми возможно установить, имели общую цель и действовали как группа. Достаточное количество доказательств относительно структуры и функций руководящего состава нацистской партии может быть обнаружено в нацистских изданиях: «Справочник по организации НСДАП», «Дер хохайтстрегер», в официальном журнале руководящего состава, в схеме структуры руководящего состава и в схеме структуры самой партии. Эта группа, насчитывавшая примерно 600 тысяч человек, носила специальную форму, имела специальные членские билеты и пользовалась бесчисленными специальными привилегиями. Термин «политические руководители» не изобретен нами для того, чтобы придать видимость единства некоторому числу не связанных между собой отдельных лиц, выполнявших аналогичные, но не согласованные между собой функции в партии. Сам справочник по организации НСДАП характеризует всех этих партийных работников как некое единство, называя их «политическое руководство». В книге раскрыта иерархическая система организации этих партийных работников и порядок, согласно которому директивы автоматически передавались по инстанциям до самых низов организации и проводились в жизнь всеми членами этой группы. Далее книга показывает, что при выполнении организацией различных функций принцип фюрерства был доведен до совершенства. Все партийные работники были связаны одинаковой клятвой безоговорочного повиновения фюреру и всем назначенным им руководителям. Каждая инстанция проводила регулярные и частые совещания, а высшие и низшие инстанции периодически собирались вместе для обсуждения различных вопросов, связанных с направлением их деятельности.

Руководящий состав представлял собой безукоризненной формы пирамиду, в которой каждый камень в каждом слое был необходим для того, чтобы держалось все сооружение. У политического руководства была единственная и общая цель: сохранять и поддерживать организационно и идеологически нацистскую партию.

В Обвинительном заключении указывается, что рейхсрегирунг (имперское правительство) состоит из трех категорий лиц: 1) члены обычного кабинета после 30 января 1933 г.; 2) члены совета министров по обороне империи и 3) члены тайного совета (кабинета). Эти три категории составляют вместе группу в 48 членов, которую мы обвиняем под названием «рейхсрегирунг». Каждая из этих групп, взятая в отдельности, представляет собой определенное единство людей, стремящихся к достижению общей цели. Обычный кабинет любого правительства является самым ярким примером группы. В этом смысле обычный кабинет нацистской Германии не отличался от аналогичных органов других правительств. В начале существования нацистского режима кабинет собирался часто и впоследствии, когда совещания стали не обычным явлением, кабинет продолжал выполнять

свои функции в качестве группы, принимая декреты и законы путем рассылки всем членам кабинета проектов предполагаемых законов. Образец применения такого порядка находится перед Трибуналом в виде меморандума, направленного подсудимым Фриком начальнику имперской канцелярии. Той же спаянностью и объединенными действиями характеризуется и совет министров по обороне империи, созданный в 1939 году. Как и в обычном кабинете, члены этого совета консультировались между собой на совещаниях, которые фактически имели место, как это доказано протоколами этих совещаний, состоявшихся в сентябре, октябре и ноябре 1939 года. Так же как и обычный кабинет, этот совет функционировал путем использования «циркулярной процедуры», характерным примером которой является письмо доктора Ламмерса, датированное 17 сентября 1939 г. и адресованное членам совета министров по обороне империи.

Тайный совет, являвшийся консультативным органом по вопросам внешней политики и состоявший из восьми членов, определенно был единой группой, как это явствует из декрета, согласно которому он был учрежден. Объединение этих трех категорий под единым названием «рейхсрегирунг» не является попыткой создать искусственную зависимость между тремя отдельными и независимыми единицами. В действительности эти три органа вместе в той же мере, в какой каждый из них в отдельности, являлись группой, образовали единую группу, так как совет министров по обороне империи и тайный совет являлись фактически комитетами, выросшими из обычного кабинета. Декреты, согласно которым эти оба комитета были созданы, показывают, что все их члены были лицами, входившими в обычный кабинет. Обычный кабинет и его комитеты были объединены не только общностью их состава, но также и общими действиями, функциями и задачами. Члены обычного кабинета, не входившие в состав этих комитетов, однако, присутствовали на совещаниях совета министров, как это явствует из протоколов этих совещаний, и в результате рассылки получали проекты декретов, подготовляемых советом министров. Эта группа — кабинет и комитеты, образованные из некоторых членов кабинета, — имела единую, общую цель: управлять Германией таким образом, чтобы проводить в жизнь планы нацистских заговорщиков.

Организация СА, созданная в 1920 году, является одним из простейших типичных примеров группы или объединения, предусмотренных положениями Устава. Эта организация была определена немецким законом как составная часть партии, выступающая как юридическое лицо, и была охарактеризована в справочнике по организации НСДАП как самостоятельное объединение. Факт членства в ней может быть легко установлен, и число ее членов составляло от 1,5 до 2 миллионов человек, связанных общими правилами поведения, носивших одинаковую, совершенно определенную форму, имевших общие цели и задачи и занимавшихся одинаковой деятельностью. Общие цели организации СА, к до-

стижению которых стремились все ее члены, были сформулированы в справочнике по организации НСДАП следующим образом: «Осуществлять железную волю национал-социалистского движения». Согласно тому же партийному справочнику члены организации должны были выходить из ее рядов, если они более не были согласны со взглядами организации СА или не были в состоянии полностью выполнять обязательства, наложенные на них членством в СА.

Так же как и СА, организация СС являлась, без сомнения, унифицированной организацией. Она была создана специальным немецким законом в качестве составной части партии и имела свое собственное юридическое лицо. Она охарактеризована в справочнике по организации НСДАП как «монолитная, твердо спаянная боевая сила..., идейно связанная общей клятвой».

Факт членства в ней может быть с определенностью установлен, причем число ее членов к концу войны возросло примерно до 600 тысяч человек. Это были люди, отвечавшие единым требованиям расовой идеологии. Несмотря на свои многочисленные функции и виды деятельности, на свои многочисленные отделы, управления и отделения, это была цельная и единая организация и, как провозгласил Гиммлер перед группенфюрерами СС 4 октября 1943 г., это было «единое целое, единый орган, единая организация». У нее, конечно, была своя собственная форма, и она пользовалась особыми привилегиями, так как она стремилась к осуществлению общих целей нацистских заговорщиков, начиная от запугивания соседних государств варварскими действиями политического, расового и религиозного характера и кончая ведением агрессивных войн и ужасающими отвратительными преступлениями против человечности.

С самых первых дней своего существования нацисты всегда рассматривали часть полицейских сил, называемую гестапо, или государственной тайной полицией, как отдельную группу, совершенно определенное объединение, выполняющее общие функции. Целью декрета Геринга от 26 апреля 1933 г., согласно которому в Пруссии было основано гестапо, являлось именно создание в этой земле единого органа тайной политической полиции, изолированного от остальных полицейских сил Пруссии, в качестве независимой единицы, имеющей свои собственные задачи, на которую он мог бы полностью положиться. Те же причины послужили основанием для создания аналогичных групп тайной политической полиции с определенным составом в других германских землях. Меры, предпринятые для того, чтобы все эти группы образовали единую сильную тайную политическую полицию на всей территории Германии, подробно перечислены в декретах и законах, которые приводились в Суде. Когда в 1939 году было создано РСХА — главное управление имперской безопасности, — гестапо не было распущено, а было превращено в особый отдел этого центрального управления, как это явствует из схемы РСХА, представленной в качестве доказательства, и из показаний свидетелей Олендорфа и Шелленберга. Они без труда под-

считали, что число сотрудников гестапо равнялось от 30 до 40 тысяч человек.

В ходе настоящего процесса гестапо и СД рассматривались вместе в связи с тем, что преступные действия, инкриминируемые каждой из этих организаций, совершались в большей или меньшей степени ими обеими. В Обвинительном заключении гестапо обвиняется как отдельная и независимая группа или организация. В специальной ссылке Обвинительное заключение включает СД в организацию СС в качестве части этой последней, так как СД возникла как часть организации СС и всегда сохраняла характер партийной организации, в отличие от гестапо, являвшегося государственной организацией. Конечно, у СД имелась своя собственная организационная структура, свой независимый штаб, свои посты по всей Германии и на оккупированных территориях и агенты во всех зарубежных странах. Она состояла из 3—4 тысяч профессиональных сотрудников, которым помогали тысячи неоплачиваемых осведомителей, известных под названием «Фао-меннер», и шпионы в других странах. Однако мы не включаем в число обвиняемых добровольных осведомителей, не являвшихся членами СС.

Подобным же образом мы не включаем в число обвиняемых тех сотрудников контрразведки, которые были переведены в СД к концу войны, за исключением тех случаев, когда такие сотрудники контрразведки были одновременно членами СС.

Если возникает вопрос о том, где же можно было встретить вездесущих членов СД, ответ на него не вызовет никаких затруднений, несмотря на то, что некоторые показания и заявления, сделанные в Суде, были путаными. До 1933 года члена СД можно было всегда найти в главном управлении СД, при рейхсфюрере СС или в различных областных отделах СД, разбросанных по всей империи. В течение этого периода СД во всех схемах и планах организации СС и во всех правительственных распоряжениях и декретах постоянно называлась отделом СС.

В течение этого периода СД являлась отделом политической разведки СС, партии и правительства и поставляла секретную политическую информацию в исполнительные органы партии и государства, но главным образом в гестапо. После 1939 года члены СД появляются в третьем и четвертом управлениях РСХА, в различных районных отделах СД внутри Германии и на оккупированных территориях, а также в эйнзатцгруппах полиции безопасности и СД в районах, расположенных непосредственно за линией фронта.

В процессе рассмотрения дела по организациям возникли также некоторые неясности в отношении определения деятельности РСХА, ВФХА, отдела, руководимого Эйхманом, и эйнзатцгрупп. РСХА представляло собой управление СС, и в основном его сотрудники являлись членами СС. РСХА возглавлялось обергруппенфюрером СС Кальтенбруннером. В дополнение к СД, которая всегда являлась подразделением СС, это управление включало также гестапо и имперскую

уголовную полицию, которые являлись государственными учреждениями. Именно по этой причине РСХА и рассматривалось как одно из управлений имперского министерства внутренних дел. ВФХА представлял собой еще один из характерных отделов СС. ВФХА возглавлялся обергруппенфюрером СС Полем, который ведал управлением концентрационных лагерей и эксплуатацией труда заключенных.

Отдела Эйхмана как самостоятельного не существовало. Эйхман являлся просто начальником отдела гестапо, которому были поручены вопросы, касающиеся церкви и евреев. Именно на этот отдел гестапо была возложена главная ответственность за сбор евреев во всей Европе и передачу их в концлагеря. Так называемый отдел Эйхмана внутри гестапо был не в большей степени независимым от гестапо, чем любой другой отдел, подчинявшийся Мюллеру. Эйнзатцгруппы полиции безопасности и СД — мы считаем, что очень важно все время иметь в виду полное наименование этих групп, — являлись отделами полиции безопасности и СД, действовавшими в ближних тылах армии за линией фронта.

После того, как полицейский контроль был в достаточной мере установлен на вновь занятых территориях, мобильные эйнзатцгруппы были упразднены и превратились в областные управления, возглавляемые командирами полиции безопасности и СД на оккупированных территориях. Эйнзатцгруппы являлись частью управления полиции безопасности и СД, РСХА и в качестве таковых являлись частью СС, причем принадлежность эйнзатцгрупп к этой организации являлась неполной лишь в той мере, что некоторые сотрудники РСХА, приданные этим группам, не являлись членами СС.

В 1939 году главные управления СД и гестапо были включены в состав РСХА, однако СД на все время сохранила свой независимый статус.

Обвинение, несомненно, сумело доказать, что эти организации представляли собою «группы» не только в соответствии с критериями, которые выдвинуло для себя само обвинение, но и согласно здравому смыслу и практическому опыту.

Принадлежность к руководящему составу была, без сомнения, добровольной, никого не вынуждали вступать в НСДАП, а еще в меньшей степени — занимать руководящий пост в нацистской партии. Мы не сомневаемся в том, что многие присоединились к руководящему составу по причинам делового, социального или иного характера. Эти причины объясняют стремление легко нажить политический капитал, но они не представляют собой принуждения в законодательном порядке.

Никто не был мобилизован в имперское правительство, более того, некоторые из его членов подали в отставку, когда их взгляды пришли в столкновение с его целями и задачами. Шлегельбергер подал в отставку из-за посягательств на независимость судей; Шмидт ушел, так как он был убежден, что Гитлер шел по пути к войне; Эльц фон

Рюбенах ушел в отставку из-за политики Гитлера, направленной против христианской церкви.

Большинство нацистов очень стремилось получить место в правительственных сферах, влекущее за собой титулы и мишурный блеск. Соперничество в борьбе за получение правительственных постов было весьма активным, и поэтому все предпринимаемые здесь попытки, направленные к тому, чтобы отвести декларацию о преступности в отношении этой группы на том основании, что ее члены были вовлечены в нее насильно, являются просто смехотворными.

Вступление в СА было настолько не связано с какими-либо элементами принуждения, что справочник по организации НСДАП, изданный в 1943 году, все еще призывал членов СА выходить из рядов организации в тех случаях, когда они чувствовали, что не согласны с ее целями и идеологией и не могут выполнить все возложенные на них обязанности. Члены нацистской партии не принуждались вступать в СА. Контроль и дисциплина, которым подвергались члены СА внутри организации, не имеют ничего общего с добровольным характером самого членства. Добровольное подчинение члена СА командованию СА совсем не то же самое, что принудительное и недобровольное вступление в ряды организации.

Кандидаты в СС были не только добровольцами, но, кроме того, они должны были удовлетворять очень строгим критериям отбора, что иллюстрируется справочником для солдат СС, а также настойчивыми требованиями Гиммлера соблюдать принцип добровольности при подаче заявлений для вступления в члены организаций, который излагается в его письме к Кальтенбруннеру в 1943 году. Организация СС называла себя отрядом избранных, широко оповещала о том, что она отказывается принимать в свои ряды тех кандидатов, которые не отвечают расовым, биологическим и идеологическим требованиям, и разъясняла всем, что для вступления в члены этой организации требуются необыкновенные качества. Именно такой характер по существу носило заявление Гиммлера, когда он бахвалился перед армией: «Если мне удастся избрать из среды немецкого народа для организации как можно больше лиц, полноценных в расовом отношении, обучить их военной дисциплине и привить им понятия о ценности крови и все вытекающее отсюда мировоззрение, тогда явится фактическая возможность создать такую избранную организацию, которая сумеет успешно постоять за себя во всех случаях крайней необходимости» (ПС-1992А).

От «избранных» требовалось, чтобы они доказали свое нордическое происхождение. Если подающий заявление был офицером, он должен был представить сведения с 1750 года, а рядовой кандидат — с 1800 года. Кроме того, для кандидатов были установлены необычные требования в отношении роста и нордической внешности. Очень тщательно проверялось также политическое и идеологическое лицо каждого кандидата в «избранные». Весьма примечательно, что мы располагаем доказательствами о том, что и в 1943

году эти расовые и идеологические требования оставались в действии даже для вступления в войска СС. Здесь утверждалось, что так как некоторые военнослужащие войск СС были призваны туда по мобилизации в период последней, безнадежной стадии войны, то вся организация в целом не основывалась на добровольном принципе членства. Те, кто был действительно принудительно мобилизован в войска СС, смогут выдвинуть соответствующие защитительные доводы при последующем разборе их дела, но мы подчеркиваем тот факт, что принуждение, к которому прибегли в последнем безумном усилии отсрочить разгром в последние дни войны, не меняет сущности того факта, что членство в этой организации в целом было добровольным. Какое бы давление ни оказывалось для того, чтобы увеличить число членов этой организации, она возникла как добровольная организация и оставалась, главным образом, добровольной организацией, пополнявшейся на основе строгого отбора.

В качестве части организации СС организация СД состояла из эсэсовцев, обладавших особыми качествами. Действия этой организации лучше всего иллюстрируют характер этих особых качеств, потому что протокол судебных заседаний по этому делу полон ужасающих рассказов об этих действиях. Член СД являлся просто эсэсовцем с дополнительными обязанностями. Из того, что членство в СС было в основном добровольным, на чем мы настаиваем, с определенностью следует, что членство в СД было также добровольным.

Гестапо всегда являлось государственной организацией, частью правительственного аппарата, во всех отношениях аналогичной другим его частям. При рассмотрении вопроса о добровольном характере членства в этой организации все другие соображения являются по сравнению с этим определением гестапо как правительственного органа второстепенными. Если членство в гестапо было принудительным, то служба в полиции охраны порядка, в отделе безопасности и в финансовом отделе также должна была быть принудительной. Правильно, что, когда вслед за захватом власти было создано гестапо, многие сотрудники ранее существовавшей системы политической полиции в различных федеральных землях были переведены в гестапо. Но на них не оказывали правового принуждения вступать в гестапо. Как заявил свидетель Лоссе, дававший письменные показания под присягой по делу гестапо (я цитирую), «если бы они отказались это сделать, их могли бы уволить без пенсии и, таким образом, их пугала возможность безработицы».

Свидетель Шелленберг показал, что новые члены гестапо набирались на добровольных началах. Любой из них мог подать в отставку и искать работу в других правительственных учреждениях или должность, не связанную с государственной службой. Для того чтобы стать сотрудником тайной государственной полиции, следовало подать заявление так же, как и в любое другое государственное учреждение. Давая показания на заседании Комитета уполномоченных,

свидетель Гофман заявил, что он подавал заявление, чтобы поступить на работу в три государственных учреждения, из которых одно было гестапо. В гестапо его заявление было принято, и, таким образом, он стал сотрудником этой организации. Ничто не могло препятствовать сотруднику гестапо подать в отставку со своей должности в случае, если он становился не согласным с целями, действиями и методами организации. Свидетель Тесмер показал на заседании Комитета, что, если какой-либо офицер отказался бы выполнить преступный приказ, его, вероятно, сняли бы с должности. Даже после начала войны, когда все сотрудники правительственных учреждений были в большей или меньшей степени закреплены на своих должностях, сотрудники гестапо имели возможность подавать в отставку. Сам свидетель Тесмер ушел из гестапо в период войны, а свидетель Штрауб показал, что сотрудник гестапо мог уйти в отставку, рискуя при этом быть направленным на фронт на действительную военную службу. Без сомнения, в юридическом смысле слова, это не являлось принуждением. Потери, которые грозили сотрудникам политической полиции в случае выхода в отставку, например потеря выслуги лет и прав на пенсию, могли являться решающим фактором для тех, кто оставался в гестапо; однако эти соображения ни при каких обстоятельствах нельзя истолковывать как принуждение законодательным порядком, оправдывающее тех, которые продолжали оставаться сотрудниками организации, преступный характер которой пользовался такой печальной известностью. По-видимому, было несколько случаев, когда сотрудники военной тайной полиции были впоследствии переведены из армии в гестапо. В таких случаях эти отдельные лица, ссылаясь на военные приказы, могут выдвинуть их наличие как защитительный довод в отношении преступлений, совершенных гестапо в тот период, когда они принадлежали к этой организации. Но эти отдельные примеры, которые можно принять во внимание для оправдания на последующих судебных процессах, не могут никоим образом изменить основного характера гестапо как одного из государственных учреждений, для поступления в которое не оказывалось большего принуждения и для ухода из которого не существовало более значительных препятствий юридического характера, чем в отношении любого другого государственного учреждения.

Разумеется, чтобы противостоять большому злу, требуется мужество. Так было всегда. Человеку может потребоваться перенести какую-то жертву, чтобы отказаться выполнять преступные приказания преступного хозяина. Однако не следует уходить от ответственности за преступления, совершенные этими организациями, прибегая к сухой, формальной или ничего не значащей концепции принуждения.

С момента создания нацистской партии в 1920 году до окончания войны в 1945 году эти организации использовались заговорщиками для выполнения их планов, и каждая из них совершила одно или несколько преступлений, описанных в статье 6 Устава, и участвовала в общем заговоре. Ру-

ководящий состав нацистской партии был первой из организаций, появившихся на сцене. Следующим шагом было создание в 1920 году полувоенной организации СА, целью которой было захватить для нацистской партии насильственным путем руководящее положение на политической арене. В 1925 году из этой группы была создана организация СС, состоявшая из более избранных и фанатичных сотрудников.

Она должна была занять место СА в тот период, когда последняя была распущена, а затем совместно с ней подготовить почву для «революции». При захвате власти в 1933 году следующая организация — правительственный кабинет — заняла свое место в заговоре. Держа правительство в своих руках, заговорщики поспешили подавить всякую потенциальную оппозицию, и с этой целью они создали гестапо и СД.

Обеспечив внутреннюю безопасность, они затем приобрели возможность для осуществления своих планов экспансии с помощью последнего своего орудия — военной группы. Каждая из этих организаций была необходима для успешного осуществления целей заговора, политическое руководство — для того, чтобы управлять и руководить партией, при помощи которой была захвачена политическая власть; СА и СС — для того, чтобы противодействовать политическим противникам путем насилия и — после 1933 года — для того, чтобы закрепить нацистский контроль над Германией путем незаконных действий; кабинет — для того, чтобы создавать и принимать законы, необходимые для обеспечения дальнейшего существования режима; гестапо и СД — для того, чтобы выявлять и подавлять внутреннюю оппозицию, и раболепная военная группа — для того, чтобы подготовить и осуществить расширение территорий с помощью агрессивной войны.

Каждая из этих организаций продолжала играть необходимую и жизненно важную роль на всем протяжении заговора. Программа нацистского режима выросла из нацистской партии. Гитлер в 1934 году заявил: «Не государство дает нам приказы, а мы даем приказы государству». И позже в 1938 году Гитлер заявил: «Национал-социализм обладает всей Германией целиком и полностью с того дня, как пять лет тому назад я покинул дом на Вильгельмплац рейхсканцлером. Величайшая гарантия национал-социалистской революции заключается в том, что национал-социалистская партия полностью господствует над рейхом и над всеми его учреждениями и организациями, как внутренне, так и внешне» (документ ПС-2715).

Именно корпус политических руководителей вырабатывал политический курс этой партии. Именно корпус руководителей объединял партию. Именно корпус руководителей с помощью своей иерархии фюреров вплоть до блоклейтера, который имел под контролем 40 семей, крепко держал в своих руках все население. Каждое из преступлений, инкриминируемых в Обвинительном заключении, является преступлением, совершенным правительственной системой,

которая контролировалась партией, и именно корпус руководителей управлял партией и осуществлял ее деятельность.

В то время как нацистская партия через политических руководителей отдавала приказы государству, правительственный кабинет — законодательное, исполнительное и административное ядро государства — превращал эти приказы в законы. Точно таким же образом, как корпус руководителей осуществлял деятельность партии, кабинет осуществлял деятельность государства. Каждое из преступлений, которые были нами доказаны, является преступлением нацистского государства, а правительственный кабинет являлся высшей инстанцией политического контроля и управления внутри нацистского государства.

Но политики и законов недостаточно. Они должны быть введены в действие и осуществлены. Четыре другие организации являлись исполнительными органами партии и государства. Тогда, когда дело касалось осуществления законов, слежки, взятия под стражу, тюремного заключения и уничтожения противников или потенциальных противников, вступали в игру СД, гестапо и СС и весь механизм концентрационных лагерей. Тесная связь между СД и гестапо и важная роль первой из них в подборе нацистских чиновников на местах вскрывается письменными показаниями свидетеля защиты Карла Вейса, который заявил, что все чиновники политической полиции проверялись СД, прежде чем их принимали в гестапо. СД нарушала тайну выборов в Германии, докладывая о том, как голосовали избиратели в ходе тайного голосования.

Когда соображения политики потребовали войны, полувоенные организации СА и СС явились основой мощной германской армии, а высшие военные руководители разрабатывали планы для нее. Когда речь шла об уничтожении населения покоренных районов, о его депортации на рабский труд и о конфискации его имущества, ОКВ и СС должны были планировать совместные действия для того, чтобы в сотрудничестве с гестапо претворить эти мероприятия в жизнь.

Таким образом, партия планировала, кабинет издавал законы, а СС, СА, гестапо и военные руководители выполняли их. Каким образом все это совершалось, можно видеть, рассмотрев ряд важнейших преступлений, инкриминируемых в Обвинительном заключении, показав, как эти пять организаций участвовали в совершении каждого такого преступления.

Основные положения программы агрессии можно найти в 25 пунктах программы нацистской партии, обнародованной Гитлером в 1920 году и объявленной неизменной. Она включала требования об объединении всех немцев в великую Германию, об отказе от выполнения Версальского и Сен-Жерменского договоров, требования территорий и колоний и создания национальной армии. Как показывает устав партии, эта платформа являлась основной заповедью и догмой для каждого политического руководителя. Все

члены корпуса политических руководителей обязывались следовать этим заповедям и распространять эту доктрину.

Уже в апреле 1933 года правительственный кабинет своим решением создал имперский совет обороны — орган, состоявший из членов кабинета, функцией которого была подготовка страны к войне. В октябре 1933 года кабинет объявил о выходе Германии из Лиги Наций и об уходе ее с конференции по разоружению. Через полтора года, в марте 1935 года, он восстановил вооруженные силы и объявил о введении обязательной воинской повинности. Дальнейшие меры кабинета по планированию войны были осуществлены путем издания в мае 1935 года секретного неопубликованного закона об обороне империи, предусматривавшего назначение генерального уполномоченного по вопросам военной экономики с широчайшими полномочиями, и вынесением решения о том, что этот уполномоченный должен начать свою деятельность немедленно, еще в мирное время.

В феврале 1938 года накануне захвата Австрии была создана вторая составная часть правительственного кабинета — тайный совет министров, созданный для того, чтобы консультировать Гитлера в области внешней политики. Именно подсудимый фон Нейрат, председатель этого совета, предпринял дипломатические шаги для того, чтобы обосновать и оправдать эти агрессивные действия. После того, как был осуществлен захват, именно этот кабинет обеспечил воссоединение Австрии с империей.

Через шесть месяцев после этого был издан еще один секретный и неопубликованный закон, которым кабинет учредил «коллегию трех уполномоченных», функциями которых являлась разработка детальных планов и мероприятий для внезапной войны, которая должна была начаться без объявления. В ноябре 1938 года кабинетом был издан закон, который предусматривал включение Судетской области в Германию, а в марте 1939 года — закон о включении Мемеля (Клайпеды) в Германию.

Трибунал помнит заседание имперского совета обороны, состоявшееся в июне 1939 года, на котором были закончены приготовления к предстоявшей войне и утверждены подробные планы, например план использования военнопленных и заключенных концентрационных лагерей в военном производстве, план принудительной работы для женщин в военное время и план угона сотен тысяч рабочих из протектората и размещения их в лачугах.

В августе 1939 года, накануне нападения на Польшу, был создан совет министров по обороне империи — третья составная часть рейхскабинета. Он был сформирован из числа членов кабинета в качестве небольшой рабочей группы для осуществления законодательных и исполнительных функций в военное время. С того времени именно эта составная часть рейхскабинета, даже в большей степени, чем обычный кабинет, издавала большую часть законов, связанных с ведением войны, однако при участии и с ведома всех членов обычного кабинета.

В то время как кабинет готовился к агрессии в правовом и административном отношении, другие организации активно занимались тем же. Для того чтобы подготовить народ к войне, необходимо было воспитать его психологически в духе милитаризма и агрессии и создать могучую армию. СА отдала себя целиком выполнению этой цели.

В 1933 году она проводила усиленную пропагандистскую кампанию за возвращение колоний, за «жизненное пространство», требуя также нарушения Версальского договора и ложно приписывая соседям Германии агрессивные цели и замыслы, и распространяла другие, теперь общеизвестные партийные банальности. Почти в тот же период она начала проведение программы обучения германской молодежи в соответствии с требованиями современной войны, сначала делая это в секретном порядке, а впоследствии в открытую, когда она почувствовала себя достаточно подготовленной и была уверена в безопасности от постороннего вмешательства.

Но СА не ограничивалась одними лишь подготовительными мерами. Когда начались первые агрессивные действия против Австрии, части СА промаршировали через улицы Вены и захватили основные правительственные здания. Во время захвата Судетской области СА составляла часть «свободного корпуса» Генлейна и обеспечивала его снабжением и вооружением.

Деятельность СС была сходной с деятельностью СА и даже была более широкой. Как и СА, она использовалась как полувоенная организация в годы, предшествовавшие 1933 году; как и СА, она принимала участие в агрессии против Австрии и в заговоре о подрыве мощи Чехословакии через «свободный корпус» Генлейна. Ее деятельность отличалась от деятельности СА в этих случаях лишь тем, что она играла более важную роль. Ее профессиональные боевые силы соединялись с армией в марше в Судетскую область, в Богемию и Моравию, а также во время вторжения в Польшу. Одно из ее главных управлений — управление по вопросам переселения немцев, проживающих за границей, — являлось руководящим центром для деятельности пятых колонн.

СД под руководством рейхсфюрера СС раскинула шпионскую сеть по всему миру, и агенты ее шпионили в Соединенных Штатах еще до того, как Германия объявила войну Америке. Самое большое подразделение СС — войска СС были созданы и обучены лишь с единственной целью ведения войны и участвовали в качестве армии СС в операциях на всех стадиях войны, на Востоке и на Западе. Ее постыдная летопись зверств, совершенных в ходе войны, уже достаточно полна и не нуждается в дополнении новыми фактами. Гестапо и СД были также замешаны в совершении преступлений против мира.

Даже тот инцидент, который служил предлогом для нападения на Польшу и, таким образом, развязал всю войну, был инсценирован гестапо и СД. Я имею в виду инсценировку нападения поляков на радиостанцию в Глейвитце; за-

ключенные концентрационных лагерей были одеты в польскую форму, убиты и оставлены как доказательство налета поляков с тем, чтобы дать Гитлеру возможность оправдать нападение на Польшу. Конечно, нет сомнения в том, что клика профессиональных военных планировала все агрессии, начиная от милитаризации Рейнской области в 1936 году и кончая нападением на Советскую Россию в 1941 году, и принимала в них участие.

Ведение этих агрессивных войн было возможно для Германии лишь при условии использования миллионов порабощенных рабочих, и проведение программы использования рабского труда было возможно только с помощью этих организаций. Заукель являлся главным рабовладельцем, но ему необходимо было иметь миллион плетей в руках членов партии для того, чтобы проводить в жизнь свои безжалостные требования. СС, гестапо и СД по его приказу пригоняли иностранных рабов в пределы империи с помощью обмана или похищения, с душераздирающей жестокостью разрушая семьи, поджигая, пытая и убивая.

Корпус политических руководителей в сотрудничестве с Германским трудовым фронтом и с руководителями промышленности по существу являлся коллективным уполномоченным Заукеля по приему этих несчастных. Члены корпуса политических руководителей имперского масштаба и областного масштаба сотрудничали в организации расселения и питания этих несчастных человеческих существ, в выработке правил, ограничивавших их действия, уделяя им при этом даже меньше внимания и меньше заботы, чем первобытный человек обычно уделял домашним животным. Гаулейтеры, которые исполняли функцию имперских комиссаров обороны, по приказу Шпеера и Заукеля перевозили этих рабов в вопиющих условиях, в запертых вагонах от места отправки до военных заводов, где, как загнанные звери, они подвергались нечеловеческим унижениям и работали до тех пор, пока не умирали. Они были лишены медицинской помощи и даже простейших медикаментов. Они даже не считались достойными проживать на скотном дворе. Их условия жизни определялись требованиями, даже более низкими, чем обычно предъявляются к хорошей конюшне.

С безразличием, которое было невероятным даже при обращении с домашними животными, были изданы распоряжения, предусматривавшие производство абортов беременным работницам. Эти распоряжения были разосланы всем гаулейтерам и крейслейтерам и их аппаратам. Им были приданы гестапо и СД; камеры концентрационных лагерей ожидали тех, кто нервничал и роптал по поводу зверства. По требованию Шпеера гаулейтеры использовали военнопленных для рабского труда, а ставленники Розенберга в восточных районах, пришпоренные требованиями Заукеля, собирали и отправляли в рабство новые миллионы рабочих; армия использовала тысячи людей для строительства военных укреплений и для военного производства, и Кейтель выполнял приказы Гитлера, превращая захваченных

в честном бою военнопленных солдат в машины, производящие военную продукцию.

Алчный Геринг искал военнопленных рабов для промышленности, изготовлявшей вооружение для военно-воздушных сил, и предлагал по-новому толковать старые приказы, изданные в нарушение общепринятых правил ведения войны, а его помощник Мильх придумал принудительное использование русских военнопленных для комплектования расчетов зенитных батарей. Режим лишений, деградации и гибели стал официальной целью труда, к которому принуждали заключенных в концентрационных лагерях, находившихся в ведении СС. Совершенно очевидно, что все это происходило непосредственно с ведома и одобрения правительственного кабинета, поскольку проведение в жизнь всей этой ужасной программы создавало новые проблемы для Германии.

Таким образом, рабы страдали, живя в окружении немецкого населения, так как тысячи из них были отданы на полный произвол фермеров и на работу на больших и малых предприятиях, пока, наконец, в последний период войны под давлением суровых требований военной обстановки и с единственной целью расширения военных усилий само нацистское правительство не было вынуждено издать приказ о сокращении насильственных мер против тех, кто был в цепях.

Трудно преувеличить исключительную важность этого приказа. Из формулировок самого этого приказа с определенностью явствует, что зверства по отношению к рабам являлись государственной политикой, проводившейся в жизнь германским народом. Это доказательство, изобличающее весь германский народ. Это, с нашей точки зрения, один из наиболее важных документов данного процесса, и рассудок возмущается от сознания того, что он исходил из партийной канцелярии и главного имперского управления безопасности — двух высоких государственных органов — и адресован и распространен в письменном виде среди всех политических руководителей от ортсгруппенлейтеров и до самых низших слоев населения Германии в устной форме.

Масштаб преступлений, совершенных против еврейского народа, слишком велик, чтобы человеческий ум мог охватить его. Весь наш жизненный опыт обусловливает невозможность сделать это. Мы содрогаемся при известии об одном зверском убийстве, наш ум отказывается постичь совершение нескольких отвратительных преступлений, но когда перед нами встают ужасные преступления, совершавшиеся в массовых масштабах, мы не можем найти в себе соответствующей реакции. Мы просто не можем воспринять как реальность шесть миллионов убийств.

Для обычной жизни хорошо, что это именно так. Но при оценке доказательств по данному делу это превращается в некую помеху для всех сторон, за исключением виновных. Однако по поводу некоторых фактов мы полностью осведомлены и полностью их понимаем. Все эти факты имеются в доказательствах, представленных Трибуналу.

Мы знаем, что обвиняемые организации все разделяют ответственность за всевозможные преступления, совершенные против еврейского народа. Мы знаем, что злые гении нацистского заговора знали, как воспитать в народе ненависть. Они начали издали, записав от имени руководящего состава в программе партии, что только представители германской расы могут быть гражданами. Таким образом, они заложили основу для того, чтобы лишить евреев человеческих прав в Германии.

Затем тот же самый корпус политических руководителей начал работу по проведению кампании надругательств над всем еврейским народом. Личные неудачи каждого, заботы, огорчения, разочарования, опасения — все это сваливалось на евреев. По всей империи были учреждены антисемитские комитеты под руководством различных политических руководителей. И под руководством гаулейтера Штрейхера члены партии начали кампанию насилия над евреями, разграбления их собственности, уничтожения синагог здесь, в Нюрнберге. Затем произошли отвратительные события в ночь на 10 ноября 1938 г., к которым подстрекал Геббельс — руководитель пропаганды партии, причем они совершались с помощью корпуса политических руководителей и СА.

К злодействам нацисты добавили издевку, учредив высший партийный суд для расследования таких преступных акций; хотя партийный суд и установил, что инструкции по проведению этих погромов были переданы по телефону гаулейтерами подчинявшимся им руководителям, этот суд постановил, что «в своем сердце эти люди были убеждены в том, что оказывают услугу своему фюреру и своей партии». Под прикрытием этого судейского лицемерия ни один из участников акций не был даже исключен из партии.

С годами, по мере того как развивалось это движение ненависти, был проведен в жизнь целый ряд дискриминирующих законов, ограничивавших передвижение евреев и имевших своей целью унизить и разорить их. Большое число этих чудовищных законов, изданных рейхскабинетом, представлено в качестве доказательств по данному делу. Нацисты быстро шли к новым зверствам, и, начав со смешанной политики изгнания евреев и заключения их в германские концентрационные лагеря, они дошли до такой глубины падения, что рейхскабинет внес предложение о стерилизации даже полуевреев.

С циничным хладнокровием и садизмом имперский кабинет указал, как следовало поступать с этими полуевреями, и направил свои предложения по этому вопросу Гитлеру для окончательного утверждения. Члены СА были в числе первых, применивших насилие и жестокости против еврейского населения Германии. Свидетель Зеверинг заявил Трибуналу со свидетельского места, что в течение лет, последовавших за 1921 годом, СА проводила организованный террор против евреев. Эти уличные головорезы после того, как они почти окончательно разделались со своими обычными политическими противниками, снова нашли при-

менение своим дубинкам и плетям и новый объект удовлетворения своих порочных наклонностей.

Круглый год была разрешена «охота» на евреев, и любой еврей оказывался дичью в этой охоте. Отряды СА врывались в частные дома и издевались над охваченными ужасом обитателями-евреями, даже не делая вид, что имелся какой-то повод или провокация. Физическое насилие постоянно сопровождалось грязной антиеврейской пропагандой.

Угнетение, преследование, дискриминация и жестокости, которые осуществлялись корпусом политических руководителей, имперским кабинетом и СА, были только началом той ужасной участи, которую нацисты готовили для евреев.

Таким образом, была подготовлена почва для ужасных деяний гестапо, когда и эта организация вступила в игру. Эти сотрудники тайной полиции выступили на сцену со своими методами таинственности средневековых привидений. Евреев вытаскивали из постели среди ночи и отправляли их в концлагеря, даже без какого-либо намека на обвинение в чем-либо. Члены семейств этих евреев очень часто, проснувшись, не находили дома близких им людей. Таким образом исчезали тысячи евреев, о них больше никогда не слышали, и их никто уже больше не видел.

И теперь уцелевшие члены этих семей с сердцами, переполненными болью, ищут по всей Европе следы своих родственников или какие-нибудь указания относительно участи, которая их постигла. К сожалению, эти поиски приводят в большинстве случаев к документам Трибунала, захваченным у СС, СД и гестапо, и к книгам учета умерших в газовых камерах, похороненных в общих могилах и сожженных в крематориях.

Это было в то время, когда нацисты оседлали большую часть Центральной Европы. Упоенные кровавым вином своих успехов, опьяненные преждевременной уверенностью в своей способности господствовать над всем континентом, они отбросили всякое притворство в отношении евреев в Германии и заявили открыто о том, что евреи обречены. Евреи должны были быть сметены с лица Европы — не путем эмиграции, не путем массового переселения, а путем уничтожения.

Именно Геринг приказал Гейдриху, как начальнику полиции безопасности и СД, выработать план «полного разрешения» еврейского вопроса в районах, оккупированных Германией. Именно Гейдрих, как начальник полиции безопасности и СД, действуя по приказу Геринга, давал указания гестапо об убийстве всех евреев, которых нельзя было использовать для рабского труда. Сотрудники гестапо под руководством Эйхмана вступали на оккупированные территории и при поддержке местных чиновников полиции безопасности и СД сумели согнать все еврейское население Европы в концентрационные лагеря и пункты уничтожения.

С не меньшей жестокостью нацисты перешли от геринговского «полного решения» к гиммлеровскому «окончательному решению». Это было наиболее ответственной час-

тью программы, и не кто иной, как Гиммлер, глава СС, мог выполнить эту бесчестную миссию. В его грязные руки и в руки его помощников из СС было передано это предписание о полном уничтожении евреев. Он с жаром взялся за дело. Подчиненные ему члены СС, испытанные и проверенные в Варшавском гетто и в очищении Галиции от евреев, были готовы приступить к выполнению этих усовершенствованных планов уничтожения.

Имея в руках приказ Гитлера Гиммлеру, эсэсовский палач Гесс[1] открыл величайшую в истории человечества ярмарку убийств. Две тысячи человеческих существ умерщвлялись одновременно в этих усовершенствованных бойнях. По всей Европе, оккупированной немцами, на фабриках СС конструкции Гесса, испытанных в Освенциме, душили евреев газами и уничтожали их трупы в печах, усовершенствованных для увеличения их пропускной способности. Таким образом, СС сделала возможным для Гиммлера заявить в речи в Познани:

«Я также хочу вполне откровенно остановиться на одном важнейшем вопросе... Я имею в виду очищение от евреев, уничтожение еврейской расы... Это — славная страница в нашей истории...» (ПС-1919, США-170).

К концу войны в Европе недоверчивый мир с чувством отвращения отвернулся от этого преступления — преступления, которое никогда не сможет быть полностью понято, полностью объяснено и должным образом отомщено. Человечество медленно пришло к здравому осознанию его как печально свершившегося факта. Но это было еще не все, потому что нацисты посредством своей пропаганды влили расовый и религиозный яд в сознание большей части европейского населения и значительной части населения мира.

Восстановление нравственного здоровья Центральной Европы еще не достигнуто, так как слишком долго потоки клеветы из канализационных труб нацизма оскверняли многие источники человеческого вдохновения, а бациллы ненависти и нетерпимости отравляли их воды. Многие поколения будут нуждаться в нравственном и идейном оздоровлении, пока не будет окончательно уничтожена нацистская чума. Таким образом, преступление переживет преступников — этих подсудимых и эти преступные организации.

Переход от жестокого обращения с политическими противниками, с расовыми и религиозными группами к оскорблению и убийству военнопленных, в нарушение правил ведения войны не представлял сложности для членов упомянутых организаций. Эти деяния явились следствием агрессивных целей войны, за которую несет прямую ответственность имперский кабинет. История незаконного обращения с захваченными в честном бою солдатами слишком хо-

[1] Речь идет о Рудольфе Гессе, бывшем коменданте лагеря в Освенциме. — **Прим. сост.**

рошо известна Трибуналу для того, чтобы сейчас требовать подробного ее рассмотрения.

Однако нелишне вспомнить, что именно рейхслейтеры Геббельс и Борман, выступавшие от имени корпуса политических руководителей нацистской партии, были инициаторами политики линчевания союзных летчиков немецким населением. Эта варварская политика проводилась в жизнь корпусом политических руководителей нацистской партии в то же самое время, когда военные части СС беспричинно казнили военнопленных на всех участках фронта.

На гестапо и СД была возложена главная ответственность за выполнение варварского приказа Гитлера от 18 октября 1942 г. с последующими поправками, предусматривавшими казни союзных коммандос и парашютистов без суда и следствия. Разве можно забыть, что в течение всей войны гестапо проверяло лагеря военнопленных в поисках евреев и коммунистов, которых затем преднамеренно умерщвляли.

Трибунал помнит документ относительно сортировки военнопленных в лагерях для военнопленных, который был представлен на одной из последних стадий процесса и который окончательно доказал, что местные отделения гестапо в Мюнхене, Регенсбурге, Фюрте и Нюрнберге сортировали военнопленных из лагерей Баварии на группы, которые необходимо было отправить в Дахау для ликвидации их охраной СС, и что эти отделения гестапо подверглись критике со стороны главного командования за то, что они не сумели провести эту сортировку так эффективно, как этого желало главное командование.

Защита, представлявшая дело участвовавших в этом организаций, тщательно избегала упоминания об этом преступлении. Однако это один из наиболее ясных случаев предумышленного и преднамеренного убийства военнопленных в нарушение норм международного права. Это, безусловно, демонстрация законченной жестокости по отношению к военнопленным со стороны ответственных за это организаций. Это документ Р-178, США-910. Постыдный декрет «Пуля», согласно которому гестапо посылало вторично захваченных военнопленных офицеров в концентрационный лагерь Маутхаузен, где их казнили охранники СС, является дополнительным доказательством преступного характера этих организаций.

Нацисты всегда знали, что христианская церковь является непреодолимым препятствием на пути их преступных намерений; однако, действуя с характерной для них хитростью, они сначала выступили против церкви под прикрытием законодательства, которое якобы необходимо было принять при чрезвычайных обстоятельствах; такое законодательство было принято имперским кабинетом и послужило основой для последующих разрешительных законодательных мер, коими устанавливались всякого рода ограничения для обычной христианской деятельности. Это было первым и решающим шагом, и после того, как он был сделан, судьба хрис-

тианской церкви была окончательно решена; для полного осуществления поставленных задач требовались только время и поворот событий. Во всем имперском кабинете, который в то время состоял почти целиком из лиц, делавших вид, что принадлежат к христианам, нашелся единственный человек, который постоял за веру (барон Эльтц фон Рюбенах). Цель принятых кабинетом декретов была столь ясна, что Рюбенах без колебания выступил с заявлением о вечной непримиримости нацизма и христианства. Однако, за исключением барона Эльтца фон Рюбенах, нашлось много других, кто готов был подыграть нацистам. За миску политической похлебки они отказались от своей веры и вручили политическому руководству то первое оружие, которое ему было необходимо, чтобы использовать против священнослужителей. От этих первых шагов, вне сомнения, проистекает значительная доля того морального разложения, которое пока не получило объяснения. За этими начальными мерами последовало быстрое снижение влияния церкви. Именно это было нужно нацистам. В их политической философии не нашлось места ни кесарю, ни богу. Ширах и Розенберг в качестве рейхслейтеров и членов руководящего состава, вместе с бесчисленными пособниками, энергично нападали на все духовные силы — никогда не производя фронтального наступления, а действуя всегда с флангов, в то время как репортеры — «гончие псы» руководящего совета — систематически клеветали на священнослужителей и постоянно разрушали доверие к священным религиозным обрядам. Вскоре антиклерикальная кампания дошла до того, что стали конфисковывать церковное имущество, а в последующие годы было развязано открытое запрещение религиозного воспитания и даже просто духовной деятельности. Не может быть никакого сомнения в том, каково было истинное отношение к христианской церкви, так как об этом отношении ясно свидетельствует система организованного шпионажа, проводившегося гестапо и СД против священнослужителей. Ради осуществления этой подлой цели членов этих двух организаций тщательно обучали методом обмана, направленного на то, чтобы создать основание, в качестве повода на будущее, для полного запрета христианской церкви в Германии после окончания войны. Основополагающими методами для накопления этих сфабрикованных доказательств являлись ложь, фальсификация и провокации. Гестапо не останавливалось на том, что распускало церковные организации и запрещало светские встречи церковных групп, а также готовило ложные показания, гестапо производило повальные аресты священников, подвергало их превентивному заключению и в итоге отправляло их в концентрационные лагеря. Раз столь основательно проводилась преступная программа, нельзя было ожидать, что СС останется в стороне. Хотя СС интенсивно занималось проведением преступных операций по всей Европе, оно нашло время для того, чтобы под собственную ответственность конфисковывать имущество церквей и монастырей,

СС сотнями умерщвляло католических священников в концентрационном лагере Дахау.

Таким образом многие христиане и бесчетное число евреев оказались объединенными в сообществе страдальцев. Таким образом, в результате странного стечения обстоятельств, нацисты, пытавшиеся уничтожить как христиан, так и евреев, возможно, заложили начала такого взаимопонимания, которое может вырасти в нечто хорошее, так как удалось преодолеть самое плохое.

Концентрационные лагеря были главным орудием в нацистском арсенале тирании. На СА ложится позор организации первых лагерей и управления ими; СА посылала туда незаконно арестованных ею граждан. Даже места собраний СА использовались для заключения потенциальных противников, которых члены СА избивали там и оскорбляли. Члены СА служили в качестве охранников в государственных концентрационных лагерях в течение первых месяцев нацистского режима, и в этих лагерях они находили применение той техники жестокости, которую они освоили в своих собственных незаконных лагерях.

Хотя законным основанием для превентивного заключения был декрет об охране империи, к изданию которого вынудили имперского президента[1] в 1933 году, отменявший те положения Веймарской конституции, которые гарантировали гражданские свободы германскому народу, имперский кабинет вскоре создал закон, который давал возможность отделываться от политических противников и других нежелательных элементов более быстрым путем при помощи системы концентрационных лагерей. Члены имперского кабинета были настолько заинтересованы в организации этих лагерей, что Фрик, Розенберг и Функ в тот период, когда они были членами этого кабинета, лично инспектировали эти лагеря.

Бюджет имперского кабинета предусматривал ассигнования 125 миллионов рейхсмарок для СС на содержание и управление концентрационными лагерями. Эта система концентрационных лагерей была передана в распоряжение корпуса политических руководителей для того, чтобы достигнуть полного господства над немецким народом; корпус политических руководителей использовал эти лагеря в качестве свалки для тысяч евреев, которых арестовывали с ведома и под руководством этого корпуса во время погромов в ноябре 1938 года. Как явствует из письменных показаний свидетеля Карла Вейса, гаулейтеры часто оказывали давление на гестапо для того, чтобы отправить своих политических противников в концентрационные лагеря, или для того, чтобы задержать их там после истечения положенного срока. Сотрудничавшие с ними военные чины были непосредственно заинтересованы в системе концентрационных

---

[1] Речь идет о декрете от 28 февраля, изданном Гинденбургом. — **Прим. сост.**

лагерей; советские военнопленные направлялись в концентрационные лагеря для использования их в имперской промышленности вооружения, и офицеры из ОКВ совместно с гестапо выработали планы, согласно которым задержанные при попытке к бегству советские военнопленные направлялись в лагерь Маутхаузен, где их убивали за благородное стремление избавиться от плена.

Но наибольшее отношение к системе концентрационных лагерей и к тому, что там совершалось, имели СС и гестапо. В первые дни концентрационные лагеря находились под политическим руководством гестапо, которое издавало приказы о наказаниях для заключенных. Согласно декрету от 1936 года на гестапо возлагалось управление концентрационными лагерями, но охранников поставляла СС из батальонов «Мертвая голова». Таким образом, СС стало полностью ответственным за всю внутреннюю организацию лагерей.

Гестапо являлось единственной организацией в нацистском государстве, которая пользовалась правом направлять политических заключенных в концентрационные лагеря, хотя СД и присоединилось к гестапо, направив в лагеря поляков, которые не отвечали требованиям, необходимым для германизации. Гестапо посылало тысячи и тысячи людей в концентрационные лагеря для рабского труда и миллионы людей — в пункты уничтожения для истребления их.

Тех зверств, которые совершила СС в концентрационных лагерях, вполне достаточно, чтобы признать СС преступной организацией. Свидетель Гесс показал, что к концу войны примерно 35 тысяч военнослужащих войск СС находилось на службе в качестве охранников концентрационных лагерей. В своем незабываемом признании, сделанном в этом зале, он заявил, что только в одном Освенциме, во время его пребывания на должности коменданта, СС было уничтожено до двух с половиной миллионов мужчин, женщин и детей путем отравления газами и сожжения и что еще полмиллиона умерли от голода и болезней.

Если эсэсовцы не убивали прикованных к постели заключенных, то их принуждали к работе, которую можно было выполнять лежа в постели. Они приказывали заключенным избивать других заключенных — женщин и в своей необузданности дикарей убивали, калечили и подвергали пыткам заключенных концентрационных лагерей путем проведения так называемых «медицинских экспериментов», которые в действительности были не чем иным, как изощренным садизмом.

Система концентрационных лагерей была ядром нацистской системы тирании. Условия в этих лагерях были жестокими, потому что нацистам нужно было использовать страх для того, чтобы обеспечить свое господство над простыми людьми. За каждым нацистским законом и декретом стояла угроза заключения в концентрационный лагерь. Те учреждения, которые создали лагеря, содержали их, управляли ими и использовали их, представлены организациями, перечисленными в Обвинительном заключении.

В дополнение к этим преступлениям по ведению агрессивной войны, преследованию евреев, принудительному использованию рабочей силы, преследованию церкви, созданию концентрационных лагерей, которые были уже сейчас рассмотрены, обвиняемые организации виновны во многих других преступлениях, совершенных в целях содействия заговору. Корпус политических руководителей принимал активное участие в уничтожении свободных профсоюзов, а СА была первым непосредственным исполнителем мероприятий, направленных против профсоюзных деятелей. Сокровища искусства из Европы были захвачены и присвоены эйнзатцштабом Розенберга, созданным корпусом политических руководителей в сотрудничестве с гестапо и СД.

СС проводила в жизнь порочную программу германизации, согласно которой граждане оккупированных территорий изгонялись из своих жилищ и сгонялись со своих земель для того, чтобы очистить место для расовых немцев. Гестапо и офицеры ОКВ создали и выполнили адский декрет «Мрак и туман», по которому беспомощных граждан оккупированных стран тайно увозили в империю, и о них больше никогда не слышали. Таким образом, к этим бесцельным убийствам, на которые были способны только нацисты, добавились муки родных и друзей арестованных.

Трудно найти лучшую иллюстрацию преступной деятельности этих организаций, чем убийства, совершаемые эйнзатцгруппами полиции безопасности и СД — организациями, которые были впервые созданы СД в сентябре 1938 года в предвидении наступления на Чехословакию. Их руководители набирались из СД и гестапо, а личный состав комплектовался из числа членов войск («ваффен») СС. Они сочетали убийства и грабеж с военными маневрами, и доклады об их деятельности передавались политическим руководителям через имперских комиссаров обороны. Даже СА принимала участие в этих шакальских карательных экспедициях против партизан на Востоке.

Когда германские армии ворвались в Чехословакию и Польшу, в Данию и Норвегию, «эйнзатцбандиты» следовали за ними с целью уничтожения сопротивления, терроризирования населения и уничтожения расовых групп. Эти специалисты по части террора так хорошо выполняли свою работу, что перед нападением на Советский Союз было создано четыре новые части. Одна из этих частей возглавлялась покрывшим свое имя позором Олендорфом, который в своих показаниях в этом зале рассказал о невероятных зверствах, совершенных им, и о возмутительных подробностях мероприятий, осуществленных во взаимодействии с представителями военных организаций.

Надолго запомнятся его показания, представляющие собой хладнокровный отчет о бессердечных убийствах, порабощении и грабежах и в особенности об ужасающей программе уничтожения мужчин, женщин и детей, принадлежащих к еврейской расе. Человечество не скоро забудет его отвратительное повествование об убийствах женщин и

малолетних детей в газовых автомобилях, не забудет оно и тех закоренелых убийц, которых тошнило от ужасного зрелища, открывавшегося перед ними, когда они у вырытых могил отпирали дверцы «душегубок».

...Таковы были люди, которые, сидя на краю противотанковых рвов с папиросой в зубах, спокойно стреляли из пистолетов-автоматов в затылок своим жертвам. Таковы были эти люди, которые, по словам их собственных учетчиков, убили два миллиона мужчин, женщин и детей. Таковы были эти люди из СД.

Трибунал располагает схемой организации полиции безопасности и СД. Она была подготовлена и удостоверена чиновником СД Шелленбергом, начальником шестого управления РСХА, и чиновником СД Оленфордом, начальником третьего управления РСХА; эта схема (США-493) показывает, что эти эйнзатцгруппы были неотъемлемой частью полиции безопасности и СД и находились под верховным командованием подсудимого Кальтенбруннера, а не независимыми, как это утверждалось организациями, ответственными непосредственно перед Гиммлером.

Офицеры этих групп набирались из числа сотрудников гестапо и СД и в меньшей степени из сотрудников уголовной полиции. Они получили приказы от различных управлений РСХА, то есть из третьего или шестого управлений, как это указано на схеме, по вопросам, имевшим отношение к СД, и из четвертого управления по вопросам, имевшим отношение к гестапо. Они посылали свои отчеты этим учреждениям, а эти учреждения составляли объединенные доклады, которые рассылались высшим полицейским чиновникам и имперским уполномоченным по обороне. Несколько образцов таких докладов было представлено в качестве доказательства в ходе этого процесса...

Защитник гестапо заявлял, что гестапо ошибочно обвиняется в преступлениях, совершенных на оккупированных территориях, и что за них несет ответственность СС. Защитник СС сказал, что СС обвиняется ошибочно и что виновна СД. Защитник СД сказал, что СД обвиняется ошибочно и что на самом деле надо обвинять гестапо. Защитник СС сказал, что гестапо также носило наводившую страх черную форму и что поэтому сотрудников гестапо часто ошибочно принимали за членов СС. Защитник СС заявлял, что гестапо отвечало за управление концентрационными лагерями, а защитник гестапо обвинял в этом СС.

Истина заключается в том, что все эти организации, имевшие исполнительные функции, принимали участие в совершении этих повсеместных преступлений против человечности. Защитники не называют в качестве виновной ни одну организацию, помимо тех, которые здесь обвиняются.

Методы защиты каждой из организаций заключались в том, чтобы просто переложить ответственность с одной обвиняемой организации на другую. Поэтому неизбежно напрашивается вывод, что все эти организации участвовали в совершении этих громадных преступлений. Странной особенностью этого процесса является то обстоятельство, что

защитники соответствующих организаций не пытались отрицать, что эти преступления имели место, а стремились лишь переложить ответственность за их совершение на другую организацию. Подсудимые из военной группы обвиняют политическое руководство в том, что последнее явилось инициатором ведения агрессивных войн; гестапо возлагает вину за убийства военнопленных, пытавшихся бежать, на солдат; СА обвиняет гестапо в убийствах, совершавшихся в концентрационных лагерях; гестапо возлагает на политическое руководство вину за проведение еврейских погромов; СС возлагает на правительственный кабинет вину за учреждение системы концентрационных лагерей, а правительственный кабинет считает СС ответственной за истребление людей на Востоке.

В действительности все эти организации объединились для проведения в жизнь преступной программы нацистской Германии. Все они виновны, и в связи с тем, что они дополняли одна другую, нет необходимости слишком педантично определять границы их дьявольской деятельности. Когда правительственный кабинет провозгласил закон «О единстве партии и государства», он этим декретом неразрывно связал между собой эти организации как в их успехах, так и в неудачах. Когда члены этих организаций вопреки закону присягнули Гитлеру, они навсегда связали себя с ним и с тем, что он делал, и разделили его вину.

Всем членам имперского кабинета было известно о функциях и деятельности кабинета. Они совместно проводили возложенную на него работу и собирались как единый орган. Они обсуждали предлагаемые им мероприятия в качестве единой группы и проводили их в жизнь, действуя в качестве правительства. Иногда они созывались в качестве членов имперского кабинета, иногда — в качестве имперского совета обороны. Но в каждом случае они совместно обсуждали предлагаемые законы, которые должны были придать законную силу махинациям главных заговорщиков.

В связи с рассмотрением одних лишь вопросов бюджета империи, не говоря уже о других источниках информации, члены имперского кабинета в течение всех лет существования нацистского режима непременно получали весьма подробную информацию обо всем, что происходило в Германии. Им было известно о системе концентрационных лагерей, так как они санкционировали ассигнования на их содержание, и как министры, входившие в кабинет, инспектировали концентрационные лагеря. Им было известно о планах ведения агрессивных войн, так как они закладывали фундамент для создания военной экономики. Им было известно о насильственном использовании труда военнопленных в промышленности вооружения, так как они, как это устанавливается доказательствами, планировали это мероприятие еще до начала войны. Они подготовили планы всей программы агрессии и территориальной экспансии. Планирование вызывает необходимость проведения совещаний, а совещания приводят к осведомленности.

Любой грамотный член СА был прекрасно осведомлен относительно целей и намерений СА. Еженедельная газета «Дер СА манн» и ежемесячник «СА фюрер» время от времени освещали цели, намерения, задачи и методы СА. Почти в каждом номере этих изданий были сообщения относительно обязанностей и деятельности СА в связи с уличными стычками, оскорблениями по адресу политических противников и физическими насилиями над евреями. Полувоенный характер этой организации был совершенно очевиден. СА принимала участие в мероприятиях по проведению выборов в подготовке к поджогу рейхстага, в еврейских погромах и деятельности в связи с бойкотом евреев. Ее деятельность была повсеместной и общеизвестной. Значительная часть этой постыдной деятельности получила широкую известность во всем мире.

Доктор Вильгельм Хегнер, премьер-министр Баварии, заявил в своем аффидевите — цитирую:

«Вопиющие эксцессы СА и СС, находившихся на службе НСДАП, совершались столь публично, что о них знало все население. Любой становившийся членом этих организаций знал об этих эксцессах». Это слова Хегнера — документ Д-930, ВБ-617.

Политические руководители занимались информацией и пропагандой. Они являлись распространителями идеологии и политическими сыскными агентами, проверявшими, как реагировало население на те или иные мероприятия. Их осведомленность вытекала из двух источников. Им было известно о планах и об их проведении в жизнь, и они должны были выяснить, каково было воздействие этих мероприятий.

В качестве типичного примера можно сослаться на приказ о линчевании союзных летчиков. Этот приказ должен был быть передан по всем инстанциям политических руководителей с тем, чтобы он дошел до низших инстанций, которые должны были практически выполнять приказ о линчевании. Они следили за тем, чтобы приказ проводился в жизнь, и составляли отчеты по поводу того, какое он имел воздействие. В нацистских «целлен» (ячейках) и «блоках» (кварталах) не было ни одного секрета, о котором бы они не знали.

Радио, настроенное на другую станцию, появившееся на лице выражение неодобрения, тайна исповеди, существующее испокон веков взаимное доверие отца и сына, даже священное таинство брака — все это являлось элементами, из которых состояло их ремесло. Знать все было их обязанностью. Каждый член СС приносил присягу о повиновении Гитлеру до смерти, и каждому члену СС был известен настоящий смысл гитлеровского мировоззрения. В 1936 году Гиммлер, говоря об СС, называл ее организацией, борющейся с большевизмом, и открыто заявлял — цитирую: «Мы примем меры к тому, чтобы никогда вновь в Германии, сердце Европы, недочеловеки не смогли вновь разжечь еврейско-большевистскую революцию ни изнутри, ни через эмиссаров извне» (ПС-1851). Можно ли сомневаться в том, что члены СС понимали значение этих слов, а также значе-

ние следующего признания Гиммлера: «Я знаю, что в Германии имеется целый ряд людей, которых бросает в дрожь при виде черных мундиров». Он далее сказал: «Мы и не надеемся на то, что нас будут любить многие».

Дрожь при виде черных мундиров была проявлением страха, страха перед зверскими методами, применяемыми членами СС, перед убийствами, которые совершались ими на улицах, и избиениями в концентрационных лагерях. Всем было известно, что именно облаченные в черные мундиры члены СС совершили убийства 30 июня 1934 г. Даже фон Манштейн, представлявший армию, здесь на суде показал, что солдаты настолько боялись жестокостей СС, что не решались докладывать о массовых убийствах, совершавшихся СС на Востоке. Для того чтобы причислить СС к разряду преступных организаций на основании осведомленности ее членов в преступной деятельности, достаточно того факта, что солдаты батальона «Мертвая голова» знали о зверствах, совершавшихся в концентрационных лагерях, что солдаты карательных отрядов по борьбе с партизанами знали об убийствах, похищении людей и о грабежах, происходивших за линией фронта, что солдаты танковых дивизий СС знали об убийствах военнопленных, и того факта, что военнослужащие медицинской службы СС знали о зверских экспериментах над человеческими существами.

Эта осведомленность распространялась вследствие постоянных изменений в обязанностях отдельных групп внутри организации. Батальоны «Мертвая голова», которые в первое время несли ответственность за охрану заключенных в концлагерях, впоследствии были переброшены на фронты, в то время как во время войны такие боевые отряды, как войска СС, использовались для несения охраны в концлагерях и для проведения уничтожения в специальных центрах для истребления. Буквы «СС» получили широкую известность как символ жестокой и беспощадной организации.

Цели гестапо были изложены в форме закона и время от времени обсуждались в таких полуофициальных изданиях, как «Фелькишер беобахтер», «Дас архив», являвшемся журналом германской полиции, и в кратком справочнике Беста по вопросам структуры германской полиции. Каждому члену организации было известно о том, что гестапо представляло собой специальные полицейские отряды, созданные Герингом и взращенные Гиммлером в целях сокрушения потенциальных противников тирании. Каждому члену организации было известно о том, что гестапо действовало вне закона, что гестапо могло производить аресты своей властью и заключать в тюрьмы на основании своего собственного решения. Каждому члену этой организации было известно о том, что гестапо являлось учреждением, которое заполняло концентрационные лагеря политическими противниками. Всем было известно, что гестапо было организовано для специальных целей преследования жертв нацистского гнета — евреев, коммунистов и церкви.

Всем лицам, проводившим допросы, было известно о праве применять при допросах пытки. Преступные цели гес-

тапо и преступные методы, которые применяла в своей деятельности эта организация террора, имевшая столь первостепенное значение, не могли оставаться в тайне. Тот факт, что гестапо являлось орудием террора, был известен не только членам организации, но был известен во всей Германии, в Европе и во всех странах мира, где самое слово «гестапо» превратилось в символ ужаса и насилия.

Мы просим Трибунал применить критерии здравого смысла и реалистической оценки осведомленности при рассмотрении дела этих организаций на основании того, что они действительно представляют собой самые порочные и зловещие из всех созданий нацизма. Без сомнения, они не избегнут осуждения за колоссальные преступления, совершенные ими, прикрываясь лживым и неосновательным оправданием о неосведомленности тех, кто принадлежал к их кругу, в существовавшем положении вещей. Через много-много лет после того, как опустеет этот зал, в последующие века слова «нацист», «руководство нацистской партии», «СА», «СД», «СС» и «гестапо» будут стоять первыми в перечне ужасов и насилий, совершенных против человечества.

Трибунал заслушал более 300 тыс. членов этих организаций, либо выступивших с показаниями в суде, либо представивших аффидевиты. Требование Устава Трибунала о том, чтобы на скамье подсудимых был представлен хотя бы один член каждой организации, который виновен в преступлениях, инкриминируемых организации, членом которой он является, имело своей целью обеспечить такой порядок, при котором перед Трибуналом находились бы лица, могущие говорить от имени каждой организации. Фактически эта гарантия Устава в отношении организаций стала излишней, учитывая то колоссальное количество свидетелей, которое предстало от имени организаций перед Комитетом уполномоченных или перед настоящим Трибуналом.

Мера преступности каждой из этих организаций не ограничивается действиями подсудимых, представших перед настоящим Трибуналом, которые являлись членами этих организаций. Для удовлетворения требований Устава было бы вполне достаточно установить, что данный подсудимый виновен в каком-либо преступлении, совершенном в непосредственной связи с тем положением, которое он занимал в качестве члена данной организации.

Однако во всех случаях определение преступности данной организации основывается на доказательствах, которые далеко выходят за пределы конкретных преступных действий отдельных подсудимых. Понятие принадлежности к организации, которое в этой связи употребляется в Обвинительном заключении, ни в коем случае не носит формального характера. В этом случае с тем же основанием можно было бы употребить слово «представитель», так как целью этого положения Устава было обеспечить такой порядок, при котором каждая из поименованных организаций была бы представлена подсудимым, могущим говорить от ее имени, или представлена им в какой-либо иной форме.

Семнадцать из двадцати двух подсудимых являлись членами правительственного кабинета. Все эти подсудимые в большей или меньшей степени принимали участие в совещаниях имперского кабинета, тайного совета министров и имперского совета обороны. Все они участвовали в обсуждении, принятии и введении в силу законов, которые привели к подстрекательству к агрессивным войнам и к дискриминирующим мероприятиям в отношении расовых меньшинств.

Преступность каждого из этих подсудимых отчасти основывается на той роли, которую он играл в верховном законодательном органе нацистской системы, в имперском кабинете.

Десять подсудимых являлись членами руководящего состава нацистской партии. Деятельность гаулейтеров фон Шираха и Штрейхера является прекрасной иллюстрацией преступности всех подсудимых в качестве руководителей нацистской партии. Именно в качестве гаулейтера Франконии Штрейхер проводил свою кампанию ядовитой клеветы против евреев; Ширах эксплуатировал рабский труд именно в качестве гаулейтера Вены.

Девять подсудимых являлись членами СС. Едва ли есть необходимость в данном случае упоминать в качестве представителя этой организации кого-либо, кроме обергруппенфюрера СС Кальтенбруннера. Перед Вами подсудимый, который являлся главой управления СС, облеченного самыми большими полномочиями по всей организации — главного управления имперской безопасности. Его деятельность по руководству этой организацией не требует никаких дополнительных данных. Она — позор для всей организации в целом.

Восемь подсудимых являлись членами СА; Геринг взял на себя руководство этой организацией в 1923 году, в самом начале борьбы нацистов за власть. Именно Геринг направлял действия СА во время мюнхенского путча и именно он создал из СА боевой отряд уличных хулиганов.

Геринг и Кальтенбруннер являлись членами организации гестапо. Геринг, создатель гестапо, бахвалился тем, что каждая пуля, выпущенная из пистолета сотрудника гестапо, — его пуля, что он берет на себя всю ответственность за действия гестапо и не боится этой ответственности. В качестве начальника главного управления имперской безопасности Кальтенбруннер являлся непосредственным руководителем гестапо. Данному Трибуналу были представлены приказы о заключении в концентрационные лагеря, скрепленные факсимильной или машинописной подписью Кальтенбруннера; Трибунал рассматривал доказательства того, что казни в концентрационных лагерях производились по его приказу; Трибунал рассмотрел немало преступных приказов, исходивших от Кальтенбруннера как от начальника полиции безопасности и СД и адресованных районным отделам гестапо.

Неразрывная взаимосвязь подсудимых и организаций далее иллюстрируется тем фактом, что большинство подсу-

димых являлись членами не одной, а более из поименованных выше организаций.

Франк, Фрик, Геринг и Борман были членами четырех организаций. Члены кабинета — Риббентроп и Нейрат являлись одновременно генералами СС. Генералы СА Розенберг и Ширах являлись членами кабинета. Гаулейтеры Заукель и Штрейхер были генералами СА. Фельдмаршал Кейтель и адмирал Дениц являлись членами кабинета.

Исключительное значение этой общей взаимосвязи иллюстрируется злоумышленным убийством французского генерала Месни. Это убийство подготовлялось и осуществлялось под руководством обергруппенфюрера СС Кальтенбруннера как главы гестапо и СД и обергруппенфюрера СС Риббентропа как члена имперского кабинета. Кальтенбруннер разработал техническую сторону этого убийства, а Риббентроп разработал план обманных маневров.

Защитник гестапо, выступая перед Трибуналом, утверждал, что убийство было совершено скорее имперской уголовной полицией, нежели гестапо, поскольку в это время Панцингер, который разрабатывал детали этого убийства, сменил Небе на посту начальника пятого управления РСХА. Но я хочу напомнить Трибуналу, что ему не было представлено и строчки доказательств, которые бы подтверждали, что Панцингер ушел с поста, который он занимал в течение ряда лет, — с поста начальника отдела гестапо, ответственного за проведение специальных мероприятий и убийств.

Так или иначе, убийство генерала Месни было политической акцией, политическим убийством и, согласно их собственной организационной структуре, входило в юрисдикцию гестапо, а не уголовной полиции.

Я хотел бы заметить в скобках на тот случай, если когда-либо впоследствии будут утверждать, что этот бесчестный акт был совершен в качестве ответной меры: я прошу Трибунал иметь в виду, что репрессалии в отношении военнопленных категорически запрещаются Конвенцией 1929 года. Конвенцией, к которой уже за много лет до этого присоединилась Германия, оставаясь подписавшей стороной и в период этого убийства.

Вся эта мрачная трагедия, начиная с обманного вывоза Месни из офицерского лагеря для военнопленных в Кенигштейне и кончая кощунственной церемонией погребения его праха в Дрездене с возданием ему воинских почестей, требовала согласия на это мероприятие и участия в нем со стороны имперского кабинета, военных кругов, СС, СД и гестапо.

Через весь этот исключительно гнусный и грязный эпизод проходит красной нитью характернейшая черта нацизма — лицемерие. Это было убийство, совершенное в белых перчатках, использование традиций для обмана, убийство, прикрытое накрахмаленной манишкой дипломатических маневров министерства иностранных дел, убийство, на которое был наведен окончательный внешний лоск кальтенбруннеровским СД и гестапо, убийство, совершенное при под-

держке прикрывавшейся маской респектабельности профессиональной военной касты.

Я хотел бы к этому добавить, господин председатель, что защитники организации посвятили значительную часть отведенного им времени рассмотрению правовых принципов, вытекающих из Устава Трибунала, и во многих случаях пытались даже выйти за рамки Устава. Они утверждали, что судебное разбирательство, предусмотренное Уставом настоящего Трибунала, фактически является коллективным наказанием, что сама мысль об объявлении преступными целых организаций является исключительным случаем в истории права и что принцип «Nulla poena sine lege» (нет наказания без закона) будет нарушен такого рода судебной процедурой.

Я не буду вновь рассматривать соображения правового характера, касающиеся этого вопроса, так как они были исчерпывающим образом рассмотрены господином Джексоном в его выступлении перед Трибуналом в феврале этого года. Но я вновь подчеркиваю здесь, перед Трибуналом, что мы не стремимся подвергнуть коллективному осуждению всех членов организаций. Мы хотим установить лишь один факт, один-единственный факт, заключающийся в том, что эти организации, все вместе, укрепили в Германии полицейское государство и совершили все упоминавшиеся здесь преступления и останутся в истории такими, как они есть, — организациями, чьи цели, намерения и действия были преступными в своей основе, организациями, которые открыто нарушали все принципы порядочности и законности, существующие в каждом цивилизованном обществе.

Защита утверждает, что, если Вы объявите эти организации преступными, члены их станут мучениками. Я утверждаю, что, если Вы реабилитируете эти организации, их члены, приносившие присягу беспрекословного повиновения Гитлеру и Гиммлеру, заключившие миллионы людей в концентрационные лагеря, замучившие, уморившие с голоду и убившие тысячи людей, действуя во имя этих организаций, смогут заявить: «Мы отстояли свои права. То, что Гитлер и Гиммлер говорили нам, оказалось правдой. Организации, которым мы беспрекословно повиновались, не были преступными организациями, и мы не можем быть осуждены за принадлежность к ним».

В Вашем оправдании этих организаций они найдут оправдание ужасающим преступлениям и, таким образом, новые доводы для того, чтобы убеждать немецкий народ, что они не совершали ничего дурного. Они получат страшную возможность в той или иной форме возродить их в будущем с тем, чтобы вновь принести цивилизованному миру ужасные последствия организованной преступной деятельности.

Так как я ссылался здесь на такой закон США, как Акт о призыве к мятежу от 1940 года, хочу отметить, что сделал это только с целью продемонстрировать, что англо-американская юриспруденция отнюдь не незнакома с концепцией организованной преступности.

Акт о призыве к мятежу предусматривает, что каждое лицо, которому предъявлено обвинение, разумеется, получает возможность оспаривать в суде обвинение в преступности той организации, принадлежность к которой ему вменяется. Но, как мне представляется, данным положением не утверждается, что, вне зависимости от конституционных вопросов, которые в нашем случае неприменимы, Конгресс США не мог бы предусмотреть, как это сделано в Уставе МВТ, что преступный характер организации должен вначале рассматриваться в каком-то общем процессе, где всем членам организации будет предоставлена возможность предстать лично или через представителя; при этом их личные аргументы защиты будут перенесены на последующие процессы, в которых они смогут оспаривать все вопросы, за исключением одного-единственного — являлась ли организация преступной. Ведь мы не добиваемся здесь осуждения членов этих организаций как преступников. Я думаю, что имеет смысл повторить — индивидуальная преступность этих лиц не является вопросом, подлежащим рассмотрению настоящим Трибуналом. Единственным вопросом, стоящим на обсуждении, является вопрос о том, объявит ли Трибунал, что эти организации являлись преступными.

В заключение, господин председатель, я хочу сказать, что до конца настоящего процесса нас преследовала анонимность, которой нацисты хотели окружить свои преступления путем использования всех этих организаций. После окончания настоящего процесса та же самая организационная анонимность будет затруднять союзникам отыскать лиц, несущих ответственность за все эти ужасные преступления. Приходится принимать как реальность тот факт, что колоссальное количество преступлений, совершенных от имени этих организаций, останется ненаказанным. Но сам нацизм не должен избежать возмездия путем обмана, путем, который он сам себе подготовил. Он не должен теперь продолжать свое существование в тайных, неосужденных организациях, с тем чтобы впоследствии подготовить новое нападение на цивилизацию.

Путем объявления этих организаций преступными настоящий Трибунал сделает предупреждение не только германскому народу, но и народам всего мира. Человечество будет помнить, что ни одно преступление не может остаться безнаказанным лишь потому, что оно было совершено от имени политической партии или государства, что ни одно преступление не будет обойдено молчанием по той причине, что оно слишком велико, и что преступники не избегнут наказания по той причине, что их слишком много.

28 февраля 1946 г. в этом зале главный обвинитель от Соединенных Штатов Америки, господин Роберт Х. Джексон, обратился к настоящему Трибуналу с заявлением по поводу преступности этих организаций. В этом заявлении была отражена позиция Соединенных Штатов в отношении судебного преследования этих организаций. Я не могу сделать ничего лучшего, кроме повторения перед Трибуналом

этих слов. Я цитирую слова господина Джексона, сказанные в то время:

«При осуществлении превентивного правосудия с целью предупреждения возможности повторения этих преступлений против мира, преступлений против человечности и военных преступлений, — оправдать эти организации было бы гораздо большей катастрофой, нежели оправдать всех 22 подсудимых, сидящих сейчас на этой скамье. Эти подсудимые теперь уже бессильны причинить зло, тогда как эти организации еще могут продолжать свое злодейское дело. Если эти организации будут здесь реабилитированы, германский народ сделает вывод, что они действовали правильно, и его легко будет снова муштровать во вновь созданной организации под новым названием, но с той же программой».

При осуществлении карательного правосудия эти организации можно было бы реабилитировать, только сделав вывод, что нацистский режим не совершил никаких преступлений, так как невозможно отрицать, что они покровительствовали каждому преступному плану нацистов и являлись соучастниками в проведении всех нацистских мероприятий в целях осуществления этих планов. Если эти организации не будут осуждены согласно положениям Устава, то это будет лишь означать, что нацистские цели и средства их достижения не могут рассматриваться как преступные и что Устав Трибунала, объявляющий их таковыми, — пустая бумажка.

Речь представителя обвинения от США Т. ТЭЙЛОРА

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 30 августа 1946 г.

Господин председатель, господа члены Трибунала!

Согласно Обвинительному заключению обвинение требует объявить преступными шесть групп или организаций. Для большей ясности при точном определении выдвинутых обвинений и расположении доказательств это разделение на шесть частей является уместным, поскольку оно точно отражает формальную структуру «третьего рейха».

Однако в более глубоком понимании «третий рейх» не состоял из шести составных частей. Его структура была еще проще. «Третий рейх» был политической машиной и военной машиной. Его олицетворением были нацистская партия и вооруженные силы, и через них он стремился достичь своих целей. Его успехи как в самой стране, так и за ее пределами были достигнуты при помощи этих двух орудий. Вооруженные силы обязаны своим возрождением главным образом нацистской партии; партия, в свою очередь, была бы беспомощной и бессильной без вооруженных сил. Как

сказал генерал Рейнеке, двумя опорами «третьего рейха» были партия и вооруженные силы, и каждая из них была бы отброшена назад при возвышении или падении другой.

В приложении «В» Обвинительного заключения точно определяются руководители и основные орудия партии и вооруженных сил. Из состава партии Обвинительное заключение выделяет, например, корпус политических руководителей и также членов СС, которые были главным исполнительным орудием партии. Из состава вооруженных сил Обвинительное заключение выделяет ведущих генералов, говоря языком Обвинительного заключения, которые обладали основными полномочиями в области планирования и проведения боевых операций.

Состав этой группы военных руководителей описывался обвинением во время представления доказательств, и мне остается прибавить к этому лишь очень немного. Защита выдвинула точку зрения, заключающуюся в том, что эти военные руководители не составляют группу в том смысле, как это предусмотрено Обвинительным заключением. Я считаю, что аргументы в поддержку этого формального возражения являются несостоятельными, и хочу опровергнуть их прямо и ясно.

Ряд пунктов, выдвинутых защитой, основывается на непонимании или на преднамеренно неправильном истолковании обвинений, содержащихся в Обвинительном заключении. Например, несколько свидетелей заявили нам, что генеральный штаб состоял из молодых офицеров в сравнительно небольших чинах, которые действовали в качестве помощников главнокомандующих. Таким образом, это понятие смешивается с понятием, которое известно военным людям как «корпус офицеров генерального штаба», состоявший из офицеров, окончивших военную академию. В Обвинительное заключение не включены эти офицеры, и обвинение ясно заявило об этом с самого начала. Поскольку эти или подобные им показания являются лишь выпадом против того названия, которое в Обвинительном заключении дается группе военных руководителей, — этот вопрос не имеет никакого значения. Нет общепринятого термина или изобретенного слова в английском или немецком языках, которое охватывало бы всех военных руководителей вооруженных сил. Обвинительное заключение объединяет два определения: «генеральный штаб» и «верховное командование», как наиболее ясно охватывающее начальников четырех штабов — ОКВ, ОКХ, ОКМ и ОКЛ, которые все играли главную роль в военном планировании, и главнокомандующих, руководивших операциями. Вместе взятые, они, по существу, составляют военное руководство.

Ряд других мелких и формальных вопросов заслуживает лишь краткого упоминания. Было выдвинуто возражение, заключавшееся в том, что схема, приложенная к письменным показаниям под присягой Гальдера, Браухича и Бласковица, не дает точной картины субординации. Это верно: эта схема не была предназначена для того, чтобы показать порядок субординации; в письменных показаниях, к которым

приложена эта схема, ничего не говорится об этом, и обвинение никогда не утверждало ничего подобного.

Также не относится к делу и вопрос о том, должен ли был Кейтель быть помещен на этой схеме в одном квадрате с Гитлером или в отдельном квадрате. Ни одно из этих утверждений по поводу схемы не вызывает необходимости добавить или, наоборот, исключить хотя бы одного члена этой группы, а также никоим образом не затрагивает определения военного руководства, данного в Обвинительном заключении.

Не относится к делу утверждение о том, что список членов этой группы включает в себя несколько генералов, которые имели лишь временные назначения в качестве командующих и формально никогда не утверждались на эти должности. Это обстоятельство, возможно, окажется относящимся к делу и на Суде над этими отдельными лицами, если они смогут доказать, что они на самом деле формально никогда не занимали положения главнокомандующего и не несли соответствующей ответственности, но это не имеет значения при рассмотрении группы в целом.

В ряде письменных показаний, данных под присягой, представленных защитой, указывается, что отдельные генералы были членами этой группы меньше шести месяцев; что некоторые из них умерли, были отстранены или ушли в отставку со своих постов до окончания войны и что более молодые по возрасту не были генералами, когда война началась. Это все вполне естественно. Мы здесь рассматриваем период, охватывающий семь лет, в течение большей части которого велась война, — опасное и изнуряющее дело. В течение этих лет отдельные генералы умерли, другие потерпели неудачу, некоторые попали в опалу, их заменили новые лица; огромное увеличение в численности германских групп армий и армий выдвинуло новых офицеров на посты главнокомандующих. В той степени, в которой во время войны опасность обостряется и поражения отзываются гораздо большими потерями в вооруженных силах, нежели в области политики, эти перемещения были соответственно более значительными в вооруженных силах, чем в нацистской партии. Но опять-таки эти вопросы имеют отношение к делу лишь в связи со степенью ответственности отдельных членов этой группы, но не с проблемой ответственности всей группы...

Особое внимание было обращено на тот факт, что многие члены данной группы стали таковыми лишь после 1942 года. Как я понимаю, аргумент, выводимый из этого обстоятельства, заключается в том, что генералы, присоединившиеся к этой группе только после 1942 года, не могли принимать участия в планировании и развязывании агрессивных войн. Фактом является то, что к концу 1942 года вермахт, возглавлявшийся обвиняемой группой, захватил или оккупировал целиком либо в значительной части все соседние страны, за исключением Швейцарии и Швеции, так что ведение дальнейших агрессивных войн стало невозможным. Мне представляется, что с той же убедительностью, если таковая вообще имеется, можно настаивать, что многие

немцы вступили в СС или вошли в состав руководства партии либо достигли в этих организациях высокого положения после 1942 года. Разумеется, этот аргумент не учитывает тот факт, что группа военного руководства, спустя много времени после 1942 года, представляла собой группу, официальными приказами для которой были убийство коммандос и комиссаров, достижение «умиротворения» путем распространения террора. Многие из зверств, совершавшихся германскими вооруженными силами, происходили к концу войны. И опять-таки данный пункт имеет смысл лишь в том, что отдельные лица, поздно присоединившиеся к группе, возможно, будут доказывать в ходе других процессов, что они никогда не знали о преступной деятельности и никогда не были к ней причастны. Сама же группа не может уйти от ответственности, ссылаясь на то, что она продолжала разрастаться после того, как способность «третьего рейха» инициировать агрессивные войны оказалась исчерпанной.

Защита заявляет нам, что военные руководители не являлись «группой», так как они просто занимали официальные посты без какого-либо «объединяющего элемента». Это вопрос факта. Решению его не способствуют лингвистические рассуждения о том, что означает немецкое слово «группа». Я полагаю, что «группа» означает некоторое число людей, отобранных по принципу какой-то схожести. Или, как формулирует господин Джексон, члены группы должны обладать какой-то «поддающейся идентификации связью» и иметь «коллективную общую цель». Я полагаю также, что «схожесть» или «связь», равно как и цель, должны иметь содержание в соответствии с Лондонским соглашением.

Генералы, занимавшие посты, перечисленные в Обвинительном заключении, составляли военное руководство «третьего рейха». В этом их «схожесть», их «поддающаяся идентификации связь» и объединяющий их элемент. Их «коллективная общая цель» заключалась в построении и обучении вермахта, в составлении планов вермахта и руководстве его операциями.

Я утверждаю, что обосновывающие это доказательства являются окончательными и неопровержимыми. Высокопоставленные германские генералы — Браухич и Гальдер — в показаниях под присягой заявили, что лица, занимавшие посты, перечисленные в Обвинительном заключении, осуществляли «реальное руководство вооруженными силами» и «фактически являлись генеральным штабом и верховным командованием». Показания многочисленных генералов о том, что военные руководители не имели формальной организации или какого-либо тайного совещательного совета, бьют мимо цели. Обвинение этого и не утверждало. Обвинение также не утверждало, что военные руководители являлись политической партией либо что они имели установленные или единые позиции по внутренним политическим вопросам.

Мы также не удивляемся, слыша от некоторых свидетелей защиты, что немцы, как и мы, сталкивались с тем, что

координации в рамках одного вида вооруженных сил достичь легче, чем координации между сухопутными войсками, военно-морским флотом и военно-воздушными силами. Самое существование ОКВ служит достаточным доказательством того, какое значение немцы придавали сотрудничеству внутри одного вида вооруженных сил, многочисленные документы свидетельствуют о детальном планировании и обсуждениях, проходивших между тремя видами вооруженных сил. В 1941 году никто, став свидетелем координированного применения танков и пикирующих бомбардировщиков в Африке и тесного взаимодействия между всеми тремя видами вооруженных сил во время вторжения в Норвегию, не стал бы утверждать, что в германских военных действиях отсутствовала координация. С точки зрения военного планирования, как нам заявил Гальдер, самой важной частью ОКВ был штаб оперативного руководства, начальником которого и заместителем его были соответственно Иодль и Варлимонт. Командующие действующими армиями также участвовали в разработке планов. Мы знаем из показаний Браухича и Бласковица, что военные планы нападения на Польшу и другие страны заранее передавались командующим группами армий и армий для того, чтобы ОКХ могло воспользоваться их рекомендациями. Браухич и Бласковиц также заявили нам, что во время операций ОКХ с командующими группами армий постоянно консультировались и что сам Гитлер часто обращался за советом к командующим. Показания генерала Рейнгардта говорят о том же. Документы того времени ясно показывают участие командующих действующими армиями в планировании польской кампании.

Командующие группами армий и армиями на оккупированной территории обладали исполнительной властью в тех районах, которые находились под их командованием. В этих районах они осуществляли верховную власть и имели право решать вопросы жизни или смерти их жителей. Они также были ответственны за решение таких вопросов, как, например, следует ли распространять приказы о коммандос и комиссарах, и если да, то в каких границах и с какими сопроводительными инструкциями...

Таким образом, эти генералы представляли собой агрегацию лиц, руководивших германскими вооруженными силами, их коллективная цель заключалась в подготовке германских вооруженных сил к военным операциям и руководству ими в военных операциях. Время от времени, когда все члены группы собирались вместе, возникала конгрегация. Цели и дух Лондонского соглашения неоспоримо ставят такое объединение людей в сферу применения статьи 9. Соглашение предусматривает, что настоящий Трибунал должен рассматривать такие преступления, как планирование и ведение агрессивных войн и нарушение законов и обычаев войны. Германским военным руководителям вменяется, в частности, разработка планов развязывания агрессивных и незаконных войн и руководство вооруженными силами в ходе развязывания и ведения таких войн. Им вменяется распространение в вермахте приказов, согласно которым сле-

довало убивать определенные категории пленных, а также способствование, содействие и участие в убийстве гражданского населения и жестоком обращении с ним; все это являлось нарушением законов и обычаев ведения войны.

Мы утверждаем, что аргумент защиты о том, что военные руководители не представляют собой группу и, следовательно, не подпадают под действие статьи 9 Устава, является совершенно необоснованным и явно противоречит целям Лондонского соглашения. При разумной интерпретации этого соглашения невозможно исключить из сферы действия статьи 9 руководителей одной из двух основных опор «третьего рейха».

Как представляется, защита утверждает, что членство в данной группе не было добровольным. Я говорю «как представляется», потому что одновременно нам говорят, что генералы не могли уйти со своих постов, и тут же сообщают, что многие из них вышли в отставку из-за разногласий с Гитлером.

Все, я думаю, объясняется просто. Мы здесь не занимаемся обычными людьми, призывавшимися на военную службу и составлявшими основную часть вермахта. Мы здесь занимаемся исключительно профессиональными солдатами, самыми ревностными, амбициозными и способными германскими офицерами. Большинство из них избрали для себя военную карьеру потому, что это было у них в крови. Они были рабски преданы своей профессии, и если достигали статуса командующего, то гордились, что им доверена армия. Никто в Германии не становился командующим, если не хотел этого. Действительно, во время войны профессиональный солдат не может отказаться от своего офицерского звания или уйти со своего поста по своей воле. Но это не превращает профессионального солдата в мобилизованного и не делает его статус недобровольным. Никто не становится профессиональным солдатом, не зная заранее, какие обязательства будут связывать его во время войны. Фанатики-нацисты, которые добровольно на раннем этапе вступали в войска СС, или добровольно поступали в другие полувоенные подразделения партии, не могли в последующем по своей воле уйти, но никто ведь и не настаивает, что их мобилизовывали либо что они вступали в организацию недобровольно. Члены группы «генеральный штаб и верховное командование» были ревностными вояками, которые конкурировали с другими себе подобными за ответственность и честь стать командующими. Они поднимались по лестнице в вермахте подобно тому, как честолюбивые члены партии могли дорасти до крейслейтера или гаулейтера.

На деле командующему было легче выйти в отставку, чем кому бы то ни было другому в вермахте. Младший офицер, который протестовал против того, что происходило вокруг, мог не продвинуться по службе либо получал менее приятное назначение, его могли предать военно-полевому суду и навлечь на него позор. Ему не предоставлялась альтернатива выхода в отставку, и он, как правило, был

слишком молод, чтобы убедительно сослаться на болезнь. Командующие оказывались в гораздо более выгодном положении. Ни одному военному министерству не нужен командующий армией, который постоянно и принципиально не согласен с направляемыми ему инструкциями. Такого командующего следует устранить. Однако нередко у него достаточная выслуга лет, он обладает престижем и уважаем за свои таланты, поэтому, если его понизить в звании или навлечь на него позор, это вызовет неловкость; для всех заинтересованных лиц наилучшим решением вопроса является увольнение его в отставку либо удовлетворение просьбы об отставке.

Именно это произошло с некоторыми из командующих. В протоколах много показаний, исходящих от командующих либо повествующих о командующих, которые открыто не соглашались с Гитлером по тактическим вопросам; результатом таких разногласий было увольнение в отставку либо разрешение выйти в отставку. Замечу, кстати, что в протоколах наблюдается заметное отсутствие показаний о том, что какой-то командующий открыто не соглашался с Гитлером, открыто выступил бы против издания приказов в нарушение законов ведения войны и из-за таких приказов настоял бы на своей отставке. Во всяком случае совершенно ясно, что командующий, желавший выйти в отставку, мог изыскать способ добиться этого — либо сославшись на болезнь, либо идя путем честного открытого поведения. Если у командующего была воля, находился выход из ситуации. При этом следует отметить, что все трое фельдмаршалов, дававших показания перед Трибуналом, либо нашли такой выход, либо оказались в ситуации такого выхода; протоколы свидетельствуют о том, что многие другие столь же успешно нашли свой выход и лишь немногие из них в последующем понесли из-за этого серьезный ущерб.

Теперь я перехожу к преступной деятельности этой группы.

Обвинение утверждает, что доказательства, имеющиеся у настоящего Трибунала, окончательно устанавливают участие группы генерального штаба и верховного командования в осуществлении преступных целей заговора и в совершении преступлений, предусмотренных во всех частях статьи 6 Устава и во всех разделах Обвинительного заключения. Мы также утверждаем, что преступные цели, методы и деятельность этой группы носили такой характер, что членам ее может справедливо инкриминироваться то, что они знали об этих целях, методах и деятельности и что в большинстве случаев они имели фактические сведения о них.

Я буду прежде всего говорить о довоеннном периоде или, точнее, о периоде, закончившемся весной 1939 года, когда производилось детальное планирование нападения на Польшу. Следует указать, что в этот ранний период группа, получившая свое определение в Обвинительном заключении, не превышала восьми членов и что четверо из них в настоящее время являются подсудимыми на данном процессе.

Я не хочу тратить время на то, чтобы вновь обозревать неоднократно освещавшиеся события. Мы знаем о том, что в течение этих лет военные руководители создали вооруженные силы и превратили их в грозную военную машину, которая терроризировала соседние страны и впоследствии успешно захватила бóльшую часть их. Отсутствуют какие-либо доказательства, могущие опровергнуть обвинение в том, что члены группы генерального штаба и верховного командования руководили строительством этой машины и приведением ее в боевую готовность. Некоторые свидетели дали показания о том, что перевооружение было проведено исключительно в оборонительных целях, но вновь созданная мощь вооруженных сил была непосредственно использована в качестве поддержки агрессивной внешней политики Гитлера. Вооруженные силы покорили Австрию и Чехословакию, хотя в данном случае и не было войны.

События, имевшие место с 1939 года по 1942 год, и ужасающая наступательная мощь вооруженных сил являются дальнейшим и вполне достаточным подтверждением того, что Германии нечего было бояться нападения с какой бы то ни было стороны: в данном случае я даже не ссылаюсь на письменное официальное заявление Бломберга, составленное в июне 1937 года.

Свидетели защиты придавали очень большое значение тому факту, что генералы не могли предвидеть или предвидели в весьма незначительной степени захват Австрии. Многие из этих свидетелей в то время еще не являлись членами данной группы; тем не менее я считаю, что подобное заявление не может иметь значения, так как Германия на назначала заранее время проведения аншлюсса, но осуществление его было ускорено неожиданным приказом Шушнига о проведении плебисцита. Именно поэтому, как заявил в своих показаниях Манштейн, планы вторжения в Австрию должны были быть составлены наскоро. Но эти планы были составлены Манштейном под руководством Бека, начальника генерального штаба сухопутных войск и члена этой группы, и другие члены этой группы были непосредственно замешаны в осуществлении аншлюсса так же, как и другие генералы, которые стали членами этой группы позднее.

Что касается участия генералов в мюнхенском кризисе и оккупации Судетской области, защита в основном придерживается, по-видимому, той точки зрения, что Браухич, Бек и другие генералы в то время возражали против войны, считая, что она связана с риском. Из материалов Суда с бесспорной ясностью следует, что точка зрения генералов в данном случае не основывалась на какой-либо оппозиции по отношению к внешней политике, которая поддерживалась военными угрозами, или на каком-либо разногласии в связи с намерением сломить Чехословакию.

Они скорее считали, что вооруженные силы пока еще (в 1938 году) были недостаточно сильны для того, чтобы принять на себя войну с великими державами. Подсудимый Иодль весьма ясно выразил это в своем дневнике, указав на различие между «интуицией фюрера, согласно которой мы

должны сделать это именно в этом году, и точкой зрения армии, заключающейся в том, что мы еще не можем этого сделать, так как без сомнения вмешаются западные державы, а мы пока уступаем им по силе».

Дальнейшее утверждение защиты о том, что не проводилось никакой военной подготовки для оккупации Чехословакии и что главнокомандующий сухопутными войсками не отдавал в связи с этим никаких распоряжений, совершенно неправдоподобно, так как в противовес этому утверждению представлены составленные в то время документы, подлинность которых совершенно неоспорима; в течение долгого времени они представлялись Трибуналу в качестве доказательств, и защита не могла и не пыталась опровергнуть их. Военные директивы и меморандумы, связанные с планированием и содержащиеся в материалах так называемого «плана Грюн», опровергают любые подобные утверждения и полностью раскрывают ту колоссальную подготовку, которая проводилась вооруженными силами под руководством Кейтеля, Иодля, Браухича, Гальдера и других. В дневнике Иодля имеются дополнительные подробности по таким вопросам, как координация воздушных и наземных наступательных операций, определение времени для назначения дня «D». Это день сотрудничества с венгерской армией и приказ о начале боевых действий. Этот дневник также отражает то участие, которое принимали в этой подготовке другие члены этой группы, а также другие генералы, которые стали членами этой группы впоследствии. Военная подготовка к захвату оставшейся части Чехословакии также в достаточной мере освещена документами, представленными в качестве доказательств настоящему Трибуналу.

Следует указать еще на один вопрос, связанный с довоенным периодом. Военные руководители не только принимали участие в составлении планов, они были восхищены достигнутыми результатами. Они боялись вступления в войну до того, как они могли считать себя должным образом подготовленными, но они хотели иметь большую армию, а также те стратегические и военные преимущества, которые Германия извлекала из успехов Гитлера в Австрии и Чехословакии.

Именно поэтому по существу партийные руководители и военные руководители работали совместно, именно поэтому генералы поддерживали Гитлера, именно поэтому «третий рейх», опираясь на партию и вооруженные силы, смог достичь того, чего он достиг. Генералы, занимавшие руководящие посты в германской армии, весьма многословно рассказывали об этом Трибуналу. Бломберг заявил нам, что до 1938—1939 гг. немецкие генералы не находились в оппозиции к Гитлеру. Бласковиц сказал, что все армейские офицеры приветствовали перевооружение и поэтому не имели причин противостоять Гитлеру. Оба этих свидетеля заявили нам о том, что Гитлер добился именно тех результатов, которых желали все генералы.

Показания Бломберга и Бласковица ни в коей мере не ослабляют показания различных свидетелей защиты, говоривших о том, что многим армейским офицерам не нравилась внутренняя политика Гитлера, что они не доверяли некоторым из нацистских политиков. Предполагать, что все участники преступления должны нравиться друг другу и доверять друг другу, — значит ожидать слишком многого. Тот факт, что, невзирая на такие разногласия, «третий рейх» столь близко подошел к тому, чтобы навязать миру свое господство и свои преступные теории, лишь подчеркивает наличие глубокого согласия между партией и военными руководителями по поводу наиважнейших задач — национального единства и военной мощи — с целью добиться территориального расширения. Сомневаться в этом нельзя, за подтверждением нам следует лишь обратиться к показаниям одного из свидетелей, вызванных защитой (генерал-полковник Рейнгарт, до войны возглавлял отдел по боевой подготовке сухопутных войск, в последующем командовал танковой армией и группой армий на Восточном фронте). Когда его спросили, как относился к Гитлеру офицерский корпус, он ответил: «Я не верю, что был хотя бы один офицер, который не поддерживал бы Гитлера в тех чрезвычайных успехах, которых тот достиг. Гитлер вывел Германию из крайне бедственного положения, в котором она находилась, — как в политическом отношении и в части внешней политики, так и экономически».

Итак, обратимся сейчас к самой войне. Группа военных руководителей, получившая свою характеристику в Обвинительном заключении, сильно разрослась; мы теперь имеем дело не только с генералами, находившимися в Берлине, но и с теми военными заправилами, которые командовали вооруженными силами на фронтах; имена их гораздо более знакомы народам территорий, захваченных немцами, народам, на которых они наводили страх. Это такие имена, как Бласковиц, фон Бок, фон Клюге, Кессельринг, фон Рейхенау, Рундштедт, Шперле и фон Вейхс.

Что сами генералы говорят в защиту нападения на Польшу? Некоторые из их показаний, например Манштейна, заключавшиеся в том, что поляки могли «по неосторожности» напасть на Германию, просто смехотворны. Лучшее, что они могут сказать в этой связи, это то, что они надеялись на сдачу Польши без сопротивления.

Однако, если бы это объяснение было использовано в качестве защиты, доверять ему было бы весьма рискованно. Гитлер сам разъяснил военным руководителям, что перед ними стоит не вопрос о Данциге и Польском коридоре, а вопросы жизненного пространства и увеличения снабжения Германии продуктами питания. Генералы вряд ли могли надеяться на то, что поляки сдадутся совершенно без всякого сопротивления, и Гитлер сказал, что будет война, а не повторение чехословацких событий. Во всяком случае защитительным доводом не может являться то, что генералы надеялись на «блюменкриг» (триумфальное шествие). Свидетели защиты признали, что Германия должна была заставить

Польшу принять ее требования при помощи военных угроз и использования вооруженных сил. Не существует доказательств того, что генералы противились этой политике явного разбоя.

В действительности совершенно очевидно то, что они искренне поддерживали эту политику, так как рассматривали вопрос о Польском коридоре как «осквернение», а получение обратно от Польши бывшей германской территории как «дело чести». Никогда не рассматривался в качестве защитительного довода тот факт, что грабитель, пораженный тем, что его жертва сопротивляется, был вынужден прибегнуть к убийству для того, чтобы получить ее деньги.

Нет разногласий по вопросу о сознательном участии членов генерального штаба и группы верховного командования в планировании и в осуществлении самого нападения. Браухич рассказывал о том, как планы разрабатывались, а затем были переданы командующим действующими армиями с тем, чтобы они внесли свои предложения.

Нам известно, как из собственных показаний Бласковица, так и из документов, относящихся к тому времени, что Бласковиц, один из командующих действующими армиями, получил планы июньского нападения и затем усовершенствовал их путем консультации и с группой армии, и с ОКХ. Начальник штаба Рундштедта получил эти планы, и не может быть сомнения в том, что все другие командующие также их получили. За неделю до нападения все члены этой группы собрались в Оберзальцберге для получения окончательных инструкций.

По мере того как война распространялась на другие страны и в конце концов на весь европейский континент, германские вооруженные силы росли, было создано большое количество новых групп армий, воздушных флотов, соединений морского флота, и количество членов группы соответственно увеличилось. Все три составные части вооруженных сил участвовали во вторжении в Норвегию и в Данию, которое явилось блестящей демонстрацией «совместных операций», предполагавших самое тесное совместное планирование и координацию действий трех видов вооруженных сил. Документы, находящиеся перед Трибуналом, показывают, что идея проведения этой операции зародилась в мозгу германских адмиралов; предложения исходили от Редера и других членов этой группы, представляющих военно-морской флот, и после того, как была получена санкция Гитлера, планы были разработаны в ОКВ. В планировании и осуществлении планов участвовали многие члены группы. Свидетельские показания нескольких командующих армиями о том, что им не было заранее известно о нападении, не вызывают удивления ввиду того, что ОКХ и командующие армиями были полностью поглощены в то время планированием нападения гораздо бóльших масштабов — нападения на Нидерланды и Францию. В Норвегии и Дании были использованы лишь немногие германские дивизии, и, так как это была «совместная операция», планы разрабатывались в ОКВ, а не в ОКХ.

Защита доктором Латернзером нападения на Норвегию на том основании, что это было мерой, принятой для того, чтобы предупредить вторжение Англии в Норвегию, могла бы быть в какой-то степени правдоподобной, если бы было какое-либо доказательство того, что вступление в Норвегию было совершено без подготовки ввиду чрезвычайных обстоятельств. Но это абсолютно невероятно благодаря наличию документов, показывающих, что вопрос о нападении на Норвегию был предметом обсуждения с октября 1939 года, что фактическое планирование его началось в декабре, что 14 марта Гитлер все еще сомневался, отдать ли ему приказ о наступлении, так как он «все еще искал какого-то обоснования», и что в течение нескольких недель перед наступлением на Норвегию в генеральном штабе велись дискуссии о том, не лучше ли было бы начать общее наступление на Западе против Франции и Нидерландов до начала кампании против Норвегии.

Что касается главного нападения на Западе, то из показаний свидетелей защиты явствует, что Гитлер намеревался осуществить это нападение осенью 1939 года и что Браухич и другие генералы убеждали его в том, что нападение должно быть отложено до весны 1940 года. Эта отсрочка фактически показывает, что генералы оказывали большое влияние на Гитлера, но едва ли оправдывает нападение в более поздний период. Когда наступила весна 1940 года, согласно заявлению Манштейна, «...с точки зрения солдата наступление на Западе стало совершенно неизбежным». Нет никаких доказательств того, чтобы хотя бы один германский командующий протестовал против вопиющего и грубого нарушения нейтралитета Нидерландов.

Объяснения, которые дает защита по поводу преступлений против мира, надуманны и неправдоподобны и находятся в противоречии как с документами, имеющимися в распоряжении Трибунала, так и с событиями, имевшими место в рассматриваемые нами годы. Также неверно и то, что военные руководители являлись лишь марионетками, не оказывавшими влияния на Гитлера или на ход событий. Конечно, разногласия имелись не только между Гитлером и германскими вооруженными силами, но и внутри самих германских вооруженных сил. Если временами торжествовало мнение Гитлера, то в другое время брало верх мнение вооруженных сил, касалось ли это вопроса об отсрочке нападения на Западе или о начале нападения на Данию и Норвегию.

Невзирая на попытки представить дело противоположным образом, нужно сказать, что Гитлер был не так глуп, чтобы действовать, не пользуясь советами военных. Следует лишь обратиться к директиве Гитлера от 12 ноября 1940 года, адресованной военным руководителям; директива была направлена после успешного завершения наступления на Западе, в директиве Гитлер весьма приблизительно рассматривает свои будущие планы в отношении Франции, возможное нападение на Испанию, рассуждает о том, следует ли оккупировать Мадейру и Азорские острова, какую по-

мощь следовало бы оказать итальянцам в Северной Африке, как поступить в отношении Греции и Балкан, какое будущее может ожидать Советский Союз, следует ли вторгаться в Англию весной 1941 года. В заключение Гитлер пишет:

«Я буду ожидать, что командующие выскажут свои мнения по поводу мер, предварительно намечаемых в данной директиве. После этого я отдам приказы по поводу метода исполнения и синхронизации конкретных операций» (ПС-444).

Нет, руководители вооруженных сил не являлись марионетками. Если генералы были в очень большой степени обязаны Гитлеру и нацистам за предоставленную им возможность вновь создать германские вооруженные силы, то совершенно справедлив тот факт, что Гитлер полностью зависел от своих генералов в осуществлении своих планов. Браухич подчеркнул, что «выполнение приказов, отданных армиям и группам армий, требовало такого глубокого знания военных вопросов и таких способностей и психологического чутья, что существовало лишь очень небольшое число людей, которые действительно могли провести в жизнь эти приказы». В этой связи очень важно отметить, что, несмотря на весьма реальные и естественные трения между корифеями военного искусства и бывшим капралом, Гитлер никогда до июля 1944 года не выбирал своих командующих вне армейских кадров. Даже в течение последних безнадежных месяцев только четыре человека не из армейских кадров — сам Гиммлер и трое других из войск СС — добились этого завидного отличия.

Германские вооруженные силы, которые обрушились на континент Европы, находились под руководством людей, действовавших отнюдь не против собственного желания. Эти агрессивные войны были развязаны и велись людьми, которые преклонялись перед военной мощью и желали расширить гегемонию Германии. Вот почему, в сущности, нацисты и руководители вооруженных сил обеспечили единство «третьего рейха». Я обращаю внимание Трибунала на меморандум адмирала Фрике от июня 1940 года:

«Слишком хорошо известно, чтобы еще раз об этом упоминать, то, что настоящее положение Германии в узкой части Гельголандской бухты и в Балтийском море, окруженном целым рядом государств, проводящих там свое влияние, является совершенно недопустимым с точки зрения будущего великой Германии.

Могущество великой Германии в стратегических районах, приобретенных за эту войну, должно выразиться в том, что население этих районов будет чувствовать себя в политическом, экономическом и военном отношениях в полной зависимости от Германии. Если будут достигнуты такие результаты, будет предпринята экспансия (в масштабах, которые я опишу позднее) при помощи принятия ряда военных мер по оккупации в течение войны; основы сопротивления Франции (народное единство, минеральные ресурсы, промышленность и вооруженные силы) будут сломлены до такой степени, что ее возрождение будет совершенно исключено; малые государства, такие, как Нидерланды,

Дания и Норвегия, будут вынуждены зависеть от нас таким образом, что мы при любых обстоятельствах и в любое время сможем вновь оккупировать эти страны, — тогда практически мы достигнем тех же, а психологически даже гораздо бо́льших результатов.

Поэтому... решение, по-видимому, заключается в том, чтобы разгромить Францию, оккупировать Бельгию, часть северной и восточной Франции и дать возможность Нидерландам, Дании и Норвегии существовать на указанной выше основе» (С-41).

Несмотря на документы такого характера, мы тем не менее слышали, что генералы неоднократно повторяли, что им никогда не сообщали о том, что происходило, и что о событиях они впервые узнали по радио. Они снова и снова утверждали, что некоторые вещи им стали известны только после того, как они были помещены в нюрнбергскую тюрьму. Военные деятели, как и многие другие на этом процессе, не колеблясь, возлагали ответственность за действия, которые они не могли отрицать, на плечи одного или двух людей, которых они пытались изобразить как людей, занимавших особое место и не являвшихся типичными представителями всей группы. Всех этих людей, служащих козлами отпущения, связывает одно общее — все они уже умерли. Мертвый Рейхенау разделяет вину с другими мертвецами, которые больше не могут говорить, — Гитлером, Гиммлером, доктором Рашером и другими. Такие аргументы защиты являются нечестными и совершенно неправдоподобными. Мир никогда не поверит им.

Военные руководители связаны с тем, что происходило в довоенные годы в Германии и соседних с нею странах, более тесно, чем любая другая группа людей...

Теперь военные руководители заявляют нам, что об этих вещах они не знали, не интересовались ими и не должны были знать. Если то, что они говорят, правда, то они — абсолютно уникальные люди, так как почти весь мир что-то слышал об этих вещах. Одним из самых примечательных обстоятельств, связанных с настоящим процессом, является то, что собранные здесь документы и материалы, понадобившиеся для работы над документами, отнюдь не привели к серии потрясающих разоблачений, а послужили лишь подтверждением того, о чем много лет тому назад уже знали или подозревали во всем мире. Я не думаю, что кто-либо когда-либо подпишется под позицией, которую военные руководители, вынуждаемые обстоятельствами, выдвигали здесь с целью попытаться очистить себя от пятна, которое слишком темно, чтобы его удалось стереть.

Преступления против мира, в которых принимали участие генеральный штаб и верховное командование, вели неизбежно к военным преступлениям, которые затем и последовали. Без участия этой группы в преступлениях против мира не было бы и никаких военных преступлений. Не переход от одной темы к другой, но неизбежная причинная связь приводит нас сейчас к рассмотрению методов, которыми вооруженные силы вели развязанные ими войны.

Мы, конечно, не утверждаем, что руки каждого немецкого солдата были обагрены невинной кровью или что правила ведения войны и законы порядочности игнорировались каждым немецким командующим. Но мы утверждаем, что характер и степень зверств, совершенных в результате приказов руководителей вооруженных сил и, таким образом, совершенных ими во многих странах Европы, вскрывают и доказывают преднамеренное безразличие военных руководителей к совершению преступлений.

Неоспорим тот факт, что верховное командование вооруженных сил, следуя инструкциям Гитлера, являющегося верховным главнокомандующим, издавало различные приказы, которые находились в вопиющем противоречии с правилами ведения войны. В их число входили приказы о расстреле коммандос и политических комиссаров, приказы об «умиротворении» оккупированных территорий Советского Союза путем распространения террора и другие приказы. Защита не оспаривает факт издания этих приказов, не оспаривает и не может оспаривать их преступный характер. Нам заявляют, что германские командующие являлись честными солдатами, что они не одобряли эти приказы, что они молчаливо согласились не выполнять их и что эти приказы не выполнялись.

Давайте проверим эти заявления защиты фактами, связанными с приказом о коммандос. Подлинник приказа и все другие имеющие к этому отношение документы находятся среди доказательств Трибунала. В октябре 1942 года Гитлер приказал, чтобы подразделения коммандос противника уничтожались до последнего человека; даже если они будут сдаваться в плен, их тем не менее должны немедленно расстреливать, за исключением тех случаев, когда необходим допрос, и тогда они должны быть расстреляны после него. Этот приказ не являлся бесцельным преступным актом; совместные операции подразделений коммандос причиняли серьезный вред германским военным усилиям, и Гитлер считал, что этот приказ будет действовать в качестве устрашающей меры.

Приказ был издан ОКВ и разослан всем трем видам вооруженных сил: армии, военно-морскому флоту и военно-воздушным силам. Есть веские доказательства того, что этот приказ был широко распространен и хорошо известен в вооруженных силах. Рундштедт, командующий войсками на Западе, докладывал 23 июня 1944 г., что «обращение с подразделениями коммандос противника до настоящего времени осуществляется в соответствии с приказом Гитлера». Через два года при других обстоятельствах Рундштедт в своих показаниях заявил, что он «избегал выполнения» и «саботировал» этот приказ и что он не выполнялся. Но мы знаем из документов, что этот приказ выполнялся. В соответствии с этим приказом британские и норвежские коммандос были казнены в Норвегии в 1942 и 1943 гг.; американские коммандос были расстреляны в Италии в 1944 году; солдаты союзных войск были расстреляны в Словакии в 1945 году. Судя по общему положению вещей, приказ дол-

жен был выполняться и в других случаях, от которых, к несчастью, сейчас не осталось никакого следа.

В свете этих документов что же остается от защитительных доводов? Если изложить это наиболее выгодным для защиты образом, остается довод, что только лишь потому, что некоторые военные руководители не одобряли этот приказ, он проводился не так часто, как это могло быть в другом случае; такая защита хуже самой плохой защиты — она просто позорна.

Мы не должны забывать, что убийство беззащитного военнопленного является не только нарушением правил ведения войны.

Это умышленное убийство. Убийство в сути своей остается таковым, невзирая на то, имеется ли лишь одна жертва, или 55 (количество убитых коммандос, доказанное документами), или 90 тысяч жертв Олендорфа. В этом деле преступление громоздится на преступлении до такой степени, что мы рискуем потерять чувство пропорции. Мы так много слышали о массовом уничтожении, что мы даже можем забыть о том, что просто убийство само по себе является преступлением, караемым смертной казнью.

Законы всех цивилизованных наций требуют, чтобы человек не переступал определенных пределов для того, чтобы избежать какой бы то ни было связи с убийством, в качестве ли соучастника, или пособника, или заговорщика. И эти требования могут быть весьма разумно применены к германским военным руководителям.

Выступая здесь перед Трибуналом, они много толковали о своих традициях чести, порядочности, мужества и рыцарства.

В соответствии с германским военным законом подчиненный подлежит наказанию за выполнение приказа высшего начальника, если подчиненный знает, что этот приказ требует совершения воинского преступления или общеуголовного преступления. Приказ о коммандос требовал совершения убийства, и каждый германский офицер, который держал в руках этот приказ, это прекрасно знал.

Когда Гитлер дал указание об издании этого приказа, руководители вооруженных сил знали, что этот приказ требовал совершения убийства. Ответственность за решение этого вопроса лежала исключительно на группе, которая указана в Обвинительном заключении. Начальники ОКВ, ОКХ, ОКЛ и ОКМ должны были решить, отказаться ли от издания преступного приказа или же передать его командующим действующими частями. Командующие сухопутными войсками, военно-морскими и военно-воздушными силами на фронтах должны были решить, выполнять ли этот приказ или отказаться от его выполнения и передавать ли его своим подчиненным.

Можно себе представить, что было бы большое число совещаний и телефонных переговоров между различными членами этой группы, в течение которых обсуждался этот вопрос. Нет никаких доказательств того, что хоть один член этой группы открыто протестовал против этого приказа или

объявил о своем отказе выполнять его. Главным результатом было то, что этот приказ был распространен в большей части вооруженных сил. Это поставило подчиненных командиров в такое же положение, как и их начальников. Нам говорят, что некоторые генералы молча согласились между собой не выполнять этот приказ. Если это так, то это было жалким и бессмысленным компромиссом. Распространяя этот приказ при «секретном» или «молчаливом» взаимопонимании, командующие лишь распространили ответственность и лишили себя возможности какого-либо эффективного контроля над создавшимся положением. Молчаливое соглашение о невыполнении не могло быть столь широко распространено. Неизбежный результат — результат, доказанный документами, заключался в том, что этот приказ был проведен в жизнь и невинные люди были убиты.

Генерал Достлер именно из-за того, что он являлся ответственным за выполнение приказа о коммандос, был привлечен к суду, осужден и расстрелян. За такое же преступление генерал Фалькенхорст сейчас ожидает исполнения смертного приговора. Но ответственность за эти убийства Фалькенхорст и Достлер разделяют с каждым немецким командующим, находившимся в тылу или на поле боя, который допустил превращение этого приказа в официальный закон вооруженных сил и принимал участие в его распространении. Я считаю, что в соответствии только с этим обвинением доказано, что группа генерального штаба и группа верховного командования принимали непосредственное активное и сознательное участие в совершении военных преступлений.

На Восточном фронте бессердечное равнодушие германских военачальников к нарушениям законов ведения войны и к страданиям и смерти масс людей привело к результатам, в такой же степени преступным и, поскольку эти все действия совершались в гораздо больших масштабах, значительно более ужасным. Зверства, совершенные вооруженными силами и другими организациями «третьего рейха» на Востоке, были такими потрясающе чудовищными, что человеческий разум с трудом может их постичь. Почему все эти вещи случились? Я думаю, анализ покажет, что это не были просто сумасшествие и жажда крови. Наоборот, налицо имелись метод и цель. Эти зверства имели место в результате тщательно рассчитанных приказов и директив, изданных до или во время нападения на Советский Союз и представляющих собой последовательную логическую систему.

Нет необходимости здесь рассматривать причины, по которым Гитлер осенью 1940 года начал серьезно заниматься вопросом нападения на Советский Союз. Мы вполне определенно знаем, что начиная с сентября 1939 года он постоянно обсуждал эту возможность с военными руководителями, которые имели достаточно удобных случаев для того, чтобы высказать ему свою точку зрения.

Мы знаем, что существовала разница во мнениях среди генералов и адмиралов. Однако ни один из них не испыты-

вал колебаний морального характера, некоторые не считали нападение необходимым, а другие сомневались в том, что можно достичь быстрой победы. Большинство все же согласилось с Гитлером в том, что нападение должно иметь место. Нет никаких указаний на то, что, когда Гитлер, посоветовавшись с военным руководством и заручившись поддержкой части его, решил совершить нападение, руководящие генералы продолжали выступать против такого решения; они начали войну с предельной решимостью довести ее до победного конца.

Каковы бы ни были причины, которые толкнули к нападению, существовал один фактор, который, после того как было принято это решение, стал жизненно важной целью. Этим фактором являлся захват больших территорий Советского Союза и эксплуатация этих территорий с извлечением материальной выгоды для Германии. Для того чтобы достичь этого, было желательно «умиротворить» и подавить всякую оппозицию на оккупированной территории как можно быстрее и с минимальными затратами людей и материальной части, уничтожить советскую политическую систему и учредить новую, поддерживаемую Германией областную политическую администрацию, пересмотреть и расширить производственные ресурсы этих областей и организовать их так, чтобы они могли быть использованы «третьим рейхом».

У Гитлера были весьма определенные идеи о том, как эта программа должна была быть проведена в жизнь, и эти идеи были частично воплощены в серию директив и приказов, с которыми Трибунал уже ознакомился. Некоторые из этих приказов должны были быть выполнены непосредственно вооруженными силами, а некоторые — другими организациями империи, но во взаимодействии и при поддержке вооруженных сил.

Для быстрого «умиротворения» оккупированных территорий при наименьших затратах, после того как Гитлер проконсультировался с Браухичем, ОКВ издало приказ от 22 июля 1941 г., согласно которому все командующие должны были обеспечить безопасность не путем наказания виновных в результате судебных разбирательств, а путем распространения «такого террора, который мог только одним своим существованием подавить всякую волю к сопротивлению среди населения». С той же целью ОКВ издало приказ от 13 мая 1941 г., который прекратил использование военных судов для наказания преступлений, совершенных гражданским населением страны противника, и давал указание о том, чтобы войска сами добивались умиротворения путем «беспощадных действий», «самыми крайними методами» и «коллективными деспотическими мерами» против местного населения. В поддержку этой отвратительной политики далее был издан приказ о том, что германские войска, совершившие преступления против советского гражданского населения, не должны были наказываться, за исключением тех случаев, когда наказание было необходимо для поддержания дисциплины и безопасности или для предотвращения

потери в продуктах питания или в материальной части. Каждый офицер на Восточном фронте должен был быть точно и конкретно проинструктирован о том, как поступать в соответствии с этими принципами. Сам язык этого приказа был рассчитан на то, чтобы побудить как офицеров, так и рядовых к тому, чтобы они вели себя наиболее презренным образом...

В этих двух приказах мы видим основную составляющую рассматриваемой нами отвратительной ситуации. Вникая в эти приказы более детально, следует сказать, что Гитлер ожидал наиболее яростного сопротивления насаждавшейся им в России новой политике и новому режиму со стороны чиновников и агентов советского правительства и со стороны всех евреев. Эти элементы по решению Гитлера подлежали полному уничтожению, так как иначе они оставались бы постоянным источником сопротивления на оккупированных территориях.

Воплощая в жизнь политику массовых убийств, ОКВ издало приказ об убийстве всех политических комиссаров, которые могли быть захвачены. Этот приказ, так же как и приказ о коммандос, предусматривал убийство беззащитных военнопленных. В этом случае военные руководители вели себя точно таким же образом. Ни один из командующих не протестовал открыто и не объявил о своем отказе выполнять приказ. Некоторые командующие, возможно, отказались распространить этот приказ по своим войскам, но он был распространен на всем Восточном фронте и стал там хорошо известен. Так же, как и в случае с приказом о коммандос, нам говорят, что по молчаливому соглашению между командующими он не выполнялся. Доказательством в подтверждение этого является то, что отдельные командующие или другие офицеры никогда лично не знали о случаях, когда захваченные комиссары были расстреляны. Мы можем считать некоторые из этих заявлений правдивыми, но невзирая на это ввиду широкого распространения этого приказа и умышленного доведения германского солдата до звероподобного состояния приказами, подобными этим, и такими директивами, которые издавали своим войскам Рейхенау и Манштейн, абсолютно невероятно, чтобы приказ о комиссарах во многих случаях не был проведен в жизнь. Он наверняка проводился в жизнь.

Кампания массового уничтожения комиссаров распространялась на всех коммунистов приказом ОКВ от 16 сентября 1941 г., который предписывал, чтобы все случаи сопротивления вооруженным силам, невзирая на обстоятельства, были приписаны коммунистам, и что смертная казнь 50—100 коммунистов должна в общем считаться соответствующей компенсацией за жизнь одного германского солдата.

Устрашение и эксплуатация русского местного населения и уничтожение нежелательных элементов, очевидно, не могли осуществляться одними только вооруженными силами. В выполнение этой обширной зловещей программы внесли свой вклад многие другие организации «третьего

рейха». Среди этих других организаций наибольшей жестокостью отличались особые оперативные группы Гиммлера, известные как эйнзатцгруппы и эйнзатцкоманды. Назначением этих частей было оказывать помощь в «умиротворении» и готовить почву для нового политического режима путем искоренения оппозиции и в особенности путем убийства коммунистов и евреев. Как из документов, так и из признания, сделанного руководителем одной из этих частей, мы знаем, с какой ужасной неуклонностью выполнялась эта миссия.

Конкретные задания этим эйнзатцгруппам давал Гиммлер, но эти части не могли быть предоставлены самим себе в районах боевых действий или в тылу на захваченной территории без администрации, снабжения, средств сообщения и достаточного контроля со стороны военного руководства, для того чтобы можно было быть уверенным в том, что выполнение их задач координируется с боевыми операциями или по крайней мере не мешает их проведению. Защита приложила все усилия к тому, чтобы скрыть этот простой факт, но любой солдат и по существу любой человек, поразмыслив над этим, поймет, что это правильно.

Это также совершенно ясно вытекает из документов. Директива ОКВ для особых районов от 13 марта 1941 г. предусматривает, что Гиммлер может посылать эти части в районы боевых действий для выполнения «особых задач по подготовке политической администрации, задач, вытекающих из борьбы, которая должна вестись между двумя противостоящими политическими системами». Однако в приказе особо подчеркивается, что выполнение задач Гиммлера не должно мешать военным действиям и что эти части должны быть подчинены власти командующего армией в районе боевых действий. Армия должна была обеспечить размещение и питание этих частей Гиммлера. Затем там имелось указание о том, что Гиммлер и ОКХ должны договориться между собой о деталях; Браухич подтвердил, что впоследствии эти детали были согласованы на совещании между Гейдрихом и генералом Вагнером из ОКХ, а Шелленберг, который составил проект соглашения, изложил его содержание.

Короче говоря, эти получившие позорную известность банды убийц размещались и снабжались армией и были бы беспомощны без поддержки со стороны армии. Показания некоторых немецких генералов о том, что они не были осведомлены об этих убийствах многих тысяч людей, вызывали бы невольную улыбку, если бы правда не была такой мрачной и отвратительной.

Военный район, даже простирающийся далеко за линией фронта, — это не пустыня, где можно разгуливать как угодно и вас никто не окликнет. Это воистину лабиринт из тыловых штабов, автотранспортных рот, складов боеприпасов, складов снабжения, органов связи, госпиталей, хранилищ бензина, железнодорожной караульной службы, лагерей, где содержатся военнопленные, зенитных батарей, аэродромов, саперных частей, артиллерийско-технических

команд, автопарков — плюс еще тысяча одна часть иного рода, для обеспечения операционной базы и линий связи для армии, находящейся на переднем крае. Четкое функционирование этой колоссальной сложной службы тыла жизненно необходимо для успешных действий боевых частей и подразделений. Любой противник знает об этом и стремится нарушить деятельность таких частей, а также добыть об этой деятельности разведывательные данные, действуя с помощью диверсионных групп, агентов и партизан. Поэтому оккупационные войска охраняют свои объекты, патрулируют дороги и железнодорожные пути, стоят гарнизоном в населенных центрах. Группы, находящиеся в пути, вне зависимости от того, какая на них надета форма, останавливают, опрашивают, требуют предъявить документы, устанавливающие личность. Войска, действующие в тылу, находятся в тесном контакте с гражданским населением, им известно, что происходит среди гражданского населения. Военная полиция и войска контрразведки несут полицейскую службу в районе и докладывают о положении дел в районе в вышестоящий штаб.

Далее, командующему войсками не нравится, когда в его районе бесконтрольно действуют автономные части, подчиняющиеся специальным приказам из Германии. Это особенно относится к ситуации, с которой мы столкнулись в данном случае, когда прибывали части, служащие Гиммлеру, которого немецкие генералы по собственному утверждению считали своим врагом, нацелившимся на то, чтобы узурпировать их полномочия и функции.

Мысль о том, что отряды уничтожения Гиммлера рыскали по России, убивая евреев и коммунистов в огромном количестве тайно и без ведома армии, является совершенно нелепой выдумкой отчаявшихся людей, которым ничего не остается, как лгать.

Давайте посмотрим опять на всю программу в целом. Бóльшая ее часть была изложена простым немецким языком до нападения на Россию — терроризировать население, оставлять безнаказанными акты насилия и жестокости со стороны немецких войск, убивать комиссаров, убивать сотни коммунистов в любом случае, когда для этого представится повод, расчищать путь гиммлеровским частям, размещать их и снабжать продовольствием для того, чтобы они выполняли «задачи, вытекающие из борьбы, которая должна вестись между двумя противостоящими политическими системами». А эта политическая система, за которую сражались командующие, уже осуществляла уничтожение коммунистов и евреев и хвасталась этим в течение ряда лет.

Немецкие генералы были достаточно умны для того, чтобы понимать эту программу. Так или иначе ее разъяснили им. Директива ОКВ, предусматривавшая прекращение функционирования военных судов, заканчивалась указанием военным руководителям о том, что они должны информировать своих консультантов по правовым вопросам об «устной информации, в которой верховное командование разъ-

яснило свои политические намерения главнокомандующим». Подсудимый Розенберг во время вторжения или до него сообщил Кейтелю, Иодлю, Варлимонту, Браухичу, Редеру свое «политическое и историческое толкование "восточной проблемы"». Согласно заявлению Браухича, Гитлер объяснял «идеологическую» природу войны всем главнокомандующим на совещании, происходившем в то время, когда был издан приказ о комиссарах. Письменные показания под присягой генералов Реттигера, Роде и Хойзингера еще более подтверждают очевидный вывод о том, что немецкое военное руководство прекрасно понимало всю программу «умиротворения».

Армия, деморализованная и доведенная до звероподобного состояния преступными приказами и дьявольскими доктринами, всегда будет действовать зверскими методами, оказавшись в обстоятельствах, в отношении которых нет ясно выраженных приказов, например, я не видел письменного приказа о том, что советские военнопленные, которые не могли идти, должны быть расстреляны. Я готов поверить, что некоторые немецкие генералы обходились с военнопленными так хорошо, как они могли, но я также нахожу достаточно убедительной жалобу молодого немецкого лейтенанта на то, что усилия, прилагавшиеся для «умиротворения» и эксплуатации Украины, оказывались тщетными, потому что «военнопленные, которые не могли больше идти, расстреливались прямо посредине деревень и даже в более крупных населенных пунктах, и их тела не убирались, а население оказывалось свидетелем этих фактов, которые оно не понимало и которые подтверждали самые худшие извращения пропаганды противника».

По этим же причинам борьба с партизанами проводилась исключительно жестоко и с огромными потерями среди мирного гражданского населения. Так как дивизии немецкой армии переводились с Восточного фронта за Западный и обратно, эта практика передавалась от одного фронта к другому. Кровавая расправа в Херсоне и Ковно повторилась в резне в Мальмеди и Орадуре...

Германскую армию деморализовали ее руководители. Я напомню Трибуналу, что немецкий военный судья высокого ранга еще в 1939 году установил наличие «смягчающих обстоятельств» по делу эсэсовца, который без каких-либо причин расстрелял 50 евреев в польской синагоге; судья объяснил свое решение следующим образом:

«Будучи эсэсовцем, он особенно чувствителен к виду евреев и к враждебному отношению евреев к немцам, поэтому он действовал бездумно, в пылу юношеского рвения».

Следует припомнить, что обергруппенфюрер СС фон дем Бах-Зелевский, выступая перед этим Трибуналом, заявил:

«Когда в течение лет, десятилетий проповедуются доктрины, что славянская раса является низшей, а евреи вообще не люди, — тогда подобный взрыв неизбежен».

Защита против этих обвинений аналогична объяснениям по поводу приказа о коммандос. Имеется масса письменных показаний, данных под присягой отдельными команду-

ющими и подчинёнными им офицерами, в которых они выражают свое отвращение к данным приказам и заявляют, что они не выполняли их. Опять мы слышим о молчаливом взаимном соглашении, даже перед лицом доказательств об убийствах, которые были следствием этих приказов. Невольно захватывает дыхание при мысли о том, что такой защитительный довод вообще может быть выдвинут и, очевидно, без всякого зазрения совести.

Я снова заявляю, что ответственность лежит всецело на этой группе, которая поименована в Обвинительном заключении. Кейтель, Иодль, Браухич, Геринг и их сообщники, находясь в центре событий, распространяли эти пагубные приказы, преступный характер которых может видеть даже ребенок. Клейст, Клюге, Рундштедт, Рейхенау, Шоберт, Манштейн и другие командующие действующими частями передавали их дальше подчиненным им офицерам. Никакие тайные соглашения не могли предотвратить ужасные результаты, которые должны были неизбежно последовать за этими приказами...

Действительно ли, что просить командующих отказываться распространять эти приказы, — значило бы требовать от них слишком многого? Как солдаты, они обязаны были подчиниться своему главнокомандующему, однако их собственный закон и кодекс говорит о том, что долгом каждого солдата является отказываться исполнять приказы, которые, как ему известно, являются преступными. Это трудно для обычного солдата, который действует под дулом пистолета своего лейтенанта, отдающего ему приказы. Гораздо легче это командующему, предполагается, что он человек зрелый, образованный, привык нести ответственность и дисциплиной приучен к стойкости и непоколебимости, когда ему предстоит испытание. По их собственному закону и в силу традиций, которыми они в своем бесстыдстве все еще похваляются, руководители по долгу своему обязаны были отклонять подобные приказы. Тем, что они этого не сделали, они причинили страдания и навлекли смерть на сотни тысяч людей; тем, что они этого не сделали, они непосредственно вызвали бесчисленные убийства и другие жестокие преступления; именно они в гораздо большей степени, чем солдаты, которых их приказы привели к преступлению, являются истинными преступниками.

Гитлеру нужны были командующие; они ему были крайне необходимы, и без них он был бы беспомощен. Они могли с безопасностью для себя строго придерживаться тех норм, за пределы которых не должен выходить ни один солдат, и даже больше того — ни один человек. В большинстве случаев они нарушали эти нормы не из-за страха перед Гитлером. Они были готовы возражать Гитлеру по другим вопросам, которые они считали более существенными. Они не хотели идти на риск разрыва с Гитлером из-за несущественных, по их мнению, вопросов. Они были заняты «более крупными» делами — захватом Европы, по поводу которого они были полностью согласны с Гитлером.

Некоторые из военных руководителей — мы не можем сказать, сколько их было — были преисполнены желанием идти еще дальше и оказать покровительство нацистской идеологии. Рейхенау и Манштейн бесстыдно предоставляли свои имена и престиж для того, чтобы оказать содействие развитию этих отвратительных доктрин. Мы не можем охватить всех приказов; мы не можем сказать, сколько имеется немецких командующих, которые, подобно Манштейну, заявляли елейным голосом о том, что они якобы не одобряли нацистские доктрины.

Мы могли бы предположить, в порядке прения сторон, что многим германским командующим не нравился характер приказов и доктрин, которые были раскрыты здесь в ходе представления доказательств. Того, кто прикасается к вонючей грязи, не извиняет то, что он при этом зажимает себе нос. По причинам, которые представлялись им достаточными, германские военные руководители помогали формировать такой характер приказов. Именно такое рассчитанное безразличие по отношению к преступлению делает их поведение столь отвратительным.

Отдельные командующие, если таковые имеются, которые могут показать, что их руки чисты, могут сами выступить и оправдать себя. Но я утверждаю, что доказано с убедительностью, не допускающей сомнения, что военные руководители как группа принимали непосредственное, эффективное и сознательное участие в бесчисленных и повсеместных военных преступлениях и преступлениях против человечности.

Согласно статьям 9 и 10 Лондонского соглашения о суде над главными военными преступниками, Кейтель, Редер и другие подсудимые, представители военного руководства, находятся перед Судом не только как отдельные лица, но как представители германского военного руководства. Подсудимые-военные совершали свои преступления как военные руководители и рука об руку с другими. Нахождение военных руководителей на скамье подсудимых особенно важно потому, что они являются представителями германского военного руководства.

Доказательства против этой группы настолько полны и убедительны, что попытки ее представителей защищаться должны представлять собой отчаянные и несостоятельные измышления. Будучи призванным к ответственности за совершение преступлений как группа, знаменитый германский генеральный штаб раскалывается на 130 отдельных кусочков, как детские кубики, брошенные на пол. Нам говорят, что там ничего не было. Когда же их просят высказать свои взгляды в отношении Гитлера, агрессивной войны или по какой-либо другой неприятной теме, эти кусочки вновь собираются вместе и мгновенно, как бы по волшебству, вновь возникает прежний рисунок...

С истинно немецкой дисциплинированностью одни и те же слова исходят из всех уст. Когда рассматривается вопрос об участии вермахта в убийстве евреев, они с негодованием утверждают, что их солдаты не могли делать подоб-

ных вещей. Когда возникает вопрос о применении закона и дисциплины внутри вермахта, к нам поступают аффидевиты, где говорится, что немецкие солдаты, которые убивали евреев, привлекались к военному суду и расстреливались. Когда им вменяется ответственность как к группе, они ссылаются на иммунитет на том основании, что не могли выйти в отставку и посему у них статус недобровольного членства. Стремясь доказать, что они не одобряли политику Гитлера, они хвастаются тем, что многие из их числа, выражавшие свое несогласие, получили разрешение выйти в отставку либо им предложили выйти в отставку. Особенно бесстыдной является та непоследовательность, с которой они ссылаются на солдатскую клятву подчиняться приказу. Когда их обвиняют в развязывании агрессивных войн против соседних стран, они ссылаются на эту клятву в свою защиту. Когда их обвиняют в преступлениях, совершенных во время войны, они ставят себе в заслугу то, что отказывались подчиняться преступным приказам. Таким образом, дело представляется так, что солдат, который в мирное время был связан клятвой беспрекословно подчиняться главе государства — клятвопреступнику, поскольку, невзирая на последствия такого подчинения, тем не менее, когда его страна вела войну и подчинение приказу предположительно было гораздо более необходимым, он мог баловаться тайным неподчинением и таким образом переносить вину и ответственность за убийство коммандос и комиссаров на плечи других людей.

Давайте посмотрим еще раз на этих военных руководителей, действия которых мы только что рассмотрели. Они являются единым целым более чем в одном определенном отношении. Они являются более чем группой; они являются классом, почти кастой. Они являются воплощением определенного рода мыслей, определенного образа действий. У них имеются особые качества мышления, которые были замечены и комментировались остальным миром в течение многих десятилетий и корни которых уходят в века. Они были исторической силой, и с ними и сейчас следует считаться. Они горды этим.

Для того чтобы избежать последствий своих действий, эти люди сейчас все отрицают. Но даже в самом их отрицании становится очевидной истина. Дух, объединяющий эту группу, и единство взглядов и целей настолько глубоки, что они волей-неволей звучат в их устах. Прочтите их показания, — они всегда говорят о себе «мы» или «мы, старые солдаты» и они всегда заявляют о «наших взглядах» на тот или иной предмет. Показания Рундштедта полны подобных высказываний, с точки зрения германских военных руководителей как целой группы, на самые разнообразные вопросы. Манштейн заявил нам, что «мы, солдаты, не доверяли всем партиям», «мы все считали, что единство Германии» и «национал-социалистская цель объединения соответствовала нашим взглядам, но не национал-социалистские методы».

Каковы характерные черты германских военных руководителей? Историкам они известны уже давно; они сами писали книги и книги были написаны о них. Эти черты четко проявляются в документах и показаниях, представленных Трибуналу.

Они внимательно следят за внутренней политикой Германии, но их традиция и установка заключаются в том, чтобы не идентифицировать себя с партиями или внутренними политическими движениями. Это единственная верная нота в рефрене, который столь часто пели здесь на процессе: «мы были солдатами, а не политиками». Они считают себя выше политики и политиков. Их занимало только то, что они считали самыми глубокими постоянными интересами Германии как нации. Вот как говорил об этом Манштейн:

«Мы, солдаты, не доверяли всем партиям, потому что любая партия в Германии ставила свои интересы выше интересов Германии. В этом отношении мы все считали, что нам вверено единство Германии...»

Германские военные руководители проявляют глубокий интерес к иностранной политике и дипломатии. Любой умный офицер-профессионал должен проявлять такой интерес. Проводится обучение, строится оборудование, разрабатываются планы в свете того, что известно о военном потенциале и намерениях других стран. Никто из офицеров в мире не понимал этого лучше, чем немцы; никто не изучал международную обстановку столь внимательно и с таким холодным расчетом. Именно их учитель, Клаузевиц, говорил, что война — это инструмент политики.

...Германские военные руководители хотели, чтобы Германия была свободна от политических колебаний, и также хотели правительства, которое смогло бы мобилизовать германские ресурсы, как опору вооруженных сил, и воспитать германское общественное мнение в духе и целях милитаризма. Это и имел в виду Рундштедт, когда он заявил, что «национал-социалистские идеи, которые были положительными, обычно были идеями, которые были заимствованы из старых прусских времен и которые были давно известны нам и без национал-социалистов». Вот что Манштейн подразумевал под «единством» Германии.

Германские военные руководители верили в войну. Они считали ее частью нормальной, хорошо налаженной жизни.

Манштейн, выступая здесь в качестве свидетеля, говорил, что они «естественным образом относились к военной славе, как к чему-то великому».

«Взвешенное мнение» ОКВ, сформулированное в 1938 году, гласило:

«Невзирая на все попытки запретить войну, она все еще остается законом природы, по поводу этого закона можно спорить, но отменить его нельзя. Война служит выживанию расы и государства или обеспечивает их историческое будущее.

Высокая нравственная цель придает войне ее тотальный характер и этическое обоснование».

Эти характерные черты германских военных руководителей заложены глубоко, они постоянны.

Они принесли зло всему миру и также принесли зло Германии. Их философия настолько извращена, что они рассматривают проигранную войну и побежденную и поверженную Германию как блестящую возможность для того, чтобы вновь начать тот же самый ужасный цикл. Их ход мыслей нигде не выражен лучше, чем в речи, произнесенной генералом Беком перед слушателями германской военной академии в 1935 году.

Аудитории, состоящей из молодых офицеров, было заявлено, что «час смерти нашей старой славной армии» в 1919 году «привел к новой жизни молодой рейхсвер» и что германская армия вернулась из первой мировой войны «увенчанная лаврами бессмертия». Затем им было заявлено, что, поскольку военные руководители проявили ум и смелость, проигрыш войны «облагорожен гордостью славного падения». В заключение им напомнили, что Германия является «страной военного мышления», и их призвали помнить «о своем долге перед человеком, который вновь создал и сделал сильными германские вооруженные силы».

В 1935 году таким человеком был Гитлер. В предшествовавшие годы это был другой человек. Немецкий милитаризм возродит вооруженные силы при любом руководителе или правительстве, которые обеспечат благоприятные перспективы оказания эффективной поддержки военным деяниям. Люди, которые считают войну формой существования, не извлекают никаких уроков из опыта поражения в одной из них.

Я обрисовал германских военных руководителей не потому, что вся эта картина мало известна, а потому, что она настолько хорошо известна, что существует опасность проглядеть что-либо. Мы не должны слишком увлекаться деталями этой схемы или тонкостями военной организации за счет значительно более важных вопросов, являющихся общеизвестными фактами. В течение долгого времени весь мир знал о немецком военном руководстве и страдал от его деятельности. Его качества и поведение откровенны и хорошо известны. Должны ли мы теперь сказать всему миру, что такой группы не существовало? Должен ли мир услышать, что немецких военных лидеров нельзя судить потому, что они были лишь группой призванных на военную службу людей? Мы должны были серьезно отнестись к этим доводам только потому, что не было никаких других.

То, что судебное дело против немецких милитаристов является совершенно ясным, не делает его менее важным. В данном случае мы находимся в схватке с чем-то огромным, ужасным и долговечным; с чем-то таким, что начало существовать не в 1933 году и даже не в 1921 году; с чем-то более старым, чем любой присутствующий здесь человек; с чем-то несравненно более важным, чем любой из подсудимых, сидящих на этой скамье; с чем-то таким, что еще не умерло и что не может быть уничтожено выстрелом из винтовки или петлей палача.

В течение девяти месяцев в этом зале Суда звучала страшная повесть о газовых камерах, горах трупов, абажурах из человеческой кожи, раздавленных черепах, опытах по замораживанию, банковских подвалах, наполненных золотыми зубами. Для совести всего мира жизненно важно, чтобы все участники этих чудовищных преступлений ответили за них перед правосудием. Но эти вещественные доказательства, даже будучи такими ужасными, какими они являются, не представляются основными для этого дела. Если сбить с дерева отравленные плоды, то этим будет достигнуто немногое. Гораздо труднее выкорчевать это дерево со всеми его корнями, однако только это в конечном счете приведет к добру.

Деревом, которое принесло эти плоды, является немецкий милитаризм. Милитаризм был сердцевиной нацистской партии настолько же, как и сердцевиной вооруженных сил. Милитаризм — это не военная профессия. Милитаризм воплощен в народе, отличающемся «воинственным духом», руководители которого проповедуют и практикуют захват при помощи вооруженной силы и наслаждаются войной, как чем-то само по себе желательным. Милитаризм неизбежно ведет к циничному и злостному игнорированию прав других, основ цивилизации. Милитаризм разрушает моральные устои народа, практикующего его, и, поскольку он может быть разбит только силой его собственного оружия, он подрывает мораль народов, которые вынуждены вступить с ним в битву.

Центральной пружиной немецкого милитаризма в течение многих лет являлась группа профессиональных военных руководителей, которая стала известна всему миру как «немецкий генеральный штаб». Именно поэтому разоблачение и дискредитация этой группы в результате объявления ее преступной являются значительно более важными, чем судьба отдельных лиц, одетых в военную форму и сидящих сейчас на скамье подсудимых, или других отдельных членов этой группы. Кейтель, Редер, Рундштедт, Кессельринг и Манштейн сошли со сцены, они никогда больше не поведут в бой легионы вооруженных сил Германии.

Здесь поставлены на карту не жизнь этих конкретных людей, но будущее влияние немецкого генерального штаба внутри самой Германии и, следовательно, его влияние на судьбу народов всех других стран. Вот почему на конференции в Ялте было заявлено:

«Нашей непреклонной целью является уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантии в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир всего мира. Мы полны решимости разоружить и распустить все германские вооруженные силы, раз и навсегда уничтожить германский генеральный штаб, который неоднократно содействовал возрождению германского милитаризма...»

Первые шаги к возрождению германского милитаризма были сделаны прямо здесь, в этом зале суда. У германского генерального штаба было много времени с весны 1945 года для размышлений, и он хорошо знает, что́ поставлено

здесь на карту. Немецкие милитаристы знают, что их будущая сила зависит от восстановления веры германского народа в их военную доблесть и от того, насколько им удастся отмежеваться от тех зверств, которые они совершали, находясь на службе у «третьего рейха».

Почему вооруженные силы Германии потерпели поражение? Гитлер слишком много вмешивался в военные дела, заявляет Манштейн. А как в отношении зверств? Вооруженные силы не совершали никаких зверств. Преступные приказы Гитлера игнорировались и не выполнялись генералами. Те зверства, которые имели место, совершались другими людьми, такими, как Гиммлер, или другими организациями, подобными СС. Могли ли генералы принять какие-нибудь меры для того, чтобы предотвратить вступление Германии в войну и последующие разрушения? Нет, генералы были связаны клятвой повиновения главе государства. Разве один из генералов СС не сказал, что фельдмаршалы могли предотвратить многие эксцессы и зверства? Реакция на это заявление отличалась чувством превосходства и презрения: «Мне кажется, со стороны эсэсовца является наглостью делать подобные заявления о фельдмаршале», — заявил Рундштедт. Документы и устные показания доказывают, что подобные заявления являются фальшивками. Но здесь, в зародыше, заключены тот миф и те легенды, которые немецкие милитаристы будут стараться внедрить в сознание германского народа... Эти виды лжи должны быть заклеймены и названы своими именами сейчас, пока еще свежи доказательства.

Это также важно для наших собственных государств, как и для Германии. Милитаризм разросся в Германии значительно шире и упорнее, чем в какой-либо другой стране; но милитаризм — это такое растение, для которого не существует государственных границ, он растет везде. Он поднимает голос для того, чтобы заявить, что война между Востоком и Западом, левыми и правыми, белыми и желтыми неизбежна. Он распространяет слухи о том, что вновь изобретенные орудия уничтожения настолько ужасны, что их следует немедленно применить с тем, чтобы какая-нибудь страна не сделала этого первой. Он заставляет весь мир жить в постоянном страхе перед смертью.

Немецкий милитаризм, если он выступит опять, не обязательно сделает это под эгидой нацизма. Немецкие милитаристы свяжут свою судьбу с судьбой любого человека или любой партии, которые сделают ставку на восстановление немецкой военной мощи. Они рассчитают все заблаговременно и хладнокровно. Их не остановят фанатичность идеологии или отвратительные методы; в своем наступательном стремлении они используют преступления для того, чтобы достигнуть мощи Германии и распространения ею террора. Мы видели, как они это делали раньше.

Истина рассеяна по многочисленным документам настоящего процесса, и мы должны только сформулировать эту истину просто и понятно. Немецкие милитаристы примкнули к Гитлеру и вместе с ним создали «третий рейх»; вместе с

ним они преднамеренно создали такой мир, в котором сила и только сила решала все; вместе с ним они бросили весь мир в пучину войны и принесли ужас и опустошение народам европейского континента. Они нанесли удар всему человечеству; удар настолько дикий и грубый, что совесть всего мира не будет в состоянии оправиться от него в течение многих лет. Это не была война, это было преступление. Они не являлись солдатами, они были варварами. Об этих деяниях нужно сказать все. Мы не можем переделать историю, но мы должны позаботиться о том, чтобы исторические факты были изложены правильно.

Речь Главного обвинителя от Франции О. ШАМПЕТЬЕ ДЕ РИБА

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 30 августа 1946 г.

Господин председатель, господа судьи! Мы потребовали осуждения и наказания руководителей, которые ответственны за трагедию, обагрившую кровью весь мир. Требуя от Вас сегодня объявления преступными организаций, служивших орудием выполнения замыслов этих руководителей, мы обращаемся к Вашему правосудию, чтобы Вы вынесли моральное осуждение всей системе, подвергшей цивилизацию самой серьезной опасности, которую она знала когда-либо после крушения Римской империи.

Мы придаем не меньшее значение приговору, о вынесении которого мы просим сегодня, чем тому приговору, которого мы потребовали вчера, ибо, если мы считали, что необходимо покарать виновных, мы полагаем также, что не меньшую пользу представляет грозное предупреждение всем тем, кто обладает могуществом в настоящем и будущем, о том, что следует руководствоваться насущными требованиями морали, без которой ни порядок, ни мир не могут царить во вселенной.

Действительно, кому не известно, что в наше время, когда безумие людей использовало прогресс науки и техники для убийств и разрушений и когда, как сказал некий философ, «наша цивилизация снабдила себя орудиями самоубийства», кому не известно, что проблемы, встающие перед пришедшим в смятение миром, — это прежде всего проблемы морали.

...Личность — существо общественное, могущее получить полное развитие лишь в братском сообществе с себе подобными, — человек, чье призвание определяет его достоинство, благодаря которому он не может быть произвольно порабощен или захвачен.

...Великобритания вдохновляла Америку на обнародование Декларации 1776 года: «Совершенно очевидно, что

22*

создатель наделил всех людей определенными неотъемлемыми правами». Она же вдохновляла Францию на опубликование Декларации 1791 года: «Представители французского народа, входящие в Национальное собрание, принимая во внимание то обстоятельство, что игнорирование, предание забвению или попрание прав человека являются единственной причиной общественных несчастий и коррупции правительств, приняли решение закрепить в торжественной декларации естественные, неотъемлемые и священные права человека...

В связи с этим Национальное собрание признает и провозглашает именем Всевышнего следующие права человека и гражданина».

Разве не тем же уважением человеческой личности проникнута Конституция Союза Советских Социалистических Республик, в главе X которой провозглашены основные права и обязанности граждан СССР без различия национальности и расы? Наконец, разве Устав Организации Объединенных Наций, подписанный 26 июня 1945 г. в Сан-Франциско 51 нацией, не начинается следующей торжественной декларацией: «Мы, народы Объединенных Наций, исполненные решимости предохранить грядущие поколения от бича войны, которая дважды, на протяжении периода, равного длительности человеческой жизни, подвергала человечество неописуемым страданиям, заявляем, что мы твердо верим в основные права человека, в человеческое достоинство и в ценность человеческой личности, в равенство прав мужчин и женщин, а также в равенство прав больших и малых народов...»

...Над этим... в разгар XX века Гитлер попытался совершить насилие, противопоставив ему свою варварскую идеологию расизма, свою примитивную концепцию существования общества, которым правят лишь биологические законы.

Ведь он стремился установить не только германское военное господство в Европе, он имел наглость навязывать миру свою «культуру», подрывавшую все моральные и интеллектуальные устои, на которых зиждется цивилизованный мир с начала христианской эры.

По его мнению, биологические законы, господствующие в животном мире, применимы в той же мере к человеческому обществу. Это прежде всего законы естественного отбора и борьбы за существование. Значит, отныне якобы не может быть и речи о независимости человеческой личности... Отныне якобы не может быть и речи ни о сострадании, ни о братской любви.

...Это звериное понимание человеческого существования, эта «культура», эта религия — все это не является плодом размышления какого-нибудь философа, предающегося духовным поискам, а это творение реалиста, проводящего свои идеи в жизнь. И нам известно, какие преступления были совершены во имя этой новой религии, во сколько смертей обошлась реализация так называемой доктрины жизни: концентрационные лагеря, газовые камеры, печи крематориев, различные прививки, стерилизация, вивисек-

ция, жертвами которых являлись заключенные концлагерей и угнанные мирные жители, порабощение народов, рассматриваемых способными ассимилироваться, сверх всего этого — методическое истребление тех народов, которых считали низшими, и, наконец, «геноцид» — все это чудовищный плод гитлеровской идеологии.

...Мы уже указали на главных виновников всех преступлений национал-социализма. Но для того чтобы осуществить свой дьявольский план мирового господства не только на территориях, но и в умах, главные виновники нуждались в сотрудниках, вдохновляемых той же мистикой, воспитанных в таком же духе; вот почему вожди, "фюреры", замыслили и постоянно проводили в жизнь сложную единую систему управления, принуждения и контроля, которую составляет вся совокупность организации государства и национал-социалистской партии.

Был необходим орган управления, откуда, согласно принципу фюрерства, исходили бы приказы и общие директивы. Им и явились имперский кабинет и руководящий состав нацистской партии. Возникла необходимость в средствах контроля, пропаганды, полиции и исполнительной власти. Такими средствами и явились гестапо, СА, СД и СС. Было необходимо, наконец, чтобы армия находилась на службе политики партии, и это явилось делом генерального штаба и верховного командования, очищенных от всех недостаточно нацифицированных элементов.

Возможно, что члены этих организаций, этих групп или этих учреждений были в большей или меньшей степени фанатиками режима. Трибунал помнит об искусственном различии, которое сделал Риббентроп во время допроса между «типичными нацистами» и теми, кто являлся нацистом лишь наполовину. Но, во всяком случае, все соглашались с доктриной и принимали материальные выгоды, которые предоставлял им режим. Можно ли признать кого-либо из них достойным меньшего презрения или менее виновным только потому, что он задумывался над тем, что следовало бы провести какие-то ограничения? То, что все эти организации, группировки или учреждения всеми средствами способствовали укреплению всеобщего господства, уже было полностью доказано в ходе судебного разбирательства.

Разве защитники организаций постоянно не принимали участия в допросах отдельных подсудимых и разве все подсудимые сами не были членами одной, а часто и нескольких организаций? Было совершенно бесспорно установлено тесное сотрудничество организаций с людьми, находящимися на скамье подсудимых.

Я не могу также устоять перед тем, чтобы после столь подробного судебного разбирательства и обвинительных речей моих уважаемых коллег, представляющих американское и британское обвинение, не напомнить лишний раз о несметных чудовищных деяниях, в которых эти организации и группы, перечисленные в Обвинительном заключении, принимали участие, отдавая приказы, совершая эти преступления или их допуская.

Я бы хотел остановиться лишь вкратце на тех двух аргументах, которые выдвигает защита, в частности, защитники гестапо, СД и верховного командования, и которым они, по-видимому, придают наибольшее значение. Возможно, говорят они прежде всего, что злоупотребления были допущены в разгаре борьбы, стали безжалостными во время войны, перешедшей в тотальную, но здесь речь идет лишь о преступлениях, совершенных отдельными людьми, которые могут быть привлечены к ответственности как совершавшие эти преступления, но нельзя возлагать ответственность на объединение людей, которые осуждали эти преступления. Далее защитники заявляют, что различные организации империи были отделены друг от друга непроницаемыми перегородками.

Исходя из этого, деятельность каждой организации должна рассматриваться самостоятельно, и такое расследование не позволит установить наличия преступного намерения или преступной деятельности ни в одной организации — первый аргумент защиты.

Чтобы определить, являются ли организации преступными, заявляет защита, следует рассмотреть важнейшие принципы, на которых они построены. В их структуре нет ничего преступного. Исходя из этого, и преступления, если они, возможно, и были совершены, могут быть вменены в вину только отдельным лицам и не дают права делать из этого вывод, что организация носит преступный характер.

Так, гестапо, в соответствии с его официальным определением, являлось государственной полицией, в обязанности которой, как в обязанность государственной полиции всякой цивилизованной страны, вменялось сотрудничество в совершении правосудия и в охране общества от отдельных лиц, которые наносят ущерб его безопасности. Возможно, что иногда она получала сверху приказы и исполняла их, хотя это и не являлось ее прямой обязанностью по обеспечению безопасности, так, например, сюда относятся массовые аресты евреев, уничтожение советских военнопленных, убийства заключенных, которые совершили побег и затем были схвачены. Но эта случайная деятельность не входила в ее компетенцию в том виде, в каком она была определена. Эта деятельность не может изменить основное значение организации, которая не представляет собой ничего преступного.

Также и СД по своей структуре являлась простой разведывательной службой и организацией, исследующей общественное мнение, учреждением, в сущности, безвредным. Возможно, что порой члены организации СД и участвовали в карательных действиях гестапо. Справедливо то, что члены СД занимали многочисленные командные посты и что они посвятили себя деятельности, достойной порицания, но тогда они действовали не как чиновники организации СД и не могли компрометировать организацию, которая отнюдь не носит преступного характера.

Также и верховному командованию была поручена в соответствии с существующим положением оборона, и

только оборона империи. Оно не занималось политикой и не имело никакого отношения к полиции. Может быть, оно иногда превышало свои полномочия. Правда, справедливо то, что им был подписан приказ о высылке в неизвестном направлении тех, кто оказывал сопротивление, о передаче для уничтожения в руки полиции солдат, коммандос и совершивших побег военнопленных, что противоречит воинской чести, но тогда оно действовало лишь как связующее звено, передававшее приказы Гитлера или Гиммлера. Эта деятельность, носившая случайный характер, деятельность, которая не входила в его компетенцию, не могла ничего изменить в сущности верховного командования, в которой не было ничего преступного.

Так пытается защита все время подчеркнуть разницу между характером организации в том виде, в каком он определен и который, как доказывает защита, не является преступным, и практической деятельностью группировки, которую, как она признает, можно подвергнуть критике; это различие, может быть, и становится понятным при демократическом режиме, если ранее установленные учреждения ограничивают произвол правительства, если независимость человека и свобода гражданина охраняются от злоупотребления властью, но это неприемлемо, когда речь идет о гитлеровском режиме.

Думал ли Бест, теоретик полиции, о необходимости уважать какие-либо принципы, когда он писал, что средства, используемые полицией, диктуются действиями противника? Разве не имеет принципиального значения декрет от 28 февраля 1933 г., допускающий, чтобы всемогущее государство игнорировало любые юридические ограничения? Разве расходится у Гитлера теория с практикой, когда на совещании 23 мая 1939 г. в имперской канцелярии, на которое были созваны члены верховного командования, он заявил: «Нужно полностью исключить принцип, в соответствии с которым разрешение проблем заключается в приспособлении их к обстоятельствам. Речь идет, скорее, о приспособлении обстоятельств к потребностям... Речь идет не о справедливости и несправедливости, а о существовании или гибели 80 миллионов людей».

Действительно, при гитлеровском режиме не существует заранее установленного института, нет законности, нет ограничения произвола. Единственный существующий принцип — «принцип фюрерства», единственный закон — это то, что заблагорассудится начальнику, чей приказ должен быть приведен в исполнение без какого бы то ни было обсуждения всеми от мала до велика. Мысль о том, что пресловутый институт якобы господствовал при учреждении организаций, придавая им определенный характер, является не чем иным, как умозаключением, сделанным априори изобретательной защитой. Единственной деятельностью, которую следует учитывать, является конкретная деятельность организации, и нами было показано, что эта деятельность преступна.

С другой стороны, защита изыскивает причину, чтобы оправдать организации, опираясь на тот факт, что члены гестапо, СС или СД, совершавшие преступные акты, действовали не от имени организации, а как бы временно выделялись из них на этот период.

Не является ли это, напротив, доказательством того, что в общей организации национал-социалистской системы эти группировки играли роль резервуаров подготовительных курсов, откуда фюреры черпали для установления своего господства исполнителей, прекрасно подготовленных для выполнения преступных задач, которые им были доверены.

А тот факт, что Гитлер часто жаловал своих сообщников званием почетных членов одной из своих организаций, не является ли это также доказательством того, какое значение он придавал принадлежности к какой-либо из этих группировок, как выражению преданности режиму?

Таким образом, можно прийти к заключению, что вне зависимости от того, с какой точки зрения рассматривать первый аргумент защиты, он не может быть принят.

Защита заявляет в качестве второго аргумента, что организации были независимы и деятельность каждой из них была неизвестна другим организациям. Одни находились в зависимости от государства, другие — от партии, а государство и партия осуществляли свою деятельность в различных областях. Даже в самих организациях существовали непроницаемые перегородки между различными отделами, из которых состояли эти организации, эти отделы действовали совершенно самостоятельно. Рискуя принести в жертву те отделы, которые более всех остальных себя скомпрометировали, защитники пытаются изо всех сил снять ответственность с возможно большего числа групп, которые якобы действовали обособленно.

Но в связи с тем, что нам известно об общей организации учреждений империи, этот аргумент противоречит фактам.

Определяя личную ответственность подсудимых, господин Дюбост показал, что не подлежит сомнению вопрос о том, что различные фашистские учреждения и организации взаимно были связаны друг с другом.

...Гитлер был одновременно главой государства, армии и партии. Гиммлер, глава эсэсовцев, которые зависели от партии, был одновременно главой полиции, подчинявшейся государству.

Гаулейтеры, партийные чиновники являлись в большинстве случаев представителями государства, будучи правителями империи или высшими руководителями Пруссии.

Начальник партийной канцелярии принимал участие в разработке важных законов и в назначении на посты высших чиновников государства.

Закон от 7 апреля 1933 г. позволил произвести чистку среди государственных чиновников, которые были заподозрены в недостаточной преданности партии. Нам известно, сколь зверской была такая же чистка, проводившаяся в верховном командовании.

Итак, фактически и на бумаге существовала неразрывная связь между государством, партией и армией, и их общая деятельность не позволяет определить, какая доля ответственности ложится на каждый институт.

Нужно ли еще приводить подобные примеры? Их было приведено множество, и мы не хотим злоупотреблять вниманием Трибунала.

Вполне достаточно будет напомнить о тесной совместной работе гестапо, СД, СС и армии, касающейся распоряжений общего порядка, а также проведения операций против участников движения Сопротивления, карательных действий, направленных против гражданского населения, и истребления евреев.

Блестящей иллюстрацией этому может служить неоднократно цитируемая здесь инструкция Гитлера от 30 июля 1944 г.:

«Все акты насилия, совершенные лицами гражданского населения не германской национальности на оккупированной территории, направленные против вооруженных сил, СС, полиции и других учреждений, в которых эти германские чиновники служат, надлежит рассматривать как акты террора или саботажа и пресекать следующим образом:

a) войска и каждый представитель вооруженных сил, СС и полиции должны немедленно уничтожать террористов и саботажников, захваченных на месте преступления;

b) каждый схваченный позже должен быть доставлен в ближайшее место управления полиции безопасности и СС».

Разве, трижды упоминая одновременно в одном и том же контексте вооруженные силы, СС и полицию, Гитлер не подчеркивает тем самым тесное сотрудничество этих организаций?

Следует ли упоминать лишний раз многочисленные инструкции Кейтеля, приказ фельдмаршала Кессельринга от 14 января 1944 г. и дневник генерала фон Бродовского, которые предоставляют армию в распоряжение полиции или полицию в распоряжение армии для зверской расправы — карательных действий в ответ на акты сопротивления?

Следует ли напоминать приказы Кейтеля, предписывавшие генералам, командовавшим во Франции, Голландии и Бельгии, чтобы армия оказывала поддержку в разграблении художественных ценностей, которое было организовано и проводилось под руководством Розенберга?

Разве свидетель Гофман, вызванный защитой по делу гестапо, не показал на заседании Трибунала 1 августа, что приказ «Мрак и туман» был создан в результате совместной работы верховного командования и министерства юстиции?

Поэтому защита тщетно пытается приуменьшить ответственность, распределив ее между государственными и партийными органами, рассматривая их как якобы независимые организации.

Защита не достигла успеха и тогда, когда она пыталась установить внутри организации непроницаемые перегородки, разделяющие различные отделы, которые, будучи взяты вместе, составляют организацию.

Кого может защита заставить поверить в то, что, например, административным управлениям СД и гестапо были неизвестны масштабы угона мирного населения, в то время когда им приходилось разрешать сложные вопросы, связанные с транспортировкой угоняемых; технические службы не могли не знать об истреблении людей с помощью химических средств, так как в их обязанность входил ремонт газовых автомобилей.

В действительности все учреждения гестапо, СД, СС и верховного командования, действуя в полной согласованности, совершили преступления, и это справедливо также и в отношении имперского кабинета, и в отношении политического руководства национал-социалистской партии, что было показано моими глубокоуважаемыми коллегами. Разве тот, кто организовал эти преступления, ответствен в меньшей степени, чем исполнители, разве в меньшей степени виновен мозг, задумавший преступление, чем рука, его совершившая?

Следовательно, мы полагаем, что мы вскрыли одинаковую виновность всех организаций, признания которых преступными мы требуем.

Значит ли это, что мы стремимся услышать от соответствующих трибуналов самые суровые приговоры в отношении всех членов этих организаций?

Конечно, нет. Требуя от Вас совершения правосудия — морального осуждения организаций, без которых национал-социализму не удалось бы совершить преступления, мы не просим от Вас наказания людей без предварительного их заслушивания перед Судом, — напротив, они смогут представить Суду аргументы в свою защиту.

Устав Трибунала предписывает, что во всех случаях, когда Трибунал признает преступный характер группы или организации, «преступный характер ...считается доказанным и не может подвергаться оспариванию», то нигде в Уставе не сказано, что перед соответствующими судами должны предстать все члены этих групп или организаций, и мы считаем, что суду должны быть преданы лишь те из их числа, которые, зная о преступной деятельности группы или организации, добровольно в нее вступили, а следовательно, принимали личное участие в преступлениях, совершенных этими группами или организациями.

Кроме того, мы считаем, что в интересах высшего правосудия и в надежде на установление мира во всем мире наказание должно соответствовать тяжести вскрытых преступлений, и если самое суровое наказание со всей справедливостью будет вынесено за преступления, в совершении которых какой-либо член организации будет признан лично виновным, то лишь принадлежность, даже на добровольных началах, к какой-либо из указанных групп должна караться лишением свободы либо полным или частичным лишением гражданских и политических прав.

И если Трибунал с этим согласен, то ни один пункт Устава не воспрепятствует ему провозгласить приговор в надлежащей форме.

Итак, Ваш приговор не будет финалом суда «победителя над побежденными», как этого опасался доктор Штейнбауэр в защитительной речи по делу Зейсс-Инкварта. Этот приговор будет торжественным и ясным выражением вечной справедливости...

Объявление преступными организаций позволит соответствующим компетентным властям покарать виновных, и только виновных, и торжественно напомнить миру, что законы морали существовали еще до утверждения произвола отдельными людьми или правительствами, что эти законы применимы как в отношении государственных деятелей, так и в отношении частных лиц, как в отношении народов, так и в отношении индивидуумов, и что нарушение этих законов является преступлением. Ваш приговор окажет мощную поддержку великому делу утверждения всеобщего мира, делу, которому посвятили себя как в Организации Объединенных Наций, так и на Мирной конференции, как в Нью-Йорке, так и в Париже, представители свободолюбивых народов, уповающие на простых и честных людей.

Речь Главного обвинителя от СССР Р.А. РУДЕНКО

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 30 августа 1946 г.

Господин председатель, господа судьи! Мы подошли к заключительной стадии процесса, проведенного с исключительной тщательностью и большим искусством. По индивидуальным делам главных военных преступников, посаженных на скамью подсудимых, обвинением уже представлены исчерпывающие доказательства. Мы полностью поддерживаем также обвинение против организации — правительства фашистской Германии, генерального штаба и высшего командования германских вооруженных сил, руководящего состава германской национал-социалистской партии, государственной тайной полиции (гестапо), охранных отрядов германской национал-социалистской партии (СС), службы безопасности (СД) и штурмовых отрядов (СА).

Как установлено судебным следствием, во главе гитлеровской Германии находилась банда заговорщиков, захватившая в свои руки государственную власть и управление всей Германией. Такого рода группа заговорщиков, действовавшая в государстве с многомиллионным населением, в центре огромного государственного аппарата, не могла существовать без целой системы вспомогательных преступных организаций, связывавших заговорщиков с периферией, фюреров большой дороги — с фюрерами улиц и переулков. Поэтому в гитлеровской Германии действовала под постоянным и непосредственным руководством заговорщиков

сеть наделенных большой властью организаций — руководящий состав немецко-фашистской партии, гестапо, СС, СД и другие.

Закон 1933 года, которым аппарат фашистской партии был слит с государственным аппаратом гитлеровской Германии, явился открытым законодательным признанием этого факта.

Для укрепления связи между правящей бандой и организациями каждый из заговорщиков выступал в нескольких ролях, был многоликим: Геринг — министр, командующий военно-воздушными силами, уполномоченный по четырехлетнему плану, рейхслейтер, высший руководитель СА и СС; Гесс — министр, заместитель Гитлера по партии, генерал войск СС и СА; Розенберг — имперский руководитель национал-социалистской партии по вопросам идеологии и внешней политики, министр и обергруппенфюрер СА и СС и т. д. Как неотделим Геринг-министр от Геринга-обергруппенфюрера СС, так неотделимы СС, гестапо и другие преступные организации от гитлеровского режима. Можно мыслить гитлеровский режим без библиотек, без школ, даже без больниц, но гитлеровский режим без СС и гестапо существовать не мог.

Отражая эту политическую действительность, Устав Международного военного трибунала предусматривает две формы соучастия в преступных гитлеровских сообществах: статья 6 Устава говорит об участии в преступном заговоре, а статьи 9 и 10 об участии в преступных организациях. Обе эти формы органически и неразрывно между собой связаны, ибо они в уголовно-правовых терминах отражают то соотношение и ту связь, которые в жизни существовали между заговором и организациями в гитлеровской Германии.

Тесно связав указанные две формы соучастия гитлеровцев в международных преступлениях — участие в заговоре и участие в организации, — Устав Международного военного трибунала с полным основанием установил для той и другой формы соучастия различные уголовно-правовые последствия.

Участие в заговоре, который по самой природе своей не может включать очень значительное количество лиц, предусмотрено Уставом в качестве самостоятельного уголовно наказуемого деяния.

Напротив, вопрос об ответственности за участие в преступных организациях, включавших в свой состав сотни тысяч членов, Уставом Трибунала решается в ином направлении. Всецело построенный на принципах права и справедливости, Устав Трибунала определение индивидуальной ответственности членов организации, связанное с выяснением виновности множества отдельных лиц, предоставляет компетенции национальных трибуналов.

Статья 10 Устава гласит: «Если Трибунал признает ту или иную группу или организацию преступной, компетентные национальные власти каждой из Подписавшихся Сторон имеют право привлекать к суду национальных, военных или

оккупационных трибуналов за принадлежность к этой группе или организации».

Трибунал, следовательно, вправе признать организацию преступной для того, чтобы тем самым облегчить возможность и обеспечить право национальных судов привлекать отдельных лиц за принадлежность к таким признанным преступными организациям.

В соответствии с указаниями статьи 10 Устава трибуналы в СССР, США, Англии, Франции и 18 государствах, примкнувших к Лондонскому соглашению, могут, конечно, осудить, но они вправе также прийти к выводу, что подсудимый вовсе не являлся членом организации или лишь формально к ней принадлежал, а на деле был от организации далек, и на этом основании вынести оправдательный приговор. Все эти и им родственные вопросы всецело были и остались в компетенции национальных судов. Эти суды ограничены лишь в одном, принципиально глубоко важном отношении: если Международный трибунал признает организацию преступной, национальные трибуналы ни отрицать, ни даже оспаривать преступный характер такой организации не могут.

Указанное разграничение компетенций Международного трибунала и национальных судов чрезвычайно существенно для понимания постановлений Устава Трибунала о преступных организациях.

Действительно, именно потому, что Трибуналу предстоит решить лишь общий вопрос о преступном характере организаций, а не отдельные вопросы об индивидуальной ответственности членов этих организаций, Устав и не указывает конкретных признаков понятия «организация» и не связывает в этом случае Трибунал никакими формальными требованиями. Отсутствие в Уставе детального определения преступной организации есть, следовательно, не пробел в Уставе, а его принципиальная позиция, вытекающая из отмеченного выше факта — оставления всей конкретики в ведении органов национальной юстиции. Поэтому попытки требовать для признания организации преступной наличия тех или иных конкретных признаков (добровольного членства, взаимной осведомленности и т. п.) не только не находят опоры в Уставе, но расходятся со всей его конструкцией. Основная единственная задача, стоящая перед Трибуналом, заключается не в подобных исследованиях, которыми занимаются и будут заниматься национальные суды, а в том, чтобы установить один решающий факт: соучаствовала ли организация своими преступными действиями в осуществлении плана гитлеровских заговорщиков.

Применительно именно к этой задаче Уставом построен и процессуальный порядок привлечения к ответственности организаций.

Действительно, Устав Трибунала предусматривает решение вопроса о преступных организациях при непременном условии рассмотрения дела о конкретном представителе этой организации, сидящем на скамье подсудимых. Подсудимые на настоящем процессе являлись одновременно

участниками заговора и руководящими членами организаций, в отношении которых Трибунал должен решить вопрос о признании их преступными. Следовательно, тот доказательственный материал, который уже прошел по индивидуальным делам подсудимых, является в то же время основным доказательственным материалом в отношении представляемых ими организаций. Те документы, которые были представлены обвинением, с полной ясностью показали, как названные в Обвинительном акте организации служили постоянным и непосредственным орудием осуществления преступных замыслов заговорщиков. Таким образом, в результате судебного следствия преступный характер этих организаций полностью и исчерпывающе доказан.

Устав Трибунала в стремлении обеспечить максимальную всесторонность расследования дел об организациях при помощи радио, прессы и специальных объявлений приглашал членов обвиняемых организаций представить Трибуналу свои объяснения. Трибуналу известно, какое количество лиц, содержащихся в концлагерях, пожелало использовать эту возможность. Образование вспомогательной комиссии обеспечило Трибуналу возможность выслушать возможно большее число членов организаций, которых впоследствии должны будут выслушать и судить национальные суды. Но вот, в результате сложных подготовительных работ, отобранная защитой группа свидетелей предстала перед Трибуналом. Бессильная опровергнуть неотразимую доказательную силу представленных обвинением документальных доказательств, защита решила противопоставить им своих свидетелей.

Господа судьи! Мы помним этих «свидетелей» и их показания. Если нужны еще свидетельства того, что ложь у гитлеровцев — постоянная и неизменная спутница злодеяний, то лжесвидетельство Кауфмана, Зиверса, Манштейна, Рейнеке, Беста и других может служить тому убедительной иллюстрацией. Эти «свидетели» в своем усердии обелить преступные организации, руководящими членами которых они сами являлись, договорились до очевидного абсурда. Оказывается, и СС, и гестапо — это общество избранных, клуб благородных, рыцарский орден. Недаром еще раньше защитник зачислил Розенберга в рыцари. Там все блещут моральной чистотой и все исполнены любви к ближнему. Если послушать обвиняемых или их адвокатов, окажется, что обергруппенфюрер профессиональных палачей СС ездил спасать евреев от погромщиков и убийц, а генерал Браухич был ярым пацифистом.

Поучительно при этом, что, по показаниям свидетелей, чисты и непорочны все без исключения организации, которые Обвинительный акт признает преступными. Однако кто же тогда совершил убийство 12 миллионов мирных граждан? Кто истязал военнопленных и вывез с оккупированных территорий миллионы людей для рабского труда в Германию? Ответчиков, оказывается, нет!

Ложь, циничная и кощунственная, ложь людей, совесть которых не остановилась перед убийствами, а честь — перед лжеприсягой, не заслуживает опровержения.

В порядке рассмотрения дела о преступных организациях обвинение дополнительно представило разительные документы, свидетельствующие о новых злодеяниях гитлеровских преступных организаций.

Факты, непреложные факты установлены. Непреклонная воля закона ясна. Настало время для выводов. На съезде гитлеровской партии в 1934 году Гитлер заявил: «Не государство нас создало, а мы создаем государство. Возможно, что некоторые нас считают партией, другие — организацией, прочие еще чем-то иным, а в действительности мы являемся теми, кто мы есть».

Настоящий процесс дает исчерпывающий ответ на вопрос, кем были гитлеровцы: фюрер во главе преступной банды заговорщиков, выступавших в разных ролях и наименованиях (министры, гаулейтеры, обергруппенфюреры и т. д.), окруженной сетью созданных ими преступных организаций, захвативших к свои тиски миллионы германских граждан, — такова была схематически изображенная политическая структура гитлеровской Германии.

Признание названных в Обвинительном акте организаций преступными, как и признание наличия заговора, является поэтому необходимым условием торжества правосудия, торжества, которого жаждут все свободолюбивые народы.

По поводу отдельных организаций, которые обвинение считает необходимым признать преступными, я в дополнение к убедительным доводам, высказанным моими уважаемыми коллегами, нахожу нужным сказать следующее.

РУКОВОДЯЩИЙ СОСТАВ ГИТЛЕРОВСКОЙ ПАРТИИ

В разделе I, пункте А Обвинительного акта, озаглавленном «Нацистская партия как центр общего плана или заговора», указывается:

«В 1921 году Адольф Гитлер стал главным руководителем, или "фюрером", германской национал-социалистской партии, известной как нацистская партия, организованной в Германии в 1920 году... Нацистская партия вместе со своими вспомогательными организациями стала средством сплочения между обвиняемыми и их соучастниками и инструментом для выполнения целей и задач их заговора».

Судебное разбирательство полностью подтвердило этот вывод.

Многочисленные преступления гитлеровской клики вдохновлялись и направлялись гитлеровской партией — движущей силой фашистского заговора против мира и безопасности народов демократических стран.

Многие подсудимые и так называемые свидетели защиты говорили, что они являлись националистами, оберегавшими Германию от покушения со стороны других государств. Это — очевидная ложь. Только обманщики могут утверждать, что Австрия, Чехословакия, Польша, Норвегия,

Дания, Бельгия, Голландия, Югославия, Советский Союз и другие свободолюбивые страны покушались на целостность и независимость Германии. На самом деле немецкие фашисты являются империалистами, для которых основной и решающей целью является захват чужих земель с тем, чтобы обеспечить экспансию воинствующего немецкого капитализма. Они бесстыдно называли себя социалистами. Только обнаглевшие демагоги могут утверждать, что немецкие фашисты, ликвидировавшие все демократические свободы народа и заменившие их концлагерями, установившие рабский труд на заводах и фабриках и восстановившие крепостнические порядки в селах Германии и оккупированных ими странах, являются защитниками интересов рабочих и крестьян.

И если эти империалисты и реакционеры рядились в тогу «националистов» и «социалистов», то это они делали исключительно для того, чтобы обмануть народ.

Сама программа гитлеровской партии содержала основы плана господства, захвата чужих территорий и основу человеконенавистничества.

В одном из ежегодников немецко-фашистской партии, издававшихся под редакцией Лея, говорилось:

«Программа — это политическая основа немецко-фашистской партии и, следовательно, основной политический закон государства. Все правовые принципы должны применяться в духе партийной программы. После взятия власти фюреру удалось претворить в жизнь основные части партийной программы от основных принципов до деталей».

Гитлеровская партия неотделима от гитлеровского правительства, от СС, гестапо и других преступных организаций гитлеровского режима, как неотделимы сидящие на скамье подсудимых гитлеровские вожаки от палачей Освенцима и Майданека, Бабьего Яра и Треблинки.

«То, что я достиг, — говорил Гитлер, — знает партия, благодаря которой я стал великим и которую в свою очередь я возвеличил».

Напоминаю, что несколько позднее, 1 декабря 1933 г., был издан закон «Об обеспечении единства партии и государства», в котором указывалось: «После победы национал-социалистской революции НСДАП является носительницей немецкой государственности и неразрывно связана с государством.

Для обеспечения теснейшего сотрудничества партийных организаций с государственными учреждениями заместитель фюрера назначается членом имперского правительства».

Параграф 3 этого закона провозгласил членов фашистской партии и штурмовых отрядов (включая подчиненные им организации) «руководителями и движущей силой национал-социалистского государства».

Закон от 1 декабря 1933 г. был основной мерой, которая обеспечила руководящему составу преступной гитлеровской партии полную политическую власть в Германии, так как этот закон устанавливал, что гитлеровская партия является «олицетворением государства».

Чтобы склонить на сторону фашистского режима массы населения, гитлеровцы, наряду со спекуляцией на национальных чувствах и неслыханной социальной демагогией, пустили в ход самый беззастенчивый социальный подкуп. Были созданы крупные организации: «союз гитлеровской молодежи», «трудовой фронт», штурмовики, эсэсовцы и т.д. Многочисленных членов этих организаций они связали с фашистским режимом не только всевозможными привилегиями и материальными выгодами, но и круговой порукой совместно совершенных преступлений. А против элементов, недовольных режимом, действовала тираническая машина террора с ее разветвленной сетью сыска, провокации, предательства, концлагерей, скорострельной юстиции.

Система сочетания руководящих должностей в гитлеровской партии с руководящими должностями в террористических организациях: СС, СД, гестапо — и правительстве способствовала осуществлению планов фашистских заговорщиков, облегчала осуществление планов подчинения и контроля над германским народом и государством. Рейхсфюрер СС Гиммлер одновременно являлся рейхслейтером немецко-фашистской партии. Рейхслейтер Розенберг был генералом СС и СА. Министр иностранных дел Риббентроп был генералом СС, а заместитель фюрера Гесс был одновременно имперским министром. Председатель тайного совета Нейрат был генералом СС, а один из руководителей гестапо — Бест был крейслейтером гитлеровской партии и т.д.

Добившись при помощи своей партии полного контроля над Германией, гитлеровские заговорщики приступили к реализации своих агрессивных планов. В речи в рейхстаге 20 февраля 1938 г. Гитлер заявил:

«Величайшая гарантия национал-социалистской революции заключается в полном внешнем и внутреннем господстве национал-социалистской партии над Германией и всеми институтами и организациями Германии... Все институты находятся под контролем верховного политического руководства».

Я уже указывал, что немецко-фашистская партия под руководством Бормана превратилась в руководящую полицейскую организацию, находившуюся в самом тесном взаимодействии с германской тайной полицией и СС, что весь партийный аппарат немецко-фашистской партии был привлечен к реализация преступных агрессивных планов руководителей гитлеровской Германии, что партийный аппарат немецко-фашистской партии принимал активное участие в мероприятиях немецких военных и гражданских властей по бесчеловечному использованию военнопленных и угнанного в рабство населения оккупированных немцами территорий.

Когда на процессе говорилось о геббельсовской лжи, гиммлеровском терроре и риббентроповском коварстве, это целиком относилось к гитлеровской партии. Когда обвинение представляло доказательства преступной деятельности Геринга и Гесса, Розенберга и Штрейхера, Шираха и Франка, Шпеера и Заукеля, это были одновременно доказательства обвинения против немецко-фашистской партии, главарями

которой были подсудимые. Эти доказательства вполне достаточны, чтобы признать всю гитлеровскую партию преступной организацией, как это понимает статья 9 Устава Международного военного трибунала. Однако обвинение не ставит вопрос об ответственности рядовых членов партии, многие из которых стали жертвой своей доверчивости.

Мы ставим вопрос в полном соответствии с Обвинительным заключением о признании преступной организацией только руководящего состава гитлеровской партии, который являлся мозгом, хребтом и движущей силой этой партии, без которого гитлеровские заговорщики не смогли бы реализовать свои преступные планы.

Руководящий состав был особой избранной группой внутри самой гитлеровской партии и, как таковой, наделен специальными прерогативами. Политические руководители были организованы в соответствии с принципами фюрерства, которые применялись не только к Гитлеру, но и ко всему руководящему составу. «Основа партийной организации — это принцип фюрерства», указывалось в организационном уставе немецко-фашистской партии.

Каждый политический руководитель принимал присягу. В соответствии с партийным уставом текст присяги был следующий: «Я клянусь в нерушимой верности Адольфу Гитлеру. Я клянусь беспрекословно повиноваться ему и назначенным им руководителям».

Все политические руководители назначались в порядке специального подбора. Разница была только в том, что одни — рейхслейтеры, гаулейтеры и крейслейтеры — назначались лично Гитлером, другие — руководители управлений и отделов гау- и крейса, а также ортсгруппенлейтеры — гаулейтером, а такие политические руководители, как целленлейтеры, назначались крейслейтером.

Перед Вами, господа судьи, прошли многие из этих рейхслейтеров и гаулейтеров.

На скамье подсудимых сидят рейхслейтеры Розенберг, Ширах, Фрик. Вместе с отсутствующими рейхслейтерами Борманом, Гиммлером, Леем, Геббельсом они составляли руководящую верхушку гитлеровской партии и правительства, и они же были руководителями фашистского заговора.

Вот сидит гаулейтер Франконии — Штрейхер. Работорговец Заукель — гаулейтер Тюрингии. Вы слышали о палаческой деятельности на Украине Эриха Коха, который был тоже гаулейтером. Гаулейтер Нижней Штирии Юберрейтер руководил массовыми расстрелами и казнями в Югославии. Я напомню несколько кратких записей о его деятельности.

«20 июня 1942 г. В районе Цилли за отчетный период было произведено 105 расстрелов и 362 ареста... Начальник полиции безопасности в течение ближайших двух недель очистит тюрьму. Часть заключенных будет переведена в другие тюрьмы, часть будет расстреляна. Таким образом, мы подготовим помещение для ближайшей кампании широких масштабов.

30 июня 1942 г. в Цилли расстреляно 67 человек. Среди них шесть женщин» и т.д.

Гаулейтер Вагнер свирепствовал в Эльзасе, гаулейтер Тербовен — в Норвегии. Руководитель заграничной организации немецко-фашистской партии гаулейтер Боле насаждал и руководил широко разветвленной шпионско-диверсионно-террористической сетью за границей, создавал так называемые «пятые колонны» в различных странах.

Декретом от 1 сентября 1939 г. шестнадцать гаулейтеров были назначены в качестве имперских уполномоченных по обороне. Позднее, в связи с необходимостью дальнейшей мобилизации военных резервов, гаулейтеры выполняют все более и более важные функции. Каждая гау (область) становится областью обороны империи, и каждый гаулейтер становится комиссаром этой области. Декретом совета министров обороны империи от 16 ноября 1942 г. было установлено, что «в течение войны на гаулейтеров возлагаются особые функции». Во время войны гаулейтерам поручались важные военные задания, все отрасли германской военной экономики координировались ими.

В конце войны гаулейтеры были командующими фольксштурмом в соответствующих районах.

Вспомним, что, когда Шпеер был назначен в марте 1945 года уполномоченным Гитлера по тотальному разрушению промышленных объектов, мостов, железных дорог и средств связи, он свою телеграмму направил гаулейтерам, ибо на местах они руководили разрушением важных объектов.

И после всего этого защита пытается представить гитлеровскую партию в виде какого-то благотворительного общества, а ее вожаков — в роли дам-патронесс, пытается запутать ясный вопрос ворохом письменных показаний, собранных в различных тюрьмах и лагерях, где содержатся арестованные фашисты.

Защитник Серватиус понимает, что доказательная ценность этого вороха письменных показаний весьма сомнительна. И он мобилизует последний аргумент, заявляя: «Защитник не имел возможности посетить лагеря в Австрии, с советской зоны не поступают ходатайства». Но разве после этого показания свидетелей защиты стали более убедительны? Разве меняет положение то обстоятельство, что Серватиус не побывал в Австрии? Серватиусу была предоставлена неограниченная возможность посещать лагеря в советской зоне оккупации. Он побывал в некоторых лагерях, он знал, что о праве членов организации подавать заявления в Трибунал, о праве высказываться перед Трибуналом публиковалось неоднократно в газетах, издающихся в советской зоне, и об этом передавалось по радио.

Серватиус все это знал и тем не менее пытался ввести в заблуждение Трибунал. Пытался он это сделать и в других случаях. Когда Серватиус ссылается на распоряжение Гесса от 27 июля 1935 г. в подтверждение того, что корпус политических руководителей не существовал и что якобы само название «политический руководитель» не было официальным, он умалчивает, что в этом самом распоряжении Гесса указывалось: «Термин "политические руководители", само собой разумеется, остается в употреблении».

Серватиус искусственно увеличивает численность руководящего состава немецко-фашистской партии до двух миллионов ста тысяч человек, чтобы демагогически приписать обвинению стремление наказать миллионы немцев. В то же время он совершенно бездоказательно утверждает, что из работников аппарата гаулейтеров 140 тысяч были лишь почетными работниками, с тем, чтобы укрыть от законной ответственности видных фашистских вожаков.

Матерый фашист Кауфман, вызванный защитой к свидетельскому пульту, член немецко-фашистской партии с 1921 года и гаулейтер с 20-летним стажем, оказывается, ничего не знал о преступлениях гитлеровских заговорщиков, он вообще был «социалистом» и только заботился о благосостоянии населения.

Другой свидетель защиты — Ганс Вегшейдер, бывший на протяжении 12 лет ортсгруппенлейтером, в своих показаниях пошел еще дальше. Оказывается, что в течение 12 лет у него даже не было времени прочесть «Майн кампф».

Третий свидетель — Мейер-Вендеборн, крейслейтер с 1934 года, в стремлении выгородить своих сообщников превзошел даже Кауфмана. Если последний на поставленный ему вопрос: «Относились ли блоклейтеры и целленлейтеры к политическим руководителям?» — ответил утвердительно, то Мейер-Вендеборн на этот же вопрос ответил: «Нет».

Можно было бы и на других примерах показать несостоятельность позиции защиты, но я считаю, что нет нужды полемизировать с защитой, прибегающей к свидетелям, подобным Кауфману, Вендеборну и им подобным.

Среди политических руководителей гитлеровской Германии (этот термин, как видно из документа защиты № 12, был узаконен распоряжением Гесса от 27 июля 1935 г.) в рамках партийной иерархии немецко-фашистской партии имелась отдельная группа так называемых «хохайтстрегеров» — носителей власти, которая занимала особое положение.

Особый характер политических руководителей, являющихся «хохайтстрегерами», указан в «Организационной книге (уставе) НСДАП» и специальном журнале под названием «Дер хохайтстрегер», являвшемся секретным для всех, кроме определенного круга руководящего состава немецко-фашистской партии, СС и СА.

Содержание журнала «Дер хохайтстрегер» показывает, что руководящий состав гитлеровской партии уделял постоянное внимание мерам и доктринам, которые проводились в жизнь в ходе осуществления фашистского заговора. В 1937—1938 гг. журнал помещал клеветнические антисемитские статьи, в том числе небезызвестного Лея, нападал на церковь, обосновывал необходимость расширения жизненного пространства и захвата колоний, печатал статьи о моторизации армии, об использовании гитлеровских ячеек и блоков для достижения благоприятных для гитлеровцев результатов голосования при проведении плебисцита, пропагандировал культ фюрерства, расовую теорию и т.п. Об этом писалось из номера в номер. И после этого защита пытается утверждать, что руководящий состав гитлеровской

партии не был осведомлен о планах гитлеровских заговорщиков!

Нацисты всячески пытаются сейчас открещиваться от компрометирующих связей с гестапо и СД, но ведь эта связь неоспорима. Еще 26 июня 1935 г. Борман издал распоряжение, в котором указывалось:

«Для того чтобы осуществить более тесный контакт между органами партии и ее организациями и руководителями государственной тайной полиции (гестапо), заместитель фюрера просит, чтобы руководители гестапо приглашались на все крупные митинги партии и ее организаций».

В другом распоряжении от 14 февраля 1935 г. за подписью того же Бормана указывалось:

«Поскольку успех работы партии в основном зависит от работы СД, недопустимо, чтобы размах ее зависел от нападок, вызванных провалом отдельных лиц. Наоборот, ей нужно от всего сердца помогать».

В распоряжении Трибунала имеются многочисленные доказательства тягчайших преступлений, в которых принимал участие весь руководящий состав гитлеровской партии, начиная от рейхслейтеров и кончая блоклейтерами. Я напомню только о некоторых из них.

Осуществляя планы гитлеровских заговорщиков по порабощению народов Югославии, крейслейтер округа Петтау при помощи ортсгруппенлейтеров и блоклейтеров уничтожал все надписи, таблицы, плакаты, написанные на словенском языке. Этот фашистский правитель дошел до того, что поручил группенлейтерам «позаботиться о том, чтобы словенские надписи были срочно и без остатка удалены также и со всех икон, часовен и церквей».

В письме от 13 сентября 1944 г., адресованном всем рейхслейтерам, гаулейтерам и крейслейтерам, Борман сообщал о соглашении с ОКВ по поводу «сотрудничества партии при использовании рабочей силы военнопленных. Поэтому офицерам, принимающим участие в делах военнопленных, дано распоряжение сотрудничать в тесном контакте с хохайтстрегерами; комендантам лагерей военнопленных приказано немедленно командировать офицеров связи в распоряжение крейслейтеров».

Каковы были результаты этого сотрудничества и как использовались военнопленные в Германии — известно.

Приказом Геринга от 27 марта 1942 г. в связи с назначением Заукеля генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы предусматривалось, что Заукель пользуется правом отдавать распоряжения «... также органам партии, ее составным частям и примыкающим к ней организациям». И Заукель использовал это право. Как писал Заукель в своей «программе, изданной в день рождения фюрера», он с «согласия фюрера и господина рейхсмаршала, а также начальника партийной канцелярии» назначил всех гаулейтеров Германской империи своими уполномоченными. Задачи гаулейтеров были сформулированы приказом Заукеля следующим образом:

«Обеспечение бесперебойного взаимодействия всех государственных, партийных, военных и хозяйственных инстанций для достижения максимального эффекта в области использования рабочей силы».

25 сентября 1944 г. Гиммлер издал совершенно секретную директиву об укреплении дисциплины труда и производительности труда иностранных рабочих. В этой директиве Гиммлер обязывал «...партийных руководителей предприятий особо тщательно наблюдать за настроениями иностранных рабочих. Для этой цели необходимо тесное сотрудничество партийных, государственных и хозяйственных инстанций с гестапо».

Далее в этой директиве указывалось, что все работающие на предприятиях члены немецко-фашистской партии по указанию крейслейтера и через ортсгруппенлейтера обязываются «самым решительным образом следить за иностранными рабочими и о своих наблюдениях неукоснительно сообщать партийным руководителям предприятий для дальнейшей передачи этих наблюдений уполномоченным абвера (разведки)». Там, где не было постоянного уполномоченного абвера, сведения передавались ортсгруппенлейтеру.

Директива Гиммлера предусматривала, что «в интересах единого политического руководства уполномоченные контрразведки должны работать в сотрудничестве с руководителями гестапо, которые, по мере надобности, собираются крейслейтерами».

Вот в чем заключалось «политическое руководство» крейслейтеров и ортсгруппенлейтеров. Эти шпионские функции выполняли и блоклейтеры, об этом прямо говорится в организационной книге германской фашистской партии:

«Блоклейтер должен выявлять всех тех, кто распускает вредные слухи, и докладывать ортсгруппенлейтеру, чтобы он соответствующим образом сообщил государственным властям».

Блоклейтер был проводником национал-социалистского мировоззрения среди политически доверенного ему населения и членов фашистской партии, он вербовал членов в Гитлерюгенд, СА, СС и ДАФ («Дейче арбейтерфронт»), он обеспечивал посещение национал-социалистских выступлений, участие в демонстрациях и т. д.

«Блоклейтер ведет непрерывную национал-социалистскую пропаганду».

Каков был характер гитлеровской пропаганды, хорошо всем известно.

«Мы снова хотим оружия, — писал Гитлер. — Поэтому все, начиная от букваря ребенка и до последней газеты, каждый театр и каждое кино, каждый столб для плакатов и каждая свободная доска для объявлений должны быть поставлены на службу этой единственной большой миссии».

Не всякий немец знал эти слова Гитлера, но каждый немец знал блоклейтера своего района, и этот блоклейтер непрерывно распространял фашистскую заразу, отравлял

сознание людей, способствуя выполнению общих планов гитлеровских заговорщиков.

Блоклейтеры были маленькими фюрерами, но и они пользовались весьма реальной властью над гражданами, проживавшими в их районе. Конечно, блоклейтеры не разрабатывали планов агрессивных войн, но они сделали очень многое, чтобы эти планы стали реальностью. Они были очень важной частью гитлеровской партии, являвшейся центром фашистского заговора.

Вот почему мы настаиваем на признании преступной организацией группы руководителей гитлеровской партии, всех больших и малых фюреров, рейхслейтеров и гаулейтеров, крейслейтеров и ортсгруппенлейтеров, целленлейтеров и блоклейтеров — всего руководящего состава чудовищного механизма фашистской диктатуры.

ОХРАННЫЕ ОТРЯДЫ — СС

В ряду других преступных организаций, созданных германским фашизмом, так называемым «охранным отрядам» гитлеровской партии, сокращенно СС, должно быть отведено особое место.

С названием СС связаны наиболее тяжкие преступления германского фашизма, массовые убийства в концлагерях, беспощадные расправы с мирным населением и военнопленными, изуверские массовые «акции».

В основном именно эсэсовцы должны были практически осуществить планы Гитлера и его клики об уничтожении народов. Гиммлер, являвшийся рейхсфюрером СС, часто называл эсэсовцев «черным корпусом». Точно так же официальная газета эсэсовцев, «орган рейхсфюрера СС», называлась «Дас шварце кор» («Черный корпус»).

Это был не случайный термин. Вся система СС, начиная от так называемых «альгемейне СС» («общих СС») и кончая лагерной охраной и войсками СС, была построена действительно как особый «корпус» уверенных в безнаказанности преступников, специально обученных и воспитанных в духе наиболее жестоких и бесчеловечных гитлеровских «теорий». Главным фашистским заговорщикам нужны были массовые кадры для совершения убийств миллионов людей порабощенных народов, для захвата территорий и практического осуществления так называемой «германизации». Эти задачи и выполняли члены СС.

Организация СС возникла и стала известна как преторианская гвардия Гитлера, как организация погромщиков и убийц. Она осталась такой же на всем протяжении своего существования.

В числе других доказательств советское обвинение предъявило номер газеты «Дас шварце кор» от 20 августа 1942 г. с опубликованной в нем редакционной статьей, озаглавленной «Германизировать ли?». Содержащиеся в этой статье программные установки Гиммлера настолько важны для уяснения существа СС, что я позволю себе вновь при-

вести небольшое извлечение из этой статьи: «Рейхсфюрер СС дал следующий лозунг: Нашей задачей является не германизировать Восток в старом смысле этого слова, то есть привить населению немецкий язык и немецкие законы, а добиться того, чтобы на Востоке жили люди только действительно немецкой, германской крови».

Эта статья была опубликована для сведения всех эсэсовцев в тот период, когда преступный германский фашизм был еще уверен в победе и уже приступил практически к истреблению миллионов людей.

4 октября 1943 г. на совещании группенфюреров СС в Познани создатель СС Гиммлер, говоря об уничтожении евреев Европы, заявил:

«Между нами мы будем говорить об этом с полной откровенностью, но публично об этом не будем упоминать. Точно так же, как это было 30 июня 1934 г., когда мы выполняли приказ и ставили к стенке и расстреливали провинившихся товарищей и об этом никогда не говорили и не будем говорить... Я подразумеваю теперь "эвакуацию" евреев, истребление еврейского народа. Это относится к делам, о которых легко говорится... "Еврейский народ будет искоренен", говорит каждый член партии, вполне ясно стоит в нашей программе истребление евреев, искоренение... мы делаем это... Большинство из вас знает, что такое 100 трупов, 500 лежащих трупов или 1000 лежащих трупов... В общем, мы можем сказать, что мы с любовью к нашему народу выполняли самые тяжелые задачи. И мы не повредили ни своей душе, ни своему характеру».

Я не буду останавливаться на истории СС. В связи со сказанным можно лишь упомянуть о том, что возникшие еще в 1925 году охранные отряды 20 июля 1934 г. специальным приказом Гитлера были возведены в ранг самостоятельной организации гитлеровской партии именно после совершенных эсэсовцами 30 июня 1934 г. политических убийств. В приказе Гитлера сказано:

«Ввиду доблестной службы СС, особенно в связи с событиями 30 июня 1934 г., возвожу СС на положение независимой организации внутри национал-социалистской партии».

История развития СС в системе гитлеровского государства свидетельствует о все большем и большем сращивании СС, как так называемых «общих СС», так и «войск СС», с полицейским аппаратом — гестапо, СД, эйнзатцгруппами и зондеркомандами, осуществлявшими массовые акции, «фильтрации» в лагерях и т. д. Этот процесс получил завершение в секретном приказе Гитлера 17 августа 1938 г., когда, объясняя причины, по которым 17 июня 1936 г. он объединил должности начальника германской полиции и рейхсфюрера СС, Гитлер указал:

«Посредством назначения рейхсфюрера СС и начальника германской полиции при министерстве внутренних дел 17 июня 1936 г. ("Рейхсгезетцблатт", часть 1, стр. 487) я со-

здал основу для объединения и реорганизации германской полиции.

Посредством этого мероприятия шутценштаффелен (то есть охранные отряды) национал-социалистов, которые находились под руководством рейхсфюрера СС и начальника германской полиции, вступили в тесную связь с германской полицией».

Только в этой теснейшей органической связи с наиболее жестокими, специально предназначенными для истязания и истребления людей, полицейскими органами, созданными германским фашизмом, может быть правильно понята роль СС.

Это обстоятельство безуспешно пыталась опровергнуть защита. Организацию СС она стремилась представить перед Судом состоявшей из ряда совершенно независимых, отделенных друг от друга непроницаемыми перегородками клеток — «альгемейне СС» («общих СС»), «ваффен СС» («войск СС»), «Ферфюгунгструппен СС» («особых отрядов СС»), дивизии «Тотен копф» («Мертвая голова»).

Оказывается, что ни одно из этих соединений и отделов СС, кроме малой части «Тотен копф», никакого отношения не имеет к полиции и концлагерям, так же как к проводимым Гитлером — Гиммлером — Гейдрихом — Кальтенбруннером полицейским «акциям» и другим тягчайшим преступлениям гитлеровцев. В итоге, по мнению защиты, единственными соучастниками в преступлениях этих палачей являлись гестаповцы Мюллер и Эйхман и начальник управления «D» в СС — Поль. Получается, что именно эти семь человек убили и замучили более десяти миллионов людей.

В ряду уже известных Трибуналу лжесвидетелей такие свидетели защиты СС, как бывший высший фюрер СС и полиции оберабшнитта Мюнхен — обергруппенфюрер СС барон фон Эберштейн, генерал-полковник войск СС Хауссер, начальник отдела укомплектований войск СС Бриль или эсэсовские судьи Рейнике и Мор, по праву должны занять одно из первых, если не первое место по беззастенчивости той лжи, к которой они прибегали для того, чтобы попытаться выгородить СС и эсэсовцев.

Однако даже ложь имеет свои пределы. Доведенная до предельных степеней, она не только не могла помочь преступникам, но изобличала их с головой.

И мне кажется, что Суд по достоинству должен был оценить показания судьи эсэсовского резерва Мора, описывающего один из наиболее жестоких концлагерей эсэсовцев — Бухенвальд, как почти санаторий для заключенных с хорошим питанием, спортивными площадками, легкой работой на свежем воздухе и большой библиотекой.

Неумной лжи «свидетелей» защитников СС противостоят полностью изобличающие преступную организацию документы. Этой лжи противостоит также неопровержимая логика фактов — фактов тягчайших преступлений, организато-

рами и исполнителями которых являлись члены всех звеньев и организаций СС.

Ко времени начала войны организация СС состояла из следующих важнейших звеньев:

1. Так называемых общих СС («альгемейне СС»), в которых эсэсовец проходил общую подготовку, прежде чем быть направленным в «войска СС» или в ту или иную полицейскую организацию. «Общие СС» были резервуаром, из которого черпали пополнение специальные организации германского фашизма — тайная государственная полиция (гестапо), служба безопасности (СД), управление концлагерей (группа «D») и другие.

2. Войск СС — которые являлись в действительности отнюдь не теми далекими от каких-либо полицейских действий «гвардейскими частями» бывшей немецкой армии, какими столь усиленно стремились их представить защита и подсудимые. К войскам СС относились в числе других частей те учреждения, по поводу преступного характера которых не посмели возражать даже защитники СС — «лагерные комендатуры войск СС», осуществлявшие массовое уничтожение мирных людей и военнопленных в концлагерях. Именно «ваффен СС», к которым относились также полицейские полки СС, были в основном теми частями, которые осуществляли уничтожение населенных пунктов и деревень, совершали неисчислимые преступления на территории временно оккупированных районов Советского Союза и стран Восточной Европы.

3. В систему СС были включены хозяйственное управление СС, ведающее концлагерями, управление по консолидации немецкой нации, практически осуществлявшие гнусные теории «расизма», и все полицейские организации гитлеровцев, в том числе такие, как эйнзатцгруппы и зондеркоманды.

Вряд ли стоит полемизировать с утверждениями защиты по поводу того, что якобы связь СС и полиции была «чисто внешней» и объяснялась «личной унией» Гиммлера.

Известно, какое внимание уделял Гиммлер тому, чтобы все чиновники полиции являлись членами тех самых «общих СС», которые являлись резервуаром и цементирующим ядром всей эсэсовско-полицейской системы германского фашизма. В числе других доказательств Суду уже представлено письмо Гиммлера Кальтенбруннеру от 24 апреля 1934 г. «о порядке приема в члены СС чиновников ЗИПО» (полиции безопасности) в том случае, «если подающий заявление в СС подходит в расовом и идеологическом отношениях, если имеется гарантия в отношении числа его детей, здоровья всего рода и сам он не является больным, дегенератом».

Этому позорному «черному корпусу» германского фашизма была отведена исключительная роль в осуществлении преступных планов германского фашизма.

Выродкам в эсэсовской форме, потерявшим всякое представление о человеческой морали, не только гарантировалась безнаказанность за преступления, им повседневно внушалось, что именно они являются тем «полноценным расовым слоем», который составит основу будущей «великой Германской империи».

Так заявлял им Гиммлер, так заявляли рейхслейтеры и гаулейтеры, возведенные Гиммлером в высшие звания СС и в зависимости от оценки рейхсфюрером СС их деятельности повышаемые по эсэсовской иерархии.

Министр иностранных дел фашистской Германии Риббентроп не только не стыдился того, что приравнен в эсэсовском звании к убийце Полю или грабителю и палачу Глобочнику, он был весьма горд этим.

«Я всегда буду считать за особую честь принадлежать к этому гордому корпусу фюрера, имеющему решающее значение для будущего нашей великой Германской империи», — писал Риббентроп в письме Гиммлеру по случаю производства его из группенфюреров в обергруппенфюреры СС.

Так, одна и та же система СС объединяла коменданта Треблинки унтершарфюрера Курта Франца, изобретателя «душегубок» унтерштурмфюрера Беккера, эсэсовского экспериментатора над живыми людьми гауптштурмфюрера доктора Рашера и имперского министра обергруппенфюрера СС Риббентропа.

На совещании группенфюреров СС в Познани Гиммлер, говоря о единстве СС и полиции, заявил:

«Я непрестанно кое-что прибавляю к этому, всегда ищу обруч, который бы дал возможность все это соединить. Горе, если этот обруч будет недостаточно крепким и начнет расходиться. Тогда, будьте уверены, все вернется за короткий срок к ничтожному прошлому... Я думаю, что мы отвечаем за это перед Германией, так как Германия нуждается в этом ордене СС. По крайней мере на следующие столетия».

Заканчивая речь, он говорил:

«...Когда война будет выиграна, тогда, я вам уже говорил об этом, начнется наша работа.

...Из этого ордена, из этого верхнего расового слоя германского народа должно рождаться самое большое количество потомства. В течение 20—30 лет мы должны давать Европе руководящий слой. Если СС совместно с крестьянами и мы совместно с нашим другом Бакке начнем заниматься заселением Востока, великодушно, без всяких ограничений, не спрашивая ни о чем, с размахом и революционным напором, то в течение 20 лет мы продвинем границу нации на 500 километров на Восток...

...Мы будем диктовать Востоку наши законы. Мы будем пробиваться вперед и постепенно подойдем к Уралу».

В краткой речи невозможно перечислить тягчайшие преступления, совершенные эсэсовцами.

Да это и не нужно, так как представленные доказательства свежи в памяти Суда.

Я кратко остановлюсь на некоторых вопросах, касающихся ответственности отдельных групп СС в связи с возражениями, сделанными защитой.

«ОБЩИЕ СС»

В какой бы из специальных организаций СС ни состоял член СС, он прежде всего являлся членом «общих СС», и исключение из них влекло для него потерю должности и всех связанных с этим благ.

В связи с этим я остановлюсь на одном из документов, представленных советским обвинением при предъявлении материалов о преступлениях гитлеровцев в отношении советских военнопленных.

В данном случае речь идет о материалах следствия, произведенного эсэсовскими чиновниками по поводу, как сказано в материалах, «инцидента», происшедшего при проведении «особорежимной операции».

Что означал последний термин, Суду хорошо известно. В данном случае некий гауптштурмфюрер СС Кальбах, обследовавший так называемый «воспитательно-трудовой лагерь» советских военнопленных в Бердичеве, решил умертвить 28 советских военнопленных, состояние которых в протоколе допроса начальника лагеря СС — штурмшарфюрера Кнопа характеризуется следующим образом: «Они были исключительно тяжело ранены. У одних отсутствовали обе ноги, у других обе руки, у третьих отсутствовала одна какая-либо конечность. Только некоторые из них не имели ранения конечностей, но они были так изуродованы другими видами ранений, что не могли выполнять никакой работы». То обстоятельство, что советские военнопленные, будучи предварительно изувечены фашистскими варварами, не могли быть использованы для работы, явилось единственным основанием для их умерщвления.

Исполнение приговора было поручено трем эсэсовцам: унтершарфюреру Палано, ротенфюреру Гессельбаху и штурмфюреру Фольпрехту. Эти три эсэсовца в показаниях характеризуются следующим образом:

«...Об упомянутых выше трех лицах, которым я поручил произвести расстрел военнопленных, мне было известно, что они, еще будучи в Киеве, принимали участие в массовых экзекуциях многих тысяч человек. И в местном управлении им уже в мою бытность поручались расстрелы многих сотен людей».

Однако случилось так, что 28 раненых советских военнопленных в то время, когда их везли на казнь, оказали героическое сопротивление палачам, убили двоих из них и разбежались.

В связи с этим и было назначено следствие, причем командир отряда СС в Бердичеве обвинялся, конечно, не в том, что решил убить 28 невиновных больных людей, а в том, что допустил возможность побега.

Я сослался на эти материалы не для того, чтобы восстановить в памяти один из бесчисленных эпизодов эсэсовских зверств на территории временно оккупированных районов СССР, но для того, чтобы процитировать весьма характерный текст предупреждения об ответственности за ложные показания, к которому прибегали перед началом допроса производившие следствие эсэсовцы.

Там сказано: «...поставлен в известность о существе предстоящего допроса. Мне указано, что ложные показания с моей стороны повлекут за собой наказание и исключение меня из СС».

Вступая в «общие СС», будущий член этой преступной организации принимал особую присягу, в тексте которой было сказано:

«Я клянусь тебе, Адольф Гитлер, фюрер и рейхсканцлер... повиноваться до смерти тебе и тем, которых ты назначил для того, чтобы командовать мною».

И где бы ни служил эсэсовец — умерщвлял ли он людей в Треблинке и Освенциме или мучил допрашиваемых в застенках гестапо — он оставался прежде всего самим собою — тупым и безжалостным членом «общих СС», знающим лишь две обязанности — слепое повиновение «фюреру и рейхсканцлеру» и безоговорочное исполнение любых преступных приказов.

«ВОЙСКА СС» — «ВАФФЕН СС»

Войска СС зародились из так называемых «лейбштандартов» — личной охраны Гитлера и дивизии «Мертвая голова», действовавшей, главным образом, в концлагерях.

Во время войны в войска СС вошли, в числе других соединений и частей, лагерные комендатуры, непосредственно осуществлявшие уничтожение миллионов людей и проведение в жизнь режима предельного изнурения заключенных перед умерщвлением, а также полицейские дивизии и части.

Уже это простое перечисление составных частей «ваффен СС» свидетельствует об их преступном характере.

Советское обвинение предъявило в качестве доказательств приговор военного трибунала 4-го Украинского фронта и Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о зверствах немецко-фашистских захватчиков в городе Харькове и Харьковской области, из которых видно, что за истребление более 20 тысяч человек мирных граждан Харькова, расстрелы и сожжение заживо военнопленных ответственны эсэсовские части и, в частности, дивизия СС «Адольф Гитлер» под командованием обергруппенфюрера Дитриха и дивизия СС «Мертвая голова» под командованием обергруппенфюрера войск СС Симона.

В Киеве во время немецкого господства было замучено, расстреляно и отравлено в «душегубках» более 195 тысяч мирных граждан, причем значительная часть их была уничтожена частями СС, за что, согласно Сообщению Чрез-

вычайной Государственной Комиссии, ответственны бывший командующий войсками СС на юге России и на Украине генерал-майор Троенфельд, генерал-лейтенант войск СС Ютнер и другие представители войск СС.

В городе Ровно и Ровенской области немцы уничтожили 102 тысячи человек. О том, как совершалось эсэсовцами это преступление, свидетельствует, в числе других, солдат 4-го эскадрона 17-го кавалерийского полка СС Адольф Матцке, по приказу командира полка штандартенфюрера Цехендера, вместе с другими солдатами полка производивший расстрелы мирных жителей, в том числе женщин, и сожжение деревень.

В ноте Министра иностранных дел СССР от 27 апреля 1942 г., предъявленной Трибуналу под номером СССР-51, приводится следующее, основанное на подлинных немецких документах, описание зверств кавалерийской бригады войск СС.

Я цитирую ноту: «При разгроме частями Красной Армии в районе города Торопца в январе 1942 года кавалерийской немецкой бригады СС среди захваченных документов найден отчет кавалерийского полка названной бригады об "умиротворении" им Старобинского района в Белоруссии. Командир полка докладывает, что наряду с 239 пленными отрядом его полка расстреляно 6504 мирных жителя, причем в отчете указывается, что отряд действовал на основании приказа по полку за № 42 от 27 июля 1941 г. Командир 2-го полка той же бригады фон Магилл докладывает в своем "сообщении о проведении усмирительной припятьской операции с 27 июля по 11 августа 1941 г.": "Мы выгнали женщин и детей в болота, но это не дало должного эффекта, так как болота не были настолько глубоки, чтобы можно было в них утонуть. На глубине в один метр можно в подавляющем большинстве случаев достигнуть грунта (возможно, песка)". В том же штабе обнаружена телеграмма № 37 командира кавалерийской бригады СС штандартенфюрера конному отряду названного 2-го кавалерийского полка от 2 августа 1941 г., в которой объявляется, что имперский фюрер СС и полиции Гиммлер считает число уничтоженных мирных жителей "слишком незначительным", указывает, что "необходимо действовать радикально", что "командиры соединений слишком мягки в проведении операций", и приказывает ежедневно докладывать число расстрелянных».

Подобной этим примерам была преступная деятельность частей войск СС на территории Югославии, Польши и других временно оккупированных немцами стран Восточной Европы.

Я хочу напомнить Суду о тех многочисленных материалах, предъявленных Суду советским и британским обвинением, которые характеризуют преступления, совершенные на территории Югославии дивизией СС «Принц Евгений».

В частности, я напомню Сообщение Югославской Государственной Комиссии № 29 о злодеяниях этой эсэсовской

дивизии. Там содержатся описания того, как эсэсовские солдаты, члены тех самых «ваффен СС», которых здесь называли «немецкой гвардией», сжигали заживо население целых деревень, в том числе женщин и детей. Я напомню также показания генерал-майора войск СС Августа Шмидтхубера с содержащимся в них описанием того, как по приказу командира 1-го батальона СС Кассарера были заперты в помещении церкви в Кривой Реке мирные люди, а затем здание церкви взорвано.

Я позволю себе сослаться на известные также Трибуналу объявления офицеров этой дивизии о массовом расстреле заложников и убийствах военнопленных.

На Суде была оглашена строго секретная директива Гиммлера, на основании которой части «ваффен СС» уничтожили тысячи населенных пунктов, городов, сел и деревень во временно оккупированных немцами районах Советского Союза. В этой директиве Гиммлер писал:

«Цель, которая должна быть достигнута, заключается в том, что после того, как украинские области будут эвакуированы, там не должно быть оставлено ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одной железнодорожной линии, ни один дом не должен остаться целым, не должно быть ни одной шахты, которую можно было бы эксплуатировать в течение ближайших лет, не должно быть ни одного неотравленного колодца. Враг должен найти страну полностью выжженной и разрушенной».

«Ваффен СС», исполняя преступные приказы рейхсфюрера СС (приказ Гиммлера от 10 июля 1943 г.), угоняли в немецкое рабство население целых районов, сгоняя украинских и русских детей в особые концентрационные лагеря для детей.

Так называемые «ваффен СС» были в первую очередь отборными частями СС, в подавляющей части состоявшими из добровольцев, в том числе из членов «общих СС», призванных практически осуществлять преступные планы Гитлера и его клики. Попытки защиты и обвиняемых объявить их «немецкой гвардией», далекой от каких-либо «полицейских функций» и не обагрившей руки в крови невинных людей, противоречат неумолимым и бесспорным фактам. Войска СС в целом являются органической частью общей системы учреждений и организаций СС и безусловно преступны.

ШТУРМОВЫЕ ОТРЯДЫ — СА

4 октября 1943 г., произнося свою речь перед группенфюрерами СС в Познани, Гиммлер заявил:

«Нам необходимо полное единство с партией и всеми ее организациями. К счастью, мы полностью едины в настоящее время с СА. Новый начальник штаба Шепман считает своей важнейшей задачей — мир и согласие среди старых партийных группировок».

Так создатель тех самых СС, которые в 1934 году перебили путчистскую верхушку СА, в 1943 году подтвердил

полное единство эсэсовцев со штурмовиками и подчеркнул значение этой преступной организации гитлеровцев в общем заговоре.

На всем протяжении развития гитлеровской партии и затем гитлеровского государства СА была той преступной организацией, которой главари германского фашизма уделяли особое внимание, считая ее одним из важнейших орудий терроризирования и одурачивания своего народа и подготовки агрессии против других народов. Не имеет смысла полемизировать с защитой СА по поводу роли, которая отводилась этой преступной организации в общем фашистском заговоре.

По существу речь адвоката Бёма вообще была лишена заслуживающей внимания юридической аргументации. Это была речь, произнесенная с позиций убежденного гитлеровца, повторяющая в ряде случаев худшие примеры гитлеровской пропаганды, которые защитник старательно извлекал из печатных органов штурмовых отрядов.

Штурмовые отряды — СА были первой ударной силой в руках заговорщиков, первой массовой военной и террористической организацией, созданной ими. Они были организованы Гитлером еще в 1921 году при полной поддержке мечтавшего о реванше рейхсвера.

Ядро СА составили люди типа Штрейхера и Рема, зоологические антисемиты, шовинисты, из числа сторонников завоевания жизненного пространства, оставшиеся не у дел офицеры и солдаты разбитой кайзеровской армии.

В отряды штурмовиков были собраны, с одной стороны, наиболее реакционные реваншистские элементы, с другой стороны, в СА потянулись авантюристы, соблазненные декоративной стороной этой преступной организации и почуявшие возможность участвовать в погромах и грабежах.

С самого начала СА являлась строго добровольной организацией. Этот принцип сохранился неизменным на всем протяжении развития штурмовых отрядов.

От мюнхенского путча 1923 года до захвата власти гитлеровцами в 1933 году СА оставалась верным орудием в руках гитлеровской фашистской клики, обеспечивавшим ей «власть над улицей» и устранение политических противников.

Наряду с СС штурмовые отряды являлись составной частью гитлеровской партии. Это было официально объявлено в постановлении от марта 1935 года («Рейхсгезетцблатт», 1935 год, часть 1, стр. 502) и то же значилось в организационном уставе гитлеровской партии (страница 352).

«Общественность никогда бы ничего не узнала из волнующих речей и пропаганды нашей маленькой фракции в рейхстаге или из стремлений и задач партии, если бы она не слышала шаг марширующих частей СА и их боевые песни», — писал штурмфюрер СА Байер в своей брошюре «СА».

Но немецкая «общественность» слышала не только «марширующий шаг СА и их боевые песни». Значительно более ощутимо воспринимались ею удары резиновых дуби-

нок, выстрелы в политических противников и погромы в рабочих кварталах. Основная ценность СА для главных фашистских заговорщиков заключалась именно в этой функции СА как орудия погромов и террора.

В период борьбы за власть и в последующее время штурмовики были прежде всего орудием грубого насилия, средством устрашения и истребления политических противников.

Это положение весьма откровенно было выражено Геббельсом в речи, произнесенной им в 1935 году. Он говорил тогда:

«Внутренние политические оппоненты исчезли не по каким-то никому не известным тайным причинам. Нет, они исчезли потому, что движение наше располагало самым сильным оружием в стране, и этим самым сильным оружием являлись отряды СА».

Суду памятны показания свидетеля Гизевиуса о терроре штурмовиков на улицах германских городов, о погромщиках в форме СА, избивающих, убивающих, глумящихся над достоинством человека и превращающих штабы СА в дома пыток.

Правда, ко времени прихода гитлеровцев к власти уже вполне оформилась другая террористическая организация, ставшая основным исполнителем их предначертаний и наряду с СА резервом той громадной полицейской машины, которую создал германский фашизм. Это была СС, и окружавшие Гитлера коричневорубашечники должны были несколько посторониться для того, чтобы пропустить к верхушке гитлеровского аппарата «черный корпус» эсэсовцев.

О широком использовании СА как резерва политической полиции говорит официальный биограф Геринга. Он отмечает, что, создавая гестапо, Геринг включил в состав этой, одной из наиболее опасных преступных организаций германского фашизма, многих членов СА «как лиц, наиболее надежных в политическом отношении».

Суду уже были предъявлены материалы, свидетельствующие о том, что наряду с эсэсовцами члены СА после прихода фашистов к власти составили команды охраны концлагерей.

Описывая концентрационный лагерь в Ораниенбурге, штурмбаннфюрер СА Шефер говорил о том, что «самые проверенные и смелые члены СА были выбраны для того, чтобы работать в лагере, то есть они были постоянной стражей лагеря. Таким образом мы создали кадры опытных стражников, которые всегда были готовы к тому, чтобы действовать».

Мне кажется, нет нужды останавливаться на том, какой режим обращения с заключенными существовал в этих лагерях и как вели себя в концлагерях штурмовики, выполняя в них роль палачей.

Штурмовики непосредственно осуществляли первые антисемитские погромы. Это подтверждается, в числе других документов, предъявленных обвинением, подлинными отчетами командиров частей и подразделений СА. Наряду с СС — СА воспитывалась в духе того же звериного антисемитизма, который в конечном итоге получил завершение созданием Треблинки и Хелмно.

Однако при анализе преступного характера организации нельзя упустить еще одну важнейшую функцию СА, выполненную ей в общем плане развития гитлеровского заговора.

СА была той организацией, под прикрытием которой было произведено массовое обучение чисто военных кадров для вермахта, призванных впоследствии осуществить планы агрессии гитлеровцев. Эта преступная деятельность выполнялась с соблюдением максимальной конспирации от окружающего мира.

«В дополнение к моим инструкциям... от 11 июля 1933 г. я нахожу нужным просить все власти СА быть чрезвычайно осторожными в отношении любой публикации относительно службы СА не только в общей прессе, но также и в сообщениях в газетах отдельных частей СА. Только за последние несколько дней министерство внутренних дел по просьбе министерства иностранных дел издало строгую инструкцию всем германским властям относительно того, чтобы был проведен строжайший контроль над всеми публикациями, которые могли бы дать повод другим странам указывать на нарушение Германией условий Версальского договора».

Этот секретный приказ начальника штаба СА целиком опровергает утверждения защиты о «мирном характере» штурмовых отрядов и о «чисто спортивном» характере их деятельности.

Сама организационная структура штурмовых отрядов с их бригадами и полками носила чисто военный характер. С самого начала возникновения, под руководством наиболее реакционных офицеров рейхсвера, сомкнувшихся с гитлеровцами, отряды СА приступили к подготовке кадров для будущей войны. В последующее время, после захвата гитлеровцами власти, СА стала орудием массовой военной подготовки, и одетые в форму СА офицеры вермахта занимались в них строго военным обучением штурмовиков.

Руководители СА хорошо понимали место, отведенное им в осуществлении планов гитлеровской агрессии после захвата власти. По этому поводу уместно напомнить Суду небольшое извлечение из статьи, опубликованной в органе штурмовых отрядов «Боец СА» 6 января 1934 г.:

«Боец СА, следуя воле фюрера, должен оставаться защитой национал-социалистской революции перед врагами... и должен стоять там навсегда потому, что перед нами еще стоят новые гигантские задачи. Они практически не могут

быть осуществлены без активного участия и сотрудничества штурмовых отрядов.

То, что сделано до сих пор, а именно — захват власти в государстве и уничтожение всех элементов, которые повинны в губительных для страны последствиях в послевоенные годы... — это только предварительная задача, это трамплин для того, чтобы сделать прыжок к выполнению настоящих больших национал-социалистских задач».

И на всем протяжении последующего развития гитлеризма СА была верным орудием в руках преступной гитлеровской клики.

В период войны членам СА было специальной директивой вменено в обязанность следить за военнопленными и «восточными рабочими», не допуская никакого послабления установленного в отношении их зверского человекоистребительного режима. Члены СА несли охранную службу в ряде «рабочих» лагерей.

СА была одной из наиболее массовых преступных организаций гитлеровской партии. Активная преступная деятельность ее членов, за исключением «союза ветеранов» и лиц, вовлеченных в спортивные общества СА, в результате судебного следствия в полной мере доказана.

Штурмовые отряды немецко-фашистской партии, деятельность которых является весьма значительной частью истории преступлений гитлеровского режима, безусловно должны быть признаны Судом преступной организацией.

ГЕСТАПО

Гестапо было создано подсудимым Герингом 26 апреля 1933 г. в бытность его прусским премьер-министром; в первое время Геринг лично им руководил.

Постепенно руководство политической полицией федеральных земель сконцентрировал в своих руках имперский руководитель СС Генрих Гиммлер. Законом от 10 февраля 1936 г. гестапо было объявлено общеимперской «особополицейской» организацией. Указом от 17 июня 1936 г. Гитлер назначил Гиммлера шефом германской полиции, узаконив таким образом достигнутую к этому времени «персональную унию» между СС и полицией в целом.

В своем первом приказе от 25 июня 1936 г. о структуре германской полиции Гиммлер в духе той же персональной унии назначил шефом полиции безопасности, объединявшей в своей системе гестапо и уголовную полицию, шефа СД — Рейнгарда Гейдриха, преемником которого стал после уничтожения Гейдриха подсудимый Кальтенбруннер.

В 1939 году, в результате укрепления руководящей роли СД в общей системе безопасности нацистского государства и в целях дальнейшего соподчинения полиции безопасности единому руководству, была произведена реорганизация центральных органов безопасности, выразившаяся в объединении главного управления безопасности СС и главного управления полиции безопасности в рамках единого

эсэсовского полугосударственного-полупартийного аппарата — главного имперского управления безопасности (РСХА).

Существовавшее до тех пор в составе главного управления полиции безопасности управление тайной государственной полиции, известное в то время под сокращенным названием гестапо, превратилось в четвертое управление РСХА.

ЗАДАЧИ ГЕСТАПО

Задачи гестапо в общей системе органов безопасности третьей империи были четко определены в свое время тем же Гейдрихом в статье, опубликованной в немецком журнале «Германская полиция». Определяя роль СД как политической разведки нацистской партии и государства, в обязанность которой входило выявление и изучение, с целью информации нацистского руководства, политических настроений, тенденций и течений как внутри, так и вне империи, задачу органов тайной государственной полиции он видел в конкретном выявлении и обезвреживании политически враждебных и неблагонадежных для фашистского режима элементов.

Выполнению этой кардинальной программной задачи нацистского государства служила вся система центральных, территориальных, пенитенциарных и специальных органов и формирований гестапо.

Выполнение этой задачи требовало самого тщательного индивидуального отбора сотрудников гестапо. Они подбирались из числа наиболее опытных кадровых чиновников общей полиции и администрации, на деле зарекомендовавших себя фанатическими приверженцами гитлеровского режима, а также из штатных сотрудников СД, назначавшихся, как правило, на руководящие должности в гестапо.

Из письменных показаний бывшего начальника шестого управления РСХА Вальтера Шелленберга установлено, что 75 процентов чиновников гестапо являлись членами СС. Таковыми они либо уже приходили в гестапо, либо вступали в СС, начав свою службу в этой карательно-террористической организации.

Число сотрудников гестапо в период 1943—1945 гг. доходило до 40—50 тысяч. Такой штат, говоря словами Фуше, позволял гестапо иметь «везде глаза, чтобы видеть, и везде руки, чтобы схватывать».

Преступная деятельность гестапо не ограничивалась пределами имперской территории.

В период подготовки планов агрессии на органы гестапо была возложена организация совместно с СД одной из первых оперативных групп — эйнзатцгруппы, предназначенной для действия на территории Чехословацкой республики.

С началом военных действий тайная государственная полиция в соответствии с заранее разработанным и утвержденным планом выделила часть своих кадров в распоряжение вооруженных сил, в составе которых они образовали

так называемую «тайную полевую полицию» — ГФП. Формирования последней выполняли в войсках действующей армии функции, присущие гестапо и уголовной полиции в рейхе, и, кроме того, широкие полицейско-карательные функции, направленные против мирного населения и партизан в районах боевых действий.

С самого создания тайной государственной полиции ей было предоставлено широкое право внесудебной репрессии против элементов, «угрожавших» нацистскому государству и партии.

Одной из основных форм подавления этих элементов было использование права превентивного ареста и превентивного заключения, которым на протяжении своего существования широко пользовались органы гестапо как на территории самой империи, так и в присоединенных к Германии и оккупированных ею областях.

Местами превентивного заключения были пользующиеся широкой и мрачной известностью немецкие концентрационные лагеря. Заключение в концлагерь происходило по простому письменному распоряжению шефа полиции безопасности и СД — Гейдриха, а впоследствии — подсудимого Кальтенбруннера или начальника четвертого управления РСХА Мюллера. Во многих случаях распоряжение о заключении в концентрационный лагерь давал лично рейхсфюрер СС и шеф германской полиции Генрих Гиммлер.

Никогда подвергавшийся превентивному заключению не знал, на какой срок мучений и издевательств он обречен, — срок заключения всецело зависел от произвола гестапо. Даже в тех случаях, когда гестапо, бросая человека в концлагерь, заранее определяло срок его заключения, было строжайше запрещено сообщать его как заключенному, так и его близким.

Эти концлагеря явились прообразом возникших в период развязывания гитлеровской агрессии лагерей уничтожения, названия которых с содроганием будут вспоминать грядущие поколения: Майданек, Освенцим, Треблинка и многие другие.

В качестве карательного экзекутивного аппарата нацистского государства тайная государственная полиция была тесно связана с нацистской партией.

В приложении к декрету имперского и прусского министра от 20 сентября 1936 г. недвусмысленно сказано, что «особые задачи полиции безопасности требуют самого тесного и полного взаимопонимания, сотрудничества... и с гаулейтером НСДАП...». При ознакомлении с декретом от 14 декабря 1938 г. о сотрудничестве партийных инстанций с тайной государственной полицией легко усматривается самый тесный контакт между различными организациями фашистских заговорщиков, в частности, между гестапо и руководством нацистской партии. Подсудимые Гесс и Борман постоянно заботились о поддержании тесного контакта партии с гестапо.

УЧАСТИЕ ГЕСТАПО В ПОДГОТОВКЕ АГРЕССИИ

Как я уже говорил, гестапо наряду с другими преступными фашистскими организациями принимало самое активное участие в подготовке захвата территорий других государств.

Список, включавший 4 тысячи имен югославских граждан, составленный в 1938 году и захваченный в мае 1945 года в отделении гестапо в Мариборе, с несомненностью свидетельствует об участии гестапо по своей линии в подготовке захвата Югославии.

Из показаний одного из югославских квислингов, Драгомира Иовановича, бывшего начальника сербской полиции при немцах, установлено, что руководящие круги фашистских заговорщиков заранее планировали создание органов гестапо в Югославии. Согласно выработанному плану между проживавшими в Югославии немцами заблаговременно были распределены полицейские посты.

Советским обвинением был предъявлен Трибуналу документ за номером СССР-509, из которого также видно, что еще до захвата фашистами Чехословакии органы главного имперского управления безопасности планировали развертывание деятельности СД и гестапо на территории этой страны.

Из доклада Чехословацкого правительства усматривается и другая форма участия органов гестапо в подготовке агрессии. Главное имперское управление безопасности забрасывало в Чехословакию своих агентов для убийства антифашистов или их похищения и вывоза в Германию.

Факт участия органов гестапо в разработке планов агрессии подтверждается также рядом документов, говорящих о том, что еще до своего вероломного нападения на СССР гитлеровские палачи составляли списки, розыскные книги и собирали необходимые сведения о руководителях государственных органов и общественных деятелях, которые по их планам подлежали уничтожению. Так, гестапо совместно с СД и уголовной полицией были подготовлены для этих преступных целей «особая розыскная книга СССР», «германская розыскная книга», «списки по выявлению местопребывания» и другие подобного рода розыскные книги и списки.

Преступная деятельность гестапо по подготовке и развязыванию агрессии внутри самой Германии и в западных государствах уже достаточно освещена моими уважаемыми коллегами, а потому я перехожу к вопросу о преступлениях гестаповцев на временно оккупированных гитлеровцами территориях СССР, Югославии, Польши и Чехословакии.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГЕСТАПО В ЧЕХОСЛОВАКИИ, ЮГОСЛАВИИ И ПОЛЬШЕ

Преступления, содеянные гитлеровцами с помощью исполнительного полицейского аппарата на временно оккупированных ими территориях Чехословакии, Югославии и Польши, имеют многие общие черты.

Различные органы гестапо были тем экзекутивным исполнительным аппаратом, который осуществлял большинство этих злодеяний.

Первая же массовая «акция» по уничтожению польской интеллигенции, задуманная Франком и одобренная Гитлером, так называемая «операция АБ» была непосредственно выполнена гестаповцами. Именно сотрудники гестапо, привлекавшие в помощь отряды эсэсовцев, под руководством начальника СС и полиции в Польше обергруппенфюрера Крюгера и бригаденфюрера Штрехенбаха уничтожили при проведении этой зверской массовой операции несколько тысяч польских интеллигентов.

Согласно постановлению Франка от 9 октября 1943 г., получившие зловещую славу так называемые штандгерихте, которые были созданы для «подавления нападений на германское строительство в генерал-губернаторстве», также состояли из сотрудников тайной полиции, то есть гестапо.

Именно гестапо в Польше осуществляло жестокие репрессии в отношении священнослужителей, уже до января 1941 года убив около 700 священников и заключив 3 тысячи священников в концентрационные лагеря.

Как это вполне доказано материалами, представленными советским обвинением, гестапо на территории Польши создало особые пункты массового уничтожения еврейского населения.

В отличие от таких лагерей уничтожения, как Майданек и Освенцим, подчиненных административно-хозяйственному управлению СС, тайный пункт массового уничтожения людей в Хелмно, где было уничтожено с помощью «душегубок» 340 тысяч евреев, был создан и непосредственно подчинен гестапо и назывался «зондеркоманда Кульмгоф». Эта гестаповская зондеркоманда инспектировалась начальником гестапо города Лодзи Браутфишем.

Равным образом гестапо создало прообраз всех последующих лагерей уничтожения — Треблинку.

«Реферат» Эйхмана, осуществлявший уничтожение евреев в Европе, используя для этого систему лагерей уничтожения, — отдела «D» СС, находился в системе гестапо, и Эйхман был непосредственно подчинен начальнику гестапо Мюллеру.

В Польше гестаповцы уничтожили 3 миллиона 200 тысяч евреев, в Чехословакии — 112 тысяч евреев, в Югославии — 65 тысяч евреев.

Гестапо осуществляло на территории оккупированных немцами стран Восточной Европы преступную систему заложничества и коллективной ответственности, произвольно расширяя круг подвергающихся жесточайшим репрессиям людей. Например, тайная полиция совместно с подсудимым Франком издала известное распоряжение о массовых репрессиях в отношении «семей саботажников», где было сказано о том, что следует не только расстреливать на месте схваченных преступников, но и, кроме того, казнить одно-

временно всех мужчин их рода, женщин же этого рода старше 16 лет отправлять в концлагерь.

То, что происходило в Польше, является характерным не только для этой страны, но точно в такой же степени и для Чехословакии и Югославии.

В Чехословакии лишь через тюрьму гестапо в Брно в период оккупации прошло 200 тысяч человек, из них освобождено было только 50 тысяч, а остальные убиты или посланы для немедленного умерщвления в концлагерь.

Постановлением 9 марта 1942 г. гестапо получило право «превентивного заключения» в «протекторате».

Еще до начала войны тысячи чешских патриотов, в особенности докторов, учителей, юристов, священников и т. д., были арестованы. Кроме того, в каждом районе записывались лица, подлежащие аресту как заложники при первом признаке беспорядков «в общественном строе и безопасности». В 1940 году Карл Герман Франк заявил в речи к «вождям» движения так называемого национального единства, что 2 тысячи чешских заложников, находящихся в концлагерях, будут расстреляны в том случае, если видные чешские деятели откажутся подписать заявление о лояльности.

После покушения на Гейдриха многие из этих заложников были казнены.

В 1939 году гестапо созвало директоров и заведующих складами различных чешских промышленных фирм. От них были отобраны следующие подписки: «Я принимаю к сведению то обстоятельство, что я буду немедленно расстрелян, если фабрика прекратит работу без уважительной причины».

Подобным же образом преподаватели чешских школ должны были давать в гестапо особые подписки, ручаясь за лояльное поведение своих учеников в отношении гитлеровцев и гитлеровского режима.

Гестапо осуществило беспримерное по своей жестокости злодеяние, истребив население деревни Лидице и уничтожив самую деревню.

В исключительно жестоких формах осуществлялся полицейский террор на территории Югославии.

Для подтверждения этого может быть приведено следующее небольшое извлечение из Сообщения № 6 Югославской Государственной Комиссии по расследованию военных преступлений:

«Группа заложников была повешена в Целье (Цилли) на крючьях, на которых мясники вывешивали мясо. В Мариборе каждые пять из обреченных жертв были вынуждены класть расстрелянных заложников в ящики и грузить на грузовые машины. После этого эти пять человек расстреливались, и следующие пять были обязаны продолжать погрузку. Так продолжалось беспрерывно. Улица Содна в Мариборе была вся залита кровью, текшей с грузовиков... В Граце расстреливалось каждый раз по 500 человек».

Трибуналу предъявлены многочисленные документы о массовом расстреле заложников, подписанные соответствующими начальниками территориальных отделений тайной полиции в Югославии. Я не буду подробно останавливаться на содержании этих документов, полагая, что оно достаточно памятно Суду.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГЕСТАПО НА ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СССР

На судебном следствии полностью доказаны те тягчайшие преступления, которые были совершены гестаповцами на временно оккупированной советской территории, где они действовали либо в составе оперативных формирований — эйнзатцгрупп, эйнзатцкоманд и зондеркоманд СД и полиции безопасности, либо в составе тайной полевой полиции (ГФП), укомплектованной чиновниками гестапо и уголовной полиции.

Как правило, чиновники гестапо во всех этих случаях выполняли роль непосредственных исполнителей бесчеловечных «экзекуций» и «массовых акций», действуя под общим политическим руководством сотрудников СД и при содействии чинов других видов полиции, а также отрядов «ваффен СС», широко используемых для этих целей. На Суде установлены многочисленные случаи массовых убийств и истязаний мирных граждан СССР органами гестапо. В качестве примера я ограничусь описанием только отдельных характерных фактов. В одном лишь небольшом городе Вязьме по приказанию начальника гестапо было замучено и убито несколько тысяч мирных советских граждан. Фашистские изверги не только убивали свои жертвы, но и заставляли их самих предварительно рыть себе могилы.

В деревне Зайчики, Смоленской области, гестаповцы согнали в один дом 23 стариков, женщин и детей, подожгли дом и сожгли живыми всех находившихся в нем.

В рижских психиатрических больницах гестаповцы уничтожили всех находившихся там душевнобольных.

Как можно видеть из Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Ровно и Ровенской области, гестаповцы практиковали массовые убийства людей в ответ на каждый акт сопротивления немецким захватчикам. Когда в ноябре 1943 года в Ровно был убит неизвестным лицом немецкий судья, гестаповцы расстреляли свыше 350 заключенных, содержавшихся в Ровенской тюрьме.

О применении гестаповцами для истребления советских граждан «душегубок» известно из Сообщений Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. В городе Краснодаре и Краснодарском крае гестаповцы, действовавшие в составе оперативных групп, истребили посредством отравления окисью углерода свыше 6700 советских граждан, в том числе женщин, стариков и детей, находившихся на излечении в больнице Красно-

дара, а также арестованных, содержавшихся в тюрьме гестапо. На окраине Краснодара в большом противотанковом рву было закопано несколько тысяч трупов советских граждан, отравленных газом и сброшенных туда гестаповцами.

В Ставропольском крае было умерщвлено путем отравления газом в «душегубках» 54 тяжело больных детей, находившихся на излечении в санаториях курорта Теберда, а также 660 больных Ставропольской психиатрической больницы.

О том, какого рода истязания применялись гестаповцами, можно составить себе представление по показаниям гражданина Ковальчука из Ставропольского края. Гестаповцы допрашивали только ночью. Для допроса вызывали в отдельную камеру, где были устроены специальные приспособления для пыток, в том числе цепи с поручнями для закрепления рук и ног, прикрепленные к цементному полу. Арестованного предварительно раздевали догола, клали на пол, руки и ноги заковывали в цепи, а затем избивали резиновыми палками. Иногда на спину жертвы клали доску и сверху этой доски тяжелыми гирями наносили резкие удары.

Камера пыток была устроена таким образом, что, когда арестованного пытали, остальные арестованные, сидевшие в соседней камере в ожидании расправы, могли наблюдать за пытками и истязаниями. После пыток заключенного, потерявшего сознание, современные инквизиторы бросали в сторону, а следующую жертву волокли в камеру в большинстве случаев уже в полусознательном состоянии.

Неслыханные истязания при допросе допускались гестаповцами даже в отношении женщин.

Я привел только один пример. Такие истязания при допросах чрезвычайно широко применялись на оккупированных территориях СССР.

Применение средневековых пыток при допросе имело место на основании специальных приказов главного управления имперской безопасности и начальника гестапо Мюллера. В одном из этих совершенно секретных приказов начальство поучает подчиненных: «Третья степень может состоять из следующих элементов: очень простая диета (хлеб и вода), жесткая койка, темная камера, лишение сна, истощающая муштра, розги».

Неслыханным издевательствам и преследованиям подвергалась со стороны гестаповцев также интеллигенция, в том числе видные деятели науки и искусства, находившиеся на временно захваченной немцами советской территории. Преследование представителей интеллигенции со стороны гестаповцев проводилось по заранее разработанному плану. Например, еще до захвата немецкими войсками города Львова отряды гестаповцев имели списки виднейших представителей львовской интеллигенции, предназначенных к уничтожению. Тотчас же после занятия немцами Львова начались массовые аресты и расстрелы профессоров, вра-

чей, юристов, писателей и артистов. Не считаясь с человеческим достоинством своих жертв, гестаповцы прибегали к самым изощренным истязаниям арестованных ученых, а затем расстреливали их.

Произведенным после освобождения Львова частями Красной Армии от немецких оккупантов расследованием было установлено, что немцы убили свыше 70 виднейших деятелей науки, техники и искусства, трупы которых гестаповцы сожгли. Боясь ответственности, фашистские шакалы тщетно пытались скрыть факты истребления львовской интеллигенции,

Гестапо участвовало также и в истязаниях и убийствах военнопленных.

На судебном следствии была оглашена директива четвертого управления РСХА от 17 июня 1941 г. о действиях отрядов полиции безопасности и СД в лагерях для военнопленных. Вы имели возможность также познакомиться с директивой Мюллера от 9 ноября 1941 г. всем органам гестапо о выбрасывании трупов умерших по пути следования к месту казни военнопленных.

В распоряжении Трибунала находится письменное показание бывшего работника гестапо Курта Линдорфа о казнях советских политических комиссаров и военнослужащих евреев, а также приказ начальника полиции безопасности и СД местным органам гестапо о направлении некоторых категорий бежавших из лагерей военнопленных офицеров в концлагерь Маутхаузен для проведения мероприятия «Кугель» («Пуля»).

Суду известен приказ командования 6-м военным округом от 27 июля 1944 г. о том, что захваченные бежавшие военнопленные лишаются своих прав и передаются в распоряжение органов гестапо, а также приказ Кейтеля от 4 августа 1942 г. для вооруженных сил, в котором говорилось, что принятие мер против отдельных парашютистов и групп парашютистов относится к компетенции органов СД и гестапо.

Органы гестапо оказывали активное содействие угону в немецкое рабство десятков тысяч мирных граждан временно оккупированных Германией территорий, осуществляли жестокие репрессивные меры в отношении этих людей по прибытии их в Германию. Так, 16 декабря 1942 г. начальник гестапо Мюллер в телеграмме сообщал, что гестапо может арестовать около 45 тысяч евреев для пополнения рабочей силы в концлагерях. В директиве от 17 декабря 1942 г. Мюллер писал об этом в отношении 35 тысяч евреев. В секретном приказе от 18 июля 1941 г. Мюллер инструктировал органы гестапо о необходимых мерах к предотвращению волнений среди иностранных рабочих.

Особенно ужасна преступная деятельность гестапо в истреблении евреев. Из аффидевита Вильгельма Гетля от 7 ноября 1945 г. устанавливается, что гестапо истреблено около 6 миллионов евреев.

В Сообщениях Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию немецко-фашистских зверств на территории СССР и в других документах приводятся многочисленные факты истязаний, всякого рода надругательств и массовых убийств гестаповцами евреев.

Судебное следствие полностью подтвердило предъявленное обвинение о преступной деятельности гестапо.

Как орган массового кровавого террора гестапо является и должно быть признано преступной организацией.

СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ — СД

Служба безопасности обычно обозначалась в официальных полицейских документах гитлеровцев условным наименованием СД. Она возникла как глубоко законспирированная шпионская партийно-эсэсовская организация германского фашизма. Организатором СД был Гиммлер.

СД была тем тайным аппаратом системы СС, который после захвата власти гитлеровцами наиболее быстро сросся с полицейскими органами, поставил на руководящие посты в тайной полиции кадры, созданные в системе СД и охранных отрядах, играя, как до момента организации РСХА — главного имперского управления безопасности, так и после этого решающую роль в системе политического осведомления и превентивного уничтожения нежелательных гитлеровцам элементов.

СД стояла наиболее близко к центральному штабу преступных гитлеровских заговорщиков — руководству гитлеровской партии. Поэтому именно СД наиболее активно участвовала в разработке тех полицейских мероприятий, которые неизменно сопутствовали всем планам гитлеровской агрессии.

СД, как будет показано ниже, создала первые эйнзатцгруппы, возглавила эти разбойничьи организации германского фашизма, организационно подготовила те злодеяния, которые были совершены впоследствии на оккупированных территориях Польши, Югославии, Советского Союза и других государств.

Пытаясь освободить эту преступную организацию от ответственности, защита начала спор о значении самого термина «СД». Мы понимаем, зачем поднимает защита этот «терминологический спор». Он нужен ей затем, чтобы попытаться поддержать версию Кальтенбруннера о СД как о строго ограниченной в своих функциях «внутригерманской службе информации», чуждой каким бы то ни было полицейским функциям.

Этот спор защита возбудила для того, чтобы, признав лишь наиболее видимую часть преступной деятельности СД, скрыть тягчайшие преступления, совершавшиеся этой верхушкой полицейско-эсэсовского аппарата.

Между тем фактически СД являлась широко разветвленной шпионской организацией германского фашизма, активно способствовавшей осуществлению преступных пла-

нов агрессии, оперировавшей как в пределах самой Германии, так и на оккупированных территориях и за рубежом.

Кадры СД наряду с гестаповцами составляли основной руководящий костяк эйнзатцгрупп, причем сотрудникам СД в руководстве эйнзатцгруппами всегда принадлежала ведущая роль. Выполняемые СД задачи могут быть подразделены на:

1) общую информацию, охватывающую буквально все, как указывалось в официальных документах СД, «жизненные области» фашистского «рейха», все правительственные учреждения и общественные круги фашистской Германии;

2) специальные задания, связанные с разработкой особых картотек и списков (преимущественно по странам, в которые готовилось вторжение). В эти картотеки и списки заносились имена лиц, которых необходимо было подвергнуть «особому режиму» — физически уничтожить или заключить в концлагеря;

3) укомплектование состава специальных преступных организаций, непосредственно осуществлявших планы гитлеровцев по уничтожению нежелательных им политических элементов и интеллигенции на оккупированных территориях и проводивших зверские «экзекуции» и «акции».

Весь состав СД состоял из эсэсовцев. Это и понятно, так как СД была дочерней организацией СС и до последнего момента называлась СД при рейхсфюрере СС.

В широко разветвленную систему СД входили: третье управление РСХА (Амт-III — внутренняя политическая разведка, а также политическая разведка на оккупированных территориях), шестое управление РСХА (Амт-VI — служба заграничной разведки, возглавленная одним из ближайших приближенных Гиммлера — Вальтером Шелленбергом, показания которого хорошо известны Суду) и седьмое управление (Амт-VII), которое иногда называли «отделением идеологической войны», включавшее, кроме того, ряд весьма важных вспомогательных учреждений, составлявших аналитический аппарат заграничной и внутренней разведки СД.

Для опровержения положений, выставленных защитой, я хотел бы обратиться к одному из документов, характеризующих истинное положение СД в системе полицейского и эсэсовского аппарата гитлеровской Германии.

Я говорю о документе, озаглавленном «Использование СД в случае Чехословакия». Документ имеет гриф «Секретно. Государственной важности» и датирован июнем 1938 года, то есть более чем за девять месяцев до захвата Чехословакии. Он был захвачен Красной Армией в берлинских архивах СД и представлен Трибуналу советским обвинением.

Содержание этого документа не оставляет никаких сомнений, во-первых, в том, что СД активно участвовала в разработке и осуществлении планов преступной гитлеровской агрессии, и, во-вторых, в том, что именно СД явилась инициатором и организатором эйнзатцгрупп.

Привожу некоторые извлечения из этого документа. Там сказано: «На случай соединения Германской империи и Чехословакии СД должна подготовиться к развертыванию своей деятельности. СД следует, если возможно, непосредственно за вступающими частями и принимает на себя — аналогично своим задачам в Германии — обязанности по обеспечению безопасности политической жизни и вместе с тем, по возможности, обеспечение безопасности всех предприятий, имеющих значение для народного хозяйства и, стало быть, для военного хозяйства».

Вся территория Чехословакии в соответствии с территориальной структурой СД в самой Германии заранее разделялась на крупные (оберабшнитты) и мелкие (унтерабшнитты) территориальные единицы, для каждой из которых подготовлялись и комплектовались особые эйнзатцгруппы и эйнзатцкоманды. В тексте документа можно прочесть о том, что была запланирована организация оберабшниттов Прага, Богемия, Моравия, Силезия, Баагталь и др.

Укомплектование эйнзатцгрупп и эйнзатцкоманд целиком относилось к компетенции СД. В тексте документа по этому поводу сказано:

«Укомплектование штатов органов СД должно произойти с учетом следующих требований:

1) требований самой СД,

2) требований экономического порядка».

Была разработана целая программа подготовки агентов эйнзатцкоманд из внештатных сотрудников и судетских немцев. Предусматривалось также использование «подходящих лиц» немецкого происхождения, проживающих в Чехословакии, причем специально отмечалось: «...Следует иметь в виду, что, несмотря на все меры предосторожности, много таких лиц в нашем распоряжении не окажется, так как при известных условиях значительное число их будет арестовано, увезено или убито».

Подготовленные на территории Германии эйнзатцгруппы должны были быть сконцентрированы у германо-чешской границы для того, чтобы одновременно со вторжением войск двинуться на территорию Чехословакии. В тексте документа по этому поводу говорится:

«Как только какой-либо округ освобождается от противника, то есть оккупирован, в окружное управление тотчас же направляются предназначенные для этого группы, следуя за вступающими войсковыми частями. Одновременно двигаются и определенные группы, предназначенные для последующих освобождаемых от противника областей».

Для опровержения утверждений защиты о взаимоотношениях СД и гестапо значительный интерес представляет пятый раздел документа, специально посвященный разграничению сферы деятельности СД и гестапо. Там сказано:

«Мероприятия в Германии проводятся под руководством гестапо. СД содействует ему. Мероприятия в оккупированных областях проводятся под руководством старшего

фюрера СД. Отдельным оперативным штабам приданы чиновники гестапо».

Таким образом, не подлежит никакому сомнению, что именно сотрудникам СД принадлежала ведущая роль в действиях эйнзатцкоманд на территории Чехословакии. Они должны были возглавить эйнзатцкоманды, непосредственно осуществляя задания рейхсфюрера СС по уничтожению чешских патриотов, истреблению интеллигенции, подавлению национально-освободительного движения в оккупированной стране.

Заслуживает особого внимания то, что для этого выделенные в эйнзатцгруппы чиновники СД должны были установить, как видно из параграфа 7 документа, связь с соединениями войск СС или эсэсовским соединением особого назначения «Мертвая голова».

Перед вторжением на территорию Чехословакии сформированные СД эйнзатцкоманды должны были провести в Германии подготовительную преступную работу. Она заключалась в создании так называемой «М-картотеки». Эта картотека составлялась в двух экземплярах для каждого округа. В нее заносились все лица, которые по тем или иным соображениям должны были быть устранены. Вопрос о жизни и смерти людей решался простой отметкой на карточке, сделанной референтом СД. В цитируемом мною документе по этому поводу сказано:

«с) Карточки должны иметь пометки референтов, как, например:

арестовать	наблюдать
ликвидировать	конфисковать
отстранить от службы	полицейский надзор

лишение паспорта и т. п.»

Составление картотек и всякого рода справочных изданий, в которые заносились имена подлежащих физическому уничтожению людей, захваченных на временно оккупированных немцами территориях, вообще относилось к числу неотъемлемых функций СД. Непосредственно физическое уничтожение осуществлялось затем гестапо или специальными отрядами эсэсовцев, зондеркомандами или полицией порядка.

Готовя нападение на Советский Союз, сотрудники СД также тщательно разработали целую серию справочных изданий и розыскных списков, в которые были занесены представители советской интеллигенции и политические деятели, подлежавшие уничтожению согласно зверским директивам гитлеровских преступников.

В приложении № 2 к оперативному приказу № 8 начальника полиции безопасности и СД, датированному 17 июля 1941 г., сказано о том, что задолго до начала войны с Советским Союзом служба безопасности составила «германскую розыскную книгу», «списки по выявлению местопре-

бывания», «особую розыскную книгу СССР», в которую заносились «советские русские, которых следует считать опасными».

Из тех же гейдриховских директив мы знаем о том, как намеревались поступить гитлеровские преступники с этими «опасными советскими русскими». Все они без приговоров судов на основании приказов главного управления имперской безопасности от 17 июля и 29 октября 1941 г. должны были быть уничтожены зондеркомандами.

Такая же преступная работа была проведена СД перед началом вторжения в Югославию. Советским обвинением была предъявлена Трибуналу «розыскная книга», составленная относящимся к СД так называемым немецким балканским институтом «Зюд-Ост дейтше институт». Эта книга включала свыше 4 тысяч имен югославских граждан, которые при нападении на Югославию должны были быть немедленно арестованы. Составленная СД книга была передана исполнительной полиции, то есть гестапо, которая и должна была непосредственно осуществить аресты.

Книга была обнаружена в регистратуре гестапо в Мариборе, причем имела следующий гриф, сделанный сотрудниками СД: «Поименованных в тексте лиц нужно арестовать, немедленно известив РСХА об исполнении задания».

Этот институт СД вел специальную подрывную работу, готовя в Югославии агентов пятой колонны. Сотрудник СД, доцент университета в Граце Герман Иблер составил по этому поводу специальную работу, озаглавленную «Дес рейхес зюд-гренце», снабженную грифом «строго секретно» и содержащую список агентов пятой колонны в Югославии.

Именно СД осуществляла политические провокации за границей. Это вынужден был признать при допросе его представителем советского обвинения бывший начальник полиции безопасности и СД Кальтенбруннер. Даже он не мог отрицать свою подпись под письмом к Риббентропу по поводу ассигнования министерством иностранных дел одного миллиона туманов на подкупы выборов в Иране.

Сотрудники СД прекрасно понимали, какая роль отводится им на оккупированных территориях в осуществлении изуверских планов гитлеровцев и физическом уничтожении порабощенных народов. С этой точки зрения характерен предъявленный советским обвинением трофейный немецкий документ, захваченный войсками польской армии в СД-блокштелле в Могильно (Польша).

Некий начальник блокштелле гауптштурмфюрер СС в этом письме, адресованном осведомителям СД, доводит до их сведения речь Гиммлера от 15 марта 1940 г., в которой тот требовал от комендантов концлагерей, размещенных в Польше, чтобы они сначала использовали квалифицированных польских рабочих в системе военной промышленности концлагерей, а затем истребили всех поляков. Гауптштурмфюрер СС из Могильно поэтому требовал, в свою очередь,

от всех «доверенных лиц» — осведомителей СД составления поименных списков поляков, кажущихся им опасными, с целью последующего физического истребления этих лиц.

СД являлась одним из важнейших звеньев изуверской эсэсовско-полицейской машины германского фашизма. Это был аппарат сыска и осведомления, простирающийся над всей территорией как «старого рейха», так и всех временно оккупированных районов и стран. В определенные моменты именно сотрудники СД возглавляли наиболее жестокие полицейские мероприятия гитлеровцев.

Поэтому советское обвинение, опираясь на бесспорные доказательства, считает, что преступной должна быть признана вся система СД.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ И ВЕРХОВНОЕ ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

В ходе настоящего судебного процесса со стороны некоторых подсудимых, защитников и свидетелей защиты из числа генералов гитлеровской Германии делались неоднократные попытки представить германское военное командование и генеральный штаб как органы, руководствовавшиеся в своей деятельности основным и единственным принципом — «выполнение солдатского долга».

Высшие германские военные органы были будто бы далеки от преступной политики гитлеровского правительства, не участвовали в решении политических вопросов, а ограничивали свою деятельность исключительно выполнением приказов верховного главнокомандующего в области сугубо военных мероприятий.

Высказывалось мнение о том, что германский генеральный штаб при существовавшей в гитлеровской Германии структуре военного аппарата представлял собой не более, не менее, как подсобный, технический орган.

Наконец, делались неоднократные попытки, и это вполне понятно, всеми способами отгородить военное командование от деятельности немецких полицейских органов и СС.

Всякому, кто сколько-нибудь следил за политическим развитием Европы после первой мировой войны, хорошо известно, что офицеры и генералы кайзера сразу же обнаружили готовность повторить проигранную игру. Обвиняя в военном разгроме Германии кого угодно, только не себя, они создавали нелегальные военные организации, лелеяли мечту о реванше и готовы были продать свою честь и шпагу любому политическому проходимцу, который не постесняется затеять новую мировую бойню. В духе этих «традиций» воспитывалось и новое поколение офицеров. И не случайно их будущий вождь Адольф Гитлер из небытия появился на политической арене при прямой моральной и финансовой поддержке рейхсвера. Они, за малым исключением, с энтузиазмом пошли за этим авантюристом, когда он, захватив власть, немедленно приступил к вооружению Германии.

Чванливые прусские генералы преклонились перед ефрейтором Гитлером, ибо они понимали: Гитлер — это война.

Позорная история гитлеровской военщины позорно и завершилась.

Фельдмаршалы Браухич, Мильх, Манштейн и другие пришли сюда под охраной солдат союзной армии, чтобы лжесвидетельствовать по собственному делу перед лицом Международного военного трибунала.

Нам довелось увидеть странное превращение. Волки стали овцами. Не знаю, на каких наивных людей рассчитывал, например, Браухич, представляя себя убежденным пацифистом. Ведь если ему поверить, он, будучи главнокомандующим сухопутными силами, ничего не знал о планах агрессии, о подготовке военного вторжения в Австрию и Чехословакию и постоянно, назойливо уговаривал Гитлера не воевать. Такой неуклюжей защитой можно ввести в заблуждение только самого себя.

Я позволю себе вкратце остановиться на доказательствах, опровергающих ухищрения и уловки защиты, которые преследуют единственную цель замаскировать и преуменьшить масштабы и характер преступной деятельности германских руководящих военных органов.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Из представленных Трибуналу доказательств с несомненностью вытекает, что генеральный штаб и верховное главнокомандование вооруженных сил в полной мере были осведомлены о преступных планах агрессии гитлеровского правительства, разделяли эти планы и активно участвовали в их разработке и осуществлении.

Агрессивные и человеконенавистнические планы гитлеровских заговорщиков стали известны в Германии каждому немцу уже со времени появления на свет «Майн кампф», они широко пропагандировались и распространялись изо дня в день, из месяца в месяц. Эти планы с самого начала получили признание со стороны военных руководителей Германии, которые впоследствии отдали свой военный опыт и знания на службу гитлеровскому государству.

Я, однако, не намерен углубляться в историю гитлеровского государства и его военной машины для того, чтобы устанавливать сейчас, когда и при каких условиях возникла и зародилась преступная деятельность германских руководящих военных кругов. Я хочу только напомнить о некоторых важнейших доказательствах, относящихся уже к периоду начала войны.

Еще 23 мая 1939 г. на совещании в новой имперской канцелярии с высшими военачальниками Гитлер заявил:

«Речь идет не о Данциге. Речь идет для нас о расширении жизненного пространства на восток.

Таким образом отпадает вопрос о том, чтобы пощадить Польшу, и остается решение напасть на Польшу при первой возможности».

Развивая в присутствии высших германских офицеров и генералов свои политические и военные планы, Гитлер на совещании 22 августа 1939 г. в Оберзальцберге говорил:

«На первом плане — уничтожение Польши... Если и на Западе разразится война, на первом плане остается уничтожение Польши... Для пропаганды я дам повод к развязыванию войны, безразлично, будет он правдоподобным или нет».

На совещании главнокомандующих 23 ноября 1939 г. Гитлер говорил своим ближайшим военным советникам:

«В основном же я не для того возродил вооруженные силы, чтобы они бездействовали. Решение действовать всегда жило во мне. Раньше или позже я хотел разрешить проблему. Вынужденно получалось так, что Восток на ближайшее время выпал».

Это ли не свидетельство того, что Гитлер не делал из своих преступных планов секрета для высших военных руководителей гитлеровской Германии?

Еще более убедительными в этом смысле являются военно-оперативные документы германского командования, в которых в циничной форме излагаются преступные агрессивные цели гитлеровского правительства.

В директиве Гитлера от 30 мая 1938 г. о реализации «плана Грюн», предусматривавшего захват Чехословакии, указывалось:

«Моим непоколебимым решением является то, что Чехословакия в ближайшем будущем должна быть разбита в результате одного военного акта.

Самым благоприятным в военном и политическом отношении моментом является молниеносный удар на почве какого-нибудь инцидента, которым Германия будет спровоцирована в самой резкой форме и который морально оправдает военные мероприятия в глазах хотя бы части мировой общественности».

Или директива от 27 марта 1941 г. о захвате Югославии, которой предусматривалось:

«Даже в том случае, если Югославия заявит о своей лояльности, ее следует рассматривать как врага, и вследствие этого разгромить так скоро, как это будет возможно».

Своего апогея эта циничная откровенность достигла в немецких военно-оперативных документах, касающихся подготовки нападения на СССР.

В инструкциях ОКВ об особых областях от 13 марта 1941 г., то есть еще задолго до нападения на СССР, прямо указывалось:

«Захватываемые во время операции русские области, как только это позволит ход военных действий, должны превращаться, в соответствии со специальными инструкциями, в государства с собственными правительствами».

В «Указаниях о применении пропаганды в районе "Барбаросса"», изданных ОКВ в июне 1941 года, предусматривалось, что «пока не следует вести пропаганды, направленной на расчленение Советского Союза».

Наконец, документ № 21 от 18 декабря 1940 г., зашифрованный под названием «план Барбаросса», гласил:

«Конечной целью операции является отгородиться от азиатской России по общей линии Архангельск — Волга».

Бывший генерал-фельдмаршал германской армии Фридрих Паулюс дал здесь, в Суде, исчерпывающее объяснение этой «конечной цели», которую преследовала гитлеровская Германия в войне против Советского Союза и которая была известна всему руководящему составу германских вооруженных сил.

Об этом с не меньшей убедительностью свидетельствует оглашенный здесь, в Суде, моим американским коллегой приказ бывшего командующего 11-й германской армией генерал-фельдмаршала фон Манштейна, в котором он, излагая политические цели войны против Советского Союза в духе указаний Гитлера, недвусмысленно оповещает своих подчиненных о том, что задача нападения на Советский Союз состоит в уничтожении существующей в нем политической системы государственного руководства.

Странно звучат после всего этого слова гитлеровского генерала фон Манштейна о том, что он был только солдатом, не осведомленным в политике гитлеровского правительства.

Этот приказ показывает не только осведомленность генералов о политических целях войны, но и полное одобрение этих целей. Да иначе не могло и быть. Что мог бы сделать Гитлер и его клика, если бы военные специалисты, генералитет немецкой армии не одобряли его планов.

НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ УЧАСТИЕ ГЕРМАНСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ МИРА

В гитлеровской Германии действительно существовала специфическая структура военного аппарата. Наряду с ОКВ действовал генеральный штаб сухопутных войск, а также штабы военно-воздушных и военно-морских сил.

Штабы отдельных родов войск разрабатывали каждый в сфере своей компетенции соответствующие части общих агрессивных планов гитлеровской Германии, а ОКВ координировал и объединял эту деятельность отдельных родов войск.

Поскольку решающая роль в осуществлении агрессивных планов возлагалась на сухопутные войска с их многочисленными и мощными танковыми силами, главенствующее место в подготовке агрессивных мероприятий гитлеровского правительства, естественно, занимал германский генеральный штаб.

Таким образом, существовавшая в гитлеровской Германии структура военного аппарата ни в коей мере не исключала, а, наоборот, предполагала самую активную роль генерального штаба в разработке, подготовке и осуществлении преступных и агрессивных планов гитлеровского правительства.

Для характеристики практической роли германского генерального штаба в разработке и подготовке агрессивных планов гитлеровской Германии я сошлюсь на некоторые факты.

Я напомню вам, господа судьи, заявление бывшего генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса, подтвержденное им здесь в Суде. Паулюс сообщил:

«При моем поступлении на службу в ОКХ 2 сентября 1940 г. я, среди прочих планировок, застал там еще незаконченный предварительный план нападения на СССР, известный под условным названием "Барбаросса"...

Начатая в августе 1940 года разработка предварительного "плана Барбаросса" закончилась проведением двух военных игр под моим руководством в главной квартире ОКХ в Цоссене... Результат игр, принятый за основу при разработке директив по стратегическому развертыванию сил "Барбаросса", показал, что предусмотренная диспозиция на линии Астрахань — Архангельск... должна была бы привести к полному поражению Советского государства».

Разве кому-нибудь может быть теперь не ясно, что германский генеральный штаб являлся, наряду с ОКВ, создателем преступного «плана Барбаросса»?!

Не менее активная роль принадлежала германскому генеральному штабу в подготовке других агрессивных планов гитлеровской Германии.

Бывший германский генерал, заместитель подсудимого Иодля, Вальтер Варлимонт в показаниях от 13 ноября 1945 г. сообщил:

«Это указание (вариант "Барбаросса") появилось на свет точно таким же образом, как и другие подобные указания. Вначале следовал доклад главнокомандующего сухопутными силами у Гитлера об оперативных планах».

Не может вызвать никаких сомнений то, что в разработке преступных агрессивных планов германскому генеральному штабу, наряду с ОКВ, принадлежала решающая роль.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Германские вооруженные силы и их военачальники совершали, самостоятельно или во взаимодействии с германскими полицейскими органами, бесчисленные злодеяния на оккупированных территориях.

Простое перечисление документальных доказательств, разоблачающих злодеяния, совершенные немецко-фашистскими захватчиками на оккупированных территориях, заняло бы слишком много времени.

Поэтому я сошлюсь лишь на отдельные доказательства, подтверждающие, что военные преступления и преступления против человечности совершались немецкими вооруженными силами планомерно, в массовых масштабах; были заранее организованы и в них участвовали все звенья германской военной машины — от фельдмаршала до солдата.

Достаточно вспомнить распоряжение подсудимого Кейтеля от 13 мая 1941 г. «О применении военной подсудности в районе "Барбаросса" и об особых мероприятиях войск», которым предписывалось применение «самых крайних мер», для чего германским офицерам предоставлялось право расстрела без суда, и которым устанавливалась безнаказанность немецких военнослужащих за преступления, совершенные в отношении мирного населения.

Или распоряжение того же подсудимого Кейтеля от 16 сентября 1941 г., которым он предписывал германским войскам «иметь в виду, что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит и что устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычной жестокости».

Можно также указать на приказы ОКВ об уничтожении советских военнопленных комиссаров, о клеймении советских военнопленных, приказы подсудимого Геринга об уничтожении взятых в плен летчиков союзных армий, о разграблении оккупированных территорий и угоне мирного населения в Германию на принудительный труд, приказ подсудимого Деница, запрещающий спасать людей с тонущих кораблей, приказ бывшего генерал-фельдмаршала Рейхенау «О поведении войск на Востоке» и многие другие.

Все они приобрели теперь уже нарицательный смысл. Эти преступные приказы не оставались приказами на бумаге, как это пытались представить здесь некоторые свидетели вроде фон Браухича или фон Манштейна. Они с немецкой пунктуальностью претворялись в жизнь.

Трибунал выслушал показание свидетеля, бывшего генерал-майора медицинской службы германской армии Вальтера Шрайбера, который, являясь ученым-бактериологом, рассказал о плане гитлеровских заговорщиков использовать в войне в качестве оружия смертоносные бациллы чумы. Он сообщил, как зарождалось и осуществлялось это преступление, вдохновителями которого были германское верховное командование и германский генеральный штаб, подсудимые Герман Геринг и Вильгельм Кейтель. Только выход наступающих частей Красной Армии к границам Германии сорвал этот преступный план гитлеровской военной клики, осуществление которого угрожало новыми страшными бедствиями, опустошением всей Европы.

Гитлеровское тотальное государство широко использовало взаимодействие отдельных своих звеньев. И не случайно при этом особое внимание было уделено обеспечению взаимодействия военного аппарата в гитлеровской Германии с другими немецкими государственными органами.

ОКВ было представлено во многих германских министерствах так называемыми офицерами связи, в то же время многие министерства имели своих представителей в ОКВ.

Особенно широко подобное взаимодействие было использовано в деятельности немецких военных и гражданских властей на оккупированных территориях.

Но если гитлеровские военачальники под давлением улик вынуждены признавать свои связи, например, с министерством иностранных дел или министерством восточных оккупированных территорий, то они наотрез отказываются признавать свои связи с германской государственной полицией и СС. И это понятно. Одно наличие подобной связи само по себе разоблачило бы их участие в многочисленных злодеяниях на оккупированных территориях.

Поэтому я считаю себя обязанным доказать существование преступной связи между германским военным командованием и германской государственной тайной полицией и другими полицейскими органами.

Возникновение этой связи относится к периоду еще задолго до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз.

Инструкцией об особых областях, изданной ОКВ 13 марта 1941 г. и подписанной подсудимым Кейтелем, предусматривалась необходимость согласования действий на оккупированных территориях между рейхсфюрером СС и командованием армии.

Свидетели Вальтер Шелленберг и Отто Олендорф, бывшие руководители германского имперского управления безопасности, в своих показаниях на Суде сообщили, что еще в мае 1941 года во исполнение указаний ОКВ представителем ОКХ генерал-квартирмейстером Вагнером и начальником полиции безопасности и СД Гейдрихом было заключено соглашение, предусматривавшее организацию и порядок деятельности в составе германских вооруженных сил специальных оперативных групп полиции безопасности и СД. Во время перекрестного допроса на Суде свидетеля фон Браухича он подтвердил, что был осведомлен о соответствующих переговорах между Вагнером и Гейдрихом.

Наличие и характер деятельности оперативных групп полиции безопасности и СД в составе германских вооруженных сил подтверждаются рядом документальных доказательств.

В отчете оперативной группы «А» полиции безопасности и СД по состоянию на 15 октября 1941 г. указывалось:

«В наши задачи входило установить личный контакт с командующими и начальником тыла. Нужно отметить, что отношения с армией сложились самые лучшие; в некоторых случаях близкие, почти сердечные, как, например, с командующим танковой группой генерал-полковником Геппнером». И далее:

«С самого начала наступления на Восток стало ясно, что специальная работа полиции безопасности должна распространяться не только на район тыла, но и на район главных действий».

Из письма генерального комиссара Белоруссии палача Кубе от 1 ноября 1941 г., в котором даже он выражает возмущение преступными действиями полицейских органов в городе Слуцке, видно, что 11-й полицейский батальон, проводивший массовые расстрелы евреев в этом городе, нахо-

дился "в непосредственном подчинении военного командования».

И от приказов Геринга, Деница, Иодля, Кейтеля, от преступного соглашения Вагнера и Гейдриха, от приказов Рейхенау и Манштейна проложен кровавый след к бесчисленным злодеяниям немецких войск и оперативных групп полиции безопасности на оккупированных территориях.

Кровью миллионов невинных жертв обагрены не только руки немецкого солдата Книттеля и обер-ефрейтора Курта, но и руки фельдмаршалов немецкой армии.

Гитлеровская военная машина, возглавленная верховным главнокомандованием вооруженными силами и германским генеральным штабом, являлась решающей силой, с помощью которой замышлялись и осуществлялись все преступные агрессивные планы гитлеровского правительства, все военные преступления и преступления против человечности.

Германское верховное командование и германский генеральный штаб являлись, таким образом, одной из важнейших организаций по осуществлению преступного заговора гитлеровской клики, а высшие военачальники германских вооруженных сил — активными участниками этого заговора.

В результате судебного следствия я считаю полностью доказанным преступный характер этой военной организации.

ПРАВИТЕЛЬСТВО (ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ КАБИНЕТ)

Я перехожу к последней из организаций, которой предъявлено обвинение в том, что она является преступной, — к гитлеровскому правительству, к правительственному кабинету, который занимал особо выдающееся место в системе фашистской диктатуры.

Приложение «В» к Обвинительному акту содержит подробный перечень лиц, которые составляли правительство и на которых в силу этого возлагается ответственность за совершенные гитлеровцами преступления, перечисленные в разделах первом, втором, третьем и четвертом Обвинительного акта.

На протяжении девяти месяцев Трибунал рассматривал доказательства чудовищных преступлений нацистов. Мы слушали здесь о преступлениях полиции и вермахта, эсэсовцев и гестапо, имперских наместников и имперских комиссаров оккупированных территорий, различных фюреров и лейтеров. И мы можем со всей категоричностью заявить, что планомерность и однородность преступлений, единство способов и методов их совершения свидетельствуют о том, что эти преступления направлялись и совершались по указаниям единого центра. Нити всех этих многочисленных и многообразных преступлений ведут к банде фашистских заговорщиков — к преступному гитлеровскому правительству.

В этом свете совершенно неубедительными являются заявления защиты и подсудимых о том, что при Гитлере совет министров был только техническим аппаратом, лишенным реальной власти. Действительно министры не толь-

ко сами разрешали отнесенные к их компетенции вопросы, но вместе с тем являлись исполнителями воли Гитлера. Верно и то, что окончательное решение после официальных и неофициальных обсуждений и совещаний принимал Гитлер. Но, наряду с этим нельзя забывать и того факта, что каждый из гитлеровских министров был фюрером в своем ведомстве и своими советами, представляемыми материалами, проектами законов и приказов весьма существенно влиял на принимаемые Гитлером решения в отношении вопросов, затрагивающих деятельность нескольких ведомств. Нельзя также не учитывать, что воля Гитлера полностью соответствовала личным взглядам и убеждениям его министров. Они были нужны Гитлеру в такой же степени, как и Гитлер был нужен им. Геринг, Фрик, Розенберг, Нейрат, Шпеер, Функ и другие немыслимы без Гитлера, равным образом Гитлер немыслим без них. Под руководством Гитлера они активно участвовали в разработке фашистского заговора, и каждый из них в роли, отведенной ему общим преступным планом, определяющим деятельность буквально всех ведомств, сознательно и активно выполнял этот план. Будучи руководителями соответствующих центральных ведомств гитлеровской Германии — финансов, экономики, юстиции, путей сообщения и т. д., — они обладали в период 1933—1945 гг. всей полнотой законодательной, исполнительной, административной и политической власти. И эту власть они использовали на осуществление преступных планов захвата чужих территорий, истребления рас и народов, установления мирового господства. А чтобы облегчить выполнение этих преступных планов, они в первую очередь захватили и драконовскими мерами поддерживали власть над немецким народом и немецким государством.

Волна фашистского террора прокатилась по всей Германии еще до прихода Гитлера к власти и особенно усилилась после того, когда в 1933 году он стал канцлером, а подсудимые Фрик, Папен и Нейрат — министрами имперского правительства. Используя свое пребывание в составе правительства, эти фашистские министры полностью легализовали террор штурмовых отрядов нацистской партии и подготовили последующий захват власти, используя для этого организованный подсудимым Герингом поджог рейхстага.

Немедленно после захвата фашистами власти 24 марта 1933 г. издается закон «О защите народа и государства», которым имперскому правительству, помимо рейхстага, предоставляется право законодательства.

26 мая 1933 г. имперское правительство издает указ о конфискации собственности коммунистических организаций, 1 декабря 1933 г. преступное имперское правительство за подписью Гитлера и подсудимого Фрика публикует закон «Об обеспечении единства партии и государства».

Продолжая ликвидацию демократических институтов, имперское правительство в 1934 году законом «О реконструкции империи» отменяет демократические выборы в

центральные и местные представительные учреждения. Рейхстаг превращается фашистами в учреждение, не имеющее никакого реального значения.

Законом от 7 апреля 1933 г. и другими все государственные служащие, в том числе и судьи, замеченные когда-либо в антифашистских настроениях или в принадлежности к левым организациям, а также евреи были уволены со службы и заменены фашистами. Согласно Основным положениям немецкого закона о чиновниках от 26 января 1937 г., «внутренняя связь чиновника с партией является предпосылкой для его назначения на должность... Чиновник должен быть исполнителем воли национал-социалистского государства, руководимого национал-социалистской партией».

Проведение полной фашизации аппарата государственной власти в Германии позволило гитлеровским заговорщикам использовать его в дальнейшем как послушное орудие для осуществления всех своих преступных планов.

Для внедрения фашистской идеологии и обмана населения Германии гитлеровское правительство проводит ряд мер.

1 мая 1934 г. создается министерство образования, которому поручается воспитание учащихся в духе милитаризма, расовой непримиримости и извращенного фашистскими бредовыми идеями представления о действительности.

Такого рода задачи выполняли также имперский руководитель молодежи и подведомственные ему органы. Отменяется свобода личности, слова и печати. Уничтожаются свободные профсоюзы, собственность их конфискуется, а большинство руководителей заключается в тюрьмы.

Для террористического подавления всякого сопротивления правительство создает гестапо и концентрационные лагеря. Без всякого суда, без предъявления в законном порядке какого-либо конкретного обвинения арестовываются и истребляются сотни тысяч людей по одному подозрению в антифашистских настроениях.

Защита пытается заверить, что члены имперского правительства не участвовали в издании позорных нюрнбергских законов о расовой дискриминации евреев. Между тем нюрнбергские законы содержали специальные поручения двум членам имперского правительства — Гессу и Фрику — разработать и издать дополнительные декреты в развитие этих законов. И эти декреты были изданы Гессом и Фриком.

Тот же Фрик совместно с Функом, действуя по поручению Геринга, издал 3 декабря 1938 г. декреты «О ликвидации еврейской собственности» и ряд других.

В любом государстве правительство несет ответственность за все законы, изданные в период нахождения его у власти.

Трибунал имел возможность подробно рассмотреть всю деятельность гитлеровского правительства, направленную к подготовке и развязыванию агрессии. Мне нет необходимости напоминать о захвате Австрии и Чехословакии в 1938—1939 гг., нападении на Польшу, Югославию, Совет-

ский Союз. Многочисленные документы, представленные Трибуналу, подтверждают, что со стороны гитлеровского правительства было сделано все для удержания в своих руках захваченных территорий Франции, Польши, Чехословакии, Югославии, Норвегии, Голландии, Бельгии и других стран, так же как и части территории СССР. Только мощные удары Советской Армии и армий союзных государств не дали возможности фашистским заговорщикам осуществить эти злодейские планы.

Деятельность гитлеровского правительства привела к войне, унесшей миллионы человеческих жизней и причинившей неисчислимый материальный ущерб и неизмеримые страдания многим народам.

Гитлеровское правительство отвечает также за все военные преступления и преступления против человечности, которые были совершены немецкими войсками и немецкими властями в ходе военных действий. Многочисленные доказательства, прошедшие перед Судом, достаточно ясно показали, что гитлеровская Германия готовилась к ведению войны самым беспощадным путем, с полным пренебрежением к законам и обычаям войны.

Военные преступления и преступления против человечности совершались не только в отношении вооруженных сил, объединившихся против фашистского агрессора свободолюбивых народов, но также и против ни в чем не повинного мирного гражданского населения. Еще до вероломного нападения на Советский Союз правительство гитлеровской Германии тщательно разработало планы чудовищного истребления передовой части советского народа.

Опубликованные в свое время Чрезвычайной Государственной Комиссией сообщения о немецко-фашистских злодеяниях в Новгороде, Ставрополе, Орле, Сталино, Смоленске, Киеве и других городах установили существование продуманной системы преднамеренного массового истребления немецкими оккупантами военнопленных и мирных советских граждан.

Все подсудимые — члены гитлеровского правительства лицемерно утверждали, что о неслыханных зверствах гитлеровцев в концентрационных лагерях, о диком произволе эсэсовцев, о бесчинствах немецких властей на временно оккупированных немцами территориях они якобы узнали только на настоящем процессе. Но эти утверждения явно лживы. Об этих фактах знал в той или иной мере каждый немец. Об этом передавали радиостанции всего мира.

О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных и мирных советских граждан было доведено до сведения всего мира в нотах Народного комиссара иностранных дел СССР от 25 ноября 1941 г. и 27 апреля 1942 г. И несмотря на то, что нарушения самых элементарных требований международного права и человеческой морали, которые допускались немецкой армией и немецкими властями, стали известны имперскому прави-

тельству из названных нот, преступное попрание законов и обычаев войны продолжалось и в 1943—1945 гг. Следовательно, все эти преступления творились с ведома и по прямым указаниям гитлеровского правительства.

Разве Розенберг не получил Служебную записку Ламмерса, в которой указывалось, что в отношении советских военнопленных Женевская конвенция не действует?

Разве не был разослан министрам циркуляр партийной канцелярии за подписью подсудимого Бормана с директивой о жестоком обращении и надругательствах над советскими военнопленными?

Разве министерство внутренних дел, главное имперское управление безопасности, гестапо, тюрьмы и концлагеря не являлись органами германского правительства?

Оно должно в полной мере нести ответственность за совершенные этими фашистскими государственными органами злодеяния.

Члены гитлеровского правительства всячески пытались отгородиться от эсэсовцев и, будучи изобличены, каждый раз придумывали новые версии, одна лживее другой. Розенберг, Нейрат, Фрик, Франк, Риббентроп и прочие министры были генералами СС и СА. И это обстоятельство имело отнюдь не формальное значение, в чем можно убедиться хотя бы из письма подсудимого Риббентропа к Гиммлеру от 22 июля 1940 г., представленного Суду советским обвинением.

Министр Розенберг пытался заверить Суд, что он также не знал о злодейских приказах министра Гиммлера. Но именно Гиммлер, предписывая 7 сентября 1943 г. фюрерам СС и СД проведение совместно с военным командованием тотального разрушения областей Украины, когда он предлагал, чтобы «там не было оставлено ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одной железнодорожной линии, ни одного целого дома, ни одной шахты, которую можно было эксплуатировать в течение ближайших лет, ни одного не отравленного колодца», — специально позаботился о том, чтобы об этом приказе был информирован рейхсминистр по восточным оккупированным территориям Розенберг.

Министр Геринг разослал 8 марта 1940 г. «высшим имперским властям» преступную директиву об «обращении с гражданскими рабочими и работницами польской национальности в империи».

Министр Франк, как он об этом неоднократно отмечал в своем дневнике, получает директивы от Геринга об угоне в немецкое рабство любыми способами сотен тысяч поляков.

Министры Шпеер, Розенберг, Кейтель, Функ, Зейсс-Инкварт и другие изобличены на Суде в даче директив и разработке мероприятий по использованию принудительного труда военнопленных и мирных жителей захваченных немцами территорий.

Не кто другой, как министр Розенберг, одобрил мероприятие армейской группы «Центр» о захвате 40—50 тысяч детей в возрасте от 10 до 14 лет с советской территории и доставке их в Германию.

Разве эти примеры не свидетельствуют о преступлениях гитлеровского правительства?

Документально установлено, что планомерно организованное ограбление захваченных немцами территорий проводилось по официальным директивам и указаниям гитлеровского правительства и отдельных его членов. Директивы министра Геринга о плановом грабеже на оккупированной советской территории (так называемая «Зеленая папка» Геринга), деятельность грабительского «эйнзатцштаба» и «батальона особого назначения», министров Розенберга и Риббентропа по разграблению культурных ценностей и памятников искусства, действия министров Функа и Шпеера — разве не достаточны для вывода об участии гитлеровского правительства в разграблении захваченных немцами территорий?

Имперское правительство Германии отвечает за разграбление государственной, общественной и частной собственности, за разрушение и расхищение культурных ценностей на временно оккупированных гитлеровцами территориях. Только СССР действиями оккупантов причинен материальный ущерб в сумме 679 миллиардов рублей.

Члены имперского правительства несут ответственность за принудительную германизацию захваченных немцами областей. Именно имперские министры Геринг, Фрик, Гесс, Ламмерс подписали указ о включении четырех западных провинций Польши в состав Германии.

Не кто иной, как министр Фрик, инструктируя имперского наместника Райнера, говорил: «...Ваша самая главная задача будет состоять в том, чтобы новые области югославской Каринтии и Верхней Крайны включить полностью в состав Германской империи... Так как без создания стены немецких людей каждое здание управления, как бы оно ни было хорошо, рухнет раньше или позже... ваша задача, партийный товарищ Райнер, состоит в том, чтобы эту область вновь и вполне сделать немецкой».

Достаточно вспомнить соглашение министров Риббентропа и Гиммлера об организации разведывательной службы за границей; соглашение Гиммлера — Бормана с министром юстиции Тираком от 18 сентября 1942 г. об осуществлении особых массовых полицейских мероприятий по уничтожению евреев, цыган, русских, украинцев, поляков, чехов под видом так называемых асоциальных элементов; письмо министра Ламмерса от 4 июня 1944 г. на имя министра Тирака о непривлечении к ответственности виновных в убийстве приземлившихся союзных летчиков; письмо министра Кейтеля министру иностранных дел по вопросу об обращении с союзными летчиками, — чтобы представить себе бандитское правительство.

4 февраля 1938 г. Гитлер создал тайный совет министров, в следующих словах показав его назначение: «Для помощи мне советами по вопросам внешней политики я создаю тайный совет».

Председателем тайного совета Гитлер назначил Нейрата, а членами — Риббентропа, Геринга, Гесса, Геббельса, Ламмерса, Браухича, Редера и Кейтеля.

21 мая 1935 г. Гитлер создал имперский совет обороны. 30 августа 1939 г. Гитлер реорганизует совет по обороне государства в совет министров по обороне Германской империи, назначив председателем этого совета министра Геринга, а членами — Гесса, Фрика, Функа, Кейтеля и Ламмерса.

На заседании от 23 июня 1939 г. председатель этого совета Геринг подчеркнул, что «совет обороны империи является решающей корпорацией в империи по вопросам подготовки к войне» и что «заседания совета обороны созываются для принятия самых важных решений». Не оборона, а нападение, подготовка к агрессивным войнам была задачей этого совета.

В подготовке к войне принимали участие не только члены имперского совета обороны, но и все остальные министры.

Так, на заседании совета от 23 июня 1939 г. принимали участие наряду с Герингом, Функом, Фриком, Гиммлером, Кейтелем и Ламмерсом министры Шверинг фон Крозиг, Дорфмюллер и другие. На этом заседании планировалось использование в военной промышленности не только труда военнопленных и населения захваченных территорий, но и труда заключенных и даже количество заключенных во время войны. В протоколе указывалось:

«Генеральному уполномоченному по экономике (то есть Функу) поручается определить ту работу, которую должны будут выполнять военнопленные, а также лица, остающиеся в тюрьмах, концлагерях и на каторге. По сведениям рейхсфюрера СС, во время войны в концлагерях будет находиться значительно большее количество людей. По предварительным данным, в мастерских внутри концлагерей будет занято 20 тысяч заключенных».

На этом заседании упоминались директивы по сотрудничеству между ОКВ и генеральным уполномоченным по экономике от 3 мая 1939 г. при подготовке предприятий военного хозяйства к войне, обсуждались планы тотальной войны, были заслушаны специальные доклады начальника 5-го отдела генерального штаба полковника Герке и министра путей сообщения Дорфмюллера.

Были ли осведомлены все члены имперского правительства об этих решениях? Безусловно, да, и это видно хотя бы из перечня адресатов, кому был разослан протокол заседания от 23 июня 1939 г. Протокол заседания имперского совета обороны был разослан: заместителю фюрера, начальнику имперской канцелярии, председателю тайного совета министров, уполномоченному по четырехлетнему плану,

министрам иностранных дел, юстиции, внутренних дел, воспитания и народного просвещения, экономики, по делам церкви, питания и сельского хозяйства, труда, финансов, путей сообщения, почт, директорату рейхсбанка и т.д.

Одно то обстоятельство, что большинство членов имперского правительства является подсудимыми на настоящем процессе, предрешает вопрос о характере данной организации.

Я считаю, что виновность германского гитлеровского правительства в тягчайших преступлениях полностью доказана, и оно должно быть признано преступной организацией.

Господа Судьи!

Для осуществления задуманных ими злодеяний главари фашистского заговора создали систему преступных организаций, которой была посвящена моя речь.

Ныне те, кто поставили целью установить господство над миром и истребление народов, с трепетом ждут грядущего приговора Суда. Этот приговор должен настичь не только посаженных на скамью подсудимых авторов кровавых фашистских «идей», главных организаторов преступлений гитлеризма. Ваш приговор должен осудить всю преступную систему германского фашизма, ту сложную, широко разветвленную сеть партийных, правительственных, эсэсовских, военных организаций, которые непосредственно претворяли в жизнь злодейские предначертания главных заговорщиков.

На полях битв человечество уже вынесло свой приговор преступному германскому фашизму.

В огне величайших в истории человечества боев героической Советской Армией и доблестными войсками союзников были не только разгромлены гитлеровские орды, но утверждены высокие и благородные принципы международного сотрудничества, человеческой морали, гуманные правила человеческого общежития.

Обвинение выполнило свой долг перед Высоким Судом, перед светлой памятью невинных жертв, перед совестью народов, перед своей собственной совестью. Да свершится же над фашистскими палачами Суд Народов — Суд справедливый и суровый.

Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. **В 8-ми т.**
Н97 Т. 7. — М., Юрид. лит., 1997. — 736 с.
ISBN 5-7260-0889-8

736

В седьмой том сборника помещены материалы по делу преступных организаций нацистской Германии. В него вошли представленные обвинением доказательства преступности руководства НСДАП, имперского правительства, СА, СС, гестапо, генерального штаба и верховного командования вооруженных сил, а также речи адвокатов и заключительные речи обвинителей.

Для юристов, историков, широкого круга читателей.

Редакторы *Л.А. Могусева, В.В. Титов*
Художник *В.И. Пантелеев*
Художественный редактор *Э.П. Батаева*
Технический редактор *Н.Д. Коваленко*
Компьютерная верстка *А.В. Бухенского, А.Ю.* ***Карелова***
Корректоры *Е.Н. Зоткина, М.В. Косарева*

Лицензия ЛР № 010152 от 30 декабря 1996 г.
Сдано в набор 24.06.97 г. Подписано в печать 3.12.97 г.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Гельветика. Печать офсетная.
Объем: усл. печ. л. 46,0; учет-изд.л.52,17
Тираж 5000 экз. Заказ № 1650

Издательство "Юридическая литература"
Администрации Президента Российской Федерации
121069, Москва, ул. Малая Никитская, д. 14.

Отпечатано в типографии издательства "Дом печати"
432601, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14.